ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ
АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

Изданіе І. Д. ТРАЙЛЯ.

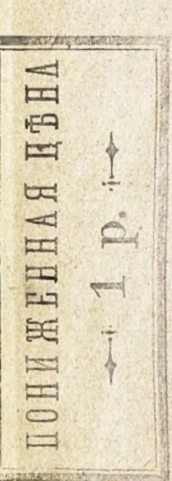
ТОМЪ IV.

От воцаренія Іакова I до смерти Анны.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. НИКОЛАЕВА.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.



Цѣна 2 руб. 50 коп.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1898.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

Изданіе І. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ IV.

Отъ воцаренія Іакова I до смерти Анны.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. Николаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА XIII.

Стюарты и нація. 1603—1642.

ГЛАВА XIV.

Гражданская война и республика 1642—1660.

ГЛАВА XV.

Отъ Реставраціи до Революціи. 1660—1688.

ГЛАВА XVI.

Прекращеніе династіи. 1689—1714.

ГЛАВА XIII.

Стюарты и нація 1603—1642.

Управленіе Стюартовъ.

Гассаля.

Если шестнадцатое столѣтіе можно назвать вѣкомъ распространенія, то семнадцатое столѣтіе столь же основательно можетъ быть названо вѣкомъ концентрированія. Въ царствованіе Елисаветы взоры націи были, такъ сказать, упорно устремлены вовнѣ, практическая энергія ея направлялась на дѣло колонизаціи и завоеванія, а умственная энергія направлялась со славой и успѣшно къ новымъ мірамъ поэзіи и драматическаго искусства. На всякой страницѣ лѣтописей конца царствованія Елисаветы почти на всякой страницѣ литературныхъ произведеній этого времени, мы видимъ присутствіе такого настроенія. Въ теченіе семнадцатаго столѣтія этотъ процессъ пріостановился и извратился; этотъ періодъ былъ періодомъ боязливаго и недовѣрчиваго оглядыванія назадъ, слѣдовавшимъ за періодомъ горячаго и энтузіастическаго стремленія впередъ. Нація не имѣла ни времени, ни охоты заниматься увеличеніемъ государственныхъ владѣній; всѣ усилія ея лучшихъ мыслителей и вся энергія ея дѣловыхъ людей были направлены на рѣшеніе важныхъ вопросовъ внутренней политики.

Вопросы внутренней политики.

Когда Іаковъ Стюартъ, сынъ Маріи, королевы шотландской, наслѣдовалъ на англійскомъ престолѣ Елисаветѣ, важнѣйшими изъ этихъ внутреннихъ вопросовъ были вопросъ о прерогативахъ короны и вопросъ религіозный. Всѣ измѣненія въ шестнадцатомъ вѣкѣ были въ пользу короны. Тюдорамъ были даны громадныя, хотя и временныя, полномочія, чтобы они могли завершить ниспроверженіе средневѣкового дворянства, чтобы они могли вести борьбу съ Ри-

момъ, поддерживать порядокъ внутри государства и отвратить опасность иностраннаго вторженія, Парламентъ при Тюдорахъ игралъ незначительную роль и довольствовался тѣмъ, что давалъ коронѣ новыя полномочія, пока ея представители были, подобно Елисаветѣ, настоящими представителями націи.

Но послѣ пораженія Армады тѣ условія, которыя вызывали диктатуру Тюдоровъ, исчезли. Личное вліяніе Елисаветы и ея предшественниковъ въ сущности основывалось на національномъ одобреніи; послѣ же ея смерти было очевидно, что вопросъ о королевскихъ прерогативахъ потребуетъ серьезнаго обсужденія.

Двѣ теоріи монархической власти.

Уже и раньше теоретики обсуждали вопросъ о верховной государственной власти и при воцареніи Іакова существовали двѣ теоріи королевской власти. Съ одной стороны нѣкоторые принимали теорію о божественномъ правѣ короля, какъ логическое слѣдствіе феодальной идеи о верховной власти, какъ правѣ частной собственности. На основаніи такого взгляда король былъ реальнымъ собственникомъ страны и единственнымъ владыкой надъ королемъ былъ Богъ. Въ связи съ такимъ взглядомъ была идея объ управленіи церкви священниками, получившими свою власть отъ Бога; и положеніе, что «нѣтъ епископа, нѣтъ и короля», было положеніемъ всѣхъ тѣхъ, кто, подобно самому Іакову, твердо держался феодальныхъ представленій о власти. Съ другой стороны судебная и административная власть уже давно находилась въ рукахъ избираемыхъ чиновниковъ и реформація породила идею объ управленіи церкви конгрегаціей. Въ политической и въ религіозной сферахъ развилась идея о представительномъ управленіи. Вмѣсто божественнаго права королевской власти появилось понятіе о конституціонной королевской власти, зависимой отъ воли народа; пуританская партія хотѣла не только быть независимой отъ папы, но и уничтожить все, что напоминало дореформаціонный періодъ—епископовъ, обряды и ритуалъ.

Королевская власть Стюартовъ.

Англія въ началѣ семнадцатаго вѣка была могущественной и объединенной страной. Былъ необходимъ такой король, который умѣлъ бы понять и оцѣнить настоящій характеръ и положеніе монархіи Тюдоровъ и былъ бы способенъ имѣть успокаивающее и умѣряющее вліяніе на борящіяся религіозныя партіи. Къ несчастію, ни Іаковъ, ни Карлъ не удовлетворяли такимъ требованіямъ. Тюдоры благоразумно пользовались своей диктаторской властью. Они не пытались опредѣлять ее, они просто указывали на ея необходимость и вообще пользовались этой властью съ осторожностью. Іаковъ I, напротивъ, пытался опредѣлить королевскую прерогативу. Его законъ свободной монархіи, «Истолкователь» Коуэлля и «Каноны» 1606 года указываютъ на такое стремленіе. Не довольствуясь опредѣленіемъ своей власти, онъ выставлялъ притязаніе на широкія прерогативы по праву. Побуждаемый финансовой нуждой, которая у него была столь же

хронической, какъ и у его предшественниковъ, Іаковъ безъ совѣщанія съ парламентомъ увеличилъ ввозныя пошлины и по дѣлу Бата (1606 года) добился отъ судей рѣшенія, что король можетъ на основаніи его прерогативы увеличивать или измѣнять такіе налоги. Не обращая вниманія на ростущую оппозицію противъ королевской власти, онъ пользовался своими прерогативами для поддержанія епископальной партіи, результатомъ чего было то, что пуритане соединились съ конституціонной оппозиціей, которая уже пользовалась поддержкой судебнаго сословія.

Неспособный понять новое настроеніе націи и убѣжденный въ томъ, что онъ обладаетъ божественнымъ наслѣдственнымъ правомъ, Іаковъ съ самаго начала своего царствованія вступаетъ въ частыя столкновенія съ парламентомъ и вскорѣ уничтожаетъ то взаимное согласіе между правителемъ и управляемыми, которое было самой прочной опорой управленія Тюдоровъ.

Политика Іакова.

Политика Іакова представляла любопытное смѣшеніе здраваго смысла и безумія. Онъ желалъ избѣжать войны и пользоваться дипломатіей; онъ желалъ успокоить католическія европейскія державы, даровавъ терпимость англійскимъ католикамъ; онъ желалъ подавить пуританство и добиться объединенія Великобританіи. Къ несчастію, общее сходство между пуританствомъ и пресвитеріанствомъ онъ принималъ за полное ихъ тождество. Англійскіе пуритане, въ отличіе отъ шотландскихъ пресвитеріанъ, не всѣ стремились къ измѣненіямъ въ церковномъ управленіи. Нѣкоторымъ изъ нихъ просто не нравились суровыя мѣры Елисаветы; они желали только большей свободы. И эти взгляды они выразили въ Millenary Petition (см. ниж.). Конференція въ Гамптонъ Кортѣ давала, повидимому, превосходный поводъ для устройства дѣла. Но Іаковъ не хотѣлъ, а, можетъ быть, и былъ неспособенъ, воспользоваться этимъ поводомъ. Триста священниковъ, по показанію нѣкоторыхъ историковъ, были изгнаны изъ церкви и многіе изъ подданныхъ были раздражены противъ короля съ самаго начала его царствованія. Еще до возшествія на престолъ онъ объявилъ, что желаетъ остановить всякое преслѣдованіе католиковъ. Франція и Испанія искали союза съ нимъ и онъ съ самаго начала желалъ общаго умиротворенія, хотѣлъ войти въ дружескія сношенія съ Испаніей и терпимо относиться къ англійскимъ католикамъ. Въ 1604 году онъ заключилъ съ Испаніей договоръ; но такая попытка удовлетворить естественнымъ своимъ склонностямъ оказалась преждевременной. До 1612 года вліяніе Сесиля, безуміе и дерзость его враговъ, составлявшихъ заговоры для его ниспроверженія и, можетъ быть, для ниспроверженія самого короля, пуританское настроеніе парламента заставили Іакова возстановить уголовные законы противъ католиковъ и вернуться къ протестантской политикѣ. «Пороховой заговоръ» 1605 года оправдалъ положеніе,

занятое парламентомъ, уничтожилъ всякую оппозицію правамъ Іакова и рѣшительно поставилъ его на сторону дѣла европейскаго протестантизма. Англія до смерти Сесиля играла немаловажную роль въ европейской политикѣ. Она помогла заключенію перемирія между Испаніей и Нидерландами въ 1609 году; она энергично дѣйствовала въ пользу Бранденбурга въ вопросѣ о наслѣдствѣ Юлихъ-Клеве; браки принца Генриха съ второй дочерью Генриха IV и принцессы Елисаветы съ Фридрихомъ V, кальвинистомъ, Избирателемъ Палатиномъ, были условлены и Іаковъ вступилъ въ союзъ съ германской протестантской уніей.

Іаковъ и парламентъ.

Хотя вліяніе Сесиля заставило Іакова слѣдовать иностранной политикѣ его предшественницы, что имѣло слѣдствіемъ увеличеніе репутаціи Англіи въ Европѣ, но Сесиль не могъ добиться удовлетворительныхъ отношеній между Іаковомъ и парламентомъ. Первый парламентъ засѣдалъ отъ 1604 до 1611 года и его настроеніе было уже началомъ той оппозиціи управленію Стюартовъ, которая достигла своей высшей точки во время гражданскихъ войнъ. По поводу спорныхъ выборовъ Годвина и Фортескью парламентъ сдѣлалъ важное утвержденіе о своемъ правѣ рѣшенія вопросовъ о спорныхъ выборахъ; а въ дѣлѣ Ширли онъ съ успѣхомъ отстаивалъ право его членовъ на свободу отъ ареста. Парламентъ далѣе настаивалъ на увеличеніи суровыхъ мѣръ противъ католиковъ и наказалъ Коуэлля за то, что тотъ въ своемъ юридическомъ словарѣ отстаивалъ притязанія короны на абсолютную власть въ силу ея божественнаго права. Онъ въ 1607 году отвергъ унію съ Шотландіей, въ 1610 году протестовалъ противъ «Книги указовъ и прокламацій» (Book of Rates and Proclamations) и добился уничтоженія «Великаго Договора». Парламентъ, распущенный Іаковомъ въ 1611 году, собрался снова только въ 1614 году и проявилъ такую независимость и стремленіе протестовать противъ законности налоговъ и монополій, что Іаковъ черезъ два мѣсяца торопливо распустилъ его.

Иностранная политика Іакова.

Со времени смерти Сесиля (1612) до начала тридцатилѣтней войны въ 1618 году Іаковъ пытался проводить свои собственныя взгляды и во внутренней и въ иностранной политикѣ. Принцъ Генрихъ тоже скончался въ 1612 году, и съ этихъ поръ Іаковъ находился подъ вліяніемъ недостойныхъ фаворитовъ, вродѣ Роберта Карра и Вилльерса, извѣстнаго подъ именемъ графа Букингама, съ 1615 года имѣвшаго такое роковое вліяніе на судьбы Англіи. Вѣкъ фаворитовъ послѣдовалъ за вѣкомъ государственныхъ людей; онъ характеризуется измѣненіемъ иностранной политики Англіи — измѣненіемъ, раздражившимъ пуританъ и заставившимъ ихъ стать въ оппозицію коронѣ. Многое привлекало Іакова къ союзу съ Испаніей и уже въ 1611 году онъ предлагалъ женить сына на инфантѣ. Онъ удивлялся монархическимъ учрежденіямъ Испаніи; его тщеславіе удовлетворя-

лось тѣмъ, что испанскій король относится къ нему какъ къ равному; онъ въ виду упорства парламента надѣялся добыть денегъ отъ Филиппа III въ видѣ приданнаго его дочери и, наконецъ, онъ былъ убѣжденъ, что союзъ съ Испаніей поможетъ ему сохранить миръ Европы. Испанскій посолъ Гондомаръ пользовался большимъ вліяніемъ надъ Іаковомъ и первый испанскій министръ Лерма серьезно занялся переговорами о бракѣ, начатыми въ 1617 году. Но испанцы рѣшили не допускать этого брака, если они не получатъ увѣренности, что его слѣдствіемъ будетъ обращеніе въ католицизмъ и самъ Гондомаръ, рѣшительно не понимая силы пуританства, полагалъ, что Іаковъ можетъ возстановить католицизмъ простымъ королевскимъ приказомъ. Неудача экспедиціи Ралейга въ Гвіану (1617) была обусловлена признаніями Іакова Гондомару и казнь автора «Всемірной исторіи» въ 1618 году всецѣло обусловливалась интригами испанцевъ. Такъ какъ испанскій бракъ предполагалъ увеличеніе привиллегій англійскихъ католиковъ, то и неудивительно, что иностранная политика Іакова въ соединеніи съ такими мѣрами, какъ казнь Ралейга, возбудила сильное раздраженіе въ народѣ.

Въ 1618 году произошла революція въ Богеміи и началась тридцатилѣтняя война. Когда зять Іакова, графъ Палатинъ Фридрихъ, былъ избранъ королемъ Богеміи противъ законнаго короля, эрцгерцога Фердинанда, и просилъ у Іакова совѣта, тотъ ни на что не могъ рѣшиться.

Только въ 1620 году, когда Палатинату угрожали испанскія войска, онъ разрѣшилъ англійскимъ волонтерамъ подъ начальствомъ сэра Горація Вера устроиться въ нѣкоторыхъ изъ главныхъ городовъ Германіи, въ Гейдельбергѣ, Мангеймѣ и Франкенталѣ. Еслибы Іаковъ заявилъ испанцамъ, что ихъ вторженіе въ Палатинатъ будетъ имѣть слѣдствіемъ вмѣшательство англичанъ, то вѣроятно, что этимъ было бы достигнуто рѣшеніе труднаго вопроса, раздѣлявшего въ то время Германію. Но его колебанія и нерѣшительность убѣдили Гондомара,— что Англіи нечего бояться и въ августѣ Спинола занялъ своими войсками Палатинатъ и такимъ образомъ Іаковъ до значительной степени отвѣтственъ за расширеніе Богемской борьбы въ европейскую войну. 29 ноября битва при Бѣлой горѣ погубила дѣло Фридриха въ Богеміи и Іакову пришлось рѣшать только одинъ вопросъ о Палатинатѣ. Онъ былъ уже раздраженъ извѣстіями о нашествіи испанцевъ и созвалъ парламентъ. Когда собрался знаменитый парламентъ 1621 года, члены его были склонны защищать дѣло протестантизма заграницей; но Іаковъ по обыкновенію колебался. Его слабость и нерѣшительность погубили все. Полагая, что онъ можетъ добиться своей цѣли, спасенія Палатината, переговорами, онъ отправилъ въ Вѣну Дигби. Безъ поддержки арміи Дигби могъ добиться только прекращенія вооруженныхъ дѣйствій на короткое время.

Еслибы Іаковъ сталъ во главѣ своего народа, онъ могъ бы заставить Фридриха отказаться отъ богемской короны, испанцевъ удалиться изъ Палатината, а католическую лигу уважать его авторитетъ. Но Іаковъ не проявлялъ намѣренія довѣриться своему народу и палата общинъ, раздраженная его бездѣятельностью, обратилась къ домашнимъ дѣламъ, напала на монополіи, обвинила Бэкона, лорда канцлера Англіи, въ взяточничествѣ и добилась его осужденія и наказанія. Когда въ ноябрѣ 1621 года парламентъ снова собрался, его настроеніе было настолько враждебнымъ Испаніи и его совѣты королю были столь откровенными, что король 6 января 1622 года распустилъ его. Этимъ онъ совершилъ величайшую ошибку своего царствованія. Всѣ шансы повліять на Испанію и Лигу, всѣ надежды спасти Палатинатъ исчезли—и въ мартѣ 1623 года покореніе Палатината было завершено. Но Іаковъ продолжалъ вѣрить пустымъ обѣщаніямъ и не оставлялъ своего плана испанскаго брака. Въ 1623 году произошло знаменитое путешествіе Карла и Букингама въ Мадритъ. Іаковъ надѣялся, что когда бракъ состоится, испанскій король отдастъ ему Палатинатъ, какъ брачный подарокъ. Но испанскій король рѣшилъ не соглашаться на бракъ, если англійскимъ католикамъ не будетъ гарантирована полная свобода богослуженія и если инфанта не получитъ своей собственной церкви и полной власти надъ воспитаніемъ своихъ будущихъ дѣтей. Кромѣ того было очевидно, что Оливарецъ, испанскій министръ, совсѣмъ не намѣревался оказать давленія на императора, чтобы заставить его передать Палатинатъ Англіи. Убѣдившись наконецъ, что не имѣется никакихъ шансовъ на испанскій бракъ и что для освобожденія Палатината необходимо прибѣгнуть къ силѣ, Іаковъ разорвалъ отношенія съ Испаніей и созвалъ свой послѣдній парламентъ, собравшійся 17 февраля 1624 года. Палата общинъ вотировала субсидіи, обвинила лорда верховнаго казначея, графа Мидльэссекса, въ взяточничествѣ, высказалась противъ французскаго брачнаго договора и требовала войны съ Испаніей на морѣ. Но Іаковъ рѣшилъ получить Палатинатъ посредствомъ войны въ Германіи, заключилъ союзъ съ Франціей и въ маѣ 1625 года женилъ Карла на Генріетѣ Маріи. Въ декабрѣ 1624 года Іаковъ утвердилъ французскій брачный договоръ, въ январѣ 1625 года выступила несчастная экспедиція Мансфельда и его двѣнадцатитысячнаго англійскаго войска, въ февралѣ Іаковъ рѣшился на союзъ съ Христіаномъ IV датскимъ, а 27 марта онъ умеръ.

Карлъ I. Карлъ I, царствовавшій отъ 1625 до 1649 года, имѣлъ отъ своей супруги Генріеты Маріи трехъ сыновей и четыре дочери. Изъ послѣднихъ Марія, супруга Вильгельма Нассаускаго, была матерью Вильгельма III, два старшихъ сына, Карлъ и Іаковъ, были королями Англіи. Отецъ Карла былъ неказистъ, а самъ онъ, напротивъ, отличался достоинствомъ и величавостью. Онъ былъ сильно привязанъ

къ англійской церкви и еще болѣе отца былъ убѣжденъ въ своемъ божественномъ правѣ и въ тѣсной связи между епископатомъ и королевской властью. Но онъ не имѣлъ свѣдѣній въ иностранной политикѣ, не понималъ опасностей оппозиціи народа, не былъ способенъ къ благоразумной администраціи. Онъ довѣрялъ такимъ людямъ, какъ Букингамъ, но при этомъ отличался чрезвычайнымъ упорствомъ. Онъ никакъ не могъ понять сильно протестантскаго настроенія народа, сдѣлавшагося теперь особенно опаснымъ для короны подъ вліяніемъ великой континентальной войны; онъ не могъ понять и настроенія палаты общинъ, наполненной главнымъ образомъ богатымъ и независимымъ провинціальнымъ дворянствомъ, онъ не сознавалъ и того, что англійская конституція есть компромиссъ.

Англія и Европа.

При его воцареніи дѣло протестантовъ на континентѣ находилось, повидимому, въ очень опасномъ положеніи. Арміи Валленштейна и Тилли угрожали Христіану IV, а Густавъ Адольфъ былъ занятъ въ Польшѣ. Карлъ, подобно его отцу, хотѣлъ пріобрѣсти для своего зятя Палатинатъ; 26 мая 1625 года онъ обѣщалъ Христіану IV тридцать тысячъ фунтовъ ежемѣсячно; въ ноябрѣ Англія и Голландія заключила съ Даніей трактатъ въ Гагѣ. Но оказалось, что Карлъ не могъ сдержать своихъ обѣщаній и несчастный Христіанъ въ августѣ 1626 года потерпѣлъ пораженіе при Луттерѣ, а въ 1629 году былъ вынужденъ заключить въ Любекѣ миръ и отказаться отъ войны. Неспособность Карла помочь Христіану отчасти объясняется его неудачной политикой относительно Франціи и Испаніи, частію измѣненіемъ настроенія страны по отношенію къ континентальной войнѣ, а частію раздорами короля съ палатой общинъ. При воцареніи Карлъ надѣялся стать во главѣ великаго протестантскаго союза; экспедиція Сесиля въ Кадиксъ въ октябрѣ 1625 года и путешествіе Букингама въ Гагу въ ноябрѣ были попытками осуществить такой планъ. Но экспедиція Сесиля неудалась, трактатъ въ Гагѣ не сдѣлался ядромъ великой европейской лиги и въ концѣ года отношенія съ Франціей были очень натянутыми. Карлъ сердился на то, что французы воспользовались англійскими кораблями противъ гугенотовъ Ларошели; а французы были раздражены захватомъ англичанами нѣсколькихъ французскихъ кораблей, вмѣшательствомъ Карла въ пользу гугенотовъ и отправленіемъ французскихъ слугъ Генріеты. Въ маѣ 1626 года Франція и Испанія заключили миръ въ Монцонѣ и къ концу года Англія оказалась въ войнѣ съ обѣими державами. Карлъ не могъ понять настоящаго значенія борьбы гугенотовъ и начавъ войну съ двумя великими европейскими державами, онъ не былъ въ состояніи послать помощь Христіану, который держался даже послѣ пораженія при Луттерѣ. Экспедиція Букингама въ Ре (Rhé—іюнь—ноябрь 1627 года) была неудачной и Карлъ, несмотря на сопротивленіе его политикѣ Частнаго Совѣта и всей націи, рѣшилъ продолжать войну съ Фран-

ціей и помочь Ларошельцамъ. Дальнѣйшія попытки помочь Рошели въ 1628 году тоже неудались и съ 24 апрѣля 1629 года миръ въ Сузѣ окончилъ войну съ Франціей, а по мадритскому трактату 5 ноября 1630 года была окончена и война съ Испаніей.

Король и палата общинъ.

Пораженіе Христіана отчасти обусловливалось также уменьшеніемъ воинственныхъ стремленій въ Англіи. Палата общинъ начала понимать, что могущество Испаніи падаетъ и что Испанія не можетъ уже создать міровой монархіи. Кромѣ того, она не понимала значенія борьбы въ Германіи и не оцѣняли тѣхъ слѣдствій, которыя могутъ произойти отъ созданія сильной военной и католической имперіи при посредствѣ армій Валленштейна. А кромѣ того ея вниманіе было занято внутренними затрудненіями, которыя съ каждымъ годомъ становились все серьезнѣе. Въ 1625 — 1629 годахъ Карлъ пытался управлять при помощи парламента и въ эти годы были созваны три парламента. Первый изъ нихъ собрался въ іюнѣ 1625 года вскорѣ послѣ воцаренія Карла. Подозрѣвая, каковы были условія брачнаго трактата съ Франціей, очень недовольный сочиненіями Монтегю, одного изъ самыхъ крайнихъ членовъ партіи Лоуда, и неудачей экспедиціи Мансфельда, негодуя на вліяніе Букингама, онъ вотировалъ Карлу только двѣ субсидіи, т. е. только 140,000 фунт., сумму очевидно недостаточную, такъ какъ Англія вела въ то время войну, и пошлины съ тонны и съ вѣса (tonnage и poundage) на одинъ годъ. Карлъ, разсерженный нападками на арминіанскія сочиненія Монтегю и скупостью палаты, отказался принять субсидіи. Послѣ отсрочки засѣданій парламентъ снова собрался въ Оксфордѣ и новая сессія была очень бурная. Ришелье воспользовался восьмью англійскими кораблями, данными ему англійскимъ правительствомъ, для нападенія на протестантовъ Ларошели и палата естественно не понимала, чѣмъ объяснить подобный фактъ. Болѣе чѣмъ когда нибудь подозрѣвая Букингама, она возобновила петицію прошлой сессіи противъ католиковъ, отказалась дать деньги, если ея требованія не будутъ уважены и была распущена въ августѣ. Второй парламентъ собрался въ февралѣ 1626 года, вскорѣ послѣ полной неудачи экспедиціи Сесиля въ Кадиксъ. Палата общинъ подъ руководствомъ сэра Джона Эліота, Диггса и Пима напала на Монтегю и наказала его, составила списокъ своихъ жалобъ и въ концѣ концевъ обвинила Букингама. Было очевидно, что существуетъ сильное и глубокое недовольство церковной и иностранной политикой короля, который, чтобы спасти своего фаворита, распустилъ парламентъ 19 іюня.

Петиція о правахъ.

До открытія третьяго парламента Карлъ разорвалъ отношенія съ Франціей и произошла несчастная экспедиція къ Ре. Разными незаконными средствами Карлу удалось достать денегъ, но его попытки, даже удачныя, возбуждали серьезное и широко распространенное недовольство. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ также дѣйствовалъ

деспотически. Абсолютныя прерогативы короля открыто защищались такими людьми, какъ Сибторпъ и Манверингъ. На континентѣ свирѣпствовала католическая реакція, власть императора распространилась до береговъ Балтійскаго моря и считали вѣроятнымъ, что реакція захватитъ и Англію. Въ странѣ господствовало безпокойство, которое увеличилось, когда Карлъ выставилъ притязаніе на абсолютную власть, какъ принадлежавшую ему по праву и по дѣлу Дарнеля или «пяти рыцарей» добился рѣшенія судей въ свою пользу, фактически уничтожавшаго двадцатьдевятую статью Великой Хартіи, гласившую, что ни одинъ свободный не можетъ быть арестованъ и посаженъ въ тюрьму иначе, какъ на основаніи законнаго суда его перовъ или по закону страны». Къ концу 1627 года деньги, собранныя королемъ неконституціонными средствами, были израсходованы. Онъ хотѣлъ помочь гугенотамъ и исправить неудачу при Ре, потому онъ въ мартѣ 1628 года созвалъ парламентъ.

Несмотря на многія мѣры короля, нарушавшія права народа, парламентъ держался умѣреннаго тона. Многія изъ членовъ боялись, что при постоянной оппозиціи король можетъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и уничтожить парламентъ. Но рѣчь короля была безтактна и оскорбительна и палата общинъ, обѣщая пять субсидій, потребовала удовлетворенія своихъ жалобъ раньше проведенія билля. Послѣ бурнаго обсужденія сэръ Томасъ Уэнтвортъ предложилъ, чтобы «жалобы и субсудіи шли рука объ руку» и палаты представляли королю петицію о правахъ. Въ этой петиціи было высказано требованіе, чтобы нѣкоторыя нарушенныя права были въ будущемъ признаны. Петиція объявляла: 1) что займы и взиманіе денегъ безъ согласія парламента незаконны; 2) что никто не долженъ быть заключаемъ въ тюрьму безъ указанія причины; 3) что наборъ въ солдаты и матросы противъ воли незаконенъ и 4) что военнымъ офицерамъ въ мирное время не должно даваться порученій судить подданныхъ по военнымъ законамъ.

Измѣна Уэнтворта.

Король послѣ совѣщанія съ судьями отвѣтилъ на эту петицію уклончиво, но потомъ онъ принялъ ее и палата вотировала субсидіи. Послѣ этого она снова напала на Букингама и составила протестъ противъ незаконнаго обложенія. Но раньше окончанія преній Карлъ въ іюнѣ внезапно отсрочилъ засѣданія. Между первой и второй сессіями произошли два важныя событія: Букингамъ 23 августа былъ убитъ и Уэнтвортъ принялъ званіе пера и присоединился къ придворной партіи. Онъ всегда былъ на сторонѣ власти и никогда не довѣрялъ мудрости палаты общинъ. Недовѣріе къ Букингаму бросило его въ ряды оппозиціи, но послѣ смерти Букингама Уэнтвортъ сдѣлался защитникомъ королевской прерогативы. Пріобрѣтя столь важнаго защитника, Карлъ созвалъ парламентъ на вторую сессію. Палата, разгнѣванная тѣмъ, что король не обращалъ вниманія на петицію

о правахъ, недовольная его церковной политикой, составила протестъ, въ которомъ объявлялось, что всякій, платившій пошлины съ тонны и съ вѣса или поддерживающій папство или арминіанство, есть измѣнникъ. Послѣ знаменитой сцены, когда спикеръ остался въ своемъ креслѣ, парламентъ былъ распущенъ, Эліотъ арестованъ и Карлъ рѣшился управлять безъ парламента.

Управленіе безъ парламента.

Въ теченіе десяти лѣтъ, отъ 1629 до 1639, правительство находилось въ рукахъ короля и совѣта. Въ теченіе этого періода страна процвѣтала, но недовольство было общимъ. Народъ считалъ наиболѣе вліятельными въ свѣтскихъ и церковныхъ дѣлахъ Страффорда и Лоуда; въ теченіе этихъ десяти лѣтъ постепенно создаются религіозныя и политическія причины гражданской войны. Главнымъ затрудненіемъ было взиманіе налоговъ. Потому было необходимо окончить войны заграницей; съ Франціей и Испаніей былъ заключенъ миръ и Карлъ не дѣлалъ болѣе попытокъ активно вмѣшиваться въ дѣла Германіи, гдѣ свирѣпствовала тридцатилѣтняя война.

Корабельный налогъ.

Для наполненія пустого казначейства Карлъ обратился къ Звѣздной палатѣ, которая взимала штрафы на самыхъ незаконныхъ основаніяхъ и такимъ путемъ собирала для короля значительныя суммы. Былъ возстановленъ старый законъ о рыцарствѣ и съ тѣхъ, которые не принимали рыцарскаго званія, взимали не менѣе ста тысячъ фунтовъ штрафу. Возстановлены были и другіе устарѣлые законы; изслѣдованіе королевскихъ лѣсовъ доказало фактъ многочисленныхъ захватовъ. Требуя громадныхъ штрафовъ или ежегодныхъ рентъ отъ захватившихъ земли въ границахъ королевскихъ лѣсовъ, учреждая и продавая монополіи, при посредствѣ беневоленцій, таможенныхъ пошлинъ и другихъ подобныхъ средствъ Карлу въ періодъ времени отъ 1629 до 1634 года удалось собрать значительныя суммы денегъ. Въ 1634 году было рѣшено получать постоянный доходъ сборомъ со всѣхъ графствъ корабельной пошлины. «Пусть король воздержится отъ войны только въ теченіе трехъ лѣтъ, говорилъ Страффордъ; пока его подданные не привыкнутъ къ уплатѣ этого налога и въ концѣ концовъ онъ будетъ могущественнѣе любого изъ его предшественниковъ». Въ 1637 году Джонъ Гампденъ отказался заплатить 30 шиллинговъ съ его собственности въ Стокъ-Мандевиллѣ и дѣло обсуждалось всѣми судьями палаты Казначейства. Рѣшеніе большинства судей было въ пользу короля и королевская прерогатива, казалось, восторжествовала. Но въ сущности обращеніе Карла къ судьямъ было безтактнымъ и неполитичнымъ. Народное негодованіе было возбуждено противъ такого рѣшенія, признаваемаго несправедливымъ, и оно обратилось противъ судей.

Лоудъ.

Въ то время, какъ недовольство увеличивалось многими незаконными и тираническими дѣйствіями правительства, оно возбуждалось и церковной его политикой. Лоудъ, совѣтникъ короля въ церковныхъ вопросахъ, также, какъ и Страффордъ, въ своихъ дѣйствіяхъ руко-

водился идеей о сильной и послѣдовательной власти. Къ несчастію онъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ суду Верховной коммиссіи и непопулярность этого суда увеличивалась поддержкой, получаемой имъ отъ Звѣздной палаты. Лоудъ, давая правительственныя мѣста церковникамъ, стремился къ возстановленію стараго политическаго значенія церкви и къ возрожденію значенія церковныхъ судовъ. Наказаніе Лейфтона, Прайнна, Бастуика и Бёртона доказало непопулярность церковной политики правительства. Карлъ вмѣсто того, чтобы настаивать на терпимости, соединился съ небольшой партіей Верхней Церкви и требовалъ внѣшняго единовѣрія. Англія роптала, хотя и приняла систему Лоуда, но попытка ввести ее и въ Шотландіи вызвала взрывъ, закончившій періодъ тираническаго управленія безъ парламента.

Войны епископовъ Долгій перламентъ. Паденіе Страффорда.

О ходѣ этой борьбы до подписанія «Торжественной Лиги и Ковенанта» въ мартѣ 1638 года мы будемъ говорить дальше. Это событіе дѣлало положеніе Карла очень затруднительнымъ. У него не было арміи и ему было извѣстно, что многіе изъ его подданныхъ неодобряютъ его дѣйствій въ Шотландіи. Онъ рѣшился отправить Гамильтона въ качествѣ главнаго коммиссіонера для переговоровъ съ ковенантерами, а пока хотѣлъ подготовить войско. Онъ понималъ, что дѣло идетъ о его верховной власти и когда въ ноябрѣ 1638 года въ Глаеко сошлось «Общее Собраніе», война была неизбѣжной. Это Собраніе было распущено Гамильтономъ, но продолжало свои засѣданія, и уничтожило епископатъ и возстановило пресвитеріанскую систему. Карлъ былъ склоненъ принять строгія мѣры, Страффордъ стоялъ за оборонительную войну. Въ Шотландіи было много ветерановъ, дравшихся подъ предводительствомъ Густава Адольфа и одушевленныхъ горячей преданностью къ протестантизму. Карлъ, у котораго было только пятьдесятъ тысячъ фунтовъ, не могъ собрать арміи, по дисциплинѣ, вооруженію и запасамъ равную шотландской, которая подъ начальствомъ Лесли занимала сильную позицію при Дунсъ Лоу. Сознавая слабость своихъ силъ, Карлъ рѣшился на соглашеніе и въ іюнѣ первая «война епископовъ» была закончена. Бервикскимъ трактатомъ. Собраніе и парламентъ должны были быть созваны въ Эдинбургѣ, войска ковенантеровъ должны были быть распущены и королевскіе замки возвращены королю. Но собраніе и парламентъ въ Эдинбургѣ снова уничтожили епископатъ и Карлъ рѣшилъ снова воевать. Чтобы получить субсидіи, онъ созвалъ Короткій парламентъ, собравшійся 13 апрѣля и распущенный 5 мая 1640 года. Въ этомъ парламентѣ члены разошлись съ королемъ во взглядахъ на шотландскую войну. Палата подъ руководительствомъ Пима отказалась вотировать субсидіи до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены ея жалобы и приняла сильный религіозный тонъ. Чтобы избѣжать предложенія о прекращеніи войны съ Шотландіей,

Карлъ внезапно распустилъ парламентъ и началъ вторую «войну епископовъ». Шотландцы, ободренные поведеніемъ англичанъ, перешли границу, объявляя, что они явились для борьбы противъ дурныхъ совѣтниковъ, для ихъ наказанія и требовали удовлетворенія жалобъ о созывѣ англійскаго парламента. Послѣ пораженія въ небольшой стычкѣ королевскихъ войскъ, въ Рипонѣ начались переговоры и Карлъ созвалъ въ Іоркѣ Великій Совѣтъ, состоявшій изъ однихъ только пэровъ. Этотъ Совѣтъ пэровъ настаивалъ на созывѣ парламента и 3 ноября 1640 года собрался Долгій парламентъ. Въ первую его сессію (ноябрь 1640 года—сентябрь 1641 года) перевѣсъ имѣла конституціонная партія. Судъ Звѣздной палаты, судъ Верховной коммиссіи, Сѣверный совѣтъ были упразднены; корабельная пошлина, пошлины съ тонны и съ вѣса, и всѣ сборы безъ согласія парламента, были признаны незаконными; были назначены коммиссары для распредѣленія вотированныхъ палатой субсидій; проведенъ былъ Трехгодичный билль о собраніи парламента каждыя три года, даже въ томъ случаѣ, если король не созываетъ его. Палата подъ руководствомъ Пима проявила необычайную энергію и 22 марта 1641 года обвинила Страффорда. Было крайне сомнительно, чтобы Страффорда можно было обвинить въ государственной измѣнѣ и палата дѣйствовала очень благоразумно, оставивъ такое обвиненіе и дѣйствуя противъ Страффорда при посредствѣ Bill ol Attainder. Открытіе 3 мая заговора въ арміи устрашило пэровъ; они провели билль и 12 мая Страффордъ былъ казненъ. Въ тотъ же день Карлъ согласился на билль, требовавшій, чтобы парламентъ не былъ распускаемъ безъ его собственнаго согласія. Система личнаго управленія была уничтожена; уничтожены были и чрезвычайныя полномочія короны, пріобрѣтенныя ей во время Тюдоровъ; король не могъ болѣе управлять безъ содѣйствія парламента.

Въ августѣ, послѣ того, какъ парламентъ распустилъ англійскую армію и добился удаленія шотландскихъ войскъ, Карлъ отправился въ Эдинбургъ, надѣясь примирительными мѣрами добиться помощи шотландцевъ противъ палаты общинъ. До его отъѣзда уже замѣчалась нѣкоторая реакція въ его пользу. Смерть Страффорда заставила многихъ надѣяться, что теперь король будетъ руководиться лучшими совѣтами. Кромѣ того сознавали, что Карлъ согласится на всѣ необходимые билли и что имѣется опасность, чтобы и парламентъ въ свою очередь не сдѣлался деспотическимъ. Народъ уже началъ говорить о «королѣ» Пимѣ. Палата общинъ, поддерживая билль о полномъ уничтоженіи епископата, возбудила въ странѣ противъ себя сильную оппозицію и эта оппозиція увеличилась, когда парламентъ, незадолго до отсрочки засѣданій, издалъ приказъ въ кальвинскомъ духѣ относительно церковнаго ритуала. Карлъ, къ несчастію, вмѣсто того, чтобы держаться умѣреннаго тона и примирительныхъ мѣръ,

рѣшился торговаться со всѣми партіями и искать поддержки какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его. Прибывъ въ Эдинбургъ, онъ согласился на требованія шотландцевъ; но его вліяніе было ослаблено открытіемъ заговора Монтроза съ цѣлью убить Аржиля и Гамильтона.

Окончательный разрывъ и начало войны.

20 октября собрался снова англійскій парламентъ, полный подозрѣній относительно поведенія Карла въ Шотландіи, а черезъ три дня началось возстаніе въ Ирландіи. Совершенныя при этомъ жестокости возбудили крайній ужасъ въ Англіи и увеличили недовѣріе палаты къ исполнительной власти. Съ начала ноября партія политической революціи подъ предводительствомъ Пима и Гампдена окончательно получаетъ перевѣсъ. 3 ноября былъ внесенъ «Великій Протестъ» (Great Remonstrance); 23 числа онъ принятъ въ необычайно бурномъ засѣданіи. Это было воззваніе къ народу противъ роялистской реакціи, разсмотрѣніе жалобъ палаты, защита актовъ парламента и программа будущаго. Карлъ вернулся въ Лондонъ 25 ноября и былъ принятъ превосходно; но вмѣсто того, чтобы примириться съ оппозиціей, онъ рядомъ необдуманныхъ дѣйствій возбудилъ общее подозрѣніе и сыгралъ въ руку крайней парламентской партіи. Назначеніе въ декабрѣ извѣстнаго Лунсфорда лейтенантомъ Тоуэра, хотя и отмѣненное черезъ два дня, было ошибкой; обвиненіе пяти членовъ и неудачная попытка арестовать ихъ были еще болѣе серьезной ошибкой. Въ виду усиленія ирландскаго возстанія считали невозможнымъ довѣрить королю армію, которой послѣ умиротворенія Ирландіи онъ могъ воспользоваться противъ англійскаго парламента. Естественно, что началась послѣдняя борьба между Карломъ и палатой общинъ—и эта борьба шла изъ за командованія милиціей. Карлъ отказался отдать милицію—такъ называлась регулярная армія—подъ начальствомъ офицеровъ, избранныхъ палатой и юридическое право было на его сторонѣ.

Въ началѣ 1642 года война была неизбѣжной. Королева отправилась за границу для покупки оружія, а Карлъ согласился на исключеніе епископовъ изъ палаты лордовъ только затѣмъ, чтобы выиграть время. По свидѣтельству Кларендона онъ не намѣревался сдержать свое обѣщаніе.

Палата общинъ, въ виду того, что уже существовало, такъ сказать, военное положеніе, была вполнѣ права, не соглашаясь на то, чтобы король назначалъ офицеровъ милиціи. Въ мартѣ парламентъ заявилъ, что всѣ, получившіе какую либо команду въ милиціи безъ его согласія, будутъ считаться врагами мира. Весной обѣ враждующія стороны начали собирать войска; 22 августа 1642 года Карлъ выставилъ свое знамя въ Ноттингамѣ и гражданская война началась.

Религіозная борьба. Англиканская реакція.

Гёттона.

При Елисаветѣ церковное управленіе и отношенія между церковью и государствомъ были компромиссомъ; компромиссъ опредѣлялъ и всю церковную исторію ея царствованія. Но то, что было опредѣлено и установлено, поддерживалось властной рукой. Насколько такое любопытное положеніе дѣлъ, бывшее на половину компромиссомъ, на половину автократіей, могло существовать и при наслѣдникѣ великой королевы, такъ сильно во всемъ отличавшемся отъ нея? Никогда въ Англіи не было такъ много различныхъ ожиданій.

Ожиданія диссидентовъ.

Отъ Іакова враги установленной церкви ожидали многаго. Кальвинисты-пуритане надѣялись, что онъ позволитъ имъ реформировать церковь по ихъ желанію, что онъ будетъ поощрять введеніе полной пресвитеріанской системы, защищаемой Картрайтомъ, какъ духовная потребность народа. Іаковъ былъ членомъ шотландской церкви, реформированной по пресвитеріанскому плану, потому ожиданія англійскихъ пресвитеріанъ были естественными. Римскіе католики ожидали, по крайней мѣрѣ, терпимости, нѣкоторые полагали даже, что имѣются надежды на примиреніе съ папствомъ. Іаковъ былъ сынъ Маріи Стюартъ; онъ объявилъ, что не желаетъ, чтобы проливалась кровь изъ за религіозныхъ различій. Сектанты были полны надежды, а церковь пребывала въ страхѣ. Уитгифтъ отправилъ новому королю боязливыя поздравленія и ожидалъ всего худшаго.

Іаковъ обманулъ всѣ ожиданія. Онъ обладалъ свѣдѣніями въ теологіи и нѣкоторымъ благоразуміемъ, какъ государственный человѣкъ, онъ былъ склоненъ принять англійскую церковь такой, какой онъ нашелъ ее. Въ качествѣ теолога онъ былъ склоненъ къ этому въ въ силу «изученія Священнаго писанія и древнихъ авторовъ», такъ какъ это изученіе убѣдило его въ истинѣ ученія о непрерывности церкви; его теологія находилась въ связи съ исторіей. Въ качествѣ государственнаго человѣка онъ былъ расположенъ къ англиканству потому, что онъ испыталъ иго пресвитеріанской системы которая хотѣла господствовать надъ мірской жизнью также, какъ надъ религіозной и породила въ Шотландіи классъ дерзкихъ догматиковъ, ставшихъ настоящими правителями народа и осмѣливавшихся называть своего государя «глупымъ рабомъ Божіимъ».

Въ сущности Іаковъ понималъ тѣсную связь — по крайней мѣрѣ въ ту эпоху — между епископатомъ и монархіей. Онъ возстановилъ въ Шотландіи умѣренный епископатъ (1599). «Пресвитеріанство настолько не согласуется съ монархіей, какъ Богъ съ діаволомъ»—

говорилъ онъ. «Нѣтъ епископа, нѣтъ и короля» — было однимъ изъ наиболѣе умныхъ изъ его изреченій. Онъ полагалъ не безъ основанія, что если уничтожить традиціонное управленіе церкви епископами, которое было, въ особенности при существованіи принципа прямого наслѣдованія, гарантіей порядка и сдержкой противъ революціи, то за нимъ уничтожится и монархія. Притязанія монархіи Стюартовъ на поддержку народа были гораздо болѣе слабыми, чѣмъ притязанія историческаго епископата. Если люди начнутъ спрашивать о происхожденіи монархіи — а они уже начинали спрашивать объ этомъ—они раньше или позже должны были придти къ тому выводу, что власть основывается на согласіи управляемыхъ. Хотя самъ Іаковъ всегда старался настаивать на теоріи божественнаго установленія власти, но было очевидно, что другіе допускаютъ, что эта власть основывается на волѣ народа; изъ чего вытекло то слѣдствіе, что поддержаніе ея зависитъ въ концѣ концовъ отъ ея полезности. Епископатъ тоже основывался на его полезности, но помимо этого онъ выставлялъ притязаніе, что его традиціонное и историческое основаніе дано божественнымъ Провидѣніемъ. Епископы могли существовать безъ короля, но въ ту эпоху короли не могли существовать безъ епископовъ. Враги у нихъ были одни и тѣже, и королевская власть одна не могла защищаться противъ нихъ. Такую форму получила въ умѣ Іакова исторія, и это заставляло его крѣпко держаться за епископальный строй церкви.

Кромѣ того король держался англиканской церкви, какъ такой формы церковнаго строя, которая противоположна континентальнымъ протестантскимъ церквамъ. Протестантизмъ континента могъ представляться англичанамъ того времени измѣной, разъединеніемъ и анархіей. Таковъ онъ и былъ дѣйствительно во Франціи, гдѣ онъ прикрывалъ феодальную независимость дворянства; тамъ узкія, мѣстныя, сепаратистскія тенденціи должны были быть устранены, чтобы Франція могла проявить свое вліяніе. Такимъ онъ могъ казаться и въ Палатинатѣ, гдѣ страстный зять Іакова отринулъ всѣ обязанности нравственнаго и юридическаго права и ринулся въ крайне эгоистическую борьбу ради разъединенія Германіи. Съ перваго взгляда такому пониманію значенія протестантизма противорѣчила Голландія; но даже и она страдала отъ революцій и беззаконій; поведеніе голландцевъ въ Остъ Индіи отличалось адской жестокостью и полнымъ неуваженіемъ къ правамъ личности и націи, какъ цивилизованныхъ, такъ и не цивилизованныхъ. Протестантизмъ.

Такимъ образомъ Іакову суждено было обмануть ожиданія. Это вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ. По пути въ Лондонъ онъ принялъ петицію, подкрѣпленную 750 письмами, но выдаваемую за желаніе по крайней мѣрѣ тысячи священниковъ — пуританъ. Эта петиція «тысячи» (Millenary Petition) касалась вопроса о Таинствахъ и о дру- Петиція „тысячи“.

гихъ болѣе или менѣе важныхъ обрядахъ. Сущность петиціи сводилась къ требованію объ отдѣленіи англійской церкви отъ историческаго христіанства и къ требованію союза съ иностраннымъ протестантизмомъ. Она не была единственнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія о церковныхъ дѣлахъ. Извѣстный политическій теоретикъ того времени Бэконъ издалъ сочиненіе: «Нѣкоторыя соображенія объ умиротвореніи и объ упроченіи церкви Англіи». Его предложенія, насколько ихъ можно понять, были иллюзіей. Не настало еще время, когда разумъ могъ продиктовать условія мира. Въ свободномъ изслѣдованіи нельзя было отыскать основъ объединенія. Среди тѣхъ затрудненій, которыя тогда мучили вѣрующихъ, нужно было отыскать основаніе для соглашенія, чтобы добиться того единенія, котораго желалъ Бэконъ. Такой основой англикане признавали библію, въ ея истолкованіи отцами церкви, соборами и преданіемъ. А тысяча петиціонеровъ не признавали такой основы.

Конференція въ Гамптонъ-Кортѣ.

Таковы были обстоятельства, когда король осенью 1603 года издалъ прокламацію, въ которой онъ обѣщалъ исправить всѣ злоупотребленія въ церкви и для обсужденія ихъ сзывалъ конференцію. Конференція собралась въ Гамптонъ Кортѣ 14 января 1604 года. Четыре проповѣдника были представителями пуританъ, а девятнадцать пасторовъ представителями установленной церкви. Такимъ образомъ съ самаго начала это неравенство лишало для сомнѣвающихся заключенія конференціи всякой силы. Пуритане дѣлали тѣже возраженія, какъ и раньше, противъ употребленія крестнаго знаменія и противъ облаченія. Практически ихъ требованія приводились къ желанію подтвержденія Ламбетскихъ статей, знаменитаго кодекса кальвинскаго богословія, никогда не признаваемаго конвокаціями. Конференція, относительно изысканія какихъ либо средствъ объединенія, была совершенно неудачной. Обѣ партіи, раздѣляемыя своими двумя основными положеніями—одна, опиравшаяся на исторію; другая на личное истолкованіе Писанія—остались непримиримыми. Слѣдствіемъ было только то, что сдѣлалось очевиднымъ, какая глубокая пропасть отдѣляетъ пуританъ отъ англиканъ, хотя и тѣ и другіе пока принадлежали къ установленной церкви. Но конференція не была однако совершенно безплодна; по общему соглашенію была предпринята работа, давшая всѣмъ говорящимъ по англійски «источникъ неиспорченнаго англійскаго языка» — переводъ библіи, изданный въ 1611 году.

Вскорѣ послѣ окончанія конференціи умеръ архіепископъ. Назначеніе его наслѣдника ясно указывало, какого направленія будетъ держаться политика короля. Каѳедра св. Августина была отдана епископу лондонскому Банкрофту, проповѣдь котораго о божественномъ происхожденіи епископата была важнымъ событіемъ въ литературной борьбѣ по этому вопросу двадцать лѣтъ тому назадъ.

Нонконформисты.

Онъ вступилъ въ должность, когда конвокація приняла новый кодексъ каноновъ, самый важный изъ кодексовъ церковнаго права, изданныхъ со времени реформаціи. Было очевидно, что его политика будетъ руководиться государствомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его назначенія Совѣтъ приказалъ ему дѣйствовать противъ священниковъ нонконформистовъ. До конца 1604 года архіепископъ приказалъ, чтобы всѣ кураты и чтецы подъ страхомъ отставки объявили о своемъ признаніи королевской супрематіи и о своемъ вѣрованіи, что въ Молитвенникѣ (Book of Common Prayer) нѣтъ ничего противнаго слову Божію и что тридцать девять статей согласны съ словомъ Божіимъ. Тѣ изъ духовныхъ лицъ, которыя имѣли бенефиціи и которыя отказались бы сдѣлать такія заявленія, тѣмъ не менѣе могли сохранить свои бенефиціи, если только они согласятся подчиниться церкви. Слѣдуетъ признать, что эта мѣра не была чрезмѣрно суровой. Очевидно, что такая декларація была очень умѣреннымъ требованіемъ отъ людей, получавшихъ доходы отъ церковной собственности. Отъ нихъ требовалось только заявленія, что въ ученіяхъ церкви, отъ которой они получали жалованье, нѣтъ ничего противнаго истинѣ. Потому трудно симпатизировать людямъ, отказавшимся подписать такое заявленіе и потерявшимъ бенефиціи—такихъ было около трехсотъ или только сорокъ девять, по свидѣтельству самого Банкрофта. Но смѣщеніе ихъ, хотя само по себѣ и справедливое, было произведено способомъ, характеризующимъ самую дурную сторону тогдашняго духа времени — посредствомъ государственной власти, чрезъ Верховную коммиссію, т. е. способомъ, совершенно противнымъ конституціоннымъ правамъ духовенства.

Стремленіе короля къ примиренію съ католиками.

Таково было начало новой политики по отношенію къ нонконформистамъ. Инымъ было отношеніе короля къ католикамъ. Онъ былъ терпимымъ человѣкомъ и по склонности и по убѣжденію. Въ пониманіи обязанности религіозной терпимости также, какъ и во многомъ другомъ, онъ опередилъ большинство своихъ современниковъ. По личному характеру онъ былъ миролюбивъ и милостивъ. Вскорѣ послѣ воцаренія онъ обѣщалъ, что не будетъ преслѣдовать никого, лишь бы держались спокойно и подчинялись внѣшнимъ образомъ. Изъ тронной рѣчи при открытіи перваго парламента видно, что онъ хотѣлъ не преслѣдовать католиковъ романистовъ, а постепенно устранить ихъ, не позволяя Риму вмѣшиваться въ свѣтскую власть, и остановить обращенія въ католицизмъ посредствомъ устраненія римскаго духовенства. Планъ былъ разумнымъ. Онъ согласовался съ тѣмъ «срединнымъ путемъ», по которому хотѣла идти англійская церковь — одинаково сторонившаяся и Рима и Женевы. Что были нѣкоторые шансы на успѣхъ плана — это очевидно изъ исторіи двухъ наиболѣе любопытныхъ людей того времени, Исаака Казабона и Марка Антоніо Де Доминисъ, архіепископа Спалатро. Первый—фран-

цузъ и мірянинъ, самый ученый человѣкъ своего времени—пріѣхалъ въ Англію и подчинился англиканской церкви, въ которой онъ видѣлъ наиболѣе полное выраженіе апостольскаго преданія и отъ которой ожидалъ объединенія всего христіанства. Онъ умеръ въ Англіи и похороненъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ въ 1614 году. Архіепископъ былъ человѣкомъ другого закала, честолюбивымъ и до крайности жаднымъ, но не безъ проницательности. Онъ поссорился съ папой и пріѣхалъ въ Англію, гдѣ перешелъ въ англиканство и писалъ въ его защиту. Награды, полученныя имъ—деканство Виндзорское и магистерство Савойскаго колледжа—не удовлетворили его честолюбія и онъ возвратился въ Римъ, гдѣ инквизація арестовала его и держала въ тюрьмѣ до его смерти. Взглядамъ такого человѣка, конечно, нельзя придавать особаго значенія; но очевидно, что его попытка соединить романизмъ и англиканство, доказавъ для убѣжденія папы и ученыхъ людей апостольскій и католическій характеръ англиканской системы, была попыткой искренней, основанной на вѣрованіи въ единство церкви, вопреки ея раздѣленіямъ, потому естественно, что и Іаковъ вѣрилъ въ возможность привлечь папистовъ и присоединить ихъ къ англиканской церкви; безконечныя его переговоры съ папами указываютъ на это, но ни Римъ, ни протестанты не хотѣли принять его плана, и папа и Англійскій парламентъ полагали, что онъ просто тяготѣетъ къ римскому католицизму; его старанія, подобно большинству плановъ компромисса въ бурныя времена, были безполезны.

Пороховой заговоръ и его слѣдствія.

Вскорѣ Іаковъ долженъ былъ убѣдиться, что по крайней мѣрѣ часть его плана неосуществима; въ 1605 году онъ долженъ былъ подчиниться давленію парламента и подтвердить уголовные законы противъ папистовъ; скоро сдѣлалось очевиднымъ, что каковъ бы ни былъ результатъ примирительной политики, преслѣдованія не ведутъ къ миру. Фракція непримиримыхъ рѣшила уничтожить и короля и парламентъ, Пороховой заговоръ сдѣлалъ терпимость по отношенію къ католикамъ невозможной больше, чѣмъ на сотню лѣтъ. Насъ теперь занимаетъ не исторія заговора, а его важныя послѣдствія. Онъ повелъ не только къ усиленію преслѣдованій, вопреки постояннымъ желаніямъ короля, но—что было особенно странно—онъ повелъ къ непопулярности Іакова на ряду съ тѣми людьми, которыхъ онъ не хотѣлъ преслѣдовать, хотя они и покушались на его жизнь; въ одномъ изъ памфлетовъ того времени его обвиняли даже въ согласіи на этотъ заговоръ. Помимо этого, заговоръ въ десять разъ увеличилъ силы людей, боровшихся противъ англиканства. Все католическое казалось черни пахнущимъ порохомъ. Ненависть народа къ романистамъ превратилась въ бѣшенство; снова ожили воспоминанія о кострахъ въ Смитфильдѣ. Во время гражданской войны, начавшейся тридцать лѣтъ послѣ этого, ничто не по-

вредило столько дѣлу короля, какъ принятіе имъ вѣрноподданическихъ услугъ католическаго дворянства. Со времени Пороховаго заговора начинается эра преслѣдованій и враждебности англійскаго народа къ римской церкви. Съ этого времени католики, какъ партія, утрачиваютъ всякое значеніе; возбуждаемая ими ненависть совершенно непропорціональна ихъ вліянію и ихъ силѣ.

Политика Іакова по отношенію къ пуританамъ и папистамъ была прямо противоположна политикѣ большинства въ его парламентахъ; палата общинъ вела борьбу за политическую свободу, но въ тоже время она боролась за установленіе духовнаго рабства. Она хотѣла преслѣдованій, она держалась кальвинизма. Пимъ былъ безпощаденъ. «Если мы будемъ снисходительны къ папистамъ, они будутъ требовать терпимости; отъ терпимости они перейдутъ къ равенству, отъ равенства къ господству, отъ господства къ искорененію всѣхъ другихъ религій». Въ 1621 году была составлена знаменитая петиція, настаивавшая на преслѣдованіяхъ; отказъ короля принять ее повелъ къ протесту противъ привиллегій, что было началомъ политической борьбы, закончившейся гражданской войной.

Вопросъ о воскресномъ днѣ.

Терпимость и единовѣріе были не единственными церковными вопросами, изъ за которыхъ велась борьба между короной и парламентомъ. Вопросъ о соблюденіи воскресенья вызывалъ сильную вражду между пуританами и англиканами. Король въ началѣ царствованія повелѣлъ, чтобы «съ сего времени въ субботній день не были посѣщаемы, держимы и употребляемы медвѣжьи бои, бои быковъ, интерлюдіи, представленія и иныя подобныя безпорядочныя и незаконныя упражненія и времяпрепровожденія». Но и это не удовлетворило крайнихъ, въ Англіи всегда было обычнымъ послѣ богослуженія посвящать воскресенье увеселеніямъ. Теперь появилась партія, осуждавшая всякое веселье. Начали строго соблюдать день Господень; люди поставили правиломъ воздерживаться даже отъ тѣхъ увеселеній, которыя разрѣшались статутами; «многіе даже радовались такому своему воздержанію—разсказываетъ Фуллеръ—Въ этотъ день усерднѣйшій фехтовальщикъ кладъ свою рапиру, самый искусный стрѣлокъ не натягивалъ своего лука; даже игры и танцы на лугу вышли изъ моды, и резонно, что замолчали колокольчики, привязываемые къ ногамъ людей, когда даже звонъ ихъ на колокольняхъ считался непозволительнымъ». Послѣ споровъ въ Ланкаширѣ въ 1617 году дѣло было доведено до короля; посовѣтовавшись съ Мортономъ, епископомъ Честера, онъ издалъ декларацію, впослѣдствіи вошедшую въ «книгу увеселеній» (Book of Sports). Существенное содержаніе этой декларацій и книги заключается въ слѣдующимъ мѣстѣ:

«Относительно законныхъ увеселеній нашего народа мы желаемъ, чтобы послѣ окончанія божественной службы нашему доброму

народу не мѣшали и не отговаривали отъ всякихъ законныхъ увеселеній, какъ то отъ танцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, отъ стрѣльбы изъ лука, прыганья, вольтижерства и другихъ подобныхъ безвредныхъ удовольствій, отъ майскихъ игръ, отъ праздничнаго эля и танцевъ на лугу—лишь бы это было въ надлежащее и удобное время, безъ помѣхи и пренебреженія божественной службы».

Ни одинъ вопросъ не раздѣлялъ настолько англійскихъ религіозныхъ людей, какъ споръ о субботѣ. Архіепископа Лоуда обвиняли впослѣдствіи, какъ въ самомъ ужасномъ преступленіи, въ томъ, что онъ «въ этотъ день игралъ на билліардѣ». Его отвѣтъ доказываетъ, какъ новы были возраженія противъ невинныхъ удовольствій—самъ Кальвинъ разрѣшалъ въ воскресенье подобныя игры.

Палата общинъ была представительницей самой суровой формы соблюденія воскресенья, въ 1621 году она изгнала «Шепгерда, члена за Шафтсбюри, за объясненіе, что dies Sabbati значитъ не Саваофа, какъ они говорили, а субботу, и за указаніе, что такъ какъ Давидъ плясалъ предъ скиніей, то лучше бы прежде абсолютнаго запрещенія танцевъ предоставить епископамъ рѣшить вопросъ о законности ихъ». Тутъ снова король и палата разошлись въ мнѣніяхъ. Сначала казалось, что король въ этомъ вопросѣ остался побѣдителемъ, потому что вообще дѣйствовали на основаніи «Книги увеселеній»; но изданіе ея въ царствованіе Карла 1 снова вызвало раздраженіе въ народѣ и сильно повредило королю. Результатомъ этого спора было то, что значительная часть англійскаго духовенства въ теченіе вѣковъ придерживалась системы суроваго осужденія воскресныхъ увеселеній, а съ другой стороны это повело къ ученымъ изслѣдованіямъ исторіи и преданія, къ изданію сочиненій Придо, Гейлина, Иронсайда и Сандерсона, въ которыхъ подробно разработанъ этотъ вопросъ. Общее настроеніе писателей церковниковъ было въ пользу свободы. Для Вогана воскресенье «даетъ въ этомъ мірѣ радость, какъ предвкушеніе будущаго міра»; основная идея сочиненія Георга Герберта объ «этомъ спокойномъ и свѣтломъ днѣ» такая; «сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь».

Кальвинизмъ и Англиканство. Къ концу царствованія Іакова его мѣры были, повидимому, успѣшными. Казалось возможнымъ продолжительное сохраненіе мира. Но кальвинскія идеи господствовали среди духовенства и далеко не вездѣ соблюдали предписанный ритуалъ и порядокъ, предписываемый молитвенникомъ. Нападенія на кальвинскія доктрины, навѣрное, вызвало бы безпорядки, кальвинизмъ господствовалъ въ университетахъ, онъ былъ силенъ среди духовенства; когда король отправилъ делегатовъ на синодъ въ Дортѣ, то представители Англіи оказались кальвинистами. И однако было невозможностью, чтобы эта система могла удержаться въ англиканской церкви. Она была противна ея преданіямъ и ея исторіи, она никогда не проникала въ ея признанные каноны; соб-

ственно говоря, она была не согласима съ молитвенникомъ и статьями этой церкви. Наслѣдникъ Банкрофта, архіепископъ Абботъ, былъ, правда, кальвинистомъ; но сочиненія Гукера и Бильсона были настоящимъ выраженіемъ англиканства. Только новая школа теологовъ болѣе ясно формулировала ученіе церкви. Главными руководителями этой школы были Ланселотъ Андрьюсъ и Вильямъ Лоудъ.

Андрьюсъ и арминіане.

Андрьюса по истинѣ можно признать однимъ изъ самыхъ ученыхъ и святыхъ людей, когда либо правившихъ церковью. Его проповѣди, изящныя, ученыя, полныя юмора и духовной горячности, были очень популярны въ свое время. Молитвы его постоянно распространялись въ новыхъ изданіяхъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій. Его полемическія сочиненія положили основаніе англиканству, какъ его излагали и защищали богословы конца семнадцатаго кѣка. Характерной особенностью его произведеній были обращеніе къ первобытному христіанству и обращеніе за истолкованіемъ къ исторически извѣстнымъ канонамъ нераздѣльной церкви. Его вліяніе какъ въ его собственную эпоху, такъ и въ слѣдующемъ вѣкѣ, объясняется тѣмъ, что онъ обращался на столько же къ сердцу читателя, какъ и къ его уму.

Андрьюсъ былъ послѣдователемъ Гукера, а Лоудъ сознательно подражалъ Андрьюсу. Они оба были вождями партіи, которая стремилась примирить англиканство съ католицизмомъ и благочестіе съ ученостью; Бильсонъ, Бекериджъ, Нейль, Брамгалль, Монтегю, Менверингъ, Козенъ, Іеремія Тайлоръ—каждый по своему были выразителями какой либо изъ сторонъ того движенія, которому было суждено вліять на всѣ классы англійскаго общества. Эта партія вскорѣ получила названіе арминіанъ, въ силу мнимаго ихъ сходства съ голландской партіей, протестовавшей противъ ученія Кальвина о предопредѣленіи, подавленной Морицемъ Нассау и осужденной синодомъ въ Дортѣ. Ихъ полемическое положеніе ясно и опредѣленно выражено въ такихъ книгахъ, какъ «Споръ съ Іезуитомъ Фишеромъ»—Лоуда, книгѣ, которую Карлъ I предъ смертью рекомендовалъ своимъ дѣтямъ, какъ лучшее опроверженіе папизма и пуританства. «Священное писаніе, говорилъ Гукеръ, есть основаніе нашей вѣры»; англійскіе арминіане указывали, что вѣра, имѣющая такую основу, подтверждается преданіемъ, исторической непрерывностью и разумомъ. Принципы, которыхъ они придерживались, были совершенно противоположны кальвинскому индивидуализму: они въ концѣ концевъ полагались не на личность, а на внѣ личности находящуюся силу, на вѣчную силу справедливости.

Лоудъ

Вильямъ Лоудъ родился въ Ридингѣ въ 1573 году. Степень онъ получилъ въ коллегіи св. Іоанна въ Оксфордѣ въ 1598 году и чрезъ два года былъ посвященъ въ діаконы Юнгомъ, епископомъ Рочестерскимъ, о которомъ разсказывали, что «онъ своими изученіями отъ

системъ и мнѣній своего вѣка поднялся до благородныхъ основаній отцовъ церкви, соборовъ и церковныхъ историковъ и предсказывалъ, что Лоудъ будетъ орудіемъ возстановленія церкви, перехода ея отъ узкихъ и частичныхъ принциповъ новаго времени къ болѣе широкимъ, свободнымъ и общественнымъ принципамъ первоначальныхъ апостольскихъ вѣковъ».

Лоудъ находился въ университетѣ въ средѣ кальвинистовъ и въ первыхъ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ онъ боролся противъ господствующей партіи. Въ 1606 году онъ уже былъ настолько извѣстенъ, что враги называли его въ своихъ проповѣдяхъ «ублюдкомъ, на половину папистомъ, на половину протестантомъ», Онъ уже имѣлъ дружескія связи съ знатью и совершилъ проступокъ противъ правилъ церкви, обвѣнчавъ разведенную женщину съ ея любовникомъ, Карломъ Блоунтомъ, лордомъ Моунтжоемъ, впослѣдствіи графомъ Дорсетъ. Въ 1611 году онъ былъ избранъ президентомъ своей коллегіи, хотя эти выборы быяи столь спорными, что для ихъ дѣйствительности потребовалось утвержденіе короля. Онъ не былъ въ милости у Іакова, который былъ слишкомъ кальвинистомъ, чтобы сочувствовать его взглядамъ; но онъ былъ другомъ и мудрымъ совѣтникомъ Букингама и къ концу царствованія Іакова былъ уже на пути къ высокой карьерѣ. Въ 1616 году онъ сдѣлался Глочестерскимъ деканомъ; тамъ онъ реставрировалъ кафедральный соборъ и вынудилъ капитулъ къ единовѣрію и признанію каноновъ церкви. Въ 1621 году онъ былъ уже епископомъ св. Давида; оттуда онъ перешелъ въ кафедру Бата и Уэльса въ 1626 году, въ Лондонъ въ 1628, и въ Кентербюри въ 1633 году. Съ этого времени до его ареста, 1 марта 1642 года, исторія религіи въ Англіи есть исторія его мѣръ и его вліянія.

Цѣль Лоуда. Цѣль Лоуда была троякая. Прежде всего онъ хотѣлъ очистить англійскую церковь отъ плевелъ кальвинизма. Во вторыхъ, онъ хотѣлъ навсегда установить «средній путь» для церкви, далекій какъ отъ Рима, такъ и отъ Женевы. Въ третьихъ, онъ по существу былъ консервативенъ. Современные писатели изображаютъ его реформаторомъ, преслѣдовавшимъ, подобно Страффорду, утопическій идеалъ. Это, конечно, ошибка. Его мѣры для поддержанія порядка и приличія, для наказанія безнравственныхъ проступковъ, принужденіе людей, поклявшихся повиноваться церковнымъ правиламъ и канонамъ, соблюдать ихъ, дѣйствительно реформировали нравы; но онъ все таки никогда не хотѣлъ реформы установленной церкви, не хотѣлъ создать идеальную англиканскую церковь, а просто хотѣлъ и самъ повиноваться и другихъ заставить повиноваться установленнымъ правиламъ церкви. Это объясняетъ его постоянныя ссылки на статьи, каноны, законы, на всѣ признанныя церковныя правила. Это же дѣлаетъ его отвѣты при судѣ надъ нимъ столь убѣдитель-

ными, если стать на его точку зрѣнія. Онъ не вводилъ никакихъ новшествъ; для всего, что онъ дѣлалъ, у него были извѣстная глава и извѣстный стихъ. Можетъ быть, пуритане и сдѣлали умно, отрубивъ ему голову, такъ какъ онъ былъ ихъ заклятымъ врагомъ; но никакъ нельзя утверждать, что онъ вводилъ новшества и желалъ извратить протестантскую религію.

Благодаря дружбѣ съ Букингамомъ Лоудъ получилъ вліяніе на принца Валійскиго и это вліяніе усилилось и укрѣпилось, когда Карлъ сдѣлался королемъ. Онъ былъ именно такимъ человѣкомъ, который могъ влiять на молодого государя. Карлъ былъ совершенно благонамѣреннымъ и честнымъ человѣкомъ, но онъ былъ слабымъ и колеблющимся, и въ тоже время упорнымъ и упрямымъ. Казалось, что у него нѣтъ опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ. Никогда нельзя было надѣяться, что онъ будетъ твердо держаться того, что онъ считалъ истиной. Лоудъ, напротивъ, былъ совершенно безхитростнымъ человѣкомъ. Его вѣрованія были очень опредѣленными; для него различіе между добромъ и зломъ было всегда яснымъ, и онъ никогда не забывалъ о долгѣ. Его совѣстливость была мелочной; его прямота почти грубой. Одну черту онъ, по крайней мѣрѣ, передалъ и Карлу—это преданность установленной церкви. Вліяніе Лоуда на Карла.

Энергичная политика Лоуда имѣла одинъ недостатокъ, обусловливаемый его характеромъ. Онъ видѣлъ только настоящее и отдаленное будущее; для него средняго разстоянія не существовало. Онъ не предвидѣлъ непосредственныхъ результатовъ своей дѣятельности въ Англіи и въ Шотландіи. Это и повело къ полной временной неудачѣ его политики, къ уничтоженію епископата, къ упраздненію богослуженія и даже къ гражданской войнѣ—хотя этотъ послѣдній результатъ и менѣе очевиденъ. Но это же повело въ позднѣйшее время къ возстановленію англиканства и къ его упроченію. Еслибы Лоудъ былъ болѣе осторожнымъ и менѣе послѣдовательнымъ, онъ не сдѣлалъ бы того, что ему удалось сдѣлать. Никто такъ ясно не понялъ этой стороны его дѣятельности, какъ Кларендонъ, слова котораго настолько характерны и значительны, что мы приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ:

«Онъ былъ человѣкъ большой храбрости и рѣшительности (говоритъ канцлеръ Кларендонъ, который самъ въ молодости смѣло предупреждалъ архіепископа и давалъ ему совѣты). Онъ былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что, по его мнѣнію, всѣ его дѣйствія и намѣренія имѣли цѣль благочестивую и справедливую (и конечно, никто не былъ настолько преданъ королю, церкви и родинѣ, какъ онъ), и потому онъ никогда не изучалъ, какія средства лучше ведутъ къ этимъ цѣлямъ; онъ полагалъ, можетъ быть, что какое либо искусство или стараніе дискредитируютъ самую цѣль или по крайней мѣрѣ сдѣлаютъ подозрительной ея честность. Онъ слишкомъ мало угож-

далъ лицамъ; онъ не хотѣлъ. чтобы его цѣли и намѣренія казались такими благонамѣренными, какими они были въ дѣйствительности; онъ не хотѣлъ облекать ихъ въ какія либо иныя формы, кромѣ ихъ естественной красоты или грубости; онъ не думалъ о томъ, что скажутъ или могутъ сказать о немъ люди. Если нужно было найти и наказать пороки и проступки, то кто бы ни были виновные, они не могли ожидать отъ него милости или снисхожденія. Онъ хотѣлъ, чтобы о церковной дисциплинѣ не только говорили, но чтобы ее чувствовали, чтобы она примѣнялась къ самымъ знатнымъ и блестящимъ ея нарушителямъ также, какъ и къ меньшимъ проступкамъ и къ неимѣющимъ общественнаго положенія виновникамъ; потому онъ требовалъ и поощрялъ наказаніе людей, не скрывающихъ своихъ проступковъ потому, что, по ихъ мнѣнію, они были слишкомъ могущественны для того, чтобы ихъ могла достать рука закона. Знатныя и почетныя лица, люди двора и провинціальные дворяне, постоянно вызывались къ суду Верховной комиссіи на основаніи слуховъ объ ихъ невоздержанности или другихъ скандаловъ въ ихъ жизни и подвергались позору и наказанію. Позоръ же никогда не забывается; люди ждутъ случая отомстить за него. Позоромъ же они называли дерзкое нападеніе на ихъ знатность и званіе и уравненіе ихъ съ простымъ народомъ. Налагаемые на нихъ штрафы тѣмъ болѣе подвергались спору и тѣмъ болѣе раздражали, что они предназначались на перестройку и исправленіе церкви св. Павла; полагали, что именно потому эти штрафы такъ сурово и налагаются и взыскиваются безъ всякаго милосердія, въ силу чего такъ сильно и роптали на юрисдикцію и суровость Звѣздной палаты, и многіе, не имѣвшіе сначала никакой злобы къ церкви, были сильно раздражены противъ епископовъ».

Руководясь идеей упрочить нравственность и порядокъ въ вѣкъ своеволія и вынудить къ соблюденію правилъ церкви, Лоудъ также, какъ и другіе епископы той школы, главой которой онъ былъ, былъ готовъ воспользоваться всякимъ признакомъ реакціи противъ узости кальвинской теологіи. Такая реакція проявилась напр. въ 1624 году въ спорѣ, въ которомъ центральной фигурой былъ ученый памфлетистъ Ричардъ Монтегю, ректоръ Станфордъ Риверсъ въ Эссексѣ.

Лоудъ и кальвинизмъ.

Монтегю былъ кембриджскій богословъ, помогавшій сэру Генриху Савилю въ его литературной работѣ въ Итонѣ; его Іаковъ просилъ отвѣчать Баронію. Онъ, по указанію Казабона, работалъ надъ старыми отцами церкви и надъ соборами и хотѣлъ доказать и публикѣ и ученымъ, что «англиканская церковь стоитъ, какъ утесъ противъ пуританства и папизма, противъ Сциллы и Харибды древняго благочестія». Онъ началъ споръ съ нѣкоими «римскими разбойниками», пытавшимися обратить его паству, а также и съ пуританскими священниками и съ пуританской палатой общинъ. Его популярный

памфлетъ: «Новый намордникъ для стараго гуся» (A new Gag for an Old Goose) былъ отвѣтомъ на памфлетъ романистовъ, озаглавленный «Намордникъ для Новаго Евангелія» (A Gag for New Gospel). Палата общинъ напала на Монтегю и начался продолжительный споръ. Епископы партіи Лоуда защищали его, но палата не хотѣла уступить. Въ концѣ концовъ Карлъ попытался остановить полемику деклараціей, повелѣвавшей хранить молчаніе о глубокихъ вопросахъ о предопредѣленіи и избраніи. Въ 1628 году такой же политики умиротворенія придерживались, приложивъ въ качествѣ предисловія къ тридцати девяти статьямъ королевскую декларацію.

Но палата продолжала нападать на арминіанъ; назначеніе Монтегю епископомъ, разумѣется, не умиротворило ее; особенно рѣзко нападали на Менверинга за проповѣдь, которую, впрочемъ, самъ Лоудъ считалъ несправедливой, и на Козена за книгу, которую пуритане считали папистской. Комитетъ по вопросамъ религіи представилъ отчетъ, сильно осуждавшій школу Лоуда и Эліотъ напалъ на политику замолчанія. Палата общинъ превратилась въ «богословскую школу»; результаты разсужденій о богословіи людей, не имѣвшихъ о ней никакого понятія, понятны. Дебаты сдѣлались историческими, религія сдѣлалась однимъ изъ главныхъ факторовъ парламентской оппозиціи. Нѣкоторыя смѣлыя мѣры короля: арестъ Эліота, распущеніе парламента и королевская декларація о признаніи установленныхъ правилъ и «петиціи о правахъ», на время произвели умиротвореніе.

Во время этой пріостановки въ великой борьбѣ и было совершено главное дѣло Лоуда. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ этого дѣла.

Характеристика дѣятельности Лоуда.

1. Слѣдуетъ отмѣтить его терпимость. Когда палата общинъ хотѣла истолковать «статьи» въ кальвинскомъ смыслѣ и заставить другихъ толковать ихъ также, онъ писалъ: «Всѣ и всегда, насколько мнѣ извѣстно, согласны относительно какого нибудь канона или статьи въ томъ смыслѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ; а если онъ имѣетъ не одинъ только смыслъ, то всякій имѣетъ право выбирать тотъ смыслъ, какой велитъ ему его разумъ—лишь бы это былъ смыслъ по аналогіи согласный съ вѣрой и лишь бы человѣкъ держался его мирно, не безпокоя церковь; и это до тѣхъ поръ, пока церковь не опредѣлитъ смысла статьи; во всѣ вѣка, или въ большинствѣ случаевъ, мудрость церкви состояла въ томъ, чтобы требовать вообще возможнаго согласія на статьи, ибо таковъ есть путь единенія, а церковь, требующая согласія въ частностяхъ, раздѣляется». Такимъ образомъ его мудрость состояла въ томъ, что онъ никогда не требовалъ согласія въ частностяхъ—и тутъ онъ былъ противникомъ послѣдовательной политики пуританъ и палаты общинъ. Однако, онъ совсѣмъ не былъ такимъ человѣкомъ, что бы

предпочитать миръ истинѣ. Онъ дѣйствовалъ безбоязненно на основаніи своихъ убѣжденій; но при этомъ былъ всегда готовъ заключить миръ между людьми, спорившими изъ за убѣжденій. Онъ хотѣлъ компромисса между всѣми наиболѣе мыслящими людьми въ церкви, даже тогда, если ихъ идеи не были вполнѣ правовѣрными. Онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Чиллингвортомъ и Гальсомъ. Первый перешелъ изъ католицизма снова въ англиканство до значительной степени благодаря его вліянію. Въ 1637 году вышла въ свѣтъ «Религія протестантовъ». Въ ней были изложены принципы Лоуда въ освѣщеніи остраго и логическаго ума Чиллингворта; главный тезисъ сочиненія былъ основанъ на одномъ изъ мѣстъ сочиненій самого Лоуда: «англиканская церковь никогда не утверждала, что всякая изъ ея статей существенна для вѣры, ибо одно дѣло утверждать, что ни одна изъ нихъ не суевѣрна и не ошибочна, а другое—что всякая изъ нихъ существенна во всѣхъ ея частяхъ для вѣры всѣхъ людей». Гальсъ не обладалъ такой логичностью, какъ Чиллингвортъ; но его ученость, его кротость, его простая жизнь сдѣлали его имя почтеннымъ и дорогимъ для многихъ поколѣній. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій въ рѣдкой библіотекѣ не было экзепляра «Golden Remains of Ever Memorable John Hales».

Лоудъ питалъ къ нему искреннюю симпатію, хотя они и не сходились во взглядахъ. Лоудъ любилъ за честность и искренность тѣхъ людей, которыхъ пуритане жгли какъ еретиковъ.

2. У Лоуда терпимость шла рука объ руку съ любовью къ учености. Говоря словами величайшаго государственнаго человѣка Англіи [1]), «онъ былъ первымъ изъ примасовъ Англіи, который доказалъ своими дѣйствіями, что онъ былъ терпимымъ теологомъ». Оксфордскій университетъ, канцлеромъ котораго онъ былъ съ 1630 года, ему обязанъ своей единственной въ мірѣ коллекціей восточныхъ манускриптовъ. Онъ основалъ кафедру арабскаго языка и поощрялъ ученыя работы богослововъ, сдѣлавшихъ вѣкъ Карла знаменитымъ въ исторіи англійской теологіи. Хотя самъ онъ былъ слишкомъ дѣятельнымъ человѣкомъ, чтобы быть ученымъ, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, ничто не было ближе его сердцу, какъ любовь къ наукѣ.

3. Онъ боролся за нравственность. Несмотря на произвольную и неконституціонную процедуру суда Верховной коммиссіи, это было его сильной стороной. Самыя простѣйшія обязанности простой нравственности въ то время нуждались въ принужденіи, и судъ принуждалъ, не обращая вниманія на званіе личностей.

Церковь и государство.

4. Самой выдающейся чертой политики Лоуда слѣдуетъ, однако, признать ея отношеніе къ политикѣ государства. Благодаря его дѣятельности теорія божественнаго права—теорія, пытавшаяся въ

---

[1]) Romanes Lecture—Гладстона. Ср. Гардинера—Civil War.

противоположность ученіямъ Іезуитовъ и республиканцевъ основывать правительственную власть не на зыбкомъ пескѣ общественнаго мнѣнія или на произволѣ религіозной власти, а на правѣ и божественномъ велѣніи—казалось, перешла въ практическую дѣятельность. Церковь и государство работали рука въ руку. Церковь осуждала враговъ государства. Когда Короткій парламентъ отказалъ королю въ субсидіяхъ, ихъ дала ему Конвокація. Государство исполняло декреты церкви. Такая теорія и такая практика не принадлежали исключительно одному Лоуду. Всѣ партіи того времени видѣли въ государствѣ естественнаго защитника церкви и исполнителя ея религіозныхъ декретовъ; пуритане еще болѣе англичанъ хотѣли помощи свѣтской власти. Лоудъ засѣдалъ и въ Звѣздной палатѣ и въ Верховной комиссіи. Было трудно различить его функціи и онъ по справедливости имѣлъ свою долю—и даже, можетъ быть, большую, чѣмъ по справедливости слѣдовало въ непопулярности этихъ нелегальныхъ трибуналовъ. Но было бы ошибочно считать архіепископа убѣжденнымъ приверженцемъ произвольной власти. Понятіе о божественномъ правѣ королей въ дѣйствительности получило преобладаніе только тогда, когда начали оспаривать права Карла на управленіе; сомнительно, чтобы это понятіе когда нибудь было преобладающимъ въ умѣ Лоуда. Для него этотъ вопросъ былъ прежде всего церковнымъ; для него было достаточно признанія королевской суприматіи въ церкви, установленной существующимъ закономъ и обычаемъ, и пользованія этой суприматіей для той великой цѣли, которой онъ надѣялся достигнуть при ея посредствѣ. Но такое орудіе было обоюдуострымъ, и отъ него Лоудъ потерялъ и власть и жизнь.

Неудача политики Лоуда.

Еслибы дѣятельность Лоуда и затрудненія короля ограничивались Англіей, то возможно, что они не потерпѣли бы такого пораженія. Но возмущеніе Ирландіи послѣ энергичнаго управленія Страффорда и мѣръ для поддержанія ирландской церкви и антиэрастіанское и націоналистическое движеніе въ Шотландіи вмѣстѣ съ ростомъ политической оппозиціи въ Англіи на время уничтожили всякіе слѣды ихъ власти.

Въ то время, какъ воздушные замки, построенные Карломъ въ Шотландіи, разсыпались въ прахъ, Лоудъ въ Англіи, повидимому, восторжествовалъ надъ оппозиціей. Онъ отстоялъ свое право визитаціи университетовъ и съ большимъ успѣхомъ провелъ ревизію своей эпархіи. Онъ устранилъ съ своей дороги опортюниста латитудинаріанца Вильямса, епископа Линкольнскаго. Даже въ то время, когда Шотландскій парламентъ доказалъ, насколько рѣшительно намѣрены были его вожди устранить церковную систему, съ такимъ трудомъ воздвигнутую Лоудомъ, онъ не отказался отъ своей задачи. Конвокація провела новые каноны въ то время, когда политическая оппозиція достигла апогея своего могущества.

Лоудъ и духовенство. Изъ оффиціальныхъ отчетовъ видно, насколько Лоуду удалось добиться подчиненія молитвеннику, статьямъ и канонамъ. Трудно, хотя и очень интересно, опредѣлить насколько большинство англійскаго духовенства искренно сочувствовало его идеаламъ. Но мы можемъ прослѣдить вліяніе этого идеала въ двухъ выдающихся личностяхъ, бывшихъ очень отличными одна отъ другой и по характеру и по образу жизни. Николасъ Ферраръ и Георгъ Гербертъ—оба вполнѣ симпатизировали католическому англиканству архіепископа.

Ферраръ. Ферраръ, бывшій одно время членомъ парламента за Лимингтонъ и находившійся въ оппозиціи, былъ человѣкомъ сильно заинтересованнымъ колонизаціей Виргиніи, дѣловымъ человѣкомъ и ученымъ; въ тридцатидвухлѣтнемъ возрастѣ онъ удалился въ деревню и поселился съ матерью и съ семьей въ Литль-Гиддингѣ въ Гунтингдонширѣ. Посвященный Лоудомъ въ діаконы, онъ рѣшилъ возродить религіозную жизнь въ англиканской церкви. Его семья жила вполнѣ по правиламъ, въ постоянномъ благочестіи, съ регулярнымъ распредѣленіемъ дня, съ регулярной работой и регулярной благотворительностью. Эта счастливая семья, «забывшая о мірѣ и забытая міромъ», вставала въ полночь для молитвы, занималась дѣлами благочестія и воспитанія и жила такъ покойно до тѣхъ поръ, пока ея домъ не былъ въ 1846 году разграбленъ парламентскими войсками,

Простота, святость и миръ ихъ жизни составлялъ рѣзкій контрастъ съ бурями и эгоистичностью внѣшняго міра. Но примѣръ ихъ не прошелъ безслѣдно. Король и архіепископъ относились милостиво къ Фаррару, да и всѣ утомленные люди привлекались къ нему... «Слѣдуетъ сказать читателю—разсказываетъ Исаакъ Вальтонъ—что многіе изъ духовенства, болѣе склонные къ практическому благочестію, чѣмъ къ сомнительнымъ и ненужнымъ спорамъ, часто пріѣзжали въ Гиддингъ-Голль и вступали въ счастливое общество, жили тамъ по недѣлямъ и вмѣстѣ съ Фарраромъ и его семьей участвовали въ ихъ молитвахъ и въ ихъ ночныхъ бодрствованіяхъ; такихъ молитвъ ночью было въ семьѣ не меньше двухъ, онѣ совершались всегда въ церкви или въ ораторіи, за исключеніемъ холодныхъ зимнихъ ночей, когда онѣ совершались въ отапливаемой залѣ; зала была приспособлена для этой цѣли. Ферраръ жилъ такой жизнью благочестія и благотворительности для всѣхъ сосѣднихъ бѣдныхъ до самой его смерти».

Гербертъ. Георгъ Гербертъ не былъ пустынникомъ; онъ былъ простымъ деревенскимъ священникомъ. Онъ былъ родственникъ графа Пемброка, блестящій ученый, придворный ораторъ въ Кембриджѣ; король любилъ и уважалъ его; ему открывалась блестящая карьера. Онъ долго не могъ рѣшить, «отдаться ли ему удовольствіямъ придворной жизни или изученію богословія и вступить въ ряды духовенства, къ чему часто убѣждала его любимая мать»; наконецъ,

онъ былъ посвященъ въ діаконы, но колебался принять на себя большую отвѣтственность, пока Лоудъ не убѣдилъ его и онъ тогда принялъ приходъ Бемертонъ близъ Салисбюри.

Въ Бемертонѣ онъ жилъ, какъ онъ пишетъ, «идеальной жизнью храмового священника». Его простыя проповѣди и его добродѣтельная жизнь привлекали народъ къ благочестію и доброй жизни; а онъ писалъ поэмы, овладѣвшія душами слѣдующихъ поколѣній, привлекшія сердца людей къ возрожденію церкви. Жизнь Герберта была сама по себѣ лучшей изъ его поэмъ; она была столь же прекрасна и изящна, какъ его стихи. Тѣ прелестныя строки, которыя столь характерны для его вѣка.

„Прекрасный день, такой холодный, такой спокойный и свѣтлый
—Это обрученіе земли и неба".

были лучшей характеристикой его собственной личности.

Ферраръ и Гербертъ были друзьми. «Ихъ благочестивая жизнь—разсказываетъ Исаакъ Вальтонъ—была такъ извѣстна, что слухи объ ихъ святости дали имъ поводъ возобновить знакомство, начавшееся въ то время, когда они оба были въ Кембриджѣ, и эта новая святая дружба поддерживалась безъ перерыва дружескими и любящими письмами».

Гербертъ завѣщалъ Феррару рукописи своихъ поэмъ и онѣ были изданы черезъ нѣсколько недѣль послѣ его смерти. Пустынникъ и сельскій пасторъ были лучшими образцами религіозной жизни того времени; но были и другіе, о которыхъ такъ трогательно разсказываетъ Исаакъ Вальтонъ, и которые могутъ служить образцами вліянія школы Андрьюса и Лоуда на различныхъ людей. Одинъ писатель [1]) очень мѣтко замѣчаетъ, что «спеціальная миссія Герберта и его сотоварищей состояла какъ будто въ томъ, чтобы доказать англійскому народу, что возможно существованіе изящнаго джентльмена, который вмѣстѣ съ тѣмъ христіанинъ и церковникъ. Они дали тонъ англиканской церкви и открыли некультурнымъ и неученымъ людямъ всю утонченность и изящество богопочитанія. При выборѣ церковнаго облаченія и музыки они соединяли изящный вкусъ съ культурностью и сдержанностью выраженія; они доказали, что это согласимо съ благочестивой жизнью и благочестивой дѣятельностью».

Такимъ образомъ дѣятельность Лоуда имѣла вліяніе на всю Англію. Но при собраніи Долгаго парламента этой дѣятельности былъ положенъ конецъ. 18 декабря 1840 года, онъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ. «Я оставался въ Ламбетѣ до вечера, чтобы избѣжать взглядовъ людей—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Къ вечерней молитвѣ я отправился въ свою капеллу. Псалмы этого дня, Осужденіе Лоуда

1) Предисловіе Шортгоуза къ Temple—Герберта.

93 и 94-й, и глава 50-я Исаiи много утѣшили меня. Боже, сдѣлай меня достойнымъ сего и способнымъ къ воспрiятiю! Когда я пошелъ къ своей лодкѣ, сотни моихъ бѣдныхъ сосѣдей стояли тутъ и молились о моей безопасности и о возвращенiи моемъ домой, за что благословляю Бога и ихъ».

Дѣятельность слѣдующаго года разрушила все, сдѣланное Лоудомъ. Но уже были признаки того, что парламенту приходилось бороться съ наиболѣе сильной стороной системы управленiя церкви и государства. Народъ выучился любить церковь, какъ бѣдные сосѣди Лоуда любили его. Наиболѣе вдумчивые изъ мiрянъ видѣли въ ней защиту противъ тяжелой монотонности демократической религiозности.

Когда господствующая партiя палаты общинъ рѣшила уничтожить епископатъ, Фалькландъ и Сельденъ разошлись съ Гампденомъ и Пимомъ. Гайдъ, которому церковь казалась защитой порядка и благочестiя и Фалькландъ, проницательность котораго позволила ему понять, что истинный защитникъ духовной свободы есть церковь, а не пуританство, вынули свой мечъ за церковь и короля. Уже проявлялся страхъ предъ инквизиторской системой пресвитерiанства. 27 февраля 1841 года, палатѣ лордовъ была представлена петицiя Чешира, въ которой до значительной степени проявлялись не церковническiя настроенiя и которая протестовала противъ замѣны тиранiей «почти сорока тысячъ правителей церковью» управленiя ординарiевъ, которые «были отвѣтственны предъ парламентомъ за всякое уклоненiе отъ предписанiй закона». Когда король поднялъ свое знамя, церковь болѣе всѣхъ другихъ учрежденiй поддержала его—и именно потому, что она, повидимому, являлась представительницей разумной свободы, которой угрожали тѣ самыя люди, благородной цѣлью которыхъ была политическая свобода.

Религiозная борьба. Пуританство и нонконформизмъ.

Джона Броуна.

Воцаренiе Iакова I оживило надежды пуританской партiи. Онъ былъ воспитанъ между пресвитерiанами, былъ ученикомъ Георга Буханана и часто слушалъ проповѣди учениковъ Джона Нокса; онъ пригласилъ Картрайта, вождя англiйскихъ пресвитерiанъ, профессоромъ въ Шотландiю; онъ писалъ Елисаветѣ въ его защиту, когда онъ впалъ въ немилость и даже защищалъ Удаля въ то время, когда тиранiя суда Верховной комиссiи достигла своего апогея. Даже

болѣе того: въ общемъ собраніи Шотландской кирки въ 1590 году онъ высказалъ мнѣніе, что пресвитеріанская церковь «наиболѣе чистая въ мірѣ» и объявилъ, что богослуженіе англиканской церкви — это «плохо сказанная на англійскомъ языкѣ месса» и что «въ ней имѣется все, что есть въ мессѣ», кромѣ обожанія Гостіи. Потому было разсудительно предполагать, что онъ, если и не захочетъ передѣлывать церковь на основаніи пуританскихъ идей, то все же не будетъ считать эти идеи преступными. На основаніи такихъ предположеній пуритане встрѣтили его на дорогѣ въ Лондонъ и подали ему петицію тысячи (Millenary Petition), названную такъ потому, что она выражала мнѣнія тысячи священниковъ. Потому петиція была умѣренной; въ ней не было высказано желанія преобразованія церкви по идеямъ пресвитеріанъ, не было нападеній на сановниковъ церкви, не было признанія епископата несогласнымъ съ писаніемъ. Петиціонеры просили только нѣкоторыхъ измѣненій въ молитвенникѣ, вродѣ уничтоженія выраженій «отпущеніе» и «священникъ»; они протестовали противъ употребленія знаменія креста при крещеніи и кольца при бракѣ, противъ употребленія скуфьи и рясы и противъ обряда конфирмаціи. Они протестовали также противъ «продолжительности служенія» и злоупотребленія церковнымъ пѣніемъ и музыкой, противъ крещенія женщинами и противъ отлученія такими мірскими личностями, какъ комиссаръ архидіакона, или за пустяки и безъ согласія пасторовъ. Далѣе они просили ограниченія надзора за проповѣдниками, уничтоженія злоупотребленій въ гражданскихъ судахъ, уничтоженія присвоенія десятинъ и соединенія церковныхъ приходовъ.

Гамптонъ-Кортская конференція.

Сначала, казалось, что ихъ петиція будетъ имѣть послѣдствія. Въ слѣдующемъ іюлѣ король по собственному почину объявилъ, что желаетъ поощрять увеличеніе количества проповѣдниковъ и для этой цѣли готовъ отдать нѣкоторыя присвоенныя короной десятины. Осенью онъ издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ, что желаетъ исправить всѣ злоупотребленія въ церкви и для полученія необходимыхъ по сему предмету свѣдѣній созываетъ въ теченіе слѣдующей зимы конференцію подъ своимъ предсѣдательствомъ. На основаніи этой прокламаціи 14 января 1604 года собралась Гамптонъ Кортская конференція. При ея собраніи сразу было очевидно, что надежды пуританъ не осуществятся. Король проявилъ себя горячимъ защитникомъ церкви, а не безпристрастнымъ предсѣдателемъ конференціи; онъ съ презрѣніемъ говорилъ о пресвитеріанствѣ, которое настолько же согласуется съ монархіей, какъ дьяволъ съ Богомъ; въ концѣ засѣданій онъ выбѣжалъ изъ комнаты, объявивъ, что онъ заставитъ этихъ церковныхъ реформаторовъ подчиниться или выгонитъ ихъ изъ Англіи. Епископы ликовали; пуритане пришли въ уныніе. Не безъ основанія описывали это время, какъ критическую эпоху въ исторіи англиканской церкви, когда существовала возможность при-

миренія и когда этой возможностью безразсудно не воспользовались. Большинство требованій недовольныхъ было умѣренными и могли быть удовлетворены безъ потерь для церкви; и дѣйствительно, многія изъ этихъ требованій впослѣдствіи были признаны въ силу необходимости, а другіе были признаны добровольно, такъ какъ люди сознавали ихъ разсудительность и основательность. Но Іаковъ хотѣлъ во что бы то ни стало держаться «историческихъ традицій».

Каноны 1604 года.

За Гамптонъ Кортской конференціей слѣдовали каноны конвокаціи 1604 года, принятыя во время сессіи конвокаціи 1603 года. Такъ какъ эти каноны не были утверждены парламентомъ, то они и не были обязательны для мірянъ; но по инпціативѣ Банкрофта, бывшаго предсѣдателемъ конвокаціи, они были изложены такимъ образомъ, что люди, несогласные съ опредѣляемыми ими строемъ и статьями церкви, по совѣсти не могли оставаться въ рядахъ духовенства. Всѣ отказавшіеся принять требуемую ими присягу были лишены званія и около трехсотъ священниковъ покинули свои приходы.

Сепаратисты внѣ церкви раздѣляли надежды пуританъ при воцареніи Іакова. Въ 1603 году они тоже представили петицію, прося увеличенія своихъ правъ на свободу богослуженія и жалуясь на бѣдствія, выдержанныя ими въ изгнаніи и на жестокія преслѣдованія на родинѣ. Они указывали королю на представленное ими изложеніе ихъ вѣры и вкратцѣ указывали на пункты разногласія ихъ съ англиканской церковью.

Переселеніе пуританъ въ Амстердамъ.

Многіе изъ изгнаниковъ, о которыхъ говорилось въ этой петиціи, послѣ казни Барроу, Гринвуда и Пенри въ 1593 году и послѣ последующаго за этой казнью суроваго акта о сборищахъ (Conventicle Act), убѣжали въ Амстердамъ. Количество ихъ увеличивалось время отъ времени прибытіемъ новыхъ эммигрантовъ. Туда же, какъ уже сказано, бѣжали и тѣ, которые отказались отъ подписки, требуемой канонами, изданными конвокаціей и позже туда ушли подъ руководительствомъ Вилльяма Бревстера и Джона Робинзона члены небольшой церкви въ Скруби въ Ноттингамширѣ—это было уже въ 1608 году. Потомъ они удалились въ Лейденъ и оттуда въ 1620 году въ Новую Англію—всѣхъ ихъ и называютъ въ исторіи «Отцами Пиллигримами».

Англійскіе баптисты.

Англійскіе баптисты произошли отъ этой небольшой общины изгнанниковъ. До этого въ Англіи появились нѣкоторые изъ нѣмецкихъ анабаптистовъ; къ нимъ отнеслись тамъ недружелюбно и отправили назадъ; туземной общины въ то время въ Англіи не образовалось. Позднѣйшіе баптисты произошли такимъ образомъ: въ 1536 году нѣкто Менно Симонсъ, католическій священникъ, принялъ протестантство и вступилъ въ одну изъ континентальныхъ баптистскихъ общинъ. Въ январѣ 1537 года онъ сталъ во главѣ людей,

протестовавшихъ противъ насильственныхъ и фанатическихъ дѣяній анабаптистовъ того времени. Кажется, что это былъ человѣкъ ученый и способный и пожертвовавшій всѣмъ для своихъ религіозныхъ убѣжденій. Онъ велъ жизнь непрерывнаго труда и страданій и результатомъ его серьезной и успѣшной проповѣди было образованіе въ Эмбденѣ, Кельнѣ, Висмарѣ и Голштейнѣ, а также и въ Фрисландіи, организованныхъ и энергическихъ церквей. Эти меннонитскія общины не слѣдуетъ смѣшивать съ анабаптистами континента, потому что онѣ съ самаго начала отказались отъ всякихъ отношеній съ партіей Сторка, Стубнера, Целлераріуса и Мюнцера, которая признавала свои энтузіастическія откровенія замѣной св. Писанія. Меннониты, повидимому, заимствовали свои положенія у швейцарскихъ баптистовъ и сильно противились крещенію младенцевъ, признавая только крещеніе взрослыхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что они крестили не погруженіемъ, а посредствомъ обливанія, т. е. лили воду на голову лица, принимаемаго въ ихъ церковь.

Двое изъ амстердамскихъ изгнанниковъ, пуритане Джонъ Смитъ и Томасъ Гельвисъ, вступили съ ними въ сношенія, приняли ихъ взгляды и вмѣстѣ съ тридцатью другими англійскими изгнанниками составили баптистскую церковь въ этомъ городѣ. Въ 1611 году Гельвисъ и его другъ Джонъ Муртонъ возвратились въ Англію, привезли съ собой нѣсколькихъ членовъ вновь организованной общины и въ Лондонѣ основали первую англійскую баптистскую церковь въ 1612 году. Вторая церковь образовалась, кажется, близъ Ньюгета въ 1615 году, гдѣ пасторомъ былъ Муртонъ и гдѣ въ 1626 году членовъ было уже стопятьдесятъ. Въ этомъ году съ этими лондонскими церквами были въ братскихъ отношеніяхъ общія или арминіанскія баптистскія церкви въ Линкольнѣ, Ковентри, Салисбюри и Тивертонѣ. Такимъ образомъ первыя баптистскія церкви въ Англіи были меннонитскими по происхожденію, продолжали имѣть сношенія съ меннонитской церковью въ Амстердамѣ и крестили также, какъ и та, обливаніемъ. Крещенія погруженіемъ не было въ Англіи, кажется до 1641 года.

Индепенденты, иногда называемые броунистами, а иногда барровистами, а вообще сепаратистами, имѣли церковь въ Лондонѣ вѣроятно еще въ царствованіе Маріи, и навѣрное въ началѣ царствованія Елисаветы и продолжали тайно и съ большими затрудненіями сходиться до тѣхъ поръ, пока суровый актъ о сборищахъ (Coventicle Act) 1593 года дезорганизировалъ и разогналъ ихъ. Генрихъ Якобъ, жившій въ Лейденѣ и имѣвшій близкія отношенія съ церковью «отцовъ пиллигримовъ» въ этомъ городѣ, вернулся въ Лондонъ въ 1616 году и снова собралъ оставшихся въ живыхъ и разсѣянныхъ членовъ церкви сепаратистовъ. Изъ нихъ и изъ другихъ своихъ послѣдователей онъ образовалъ церковь въ Соутваркѣ, существую-

Индепенденты.

щую и до настоящаго времени. Въ 1624 году онъ эммигрировалъ въ Америку; ему наслѣдовалъ Джонъ Лотропъ. Лоудъ, бывшій тогда лондонскимъ епископомъ, открылъ эту церковь, арестовалъ и посадилъ въ тюрьму сорокъ два изъ ея членовъ. Послѣ освобожденія Лотропъ и нѣкоторые изъ членовъ церкви тоже эммигрировали въ Новую Англію и составили общину въ Сцитуэтъ, въ графствѣ Плимутъ. Лондонскій пасторатъ Лотропа перешелъ къ знаменитому Джону Канне, а потомъ къ Самуэлю Гоу, и подъ ихъ руководительствомъ эта старая церковь сепаратистовъ удержалась до республики.

Пуританство и католическія традиціи.

Къ десятому году царствованія Іакова въ церкви установились два противоположныхъ и вѣчно боровшихся принципа: католическій и пуританскій. Въ началѣ реформаціи и даже въ царствованіе Елисаветы никто не думалъ говорить о божественномъ происхожденіи епископальной системы. Первымъ въ этомъ отношеніи былъ Банкрофтъ, впослѣдствіи архіепископъ, въ проповѣди въ церкви Креста св. Павла въ 1588 году; и его утвержденіе было просто протестомъ противъ утвержденія о божественномъ правѣ пресвитеріанства. Только тогда, по словамъ Галлама, защитники установленнаго порядка поняли, что самое лучшее возраженіе на притязанія на божественное право состоитъ въ томъ, чтобы и съ своей стороны выставить подобное же притязаніе. Даже архіепископъ Уитгифтъ говорилъ, что онъ не можетъ заставить себя повѣрить въ это божественное право епископа—хотя и желалъ бы вѣрить въ него. И дѣйствительно, послѣ сочиненій Банкрофта и Бильсона оставалось еще много неустановленнаго, когда Лоудъ началъ дисциплинарными мѣрами вынуждать духовенство признать такое притязаніе. Еще раньше того, какъ политика Лоуда получила преобладаніе, пуританство все болѣе и болѣе начинало вторгаться въ самую церковь. Въ націи замѣчался серьезный упадокъ религіозности. Презрительно относились ко всему серьезному. Если какой нибудь провинціальный дворянинъ неодобрялъ пороковъ своихъ сосѣдей или защищалъ угнетенныхъ пуританъ, его самого объявляли пуританиномъ и смѣялись надъ нимъ. Люси, жена полковника Гётчинсона, описываетъ, какую бурю негодованія и оскорбленій вызвалъ домъ ея отца и другихъ порядочныхъ людей того же типа только за то, что они осмѣлились жить другой, необычной жизнью въ этотъ порочный вѣкъ. Та же судьба постигла и людей, занимавшихъ болѣе скромное положеніе въ обществѣ. Ричардъ Бакстеръ, жившій юношей въ Шропширѣ въ царствованіе Іакова, разсказываетъ, что его отецъ, скромный іеменъ, получилъ отъ сосѣдей прозвища пуританина, прецисіанца, лицемѣра за то только, что онъ по воскресеньямъ предпочиталъ читать библію вмѣсто того, чтобы танцовать при звукѣ скрипки и флейты вокругъ майскаго дерева у его хижины. Люси Гетчинсонъ далѣе разсказываетъ, что вездѣ, на сценѣ, въ каждомъ балаганѣ, на каждой пи-

рушкѣ, ругали пуританъ; музыканты и бродячіе актеры нашли очень выгоднымъ смѣяться и ругать ихъ. Результатомъ этого было то, что многіе, не бывшіе собственно пуританами, но сохранявшіе нѣкоторую серьезность и приличіе, нѣкоторое чувство самоуваженія, начали склоняться на сторону пуританства.

Въ то время, какъ двѣ противоположныя силы, католическая традиція и пуританская серьезность, оспаривали одна отъ другой арену церковной жизни, двѣ противоположныя силы абсолютизма и стремленія къ народному правленію боролись на аренѣ политической жизни. Сторонники идеи о божественномъ правѣ епископовъ были обыкновенно и сторонниками абсолютной монархіи и божественного права королей. Люди, вродѣ Банкрофта и Лоуда, руководившіе политикой церкви, сдѣлали серьезную ошибку, соединивъ интересы церкви съ людьми, враждебными конституціонной свободѣ націи. Совершить такую ошибку среди народа великодушнаго и смѣлаго значило идти къ пораженію и погибели. Исторія и говоритъ намъ, что подобный союзъ закончился катастрофой гражданской войны и временнымъ уничтоженіемъ тѣхъ учрежденій, поддержать которыя хотѣли защитники абсолютнаго управленія.

Преобразованіе воинской системы.

Гассаля.

Генрихъ VII возстановилъ милицію и заставилъ графства доставлять извѣстное количество людей соотвѣтственно ихъ средствамъ. Его непосредственные наслѣдники продолжали и развили эту систему и въ 1558 году былъ проведенъ статутъ, подтверждавшій обязанность каждаго являться въ войско вооруженнымъ соотвѣтственно его средствамъ и отдавшій все завѣдываніе милиціей лордамъ лейтенантамъ графствъ. Въ 1572 году Елисавета и ея Частный совѣтъ издали подробныя инструкціи всѣмъ мировымъ судьямъ разныхъ графствъ «для общаго сбора и обученія всѣхъ лицъ, обязанныхъ воинской службой, какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ». Цѣлью такихъ сборовъ было не только опредѣленіе количества людей и лошадей, но и осмотръ вооруженія и орудій, причемъ такой осмотръ обыкновенно сопровождался оцѣнкой каждой лошади, за которую государство должно было уплатить въ томъ случаѣ, если она была убита или искалечена на службѣ. Въ царствованіе Тюдоровъ развилась также система насильственнаго набора въ военную и морскую службу; она особенно развилась при первыхъ Стюартахъ. Іаковъ I

и Карлъ I своими дѣйствіями относительно вооруженныхъ силъ страны доказали необходимость полнаго преобразованія военной системы. Уничтоживъ Винчестерскій статутъ, Іаковъ уничтожилъ всѣ спеціальныя обязательства являться вооруженными и было предписано, чтобы въ каждомъ графствѣ были учреждены склады оружія и провіанта. Порученія собирать рекрутъ были, однако, возстановлены и Карлъ I снова началъ прибѣгать къ насильственному сбору рекрутъ, вопреки попыткамъ уничтожить этотъ обычай, сдѣланнымъ въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ. Это порождало большое неудовольствіе; обычай былъ осужденъ Долгимъ перламентомъ, пытавшимся въ 1642 году добиться права назначать лордовъ лейтенантовъ.

Войско при Карлѣ I.

Карлъ I въ началѣ царствованія нарушилъ принципъ, на основаніи котораго войска, собранныя по королевскимъ порученіямъ, не должны были, за исключеніемъ случаевъ иноземнаго вторженія, оставлять свои графства; да и въ этомъ случаѣ только по опредѣленію парламента и на счетъ короны. Онъ пытался заставить мѣстныя власти взять на себя обязанности центральнаго правительства и защищать берега Англіи на ихъ счетъ. Въ Августѣ 1625 года, когда Эссексу грозило нападеніе изъ Дюнкирхена, Карлъ, не имѣя возможности собрать необходимой суммы денегъ, пытался при поддержкѣ Частнаго совѣта заставить эссекскую милицію защищать Гавричь на ея собственный счетъ. Эссекцы, признавая свою обязанность защищать страну въ случаѣ нашествія иноземцевъ, отказались, однако, платить за расходы, сдѣланыя ими во время службы и Карлу пришлось отказаться отъ этого плана. Въ 1627 году непопулярность правительства увеличилась вслѣдствіе того, что оно насильственно собрало солдатъ, вернувшихся съ острова Ре, и въ 1628 году палата общинъ въ своей «петиціи о правахъ» рѣшительно протестовала противъ припудительнаго набора. Въ 1639 году, когда война съ Шотландіей сдѣлалась неизбѣжной, была собрана часть сѣверной милиціи; были созваны дворяне на основаніи устарѣвшей обязанности личной службы, каждый съ приличной свитой для защиты границъ. Тѣ изъ нихъ, которые не могли явиться лично, вмѣсто личной службы вносили извѣстную сумму денегъ. Но армія Карла, недисциплинированная и не имѣвшая хорошихъ командировъ, не могла дѣйствовать успѣшно — и король благоразумно согласился на Бервикскій договоръ, закончившій первую войну епископовъ.

Непригодность его.

Абсолютная непригодность существовавшихъ воинскихъ силъ для отраженія нападенія и ихъ общая непригодность проявились поразительнымъ образомъ во второй войнѣ епископовъ, начавшейся въ 1640 году. Въ этомъ походѣ армія состояла главнымъ образомъ изъ людей, насильственно собранныхъ въ графствахъ къ югу отъ Гумбера; вслѣдствіе неуплаты жалованья и отсутствія дисциплины

они сразу начали бунтовать. Законность сбора береговыхъ и провозныхъ денегъ—возстановленія обычая заставлять графства, по которымъ проходили собранныя такимъ образомъ войска, платить имъ жалованье—оспаривалось и Карлу въ видуфинансовой нужды пришлось прибѣгнуть снова къ порученіямъ сборарекрутъ, которыя на основаніи акта, принятаго въ царствованіе Генриха IV, король могъ давать только въ случаѣ иноземнаго вторженія. Всякое графство было обязано содержать войско, собранное въ немъ для защиты государства. Но когда войско оставляло графство, оно переходило на королевскую службу. Пораженіе при Ньюбурнѣ 28 августа 1640 года доказало Карлу и его приверженцамъ непригодность войскъ, недисциплинированныхъ, не довѣрявшихъ своимъ вождямъ и бунтовавшихъ вслѣдствіе неуплаты имъ жалованья—войскъ, которыя были выставлены противъ шотландцевъ.

Въ защиту короля можно сказать съ нѣкоторой степенью истины, что если и можно было отвергать существовавшую систему принудительнаго сбора людей для военной службы, то было невозможно въ то время понять, какимъ образомъ можно бы было содержать армію безъ такой принудительной службы. Но тутъ, какъ и во всемъ другомъ, Карлъ оказался неспособнымъ оцѣнить народное настроеніе. Еслибы онъ съ умѣренностью пользовался своимъ правомъ насильственнаго сбора, если бы онъ воздержался отъ принудительной службы для заграничныхъ войнъ, еслибы онъ сразу и добровольно уничтожилъ несомнѣнное злоупотребленіе, сборъ билетныхъ солдатъ, и издалъ распоряженія относительно расквартированія войскъ въ будущемъ, еслибы онъ согласился дать гражданамъ легальныя гарантіи противъ солдатчины — трудный и жгучій вопросъ объ отношеніяхъ между гражданской и военной властями могъ бы рѣшиться миролюбиво и удовлетворительно.

Въ царствованія Іакова и Карла постепенно произошли измѣненія въ вооруженіи войска. Алебарды, топоры и всяческія орудія, называемыя Staves («штабныя» отъ слова Staff—жезлъ), за исключеніемъ обыкновенной пики, были оставлены; мушкеты, калливеры и сабли сдѣлались главными у почти единственными орудіями пѣхоты, а кавалерія имѣли сабли, карабины и пистоли. Вооруженіе войска.

Въ 1629 году было предписано произвести осмотръ всѣхъ орудій, вооруженія и аммуниціи въ лондонскомъ Тоуэрѣ и во всѣхъ фортахъ и замкахъ королевства; въ 1632 году коммисары изъ опытныхъ оружейниковъ, пушкарей и пикейщиковъ объѣхали всю Англію и Валлисъ «для и осмотра, пробы и исправленія, чтобы сдѣлать пригодными для службы вооруженіе и орудія милиціи». Въ тоже время сдѣлали попытку добиться однообразія въ вооруженіи и орудіяхъ. Уже въ царствованіе Елисаветы начали бросать защитительное вооруженіе; сэръ Джонъ Смитъ жалуется, что капитаны, сажая людей на корабли

для службы заграницей, заставляли ихъ бросать наручники у латъ (vambraces), наплечники (poldrons) и набедренники (tasses), какъ безполезныя и мѣшающія. При Іаковѣ всѣ эти защитительныя вооруженія часто замѣнялись камзоломъ, который раньше носили подъ кирассой.

Такимъ образомъ годы царствованія двухъ Стюартовъ до собранія Долгаго парламента были переходными въ исторіи военной службы въ Англіи. Созывъ Карломъ феодальной милиціи въ 1640 году былъ послѣднимъ случаемъ сбора такого войска; его принудительные сборы билетныхъ солдатъ, принудительные наборы для службы заграницей, порученія сбора рекрутъ, сборъ денегъ для провоза войскъ были просто послѣдними попытками доведеннаго до отчаянія короля выпутаться изъ созданныхъ имъ самимъ затрудненій средствами, если и не вполнѣ незаконными, то вполнѣ устарѣлыми.

Послѣ реставраціи нѣкоторые изъ обычаевъ, возстановленныхъ было Карломъ I, были оставлены навсегда и были установлены правильныя отношенія между гражданской и военной властями. Милиція, неорганизованная, какъ національная сила, сдѣлалась благодаря своему мѣстному характеру очень популярной; корона съ согласія парламента продолжала пользоваться своимъ правомъ veto при назначеніи командировъ милиціи и имѣла общую контролирующую власть надъ ея передвиженіями. Но такое удовлетворительное рѣшеніе вопроса, бывшее невозможнымъ при Карлѣ I, было достигнуто только послѣ того, какъ парламентъ во время гражданской войны съ успѣхомъ уничтожилъ королевскія толкованія правъ короны и королевскія претензіи на право возстановлять устарѣлые обычаи.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Злоупотребленія во флотѣ при Іаковѣ.

Флотъ при королѣ Іаковѣ въ теченіе большей части его царствованія находился въ состояніи довольно безразличномъ. Государь былъ миролюбивымъ, даже трусливымъ человѣкомъ, нерасположеннымъ дѣлать расходы, по его мнѣнію не необходимые, и забывавшимъ объ отвѣтственности правительства предъ ростущей торговлей страны. Но общественное мнѣніе до нѣкоторой степени заставляло короля дѣйствовать; по крайней мѣрѣ два раза въ теченіе его царствованія Англія испытала то, что называется «морской горячкой», результатомъ которой были нѣкоторыя мѣры для реформы флота. Въ обоихъ случаяхъ эта горячка вела къ назначенію комиссій для изслѣдованія

состоянія флота и къ широкимъ планамъ его улучшенія. Отчетъ первой изъ такихъ комиссій вышелъ въ началѣ царствованія; комиссія нашла большіе деффекты въ оснасткѣ, въ парусахъ, мачтахъ, якоряхъ, осмолкѣ судовъ и т. д., составила планы для обороны проливовъ, указала, что при умѣренномъ спеціальномъ расходѣ на флотъ можно до значительной степени уменьшить ежегодные расходы, указала также на исправленіе различныхъ злоупотребленій, въ особенности относительно провѣрки счетовъ и пріема работъ подрядчиковъ.

Комиссія 1618 года была болѣе важной и значительной. Она составила подробный отчетъ объ управленіи флота за этотъ и предыдущіе годы и открыла существованіе многихъ злоупотребленій. Напримѣръ въ ея отчетѣ говорится, что «предприняты большія работы и за многое неуплачено, такъ какъ недоставлено ни матеріаловъ, ни денегъ», что «при пріемкѣ провіанта выбирается не лучшее и худшее не бракуется» что «вѣсъ въ магазинахъ въ Дептфордѣ въ теченіе многихъ лѣтъ меньше фунтомъ, чѣмъ слѣдуетъ и что вѣсъ не полный, а въ книгахъ записывается вѣсу больше, чѣмъ слѣдуетъ», что «не сдѣлано много необходимыхъ работъ, которыя не позволили бы кораблямъ разрушиться и рабочіе страдаютъ къ стыду и безчестью государства, а казна его величества расходуется на пустяки», что кромѣ того «и количество и цѣны вещей чрезмѣрны, такъ какъ покупаются не на рынкѣ, а по договору», что «провіантъ расходуютъ чрезмѣрно» и т. д. Въ докахъ было повидимому обычнымъ дѣломъ ставить цѣны выше тѣхъ, которыя платились частными корабельщиками и эта разница въ цѣнахъ, вѣроятно, не всегда шла въ карманы продавцевъ. Упоминаются напр., такія разницы въ цѣнахъ: значки по 4 фун. 18 ш. вмѣсто 2 ф. 13 ш. 4 д., якоря 3 ф. вмѣсто 1 ф. 13 ш., масло 20 ф. тонна вмѣсто 16 ф., смола 18 ф. вмѣсто 7 ф. 10 ш., боты въ 35 футовъ 39 ф. вмѣсто 25 ф. Расточительность и воровство, повидимому, были общими; на корабляхъ было много ненужной оснастки и вмѣстѣ съ тѣмъ они могли оказаться непригодными къ службѣ отъ недостатка снастей, абсолютно необходимыхъ, Жаловались также на продажу большинства мѣстъ по такимъ цѣнамъ, что покупатели открыто говорили, что имъ будетъ нечѣмъ уплатить, что имъ нельзя жить, если они не будутъ воровать. И дѣйствительно приводятся примѣры самаго беззастѣнчиваго воровства. Корабль «Бонадвентура» разбился больше семи лѣтъ тому назадъ, а король на его содержаніе платилъ ежегодно его офицерамъ по 63 фунта. «Advantage» сгорѣлъ пять лѣтъ тому назадъ, а на содержаніе его платятъ по 104 ф. 9 ш. 5 д. Отчетъ сдѣлалъ подобныя злоупотребленія невозможными; но вводя разумныя экономіи, комиссія не впала въ ту ошибку, чтобы черезъ чуръ уменьшить расходы. Наоборотъ, она предлагала такую щедрость въ дѣлѣ содержанія флота, о какой раньше не имѣли понятія; въ числѣ

благоразумнѣйшихъ изъ указаній комиссіи было предложеніе — чуть ли не первое въ такомъ родѣ — платить пенсіи офицерамъ, состарѣвшимся или искалеченнымъ при исполненіи ихъ обязанностей. Относительно постройки новыхъ кораблей комиссія сдѣлала много указаній — вродѣ того, что длина ихъ должна быть втрое больше ширины, а ширина должна находиться въ такомъ же отношеніи къ глубинѣ; но глубина не должна быть болѣе 16 футовъ въ осадкѣ, потому что корабли съ большей осадкой рѣдко бываютъ хорошими ходоками... Кромѣ того корабли должно строить болѣе уютно, безъ двойныхъ галлерей и слишкомъ высокихъ верхнихъ палубъ, которыя дѣлаютъ корабли черезъ чуръ грузными и которыя хоть и дѣлаютъ корабль красивѣе, но за то менѣе пригоднымъ для плаванія». Отчетъ вообще основателенъ, подробенъ и длиненъ. Удивительно въ немъ только то, что нѣтъ ни одного слова о наказаніи плутовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ грабившихъ флотъ и доки и разорявшихъ государство. Начиная съ 1618 года положеніе флота непрерывно улучшалось до конца царствованія.

Флотъ при Карлѣ I.

Карлъ продолжалъ дѣло улучшенія флота. Онъ былъ вынуждаемъ къ этому не только своими собственными склонностями, но и честолюбіемъ Ришелье и воинственнымъ настроеніемъ голландцевъ, возбужденнымъ изданіемъ сочиненія Гуго Гроція: «Вольное море» (Mare Liberum). Одной изъ принятыхъ имъ благодѣтельныхъ мѣръ было воспрещеніе англійскимъ кораблестроителямъ и рабочимъ эммигрировать и вступать на службу иностранныхъ государствъ. Но король, хотя и былъ несомнѣнно одушевленъ широкими и патріотическими понятіями о значеніи его флота, былъ плохо освѣдомленъ относительно того, какъ можно сдѣлать флотъ пригоднымъ къ службѣ. Корабельная подать позволила ему выслать въ море, въ 1635 году подъ начальствомъ Линдсея, Монсона и Пеннингтона, а въ 1636 году подъ начальствомъ Нортумберланда, самыя лучшія и наилучше снаряженныя эскадры, какія только когда либо выходили изъ портовъ Англіи. Но хотя деньги, собираемыя для этихъ цѣлей, расходовались честно и разумно, хотя плаванія этихъ эскадръ способствовали увеличенію славы англійскаго флота, но произвольныя мѣры, принятыя для усиленія флота, ввергли страну въ революцію, въ которой Карлъ потерялъ свою корону и жизнь. Тѣмъ не менѣе, Карлъ, несмотря на свою тиранію, несмотря на свое безчестное поведеніе въ дѣлѣ Пеннингтона, заслуживаетъ чести быть упомянутымъ среди великихъ государственныхъ людей, поддержавшихъ морское могущество Британіи. При немъ кораблестроеніе достигло такого развитія, дальше котораго оно не пошло въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ. Постройкой въ 1637 году корабля Sovereign of the Seas страна пріобрѣла корабль, не уступающій ни одному иностранному кораблю; въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній онъ возбуждалъ зависть иностранныхъ моряковъ.

Карлъ умѣлъ пользоваться своимъ флотомъ. Не прибѣгая къ пролитію крови, онъ держалъ имъ въ страхѣ и Францію и Голландію и заставилъ ихъ платить ему дань; не проливая крови, онъ вынудилъ Испанію признать власть Британіи надъ проливами и честь ея флага. При республикѣ флотъ совершилъ подвиги, съ которыми нельзя сравнить даже прежде совершаемые имъ. Нѣкоторая доля совершенныхъ имъ славныхъ дѣлъ по справедливости принадлежитъ Карлу и его совѣтникамъ, Букингаму, Линдсею, Русселю, Слингсби и Айльсбюри, хотя слѣдуетъ все таки признать, что развитіе морского дѣла было при Кромвелѣ болѣе быстрымъ, чѣмъ при королѣ, которому въ концѣ царствованія было уже некогда думать о флотѣ.

При Карлѣ въ 1626 году были введены новые оклады жалованья офицерамъ и матросамъ; эти оклады сохранялись до революціи. Мѣсячное жалованье—причемъ годъ считался въ тринадцать лунныхъ мѣсяцевъ—было слѣдующее: капитаны получали отъ 4 ф. 6 ш. 8 д. до 14 ф., мастера отъ 3 ф. до 4 ф. 13 ш. 9 д., лейтенанты отъ 2 ф. 16 ш. до 3 ф. 10 ш., боцманы отъ 1 ф. 3 ш. 4 д. до 2 ф. 5 ш., главные плотники отъ 1 ф. 1 ш. до 1 ф. 17 ш. 6 д., казначеи корабля отъ 1 ф. 3 ш. 4 д. до 2 ф., врачи 1 ф. 10 ш., главные пушкари отъ 1 ф. 3 ш. 4 д. до 2 ф., матросы по 15 ш., юнги по 7 ш. 6 д. За два или за три года до революціи, когда корабли стали распредѣляться по рангамъ, флотъ въ силу временныхъ условій уменьшился и въ 1641 году состоялъ только изъ сорока двухъ кораблей въ 22411 тоннъ общей вмѣстимости; пять изъ нихъ были перваго ранга, двѣнадцать второго, восемь третьяго, шесть четвертаго, два пятаго и девять шестого ранга; но по качеству корабли были лучше прежнихъ и не безъ основанія роялисты въ отвѣтъ на ремонстранцію отъ палаты общинъ къ народу говорили: «самое достовѣрное доказательство того, что король не имѣетъ плановъ поработить свой народъ, состоитъ въ томъ, что главной цѣлью его правительства было увеличеніе морскихъ, а не сухопутныхъ силъ страны и этотъ планъ, полезный, почетный и даже неизбѣжный и необходимый, доведенъ имъ не смотря на его нужду почти до счастливаго конца».

Развитіе кораблестроенія всего лучше уясняется намъ краткимъ описаніемъ корабля Sovereign of the Seas, которое указываетъ, какой прогрессъ былъ совершенъ сравнительно съ кораблями временъ Елисаветы. Кораблестроеніе.

Планъ корабля былъ составленъ въ 1634 году Финеасомъ Петтомъ, бывшимъ раньше строителемъ корабля Royal Prince. Онъ сообщаетъ слѣдующее: «14 мая 1635 года его величество приказалъ мнѣ отправиться на сѣверъ, чтобы приготовить лѣсъ, доски и гвозди для большого новаго корабля въ Вульвичѣ. Я оставилъ сыновей присмотрѣть за пересылкой моделей и другихъ необходимыхъ вещей

на Ньюкастльскомъ кораблѣ, нанятомъ для перевоза провіанта и рабочихъ въ Ньюкастль. Приготовленныя для постойки части корабля были отправлены на транспортныхъ угольныхъ судахъ изъ Ньюкастля и Сундерланда; 21 декабря 1635 года мы положили киль въ доки. Спустили корабль 13 октября 1637 года и окрестили его Sovereign of the Seas». «На сѣверѣ Англіи—объясняетъ Деррикъ—въ это время, и долгое время послѣ, было обычаемъ, особенно въ Стаффордширѣ, сплавлять лѣсъ цѣликомъ и оставлять такъ до начала работы—и Sovereign of the Seas, построенный изъ такого лѣса, оказался очень прочнымъ кораблемъ».

Этотъ корабль имѣлъ три палубы; изъ оффиціальнаго описанія, хранящагося въ департаментѣ контролера флота, видно, что онъ былъ 169 футовъ 9 дюймовъ длины и 48 футовъ 4 дюймовъ ширины (измѣреніе, вѣроятно, производилось по пушечной палубѣ), осадки въ 19 футовъ 4 дюйма и вмѣщалъ 1683 тоннъ. Киль, какъ видно изъ другихъ документовъ, былъ 128 футовъ длины, а вся длина корабля отъ носа до кормы была 232 фута, вышина отъ дна киля до центральнаго фонаря главной мачты 76 футовъ. Главнымъ строителемъ былъ Петръ Петтъ, одинъ изъ сыновей Финеаса. Томасъ Гейвудъ, дѣлавшій внѣшнія украшенія корабля, разсказываетъ, что на немъ было три сплошныхъ палубы и бакъ, полупалуба, шканцы и каюта. Въ нижнемъ его ряду (tyre)—было тридцать отверстій, защищаемыхъ полупушками (32 дюймовыми) и полными пушками (60 дюймовыми). Въ среднемъ ряду—тоже тридцать отверстій для полукульверинъ и кульверинъ (9 и 18 дюймовыхъ). Въ третьемъ ряду двадцать шесть отверстій для другихъ орудій. На бакѣ двѣнадцать отверстій, на полупалубѣ четырнадцать. Кромѣ того по внутреннему борту тринадцать или четырнадцать отверстій для орудій, кромѣ множества отверстій въ каютахъ для стрѣльбы изъ мушкетовъ. Кромѣ этого на правомъ борту впереди было десять полевыхъ орудій и десять сзади. Гейвудъ, можетъ быть, и былъ хорошимъ декораторомъ, но вышеприведенное описаніе корабля доказываетъ, что онъ мало понималъ въ дѣлѣ вооруженія и постройки кораблей. Онъ насчитываетъ не меньше 132 пушекъ, не считая «убійственныхъ орудій»; невѣроятно, конечно, чтобы ихъ было такое количество. Вѣроятно что ихъ было самое большее 100, и онѣ на основаніи позднѣйшаго изображенія корабля Вандервельде распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

На нижней палубѣ	26	отъ	48	до	60	дюймовыхъ
И на главной	28	»	»	»	18	»
На верхней палубѣ	28	»	»	»	5	»
На бакѣ.	4	»	»	»	5	»
На полупалубѣ и шканцахъ .	12	»	»	»	5	»
На палубѣ.	2	»	»	»	3	»

Въ 1684 году этотъ великолѣпный корабль былъ передѣланъ, сдѣланъ 80 пушечнымъ и перекрещенъ Royal Sovereign. Въ 1696 году 27 января онъ сгорѣлъ въ Чатамѣ. Немногіе изъ кораблей британскаго флота выдержали столько, сколько вынесъ этотъ корабль подъ командой Блэка, Монка, Пенна, Іакова герцога Іоркскаго, принца Руперта, Спрагге, Торрингтона и Русселя.

Изслѣдованія и колонизація

Раймонда Бизли.

За героическимъ вѣкомъ изслѣдованій и открытій слѣдовала эпоха колонизаціи и торгового прогресса, когда нація Ралейга и Отцовъ Пилигриммовъ сдѣлалась великимъ колонизирующимъ государствомъ и положила основаніе Соединенныхъ Штатовъ Америки; но дѣятельность ея пока ограничивалась колонизаціей запада. Въ старомъ Свѣтѣ предпріимчивость и торговля англичанъ до 1553 года далеко уступали успѣхамъ Испаніи, Португаліи и Италіи, а теперь, въ началѣ семнадцатаго вѣка, почти столько же уступали успѣхамъ Голландіи, моряки которой въ промежутокъ времени отъ смерти Елисаветы до пораженія Ванъ Тромпа безспорно были первыми въ Европѣ и восточная имперія которой, основанная на развалинахъ владѣній Альбуkерка, была предшественницей англійской восточной имперіи. Въ царствованіе первыхъ Стюартовъ голландцы были гораздо болѣе владыками міровой торговли, чѣмъ англичане; самые великіе подвиги въ дѣлѣ открытій были совершены ими, ихъ энергія и успѣхи въ восточной Индіи возбудили соперничество Англіи и обратили ея вниманіе на эти страны, гдѣ она надѣялась побѣдить старыхъ католическихъ монополистовъ.

1. Послѣ плаванія Дрэка и Кавендиша по ихъ возвратному пути домой «португальскимъ курсомъ», послѣ путешествій Раймонда и Ланкастера англійская предпріимчивость на далекомъ востокѣ не развивалась въ концѣ царствованія Елисаветы; какъ на исключеніе можно указать на сухопутныя путешествія купцовъ, шедшихъ по стопамъ Ньюбери и Ральфа Фитша. Но уже въ 1599 году въ Лондонѣ образовалось общество для торговли съ Индіей, въ 1600 году оно получило первую свою хартію подъ названіемъ Восточно индѣйской Компаніи. Первый ея флотъ былъ отправленъ въ 1601 году подъ начальствомъ Ланкастера. Это и два слѣдующія плаванія слугъ новой компаніи были совершены не столько къ материку Индіи, сколько къ островамъ Пряностей. Въ это время главной англійской

Англійская торговля съ Индіей.

факторіей на востокѣ былъ Бантамъ, на Явѣ; англійская предпріимчивость въ этихъ странахъ была направлена главнымъ образомъ на пріобрѣтеніе участія въ торговлѣ съ Моллукскими островами. Но въ 1609 году капитанъ Гавкинсъ высадился въ Суратѣ въ качествѣ посла къ великому Моголу Іегангиру, отправился въ Агру и просилъ позволенія устроить факторію на берегу; но это ему не удалось и онъ отплылъ, ничего не сдѣлавъ. Точно также Генрихъ Миддльтонъ посѣтилъ Мокку, Суратъ и другія мѣста въ индѣйскомъ океанѣ въ 1610 году и сдѣлалъ рѣшительныя усилія, чтобы открыть пути англійской торговлѣ вопреки старымъ и исключительнымъ правамъ другихъ европейскихъ націй, но только оскорбилъ Могула, потерпѣлъ крушеніе близъ Бантама и не могъ воспользоваться своими побѣдами надъ португальцами.

Капитанъ Бестъ въ 1612 году былъ счастливѣе. Съ его плаванія начинаются постоянныя операціи восточной индѣйской компаніи въ Суратѣ. Ему разрѣшили учредить тутъ факторію по соглашенію, утвержденному самимъ императоромъ и гарантировавшему безопасность англійской торговли; онъ отразилъ нападеніе португальцевъ изъ Гоа и превратилъ случайныя сношенія англичанъ съ Индостаномъ и Деканомъ въ правильную торговлю. Персидская торговля съ этого времени впервые начинаетъ вестись англійскими купцами изъ Индіи.

Въ 1615 году за Бестомъ послѣдовалъ капитанъ Доунтонъ и въ этомъ же году отъ англійскаго двора отправился первый посланникъ къ Великому Моголу. Сэръ Томасъ Рое былъ однимъ изъ настоящихъ открывателей Индостана для Англіи. Ни одинъ изъ прежнихъ путешественниковъ изъ Англіи не прожилъ столько времени въ Индіи, не изслѣдовалъ ее столь основательно и не проникалъ такъ далеко внутрь страны; несмотря на зависть и сопротивленія онъ добился новыхъ привиллегій отъ Іегангира, который далъ общее разрѣшеніе учреждать англійскія факторіи во всей имперіи, особенно въ Суратѣ, Синдѣ и Бенгаліи; привиллегіи защищали англійскихъ купцовъ отъ вымогательствъ и давали нѣкоторыя гарантіи для перевоза ихъ товаровъ.

Еще раньше этого времени кампанія была реорганизована. Первыя девять изъ отправленныхъ ею экспедицій были совершены ея членами, избранными спеціально для каждой изъ экспедицій, подъ надзоромъ комитета, избираемаго акціонерами.

Но въ 1612—13 годахъ было рѣшено составить общій капиталъ изъ взносовъ всѣхъ членовъ для совершенія четырехъ экспедицій на началахъ акціонерной кампаніи, причемъ барыши дѣлились соотвѣтственно взносамъ каждаго и предпріятія велись исключительно директорами кампаніи.

Въ 1622 году новая торговля съ Персіей, открытая черезъ Индію

послѣ путешествія Беста, гарантировалась союзомъ англійской кампаніи съ шахомъ Аббасомъ и захватомъ Ормуза, который еще до прибытія въ его гавань Альбукерка въ 1507 году былъ однимъ изъ главныхъ центровъ восточной торговли и, находясь подъ властью португальцевъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ центровъ европейскаго вліянія на берегахъ индѣйскаго океана. Теперь, послѣ болѣе ста лѣтъ почти сказочнаго процвѣтанія, онъ палъ отъ одного удара и больше уже не поднимался. Англійскій флотъ всего изъ пяти кораблей, вооруженныхъ всего двумястами пушками, помогавшій захвату этого острова, получилъ въ вознагражденіе часть добычи, разрѣшеніе учредить факторію въ новомъ рынкѣ Гамбroонѣ, сдѣлавшемся теперь до нѣкоторой степени наслѣдникомъ Ормуза, и новыя торговыя привиллегіи.

При этомъ нападеніи былъ убитъ Вилльямъ Баффинъ, открывшій Баффиновъ заливъ. Онъ отправился въ Индію въ 1618 году и былъ штурманомъ корабля, шедшаго изъ Сурата въ Мокку; при рекогнисцировкѣ португальскаго форта онъ рѣшилъ завладѣть небольшимъ фортомъ Кисмисъ въ сосѣдствѣ Ормуза и тутъ нашелъ свою смерть— болѣе счастливую, чѣмъ смерть Гудзона, главный подвигъ котораго былъ совершенъ въ тѣхъ же арктическихъ странахъ, которыя изслѣдовалъ въ 1616 году и Баффинъ.

Зависть голландцевъ при видѣ того, какъ ихъ старые союзники начали захватывать торговлю съ островами Пряностей, уже и раньше приводила къ спорамъ; въ 1619 году была сдѣлана попытка прекратить эти раздоры союзомъ голландской и англійской кампаній; но этотъ союзъ былъ далеко не искреннимъ и бойня въ Амбоннѣ въ 1623 году не только уничтожила номинальный союзъ, но была началомъ ожесточенной вражды, такъ что это событіе можно считать началомъ борьбы между Англіей и Голландіей за власть надъ морями и за міровую торговлю. Соединенное нападеніе голландцевъ и англичанъ на Бомбей въ 1628 году было однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій, предпринятыхъ сообща моряками и купцами двухъ враждебныхъ коммерческихъ націй.

Въ 1635 году былъ заключенъ миръ съ вицекоролемъ Гоа; лондонская кампанія начала заботиться о защитѣ своей индѣйской торговли противъ голландцевъ. Такъ напримѣръ въ 1628 году англійская факторія въ Армегонѣ на Корамандельскомъ берегу была укрѣплена въ виду вѣроятнаго нападенія изъ Явы; въ 1639 году въ только что пріобрѣтенной территоріи Мадрасъ воздвигнутъ фортъ св. Георгія. Только эти два первыя владѣнія англичанъ въ Индіи были защищены гарнизонами въ двадцать три и въ двадцать шесть человѣкъ; они и составляли начало индѣйскихъ владѣній англійскаго народа [1]).

---

[1]) Кампаніи въ это время не удалось завести торговлю въ Логорѣ

Сѣверозападный проходъ.

2. На сѣверовостокѣ главнѣйшія англійскія предпріятія этого времени сводятся къ тремъ плаваніямъ Генриха Гудзона въ 1607, 1608 и 1609 годахъ для отысканія сѣверовосточнаго прохода. Ни въ одно изъ этихъ плаваній онъ не пошелъ къ востоку дальше Новой Земли; въ 1609 году онъ обратилъ вниманіе на сѣверозападъ, англійская торговля и сношенія съ Россіей во время Стюартовъ не могутъ быть даже и сравниваемы съ путешествіями купцовъ и путешественниковъ временъ Тюдоровъ—съ путешествіями Чанселора, Виллогби, Пета, Жакмана и Антонія Дженкинсона.

Америка.

3. Какъ при Елисаветѣ, такъ и при Стюартахъ, главное вниманіе англичанъ было направлено въ сторону Америки, даже къ ущербу ихъ распространенія въ другихъ направленіяхъ. По мѣрѣ того, какъ изслѣдованія Новаго Свѣта приводятъ къ постоянной и организованной колонизаціи, все болѣе и болѣе широкой, англійскія колоніи въ Америкѣ становятся частью западной цивилизаціи; ихъ исторія становится частью политической, религіозной и соціальной исторіи Европы. Тѣ открытія и изслѣдованія, о которыхъ намъ приходится говорить теперь, становятся просто подробностью, отросткомъ въ развитіи великаго народа – величайшей колоніи въ всемірной исторіи.

Открытіе Трескового мыса (Cape Cod).

Въ шестнадцатомъ столѣтіи всѣ заморскія англійскія предпріятія были просто частью англійскихъ изслѣдованій, частью аглійскихъ открытій и расширенія сферы англійской энергіи; въ семнадцатомъ же вѣкѣ слѣдуетъ отдѣлять прогрессъ въ новыхъ странахъ отъ прогресса уже вполнѣ совершившагося въ обычномъ теченіи жизни европейскихъ государствъ.

Въ послѣдній годъ царствованія старой королевы Бартоломей Госнольдъ, отплылъ изъ Фальмута прямо къ Мэну, увидалъ на 42° землю и открылъ мысъ, названный имъ Тресковымъ (Cape Cod) [1]) и заливъ, названный имъ Gosnold's Hope (Buzzard's Boy) и построилъ фортъ и магазинъ на островѣ Елисаветы (Куттигункъ)—это первая попытка устроить колонію въ Новой Англіи. Планъ постоянной колоніи былъ разрушенъ страхомъ и раздорами первыхъ колонистовъ, но Госнольдъ, совершившій свое плаваніе къ Новой Англіи въ семь недѣль и употребившій на обратное плаваніе пять недѣль, далъ дома блестящій отчетъ объ открытой имъ странѣ, о томъ, что онъ въ четыре мѣсяца сдѣлалъ очень цѣнныя открытія, причемъ экипажъ вернулся въ добромъ здравіи.

по рѣкѣ Инду, какъ она хотѣла, но она отправила товаръ въ Бассору и къ Красному морю и завела (въ 1640 г.) правильную торговлю съ Бенгаліей, центромъ торговли была ея факторія при Баласорѣ.

[1]) Cape Cod, какъ говоритъ Банкрофтъ („America“), былъ первымъ мѣстомъ новой Англіи, гдѣ появились англичане; такъ какъ на материкѣ отъ Флориды до Гудзонова залива не было еще ни одного европейскаго семейства.

Его успѣхъ вызвалъ послѣдователей. Бристольскіе купцы съ одобренія Ралейга и Гаклита, которые покровительствовали и Госнольду, отправили Мартина Принга съ двумя кораблями, Speedwell и Discoverer, въ 50 и 26 тоннъ, по той же прямой дорогѣ чрезъ сѣверный Атлантическій океанъ. Прингъ отплылъ 10 апрѣля 1603 года за нѣсколько дней до смерти Елисаветы [1]), увидалъ берегъ Америки въ заливѣ Пенобскотъ, изслѣдовалъ нѣкоторыя гавани и устья рѣкъ Мэна и, обойдя мысъ Аннъ, высадился въ Массачузетсѣ. Тамъ онъ дошелъ къ югу до Martha Vineyard и оттуда вернулся въ Англію послѣ шестимѣсячнаго путешествія и поддержалъ горячія воззванія Госнольда по поводу постоянной колонизаціи за океаномъ.

Третье путешествіе въ Новую Англію [2]) было слѣдствіемъ воззваній Госнольда и Принга. Въ 1605 году Георгъ Ваймоутъ, плававшій къ Лабрадору для отысканія сѣверозападнаго прохода въ 1593 году, отправился теперь къ Америкѣ подъ покровительствомъ графа Соутгамптона и лорда Арунделя; 14 мая онъ прошелъ мимо Тресковаго мыса, потомъ направившись къ сѣверу, онъ изслѣдовалъ заливъ Пенобскотъ. По его возвращеніи его отчетъ о плаваніи возбудилъ особенное вниманіе губернатора Плимута, Фердинанда Горгеса, сильно интересовавшагося предпріятіями на западѣ, но отчаивавшагося въ успѣхѣ въ виду отсутствія хорошихъ дорогъ и гаваней, о которыхъ докладывали прежніе путешественники; теперь же Ваймоутъ, Прингъ Госнольдъ своими изслѣдованіями, повидимому, опровергли такое предположеніе.

Колонизація Виргиніи.

Тѣмъ не менѣе первая англійская колонія устроилась не въ Новой Англіи, а въ знакомой англичанамъ Виргиніи; тамъ была раньше сдѣлана первая серьезная попытка учрежденія такой колоніи. Осенью 1606 года были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія для учрежденія на западѣ колоніи, которой было суждено сдѣлаться постоянной.

Болѣе ста лѣтъ прошло со времени открытія Америки и однако еще не было европейскихъ колоній нигдѣ, кромѣ центральной Америки, между Флоридой съ сѣвера и тропиками съ юга. Семнадцатое столѣтіе было временемъ переворота въ американской колонизаціи. Рѣдкія французскія колоніи на сѣверѣ превратились въ большую колонію Канаду; Англія, которая не смотря на множество путешествій во времена Елисаветы не пріобрѣла въ теченіе ея царствованія ни пяди земли въ Новомъ Свѣтѣ, вступила теперь на тотъ путь, который привелъ ее къ господству надъ сѣверными американскими берегами и такимъ образомъ привелъ къ образованію великаго независимаго государства, бывшаго результатомъ роста Европы и христіанства къ концу среднихъ вѣковъ. Испанскимъ и португальскимъ

[1]) Это было частное, независимое отъ государства предпріятіе.

[2]) Извѣстный Джонъ Смитъ Виргинскій первый далъ въ 1614 году Новой Англіи ея названіе.

колоніямъ не удалось выработать себѣ самостоятельнаго бытія. Соединенные Штаты сѣверной Америки, колонизированные англичанами, прогрессировали столь непрерывно, что они являются представителями, такъ сказать, всей драмы европейской колонизаціи, высочайшимъ продуктомъ европейскаго прогресса.

Начало этому новому государству было положено 10 апрѣла 1606 году, когда Іаковъ I уничтожилъ патентъ Ралейга, какъ утраченный имъ на основаніи его преступленія и издалъ хартію, раздѣлившую Виргинію между первой колоніей лондонской кампаніи и второй колоніей плимутской кампаніи[1]), и когда 19 декабря три корабля отправились чтобы колонизировать «дорогой берегъ Виргиніи — этотъ земной рай»! [2]).

Флотъ, на которомъ было 105 эммигрантовъ (изъ нихъ только 12 рабочихъ, 4 плотника и 48 дворянъ), былъ бурей отнесенъ выше старой колоніи Ралейга, которую, повидимому, хотѣли возстановить, въ прекрасный заливъ Чизапикъ, гдѣ и была 13 мая 1607 года основана деревня Джемстоунъ, на полуостровѣ въ 50 миляхъ выше устья Джемсъ Риверъ. Въ срединѣ іюня адмиралъ Христофоръ Ньюпортъ послѣ изслѣдованія этой рѣки до пороговъ и посѣщенія туземнаго вождя Повгатана въ его столицѣ, состоявшей изъ двѣнадцати вигвамовъ (хижинъ), вернулся въ Англію для новыхъ подкрѣпленій, а управленіе колоніей передалъ Джону Смиту [3]), герою этаго предпріятія, которому удалось сдѣлать колонію постоянной. «Болѣе заботясь объ отысканіи провіанта, чѣмъ объ отысканіи золота»,

---

[1]) Черезъ 150 лѣтъ послѣ открытія Каботомъ материка Сѣверной Америки, черезъ 41 годъ послѣ колонизаціи Флориды, черезъ годъ послѣ колонизаціи Барбадоса.

[2]) Первой колоніи пожалована земля отъ 34 — 38° с. ш. съ правомъ селиться до 41°, если другихъ колонистовъ не будетъ; эта юная колонія управлялась живущими въ Лондонѣ людьми, послѣ составившими Лондонскую кампанію. Вторая кампанія владѣла страной отъ 41° до 45° с. ш., съ правомъ заселять страну до 38°. Эта сѣверная колонія управлялась купцами Бристоля, Плимута и запада Англіи, составившими Плимутскую кампанію. Каждая изъ кампаній владѣла берегомъ въ 50 миль къ сѣверу и югу отъ первой колоніи и по 100 миль внутрь страны. Ближайшія другъ другу поселенія обѣихъ кампаній должны были отстоять на 100 миль. Въ Англіи вскорѣ учредили Виргинскій Совѣтъ для надзора за колоніями, дѣйствительными покровителями которыхъ, послѣ Ралейга, были Госнольдъ, Джонъ Смитъ, Ричардъ Гаклитъ, главный судья Попгамъ и Фердинандъ Горгесъ.

[3]) Его жизнь напоминаетъ о Гарольдѣ Гардрадѣ (XI вѣка); онъ сначала былъ солдатомъ въ нидерландской войнѣ, потомъ путешествовалъ по Франціи, Италіи и Египту; участвовалъ въ крестовомъ походѣ противъ турокъ въ Венгріи. Былъ въ плѣну въ Константинополѣ и въ Крыму, бѣжалъ чрезъ лѣса Трансильваніи, воевалъ въ Марокко и наконецъ, былъ главнымъ дѣятелемъ колонизаціи запада и основателемъ Виргинской колоніи.

стараясь «сохранить за собой мѣстность и не желая слабодушно покинуть ее», онъ не только энергично и сурово наказывалъ всѣ заговоры покинуть колонію, не только поддерживалъ ее во время болѣзней, несчастій и безпорядковъ, не только изслѣдовалъ большое пространство внутрь материка и сдружился съ туземцами, но и опредѣленно установилъ истинные принципы западной колонизаціи, которыхъ не могли уяснить себѣ Ралейгъ, Фробишеръ и Гумфри Жильбертъ. Онъ настаивалъ на томъ, что успѣхъ предпріятія зависитъ не отъ отыскиванія золота, а отъ работы земледѣльца, рабочаго и ремесленника. «Ничего нельзя ждать ни откуда, кромѣ какъ отъ своего труда». Директора компаніи, Виргинскій Совѣтъ, не имѣли никакого понятія о дѣлѣ колонизаціи и имѣли самыя нелѣпыя представленія относительно новыхъ мѣстъ. Они приказывали эммигрантамъ искать прохода въ Тихій океанъ по какой нибудь рѣкѣ, текущей съ сѣверозапада; они высылали толпы жадныхъ авантюристовъ, которые «не хотѣли ни разговоровъ, ни надеждъ, ни работы, а хотѣли рыть золото, чистое тяжелое золото»; а Смитъ писалъ имъ и просилъ прислать 30 плотниковъ, кузнецовъ, каменьщиковъ и рабочихъ для корчеванія деревьевъ, «такъ какъ такіе люди дороже тысячи такихъ колонистовъ, какіе у насъ имѣются».

Но даже и этихъ людей Смитъ умѣлъ держать въ нѣкоторомъ порядкѣ и заставлять ихъ работать. Онъ самъ на досугѣ отъ заботъ управленія изслѣдовалъ заливъ Чезапикъ и устья Сусквенгамы, Потомака и Чикагомини, почти три тысячи миль водныхъ путей и свои открытія изобразилъ въ прекрасной картѣ, отправленной имъ въ Лондонъ къ кампаніи. Онъ спасъ свою жизнь отъ дикарей, показавъ имъ карманный компасъ и объяснивъ ихъ вождю его употребленіе [1]); онъ первый изъ англичанъ встрѣтилъ и описалъ племя Могавковъ; онъ единственный умѣлъ поддержать порядокъ въ Джемстоунѣ, наводненномъ посланными лондонской кампаніей подонками общества; колонія была принята имъ всего изъ пятидесяти человѣкъ, изъ которыхъ «едва десять человѣкъ были пригодны», а оставилъ ее съ 400 жителей, крѣпкихъ, организованныхъ, процвѣтавшихъ и даже довольныхъ—и этого онъ добился примѣненіемъ къ каждому колонисту устарѣлаго, но здраваго правила—кто не работаетъ, тотъ пусть не ѣстъ.

Несчастія, постигшія колонію.

Вторая хартія лондонской кампаніи 1609 года увеличила привиллегіи и количество членовъ учрежденія и отдала его подъ управленіе нѣсколькихъ вліятельныхъ людей (Роберта Сесиля, графа Салисбюри, сэра Бэкона, сэра Оливера Кромвеля и другихъ, кромѣ Ричарда

[1]) Въ другой разъ онъ говорилъ, что его спасла дочь Повгатана, Покагонтасъ, которая позже окрестилась, вышла замужъ за колониста Джона Рольфа и пріѣхала въ 1617 г. въ Англію, гдѣ и умерла.

Гаклита и Джона Смита), бывшихъ представителями знати и дворянства, арміи и суда, промышленности и торговли. Лордъ Делаверъ былъ назначенъ пожизненнымъ губернаторомъ колоніи. Но когда онъ 9 іюня 1610 года прибылъ къ Джемстоуну, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ Смитъ былъ вынужденъ уѣхать въ Англію изъ за раны, которой не могли вылечить врачи колоніи, онъ нашелъ эммигрантовъ готовыхъ покинуть колонію. Бѣдствія голода весной этого года уменьшили число колонистовъ до шестидесяти; они хотѣли уже сжечь городъ, гдѣ ихъ жизнь была столь несчастной и когда они съ приливомъ 8 іюня плыли внизъ по рѣкѣ, «никто не уронилъ слезы сожалѣнія, потому что ни у кого изъ нихъ не было ни одного счастливаго дня» съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Смитъ. Но при прибытіи лорда Делавера къ устью Джемсъ Ривера 9 іюня положеніе дѣла сразу и немедленно измѣнилось, на слѣдующій же день приступили къ возстановленію колоніи, лордъ Делаверъ возстановилъ управленіе Смита; колонія вскорѣ опять процвѣтала, а одинъ торговый агентъ, Самуэль Аргаль, взялъ на себя другое дѣло Смита,—изслѣдованія къ сѣверу отъ Джемсъ Риверъ. «Не сомнѣвайтесь—писали теперь колонисты въ Англію—Господь улучшитъ наше положеніе и воздвигнетъ церковь Свою въ этой прекрасной странѣ» [1]).

Съ этого времени, несмотря на временныя несчастія и новыя опасности, грозившія всему плану колонизаціи, какъ было, напримѣръ, въ 1611 году послѣ отъѣзда Делавара, Виргинская колонія дѣйствительно становится установившейся. Она становится зачаткомъ будущей великой федераціи [2]).

[1]) Однако они жаловались, что „эта колонія терпитъ отъ ругани низкихъ людей (надъ ней смѣялись въ Англіи на сценѣ)—отъ папистовъ и актеровъ, отъ подонковъ и грязи земной она терпитъ такія насмѣшки которыя помогли бы воздвигнуть стѣны Іерусалима.

[2]) Дальнѣйшая судьба виргинской колоніи слѣдующая: въ 1611 г. Делаверъ вернулся въ Англію, и губернаторомъ отправленъ туда Томасъ Гэтсъ; въ 1612 г. издана третья хартія лондонской кампаніи и къ ея владѣніямъ формально присоединены Бермудскіе острова. Въ 1613 г. Самуэль Аргаль по порученію губернатора Виргиніи выгналъ французскихъ колонистовъ изъ ихъ поселенія Св. Спасителя при Mount Desert въ Мэнѣ и срылъ Port Royal; онъ утверждалъ, что подчинилъ также голландцевъ на Гудзонѣ. Въ 1614 г. губернаторомъ назначенъ Томасъ Дэль; въ 1615 г. формально установлено право частной собственности; въ 1617—18 г. Аргаль управлялъ колоніей въ очень тяжелыя времена; въ 1619 г. жителей все еще было только 600 человѣкъ и скота 300 головъ, начали ввозить негритянскихъ рабовъ; при назначеніи генералъ-губернаторомъ Георга Ирдлея начинается жизнь Виргиніи, какъ штата. Въ томъ же году было первое общее собраніе колоніи; въ 1620 г. число эммигрантовъ было уже больше 2000; жены продавались колонистамъ за 100—150 фунтовъ табаку, началась торговля съ метрополіей. Въ то время въ 1617 г. произошла несчастная попытка Ралейга на берегахъ Гвинеи—единственная попытка англичанъ въ южной Америкѣ въ этотъ періодъ.

Въ то время, какъ лондонская компанія устраивала южную колонію на Чезапикѣ, не вполнѣ бездѣйствовала и плимутская компанія. Тотчасъ же по полученіи хартіи въ 1606 году она отправила двухъ изслѣдователей къ сѣверу пожалованной ей страны, и въ 1607 году Георгъ Попгамъ и Ралейгъ Жильбертъ отвезли изъ Плимута 120 эммигрантовъ на берега Мэна. Они построили на островѣ Монгеганъ, при устьѣ Коннебека фортъ св. Георга, но зимніе холода, подозрительное поведеніе туземцевъ, пожаръ склада, смерть Георга Попгама въ колоніи и другого Попгама, главнаго судьи, въ Англіи, бывшихъ главными опорами предпріятія, «заморозили ихъ прежнія надежды и выставивъ разные предлоги», они въ 1608 году возвратились въ Англію, когда французская экспедиція, построившая Квебекъ, перешла къ св. Лаврентію.

Съ тѣхъ поръ не было сдѣлано ничего достойнаго упоминанія до 1614 года, когда Джонъ Смитъ, продолжавшій твердо вѣрить въ дѣло колонизаціи запада. какъ въ истинную миссію Англіи, посѣтилъ берега страны, названной имъ Новой Англіей, изслѣдовалъ всѣ мелкіе заливы отъ Тресковаго мыса до Пенебскота и начертилъ карту этого берега. Въ слѣдующемъ году онъ пытался устроить вторую англійскую колонію въ странѣ плимутской компаніи изъ шестнадцати человѣкъ. Вслѣдствіе бурь экспедиція неудалась; но Смитъ съ картой и описаніемъ Новой Англіи посѣтилъ купцовъ и дворянъ западныхъ графствъ и наконецъ его непоколебимый энтузіазмъ заставилъ его земляковъ снова приступить къ дѣлу [1]). Онъ былъ назначенъ пожизненно адмираломъ проектируемой сѣверной колоніи; въ 1618 году была получена новая хартія и въ 1620 году король, учредивъ реорганизированную кампанію, какъ Плимутскій Совѣтъ Новой Англіи, даровалъ ей территорію отъ теперешней Филадельфіи до широты Ньюфаундлена,—территорію больше, чѣмъ въ милліонъ квадратныхъ миль.

Отцы пилигримы.

Первое постоянное поселеніе въ странѣ сѣверной колоніи было устроено англичанами-сепаратистами изъ Голландіи, оставившими Англію въ 1607—08 годахъ; они, изгнанные изъ Англіи, поселились вмѣстѣ съ своимъ священникомъ Джономъ Робинзономъ въ Лейденѣ въ 1609 году. Они нѣсколько разъ хотѣли добиться патента отъ лондонской кампаніи южной Виргиніи и въ 1619 году получили ее, но они не могли добиться обѣщанія терпимости отъ короля; роковой для нихъ была опозиція лорда Бэкона [2]); потерявъ надежду на вир-

[1]) У Смита, конечно были свои недостатки; онъ былъ надмѣннымъ и эгоистическимъ человѣкомъ; но по моему мнѣнію обвиненія Броуна (Genesis of the Unuted States) въ подлогѣ, клеветѣ и тираніи Смита, заимствованныя Броуномъ у соперниковъ и враговъ Смита, недоказаны Исторія о приключеніяхъ Смита въ восточной Европѣ сомнительна.

[2]) Онъ утверждалъ, что для дисциплины церкви въ колоніяхъ необходимо, чтобы она подчинялась установленной англиканской церкви.

гинскую кампанію, они вошли въ соглашенія съ дѣловыми людьми въ Лондонѣ, надѣявшимися, что это новое предпріятіе послужитъ развитію рыбныхъ ловель Новаго Свѣта и доставившими эммигрантамъ два корабля для перевоза ихъ въ страну Гудзона и основанія тамъ новой республики.

Пилигримы, два раза возвращавшіеся благодаря бурямъ, наконецъ оставили Плимутъ 6 сентября 1620 года на кораблѣ Mayflower, 9 ноября увидали Тресковый мысъ и сначала стали на якорь выше этого мыса. Они сразу подписали договоръ объ установленіи управленія, какъ занявшіе страну, не подвѣдомственную лондонской или виргинской кампаніи и избрали губернаторомъ Джона Карвера; потомъ поплыли вдоль берега и изслѣдовали его въ разныхъ мѣстахъ, и наконецъ 11 декабря 1620 года они рѣшились поселиться при Плимутѣ, какъ они назвали гавань на западномъ концѣ большого залива у Тресковаго мыса. Здѣсь девятнадцать семей (всего 102 человѣка) подѣлили землю; здѣсь они боролись съ индѣйцами и зимними холодами, съ англійскими монополистами, объявлявшими ихъ поселеніе недозволеннымъ вторженіемъ въ ихъ владѣнія и наконецъ, въ 1627 году колонія была прочно установлена.

Имена ихъ вождей стали знаменитыми. Это генералъ Стандишъ, первые губернаторы Карверъ и Брадфордъ, Винслоу и Робинзонъ, не дожившій до переѣзда чрезъ океанъ и не видавшій колоніи, для основанія которой онъ сдѣлалъ такъ много. «Память этой колоніи неувядаема», но все же слѣдуетъ помнить, что заселеніе Новой Англіи было вторымъ послѣ заселенія Виргиніи.

Въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ колонизація Америки, первый постоянный успѣхъ долженъ обращать на себя большее вниманіе, чѣмъ всѣ послѣдующіе; пуританское поселеніе на сѣверѣ наврядъ ли имѣетъ право на исключительное признаніе его мѣстомъ свободы и душевнаго благородства; дѣйствительное значенія плимутской колоніи состоитъ въ томъ, что она была зародышемъ организаціи Соединенныхъ Штатовъ.

Въ то время какъ Отцы Пилигримы искали себѣ новой родины и назвали ее именемъ колоніи, землю которой они захватили, другіе болѣе свѣтскіе авантюристы съ такой же увѣренностью захватывали другія части обширной территоріи, опредѣленной хартіей 1620 года, которую монополисты сначала не могли удержать за собой.

Сѣверныя колоніи.

Въ 1621 году Вильямъ Александеръ получилъ отъ короны патентъ на землю Акадію, получившую названіе Новой Скотіи (Шотландіи); въ томъ же году Джонъ Масонъ получилъ страну отъ рѣки Салемъ и Мерримака и назвалъ ее Маріаной; въ 1622 году онъ же съ помощью и въ товариществѣ съ Фердинандомъ Горгесъ пріобрѣлъ кусокъ земли, сначала названный Лаконіей, а потомъ Мэномъ, между Мерримакомъ и Кеннебекомъ. А въ это время уже устроились по-

селенія на мѣстахъ теперешнихъ Дувра и Портсмута; въ 1624 году капитанъ Валластонъ заселилъ мѣсто у горы Валластонъ близъ позднѣйшаго Бостона.

Попытки плимутскихъ монополистовъ въ 1623 году отстоять свои исключительныя права кончились неудачей. Они отправили Френсиса Уэста, какъ адмирала Новой Англіи, Роберта Горгеса, какъ генералъ-губернатора и Вилльяма Мореля, какъ суперинтенданта церкви; но рыбаки осмѣяли ихъ попытки закрыть для нихъ океанъ и въ 1627 году пуритане Плимута скупили всѣ права лондонскихъ купцовъ, на имя которыхъ была дана имъ грамота.

Въ 1629 году произошло формальное учрежденіе колоніи при заливѣ Массачузетсъ; плимутская колонія распространилась до Салема и корона теперь дала хартію, назначавшую губернатора и кампанію Массачузетсъ въ Новой Англій, прямо на имя этой кампаніи, теперь колонизировавшей Салемъ; во исполненіе такого распоряженія правительства въ 1630 году туда отплылъ губернаторъ Джонъ Уинтропъ. Массачузетсъ.

Развитіе Новой Англіи въ отдѣльный организованный штатъ съ этихъ поръ было быстрымъ. Въ 1629 году Масонъ и Горгесъ уничтожили свое товарищество и были сдѣланы новыя пожалованія; Масонъ получилъ страну, впослѣдствіи названную Нью Гампширъ, а Горгесъ —мѣсто между Пискатакой и Кеннебекомъ, названное тогда же Нью Сомерсетширъ. Въ 1630 году былъ изданъ третій и послѣдній патентъ плимутской кампаніи, разрѣшавшій эммигрантамъ учреждать свое правительство и распредѣлившій земли, обозначенные въ немъ. Въ томъ же году былъ основанъ Бостонъ.

За этимъ послѣдовало основаніе колоніи Коннектикутъ. Въ 1614 году этотъ берегъ былъ изслѣдованъ голландцами, которые и устроили тутъ небольшое поселеніе; но хотя плимутскій Совѣтъ и подарилъ часть Коннектикута [1]) графу Варвику въ 1630 году, только въ 1634 году послѣ совѣщанія Плимута и Бостона попытались основать поселеніе въ долинѣ Коннектикута. Такъ какъ Массачузетская компанія лѣниво бралась за дѣло, то Плимутъ отправилъ партію эммигрантовъ, вопреки протесту голландцевъ, поселившихся въ спорномъ округѣ. Коннектикутъ.

Въ 1635—36 году эмигранты изъ Массачузетса основали Сайбрукъ и Гартфордъ, и это повело къ послѣднему изъ присоединеній къ колоніямъ Новой Англіи въ это время, къ основанію въ 1638 году колоніи Родъ-Исландъ. Въ концѣ этого періода (1643) была создана федерація соединенныхъ колоній Новой Англіи союзомъ Родъ-Исландъ.

---

[1]) Въ 120 миляхъ къ юговостоку отъ Наррагансета. Эту землю Варвикъ въ 1631 г. передалъ лорду Сэю и Селю, лорду Бруку, Джону Гампдену и другимъ.

Коннектикута, Нью-Гавена, Плимута и Массачузетса для взаимной защиты.

Мэриландъ. Въ южной или виргинской части этого великаго колонизаціоннаго движенія единственнымъ прибавленіемъ къ группѣ небольшихъ штатовъ по восточному берегу сѣверной Америки было заселеніе Мэриланда лордомъ Балтиморомъ въ 1632—34 годахъ.

Стоитъ отмѣтить еще одно такое же поселеніе; это пожалованіе новаго Альбіона, включавшаго Нью-Джерсей, Эдуарду Плоудену въ 1636 году.

Сѣверо-западный проходъ. Величайшими подвигами въ этомъ періодѣ были путешествія Генриха Гудзона и Виллъяма Баффина. Они, преслѣдуя призракъ сѣверозападнаго прохода, открыли крайній сѣверозападъ американскаго материка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ несчастная случайность или странное ослѣпленіе закрыли путь Фробишеру и Дэвису.

Мы къ сожалѣнію ничего не знаемъ о жизни Гудзона до 1607 года, когда онъ при изысканіи ближайшей дороги къ Китаю попытался идти къ полюсу, какъ рекомендовалъ восемь лѣтъ до него Робертъ Торнъ, съ экипажемъ изъ десяти матросовъ и одного юнги. По пути отъ Гренландіи къ Шпицбергену онъ достигъ 80° широты и открылъ островъ Яна Майена, названный имъ Hudson's Tonches. Возвратившись по льдамъ, онъ въ 1608 году искалъ сѣверовосточнаго прохода, держась низкихъ широтъ, но не дошелъ къ востоку дальше Новой Земли.

Рѣка Гудзона. Въ 1609 году онъ снова пытался обойти Азію, но снова вынужденный остановиться, онъ рѣшился искать сѣверозападнаго прохода. Отправившись въ Ньюфаундленъ на службѣ Голландіи, онъ плылъ сначала вдоль берега до Чезапика и по пути вошелъ въ «свою собственную рѣку» — въ рѣку Гудзонъ — вѣроятно, руководясь той нелѣпой идеей, очень распространенной въ то время въ Англіи и Германіи, что кратчайшую сѣверную дорогу въ Китай можно найти, плывя по сибирскимъ и американскимъ рѣкамъ. Наконецъ въ 1610 году онъ снова возвратился къ плану отысканія сѣверозападнаго прохода; онъ прошелъ мимо Лабрадора и вошелъ чрезъ Гудзоновъ проливъ въ Гудзоновъ заливъ, открытый къ западу и который видѣлъ Фробишеръ, но въ который онъ не входилъ изъ страха потерять золотые рудники въ Meta Jncognita. На маленькомъ своемъ суднѣ, на которомъ было только двадцать три человѣка, Гудзонъ плылъ все впередъ, надѣясь, что наконецъ онъ нашелъ искомый проходъ; когда онъ увидалъ, что открытое море находится къ югу, а не къ западу, онъ изслѣдовалъ этотъ величайшій изъ американскихъ заливовъ и рѣшился перезимовать въ южной его части. Но недостатокъ провіанта порождалъ ропотъ среди матросовъ, Гудзона они считали виновникомъ всѣхъ затрудненій и неудачъ, и въ то время, какъ корабль возвращался въ Атлантическій океанъ чрезъ его «собственный»,

т. е. Гудзоновъ проливъ, матросы схватили его и восьмерыхъ его приверженцевъ, посадили ихъ въ ботъ и они, какъ предполагаютъ, погибли въ заливѣ, названномъ именемъ Гудзона (23 іюня 1611).

Въ исторіи открытій нѣтъ трагедіи болѣе страшной и болѣе таинственной, какъ судьба Генриха Гудзона. О немъ больше никто не слышалъ, но его имя навѣки должно жить, какъ одного изъ достойнѣйшихъ англійскихъ героевъ, одного изъ достойныхъ памяти людей, которые значительно увеличили сумму нашихъ знаній и расширили нашъ горизонтъ. Значительная часть земной поверхности была открыта имъ; не многимъ людямъ удалось настолько, что большая часть земного шара была названа ихъ именами; ни одинъ человѣкъ, кромѣ Амориго Веспучи, не далъ своего имени столькимъ тысячамъ квадратныхъ миль; ни одинъ человѣкъ не отразилъ настолько, какъ Гудзонъ, въ своей дѣятельности духъ людей времени Елисаветы, духъ созидателей великой Англіи.

О Виллъямѣ Баффинѣ впервые мы узнаемъ въ 1612 году. Въ этомъ году онъ, Галль и Томасъ Буттонъ отплыли къ сѣверозападу; результатомъ ихъ путешествія было открытіе Новаго южнаго Валлиса, Новаго сѣвернаго Валлиса и залива Буттона. Въ слѣдующемъ, 1613, году Баффинъ былъ у береговъ Шпицбергена, гдѣ онъ наблюдалъ необычную рефракцію. Въ 1615 году онъ былъ кормчимъ и партнеромъ Роберта Билота въ путешествіи для арктическихъ открытій; въ 1616 году въ товариществѣ съ тѣмъ же Билотомъ онъ открылъ зундъ Вольстенгольма, зундъ Ланкастера и Баффиновъ заливъ (78° с-ш), онъ снялъ на карту и описалъ этотъ заливъ съ точностью, возбуждающей удивленіе мореплавателей нашего вѣка. Баффинъ.

Мы уже говорили объ его позднѣйшемъ появленіи въ Индѣйскомъ океанѣ и о его смерти близь Ормуза въ Персидскомъ заливѣ въ 1622 году; единственная достойная упоминанія попытка пойти по его слѣдамъ въ арктическихъ моряхъ въ теченіе этого періода была сдѣлана Фоксомъ и Джемсомъ въ 1631 году. Фоксъ изслѣдовалъ весь западный берегъ Гудзонова залива отъ 65° до 55°, въ тщетной надеждѣ найти проходъ; но, какъ и многихъ другихъ до него, нѣкоторые случайные успѣхи утѣшили его въ неудачѣ. Онъ открылъ Каналъ Фокса между Землей Баффина на западѣ Баффинова залива и сѣверовосточнымъ полуостровомъ или полуостровомъ Мельвиля Сѣверозападной территоріи; наконецъ онъ достигъ мыса Перегринъ. Джемсъ въ это же время изслѣдовалъ и зимовалъ въ южной части Гудзонова залива, которая теперь носитъ его имя (заливъ Джемса). Англійскія поселенія въ Ньюфаундленѣ въ 1610 и 1621 годахъ и временное завоеваніе англичанами Квебека въ 1629 году должны бы были, повидимому, поддерживать интересъ англичанъ къ сѣверозападнымъ и арктическимъ предпріятіямъ; но не смотря на такія открытія, какъ открытіе Гудзона, эти мѣста казались столь безполез-

ными и непривлекательными, что въ теченіе семнадцатаго столѣтія дѣлалось все меньше и меньше систематическхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Вездѣ въ другихъ мѣстахъ, къ сѣверовостоку и къ сѣверозападу, за исключеніемъ крайняго сѣвера, немногія изъ мѣстъ, указываемыхъ на нашихъ теперешнихъ картахъ, не были посѣщены англичанами до начала гражданской войны въ Англіи или до Вестфальскаго мира на континентѣ Европы.

Архитектура и искусство.

Гугса.

Упадокъ Елизаветинской архитектуры.

Въ концѣ царствованія Елисаветы періодъ анархіи въ архитектурѣ предшествовалъ спорадическому возрожденію архитектуры въ царствованіе Іакова. Время смягчило своимъ умиротворяющимъ вліяніемъ худшія изъ чертъ архитектуры этого періода анархіи и теперь развѣ немногіе знатоки ворчатъ на безсвязность стиля того времени. Гатфильдъ, Голландъ-Гоузъ и Больсоверъ представляютъ наиболѣе извѣстные изъ образцовъ того стиля, который можно назвать стилемъ упадка Елисаветинской архитектуры; всѣ они построены, или по крайней мѣрѣ начаты, въ первые пятнадцать лѣтъ семнадцатаго вѣка. Но тутъ послѣдовательность въ развитіи этого стиля не параллельна послѣдовательности лѣтъ постройки. Вествудъ и Бурлейгъ, построенные въ срединѣ Елисаветинскаго періода, стиля уже вполнѣ испорченнаго; а Темпль-Ньюзамъ, построенный въ 1612 году, и Одлей—Эндъ, начатый въ 1616 году, свободны отъ подражанія итальянскому стилю и могутъ казаться возвратомъ къ готическому настроенію. Но большинство зданій этого періода, Гатфильдъ и другія, не будучи готическими, вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежатъ и къ стилю Ренессансъ.

«Только кое гдѣ (говоритъ Фергюсонъ) безобразные пилястры или дурно очерченныя арки напоминаютъ намъ объ иностранномъ вліяніи; они настолько перемѣшаны съ старыми раздѣленными средняками окнами (mullioned windows) и съ остроконечными карнизами, что зданія можно съ полнымъ основаніемъ назвать готическими; дѣло въ томъ, что для этого стиля не существуетъ другого названія, кромѣ довольно безобразнаго, но характернаго названія «Якобинскій». Относительно общаго плана они не представляютъ ничего замѣчательнаго. Въ нихъ нѣтъ ни глубины готическаго стиля, ни простой чистоты классическаго, и нѣтъ претензій на изящество того или другого. Всѣ они могутъ, пожалуй, быть названы живописными, но

это ихъ качество обусловливается скорѣе вѣками, протекшими со времени ихъ постройки, чѣмъ искусствомъ или вкусомъ строившихъ ихъ архитекторовъ».

Все это безспорно и тѣмъ болѣе печально, что при послѣднихъ Тюдорахъ и при первыхъ Стюартахъ строили чрезвычайно энергично. Правда, въ то время не было построено ни одной большой церкви и ни одного большого дворца, но за то на конфискованные доходы монашескихъ орденовъ воздвигли множество грамматическихъ школъ и коллегій и множество деревенскихъ замковъ. Кромѣ измѣненія стиля въ этомъ періодѣ произошло, можетъ быть, еще большее и болѣе важное измѣненіе—переходъ отъ средневѣкового понятія объ обязанностяхъ архитектора къ новому понятію. «Архитектура перестаетъ быть естественной формой выраженія настроенія развитыхъ умовъ и становится просто ремесломъ профессіональныхъ мастеровъ». Въ это время мы замѣчаемъ уже полное выдвиганіе на первый планъ индивидуальности архитектора. Въ средніе вѣка существовали эры того или иного стиля. При Стюартахъ приходится говорить объ эрѣ того или другого архитектора. Отъ средины царствованія Іакова до начала гражданской войны была эра Иниго Іонеса, а позже эра Христофора Рена.

Возрожденіе готики при Іаковѣ.

Но раньше того, какъ вліяніе Іонеса сдѣлалось преобладающимъ, и даже въ то время, когда это вліяніе распространялось, было, повидимому, сдѣлано послѣднее усиліе возродить готическій стиль. Въ особенности въ Оксфордѣ и близь него такія стремленія имѣли нѣкоторый успѣхъ. Въ Кембриджѣ мы встрѣчаемъ, можетъ быть, лучшіе образцы первыхъ зданій въ стилѣ ренессансъ, а въ Оксфордѣ лучшіе образцы позднѣйшаго готическаго стиля. Въ младшемъ университетѣ имѣются «Ворота Кайя», потомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ или около того Невиль-Кортъ въ коллегіи Троицы и западный фронтонъ капеллы св. Петра; а послѣ начала гражданской войны «дворъ Клэра». Въ Оксфордѣ мы видимъ части школъ — особенно залъ со сводами или проходъ, называемый Pig-Market — и капеллы Линкольнской и Вадгамской коллегій той же даты, какъ и Невиль - Кортъ; позднѣе, около того же времени, какъ Клэръ въ Кембриджѣ, воздвигнутъ несравненный садовый фасадъ св. Іоанна и лѣстница, ведущая въ залъ коллегіи Церкви Христовой. Работы въ св. Іоаннѣ и въ Церкви Христовой приписываются Иниго Іонесу— хотя по нашему мнѣнію и довольно бездоказательно. Но если онѣ дѣйствитнльно принадлежатъ ему, то онѣ доказываютъ не только его геніальность, но и гибкость его таланта.

Палладіо.

Несомнѣнно, что во всѣхъ наиболѣе характерныхъ зданіяхъ этого періода замѣчается прямое вліяніе Палладіо. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ знаменитый порталъ Бодлеянскаго четыреугольника въ Оксфордѣ. Палладіо, который хотѣлъ быть пророкомъ Витрувія, умеръ въ Виченнѣ въ 1580 году. Онъ выработалъ себѣ опредѣлен-

ныя правила, особенно относительно употребленія различныхъ орденовъ. Тосканскій орденъ, признанный орденомъ патріотизмомъ Витрувія, хотя, вѣроятно, это просто грубая форма дорическаго ордена, долженъ всегда употребляться для нижнихъ этажей, какъ «наиболѣе пригодный для поддержанія тяжести и для того, чтобы дать всему зданію видъ прочности». Выше его дорическій орденъ, потомъ выше дорическаго іоническій, потомъ коринфскій. и выше всѣхъ составной (Composite). Порталъ и выстроенъ архитекторомъ Томасомъ Гольте, кажется, съ цѣлью доказать пригодность этого правила на дѣлѣ. Въ порталѣ дѣйствительно ордена нагромождены одинъ надъ другимъ и въ результатѣ получилось зданіе, указывающее на несоотвѣтствіе старанія съ знаніемъ дѣла.

Иниго Іонесъ. Карьера знаменитаго архитектора Иниго Іонеса началась сравнительно рано въ царствованіе Іакова; но сначала онъ работалъ больше какъ декораторъ, чѣмъ какъ архитекторъ. Онъ родился въ 1573 году и работалъ постоянно отъ зрѣлаго возраста до самой смерти, въ 1652 году. Въ послѣдніе годы его жизни настали тревожныя времена и у него не могло быть много занятій. Родители его были, вѣроятно, изъ Валиса, такъ какъ Іонесъ также, какъ Яго, очень обыкновенная фамилія въ Валисѣ. Онъ былъ столярнымъ ученикомъ, но на него какимъ то образомъ обратилъ вниманіе графъ Пемброкъ и отправилъ его учиться въ Италію. Тамъ онъ находился подъ вліяніемъ работъ Палладіо; дворцы, построенные Палладіо въ Виченцѣ и въ Венеціи, славились во всей Италіи. Вернувшись въ Англію, онъ былъ назначенъ инспекторомъ работъ (surveyor) несчастнаго Генриха, принца валискаго. Послѣ второго путешествія на континентъ онъ занялъ мѣсто генералъ-инспектора короля и съ этого времени до своей смерти составилъ множество архитектурныхъ плановъ. Наиболѣе извѣстный изъ нихъ планъ дворца въ Уитгалѣ былъ составленъ около 1621 года и еслибы онъ былъ осуществленъ, то это было бы грандіознѣйшимъ зданіемъ стиля Палладіо въ Европѣ. Фасадъ къ рѣкѣ долженъ былъ быть въ 874 фута длины, фасады къ Чарингъ Кроссъ и къ Вестминстеру въ 1152 фута. Высота была бы въ 100 футовъ; въ зданіи должно было быть пять четвероугольниковъ и одинъ круглый дворъ, украшенный двумя рядами каріатидъ, и вообще детали были особенно роскошны. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого онъ построилъ церковь св. Павла, Ковентъ Гарденъ и портикъ къ собору, который разрушенъ. Церковь часто перестроивалась и боковыя паперти ея сняты, такъ что теперь трудно составить представленіе о ея первоначальномъ видѣ; разсказъ о томъ, что герцогъ Бедфордъ просилъ выстроить гумно и архитекторъ обѣщалъ ему выстроить красивѣйшее въ Европѣ гумно, кажется, не совсѣмъ невѣроятенъ. Во всякомъ случаѣ это была первая изъ значительныхъ протестантскихъ церквей въ Европѣ и хотя она была, можетъ быть, тяжелымъ

и плоскимъ зданіемъ, но не безъ достоинства; широкія подземелья и глубокій портикъ даже и теперь, послѣ перестроекъ и измѣненій въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ, импозантны. Шлюзъ Іоркъ Гоуза, стоящій теперь въ колодцѣ между набережной Темзы и Букингамъ-Стритъ, построенъ тоже по его плану, хотя вѣроятно, что строителемъ его, также какъ и строителемъ Ашбурнгамъ-Гоузъ, былъ другой. Разныя ворота, вродѣ воротъ ботаническаго сада въ Оксфордѣ и Голландъ Гоузъ приписываются тоже ему, также какъ паперть св. Маріи въ Оксфордѣ. Въ Уильтонѣ онъ построилъ замѣчательный небольшой мостъ, украшенный іоническими пилястрами и навѣрное онъ же строилъ или составлялъ планы въ Кобгамѣ и Гринвичѣ и, вѣроятно, въ Кольсгилѣ и Браймптонѣ. Его планъ Чисуика, несомнѣнно, копія, хотя и не рабская копія, Villa Rotonda въ Виченцѣ. Но зданіе, построенное Палладіо, съ окружающими его портиками, отличается воздушностью и тѣнисто, чего не достаетъ Чисуику, гдѣ масса оживляется только колонадой входа. Но англійскій соборъ несомнѣнно грандіознѣе итальянскаго зданія; внутренность его отличается своеобразной красотой. Трудно сказать, которое изъ зданій лучше, копія или оригиналъ; но постольку, поскольку оно повліяло на введеніе классическихъ портиковъ, съ этихъ поръ строившихся въ большихъ замкахъ безъ всякаго соображенія съ пригодностью ихъ, это вліяніе слѣдуетъ признать вреднымъ. Не извѣстно, былъ ли Иниго Іонесъ строителемъ садового фасада св. Іоанна, но стиль этого фасада замѣчательно чистый и нужно войти въ корридоръ съ арками, чтобы открыть слѣды стиля ренессансъ. Лѣстница въ Церкви Христовой, очень бѣдная по деталямъ, по плану и абрисамъ напоминаетъ образцовыя произведенія послѣднихъ великихъ готическихъ строителей, ставившихъ королевскія капелы въ Вестминстерѣ, Кембриджѣ и Виндзорѣ. Иниго, впрочемъ, не имѣлъ симпатій къ готическому стилю и желалъ создать себѣ въ потомствѣ славу, какъ классикъ и послѣдователь Палладіо. Въ своемъ завѣщаніи онъ распорядился, чтобы на его монументѣ были изображены горельефы его портиковъ въ соборѣ св. Павла и церкви въ Ковентъ Гарденѣ. Безспорно во всякомъ случаѣ, что Иниго обладалъ крупнымъ и оригинальнымъ талантомъ. Но главное его право на память потомства онъ заслужилъ, можетъ быть, тѣмъ, что открылъ дорогу Рену.

За исключеніемъ школы миніатюристовъ, о которой мы говорили уже, и которая продолжала развиваться несмотря на отсутствіе покровительства короля Іакова, въ его царствованіе англійское искусство мало совершенствовалось. Бракъ короля на иностранной принцессѣ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на поощреніе иностранныхъ, а не туземныхъ талантовъ и дѣйствительно большинство произведеній живописи, написанныхъ въ Англіи въ это время, принадлежитъ не Живопись.

англичанамъ. Павелъ Ванъ Сомеръ изъ Антверпена былъ, кажется, самымъ извѣстнымъ изъ иностранцевъ, устроившихся въ Англіи при Іаковѣ. Кажется, онъ пользовался милостями короля и дворянства; онъ рисовалъ короля въ Виндзорѣ и Гамптонъ-Кортѣ, Анну датскую, лорда Арунделя. канцлера Бэкона и графа Девоншира. Онъ умеръ въ 1621 году и погребенъ въ церкви «св. Мартина въ поляхъ». Болѣе плодовитымъ и долѣе жившимъ художникомъ былъ Корнелисъ Янсенсъ или Корнеліусъ Джонсонъ, какъ называютъ его современные англійскіе документы. Онъ былъ уроженцемъ Амстердама и манера его была чисто голландская. Онъ постоянно жилъ въ Англіи въ Блакфріарахъ. Онъ выдалъ замужъ свою сестру въ Англіи и ея сынъ Теодоръ Руссель, крестникъ и воспитанникъ Корнеліуса, рисовалъ копіи съ его произведеній. Другимъ моднымъ живописцемъ былъ Даніэль Майтенсъ изъ Гаги. Онъ былъ родственникомъ Ванъ Сомера и вѣроятно пріѣхалъ въ Англію въ надеждѣ занять его положеніе при дворѣ. Онъ былъ назначенъ королевскимъ живописцемъ, однако, только въ царствованіе Карла и былъ очень популярнымъ до пріѣзда Вандика.

Скульптура. Скульптура, эта Сандрильона англійскаго искусства, имѣла въ царствованіе Іакова своими представителями семью Стоне. Основатель этого рода Николай Стоне былъ изъ Девоншира; сначала онъ былъ мастеромъ каменьщикомъ, работавшимъ капеллу короля въ Эдинбургѣ и строилъ «банкентный домъ»; онъ или одинъ изъ его сыновей, вѣроятно, строили двѣ паперти въ Оксфордѣ по плану Іонеса. Но онъ работалъ и независимо и воздвигъ множество надгробныхъ памятниковъ. Въ то время на нихъ была мода, если судить по такимъ образцамъ, какъ гробницы Маріи шотландской и королевы Елисаветы въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, хотя онѣ замѣчательны главнымъ образомъ нѣкоторой грандіозностью въ архитектурномъ отношеніи. Онѣ были дороже статуй королей или боговъ, по крайней мѣрѣ если довѣрять дневнику Николая Стоне. Такъ онъ изваялъ за 25 фунтовъ за штуку статуи Эдуарда V, Ричарда III и Генриха VII для старой лондонской биржи. Для Пастона изъ Окснетъ въ Норфолькѣ онъ сдѣлалъ статую Венеры и Купидона и получилъ за нее 30 фунтовъ, статую Юпитера за 25 фунтовъ, трехглаваго Цербера съ пьедесталомъ за 14 фунтовъ, Цереру, Геркулеса и Меркурія за 50 фунтовъ, тогда какъ за гробницу лэди Катерины Пастонъ онъ получилъ 200 фунтовъ, а за гробницу графини Букингамъ 560 фунтовъ. Всего дороже онъ взялъ съ Люси, графини Бедфордъ «за прекрасную и величественную гробницу изъ камня и бѣлаго мрамора»; за нее онъ получилъ 1020 фунтовъ, «ея сіятельство взяла на себя всѣ издержки за перевозку, за желѣзо и постановку».

Первые англійскіе коллекціо- Король Іаковъ не проявлялъ никогда любви къ искусству, но такая любовь въ то время была обычнымъ явленіемъ среди высшаго

дворянства. Въ это царствованіе первый крупный англійскій любитель Томасъ графъ Арундель составилъ свою знаменитую галлерею. Его агентомъ въ дѣлѣ покупки статуй, надписей, драгоцѣнныхъ камней, рисунковъ и картинъ былъ церковникъ Вилльямъ Петти, создавшій домъ Ландсдоуновъ. Графъ началъ собирать коллекціи около 1615 года и продолжалъ заниматься этимъ до начала гражданской войны. Принцъ Генрихъ, самъ бывшій немного художникомъ, и имѣвшій учителемъ француза Де-Ко (De Caux), также былъ коллекціонеромъ, въ особенности бронзъ, его коллекція была основой коллекціи его брата. Наиболѣе замѣчательной изъ покупокъ принца была покупка медалей, принадлежавшихъ нѣкоему Абрагаму Горле, автору Dactylotheca; въ этой коллекціи, говорятъ, было 1200 медалей. Въ каталогѣ сокровищъ Карла I, составленномъ Вандердортомъ, упоминается о множествѣ статуй, картинъ, статуй и бронзъ, полученныхъ отъ принца Генриха; намъ извѣстно, что его агентомъ какъ для покупокъ, такъ и для переговоровъ съ Миревельтомъ о посѣщеніи послѣднимъ Англіи, былъ Эдуардъ Конвей. Братъ принца повторилъ потомъ это приглашеніе, но безуспѣшно. Производство обой было введено въ Англію однимъ варвикширскимъ дворяниномъ Шельдономъ въ царствованіе Генриха VIII, теперь оно сильно развилось; въ Мортлэкѣ Франсисъ Кранъ построилъ фабрику, пайщикомъ въ которой былъ, какъ утверждали, самъ Іаковъ. Она работала все время его царствованія и производила хорошіе товары, такъ какъ въ первый годъ своего царствованія Карлъ I, бывшій хорошимъ судьей въ этомъ дѣлѣ, заплатилъ 6000 фунтовъ за три ассортимента золотыхъ обой и далъ субсидію для продолженія работъ.

Монеты Іакова I.

Соединеніе двухъ коронъ, англійской и шотландской, Іаковомъ въ 1603 году ознаменовано было различными изображеніями на его монетахъ. На первой начеканенной при немъ монетѣ въ годъ восшествія на престокъ въ надписи помѣщенъ его шотландскій титулъ; вмѣсто французскихъ гербовъ на первой и четвертой четверти щита и англійскихъ на второй и третьей, на первой и четвертой четверти гербы Англіи и Франціи, на второй гербы Шотландіи, а на третьей Ирландіи. Во второй годъ его царствованія титулъ измѣненъ и на монетахъ съ этихъ поръ онъ именуется королемъ Великобританіи, Франціи и Ирландіи. Первая монета похожа на монету послѣднихъ лѣтъ Елисаветы; золотая: соверены, полусоверены, кроны и полукроны; серебряная: кроны, полукроны, шиллинги, полугроты, пенни и полупенни. Вторая отчеканенная золотая монета вмѣсто Ang. Sco имѣетъ надпись Mag. Bri или Brit.; равнялась она двадцати шиллингамъ, дубль-крона десяти шиллингамъ, британская крона — пяти, Андреевская крона (Thistle-crown) четыремъ и полкрона двумъ шиллингамъ шести пенсамъ. Къ этимъ монетамъ присоединилась королевская роза (rose ryal) въ тридцать шиллинговъ, королевскія шпоры

(spur ryal) въ пятнадцать и «ангелы» въ десять шиллинговъ; послѣднія были по пробѣ отличны отъ кронъ. Въ 1611 году цѣна золотыхъ монетъ повысилась на 10%; такъ какъ это зависѣло отъ недостатка монеты, что было неудобно для торговцевъ, то въ 1619 году вышелъ указъ о чеканкѣ новой монеты. Новыя монеты должны быть равноцѣнными съ монетами первыхъ лѣтъ царствованія и чтобы не смѣшивать ихъ съ монетами предыдущихъ выпусковъ, ихъ сдѣлали отличными: на головѣ Іакова лавровый вѣнокъ замѣнилъ корону. Другимъ нововведеніемъ была шестифунтовая шотландская золотая монета, ходившая по десяти шиллинговъ. Французская крона «Солнца» была хотя и неузаконенной, но любимой монетой въ Англіи и ходила въ теченіе этого царствованія по семи шиллинговъ. Монеты съ изображеніемъ головы короля съ лавровымъ вѣнкомъ, кромѣ ихъ оффиціальныхъ названій: крона, дубль-крона и британская крона, назывались также лаурель, полулаурель, а также большими монетами. Серебряныя монеты не особенно измѣнились; трудно опредѣлить время ихъ выпуска; единственнымъ указателемъ въ этомъ отношеніи ихъ форма и украшенія арфы на нихъ. Къ концу царствованія, начиная съ 1621 года, рѣдкость серебра была устранена разработкой рудниковъ въ Валлисѣ; чеканка монетъ изъ туземнаго серебра указывалась изображеніемъ на нихъ головы государя съ украшеніемъ изъ страусовыхъ перьевъ.

Денежные знаки.

Мы видѣли, что въ древнее время недостатокъ въ мелкой размѣнной монетѣ приводилъ къ разрѣзыванію пенни и къ другимъ тому подобнымъ злоупотребленіямъ. Уменьшеніе величины новой серебряной монеты вслѣдствіе увеличенія цѣны серебра устранило эти злоупотребленія; но прекращеніе чеканки серебряныхъ фартинговъ увеличило потребность къ размѣнной монетѣ для мелкихъ сдѣлокъ, что повело къ употребленію разныхъ денежныхъ знаковъ. Въ царствованіе Елисаветы было разрѣшено обращеніе денежныхъ знаковъ изъ олова, цинка, мѣди, даже изъ кожи. Недостатокъ размѣнной монеты продолжался, даже увеличился, въ царствованіе ея наслѣдника. Для устраненія этого Іаковъ въ 1613 году далъ патентъ лорду Гарингтону на чеканку «такого количества мѣдныхъ фартинговъ, какое необходимо для подданныхъ его величества въ королевствахъ Англіи и Ирландіи и въ княжествѣ Валлисъ». Король, однако, объявлялъ при этомъ, что онъ не признаетъ эти фартинги монетой «и не принуждаетъ подданныхъ принимать ихъ въ уплату, иначе какъ по ихъ доброй волѣ». На эти фартинги смотрѣли съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и по смерти лорда Гарингтона и его сына они почти вышли изъ обращенія, такъ что въ 1614 году король былъ вынужденъ издать вторую прокламацію, подтверждавшую патентъ за лэди Гарингтонъ и ея наслѣдниками. Неизвѣстно, сколько времени она пользовалась такой привилегіей, позже она перешла къ герцогу Лен-

ноксу и къ маркизу Гамильтону; потомъ новымъ патентомъ королевскими монетчиками для выпуска такихъ денежныхъ знаковъ были назначены два лондонскихъ купца, Вудвардъ и Гарретъ.

Монеты первой, болѣе спокойной части царствованія Карла I отличаются значительнымъ улучшеніемъ въ ихъ чеканкѣ; въ девятый годъ его царствованія была уничтожена двойственность монетной единицы, кронъ и золотыхъ ангеловъ. До 1634 года выпускалась золотая монета такого же наименованія, какъ и въ царствованіе его отца, за исключеніемъ thistle crown. Тоже можно сказать и о серебряной монетѣ; старыя наименованія были сначала удержаны и позже присоединены кроны, три пенса и полупенсы. Улучшеніе чеканки было произведено, вѣроятно, Николаемъ Бріо, уроженцемъ Лотарингіи, бывшемъ прежде граверомъ французскаго короля, эмигрировавшимъ въ Англію около 1628 года и назначеннымъ въ слѣдующемъ году управляющимъ монетнымъ дворомъ. Но нѣкоторыя изъ прежнихъ монетъ, хотя и менѣе чистыя по чеканкѣ, были очень красивы, въ особенности кроны, на которыхъ изображенъ король на лошади съ длинной гривой, висящей впереди ея груди. Типы монетъ Карла I довольно разнообразны, такъ какъ кромѣ монетъ, чеканенныхъ въ Тоуэрѣ и Аберайстуитѣ, монеты чеканились въ Бристолѣ, Честерѣ, Экзетерѣ, Оксфордѣ, Шрефсбюри, Веймоутѣ, Ворчестерѣ, Іоркѣ и, вѣроятно, во многихъ другихъ мѣстахъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ въ извѣстный моментъ находились королевскія войска. Большая часть этихъ монетъ относится, однако, къ времени гражданскихъ войнъ, что и указывается часто даваемымъ имъ названіемъ «осадной монеты» (Siege• pieles). Монеты Карла I.

Продолжали обращаться узаконенные и неузаконенные денежные мѣдные знаки, хотя противъ обращенія ихъ и была издана прокламація, запрещавшая всѣ знаки, кромѣ выпущенныхъ на основаніи патентовъ покойнаго короля или выпускаемыхъ по новымъ патентамъ. Дѣйствительно, новый патентъ былъ данъ герцогинѣ Ричмондъ и сэру Френсису Кране на семнадцать лѣтъ за уплату коронѣ ста марокъ. Монеты, выпущенныя по этому патенту, похожи на фартинги Іакова; ихъ много поддѣлывали, вслѣдствіе этого былъ произведенъ новый выпускъ на основаніи патента 1836 гопа, фиртинги приказали дѣлать «изъ такой мѣди, чтобы народъ больше не обманывали». Этого достигали тѣмъ, что въ средину монеты вставляли небольшой кусочекъ особаго сплава.

Карлъ I былъ первымъ изъ англійскихъ королей, горячо и умно покровительствовавшимъ искусству. Картины въ королевскихъ залахъ Генриха VII, Генриха VIII, Маріи и Елисаветы цѣнились только по сходству изображенія или какъ предметъ любопытства. Но Карлъ обладалъ всѣми качествами тонкаго знатока искуства. Почти съ самаго дня своего воцаренія онъ начинаетъ увеличивать коронную Карлъ какъ покровитель искусства.

галлерею. Онъ отправилъ во Францію и Италію комиссіонеровъ, наиболѣе ловкимъ и умѣлымъ изъ которыхъ былъ Эндеміонъ Портеръ; его посланники тоже постоянно заботились о пріобрѣтеніи произведеній искусства, такъ какъ подарокъ королю такихъ произведеній навѣрняка давалъ дарящему милость короля. Придворные тоже отлично знали о такой слабости короля; она была извѣстна во всей Европѣ, такъ что при рожденіи принцессы Елисаветы Голландскіе Штаты вмѣстѣ съ поздравленіемъ прислали различныя произведенія искусства и четыре рѣдкія картины Тинторета и Тиціана. Король купилъ всю галлерею Винченцо Гонзаго, герцога Мантуанскаго; онъ приглашалъ къ своему двору иностранныхъ художниковъ и отправилъ въ Мадридъ одного художника дѣлать для него копіи. Этотъ художникъ, котораго называютъ то «Стоне», то »Кроссъ», повидимому былъ англичанинъ. Король всегда сильно интересовался своими коллекціями и Вандердоортъ, по смерти принца Генриха перешедшій на службу къ его брату, кажется, находилъ его черезъ чуръ требовательнымъ; этотъ несчастный даже изъ страха королевскаго гнѣва прибѣгъ къ самоубійству, такъ какъ потерялъ миніатюру Гибсона Карлика (Gibson he Dwarf), изображавшую притчу о потерянной овцѣ. Блестящій придворный Георгъ Вилльерсъ, герцогъ Букингамъ, соперничалъ съ своимъ царственнымъ другомъ и повелителемъ въ покровительствѣ искусству и купилъ для своей галлереи великолѣпную коллекцію Рубенса. Эти картины, въ числѣ которыхъ было девятнадцать Тиціана, были пересланы въ Іоркъ Гоузъ около 1826 г.

Иностранные художники въ Англіи.

Присутствіе въ странѣ столькихъ произведеній искусства и милости, съ которыми принимались художники несомнѣнно должны были возбудить соревновеніе въ нѣкоторой части англійскаго общества. Рубенсъ, разрисовавшій потолокъ въ Уитгалѣ, былъ возведенъ въ рыцарское званіе въ 1630 году; онъ былъ недолго въ Англіи, но ему наслѣдовалъ его ученикъ Вандикъ, изъ всѣхъ иностранныхъ художниковъ, жившихъ въ Англіи, наиболѣе заслуживающій названія англійскаго художника. Онъ поселился въ Блакфріарахъ, кварталѣ, благодаря его близости къ дворцу въ Бридуэлѣ бывшемъ любимымъ пребываніемъ для всѣхъ, пользовавшихся королевской милостью. Въ 1632 году, онъ получилъ рыцарское званіе, а въ 1633 году патентъ на званіе живописца его величества. Его бракъ съ дамой изъ благородной фамиліи Рутвеновъ еще болѣе упрочилъ его связи съ его новой родиной. Онъ нѣсколько разъ посѣщалъ континетъ, но послѣдніе десять лѣтъ своей жизни прожилъ въ Англіи, гдѣ и умеръ въ 1641 году. Множество художниковъ изъ Нидерландъ, Франціи и даже Италіи перебывали въ Англіи, хотя и не надолго. Самыми крупными изъ нихъ были Янъ Ливенсъ, Тербургъ а Гонторстъ; изъ менѣе извѣстныхъ были Поленбургъ, Стинвикъ, Гельдорпъ, Жентилески и скульпторы Фанелли, Ангье, дю-Валь, и

Губертъ (Фанелли приписываются фигуры Карла I и его супруги, украшающія постройку Иниго Іонеса въ Оксфордѣ).

Туземные художники.

Главнымъ фактомъ этого царствованія было появленіе двухъ туземныхъ художниковъ съ крупнымъ, если не великимъ, талантомъ. Это Георгъ Джемсонъ и Вилльямъ Добсонъ; послѣдній заслуживаетъ того, чтобы считаться предшественникомъ сэра Джосуа и его великихъ современниковъ. Джемсонъ былъ сынъ Абердинскаго архитектора, но учился онъ въ Антверпенѣ у Рубенса и былъ товарищемъ Вандика. Его картины рѣдко встрѣчаются къ югу отъ Твида; манера его доказываетъ, что это былъ превосходный и оригинальный художникъ. Карлъ замѣтилъ его въ 1633 году и подарилъ ему свой собственный перстень за рядъ портретовъ шотландскихъ королей. Вилльямъ Добсонъ, котораго король называлъ англійскимъ Тинторетомъ, происходилъ изъ благороднаго, хотя и разорившагося, рода въ С. Альбансѣ и учился у Роберта Пика, миніатюриста. Говорятъ, что онъ учился также у Ванъ Клейна, декоратора, работавшаго для короля въ Мортлэкѣ. Но главнымъ образомъ онъ обязанъ Вандику, картины котораго онъ копировалъ для своего учителя. Разсказываютъ, что сэръ Антони, пораженный нѣкоторыми изъ произведеній Добсона, выставленными для продажи, отправился къ нему, нашелъ его работающимъ на чердакѣ, отвезъ его къ двору и представилъ Карлу. Онъ пользовался такой милостью короля, что послѣ смерти Вандика былъ назначенъ придворнымъ живописцемъ, но гражданская война сдѣлала этотъ титулъ ничего незначущимъ; онъ умеръ тридцати шести лѣтъ въ 1646 году. Онъ безспорно былъ крупнымъ портретистомъ, нѣсколько можетъ быть, суховатымъ, но серьезнымъ и сильнымъ. Его портретъ Эндеміона Портера въ національной галлереѣ очень типиченъ, хотя это далеко не лучшее его произведеніе. Кромѣ потретовъ онъ писалъ картины на библейскіе сюжеты; но главная его заслуга все таки та, что онъ былъ первымъ изъ великихъ англійскихъ портретистовъ.

Эти двое были или могутъ считаться крупными художниками; до насъ дошли имена и нѣкоторыхъ изъ болѣе мелкихъ. Таковы Неве, Повей, Гольдернессъ, Барловъ. Правда, что это только имена; но количество такихъ именъ значительно и они агличане. Еще болѣе знаменательно то обстоятельство, что англійскій художникъ Гамильтонъ былъ настолько извѣстенъ, что ему заказали рисовать птицъ и виноградныя гроздья для курфюрста Бранденбургскаго. Званіе художника сдѣлалось уже почетнымъ, даже для благородныхъ; утверждаютъ, что даже король гордился такимъ званіемъ.

Кромѣ миніатюристовъ, продолжавшихъ идти по стопамъ своихъ предшественниковъ царствованія Елисаветы, король покровительствовалъ финифтянныхъ дѣлъ мастерамъ и несомнѣнно, что одинъ изъ нихъ, Петитотъ, создалъ бы школу этого искусства, если бы этому

не помѣшала гражданская война. Если бы не эта война, Англія могла бы имѣть свой золотой вѣкъ живописи, какъ Италія или Нидерланды.

Естествознаніе

Уиттакера.

Начало семнадцатаго вѣка отличается научной дѣятельностью и отмѣчено двумя открытіями чрезвычайной важности—открытіемъ логарифмовъ Нэпиромъ и открытіемъ кровообращенія Гарвеемъ. Господство, пріобрѣтенное теперь экспериментальнымъ методомъ, доказывается тѣмъ, что Бэконъ объявилъ его новымъ орудіемъ подчиненія природы цѣлямъ человѣка. Тѣмъ не менѣе еще сохранялись остатки прежняго недовѣрія къ научнымъ изысканіямъ, какъ это доказывается двумя цитатами изъ сочиненій современныхъ историковъ. Ольденбургъ въ предисловіи къ Transactions of Royal Society— 1672 года напоминаетъ, что «Галилей и другіе пострадали за свои астрономическія открытія», а также «и здѣсь, въ Англіи, сэръ Вальтеръ Ралейгъ, когда онъ былъ въ славѣ, подвергся клеветѣ, будто онъ основалъ школу атеизма, потому что онъ поддерживалъ химію, практическія искусства и механику и намѣревался основать для изученія ихъ коллегію». [1]).

Математика. Математическія науки тоже не пользовались хорошей репутаціей. Любопытно, что Гоббсъ до сорокалѣтняго возраста не читалъ Евклида. Когда онъ былъ въ Оксфордѣ, геометрія не составляла части курса, проходимаго студентами и никто не занимался ей, за исключеніемъ небольшого кружка студентовъ, группировавшихся вокругъ Генриха Савиля Мертона. Боялись, что математическія науки совершенно будутъ забыты и только въ 1619 году, долго послѣ того, какъ Габбсъ оставилъ Оксфордъ, Савиль учредилъ кафедру геометріи, и «многіе изъ глупыхъ сельскихъ дворянъ перестали посылать своихъ сыновей въ университетъ, чтобы они не заразились чернымъ искусствомъ, такъ какъ большинство считало математику колдовствомъ, а ея профессоровъ членами дьявола». Уже въ срединѣ вѣка самъ Гоббсъ жалуется, что университеты даютъ основаніе считать геометрію «дьявольскимъ искусствомъ« [2]).

Novum Organum—Бэкона былъ изданъ только въ 1620 году, но

---

[1]) Whewell—Philosophy of Inductive. Sciences. 11.
[2]) Croom Robertson—Hobbes.

Бэконъ.

начатъ онъ былъ вѣроятно въ 1608 году. Advancement of Learning издано въ 1605 году. Эти даты относятся къ научной философіи. Но самъ Бэконъ не далъ достаточныхъ философскихъ основаній для индуктивной логики. Тѣмъ не менѣе, его указанія въ этомъ отношеніи замѣчательны. Они вмѣстѣ съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ придавалъ не только опыту, но послѣдовательной экспериментаціи, составляютъ главный его вкладъ въ исторію научнаго мышленія.

Астрономія и физика.

Математическія науки были двинуты впередъ алгебраическими работами Гарріота и Оугтреда. Томасъ Гарріотъ (1560—1621) былъ астрономъ и математикъ, онъ началъ производить телескопическія наблюденія почти одновременно съ Галилеемъ. Онъ сдѣлалъ множество наблюденій надъ солнечными пятнами и интересовался зачатками физическихъ наукъ, особенно метеорологіей и оптикой. Одно время онъ былъ учителемъ математики сэра Вальтера Ралейга и былъ отправленъ имъ въ Виргинію съ экспедиціей Ричарда Гренвиля въ 1585 году; онъ написалъ отчетъ объ этой экспедиціи. Въ посмертномъ его сочиненіи Artis Analiticae Praxis (1631) изложено чрезвычайно важное открытіе въ теоріи уравненій и дана окончательная форма началамъ современной алгебры. Гарріотъ въ исторіи новой аналитической геометріи занимаетъ мѣсто между Віетой и Декартомъ.

Нэпиръ и логарифмы.

Джонъ Нэпиръ (1550—1617), изъ Меркистона близъ Эдинбурга, открывшій логарифмы, началъ сочиненіемъ теологическаго трактата, переведеннаго на нѣсколько языковъ. Онъ озаглавленъ «Plaine Discovery» и представляетъ истолкованіе апокалипсиса въ антипапскомъ смыслѣ. Дата этого сочиненія 1593 годъ. Въ 1614 году Нэпиръ издалъ первую свою работу о логарифмахъ, Descriptio. Имѣются основанія полагать, что онъ работалъ надъ этимъ предметомъ за двадцать лѣтъ до этого времени. Его открытіе было во всякомъ случаѣ результатомъ изслѣдованія, обдуманно начатаго съ цѣлью добиться какого либо сокращенія операцій умноженія и дѣленія, столь трудныхъ въ астрономіи, Сочиненіе 1614 года составляетъ описаніе, но не построеніе логарифмовъ. Объясняется ихъ употребленіе и дается таблица, но не методъ, посредствомъ котораго выработано правило логарифмовъ. Принципъ логарифмовъ объясняется соотношеніемъ двухъ рядовъ чиселъ, однихъ въ арифметической, а другихъ въ геометрической прогрессіи. Нэпиръ намѣревался объяснить построеніе таблицъ въ отдѣльной работѣ, которая и издана послѣ его смерти его сыномъ Робертомъ въ 1619 году. Въ этомъ сочиненіи, Constructio, впервые употреблено систематически наше десятичное распредѣленіе. На время были болѣе обычными другія средства отмѣчать распредѣленіе, но въ концѣ концевъ возвратились къ распредѣленію Нэпира.

Нэпиръ былъ счастливъ въ томъ отношеніи, что современные ему математики сразу поняли и горячо приняли его открытіе. Эдуардъ

Райтъ, главный авторъ метода, извѣстнаго подъ названіемъ метода Меркатора, Mercator's Sailing, перевелъ Descriptio съ латинскаго на англійскій языкъ въ 1615 году, такъ какъ сразу понялъ значеніе логарифмовъ для навигаціи. Онъ умеръ въ 1615 году до изданія своего перевода; онъ былъ изданъ потомъ его сыномъ Самуиломъ Райтомъ въ 1618 году, Генрихъ Бриггсъ (1561—1630) усовершенствовалъ изобрѣтеніе Нэпира, что значительно увеличило его полезность и посвятилъ остатокъ своей жизни его разработкѣ.

Логарифмы Нэпира это не тѣ логарифмы, которыя теперь называются Нэпировскими; это родственная имъ система, имѣющая спеціальный математическій интересъ, но не употребляющаяся для обыкновенныхъ вычисленій. Десятичные логарифмы, употребляющіеся теперь, введены Бриггсомъ. Онъ предложилъ измѣненіе Нэпиру, видоизмѣнилъ свое предложеніе по его указаніямъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, и вмѣстѣ съ нимъ произвелъ измѣненіе, на которое они оба согласились. Его визитъ къ Нэпиру, интересный отчетъ о которомъ даетъ астрологъ Виллььямъ Лилли въ Life and times былъ началомъ дружбы, продолжавшейся до смерти Нэпира. Послѣ онъ помогалъ Роберту Нэпиру при изданіи сочиненія его отца, Constructio. Въ 1617 году, послѣ смерти Нэпира, онъ издалъ Logarithmorum Chilias Prima, гдѣ даны логарифмы первой тысячи чиселъ. Послѣ онъ далъ еще нѣсколько таблицъ. Эти таблицы Бриггса, результатъ такого энергичнаго труда, составляютъ основанія всѣхъ теперешнихъ таблицъ логарифмовъ.

Другимъ знаменитымъ изобрѣтеніемъ Нэпира были его «Нэпировскія счеты» для умноженія и дѣленія. Это изобрѣтеніе описано въ сочиненіи Rabdologia (1617). Нѣкоторыя формулы сферической тригонометріи извѣстны и теперь подъ названіемъ «правилъ Нэпира» и «аналогій Нэпира».

Біологія. Біологія имѣетъ то общее съ математикой, что начало имъ были положены въ древности. Какъ спеціальная наука она начинается по крайней мѣрѣ со времени Аристотеля. Въ одномъ изъ своихъ произведеній Аристотель съ нѣкоторымъ неодобреніемъ отзывается о физикахъ, которые считаютъ необходимымъ излагать свою общую философію природы раньше, чѣмъ займутся тѣмъ, что они спеціально знаютъ. Это можетъ считаться указаніемъ на то, что отдѣлы біологіи признавались уже въ то время спеціальными науками. Со временъ Аристотеля были сдѣланы нѣкоторыя открытія въ анатомическихъ и физіологическихъ теоріяхъ. Гарвей для того, чтобы сдѣлать свое великое открытіе, долженъ былъ познакомиться со всѣми этими прежними пріобрѣтеніями. Открытіе кровообращенія было результатомъ независимыхъ экспериментаціи и теоретизированія, соединенныхъ съ изученіемъ старыхъ книгъ и съ тѣми свѣдѣніями, которыя Гарвей могъ получить отъ современныхъ ему анатомовъ. Тѣмъ не-

менѣе въ самомъ этомъ открытіи Гарвей не имѣлъ предшественниковъ, ни изъ древнихъ ученыхъ, ни изъ новыхъ.

Гарвей. Открытіе кровообращенія.

Виллыямъ Гарвей (1578—1657) родился въ Фолькстонѣ въ Кентѣ. Онъ славился какъ медикъ. Его открытіе, ниспровергшее традиціонные общепринятые взгляды, говорятъ, на нѣкоторое время повредило ему въ его профессіи; но это недостовѣрно и отрицалось. Въ всякомъ случаѣ ему удалось еще при жизни привлечь на свою сторону ученыхъ спеціалистовъ и медиковъ. Гоббсъ указываетъ на это, какъ на единственный примѣръ въ исторіи научныхъ открытій. Философы Гоббсъ и Декартъ очень скоро усвоили новое представленіе о кровообращеніи. Сущность открытія Гарвея состояла въ томъ, что вся кровь гонится отъ сердца, какъ источника ея движенія и снова возвращается къ сердцу. Никто раньше не признавалъ обращенія въ такомъ именно смыслѣ. Гарвей не только понималъ дѣло именно такъ, но и далъ почти полное экспериментальное доказательство такого обращенія. Все, что было необходимо для дополненія доказательства, это найти проходы (волосные сосуды), по которымъ кровь течетъ отъ послѣднихъ развѣтвленій артерій въ вены. Для ихъ открытія былъ необходимъ микроскопъ; когда микроскопъ былъ изобрѣтенъ, Мальпигій наблюдалъ весь процессъ въ легкихъ лягушки. Это было уже въ 1661 году, черезъ четыре года послѣ смерти Гарвея.

Классическое сочиненіе Гарвея, въ которомъ онъ излагаетъ свое открытіе, De Motu Cordis, было издано въ 1628 году. Впервые онъ изложилъ свои взгляды въ 1616 году и продолжалъ излагать ихъ въ лекціяхъ въ госпиталѣ св. Варфоломея, гдѣ онъ былъ профессоромъ (Lumleian Lecturer) съ 1615 года. Другое его знаменитое сочиненіе De Generatione относится къ слѣдующему періоду; хотя это сочиненіе не имѣетъ такого значенія, какъ De Motu Cordis, оно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ изложена доктрина *эпигенезиса*, т. е. теорія, что зародышъ развивается послѣдовательнымъ прибавленіемъ частей, а не развитіемъ существующаго съ самаго начала полнаго миніатюрнаго организма—теорія по сущности таже, какая существуетъ и въ настоящее время.

Значеніе этого открытія.

Измѣненіе, произведенное Гарвеемъ въ физіологической теоріи, будетъ понятнѣе, если его сравнить съ ученіемъ, которое оно замѣнило. Теорія Аристотеля состояла въ томъ, что кровь вырабатывается изъ пищи печенью, что оттуда она идетъ къ сердцу, а отъ сердца по вѣнамъ распредѣляется по тѣлу. Его послѣдователи по виду артерій послѣ смерти утверждали, что въ нихъ заключается воздухъ Галенъ доказалъ, что въ артеріяхъ находится также и кровь. Потому унаслѣдованное отъ древнихъ представленіе было таково; существуетъ кровь двухъ родовъ: одна, кровь смѣшанная съ воздухомъ, идетъ по артеріямъ, а другая по венамъ. Предполагали, что и та и другая

кровь медленно и неправильно распредѣляется по тѣлу. Перегородка (Septum)—между правымъ и лѣвымъ сердцемъ признавалась проницаемой. Утверждали, что сердце наполняется кровью при его расширеніи и наполненіе обусловливается импульсомъ крови, притекающей къ сердцу. Въ началѣ новаго періода Везалій доказалъ, что перегородка между правымъ и лѣвымъ сердцемъ цѣльная, хотя не вполнѣ отдѣлался отъ представленія объ ея порахъ. Сильвій доказалъ существованіе клапановъ венъ. Серветъ (1553) и Реальдусъ Колумбусъ (1559) доказали существованіе легочнаго кровообращенія, т. е. полнаго прохода крови чрезъ легкія отъ праваго сердца къ лѣвому. Это малое кровобращеніе также, какъ и большое, не было извѣстно древнимъ физіологамъ. Гарвей, отправляясь отъ этихъ открытій и присоединивъ къ нимъ собственныя, совершенно видоизмѣнилъ старыя представленія. Онъ доказалъ, что пульсація обусловливается наполненіемъ кровью артерій и что причина этого сокращеніе сердца. Онъ окончательно доказалъ, что поръ въ перегородкѣ нѣтъ. Потому кровь для того, чтобы попасть изъ одной половины сердца въ другую, должна совершить обращеніе. Кровь въ артеріяхъ и венахъ одна и таже. То есть, это таже самая жидкость, хотя и видоизмѣненная при проходѣ чрезъ ткани отъ артерій въ вены и снова при проходѣ чрезъ легкія. Дѣйствіе правой и лѣвой половины сердца одинаково и состоитъ въ сокращеніи мускуловъ, прогоняющемъ кровь. Клапаны венъ поставлены такимъ образомъ, чтобы облегчить притокъ крови къ сердцу, а не для того, чтобы умѣрять оттокъ ея отъ сердца, какъ полагалъ Силвій. Все будетъ ясно при предположеніи, что кровь отъ лѣваго сердца идетъ по организму по артеріямъ, что она не вся расходуется въ тканяхъ, а большая часть ея собирается въ венахъ, что по венамъ она течетъ къ правому сердцу, откуда прогоняется въ легкія, что въ легкихъ, приходя въ прикосновеніе съ воздухомъ, она однако не перестаетъ быть кровью, оттуда опять течетъ къ лѣвому сердцу и снова прогоняется къ тканямъ. Такимъ образомъ сердце, а не печень, есть отправной пунктъ всего распредѣленія крови.

Этимъ великимъ открытіемъ въ самой сложной изъ естественныхъ наукъ мы можемъ закончить исторію наукъ въ этомъ періодѣ. Внѣ Англіи наиболѣе важными научными открытіями за это время были созданіе Галилеемъ современной динамики и открытіе Кеплеромъ его знаменитыхъ законовъ планетныхъ движеній. Оба эти открытія были необходимы для послѣдующей разработки Ньютономъ астрономіи. Въ это время въ Англіи продолжались экспериментальныя изслѣдованія всякаго рода въ духѣ Бэкона людьми, въ послѣдствіи основавшими Королевское Общество. Гоббсъ вырабатывалъ систему природы на основаніи механическихъ принциповъ. Его математическія изученія, начатыя имъ, когда онъ былъ уже не молодъ, при-

вели его къ спорамъ съ профессіональными математиками. Но это относится уже къ слѣдующему періоду.

Магія и Алхимія.

Стиля.

Мы видѣли, насколько страхъ сверхъестественнаго владѣлъ душами Тюдоровъ, хотя ихъ законы противъ колдовства и были самыми мягкими изъ всѣхъ современныхъ имъ европейскихъ законовъ. Съ воцареніемъ Іакова настроеніе англійскихъ правителей измѣнилось. Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы появилось множество трактатовъ, требующихъ суроваго наказанія колдуній; но это не имѣло послѣдствій; англійскіе суды надъ колдовствомъ отличались скорѣе безуміемъ, чѣмъ жестокостью, а новое правленіе отличалось жестокимъ безуміемъ. Въ теченіе сорока лѣтъ въ Шотландіи занимались охотой за колдуньями и результатомъ было то, что отъ 1560 по 1600 года сожгли болѣе восьми тысячъ человѣческихъ существъ; въ послѣднія десять лѣтъ столѣтія самъ король былъ во главѣ охотниковъ. Онъ въ 1589 году уѣхалъ въ Данію и возвратившись въ маѣ 1590 года съ протестантской супругой, во время плаваній выдержалъ небольшую бурю. Онъ разсудилъ, что это было дѣломъ самого дьявола и вскорѣ нашелъ и его агентовъ. Агнеса Сампсонъ, «бѣлая колдунья», подверглась пыткѣ; въ теченіе часа ей сжимали голову веревкой и наконецъ она созналась. Джонъ Фіанъ подвергся самымъ ужаснымъ пыткамъ; у него вырвали ногти и всадили въ пальцы булавки, ноги и руки были сокрушены у него въ присутствіи самого короля, пока онъ не сознался (въ то время никого не осуждали, пока преступникъ «добровольно» не сознавался въ своемъ преступленіи), что онъ былъ на сборищѣ колдуновъ въ сѣверномъ Бервикѣ и они ходили вокругъ церкви противъ солнца (withershins), пока двери не отворились и сатанинская свита вошла туда и тамъ совершала свои оргіи. Тридцать обвиненныхъ были сожжены въ одинъ день въ 1591 году и король угрожалъ суровымъ наказаніемъ присяжнымъ, имѣвшимъ дерзость оправдать одного изъ нихъ. Самъ Іаковъ написалъ сочиненіе о демонологіи противъ Скота и Віеруса, континентальнаго писателя, смотрѣвшаго на дѣло болѣе благоразумно.

Первый парламентъ Іакова отмѣнилъ сравнительно мягкій актъ Елисаветы; былъ изданъ новый, очень подробный. Воспрещалось вызывать или заклинать злого духа, совѣтоваться, договариваться съ

Актъ 1604 года.

нимъ, нитать его, пользоваться мертвыми тѣлами для магіи, вредить жизни или членамъ, искать кладовъ или потерянныхъ или уворованныхъ вещей, добиваться посредствомъ колдовства любви или вредить скоту. На основаніи этого акта до 1680 года было казнено семдесятъ тысячъ человѣкъ. Слишкомъ долго было бы разсказывать здѣсь эту исторію преслѣдованій колдуновъ; подробности читатель можетъ найти во многихъ книгахъ, вродѣ «исторій о колдунахъ» г-жи Линнъ Линтонъ. Одно изъ первыхъ преслѣдованій на основаніи этого акта было начато поэтомъ Ферфексомъ, но къ счастію неудачно. Извѣстныя преслѣдованія ланкаширскихъ колдуній происходили въ 1613, и снова въ 1634 годахъ; въ 1618 году двѣ женщины были повѣшены въ Линкольнѣ за то, что околдовали лорда Росса, сына графа Рутланда, зарывъ его перчатку. Самый яростный взрывъ жестокости произошелъ въ восточныхъ графствахъ, при юрисдикціи пресвитеріанскаго большинства въ Долгомъ парламентѣ по извѣстному дѣлу Матью Гопкинса. Этотъ Гопкинсъ въ 1644 году жилъ въ Маннингтри; въ это время въ городѣ начали толковать о колдовствѣ; тамъ онъ и изучилъ свое ремесло охотника за колдуньями, которымъ и занимался въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ. Главнымъ средствомъ для открытія колдуньи было посредствомъ уколовъ булавки искать на тѣлѣ нечувствительнаго мѣста или любимое средство короля Іакова — погруженіе обвиняемаго въ воду. Обвиняемаго обертывали въ простыню, связывали ему большіе пальцы на рукахъ и ногахъ и бросали въ прудъ. Если тѣло выплывало на поверхность, что, конечно, и случалось, когда натягивали веревку, то колдунья была осуждена. Признавали, что такъ какъ колдуньи отреклись отъ крещенія, то вода и выбрасываетъ ихъ. Незачѣмъ разсказывать о всѣхъ жестокостяхъ Гопкинса; онѣ возбудили наконецъ противъ него негодованіе во всей странѣ и говорятъ, что онъ самъ былъ посредствомъ его же собственныхъ методовъ признанъ колдуномъ. Стоитъ замѣтить, что парламентская коммиссія изслѣдовала вопросъ о колдовствѣ въ 1645 году. Съ полученіемъ власти индепендентами преслѣдованія на время прекратились.

Гораздо легче разсказать, что дѣлали люди и чему они вѣрили, чѣмъ объяснить ихъ вѣрованія и ихъ дѣйствія. Не слѣдуетъ забывать, что самые мудрые и лучшіе изъ людей тогда вѣрили въ колдовство. Бэконъ даетъ научное объясненіе его силы; Елисавета, стоявшая на очень высокомъ уровнѣ умственныхъ способностей, совѣтывалась съ Ди объ алхиміи, смотрѣла духовъ въ его зеркалѣ, посылала ему большіе денежные подарки и покровительствовала ему; епископы всѣ вѣрили въ колдовство; Матью Галь, Кокъ и другіе судьи слушали чудовищныя росказни дѣтей и преступниковъ и при осужденіи колдуній пренебрегали всѣми законами очевидности. Томасъ Броунъ давалъ показанія противъ колдуній. Бурглей выслуши-

валъ и исполнялъ пустословіе осужденныхъ алхимиковъ, самые знатные люди страны и ихъ жены покровительствовали астрологамъ и шарлатанамъ.

Что это были за люди, это видно изъ примѣра медика и астролога Симона Формана, человѣка очень отличнаго отъ Жерома Кардана, астролога и шарлатана-доктора. Жизнь его была странная. Бѣдный студентъ, подмастерье, приставъ, земледѣлецъ, бѣлый магъ, астрологъ, знахарь—все по очереди, онъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ намъ о своихъ успѣхахъ. Арестуемый, какъ плутъ и бродяга, сельскими мировыми судьями, или какъ знахарь коллегіей врачей, онъ постепенно добился извѣстности. Въ 1579 году оказалось, что нѣкоторыя изъ его предсказаній осуществились; въ 1580 онъ началъ лечить отъ недуговъ; въ 1583 пріѣхалъ въ Лондонъ и началъ практиковать, какъ астрологъ и докторъ, разыскивать потерянныя или украденныя вещи. Въ 1587 году онъ началъ вызывать ангеловъ и заниматься черной магіей, въ 1594 году началъ искать философскаго камня, а въ 1603 году получилъ въ Кембриджѣ степень доктора медицины. Главными его кліентами были дамы. Современныя сатиры указываютъ, какія услуги оказывалъ онъ имъ. Джонсонъ въ Epicene упоминаетъ о его любовныхъ напиткахъ; Антони Вельдонъ еще яснѣе указываетъ на характеръ его услугъ. Онъ въ особенности извѣстенъ упоминаніемъ о немъ въ судѣ по дѣлу Овербюри, гдѣ оказалось, что юная графиня Эссексъ, выданная замужъ тридцати лѣтъ за четырнадцатилѣтняго мальчика, просила его услугъ, чтобы спасти ее отъ ухаживаній ея мужа, и добиться для нея любви Карра, впослѣдствіи графа Сомерсетъ. Неприличныя свинцовыя и восковыя фигурки, посредствомъ которыхъ, по увѣренію Формана, можно достигнуть ея цѣли, были представлены суду черезъ четыре года послѣ смерти Формана; трескъ на галлереѣ, произведенный вставаніемъ зрителей чтобы разсмотрѣть ихъ, вызвалъ панику, такъ какъ всѣ испугались, что это самъ дьяволъ явился за своей собственностью. Веденіе дѣла въ судѣ доказываетъ, что еще существовала старая связь между отравителемъ и колдуномъ.

Симонъ Форманъ.

Университеты.

Гёттона.

Послѣ Елисаветы университеты были совершенно очищены отъ романизма, но зато попали въ другую крайность, въ кальвинизмъ. Большинство націи желало умѣренности, а педагоги находили един-

ственное наслажденіе въ защитѣ самыхъ крайнихъ ученій. Практическіе люди при управленіи великой королевы пришли къ убѣжденію, что Англія нуждается въ національной и независимой церкви, также какъ въ національномъ и независимомъ правительствѣ. Но педанты теоретики стремились денаціонализировать религію, вводя женевскую систему. Кальвинская теологія современемъ должна была создать въ Англіи пресвитеріанскую церковь. Кальвинская теологія и господствовала въ университетахъ при воцареніи Іакова. Вліяніе политиковъ помогало дѣлу богослововъ и по словамъ Гейлина: «университеты настолько измѣнились, что въ нихъ не было и признаковъ англійской церкви, согласующейся съ принципами и положеніями, на основаніи которыхъ она была сначала реформирована. Всѣ кальвинскія ученія по вопросу о предопредѣленіи и все зависящее отъ сихъ ученій, принимались какъ установленное ученіе англійской церкви; необходимость одного таинства, достоинство, присущее другому, и сильное дѣйствіе обоихъ для спасенія человѣка не только оспаривались, но и отрицались; епископство сохранялось на половину, не какъ отдѣльное отъ пресвитерства, а только какъ высшее его на одну степень достоинство, а можетъ быть и изъ боязни скомпрометировать въ церкви систему Кальвина. Римскую церковь называли «Вавилонской блудницей» и «матерью всѣхъ золъ»; публично утверждали, что папа есть антихристъ или «человѣкъ грѣха» и это утверждали столь положительно и магистрально, какъ будто это было одной изъ главныхъ статей христіанской вѣры; и изъ боязни, чтобы не проговориться добрымъ словомъ о римской церкви и папѣ, истинную церковь искали только въ мелкихъ сектахъ Беренгаріевъ въ Италіи, альбигойцевъ во Франціи, гусситовъ Богеміи и нашихъ виклефитовъ. Не больше заботились о формахъ и обрядахъ церкви, чѣмъ объ ея ученіи; при церковномъ богослуженіи стихарь настолько вышелъ изъ употребленія и само богослуженіе совершалось такъ небрежно въ большинствѣ коллегій, что прелаты и духовенство въ конвокаціи 1603 года были вынуждены принять два канона, чтобы заставить ихъ соблюдать прежніе обряды».

Вліяніе Лоуда и Іакова.

Таково было мнѣніе людей, подобныхъ Гумфри, королевскому профессору богословія, Джону Рейнольдсу, президенту коллегіи Тѣла Христова и таково было обученіе въ университетахъ, когда Лоудъ былъ студентомъ. Измѣненіе положенія дѣлъ произведено было главнымъ образомъ имъ. Въ его коллегіи, коллегіи св. Іоанна, кальвинизмъ никогда не получалъ преобладанія. Тоби Матью, президентъ ея отъ 1572 г. до 1577 года, впослѣдствіи архіепископъ іоркскій, въ спорахъ держался отнюдь не кальвинскаго направленія. Бекериджъ, президентъ отъ 1605 до 1611 года, впослѣдствіи епископъ Эли, былъ однимъ изъ вождей антикальвинской реакціи. Но въ началѣ царствованія Іакова, Оксфордъ былъ кальвинскимъ и, какъ таковой, под-

держивался королемъ—кальвинистомъ. Въ Кембриджѣ преобладало тоже направленіе, особенно въ коллегіяхъ Сиднея и Эммануила. Четверо изъ пяти англійскихъ представителей на синодѣ въ Дортѣ (1618) были кембрижцы. Отношеніе Іакова къ университетамъ было отношеніемъ невмѣшательства, если не дѣятельнаго покровительства кальвинской теологіи, соединенное съ требованіемъ практическаго признанія церковнаго строя, въ виду необходимости независимой національной церкви. Такъ, напр., каноны 1604 года требовали ношенія стихаря при богослуженіи въ обоихъ университетахъ. Пуритане испугались; «дай Богъ, чтобы другія худшія вещи не послѣдовали за строгимъ требованіемъ такой индефферентной церемоніи»—такъ говорилъ Самуилъ Уардъ, глава Сиднея. За этимъ послѣдовало требованія деклараціи о принятіи церковной обрядности отъ всѣхъ, получавшихъ ученую степень. Но король не только приказывалъ, а и покровительствовалъ. Въ 1604 году оба университета получили право выбирать двухъ членовъ въ палату общинъ. Въ 1606 году назначеніе на всѣ церковныя патронатства, принадлежавшія римскимъ католикамъ, было по статуту передано университетамъ. Оксфордъ получилъ южныя графства, а Кембриджъ сѣверныя. Іаковъ, какъ ученый король, любилъ покровительствовать ученымъ людямъ.

Коллегія Троицы въ Кембриджѣ.

Въ Кембриджѣ въ теченіе его царствованія одна коллегія начала пріобрѣтать рѣшительное вліяніе надъ другими. Коллегія Троицы при Невиллѣ, бывшемъ ея главой отъ 1593 до 1613 года, занимаетъ то выдающееся положеніе въ университетѣ, котораго она уже никогда послѣ не потеряла. Въ Оксфордѣ ни одна коллегія не пріобрѣла такого безспорнаго главенства. Руководящая роль переходила отъ одной коллегіи къ другой, смотря по способностямъ начальства разныхъ коллегій. Къ концу царствованія Іакова вліяніе Лоуда возымѣло свое дѣйствіе и коллегія св. Іоанна получила временное преобладаніе надъ другими коллегіями.

Драма въ университетахъ

Іаковъ интересовался университетами, какъ теологъ и педантъ; по крайней мѣрѣ его интересъ проявлялся въ посѣщеніяхъ университетовъ. Эти посѣщенія ознаменовались исполненіемъ на половину классическихъ, на половину модернизированныхъ пьесъ, которыя такъ любили сочинять ученые юмористы того времени. Оксфордъ устраивалъ и маскарады и передѣванья. «Рождественскій Принцъ» и «Нарциссъ» характеризуютъ аффектированность того времени; алегорическія привѣтствія на улицахъ были такой же необходимой принадлежностью посѣщеній короля при Іаковѣ, какъ и при Елисаветѣ. Кембриджъ завѣщалъ потомству болѣе значительныя пьесы, вродѣ Ignoramus (1615) и раньше его знаменитое «Путешествіе на Парнасъ» и «Возвращеніе съ Парнаса». Университеты, каковы бы ни были ихъ теологія, ихъ ученія и ихъ настроеніе, были очень, даже рабски, преданы коронѣ. Въ 1626 году, т. е. въ такое время,

когда политическая вражда къ Георгу Вильерсу, герцогу Букингаму, была особенно сильной, онъ былъ избранъ канцлеромъ Кембриджскаго университета.

Реакція противъ кальвинизма.

Въ концѣ царствованія Іакова въ обоихъ университетахъ началась сильная реакція противъ кальвинизма. Въ Кембриджѣ Андрьюсъ и Гарснетъ, сильные своими свѣдѣніями въ христіанскихъ древностяхъ и святостью своей личной жизни, работали каждый по своему въ направленіи болѣе либеральной и исторической теологіи. Въ Оксфордѣ Вилльямъ Лоудъ, «строившій свое изученіе, какъ выразился посвящавшій его епископъ, на благородной основѣ изученія Отцовъ церкви, соборовъ и историковъ церкви», училъ въ университетѣ своими проповѣдями и лекціями отрицанію столь долго господствовавшей суровой и узкой системы вѣрованій. Это была продолжительная борьба — столь же продолжительная, какъ и та, которая два вѣка послѣ того дала побѣду трактаріанцамъ. Лоуда бранилъ вицеканцлеръ, на него нападали въ проповѣдяхъ, его оскорбляли на улицахъ. Онъ какъ членъ и глава коллегіи, выдержалъ сильнѣйшую оппозицію. Но въ концѣ концовъ арминіанство побѣдило. Люди утомились рѣзкими и гнѣвными нападеніями кальвинскихъ проповѣдниковъ и разумъ подсказалъ условія мира.

Возстановленіе дисциплины

Въ слѣдующій періодъ исторіи университетовъ Лоудъ былъ архіепископомъ кентербюрійскимъ и канцлеромъ Оксфорда. Въ качествѣ канцлера онъ сдѣлалъ многое. Онъ возстановилъ дисциплину, устранилъ злоупотребленія и издалъ кодексъ университетскихъ законовъ. Въ 1630 году казалось, что всѣ старыя формальности и старый порядокъ уничтожены. Академической одежды не носили, не было повиновенія и уваженія среди младшихъ, старшіе занимались главнымъ образомъ ссорами и диспутами, часто кончавшимися разбиваніемъ головъ, если не убійствами. Въ 1638 году Джонъ Кокъ отмѣчаетъ полное измѣненіе такого положенія дѣлъ. Не было больше кутежей въ тавернахъ или шатанья по дурнымъ мѣстамъ, серьезно занимались наукой и постоянно прибѣгали къ общественнымъ библіотекамъ и школамъ. Лоудъ въ качествѣ канцлера и въ качествѣ ревизора вмѣшивался въ жизнь коллегій и принудилъ членовъ коллегіи Мертона повиноваться статутамъ, признать законныя привиллегіи коллегіи Королевы и дѣлалъ выговоры даже главамъ коллегій за ихъ глупости и небрежность. Но главнѣйшимъ его дѣломъ было изданіе кодекса университетскихъ статутовъ, упрощенныхъ и исправленныхъ, надъ которымъ работали ученые юристы и который старательно пересмотрѣлъ онъ самъ. Случайное правленіе прежняго времени онъ замѣнилъ постояннымъ комитетомъ изъ начальниковъ коллегій и правителямъ и управляемымъ далъ опредѣленные университетскіе статуты, при которыхъ университеты могли развиваться и процвѣтать. Лоудъ желалъ передать ту власть, которой онъ поль-

зовался, церкви, признавъ право ревизіи университетовъ принадлежащимъ къ должности митрополита. Университеты оспаривали такое притязаніе, но въ концѣ концовъ оно было признано совѣтомъ и королемъ. Но этимъ правомъ не воспользовались, такъ какъ вскорѣ наступила гражданская война. Интересъ, проявляемый короной и главными министрами къ университетамъ въ теченіе полувѣка, имѣлъ тотъ естественный результатъ, что при началѣ гражданской войны Оксфордъ и Кембриджъ были по своимъ симпатіямъ сильно роялистскими. Коллегіи пожертвовали дѣлу короля свои сервизы и доставляли королевскимъ войскамъ цѣлыя толпы студентовъ.

Жизнь студентовъ.

Жизнь студента въ то время была веселой жизнью. Туторы настолько же занимались своими изученіями, насколько и обученіемъ и дисциплиной своихъ воспитанниковъ; въ письмахъ того времени мы имѣемъ живое изображеніе веселаго общества. Эдмундъ Верней, храбрый молодой кавалеръ, измѣннически убитый при Дрогедѣ, отправился въ Оксфордъ за годъ до начала войны и былъ изряднымъ бездѣльникомъ во время своего пребыванія тамъ. Онъ былъ пойманъ у м—съ Габріэльсъ, обѣдавшимъ тамъ въ пятницу, когда въ коллегіи не полагалось давать мяса; онъ «не присутствуетъ на моихъ лекціяхъ, съ негодованіемъ жаловался его туторъ, а также и при молитвѣ»; у него было множество долговъ и онъ предавался печальнымъ увлеченіямъ. Наконецъ онъ былъ вынужденъ сознаться въ своемъ дурномъ поведеніи, которое онъ не можетъ перемѣнить, если не оставитъ Оксфордъ. «Я не могу приписать это инымъ причинамъ, пишетъ онъ, кромѣ моего постояннаго желанія имѣть знатную кампанію, потому что еслибы я связался съ людьми не знатными, мнѣ не трудно было бы отдѣлаться отъ нихъ. Виной этому не моя ненависть къ ученью, а моя легкомысленная натура, способная увлекаться дурнымъ». Онъ долженъ былъ покинуть коллегію Магдалены и присоединиться къ арміи, отправленной противъ шотландцевъ. Несомнѣнно, что для многихъ, также какъ для Вернея, звукъ трубы, раздавшійся въ классическихъ паркахъ Оксфорда, былъ очень пріятнымъ.

Литература.

Сентсбюри.

Если мы будемъ внимательно и съ общей точки зрѣнія (что, можетъ быть, и не особенно легко сдѣлать въ подобномъ дѣлѣ) разсматривать общія характерныя черты литературы первой половины

семнадцатаго вѣка, противопоставляя ее литературѣ второй половины шестнадцатаго вѣка, мы съ нѣкоторымъ правомъ можемъ назвать этотъ періодъ вѣкомъ прозы, въ отличіе отъ предыдущаго періода, какъ вѣка поэзіи. И это нисколько не противорѣчитъ тому признанію, что вообще поэтическія произведенія этого періода не ниже по качеству, а количество положительно хорошихъ стиховъ было вѣроятно даже больше. Во всѣхъ подобныхъ вопросахъ мы должны обращать вниманіе на направленіе литературнаго движенія, на его истоки, а не на его исходъ, на свойства посѣяннаго сѣмени, а не на расцвѣтшій цвѣтокъ или не на созрѣвшій или даже уже упавшій плодъ. Если мы будемъ смотрѣть съ этой точки зрѣнія, если мы примемъ во вниманіе рожденіе, возрастъ и исторію тогдашнихъ великихъ людей, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что даже самые великіе поэты того времени имѣли склонность быть прозаическими писателями, и въ особенности если мы будемъ принимать во вниманіе послѣдующее, также какъ и предыдущее, то мы будемъ все болѣе и болѣе убѣждаться въ высказанномъ выше положеніи.

Англійская библія. Частію, можетъ быть, и случайностью, но навѣрное, не вполнѣ простой случайностью было то обстоятельство, что самая замѣчательная и наиболѣе вліятельная книга этого періода была написана прозой. Совершенно лишнее восхвалять признанный переводъ англійской библіи. Одобреніе всякаго компетентнаго ученаго, вліяніе его стиля на все движеніе англійской литературы и, наконецъ, печальная неудача всѣхъ попытокъ улучшить его, вполнѣ достаточно свидѣтельствуютъ объ его достоинствахъ. Но не мѣшаетъ, и даже необходимо, указать на соединеніе художественныхъ способностей переводившихъ съ счастливыми условіями, которое дало и такъ долго охраняло авторитетъ этой книги. Предшествующія, такъ какъ и послѣдующія, условія были необыкновенно счастливыми для книги. Образованіе развилось настолько, что возможно было выбрать надлежащій текстъ при надлежащемъ знаніи языковъ, но оно развилось еще не настолько, чтобы концентрироваться на различныхъ варіантахъ и на грамматическихъ тонкостяхъ, при чемъ дѣйствительно литературный переводъ, можетъ быть, просто невозможенъ. Черная работа, соотвѣтствующая работѣ человѣка, высѣкающаго мраморъ для скульптора, была уже сдѣлана цѣлымъ рядомъ переводчиковъ, начиная съ Виклифа. Не малой помощью были и полуканоническіе переводы семидесяти толковниковъ и Вульгата. А главное: переводчики начали работу въ такое время, когда, какъ это было указано въ концѣ статьи, посвященной этому предмету въ предыдущей главѣ, среди англійскаго народа пробудились творческія литературныя способности, когда обогатился словарь англійскаго языка, когда продолжительной практикой развился его синтаксисъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его энергія не перешла еще въ изнѣженность

и мягкость. Далѣе, самый процессъ перевода былъ чрезвычайно удачнымъ примѣромъ труднаго и для многихъ почти невозможнаго сотрудничества. При переводѣ каждой книги давали преимущество тѣмъ изъ ученыхъ и богослововъ, которые спеціально занимались этой книгой; сдѣланный имъ переводъ прочитывался вслухъ и измѣнялось въ немъ только то, что было признано послѣ доказательствъ возражавшихъ ошибочнымъ или неподходящимъ. Такимъ образомъ достигалось извѣстное единство тона въ переводѣ, недостижимое при простой мозаичной работѣ. Но наиболѣе удачной изъ идей переводчиковъ была та, о которой въ мѣстѣ, не понятомъ многими изъ новыхъ писателей, упоминаетъ Сельденъ: а именно, идея передавать точно еврейскія и греческія выраженія чисто разговорными англійскими, если они находили это въ данномъ случаѣ необходимымъ. Такимъ путемъ они придали необыкновенную силу и яркость красокъ своему переводу и обогатили литературный англійскій языкъ до такой степени, какую трудно представить себѣ, не приводя данныхъ. Добрые люди, такъ энергично возражающіе теперь противъ подобнаго способа, такъ сильно протестующіе противъ англизированныхъ французскихъ, нѣмецкихъ или итальянскихъ выраженій, какъ противъ солецизмовъ, можетъ быть не подозрѣваютъ и навѣрное не знаютъ того факта, что англійскій языкъ и англійская литература создались именно такимъ путемъ. Будетъ наврядъ ли преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что нѣкоторые переводы, въ томъ числѣ, конечно, и переводъ библіи, а также и такія книги, какъ «Плутархъ» — Норта, «Монтэнь» — Флоріо, «Арабскія ночи» и нѣкоторыя другія, имѣли болѣе вліянія на матеріалъ и на складъ англійскаго языка, чѣмъ величайшіе изъ англійскихъ писателей.

Послѣдующія условія были еще болѣе счастливыми для одобреннаго перевода библіи, чѣмъ даже условія его происхожденія и искусство переводчиковъ. Онъ вышелъ въ такое время и при такомъ правительствѣ, что признаніе его было дѣломъ несомнѣннымъ.

Послѣдующее революціонное время не только не уменьшило, но наоборотъ сильно распространило его вліяніе. Для пуританъ это была книга изъ книгъ, учебникъ вѣры, система философіи всѣхъ родовъ, отъ метафизики до политики, арсеналъ для полемики, даже изящная литература. Церковники тоже, хотя и нестоль исключительно, были привязаны къ документу, изданному съ одобренія церкви и короля и содержащему арсеналъ орудій какъ противъ папистовъ, такъ и противъ пуританъ. Распространившаяся любовь къ проповѣдямъ пріучала всѣхъ къ его текстамъ, продолжительная привычка посѣщать ежедневно богослуженіе сдѣлала многія мѣста этого перевода знакомыми даже тѣмъ, которые сами не читали его. Онъ отовсюду, чрезъ всѣ поры, просачивался въ умъ и сердце англійскаго народа.

Теологи. Преобладавшіе въ то время теологическіе интересы выразились, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно увеличивались, оригинальными сочиненіями по богословію для цѣлей какъ проповѣди, такъ и изученія. Относительно проповѣди, вѣроятно, всегда будетъ различіе мнѣній объ относительномъ достоинствѣ проповѣдниковъ до гражданской войны—главными изъ которыхъ были Андрьюсъ, Донне и Галль—и проповѣдниковъ послѣ войны, наиболѣе знаменитыми изъ которыхъ были Соутъ, Барроу и Тиллотсонъ. Этотъ вопросъ можетъ быть, вѣроятно, миролюбиво и безобидно рѣшенъ указаніемъ на то, что Іеремія Тайлоръ, принадлежавшій къ обоимъ этимъ періодамъ (хотя онъ больше то принадлежалъ къ первому изъ нихъ и былъ образцомъ стиля для проповѣдниковъ этого періода), по общему признанію былъ лучшимъ изъ всѣхъ англійскихъ проповѣдниковъ. Великолѣпіе его стиля, мѣстами несравненное и во всякомъ случаѣ никѣмъ не превзойденное, представляетъ крайній предѣлъ (вмѣстѣ съ нѣкоторыми мѣстами изъ проповѣдей Броуна), какого достигла англійская проза въ этотъ періодъ ея процвѣтанія. По блеску къ нему приближается жившій раньше его Донне, хотя его стиль далеко не такъ выдержанъ. Донне, литературная и личная исторія котораго очень странная, даже превосходитъ Тайлора по мистической прелести и оригинальности его проповѣдей. Онъ началъ свою карьеру, какъ любовный поэтъ, очень изящный, но вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно приличный по тону и темпераменту, и какъ сатирикъ, обладавшій грубой, не часто достигаемой другими сатириками, энергіей; но послѣ путешествій за границей и службы въ войскѣ, послѣ того, какъ онъ счастливо женился, онъ началъ заниматься сначала юриспруденціей, а потомъ теологіей. Онъ поздно получилъ посвященіе и хотя былъ любимымъ проповѣдникомъ короля Іакова, онъ не получилъ сразу никакого виднаго мѣста и только потомъ получилъ деканство св. Павла, въ то время бывшее во многихъ отношеніяхъ одной изъ лучшихъ бенефицій въ Англіи. Смерть жены и реакція противъ прежнихъ увлеченій его страстнаго и мистическаго темперамента придали его послѣднимъ произведеніямъ и особенно его послѣднимъ проповѣдямъ странный мрачный оттѣнокъ. Галль, бывшій тоже сатирикомъ, былъ проповѣдникомъ болѣе радостнаго настроенія, обладавшимъ значительной силой и большими способностями. Андрьюсъ, не смотря на его природное остроуміе, былъ по сравненію съ Донне и Галлемъ менѣе литераторомъ и болѣе клерикомъ. Эти три проповѣдника были только наиболѣе видными среди многихъ великихъ ораторовъ, которые и возбуждали и въ тоже время удовлетворяли почти ненасытное стремленіе тогдашней публики къ церковному краснорѣчію.

Полемика. Но проповѣдь не поглощала всей энергіи теологовъ того времени; всѣ названные проповѣдники и другіе занимались полемикой, изло-

женіемъ догмы и т. д. Самъ Іаковъ проявилъ склонность къ полемикѣ и отличился своей полемикой съ арминіанами на синодѣ въ Дортѣ. Къ концу періода Іеремія Тайлоръ тоже вмѣшался въ споры, хотя и не особенно удачно, такъ какъ логическая складка не особенно отличала его умъ и онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, иногда впадалъ въ ереси. Вообще же почти всѣ видные богословы періода вмѣшивались въ споры, или съ пресвитеріанами, или съ папистами, или и съ тѣми и другими; многіе обогатили англійское богословіе сочиненіями, не столько полемическими, сколько поучительными. Къ концу періода Мильтонъ написалъ рядъ полемическихъ произведеній, отличавшихся иногда нѣкоторыми блестящими мѣстами, но постоянно обезображенныхъ рѣзкостью, раздраженіемъ, дурной манерой, неприличнымъ презрѣніемъ къ сановникамъ церкви и чрезмѣрной интеллектуальной и духовной гордостью—эти произведенія занимаютъ средину между изяществомъ начала его литературной дѣятельности и величіемъ его поэтической силы въ концѣ ея. Главнымъ произведеніемъ этого періода, дошедшимъ до потомства съ традиціонной по крайней мѣрѣ репутаціей, было сочиненіе Чиллингворта: «Религія протестантовъ»—книга въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильная, а въ другихъ слабая въ силу того обстоятельства, что авторъ самъ уклонялся отъ средняго англиканства и проявлялъ—что въ нѣкоторыхъ случаяхъ было почти неизбѣжно—нѣкоторую склонность къ латитудинаріанству, которое все болѣе и болѣе замѣчалось у духовенства англиканской церкви, хотя оно никогда не было прямо санкціонировано синодами или оффиціальными лицами церкви.

Политика и философія. Гоббсъ.

Таже тенденція, т. е. латитудинаріанство въ вѣрованіяхъ и эрастіанство въ дисциплинѣ—замѣчается и въ политикѣ и въ философіи. Преслѣдованіе нонконформистовъ, до тѣхъ поръ, пока неудача политики Лоуда и Страффорда, слабо проводимой ихъ повелителемъ, не освободила диссидентовъ, много мѣшало проявленію этой тенденціи въ литературѣ почти до конца описываемаго періода. Едва ли, однако, можно сомнѣваться, что идеи великаго мыслителя въ обѣихъ этихъ научныхъ дисциплинахъ—одного изъ величайшихъ изъ англійскихъ мыслителей въ этой области—созрѣли задолго до конца его. Въ то время Томасу Гоббсу было уже сорокъ четыре года. И только въ этомъ возрастѣ онъ издалъ De Cive, первый изъ своихъ замѣчательныхъ политическихъ и философскихъ трактатовъ. Но уже его переводъ Фукидида, сдѣланный имъ четырнадцать лѣтъ раньше, достаточно указывалъ на направленіе его мышленія, ибо, что бы тамъ ни говорили нѣкоторые авторитеты, великій афинянинъ есть родоначальникъ для всѣхъ, разсматривающихъ исторію въ связи съ философіей, а политику въ связи съ исторіей. Около этого же времени появились рѣзкіе и грубые, но блестящіе и сильные трактаты Мильтона, въ которыхъ философіи въ настоящемъ смыслѣ

этого слова было немного. Энергія, хотя и не геніальность, пуританства была проявлена раньше Мильтона Прайнномъ. Если бы намъ позволяло мѣсто, можно бы было много сказать объ этихъ писателяхъ и о многихъ другихъ. Но наиболѣе яркими представителями настоящаго настроенія націи въ царствованіе Іакова и въ началѣ царствованія его сына были, можетъ быть, Сельденъ и лордъ Гарбертъ Шербюри. Оба они были представителями тенденцій, начинавшихъ получать преобладаніе въ Европѣ, и оба они проявляли эти тенденціи съ спеціальнымъ англійскимъ оттѣнкомъ. Но значительнѣе обоихъ былъ несомнѣнно ихъ современникъ, хотя и младшій современникъ, Гайдъ. Замѣчательный литературный талантъ Гайда и его несравненная способность клеймить и рисовать людей, въ этотъ періодъ выразились развѣ въ одномъ или въ двухъ изъ государственныхъ документовъ; хладная тѣнь изгнанія должна была пасть на этотъ талантъ, и только тогда онъ имѣлъ возможность принести свои плоды.

Сельденъ. Сельденъ былъ старше Гоббса на четыре года и умеръ черезъ пять лѣтъ послѣ смерти короля. Его политическое настроеніе также, какъ и интеллектуальное положеніе, было особеннымъ; его главныя произведенія: «Titles of Honour». «О десятинахъ» (плохая исторія, какъ доказалъ положительно лордъ Сельборнъ, и не особенно хорошая юриспруденція) и Mare Clausum—теперь неизвѣстны никому, кромѣ немногихъ спеціалистовъ историковъ литературы; но его популярное сочиненіе (прекрасно изданное наконецъ Рейнольдсомъ) Table Talk и до сихъ поръ сохранило его имя въ потомствѣ. Недостатки и достоинства темперамента Сельдена чисто англійскіе. Онъ былъ первымъ изъ тѣхъ «переметныхъ сумъ» (Trimmers), которые въ теченіе этого бурнаго вѣка составляли такой значительный контингентъ въ средѣ образованныхъ людей Англіи. До тѣхъ поръ, пока личное управленіе угрожало традиціоннымъ привиллегіямъ англичанъ, онъ симпатизировалъ открыто дѣлу народа и даже выдержалъ за это нѣкоторое преслѣдованіе. Но когда дѣло народа побѣдило и въ свою очередь начало угрожать привиллегіямъ, Сельденъ отсталъ отъ него. Онъ былъ оксфордецъ, и величайшій кембриджскій поэтъ уже въ наше время довольно точно выразилъ идеи Сельдена, хотя, вѣроятно, при этомъ совершенно не думая о немъ, въ извѣстныхъ строкахъ:

„Свобода медленно прогрессируетъ
Отъ прецедента къ прецеденту“.

Онъ былъ страшенъ для мечтателей (high—fliers) и нетерпѣливыхъ людей обоихъ направленій и до настоящаго времени къ нему остаются холодны. У него была нелюбовь къ церковничеству, свойственная юристамъ, въ особенности англійскимъ юристамъ; у него была

и нелюбовь ученаго къ демократіи. Онъ былъ почти великимъ человѣкомъ, но за то онъ совсѣмъ не былъ героемъ.

Еще менѣе героическимъ и еще менѣе великимъ былъ лордъ Гербертъ Шербюри, который однако, обладалъ большими литературными способностями, чѣмъ Сельденъ; но и былъ за то еще большей переметной сумой, Поведеніе Сельдена во время гражданской войны было холоднымъ и измѣнчивымъ, а поведеніе Герберта, начавшаго свою карьеру приверженцемъ стороны, противной той, за которую стоялъ авторъ Mare Clasum, было нѣсколько похоже на поведеніе ренегата. Онъ написалъ три извѣстныя книги, изъ нихъ двѣ на англійскомъ языкѣ: «исторію Генриха VIII», очевидную попытку оправдать крайніе взгляды Іакова и его сына на королевскую власть, извѣстную «Автобіографію» и знаменитую De veritate,

Значительнѣе другихъ, вѣроятно, послѣдняя. Эта книга, хотя написана и не на англійскомъ языкѣ, представляетъ первую попытку англичанина выразить тѣ раціоналистическіе взгляды на религіозные вопросы, которые начали получать господство во всѣхъ странахъ Европы и до извѣстной степени уже были выражены во Франціи Монтэнемъ и Шарономъ. То обстоятельство, что эта книга написана не на англійскомъ языкѣ и не была переведена на этотъ языкъ, обусловливалось, конечно, не какимъ либо презрѣніемъ къ туземному языку, какъ это было у Бэкона, а просто желаніемъ Герберта избѣгать всего, что могло бы доставить ему какую нибуть непріятность. Что касается до «Автобіографіи», то это конечно любопытная книга, но она отчасти, если не вполнѣ, любопытна какъ памятникъ тщеславія и нахальства.

Прозаики. Ралейгъ.

Очень многіе изъ прозаиковъ того времени не считали необходимымъ, или не находили соотвѣтствующимъ своимъ вкусамъ, занятіе тѣмъ, что Лабрюэръ называетъ les grands sujets; если они и касались ихъ иногда, то съ цѣлями, болѣе или менѣе не полемическими. Въ первую часть этого періода была написана знаменитая и нѣсколько странная «Всемірная исторія»—Вальтера Ралейга, продолжительное заключеніе котораго, вмѣстѣ съ смертью Страффорда, Дуврскимъ трактатомъ, попытками преслѣдовать англійскихъ епископовъ и университеты при Іаковѣ Второмъ, составляетъ неопровержимое обвиненіе противъ Стюартовъ, даже по мнѣнію наиболѣе фанатическихъ якобитовъ. Существуетъ большая неувѣренность относительно авторства, какъ этого, такъ и большинства другихъ произведеній Ралейга; но если онъ дѣйствительно написалъ лучшія мѣста этой книги, то имъ написано мѣста, лучше которыхъ въ англійской прозаической литературѣ не много. Къ этому же періоду относится первое и не худшее произведеніе автора, котораго многіе будутъ склонны назвать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ величайшимъ прозаикомъ того времени, Religio Medici, сэра Томаса Броуна, тогда еще

Томасъ Броунъ. не получившаго рыцарскаго званія. Оно было издано въ послѣдній годъ періода, въ 1642 году, но написано, какъ извѣстно, семь лѣтъ раньше и распространялось въ рукописи. Броунъ представляетъ самый краснорѣчивый и почти самый характерный примѣръ того, что можно назвать спеціально интеллектуальнымъ и литературнымъ темпераментомъ семнадцатаго вѣка почти до самого его конца. Этотъ темпераментъ отличался необыкновенной, и до извѣстной степени точной, ученостью, соединенной съ весьма сильными романтическими склонностями, съ энергичнымъ и широкимъ скептицизмомъ, не исключавшимъ въ иныхъ случаяхъ непоколебимаго и нелицемѣрнаго правовѣрія и готовности доводить это правовѣріе до того, что въ послѣдующемъ столѣтіи называлось невѣжественной вѣрой и суевѣріемъ, и странной смѣсью академичности и простонародности въ стилѣ. Проза Броуна достигла полнаго своего развитія нѣсколько позднѣе, но характеръ его таланта почти вполнѣ выразился уже въ Religio Medici.

Коріатъ. Это сочиненіе было поводомъ къ полемикѣ, очень почтительной и вѣжливой, съ другимъ типическимъ писателемъ того времени, съ Кенельмомъ Дигби, окультистомъ, правовѣрнымъ, истымъ рыцаремъ и супругомъ дамы, наружность которой была много привлекательнѣе ея репутаціи, романтически прекрасной и имѣвшей не мало романовъ лэди Венетіи Станлей. Сэръ Кенельмъ былъ человѣкъ талантливый и отличался любовью къ книгамъ, но онъ принадлежалъ къ тѣмъ чудакамъ, которыхъ было такъ много въ то время. Такимъ же чудакомъ былъ Томасъ Коріатъ, заглавіе книги котораго, Crudities,—извѣстно многимъ, которые о немъ больше ничего не знаютъ, который, какъ говорятъ, ввелъ въ Англіи употребленіе вилокъ и который, навѣрное, совершилъ нѣсколько замѣчательныхъ путешествій по Европѣ и Азіи. Другимъ великимъ Томасомъ (конечно, несправедливо, будто въ то время, какъ это позднѣе утверждалъ Драйденъ, «глупость роковымъ образомъ связана съ именемъ Тома» — это въ вѣкъ то Гоббса и Броуна?) и еще большимъ чудакомъ, чѣмъ даже Коріатъ, былъ сэръ Томасъ Уркгартъ, переводчикъ Рабле и авторъ цѣлаго ряда оригинальныхъ произведеній; неизвѣстно чему больше удивляться—ихъ заглавію, или ихъ фразелогіи, или ихъ духу и содержанію. По временамъ могло казаться, что Уркгартъ находился на краю сумашествія, но онъ никогда не забывалъ методичности и можно сказать, что онъ никогда не написалъ ни одной безсмыслицы.

Гоуэль и Вальтонъ. «Resolves» — Фельтгама, первыя письма Гоуэля, и по крайней мѣрѣ первыя «Lives», если не «Complete Angler» — Вальтона относятся тоже къ этому періоду. Гоуэль началъ значительно раньше воцаренія Карла I, хотя и подлежитъ сомнѣнію, были ли его письма написаны въ то время, которымъ они обозначены, а Фельтгамъ издалъ свое сочиненіе раньше 1628 года. Сочиненія этихъ трехъ авторовъ

одно время были болѣе популярными, чѣмъ сочиненія гораздо болѣе великихъ писателей. О Вальтонѣ говорить почти излишне. Его кроткое и свѣтлое настроеніе, его изящная любовь ко всему чистому и приличному и не менѣе изящное пониманіе и стремленіе къ мягкимъ тонамъ англійскаго ландшафта обезпечили ему популярность, которой не имѣли писатели, гораздо выше его стоявшіе въ чисто литературномъ отношеніи. Гоуэль былъ тоже «полиграфомъ», какъ говорятъ французы, и профессіональнымъ литераторомъ, много путешествовавшимъ, много испытавшимъ; его письма (другія мелкія его произведенія мало читались) полны такихъ живыхъ интересныхъ подробностей—болтовни, анекдотовъ, описаній и тому подобнаго—что они подкупали многихъ суровыхъ судей и неизбѣжно производили впечатлѣніе. Фельтгамъ, бывшій въ модѣ, какъ авторъ моральныхъ разсужденій, теперь, можетъ быть, менѣе популяренъ, чѣмъ Вальтонъ и Гоуэль; онъ недостаточно разнообразенъ, не достаточно живописенъ, а въ концѣ девятнадцатаго вѣка этика безъ эпиграммы кажется скучноватой. Но онъ строилъ свой домъ на скалѣ и этотъ домъ можетъ выждать; пока не придутъ въ него новые жильцы.

Къ этому же времени относятся знаменитые «Characters»—Овербюри, хотя нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть написаны раньше и подобное же произведеніе епископа Ирля: «Microcosmography»; къ нему же относится и первыя проповѣди и первое значительное произведеніе, «Holy War», еще одного изъ великихъ Томасовъ первой половины семнадцатаго вѣка, Томаса Фуллера. Фуллеръ, вѣроятно, является самымъ лучшимъ выразителемъ причудливости того времени, въ той ея степени, когда она не доходитъ до ученаго безумія Уркгарта или до настоящаго паясничества (Jack — Puddingism) Коріата. Какъ дѣловой писатель, Фуллеръ человѣкъ гражданскихъ войнъ и республики и можно полагать, что затрудненія того времени (отъ которыхъ, однако, онъ пострадалъ меньше кого либо изъ роялистовъ—духовныхъ лицъ) дали или развили въ немъ странную склонность къ шуткамъ и насмѣшкамъ (правда, никогда не бывшимъ непочтительными или неприличными) надъ священными предметами—склонность, особенно для него характерную. Въ 1642 году онъ былъ уже тридцати четырехъ лѣтъ и изданныя уже къ этому времени его произведенія доказываютъ, что такой стиль былъ для него натуральнымъ и характернымъ, какъ онъ былъ натуральнымъ и характернымъ для всего поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ. Уже въ то время, когда Фуллеръ умеръ, этотъ стиль, какъ намъ извѣстно изъ діатрибъ такого человѣка, какъ Соутъ, началъ казаться шокирующимъ даже не однимъ глупцамъ, а и людямъ очень умнымъ и даже обладавшимъ сатирическими склонностями. Но это было однимъ изъ дурныхъ слѣдствій «Царства Святыхъ»—людей, очень неблагосклонныхъ

Фуллеръ.

къ шуткѣ, и шутки которыхъ, какъ мы это видимъ на примѣрѣ Мильтона, были совсѣмъ невеселыми.

Anatomy of Melancholy—Бёртонъ.

Мы еще не упомянули о величайшемъ (за исключеніемъ, конечно, Бэкона) писателѣ того времени. Чрезвычайно любопытно сопоставить съ надеждами на будущее и почти негодующимъ презрѣніемъ къ прошлому, съ этими отличительными чертами Бэкона, тонъ и настроеніе этого еще не упомянутаго нами писателя. Робертъ Бертонъ родился за четверть вѣка до воцаренія Іакова I. Но періодъ расцвѣта его таланта (онъ умеръ въ 1639 году) почти совпадаетъ съ описываемымъ нами теперь періодомъ, и такъ какъ «Anatomy of Melancholy« появилась въ 1621 году и авторъ постоянно исправлялъ и передѣлывалъ это сочиненіе до самой его смерти, то онъ и былъ настоящимъ критикомъ и, такъ сказать, противовѣсомъ автора «Novum Orgunum» — Бёртонъ также, какъ и Бэконъ, можетъ считаться обладавшимъ всѣми знаніями своего времени; громадное знакомство съ книгами, доказываемое его примѣчаніями и цитатами, было результатомъ, удивительнымъ даже для сорока лѣтъ непрерывнаго изученія, которому онъ предавался отъ времени своего студенчества въ коллегіи Церкви Христовой въ 1599 году до его смерти. Но ничто не было такимъ далекимъ отъ темперамента Бертона и отъ его надеждъ и ожиданій, какъ instauratio magna, какъ новое пріобрѣтеніе знаній и могущества для людей. Наоборотъ, онъ, повидимому, разсматривалъ все знаніе и все образованіе, какъ средство питанія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ средство исцѣленія его знаменитой «Меланхоліи». Объ этой «Меланхоліи» можно разсуждать по разному, можно и описывать ее тоже по разному; но для нашихъ цѣлей можно признать—и такое признаніе, по моему мнѣнію, будетъ и вѣрнымъ и не банальнымъ—что это есть въ нѣкоторомъ родѣ англійская версія скептическаго критицизма Монтэня — версія, затемненная нашимъ національнымъ сплиномъ, облагороженная большой ученостью и оригинальная благодаря личной идіосинкразіи. Слѣдуетъ замѣтить, что у Бертона нѣтъ открытаго скептицизма; какъ ни великъ объемъ его насмѣшливыхъ коментаріевъ по поводу различныхъ предметовъ, у него замѣчается какая то инстиктивная осторожность, когда онъ касается политики и религіи. Но весь тонъ книги состоитъ въ томъ, что «ничего неизвѣстно»; это положеніе иллюстрируется самымъ аппаратомъ учености и приводитъ, по крайней мѣрѣ намеками, къ дальнѣйшему и окончательному вопросу: «что же за важность, если ничего неизвѣстно и если все суета?» Настроеніе Бёртона еще болѣе замѣчательно, чѣмъ настроеніе Монтэня, потому что его трудно объяснить условіями времени и личной жизни самого Бёртона. Онъ не былъ, какъ былъ до нѣкоторой степени Монтенъ «надорвавшимся сладострастникомъ»; онъ не испыталъ ни волненій общественной жизни, ни ужасовъ религіозной войны; въ теченіе нѣкотораго вре-

мени послѣ изданія его книги въ положеніи Англіи не было ничего такого, что могло бы возбудить какія либо опасенія, даже въ человѣкѣ болѣе внимательномъ къ признакамъ времени и болѣе боязливомъ, чѣмъ этотъ «Демокритъ Младшій». Странная комбинація юмора, отчаянія и жажды къ ученію была настолько же признакомъ настроенія того времени, насколько она была обусловлена натурой и условіями жизни автора «Анатоміи». Трудно найти болѣе странную и болѣе поразительную фигуру на праздникѣ семнадцатаго вѣка, съ его широкими планами обновленія политики и философіи, съ его безпредѣльными надеждами на физическія науки, съ его проектами всемірной торговли, всемірнаго владычества, австрійскаго или французскаго, съ его планами замѣнить старыя литературы новыми, съ его архитектурой, которая должна уничтожить почти тысячелѣтнее господство готики, съ его критикой самого св. Писанія, съ его изслѣдованіями самого неба—какъ фигура этого ученаго скелета, указывающаго на библіотеки и говорящаго: «вотъ отчетъ о честолюбіи и энергіи, столь же сильныхъ и болѣе долговѣчныхъ, чѣмъ ваши. Все это ядъ; все это пища для меланхоліи; и счастье еще, если среди этихъ ядовъ вы найдете хоть немного противоядій».

Ученая литература.

У всѣхъ до сихъ поръ упомянутыхъ нами прозаиковъ были болѣе или менѣе попытки на стильность; всѣ они, нѣкоторые всецѣло, другіе по крайней мѣрѣ хоть мимоходомъ, принадлежатъ къ настоящей литературѣ. Но много было сдѣлано въ сферѣ чистой учительной литературы, предназначавшейся только дла скопленія и передачи свѣдѣній—и это было неизбѣжно въ виду уже отмѣченнаго нами стремленія того вѣка къ образованію, къ учености. Мы уже отмѣтили прозведенія Сельдена, который, однако, былъ не простымъ только компиляторомъ или антикваріемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ къ тому же періоду можно отнести и сочиненія Дугдэля, хотя его «Monasticon»—появился только въ 1655 году, а другія произведенія послѣ реставраціи. Камденъ умеръ въ срединѣ описываемаго періода и послѣ воцаренія Іакова занимался исправленіемъ и улучшеніемъ своей «Британіи». Смерть Гаклита вскорѣ послѣ смерти Шекспира не прекратила замѣчательныя географическія изданія этого неутомимаго ученаго-патріота; его наслѣдникъ, Пёрчасъ, получилъ его рукописи и утилизировалъ ихъ для своихъ «Pilgrims»—для сочиненія, бывшаго вторымъ великимъ англійскимъ сборникомъ путешестій. Хроникеровъ, вродѣ Голиншеда и Стоу, больше не было; но ихъ замѣнили компиляторы мемуаровъ и отчетовъ о политическихъ событіяхъ ихъ времени, изъ которыхъ главнымъ, послѣ Кларендона, конечно, былъ Уитлокъ; эти компиляторы занимаютъ промежутокъ времени отъ хроникеровъ до настоящихъ историковъ слѣдующаго столѣтія.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ остроумныхъ замѣчаній Бена Джон-

сона и одного или двухъ другихъ писателей въ этомъ періодѣ нѣтъ даже такихъ попытокъ литературной критики, какія мы отмѣтили во времена Елисаветы. Но за нѣкоторыми исключеніями, напр., прозаическаго романа, можно утверждать, что во время начала гражданской войны англійская литература была полной и имѣла представителей всѣхъ ея родовъ; она, кромѣ того, отдавала себя къ услугамъ большинства другихъ родовъ искусства и науки. И сочиненіе и чтеніе книгъ уже сдѣлались частью интеллектуальныхъ навыковъ англійскаго общества, почти безъ всякихъ ограниченій въ содержаніи и съ достаточной степенью приспособленности манеры къ содержанію. До сихъ поръ мы только мелькомъ указывали на величайшаго прозаика этого періода. Лучшія произведенія Бэкона по времени ихъ изданія, за исключеніемъ первыхъ изъ Essays, не относятся къ этому періоду. Но болѣе полная переработка этой знаменитой книги, «Advancement of Learning», «Sylva Sylvarum». «Исторія Генриха Седьмого» и «Новая Атлантида», не говоря уже о латинскихъ его произведеніяхъ, относятся къ царствованію Іакова I и къ тому незначительному періоду царствованія его сына, который прошелъ до смерти Бэкона. Характерныя черты по крайней мѣрѣ той ихъ части, которую читаютъ еще и теперь—къ сожалѣнію, по принужденію, какъ школьныя пособія — настолько же извѣстны, какъ характерныя черты любого изъ нашихъ старыхъ писателей, за исключеніемъ Шекспира и Мильтона. Величавыя тропы и метафоры, великолѣпныя предвѣщанія и возвѣщенія того, что имѣетъ дать человѣчеству новая наука, кстати приводимыя отрывки классическихъ или библейскихъ фразъ, краткія остроумныя изреченія, здравый смыслъ, догадки, кажущіяся даже болѣе мѣткими, чѣмъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, мастерское пользованіе знаніями, которыя можетъ быть болѣе удобны для употребленія, чѣмъ обширны и глубоки—всѣ эти свойства величаваго «Веруламскаго» хорошо извѣстны. Несправедливость по отношенію къ предшественникамъ, торопливость и даже поверхностность въ пониманіи науки и философіи, реторичность, казуистика, почти пустота и обманъ его надеждъ, мелочность плановъ и методовъ — во всѣхъ этихъ недостаткахъ писатели въ разное время упрекали Бэкона. Но великолѣпіе его стиля, богатство воображенія, когда онъ даетъ ему волю, безспорны для тѣхъ, которые смотрятъ на литературу, какъ на нѣчто, вліявшее на общественную исторію Англіи и какъ на нѣчто, въ свою очередь подвергавшееся вліянію этой исторіи. Бэконъ былъ лучшимъ представителемъ и воплощеніемъ той стороны конца эпохи возрожденія, которая сохраняла надежды на созданіе всеохватывающей философіи, philosophiae primae, поддерживавшей тѣ подпорки, которыя, повидимому, доставляли какъ новая физика, такъ и изученіе древнихъ.

Бэконъ (marginal note beside «величайшаго прозаика этого періода»)

Драма.

Несомнѣнно, если принять во вниманіе, какъ количество, такъ и

качество драматурговъ съ одной стороны и заинтересованность зрителей съ другой (объ третьемъ обусловливающемъ обстоятельствѣ—объ игрѣ актеровъ намъ, собственно говоря, ничего неизвѣстно), что первыя тридцать лѣтъ семнадцатаго вѣка по отношенію къ драматическому искусству превосходятъ всѣ періоды англійской исторіи. Постепенно достоинство драматурговъ несомнѣнно падало и увеличивалась оппозиція имъ въ силу моральныхъ и иныхъ соображеній; но кажется, что любовь общества къ театру не уменьшилась ни той, ни другой изъ этихъ причинъ. Наоборотъ, когда воспрещеніе представленій было уничтожено, публика съ горячностью ринулась въ театры, ища удовлетворенія своимъ вкусамъ къ драмѣ. Что касается до литературныхъ достоинствъ этой драматической литературы, мы должны признать, что въ первые двадцать лѣтъ семнадцатаго вѣка англійскій театръ достигъ такого совершенства, какого онъ никогда не достигалъ потомъ и которое, конечно, никогда и никакимъ театромъ превзойдено не было.

Для подтвержденія такого положенія будетъ достаточно указанія на нѣкоторыя даты и подробности. Въ теченіе этого двадцатилѣтія драматическое искусство трудами Марлова и его друзей благополучно проведено было чрезъ начальную стадію его развитія и было внѣ всякой опасности со стороны классической трагедіи, или трагедіи школы Сенеки, хотя и подвергалось еще иногда случайнымъ и безплоднымъ нападкамъ съ этой стороны. Эти же годы были годами конца процвѣтанія, или возвышенія всѣхъ тѣхъ драматурговъ эпохи Елисаветы, которыхъ мы, всѣхъ безъ исключенія, можемъ считать первоклассными. Къ этому періоду не принадлежатъ только Марловъ, до начала его, и Ширли, по окончаніи періода.

Послѣднія произведенія Шекспира.

Прежде всего первые шестнадцать лѣтъ семнадцатаго столѣтія были послѣдними годами жизни Шекспира и безспорно временемъ созданія лучшихъ его произведеній — тѣхъ произведеній, которыя дѣлаютъ Шекспира Шекспиромъ,—хотя и невозможно съ точностью опредѣлить точныя даты его произведеній. Тѣ дни, когда онъ выбивался, давно уже прошли; онъ былъ еще до начала семнадцатаго вѣка зажиточнымъ джентльменомъ въ Стратфордѣ. Но его процвѣтаніе нисколько не повредило развитію его таланта, какъ это часто бываетъ съ другими. Есть основаніе полагать, что къ этому времени относятся всѣ его величайшія романтическія трагедіи, за исключеніемъ «Ромео и Джульета», и въ особенности бывшія, вѣроятно, самыми поздними изъ всѣхъ, тѣ три образцовыя романтическія драмы, которыя нельзя признать чистыми трагедіями: «Зимняя сказка», «Буря» и «Цимбелинъ»—пьесы, подобныхъ которымъ не создавалъ ни одинъ драматургъ, за исключеніемъ развѣ Кальдерона, и которыя сохранятся навѣки, какъ самыя оригинальныя и изящныя созданія англійскаго генія.

Бенъ Джонсонъ.

Другъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соперникъ Шекспира, составлявшій значительный контрастъ ему, Бенъ Джонсонъ, жилъ большую часть этого періода; онъ почти дожилъ до конца его, въ теченіе многихъ лѣтъ былъ его литературнымъ диктаторомъ и можно сказать, что онъ былъ представителемъ этого періода, если принять во вниманіе всѣ обстоятельства—какъ количество лѣтъ, такъ и разнообразіе его литературной дѣятельности. Всѣ его лучшія произведенія были написаны до конца второго десятилѣтія. До этого времени онъ написалъ всѣ свои знаменитыя піесы и большинство его лучшихъ поэмъ, получилъ назначеніе, которое иногда называютъ званіемъ лауреата, и пріобрѣлъ такую репутацію, не только какъ драматургъ и поэтъ, но и какъ ученый и здравомыслящій критикъ, какой никогда не имѣлъ ни одинъ изъ англійскихъ поэтовъ. Послѣ 1620 года онъ главнымъ образомъ занимался постановкой представленій масокъ, иногда красивыхъ, но по большей части бывшихъ пустой тратой времени и сочиненіемъ тѣхъ послѣднихъ своихъ піесъ, которыя Драйденъ назвалъ его «старческими глупостями»; но незадолго до смерти онъ былъ еще въ состояніи написать своего изящнаго и поэтическаго «Sad Shepherd»—и удивительныя по нервозно-сильному языку и по учености «Discoveries». Но всѣ лучшія произведенія Джонсона: «Сеянъ», «Вольпоне», «Молчаливая женщина», «Алхимикъ», «Катилина» и «Bartholomew Fair» были написаны между 1605 и 1614 годами, то есть еще до смерти Шекспира. Не легко найти въ другой странѣ двухъ человѣкъ, въ одно и тоже время создавшихъ произведенія, столь діаметрально противоположныя по характеру и однако геніальныя. У Джонсона не было того мірового, всеобъемлющаго и божественнаго генія, какимъ обладалъ его другъ, и недостатокъ этотъ не могъ замѣниться всѣмъ его искусствомъ и разумностью. И тѣмъ не менѣе его созданія могучи; и то обстоятельство, что онъ былъ любимымъ писателемъ своего времени, дѣлаютъ честь его современникамъ.

Чапманъ.

Къ той же славной стаѣ, къ которой принадлежали Шекспиръ и Джонсонъ, принадлежали въ теченіе почти всего періода Чапманъ и Деккеръ, о которыхъ мы говорили раньше; піесы Марстона, бывшаго, главнымъ образомъ, поэтомъ и сатирикомъ, относятся почти цѣликомъ къ началу этого періода. Чапманъ, оксфордецъ, извѣстный и крупный литераторъ, былъ однимъ изъ старшихъ изъ послѣднихъ Елисаветинцевъ; онъ на семь лѣтъ былъ старше Шекспира и Марлова, на пятнадцать или шестнадцать лѣтъ старше Джонсона и только на пять или на шесть лѣтъ моложе Спенсера, а прожилъ онъ до царствованія Карла I. Но драматическія его произведенія, включая и странный, но мѣстами блестящій рядъ французскихъ пьесъ, относятся къ времени до 1620 года, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ столь же характерны, какъ и любое произведеніе этого

времени. Въ своихъ піесахъ Чапманъ, о дѣятельности котораго, какъ поэта и переводчика, будемъ говорить потомъ, является вполнѣ представителемъ неравнаго и несвязнаго настроенія эпохи. Но атмосфера Чапмана превосходна, а писателей того времени, да и всякаго времени, слѣдуетъ судить именно по ихъ атмосферѣ. У него замѣчается презрѣніе къ простой модѣ и къ общимъ мѣстамъ, онъ обладалъ ученостью, которая есть и не можетъ никогда найти абсолютно полнаго выраженія въ драматическомъ произведеніи, то никогда не портитъ его геніальности и искупаетъ многіе недостатки. «Revenge of Bussy d'Amboise» и «All Fools» — произведенія очень несовершенныя и, однако, они стоятъ много выше совершенныхъ вещей низшаго рода.

Деккеръ дополнялъ Чапмана. Онъ, Чапманъ, Джонсонъ и Марстонъ были запутаны въ рядъ литературныхъ раздоровъ и союзовъ, въ которыхъ теперь ничего разобрать невозможно. Чапманъ былъ ученый и хорошій ученый; относительно Деккера неизвѣстно, получилъ ли онъ какое нибудь образованіе. Чапманъ отличался нѣкоторой растрепанностью и природной силой, доходившей до экстравягатности, бывшей главнымъ его дарованіемъ. Деккеръ соединяетъ мягкость, не доходящую, однако, до излишества и сантиментальности, съ удивительной прозрачностью и легкостью дикціи. Онъ не написалъ, насколько намъ извѣстно, ни одной замѣчательной поэмы, кромѣ прелестныхъ лирическихъ стихотвореній, вставленныхъ въ его пьесы, но его прозаическія произведенія — это родъ учебника низшей лондонской жизни временъ Елисаветы и Іакова; въ его лучшихъ пьесахъ «Old Fortunatus» и «Honest Whore» пафосъ, никогда не бывшій условнымъ или ходульнымъ, доходитъ до высшаго своего развитія. Параллель между Деккеромъ и Диккенсомъ была бы очень поучительна; сколько мнѣ извѣстно, никто не пробовалъ провести эту параллель. Деккеръ.

Марстонъ гораздо менѣе привлекателенъ. Повидимому, его литературная дѣятельность, какъ сатирика и поэта въ послѣднее десятилѣтіе шестнадцатаго вѣка и какъ драматурга въ первое десятилѣтіе семнадцатаго, была только эпизодомъ въ его жизни; онъ въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ положеніе сельскаго священника. Такому предположенію отнюдь не противорѣчатъ крайняя рѣзкость и мрачность его главныхъ драматическихъ произведеній, какъ трагедій «Антоніо и Меллида» и «Софонизба», такъ и главныхъ его комедій: «Недовольный» и «Что вамъ угодно»? Марстонъ.

Трудно на такомъ незначительномъ мѣстѣ, какимъ мы располагаемъ, дать надлежащую оцѣнку школы, имѣвшей столь многочисленныхъ послѣдователей, какъ школа драматической литературы того времени, даже если не говорить ничего объ авторахъ, написавшихъ по одной піесѣ — а такихъ авторовъ было много — и объ еще болѣе многочисленныхъ піесахъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ авторовъ. Другіе драматурги.

Можно только указать на Дэя и Турнёра, людей, способности которыхъ во всякое другое время были бы признаны выше обыкновенныхъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя обойти молчаніемъ Вебстера, Гейвуда и Миддльтона въ первой половинѣ періода и Массингера и Форда во второй. Несомнѣнно, достаточное доказательство чрезвычайнаго значенія этого литературнаго періода состоитъ въ томъ, что люди, подобные автору «Герцогини Мальфи», «Changeling» и «A Woman, killed with Kindness», признавались второстепенными драматургами, а нѣкоторые считаютъ ихъ даже третьестепенными. Самъ я, однако, не думаю этого. «Бѣлый дьяволъ» и Герцогиня Мальфи», лучшія производенія Вебстера, обладаютъ несомнѣнными достоинствами. Такихъ пьесъ мы уже не увидимъ, хотя столь же хорошія, но въ другомъ родѣ, мы можемъ увидать—не очень, впрочемъ, скоро, по моему мнѣнію. Притязанія Миддльтона па мѣсто чуть ли не среди первостепенныхъ драматурговъ основаны главнымъ образомъ на типахъ Беатрисы Жоанны и ея возлюбленнаго, Флореса, въ «Changeling», оно можетъ также основываться на блестящихъ трагедіяхъ: «Mayor of Queenborough», «Women beware Women» и «Witch» — и на дюжинѣ жизненныхъ и живыхъ комедій. Что касается до Гейвуда, то случайная фраза Лэмба, на половину парадоксъ, на половину гипербола, мѣшаетъ признать настоящія его достоинства. Можно безконечно спорить о томъ, каковъ бы былъ «прозаическій Шекспиръ» и какова бы была проза Шекспира. Но всякій, кто потрудится прочитать пьесы Гейвуда (а трудъ его не маленькій, хотя, по его собственному признанію, мы имѣемъ только небольшую часть написаннаго имъ), не будетъ въ состояніи не почувствовать нѣкотораго почтенія къ способностямъ тогдашнихъ литературныхъ клячъ.

Всѣ вышеупомянутые писатели создали лучшія, если не всѣ, свои произведенія въ первую половину періода, также какъ и два болѣе крупные писателя, о которыхъ я буду говорить о послѣднихъ. А пока отмѣтимъ еще двухъ писателей, которые родились еще при Елисаветѣ, но, насколько извѣстно, писать начали только послѣ 1520 года. Эти писатели—Массингеръ и Фордъ, имена которыхъ соединяются, хотя и случайно сначала, но неразрывно. Массингеръ былъ кліентомъ семьи Пемброковъ, оксфордцемъ и на основаніи документовъ можно полагать, что онъ былъ драматургомъ уже въ 1614 году. Его «Дѣва мученица», первая изъ существующихъ и, можетъ быть, лучшая изъ его трагедій, появилась восемь лѣтъ позже. Его театръ значителенъ и имѣетъ большія достоинства, хотя вообще онъ былъ менѣе популяренъ, чѣмъ заслуживалъ, благодаря вышеупомянутой трагедіи (даже если въ написаніи ее участвовалъ и Деккеръ, что кажется достовѣрнымъ). «Unnatural Combat», «Duke of Milan», «Roman Actor», и другія трегедія, и двѣ комедіи или трагокомедіи (не говоря уже о другихъ), «A New Way to pay Old Debts»

и «The City Madam»—таковъ театръ Массингера. Джонъ Фордъ девонширскій джентльменъ, былъ очень плодовитымъ писателемъ, хотя, кажется, писалъ не для куска хлѣба; его талантъ былъ силенъ, хотя и нѣсколько узокъ и онъ пользовался популярностью за свои пьесы: «Tis Pity She's a Whore», «Broken Heart» и Lover's Melahcnoly. Онъ могъ иногда задѣвать страстныя и патетическія струны человѣческаго сердца, но жизни, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, онъ не зналъ.

Бомонтъ и Флетчеръ.

Наиболѣе популярными и можетъ быть наиболѣе замѣтными изъ драматурговъ этого полувѣка—потому что Джонсонъ былъ знаменитъ главнымъ образомъ какъ поэтъ и какъ литераторъ вообще, и въ особенности какъ центральная фигура и руководитель младшихъ литераторовъ—были два писателя, о которыхъ мы еще не говорили, хотя старшій изъ этихъ двухъ умеръ въ то время, когда нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ нами писателей предстояло еще много лѣтъ жизни и работы. Эти «Діоскуры англійской литературы», какъ часто называютъ ихъ, были Джонъ Флетчеръ и Фрэнсисъ Бомонтъ. Оба они были изъ почтенныхъ семей, а Бомонтъ даже изъ старой дворянской. Оба они были университетскими людьми. Бомонтъ учился въ Оксфордѣ; онъ былъ моложе и умеръ на десять лѣтъ раньше Флетчера, учившагося въ Кембриджѣ и умершаго пятидесяти лѣтъ. Сотрудничество ихъ продолжалось не больше десяти лѣтъ; Флетчеръ, какъ утверждаютъ, потомъ работалъ одинъ или въ сотрудничествѣ съ другими. Но тождественность окраски почти полусотни пьесъ, обыкновенно приписываемыхъ ихъ сотрудничеству, замѣчательна и ее можно объяснить или тѣмъ, что почти всѣ эти пьесы были готовы въ набросвахъ въ то время, когда Флетчеръ работалъ вмѣстѣ съ Бомонтомъ, или тѣмъ, что творчество Флетчера получило вслѣдствіе вліянія своего друга такую складку, которой оно не утратило и послѣ смерти Бомонта. Даже дѣятельность Шекспира наврядъ ли болѣе замѣчательна по количеству и разнообразію пьесъ, чѣмъ огромный театръ этихъ авторовъ; хотя и нельзя сказать, чтобы даже лучшія изъ ихъ пьесъ приближались къ среднимъ пьесамъ Шекспира, хотя конструкція ихъ слабѣе и болѣе легкая, хотя мысль и фразологія много ниже, а типы ихъ менѣе вѣчны; но такія пьесы, какъ «Philaster», «Maid's Tragedy», «Two Noble Kinsmen», «A King and No King», «Humorous Lieutenant», «Rule a Wife and have a Wife», «False One», «Thierry and Theodoret» по соединеніи поэтичности съ сценичностью превосходятъ всѣ произведенія того времени, не принадлежащія Шекспиру. Въ особенности замѣчательно то, что Бомонтъ и Флетчеръ, повидимому, удовлетворяли вкусамъ театральной англійской публики не только современной имъ; они были столь же популярными послѣ реставраціи, какъ и до нея; ихъ лучшія пьесы во всякомъ случаѣ сохранялись на сценѣ, тогда какъ пьесы почти всѣхъ ихъ совре-

менниковъ исчезли съ нея до того времени, почти на нашей памяти, когда по странной случайности Елисаветинская драма была изгнана съ подмостковъ почти какъ разъ въ такую минуту, когда ее сняли съ полокъ библіотекъ.

Поэзія. Въ области чистой поэзіи въ теченіе этого періода и особенно въ первую и лучшую его половину, было много именъ, настолько же знаменитыхъ, насколько были знамениты драматурги; объ этихъ знаменитыхъ поэтахъ мы уже говорили, какъ о прозаикахъ. Замѣчательное развитіе такъ называемой «королинской поэзіи» не относится, собственно говоря, къ этому періоду. Геррикъ, наиболѣе крупный изъ представителей этой королинской поэзіи, писалъ уже позже. Воганъ жилъ много послѣ реставраціи, а Коулей во время ея. Крашау, Ловеласъ и Сюклингъ писали наканунѣ гражданскихъ войнъ. Всѣ они отчасти принадлежатъ, однако, къ нашему періоду; да и вообще этотъ періодъ настолько богатъ поэтами, принадлежащими къ нему цѣликомъ, что съ нимъ наврядъ ли можетъ сравниться въ этомъ отношеніи какой либо сорокалѣтній періодъ исторіи Англіи. Къ нему принадлежатъ первыя поэмы Мильтона, въ которыхъ многіе критики видятъ уже достаточное доказательство, если не полное развитіе, его поэтическаго таланта; большая часть (если не всѣ) странныхъ, то прозрачныхъ, то неуклюжихъ стиховъ Джонсона; позднѣйшія замѣчательныя произведенія Донне; спенсеріанская школа Флетчера, Броуна и Уитера, тѣ лирическія стихотворенія, положенныя на музыку, о которыхъ мы много говорили въ предыдущей главѣ, и главнымъ авторомъ которыхъ былъ Кампіонъ (хотя онъ былъ только primus между многими pares).—Къ этому же періоду относится масса замѣчательныхъ лирическихъ стихотвореній, вставляемыхъ въ тогдашнія драмы; величавый переводъ или подражаніе Сильвестра, гармоничные и величавые стихи Джона Дэвиса; любопытная и интересная англошотландская школа Друммонда и Стирлинга; первыя произведенія Сандиса, мастера десятистопнаго куплета задолго до Уоллера и Денгама; многія произведенія Уоллера, Денгама и Коулея; веселые сборники стиховъ, иногда имѣвшіе претензіи на нѣчто высшее, Рандольфа, Картрайта, Корбета; священные гимны Георга Герберта, предшественники «Christan Year»; стихотворенія Карью и Крашау, столь различныя по тону и настроенію и столь родственныя въ тоже время по чисто интеллектуальнымъ характернымъ чертамъ, Этотъ списокъ можно продолжить почти до безконечности—и все таки всякій, любящій англійскую поэзію, который займется поэзіей этого періода, сразу признаетъ его неполнымъ и при томъ почувствуетъ, что простое перечисленіе именъ не даетъ никакого представленія о развитіи поэзіи въ это время—а исправить такой недостатокъ для насъ невозможно по недостатку мѣста, которымъ мы располагаемъ. Для нашихъ цѣлей, однако, об-

щее указаніе на литературную филіацію и литературный прогрессъ важнѣе подробнаго обсужденія частностей; безспорно, что во время этого періода появляются крайне интересныя и чрезвычайно важныя литературныя вліянія. Если оставить въ сторонѣ немногія спеціальныя литературныя явленія, вродѣ философской поэзіи Мора и Бомонта; если не говорить о безсмертныхъ произведеніяхъ Драйтона и Даніеля (сочиненія которыхъ до значительной степени принадлежатъ къ этому періоду и которые создали школу исторической поэзіи) и о нѣкоторыхъ эксцентрикахъ, какихъ всегда бываетъ не мало во всякій сколько нибудь плодотворный литоратурный періодъ, то мы можемъ утверждать, что всѣ поэты этого времени, сознательно или безсознательно, находились подъ вліяніямъ трехъ писателей: Джонсона, Спенсера и Донне.

Спенсеръ умеръ до начала нашего періода, но его вліяніе было чрезвычайно сильно въ его университетѣ—и оно непосредственно породило Флетчера, Жильса и Финеаса, поэмы которыхъ «Побѣда Христа» и «Пурпурный островъ» не были бы, конечно, написаны, если бы не было «Королевы фей»; это вліяніе наврядъ ли дѣйствовало менѣе сильно—хотя доказать это и труднѣе—на двухъ главныхъ изъ оксфордскихъ поэтовъ, появившихся въ царствованіе Іакова, на Вилльяма Броуна и Георга Уитера. Всѣ они—и ихъ учитель, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ они—имѣли вліяніе на умъ, настолько же воспріимчивый, насколько и оригинальный, на Джона Мильтона. Вліяніе Спенсера

Мильтонъ многимъ обязанъ также и Бену Джонсону, «ученыя котурны» котораго онъ восхвалялъ и отъ котораго онъ заимствовалъ больше, чѣмъ это предполагаютъ при общемъ незнаніи «Masques» Джонсона. Никто, ни теска Бена, докторъ Джонсонъ, ни ближе другихъ стоявшій къ нему въ этомъ отношеніи Драйденъ, ни Кольриджъ, ни Скотъ—не имѣлъ такого вліянія на англійскую литературу, какое въ теченіе многихъ лѣтъ имѣлъ Джонсонъ. Великіе писатели часто бываютъ недоступными, еще чаще они бываютъ нелюбезными людьми. Едвали можно сказать, что дружелюбіе и любезность были качествами характера Джонсона; но у него была та хорошая особенность, что онъ нисколько не боялся и нечувствовалъ непріязни къ новымъ поколѣніямъ. Человѣкъ до крайности общительный и рѣшительно непригодный для домашней жизни, онъ былъ доступенъ для всѣхъ въ посѣщаемыхъ имъ тавернахъ; кромѣ знаменитой группы «сыновъ», состоявшей изъ всѣхъ наиболѣе замѣтныхъ литераторовъ второй половины нашего періода, онъ, кажется, имѣлъ обширный кругъ protégés и кліентовъ во всей странѣ, какъ на это болѣе или менѣе неопредѣленно указываютъ позднѣйшія преданія. Такое полуфальстафовское дарованіе быть царькомъ въ тавернахъ не могло бы само по себѣ дать Джонсону того положенія, какое онъ занималъ. Вліяніе Джонсона.

Но онъ обладалъ безспорными и чрезвычайно большими правами на литературную репутацію. Хотя и сомнительно, чтобы онъ принадлежалъ къ одному изъ университетовъ, но академическіе ученые, вродѣ Сельдена, Фарнаби и другихъ, признавали его ученость; онъ былъ уважаемымъ другомъ Ралейга и Бэкона; всякій читатель, обладающій хоть сколько нибудь классическимъ образованіемъ, не можетъ не признать начитанности Джонсона, замѣтной во всѣхъ его произведеніяхъ —пьесахъ, поэмахъ или прозаическихъ—и эта начитанность никогда не затемняетъ, хотя иногда и дѣлаетъ нѣсколько суховатой и жесткой, творческую способность автора.

Если англійская литература первой половины семнадцатаго вѣка самая ученая, съ точки зрѣнія общаго распространенія учености, то это безъ сомнѣнія заслуга не одного только Джонсона. Онъ самъ представляется лучшимъ примѣромъ общераспространеннаго направленія и его вліянія до значительной степени помогло распространенію этого направленія.

Вліяніе Донне.

Третье вліяніе—наиболѣе трудно прослѣдимое и вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣйшее, потому что оно было представителемъ наиболѣе глубокихъ стремленій эпохи—это вліяніе Донне. Аутентичное изданіе поэмъ Донне вышло только послѣ его смерти и даты изданія каждой изъ нихъ недостовѣрны. Въ теченіе большей части періода, въ который онъ жилъ, онъ былъ извѣстенъ, какъ важный богословъ съ сильно меланхолическимъ настроеніемъ мышленія и съ нѣсколько строгимъ тономъ въ проповѣдяхъ. Но Джонсонъ, бывшій его современникомъ и не привыкшій быть очень добрымъ къ своимъ современникамъ, признавалъ его «первымъ поэтомъ въ мірѣ въ нѣкоторыхъ вещахъ»; его стихи, какъ извѣстно, часто распространялись въ рукописи; его вліяніе на поэзію этого періода, или прямое при посредствѣ подражанія, или косвенное, было громадное. Донне далъ примѣръ того, что потомъ называлось «метафизическимъ» стилемъ, т. е. стиля, отличавшагося употребленіемъ изысканныхъ и выработанныхъ понятій, сравненій и метафоръ. Донне доказалъ (какъ сказано, къ собственному своему смущенію и позднѣйшему раскаянію), что почти безпредѣльное сладострастіе мышленія и воображенія можетъ соединяться съ трасцендентальной утонченностью страсти, такой, о какой раньше ни одинъ поэтъ не имѣлъ представленія. Донне больше, чѣмъ кто либо, обладалъ мастерствомъ неяснаго, символическаго, музыкальнаго языка. Онъ, какъ никто до него и никто вполнѣ послѣ него, воспользовался этой музыкой рѣчи для выраженія странныхъ мистическихъ мыслей, для выраженія духовнаго созерцанія, до того времени неизвѣстныхъ поэзіи, ни англійской и никакой иной.

Всѣ, какъ крупные, такъ и болѣе мелкіе изъ его современниковъ, вродѣ Крашау, Коулея, Клевеланда и молодого Драйдена, слѣдуя за

нимъ, впадали въ невѣроятные эксцессы сравненій, въ нѣкотораго рода новый Эвфуизмъ; другіе, вродѣ Карью, впадали подъ его вліяніемъ въ смѣлую чувственность; третьи, вродѣ Мора и Жозефа Бомонта, въ поэтическую схоластику—и всѣ (если только у подражателя было достаточно силъ) подъ его вліяніемъ достигали той странной и неопредѣлимой музыкальности языка, меланхоличности чувства, мистической страстности мышленія, которыя отличали ихъ учителя. Эти черты еще болѣе, чѣмъ ученость, были преобладающими чертами поэзіи этого періода. Эта нота звучитъ у всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ, умѣряемая и регулируемая личными свойствами поэта. Она можетъ быть чистой набожностью, какъ у Герберта, философіей, какъ у Вогана; прилично и этически страстной, какъ у Габингтона, экстатической, какъ у Крашау; изящной и мягкой, какъ у Геррика, рыцарственной и насмѣшливо любовной, какъ у Сюклинга и Ловеласа—но почти всегда эта нота присутствуетъ у поэтовъ дореволюціонной эпохи. Иногда она сопровождается Джонсоновой ученостью и рѣже Спенсеріанской аллегоричностью. Если мы не можемъ приписывать эту характерную черту вліянію Донне (а если принять во вниманіе, что вышеприведенныя нами слова Джонсона сказаны Друммонду въ 1618 году, то, конечно, мы можетъ сдѣлать это), то мы во всякомъ случаѣ можемъ сказать, что Донне былъ первымъ, самымъ оригинальнымъ и самымъ крупнымъ представителемъ такого направленія поэзіи.

Земледѣліе.

Протеро.

Начало семнадцатаго вѣка обѣщало быть новой эрой процвѣтанія для сельскаго населенія. Улучшенія въ земледѣліи были невозможными до тѣхъ поръ, пока земля отчасти не была загорожена, При Тюдорахъ это и совершилось, при сильныхъ страданіяхъ и недовольствѣ земледѣльцевъ. Большія помѣстья стали обычнымъ явленіемъ; открытыя деревенскія фермы въ большинствѣ округовъ замѣнилися компактными, отдѣльными фермами или вольными владѣніями; земельныя общины, при которыхъ отсутствовала энергія дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, замѣнились личной собственностью, наиболѣе пригодной для развитія личной иниціативы. Паденіе цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ повысило цѣны продуктовъ земледѣлія; зерно и мясо нашли лучшіе и наиболѣе выгодные рынки; благодаря увеличенію доходности земли, ея обработка сдѣлалась выгод-

ной; превращеніе пашни въ пастбище пріостановилось. Увеличеніе богатства лэндлордовъ проявилось въ сооруженіи замковъ при Іаковѣ; фермеры и іемены тоже богатѣли. Только одинъ земледѣльческій рабочій страдалъ. Его плата не увеличилась, а необходимые для жизни продукты вздорожали. Но онъ былъ болѣе обезпеченъ въ работѣ и только въ этомъ отношеніи его положеніе измѣнилось къ лучшему.

Новые источники богатства. Въ теченіе предыдущаго столѣтія земля перешла въ другія руки и появленіе новыхъ собственниковъ значительно повліяло на появленіе въ земледѣліи болѣе смѣлаго коммерческаго духа, духа предпріимчивости. Множество писателей о земледѣліи были продолжателями Фицгерберта, Туссера и Гужа (Googe); Жервасъ Маркгамъ и Леопардъ Маскаль учили хозяевъ искусству извлекать богатство изъ земли посредствомъ улучшенія земледѣльческихъ пріемовъ и болѣе разумнымъ пользованіемъ лошадьми, быками, скотомъ и овцами. Джонъ Краушей, называвшій себѣ «простымъ іоркширцемъ», пишетъ о лошадяхъ и предупреждаетъ читателей противъ покупки лошадей на рынкахъ, потому что «многіе будутъ говорить и клясться, что онѣ здоровы, когда знаютъ, что онѣ больныя — изъ за барыша». Изъ Италіи Роуландъ Воганъ заимствуетъ новые методы орошенія и ухода за орошаемыми лугами. Маркгамъ и Лаусонъ пишутъ объ огородахъ и садахъ, гдѣ разводились теперь такіе выгодные овощи, какъ морковь, рѣпа и картофель, Не пренебрегали теперь даже мелкими доходами съ земли. Уже Джонъ Партриджъ писалъ о содержаніи птицъ и указывалъ на правила отпугиванія ихъ враговъ. «Натирайте курицъ сокомъ травы руты и ласочки не сдѣлаютъ имъ вреда, пишетъ онъ: если онѣ будутъ ѣсть легкое или глаза лисицы, то лисицы не будутъ ихъ ѣсть». Не пренебрегали и пчеловодствомъ. Бутлеръ и Леветтъ разсуждали о заведеніи пчелъ и о доходахъ искуснаго пчеловодства.

Новыя жатвы Въ тоже время такіе люди, какъ сэръ Ричардъ Вестонъ, вводили новыя культуры, совершенно измѣнившія характеръ англійскаго земледѣлія. Вестонъ былъ посланникомъ въ Палатинатѣ и по возвращеніи въ Англію онъ ввелъ методы обработки и растенія, разводимыя въ Нидерландахъ. Въ Суттонѣ, въ Сюрреѣ, онъ ввелъ въ сѣвооборотъ рѣпу и кормовыя травы, культуры, сдѣлавшіяся основой англійскаго земледѣлія. Оливеръ Кромвель, какъ утверждаютъ, тоже занимался опытами введенія новыхъ культуръ. Объ опытахъ Вестона впослѣдствіи писалъ Самуэль Гартлибъ, другъ Мильтона и пенсіонеръ Кромвеля. Другой изъ писателей о земледѣліи, заслуживающій упоминанія, хотя бы потому, что его судьба давала основаніе практикамъ смѣяться надъ теоретиками и писателями о земледѣліи — это Габріель Платтсъ. Онъ также, какъ Туссеръ, разорился и въ концѣ концевъ умеръ голымъ и голоднымъ на лондонскихъ улицахъ.

Экспериментъ Вестона и сочиненія Гартлиба, Платтса и другихъ накопили новые матеріалы для агрикультуры. Но раньше успѣшнаго примѣненія новыхъ методовъ былъ необходимъ дренажъ. Потребность скоро породила и дѣятелей.

Необходимость и методы дренажа указывались уже Вальтеромъ Блитомъ, трактатъ котораго, первый въ этомъ родѣ, переполненъ цитатами изъ библіи, что было указаніемъ на духъ времени. Пуритане опирались на авторитетъ св. Писанія для оправданія своихъ политическихъ стремленій, а пуритане—фермеры оправдывали свою защиту дренажа ссылками на библію. «Можетъ ли тростникъ рости не на болотѣ—спрашиваетъ онъ словами библіи—или водоросль не въ водѣ». «English Improver» Блитта тоже носитъ всѣ признаки времени гражданскихъ войнъ. Онъ обмѣнялъ свой серпъ на мечъ, сдѣлался капитаномъ арміи круглоголовыхъ, посвятилъ третье изданіе своего сочиненія (1652) достопочтенному лорду, генералу Кромвелю и украсилъ книгу своимъ изображеніемъ въ полной военной униформѣ. Дренажъ.

Блитъ защищаетъ планъ національнаго дренажа, по которому собственниковъ обязали бы закономъ «соединиться для общаго богатства». Когда онъ писалъ (1641), положеніе болотистыхъ мѣстностей уже обратило вниманіе правительства. Въ это время серьезно берутся за крупную работу осушенія восточныхъ графствъ.

Болота (Fens) находились въ шести графствахъ: Кембриджѣ, Линкольнѣ, Гунтингдонѣ, Нортгамптонѣ, Суффолькѣ и Норфолькѣ. Семидесяти миль въ длину и отъ двадцати до сорока въ ширину, онѣ занимали почти семьсотъ тысячь акровъ. Теперь это хорошо обработанный, плодородный округъ, а въ семнадцатомъ вѣкѣ это была пустыня прудовъ, болотъ, ржавыхъ топей, обширное болото, въ которомъ находились только кое гдѣ небольшіе островки. Шесть значительныхъ рѣкъ: Оуза, Камъ, Непъ, Велландъ, Гленъ и Уитамъ, текли по этой обширной плоскости къ морю. При дождяхъ рѣки разливались и затопляли страну на цѣлыя мили вокругъ. Но и это еще не все. Рѣки доходили до моря только на картахъ. Двѣ причины способствовали главнымъ образомъ превращенію всего этого округа въ болото. Рѣки несли такое количество ила, что ихъ устья были засорены на много футовъ его отложеніями. Два раза въ день приливъ гналъ воды вверхъ по руслу на значительное разстояніе и превращалъ всю страну въ одинъ большой заливъ. Осушеніе болотистыхъ мѣстъ (Fens).

Римляне дѣлали попытки отстоять эту ровную плоскость; ихъ плотины (Causey) существуютъ еще и теперь. Во времена процвѣтанія большихъ монастырей, Кроуланда, Торнея, Эли и Рамсея, отдѣльные округа дренировались и обрабатывались. Въ царствованіе Генриха II (1154) одинъ современный писатель называетъ округъ близъ Торнея «настоящимъ пріятнымъ и радостнымъ раемъ; онъ похожъ на небо; въ немъ много высокихъ деревьевъ; пустырей

совсѣмъ нѣтъ, потому что въ однихъ мѣстахъ яблочныя деревья, въ другихъ виноградъ, который или лежитъ на землѣ или вьется вокругъ подставокъ».

Moreton's leam.

Но такое описаніе примѣнимо только къ островамъ, на которыхъ помѣщались большіе монастыри. Вся остальная страна оставалась непроизводительнымъ болотомъ; обитатели ея были амфибіями; тамъ прятались мародеры и грабители. Серьезныхъ усилій для осушенія всего округа не дѣлалось до времени Моретона епископа Эли въ царствованіе Генриха VII. Каналъ, идущій отъ Петербора къ Висбеху, и теперь еще называется каналомъ Моретона (Moreton's Leam) и теперь еще имѣетъ значеніе какъ для судоходства, такъ и для осушенія мѣстности. Дѣлались и другія мѣстныя попытки; но онѣ были по большей части безполезными. Несмотря на личную предпріимчивость, положеніе округа было столь печально, что оно обратило наконецъ вниманіе правительства. Великая равнина (Great Level) въ 700,000 акровъ описывалась, какъ «пространство, въ теченіе многихъ вѣковъ бывшее обширнымъ и глубокимъ болотомъ, не дающимъ никакихъ выгодъ королевству, кромѣ рыбы и дичи и составляющее мѣсто жительство грубаго, почти варварскаго, лѣниваго и нищаго населенія». Округъ былъ измѣренъ, были назначены коммиссары и особые суды и въ 1606 году проведенъ мѣстный актъ объ улучшеніяхъ и на основаніи этого акта осушили часть острова Эли. Въ награду предпринимавшіе осушеніе получали двѣ трети земли, отнятой у водъ. Тѣмъ не менѣе работы пока велись не на большомъ пространствѣ. Одинъ мѣстный писатель почти двѣсти лѣтъ позже писалъ объ этой мѣстности,

„Ничего не растетъ подъ этимъ небомъ.
Кромѣ ивъ, вышиной не больше шести футовъ,
Да вербы въ три фута надъ водой“.

Нѣкто С. Н., въ 1629 году доказывалъ необходимость осушенія болотъ и даетъ непривлекательную картину округа: «туманный воздухъ (Aer Neboulous), тяжелый и полный гнилыхъ газовъ, вода гнилая и грязная, полная отвратительными червями, земля мокрая, грязная, топкая; топливо вредный торфъ и туфъ (hassocks)—таковы неудобства болотъ» (Drownings).

Предпріятіе графа Бедфорда.

Настоящая работа осушенія «великой равнины» началась въ 1630 году. Въ этомъ году Френсисъ, графъ Бедфордъ, съ тридцатью другими дворянами предпринимателями, рѣшился осушить Кембриджскую часть округа съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ дали въ награду 95,000 акровъ. Для отвода поверхностной воды были проведены новые каналы и канавы, существовавшіе протоки были прочищены и выпрямлены, сдѣланы плотины для удержанія рѣкъ въ ихъ руслахъ, были прорыты новые протоки къ морю, воздвигнуто множество пло-

тинъ и шлюзовъ для задержанія приливовъ и наводненій. Дѣло велось энергично и хотя оно отчасти по необходимости было пріостановлено гражданскими войнами, но все таки продолжалось и при республикѣ. Сэръ Корнелій Вермюйденъ, управляющій работами, въ 1652 году доносилъ, что «собирается пшеница и другіе хлѣба и держатся безчисленныя стада овецъ, скота и другихъ животныхъ тамъ, гдѣ раньше ничего не было».

Въ царствованіе Карла I были исполнены подобныя же работы и въ другихъ частяхъ «великой равнины». Такъ, напримѣръ, предприниматели, получившіе въ вознагражденіе большіе куски осушенной земли, начали осушать Deeping Fen, Lindsey Level, восточныя и западныя Fens, Wildmore и Holland Fens, Ancholme Land и Isle of Axholme.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ осушеніе было настолько закончено, что предприниматели потребовали и получили свои земли. Но по различнымъ причинамъ вода снова залила страну. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работы были не вполнѣ закончены; въ другихъ онѣ были исполнены столь неудовлетворительно людьми, которыхъ Вальтеръ Блитъ называетъ «шарлатанами—инженерами, бездѣльниками -практиками и нерадивыми и нетерпѣливыми бродягами», что при первомъ же ненастьи всѣ сооруженія разрушились. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣтряныя мельницы, которыя употреблялись для поднятія воды во внутреннихъ округахъ до уровня главной рѣки, не могли устоять противъ наводненій. Въ другихъ сооруженія были разрушены жителями (фенменами) и возстановлены только въ восемнадцатомъ и въ девятнадцатомъ вѣкахъ.

Во время работы постоянно слышатся жалобы на «мятежныя попустительства и помѣхи преступныхъ людей». Оппозиція жителей была не совсѣмъ неосновательна. Въ условіяхъ объ осушеніи болотъ не было условлено о вознагражденіи за права рѣзки торфа, за права охоты, рыбной ловли и пастбища. Въ имѣніи Эпвортъ, напримѣръ, было 13,400 акровъ и 370 общинниковъ. Шесть тысячъ акровъ было оставлено общинникамъ, а 7,400 отдано предпринимателямъ. Въ другихъ имѣніяхъ земля была подѣлана въ такой же пропорціи. Во всѣхъ болотистыхъ округахъ были взрывы народнаго негодованія. Тиртей этой болотной страны, стихи котораго сохранены Дугдэлемъ въ его History of Drainage und Imbankment, призывалъ общинниковъ къ оружію:

Оппозиція населенія.

Придите, братья, соберемся
Потолковать объ этомъ дѣлѣ, которое заставляетъ насъ трепетать;
Потому что мы завоемъ, если правда, что болота отданы предпринимателямъ,
И если тамъ, въ болотахъ и тростникахъ, гдѣ мы кормимся, они будутъ откармливать быковъ и свиней.
У птицъ есть крылья, чтобъ улетѣть въ другія страны
А у насъ нѣтъ такихъ средствъ переселенія,

Мы должны—о, горе—уступить свое мѣсто рогатому скоту и овцамъ,
Если мы не согласимся всѣ прогнать ихъ силой.
Будемъ молить нашихъ старыхъ водяныхъ русалокъ
Показать свое могущество и помочь намъ осушить кошельки предпринимателей.
И отправимъ стараго капитана Наводненіе вести насъ въ битву.
Тогда бѣдный Жакъ (Twopenuy Jack), съ заплатами на спинѣ, прогонитъ ихъ скотъ.

Гражданская война была удобнымъ поводомъ для фенменовъ. Они разрушили мельницы и плотины, зарыли канавы, разрушили изгороди, сожгли жатвы раньше, чѣмъ онѣ созрѣли и превратили цѣлые округа осушенной страны въ прежнее состояніе. По сосѣдству съ Гатфильдъ-Чезъ, близь острова Аксгольма, въ теченіе семи недѣль ежедневно люди, вооруженные мушкетами, ходили къ шлюзамъ и впускали воды прилива, держали шлюзы запертыми при отливѣ и угрожали, что они останутся тутъ, пока не зальетъ хорошенько равнины и пока жители не поплывутъ, какъ утки. Въ Эпвортѣ предприниматели въ своей петиціи утверждали, что 74,000 акровъ осушенной земли опустошены, дома уничтожены, плуги сожжены, пахарей бьютъ и ранятъ. Въ колоніяхъ французскихъ и фламандскихъ протестантовъ, устроившихся на земляхъ предпринимателей и съ успѣхомъ введшихъ было полезный методъ срѣзыванія и сжиганія торфовъ, дома были сожжены и жатвы уничтожены скотомъ общинниковъ. Только послѣ 1714 года мятежи, возбуждаемые осушеніемъ болотъ, перестали нарушать миръ въ странѣ и къ этому времени цѣль была до значительной степени достигнута и обширныя болота этихъ округовъ были возвращены жителямъ въ ихъ первоначальномъ безплодіи.

Развитіе промышленности.

Тоунзенда Варнера.

Въ первыя сорокъ лѣтъ семнадцатаго вѣка промышленность чрезвычайно развилась. Развились и изобрѣтенія, сдѣланныя при Елисаветѣ. Постоянно обращались за выдачей новыхъ патентовъ и если «гидравлическій кабинетъ для укладыванія людей спать», или «улучшенныя аппараты для призыванія рыбы» и кажутся пустяками, то все же изобрѣтатели должны были считать ихъ чѣмъ то заслуживающимъ вниманія, иначе они не платили бы коронѣ денегъ за патенты. И дѣйствительно, нѣкоторыя изъ изобрѣтеній были очень цѣнными по идеѣ. Взяты были патенты на плавку желѣза при по-

мощи каменнаго угля, изобрѣтена была какая то ворсильная машина, упоминается о «большомъ ткацкомъ челнокѣ», на которомъ одинъ человѣкъ могъ сработать столько, сколько десять человѣкъ на обыкновенномъ. Но очень трудно получить точныя статистическія данныя о промышленности въ Англіи. Статистики еще не существовало, она была создана только Петти. Такъ что хотя и имѣются кое какія указанія о развитіи промышленности, они рѣдки и въ большей части случаевъ недостовѣрны, такъ какъ дѣлавшій эти указанія основывалъ ихъ не на точныхъ данныхъ, а на догадкахъ. Имѣется и другая причина недовѣрять показаніямъ о промышленности. Эти показанія по большей части были результатомъ споровъ между промышленниками. Обыкновенно писавшіе о промышленности старались отразить нападенія, уменьшая размѣры своей промышленности. Ткачи шерсти возражали ткачамъ льняныхъ тканей, увѣряя, что шерстяная промышленность падаетъ; плавильщики, употреблявшіе каменный уголь, спорили съ плавильщиками, употреблявшими деревянный уголь; торговцы лѣсомъ завидывали угольщикамъ. Каждый разъ въ этихъ случаяхъ обѣ стороны были заинтересованы въ томъ, чтобы представить свой промыселъ падающимъ вслѣдствіе конкуренціи другого, а противная сторона возражала, что они далеко не такъ процвѣтаютъ, какъ объ этомъ говорятъ. Каждому новому промыслу приходилось доказывать, что онъ не вредитъ уже установившимся; въ противномъ случаѣ онъ рисковалъ быть воспрещеннымъ парламентскимъ актомъ или королевскимъ указомъ. Изъ всѣхъ промысловъ поощряли наиболѣе старый шерстяной и вообще тѣ, которые производили продукты, которые иначе пришлось бы ввозить изъ за границы. Предполагалось, что такія промышленности благопріятно вліяютъ на торговый балансъ и потому ихъ и слѣдуетъ поощрять.

Вмѣшательство правительства въ дѣло промышленности не было непопулярнымъ. Общественное мнѣніе осуждало нововведенія, лишавшія англичанъ работы или тѣ промышленности, которыя ослабляли могущество Англіи. Считали безуміемъ «мѣнять существенныя блага на погремушки». Лучше имѣть лѣсъ для кораблестроенія, чѣмъ доменныя печи въ Суссексѣ; непохвально, что пильщики лишены работы введеніемъ голландской вѣтрянной лѣсопильни, съ которой мускульная сила людей не можетъ конкурировать. Тоже самое и относительно монополій и патентовъ. На нихъ смотрѣли благосклонно при ограниченномъ ихъ примѣненіи. Нѣкоторыя производства, вродѣ производства пороха, считали подлежащими отдачѣ отвѣтственнымъ людямъ. Если человѣкъ дѣлалъ цѣнное изобрѣтеніе или вводилъ новую промышленность, то справедливо, чтобы онъ имѣлъ отъ нихъ барыши. Къ несчастію для короны, монополіи и патенты могли примѣняться только или къ мелкимъ или къ начинающимъ промышленностямъ, а отъ такихъ нельзя получить много денегъ. А иску

шеніе получать большіе доходы, примѣняя систему патентовъ и монополій ко всѣмъ промысламъ, было слишкомъ велико для пустого казначейства Стюартовъ.

Иностранцы и комиссія 1622 года.

Современныя понятія о промышленности достаточно ясно выразились въ опредѣленіяхъ относительно иностранцевъ и въ промышленной комиссіи 1622 года. Въ Англіи всегда относились къ иностраннымъ промышленникамъ и рабочимъ ревниво; но правительство до извѣстной степени покровительствовало имъ. Прокламація 1622 года опредѣляла, что иностранцы, не выдержавшіе срокъ ученичества, не могутъ торговать въ розницу, а оптомъ только на ярмаркахъ и рынкахъ тѣхъ городовъ, гдѣ они живутъ. Ремесленники могли заниматься своимъ промысломъ; но тѣ, кто не выдержалъ срока ученичества, долженъ былъ уплатить королю штрафъ. Но тѣ изъ иностранцевъ, которые обучили англичанъ новымъ промысламъ, могли свободно заниматься своимъ промысломъ въ теченіе десяти лѣтъ. Корона защищала производителей саржи и байки въ Кольчестерѣ отъ мѣстныхъ властей. Актъ былъ гуманнымъ, но мотивъ его былъ не гуманность, а просто выгода. Во главѣ комиссіи 1622 года стоялъ президентъ Частнаго Совѣта; въ ней засѣдали президенты суда Валиса и Сѣвернаго Совѣта; изъ остальныхъ сорока пяти членовъ самымъ выдающимся былъ хранитель государственныхъ документовъ (Master of Rolls). Назначавшій эту комиссію указъ гласилъ, что имѣются жалобы суконщиковъ, будто рабочіе лишились работы, что ренты не платятъ и таможенныя пошлины уменьшились, и что комиссія необходима, такъ какъ въ силу измѣненій въ промышленности необходимы постоянныя измѣненія промышленной политики. Повидимому, имѣлось въ виду, чтобы комиссія была постоянной. Кажется, что она ничего не дѣлала; по крайней мѣрѣ не сохранилось отчета о ея дѣйствіяхъ. Но самъ указъ о ея назначеніи любопытенъ. Комиссія должна была изслѣдовать причины паденія цѣнъ на шерсть, рѣшить, какъ помѣшать ея вывозу, а также вывозу шерстяной пряжи, сукновальной глины и золы, какимъ образомъ добиться ввоза шерсти въ Англію изъ Шотландіи и Ирландіи и какъ избѣжать переполненія ей рынка; какимъ образомъ упростить законодательство относительно шерсти, какимъ путемъ уничтожить фальсификаціи продукта, какъ улучшить искусство крашенья и чесанья шерсти и какъ удешевить красильные матеріалы. Вообще же комиссія должна была изслѣдовать, дѣйствительно ли общества и компаніи, въ особенности Merchant Adventurers, вредятъ шерстяной промышленности. Далѣе въ указѣ выразились и современныя понятія: какимъ образомъ увеличить ввозъ драгоцѣнныхъ металловъ, какимъ образомъ сохранить надлежащій торговый балансъ увеличеніемъ вывоза, какимъ образомъ поддержать торговый флотъ и ловлю сельдей, какимъ образомъ помѣшать ввозу на иностранныхъ корабляхъ, какимъ обра-

зомъ заставить иностранцевъ оставлять ихъ деньги въ Англіи, а не вывозить съ собой. Все это рекомендовалось комиссіи. Таковы были тогда обычные взгляды на торговую политику. Въ указѣ говорится далѣе о льняной промышленности: почему падаетъ хлѣбная торговля съ востокомъ, такъ что купцы компаніи не ввозятъ льна и конопли. Слѣдуетъ поощрять льняную промышленность посредствомъ разведенія льна. Вообще слѣдуетъ улучшать туземные товары; комиссіи предписывается сообразить, какимъ образомъ сдѣлать суконщиковъ процвѣтающими, а англійское сукно моднымъ и ходкимъ. Во всемъ указѣ проглядываетъ одна идея о томъ, что благосостояніе должно быть построено на накопленіи драгоцѣнныхъ металовъ посредствомъ торговаго баланса, на увеличеніи могущества государства поощреніемъ установившихся новыхъ промысловъ, а не посредствомъ введенія новыхъ, на туземной промышленности, а не на иностранной торговлѣ, на благосостояніи всѣхъ, а не на богатствѣ нѣкоторыхъ.

Шерстяная промышленность.

Изъ всѣхъ отраслей англійской промышленности шерстяная была наиболѣе развитой и пользовалась наибольшимъ покровительствомъ правительства. Упоминаются слѣдующіе продукты шерстяной промышленности; байка, саржа, войлокъ, тонкое сукно, полусукно, керазея, dorens, penistons, фризъ, perpetuanos или саржа, мохнатая шерстяная матерія, pin-whites (узкая матерія), бумазея и пр. Шерстяная промышленность была распространена по всей Англія, но главными округами были: восточная Англія, западныя графства: Глочестеръ, Ворчестеръ, Уильтсъ, Дорсетъ, Сомерсетъ и Девонъ, и западный Рidингъ. Въ восточной Англіи сосредоточивались такъ называемыя «новыя суконныя фабрики» временъ Елисаветы. Норвичь производилъ бумазеи, бывшія въ модѣ при Іаковѣ и руселетъ (russets). Деревня Ворстидъ дала названіе особаго рода пряжѣ съ длинными волокнами. Въ Кольчестерѣ процвѣтало производство саржи и байки, введенное голландскими эмигрантами, такъ что «байка и саржа» былъ въ старину тостъ на муниципальныхъ празднествахъ. Промышленность была столь важной, что во время осады въ 1648 году Ферфексъ разсматривалъ жалобы находившихся въ блокадѣ промышленниковъ и имъ было отъ имени парламента сдѣлано предложеніе скупить у нихъ весь фабрикатъ, сработанный за это время. Въ западныхъ графствахъ тогда, какъ и теперь, производились тонкія сукна. Гриффинъ Милль при Строудѣ основана въ 1600 году. Бристоль пытался конкурировать съ Кольчестеромъ въ производствѣ байки. Томасъ Уэсткотъ въ «Обзорѣ Девоншира» въ 1630 году даетъ отчетъ о шерстяной промышленности. Эксетерская саржа была знаменита. Тивертонъ и Кредитонъ, Варнстепль и Торрингтонъ были центрами ткачества; тамъ производили керазею, байку и frizados; Тотнесъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ выдѣлывалась узкая матерія pinwhites.; въ Оттери св. Маріи производилась разноцвѣтная керазея. О Креди-

тонѣ говорили: «тонко, какъ киртонская нитка»—и «дѣйствительно, 140 нитей шерстяной пряжи, производимой въ этомъ городѣ, можно было продѣть въ игольное ушко» и для доказательства своего утвержденія Уэтскотъ прибавляетъ, что «это можно видѣть въ лавкѣ Дунскмба, подъ вывѣской Золотой бутылки». Западный Ридингъ именно въ это время становится значительнымъ центромъ промышленности. Вакфильдъ производилъ грубыя сукна, та же промышленность существовала въ Галифаксѣ, Кейглеѣ и Гунслетѣ, городкѣ, въ которомъ тогда было только двѣсти домовъ. Въ Лидсѣ въ 1626 году, повидимому, тоже была значительная промышленность, потому что въ этомъ году Симпсонъ и Христофоръ Жаксонъ и нѣсколько тысячъ бѣдныхъ суконщиковъ жаловались на поведеніе алдерменовъ города въ дѣлѣ инкорпораціи. У Іакова была въ Лидсѣ своя фабрика, которую онъ продалъ за 3 ф. 11 ш. 8 д. Іоркширскія сукна были нѣсколько худшаго качества, несмотря на то, что въ это время постоянно издавались указы противъ дурныхъ продуктовъ. Вопроса о дурныхъ продуктахъ касались два статута въ царствованіе Іакова и указы 1630, 1633, 1635 и 1638 годовъ. Главной цѣлью этихъ указовъ было устройство надзора за качествомъ продукта; этотъ надзоръ поручался особымъ надсмотрщикамъ (aulnager) и качество продукта удостовѣрялось приложеніемъ официальнаго клейма. Воспрещены были вывариваніе шерсти съ желчью, употребленіе фальшивыхъ вѣсовъ, неровность длины ткани и пряжи, «толщина, обманывавшая мастеровъ, тѣмъ что матерія была лучше сверху куска». Ворсильныя машины, воспрещенныя въ царствованіе Эдуарда VI, снова вошли въ употребленіе подъ названіемъ mossing-mills для наведенія ворса на сукно; такія сукна снова были воспрещены. Матеріи, неровныя, съ наведеніемъ ворса, пробитыя, должны были признаваться негодными и отмѣчаться, какъ таковыя. Всего труднѣе было справиться съ злоупотребленіемъ растягиванія и уплотненія ткани. Бѣлое сукно, вывозимое главнымъ образомъ Merchant Adventurers, не должно было растягиваться, но окрашенныя сукна могли растягиваться на одинъ ярдъ и «полчетверти въ ширину». Воспрещены были teignters—это было тяжелыя полосы, привязываемыя къ краю куска для растягиванія сукна. Джонъ Май, назначенный надсмотрщикомъ, издалъ памфлетъ, повидимому затѣмъ, чтобы предупредить ткачей, что съ нимъ шутить нельзя. Онъ возстаетъ противъ примѣсей къ шерсти льна и толстыхъ узловатыхъ нитокъ, противъ употребленія длинныхъ нитокъ, при которомъ образуется столько узловъ, что сукно выходитъ все въ дырьяхъ. Онъ возстаетъ также противъ обычая употреблять основу худшаго достоинства въ срединѣ ткани и такого крѣпкаго завертыванія куска, что осматривать можно только его край. Для уплотненія суконъ употребляли овсяную муку и сало; Май говоритъ, что девонширскую керазею растягиваютъ съ

двѣнадцати ярдовъ до пятнадцати, а потомъ марки, наложенныя на растянутое сукно или матерію, снимаютъ раскаленнымъ желѣзомъ. Очевидно, что безчестность въ производствѣ отличала и тогдашнія фабрики, а не только теперешнее время безграничной конкуренціи.

Нужно замѣтить, что терминъ суконщикъ (clothièr) не обозначалъ одно и то же во всей Англіи. Въ Іоркширѣ такъ назывались ткачи; въ Глочестерширѣ и Уильтширѣ такъ назывались посредники, раздававшіе пряжу, покупавшіе сработанное сукно и находившіе для него рынокъ. Уэсткотъ описываетъ Девонширскую промышленность, какъ такую, въ которой не было какой либо установившейся системы. Онъ говоритъ, что джентльменъ-фермеръ или хозяинъ привозитъ шерсть на рынокъ; тамъ она покупается чесальщиками; на слѣдующую недѣлю чесальщики выносятъ на рынокъ пряжу и тогда она скупается ткачами. На слѣдующую недѣлю на рынкѣ появляется сукно, которое скупается суконщиками, продающими его въ Лондонъ или купцамъ, которые послѣ того, какъ сукно проходитъ чрезъ руки сукновала или красильщика, вывозятъ его. Кажется, что въ Англіи окрашиваніе было плохо и во всякомъ случаѣ въ Голландіи оно было лучше. Политика короля значительно вредила промышленности и возбуждала большое недовольство и замѣшательство въ промышленности, особенно на западѣ Англіи. Суконщики.

Шелковая промышленность, которая, по показанію одного современнаго писателя въ 1681 году, показанію вѣроятно ошибочному, занимала столько же рукъ, какъ и шерстяная, въ нашемъ періодѣ не была еще ея серьезнымъ конкурентомъ. Іаковъ дѣлалъ опыты разведенія шелковичныхъ червей и тутовыхъ деревьевъ; но опыты не удались въ силу суровости климата. Бурламахъ по приказанію короля привезъ изъ за границы чулочниковъ, красильщиковъ и ткачей. Тогда полагали, что будетъ лучше, если англичане и англичанки будутъ покупать шелковыя ткани, сдѣланныя въ Англіи. Шелковые фабрикаты очень разнообразны. Въ указѣ 1638 года упоминается о тканяхъ, золотой и серебряной парчѣ, тафтѣ, плюшѣ, бархатѣ, дама, грогренѣ, лентахъ, муарѣ, barratine silk, клѣтчатомъ сатинѣ, сырцовыхъ лентахъ, rash silk, fugeratta, и о матеріи, называемой «черной и бѣлой». Воспрещено было дѣлать фабрикаты изъ бумаги, смѣшанной съ шелкомъ; но всего труднѣе правительству было съ надзоромъ за окраской. Воспрещалось употреблять для окраски толченую ольховую кору, желѣзныя опилки и «другіе негодные и обманные матеріалы». Шелкъ долженъ былъ краситься испанской, а не лондонской черной краской и до окраски слѣдовало кипятить клей, хотя потомъ было сдѣлано исключеніе для грубаго шелка, который разрѣшалось красить на клею. Слѣдующій списокъ цвѣтовъ показываетъ намъ состояніе техники въ то время: блѣдные цвѣта такіе: темнокрасный, De Roy, краснобурый, пурпуровый, фран- Шелковая промышленность.

цузскій зеленый, имбирный, Deere Colour, (цвѣта кожи оленя), оранжевый, кромѣ свѣтлыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ». Воспрещается употреблять «желчь, какой либо клей, сиропы и обманные матеріалы». Въ шелковомъ производствѣ употреблялся вышеупомянутый нами «большой ткацкій челнокъ». Его воспретили также, такъ «всѣ машины, на которыхъ можно одновременно работать болѣе одного сорта кружевъ и лентъ». Кажется, что въ то время еще не понимали всего значенія машинъ. Ришелье полагалъ, что французскія шелковыя матеріи лучше всѣхъ другихъ; тѣмъ не менѣе во Франціи былъ запрещенъ ввозъ англійскихъ шелковыхъ чулокъ.

Хлопчато-бумажныя фабрики.

Въ это время въ Ланкаширѣ только появляется хлопчатобумажная промышленность. О хлопчатой бумагѣ упоминается и до Стюартовъ; но сомнительно, чтобы это было что нибудь иное, кромѣ шерстяныхъ оческовъ. Бумазеи, кажется, сначала были шерстяными матеріями и Уэсткотъ упоминаетъ о Пильтонскихъ фабрикатахъ, какъ о шерстяныхъ—хотя и тогда уже говорили; «эхъ, вы горе, пильтонцы, дѣлаете вы сукна безъ шерсти»; въ 1638 году въ указѣ бумажныя ткани смѣшиваются съ широкими сукнами, керазеей и другими шерстяными матеріями. Но вѣроятно, что въ царствованіе Іакова были введены настоящія хлопчатобумажныя мануфактуры, потому что въ 1641 году Льюсъ Робертсъ пишетъ о Манчестерѣ: «они покупаютъ въ Лондонѣ хлопчатую шерсть, которую привозятъ изъ Кипра и Смирны и дѣлаютъ изъ нея бумазеи, vermillions и демикотонъ, которыя и возвращаются въ Лондонъ»—откуда онѣ часто вывозились снова на востокъ. Больтонъ былъ также городомъ хлопчатобумажной промышленности; упоминается также о бумажныхъ тканяхъ, производимыхъ въ Шотландіи.

Льняная промышленность.

Производство льняныхъ издѣлій въ это время связано съ дѣятельностью Страффорда въ Ирландіи. Робертсъ говоритъ о Манчестерѣ, какъ о городѣ ткачей, скупающемъ льняную пряжу въ Ирландіи и снова вывозящемъ ее въ видѣ тканей въ Ирландію. Комиссія 1622 года хотѣла развитія и поощренія льняной промышленности; указъ Карла I воспрещалъ погребать въ льняныхъ тканяхъ и предписывалъ употреблять вмѣсто нихъ шерстянныя. Очевидно, однако, что англійская льняная промышленность не была значительной, иначе Страффордъ не поддерживалъ бы этой промышленности въ Ирландіи. Онъ разсказываетъ, что онъ препятствовалъ развитію шерстяной промышленности въ Ирландіи, чтобы она не могла конкурировать съ англійской и поощрялъ заведеніе льна, заставилъ посѣять льняного сѣмени на тысячу фунтовъ, завелъ шесть или семь фабрикъ, ввезъ рабочихъ изъ Голландіи и полагаетъ, что въ Ирландіи можно производить на 20% дешевле Франціи или Голландіи. Страна пригодна для разведенія льна и женщины привыкли прясть. Онъ полагалъ, что если Богъ благословитъ его начинанія, то этотъ

промыселъ обогатитъ государство. Онъ предлагалъ купить разрѣшеніе на приготовленіе льняной пряжи и настолько поддерживалъ эту промышленность, что еслибы не революція, она могла бы распространиться по всей Ирландіи. Относительно шерстяной промышленности, которую онъ преслѣдовалъ, какъ конкурирующую съ англійской, въ его оправданіе слѣдуетъ сказать, что онъ не преслѣдовалъ производства фриза, которымъ только и занимались ирландцы и что принявъ во вниманіе экономическія послѣдствія его политики, мы не имѣемъ основанія предполагать, что домашній шерстяной промыселъ выдержалъ бы въ Ирландіи конкуренцію капиталистическаго производства въ то время, какъ такой же домашній промыселъ въ восточной Англіи не выдержалъ такой конкуренціи. Потому нельзя думать, что безъ тираніи Страффорда ирландскій крестьянинъ добился бы пряденьемъ и ткачествомъ столь прочнаго благосостоянія, что оно могло бы выдержать борьбу съ результатами переворота въ промышленности.

Каменный уголь и желѣзо.

Каменноугольный и желѣзный промыслы съ удобствомъ могутъ быть разсматриваемы вмѣстѣ. Въ теченіе этого періода каменный уголь все больше и больше употребляется какъ топливо. Сначала его употребляли въ мѣстахъ близь копей или близь моря, такъ что въ Лондонѣ каменный уголь обыкновенно называли морскимъ углемъ. Употребленіе его, какъ топлива, поощрялось, такъ какъ оно сберегало дерево, которымъ такъ дорожили какъ матеріаломъ для кораблестроенія. Ньюкэстльская корпорація затрудняла вывозъ, разрѣшая промыселъ только нѣкоторымъ лицамъ и требуя уплаты пошлинъ. Каменноугольная промышленность была въ 1637 году монополіей, но въ слѣдующемъ же году патенты были отобраны и цѣна угля въ Лондонѣ опредѣлена въ 19 шиллинговъ за 2000 фунтовъ зимой, и 17 лѣтомъ. Продавцы дровъ, продававшіе также и уголь, обвинялись въ томъ, что они повышаютъ цѣну и недовѣшиваютъ или укладываютъ уголь въ мокрые мѣшки. Одинъ изъ нихъ защищалъ своихъ собратьевъ, говоря, что невозможно сохранять мѣшки сухими въ сырую погоду, а кромѣ того сухіе мѣшки и неудобны для носильщиковъ. Онъ утверждалъ, что дороговизна угля обусловливается акцизомъ въ 4 шиллинга на мѣру въ двѣ тысячи фунтовъ (chaldron), морскими случайностями, повышеніемъ цѣнъ въ Ньюкэстлѣ и уничтоженіемъ обычая давать «даровой уголь», «отчего они раньше имѣли по четыре, пяти, даже восьми долей на двадцать». Онъ рекомендуетъ наказывать скупщиковъ, учредить постоянный рынокъ при Биллингсгэтъ или при Пуль и заставить каждаго корабельщика давать уголь бѣднымъ. Очень желательно было употребленіе каменнаго угля въ плавильномъ дѣлѣ. Дудлею былъ дарованъ патентъ, не подлежащій дѣйствію акта 1624 года о монополіяхъ. Другой патентъ былъ данъ нѣсколько лѣтъ позже для плавки на каменномъ углѣ желѣза, цинка, соли, свинца, для производства кирпича, черепицы и обжи-

ганія извести. Этому сильно противились продавцы древеснаго угля, доставлявшіе уголь для печей Сюррея и Суссекса, центровъ желѣзной промышленности. Уорденъ говоритъ, что въ Суссексѣ было сто сорокъ печей для плавки желѣза, а въ Сюрреѣ три или четыре стеклянныхъ завода и «что они расходывали каждые сутки два, три или четыре груза деревяннаго угля, такъ что въ годъ расходывалось безконечное количество, что вы можете расчитать арифметически лучше меня». Постройка новыхъ печей въ Суссексѣ была воспрещена указомъ въ 1436 году. Обыкновенно употребляли ручные мѣхи, хотя упоминаются и о приводимыхъ въ движеніе водой. И тѣ и другіе были недостаточно сильны при употребленіи каменнаго угля. Салисбюри, Вудстокъ и Годальмингъ были самыми опасными соперниками Шефильда. Въ этомъ послѣднемъ было 2207 жителей, изъ которыхъ 725 жили на счетъ благотворительности. Городъ находился въ рукахъ лорда помѣстья, который отдавалъ печи въ аренду. Ножевщики получили грамоту, какъ гильдія, въ 1624 году. Они имѣли монополію на производство ножей, серповъ, ножницъ для стрижки овецъ, обыкновенныхъ ножницъ; впослѣдствіи они утверждали, что имѣютъ право и на монопольное производство косъ и пилъ. Повидимому, работы у нихъ было не особенно много, потому что у нихъ было въ году два обязательныхъ для всей гильдіи праздника, изъ которыхъ каждый продолжался около мѣсяца—одинъ въ августѣ, а другой на Рождествѣ. Проволока дѣлалась изъ Осмондскаго желѣза, для чески шерсти она была лучше заграничной. Желѣзо, полосовое и листовое, штемпелевалось правительственными надсмотрщиками. Вообще эта промышленность была значительной, но не распространялась особенно быстро; да по общему мнѣнію это и было нежелательнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ ней употреблять каменный уголь.

Торговля и финансы.

Саймса.

Повышеніе цѣнъ.

Въ теченіе первой половины семнадцатаго вѣка однимъ изъ наиболѣе важныхъ общественныхъ явленій было продолжавшееся повышеніе цѣнъ. Это повышеніе до значительной степени обусловливалось ввозомъ драгоцѣнныхъ металовъ, въ особенности серебра, но и увеличеніе населенія тоже вліяло на повышеніе цѣнъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, и неурожаи между 1630 и 1637 годами усилили бѣдствіе въ эти годы. Но если внимательно разсмотрѣть цифры, мы увидимъ, что повышеніе цѣнъ не было ни такимъ быстрымъ,

ни такимъ непрерывнымъ, какъ въ царствованіе Елисаветы. Слѣдующая таблица цѣнъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ продуктовъ въ четыре десятилѣтія царствованія первыхъ Стюартовъ доказываетъ это. Въ эту таблицу мы ввели цѣны перца, какъ предмета роскоши, цѣна на который пала вслѣдствіе увеличенія иностранной торговли, особенно съ восточной Индіей.

	1603—1612			1613—22			1623—32			1633—42		
	ф.	ш.	д.	ф.	ш.	д.	ф.	ш.	д.	ф.	ш.	д.
Пшеница . . .	1	15	3 1/3	1	17	9	2	3	7 1/2	2	1	2
Ячмень	—	19	5	1	—	8 1/2	1	2	1	1	4	2 3/4
Солодъ	—	19	10	1	1	7 1/2	1	4	2	1	6	1/4
Овесъ . . .	—	11	10 3/4	—	13	5 1/4	—	13	8 1/4	-	15	11 1/2
Бобы. . . .	—	19	2	—	17	12 1/2	1	3	3 3/4	—	19	6
Горохъ	—	17	5 1/4	1	2	1 1/2	1	1	11	1	—	1/2
Мука.	2	6	2 3/4	2	7	1 1/4	2	9	2	2	12	9
Быки.	6	9	8	6	18	5	7	6	7	9	9	8
Лошади. . . .	11	16	2	13	2	—	15	1	8	13	18	10
Овцы.	—	13	8	—	16	2 1/4	—	16	— 3/4	—	12	2
Свѣчи 12 фун. .	—	4	3/4	—	4	6 1/4	—	4	4 3/4	—	4	11 1/2
Каменный уголь.	1	4	11 1/2	1	5	6 1/4	1	4	11 1/2	1	9	11 1/2
Столовое бѣлье.	—	16	11 1/2	—	17	11 1/4	—	17	7 1/4	—	18	10 1/4
Сукно 12 ярдовъ.	1	4	2	1	9	11	1	6	5	1	19	5
Желѣзо. . . .	1	12	8	1	11	6	1	15	1	2	6	8
Перецъ 1 фунт.	1	8	2 1/2	1	6	10 1/2	1	2	9 1/2	1	4	4

Изъ этой таблицы видно, что въ два послѣднія десятилѣтія произошло паденіе цѣнъ на нѣкоторые товары и это было бы еще замѣтнѣе, еслибы не было вышеупомянутыхъ неурожаевъ. Миссельденъ, писавшій въ 1623 году, очевидно, не признаетъ общаго возвышенія цѣнъ. Напротивъ, онъ утверждаетъ, что обыкновенно цѣны на одинъ товаръ повышаются, а на другой падаютъ; когда парламентъ назначилъ свою постоянную коммиссію о торговлѣ и промышленности въ 1622 году, она была должна между прочимъ разсмотрѣть причины паденія цѣны шерсти. Вообще говоря, можно сказать, что повышеніе цѣнъ прекратилось около средины семнадцатаго вѣка и пріостанавливалось уже въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Политическія слѣдствія колебанія цѣнъ.

Политическія слѣдствія такого измѣненія были очень важны. Мы видѣли, что повышеніе цѣнъ сильно обогатило и дало могущество среднимъ классамъ; когда цѣны сдѣлались постоянными, барыши, понятно, уменьшились. Стимулъ промышленной предпріимчивости уничтожился и результатомъ было общераспространенное недовольство среди торговыхъ классовъ. Едва ли можно оспаривать мнѣніе, что колебаніе въ цѣнахъ въ семнадцатомъ столѣтіи до нѣкоторой

степени объясняетъ оппозицію Стюартамъ и пуританскую революцію. Потому что именно эти классы получили богатство и значеніе благодаря повышенію цѣнъ и потомъ ихъ благосостояніе нѣсколько пострадало, и именно эти классы играли главную роль въ сопротивленіи Карлу I.

Государственные финансы.

Важнымъ политическимъ результатомъ повышенія цѣнъ въ первую половину семнадцатаго вѣка было послѣдующее разстройство государственыхъ финансовъ. Въ то время доходы получались главнымъ образомъ отъ ренты съ коронныхъ земелъ и отъ различныхъ феодальныхъ и иныхъ повинностей и сборовъ, сумма коихъ въ большинствѣ случаевъ была опредѣленной. Благодаря повышенію цѣнъ коронѣ приходилось платить большее жалованье и высшія цѣны за все, что ей было необходимо; а ея доходы не увеличились въ той же пропорціи. Только благодаря строгой экономіи Елисавета могла управлять, а первые Стюарты не были экономны. Кромѣ того ихъ положеніе ухудшалось дальнѣйшимъ повышеніемъ цѣнъ. Потому было необходимо искать новыхъ источниковъ доходовъ. Страна не привыкла къ тяжелымъ налогамъ и парламентъ, помимо другихъ причинъ враждебнаго его отношенія къ королю, рѣдко былъ расположенъ соглашаться на его денежныя требованія. Потому то Іаковъ и Карлъ постоянно искали средствъ, на которыя не требовалось бы согласія парламента. Іаковъ въ особенности надѣялся на пошлины, право сбора которыхъ онъ признавалъ частью королевской прерогативы, какъ средство регулированія торговли. Его взгляды поддерживалъ и Судъ казначейства въ извѣстномъ дѣлѣ Бата (1606). Но иностранная торговля была еще такъ незначительна, что изъ этого источника нельзя было получить большихъ доходовъ и Іаковъ попробовалъ продавать титулы баронетства и перства. Карлъ прибѣгалъ еще и къ другимъ средствамъ. Въ особенности послѣ 1629 года онъ разыскивалъ старыя постановленія и требовалъ штрафовъ съ лицъ ихъ нарушавшихъ, а также требовалъ уплаты давно вышедшихъ изъ употребленія повинностей. Возбужденная этимъ оппозиція способствовала его паденію и это даетъ другой примѣръ отношенія политической исторіи къ такимъ экономическимъ фактамъ, какъ колебанія цѣнъ.

Нападки на торговыя компаніи.

Экономическіе факты могутъ также отчасти объяснить и усилившуюся агитацію противъ монополій и привиллегій торговыхъ компаній. Повышеніе цѣнъ заставляло лицъ, не участвовавшихъ въ этихъ компаніяхъ, желать своей доли въ барышахъ монопольныхъ торговль и промысловъ. Послѣдующее паденіе цѣль могло увеличить ихъ недовольство, хотя барыши и сдѣлались уже менѣе значительными. Мы видѣли, что уже въ 1604 году палата общинъ провела билли объ уничтоженіи нѣкоторыхъ ограниченій въ правѣ быть членами торговыхъ компаній. Цѣль состояла въ томъ, чтобы поставить всѣхъ

англійскихъ купцовъ въ одинаковыя благопріятныя условія, лишь бы только они давали свою долю въ расходахъ, необходимыхъ для безопасности торговли въ отдаленныхъ и часто варварскихъ странахъ; интересно, что защитники этихъ биллей говорили о «естественномъ правѣ» англичанъ торговать гдѣ имъ угодно. Но перы, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе заботились о признанныхъ интересахъ, чѣмъ объ естественныхъ правахъ. Они отвергли прошедшій въ палатѣ общинъ билль и, можетъ быть, этимъ способствовали развитію торговли Голландіи. Потому что несомнѣнно, что система привиллегированныхъ компаній, которая, можетъ быть, и необходима при первыхъ стадіяхъ развитія торговли, въ концѣ концевъ неблагопріятна для энергіи и предпріимчивости. Компаніи уже черезъ чуръ надѣялись на свои монополіи; молодые торговцы, обладавшіе энергіей, оригинальностью, проницательностью и организаторскими способностями, которыя обезпечили бы имъ успѣхъ, были исключены изъ главныхъ отраслей иностранной торговли или вынуждены заниматься контрабандой и нарушать права установленныхъ корпорацій. Потому то большинство компаній находилось въ упадкѣ. Торговля съ Россіей и китоловство почти вполнѣ перешли въ руки голландцевъ, датчанъ и гамбургцевъ; англійская левантская торговля тоже томилась подъ гнетущимъ вліяніемъ системы компаній. Даже компанія восточной Индіи, хотя она впослѣдствіи и имѣла такую блестящую карьеру, сдѣлала мало въ теченіе первыхъ двѣнадцати лѣтъ своего существованія, и сравнительно мало въ первыя пятьдесятъ лѣтъ.

Торговля съ восточной Индіей.

Португальцы на цѣлое столѣтіе опередили англичанъ на прямомъ морскомъ пути въ Индію. Ихъ замѣчательный морякъ Васко да Гамо высадился въ Калькутѣ уже въ 1498 году, обойдя мысъ Доброй Надежды. Въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ у португальцевъ было много битвъ и мало торговли въ Индіи; но послѣ 1504 года ихъ торговля начала расти такъ быстро, что Венеція пыталась помѣшать португальскимъ купцамъ, сознавая, что они становятся опасными соперниками въ торговлѣ Европы съ Индіей, которая до сихъ поръ велась по сухому пути къ великой выгодѣ венеціанской республики. Но португальцы держались крѣпко и постепенно создавали великую торговую имперію въ Индіи. Въ 1510 году они взяли Гоа, сдѣлавшееся центромъ восточной торговли, вывозившей продукты Кохинхины, Китая, Японіи и острововъ восточной Индіи. Каждогодно португальскій флотъ отплывалъ изъ Лиссабона и возвращался послѣ долгаго плаванія нагруженнымъ восточными товарами, которые продавались въ Лиссабонѣ, главнымъ образомъ голландскимъ купцамъ, развозившимъ ихъ по европейскимъ портамъ. Но за присоединеніемъ Португаліи Филиппомъ II Испанскимъ послѣдовалъ быстрый упадокъ вліянія и торговли Португаліи въ Азіи. Филиппъ и безъ того былъ отягощенъ заботами о своей обширной имперіи и стараніями под-

держать свою гегемонію въ Европѣ; его враги, голландцы, воспользовались случаемъ, чтобы распространить свою торговлю и погубить торговлю Испаніи. Къ этому ихъ вынуждало и закрытіе для нихъ лиссабонской гавани въ 1591 году, въ силу чего они или должны были потерять ту значительную долю, которую до тѣхъ поръ они имѣли въ восточной торговлѣ или попытаться вступить въ прямыя сношенія съ Азіей. Они избрали послѣднее, и ихъ успѣхи вскорѣ возбудили соревнованіе и въ англичанахъ.

Восточно-индійская компанія.

Въ 1599 году нѣсколько англійскихъ купцовъ просили о признаніи ихъ обществомъ на паяхъ; въ слѣдующемъ году имъ была дарована грамата. Она давала кампаніи монополію всей торговли къ востоку отъ мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива, т. е. торговли съ Африкой, Азіей и Америкой. Кампанія была освобождена отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ на четыре года и ей было разрѣшено вывозить драгоцѣнные металлы. Первая ихъ торговая экспедиція отплыла въ 1601 году. Она состояла изъ пяти кораблей, нагруженныхъ драгоцѣнными металлами, желѣзомъ, сукномъ, ножевымъ товаромъ и стекломъ. Отъ 1601 до 1620 года компанія отправила всего семьдесятъ девять кораблей, изъ которыхъ восемь погибли, а двѣнадцать захвачено голландцами. Товары, привозимые изъ Индіи. продавались въ шесть разъ дороже ихъ стоимости; но расходы были такъ велики, что барыши были ничтожны, по крайней мѣрѣ для того времени, когда при займѣ подъ хорошее обезпеченіе деньги приносили не меньше 10%.

Борьба за „острова-пряностей“.

Такая сравнительная неудача обусловливалась, главнымъ образомъ, соперничествомъ голландцевъ. Въ 1602 году образовалась соединеніемъ всѣхъ голландскихъ купцовъ, занимавшихся азіатской торговлей, большая голландская компанія восточной Индіи. Англія дала монополію немногимъ купцамъ, а Голландія организовала свою торговлю по такой системѣ, которая позволяла всякому голландцу принять въ ней участіе. Кромѣ того, голландская компанія управлялась представителями главныхъ городовъ республики, тогда какъ управленіе англійской компаніи находилось въ рукахъ небольшой клики. Эти факты отчасти объясняютъ, почему англичане сначала имѣли такіе незначительные успѣхи сравнительно съ голландцами. Въ 1612 году хартія англійской компаніи была измѣнена, въ 1617 году все англійское общество было приглашено подписываться на доли компанейскаго капитала. Въ числѣ лицъ, заинтересованныхъ такимъ образомъ въ дѣлахъ компаніи, было пятнадцать перовъ, тридцать титулованныхъ дамъ, восемьдесятъ два рыцаря, включая судей и членовъ королевскаго Частнаго совѣта, и болѣе восьми тысячъ другихъ менѣе высокопоставленныхъ лицъ; но сначала такое увеличеніе капитала компаніи дало ей только средство для борьбы съ голландцами. На континентѣ Индіи борьба не была особенно серьезной. Обѣ

компаніи стремились только къ учрежденію факторій для торговыхъ цѣлей. Иное дѣло было на многихъ изъ острововъ. Тамъ борьба шла о владычествѣ, потому что туземцы были или слишкомъ слабыми или слишкомъ варварскими, чтобы оказывать защиту европейскимъ торговцамъ. Купцы были вынуждены дѣлать завоеванія, прежде чѣмъ сколько нибудь правильно и безопасно торговать; а притомъ нѣкоторые изъ этихъ острововъ были единственными мѣстами, гдѣ можно было добыть мускатный орѣхъ и гвоздику. Нѣкоторые изъ острововъ были завоеваны португальцами, но они были прогнаны голландцами, которые потомъ распространили свое владычество и на другіе острова, и они всегда настаивали на своемъ правѣ на монопольную торговлю. Естественно, англійскіе купцы негодовали, что эти плодородные острова закрыты для нихъ и они требовали свободы торговли. Голландцы съ нѣкоторымъ негодованіемъ отвѣчали на это, что они понесли расходы на изгнаніе португальцевъ, на завоеваніе туземцевъ, на постройку фортовъ и что поэтому они имѣютъ право пожать плоды своихъ трудовъ. Въ 1613 и въ 1615 годахъ англичане дѣлали энергичныя усилія, чтобы уничтожить монополію голландцевъ, но имъ удалось только устроиться на небольшомъ Пуловей, островѣ не занятомъ голландцами, хотя послѣдніе и претендовали на него, какъ на принадлежащій къ группѣ ихъ острововъ. Голландцы отправили эспедицію противъ этого острова, но были прогнаны туземцами, вооруженными англійскимъ оружіемъ и туземцы предложили англичанамъ занять островъ. Англійскій командиръ, однако, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для борьбы съ голландцами и заключилъ съ ними соглашеніе, на основаніи котораго они удерживали владѣніе острововъ, но разрѣшали англичанамъ учавствовать въ торговлѣ. Лондонскія власти не утвердили этого соглашенія и отправили шесть кораблей для поддержки своихъ купцовъ.

Въ это время англичане заняли и другой островъ. Пеларунъ, и на этотъ разъ энергично протестовали противъ притязаній голландцевъ. Оба правительства неодобрили этой борьбы и изъ Голландіи были отправлены коммисары для заключенія соглашенія съ Англіей. Послѣ продолжительныхъ разсужденій согласились на раздѣлъ монополіи: Англійская компанія получила треть мускатнаго орѣха и гвоздики съ острововъ, на владѣніе которыми имѣла притязанія Голландія, и половину перца съ Явы. Въ другихъ портахъ индійскаго океана обѣ компаніи могли торговать свободно и независимо. Съ португальцами слѣдовало бороться сообща, при помощи флота, составленнаго изъ одинаковаго количества англійскихъ и голландскихъ кораблей; расходы на защиту должны покрываться вывозной пошлиной въ восточныхъ портахъ (1619). Но въ то время, какъ въ Лондонѣ шли эти переговоры, поданные переговаривавшихся правитель-

ствахъ рѣзали другъ другу глотки въ далекихъ моряхъ. Восемь кораблей англійской компаніи были захвачены голландцами и многіе туземцы пострадали за ихъ дружбу къ Англіи.

Англичане и португальцы въ Персіи. Бойня въ Амбоинѣ.

Въ 1622 году англійская компанія начала войну и съ португальцами. Эта война началась изъ за попытки англичанъ открыть торговлю съ Персіей. Шахъ соглашался на это только въ томъ случаѣ, если англичане помогутъ ему въ нападеніи на португальскую факторію въ Ормузѣ. Нападеніе было удачнымъ, къ великому негодованію испанскаго правительства, подданными котораго были теперь португальцы. Іаковъ и Букингамъ воспользовались протестомъ Испаніи для того, чтобы стянуть съ компаніи 20,000 фунтовъ. Испанія была и слышкомъ занята и слишкомъ пала, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное ея подданнымъ въ далекихъ моряхъ; иное дѣло Голландія. Дѣятельная и сильная голландская компанія была способна постоять за себя и наносить удары англичанамъ. Въ 1623 году произошла ужасная бойня въ Амбоинѣ. Голландцы подозрѣвали, или дѣлали видъ, что подозрѣваютъ, будто англичане намѣревались напасть на фортъ Амбоины. Потому они захватили нѣкоторыхъ слугъ англійской компаніи и пытали ихъ, чтобы заставить ихъ сознаться; добившись отъ нихъ пытками признанія въ предполагаемомъ заговорѣ, они захватили всѣхъ англійскихъ подданныхъ, которые попались имъ въ руки, и перебили ихъ (11 февраля). Мало вѣроятно, чтобы подозрѣнія голландцевъ имѣли какія нибудь основанія. Кучка англичанъ, жившихъ въ Амбоинѣ, наврядъ ли могла надѣяться взять крѣпость даже и въ томъ случаѣ, еслибы заговоръ дѣйствительно существовалъ; ихъ казнь на основаніи рѣшенія однихъ голландцевъ была прямымъ нарушеніемъ условій договора. Но англичане въ то время были раздражены противъ Испаніи и не хотѣли ссориться съ ея врагами; негодованіе, возбужденное извѣстіями о бойнѣ въ Амбоинѣ, было успокоено обѣщаніемъ судить виновныхъ въ бойнѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ это дѣло служило предметомъ переговоровъ между обоими правительствами.

Протесты противъ индійской компаніи.

Компанія восточной Индіи не была особенно популярна въ Англіи. Купцы жаловались на ея монополію и то обстоятельство, что она вывозила значительное количество драгоцѣнныхъ металловъ, возбуждало противъ ея дѣйствій протесты. Въ 1628 году компанія считала необходимымъ въ «Петиціи и ремонстранціи» отвѣчать критикамъ; она указывала, что продаетъ восточные товары дешевле тѣхъ, которые пользуются старымъ путемъ чрезъ Турцію и что распространеніе ея торговли увеличиваетъ таможенный доходъ. Что касается до обвиненія въ вывозѣ драгоцѣнныхъ металловъ, то компанія смѣло возражала «не удержаніе денегъ въ королевствѣ создаетъ процвѣтающую торговлю, а нужда и требованіе нашихъ товаровъ въ чужихъ странахъ и наша нужда въ ихъ продуктахъ».

Въ 1624 году Моррисъ Абботъ, братъ архіепископа кентербюрійскаго, былъ избранъ губернаторомъ восточно индійской компаніи и послѣ этого его постоянно выбирали снова. Подъ его руководствомъ компанія непрерывно развивалась. Факторія въ Сюратѣ была теперь главной квартирой англійской торговли; изгнаніе португальцевъ изъ Ормуза обезпечило ея положеѣіе въ Лепалѣ. На Корамандельскомъ берегу англичане воздвигли сильный фортъ, который «могъ защищаться противъ любого внезапнаго нападенія бѣдныхъ черныхъ людей этой страны». Соперничество португальцевъ въ сосѣдствѣ Сюрата было фактически уничтожено ихъ пораженіемъ въ 1630 году; но голландцы продолжали сильно конкурировать съ англичанами почти во всѣхъ отрасляхъ восточной торговли. Въ числѣ другихъ затрудненій была постоянная необходимость подкупать великаго Могола, разныхъ мелкихъ потентатовъ, а также и вліятельныхъ людей Англіи. Король Карлъ, въ качествѣ покровителя литературы, требовалъ отъ компаніи, чтобы она доставляла ему арабскія и персидскія рукописи; въ 1640 году, когда его финансовыя затрудненія сдѣлались очень серьезными, онъ принудилъ компанію продать весь ея перецъ за королевскія обязательства, которыя выкупались въ два съ половиной года полугодичными взносами. Милость королевы приходилось пріобрѣтать подарками туземныхъ тканей яркихъ цвѣтовъ и другихъ предметовъ восточной роскоши. Кромѣ того служащіе компаніи торговали за свой счетъ и постоянно выходили изъ предназначенныхъ имъ границъ. Повидимому, они были черезъ чуръ преданы пьянству, игрѣ и другимъ порокамъ, вопреки предписаніямъ компаніи, вопреки отправляемымъ на проповѣдь священникамъ. Тѣмъ не менѣе индійская торговля быстро увеличивалась и въ 1640 году райя Карнатики разрѣшилъ англичанамъ построить фортъ въ Мадрасѣ, теперь занявшій мѣсто Сюрата, какъ главная квартира торговли компаніи.

Успѣхи компаніи.

Возвращаясь къ Англіи, мы теперь должны говорить о движеніи противъ домашнихъ монополій въ царствованіе Іакова. Обѣщаніе Елисаветы прекратить выдачу патентовъ не наблюдалось; ея наслѣдникъ, повидимому, и не считалъ себя связаннымъ обѣщаніями покойной королевы. Регулированіе торговли въ то время признавалось частью королевской прерогативы и тикъ какъ парламентъ Елисаветы не закрѣпилъ своей ненависти къ монополіямъ какимъ нибудь статутомъ, то Іаковъ имѣлъ всѣ основанія утверждать, что, продолжая давать патенты, онъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ своихъ законныхъ правъ. По скольку эти монополіи увеличивали доходы, онѣ были, собственно говоря, налогами и стало быть являлись нарушеніемъ того общаго принципа, на основаніи котораго налоги могли взиматься только съ согласія парламента. Но такой принципъ не былъ еще твердо установленнымъ при воцареніи Стюартовъ и потому едвали можно осуждать Іакова за то, что онъ пользовался своей прерога-

Мотивы дарованія монополій.

тивой—хотя и можно осуждать его за то, что пользовался онъ ею неблагоразумно. Здѣсь слѣдуетъ указать различные мотивы, лежавшіе въ основаніи дарованія монополій:

1. Дарованіе монополіи рѣдко, даже никогда, не мотивировалось необходимостью увеличенія доходовъ, хотя это и было одной изъ главныхъ цѣлей, къ которымъ стремились. Почти во всѣхъ случаяхъ такой методъ полученія дохода былъ непопулярнымъ, не говоря уже о томъ, что онъ не подлежалъ контролю парламента.

2. Еще болѣе непопулярнымъ мотивомъ дарованія монополій было желаніе обогатить фаворитовъ. Фавориты часто не имѣли никакого понятія о той торговлѣ, монополія на которую даровалась имъ. Они часто пользовались своей монополіей самымъ нелѣпымъ и тягостнымъ для общества образомъ и несомнѣнно, что эта сторона монополій въ особенности возбуждала къ нимъ враждебное отношеніе.

3. Стремленіе контролировать производство военныхъ матеріаловъ объясняетъ монополіи на производство пороха, селитры и артилерійскихъ орудій; стремленіе накопить драгоцѣнные металлы отчасти, вѣроятно, объясняетъ попытки Іакова удержать въ своихъ рукахъ монополію производства золотой и серебряной канители. Въ этихъ случаяхъ монополія основывалась на ошибочныхъ экономическихъ взглядахъ.

4. Желаніе вознаградить изобрѣтателей и поощрить введеніе новыхъ производствъ были главными мотивами нѣкоторыхъ монополій; эти цѣли были по крайней мѣрѣ разумными. Мы должны признать, что разумно давать патенты изобрѣтателямъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, разумно поощрять людей дѣлать дорогіе промышленные опыты посредствомъ дарованія временныхъ монополій. Напримѣръ, мы видѣли, что развитіе желѣзоплавильной промышленности вело къ уничтоженію лѣсовъ въ началѣ семнадцатаго вѣка, такъ какъ эта промышленность истребляла много древеснаго угля. Нѣкто Стуртевантъ рѣшился для плавки употреблять каменный уголь и въ 1612 году онъ получилъ патентъ, но не смотря на монополію, дѣло оказалось невыгоднымъ. Лордъ Дудлей попробовалъ другой способъ и тоже получилъ патентъ; на этотъ разъ опытъ оказался довольно удачнымъ. Очевидно, что такіе опыты были выгодны для націи, потому что ни одинъ изобрѣтатель не захотѣлъ бы нести расходовъ и подвергаться риску, еслибы не могъ надѣяться получить хоть временную монополію.

5. Нѣкоторые патенты давались ради ограниченія или регулированія торговли, считавшейся опасной для общественной нравственности и общественнаго порядка. Наиболѣе интереснымъ случаемъ были патенты на содержаніе гостинницъ (1617). На основаніи этого патента Момпесонъ и еще два лица были назначены комиссарами съ полномочіемъ выдавать разрѣшенія на содержаніе гостиницъ или отказывать въ нихъ. Тутъ основывались на томъ положеніи, что

слѣдуетъ въ интересахъ общества установить надзоръ и ограниченія и что казначейство должно имѣть доходъ съ такихъ разрѣшеній. На самомъ дѣлѣ большая часть денегъ попадала въ карманы комиссаровъ и надзоръ былъ простымъ средствомъ для вымогательства. Содержатели публичныхъ домовъ безъ труда получали разрѣшенія, а почтенные люди не могли заниматься содержаніемъ гостиницъ, если не удовлетворяли требованіямъ комиссаровъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ принципъ тотъ же, какой примѣняется и въ настоящее время въ Англіи. Злоупотребленія происходили отъ способа выдачи разрѣшеній, деньги вынимались изъ общественнаго кошелька.

Уничтоженіе монополій. Исключенія.

Изъ вышеприведеннаго очевидно, что на систему монополій нельзя смотрѣть только какъ на средство собиранія денегъ безъ разрѣшенія парламента, или какъ на средство обогащенія фаворитовъ или какъ на систему, основанную на ложныхъ взглядахъ на экономическіе явленія и законы. Въ монополіяхъ было все это; но было и нѣчто другое: онѣ были предупредительнымъ средствомъ противъ дѣйствительныхъ или предпологаемыхъ опасностей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезными, какъ средство для поощренія дѣловой предпріимчивости и изобрѣтеній. Но англійское общество того времени не дѣлало такихъ различій; общее негодованіе противъ всѣхъ монополій заставило Елисавету дать обѣщаніе, что всѣ онѣ будутъ уничтожены. Затрудненія и неудобства такого полнаго уничтоженія монополій повели къ сохраненію ихъ всѣхъ. Потомъ при Іаковѣ система развилась вслѣдствіе финансовыхъ нуждъ, вслѣдствіе фаворитизма и вслѣдствіе особой вѣры въ королевскую мудрость и въ способность правительства разумно руководить торговлей; тогда негодованіе противъ монополій снова увеличилось. Парламентъ 1614 года, хотя и не провелъ статута, вынудилъ у короля новое обѣщаніе уничтожить монополіи; но это обѣщаніе исполнено не было и дарованы были новыя монополія; при новомъ созывѣ парламента въ 1621 году непопулярность монополій дѣлало нападеніе на нихъ удобнымъ средствомъ выраженія общей враждебности къ правительству. Момпесонъ убѣдалъ изъ Англіи, нѣкоторые изъ получившихъ патенты были преданы суду и наказаны. Но только при парламентѣ 1624 года монополіи были уничтожены, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ: 1) новыхъ изобрѣтеній, на которыя могли выдаваться монополіи на четырнадцать лѣтъ, 2) хартій торговыхъ кампаній; 3) нѣкоторыхъ муниципальныхъ привилегій и 4) нѣкоторыхъ спеціальныхъ производствъ, вродѣ производства стекла и пороха. На основаніи этого акта легальное положеніе монополистовъ совершенно измѣнилось. Патенты Елисаветы и Іакова были вредными, но они не были незаконными. Патенты Карла были менѣе вредными сами по себѣ, но они очевидно были неконституціонными средствами собиранія денегъ — гораздо

болѣе незаконными, чѣмъ корабельная пошлина или пошлины съ вѣса и съ тонны, собираемыя безъ согласія парламента.

Увеличеніе населенія и народнаго богатства.

Вообще говоря, періодъ царствованія первыхъ Стюартовъ былъ періодомъ непрерывнаго роста матеріальнаго благосостоянія Англіи. Населеніе сильно увеличилось въ царствованіе Елисаветы, частію вслѣдствіе прибытія массъ иностранцевъ, частію вслѣдствіе созданія и развитія новыхъ промышленностей. При Іаковѣ въ Англіи и Валиссѣ было около пяти милліоновъ населенія. Несмотря на неудачи нѣкоторыхъ торговыхъ кампаній, иностранная торговля непрерывно увеличивалась. Ввозъ и вывозъ въ 1613 году доходилъ до 4,628,586 фунтовъ, а въ 1622 году возросъ до 4,939,751 фунтовъ. Домашняя промышленность тоже развилась, хотя пріостановка повышенія цѣнъ въ царствованіе Карла и уменьшила барыши, она вѣроятно принесла пользу рабочимъ классамъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи (1640—1740) заработная плата увеличилась. Іаковъ по крайней мѣрѣ удвоилъ количество денежныхъ знаковъ; сравнительно небольшое повышеніе цѣнъ объясняется только значительнымъ увеличеніемъ спроса на деньги, что обусловливалось ростомъ населенія, и еще большимъ увеличеніемъ производства. Уменьшеніе легальной величины процента съ десяти на восемь указываетъ, что предложеніе капиталовъ увеличивалось даже быстрѣе спроса на нихъ. Несомнѣнно, что законодатели до нѣкоторой степени руководились въ этомъ вопросѣ ошибочными идеями о нравственности и полезности, но невѣроятно, чтобы установленный закономъ размѣръ процентовъ значительно отличался отъ того, который установили бы условія спроса и предложенія безъ всякаго вмѣшательства законодательства.

Распредѣленіе богатства.

Произошли значительныя и любопытныя измѣненія въ распредѣленіи богатства между отдѣльными графствами. Если мы сравнимъ распредѣленіе корабельнаго сбора въ 1636 году съ тѣмъ, которое произведено комиссарами Генриха VII въ 1503 году, мы найдемъ, что Миддльэссексъ раньше былъ только вдвое богаче второго по списку графства Оксфордъ, пропорціонально пространству земель, а въ 1636 году Миддльэссексъ былъ уже богаче второго по списку графства Гертфордшира въ одинадцать разъ. Это, конечно, указываетъ на быстрое развитіе Лондона, не только абсолютное, но и относительно другихъ частей страны. Правда, въ 1503 году Лондонъ еще не оправился отъ большого пожара, но это обстоятельство не можетъ объяснить сравнительно незначительнаго его роста въ теченіе лѣтъ, прошедшихъ отъ пожара до распредѣленія 1503 года. Послѣ роста Лондона наиболѣе замѣчательнымъ было развитіе графствъ къ сѣверу отъ Темзы. Гертфордширъ съ четырнадцатаго мѣста перешелъ на второе. Съ другой стороны Норфолькъ, занимавшій при Генрихѣ VII третье мѣсто, при Карлѣ занимаетъ только двадцать пятое. Онъ фактически утратилъ свою прежнюю монополію произ-

водства суконъ. Сѣверныя графства въ оба сравниваемые періода были самыми бѣдными. За исключеніамъ Кумберланда, Ланкаширъ въ 1636 году по богатству относительно его пространства стоитъ послѣднимъ въ спискѣ.

Пауперизмъ.

Гевинса.

До сихъ поръ исторія законовъ о бѣдныхъ была отчетомъ о последовательныхъ попыткахъ парламента бороться съ бѣдностью посредствомъ законодательныхъ мѣръ; конечнымъ результатомъ этихъ попытокъ былъ актъ 1597 года, съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями подтвержденный актомъ 1601 года. Актъ этого года, «старый законъ о бѣдныхъ» Елисаветы, не былъ отмѣненъ и позже, и теперь еще онъ составляетъ основаніе английской системы помощи бѣднымъ. Потому при воцареніи Іакова мы вступаемъ въ новый періодъ исторіи пауперизма. Въ теченіе долгаго времени значительныхъ измѣненій въ законодательствѣ не было. Но способы его истолкованія и методы приведенія его въ исполненіе имѣли замѣтное вліяніе на общественное развитіе Англіи. Законъ о бѣдныхъ въ это время былъ частью законодательной системы, вліявшей въ большей или меньшей степени на всѣ классы общества, на всѣ экономическіе интересы. Имѣя дѣло съ пауперизмомъ, правительство искало средствъ противъ него не въ одномъ законѣ о бѣдныхъ, а въ приведеніи въ исполненіе многочисленныхъ статутовъ о регулированіи торговли и промышленности, цѣнъ и заработной платы, Въ то время не было еще того недовѣрія къ правительственному вмѣшательству, которое характеризуетъ девятнадцатое столѣтіе. «Законные интересы» не были еще столь всеохватывающими, какъ теперь; къ нимъ относились далеко не съ той пощадой, какая требуется теперь, какъ нѣчто принадлежащее имъ по праву. Въ семнадцатомъ вѣкѣ мировые судьи иногда могли закрыть, напримѣръ, всѣ пивныя въ округѣ, подлежащемъ ихъ юрисдикціи.

Положеніе бѣдныхъ.

Въ теченіе описываемаго періода, особенно въ 1622—23 и 1630—31 годахъ, было много нищеты не только среди бѣднѣйшихъ классовъ, но и среди мастеровыхъ и рабочихъ, которые въ хорошія времена стояли значительно выше уровня бѣдныхъ классовъ. Трудно сказать, было ли положеніе народа вообще лучше или хуже по сравненію съ послѣдней половиной шестнадцатаго вѣка. Но продолжавшееся повышеніе цѣнъ, торговые кризисы, выдержанные страной,

и частые неурожаи породили широко распространенную нищету. Даже ремесленники, имѣвшіе постоянное занятіе, не могли удержать за собой достигнутаго ими раньше уровня благосостоянія. Въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона «большое количество людей жило вмѣстѣ въ одной маленькой комнатѣ, скопившись въ тѣснотѣ и чуть не задыхаясь; они должны были жить нищенствомъ и еще худшими средствами» [1]). Комиссія построекъ (Commissioners for Buildings) постоянно принимала мѣры противъ раздѣленія небольшихъ квартиръ и противъ тѣсноты жилищъ [2]). Питаніе бѣдныхъ, кажется, было не лучше ихъ помѣщеній. При неурожаяхъ, такъ часто повторявшихся, ихъ обычнымъ хлѣбомъ былъ ячмень [3]). Принимались мѣры, чтобы доставлять имъ горохъ и бобы, но это было трудно, такъ какъ «зажиточные люди хотѣли кормить горохомъ овецъ и свиней» [4]). Въ одной современной балладѣ расказывается, какъ бѣднякъ въ Эссексѣ отправляется въ лѣсъ собирать желуди, чтобы изжарить ихъ для своихъ дѣтей. Тамъ ему представляется, что онъ видитъ дьявола, который даетъ ему кошелекъ, полный золотомъ; но по возвращеніи домой онъ находитъ вмѣсто золота дубовые листья. Онъ сходитъ съ ума и убиваетъ себя [5]). Разсказываютъ, что нищета заставляла бѣдняковъ ломать изгороди на топливо, «потому что, говорятъ бѣдняки, хоть у нихъ и нѣтъ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ они дороги и ихъ нельзя добыть честнымъ трудомъ, то по крайней мѣрѣ они не желаютъ погибать отъ недостатка топлива, пока его еще можно добыть» [6]).

Общераспространенная бѣдность и бродяжество и снисходительность и бездѣятельность мировыхъ судей и мѣстныхъ властей постепенно вызывали сильно централизованное управленіе на основѣ закона о бѣдныхъ и другихъ статутовъ. Въ 1605 году мировымъ судьямъ было предписано имѣть собранія въ промежутки между обыкновенными сессіями и наблюдать за исполненіемъ статута о рабочихъ, статутовъ о пивныхъ и пьяницахъ, постановленій о хлѣбѣ и пивѣ, за принужденіемъ бѣдныхъ къ работѣ и за отдачей ихъ сыновей въ ученики [7]). Въ 1614 году Лондонскій лордъ мэръ принялъ энергическія мѣры для исправленія найденныхъ имъ безпорядковъ въ Сити. Онъ очистилъ улицы отъ скопленія бездѣльныхъ бродягъ, далъ по-

---

1) Указъ Елисаветы 1602 г.

2) „Remembrancia of City of London".

3) „Calendar of Domestic State Papers" (1622—23).

4) Ib.

5) „Новая баллада о великой нищетѣ бѣдняковъ въ Эссексѣ и о странныхъ продѣлкахъ дьявола, На голосъ: Rich Merchantman".

6) „New directions of experience by the authour for planting of timber and firewood", 1615 г.

7) „Quarter Sessions"—Гамильтона.

мощь тѣмъ, которые не могли работать и отдалъ способныхъ къ труду на работы въ Бридуэлль, «не для наказанія ихъ за нищенство, а чтобы заставить ихъ работать, что для нихъ было хуже смерти». Онъ дѣйствовалъ сурово по отношенію къ веселымъ домамъ, «этимъ притонамъ гнусности» и къ пивоварнямъ, гдѣ «тратилось много хлѣба на варку крѣпкаго пива и гдѣ многіе теряли все свое время и всѣ свои средства, отравляясь этимъ сладкимъ ядомъ». Онъ осмотрѣлъ всѣ съѣстныя лавки и пивныя и нашелъ ихъ больше тысячи и въ нихъ не меньше 40,000 боченковъ пива; онъ уменьшилъ ихъ количество и ограничилъ количество пива, которое они могли держать. Подобнымъ же ограниченіямъ подверглись и пекаря [1]). Изъ пожалованія Эдуарда Гранта, гражданина и купца, Роберта Мура и двухъ другихъ въ 1613 году видно, что въ то время существовала должность надзирателя (Surveyor) въ Лондонѣ и въ Вестминстерѣ для наказанія бродягъ. Лондонъ и Вестминстеръ были раздѣлены на четыре округа—сѣверный, южный, восточный и западный—каждый изъ нихъ былъ порученъ надзору вышеупомянутыхъ лицъ; у каждаго изъ нихъ была особая канцелярія для веденія списковъ бродягъ и бѣдныхъ. Были назначены полицейскіе инспектора (provost—marshals) для наказанія небрежныхъ констэблей и другихъ низшихъ полицейскихъ. Во всѣхъ харчевняхъ, гостиницахъ и другихъ подозрительныхъ мѣстахъ дѣлались тайные и внезапные обыски [2]). Въ первый годъ эта мѣра имѣла удовлетворительные результаты, но въ 1616 году, благодаря, повидимому, тому обстоятельству, что мѣру считали временной, не назначали уже полицейскихъ инспекторовъ и Совѣтъ распорядился, чтобы эту оплошность исправили. Приказы Совѣта о точномъ исполненіи этихъ законовъ были снова изданы въ 1617 году и подтверждены въ 1621 [3]). Слѣдуетъ отмѣтить также рѣшеніе, принятое въ 1618 году ссылать «разныхъ бездѣльныхъ молодыхъ людей» въ Виргинію, гдѣ ихъ можно заставить работать [4]). Но временныя мѣры и случайные приказы Совѣта, повидимому, не могли заставить мѣстныхъ властей исполнять ихъ обязанности и въ 1621 году было рѣшено прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ и постояннымъ мѣрамъ для надлежащаго исполненія закона. Были назначены комиссары съ обширными полномочіями для понужденія лѣнивыхъ и небрежныхъ чиновниковъ. Въ данной имъ инструкціи [5]). говорится, что неисполненіе закона о бѣдныхъ происходитъ исключительно отъ пренебреженія къ долгу нѣкоторыхъ изъ мировыхъ

---

1) „Remembrancia“.
2) Ib.
3) Mss. Таннера. (Bodleian Library).
4) „Remembrancia“.
5) Mss. Таннера.

судей и другихъ чиновниковъ, потому что для нихъ не существуетъ никакихъ наказаній или эти наказанія слишкомъ ничтожны. «Чиновники держатъ въ страхѣ подвластныхъ имъ и потому на нихъ не приносятъ жалобъ и не дѣлаютъ доносовъ». Комиссары обязываются «наблюдать за исполненіемъ всѣхъ дѣйствующихъ законовъ и статутовъ, кои какимъ либо образомъ касаются помощи неспособнымъ къ работѣ бѣднымъ, обязательной отдачи въ ученики, принужденія къ работѣ дѣтей бѣдныхъ и всѣхъ тѣхъ бѣдняковъ, которые, будучи способны къ работѣ, не имѣютъ средствъ и орудій для работы, насильственнаго принужденія работать такихъ лѣнивыхъ и бездѣльныхъ, которые, будучи способны и здоровы, отказываются отъ работы, содержанія, управленія и благоустроенія исправительныхъ домовъ, госпиталей и иныхъ мѣстъ для помощи бѣднымъ. Комиссары обязаны исправлять злоупотребленія въ распоряженіи землями, имуществами и денежными капиталами, назначенными на благотворительныя цѣли и пользоваться всѣми дѣйствующими законами для уничтоженія пьянства». Они должны время отъ времени давать приказы и указанія и принимать «всѣ другія подлежащія и законныя средства для исполненія статутовъ». Эта коммиссія послужила образцомъ для болѣе извѣстной коммиссіи 1731 года, когда всеобщее обнищаніе особенно ярко выдвинуло уже и раньше замѣчаемыя злоупотребленія. Были изданы приказы о помощи бѣднымъ и объ исполненіи другихъ статутовъ и приняты были обдуманныя мѣры для достиженія цѣлей коммиссіи. Мировые судьи должны были давать ежемѣсячно отчетъ шерифамъ, шерифы окружнымъ судьямъ, а эти послѣдніе комиссарамъ. Отчеты судей доказываютъ, что эти усилія правительства реформировать администрацію были, повидимому, не безуспѣшны [1]).

Сборы для бѣдныхъ.

Въ теченіе семи лѣтъ до 1621 года для бѣдныхъ въ нѣкоторыхъ приходахъ, особенно въ городахъ, не дѣлалось сборовъ [2]). «Небрежность уничтожала это славное дѣло», т. е., законъ о бѣдныхъ. Но прекращеніе сборовъ не всегда обусловливалось равнодушіемъ и небрежностью отвѣтственныхъ властей. Въ нѣкоторыхъ округахъ эти сборы были непопулярными и были даже поводомъ бунтовъ [3]). Усиленные сборы на помощь бѣднымъ въ городахъ вслѣдствіе переселенія въ нихъ пауперовъ изъ сельскихъ округовъ, гдѣ не соблюдались предписанія статутовъ, повело къ внесенію билля въ палату общинъ объ обязательныхъ сборахъ въ 1621 году [4]). Происходили

---

[1]) „Remembrancia". „Calendar of Domestic State Papers" (1631, 1640). Въ государственныхъ документахъ множество отчетовъ мировыхъ судей. Относительно отчетовъ іоркширскихъ судей см. „Chapters of Iorkshire History"—Картрайта.

[2]) „Greevous Grones for the Poor" (1621).

[3]) „Calendar of State Papers" (1620).

[4]) „Commons Journals", v.

затрудненія вслѣдствіе различія отдѣльныхъ сборовъ на разныя цѣли. Кромѣ сборовъ на помощь неспособнымъ къ труду, бывали сборы для покупки матеріаловъ, сборы на исправительные дома; нѣкоторые же изъ мѣстныхъ властей для раздачи бѣднымъ работы ограничивались добровольными взносами, и, повидимому, не безъ результатовъ [1]). Церковные попечители и сборщики прихода св. Суитина въ Лондонѣ получили въ 1624 году отъ лорда мэра приказаніе сдѣлать сборъ, равный половинѣ годичнаго сбора на бѣдныхъ для покупки матеріаловъ, чтобы заставить бездѣльныхъ и бродягъ работать въ Бридуэльскомъ госпиталѣ; съ жителей Суатварка собрали деньги на жалованье вышеупомянутыхъ полицейскихъ инспекторовъ. Существовали, кажется, нѣкоторыя недоразумѣнія относительно термина «обыватель» и относительно способа раскладки сборовъ. Были случаи сопротивленія сборамъ съ земель и имуществъ [3]) и въ 1619 году на рѣшеніе судей былъ отданъ вопросъ: «имѣютъ ли право церковные попечители и надсмотрщики дѣлать сборы съ обывателей прихода по всѣмъ ихъ землямъ и имуществамъ, вмѣстѣ взятымъ, а съ фермеровъ съ акра ихъ земли» [4]). Сэръ Робертъ Гоугтонъ и сэръ Ранульфъ Карью высказались въ пользу такого способа взиманія сборовъ. Вопросъ, наконецъ, былъ рѣшенъ въ Линкольнскихъ ассизахъ въ 1634 году относительно Бостона въ томъ смыслѣ, что «церковные попечители и надсмотрщики должны надлежащимъ образомъ производить обложеніе и раскладку, соотвѣтственно видимаго имущества, реальнаго и личнаго, обывателей въ предѣлахъ ихъ города, а также облагать и раскладывать на занимающихъ земли только въ ихъ городѣ, а не на отдающихъ земли въ аренду» [5]).

Принудительные запасы хлѣба.

Ничто такъ ясно не доказываетъ существованія въ семнадцатомъ вѣкѣ средневѣковыхъ понятій объ общественной экономіи, какъ частое вмѣшательство въ дѣла торговли въ интересахъ бѣдныхъ. Лучшій примѣръ подобнаго вмѣшательства--это принудительныя запасы зерноваго хлѣба и другихъ продуктовъ. Мѣстныя власти были обязаны дѣлать хлѣбные запасы въ урожайные годы и продавать ихъ по уменьшеннымъ цѣнамъ при голодовкахъ. Такъ, напр., въ 1620 году линкольнширскимъ судьямъ было предписано устроить такіе магазины [6]); лейчестерскіе судьи на подобное же требованіе отвѣчали, что это излишне, такъ какъ графство не вывозитъ зерноваго хлѣба и производитъ главнымъ образомъ горохъ и ячмень,

---

[1]) Annals of Ipswiche, Бэкона. „Calendar of State Papers". (1620—23).
[2]) „Calendar of Domestic State Papers" (1624).
[3]) Ib. (1620).
[4]) Ib.
[5]) Bulstrode's Reports. „On the Poor Laws"—Ботта.
[6]) „Belvoir Mss.« (Hist Mss. Comm), т. I.

а долго хранить ихъ невозможно [1]). Компаніи въ Сити имѣли большіе амбары для храненія хлѣба для того, чтобы регулировать цѣны въ годы неурожая. Такъ въ 1613 году имъ было предписано сдѣлать запасы пшеницы въ надлежащей пропорціи, пшеница должна быть куплена за границей. Въ 1619 году Совѣтъ жаловался, что въ послѣднее время оставили похвальный обычай содержать магазины въ 20,000 четвертей пшеницы и требовалъ быстрой и дѣйствительной поставки хлѣба въ обычныхъ для отдѣльныхъ компаній пропорціяхъ. Въ 1629 году лордъ мэръ утверждалъ, что компаніи дѣйствительно понизили цѣны, что у нихъ въ запасѣ имѣется еще 1500 четвертей и что онѣ приняли мѣры для полученія изъ отдаленныхъ мѣстъ еще 10,000 четвертей. Въ 1632 году Совѣтъ приказалъ наказывать «для примѣра по заслугамъ компаніи, которыя не составляли запасовъ хлѣба» и нѣкоторыхъ изъ старостъ компаній отправили въ Ньюгэтъ [2]).

Какое вліяніе имѣла такая система въ неурожайные годы, это видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ октябрѣ 1622 года мировымъ судьямъ всѣхъ графствъ Англіи и Валиса былъ посланъ приказъ Совѣта, чтобы они ради пониженія цѣнъ на хлѣбъ посредствомъ замѣны его ячменемъ, закрыли всѣ пивныя, кромѣ необходимыхъ для удобства народа, и заботились о томъ, чтобы въ разрѣшенныхъ пивоварняхъ пиво и эль варились только умѣренной крѣпости. Фермеры должны снабжать рынокъ хлѣбомъ въ достаточномъ количествѣ [3]) и продавать четверть своего зерна бѣднымъ по пониженнымъ цѣнамъ [4]). Конечно, слухи о такихъ приказахъ подняли цѣны задолго до принятія этихъ мѣръ. Въ январѣ 1623 года мировые судьи Норфолька отказались вторично провѣрять количество имѣющагося въ запасѣ хлѣба на томъ основаніи, что уже первая произведенная ими повѣрка подняла цѣны [5]). Но обыкновенно судьи исполняли получаемые ими приказы. Въ Бюри, въ Суффолькѣ, гдѣ производилось много солода, производство солода было воспрещено на три недѣли, а потомъ разрѣшено только одинъ разъ въ недѣлю. Власти надѣялись, что это поведетъ къ большому употребленію ячменя вмѣсто хлѣба, «такъ какъ хлѣбъ не доставлялся на рынки». Они также закрыли двадцать пивныхъ, уменьшили цѣну пива и брали акцизъ со всякаго хлѣба. Но вопреки приказу, воспрещавшему мельникамъ покупать и продавать зерно, власти Бюри позволили имъ продавать бѣднымъ въ небольшомъ количествѣ, какого они не могли бы ку-

---

[1]) „Calendar of Domes. State Papers“ (1620).
[2]) „Remembrancia“.
[3]) Calendar of Domestic State Papers (1622).
[4]) Ib.
[5]) Ib.

пить на рынкѣ [1]). Судьи въ Гампширѣ приняли мѣры для принудительной поставки 500 четвертей зерна въ недѣлю; эта повинность была распредѣлена въ извѣстныхъ пропорціяхъ между отдѣльными сотнями [2]). Въ Гертфордширѣ мировые судьи «примѣромъ и убѣжденіемъ» запасли хлѣбъ въ каждомъ приходѣ и продавали бѣднымъ за полцѣны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такой хлѣбъ продавался бѣднымъ только въ теченіе первыхъ двухъ часовъ рыночнаго дня [3]). Подобныя же свѣдѣнія получались и изъ многихъ другихъ графствъ; эти мѣры принимались до тѣхъ поръ, пока не прекратилась голодовка.

Доставленіе бѣднымъ работы.

Одна часть закона о бѣдныхъ могла сокрушить энергію самыхъ ревностныхъ мировыхъ судей — это часть относительно добыванія бѣднымъ работы. Въ госпиталяхъ и исправительныхъ домахъ бродягъ часто заставляли работать. Но добываніе матеріаловъ для занятія бѣдныхъ на дому подъ надзоромъ надсмотрщиковъ или для созданія такого промысла, который доставилъ бы бѣднымъ работу, было гораздо болѣе труднымъ дѣломъ. Общество протестовало противъ сборовъ для подобныхъ цѣлей и сомнительно, чтобы дѣлались попытки дѣлать такіе сборы. Тѣмъ не менѣе попадаются случайныя указанія на доставленіе бѣднымъ работы посредствомъ выдачи имъ изъ сборовъ субсидіи. Въ восьми городахъ Гертфордшира въ теченіе двухъ лѣтъ производился подобный опытъ. Хотѣли «учредить новую суконную фабрику» для занятія въ ней бѣдныхъ; требуемый капиталъ былъ выданъ изъ сбора; но планъ неудался, «барыши не покрывали расходовъ на рабочихъ» и городскія власти жаловались, что онѣ не могутъ заставить графство уплатить издержки предпріятія, такъ какъ оно оказалось «тягостью, отъ коей народъ желаетъ освободиться» [4]). Отдача дѣтей бѣдныхъ въ ученики къ ремесленникамъ и сельскимъ хозяевамъ практиковалась часто. Въ округѣ Чичестера въ теченіе шести мѣсяцевъ въ 1639 году было отдано въ ученики двадцать шесть такихъ бѣдныхъ дѣтей. Такой обычай имѣлъ вредное вліяніе на положеніе рабочихъ классовъ.

Общественное здравіе.

Крейтона.

Чумная эпидемія.

Чумная эпидемія, никогда со времени Черной смерти 1348 года не прекращавшаяся въ Лондонѣ и въ другихъ частяхъ Англіи, ни-

1) Ib.
2) Ib.
3) Ib.
4) Calendar of Dom. St. Pap. (1620).

когда не свирѣпствовала такъ, какъ въ періодъ, предшествующій ея полному прекращенію въ 1666 году. Чума 1603 года, совпавшая по времени съ воцареніемъ Іакова и омрачившая торжество его коронованія, была наиболѣе смертоносной изъ всѣхъ, когда либо бывшихъ въ Лондонѣ—а за ней слѣдовала постоянная эпидемія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Чума 1625 года, тоже совпавшая съ воцареніемъ Карла и бывшая вмѣстѣ съ другими обстоятельствами причиной того, что его коронованіе отложено было почти на годъ, была еще болѣе роковой, чѣмъ эпидемія 1603 года, какъ по абсолютной численности смертныхъ случаевъ, такъ и по отношенію ихъ къ количеству населенія; въ нѣкоторые другіе годы этого царствованія, особенно въ 1626 году, отъ той же причины процентъ смертности былъ очень высокимъ. Едва ли хоть одинъ изъ значительныхъ городовъ, осажденныхъ или занятыхъ войсками во время гражданской войны, избѣжалъ эпидеміи; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ количество смертныхъ случаевъ считалось тысячами. Наконецъ, чума внезапно прекратила свое болѣе чѣмъ трехсотлѣтнее существованіе въ Англіи послѣ ужасной эпидеміи 1665 года въ Лондонѣ, обыкновенно называемой «большой чумой» и разсматриваемой иногда какъ нѣчто исключительное и небывалое. Чума 1665 года была больше всѣхъ предшествовавшихъ ей эпидемій, потому что Лондонъ очень увеличился; со времени воцаренія Іакова его населеніе удвоилось, такъ что абсолютная смертность въ 1665 году больше чѣмъ вдвое превышала смертность отъ чумы 1603 года. Эпидемія 1665 году знаменита отчасти также благодаря геніальности Де Фое, который въ своихъ постоянныхъ поискахъ за литературными темами воспользовался чумой 1720 года въ Марсели, чтобы написать исторію послѣдней большой лондонской эпидеміи, какъ будто онъ былъ самъ ея очевидцемъ. Настоящіе же очевидцы — это писатели 1603 и 1625 годовъ, которыхъ было почему то больше, чѣмъ въ 1665 году и которые изложили видѣнныя ими событія въ литературной формѣ, въ прозѣ или въ стихахъ. Наиболѣе достовѣрныя свидѣтельства о лондонскихъ эпидеміяхъ мы получили отъ современниковъ Шекспира и Бена Джонсона — отъ Деккера, отъ врача Лоджа, отъ Авраама Голланда и Георга Уитера, отъ поэта лодочника Тайлора и изъ писемъ того времени.

Чума 1603 года.

Эпидемія 1603 года началась въ приходѣ Степней, простиравшемся отъ Шоредитча до Блакуэлля, во время кончины Елисаветы, въ мартѣ. Если бы не скопленіе народа, вызванное воцареніемъ новаго короля, зараза не вышла бы изъ предѣловъ обычной эндемической чумы. Кончина Елисаветы на сорокъ пятомъ году ея царствованія и прибытіе изъ Шотландіи Іакова были поводомъ необыкновеннаго дѣлового и недѣлового оживленія. «Промыслы, прозябавшіе и замершіе— разсказываетъ Деккеръ въ своемъ «Замѣчательномъ годѣ»—ожили.

На всѣхъ лицахъ была видна радость, улицы были переполнены франтами, табакконисты наполняли таверны, продавцы винъ вывѣсили новыя ивовыя вѣтки надъ своими лавками, старыя ихъ замазанныя и грязныя отъ дождей окна засіяли новыми цвѣтами, такъ какъ всѣмъ теперь захотѣлось пить доброе вино». Въ это время эпидемія и начинаетъ обращать на себя вниманіе въ восточныхъ приходахъ и наконецъ захватываетъ Сити и западныя предмѣстья; 23 іюня судебныя сессіи, обыкновенно бывавшія около Троицы, отложены. Въ одномъ письмѣ отъ 10 іюля говорится, что «у Павла становится тонко, всѣ бѣгутъ оттуда» (паперти и придѣлы готическаго собора служили въ то время мѣстомъ сборищъ свѣтскихъ людей). Коронаціонный кортежъ 18 іюля вмѣсто того, чтобы двигаться отъ Тоуэра до Вестминстера, двигался только отъ вестминстерскаго моста (пристань на Темзѣ) до Аббатства. Въ то время смертныхъ случаевъ было уже почти тысяча въ недѣлю. «Погребальныя шествія, разсказываетъ Деккеръ, такъ близко слѣдовали одно за другимъ, что три тысячи провожатыхъ съ заткнутыми мятой и полынью ноздрями и ушами сливались во едино и люди походили на кабаньи головы, убранныя вѣтками розмарина».

Собирательницы травъ и садовники собирали богатую жатву; цѣна розмарина доходила отъ двѣнадцати пенсовъ за пачку до шести шиллинговъ за букетъ. Предполагали, что нѣкоторыя ароматическія травы предохраняютъ отъ зараженія; ими усыпали комнаты, церкви и другія мѣста общественныхъ собраній или носили при себѣ. Считали благоразумнымъ курить ароматическими или острыми веществами; ихъ часто носили на шеѣ, въ коробочкахъ, въ флакончикахъ, въ набалдашникахъ палокъ, которые часто подносили къ носу—палка врача съ золотымъ набалдашникомъ, который былъ флакончикомъ, представляетъ остатокъ этого обычая.

Сначала погребали, какъ обыкновенно, на кладбищахъ приходскихъ церквей, что очень обогащало могильщиковъ, особенно въ Криппльгэтѣ, у св. Гроба, у св. Олава, у св. Климента датскаго. Но вскорѣ погребеній было черезъ чуръ много. Въ то время хоронили обыкновенно отъ шести часовъ утра до шести вечера для того, чтобы въ потемкахъ не хоронили тайкомъ и не скрывали существованіе въ домѣ чумы. При наступленіи утра оказывалось, что труповъ приходилось по нѣскольку на одну могилу. Тогда, «всякій церемоніалъ былъ устраненъ, ихъ валили по десятку, по два въ одну кучу, франтовъ и нищихъ вмѣстѣ; мужъ видѣлъ, что его жену зарываютъ вмѣстѣ съ его смертельнымъ ненавистнымъ врагомъ». Жертвы эпидеміи были чаще всего изъ тѣсныхъ переулковъ «грѣшныхъ, испорченныхъ предмѣстій», изъ все шире разраставшихся окраинъ Сити, ростъ которыхъ не могла остановить прокламація 1580 года; лондонскіе переулки, говоритъ одинъ стихоплетъ,

„изрыгаютъ своихъ непереваренныхъ мертвыхъ,
„И ихъ на навозныхъ телѣгахъ везутъ къ могилѣ;
Потому что всѣ эти переулки обожрались людьми“,

Джемсъ Бамфордъ, священникъ церкви св. Олава, находитъ, что зараза особенно свирѣпствовала «среди людей, не особенно соблюдавшихъ чистоту и гдѣ много скопляются въ улицахъ и домахъ, потому мы и видимъ, что тѣ, которые хорошо питаются, имѣютъ хорошее и чистое содержаніе, живутъ въ хорошемъ воздухѣ, употребляютъ разумно и своевременно предохранительныя мѣры и не скапливаются въ одномъ домѣ или имѣютъ отдѣльныя и удобныя квартиры заражаются сравнительно меньше тѣхъ, которые не имѣютъ всѣхъ этихъ предохранительныхъ средствъ и подвергаются всѣмъ опасностямъ».

Послѣднихъ было не мало въ приходѣ Бамфорда, состоявшемъ изъ улицъ по берегу рѣки и по береговой сторонѣ улицы св. Олава на разстояніи полумили отъ лондонскаго моста до Горселидоуна; отъ 7 мая до 13 октября въ этомъ приходѣ отъ чумы умерло 2640 человѣкъ; самая большая смертность въ недѣлю была 305, а въ день пятьдесятъ семь.

Священникъ прихода св. Олава былъ однимъ изъ немногихъ приходскихъ священниковъ, оставшихся во время чумы съ своими прихожанами. Чиновники тоже разбѣжались, такъ что грабежи и беззаконія всякаго рода оставались безнаказанными. Бамфордъ не извиняетъ бѣгства священниковъ и чиновниковъ; но онъ не понималъ, что медики не имѣютъ оправданія въ томъ, что они бѣжали въ деревни, такъ какъ «они не общественные люди и живутъ не жалованьемъ, а тѣмъ, что заработаютъ». Ихъ замѣнила кучка бандитовъ, прибивавшихъ свои счета къ дверямъ паціентовъ. Деккеръ даетъ отчетъ о недѣйствительности разныхъ лекарствъ при чумѣ. Они продавались теперь на всякомъ углу, такъ что всѣ улицы были похожи на Буклерсбюри; но «они не болѣе были полезны для заболѣвшихъ, чѣмъ горшокъ эля съ мускатнымъ орѣховъ. Галенъ былъ столько же безсиленъ, какъ сэръ Жильсъ Простофиля — (Goosecap)». Однимъ изъ врачей, остававшимся на своемъ почетномъ посту въ Варвикъ Лэнъ и издавшимъ книгу о чумѣ, былъ Томасъ Лоджъ, извѣстный поэтъ и романистъ.

Богатые горожане, бѣжавшіе въ деревни, пока еще были кареты и дилижансы въ Смитфильдѣ или перевозчики на рѣкѣ, были очень холодно приняты въ деревняхъ и городахъ; «видъ плоской шапки лондонца былъ страшенъ для мужиковъ, тройныя брыжжи приводили въ трепетъ цѣлыя деревни». И не безъ причины, потому что изъ регистровъ почти всѣхъ деревень или сельскихъ приходовъ вокругъ Лондона видно, что смертность отъ чумы въ 1603 году была даже больше, чѣмъ въ 1665. Во время чумы 1625 года лондонцамъ въ

деревняхъ отказывали въ пристанищѣ. Донне разсказываетъ, что «многіе погибли такіе, у которыхъ съ собой было денегъ больше, чѣмъ нужно для того, чтобы купить всю деревню, гдѣ они умерли».

Только къ концу ноября смертность уменьшилась до ста въ недѣлю. Эпидемія унесла въ Лондонѣ шестую часть населенія; въ реестрахъ (не вполнѣ, впрочемъ, полныхъ) смертей отъ чумы считается 33,347, а всѣхъ смертей въ теченіе всего года 42,945. Но даже такой большой ущербъ населенія скоро заполнился притокомъ изъ деревень и изъ заграницы; въ 1605 году, на второй годъ послѣ чумы, число крещеній было 6504—высшая цифра, какой оно достигало до тѣхъ поръ.

Къ концу чумы 1603 года король Іаковъ далъ разрѣшеніе открыть театры, «Куртину» и «Кабанью голову» тотчасъ же, какъ чума уменьшится въ Лондонѣ до тридцати смертей въ недѣлю. Это произошло только «къ Рождеству. Чума мѣшала всѣмъ дѣламъ, но всего труднѣе пришлось бѣднымъ актерамъ». Считалось аксіомой, что скопленіе народа въ театрахъ, на медвѣжьихъ, собачьихъ бояхъ и другихъ зрѣлищахъ было однимъ изъ главныхъ средствъ распространенія заразы. Представленія были запрещены и при эпидеміи 1563 года. Въ проповѣди, сказанной 8 ноября 1577 года въ церкви св. Креста и св. Павла на текстъ: «горе сему ужасному, грязному и жестокому городу», проповѣдникъ кричалъ противъ тогдашнихъ театровъ: «взгляните на эти роскошные театры, на этотъ памятникъ расточительности и безумія Лондона. Счастье, что они теперь закрыты по причинѣ чумы». Время энергической дѣятельности Шекспира, когда онъ писалъ свои историческія трагедіи и свои комедіи, совпадаетъ съ замѣчательнымъ ослабленіемъ чумной эпидеміи въ Лондонѣ отъ 1594 до 1603 года. Въ 1604 году, послѣ прекращенія эпидеміи, его имя встрѣчается въ патентѣ на открытіе театра «Глобъ»: Но въ концѣ 1606 года эпидемія возобновилась и появлялась постоянно, по крайней мѣрѣ лѣтомъ и осенью, въ слѣдующія пять лѣтъ. Деккеръ, писавшій о чумѣ 1606 года, говоритъ, что театры стояли пустые, съ запертыми дверями и спущенными флагами. Въ началѣ зимы 1607 года смертность отъ чумы понизилась до предѣльнаго числа тридцати въ недѣлю и было разрѣшено открыть театры, такъ что «бѣдные актеры» имѣли чѣмъ жить. Періодъ отъ 1603 по 1610 года изъ всего времени дѣятельности Шекспира былъ наиболѣе чумнымъ, что мѣшало сценической дѣятельности. Представленія давались при дворѣ или въ домахъ знатныхъ лицъ, но рѣдко, за исключеніемъ зимы, въ театрахъ для публики. Можетъ быть, это было одной изъ причинъ преждевременнаго прекращенія дѣятельности великаго драматурга въ Лондонѣ, а также и замѣтнаго различія въ тонѣ его послѣднихъ и его первыхъ произведеній. Отъ 1610 до 1625 года снова наступилъ продолжительный свободный

отъ эпидеміи періодъ и онъ соотвѣтствуетъ періоду оживленія и быстраго роста Лондона; но кажется, что живая связь Шекспира съ лондонской сценой уже не возстановилась.

Чума 1625 года. Большая лондонскаа чума 1625 года, поднявшая число смертныхъ случаевъ до громадной цифры 63,000, причемъ смертей отъ чумы было 41,313, была совершенно похожа на чуму 1603 года—тоже бѣгство богатыхъ людей, тотъ же негостепріимный пріемъ ихъ въ деревняхъ, таже абсолютная пріостановка торговли и дѣлъ въ Лондонѣ, тѣже улицы, пустынныя въ полдень, какъ въ обыкновенное время онѣ бывали въ полночь, тѣже беззаконія, совершаемыя голоднымъ народомъ, тѣже погребенія въ общихъ могилахъ, когда зараза достигла высшаго развитія и когда въ нѣкоторые августовскіе дни смертность доходила до тысячи. Чума была преобладающей эпидеміей, и ея признаки и слѣдствія были столь однообразны, что ея исторія тоже не разнообразна; но она не была единственной эпидеміей, отличавшей тѣ времена отъ теперешнихъ. Въ 1622-24 годахъ свирѣпствовали формы тифозныхъ лихорадокъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непохожихъ на тифъ позднѣйшаго времени. Въ Шотландіи худшимъ временемъ была зима 1622-23 года; очевидной причиной эпидеміи былъ голодъ, который можно сравнить только съ однимъ изъ средневѣковыхъ. Но изъ таблицъ Торольда Рожерса не видно, чтобы худшіе годы въ Англіи 1623 и 1624 были годами голодныхъ цѣнъ; изъ писемъ того времени явствуетъ, что въ то время не замѣчали такой, кажется, очевидной причины эпидеміи. Лѣто 1624 года было очень жаркимъ и сухимъ и отличалось замѣчательнымъ урожаемъ огурцовъ въ Лондонѣ и близь него, потому полагали, что въ эпидеміи какимъ нибудь образомъ виновны огурцы, такъ какъ поливали ихъ водой непроточныхъ и полувысохшихъ прудовъ. Но такая причина, говорится въ одномъ изъ писемъ того времени, могла бы имѣть мѣсто только въ этомъ городѣ, тогда какъ эпидемія распространилась повсемѣстно и во многихъ мѣстахъ захватила всѣхъ обитателей домовъ. Эпидемія унесла много почетныхъ лицъ также, какъ и «низкаго народа»; смерть посѣщала и сельскіе дома знати и сквайровъ. Теодоръ Майернъ, медикъ короля, полагалъ, что эпидемія не столько заразительная, сколько общая вслѣдствіе общей предрасполагающей причины—тоже, что мы полагаемъ относительно инфлюенцы. Это была пятнистая лихорадка, сопутствуемая безсонницей и въ большинствѣ случаевъ смертельная. По своему типу и симптомамъ, повидимому, она близко подходила къ извѣстной «венгерской лихорадкѣ», частой въ шестнадцатомъ и въ части семнадцатаго столѣтій

Другой эпидеміей, необычайно свирѣпствовавшей въ царствованіе двухъ первыхъ Стюартовъ, была оспа. Подобно лихорадкѣ 1623-24 годовъ она унесла много жертвъ изъ знатныхъ домовъ, взрослыхъ

также, какъ и дѣтей. О ней слышно и въ періодъ Тюдоровъ, но очевидно, что въ то время ее не считали опасной и настолько смѣшивали съ корью, что латинское названіе оспы, variolae, передается въ словарѣ времени Елисаветы Левинса, который самъ былъ медикъ, словомъ корь, measles. Въ регистрѣ прихода Троицы въ Честерѣ на поляхъ противъ 1634 года помѣчено, что въ эти два или три года много дѣтей умерло отъ оспы—какъ будто это было новостью. Имѣются и другія свидѣтельства, какъ будто доказывающія, что во многихъ изъ сельскихъ приходовъ объ оспѣ не было извѣстно до средины семнадцатаго вѣка и что она, какъ говоритъ Уиллисъ, была рѣдко эпидемической болѣзнью. Въ Лондонѣ она, кажется, становится опасной только въ царствованія Іакова и Карла. Лордъ Дорчестеръ въ письмѣ къ графу Карлилю отъ 30 августа 1628 года называетъ ее «популярной болѣзнью»: «ваша лэди страдаетъ популярной болѣзнью, но какъ я слышалъ отъ доктора, безъ опасности для жизни и красоты». Лѣтомъ этаго года въ Лондонѣ число смертей отъ оспы доходило въ недѣлю до пятидесяти восьми. Она безпокоила и богатыхъ и бѣдныхъ, и въ особенности женщинъ, опасавшихся утратить красоту лица.

Общественная жизнь

Батесона.

Общественная исторія первой половины семнадцатаго вѣка также, какъ и политическая и религіозная исторія, есть исторія сорокалѣтняго приготовленія къ гражданской войнѣ. Въ жизни зажиточныхъ классовъ въ царствованіе Іакова замѣтны всѣ признаки упадка, такъ что не легко разглядѣть признаковъ будущаго возрожденія. Въ царствованіе Карла становится уже очевиднымъ, что власть перейдетъ къ общественымъ классамъ, стремившимся дать обществу новое направленіе и новыя силы.

Дворъ Іакова. Его безнравственность.

Веселье, господствующее въ обществѣ при Елисаветѣ, при Іаковѣ замѣняется безсердечнымъ легкомысліемъ. Общество во время Елисаветы имѣло духовную связь въ общей національной цѣли, оно находило достоинство и увѣренность въ сознаніи важныхъ опасностей, грозившихъ націи; въ царствованіе же Іакова только одна часть общества замѣчала опасности, грозившія Англіи, на сей разъ не внѣшнія, а внутреннія; но эта часть общества не имѣла представителей при дворѣ. Дворъ Елисаветы не былъ свободенъ отъ партій интригъ; но она не избирала своими фаворитами жадныхъ, без-

совѣстныхъ авантюристовъ, расположенiе которыхъ было легко прiобрѣсти, подкупивъ ихъ деньгами. Среди интригъ царствованiя Iакова никто не могъ чувствовать себя безопаснымъ; внезапное паденiе лицъ, занимавшихъ высокое положенiе—лорда казначея за взяточничество, лорда канцлера за подкупность, лорда камергера и лорда хранителя частной печати по подозрѣнiю въ сообщничествѣ въ убiйствѣ — дѣлало атмосферу взаимныхъ подозрѣнiй еще болѣе тяжелой. Немногiе, которые, подобно архiепископу Абботу, старались примирить свой долгъ честныхъ людей съ своими обязанностями придворныхъ, лишились всякаго влiянiя и жизнь ихъ была печальной.

При дворѣ Iакова было много людей, ведущихъ открыто дурную, безнравственную жизнь и лучшее, что можно сказать о немъ—это то, что онъ былъ все же лучше двора Карла 11 [1]). Большинство лицъ изъ стараго дворянства и лучшiе изъ перовъ избѣгали двора и проводили время въ путешествiяхъ или въ уединенiи своихъ сельскихъ домовъ [2]). Iаковъ и его супруга подавали добрый примѣръ своей хорошей супружеской жизнью и добрымъ воспитанiемъ дѣтей; но влiянiе этаго добраго примѣра уничтожалось тѣмъ, что они оказывали поддержку открытымъ преступникамъ. Примѣромъ можетъ служить исторiя брака Сомерсета. Для того, чтобы примирить враждующихъ, Iаковъ устроилъ бракъ графа Эссекса, четырнадцатилѣтняго мальчика, съ тринадцатилѣтней дѣвочкой, лэди Френсизъ Говардъ. Послѣ свадьбы графа отправили на нѣсколько лѣтъ путешествовать; вернувшись, онъ нашелъ, что жена не хочетъ жить съ нимъ и что фаворитъ короля, Робертъ Карръ, виконтъ Рочестеръ, ея любовникъ. Iаковъ, чтобы угодить Карру, началъ заботиться о разводѣ, какъ раньше заботился о бракѣ и назначилъ комиссаровъ для разбора дѣла. Послѣ возмутительнаго процесса онъ добился приговора въ томъ смыслѣ, что во власти короля уничтожить бракъ, если онъ найдетъ это необходимымъ. Слѣдствiе о разводѣ велось якобы тайно, но всѣ подробности дѣла были извѣстны свѣтскому обществу и письма Чамберлена доказываютъ, что о нихъ много говорили и въ городѣ. Безстыдство лэди Эссексъ, или Френсизъ Говардъ, какъ она называла себя, было извѣстно всѣмъ. И однако, когда она вышла замужъ за своего любовника, котораго сдѣлали графомъ Сомерсетомъ, чтобы сравнить его по рангу съ ней, люди свѣтскiе и богатые спѣшили оказать юной четѣ всяческiя почести. Поведенiе этихъ господъ невозможно защищать тѣми соображенiями, будто они не знали того, что извѣстно намъ теперь [3]). Не знали они развѣ только того, что графиня была убiйцей не только въ

1) Ср. Гардинера, 11.
2) Brydges „Memoirs“, предисловiе.
3) Спеддинга „Life and Letters of Bacon“.

намѣреніи, а и фактически [1]). Характеръ ея былъ имъ извѣстенъ; а не знали они только того, что любимецъ Рочестера, Овербюри, былъ ея жертвой. Овербюри помогалъ Рочестеру писать графинѣ любовныя письма, но противился его браку. Несчастные агенты графини, дававшіе ядъ по ея приказанію, были повѣшены, было объявлено, что она была увлечена этими «низкими людьми», и Іаковъ помиловалъ ее вмѣстѣ съ ея мужемъ, котораго въ то время считали настолько же виновнымъ, какъ и она.

Іаковъ выбралъ себѣ другого фаворита, еще болѣе распутнаго, чѣмъ Сомерсетъ и снова занялся сватовствомъ. Только трогательная вѣрность жены, преданность которой Букингамъ никакъ не могъ уничтожить, спасла его отъ вѣроятныхъ послѣдствій его безчестнаго поведенія. Въ числѣ позорныхъ браковъ, устроенныхъ его матерью для ея сыновей, мы можемъ сравнить по трагическимъ послѣдствіямъ съ бракомъ лэди Эссексъ бракъ несчастной Френсизъ Кокъ съ полоумнымъ братомъ Букингама, Джономъ.

Дворъ Карла.

При Карлѣ тонъ двора значительно улучшился. Самъ онъ былъ «умѣреннымъ, чистымъ и серьезнымъ человѣкомъ». Люси Гетчинсонъ прибавляетъ къ этому, что «знать и придворные не вполнѣ оставили свои распутства, но однако они настолько уважали короля, что занимались дебошами только по угламъ». Неумѣренность, пьянство, постоянная ругня, игра въ карты и въ кости теперь не поддерживались болѣе личнымъ примѣромъ короля; сдѣланы были серьезныя усилія, чтобы прекратить дуэли, которыя еще Іаковъ безуспѣшно воспретилъ въ своей прокламаціи [2]).

Къ несчастію, королева не хотѣла изгонять отъ двора безнравственныхъ людей, если они были, подобно Генриху Жермину, веселы и забавны. Потому благоразумныя женщины, вродѣ любимой жены Габингтона, избѣгали двора:

„Она проплыла мимо этой скалы, мимо двора,
Гдѣ честь часто выходитъ съ разбитой мачтой,
Она считала уединеніе гаванью,
Въ которой слѣдуетъ ради доброй ея славы бросить якорь.
Добродѣтель тамъ не въ безопасности,
Гдѣ благодаря своему остроумію царитъ порокъ“ [3]).

Вліяніе пуритан.

Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы улучшеніе придворной жизни при Карла обусловливалось пуританскими вліяніями. Пуританская партія не воспользовалась поводами для нападенія на придворную безнравственность, которые давались ей такими событіями, какъ дѣло о разводѣ Эссексовъ и дѣло объ убійствѣ Овербюри; она пре-

[1]) Уинвудъ „Memorials“, III., и State Papers, LXXII.
[2]) Ward—II. Gardiner—II, Ellis—„Letters“.
[3]) „Castara“ (Arber), 1635.

доставляла двору идти своей дорогой къ погибели. Пуритане были партіей соціальныхъ реформъ, но партіей ихъ дѣлала религія. Для нихъ положеніе, что христіане должны согласовать свою личную жизнь съ извѣстными предписаніями св. писанія, что они должны исповѣдывать дѣйствительную, а не только формальную религію, было религіозной догмой; потому, сознательно или безсознательно, они должны были ставить своей цѣлью возрожденіе общества. Даже враги ихъ отождествляли съ ними всѣхъ тѣхъ, которые серьезно нападали на общественныя злоупотребленія. Вдова полковника Гетчинсона писала:

«Если кто нибудь огорчался безчестіемъ королевства или страданіями бѣдняковъ или несправедливыми угнетеніями подданныхъ, онъ былъ пуританиномъ; если кто нибудь изъ простой нравственности и гражданской честности не одобрялъ гнусностей того времени, онъ былъ пуританиномъ; однимъ словомъ, всѣ, кто не раздѣляли взгляды жадныхъ придворныхъ, легкомысленныхъ вельможъ и дворянства, всѣ, кто ревностно относились къ славѣ Божіей, не выносили кощунственныхъ ругательствъ, буйныхъ разговоровъ, языческаго зубоскальства, нарушенія дня субботня, всѣ, кто любили проповѣди, скромную одежду и скромные разговоры, или что нибудь доброе— всѣ они были пуританами, и въ качествѣ пуританъ, врагами короля и его управленія. Съ такой то логикой сыны тьмы боролись съ ненавистными имъ сынами свѣта».

Въ этой логикѣ и заключалась вся сила «сыновъ свѣта». Они были въ состояніи убѣдить и себя и другихъ, что такіе люди, какъ Гербертъ, Николасъ Ферраръ и Крашау, набожный католикъ—,сынъ набожнаго пуританина, стремившіеся къ чистотѣ нравовъ столь же искренно и бывшіе столь же страстными религіозными людьми, какъ любой пуританинъ, были только исключеніями, доказывавшими правило. «Сыны мрака», вродѣ Карла и Страффорда, вели счастливую и незапятнанную семейную жизнь. Не одинъ Кромвель могъ услышать отъ своей жены такія слова: «моя жизнь только половина жизни при вашемъ отсутствіи», какъ она писала ему въ Дёнбаръ; не одинъ онъ могъ писать ей; «ты дороже мнѣ всего на свѣтѣ—этого довольно». Съ другой стороны среди пуританъ также, какъ и среди кавалеровъ, бывали люди, въ сердцахъ которыхъ находили откликъ аргументы Мильтона въ пользу развода вслѣдствіе «нерасположенія, несоотвѣтствія и несогласія характеровъ». И пуритане и кавалеры одинаково были готовы совѣтывать своимъ дѣтямъ: «пусть ваше воображеніе не господствуетъ надъ вашими нуждами»; «если управляютъ страсть и аффектъ, человѣкъ лишенъ чувствъ и разума» [1]), хотя, можетъ быть, ни одинъ пуританинъ не посмѣлъ бы от-

[1]) Гардинеръ II, цитируетъ совѣты Монсона его старшему сыну.

кровенно сказать: «я намѣренъ выдать свою дочь за 2000 фунтовъ въ годъ» [1]).

Религіозное ученіе не можетъ помочь людямъ обезпечить семейное счастіе, но оно помогло пуританамъ въ ихъ сопротивленіи общественной порочности. Пьянство въ царствованіе Іакова достигло такой степени, что старые придворные Елисаветы, бывшіе достаточно неприличными людьми, были шокированы при видѣ дамъ и джентльменовъ двора Іакова, валявшимися по землѣ въ состояніи опьяненія [2]). Секретарь венеціанскаго посланника замѣчаетъ, что послѣ королевскаго бала къ накрытымъ для ужина столамъ бросились съ такой яростью, что опрокинули столы и разбросали всѣ явства [3]).

Пьянство при дворѣ.

Нападки на пьянство были любимой темой пуританскихъ писателей; не нападая прямо на дворъ за поощреніе пьянства, они все таки достаточно ясно проявили свою враждебность къ модному пороку; штрафы за пьянство въ пять шиллинговъ, налагаемые по указу короля Іакова, не могли, конечно, исправить зло. Въ 1628 г. Прайнъ посвятилъ свой трактатъ противъ тостовъ за здравіе («Heathes; Sieknesse») королю Карлу и настаивалъ, чтобы воспрещены были эти тосты, какъ «ежедневные застольные комплименты и первое привѣтствіе всякаго веселаго придворнаго». «Не оскорбленіе ли это для его величества, спрашиваетъ онъ, что его имя профанируется въ каждомъ кабачкѣ, въ нечистыхъ мѣстахъ, недостойныхъ такого священнаго имени»? «Воздержаніе, говоритъ онъ, осуждается и называется всякими хулительными именами: пуританизмомъ, прецессіанствомъ, чудачествомъ, шутовствомъ; воздержанныхъ людей называютъ дураками и недовольными, пуританами, лицемѣрами, прецессіанами, стоиками, угрюмыми юмористами»—это послѣднее слово было моднымъ, имѣвшимъ различныя значенія. [4]).

Нападки пуританъ на пьянство.

Неумѣренность въ употребленіи напитковъ была не единственнымъ порокомъ, дававшимъ пуританамъ основаніе для нападеній на дворъ. Крайняя нужда въ деньгахъ для всякихъ экстравагантныхъ развлеченій и аристократическихъ эксцессовъ [5]) заставляла многихъ людей, бывшихъ сами по себѣ честными, прибѣгать къ безчестнымъ поступкамъ. Для добыванія денегъ король, королева и придворные не брезгали никакими средствами. Самъ Іаковъ настоятельно требовалъ отъ своей супруги, чтобы она сдѣлала завѣщаніе [6]), чтобы ея приближенные не захватили послѣ ея смерти ея драгоцѣнности, и

[1]) „Memoirs of Verney Samily", II.
[2]) Гаррингтонъ—Nugae Antiquae, I. о посѣщеніи Христіана IV датскаго, брата королевы.
[3]) Busino—цитируется у Фурнивалля—„Harrison".
[4]) Джонсонъ—Works.
[5]) Birch — Memoirs of the Court of Charles". Winwood — „Memorials".
[6]) Halliwell—Philips—„Letters of the Kings".

событія доказали благоразуміе этого совѣта, которому она не последовала. Придворные были воришками [1]), а король и королева по уши въ долгахъ; увеселенія, которыя Елисавета заставляла ея придворныхъ устраивать для нея, теперь устраивались королемъ и королевой для придворныхъ на счетъ своихъ кредиторовъ. Іаковъ и Анна, привыкшіе къ шотландской бѣдности, были обрадованы, когда лордъ Спенсеръ при ихъ путешествіи къ югу устроилъ для нихъ въ Альторпѣ маскированный балъ и съ этаго времени Анна поставила цѣлью своей жизни устройство при дворѣ театральныхъ представленій. [2]).

Фееріи. Она увлекалась не столько драматическимъ искусствомъ, сколько фантастическими костюмами и танцами; та форма развлеченій, которая была извѣстна подъ названіемъ «masque» (феерія), развилась до крайняго предѣла. Главными ея особенностями были музыка, танцы и сцены съ переодѣваньями; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это развлеченіе походило на современную оперу и отличалось отъ нея только отсутствіемъ интриги. Маски давались обыкновенно при празднованіи по поводу какого нибудь событія—брака, дня рожденія, пріѣзда посланника и при тому подобныхъ торжественныхъ случаяхъ; въ этихъ случаяхъ при дворѣ давались представленія въ аллегорической формѣ. Даніель, Джонсонъ и Кампіонъ были самыми плодовитыми изъ писавшихъ коротенькія либретто для такихъ представленій, Иниго Іонесъ былъ самымъ знаменитымъ изъ декораторовъ и машинистовъ; онъ довелъ перемѣны декорацій до замѣчательнаго для того времени совершенства. Не менѣе важными сотрудниками въ дѣлѣ постановки этихъ представленій были балетмейстеръ Жильсъ, музыкантъ на лютнѣ Феррабоско, и въ царствованіе Карла музыкантъ Генрихъ Лауэсъ. Относительно костюмовъ совѣтывались даже съ учеными антикваріями, вродѣ Сельдена. [3]).

Первой изъ «маскъ» Бена Джонсона, въ которой играла сама королева, была «Masque of Blackness», представленная въ банкетной залѣ Уитголя въ Крещенье 1606 года. Королева, придворныя дамы и джентльмены вымазали чернымъ свои лица и руки и представляли эфіоповъ; Джонсонъ такъ описываетъ сюжетъ представленія:

«Для сцены нарисованъ ландшафтъ (landtschap), состоящій изъ мелкаго лѣса, кое гдѣ раскиданы охотники; дальше видно искусственное море съ волнами, которыя кажутся движущимся и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ разбивающимися валами. Впереди помѣщаются шесть тритоновъ, изъ ихъ спинъ выдаются (на проволокахъ) легкія куски тафты, какъ бы развѣваемые вѣтромъ».

---

1) Ellis—„Original Letters.
2) Bentivoglio, цит. у Айкина „Court of James".
3) „Life of Milton"—Maccona.

Океанъ и Нигръ ѣдутъ сзади на моржахъ и вводятъ главныхъ артистовъ, сидящихъ въ перламутровыхъ раковинахъ, движущихся по волнамъ и роскошно освѣщенныхъ. «Все это было нарисовано и сдѣлано мастеромъ Иниго Іонесомъ». Сэръ Дудлей Карлетонъ пишетъ относительно этой сцены:

«Въ заднемъ концѣ комнаты поставлена большая движущая машина и тутъ изображенія моржей и другихъ страшныхъ рыбъ... Неприлично то, что тутъ столько рыбъ, а воды нѣтъ».

Костюмы королевы, графини Бедфордъ, лэди Суффолькъ, Ричь и другихъ онъ называетъ богатыми, но слишкомъ легкими и куртизанскими для такихъ знатныхъ дамъ [1]).

Послѣ пѣнія сиренъ и чтенія классическихъ стиховъ рѣчными божествами въ верхней части театра появляется луна на серебряномъ тронѣ, въ небѣ изъ голубого шелка съ серебрянными звѣздами. Раковина пристаетъ къ берегу и дамы, впереди ихъ королева, танцуютъ на берегу; у каждой пары опахало. Къ нимъ присоединяются джентльмены и пары танцуютъ нѣсколько «measures and corantos», потомъ снова садятся въ раковины и съ пѣніемъ удаляются.

Въ «Маскѣ красоты» сцена—островъ, плавающій по тихимъ водамъ; надлежащіе костюмы изобрѣтены для Блеска, Ясности, Веселья и т. д. Это представленіе было замѣчательно своими изящными танцами и машиной, представлявшей земной шаръ, «на которомъ земли были позолочены, а море изображено съ серебряными волнами. Шаръ стоялъ или скорѣе висѣлъ (потому что не видно поддерживающей его оси) и медленно вращаясь, открывалъ первую сцену—группу людей, сидѣвшихъ въ рудникѣ, гдѣ разные металлы; свѣчи помѣщены такъ, что ихъ не видно и кажется, что только Разумъ блескомъ своей короны освѣщалъ весь гротъ".

Аристократія обращала самое серьезное вниманіе на устройство диковинокъ въ этомъ родѣ [2]). Бэконъ написалъ цѣлую статью о фееріяхъ; онъ перечисляетъ оттѣнки цвѣтовъ, даваемые свѣтомъ свѣчей и замѣчаетъ: «глазки или блестки не дорого стоятъ, но очень хорошо свѣтятся. Что касается до богатыхъ вышивокъ, то онѣ пропадаютъ, такъ какъ неразличимы. «Антимаски» (комическія или сатирическія) не должны быть продолжительны; это обыкновенно шуты, сатиры, бабуины, дикіе люди, антики, животныя, духи, колдуньи, эфіопы, пигмеи, турки, нимфы, мужики, купидоны, движущіяся статуи, и тому подобное. Что касается до ангеловъ, то они недостаточно комичны, чтобы изображать ихъ въ «антимаскахъ», а съ другой стороны для нихъ негодится все отвратительное, какъ то дьяволы, гиганты и пр.».

---

1) Winwood—„Memorials“.
2) Донне—„Letters“, XXXVI.

Иногда сцена наполнялась «внезапно пріятнымъ запахомъ безъ какихъ либо падающихъ капель жидкости, а также тепломъ и паромъ, что было и пріятно и освѣжительно» [1]) Бэконъ заставилъ адвокатскія корпораціи (inns of Court) дать представленіе на его счетъ въ честь брака Сомерсета и истратилъ на это 2000 фунтовъ, но не доставилъ этимъ большого удовольствія зрителямъ.

Танцы

Бэконъ утверждалъ, что «превращеніе танцевъ въ фигуры есть дѣтская забава», но такія танцы были очень любимы, учились танцамъ всѣхъ странъ и народовъ; котильонъ (brawls), испанскій танецъ (pavins), measures, танецъ канарскихъ острововъ, коранто, lavolto, шотландскій танецъ (жига), galliards и фанданго были любимыми танцами [2]). Бузино, капеланъ венеціанскаго посланника, разсказываетъ, что при представленіи, устроенномъ принцемъ Карломъ (1617), танцоры начали уставать и король съ гнѣвомъ закричалъ на нихъ: чего же вы не танцуете? Зачѣмъ же вы меня звали сюда? Танцуйте, чортъ васъ всѣхъ побери». Всѣ кавалеры были утомлены, но при гнѣвномъ крикѣ короля Букингамъ выскочилъ впередъ «и съ такой граціей и легкостью сдѣлалъ нѣсколько высокихъ и красивыхъ прыжковъ, что король обрадовался и почтилъ маркиза проявленіемъ необычайной нѣжности и гладилъ его по щекамъ». Принцъ Валлійскій по своей юности «не могъ танцовать такъ долго, но и онъ очень граціозно сдѣлалъ нѣсколько па».

Генріета Марія не довольствовалась, какъ Анна, переодѣваньями и танцами; она разучивала длинныя роли въ пасторальной пьесѣ наизусть, чтобы усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ [3]) и играла на придворной сценѣ. Въ 1629 году француженки играли на публичномъ представленіи; онѣ появлялись три раза и были освистаны. Томъ Коріатъ въ «Crudities» (1611) говоритъ, что онъ слыхалъ, будто въ Лондонѣ женщины играютъ на сценѣ, но не видалъ ихъ до поѣздки въ Италію.

Пуритане и сцена.

Вскорѣ послѣ того, какъ королева стала появляться на сценѣ, Прайнъ издалъ «Histiómastix», плодъ семилѣтняго труда, произведеніе, въ которомъ были высказаны мнѣнія о драматическихъ представленіяхъ, распространенныя среди пуританъ. Во времена Елисаветы пуританинъ Стеббсъ утверждалъ, что «нѣкоторыя пьесы очень честныя и похвальныя упражненія, и могутъ изображаться въ удобное время и въ удобномъ мѣстѣ, какъ ведущія къ образцовой жизни и къ исправленію нравовъ», но грубость и развращенность сцены семнадцатаго вѣка заставили Прайна и большинство пуританъ держаться болѣе крайнихъ взглядовъ. Прайнъ огорчался, что

---

[1]) Бэконъ—„Essay № 37.

[2]) Дрэкъ—„Shakspeare and his Times".

[3]) Стрикландъ—„Queens of England", VIII.

въ послѣдніе два года напечатано 40,000 экземпляровъ театральныхъ книгъ и что онѣ продаются лучше избранныхъ проповѣдей и началъ собирать свидѣтельства отцовъ церкви, каноническаго закона, христіанскихъ и языческихъ писателей всѣхъ временъ для доказательства того, что всѣ актеры, драматурги и посѣтители театровъ «грѣшники, язычники, легкомысленные и безбожные люди». Педантизмъ, отличавшій книгу Прайна, очень характеренъ для времени Стюартовъ сравнительно съ пуританствомъ временъ Елисаветы. Его сочиненіе получило знаменитость вслѣдствіе его нападокъ на актрисъ; онъ осуждалъ на погибель мужчинъ, надѣвавшихъ женскія платья [1]); но актрисы, игравшія женскія партіи, для него безконечно болѣе виновны въ грѣхѣ. Въ вызовѣ его къ суду Звѣздной палаты говорится: «хотя авторъ зналъ, что королева и лорды Совѣта часто присутствуютъ при этихъ развлеченіяхъ, онъ возстаетъ противъ пьесъ, масокъ, танцевъ, майскихъ деревьевъ, празднованія Рождества, убранства домовъ зеленью, праздниковъ и пр. и этимъ онъ оскорбилъ королеву и восхваляетъ мятежныхъ людей» [2]).

Вслѣдствіе сего онъ былъ приговоренъ къ отрѣзанію ушей и приговоръ былъ исполненъ въ 1634 году, причемъ не произошло никакихъ демонстрацій и протестовъ со стороны народа. Черезъ три года, когда онъ, Баствикъ и Бёртонъ были приговорены къ еще болѣе суровому наказанію за сочиненія о церковномъ управленіи, чернь считала ихъ мучениками. Непосредственнымъ результатомъ дѣла Прайна было то, что дворъ съ еще большимъ энтузіазмомъ предался своимъ увеселеніямъ. Королева снова играла въ «Вѣрной пастушкѣ» Флетчера и четыре адвокатскія корпораціи (Inns of Court) соединились для постановки феерія, которая стоила имъ 21000 фунтовъ [3]). Прайнъ выдѣлилъ Lincoln's Jnn изъ своего общаго осужденія, потому что старшины этой адвокатской корпораціи воспретили въ своей «hall» публичную игру въ кости и не разрѣшали бакханаліи на Рождествѣ и по воскреснымъ днямъ; но на этотъ разъ и Lincolns Jan присоединилась къ другимъ корпораціямъ.

Черезъ два года послѣ изданія «Histriomastix» Мильтонъ написалъ своего «Комуса», который былъ, намѣренно или нѣтъ, отвѣтомъ Прайну и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіемъ моднаго театра. Написанный для семьи Эджертоновъ, интеллектуальныхъ роялистовъ лучшаго типа,—роль лэди играла Алиса Эджертонъ—онъ свидѣтельствовалъ объ огромной силѣ того пуританства, которое стояло выше партій; онъ указываетъ, какой силой могъ обладать пуританинъ, сохраняв-

---

[1]) Съ большимъ трудомъ заставили кембриджскихъ студентовъ играть женскія роли См. „Works“.—Джонсона, II.

[2]) Neal—„History of Puritans“. II.

[3]) Whitelocke—„Memorials“, годъ 8136

шій умственную свободу и нравственное великодушіе. Но пуританская партія помнила, что дворъ связалъ свою судьбу съ развращенной драматической литературой, что Прайну отрѣзали уши за «Histriomastix» и что только погибель драмы могла отомстить за него. Приказомъ отъ 2 сентября 1642 года всѣ театры были закрыты. Слабости пуританъ были слишкомъ сурово бичуемы на сценѣ, чтобы пуритане могли вспомнить, что сцена, какъ испорчена она ни была, никогда не щадила безумствъ придворныхъ. Драматурги не безъ успѣха пользовались своимъ орудіемъ, смѣхомъ; но по мнѣнію пуританъ это было слишкомъ ничтожной заслугой сравнительно съ развращающимъ вліяніемъ, несомнѣнно оказываемымъ многими популярными пьесами [1]).

Увеселенія

Съ такимъ же раздраженіемъ, какъ на драму, пуритане нападали на танцы, игру въ карты и кости. Стеббсъ считалъ эти развлеченія безвредными; но пуритане Новой Англіи считали невозможнымъ признать ихъ такими и воспретили ихъ законодательнымъ актомъ [2]). Всѣ тѣ увеселенія и игры, которыя особенно любилъ Іаковъ, возбуждали неудовольствіе пуританъ. Онъ до нелѣпости любилъ охоту [3])— псовую, а не ружейную или не съ луками, ту онъ считалъ «воровскимъ развлеченіемъ» [4])—такъ что даже придворные были недовольны. Онъ покровительствовалъ также пѣтушьимъ боямъ, боямъ быковъ и медвѣдей [5]). Пуритане осуждали всѣ эти забавы [6]).

Воскресный день.

Многія забавы, не осуждаемыя ими [7]), исчезли сами собой, потому что пуритане осуждали занятіе ими по воскресеньямъ, въ единственный день, свободный для рабочаго люда. Вопросъ о субботнемъ днѣ былъ первымъ поводомъ для открытаго столкновенія между дворомъ и пуританами по общественнымъ вопросамъ. Пуритане торжествовали, когда въ 1618 году была объявлена недѣйствительной «прокламація объ увеселеніяхъ» послѣ отказа пуританскаго духовенства, вродѣ Вильяма Гужа, читать ее съ кафедры, какъ было предписано. Изданная снова въ 1634 году Карломъ, она 5 мая 1643 года была публично сожжена и всѣмъ подъ страхомъ тяжелаго наказанія было воспрещено въ день Господень присутствовать при борьбѣ, стрѣльбѣ изъ ружья или изъ лука, звонить въ колокола для забавы, присутствовать на феерiяхъ, церковномъ пивѣ, участвовать въ играхъ, танцахъ и другихъ увеселеніяхъ.

Костюмъ.

Религія заставляла пуританъ стремиться къ соціальнымъ рефор-

---

1) Ward—„Hist. Eng. Dram. Poetry. Гардинеръ, VII.
2) Palfrey—„Hist. of New England“, I.
3) Rye—„England, as seen by Foreigners“.
4) „Basilicon Doron“.
5) Rye.
6) ср. „Alchemist“ III, II. играна 1610.
7) „Life“—Гётчинсона.

мамъ, она же заставила ихъ стремиться къ измѣненію костюма. Пуританскія ученія относительно облаченія были примѣнены и къ костюмамъ міряпъ. Роскошь костюма осуждалась многими текстами священнаго писанія и оппозиція противъ чрезмѣрной роскоши придворной партіи, особенно при Іаковѣ, заставляла пуританъ быть въ вопросѣ о костюмѣ утилитаристами. Внезапная замѣна смѣшныхъ шарообразныхъ штановъ и фижмъ колесомъ царствованія Іакова простымъ, но богатымъ изящнымъ нарядомъ, какой мы видимъ на портретахъ Карла и Генріеты Маріи, вѣроятно, обусловливались больше внезапной реакціей, такъ часто управляющей модами, чѣмъ вліяніемъ мнѣній пуритинъ, а можетъ быть и утонченнымъ вкусомъ Карла, составлявшемъ такой контрастъ съ неряшествомъ его отца. У Генріеты тоже былъ вкусъ, которымъ не обладала Анна. Въ царствованіе Іакова нашли необходимымъ воспретить дамамъ и даже джентльменамъ являться на феерія, когда публики было очень много, въ фижмахъ [1]), и это, можетъ быть, и повело къ ихъ окончательному исчезновенію; щегольство франтовъ временъ Іакова ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ щегольства при Елисаветѣ; франты проявляли свою изобрѣтательность только въ деталяхъ. Теперь тщательнѣе подбирали цвѣта; бѣлый сатинъ вышивался серебромъ [2]); любимыми цвѣтами были перловый, грушевый, огненный и темнооранжевый. Брыжжи крахмалились цвѣтнымъ крахмаломъ; желтый крахмалъ, изобрѣтенный м-съ Анной Тёрнеръ, агентомъ графини Сомерсетъ въ ея интригахъ, очень цѣнился, пока ее не повѣсили въ тонкихъ брыжжахъ ея собственной окраски. Длина и фасонъ подвязокъ, розетки на башмакахъ, кружева на штанахъ, брилліанты и лента на шляпѣ—таковы были главныя особенности мужского костюма. Локоны джентльмена, ихъ завиванье и напудриванье, ленты, которыми ихъ перевязывали и укладка ихъ на плечѣ, передніе и боковые локоны у дамъ были предметомъ особыхъ заботъ; а когда природа отказывала въ необходимыхъ средствахъ, носили надушенные парики. Очень цѣнили благоуханія, особенно какъ предохранительное средство противъ чумы. Мужской и женскій костюмы были не полны безъ «мускусныхъ шариковъ» или безъ флакончика духовъ или безъ зеркальца на шляпѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ на костюмѣ. Маска, всегда важная принадлежность распущеннаго двора, была необходима для дамъ при всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, даже на охотѣ. Незамаскированныя дамы считались нескромными, если только онѣ не были похожи на графиню Бедфордъ, бросавшую вызовы модѣ. Чамберленъ пишетъ, что въ 1613 году эта дама, одна изъ лучшихъ при дворѣ Анны, «не раскрашивалась, что

---

1) Birch—Court and Times of Iames I.

2) Rye.

дѣлаетъ ее нѣсколько странной среди стольких масокъ, которыя вмѣстѣ съ завитыми и напудренными волосами дѣлаютъ дамъ всѣхъ похожими одна на другую». Кромѣ ношенія масокъ и раскрашиванья было въ модѣ облѣплять лицо звѣздочками изъ мастики или черной тафты. Бузино разсказываетъ, какъ онъ былъ въ театрѣ и «только что сѣлъ, какъ очень изящная дама въ маскѣ подошла и сѣла рядомъ съ нимъ». Она пыталась завязать разговоръ и показала ему «прекрасные брилліанты на ея пальцахъ, сняла постепенно не менѣе трехъ перчатокъ, которыя носились однѣ надъ другими... Корсетка этой дамы изъ желтаго сатина, богато вышитаго, юбка изъ золотой полосатой парчи, платье изъ краснаго мохнатаго бархата, подбитое желтымъ муслиномъ съ широкими чисто-золотыми полосами. На ней былъ разноцвѣтный передникъ изъ тонкихъ кружевъ; волосы были сильно надушены, а воротникъ изъ бѣлаго сатина, вродѣ брыжжей, показался мнѣ чрезвычайно красивымъ и изящнымъ [1]). По количеству драгоцѣнныхъ камней и чрезмѣрной роскоши костюма Букингамъ не уступалъ самой Елисаветѣ. «На какомъ нибудь обыкновенномъ танцовальномъ собраніи его платье было обыкновенно украшено большими брилліантовыми пуговицами; у него были брилліанты и на шляпѣ и на кокардѣ и въ серьгахъ; на немъ висѣли большія и разнообразныя цѣпи изъ перловъ. Когда онъ отправился въ 1625 году въ Парижъ, у него было двадцать семь костюмовъ, настолько богатыхъ, насколько только могли ихъ сдѣлать такими вышивки, кружева, шелкъ, бархатъ, золото и драгоцѣнные камни; одинъ былъ изъ бѣлаго несшитаго бархата, весь усыпанный брилліантами и цѣнимый въ 14,000 фунтовъ, кромѣ большого брилліантоваго пера; его мечъ, поясъ, лента на шляпѣ и шпоры тоже были всѣ усѣяны брилліантами» [2]).

Пуритане не хотѣли носить ничего, что было въ модѣ. Когда въ модѣ были брыжжи, они носили длинную косынку; когда же pickadillies (брыжжи) вышли изъ моды (1638) и начали носить широкія длинныя ленты изъ тонкаго батиста, обшитыя тонкимъ кружевомъ, они носили небольшой галстухъ. Модныя башмаки были съ широкими носками, у пуританъ наоборотъ съ острыми [3]); модные чулки были обыкновенно цвѣтные, кромѣ черныхъ, а пуритане носили черные. Повязки у нихъ были короткія и въ особенности коротки были у нихъ волосы. Уже въ концѣ царствованія Елисаветы короткіе волосы были отличительнымъ признакомъ пуританина. Въ 1599 году Джонсонъ въ своей комедіи: «Every Man out of his Humor» говоритъ, что у пуританъ

---

[1]) Фурниваль — „Harrison„.
[2]) Halliwell Phillips—„Letters“.
[3]) Fairholt изд. Диллона.

„Религія въ одеждѣ и что ихъ волосы
Обрѣзаны короче ихъ бровей".

Когда носили длинные локоны (love locks), эта прическа казалась пуританамъ отвратительной; по мнѣнію Прайна эти локоны—«кустъ тщеславія, за который дьяволъ держитъ человѣка въ своемъ плѣну». Въ 1641 году появляется прозвище: «круглоголовые» [1]), послѣ перваго столкновенія между пуританами и всадниками придворной партіи, которую съ этихъ поръ называютъ «кавалерами».

„Что это за тварь съ короткими волосами,
Съ маленькимъ галстухомъ и огромными длинными ушами?

Это круглоголовый, короткіе волосы котораго заставляли казаться его уши чрезмѣрно большими. Сэръ Варвикъ, описывая наружность Кромвеля въ 1640 году, говоритъ: «его бѣлье простое и не особенно чистое, на небольшомъ галстухѣ, не болѣе широкомъ, чѣмъ воротникъ, пятна крови; на шляпѣ нѣтъ ленты, и на боку у него мечъ».

Волосы Кромвеля, конечно, не были завиты.

Пуритане не одобряли тонкаго и крахмаленнаго бѣлья, но рубашки у нихъ иногда вышивались текстами:

„Она и по иголкѣ своей пуританка,
„Такъ какъ носитъ религіозныя юбки".

Драматурги были неутомимы въ своихъ шуткахъ надъ пуританскими женщинами, занимавшимися ремеслами, созданными той самой модой, которую онѣ осуждали. Онѣ дѣлали перья на шляпы, крахмалили бѣлье, дѣлали стеклярусъ, были модистками и кондитершами. Рандольфъ выводитъ на сцену «члена святого братства», м-съ Фловердэль съ грузомъ перьевъ, булавокъ и зеркалъ, которые она продаетъ въ театрѣ и заставляетъ ее говорить такія слова:

„Смотри, братъ, какъ злые столпились
Къ дѣламъ тщеславія! Нѣтъ уголка
Въ этомъ домѣ грѣха, въ этой пещерѣ нечестія,
Въ этой норѣ духовныхъ воровъ, который бы не былъ занятъ
Занятъ и утыканъ, какъ подушечка для булавокъ
Легкомысленными распутниками!

Роялисты и пуритане.

Хотя сила пуританской партіи была главнымъ образомъ въ среднихъ классахъ, но въ ней были мужчины и женщины изъ всѣхъ классовъ общества; эксцентричность въ костюмѣ и въ манерахъ, проявляемая ханжами, была, конечно, характерна для всей партіи, но не всѣ пуритане отличались ей. Люди, вродѣ Френсиса, герцога Бедфорда, его зятя Гревиля, лорда Брука, графа Эссекса, графа

---

[1]) Кларендонъ—„History of the Rebellion", IV.

Варвика, которые всѣ были членами пуританской партіи; умѣренные, вродѣ лорда и леди Фальклэндъ, отличались не столько тѣми второстепенными мнѣніями, которыя были свойственны пуританизму, сколько пуританизмомъ, какъ политическимъ вѣрованіемъ. Умѣренные обѣихъ партій жили по большей части въ провинціи, въ уединеніи и не пытались распространить свое вліяніе дальше семейныхъ круговъ. Такіе пуритане:

„Не кричали противъ пустяковъ,
Вродѣ игрушекъ, коньковъ и маріонетокъ“ [1]).

Такіе роялисты не франтили, какъ франтилъ Букингамъ, и не вели себя какъ Георги Горингсы, отецъ и сынъ, и однако поведеніе такихъ именно людей заставило такую дѣвушку, какъ Арабелла Стюартъ, называть себя пуританкой [2]).

Наиболѣе типичными изъ выдающихся среди придворныхъ были такіе люди, какъ Вильямъ Гербертъ, графъ Пемброкъ, мужъ Маріи Сидней, образованный, воспитанный, обладавшимъ тѣмъ тактомъ, который бываетъ слѣдствіемъ хорошаго воспитанія, достаточно богатый, чтобы жить безъ милостей фаворитовъ, желавшій служить двору, но безъ всякихъ обязательствъ предъ нимъ, покровитель литературы не только ради моды, но все же «не безъ нѣкоторой примѣси порока», черезъ чуръ склонный къ удовольствіямъ и не обладавшій нравственнымъ достоинствомъ [3]).

Говорить только объ однихъ крайнихъ въ общественной борьбѣ, значитъ писать каррикатуру на исторію общественной жизни. Тѣмъ не менѣе вѣрно, что общественная и политическая исторія царствованій Іакова и Карла есть исторія борьбы двухъ партій, борьба, настолько смертельная, что компромиссъ былъ невозможенъ. Нельзя было надѣяться, что одна партія будетъ медленно вліять на другую и что каждая изъ нихъ заимствуетъ лучшія стороны противной партіи; это была война на жизнь и на смерть. Число людей, не боровшихся, конечно, превышало количество борцевъ, какъ бываетъ обыкновенно во время борьбы, но все же именно борьба даетъ общественной жизни времени первыхъ Стюартовъ особый отпечатокъ.

Со времени воцаренія Іакова борьба вышла за предѣлы чисто литературной. Пуритане временъ Стюартовъ не писали такихъ умныхъ обличеній своего времени, какія писали при Елисаветѣ Гаррисонъ и Стеббсъ. Сочиненія Прайна и Георга Уитера не могутъ въ этомъ отношеніи сравниться съ ними.

«Необразованные, холодные, меланхолическіе, недовольные бе-

---

[1]) Бенъ Джонсонъ—„Bartholomew Fair“, 1614.
[2]) Брадлей—„Arabella Stuart“. I.
[3]) Кларендонъ—„History“, I.

зумцы», прецисіане или пуритане, противъ которыхъ «всякій пьяница изрыгалъ неистовую ругань, какъ будто это было самымъ лучшимъ развлеченіемъ», не могли болѣе выражать свои стремленія, свое настроеніе въ рѣчи и въ литературѣ. Они теперь угрюмо молчали — и это молчаніе было признакомъ приближенія гражданской войны.

Шотландія.

Кольвиля.

Всѣ слышали о «пяти членахъ» палаты общинъ, о Гампденѣ, объ «отцахъ пиллигримахъ», но немногіе знакомы съ продолжительными страданіями и рѣшительностью Нокса, Андрью Мельвиля и ковенантеровъ, немногіе понимаютъ значеніе выдержанной ими борьбы. Маколей говоритъ, что великая конституціонная побѣда семнадцатаго вѣка была впервые одержана шотландцами. Попытки Стюартовъ насиловать религіозныя убѣжденія націи не прекращались въ теченіе четырехъ царствованій. Они начались и при Іаковѣ VI. Любимецъ короля Арранъ, вполнѣ раздѣлявшій взгляды молодого короля относительно королевской прерогативы, былъ настолько проницателенъ, что понималъ необходимость сломить могущество церкви. Андрью Мельвиль, смѣлый наслѣдникъ Нокса, былъ первымъ объектомъ нападенія; онъ убѣжалъ въ Бервикъ. Тогда то были приняты такъ называемые «черные акты» (1584). Но положеніе дѣлъ скоро внезапно измѣнилось; послѣ паденія Аррана церковь вернула себѣ утраченное вліяніе. «Вторая книга дисциплины» — эта хартія пресвитеріанства — была утверждена парламентомъ въ 1592 году. Реформаторы были бдительны и осторожны и протестовали противъ новыхъ попытокъ введенія прелатства. По поводу этой попытки предсѣдатель собранія въ Дунди (1598) напоминалъ, какъ хитроумный Улиссъ ввелъ въ Трою деревяннаго коня. «Какъ вы его не ласкайте, а рога его митры вы увидите» — воскликнулъ протестующій голосъ — и предложеніе было отвергнуто. Преждевременное открытіе въ Basilicon Doron (1600) урока короля его сыну о таинствѣ королевской власти на основѣ божественнаго права указало всѣмъ, чего слѣдуетъ опасаться.

Церковный вопросъ 1584—1625.

Воцареніе Іакова въ Англіи дало новое и сильное развитіе королевской прерогативѣ и въ Шотландіи. Тамъ не было ничего подобнаго палатѣ общинъ, потому что старый феодальный парламентъ рѣдко созывался. Король управлялъ чрезъ посредство своего фаворита, канцлера Дёнбара; въ регистрахъ Частнаго совѣта за это

Королевская церковная власть.

время можно видѣть насколько это управленіе было деспотическимъ. Кирка поддерживала права народа. Построенная на демократическихъ принципахъ Женевы, она управлялась общимъ собраніемъ, въ числѣ членовъ котораго были не одни духовныя лица, а и свѣтскіе представители бюргеровъ и землевладѣльцевъ. Король никогда не былъ расположенъ къ этой упорной корпораціи, потому что тутъ сталкивались духовная и свѣтская власти и независимость первой ограничивала прерогативы второй. Покорный парламентъ 1606 года объявилъ королевскую прерогативу неприкосновенной и возстановилъ епископовъ. Дворяне недолюбливали ихъ, какъ гордецовъ и соперниковъ, но несмотря на это устроили консисторію, судъ верховной комиссіи и признали апостолическое посвященіе, Андрью Мельвиля вызвали въ Лондонъ, посадили на четыре года въ Тоуэръ и потомъ изгнали во Францію, гдѣ онъ и умеръ профессоромъ въ Седанѣ. Наконецъ парламентъ 1612 года уничтожилъ хартію 1592 года. Король теперь имѣлъ право созывать собраніе когда и гдѣ ему угодно.

Лоудъ.

Несмотря на такія измѣненія въ церковной политикѣ, церковное богослуженіе измѣнилось мало. Но тутъ вмѣшался въ дѣло Лоудъ. Король, поддерживаемый прелатами, боролся за прерогативу, а архіепископъ гнался за призракомъ единовѣрія, просвѣщеннаго патристикой и «красотой святости». Онъ давно уже устремилъ свои взоры на Шотландскую кирку съ «ея некрасивой», по его мнѣнію, обрядностью; но король предупреждалъ его и говорилъ ему что «онъ плохо знаетъ настроеніе этого народа» (stomach of that people). Но такое предупрежденіе пропало даромъ. Лоудъ приступилъ къ своимъ дѣйствіямъ, приведшимъ къ мятежу въ С. Жильсѣ, къ національному ковенанту, къ епископской войнѣ и наконецъ къ погибели и Лоуда и его повелителя Карла.

Посѣщеніе Шотландіи королемъ въ 1617 г. Пять статей—и «черная суббота».

Лоудъ прежде всего приступилъ къ возстановленію праздничнаго церковнаго богослуженія. Антипатія къ праздникамъ была только частью глубоко укоренившагося отвращенія къ романизму; къ этому присоединился страхъ колдовства. Духовенство посвящало всѣ свои силы крестовому походу противъ «папизма» и колдуній. Старая вѣра еще сохранилась въ твердыняхъ феодализма, въ Галловеѣ на юго-западѣ, и въ странѣ Гордоновъ въ Абердиншпрѣ. Абердинъ вскорѣ сдѣлался шотландскимъ Оксфордомъ въ этой борьбѣ. Его доктора были латинисты и послѣдователи ученія о «пассивномъ повиновеніи». Здѣсь въ 1616 году сошлось собраніе съ признанной цѣлью искорененія папизма, но въ дѣйствительности затѣмъ, чтобы уровнять путь для принятія литургіи и для подготовленія къ посѣщенію короля. Онъ въ 1603 году разстался съ своимъ возлюбленнымъ народомъ съ слезами на глазахъ, съ объявленіями о своей любви къ нему и съ обѣщаніемъ пріѣзжать въ Шотландію по крайней мѣрѣ

разъ въ годъ; но до 1617 года онъ вслѣдствіе хроническаго безденежья не исполнилъ своего обѣщанія. Но идеалъ короля о «важной благоустроенной, упорядоченной киркѣ, повинующейся Богу и королю» осуществлялся медленно. Надѣясь сдѣлать свои мѣры популярными, король разрѣшилъ собранію сойтись въ Пертѣ (1618). Здѣсь были составлены знаменитыя «пять статей». Сорокъ пять духовныхъ протестовали противъ такого введенія ритуализма. Через три года былъ созванъ парламентъ и утвердилъ эти спорныя статьи. Закрытіе этого рокового парламента было ознаменовано страшнымъ предзнаменованіемъ. Надъ зданіемъ парламента разразилась ужасная гроза. Когда королевскій комиссаръ въ знакъ утвержденія актовъ дотронулся до нихъ скипетромъ, блескъ молніи озарилъ эту торжественную сцену; собраніе разошлось въ ужасѣ и замѣшательствѣ; градъ и потоки дождя залили улицы; за этимъ послѣдовали наводненія и неурожай. Объ этихъ дняхъ долго вспоминали.

Церковный вопросъ (1625—42).

Неутомимыя старанія Лоуда добиться единовѣрія двухъ королевствъ встрѣтили сопротивленіе въ настроеніи обоихъ народовъ, настроеніи, такъ долго раздѣлявшемъ ихъ; но они въ концѣ концевъ породили объединеніе между ними въ вопросахъ конституціонныхъ, въ рѣшимости покончить съ конституціоннымъ кризисомъ. Все разнообразіе романтическихъ историческихъ событій заключаетъ въ себѣ однако извѣстное единство. Драматическій контрастъ въ положеніи дѣлъ выразился въ двухъ посѣщеніяхъ Шотландіи королемъ: первое произошло въ 1633 году, когда онъ могъ гордиться вѣрнымъ, повидимому, успѣхомъ, а второе въ 1641 году при увеличивавшемся сознаніи униженія и конечнаго пораженія. Періодъ между этими двумя событіями заполняется такими удивительными событіями, какъ мятежъ въ С. Жильсѣ (1637), національный Ковенантъ (1638) и торжество «маленькаго стараго сгорбленнаго солдата» при Дунсъ Лоу (1639). Лоудъ былъ самой замѣтной фигурой въ свитѣ короля. Онъ уѣхалъ изъ Шотландіи съ убѣжденіемъ, что онъ наконецъ унизилъ этотъ непокорный народъ. «Необходима только литургія, чтобы учредить благоустроенную церковь на могилѣ пресвитеріанства». Но прелаты послѣ посѣщенія Лоуда сдѣлались крайне нетерпимыми. «Модераторы (тоже, что епископы, только безъ этого титула) и суды консисторіи — писалъ Байлли — способны лишить братьевъ ихъ священства за нѣсколько словъ и даже посадить ихъ въ тюрьмы». Остатокъ нонконформистовъ трепеталъ; для приведенія въ исполненіе новаго порядка были назначены наемники. Въ коллегіи и школы посадили учителей, поддерживавшихъ Лоуда.

Ковенантъ.

Двое изъ епископовъ составили служебникъ, пересмотрѣнный самимъ Лоудомъ въ направленіи приближенія его къ католической обрядности, возстановлявшій даже исповѣдь и молитвы за мертвыхъ. Въ 1636 году была издана книга канонов, требующая повиновенія

еще не введенной литургіи—и все это въ формѣ простого посланія короля къ совѣту, «какъ будто,—замѣчаетъ Байлли—Шотландія была приходомъ іоркской эпархіи». Наконецъ произошла сцена чтенія новой книги въ придѣлѣ св. Жильса (23 іюля 1637 года). Чиновники были запуганы. Правительственныя функціи были суспендированы, потому что государственные чиновники оказались безсильными. Епископы бѣжали и у короля не оставалось никакихъ средствъ, кромѣ надменности и упорства. «Столы» (Tables), постоянный комитетъ парламента (комитетъ безопасности), заняли выжидательное положеніе, руководимые такими вождями, какъ лорды Лоудоунъ, Ротсъ и Бальмерино, священникъ Александръ Гендерсонъ и адвокатъ Джонстонъ Варристонъ. Это были шотландскіе Элліоты, Сельдены и Пимы. Они нанесли тяжелый ударъ дѣлу Лоуда и короля, возстановивъ въ теченіе одной ночи работы ковенантъ 1580 года. Горячее краснорѣчіе Лоудоуна, тогдашняго Мирабо, заставило ихъ всѣхъ подписать этотъ драгоцѣнный документъ. Архіепископъ Споттисвудъ не даромъ воскликнулъ: «Теперь все, что мы дѣлали въ теченіе всѣхъ этихъ послѣднихъ тридцати лѣтъ, уничтожено». Наступилъ ноябрь и въ Гласко сошлось достопамятное общее собраніе, котораго съ такимъ трепетомъ ожидали обѣ партіи. Обширный соборъ представлялъ замѣчательное зрѣлище во время этой, продолжавшейся мѣсяцъ, сессіи; измѣненія настроенія собранія очень живо изображены Байлли. Судили епископатъ на основахъ политики, догмы и нравственности и всѣ эти основы были признаны осуждающими его. «Что касается до архіепископа – примасса (Споттисвуда), пишетъ Байлли, то его свита и его домачадцы всегда были чрезвычайными негодниками. Оркней по воскресеньямъ катался на конькахъ по льду. Форрестеръ въ Мельрозѣ сдѣлалъ изъ стараго причастнаго стола телѣгу для возки торфа. Это чудовище былъ справедливо осужденъ. Въ послѣдній день гвоздь былъ вбитъ въ голову». Послѣдовавшая за этимъ собраніемъ война епископовъ, закончившаяся торжествомъ арміи ковенантеровъ на берегахъ Твида, была чисто романтической исторіей. Разсказываютъ, что одинъ англійскій солдатъ заявилъ: «епископы уничтожены не каноническимъ закономъ, не гражданскимъ закономъ, а Дунсъ-Лоу» (1639). За этимъ послѣдовало «Свободное собраніе»; реформистскій парламентъ, походъ «голубыхъ шапокъ» чрезъ границу и посѣщеніе униженнаго короля (1641) завершилось мрачнымъ и роковымъ извѣстіемъ о возмущеніи въ Ирландіи.

Унія. Король Іаковъ имѣлъ честное желаніе осчастливить свою родину посредствомъ Уніи. Исполненіе его плана Уніи (Incorporating Union) сдѣлало бы ненужной Унію 1707 года. Но шотландцы видѣли въ Уніи угрозу органическимъ измѣненіямъ церковной системы, которая стоила имъ такъ много труда и испытаній. Унія была непріятна и для англичанъ; она предвѣщала имъ уравненіе обоихъ королевствъ.

на счетъ Англіи. Англичане также мало, какъ и римляне временъ Имперіи, понимали своихъ сосѣдей. Сатирики въ драматическихъ пьесахъ и въ памфлетахъ предупреждали англичанъ противъ притока съ сѣвера нищихъ и воровъ, какими они считали шотландцевъ, «Веселый шотландецъ, Англія сдѣлала тебя джентльменомъ»—говорится въ одномъ популярномъ пасквилѣ о разбогатѣвшемъ шотландцѣ. Единственное, что осталось изъ предложенія Іакова, это принятіе имъ титула короля Великобританіи, да соединеніе въ государственномъ флагѣ флаговъ св. Георга и св. Андрея. Короля должна была радовать игра словъ; Альбіонъ—All-be-one (да будутъ всѣ едины). Но это измѣненіе въ теченіе долгаго времени касалось только вельможъ, утратившихъ у себя дома свое значеніе и выносившихъ большіе расходы вслѣдствіе своей отдаленности отъ двора.

Общественный порядокъ.

Вліяніе Уніи на порядокъ и законность проявлялись медленно. Король въ своей рѣчи въ Уитголѣ (1607) хвастался контрастомъ между бурной палатой общинъ и его покорнымъ шотландскимъ парламентомъ. «Я отсюда, говорилъ онъ, управляю Шотландіей своимъ перомъ. Я напишу—и сдѣлано; черезъ клерка Совѣта я управляю той самой Шотландіей, которой другіе не могли управлять мечомъ. Тамъ не смѣютъ говорить безъ позволенія канцлера; мятежныя и неприличныя рѣчи немедленно останавливаются имъ. Никто не заговоритъ ни о чемъ, пока я не позволю этого. Если въ какомъ нибудь законѣ есть что нибудь, что мнѣ не нравится, они сейчасъ исключаютъ это».

Но все это мало способствовало отправленію безпристрастнаго правосудія. Кровавыя битвы происходили какъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ, такъ и на улицахъ столицы. «Скопленіе тяжущихся» въ судѣ было воспрещено, но это воспрещеніе мало приносило пользы. Судью похищали и держали подъ арестомъ, пока рѣшалось дѣло. Въ судѣ сессіи видъ пятнадцати судей въ бархатныхъ мантіяхъ былъ очень импозатный, но въ низшихъ судахъ Бреретонъ, англичанинъ, видѣлъ крайнія грубости и безпорядки, доходившіе до того, что двое или трое говорили одновременно. Парламентъ былъ такимъ же мѣстомъ торга, какъ и старый Вестмистеръ-Голь. Но по показанію Бреретона серьезныхъ преступленій, за исключеніемъ частной мести, было мало. «Путешествіе заграницей къ сѣверовостоку, говоритъ Бреретонъ, безопаснѣе, чѣмъ въ Англіи; тамъ гораздо вѣжливѣе и говорятъ по англійски лучше, чѣмъ въ Эдинбургѣ [1]).

---

[1]) Hector Boece отмѣтилъ это свойство кельтовъ. „Люди, говорящіе старымъ языкомъ этой страны (Highlands), имѣютъ произношеніе лучшее, чѣмъ у другихъ". Лучшее англійское произношеніе у народа, говорящаго гаэльскимъ языкомъ, замѣчается у образованныхъ людей и теперь. Д-ръ Джонсонъ замѣтилъ это въ Инвернессѣ; онъ настолько довѣрчивъ, что повторяетъ старую басню, будто это объясняется пребываніемъ здѣсь солдатъ Кромвеля.

Сельскіе округа.

Къ этому вѣку относятся прекрасные дома, и теперь еще украшающіе лучше устроенные округа; они были окружены садами, парками, прекрасными деревьями. Таковъ, напримѣръ Сетонъ въ восточномъ Лотіанѣ, «прекрасное приморское жилище Уинтона», какъ называетъ его Бреретонъ, тамъ третій графъ Уинтонъ принималъ Іакова и Карла. Въ садахъ Сетона росли яблони, орѣхи, сикаморы и другія плодовыя деревья. Графъ Лаудердэль, жившій не далеко отъ этаго мѣста, писалъ лэрду Гленорхи (1637) и просилъ его послать сѣмена ели, чтобы заставить своего садовника развести ее; въ 1629 году одинъ изъ семьи Лоутеровъ путешествовалъ по Шотландіи и его дневникъ недавно (1893) изданъ въ числѣ Лонсдэльскихъ документовъ Комиссіей историческихъ документовъ. Онъ былъ въ домѣ одного изъ пограничныхъ землевладѣльцевъ, Джемса Прингля Галашіэльсъ, одного изъ лучшихъ хозяевъ. «У него прекрасный паркъ съ многими естественными аллеями; теперь тамъ роютъ пруды, разводятъ сады и огороды. У него множество деревьевъ, на которыхъ растетъ черная ягода, сикоморъ и елей». Бреретонъ (1636), путешествуя между Эдинбургомъ и Гласко, видѣлъ близъ Киркинтилохъ прекрасный лѣсъ, принадлежавшій знатному дому Флеминговъ (графамъ Уигтонъ). Но на югѣ и западѣ было лѣсовъ гораздо меньше, чѣмъ въ Англіи. Страна бѣдна и безплодна, «за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ее удобряютъ извѣстью и водорослями». Безплодная, бѣдная страна простирается отъ Гласко до Ирвина; она страдаетъ сильно отъ засухи. Извѣстность Ульстерской колоніи поддерживала стремленіе къ переселенію. Бреретону говорили, что въ послѣдніе два года десять тысячъ человѣкъ отплыли изъ Ирвина въ Ирландію, главнымъ образомъ изъ страны между Абердиномъ и Инвернессомъ.

Города.

Эдинбургъ въ войнѣ съ прелатами игралъ роль пуританскаго Лондона въ великой современной войнѣ. Бреретонъ хвалитъ мостовую Гай Стрита; канавы съ обѣихъ сторонъ были хороши, тротуары чистые и широкіе, хотя обыкновенно гуляли по самой дорогѣ, на которой люди тѣснились какъ на ярмаркѣ. Но пивовары и пекаря держали склады вереска и дрока въ самомъ центрѣ города, улицы часто загромождались товарами мясниковъ и свѣчныхъ заводчиковъ. Никто не рѣшался выходить вечеромъ безъ меча и фонаря по мрачнымъ переулкамъ, выходившимъ на главную улицу. Тутъ, какъ въ провинціальныхъ городахъ, барабанщикъ возвѣщалъ часы вставанья и покоя (4 часа и 8 вечера). На Канонгэтъ были теперь прекрасные дома, «лучше, говоритъ Тайлоръ, чѣмъ строенія на Гай Стритѣ, потому что здѣсь живутъ все богатые купцы». Бреретонъ также восхищается домами изъ квадратныхъ камней, обшитыхъ досками. «Стеклянныхъ оконъ нѣтъ, или ихъ немного; но въ стѣнахъ круглыя дыры въ формѣ человѣческой головы. Эти деревянные фрон-

тоны выдаются на улицы на два ярда». Провинціальные бурги были небольшіе. Въ Пертѣ было 9000 жителей, въ Абердинѣ и Пэйслеѣ по 3000, Гринокъ состоялъ изъ ряда рыбачьихъ хижинъ. Въ Дунфермлинѣ въ 1624 году было 120 домовъ и 287 семей. Гласко былъ уже хорошо построеннымъ и процвѣтавшимъ городомъ, но онъ быль меньше Перта. Байлли гордился той ролью, которую городъ игралъ, когда здѣсь было знаменитое общее собраніе (1638); въ городѣ былъ образцовый порядокъ и много провизіи, сверхъ всякаго ожиданія. Бреретонъ хвалитъ его таможню при Крестѣ (Tolbooth at the Cross), очень красивую и высокую съ свинцовой плоской крышей, съ которой превосходный видъ. Ежегодный доходъ таможни доходилъ до 1000 фунтовъ. Ловтеръ даетъ интересный отчетъ о Селькиркѣ, съ таможней, столь же красиво покрытой черепицей, какъ лондонская королевская биржа и съ церковью, гдѣ великій Букклейхъ сидѣлъ въ своей собственной галлереѣ.

Церковная жизнь.

Шотландія въ теченіе всего семнадцатаго вѣка была настолько проникнута религіозными идеями, вопросы вѣры и обрядности настолько вліяли на мнѣнія частныхъ лицъ и на общественное мнѣніе, что только изученіе церковной ея жизни можетъ дать ясное представленіе о положеніи общества и народа. Поразительное извращеніе чувствъ, характеризующее разрывъ съ прошлымъ въ эпоху реформаціи, повліяло прежде всего на архитектуру церковныхъ зданій и способствовало тому упадку церковной архитектуры и тому презрѣнію къ священнымъ мѣстамъ и вещамъ, которые такъ возмутили Лоуда во время его посѣщенія Шотландіи (1633). Когда книга каноновъ 1636 года объявила, что домъ Божій ничѣмъ не долженъ быть профанированъ, а также и кладбище—ergo, говоритъ историкъ Роу, епископы считали эти мѣста святыми—то это ученіе, очевидно, считалось чудовищнымъ. Бароны, захватившіе владѣнія старой церкви, были очень довольны такимъ настроеніемъ и предоставили поддержаніе святыхъ мѣстъ священникамъ и народу. Кирку осуждали за тотъ вандализмъ, съ которымъ она допускала разрушеніе священныхъ зданій—хотя худшими вандалами, какихъ только знала Шотландія, были англичане Гертфордъ и Оливеръ Кромвель—но у Кирки и не было средствъ для поддержанія ихъ. Они притомъ были не нужны больше для реформированной церкви.

Жители нѣкоторыхъ бурговъ проявляли искреннія стремленія къ церковному благочинію. Церковная сессія Перта приказала священнику оставить свои обычные тексты и толковать о тѣхъ частяхъ св. писанія которыя могли тронуть сердце народа и особенно властей и понудить ихъ привести церковь въ приличный и почетный видъ (1586).

Пренебрегали и украшеніемъ кладбищъ. Ни въ чемъ настолько не замѣтно отсутствіе вкуса, характерное для того вѣка, какъ въ дѣлѣ

украшенія кладбищъ. Они были не только незагорожены, но обыкновенно служили мѣстомъ деревенскихъ сборищъ. Кирка и рынокъ обыкновенно были смежными. Это обусловливалось системой землевладѣнія. Немногіе изъ деревенскихъ луговъ, общинныхъ земель или открытыхъ площадей были стараго происхожденія; землевладѣльцы были невеликодушны и масса жителей деревни состояла изъ фермеровъ краткосрочныхъ и находившихся въ полномъ распоряженіи землевладѣльца (tenants at will). Церковь тоже не заботилась о кладбищѣ, да и не могла заботиться, когда даже алтарь, ея святая святыхъ, употреблялась для цѣлей обученія деревенскихъ дѣтей, была школьной комнатой. Такимъ образомъ землевладѣльцы сберегали расходы и на помѣщеніе школы и на мѣсто для игръ дѣтей. Въ прекрасной старой церкви Лейхара, гдѣ священникомъ былъ Александръ Гендерсонъ, одинъ изъ авторовъ національнаго Ковенанта, алтарь служилъ и складомъ орудій, и ея прекрасная нормандская арка была застроена и совершенно скрыта отъ взгляда до новаго времени. Какъ будто для того, чтобы заставитъ народъ забыть старую вѣру, кафедру поставили къ южной стѣнѣ. Кровли изъ грубаго мѣстнаго камня обросли толстымъ слоемъ моха. Деревенскія церкви обыкновенно были длинными, узкими и плохо освѣщенными. Джонъ Мюйръ, священникъ въ Пертѣ, шутя говорилъ, что онъ въ теченіе многихъ лѣтъ проповѣдывалъ «въ трансѣ» — замѣчаніе, понятное только для тѣхъ, которые знаютъ, что такъ (trance) называется узкій темный корридоръ въ крестьянской хижинѣ, въ Шотландіи. Неудивительно поэтому, что зимой всякій приносилъ съ собой свою свѣчку. Въ окнахъ, даже если они и были, рѣдко бывали стекла; въ домахъ стеклянныя окна вездѣ были рѣдкостью. Скамей въ церкви обыкновенно не было. Складные стулья и подушки употреблялись слабыми людьми или знатью. Въ числѣ расходовъ Монтроза, когда онъ былъ студентомъ въ Гласко, числится и расходъ на бархатную подушку въ церкви. Когда ставили скамьи, ихъ предоставляли бѣднымъ, а раньше ихъ, наоборотъ, занимали знатные люди. Въ 1603 году попытка городского клерка въ Стирлингѣ поставить конторку для его жены предъ мѣстомъ графини Аржиль была воспрещена, какъ дерзость. Всякій лэйрдъ строилъ для себя мѣсто въ формѣ галлереи, а подъ нимъ семейный склепъ; въ галлерею велъ отдѣльный входъ. Въ бургахъ члены цеховъ строили свои галлереи, какъ въ старину они воздвигали алтари своему патрону. Женщины сидѣли отдѣльно на складныхъ стульяхъ, обыкновенно впереди мужчинъ. Онѣ сильно смущали пасторовъ. Многіе воспрещали имъ сидѣть во время проповѣди съ завернутыми пледомъ головами, такъ какъ подъ такимъ покровомъ онѣ спали.

Богослуженіе.

Политика Іакова, и еще болѣе руководимая Лоудомъ политика Карла, стремилась къ тому, чтобы насколько возможно отдалить

Шотландію, какъ отъ католической, такъ и отъ протестанской обрядности. Сначала реформаторы больше занимались церковнымъ строемъ, чѣмъ обрядами. Въ теченіе долгого времени существовала литургія; были въ употребленіи псалтыри съ указаніями въ нихъ относительно молитвъ, вѣнчаній и причащенія. Эта литургія, называемая обыкновенно литургіей Нокса, сохранялась въ болѣе или менѣе общемъ употребленіи до 1637 года. Потомъ постепенно развился фанатическій страхъ предъ «папизмомъ» и языческими обрядами. Бреретонъ въ 1636 году очень подробно описываетъ порядокъ богослуженія въ эдинбургскихъ церквахъ. Чтецы существовали до 1645 г., потомъ эту должность уничтожили. Чтецъ часто становился за свой аналой въ семь часовъ утра и исполнялъ свои обязанности до конца вечерней службы, въ шесть часовъ вечера. Священникъ входилъ на каѳедру въ десять часовъ. Въ сельскихъ округахъ чтецы часто бывали духовными лицами, школьными учителями, писарями и пономарями. Самымъ главнымъ пунктомъ богослуженія была проповѣдь, она называлась Ordinary, а чтеніе Exercise. Перебѣгать, скользить (divagation) по св. писанію отъ одного мѣста къ другому было дѣломъ неодобряемымъ властями, такъ что одинъ текстъ служилъ на цѣлый мѣсяцъ. Байлли былъ очень обрадованъ тѣмъ, что въ Лондонѣ въ Вестминстерѣ два англійскихъ проповѣдника приняли Шотландскую манеру, «зорко смотря вокругъ и строго проповѣдуя противъ общественныхъ и парламентскихъ грѣховъ». Проповѣдникъ говорилъ проповѣдь въ будни около получаса, а въ воскресенье часъ. Спальдингъ разсказываетъ, что агенты ковенантеровъ въ Абердинѣ (1642) говорили проповѣди по четыре часа, «но великій Богъ видитъ ихъ лицемѣрное смиреніе и то, что они не надлежащимъ образомъ чтятъ Его». Абердинъ былъ враждебенъ Ковенанту. Главной службой въ году было причащеніе. Нововведеніе Лоуда въ этомъ отношеніи состояло въ томъ, что онъ приблизилъ причащеніе къ католической мессѣ, превративъ столъ причащенія въ алтарь и замѣнивъ сидѣнье колѣнопреклоненіемъ, что было чрезвычайно непопулярно. Реформаторы, вводя столъ вмѣсто алтаря, просто разсматривали открытое пространство храма, какъ залъ, и ставили доски на козлахъ какъ столы для общей трапезы. До 1775 года не было теперешняго обычая причащать въ закрытыхъ скамьяхъ. Иногда столъ былъ буквально загороженъ, какъ въ 1562 году въ Эдинбургѣ, гдѣ поставили деревянныя пали или travess (лат. trabes—палка), чтобы «задержать не пріобщавшихся». Пріобщеніе замѣняло и исповѣдь и мессу и было не только религіознымъ обрядомъ, но и орудіемъ дисциплины.

Поведеніе молящихся доказывало полный разрывъ съ старымъ ритуаломъ, что доказываетъ въ свою очередь смѣшеніе независимости съ грубостью, столь свойственное демократическому настроенію.

Конгрегація сидѣла съ покрытыми головами и избѣгала колѣнопреклоненій и другихъ знаковъ почитанія. Послѣ во время молитвы начали снимать шляпы и шапки. Сидѣнье во время проповѣди было обычнымъ. Во времена епископа Купера только нѣкоторые были такъ вѣжливы, что снимали шляпы (1600—25); даже епископы и епископальное духовенство позволяли поступать въ этомъ отношеніи, какъ кому вздумается. Смотрѣть за поведеніемъ публики поручалось сторожу (beadle) и онъ съ красной палкой въ рукѣ ходилъ мимо скамей и будилъ спящихъ. Мальчики иногда во время проповѣди начинали шумѣть и драться или убѣгали. Въ 1621 году въ одного купца уличные мальчишки во время богослуженія бросали свои шапки.

Абердинская сессія приказала (1616), чтобы «малыхъ ребятъ не брали съ собой въ кирки, потому что они бѣгаютъ по киркѣ во время проповѣди; ихъ лучше оставлять дома». Парламентскій актъ (1551) шелъ дальше; онъ повелѣвалъ такихъ сѣчь (be leished). Иногда было трудно заставить слушать проповѣдь. Въ Абердинѣ (1603) были назначены особые прислужники, которые должны были стоять у дверей и возвращать назадъ «тѣхъ, которые выходятъ до отпуска, за исключеніемъ только больныхъ, которые не могутъ такъ долго выдержать» Андрью Кантъ лишалъ причащенія всѣхъ спавшихъ во время проповѣди, если только они были крѣпки и здоровы. Актомъ 1640 года воспрещалось храпѣть во время проповѣди. Но вообще говоря, всѣ писатели свидѣтельствуютъ, что въ Шотландіи приличія было больше, чѣмъ въ англійскихъ церквахъ.

Церковная дисциплина.

Кирку въ особенности строго осуждали за ея суровую дисциплину и сравнивали ее съ испанской инквизиціей. Это происходитъ отъ преувеличеній отчасти, а отчасти отъ непониманія духа времени. Кирка старалась только возстановить ослабѣвшую дисциплину римской церкви, не только ради поученія, но и ради возстановленія нравственности и сохраненія порядка. Въ то время не было ни законовъ о бѣдныхъ, ни полиціи, а юстиція была слаба и подкупна. Вліяніе пресвитеріанскаго режима на общественную нравственность несомнѣнно. «Сатира» Линдсея не могла бы появиться при управленіи кирки, ея своеволіе и разнузданность не были бы терпимы Киртонъ, можетъ быть, ужъ черезъ чуръ благопріятно для кирки излагаетъ дѣло, говоря: «въ Шотландіи не могли жить скандалисты; скандала тамъ нельзя было скрыть; настолько близки были отношенія между священниками и конгрегаціями» (1650). Обыкновеннымъ наказаніемъ былъ «столбъ покаянія» или «высокое мѣсто», называемое такъ потому, что его ставили на виду. Одинъ изъ наказываемыхъ жаловался на боль головы и просилъ разрѣшенія «стать въ низу» (laich). На кающихся надѣвали особую рубаху. Въ крайнихъ случаяхъ наказаніе повторялось въ сосѣднихъ приходахъ, и это на-

зывалось «круговымъ удовлетворенiемъ» (Circular Satisfaction). Обязанность старѣйшинъ была наблюдать за округомъ и поддерживать сношенiя съ другими округами, чтобы предупреждать преступленiя извѣстныхъ нарушителей порядка. Драчуньи и клеветники наказывались держаньемъ въ теченiе часа или двухъ въ «ярмѣ» или желѣзномъ ожерельѣ, прикованномъ къ церковной стѣнѣ. Самымъ суровымъ наказанiемъ было отрѣшенiе отъ причащенiя. Дѣятельной полицiей были старшины и ихъ старанiя прекращать сплетни, пьянство и безнравственность по необходимости развивали въ нихъ самихъ лицемѣрiе и склонность къ мелочнымъ преслѣдованiямъ. Въ 1640 г. двумъ старшинамъ было предписано въ десять часовъ вечера пройти по деревнѣ Гальстонъ въ Айрширѣ и сообщить священникамъ, кто въ это время сидитъ по кабакамъ. Это и было поводомъ къ выраженiю «часы старшинъ». Этихъ людей называли «civilisers» (цивилизаторами).

Обычаи.

Мы можемъ представить себѣ шотландцевъ въ царствованiе Iакова и Карла и ихъ житейскую обстановку – платье, мебель, всякаго рода комфортъ и пр.—на основанiи инвентарей, приложенныхъ къ завѣщанiямъ того времени. Завѣщанiе лэди Фэрли, напримѣръ, изъ сѣвернаго Айршира доказываетъ, что она была образцомъ хорошей хозяйки добраго стараго времени. Она оставила большой запасъ перинъ, подушекъ и чехловъ на подушки (codwaris), одѣялъ и простынь, занавѣсокъ съ лентами, столоваго бѣлья, салфетокъ, котловъ, горшковъ желѣзныхъ и мѣдныхъ, дюжину блюдъ (pewter), trenchers, (доски для разрѣзанiя мяса), сломанный подсвѣчникъ, кухонную посуду, старый сундукъ и много скота и припасовъ. Супруга Мура Роваллана была важная дама и оставила (1613) роскошныя вещи изъ бархата, шелка, тафты, амазонки, женскiя сѣдла, 5 серебряныхъ ложекъ, два золотыя кольца и золотую цѣпь. Зажиточный лейрдъ Портинкросса (теперь живописной развалины на скалахъ около Кумбреса) оставилъ множество вещей (1621), отъ ключей, плуговъ, гвоздей, бычковъ, лодокъ до кухонной посуды и столоваго бѣлья. Инвентарь гражданина Дунфермлина еще болѣе любопытенъ; въ немъ встрѣчаются такiя вещи, какъ серебрянная зубочистка, ушная ложечка, деревянный умывальникъ, братвейнъ для жаренья (stretching-goose), топорикъ для разбиванья углей, висячiй подсвѣчникъ для залы, блюдо и дюжина цинковыхъ тарелокъ. Эти инвентари доказываютъ отсутствiе такой мебели, какъ кресла, кровати, столы и т. п., а также горшечныхъ товаровъ, не говоря уже о такихъ, которые теперь считаются не только полезными, но и необходимыми. Деньги завѣщались вообще только въ формѣ неполученныхъ долговъ. Но все таки имѣются доказательства о существованiи нѣкотораго комфорта и даже роскоши. Къ счастiю у насъ есть дневникъ Ловтера (1629), гдѣ очень живо описывается хозяйство сельскаго джентль-

мена. Слуги сэра Джемса Прингля въ шляпахъ служили за обѣдомъ; предъ каждымъ изъ гостей былъ тазъ для умыванія рукъ; раньше, чѣмъ сѣли за столъ, хозяинъ читалъ молитву; меню состояло изъ суповъ, мясныхъ блюдъ, дичи, сыра и фруктовъ; послѣ обѣда для пива и водки были подосланы салфетки; трое мальчиковъ пѣли благодарственную молитву и «Отче нашъ и, наконецъ, предъ сномъ подавали чашу эля. При отъѣздѣ утромъ подавали «посошокъ на дорогу». Даже въ скромномъ домѣ балльи близъ Лангтама Ловтера угощали птицами, бараниной, лепешками, бѣлымъ хлѣбомъ и элемъ. Не удивительно, что Маркъ Непиръ, описавъ на основаніи семейныхъ документовъ домашнюю жизнь Монтроза въ его юности, сурово нападаетъ на Маколея за его утвержденіе, будто шотландскіе джентльмены временъ Уніи одѣвались, питались и жили такъ, какъ живутъ Исландцы. Такія реторическія обобщенія приносятъ вообще мало пользы изучающимъ исторію.

Дебаты обыкновенно велись грубо, рѣзко, въ вульгарныхъ выраженіяхъ. Городское населеніе невольно выучивалось дурнымъ манерамъ при видѣ тогдашнихъ зрѣлищъ: ярма и покаяннаго столба, купанья сварливыхъ бабъ, клейменья и сжиганья на кострахъ колдуній. Въ особенности замѣчательно дѣло поляка Стеркоріуса. Онъ былъ въ Шотландіи, носилъ тамъ національный свой костюмъ, былъ принятъ очень грубо и по возвращеніи издалъ противъ шотландцевъ памфлетъ: Legend of Reproaches. Эта книга была признана пасквилемъ и король, услыхавъ о ней, добился преслѣдованія и обезглавленія автора въ Данцигѣ за оскорбленіе.

Іаковъ вообще былъ безпощаденъ къ сатирикамъ. Даже добродушный Робертъ Байлли былъ вынужденъ отнестись критически къ нравамъ и обычаямъ шотландцевъ при видѣ поведенія толпы, загородившей всю Гай-Стритъ въ Гласко до самыхъ дверей собора, гдѣ въ 1638 году засѣдало общее церковное собраніе. Описаніе эдинбургской черни Бреретономъ тоже не особенно благопріятно для нее. «Народъ, говоритъ онъ, грязенъ. Воду привозятъ только черезъ день. Нужныя мѣста замѣняются бочками или кадками, которыя ставятся гдѣ нибудь въ углу; ихъ не выливаютъ. пока онѣ не наполнятся. Благородные шотландцы храбры, хорошо воспитаны и въ послѣднее время сильно исправились. Большинство народа очень честно и очень религіозно; пьютъ и ругаются немногіе. Но очень непріятна ихъ неряшливость и нечистота. Металическую посуду они никогда не чистятъ, чтобы не стереть металла».

Костюмъ. Путешественники не отмѣчаютъ ничего достойнаго замѣчанія въ костюмѣ, по крайней мѣрѣ высшихъ классовъ. Крестьянскій нарядъ сохранялся до временъ Бернса. Они носили куртку изъ грубой шерстяной матеріи (plaiden), плотно застегнутую, съ полами до бедеръ и опоясанную кожаннымъ поясомъ; ленты и ремни вошли въ упот-

ребленіе только въ настоящемъ столѣтіи. Штаны застегивались у колѣнъ, а ниже носили чулки изъ сѣрой шерстяной матеріи. Верхнимъ платьемъ было широкое пальто изъ черной и бѣлой шерсти, съ большими, грубыми деревянными пуговицами, обтянутыми сукномъ. Шарфомъ служила квадратная косынка (twilling) изъ грубой пряжи; она обертывалась два раза вокругъ шеи и потомъ пристегивалась къ курткѣ. Шапка шерстяная и обыкновенно голубого цвѣта Болѣе зажиточные изъ крестьянъ носили полотнянныя рубахи; въ горныхъ округахъ рубахи были изъ грубой шерсти и мѣнялись не болѣе четырехъ разъ въ годъ. Джентльмены верхней Шотландіи совсѣмъ не носили какого либо особаго костюма, какъ это полагали; фамильные тартаны (пледы изъ клѣтчатой шерстяной матеріи), шляпы съ перьями и броши—все это сравнительно новыя принадлежности шотландскаго горца. Въ документахъ Кавдорскихъ встрѣчается указаніе на тарганы, но тогда они употреблялись какъ одѣяла. Тартанъ дѣлали и носили во всей Шотландіи, но не интересовались особенно какимъ либо особымъ фасономъ и рисункомъ ткани. Тайлоръ на большой охотѣ въ Braes of Mar (1618) видѣлъ грубый костюмъ, вооруженіе и обычаи быстро исчезавшаго феодализма.

Кирка наложила свою тяжелую руку на всѣ народныя увеселенія по праздникамъ, да и вообще она косо смотрѣла на все, кромѣ проповѣдей какъ по воскресеньямъ, такъ и въ будни. Іаковъ пытался противодѣйствовать ей, издавъ «книгу увеселеній» (1618). Въ политику епископовъ входило поощреніе развлеченій, къ великому неодобренію ихъ враговъ; историкъ Кальдервудъ разсказываетъ, что епископъ Коуперъ незадолго до смерти (1619) былъ на Лейтѣ и былъ тамъ испуганъ видѣніемъ. «И вскорѣ послѣ этаго умеръ». Карты и кости клали неизгладимое пятно на игроковъ; къ нимъ относились съ ужасомъ, ихъ избѣгали, такъ какъ они употребляли «чертовы святцы и чертовы четки»; скачки были слишкомъ старымъ и слишкомъ любимымъ спортомъ, чтобы духовенство могло подѣлать съ нимъ что нибудь; и онѣ сохранились на Твидѣ и въ Пэйслеѣ. Домашніе расходы Монтроза, когда онъ былъ студентомъ университета св. Андрея, даютъ намъ представленіе о веселой жизни баронскаго сына. Онъ постоянно катался верхомъ по странѣ, платилъ щедро за ковку лошадей, за обтиранье ихъ послѣ гонки элемъ, за стрѣльбу въ цѣль и въ особенности за игры въ мячъ въ Лейтѣ или у св. Андрея или въ Монтрозѣ. Отецъ его былъ, кажется, закоренѣлымъ курильщикомъ. Расходъ его на трубки и табакъ былъ громадный. Молодой маркизъ любилъ соколиную охоту и очень нѣжно относился къ своимъ соколамъ. Король тоже страстно любилъ соколовъ, что видно изъ его письма къ Фразеру Филорту. Іаковъ слы-

Увеселенія.

шалъ, что у Фразера лучшій соколъ во всей Шотландіи, и проситъ у него подарить ему этаго сокола.

Суевѣрія. Преслѣдованіе бѣдныхъ сумашедшихъ или шарлатановъ, колдуновъ и знахарей всегда было популярнымъ въ Шотландіи. Суды надъ ними составляютъ мрачную, но характерную страницу въ мрачныхъ анналахъ суевѣрія въ Шотландіи. Въ то время эти преслѣдованія были въ полномъ ходу; охота за папистами и колдуньями всегда поощрялась правительствомъ, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ коварныхъ намѣреній прелатовъ. Сохранялись не одни только эти средневѣковыя суевѣрія, сохранялись и остатки язычества, вродѣ Goodman's Croft (иначе злой духъ). Это былъ кусовъ земли въ концѣ поля, оставляемый не вспаханнымъ; даже черезъ сто лѣтъ онъ былъ извѣстенъ въ Буханѣ подъ названіемъ Heelie Man's Rig. Почва Шотландіи, подобно германской, всегда была благопріятна для фолклора. «Flyting» Монтгомери богата остатками фолклора, съ его wraiths (явленія призраковъ fey, осужденному умереть), bogles (шаловливые духи), brownies (добрые духи), kelpies (водяные), gyrcarlins (колдуньи) и адскія собаки.

Культура. Семнадцатый вѣкъ имѣлъ огромное значеніе въ дѣлѣ сформированія народнаго характера, но онъ не благопріятствовалъ культурѣ. Кирка безсознательно помогала стараніямъ короля Іакова, какъ своеобразнаго «школьнаго учителя націи». Въ литературномъ отношеніи этотъ періодъ совершенно безплоденъ, если не принимать во вниманіе такихъ посредственностей, какъ Айтоунъ, Александеръ, Монтгомери и даже Друммондъ, хотя послѣдній и пользовался широкой популярностью. За исключеніемъ Монтгомери, бывшаго Дёнбаромъ второго разряда, избѣгали разговорнаго языка и тратили свои силы на слабыя попытки подряжать южанамъ. Въ прозаической литературѣ церковные историки съ честью шли по стопамъ Буханана, Нокса и Мельвиля. Если судить по примѣру Байлли, то сельское духовенство проявляло живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Отъ своего кузина Спанга изъ Кампвера онъ получалъ «Куранты», а изъ Амстердама и Парижа «Французскій Меркурій». Онъ просилъ, чтобы книги пересылались ему въ кожанномъ переплетѣ или въ пергаментѣ; «это лучше, чѣмъ возиться и платить за плохіе переплеты Джемсу Сандерсу въ Гласко».

Университеты. Университеты страдали отъ шумной полемики того времени и отъ интригъ церковниковъ. Неудивительно, что Бойдъ, ректоръ въ Гласко, (1623) желалъ удалиться въ деревню, такъ какъ ему надоѣло «ссориться съ парнями». Бреретонъ разсказываетъ о попыткѣ учредить новое педагогическое заведеніе (Pedagogium) и устроить для коллегіи въ Гласко отдѣльное зданіе. Это зданіе было построено только въ 1656 году. «Библіотека, разсказываетъ видѣвшій его Бреретонъ, не много больше моего стараго кабинета. Въ коллегіи четыре ре-

гента, ректоръ и 120 студентовъ. Въ Абердинѣ профессора были латинисты съ европейской извѣстностью, но упорные приверженцы прелатовъ.

При ревизіи коллегіи въ 1618 году оказалось, что она на краю погибели вслѣдствіе воровства или небрежности, но епископъ Патрикъ Форбесъ произвелъ широкія реформы. Въ это время мы встрѣчаемъ первое указаніе на то, что это время было временемъ Гарвея и его великаго открытія. Въ 1636 году профессоръ анатоміи Гордонъ, до тѣхъ поръ вынужденный читать свои лекціи на трупахъ животныхъ, получилъ отъ Частнаго совѣта приказъ на полученіе труповъ двухъ казненныхъ преступниковъ, а при неимѣніи таковыхъ труповъ безпріютныхъ бѣдняковъ. Другимъ признакомъ научнаго прогресса было участіе Роберта Гордона въ составленіи атласа Blaeu (1637—54). Сынъ его, Ротимай, занимался топографіей и одинъ изъ первыхъ изучалъ черченье.

Въ этомъ вѣкѣ сдѣланы были попытки (1616) учредить школы и осуществить такъ долго остававшійся на бумагѣ планъ Нокса. Но въ дѣйствительности сдѣлано было мало или ничего; система приходскихъ школъ оставалась до настоящаго вѣка позоромъ для Шотландіи. Немногія городскія школы были единственными образовательными учрежденіями, достойными этого названія. Джемсъ Мельвиль даетъ интересный отчетъ объ одной изъ нихъ (въ Монтрозѣ). Байлли разсказываетъ, что его пригласили помощникомъ къ старому школьному учителю въ Гласко, въ школѣ котораго было больше трехсотъ дѣтей. Байлли въ этомъ году (1614) получилъ университетскую степень, былъ въ теченіе двухъ лѣтъ репетиторомъ и потомъ получилъ мѣсто регента коллегіи. Въ Кильвиннингѣ онъ дѣлалъ, что возможно, чтобы побудить лэйрда Эглинтона поддержать школу, но все же жалованье учителю (по двадцати марокъ) не было уплачено въ теченіе трехъ лѣтъ. Единственной формой обученія въ большинствѣ сельскихъ приходовъ было обученіе катехизису пономаремъ. У сыновей бароновъ были учителя, они, какъ это было у Монтроза, сопровождали ихъ въ университетскій городъ и тамъ руководили ихъ занятіями. Оттуда баронскіе сыновья обыкновенно на нѣкоторое время отправлялись заграницу. Именно такой системѣ образованія, а не школамъ и университету, ученые шотландцы стараго времени обязаны тѣмъ, что они сдѣлали. Кавдорскіе документы указываютъ, что дѣлалось для образованія женщинъ. Дѣвушки изъ знатныхъ домовъ отдавались въ школу м-съ Камбель въ Эдинбургѣ. Мистрисъ Маргарита (въ то время дѣвушекъ изъ родовитыхъ семей называли мистриссъ, а не миссъ) училась игрѣ на скрипкѣ (Viol d'gamba), на Virginals (органъ) и на арфѣ. Она вышивала украшенія для кабинета ея отца и училась дѣлать пастеты. Для музыки, французскаго языка и танцевъ были особые учителя. Лэди Кавдоръ занималась хозяй-

Школы.

ствомъ, читала благочестивыя книги и по старому обычаю подписывала свои письма прежней своей дѣвичьей фамиліей: Стюартъ Байлли обращается къ своей женѣ съ задушевнымъ: *ты* и называетъ ее: «сердце мое».

Благосостояніе и бѣдность

Изъ частыхъ упоминаній о банкротствахъ можно заключить, что капиталовъ было немного и кредитъ недоступенъ. Обращеніе съ должниками (dyvour) опредѣлялось традиціями старой церкви. Кромѣ Базарнаго креста (Mercat Cross) въ Эдинбургѣ былъ «Камень должниковъ» (Dyvours Stane)—должники подъ страхомъ трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія должны были являться къ нему отъ десяти часовъ до часа послѣ полудня, одѣтые въ ненавистные цвѣта средневѣковыхъ евреевъ, въ желтую шапку, въ пальто на половину желтаго, на половину темнаго цвѣта. Нищихъ было множество и при отсутствіи пріютовъ для бѣдныхъ, домовъ умалишенныхъ, госпиталей и сколько нибудь устроенныхъ тюремъ отвратительныя зрѣлища и непріятныя встрѣчи дѣлали улицы очень непривлекательными. Бѣдные собирались у церковныхъ дверей и просили тамъ милостыни. Прекраснымъ образцемъ благотворительности было завѣщаніе Роберта Бойда изъ Кумбернольда, изъ младшей линіи знатнаго рода Кильмарнокъ, умершаго въ 1611 году. Онъ завѣщалъ своимъ душеприкащикамъ, графу Аберкорну и ректору университета въ Гласко, защищать его бѣдныхъ фермеровъ и слугъ, поддерживать ихъ права и давать имъ то, что надлежитъ. Онъ завѣщалъ похоронить его по старому обычаю и «прилично угостить на его похоронахъ друзей». Его слуги должны получить траурныя платья, а также и двѣнадцать бѣдныхъ изъ его свиты должны получить такія платья, со штанами и башмаками. Онъ желалъ умереть въ въ мирѣ со всѣми и приказываетъ выдать сосѣду, «получившему отъ него несправедливое оскорбленіе, которое лежитъ на моей совѣсти» и другому сосѣду суммы за «сдѣланный имъ мной вредъ». Далѣе слѣдуютъ другіе пункты, всѣ очень обдуманные и благонамѣренные и очень интересные, какъ указатель общественной жизни того времени. Королевскіе бѣдные (King's bedesmen), которыхъ было столько, сколько королю было лѣтъ, носили голубой плащъ съ оловянными значками. Въ день рожденія короля въ Эдинбургѣ имъ раздавались плащи съ шотландскими шиллингами. Одинъ изъ Эдинбургскихъ купцовъ, Виллььямъ Дикъ, былъ принцемъ среди гражданъ. Онъ началъ свою карьеру откупщикомъ коронныхъ рентъ съ Оркнея, велъ торговлю на Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ и одинъ изъ первыхъ мѣнялся переводами съ Голландіей. У дверей его дома на Гай Стритѣ, противъ главнаго входа церкви св. Жилься, отецъ Дэви Динса видѣлъ мѣшки долларовъ для уплаты арміи ковенантеровъ при Дунсъ Лоу.

Ни Унія 1603 года, ни Унія 1707 года не оказались благопріят-

ными для торговли Шотландіи вслѣдствіе зависти англійскихъ торговцевъ и фискальныхъ мѣръ парламента. Сначала было опредѣлено парламентскими актами, чтобы англійская торговля велась только на англійскихъ корабляхъ, что было сильнымъ ударомъ для развившейся торговли Шотландіи, въ особенности потому, что шотландцы имѣли значительное участіе въ транзитной торговлѣ съ Франціей. Небольшіе приморскіе города быстро развивались. Джемсъ Мельвиль разсказываетъ, что его прихожане въ Анструтерѣ и Кильренни много страдали отъ пиратовъ и снарядили (1584) экспедицію, которая преслѣдовала и захватила флотъ пиратовъ у берега Суссекса и вернулась оттуда съ развѣвавшимися флагами. Моряки изъ Форта иногда заходили такъ далеко, что попадали въ руки пиратовъ Берберіи. Ковенантеры между прочимъ жаловались, что ихъ корабли удерживаются за моремъ и ихъ грузы конфискуются правительствомъ короля. Доказательствомъ того, что въ портахъ Форта сознавали потребности мореплаванія, служитъ то обстоятельство, что одинъ лэйрдъ Файфа получилъ въ 1635 году разрѣшеніе построить на Май-Исландъ башню въ сорокъ футовъ вышины. На этой башнѣ круглый годъ по ночамъ зажигали костеръ. При Уніи Бервикъ пришелъ въ упадокъ. Бреретонъ въ 1636 году нашелъ въ его узкой и мелкой гавани только одно небольшое транспортное судно (pink) въ сорокъ тоннъ и нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Вслѣдствіе увеличенія капиталовъ и роста торговли углемъ и солью главнымъ портомъ сдѣлался Лейтъ. Ловтеръ въ 1629 году видѣлъ тамъ сто пятьдесятъ судовъ, около двухсотъ тоннъ каждое — что кажется даже преувеличеніемъ. Ловтеръ признаетъ этотъ городъ лучшимъ, чѣмъ Карлиль, и удивляется его церквамъ, богадѣльнямъ и новому каменному мосту. Устрицы, добываемыя у этого порта, шли въ Ньюкэстль и Карлиль. Тейлоръ (1618) разсказываетъ о крупной вывозной торговлѣ зерномъ и о ввозѣ вина. Отчетъ Бреретона (1636) менѣе благопріятенъ: «портъ не великъ; въ устьи рѣки два хорошихъ деревянныхъ мола, но у нихъ я не видалъ ни одного корабля». Промыслы и торговля.

Для руководства откупщика коронныхъ доходовъ съ портовъ въ въ 1612 году былъ составленъ тарифъ. Въ 1609 году король отдалъ всѣ пошлины, внутреннія и внѣшнія, за годичную ренту въ 115,000 марокъ. Тарифъ очень интересенъ; въ немъ перечисляются матеріалы для мануфактуръ, орудія хозяйственныя, орудія для женскихъ работъ; кромѣ этого указанія на развитіе мѣстной промышленности оно доказывается и такими предметами вывоза, какъ лекарства, врачебные инструменты, даже дѣтскія игрушки. Вывозъ пищевыхъ средствъ производился только съ особаго разрѣшенія; тѣ же ограниченія примѣнялись къ шерсти, шерстяной пряжѣ, золоту и серебру. Послѣ этого времени имѣются доказательства увеличенія вывоза льняной пряжи, угля, соли, кожъ и овса. Главными продук- Вывозъ и таможенныя пошлины.

тами вывоза были соль и уголь. Бреретонъ видѣлъ солеварни, болѣе обширныя, чѣмъ въ Шпльдсѣ, по обоимъ берегамъ Форта почти до Стирлинга. Въ Кульроссѣ Георгъ Брюсъ проявилъ необычайную предпріимчивость въ дѣлѣ углепромышленности. Онъ заложилъ шахту, бывшую однимъ изъ чудесъ того времени. Его копи посѣтилъ король (1617) и Тейлоръ (1618). Средняя заработная плата угольщика и его семьи была 5 марокъ въ недѣлю (5 ш. 6 д.).

Промышленность.

Торговыя гильдіи сильно мѣшали развитію промышлености и препятствовали попыткамъ устроить колоніи флемминговъ въ Канонгэтѣ (1609) и голландцевъ въ Лейтъ-Виндъ въ Эдинбургѣ (1619). Пивовареніе было введено англичанами въ широкихъ размѣрахъ въ Плизансъ близъ Эдинбурга; тамъ Бреретонъ нашелъ самыя большіе чаны, цистерны и бочки, какіе онъ когда либо видѣлъ. Лучшимъ примѣромъ взглядовъ Частнаго совѣта на новыя промыслы и отрасли торговли можетъ служить прокламація (1615) противъ «незаконнаго и вреднаго» вывоза яицъ. Въ подобныхъ же выраженіяхъ Совѣтъ высказался и противъ вывоза сала. Очень интересны исторіи основанія стеклянныхъ заводовъ въ Вемиссѣ на Файфѣ (1610), химическаго завода однимъ фламандцемъ въ Муссельбургѣ (1512) и мыловареннаго (1619). Завѣщаніе одного красильщика и бѣлильщика (walker) въ Стевартонѣ въ Айрширѣ (1610) представляетъ первое указаніе на развившуюся впослѣдствіи крупную суконную промышленность на западѣ Шотландіи. Въ числѣ неполученныхъ долговъ въ этомъ завѣщаніи упоминается о деньгахъ за крашенье Стевартонскаго сукна, за окраску сукна остались должны разныя суммы граждане Гласко, Эдинбурга и даже Перта. Одной изъ первыхъ развилась между двумя королевствами терговля скотомъ, благодаря, конечно, легкости перегона. Потомъ эта торговля достигла огромныхъ размѣровъ, но сначала она ограничивалась Галловеемъ и Аннандлэлемъ. Байлли разсказываетъ объ осложненіяхъ вслѣдствіе того, что мэръ Ньюкэстля арестовалъ лошадей, купленныхъ на Матонской ярмаркѣ для шотландскихъ купцовъ, такъ какъ это мѣшало погонщикамъ прогонять ихъ скотъ въ Англію. Очень интересенъ его разсказъ о вьючныхъ лошадяхъ по пути въ Лондонъ, о дорогахъ и о гостинницахъ на этихъ дорогахъ.

Путешествія и средства передвиженія.

Гостинницъ было мало и путешественникамъ приходилось останавливаться въ частныхъ домахъ. Интересныя свѣдѣнія о расходахъ и объ удобствахъ пути даютъ намъ Ловтеръ и Бреретонъ. Путешествія были небезопасны вслѣдствіе рѣдкости мостовъ, вслѣдствіе частыхъ и опасныхъ бродовъ и широкихъ и бурныхъ потоковъ. Въ Бервикѣ на Твидѣ былъ новый мостъ въ пятнадцать арокъ, построенный въ 1616 году и теперь еще существующій; но до самаго Пибльса мостовъ больше не было. Тейлоръ на западной дорогѣ переходилъ пѣшкомъ въ бродъ Эскъ и Аннанъ; лошадей переводили мальчики,

обыкновенно шедшіе впереди съ шестомъ въ рукѣ. Въ Пертѣ на Теѣ былъ старый деревянный мостъ, но его снесло и эту рѣку переѣзжали на лодкахъ, пока въ 1771 году не построили теперь существующаго моста. Въ Думфри, Айрѣ, Гласко и Абердинѣ были хорошіе старые каменные мосты—они всѣ существуютъ и теперь, кромѣ моста епископа Кае черезъ Клайдъ, разобраннаго въ не очень давнее время. Очень важный перевозъ въ Портпатрикѣ былъ самаго примитивнаго устройства. Лошадей и скотъ просто бросали въ воду и заставляли ихъ плыть къ дикому и скалистому берегу.

Колесныхъ дорогъ долго не было, хотя матеріаловъ подъ рукой было много. Королева Анна и наслѣдный принцъ, остававшіеся въ 1603 году въ Стирлингѣ, прибыли въ Эдинбургъ черезъ нѣкоторое время къ церкви св. Жильса въ каретахъ на колесахъ, привезенныхъ королевой изъ Даніи. Они слушали проповѣдь и потомъ поѣхали къ Голируду. Когда Лоудъ отправился въ Дунбланъ (1639), его выѣздъ смутилъ очевидцевъ. «Они называли это очень опаснымъ и труднымъ путешествіемъ—такой переѣздъ по части верхней Шотландіи въ каретѣ, которая тамъ представляетъ чудо». На новомъ мосту въ Лейтѣ въ 1619 году собирались пошлины съ разныхъ товаровъ, но о колесныхъ экипажахъ въ спискѣ не упоминается. Первая попытка перевоза публики между Эдинбургомъ и его портомъ на Лейтѣ была сдѣлана въ 1610 году, но дѣло не пошло. Во время волненій (1638) государство учредило почтовые перегоны между двумя столицами. Извѣстія вообще получались рѣдко и только чрезъ спеціальныхъ курьеровъ или по оказіи. Байлли писалъ къ Спангу въ Кампверъ (1637): «больше шести недѣль прошло со времени прибытія въ Гласко купцовъ, съ которыми вы обѣщали послать письма—и только теперь я получилъ ихъ. Удивительно, что во всей нашей странѣ мы не знаемъ, что дѣлается за моремъ, не больше, чѣмъ мы знаемъ, что дѣлается въ Америкѣ». Иностранныя газеты онъ получалъ тѣмъ же путемъ.

Ирландія.

Жойса.

Іаковъ былъ первымъ англійскимъ королемъ, добровольно признаннымъ всѣми ирландцами ихъ законнымъ государемъ; онъ по одной изъ линій своихъ предковъ происходилъ изъ рода старыхъ ирландскихъ королей. Ирландцы кромѣ того полагали, что онъ католикъ и что онъ возстановитъ католическую религію, какъ это сдѣлала королева Марія. Но когда они начали снова завладѣвать

своими церквами и служить мессу, Мунтжой, бывшій еще намѣстникомъ, остановилъ это движеніе, возвративъ церкви протестантскому духовенству. Вскорѣ были возстановлены оба акта о супрематіи и объ единовѣріи; снова начали брать штрафъ съ «отрекшихся» (Recusants), какъ называли католиковъ, отказывавшихся посѣщать протестантское богослуженіе.

Вскорѣ послѣ битвы при Кинсэлѣ Рыжій Гугъ О'Доннель умеръ въ Испаніи. Ему наслѣдовалъ его братъ Рори; король Іаковъ сдѣлалъ его графомъ Тирконнель и въ тоже время подтвердилъ за О'Нейлемъ его титулъ графа Тирона. Оба графа поселились въ своихъ помѣстьяхъ, какъ вѣрные подданные; но имъ не дали жить мирно. Ихъ преслѣдовали шпіоны, имъ надоѣдали процессами, они подвергались всякаго рода непріятностямъ и униженіямъ со стороны чиновниковъ и другихъ людей, жаждавшихъ ихъ земель и желавшихъ новыхъ конфискацій. Наконецъ создали ложный разсказъ о новомъ заговорѣ и ихъ арестъ казался неизбѣжнымъ. Увидавъ, что нельзя жить дома спокойно и безопасно, они въ 1607 году ночью сѣли на корабль въ Донегалѣ и оставили родину съ семьями и немногими послѣдователями. Они поселились въ Римѣ, гдѣ О'Доннель умеръ въ 1608 году, а О'Нейль въ 1616.

Возстаніе О'Догерти.

Безумное и необдуманное возстаніе сэра Кагира О'Догерти, молодого главы Иннисговена въ Донегалѣ, въ 1608 году, было слѣдствіемъ частной мести. Кагиръ былъ на сторонѣ правительства, но получивъ грубое оскорбленіе отъ губернатора Дерри, сэра Георга Паулета, онъ началъ возстаніе, завладѣлъ измѣннически фортомъ Кульморъ, внезапно взялъ Дерри, перебилъ гарнизоны и убилъ Паулета. Черезъ два мѣсяца онъ былъ убитъ въ стычкѣ и возстаніе немедленно кончилось.

Колонизація Ульстера.

Хотя оба графа Тиронъ и Тирконнель, убѣжавъ изъ Ирландіи, не сдѣлали ничего беззаконнаго, вся пахатная земля шести графствъ Ульстера: Донегаль, Дерри, Тиронъ, Армагъ, Ферманагъ и Каванъ, около трехъ четвертей милліона англійскихъ акровъ, была конфискованы, причемъ конфискованы были не только земли графовъ, но и сотни другихъ лицъ, не совершившихъ никакого преступленія противъ государства. Непосредственно послѣ этого король Іаковъ, въ 1608 году, приступилъ къ своему любимому плану заселенія Ульстера. Большая часть конфискованной земли была раздѣлена на участки троякой величины: по 2000, 1500 и 1000 акровъ. Участки въ двѣ тысячи акровъ были отданы англійскимъ и шотландскимъ предпринимателямъ, которые должны были заселить ихъ англійскими и шотландскими протестантскими фермерами, но отнюдь не ирландцами. Участки въ полторы тысячи акровъ были розданы «слугамъ», т. е. служившимъ коронѣ въ Ирландіи; они могли брать фермерами англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ, но и предприниматели и

фермеры должны быть протестанты. Предприниматели и фермеры на участкахъ въ тысячу акровъ могли быть англичане, шотландцы и ирландцы какой бы то ни было религіи; католиковъ не принуждали принимать присягу на основаніи акта о суприматіи. Кромѣ этихъ участковъ цѣлые округа были розданы лондонскимъ купеческимъ кампаніямъ, отдѣльнымъ купцамъ и нѣсоторымъ изъ высшихъ чиновниковъ. Намѣстникъ Артуръ Чичестеръ, получившій главное управленіе колоніей, получилъ на свой пай всю территорію сэра Кагира О'Догерти, Иннисговенъ; большіе куски земли были выдѣлены для протестантскихъ религіозныхъ и образовательныхъ цѣлей. Только 286 человѣкъ изъ прежнихъ собственниковъ получили вознагражденіе, равнявшееся девятой части всей конфискованной территоріи. Всѣмъ остальнымъ, т. е. большинству туземцевъ, невиновныхъ ни въ чемъ, было приказано убираться и устраиваться какъ хотятъ. Но большинство осталось въ родныхъ мѣстахъ и ушли въ безплодныя холмистыя мѣстности, окружавшія ихъ удобные родные дома; они думали о мщеніи и составили контингентъ людей, готовыхъ пристать къ первому же начавшемуся возстанію. Эта колонизація была наиболѣе удачной изъ всѣхъ; черезъ нѣсколько лѣтъ большая часть самой лучшей земли Ульстера была занята англійскими и шотландскими переселенцами. Для покрытія расходовъ король создалъ новое званіе баронета. Каждый, получавшій этотъ титулъ, платилъ около 1095 фунтовъ, которыя и шли на содержаніе въ Ульстерѣ солдатъ.

Сэръ Артуръ Чичестеръ рѣшился теперь созвать парламентъ— первый послѣ двадцати-семи лѣтъ. Но сначала, по приказанію короля, онъ принялъ мѣры для обезпеченія протестантскаго большинства, создавъ сорокъ новыхъ боруговъ, изъ которыхъ каждый избиралъ двухъ представителей; почти всѣ эти избирательные боруги были въ Ульстерѣ. Большинство ихъ были гнилыя мѣстечки, простыя деревушки съ дюжиной или меньше избирателей. Эта неконституціонная мѣра имѣла очень серьезныя послѣдствія. Сначала такую мѣру изобрѣли противъ католиковъ; но впослѣдствіи, когда представительство католиковъ было окончательно уничтожено уголовнымъ противъ нихъ законодательствомъ, эти гнилыя мѣстечки оставались какъ средство для подкупа. Пока они продолжали существовать, правительство за небольшія суммы денегъ могло пользоваться ими, и часто пользовалось, для полученія большинства. Они были уничтожены при Уніи 1800 года. Когда въ 1613 году собрался парламентъ, произошли сцены грубаго насилія; католическая партія, «отрекшіеся», была въ меньшинствѣ, но она все таки была очень сильна и энергично настаивала на своихъ правахъ. Она вынудила правительство исправить нѣкоторыя изъ самыхъ грубыхъ злоупотребленій, совершенныхъ при выборахъ — и тогда дѣла пошли спокойно. Большія субсидіи были вотированы находившемуся вѣчно въ

Парламентъ 1613 года.

денежныхъ затрудненіяхъ королю; графы Тиронъ и Тирконель были объявлены государственными преступниками (въ этомъ случаѣ раньше произошла конфискація, а потомъ принятъ билль of attainder); были уничтожены нѣкоторые старые уголовные статуты противъ туземцевъ и англійскіе законы распространены на весь ирландскій народъ.

Конфискаціи въ Лейнстерѣ. Королю Іакову настолько удался его первый опытъ, что онъ рѣшилъ продолжать колонизацію; съ этой цѣлью онъ назначилъ коммисію для изслѣдованія законности правъ на владѣніе. Такъ какъ были предложены очень жирныя награды, то по всей странѣ расплодилась цѣлая куча господъ, называвшихся «открывателями» (discoverers), профессія которыхъ состояла въ томъ, чтобы разыскивать пробѣлы, дѣйствительные или мнимые, въ правахъ владѣнія; они получали или сами земли, такимъ образомъ «открытыя» ими, или часть денегъ, которыя собственники должны были платить за свои права на земли. Во всякомъ случаѣ король сдѣлалъ выгодное дѣло. Это было, быть можетъ, еще хуже, чѣмъ колонизація Ульстера; тамъ грабежъ былъ открытый, а тутъ онъ производился подъ прикрытіемъ закона и справедливости. Благодаря подобнымъ средствамъ большая часть Лейнстера была конфискована и отдана англійскимъ предпринимателямъ. Подлыя дѣйствія «открывателей» вездѣ разорили собственниковъ и вся страна находилась въ печальномъ состояніи неувѣренности, потому что никто не могъ быть спокоенъ за свою собственность.

Карлъ съ самаго начала своего царствованія испыталъ денежныя затрудненія и онъ, какъ и его отецъ, собралъ богатую жатву съ крючкотворства открывателей. Кромѣ тѣхъ суммъ, которыя взыскивались въ отдѣльныхъ случаяхъ за владѣніе, всѣ католики и протестанты согласились уплатить значительныя суммы чрезъ намѣстника, лорда Фалькланда, за нѣкоторыя уступки или «милости». Такихъ милостей было всего пятьдесятъ одна. Наиболѣе важными изъ нихъ были: смягченіе уголовныхъ законовъ противъ католиковъ, обезпеченіе правъ владѣнія, уничтоженіе насилій и вымогательствъ солдатчины—отъ которыхъ страдали одинаково и протестанты и католики. Хотя деньги и уплатили, но король при посредствѣ Фалькланда безсовѣстно уклонился отъ дарованія обѣщанныхъ милостей. Тѣмъ не менѣе въ Ирландіи наступилъ кратковременный періодъ спокойствія и, повидимому, никто не подозрѣвалъ о коварствѣ короля.

Страффордъ. Послѣ непродолжительнаго, но суроваго преслѣдованія католиковъ Карлъ въ 1633 году отправилъ въ Ирландію намѣстникомъ самаго сильнаго и самаго деспотическаго изъ правителей, какого только знала когда нибудь Ирландія, лорда Уэнтворта, впослѣдствіи графа Страффорда. Онъ преслѣдовалъ двѣ главныхъ цѣли — онъ хотѣлъ сдѣлать управленіе короля абсолютнымъ и добыть для него денегъ;

преслѣдуя эти цѣли онъ давилъ одинаково всѣхъ, и католиковъ и протестантовъ. Но онъ не преслѣдовалъ никого только за религію. Онъ получилъ значительныя суммы денегъ, обѣщавъ нѣкоторыя уступки со стороны короны, называемыя «милостями»; но онъ обманывалъ и водилъ за носъ парламентъ, согласіе котораго на эти милости было необходимо—и милости не были дарованы, причемъ король былъ вполнѣ освѣдомленъ о безчестной игрѣ своего намѣстника. Потомъ возвратившись снова къ правамъ на поземельное владѣніе, къ этому старому и вѣрному средству выжиманія денегъ, Страффордъ открытыми беззаконіями и насиліями нарушалъ повсемѣстно эти права, вынуждая отъ судей приговоры въ пользу короля, угрожая, штрафуя, сажая въ тюрьмы и всячески наказывая шерифовъ, судей, адвокатовъ и присяжныхъ; изъ всякаго отдѣльнаго случая онъ выужилъ деньги для короля. Онъ конфисковалъ почти весь Коннаутъ и большую часть Мюнстера; ничто не помѣшало бы полному очищенію этихъ обширныхъ округовъ, если бы было достаточное количество переселенцевъ. Онъ давилъ и разорялъ безъ всякой, сколько нибудь основательной, причины многихъ изъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, и въ томъ числѣ многихъ старыхъ и заслуженныхъ чиновниковъ. Друзья, замѣчавшіе скоплявшіяся тучи, предупреждали его; но онъ не обращалъ вниманія на ихъ предупрежденія и продолжалъ свое дѣло разрушенія. Но помимо такихъ дѣйствій, его управленіе было справедливо и энергично. Правосудіе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно мѣшало его цѣлямъ, было благоустроено; промыслы и торговля процвѣтали. Но онъ нанесъ странѣ тяжелый ударъ и въ этомъ отношеніи, принявъ мѣры для подавленія процвѣтавшей въ Ирландіи шерстяной промышленности, чтобы она не вредила англійской. Съ другой стороны онъ создалъ въ Ульстерѣ крупную льняную промышленность, которая не вредила Англіи. Наконецъ, онъ былъ преданъ суду; нѣкоторые изъ наиболѣе сильныхъ изъ его обвинителей были ирландцы; нѣкоторыя изъ самыхъ сильныхъ обвиненій, вслѣдствіе которыхъ онъ былъ отправленъ въ 1641 году на эшафотъ, тоже имѣли отношеніе къ ирландскимъ дѣламъ. О возстаніи этого года мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Литература.

Несмотря на почти непрерывавшіяся общественныя волненія въ Ирландіи въ теченіе полувѣка, закончившагося 1642 годомъ, она имѣла почтенную литературу. Основаніе королевой Елисаветой въ 1592 году коллегіи Троицы въ Дублинѣ было важнымъ событіемъ въ позднѣйшей исторіи образованія въ Ирландіи. Нѣкоторыя изъ большихъ школъ, о которыхъ мы упоминали въ предыдущей главѣ, существовали еще въ различныхъ частяхъ страны. Кампіонъ, англійскій писатель объ Ирландіи, говоритъ о посѣщенныхъ имъ въ 1571 году юридической и медицинской школахъ. Въ 1615 году комиссары,

отправленные королемъ Іаковомъ, однимъ изъ которыхъ былъ Усшеръ, впослѣдствіи архіепископъ, указывали на процвѣтавшую школу въ Галвеѣ, содержимую ученымъ католическимъ священникомъ, Джономъ Линчемъ, у котораго «много учениковъ не только изъ этой провинціи, но также изъ англійской территоріи (Pale) и изъ другихъ мѣстностей». Но такъ какъ Линчъ отказался принять актъ объ единовѣріи, комиссары приказали закрыть эту школу.

Англо-ирландскіе писатели.

Въ Ирландіи существовали одновременно двѣ отдѣльныя литературы—аиглійская у англоирландцевъ англійской территоріи, и ирландская, т. е. на ирландскомъ языкѣ, среди туземцевъ и потомковъ старыхъ поселенцевъ. Первый ирландецъ, написавшій сколько нибудь значительное сочиненіе на англійскомъ языкѣ, это Ричардъ Станигерстъ, сынъ регистратора въ Дублинѣ. Онъ писалъ много и на латинскомъ языкѣ и много переводилъ съ этого языка; но главное его сочиненіе, имѣющее цѣнность и теперь, это подробное описаніе Ирландіи, написанное на англійскомъ языкѣ въ 1584 году и изданное въ «Хроникахъ» Голиншеда. Но этому сочиненію предшествовали «Ирландская хроника» Ганмера и «Исторіи Ирландіи» Кампіона, изданныя въ 1571 году англичанами, жившими тогда въ Ирландіи.

Джемсъ Усшеръ (1580—1656), архіепископъ Армага, самый ученый человѣкъ ирландской протестанской церкви, родился въ Дублинѣ, и былъ потомкомъ одного изъ англичанъ, переселившихся въ Ирландію при королѣ Іоаннѣ; мать его была сестрой Станигерста. Его сочиненія, церковныя, историческія и антикварныя, написаны на латинскомъ и англійскомъ языкахъ и всѣ замѣчательны солидностью и глубиной. Джемсъ Уэръ (1594—1666), уроженецъ Дублина, написалъ «Ирландскія древности», «Анналы Ирландіи» и «Біографіи ирландскихъ епископовъ съ древнѣйшихъ временъ»—всѣ на латинскомъ языкѣ; послѣ они были переведены съ значительными и цѣнными добавленіями. Вальтеромъ Гаррисомъ, его внучатнымъ племянникомъ. Эти сочиненія до настоящаго времени изучаются и цитируются въ числѣ главныхъ источниковъ ирландской исторіи и древностей. Два англичанина, жившіе въ это время въ Ирландіи, написали два трактата: Эдмундъ Спенсеръ: View of the State of Ireland, и сэръ Джонъ Дэвисъ (ирландскій генералъ атторней при Іаковѣ)—Discoverie of the true Causes, why Ireland was never entirely subdued till the Beginning of the Reign of Iames I. Оба сочиненія написаны съ чисто англійской точки зрѣнія; но хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они и враждебны ирландцамъ и часто не вѣрны, они составляютъ цѣнное пособіе для изучающихъ исторію Ирландіи и сами по себѣ солидны и цѣнны. Поэтическія произведенія Спенсера не могутъ быть исключены изъ англо-ирландской литературы. Значительную часть «Королевы фей» онъ написалъ во время своего пребыванія

въ Ирландіи въ замкѣ Килькольманъ въ Коркѣ; нѣкоторыя мѣста поэмы, также какъ и другихъ его поэмъ, полны ирландскими намеками, уподобленіями, миѳологіей и топографіей.

Въ теченіе всего этого періода съ самаго начала его было множество писателей, писавшихъ на туземномъ языкѣ стихи и прозу; произведенія ихъ сохраняются до сихъ поръ въ рукописяхъ и по большей части не переведены и не изданы. Много ирландскихъ историческихъ поэмъ того времени содержитъ коллекція, обыкновенно называемая «Contention of the Bards» – это заглавіе произошло отъ дружескаго диспута въ стихахъ между главными учеными Ульстера и Мюнстера относительно достоинствъ древнихъ королей и героевъ этихъ двухъ провинцій. Вилльямъ Бедель, протестантскій епископъ Кильмора, при помощи туземныхъ ученыхъ непосредственно предъ революціей 1641 года перевелъ на ирландскій языкъ библію. Жоффри Китингъ, католическій священникъ въ Типперари (1570—1644) написалъ въ то время, какъ скрывался отъ первыхъ преслѣдованій католиковъ въ Гленѣ Агерлоу, «Исторію Ирландіи», сочиненіе хотя не критическое и переполненное легендами, но очень цѣнное и интересное, вслѣдствіе многочисленныхъ цитатъ изъ утраченныхъ источниковъ и живыхъ описаній старой ирландской жизни и обычаевъ. Изданъ переводъ, но не оригиналъ этой книги. Туземная литература.

Но главнымъ изъ произведеній туземной литературы въ этомъ періодѣ были «Анналы Ирландіи четырехъ авторовъ», самое цѣнное изъ всѣхъ собраніе ирландскихъ лѣтописей. Эти четыре автора (Four Masters)—трое О'Клери изъ Донегаля (одинъ изъ нихъ францисканецъ, а двое міряне) и свѣтскій историкъ О'Мульконри. Собравъ обширную коллекцію древнихъ ирландскихъ историческихъ рукописей, они закончили свою работу въ четыре года (1632—36) въ францисканскомъ монастырѣ въ Донегалѣ; монастырь давалъ имъ помѣщеніе и пищу, а туземный глава Фергаль О'Гара покрылъ всѣ остальные необходимые расходы. Въ предисловіи Михаилъ О'Клери выражалъ опасеніе, что если работу не сдѣлать теперь, то снова нельзя будетъ собрать всѣхъ этихъ матеріаловъ; и это опасеніе оказалось пророческимъ: почти всѣ рукописи были растеряны и погибли во время волненій 1641 и послѣдующихъ годовъ. «Анналы четырехъ авторовъ» были потомъ переведены и изданы съ обширными примѣчаніями Джономъ О'Донованомъ въ Дублинѣ въ семи томахъ in-folio—это самое большое и самое важное изъ сочиненій по ирландской исторіи. «Четыре автора».

ИСТОЧНИКИ 1603—1642.

Общая исторія.

Бёртонъ—History of Scotland; Спеддингъ—Letters and Life of Bacon; Гардинеръ—His. of Eng., 1603—1642; Ранке—His. of Eng. in 14 century; Галламъ—His. of Eng.; Кларендонъ—Hist. of Great Rebellion; Мартенъ—Hist. of France; Гинделей—Hist. of Thirty Sears' War. Рукописные государственные документы въ Record Office (государ. архивъ).

Спеціальные предметы.

Исторія церкви. Гардинеръ — Hist. of Eng.; Ранке; Кларендонъ; Гейлинъ—Cyprianus Anglicus; „Lives" главныхъ церковниковъ того времени; множество памфлетовъ: сочиненія Андрью и Лоуда въ „Library of Anglo-Catholic Theology.; Гёттонъ—William Laud.

Нонконформисты. Гардинеръ; Барклай—Inner Life of Religious Societies of Commonwealth.; Гукъ—Lives of Archbishops; State Papers, James I; Вaддингтонъ — Congregational History, 1567—1700; Diary—Лоуда; Гейлинъ—op. cit.

Армія. Гардинеръ и Галламъ, Дйси—Law of Constitution; Ансонъ—Law and Custom of Constitution; Протеро—Select Statutes and other Constit. docum. illüstrative of reigns of Elis. and James I.

Флотъ. Монсона—Tracts у Чёрчиля—„Vogages". Mss. въ Pepysian Library; Чарнокъ—Marine Architecture; Отчеты комиссіи 1618 г.; біографіи Ралейга—Кайлея, Нэпира и Эдвардса; Сельденъ—Mare Clausum; Исторіи флота—Беркета и Ледіарда (1735).

Изслѣдованія и открытія. Пёрчаса — Pilgrims; Ашера—Henry Gudson; Баффина—Voyages; Works—капитана Джона Смита; Эльфинстонъ—Rise of British Power in East; Ралейгъ—Guiana; Гаррисъ—Voyages; Брюсъ—Annals of East India Gompany (1610); Банкрофтъ—America, I. Статьи въ Diction. of Nation. Biogr. о Гудзонѣ, Баффинѣ, Фоксѣ и другихъ изслѣдователяхъ того времени.

Архитектура и искусство. Фергюссонъ—Hist. of Arch., III. Лофти—Inigo Jones and Christopher Wren. Статьи въ Porfolio 1888 г. Бломфильда объ Иниго Іонесѣ. Вольтманъ и Воерманъ—Hist. of Painting: Ваагенъ — Handbook. Вальполь—Anecdotes of Painters. Ворнумъ—Epochs of Painting. Проперть—Hist. of Miniature Art.

Монеты. Рудингъ—Annals; Кеніонъ—Gold Coins of Eng., Гавкинсъ—Silver Coins of Eng. Аккерманъ—Manual.

Наука. Два сочиненія Уэвелля History и Philos. of inductive Sciences. Введеніе пр. Фоулера къ Novum Organum. Біографіи въ Encycl. Britannica и въ Diction. of Nation Biog.

Литература. Главы о Елисаветинской литературѣ въ сочиненіяхъ Крэйка, Тэна, Арнольда, Минто и Чамберса. Сентсбюри—Elizabethan Lit.; Уордъ—Hist. of Eng. Dram. Lit. Госсе—Iacobean Poets; замѣчанія въ „English Poets"—Макмиллана и въ Eng. Prose Writers. Съ этого времени „Poets"—Чальмерса довольно полное сочиненіе (хотя и встрѣчаются поразительные пропуски); до послѣдняго времени это было наиболѣе доступнымъ изданіемъ нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ въ текстѣ поэтовъ.

Тоже можно сказать о „Plays"—Додслея. Отдѣльныя изданія указать здѣсь невозможно. Слѣдуетъ замѣтить, что начиная съ этого времени имѣются литературныя біографіи, хотя и недостаточныя. О разговорахъ Джонсона съ Друмондомъ см. въ его „Discoveries". Разныя свѣдѣнія у Кларендона. „Letters" — Гауэлля (слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью). Много свѣдѣній у Вальтона—„Lives" и въ другихъ книгахъ.

Земледѣліе. Плодовитымъ писателемъ по этому предмету былъ Жервасъ Маркгамъ. Его сочиненія: Engl. Husbandman (1614); Country Contentmens (1615), Cheape and Good Husbandry (1616), Farawell to Husbandry (1625). Way to get Wealth (1638), Compleat Farriar (1639), содержатъ современныя свѣдѣнія о земледѣліи. Вальтеръ Блитъ (Eng. Improver) первый писалъ о дренажѣ, Самуэль Гартлибъ, изложившій опыты сэра Вестона (Discourse of Husbandrie, used in Brabant and Flanders), первый писалъ о выгодности культуры рѣпы. Оба эти писателя жили въ періодъ гражданскихъ войнъ. Первая книга о выкармливаніи скота—Governement of Cattel, Леопарда Маскаля (1605). *Новыя сочиненія*: Торольдъ Рожерсъ—Hist. of Agricul. and Prices и Six Centuries of Work and Wages; сэръ Эденъ—State of Poor; Дрэкъ—Shakespeare and his Times; Куннингамъ—Growth of Eng. Industry and Commerce; Гарньє—His. of Eng. Landed Interest. Протеро—Pioneers and Progress of Eng. Farming.

Промышленность. Исторію англійской промышленности всего лучше изучить по статутамъ и королевскимъ прокламаціямъ. Faedera—Раймера даетъ подробный отчетъ о комиссіи 1622 г. Нѣкоторыя свѣдѣнія въ исторіяхъ графствъ; напр. о Шеффильдѣ и ножевой промышленности—Hallamshire, Гунтера. Много интересныхъ подробностей у Уэсткота—Devonshire. Относительно ирландской льняной промышленности—„Letters". Страффорда. Относительно хлопчато-бумажной промышленности въ Манчестерѣ—памфлеты Льюса Робертса: много свѣдѣній въ „Memoirs of Wool—Смита. Анонимный памфлетъ Woolmongers' Remonstrance даетъ свѣдѣнія о торговлѣ углемъ въ Лондонѣ. Много цѣннаго у Куннингама, op. cit.

Торговля и денежное обращеніе. Статуты и State Papers. Рожерса—Agriculture and Prices, v. Макферсонъ—Annals of Commerce. Галль—Customs and Revenue of England. Доуэль—His. of Taxes and Taxation. Маклеодъ—Theory and Practice of Banking. Гевинсъ—Eng. Trade and Finance in 17 Century. Изъ современныхъ авторовъ заслуживаютъ упоминанія: Barbon—Discourse of Trade (1690). Чайльдъ—New Discourse of Trade (1690). Гайторнъ—England's Exchequer (1625). Малайнсъ—Centre of Circle of Commerce (1623). Муссельденъ—Free Trade (1622); Мунъ—England's Treasure by Forraign Trade (1664) и Discourse of Trade from England to East Indies (1621). Робертсъ—Treasure of Trafficke (1641). Робинзонъ—England's Safety in Trades Increase (1641).

Пауперизмъ. Бёрнъ—His. of Poor Laws; Эденъ—State of Poor; Никольсъ—Hist. of Eng. Poor Law; Куннингамъ, op. cit.

Общественная жизнь. Различные семейные документы—напр. мемуары Верneевъ, Ежертоновъ, Стаплеевъ. Life of Colonel Hutchinson—м-съ Гутчинсонъ. Сатиры напр. Прайна: Histriomastix, Healthes, Sicknesse, Unloveliness of Lovelocks; трактаты въ Роксбургской библіотекѣ и въ Harleian Miscellany. *Дворъ.* Айкинъ—Courts of Elizabeth, Iames I and Charles I. Никольсъ—Progresses. Бёрчь—Memoirs of Reigns of Elizabeth, Iames I and Charles I. Secret Hist. of Court of Iames I. Гринъ—Lives of Princesses. Брадлей—Arabella Stuart. Галивель—Филлипсъ—Letters of Kings. *Театръ.* Колльє—Eng. Dram. Poet. and Annals of the Stagé. Уорда—Eng. Dram. Liter. Галивель—Филлипсъ—Illustrations of Life of Shakespeare. Гаррисонъ — Description of England. Газлитъ—Engl. Drama and the Stage, 1543—1664. Гадерцъ—Zur

Kenntniss der Altenglischen Bühne. Симсонъ—School of Shakespeare. Флей—Chronicle Hist. of London Stage и Life of Shakespeare. *Феерiи.* Works—Бена Джонсона, Accounts of the Revels при Елисаветѣ и Iаковѣ изд. Куннингама. Куннингамъ—Life of inigo Iones. Бэконъ—Essay on Masques and Triumphs.

Шотландiя. Общая исторiя. Малькольмъ Лаингъ—Hist. of Scotland 1603—1707. Церковныя исторiи Роу, (1558—1639), Кальдервуда (до 1625). Байлли—Letters (1636). Споттисвудъ—History и Спальдинга—Memorialls of the Troubles, 1624—25, излагаютъ взгляды противниковъ ковенанта. Diary—сэра Гона (1635—45), Registers Частнаго Совѣта (XI т. до 1619 г. и даетъ отчетъ о посѣщенiи короля въ 1617 г.), комиссiя историческихъ документовъ, Лонсдэльскiе документы; Ловтеръ—Journal unto Scotland (1629). *Новыя сочиненiя.* Life of Milton—пр. Массона. См. также общiя исторiи Тейлора и Бёртона. Объ отдѣльныхъ предметахъ см. Юмъ Броунъ—Early. Travellers in Scotland и Scotland before 1700. Маркъ Нэпръ—Memoirs of Montrose. Лучшая картина жизни и обычаевъ въ „Old church Life—Эдгара.

Топографiя. Чамберсъ — Caledonia. Тимоти Понтъ, Куннингамъ. Объ Эдинбургѣ см. исторiю Майтланда и Арно, Чамберса—Traditions, Гранта—Old and New Edinburgh. Объ Абердинѣ см. исторiи Гордона и Кеннеди и исторiи разныхъ графствъ.

Ирландiя. Carew Papers. Calendar—Гамильтона. Annals Камдена и Уэра Мигэна—Fate and Fortunes of the Earls of Tyron and Tirconnell. Papers и Life Страффорда. Исторiи Ирландiи Макгеогана (1831) Кокса (1689), Леланда (1773), Макги и Жойса (1893).

ГЛАВА XIV.

Гражданская война и республика. 1642—1660.

Гражданская война.

Смита.

Гражданская война — это столкновеніе двухъ противоположныхъ принциповъ, какъ политической и религіозной, такъ и общественной жизни. Неизбѣжность ея обусловливалась тѣмъ, что у обоихъ принциповъ корни реальны и глубоки и что не имѣлась иныхъ средствъ рѣшенія, кромѣ открытой битвы за преобладаніе того или другого. Компромиссъ является особенно невозможнымъ въ томъ случаѣ, когда представители извѣстныхъ идей не довѣряютъ представителямъ другихъ идей. Таково было положеніе вещей въ Англіи въ эпоху созыва и засѣданій Долгаго парламента. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ Карлъ управлялъ безъ парламента — держась всегда буквы закона, всегда основываясь на рѣшеніяхъ судей, но фактически последовательно разрушая всѣ старыя учрежденія церкви и государства и подготовляя этимъ день страшнаго расчета для наиболѣе способныхъ изъ его министровъ, Страффорда и Лоуда. Волненія начались съ попытки Лоуда ввести въ Шотландіи новый молитвенникъ въ 1637 года. Вся Шотландія бросилась подписывать національный ковенантъ и благоустроенная армія сдѣлала требованія Шотландіей религіозной свободы непреодолимыми. Карлу пришлось подчиниться ея условіямъ. Для того, чтобы отомстить за это униженіе, онъ рѣшился созвать парламентъ въ Англіи. «Короткій парламентъ», однако, сталъ на сторону шотландцевъ и король раньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ распустилъ его, въ маѣ 1640 года. Шотландская армія вторглась въ Англію, перешла Тайнъ, гналась за королевскими войсками и принудила Карла принять ея условія, и въ числѣ ихъ уплату ей 850 фунтовъ въ день. Для того, чтобы достать денегъ, онъ дол-

Долгій парламентъ. Великая ремонстранція. Начало войны

женъ былъ созвать другой парламентъ, а этотъ «Долгій парламентъ» считалъ шотландцевъ своими лучшими друзьями. Послѣ шестимѣсячной борьбы парламентъ отправилъ Страффорда на эшафотъ. Онъ провелъ трехгодичный билль, гарантировалъ себя противъ распущенія королемъ, уничтожилъ корабельный налогъ и Звѣздную палату, и потомъ «приступивъ къ корню всякаго зла», напалъ на епископатъ. По поводу борьбы изъ за этого «билля о корняхъ и вѣтвяхъ» (Roots and Branch Bill) началось, такъ сказать, кристаллизироваться новое дѣленіе двухъ партій, пуританъ и роялистовъ. Но въ это время произошелъ таинственный «инцидентъ» въ Шотландіи и страшный взрывъ ярости ирландско-католической партіи, выразившійся въ убійствахъ въ Ульстерѣ; оба эти событія общественнымъ мнѣніемъ справедливо были поставлены на счетъ Карлу. Пуритане составили «Великую Ремонстранцію»—воззваніе къ націи, бывшее обвиненіемъ всей политической дѣятельности Карла. Послѣ сценъ въ палатѣ, не имѣвшихъ прецедентовъ въ прошломъ, эта ремонстранція была принята 20 ноября большинствомъ одинадцати голосовъ. Даже и тутъ Карлъ не могъ понять значенія этого предостереженія. Онъ совершилъ худшую изъ своихъ ошибокъ—попытку захватить пять членовъ палаты общинъ, 4 января 1642 года. Это сразу привлекло Сити на сторону парламента. Когда Карлъ 10 января оставилъ Уитголль, обѣ стороны поняли, что война дѣлается неизбѣжной. Въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ борьба велась за право управленія милиціей; эта борьба пока велась еще на почвѣ конституціи и посредствомъ конституціонныхъ декларацій. Кризисъ наступилъ 23 апрѣля, когда Джонъ Готамъ отказался впустить короля въ Гулль. 15 іюня тридцать пять пэровъ подписали заявленіе, что «его величество съ негодованіемъ отвергаетъ всякую мысль о войнѣ съ своимъ парламентомъ»; но уже на слѣдующій день «его величество» началъ давать порученія о сборѣ рекрутъ въ среднихъ графствахъ и на сѣверѣ; въ началѣ іюля парламентъ назначилъ графа Эссекса главнокомандующимъ своихъ войскъ; король объявилъ Эссекса и его офицеровъ измѣнниками и рѣшилъ выставить свое знамя въ Ноттингамѣ. Война формально началась. Рѣшительный вопросъ между двумя партіями всего лучше выраженъ въ объявленіи лордовъ и общинъ отъ 26 мая слѣдующимъ образомъ: «государи ошибочно предполагаютъ, будто королевство принадлежитъ имъ, какъ ихъ собственность, будто они могутъ дѣлать съ нимъ все, что хотятъ, какъ будто бы королевство существуетъ для нихъ, а не они для королевства».

22 августа 1642 года Карлъ формально выставилъ свое королевское знамя въ Ноттингамѣ, но до 12 сентября у него еще не было арміи; ему пришлось отступить къ западу предъ войскомъ Эссекса, находившимся въ Ковентри, взять гарнизонъ изъ Честера и для спа-

сенія Ворчестера отправить принца Руперта. Рупертъ встрѣтилъ и разбилъ конницу врага 23 сентября у Поуикъ-Бриджа. Это было первое открытое столкновеніе; оно было и предвѣщаніемъ будущаго хода всей войны. Смѣлый принцъ выигралъ кавалерійскую битву, но не могъ спасти городъ.

Походъ Карла къ Лондону.

Тѣмъ не менѣе въ октябрѣ Карлъ былъ настолько силенъ, что могъ смѣло двинуться къ Лондону. Онъ 23 октября повернулъ фронтъ у Эджгилля, чтобы встрѣтиться съ Эссексомъ; битва была настолько удачной для него, что онъ гарантировалъ себѣ Оксфордъ и снова началъ свой походъ къ Лондону; 2 ноября Рупертъ напалъ на Брентфордъ, но войско Эссекса получило подкрѣпленіе отъ лондонцевъ; армія въ 24000, стоявшая въ Турнгамъ-Гринѣ, встрѣтила смущенныхъ роялистовъ. Взять Лондонъ силой было невозможно; отъ роялистской партіи Лондона нельзя было ожидать серьезной помощи; торговцы же желали раздѣлить съ парламентомъ тягость военнаго обложенія. Такіе важные результаты получились послѣ двухмѣсячной войны. Но получился еще одинъ результатъ. При Эджгиллѣ и при Брентфордѣ уже было видно, что могутъ сдѣлать солдаты пуританъ. Предсказанія Кромвеля Гампдену начали уже оправдываться: религіозные люди доказали уже въ этихъ битвахъ, какъ далеко они могутъ пойти, какъ люди чести; это уже не было столкновеніе между «джентльменами» съ одной стороны, и «старыми развращенными слугами, цѣловальниками и тому подобными людьми» съ другой.

Зимой 1642 года Карлъ былъ сильнѣе, несмотря на побѣду Ферфэкса надъ роялистскимъ генераломъ въ Іоркширѣ, Ньюкэстлемъ. Глочестерширъ былъ привлеченъ на его сторону и Гоптонъ занималъ Девонъ и Корнвалисъ. Въ Лондонѣ, Бедфордширѣ, Эссексѣ и въ другихъ мѣстахъ требовали мира. Для противодѣйствія этому движенію была основана «восточная ассоціація», душой которой былъ Кромвель. Нѣсколько раньше была основана «ассоціація среднихъ графствъ».

Компанія 1643. Успѣхи роялистовъ.

Король въ Оксфордѣ былъ окруженъ кольцомъ парламентскихъ округовъ, а эти округа въ свою очередь были окружены кольцомъ роялистскихъ округовъ. Компанія 1643 года состояла вся въ томъ, что роялисты старались прорваться чрезъ окружавшіе ихъ парламентскіе округа. Уоллеръ взялъ Герефордъ, а Эссексъ Ридингъ; но у этихъ генераловъ не было общаго плана; а стратегическій планъ Карла двинуть два крыла своей арміи отъ Іоркшира и Корнвалиса казался обѣщавшимъ успѣхъ. Пораженіе Ферфэкса при Адвальтонъ-Мурѣ 30 іюня и изгнаніе парламентскихъ войскъ изъ западнаго Ридинга позволили королевѣ прибыть въ Оксфордъ. За пораженіемъ Уоллера при Роундуэй Доунѣ послѣдовала сдача Бристоля. Потомъ Ньюэстль захватилъ Генсборо, что являлось угрозой для восточныхъ графствъ.

Часто утверждали, что тогда (въ августѣ 1643 года) Карлъ могъ окончить войну движеніемъ къ Лондону. Но утверждающіе это забываютъ, что онъ не могъ идти на Лондонъ, не имѣя поддержки, оставивъ армію Мориса предъ Экcетеромъ, а армію Ньюкэстля предъ Гуллемъ. Кромвель въ то время уже пробивался чрезъ Линкольнширъ и въ стычкахъ при Грантамѣ и Генсборо доказалъ, что пуританская кавалерія, не уступая кавалеріи въ Руперта въ смѣлости, болѣе ея выдержана. Возвышеніе Кромвеля вполнѣ уравновѣшивало великую потерю пуританъ, понесенную ими съ паденіемъ Гампдена при Чальгровъ-Фильдѣ; справедливо было замѣчено, что стычка при Генсборо составляла поворотный пункртъ въ этой войнѣ.

Въ это время открытые въ Лондонѣ заговоры роялистовъ совершенно дескридитировали эту партію; въ тоже время интриги Карла въ Ирландіи вызвали призывъ парламентомъ шотландцевъ, для чего Сити согласилось ввести новый акцизъ и пристало къ планамъ назначенія Манчестера генераломъ «восточной ассоціаціи», нападенія на Валлисъ и освобожденія Глочестера. Глочестеръ былъ дѣйствительно освобожденъ; но Эссекса, едва спасшагося отъ пораженія, подобнаго пораженію Уоллера, Карлъ преслѣдовалъ до Ньюбюри, гдѣ произошла нерѣшительная битва, послѣ которой Эссексъ могъ безопасно прибыть въ Лондонъ. Осень 1643 года была временемъ наибольшихъ успѣховъ, достигнутыхъ роялистами. Ньюкэстлю едва не удалось взять Гулль, была образована «юговосточная ассоціація»; ирландскія войска были ввезены въ Англію —что въ концѣ концевъ оказалось роковымъ для дѣла Карла. Сдѣлалось очевиднымъ, что у Карла недостаточно силъ, чтобы завладѣть Лондономъ и битва при Ньюбюри доказала, что пѣхота короля уступаетъ парламентской. Роялисты терпѣли недостатокъ именно въ томъ, чѣмъ были сильны пуритане: имъ недоставало поддержки среднихъ классовъ. Для побѣды пуританъ требовалось теперь только одно; чтобы пуританство оказалось вѣрнымъ себѣ самому, чтобы оно проявило свое единство, свои организаторскія силы, чтобы оно отбросило узы узкаго мѣстнаго духа, узы мелочного приходскаго и провинціальнаго патріотизма, которыя до сихъ поръ тамъ мѣшали его окончательной побѣдѣ. Роялисты Іоркшира, Валлиса и Корнвалиса не позволяли своимъ милиціямъ перейти границы этихъ графствъ до тѣхъ поръ, пока Гулль, Глочестеръ и Плимутъ находились въ рукахъ враговъ. Отличалась ли пуританская парламентская партія подобной же узостью взглядовъ? Лондонская милиція дезертировала послѣ Ньюбюри; въ іюлѣ 1644 г. Уоллеръ писалъ: «они опять поютъ свою старую пѣсню: домой, домой... люди изъ Эссекса и Гертса напали на своего капитана... такіе люди пригодны только для висѣлицы здѣсь и для ада тамъ... Больше двухъ тысячъ лондонцевъ покинули свои знамена»... Манчестеръ, руководясь такими же соображеніями, отказался перейти

Темзу; онъ не хотѣлъ покидать тѣ графства, которыя «платятъ намъ». Король преодолѣлъ подобныя затрудненія; его пѣхота была составлена изъ людей, набранныхъ за плату и имѣвшихъ цѣлью грабежи, изъ людей изъ низшихъ слоевъ общества, не особенно глубокихъ въ отношеніи вѣрноподданничества, но бывшихъ по крайней мѣрѣ профессіональными солдатами. Могъ ли и парламентъ побѣдить эти затрудненія, создавъ профессіональныхъ солдатъ изъ людей принципа? Могъ ли онъ воспользоваться мѣстнымъ пуританскимъ патріотизмомъ такимъ образомъ, чтобы сохранить его боевую силу и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить мѣстную узость и эгоистичность, и создать армію, по духу пуританскую, но при томъ постоянную и состоящую на жалованьи — настоящую національную армію, «нашу собственную армію», какъ говорилъ Уоллеръ?

Компанія 1644 года. Марстонъ-Муръ.

Компанія 1644 года открылась несчастливо для короля; шотландцы соединились съ Ферфэксомъ при Тадкастерѣ, такъ какъ Ньюкэстль былъ слишкомъ слабъ, чтобы помѣшать этому. На югѣ Уоллеръ отразилъ войска генераловъ Форта и Гоптона при Черитонѣ и этимъ положилъ конецъ долго обсуждаемымъ планамъ нашествія роялистовъ въ Кентъ и Суссексъ. Уоллеръ и Эссексъ, соединившись, были бы способны раздавить войско Карла въ Оксфордѣ, а Манчестеръ, взявъ Линкольнъ, могъ соединиться съ Ферфэксомъ и шотландцами для осады Іорка; и дѣйствительно, Карлъ долженъ былъ покинуть Оксфордъ и спѣшить въ Ворчестеръ. Но Эссексъ продолжалъ упорно отдаляться отъ Уоллера и двигаться къ западу. Потому Карлъ снова имѣлъ возможность двинуться къ Оксфорду и 29 іюня нанести Уоллеру пораженіе при Кропреди Бриджѣ. Въ это время Рупертъ прошелъ сѣверо-западъ, собиралъ рекрутъ, освободилъ графиню Дерби въ Латомъ-Гоузѣ и спѣшилъ къ Іорку, куда и прибылъ 7 іюля. При Марстонъ Мурѣ, въ шести миляхъ отъ Іорка, его на слѣдующій день встрѣтили войска Манчестера, Ферфэкса и Левена. Въ первый разъ его конница встрѣтила не уступающую ей конницу (troopers) Кромвеля; она не только гнала конницу Руперта («Богъ сдѣлалъ ихъ жатвой для нашихъ мечей» — писалъ Кромвель), но и успѣла вернуться и спасти правое крыло парламентской арміи, пораженное и приведенное въ бѣгство Горингомъ. Еслибы не этотъ рѣшительный маневръ и не упорная храбрость трехъ шотландскихъ полковъ въ центрѣ парламентской арміи, битва кончилась бы иначе. Уже были отправлены гонцы съ извѣстіями о побѣдѣ роялистовъ и, получивъ эти ложныя первыя вѣсти, въ Оксфордѣ зажгли иллюминацію. Битва была роковымъ ударомъ для королевскаго дѣла; 4000 человѣкъ было убито; Рупертъ, бѣжавшій на сѣверъ, могъ собрать только 5000 бѣглецовъ; Ньюкэстль и многіе другіе бѣжали за море; и въ особенности битва выдвинула новую партію «благочестивыхъ» (godly) и ихъ генерала, который могъ утверждать (что онъ и сдѣ-

лалъ), что битва была спеціальнымъ знакомъ Божія благоволѣнія къ нимъ и который занялъ теперь выдающееся положеніе какъ въ политикѣ, такъ и въ арміи.

Несогласія въ парламентской арміи.

Въ теченіе нѣкотораго времени дѣло парламента, казалось, несмотря на недавнюю побѣду, на краю погибели, благодаря разъединенію и несогласіямъ. Шотландская армія начала осаждать Ньюкэстль; Ферфэксъ принялся очищать Іоркширъ; армія Манчестера медленно двигалась къ своимъ восточнымъ графствамъ, парализированная борьбой двухъ направленій, послѣдовательно-прогрессивнаго и выжидательнаго, борьбой между индепендентами и пресвитеріанами, между Кромвелемъ и Кроуфордомъ, Двѣ южныя арміи, которыя могли раздавить короля одной своей численностью, не хотѣли дѣйствовать сообща. Существовала завность между двумя генералами, и еще большее несогласіе въ темпераментахъ и взглядахъ; обычными были и мятежные отказы милицій Лондона, Кента и Гантса идти дальше, чѣмъ они считали необходимымъ. Эссексъ продолжалъ держаться за свой излюбленный планъ покорить Оксфордъ посредствомъ предварительнаго подчиненія Корнвалиса и Девона. причемъ Уоллеръ долженъ поддерживать его и угрожать королю съ тыла. Но войско Уоллера ослабѣло, оно утомилось, тѣмъ что «оно наиболѣе долгосрочное войско въ Англіи». Эссексъ приписывалъ этому дезертирству, какъ онъ называлъ это, результатъ, бывшій въ дѣйствительности неизбѣжнымъ исходомъ его плана: онъ былъ окруженъ при Лостуитгилѣ и его пѣхота была вынуждена къ унизительной сдачѣ. Одинъ изъ офицеровъ Манчестера свидѣтельствуетъ, что извѣстіе объ этомъ пораженіи было принято съ нескрываемой радостью многими въ Гунтингдонѣ, гдѣ полки Кромвеля и его друзей Иртона, Флитвуда, Русселя, Монтэгю, Пиккеринга, Ренсборо уже начали понимать, что миръ «несогласимъ съ цѣлями, къ которымъ должны стремиться честные люди и что армія должна предупредить такое бѣдствіе». Узнавъ объ этихъ раздорахъ, роялисты радовались и говорили о томъ, что они въ этомъ году будутъ зимовать въ Норфолькѣ. При ихъ движеніи съ запада Уоллеръ отступилъ предъ ними; Эссексъ и Манчестеръ не могли и не хотѣли помочь ему. Возможность уничтожить армію Карла 27 ноября во второй битвѣ при Ньюбюри была упущена благодаря нерѣшительности Манчестера. Когда Уоллеръ и Кромвель на другой день убѣждали его продолжать преслѣдованіе, онъ говорилъ о возвращеніи въ восточныя графства и «много говорилъ о мирѣ». Не удивительно, что Кромвель по возвращеніи въ палату общинъ сильно напалъ на поведеніе Манчестера; но, видя, что противъ него соединились палата лордовъ, шотландцы, партія мира и всѣ пресвитеріане, онъ внесъ предложеніе, очень характерное для его практическаго ума. Онъ указалъ, что члены обѣихъ палатъ имѣютъ интересы въ парламентѣ и власть въ арміи; что люди утомлены войной, но

что эти важные люди (grandees) не допускаютъ ея окончанія и потому необходимо постановленіе о самоотреченіи (Self-Denying Ordinance).

Когда оказалось, что такое постановленіе можетъ быть принято и что создастся новая образцовая армія (New Model), онъ оставилъ свои нападенія на Манчестера, онъ былъ готовъ вручить ему начальство надъ войскомъ. Только благодаря оппозиціи палаты лордовъ первому постановленію о самоотреченіи и цѣлому ряду непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, второе постановленіе о самоотреченіи получило такую форму, что Эссексъ и Манчестеръ потеряли свои мѣста, а Кромвель получилъ постъ начальника кавалеріи въ арміи «Новаго образца», Скиппонъ мѣсто начальника пѣхоты, а Ферфэксъ постъ главнокомандующаго. Наконецъ то кончились тяжелые дни мятежной милиціи, нищенскихъ взносовъ графствъ на содержаніе войскъ, несогласія генераловъ, битвъ безъ результатовъ и компаній безъ плана. Теперь подъ одной командой находилась армія въ 21000 человѣкъ, состоящая, конечно, не изъ однихъ волонтеровъ, такъ какъ прибѣгали и къ насильственнымъ наборамъ; не всѣ солдаты получали также высокое жалованье въ 8 д. въ день, но всѣ они состояли подъ командой испытанныхъ офицеровъ, всѣ были проникнуты истиннымъ индепендентскимъ духомъ религіозной свободы и демократическими стремленіями, всѣ были полны рѣшимости закончить войну. Планъ компаніи состоялъ въ томъ, чтобы шотландцы встрѣтили Карла и Руперта около Ноттингама, а новая армія подъ начальствомъ Ферфэкса возьметъ Оксфордъ и потомъ отрѣжетъ Горинга на западѣ. Но шотландцы, испуганные успѣхами Монтроза, отказались оставить сѣверъ; король взялъ приступомъ Лейчестеръ и не военные члены парламента были до того испуганы, что дали Ферфэксу широкое полномочіе и уступили петиціи офицеровъ арміи о назначеніи Кромвеля начальникомъ кавалеріи. Получивъ полномочія, Ферфэксъ сразу двинулся къ сѣверо-востоку отъ Оксфорда и въ теченіе шести дней гналъ королевскую армію отъ Давентри; 14 іюня произошла рѣшительная битва при Назеби. Король потерялъ 1000 человѣкъ убитыми, 5000 плѣнными, почти всѣхъ офицеровъ, всю артиллерію и оружіе. Побѣда была рѣшительной, но она долго висѣла на волоскѣ. Кавалерія Иртона на лѣвомъ крылѣ была разбита Рупертомъ, и самъ Иртонъ былъ взятъ въ плѣнъ; Скиппонъ въ центрѣ былъ тяжело раненъ и его пѣхота была отброшена къ резерву, одинъ Кромвель на правомъ крылѣ разбилъ Лангдэля и напалъ на королевскую пѣхоту въ центрѣ. Рупертъ, возвратившись изъ своего обычнаго преслѣдованія врага, нашелъ, что битва проиграна. Это характерный контрастъ не только двухъ этихъ вождей, но и двухъ армій, да и всего хода военныхъ дѣйствій.

«Постановленіе о самоотреченіи» и армія «новаго образца». Назеби.

Окончательная побѣда надъ роялистами.

Остальная часть года была занята подавленіемъ сопротивленія на западѣ и юго-западѣ, которые еще были на сторонѣ короля и въ уничтоженіи остальныхъ его войскъ. Горингъ былъ разбитъ Ферфэксомъ при Лангпортѣ, а Лангдэль Поинтцемъ при Роутонъ-Гитѣ. Лейчестеръ, Понтефрактъ, Скарборо, Шерборнъ сдались. Бристоль 10 сентября взятъ приступомъ, а черезъ мѣсяцъ и Базингъ-Гоузъ («Loyalty-House»). До ноября Рупертъ, оскорбленный недовѣріемъ Карла, оставилъ его службу. Все было кончено, хотя послѣдняя битва—пораженіе Астлея при Стоу — произошла только въ мартѣ 1646 года, а Ферфэксъ закончилъ свое дѣло въ Девонѣ и Корнваллисѣ только въ апрѣлѣ, когда палъ Эксетеръ. Оксфордъ сдался 24 іюня и съ подчиненіемъ гарнизона Гарлеча 13 марта 1647 года не осталось ни одного мѣста, гдѣ развѣвалось бы знамя Карла.

Интриги короля. Шотландцы. Пресвитеріане. Армія. Вторая гражданская война. Ньюпортскій договоръ. Казнь Карла.

Разбитый въ полѣ; Карлъ занялся интригами. Онъ хотѣлъ разсорить пресвитеріанъ и индепендентовъ и заставить ихъ погубить другъ друга. 5 мая 1646 года онъ отдался въ руки шотландской арміи въ Ньюваркѣ. Но захваченныя при Назеби его частныя письма доказали всѣмъ благоразумнымъ людямъ, что вести съ нимъ переговоры чистое безуміе. Такимъ образомъ, хотя лорды пятнадцатью голосами противъ четырнадцати вотировали за соглашеніе, и ихъ поддерживало желавшее мира Сити, въ палатѣ общинъ предложеніе принять условія короля было отвергнуто ста сорока пятью голосами противъ ста трехъ, а открытіе надеждъ Карла на ирландскую армію и на помощь французовъ усилило преобладаніе индепендентовъ и отождествило ихъ партію съ дѣломъ патріотическаго сопротивленія всякому иностранному вмѣшательству со стороны шотландцевъ, ирландцевъ или французовъ. Никакіе уговоры не могли заставить самого Карла дать согласіе на самое главное условіе шотландцевъ, на введеніе въ Англіи пресвитеріанства. «Какимъ образомъ мы можемъ ожидать благословенія Божія, если покинемъ церковь Его?» — говорилъ онъ. Точно также онъ не хотѣлъ слышать о главномъ условіи индепендентовъ, о дарованіи свободы совѣсти. Такимъ образомъ нежеланіемъ сдѣлать уступки, а также своими непослѣдовательными интригами со всѣми партіями сразу (съ ирландскими католиками и съ англо-ирландцами, съ шотландскими ковенантерами и съ шотландскими роялистами, съ англійскими пресвитеріанами и индепендентами) онъ добился только того, что заставилъ всѣхъ его враговъ забыть ихъ разногласія и сомкнуть ихъ ряды. Шотландцы согласились выдать короля, парламентъ согласился уплатить имъ 400,000 фунтовъ за военные расходы. Въ январѣ была уплачена первая часть контрибуціи въ сто тысячъ; 11 февраля шотландская армія перешла Твидъ. Карлъ былъ въ качествѣ плѣнника парламента перевезенъ въ Гольмби-Гоузъ. И тутъ снова судьба давала ему, повидимому, шансъ на спасеніе. Вожди пресвитеріанъ по окон-

чаніи шотландскаго вмѣшательства снова получили преобладаніе въ парламентѣ. Они немедленно хотѣли приступить къ распущенію арміи. Но приступили къ этому такъ глупо, что армія возстала противъ нихъ какъ одинъ человѣкъ. По вопросамъ о неуплаченномъ жалованьи, объ условіяхъ службы въ Ирландіи, о легальномъ вознагражденіи за совершенные въ военное время акты, Ферфэксъ и Скиппонъ, несмотря на весь свой пресвитеріанизмъ, должны были держаться за одно съ Кромвелемъ и Иртономъ; самъ Кромвель, котораго солдаты обвиняли въ томъ, будто онъ покинулъ ихъ «ради шелковыхъ вестминстерскихъ индепендентовъ» и который понималъ и говорилъ, что сопротивляться парламенту значитъ идти навстрѣчу анархіи, былъ вынужденъ принять и поддерживать смѣлые принципы агитаторовъ Сексби и Жойса. 4 іюня Жойсъ перевезъ Карла изъ Гольмби-Гоуза въ Ньюмаркетъ, главную квартиру арміи. Это было отвѣтомъ арміи на планы пресвитеріанъ. раздавить ее посредствомъ шотландской арміи, которая двинулась бы въ Англію съ королемъ среди нея. «Они должны погубить насъ, или мы должны погубить ихъ» — сказалъ одинъ изъ главныхъ агентовъ этой интриги. Остальная часть 1647 года была доказательствомъ того, что пасть должно было то дѣло, которое имѣло несчастіе соединиться съ Карломъ. Послѣ попытокъ помочь и посовѣтывать королю-плѣннику французскій посланникъ характеризуетъ его, какъ «человѣка неспособнаго удержать секретъ и до сихъ поръ ничего не проявившаго, кромѣ непослѣдовательности». Тоже самое откровенно высказалъ королю и Иртонъ: «государь, вы хотите быть посредникомъ между парламентомъ и нами, а мы намѣрены быть посредниками между вашимъ величествомъ и парламентомъ». Послѣднимъ и лучшимъ его шансомъ было то, что въ концѣ іюля армія предложила ему возстановить его, если онъ дастъ согласіе на религіозную терпимость и на конституціонную монархію; въ то время вооруженное столкновеніе арміи съ парламентомъ и Сити казалось неизбѣжнымъ; 20 августа армія вступила въ Лондонъ, изгнала одиннадцать членовъ парламента и многихъ другихъ пресвитеріанъ и обезпечила въ палатѣ индепендентское большинство. Но все таки арміи король еще былъ необходимъ, потому что ни Кромвель, ни Иртонъ совсѣмъ не желали продолженія власти меча; если парламенту не удалось устроить прочнаго соглашенія, то приходится прибѣгнуть къ королю — полагали они. Но какъ ни старался объ этомъ Кромвель, онъ не могъ увлечь за собой свою партію. И въ палатѣ и въ арміи его обвиняли въ оппортюнизмѣ, лицемѣріи и въ личномъ честолюбіи. Когда 11 ноября Карлъ бѣжалъ изъ Гамптонъ-Курта въ Карисбрукъ и когда одно перехваченное письмо доказало его двуличность, Кромвель окончательно покинулъ его и 3 января предложилъ и провелъ билль, чтобы не подавалось болѣе адрессовъ королю. Въ теченіе слѣдую-

щихъ трехъ мѣсяцевъ сдѣлалось очевиднымъ, что будетъ новая гражданская война.

Шотландская армія была готова вторгнуться въ Англію, одновременно начались возстанія на сѣверо-западѣ и западѣ, въ средней Англіи, въ Эссексѣ и въ Кентѣ. Девятаго и десятаго апрѣля уже произошли бунты роялистской черни въ Лондонѣ. Потомъ получилось извѣстіе о возстаніи въ южномъ Валлисѣ. На большомъ трехдневномъ митингѣ армія рѣшила «выдти и бороться противъ враговъ— и потомъ призвать къ отвѣту Карла Стюарта, этого кроваваго человѣка, за пролитую имъ кровь». Въ Валлисъ былъ отправленъ Кромвель съ 8000 человѣкъ. Въ битвѣ при Мэдстонѣ Ферфэксъ разсѣялъ кентцевъ. Графъ Норвичъ, ихъ вождь, бѣжалъ, присоединился къ возстанію въ Эссексѣ, и былъ осажденъ Ферфэксомъ въ Кольчестерѣ. Неудачный походъ Голланда въ Сюррeѣ и Гертсѣ кончился его плѣномъ. Кромвель взятіемъ 14 іюля Пемброка закончилъ свое дѣло въ Валлисѣ и могъ двинуться на сѣверъ. Шотландцы пришли слишкомъ поздно. Кендаля они достигли только 2 августа. Черезъ двѣ недѣли Кромвель напалъ на нихъ при ихъ переправѣ чрезъ Рибблъ у Престона, отрѣзалъ отдѣльный англійскій корпусъ Лангдэля, сестоявшій изъ пяти тысячъ человѣкъ, и погналъ ихъ къ югу чрезъ Виганъ, Винуикъ, Уоррингтонъ, захватывая по пути плѣнныхъ—и такъ до Уттоксетера, гдѣ остатокъ корпуса, заморенный, голодный, сдался Ламберту. Скоро палъ и Кольчестеръ и небольшой флотъ принца валлискаго, угрожавшій южнымъ берегамъ, удалился въ Голландію. Къ концу сентября Кромвель прогналъ за границу остатокъ шотландской арміи подъ начальствомъ Монро и взялъ Бервикъ и Карлиль. Вторая гражданская война была кончена. Она продолжалась только пять мѣсяцевъ и доказала широко распространенныя въ странѣ роялистскія стремленія, безсвязность составлявшихъ роялистскую партію элементовъ и непобѣдимость арміи Новаго Образца и могущество группы стоявшихъ во главѣ ея энергичныхъ людей, подавившихъ возстаніе, одно время казавшееся почти всеобщимъ, удержавшихъ недовольныхъ въ Лондонѣ и во флотѣ и раздавившихъ шотландскую армію въ такое непродолжительное время. Еще разъ пресвитеріане сдѣлали отчаянное усиліе, чтобы установить свою религіозную систему и уничтожить вѣротерпимость. Снова они начали переговоры съ королемъ («Ньюпортскій договоръ»). Но эти попытки съ самаго начала были безуспѣшны, потому что Карлъ заявилъ одному изъ своихъ друзей, что всѣ его уступки сдѣланы для того, чтобы бѣжать и чтобы «они менѣе старательно стерегли его» и что на слѣдующую весну онъ надѣется находиться въ такомъ же хорошемъ положеніи, какъ прошлымъ лѣтомъ. Не удивительно, что индепендентамъ надоѣла эта комедія. Армія потребовала отъ Карла, чтобы онъ отказался отъ права распоряжаться милиціей и отъ назна-

ченія чиновниковъ. Послѣ его отказа она представила «ремонстранцію арміи», требуя «правосудія надъ всѣми преступниками, не взирая на лица», перевела короля изъ Карисбрука въ Гёрстъ-Кэстль и очистила палату общинъ (Pride's Purge). Послѣднее усиліе спасти жизнь короля было сдѣлано Кромвелемъ въ недѣлю предъ Рождествомъ, но король не захотѣлъ даже принять посла арміи. Кромвель зналъ, что многіе, даже изъ пуританъ, не хотятъ казни короля, даже изъ тѣхъ пуританъ, которые считали себя индепендентами. Онъ зналъ это и никто больше его не старался избѣжать такого конца. Но онъ понималъ, что иного исхода нѣтъ и благодаря его непреклонной рѣшительности непроницательные, боязливые, колеблющіеся были увлечены, пристыжены, можетъ быть, запуганы и рѣшились на смѣлое дѣло; событія шли своимъ неотвратимымъ ходомъ и съ кажущимся по крайней мѣрѣ, единодушіемъ 27 января былъ принятъ приговоръ надъ Карломъ, какъ «тираномъ, убійцей и врагомъ общества» и 30 числа онъ былъ обезглавленъ въ Уитголѣ.

Это было логическимъ концомъ войны. Но логическое не всегда имѣетъ шансы на окончательный успѣхъ; суровое дѣло, которое должно было закончить войну и волненія, оказалось новымъ поводомъ для новой борьбы. Смерть Карла возродила дѣло, погубленное имъ при его жизни, и окончательное торжество «великаго мятежа» было отложено до «славной революціи» 1689 года.

Конституціонная борьба

Эпоха великой гражданской войны настолько же замѣчательна энергіей и разнообразіемъ конституціонной дѣятельности, какъ и проявленіями личной энергіи, интересомъ военныхъ дѣйствій и развитіемъ рѣзко противоположныхъ религіозныхъ идей. Конституціонные документы этихъ важныхъ лѣтъ столь разнообразны и, можно прибавить, столь многочисленны, точки зрѣнія различныхъ конституціонныхъ программъ столь разнообразны, что съ перваго взгляда они представляются страшной путаницей. Ключъ для того, чтобы разобраться въ этою путаницѣ, заключается въ различныхъ предложеніяхъ объ отношеніяхъ двухъ властей, законодательной и исполнительной; въ этомъ и состоитъ важное значеніе конституціонной исторіи этого періода, тогда какъ другіе пункты, какъ то вопросы о новыхъ формахъ налогового обложенія, вопросъ о паденіи палаты лордовъ, о началѣ кабинетской системы, относятся скорѣе къ слѣдующему періоду республики.

Среди господствовавшей смуты въ этомъ отношеніи замѣчается извѣстная правильность развитія; все болѣе и болѣе опредѣленно выясняются извѣстные принципы, появляются одна за другой политическія идеи, многіе изъ которыхъ не осмѣлилась устранить реставрація; нѣкоторыя изъ нихъ восторжествовали при революціи 1689 года, другія выработаны въ наше время, нѣкоторыя еще не

созрѣли и теперь и рѣшеніе ихъ должно быть предоставлено двадцатому столѣтію.

Фазы этой борьбы: дѣятельность долгаго парламента.

Въ промежутокъ времени отъ ноября 1640 года до января 1649 конституціонное положеніе короны и ея отношеніе къ парламенту подверглись любопытнымъ фазамъ развитія. Абсолютная монархія замѣнилась республикой съ писанной конституціей. Первой изъ этихъ фазъ была дѣятельность Долгого парламента до сентября 1641 года. Наиболѣе суровые критики его дѣятельности относительно этого періода ничего не могутъ сказать о принятыхъ имъ мѣрахъ, кромѣ хорошаго. Парламентъ былъ единодушенъ въ своихъ рѣшеніяхъ и работа, совершенная имъ въ теченіе этихъ мѣсяцевъ, осталась неприкосновенной и при реставраціи, за исключеніемъ одной статьи одного акта. Эта работа состояла въ уничтоженіи исключительныхъ полномочій, врученныхъ Тюдорамъ въ виду исключительнаго кризиса, а именно полномочій Звѣздной палаты и Верховной коммиссіи судить безъ участія присяжныхъ и полномочія получать доходы безъ согласія парламента посредствомъ введенія экстраординарныхъ таможенныхъ пошлинъ. Вмѣстѣ съ этими полномочіями были уничтожены корабельный налогъ, взносы за рыцарство и лѣсная регалія.

Верховенство парламента.

Слѣдующая фаза, при обсужденіи жгучаго религіознаго вопроса, состояла изъ требованій передачи верховной власти отъ короля къ парламенту. Въ «великой ремонстранціи» короля просили назначать министровъ, «которымъ парламентъ можетъ довѣрять» и разрѣшить синоду богослововъ составить планъ церковной реформы, подлежащій одобренію парламента. Въ числѣ «девятнадцати предложеній» 1 іюня 1642 года были слѣдующія: король долженъ принять порядокъ устройства милиціи, выработанный лордами и общинами, и назначать новыхъ пэровъ только съ согласія обѣихъ палатъ.

Время войны.

Третья фаза совпадаетъ съ періодомъ военныхъ дѣйствій, отъ августа 1642 года до іюля 1646. Война породила желанія мира, но въ то же время обострила религіозные раздоры. Такъ напр., оксфордскія предложенія требовали непосредственнаго уничтоженія епископата, но не выставляли требованій о назначеніи судей или министровъ. Въ переговорахъ въ Уксбриджѣ (январь и февраль 1645 года) это послѣднее требованіе было опять возобновлено. Парламентъ долженъ былъ получить право заключать миръ и объявлять войну и самъ король долженъ былъ принять ковенантъ. Тѣ же пункты повторены и въ «Ньюкэстльскихъ условіяхъ» (въ іюлѣ 1646 года), когда король уже былъ плѣнникомъ; онъ долженъ былъ на двадцать лѣтъ отказаться отъ управленія милиціей.

Пресвитеріанская реакція.

Послѣ этого наступаетъ реакціонная фаза, обусловленная отчаянными попытками пресвитеріанъ привлечь короля къ ихъ союзу съ шотландцами противъ страшныхъ индепендентовъ. Они хотѣли воз-

вратить ему то положеніе, въ которомъ онъ былъ въ августѣ 1641 года, если только онъ введетъ на три года пресвитеріанскую систему. Но раньше, чѣмъ осуществилось такое соглашеніе, произошелъ разрывъ съ арміей. Это вызвало новую попытку рѣшенія конституціоннаго вопроса. Рѣшеніе, къ которому стремились индепенденты, изложено въ «Heads of the Proposals». Основная идея этого плана состояла въ томъ, чтобы, сохраняя верховенство парламента, реформировать его въ такомъ направленіи, чтобы онъ превратился въ настоящаго представителя народа, и поставить религіозную свободу внѣ власти парламента, т. е. внѣ пресвитеріанскаго ханженства. Королевская власть надъ милиціей, его право назначать министровъ, объявлять войну и заключать миръ также ограничивались этими предложеніями на срокъ отъ пяти до десяти лѣтъ. Этотъ планъ, бывшій предшественникомъ акта о вѣротерпимости 1689 года, реформаціоннаго движенія 1745 - 1832 годовъ, «Трехгодичнаго акта», актовъ относительно чиновниковъ и позднѣйшей кабинетской системы, былъ рѣшительно преждевременнымъ въ половинѣ семнадцатаго вѣка. Онъ былъ и слишкомъ терпимымъ, и слишкомъ демократичнымъ, и слишкомъ уравновѣшивающимъ, для того вѣка религіозной вражды, аристократическихъ и буржуазныхъ предразсудковъ и непригодности утонченнаго политическаго механизма. Если Карлъ и принималъ такой планъ, то лишь на основаніи того соображенія, что пригодна всякая палка, которой можно побить пресвитеріанскую собаку.

Республиканская программа

Такимъ образомъ всѣ партіи пытались составить планы государственнаго устройства и всѣ потерпѣли неудачу. Неудачные переговоры зимы 1647 года и интриги Карла, закончившіяся тайнымъ соглашеніемъ съ шотландцами, причемъ они покупали у короля полнѣйшую религіозную тиранію, возвращая ему его Veto, его право назначать министровъ и распоряжаться милиціей —всѣ эти скучныя пустяковины не могли предотвратить неизбѣжнаго исхода. Вотированіемъ о не представленіи королю адрессовъ (No Addresses) въ январѣ 1648 года начинается послѣдняя фаза устраненія изъ конституціи монархическаго принципа; по окончаніи второй гражданской войны армія не захотѣла ожидать результатовъ, такъ называемаго, «Ньюпортскаго договора» и заставила въ октябрѣ 1648 года Иртона составить манифестъ республиканской партіи, извѣстный подъ названіемъ «ремонстранціи арміи». Этотъ документъ составленъ на основаніи другого, такъ называемаго «Дѣла арміи». (Case of the Army), представленнаго агитаторами Ферфэксу годомъ раньше; въ документѣ требовали, какъ «основного закона», двухгодичнаго парламента, избираемаго мужской всеобщей подачей голосовъ, безъ вето и вмѣшательства короля или лордовъ и смѣло признавали точкой отправленія суверенитетъ народа. Эти положенія въ окончательной

формѣ выражены въ «Соглашеніи народа» (Agreement of the People) 15 января 1649 года; въ этомъ документѣ, кромѣ двухгодичной палаты представителей, предлагались распредѣленіе представительства, прапорціональное представительство и созданіе государственнаго совѣта, при чемъ семь пунктовъ признавались не подлежащими измѣненію представительными учрежденіями. Главнымъ изъ этихъ пунктовъ была религіозная терпимость, «не необходимо распространяющаяся на папизмъ и прелатство». Эта конституція должна была быть признана «основной». Это была первая изъ писанныхъ конституцій съ «основными» и неизмѣняемыми законами, характерными для современнаго государства. Она представляетъ собой также появленіе въ исторіи демократіи, которая такъ много сдѣлала для измѣненія современнаго общества и которой предназначено совершить еще такъ много.

«Соглашеніе народа» составило основаніе для позднѣйшаго «Орудія управленія» (Instrument of Governement). Но вообще оно имѣло мало прямого вліянія на англійскія учрежденія, и это въ силу той причины, на которую указывалъ Кромвель въ своей критикѣ «Соглашенія» при появленіи его: «развѣ умы и настроеніе націи приготовлены для воспріятія и осуществленія этого? Не достаточно предлагать вещи, хорошія по цѣли, но слѣдуетъ подумать о путяхъ и средствахъ ихъ осуществленія». Англійскій народъ еще не былъ готовъ для признанной демократіи, для уничтоженія монархіи, для писанной конституціи и даже для религіозной терпимости. Даже армія, съ самимъ Кромвелемъ во главѣ ея, не могла заставить его принять такой планъ государственнаго устройства. Конституціонная исторія республики и представляетъ доказательство такой невозможности.

Борящіяся партіи.

Что же раздѣляло двѣ партіи во время великой гражданской войны? Было-ли это раздѣленіе соціальнымъ, или географическимъ, или религіознымъ? Иначе говоря, была ли это борьба классовъ, или округовъ, или сектъ? Ища рѣшенія такого вопроса, мы ищемъ ключа къ самымъ существеннымъ и интимнымъ тайнамъ этого времени великихъ людей и еще болѣе великихъ идей.

Естественно прежде всего обратиться къ вопросу о классовыхъ различіяхъ, такъ какъ это, повидимому, должно дать намъ объясненіе раздѣленія «кавалеровъ» и «круглоголовыхъ». Но такое объясненіе изъ всѣхъ трехъ будетъ наиболѣе поверхностнымъ и наиболѣе невѣрнымъ. Второе объясненіе, состоящее въ томъ, что партійное раздѣленіе было главнымъ образомъ раздѣленіемъ по округамъ, представляется по аналогіи съ войной Розъ и за него можно сказать многое. Но ни одно изъ этихъ двухъ объясненій, взятое само по себѣ, недостаточно. Въ каждомъ изъ нихъ есть доля истины; каждое требуетъ другого для дополненія и видоизмѣненія. Но даже

и принявъ оба эти объясненія въ ихъ совокупности, придется прибѣгнуть къ третьему объясненію. Религіозное раздѣленіе съ самаго начала лежало въ основаніи другихъ и по мѣрѣ хода борьбы все болѣе и болѣе выдвигалось на первый планъ. Религіозные вопросы даютъ этой борьбѣ ея вѣчный интересъ; они возвышаются надъ мѣстными соперничествами, надъ классовыми антагонизмами, надъ борьбой за конституціонную свободу—и облагораживаютъ все это движеніе.

Правда, въ первые мѣсяцы Долгаго парламента, конституціонные вопросы настолько сильно занимали общественное вниманіе, что представлялось, будто существуетъ полное единодушіе и въ палатѣ и во всей странѣ. Необходимо было сдѣлать въ будущемъ невозможнымъ королевскій абсолютизмъ. Но послѣ паденія Страффорда билль «о корняхъ и вѣтвяхъ» сдѣлался поводомъ для раздѣленія. Гайдъ, Фальклапдъ и Кульпепперъ отдѣлились отъ С. Джона, Вана и Кромвеля. Противъ прогрессивныхъ взглядовъ послѣднихъ стояла группа депутатовъ, въ дебатахъ о «великой ремонстранціи» опредѣлившаяся, какъ партія роялистовъ. Когда «великая ремонстранція» была принята большинствомъ 150 голосовъ противъ 148, Кромвель ясно сознавалъ все важное значеніе наступившаго кризиса; онъ говорилъ, что если бы дѣло кончилось иначе, онъ и его друзья продали бы все и отправились въ Америку. Такимъ образомъ пуританство дало парламентской партіи всю ея энергію и ея одностороннюю преданность. Съ другой стороны, религіозный характеръ этой партіи отдѣлилъ отъ нея многихъ, которые на основаніи чисто конституціонныхъ вопросовъ сначала принадлежали къ ней. Такъ было съ двумя Готамами, въ апрѣлѣ 1642 года не впустившими короля въ Гулль, а послѣ присоединившимися къ нему; такъ было съ Фальклапдомъ, требовавшимъ осужденія Страффорда, съ Кульпепперомъ, обвинявшимъ судей, съ Гайдомъ, нападавшимъ на Звѣздную палату. Даже сэръ Эдмундъ Верней, принадлежавшій къ парламентской оппозиціи, сдѣлался потомъ знаменосцемъ короля. Онъ писалъ: «я не люблю епископовъ... но я въ теченіе тридцати лѣтъ ѣлъ хлѣбъ короля и теперь не покину его». Такъ было и съ Эдвардомъ Дерингомъ, который внесъ билль «о корняхъ и вѣтвяхъ»; такъ было съ іоркширскими дворянами и джентльменами, просившими короля пойти на уступки; такъ было съ многими другими пэрами и сельскими сквайрами, которые не могли устоять, чтобы не пристать къ королю, когда 22 августа 1642 года его знамя было воздвигнуто въ Ноттингамѣ. Въ это время его войско состояло всего изъ 800 всадниковъ. Но уже 6 сентября парламентъ отвергъ самымъ категорическимъ образомъ мирныя предложенія и объявилъ, что всѣ преступники (delinquents) будутъ подвергнуты конфискаціи. Такое отношеніе враговъ короля дало ему десять тысячъ солдатъ, въ теченіе же слѣдующей недѣли, по увѣренію Кларендона,

Роялистская партія.

собравшихся въ королевскомъ лагерѣ, главнымъ образомъ изъ Іоркшира, Линкольншира и Стаффордшира. Кларендонъ несомнѣнно правъ, говоря о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ торжественнымъ объявленіемъ короля предъ его арміей, что онъ останется вѣренъ церкви Англіи и «будетъ соблюдать въ неприкосновенности законы, принятые парламентомъ и получившіе мое согласіе». Такимъ образомъ совершенно ложно то ходячее мнѣніе, будто король погибъ благодаря своимъ уступкамъ; напротивъ, какъ замѣтилъ еще Бернетъ, еслибы не его уступки, онъ совсѣмъ не имѣлъ бы партіи. Созданіемъ этой партіи онъ обязанъ Гайду. Его теорія конституціоннаго королевства была, во всякомъ случаѣ, основой, которую могли принять конституціоналисты. Она сводила Карла съ того рокового пути, на который онъ вступилъ, когда пытался создать коллизію между парламентомъ и Сити и арестовать своихъ враговъ, нарушивъ привилегіи парламента. Въ сущности говоря, это была иллюзія; затронутые вопросы были слишкомъ глубокими, чтобы въ нихъ былъ возможенъ чисто политическій компромиссъ; невозможно было никакое постоянное соглашеніе, предполагавшее, что Карлу можно довѣрять, что онъ искренно признаетъ логику фактовъ.

Партія графствъ. Конституціоналисты. Кавалеры. Католики.

Но эта иллюзія привела подъ его знамена цѣлыя толпы людей и дала имъ общую формулу. Такимъ образомъ, роялистская партія состояла изъ различныхъ группъ, руководившихся различными идеалами и однако это была настоящая партія съ извѣстнымъ единствомъ настроенія, по крайней мѣрѣ въ началѣ войны. Ядро ея состояло изъ провинціальныхъ сквайровъ съ ихъ глубоко укоренившимися традиціями вѣрности королю, съ ихъ привычками повиноваться мѣстнымъ вождямъ, съ ихъ презрѣніемъ къ вмѣшательству въ политику іеменовъ и ремесленниковъ. Такія настроенія связывались съ одной изъ наиболѣе глубокихъ силъ англійской исторіи—съ индивидуальностью и независимостью графствъ. Корнваллисъ или Іоркширъ съ негодованіемъ отвергли бы власть надъ ними Лондона; даже Эссексъ и Кембриджширъ часто оказывались непокорными. Восточная ассоціація, ассоціація среднихъ графствъ, т. е. группъ сосѣднихъ графствъ, были уступками такому настроенію провинціи; а съ другой стороны, въ большей части Англіи такой мѣстный патріотизмъ могъ привлекать людей на сторону короля. Вмѣстѣ съ дворянствомъ и многими благородными родами къ его партіи слѣдуетъ прибавить небольшую, но вліятельную группу, главные члены которой (кромѣ Фалькланда), Спенсеръ, Саутгамптонъ, Карнарвонъ были конституціоналистами, людьми умѣренными и способными, которые ясно сознавали фанатичность пуританства, которые предвидѣли, что логическимъ результатомъ такого фанатизма будетъ то, что всякій красильщикъ или портной будетъ выдавать себя за пророка, но которые не были способны понять героической стороны пуританства и не могли

понять того, что ихъ политика компромиссовъ не можетъ рѣшить вопроса. Совершенно отличными отъ такихъ людей и всегда готовыми клеймить ихъ, какъ трусовъ и измѣнниковъ, были профессіональные солдаты, которые много сдѣлали для дискредитированія дѣла Карла. Имъ то сначала и дана была кличка «кавалеровъ», въ смыслѣ неодобрительномъ; благодаря имъ королевская армія получила репутацію арміи, состоявшей изъ развратныхъ людей. Самымъ знаменитымъ изъ нихъ былъ принцъ Рупертъ; наиболѣе полезнымъ, еслибы имъ умѣли пользоваться, былъ графъ Линдсей, ветеранъ голландскихъ войнъ; наиболѣе извѣстнымъ былъ Горингъ, великодушный человѣкъ и рубака, но пьяница и распутникъ. Не меньше дѣло короля дискредитировали его католическіе приверженцы, главными изъ которыхъ были Герберты и католическое дворянство Ланкашира и сѣвера; ихъ присутствіе, повидимому, давало вѣроятность слухамъ о папистскихъ вліяніяхъ и папистскихъ интригахъ — слухамъ, черезъ чуръ преувеличеннымъ, но до нѣкоторой степени извинительнымъ. Еслибы не щедрый подарокъ Гербертовъ въ 122,000 фунтовъ лѣтомъ 1642 года, Карлъ наврядъ ли могъ бы выдти въ поле; но несмотря на всю преданность этихъ католическихъ приверженцевъ, его дѣло отъ ихъ присоединенія болѣе проиграло, чѣмъ выиграло.

Крестьянство.

Очевидно, что до битвы при Марстонъ-Мурѣ крестьянство въ большинствѣ графствъ рѣшительно склонялось на сторону короля. Только въ немногихъ графствахъ пуританское движеніе захватило и крестьянъ; до тѣхъ поръ, пока грабительство и опустошенія, производимыя королевскими войсками, не открыли имъ глаза, они считали тираніей строгіе приказы парламента и тяжелые налоги, собираемые имъ. Такъ напримѣръ въ Іоркширѣ крестьянство негодовало на уничтоженіе Сѣвернаго совѣта, который былъ также, какъ и его прототипъ, Звѣздная палата, уздой для гордыхъ дворянъ.

Лучшей и благороднѣйшей частью роялистской партіи была та, которая наиболѣе была противъ войны, тогда какъ въ лагерѣ ея враговъ всѣ наиболѣе возвышенные и искренніе люди были на сторонѣ войны; Фальклaндъ дрался и палъ съ молитвою о мирѣ на устахъ, а Иртонъ и Гаррисонъ вѣрили, что дѣло Господа вноситъ не миръ, а мечъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ сдѣлано. Уоллеръ въ письмѣ къ своему старому товарищу Гоптону, теперь сражавшемуся противъ него, говорилъ: «великій Богъ, видящій всѣ сердца, знаетъ, насколько я ненавижу и презираю войну; но, прибавляетъ онъ, это есть дѣло Божіе (opus Domini) и оно можетъ заставить молчать во мнѣ всякую склонность».

Парламентская партія.

Несомнѣнно, что съ самаго начала многіе изъ боровшихся противъ короля полагали, что имъ не слѣдуетъ доводить дѣло до крайностей; короля не слѣдуетъ бить слишкомъ много, а лишь настолько, чтобы вынудить его къ переговорамъ. Нѣкоторыя изъ конституціон-

ныхъ злоупотребленій требуютъ строгого исправленія, чрезмѣрная ревность духовенства требуетъ суроваго урока—если этого можно достигнуть, то все пойдетъ хорошо. Для такихъ людей «полумѣръ» республиканецъ или анабантистъ былъ, конечно, чудовищемъ болѣе опаснымъ, чѣмъ черезъ чуръ услужливый судья или черезъ чуръ арминіанскій прелатъ. Но люди устали одерживать побѣды лѣтомъ только затѣмъ, чтобы было о чемъ поболтать зимой при огонькѣ камина; самая сущность дѣла требовала того, чтобы веденіе военныхъ дѣйствій попало въ руки рѣшительной и послѣдовательной партіи; и такая партія уже существовала, съ готовыми принципами, достаточно отдѣляющими ее отъ другихъ. Депеша Кромвеля послѣ битвы при Марстонъ-Мурѣ показываетъ намъ эту «благочестивую» партію, съ ея религіознымъ принципомъ независимости и съ ея военнымъ принципомъ отрицанія компромисса, стоявшую въ рѣзкой оппозиціи какъ къ узкому пресвитеріанству лорда Манчестера и его шотландскихъ союзниковъ, такъ и къ ихъ медлительной и выжидательной стратегіи. До сихъ поръ индепендентовъ и пресвитеріанъ связывало само положеніе дѣлъ; въ первые два года войны имъ пришлось соединиться, чтобы разбить короля и принять ковенантъ и такимъ образомъ составить объединенную съ виду парламентскую партію.

Территоріальныя раздѣленія.

Какъ эта партія включала въ себѣ различныя непримиримыя другъ съ другомъ части, такъ и округа, въ которыхъ она имѣла преобладаніе, отличались различной степенью преданности ей. Главной опорой партіи былъ Лондонъ, который, какъ утверждали, могъ во всякое время выставить въ поле 30,000 человѣкъ; но въ маѣ 1642 г. при смотрѣ лондонской милиціи дѣйствительное число войскъ Лондона было 8000. Съ Лондономъ шли Эссексъ и Гертсъ. Они, вмѣстѣ съ графствами Нортгамптонъ и Линкольнъ, осенью 1642 года были «твердо» за дѣло свободы. Графства, въ которыхъ только немногіе города избирали роялистовъ, были Сюррей, Гёнтингдонъ, Лейчестеръ, Бедфордъ, Кембриджъ, Норфолькъ и Глочестеръ. Графства, принадлежавшія къ партіи парламента, но города которыхъ были по большей части роялистскими, были; Суссексъ, Гантсъ, Берксъ, Буксъ, Оксфордъ, Дерби, Іоркъ и Ворчестеръ. Съ другой стороны было много важныхъ городовъ, твердо державшихся парламента, хотя они и были окружены роялистскими округами; таковы были: на сѣверѣ Бервикъ, Ньюкэстль, Карлиль, Аппльби, Кокермоутъ, Скарборо, Наресборо, Гулль, Престонъ, Виганъ и Ливерпуль; на западѣ и на югѣ Труро, С. Жерменсъ, Плимутъ, Окгамптонъ, Батъ, Чиппенгамъ, Дорчестеръ, Варгамъ и Лимингтонъ; въ среднихъ графствахъ Ноттингамъ, и даже въ Валлисѣ Пемброкъ и Денбигъ. Такое же настроеніе было въ Манчестерѣ, Лидсѣ, Шефильдѣ и несомнѣнно въ другихъ городахъ, въ то время не имѣвшихъ представителей въ парламентѣ. Можно считать границей партій линію отъ Скарборо до Саутгамптона,

Несомнѣнно, что и въ этихъ границахъ было много подраздѣленій. Такъ напримѣръ въ роялистскомъ Сомерсетѣ іемены и большой классъ полукрестьянъ, полуремесленниковъ твердо держались парламентской партіи; въ роялистскомъ Іоркширѣ дворянство сначала рѣшило оставаться нейтральнымъ; въ Кентѣ петиція въ пользу церкви была принята большинствомъ только одного голоса. И наоборотъ, въ самомъ Лондонѣ въ октябрѣ 1642 года существовала сильная роялистская партія; полагали, что флотъ объявитъ себя за короля, который утверждалъ, что за него повсемѣстно знать, дворянство и всѣ честные люди. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе всевозможныя оговорки, эта граница между партіями, какъ она ни была измѣнчива, имѣетъ большое значеніе. Къ востоку отъ нея были двѣ трети всего населенія королевства, обладавшаго тремя четвертями всего національнаго богатства; это была наиболѣе порядочная, наилучше организованная и наиболѣе идейная часть населенія, та часть, которая играла руководящую роль въ средніе вѣка, которая сдѣлала Іоркскую династію представителемъ сильнаго правительства и которая теперь была пуританской, потому что пуританство представлялось теперь единственной опорой какъ политической, такъ и религіозной свободы.

Перевѣсъ силъ парламентской партіи былъ такъ великъ, что даже приверженцы Карла сначала полагали, что борьба будетъ непродолжительной. Парламентскіе округа составляли гораздо болѣе компактную территорію, чѣмъ роялистскіе. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ большими финансовыми рессурсами парламента, обезпечивало ему окончательную побѣду, Корнвалисъ и Девонъ не могли имѣть постояннаго соединенія съ Валлисомъ или съ сѣверомъ. Но именно такое распредѣленіе силъ и придало войнѣ ея безсвязность и сдѣлало ее продолжительной. Побѣдителямъ приходилось не только завоевывать отдѣльныя территоріи, но и организировать и ассимилировать ихъ. Съ самаго начала имъ пришлось брать одну за другой крѣпости, отрѣзывавшія ихъ сообщенія, вродѣ Ньюварка, роялистскій гарнизонъ котораго загораживалъ путь изъ восточныхъ графствъ до Іоркшира, или Тикгилль и Вельбекъ, высылавшіе отряды для набѣговъ. Такимъ образомъ эта война была войной осадъ и блокадъ. Она въ миніатюрѣ происходила у каждаго замка или сельскаго дома. Часто пламя разгоралось снова тамъ, гдѣ оно, повидимому, было окончательно потушено, какъ было въ 1648 году въ Кентѣ и Валлисѣ. Даже Эссексъ въ 1654 году былъ мѣстомъ роялистскихъ заговоровъ. Но нужно помнить, что ни въ одномъ округѣ, ни въ одномъ общественномъ классѣ преобладаніе одной партіи не исключало существованія другой. Даже Оксфордъ, бывшій военнымъ, политическимъ и церковнымъ центромъ роялисткой партіи, вѣроятно, дѣлился поровну между обѣими. Горожане сначала открыто, а потомъ тайно, были

на сторонѣ парламента, что они и доказали радостью при сдачѣ города Ферфэксу въ 1646 году—и это несмотря на то, что многіе граждане, подозрѣваемые въ недостаткѣ преданности королю, были изгнаны еще въ 1642 году. Но что еще болѣе удивительно, такъ это то, что и въ коллегіяхъ обѣ партіи были представлены довольно равномѣрно. Коллегія Мертона, мѣстопребываніе двора, дала трехъ изъ семи пресвитеріанъ, назначенныхъ проповѣдниками въ университетѣ въ 1647 году, и трехъ визитаторовъ. Изъ всего количества членовъ коллегіи (33) шестнадцать сразу приняли новыя правила визитаторовъ и къ нимъ позже присоединилось и еще нѣсколько человѣкъ. Кларендонъ утверждаетъ, будто изъ главъ и членовъ коллегій наврядъ ли хоть одинъ подчинился. На это достаточно указать, что новѣйшія исчисленія даютъ такія цифры членовъ и студентовъ: изгнаній 374, подчиненій 404 и сомнительныхъ около 200.

Мѣстныя раздѣленія.

Мѣстные отчеты показываютъ намъ, что подобное же раздѣленіе существовало въ Бристолѣ, въ Герефордѣ и въ другихъ мѣстахъ; арміи обѣихъ партій тоже состояли изъ смѣшанныхъ элементовъ; Ферфэксъ говорилъ, что лучшіе его солдаты взяты изъ роялистскихъ гарнизоновъ, Даже армія Новаго Образца «до значительной степени состояла изъ насильственно набранныхъ рекрутъ, изъ подонковъ обывателей, солдатъ короля, изъ арестантовъ, красильщиковъ, разносчиковъ, бродягъ»—какъ говорилъ одинъ изъ полковниковъ. Не удивительно, что при подобномъ положеніи дѣлъ, многіе считали своимъ долгомъ не приставать ни къ одной изъ партій, вродѣ извѣстнаго Джона Ланглея, который жаловался, что «каждая изъ двухъ армій выставляетъ своимъ знаменемъ протестанскую религію. Я желаю мирно жить дома. Я по совѣсти нахожу, что всего этого довольно». Но ни одна партія не могла допустить въ свою среду нейтральныхъ личностей; люди должны были стоять за Бога или за Его враговъ. Уоллеръ въ Суссексѣ объявилъ, что всѣ «идущіе по сему презрѣнному пути» (т.-е. остающіеся нейтральными) будутъ считаться врагами государства; посредствомъ болѣе политичныхъ методовъ, уплатой за все чистыми деньгами, Ферфэксъ и Кромвель заставили «клубменовъ» южныхъ графствъ понять, что право на сторонѣ тѣхъ, которые честно покупаютъ все, что имъ нужно, а не дѣлаютъ реквизицій отъ имени короля.

Четыре года борьбы ясно доказали одинъ фактъ: партія короля состояла изъ элементовъ, слишкомъ различныхъ, чтобы они могли долго держаться вмѣстѣ, они были разъединены и географически и соціально. Враги короля были не только лучше организованы, богаче и обладали болѣе положительнымъ идеаломъ, но по цѣли, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока побѣда не осталась окончательно за ними—они были болѣе объединены. Только послѣ достиженія побѣды—и только тогда—и въ ихъ рядахъ произошелъ расколъ. Ста-

рый Якобъ Астлей довольно точно сумировалъ положеніе, когда послѣ послѣдней битвы при Стоу онъ, сидя на барабанѣ, сказалъ взявшимъ его въ плѣнъ: «джельтмены, теперь вы можете сѣсть и играть, потому что вы сдѣлали свое дѣло, если только не разсоритесь».

Военное искусство 1603—1650.

Омана.

Англійскіе волонтеры за границей.

Сдѣлаемъ краткій ретроспективный обзоръ развитія воинскаго искусства при Іаковѣ 1 для того, чтобы дать понятіе объ этомъ дѣлѣ за цѣлое столѣтіе. Царствованіе Іакова не имѣло особаго значенія въ военномъ отношеніи періодомъ; король и его министръ Салисбюри тотчасъ же, какъ это оказалось возможнымъ, прекратили испанскую войну, тянувшуюся всѣ послѣдніе годы царствованія Елисаветы, они не хотѣли запутываться ни въ какую борьбу; миролюбивому королю удалось избѣжать вмѣшательства и въ тридцатилѣтнюю войну, хотя вся нація громко требовала участія въ ней за протестантовъ и Унію, да и самъ Іаковъ хотѣлъ сдѣлать что возможно для его несчастной дочери, королевы богемской. Но хотя Англія и не объявляла войны императору или католической Лигѣ, тысячи англійскихъ волонтеровъ переплыли сѣверное море, чтобы вмѣшаться въ борьбу и служить датчанамъ или реформатскимъ нѣмецкимъ государямъ; иногда они уходили организованными бандами съ разрѣшенія короля и парламента, вродѣ напримѣръ несчастной экспедиціи 1622 года, которая выдержала столько бѣдъ въ Голландіи, и большого войска, собраннаго для службы подъ начальствомъ Мансфельда въ 1625 году. Чаще они уходили небольшими бандами и подъ своей отвѣтственностью. Эти войны дали Англіи много ветерановъ, но не армію, потому что изъ англійскихъ и шотландскихъ волонтеровъ, проливавшихъ свою кровь подъ начальствомъ Морица, Фридриха Генриха Нассау, Мансфельда, Христіана брауншвейгскаго, или Густава Адольфа шведскаго, сравнительно немногіе возвратились на родину, да и тѣ, которые возвратились, не нашли дома дѣла для себя. Многія храбрыя дѣла, совершенныя ими за моремъ, не могутъ считаться частью военной исторіи Англіи, хотя можно не мало написать о подвигахъ полковъ Вера во Фландріи и Германіи, или шотландской бригады въ битвахъ Густава Адольфа.

Паденіе старой англійской системы. Пика и копье.

Что же касается самой Англіи, то кромѣ процесса преобразованія воинской системы, о которомъ мы говорили выше, отмѣтить можно только то обстоятельство, что продолжала существовать регулярная

милиція (train-bands), хотя и не мало ворчали на ея непригодность и въ особенности на трудность заставить тѣхъ, кто былъ обязанъ доставлять всадниковъ, доставлять ихъ въ надлежащемъ вооруженіи. Лукъ былъ окончательно оставленъ, хотя у него были еще нѣкоторые защитники, и вся милиція была вооружена пиками и мушкетами. Достаточно будетъ для нашихъ цѣлей краткаго упоминанія о любопытномъ планѣ Вилльяма Нида о соединеніи пики и лука, изложенномъ въ книгѣ Нида: Double Armed Man. Это былъ фантастическій планъ употребленія сложнаго оружія, состоящаго изъ лука, прикрѣпленнаго къ пикѣ, что, какъ видно изъ діаграмъ Нида, было бы до крайности неудобно и тяжело. Лукъ былъ укороченнымъ и потому терялъ значительно въ метательной силѣ, а пика при бросаніи должна была терять равновѣсіе, потому что къ ней былъ прикрѣпленъ лукъ. Нидъ, однако представилъ свое изобрѣтеніе королю и получилъ позволеніе обучать милицію, если она пожелаетъ, но милиція отказалась, что принесло великое огорченіе Ниду и заставило его подавать безконечное количество петицій королю. Планъ интересенъ только въ томъ отношеніи, что онъ доказываетъ, какъ солдаты уже начали изыскивать какое-либо средство соединить оружіе для рукопашной съ метательными оружіями; но рѣшеніе этого вопроса соединеніемъ штыка и ружья было получено только черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ этого.

Способъ набора солдатъ.

Войска, собранныя въ первые годы царствованія Карла I для службы въ двухъ неудачныхъ и плохо веденныхъ экспедиціяхъ къ Ре и Кадиксу, собирались, какъ это было обычно при Елисаветѣ, наборомъ отъ графствъ; они были кое-какъ сформированы въ полки и перевозились на континентъ, не давъ имъ времени для обученія, для того, чтобы выучиться воинскому повиновенію командирамъ или образовать надлежащее единство; даже въ томъ случаѣ, еслибы имъ давали время для подготовки, наврядъ ли добились бы отъ нихъ повиновенія непригоднымъ офицерамъ, назначеннымъ Букингамомъ, да наврядъ ли они и получили бы отъ нихъ какую-либо пользу. Армія, отправленная въ Ре, была, вѣроятно, самой непригодной и безпомощной изъ арміи, когда-либо выставленныхъ Англіей; потому нечего искать какихъ-либо другихъ объясненій для выдержанныхъ ей несчастій.

Величина полка.

Полкъ во вторую четверть семнадцатаго вѣка былъ численно меньшимъ, чѣмъ при Елисаветѣ. Номинальный комплектъ былъ около 1.300 человѣкъ—цифра гораздо меньшая, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ, когда величина полка опредѣлялась величиной старой испанской «терціо», часто стоявшей изъ 3.000 человѣкъ. Въ теоріи въ каждой ротѣ количество пикейщиковъ и мушкатеровъ должно было быть одинаковымъ; но обыкновенно солдатъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, было больше; мушкатеры теперь окончательно остав-

ляли всякое защитительное вооруженіе и носили шляпы и куртки, отличаясь отъ своихъ предшественниковъ при Елисаветѣ, носившихъ еще шлемъ (моріонъ) и кольчугу. Трактакъ Девиса: «Обученіе солдата» отъ 1619 года указываетъ причину этого: «нѣкоторые имѣютъ любопытный обычай вооружать аркебузьеровъ не только аркебузой, пороховницей, лядункой и кинжаломъ, но и отягощаютъ ихъ тяжолой кольчугой и стальнымъ шлемомъ (burganet), такъ что пройдя въ лѣтнюю жару или зимой десять или двѣнадцать английскихъ миль, они должны отдыхать, а не драться; ихъ дѣятельности мѣшаютъ и остановки, которыя они дѣлаютъ ради отдыха, такъ какъ иначе они подвергаются опасности потерпѣть пораженіе отъ недостатка легкости и бодрости».

Пикейщики, хотя и были менѣе отягощены ихъ сравнительно болѣе легкимъ оружіемъ, во все-таки носили стальную каску, стальные нагрудники, надспинники и покрывающіе бедра щитки.

Мушкетъ.

Имѣлись книги объ обученіи пикейщиковъ и мушкетеровъ. Упражненія первыхъ были сравнительно просты, но упражненія вторыхъ доказываютъ крайне неудовлетворительное состояніе тогдашняго огнестрѣльнаго оружія. Употребленіе мушкета очень осложнялось употребленіемъ подставки (сошекъ), палки съ острымъ концемъ внизу и раздвоенной вилкой сверху, длиной въ три или четыре фута. Мушкетъ клали въ вилку для вѣрности прицѣла, потому что это оружіе было такъ тяжело, что было трудно цѣлиться изъ него и вообще управлять имъ всякому, кромѣ необычайно сильныхъ людей. Главнымъ смущеніемъ для составителей книгъ объ обученіи солдата было указать, какъ онъ долженъ управляться съ подставкой, когда обѣ руки были нужны для заряживанія. Подставка должна была висѣть на кисти, брать ее слѣдовало только двумя пальцами, или той же рукой, которая держала мушкетъ—всѣ эти операціи были очень затруднительны. Солдатъ, отягощенный подставкой, былъ еще болѣе затрудненъ фителемъ, длиннымъ горящимъ шнуромъ, которымъ онъ поджигалъ порохъ своего ружья. Въ то время, какъ ружье заряжалось, фитиль приходилось держать между первымъ и вторымъ пальцами лѣвой руки и при вѣтрянной погодѣ онъ долженъ былъ немилосердно жечь пальцы несчастнаго. Патроны еще не были изобрѣтены и заряды пороха держали въ «бандолерахъ», небольшихъ деревянныхъ или иныхъ ящичкахъ, привѣшиваемыхъ къ діоганально опоясывающему тѣло поясу. Пули обыкновенно держали въ сумкѣ и оттуда обыкновенно препровождали по одной въ ротъ, а потомъ забивали въ дуло пыжемъ изъ бумаги, сѣна или тряпокъ, послѣ того какъ насыплютъ изъ бандолеры зарядъ пороха. Жаловались, что плохо обученные солдаты второпяхъ забываютъ о пыжахъ и не забиваютъ пуль, такъ что пули часто выпадали изъ дула, когда ружье клали на подставку. «Этому то я и приписываю малое дѣйствіе муш-

кетеровъ во время битвы, хотя они стрѣляютъ въ большіе батальоны и на довольно близкомъ разстояніи» — говорится въ одномъ трактатѣ семнадцатаго вѣка.

Боевой строй. Обычной разстановкой роты во времена Карла были слѣдующая: въ центрѣ пикейщики въ восемь или десять рядовъ съ знаменемъ посрединѣ—тогда у каждой роты было свое знамя—мушкетеровъ ставили по обоимъ флангамъ пикейщиковъ въ шесть или восемь рядовъ; каждый рядъ долженъ былъ стрѣлять и потомъ отбѣгать назадъ заряжать; въ то время, какъ стрѣлялъ шестой или восьмой рядъ, первый былъ снова готовъ. Это обезпечивало непрерывность огня, но при постоянной бѣготнѣ взадъ и впередъ, отчего легко происходили безпорядки и укрывательство назади. Когда кавалерія или пѣхота врага шла въ аттаку противъ составленной линіи пикейщиковъ и мушкетеровъ, послѣдніе могли удалиться назадъ подъ прикрытіе копій. Но тамъ они хотя и были въ безопасности, были за то и безполезны для цѣлей наступленія. Въ силу ихъ безпомощности при рукопашной, ихъ всегда считали и болѣе опаснымъ и менѣе надежнымъ родомъ оружія, всегда, когда дѣло доходило до «столкновенія пикъ», находившимися въ зависимости отъ стойкости ихъ сотоварищей, вооруженныхъ «длиннымъ оружіемъ».

Кавалерія. Вполнѣ вооруженный всадникъ первой половины семнадцатаго вѣка обыкновенно носилъ стальную каску—иногда старый шлемъ съ подвижнымъ забраломъ. Онъ имѣлъ также защитительное вооруженіе спины, груди и бедеръ, но почти всѣ уже бросили защиту для ногъ и рукъ. Только высшіе офицеры обычно были въ полномъ вооруженіи съ головы до ногъ. Копье совершенно исчезло у кавалеріи и замѣнилось мечомъ и пистолемъ. Полѣднему оружію часто придавали чрезвычайное значеніе. Одна школа инструкторовъ обучала кавалерію стрѣлять и потомъ отъѣзжать назадъ для заряженія, вмѣсто того, чтобы съ мечемъ въ рукахъ двигаться въ аттаку. Такое извращеніе кавалеріи, вся сила и пригодность которой состоитъ въ бурности и энергіи аттаки, господствовало вездѣ въ началѣ семнадцатаго вѣка. Всякій, изучавшій большія боевыя изображенія тридцатилѣтней войны или голландско-испанскихъ войнъ Морица и Фридриха Генриха, припомнитъ многочисленныя изображенія кавалерійскихъ эскадроновъ, сдѣлавшихъ выстрѣлъ и потомъ отъѣзжавшихъ въ арріегардъ вмѣсто того, чтобы двигаться впередъ. Густавъ Адольфъ прославился устраненіемъ этой безумной тактики, превращавшей конницу въ простыхъ «пистольщиковъ». Во время гражданской войны 1642 года его тактика распространилась и въ Англію, и мы уже почти не встрѣчаемъ жалобъ на то, что кавалерія полагается только на огнестрѣльное оружіе. Кромвель и его современники отлично понимали значеніе сплошного строя и натиска и полагались только на нихъ.

Когда обыкновеннаго кавалерійскаго солдата стали учить полагаться только на мечь и коня, появилась спеціальная форма кавалеріи, вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ—это драгуны. Это потомки верхового аркебузьера предыдущаго вѣка и прототипъ современной тяжелой кавалеріи. Они вооружены были мушкетономъ, огнестрѣльнымъ орудіемъ безъ подставки и гораздо меньшимъ, чѣмъ мушкетъ пѣхотнаго солдата. Ихъ обязанностью было предшествовать арміи и занимать позиціи для прикрытія ея фронта, спѣшиваясь и дѣйствуя, какъ пѣхота. Драгунскія лошади были потому меньше и малоцѣннѣе по сравненію съ обычными кавалерійскими, такъ какъ онѣ были нужны только для передвиженія, а не для битвы. Тѣмъ не менѣе, и тогда, какъ бываетъ и теперь, были искушенія при случаѣ замѣнять тяжелой кавалеріей легкую и пускать ее въ аттаку. Въ гражданскихъ войнахъ драгунскіе полки часто играли такую роль. Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, они все больше и больше превращались въ тяжелую кавалерію и окончательно лишились той спеціальной функціи, для которой были введены. Но во времена Кромвеля и Ферфэкса драгуны обыкновенно употреблялись какъ пѣхотинцы, прикрывали вмѣстѣ съ охотниками фронтъ арміи, или шли впередъ, чтобы занять позиціи до прихода пѣхоты. Драгуны.

Въ началѣ гражданскихъ войнъ король и парламентъ находились въ почти одинаковомъ положеніи относительно ихъ неприготовленности къ военнымъ дѣйствіямъ. У обѣихъ сторонъ были офицеры, обладавшіе опытностью, пріобрѣтенной въ прежнихъ войнахъ въ Германіи; было, вѣроятно, въ обѣихъ арміяхъ не мало солдатъ, служившихъ тамъ же. Но если и были отдѣльные ветераны, то не было общей организаціи, за исключеніемъ организаціи милиціи. Въ восточныхъ графствахъ парламентъ захватилъ распоряженіе милиціей, а въ западныхъ король. Карлу до нѣкоторой степени помогло и то, что многіе изъ его приверженцевъ обучались военному искусству въ несчастной арміи сѣверныхъ графствъ, выставленной противъ шотландцевъ въ 1640 году и остававшейся нѣкоторое время подъ ружьемъ около Іорка. Гражданская война.

Но милиція обѣихъ борящихся сторонъ не оказала имъ особыхъ услугъ. Она не любила выходить за границы своихъ графствъ, и главными боевыми силами были батальоны и эскадроны волонтеровъ, собираемые отдѣльными выдающимися личностями отъ имени короля или парламента въ тѣхъ округахъ, гдѣ они имѣли преобладающее вліяніе. Въ началѣ войны и Карлъ и его противники могли вывести въ поле войска, собранныя второпяхъ и плохо подготовленныя. Въ арміи короля при Эджгиллѣ ни одинъ полкъ не былъ и девяти недѣль подъ ружьемъ. Ядромъ арміи были свиты дворянъ сѣвера средней Англіи, прибывшихъ въ Ноттингамъ въ августѣ, когда король выставилъ свое знамя. Но большая часть присоединилась къ его Неподготовленность къ военнымъ дѣйствіямъ.

армiи позже; въ полки людей распредѣлили въ Шревсбюри, только въ началѣ октября. Было трудно достать оружiя для пѣхоты. Когда собрали всякаго рода огнестрѣльное оружiе разнаго колибра и конфисковали мушкеты у милицiи Ноттингамшира, которой не довѣряли, то все таки его оказалось слишкомъ мало для вооруженiя всѣхъ солдатъ. Пики было легко сдѣлать; кавалерiйскихъ мечей тоже было не трудно достать; но не доставало ни ружей, ни защитительнаго вооруженiя. Конечно, было невозможно достичь правильнаго или однообразнаго вооруженiя какъ пѣхоты, такъ и кавалерiи. Слуги или фермеры, прiѣхавшiе съ своимъ лэндлордомъ или господиномъ, могли быть хорошо вооруженными, въ шлемахъ и въ нагрудникахъ, но могли быть и въ кожаныхъ курткахъ или даже «голыми», т. е. въ шляпѣ и камзолѣ. Единственной возможной боевой единицей была банда, состоявшая изъ всѣхъ прiѣхавшихъ съ своимъ главой. Такимъ образомъ получился рядъ частныхъ полковъ или эскадроновъ, которые могли узнавать одни другихъ только по красному шарфу, бывшему роялистскимъ значкомъ. Парламентскiя войска, повидимому, въ началѣ войны были въ лучшемъ положенiи, какъ относительно вооруженiя, такъ и относительно обмундировки. Въ ихъ рукахъ были главные арсеналы и главные мануфактуры Англiи, такъ что парламенту удалось довольно скоро вооружить свои войска. Кажется, было достаточно времени и для того, чтобы обмундировать большинство полковъ, но общаго мундира для всей армiи все таки не было; плащи были красные, голубые, зеленые или желтые, смотря по вкусу полковника или соотвѣтственно старому обычаю. Единственнымъ общимъ для всѣхъ значкомъ былъ оранжевый шарфъ, избранный Эссексомъ, вѣроятно въ память его прежней службы въ Голландiи.

Непригодность солдатъ.

Въ обѣихъ армiяхъ было много непригодныхъ элементовъ. Солдаты короля вышли въ поле не столько по своему желанiю, сколько по желанiю ихъ господъ. Въ парламентскихъ войскахъ смѣшивались и волонтеры энтузiасты и городскiе бездѣльники, привлеченные обѣщанiемъ высокой платы и «старые разорившiеся цѣловальники и слуги», противъ которыхъ такъ гремѣлъ Кромвель въ своемъ разговорѣ съ Гампденомъ. У короля слабѣе была пѣхота; въ кавалерiи было не мало горячихъ молодыхъ сквайровъ и ихъ личныхъ слугъ, они всегда грѣшили излишней смѣлостью, а никакъ не недостаткомъ рвенiя. Съ другой стороны противникамъ короля было трудно наполнить ряды своей торопливо собранной кавалерiи пригодными людьми. Люди, обладавшiе искусствомъ верховой ѣзды, были не часты среди выросшихъ въ городахъ волонтеровъ, составлявшихъ большинство парламентской армiи, и въ началѣ полковники, кажется, заботились больше о томъ, чтобы ихъ рекруты крѣпко держались въ сѣдлѣ, чѣмъ объ ихъ храбрости въ битвѣ. У нихъ были и всѣ недостатки наемниковъ: стремленiе къ грабежу, жажда платы и не

охота драться такъ, какъ готовы были драться «религіозные люди», такъ восхваляемые Кромвелемъ. Такая примѣсь плохихъ элементовъ и была причиной позорнаго пораженія парламентской конницы при Поуикъ Бриджѣ и особенно при Эджгиллѣ, гдѣ она разбѣжалась при первой же аттакѣ противъ нея, хотя пѣхотные полки стояли твердо, дрались и превратили проигранную было битву въ нерѣшительную.

Мѣстныя войны.

Однимъ изъ главныхъ характерныхъ фактовъ гражданской войны слѣдуетъ считать то, что хотя обѣ главныя арміи получили наконецъ извѣстную организацію, война шла по всей странѣ между недисциплинированными бандами, собираемыми по мѣрѣ надобности мѣстными магнатами и никогда не формировавшимися въ роты или эскадроны, не говоря уже о полкахъ. Не легко было увлечь кого либо, кромѣ очень преданныхъ дѣлу и горячихъ людей, далеко отъ ихъ графствъ; но почти всякій поземельный собственникъ въ среднихъ графствахъ, на сѣверѣ или на западѣ укрѣплялъ свои замки или захватывалъ замки сосѣдей, собирая для этого всѣхъ своихъ фермеровъ. Съ подробностями этой мелкой и почти частной войны можно познакомиться въ многочисленныхъ монографіяхъ написанныхъ о гражданской войнѣ съ мѣстной точки зрѣнія, вродѣ «War in Welsh Marches» Филлипса или War in Herefordshire—Уэбба. Эта война была полна интересными эпизодами; въ мелкихъ стычкахъ и осадахъ проявляли не меньше храбрости, чѣмъ въ большихъ битвахъ; но они не имѣли особаго вліянія на общій ходъ военныхъ дѣйствій.

Несомнѣнно, однако, что такая мѣстная партизанская война имѣла вліяніе на продолжительность и нерѣшительность общаго хода военныхъ дѣйствій. Мѣстными стычками было занято столько силъ, что главныя арміи были не велики, если сравнить ихъ численность съ общимъ числомъ людей въ странѣ, стоявшихъ подъ ружьемъ. Всякій небольшой замокъ или укрѣпленное помѣстье занималось пятидесятью или сотней людей; а такъ какъ эти крѣпости считались сотнями, а не дюжинами, то онѣ занимали столько людей, что численность армій, еслибы они поступили въ нихъ, удвоилась бы или даже утроилась. При Эджгиллѣ, Ньюбюри или Назеби въ каждой изъ армій было по десяти или по пятнадцати тысячъ, а все количество войскъ короля или парламента было въ шесть или въ восемь разъ больше. Тѣмъ не менѣе дѣло несомнѣнно рѣшалось не мѣстной войной, а большими битвами; результатъ дюжины мелкихъ успѣховъ уничтожался одной большой битвой. Когда армія той или другой партіи прогонялась изъ извѣстнаго графства, всѣ мелкіе гарнизоны этой партіи должны были послѣ кратковременной осады попадать въ руки побѣдителя. Эти гарнизоны были бы гораздо полезнѣе, еслибы были присоединены къ главнымъ арміямъ въ рѣшительной битвѣ. Къ концу борбы, кажется, и кавалеры и круглоголовые поняли это и начали срывать укрѣпленія или взры-

вать мелкія крѣпости, вмѣсто того чтобы ставить въ нихъ гарнизоны. Это было единственнымъ вѣрнымъ средствомъ. Тысяча человѣкъ въ дюжинѣ мелкихъ крѣпостей была почти безполезной, а тоже количество людей въ качествѣ резерва арміи могло рѣшить судьбу войны.

Количество боевыхъ силъ.

Крайняя трудность опредѣленія войскъ, участвовавшихъ въ той или другой изъ великихъ битвъ этой войны, до значительной степени обусловливается именно такимъ раздробленіемъ полковъ обѣихъ борящихся сторонъ въ 1642—44 годахъ. Безполезно опредѣлять первоначальную численность полка, когда намъ извѣстно, что по пути отъ него отдѣлились цѣлыя роты или полуроты. Съ другой стороны въ случаѣ крайней необходимости командиръ могъ привлечь всѣхъ людей изъ сосѣднихъ крѣпостей, поскольку это было возможно, и изъ этихъ сборныхъ отрядовъ составить одинъ или два полка; эти полки, таинственнымъ образомъ появлявшіеся при одной битвѣ, раздѣлились на основныя части при слѣдующей. Напримѣръ, совершенно неизвѣстно, какое количество пѣхотинцевъ привелъ принцъ Рупертъ на соединеніе съ Ньюкэстлемъ при Морстонъ-Мурѣ, потому что по всему пути отъ Ворчестера до Іорка онъ собиралъ мелкіе отряды и формировалъ ихъ въ «батальоны деташемента». Одинъ или два подобныхъ корпуса были, кажется, въ арміи, предводительствуемой самимъ Карломъ при Назеби, такъ какъ опредѣленіе частей войска въ извѣстномъ планѣ этой битвы Сприггса совершенно невозможно.

Постоянное распаденіе и соединеніе временныхъ единицъ войсковой организаціи объясняетъ существованіе большого количества такъ называемыхъ reformados, т. е. офицеровъ распущенныхъ полковъ, которыхъ было много въ обѣихъ арміяхъ, но особенно въ королевской. Когда какой либо корпусъ распадался или былъ разбитъ, его остатки присоединялись къ другому уцѣлѣвшему и лишніе офицеры оставались за штатомъ, пока какой нибудь полковникъ не собиралъ новаго полка, къ которому они и присоединялись. Случайная форма организаціи, постоянное распаденіе и новое соединеніе и различіе степени, въ какой пострадали отдѣльные полки, вели къ большему разнообразію въ численности конныхъ и пѣшихъ полковъ. Иногда мы встрѣчаемъ большіе полки, доходившіе до 2000 человѣкъ—иной разъ они назывались двойными полками—вродѣ пѣхотной гвардіи короля при Эджгиллѣ или знаменитыхъ «Бѣлыхъ» Ньюкэстля на сѣверѣ. А иногда полки состояли только изъ 500 человѣкъ. Мы рѣдко встрѣчаемъ и точныя полныя данныя о комплектѣ каждаго изъ раздѣловъ арміи. Будетъ небезъинтересно въ этомъ отношеніи привести списки лондонскихъ полковъ, изъ которыхъ состояло войско Эссекса, такъ хорошо дравшееся при Ньюбюри. На смотру въ Финсбюри въ сентябрѣ 1643 года составъ полков ъ былъ слѣдующій:

	Пикъ.	Мушке-товъ.	офице-ровъ.	Всего.
Бѣлый полкъ	520	600	70	1190
Желтый »	448	506	70	1024
Оранжевый полкъ . . .	408	630	63	1101
Зеленый » . . .	297	503	63	863
Tower Hamlets	385	819	70	1304
Саутваркскій полкъ . .	456	868	70	1394
Вестминстерскій полкъ .	854	1084	80	1938

Численность двухъ полковъ: «Краснаго» и «Голубого», только что вернувшихся послѣ битвы при Ньюбюри, не такъ точно извѣстна. «Голубой» полкъ былъ очень большимъ, въ немъ было 1400 человѣкъ, но теперь въ немъ считали самое большее 1000 человѣкъ. «Красный» полкъ сильно пострадалъ, онъ потерялъ маіора и одного изъ четырехъ капитановъ, въ немъ «могло быть тысяча человѣкъ, если его пополнить». Если онъ выступилъ въ составѣ 1100 человѣкъ—средняя численность шести старыхъ полковъ—то потерялъ онъ, вѣроятно, 400 человѣкъ. Рекрутированіе и пополненіе было, однако, не трудно, такъ какъ Сити собрало семь вспомогательныхъ полковъ или вторыхъ батальоновъ, называемыхъ также, какъ и старые полки, и 7200 человѣкъ, изъ которыхъ состояли эти вспомогательные полки, несомнѣнно не были присоединены къ соотвѣтствующимъ старымъ полкамъ.

Отношеніе пикъ и мушкетовъ.

Читатель обратилъ вниманіе на крайнее разнообразіе въ отношеніи пикейщиковъ къ мушкетерамъ въ отдѣльныхъ полкахъ. Въ полку Tower Hamlets меньше 400 пикейщиковъ на 820 мушкетеровъ; а въ Бѣломъ и Желтомъ пять пикейщиковъ на шесть мушкетеровъ; Красный, Бѣлый и Голубой полки состояли изъ пяти ротъ каждый; въ Желтомъ, Зеленомъ и Оранжевомъ было по четыре роты, а въ Tower Hamlets и Вестминстерскомъ по шести; въ Саутваркскомъ даже семь. Въ каждой ротѣ предполагалось по 200 человѣкъ, но, какъ видно изъ списка, въ нихъ было больше, а въ Вестминстерскомъ даже по 400 человѣкъ въ каждой ротѣ. Въ каждомъ полку были полковникъ, лейтенантъ-полковникъ, маіоръ (называемый также сержантъ-маіоромъ) и отъ четырехъ до шести капитановъ, у каждаго лейтенантъ и знаменосецъ. Въ каждой ротѣ было три или четыре сержанта и, повидимому, столько же капраловъ.

Офицеры.

Просматривая имена офицеровъ, мы видимъ, что однимъ полкомъ командовалъ баронетъ изъ Рутландшира, а большинствомъ другихъ командовали альдермены. Капитаны были почти всѣ купцы или крупные лавочники. Въ полкахъ, собранныхъ внѣ Лондона, большинство офицеровъ было изъ рядовъ пуританъ-дворянъ, а меньшинство изъ торговаго класса. Даже въ арміи «Новаго образца» въ 1645 году

изъ тридцати семи главныхъ офицеровъ девять было знатныхъ лицъ, двадцать одинъ изъ дворянъ и только семеро по происхожденію не джентльмены.

Кавалерійскіе полки.

Кавалерійскіе полки во время гражданской войны были почти вдвое меньше пѣхотныхъ. Въ большомъ кавалерійскомъ полку было 600 человѣкъ, а въ маломъ только 400. Они раздѣлялись на отряды въ 100 человѣкъ каждый, подъ начальствомъ капитана, лейтенанта, корнета и квартирмейстера—послѣдній былъ отвѣтственнымъ офицеромъ также, какъ и трое первыхъ. Въ каждомъ отрядѣ было три сержанта и четыре капрала.

До образованія арміи «Новаго образца» парламентскія войска состояли изъ очень различныхъ элементовъ: 1) изъ полковъ волонтеровъ, набранныхъ популярными вождями при началѣ войнъ, 2) изъ дисциплинированной лондонской милиціи. 3) изъ постоянной милиціи графствъ «ассоціированныхъ», наиболѣе обученными изъ этихъ войскъ была милиція «восточной лиги», называемой «Ассоціированными графствами». 4) изъ менѣе пригодной милиціи, не постоянной, а собираемой въ случаѣ надобности и 5) изъ нерегулярныхъ бандъ, собираемыхъ по порученію намѣстниковъ (лейтенантовъ) въ тѣхъ округахъ, гдѣ была сильна королевская власть и гдѣ парламентъ не могъ взять въ свои руки организацію графствъ и долженъ былъ полагаться на старанія отдѣльныхъ преданныхъ ему людей.

Армія „новаго образца“.

Армія «Новаго образца» должна была замѣнить первый и третій изъ этихъ элементовъ и вмѣсто полковъ, зависимыхъ отъ личной или мѣстной преданности, быть національной арміей. Старые полки армій Эссекса и «Ассоціированныхъ графствъ» были распущены и переформированы въ новыя единицы, доведенныя до полнаго комплекта частію принудительнымъ наборомъ, а частію волонтерами изъ милицій. Разнообразное и нерегулярно-выплачиваемое жалованье, даваемое своимъ полкамъ комитетами графствъ, было замѣнено опредѣленной и щедрой платой въ восемь пенсовъ въ день пѣхотинцу и въ два шиллинга кавалеристу. По способу рекрутированія очевидно, что армія «Новаго образца» не была, какъ это часто утверждали, составлена изъ однихъ упорныхъ индепендентовъ или изъ особенно избранныхъ людей. Всѣ пригодные люди старой арміи были включены въ нее, каковы бы ни были ихъ политическія и религіозныя убѣжденія; а люди, набранные противъ воли, были, конечно, людьми всевозможныхъ мнѣній и разной степени преданности. Если армія «Новаго образца» и сдѣлалась однородной и проявила опредѣленныя индепендентскія убѣжденія, то этимъ она обязана вліянію офицеровъ уже послѣ ея организаціи, а не обдуманному выбору составлявшихъ ее элементовъ.

Тактика.

Краткій обзоръ тактики во время гражданскихъ войнъ доказываетъ, что въ военномъ искусствѣ насталъ періодъ, очень отлич-

ный отъ предшествующаго. Впервые со времени тринадцатаго вѣка кавалерія получаетъ въ англійской арміи большее значеніе, чѣмъ пѣхота. Численность ея по сравненію съ пѣхотой значительно увеличилась. При Назеби почти половина королевскаго войска (4000 изъ 9000 человѣкъ) и болѣе трети изъ парламентскаго (5000 изъ 13000 человѣкъ) были кавалеристы. Это особенно большая пропорція; но и обычно кавалерія составляла треть всей полевой арміи. Такое увеличеніе численности и значенія кавалеріи обусловливались боевой слабостью составныхъ пѣхотныхъ полковъ пикейщиковъ и мушкетеровъ. Въ этихъ полкахъ половина людей была непригодна для рукопашной, а другая половина не пригодна ни на что, кромѣ рукопашной. Шансы захватить мушкетеровъ безъ прикрытія были очень велики; всякій умѣлый кавалерійскій офицеръ могъ надѣяться, что успѣетъ напасть на нихъ раньше, чѣмъ они успѣютъ убѣжать подъ прикрытіе, или погнать ихъ на пики и при наступившемъ замѣшательствѣ разбить ихъ на голову. Слѣдуетъ замѣтить, что большинство рѣшительныхъ битвъ въ этой войнѣ было выиграно кавалеріей, прогонявшей кавалерію противника, потомъ обращавшейся противъ пѣхоты и разбивавшей ее аттаками съ фланга или съ тылу. Таковы были битвы при Марстонъ-Мурѣ, при Назеби и Дунбарѣ и многіе меньшія битвы, вродѣ Роундуэй-Доунъ, Стоу и Генсборо. Очень рѣдко пѣхота могла побить кавалерію, если только нападающимъ не мѣшали изгороди или если имъ не приходилось вести аттаку вверхъ по холму или по трудной и непроѣздной дорогѣ. Наиболѣе извѣстный успѣхъ пѣхоты, успѣхъ лондонскихъ полковъ въ первой битвѣ при Ньюбюри, въ сущности обезпечилъ побѣдителямъ только безопасное отступленіе.

Вообще же можно сказать, что въ этой войнѣ кавалерія одержала всѣ рѣшительныя побѣды, а пѣхота главнымъ образомъ проявила способность къ стойкому сопротивленію, а не наносила рѣшительныхъ ударовъ въ нападеніи на врага. Пѣхотные полки не могли дѣйствовать одни, безъ помощи своихъ конныхъ сотоварищей, до изобрѣтенія штыка, т. е. почти сорокъ лѣтъ спустя послѣ окончанія Великаго мятежа.

Политическая и конституціонная исторія. 1649—1660.

Гассаля.

После смерти Карла I Англія превратилась изъ королевства въ республику. Монархія и палата лордовъ били уничтожены 7 февраля 1649 года, а 14 февраля для отправленія функцій исполнительной

Учрежденіе республики 1649 г.

власти былъ назначенъ государственный совѣтъ, составленный изъ сорока одного членовъ парламента и военныхъ людей. Хотя этотъ государственный совѣтъ и являлся представителемъ большинства остававшейся послѣ очистки палаты общинъ, но въ дѣйствительности власть находилась въ рукахъ арміи, управляемой Кромвелемъ. Смерть короля не только не успокоила общество, а напротивъ увеличила затрудненія Кромвеля. Роялисты все болѣе усиливались; Лондонъ, находившійся подъ вліяніемъ пресвитеріанъ, оставался непримиримымъ; крайняя партія въ арміи, руководимая Лильбурномъ, проповѣдывала теоріи, стремившіяся къ ниспроверженію существующаго порядка. Она требовала почти неограниченной свободы личности и строгаго ограниченія правительственной власти. Кромвель, напротивъ, рѣшился сохранить авторитетъ исполнительной власти и поддерживать существующій общественный порядокъ. Ирландія и Шотландія тоже требовали твердой власти. Въ мартѣ 1649 года Кромвель былъ назначенъ государственнымъ совѣтомъ командиромъ войскъ въ Ирландіи, но до отъѣзда въ свои замѣчательныя ирландскую и шотландскую кампаніи онъ энергично распорядился съ левелерами. Осенью того же года онъ покончилъ съ Ирландіей, а весной 1650 года отправился въ Шотландію, гдѣ присутствіе принца Карла возстановило противъ Кромвеля всю шотландскую націю. Рѣшительныя битвы при Денбарѣ (3 сентября) и при Ворчестерѣ (3 сентября 1651 года) уничтожили надежды роялистовъ въ Шотландіи и въ Англіи; въ концѣ 1651 года три королевства фактически были соединены подъ номинальнымъ управленіемъ англійской палаты общинъ.

Долгій парламентъ и армія.

Но едва было возстановлено спокойствіе въ трехъ королевствахъ, какъ начались старые раздоры между арміей и парламентомъ. Относительно будущей государственной конституціи между солдатами Кромвеля и парламентаріями существовало коренное различіе во взглядахъ. Армія энергично протестовала противъ непрерывности засѣданій парламента и противъ узурпированія имъ судебной и исполнительной властей. Она всегда протестовала противъ произвольной власти парламента и теперь требовала его распущенія, на томъ основаніи, что онъ не является болѣе представителемъ націи.

Парламентаріи съ своей стороны старались подчинить себѣ армію и обезпечить торжество республики. Они не хотѣли, собственно говоря, увѣковѣченія существовавшей палаты общинъ, но хотѣли принятія плана, опредѣлявшаго непрерывность послѣдовательныхъ парламентовъ, продолжавшихся каждый два года. Армія жаловалась на преобладаніе въ парламентѣ юристовъ, на неравенство и медленность существующаго судопроизводства, на отсутствіе полной вѣротерпимости; а парламентъ въ сентябрѣ 1651 года требовалъ уменьшенія арміи, вотировалъ, что онъ не можетъ быть распущенъ до ноября

1654 года и для пріобрѣтенія популярности пытался соединить Англію и Голландію.

Распущеніе Долгаго парламента. 20 апрѣля 1653 года.

Въ ноябрѣ 1552 года парламентаріи, надѣясь, что благодаря вліянію побѣдъ Блэка они будутъ снова избраны, рѣшились на распущеніе парламента, но въ то же время рѣшили, что всѣ члены настоящаго парламента должны по праву оставаться членами будущаго. Внесеніе этого билля Ваномъ было поводомъ къ кризису; самъ Кромвель явился выразителемъ существующаго недовольства. Между членами парламента и офицерами уже и раньше происходили совѣщанія; когда Кромвель увидалъ, что билль Вана можетъ превратиться въ законъ, онъ 20 апрѣля 1653 года внезапно распустилъ палату общинъ и такимъ образомъ покончилъ Долгій парламентъ.

Малый парламентъ.

Армія наконецъ одержала побѣду; страна, не симпатизировавшая цѣлямъ парламента, молча признала власть арміи. Но армія не имѣла, однако, намѣренія захватить политическую власть и Кромвель, распустивъ государственный совѣтъ, созвалъ 140 назначенныхъ имъ человѣкъ —впослѣдствіи это собраніе называли Баребонскимъ или Малымъ парламентомъ—и учредилъ новый государственный совѣтъ, состоявшій изъ тридцати одного членовъ. Въ новомъ парламентѣ было шесть представителей Ирландіи и пять Шотландіи; всѣ члены были избраны изъ людей, доказавшихъ свою преданность парламентскому дѣлу. Собраніе это оказалось неудачнымъ и совсѣмъ несоотвѣтствовавшимъ идеаламъ Кромвеля. Члены его, не обладая практическими свѣдѣніями, пытались, однако, безъ обсужденія провести множество рѣшительныхъ реформъ. Таковы были предложенія упростить судебную процедуру, уничтожить дуэли, улучшить законодательство о долгахъ и уничтожить присягу. Но, недовольствуясь разсмотрѣніемъ такихъ полезныхъ мѣропріятій, парламентъ хотѣлъ уничтожить всю систему канцлерскаго суда, уничтожить патронатство и десятины, не принявъ никакихъ мѣръ для обезпеченія духовенства. Малый парламентъ сдѣлался весьма непопулярнымъ среди всѣхъ, кромѣ фанатиковъ и мечтателей. Кромвель, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, безъ колебаній рѣшилъ и этотъ новый кризисъ; 12 декабря 1653 года министерство въ парламентѣ передало свою власть протектору и Баребонскій парламентъ исчезъ, не возбудивъ сожалѣнія ни въ одномъ изъ классовъ общества.

Управленіе Кромвеля.

16 декабря Кромвель устроился въ Вестминстерѣ, какъ лордъ протекторъ, на основаніи «Инструмента управленія», составленнаго Ламбертомъ и совѣтомъ офицеровъ. Этотъ «Инструментъ» былъ первой писанной конституціей; на основаніи его исполнительная власть ввѣрялась протектору и государственному совѣту. Кромвель получалъ право помилованія за всѣ преступленія кромѣ измѣны и убійства, и въ соединеніи съ совѣтомъ управленіе національнымъ

войскомъ и право войны и мира. Каждые три года долженъ созываться парламентъ и засѣдать одинъ годъ. Безъ его согласія не могли проводиться законы и вводиться новые налоги. Протекторъ въ теченіе двадцати дней могъ отказать въ своемъ согласіи на принятый статутъ, но онъ не могъ ни отстрочить, ни распустить парламента раньше пятимѣсячнаго срока его засѣданій. До собранія перваго парламента протектората, 3 сентября 1654 года, страной управлялъ Кромвель и его совѣтъ; эти девять мѣсяцъ доказали замѣчательныя правительственныя способности протектора. Не только было завершено объединеніе трехъ королевствъ, но и издано восемьдесять два указа относительно общественной организаціи страны, исправленія дорогъ, воспрещенія дуэлей, улучшенія законодательства о должникахъ, устройства лондонской полиціи и упрощенія канцлерской юрисдикціи.

Первый парламентъ протектората— 1564 г.

Когда осенью 1654 года собрался парламентъ, сразу проявились затрудненія, неизбѣжныя при попыткахъ раздѣленія исполнительной и законодательной властей; члены парламента проявили большую неохоту принять конституціонный строй, созданный «Инструментомъ управленія», составленнымъ и осуществленнымъ арміей. Они требовали подчиненія протектора парламенту, хотя и были готовы признать управленіе одного человѣка. Подъ руководительствомъ Брадшо и Газельрига, парламентъ началъ обсуждать ту конституцію, на основаніи которой онъ былъ собранъ.

Основныя положенія. Распущеніе парламента.

Кромвель признавалъ право парламента на такое обсужденіе, но считалъ необходимымъ вмѣшаться и потребовалъ отъ парламента принятія слѣдующихъ основныхъ положеній: 1) управленіе страной принадлежитъ парламенту и одному лицу, 2) парламентъ не можетъ увѣковѣчивать своей власти, 3) парламентъ не имѣетъ права распоряжаться арміей и 4) признаніе свободы совѣсти. Больше ста членовъ отказалось подписать обязательство принять эти четыре условія и они были исключены изъ парламента; остальные приступили къ обсужденію и измѣненію статей «Инструмента управленія». Такъ какъ парламентъ ничего не сдѣлалъ для пользы націи и такъ какъ онъ не вотировалъ субсидій, то Кромвель по окончаніи пяти лунныхъ мѣсяцевъ (22 января 1655 года) распустилъ его. Да и было уже время. Уже составлялись военные и политическіе заговоры и рѣшительныя мѣры были необходимы.

Управленіе генералъ-маіоровъ.

Недовольные военные были разогнаны, попытки левелеровъ подавлены, значительное роялистское возстаніе подъ главенствомъ Пенруддока было безъ труда усмирено (въ мартѣ 1655 года). До сентября 1656 года Кромвель управлялъ, какъ военный диктаторъ и его деспотизмъ во многихъ отношеніяхъ былъ такой же тираніей, какъ и управленіе Карла I въ теченіе десяти лѣтъ отъ 1629 до 1639. Страна была раздѣлена на двѣнадцать дивизій подъ управле

ніемъ генералъ-маіоровъ; было объявлено военное положеніе. Свобода печати была ограничена, епископальное богослуженіе воспрещено, воспрещено и употребленіе молитвенника (въ ноябрѣ 1655 года), налоги взимались произвольно. Но вообще говоря, Кромвель, хотя и деспотически, но мудро управлялъ страной, хотя его попытка устранить доктринальную тиранію посредствомъ принудительнаго обрядового единовѣрія оказалась неудачной.

Второй парламентъ Кромвеля—1656.

Въ сентябрѣ 1656 года Кромвель созвалъ свой второй парламентъ. Англія вела войну съ Испаніей и существованіе дефицита въ 800,000 фунтовъ дѣлало необходимымъ еще разъ попытаться управлять при содѣйствіи парламента. Но оппозиція парламента военному управленію была также сильна, какъ и прежде, хотя девяносто человѣкъ изъ оппозиціи и были исключены. Большинство, хотя и отставало отъ Кромвеля въ своихъ взглядахъ по вопросу о вѣротерпимости, хотя и было враждебно управленію генералъ-маіоровъ, было искренно привязано къ самому Кромвелю.

Въ началѣ 1657 года парламентомъ были составлены петиція и совѣтъ (Advice) объ исправленіи конституціи. Государственный совѣтъ долженъ получить положеніе, занимаемое раньше Частнымъ совѣтомъ короля; должна быть собрапа вторая палата и возстановленъ королевскій санъ.

Распущеніе парламента. Смерть Кромвеля. Ричардъ Кромвель.

31 марта «петиція и совѣтъ» были представлены Кромвелю и ему предложенъ титулъ короля. Комерческіе классы, пресвитеріане и вообще всѣ, желавшіе спокойствія были за принятіе Кромвелемъ короны. Противъ этого были индепенденты, люди пятой монархіи, армія и вообще большинство республиканской партіи. Отъ марта до іюня шли совѣщанія по этому поводу и, наконецъ, къ удивленію многихъ, Кромвель отклонилъ предложеніе. Въ январѣ 1658 года въ Вестминстерѣ собралась новая палата лордовъ, состоявшая изъ пэровъ, бывшихъ при Карлѣ I въ оппозиціи, изъ нѣкоторыхъ родственниковъ Кромвеля и изъ многихъ офицеровъ и юристовъ. По условіямъ «Петиціи» въ палату общинъ были вновь приняты исключенные члены и они сразу же сдѣлали невозможной всякую законодательную дѣятельность. Они напали на Кромвеля, они отказались признать новую палату лордовъ и не обращали никакого вниманія на увѣщанія протектора прекратить мятежныя нападенія въ виду угрожавшаго союза Испаніи съ приверженцами Карла II. Раздраженный ихъ интригами, Кромвель 4 февраля 1658 года распустилъ парламентъ, приказалъ роялистамъ и католикамъ оставить Лондонъ, учредилъ верховный судъ для осужденія памфлетовъ и велѣлъ Бродгиллю предупредить Ормонда, интриговавшаго въ Англіи, чтобы онъ убирался во свояси. При поддержкѣ Лондона и арміи Кромвелю не было трудно уничтожить планы его враговъ дома и заграницей. Угрожавшее нашествіе Карла изъ Фландріи, на которое разсчитывали

республиканцы, кончилось ничѣмъ; иностранная политика Кромвеля была удачной. Но 3 сентября 1658 года, въ годовщину битвъ при Дёнбарѣ и Ворчестерѣ, Кромвель умеръ, истомленный своей военной и политической дѣятельностью. Онъ мало заботился о конституціонныхъ реформахъ, но ясно понималъ необходимость сохраненія старой англійской конституціи, видоизмѣненной и, если возможно, исправленной; онъ пытался установить свободу религіи. Но его поддерживало меньшинство націи, да и это меньшинство главнымъ образомъ состояло изъ солдатъ. Послѣ смерти Кромвеля его наслѣдникомъ былъ признанъ его сынъ Ричардъ; 27 января 1659 года собрался новый парламентъ. Но Ричардъ былъ не въ состояніи бороться съ неизбѣжной анархіей. Четыре партіи: кромвеліанцы, республиканцы, партія Валлингфордъ-Гоуза (армія) и роялисты боролись за власть; парламентъ былъ не только безсиленъ рѣшить между этими борящимися партіями, но, поддерживая авторитетъ гражданской власти надъ арміей, долженъ былъ пасть. 21 апрѣля Ричардъ рѣшился связать свою судьбу съ арміей и 22 апрѣля солдаты разогнали парламентъ; вскорѣ послѣ этого протекторатъ былъ уничтоженъ; 7 мая былъ собранъ остатокъ Долгаго парламента—«Хвостъ» (Rump)—и Ленталь занялъ свое мѣсто спикера въ палатѣ, состоявшей изъ сорока двухъ членовъ.

Несмотря на свою малочисленность, палата отказалась подчиниться арміи и вопросъ о примиреніи военной и гражданской властей оставался нерѣшеннымъ.

Монкъ и Реставрація. 13 октября армія, подавивъ возстаніе роялистовъ у Виннингтонъ-Бриджа, отказалась впустить въ палату членовъ парламента; онъ былъ распущенъ и снова собрался только 26 декабря. Въ обществѣ господствовало сильное настроеніе въ пользу возстановленія Карла II, такъ какъ нація утомилась господствомъ солдатъ. Даже въ рядахъ самой арміи многіе понимали невозможность управлять государствомъ при посредствѣ даже хорошо организованныхъ солдатъ. Выразителемъ такого настроенія явился Георгъ Монкъ, командиръ англійскихъ войскъ въ Шотландіи. 1 января 1660 года онъ двинулся къ югу и послѣ присоединенія къ нему Ферфэкса и арміи, 3 февраля вступилъ въ Лондонъ и объявилъ себя за свободный парламентъ; 16 марта Долгій парламентъ былъ окончательно распущенъ; 14 апрѣля собрался новый парламентъ, состоявшій до значительной степени изъ роялистовъ, и немедленно же пригласилъ короля. Въ день собранія парламента Карлъ въ Бредѣ выпустилъ прокламацію съ обѣщаніемъ вѣротерпимости, прощенія всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кого парламентъ спеціально исключитъ изъ амнистіи и гарантіи владѣнія для владѣльцевъ конфискованныхъ имуществъ; 25 мая король высадился въ Дуврѣ, а 29 вступилъ въ Лондонъ. Управленіе арміи кончилось и королевская власть была возстановлена.

Религіозная борьба. Епископатъ и его противники.

Геттона.

Съ начала гражданской войны религіозныя партіи рѣзко обособились. Начиная съ первыхъ военныхъ дѣйствій за политической и военной борьбой стояла духовная борьба трехъ вполнѣ опредѣлившихся религіозныхъ партій: церковниковъ, пресвитеріанъ и индепендентовъ. Кромѣ этихъ трехъ партій существовало безчисленное количество сектъ, въ это время жившихъ бурной, хотя и эфемерной жизнью; но вышеупомянутыя три партіи охватывали большинство націи и соотвѣтствовали партіямъ политическимъ, которыя еще въ началѣ царствованія Карла выставили опредѣленные и неизмѣнные принципы. Церковники вообще были несомнѣнно монархистами: «нѣтъ епископа, нѣтъ и короля». Пресвитеріане также, какъ и въ Шотландіи, были по существу партіей олигархической. Къ нимъ принадлежали крупные пэры, еще продолжавшіе мечтать о независимости бароновъ и объ аристократическомъ управленіи. Индепенденты— этотъ энергическій отпрыскъ протестантизма, ушедшіе далеко отъ своихъ отцовъ, броунистовъ—были республиканцами. Пресвитеріанство могло процвѣтать при конституціонной монархіи, но индепенденство по самымъ основнымъ своимъ идеямъ требовало республики. Политическія и церковныя теоріи.

Религіозные вопросы такимъ образомъ сливались съ политическими и уже съ самаго начала войны люди задавали себѣ вопросъ: была ли причина ея церковная или государственная. Насколько въ самомъ дѣлѣ религія была причиной «великаго мятежа»? Вопросъ этотъ имѣетъ непреходящій интересъ. Съ перваго взгляда мы склоняемся къ тому, чтобы придавать главное значеніе религіозному настроенію, которое, можетъ быть, и шире и разностороннѣе любого политическаго строя. Петиціи Сомерсета и Чешира, рѣчи и объявленія короля, дебаты въ парламентѣ — все это ясно доказываетъ, что именно нападеніе на церковь давало королю его силу. Люди, которые могли общими силами обвинить Лоуда и осудить Страффорда, тотчасъ же разошлись, какъ только былъ внесенъ билль «о корняхъ и вѣтвяхъ», исключавшій епископовъ изъ палаты лордовъ. Фалькландъ, мыслитель проницательный, наибольшее, возможное въ такое бурное время, приближеніе къ идеалу «кротости и свѣта» находилъ въ арміи короля. Вѣротерпимость была за короля.

Съ другой стороны враги короля боролись за очень разнообразныя цѣли. Нѣкоторые боролись за уничтоженіе прелатства и всей

теоріи священства, которая казалась имъ «опасной пастью великаго римскаго волка». Другіе жаждали личной свободы и устраненія всякаго вмѣшательства въ дѣла совѣсти, и задачей лучшихъ законодательныхъ мѣръ Долгаго парламента было именно это. Третьи боролись за свои владѣнія, такъ какъ они боялись, что король при помощи беневоленцій и корабельнаго налога найдетъ средство захватить ихъ. Многіе боролись просто за дѣло парламента, избраннаго ими, что, по ихъ мнѣнію, налагало на нихъ долгъ слѣдовать его взглядамъ на общественныя дѣла. Многіе боролись за личныя цѣли, другіе за общее благо а третьи полагали, что личныя цѣли и общее благо по необходимости совпадаютъ. Для того, чтобы связать такіе разнородные элементы, не было иной силы, столь могущественной, какъ религія; пуритане были естественными государственными реформаторами. Съ одной стороны, очевидно, что возстанія не было бы, если бы конституціонныя требованія не объединяли различныя религіозныя секты; а съ другой, изъ торжества индепендентовъ и установленія военнаго деспотизма столь же очевидно, что конституціоналисты одни, своими собственными силами, не могли бы одержать побѣды. Въ первые годы царствованія Карла, несмотря на то, что это было время споровъ богослововъ и на то, что существовала сильная и дѣятельная пуританская оппозиція, въ парламентѣ было замѣтное преобладаніе конституціонныхъ биллей сравнительно съ биллями, касавшимися религіи. Когда же религія сдѣлалась выдающимся факторомъ въ политической жизни, каждый прогрессъ парламентской партіи поддерживался все уменьшавшимся количествомъ голосовъ. Нѣкоторые оффиціальные историки Долгаго парламента, говоритъ Мэй, полагаютъ, что для дѣла парламента было бы выгоднѣе, если бы онъ не привлекалъ такъ сильно религію въ защиту своего дѣла. Но религія давала энтузіазмъ, когда конституціонная оппозиція выставляла программу реформъ; и немногіе изъ парламентаріевъ на находили необходимымъ по крайней мѣрѣ облекать свои цѣли въ одежду религіозной фразеологіи.

Иконоборство. Политическія теоріи и попытки удовлетворить очевидную нужду въ реформахъ представляли лучшую сторону дѣятельности пуританскихъ вождей; но военныя дѣйствія отличались такими дѣяніями, которыя дискредитировали эту партію. Когда парламентская армія въ сентябрѣ 1640 года вышла изъ Лондона, они «ворвались въ храмы, сломали и сожгли рѣшетки у алтарей, разорвали ризы и молитвенники. Духовные въ рясахъ сдѣлались объектомъ оскорбленій и насмѣшекъ». Въ томъ же мѣсяцѣ въ Оксфордѣ пуритане захватили сервизы коллегій и стрѣляли въ Дѣву съ Божественнымъ Младенцемъ на паперти университетской церкви. Въ Кентербюри они разбили на куски изображеніе Христа и стрѣляли въ каменный крестъ. Они осквернили и Ворчестерскій соборъ. А въ это время

палата общинъ назначила комитетъ для уничтоженія всѣхъ «идолопоклонническихъ» изображеній; онъ уничтожилъ благороднѣйшіе памятники и всѣ старыя стекла въ окнахъ Вестминстерскаго аббатства и церкви св. Маргариты. По приказанію общиннаго совѣта былъ уничтоженъ Чарингъ Кроссъ. Два года позже Кромвель грубо прекратилъ служеніе въ соборѣ въ Эли, войдя въ хоръ съ своими солдатами и приказавъ священнику «остановить службу, столь вредную и непоучительную, оставить свои дурачества и сойти внизъ».

Пуританство въ церкви. Торжественная Лига и Ковенантъ.

Общій ходъ событій, поскольку онъ вліялъ на столкновеніе между защитниками епископата и его различными врагами, можетъ быть вкратцѣ представленъ такимъ образомъ: въ январѣ 1643 года въ палатѣ прошелъ билль объ уничтоженіи епископата; въ августѣ въ Шотландію были отправлены англійскіе комиссары для установленія основъ религіознаго соглашенія; въ іюлѣ въ Вестминстерѣ сошлось собраніе «благочестивыхъ и ученыхъ богослововъ». Оно состояло изъ 180 духовныхъ и 30 мірскихъ членовъ; послѣдніе были избраны двумя палатами; съ самаго начала это собраніе было вполнѣ парламентской креатурой и ему было предписано обсуждать только то, что ему поручено парламентомъ. Собраніе исправило тридцать девять статей въ пуританскомъ направленіи, но оно не желало ничего большаго, какъ «сердечнаго объединенія» съ шотландскимъ пресвитеріанствомъ. Тѣмъ не менѣе оно было столь неблагоразумно, что оттолкнуло отъ себя шотландцевъ, при помощи или, по крайней мѣрѣ, при нейтралитетѣ которыхъ только и возможно было продолжать войну; 26 августа Торжественная Лига и Ковенантъ, уничтожавшіе епископатъ и обѣщавшіе полное возсоединеніе обѣихъ церквей, были посланы изъ Шотландіи парламенту и вестминстерскому собранію. Парламентъ принялъ ихъ и приказалъ принять всѣмъ лицамъ выше восемнадцатилѣтняго возраста.

Такимъ путемъ удовлетворили шотландцевъ, но оттолкнули многихъ изъ парламентаріевъ. Сэръ Ральфъ Верней, бывшій политическимъ противникомъ своего отца и придерживавшійся теорій пуританской палаты общинъ, горячо возстававшій противъ принциповъ Лоуда, не могъ переварить Ковенанта. Онъ былъ выдающимся политикомъ, но онъ сдѣлался такимъ изъ ежедневнаго страха быть арестованнымъ, и для спасенія своей свободы былъ вынужденъ бѣжать за море. Его помѣстья были секвестрованы обѣими партіями; только чрезъ нѣсколько лѣтъ изгнанія ему позволено было вести переговоры и только позже онъ могъ возвратиться въ Англію. Само положеніе пуританской палаты и пуританскаго собранія требовало принятія строгихъ мѣръ въ виду постоянно ростущаго недовольства ими.

Дисциплина. Обрядность и секуляризація.

Комитетъ о «проповѣдующихъ священникахъ», или какъ его обыкновенно называли, комитетъ о «скандальныхъ священникахъ»,

назначенный въ 1640 году, постепенно захватилъ въ свои руки управленіе религіозными дѣлами и позднѣе практически слился съ комитетомъ, назначеннымъ 31 декабря 1642 года «для изслѣдованія наилучшихъ средствъ для обезпеченія ограбленныхъ благомыслящихъ и добрыхъ священниковъ, а также для изслѣдованія того, кто изъ злонамѣренныхъ имѣетъ бенефиціи въ этомъ городѣ и близь него; секвестрированіе бенефицій таковыхъ личностей можетъ послужить для обезпеченія вышеупомянутыхъ священниковъ»—и онъ превратился въ сущности въ церковную комиссію для церкви, теперь не признаваемой государственной и отчасти лишенной ея имуществъ.

Священниковъ изгоняли на основаніи различныхъ обвиненій и мѣстные комитеты исполняли это дѣло вездѣ, гдѣ парламентъ имѣлъ власть.

Съ самаго же начала финансовыя затрудненія были значительны. Спачала ихъ устранили секвестромъ имуществъ Кентербюрійской кафедры (іюнь, 1643), вестминстерскаго аббатства (ноябрь, 1645), епископскихъ земель (октябрь, 1646) и наконецъ конфискаціей земель всѣхъ кафедральныхъ капитуловъ (апрѣль, 1649). Нѣкоторая сумма получилась также изъ штрафовъ съ людей, обвиненныхъ въ политическихъ проступкахъ. Имъ было позволено просить пониженія суммы штрафа, если они давали обязпеченіе церковнымъ бенефиціямъ. Такъ напримѣръ, штрафъ сэра Генриха Тайнна былъ уменьшенъ съ 7160 фунтовъ до 3584 ф., такъ какъ онъ далъ 2000 фунтовъ на ректорства Кемпсфордъ, Букландъ и Лавертонъ и меньшую сумму на Сиренчестеръ. Приходы обыкновенно просили дополнительнаго обезпеченія ихъ изъ этого источника. Напримѣръ, прихожане знаменитой церкви Стоу въ Линкольнширѣ доказывали, что ихъ приходъ великъ, въ немъ шестьсотъ причащавшихся и у нихъ нѣтъ проповѣдника, такъ какъ бенефиція приноситъ въ годъ только 10 фунтовъ и потому они требовали, чтобы свѣтскаго ихъ ректора заставили обезпечить ихъ духовныя потребности.

Но бывали и другія требованія, помимо денежныхъ. Приходилось выдумывать какую нибудь форму посвященія; это и было сдѣлано вестминстерскимъ собраніемъ, члены котораго не избѣжали упрека въ жадности и скупости. «Они распустили паруса, говорилъ Мильтонъ, на всѣ вѣтра, которые могли навѣять барыши въ ихъ карманы».

Очень скоро нашли, что «новый пресвитеръ тотъ же старый попъ, только иначе написанный». Потомъ собраніе составило новую литургію для замѣны уничтоженнаго молитвенника. Пользованіе старымъ служебникомъ было признано уголовнымъ преступленіемъ, пользованіе новымъ было обязательно. Были изданы также подробный и краткій катехизисы и наконецъ знаменитое вестминстерское исповѣданіе-ученіе кальвинскихъ и пуританскихъ богослововъ.

Въ январѣ 1645 года лорды согласились замѣнить молитвенникъ «директоріей», новой литургіей и въ тотъ же день приняли bill of attainder противъ архіепископа Лоуда. Старикъ уже давно сидѣлъ въ тюрьмѣ и страдалъ отъ утомительнаго и долгаго суда. Его легально никакъ нельзя было обвинить въ измѣнѣ, потому, чтобы убрать его съ дороги, и прибѣгли къ биллю о государственномъ преступленіи. До тѣхъ поръ, пока онъ жилъ, его личность, сдѣлавшаяся любимой и трагической во время его заточенія, могла сдѣлаться поводомъ для возбужденія такого сильнаго протеста въ церковникахъ, котораго нельзя бы было подавить насиліемъ. Такимъ образомъ онъ былъ отправленъ на эшафотъ личными врагами и общественнымъ раздраженіемъ—«архіепископъ и молитвенникъ умерли вмѣстѣ». Послѣ его смерти преслѣдованія священниковъ сдѣлались еще болѣе суровыми. Непринятіе ковенанта и пользованіе молитвенникомъ признавались уголовными преступленіями; духовенство, для котораго епископатъ былъ существеннымъ учрежденіемъ церкви или которое повиновалось королю въ его требованіи пользоваться прежнимъ молитвенникомъ, подвергалось, какъ преступники, полной конфискаціи его собственности, съ однимъ призрачнымъ преимуществомъ, что въ случаѣ крайней нужды комитетъ можетъ назначить пятую часть доходовъ для обезпеченія жены и дѣтей. Разсчитываютъ, что около 2000 духовныхъ лицъ потеряли въ Англіи и въ Валлисѣ свои приходы за отказъ принять ковенантъ. Такой расчетъ оспаривался, но что число пострадавшихъ было значительно—это доказывается письмомъ Байлли, который, разсказывая о мѣрахъ, принятыхъ для пополненія бенефицій, замѣчаетъ, что «и при этомъ нѣсколько тысячъ церквей оставались вакантными за недостаткомъ людей». Въ это же время парламентскія комиссіи очистили университеты и довольно странно было видѣть генерала Кромвеля въ качествѣ доктора правъ. Въ Оксфордѣ къ 1648 году было исключено около шестисотъ членовъ различныхъ учрежденій среди нихъ были наиболѣе ученые и благочестивые писатели того времени.

Казнь Лоуда и преслѣдованіе духовенства.

Карлъ въ эти печальные годы, отъ дня поднятія своего знамени до своей смерти, при всѣхъ своихъ колебаніяхъ твердо стоялъ за существенныя особенности исторической церкви. Въ Уксбриджѣ, въ Ньюпортѣ и въ Ньюкэстлѣ онъ соглашался на уступки, даже на установленіе пресвитеріанства на пять лѣтъ, но онъ не могъ согласиться на уничтоженіе епископата. Онъ боялся отдѣленія церкви отъ государства; но при этомъ онъ заимствовалъ у Лоуда и болѣе почтенный и болѣе послѣдовательный принципъ. «Это было бы не меньшимъ и худшимъ измѣненіемъ, чѣмъ введеніе папизма»—говорилъ онъ—«какъ бы плохо ни было мое положеніе, я, при милости Божіей, никогда не рѣшусь отдать эту церковь управленію папистовъ, пресвитеріанъ или индепендентовъ». Онъ умеръ за такое

Король и церковь.

рѣшеніе также, какъ и по причинамъ политическимъ, и его смерть также, какъ и смерть Лоуда, сдѣлала несомнѣннымъ будущее торжество церкви.

Церковь при республикѣ.

Періодъ отъ смерти Карла I до возстановленія Карла II можетъ быть изображенъ въ немногихъ словахъ. Англія постепенно подпадала подъ власть военнаго деспотизма, для котораго прежнія идеи о вѣротерпимости были по необходимости непріятны, несмотря на широту не-епископальныхъ формъ религіи, которыя сначала имѣла въ виду церковная политика протектора. Молитвенникъ оставался запрещеннымъ; пользовавшихся имъ сажали въ тюрьмы. Наказанія, которыя сначала не примѣнялись строго, были возстановлены прокламаціей протектора отъ 1653 года. Эвелинъ разсказываетъ, что когда на Рождествѣ въ 1657 году онъ былъ въ лондонской конгрегаціи, его арестовали во время богослуженія, когда причащавшіеся шли къ алтарю среди пикъ солдатъ.

Папизмъ и прелатство подвергались одинаковому преслѣдованію— и постепенно при управленіи индепендентовъ пресвитеріане и другія протестантскія секты поняли, что они несмотря на указъ о вѣротерпимости не пользуются тѣмъ религіознымъ равенствомъ, въ которомъ раньше они сами отказывали другимъ.

Индепенденты и старая церковь.

Однимъ общимъ именемъ индепендентовъ можно называть людей, очень различныхъ—отъ мыслящихъ и ученыхъ людей, вродѣ Мильтона, сочиненіе котораго Areopagitica, защита свободы печати, было протестомъ противъ деспотизма пресвитеріанской цензуры, до грубыхъ сельчанъ, религіозный энтузіазмъ которыхъ принималъ самыя эксцентричныя формы. Какъ партія, индепенденты основывались на сильномъ индивидуализмѣ людей, составлявшихъ сызнова свои убѣжденія старательнымъ изученіемъ библіи и въ особенности Ветхаго Завѣта; но они нашли поддержку въ широкихъ планахъ терпимости, недопускаемой пресвитеріанствомъ; они побѣдили, потому что во главѣ ихъ стоялъ одинъ изъ величайшихъ людей революціи. Индепендентство, когда оно получило власть, означало управленіе Кромвеля. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Англіи свирѣпствовала смута. Установленной религіей было номинально пресвитеріанство, но благодаря арміи индепенденты были наиболѣе могущественной партіей. Церковнаго управленія въ строгомъ смыслѣ слова не существовало. Отъ 1648 до 1654 года не было посвященій священниковъ. Въ 1654 году была назначена комиссія испытателей (Triers); она должна была изслѣдовать пригодность кандидатовъ и назначать ихъ на вакантныя мѣста, если они окажутся пригодными. Эти изслѣдованія часто были потѣшными; въ самомъ лучшемъ случаѣ это было нѣчто въ родѣ англійской инквизиціи, какъ называетъ комиссію одна изъ ея жертвъ, Садлеръ. Въ это время было воспрещено религіозное празднованіе дня Рождества Христова; браки признава-

лись законными только въ томъ случаѣ, если они заключались предъ властями; были воспрещены представленія, лошадиные бѣга и большинство общественныхъ увеселеній. Безспорно, что всѣ эти воспрещенія сильно раздражали бѣдный людъ; а мемуары того времени доказываютъ, что и въ средѣ богатыхъ людей многіе, противившіеся раньше политикѣ Лоуда, были еще менѣе довольны новыми религіозными обычаями. Лэди Верней, боровшаяся въ Лондонѣ за дѣло своего мужа, не знала, гдѣ окрестить ея ребенка. «Дѣйствительно— писала она—здѣсь живешь точно язычница; такъ какъ мое здоровье поправилось, то я отправилась въ нашу приходскую церковь, но только одинъ разъ могла найти доступъ, несмотря на всѣ деньги, которыя я предлагала. Мнѣ приходилось нанимать карету, чтобы попробовать счастья во всѣхъ церквахъ или сидѣть дома, а когда и попадешь въ церковь, то слушаешь очень странную службу и въ такомъ тонѣ, что большинство только смѣется. Всякій, который получаетъ право служить, экзаменуется старѣйшинами, которые, какъ увѣрятъ всѣ, задаютъ такіе вопросы, разсказывать о которыхъ просто стыдно». Не трудно представить себѣ, какое настроеніе возбуждало все это; оно росло быстро и заставило въ теченіе цѣлаго вѣка осмѣивать и презирать пуританъ, измѣнившихъ весь характеръ «веселой Англіи».

Было бы ошибкой полагать, что положеніе церкви въ теченіе всего этого періода представлялось безнадежнымъ. Одна часть духовенства фактически подчинилась правительству, принявъ «обязательство», т. е. присягу быть вѣрнымъ и преданнымъ республикѣ, «какъ она установлена», безъ короля и палаты лордовъ. Руководителемъ этой партіи былъ ученый Сандерсонъ, впослѣдствіи епископъ линкольнскій. Они пользовались формами литургіи, составленной на основаніи молитвенника. Другіе тайно, среди вѣрныхъ, пользовались воспрещеннымъ молитвенникомъ; нѣкоторыхъ въ сельскихъ округахъ правительство и не безпокоило. Такъ Жуксонъ служилъ въ Кастльтонъ-Гоузѣ, а Гуннингъ и Уильдъ въ Лондонѣ отправляли полное англиканское богослуженіе. Посвященія продолжались и великодушные церковники обезпечивали голодавшее духовенство. Такимъ образомъ церковь въ тихомолку продолжала свою дѣятельность. Нѣкоторые изъ ея священниковъ искали убѣжища заграницей; нѣкоторые изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи управляли англиканской церковью, находили занятія въ тѣхъ посольствахъ и въ тѣхъ безчисленныхъ интригахъ, которыми занимался изгнанный дворъ. А въ особенности никогда не прекращалась литературная дѣятельность англиканскаго духовенства. Памфлеты также, какъ и серьезные трактаты, приготовляли путь для неизбѣжной реакціи.

Такимъ образомъ, періодъ преслѣдованій кончился и когда правительство послѣ смерти великаго протектора оказалось невозможнымъ

безъ королевской власти, религіозное настроеніе по крайней мѣрѣ настолько же, насколько и политическое, сдѣлало реставрацію наиболѣе популярнымъ событіемъ въ англійской исторіи.

Религіозная борьба. Пресвитеріане, индепенденты. Нонконформисты.

Броуна.

Уничтоженіе епископата было рѣшено Долгимъ парламентомъ не потому, чтобы его члены были пресвитеріане или индепенденты, а потому, что насильственная дисциплина, введенная Лоудомъ, возбудила сопротивленіе вмѣшательству въ дѣла совѣсти церковниковъ и страхъ предъ церковной тираніей. Только послѣдующій ходъ событій привелъ къ владычеству сначала пресвитеріанъ, а пототъ индепендентовъ. Война парламента съ королемъ дѣлала необходимымъ обращеніе къ помощи шотландцевъ, а помощь ихъ можно было получить только принятіемъ англійской церковью шотландской системы. Это сдѣлали неохотно, но это было необходимо; постоянно получались извѣстія о побѣдахъ королевскихъ войскъ и такъ какъ необходимость не знаетъ законовъ, то въ 1643 году и было принято постановленіе о созывѣ собранія богослововъ для совѣта парламенту, какими мѣрами всего лучше можно сохранить миръ въ церкви и согласовать англиканскую церковь съ шотландской и съ другими реформированными церквами. 7 сентября Торжественная Лига и Конвентъ, послѣ исправленія ихъ въ палатѣ общинъ, были приняты лордами и 25 сетября имъ присягнули и парламентъ и собраніе богослововъ.

Попытки компромисса.

Сепаратисты, какъ таковые, не имѣли участія въ вестминстерскомъ собраніи, но нѣкоторыхъ изъ его членовъ считали индепендентами вопреки ихъ опроверженіямъ. Пятеро изъ наиболѣе извѣстныхъ вообще придерживались идей сепаратистовъ, но не нападали, какъ эти послѣдніе, на англиканскую церковь, какъ на отступническую, хотя и надѣялись найти какой нибудь компромиссъ между менѣе послѣдовательной системой индепендентства и желѣзной дисциплиной пресвитеріанства. Они предполагали добиться такого компромисса предложеніемъ, чтобы ни одна конгрегація не подлежала внѣшней церковной юрисдикціи, въ то же время сохраняя право каждой отдѣльной общины на протестъ и увѣщаніе и даже на отказъ отъ общенія съ другими. Такая мѣра была одобрена многими способными и образованными людьми, которые, не будучи индепендентами, настолько же, какъ и они, противились клерикальному управ-

ленію и желали усиленія вліянія міранъ. Благодаря сліянію этихъ двухъ партій индепенденты и получили власть во время гражданской войны.

Вся оппозиція въ собраніи и была представлена этими пятью диссидентами, но къ концу года военныя событія сдѣлали настроеніе собранія болѣе примирительнымъ. Но только въ слѣдующемъ году, послѣ битвы при Марстонъ-Мурѣ, Кромвель воспользовался своимъ вліяніемъ, чтобы заставить палату общинъ принять указъ о вѣротерпимости. Этотъ указъ предлагалъ комитету лордовъ и общинъ разсмотрѣть разногласія въ собраніи по вопросу о церковномъ управленіи и, если возможно, добиться соглашенія; если же это соглашеніе невозможно, то комитетъ долженъ найти согласныя съ словомъ Божіемъ и не противныя общественному порядку средства удовлетворенія тѣхъ, которые по совѣсти не могутъ во всемъ подчиниться общему церковному управленію.

Такая политика поддерживалась самымъ ходомъ военныхъ событій, который дѣлалъ необходимымъ переформированіе парламентскихъ войскъ и принятіе ордонанса «о самоотреченіи» и объ арміи «Новаго образца». Вновь созданная армія была до значительной степени по своему настроенію индепендентской, такъ какъ на ея настроеніе сильно вліяли офицеры; а новые офицеры были рѣшительными и въ особенности терпимыми пуританами, на ихъ сторонѣ были и наиболѣе энергичные и наиболѣе доступные дисциплинированію изъ солдатъ, въ особенности рѣшительные пуритане Восточной ассоціаціи. Эта армія «Новаго образца» выступила въ поле въ началѣ 1645 года и уже въ іюнѣ битва при Назеби кончилась побѣдой Кромвеля и была поворотнымъ пунктомъ въ борьбѣ между партіями пресвитеріанъ и индепендентовъ. До этого времени Кромвель сознавалъ, что иного выхода въ борьбѣ противъ короля не было, кромѣ помощи шотландцевъ, хотя онъ и не хотѣлъ бы этого. Теперь же эта необходимость была устранена и онъ могъ высказаться открыто. Тотчасъ же послѣ битвы онъ писалъ спикеру палаты Ленталю, сообщая ему о своей побѣдѣ и говоря, что честные люди вѣрно служили парламенту въ этомъ дѣлѣ, потому онъ надѣется, что ничего не будетъ сдѣлано, что могло бы возбудить ихъ неудовольствіе. Они рисковали жизнью за свободу родины и теперь они довѣряютъ Богу и парламенту свободу совѣсти, за которую они бились. Послѣдующій ходъ событій, вмѣстѣ съ настроеніемъ общества поддерживали выраженное Кромвелемъ желаніе. Власть въ парламентѣ все больше переходила въ руки индепендентовъ и значительной группы юристовъ, которые, не будучи индепендентами, были противъ того, чтобы довѣрять духовенству свѣтскую юрисдикцію, даже въ церковныхъ дѣлахъ, иначе какъ подъ постояннымъ контролемъ парламента. Политика этой партіи привела къ уходу шотландцевъ изъ Англіи, къ передачѣ короля

Вліяніе арміи

къ преобладанію въ странѣ индепендентовъ, какъ истинно національной партіи, одинаково враждебной французамъ, ирландцамъ и шотландцамъ и противившейся всякому договору съ королемъ въ союзѣ съ иностранцами.

Послѣ смерти Карла вліяніе Кромвеля, сильное и раньше, становится преобладающимъ. Его церковная политика, въ качествѣ лорда протектора, основывалась на принципѣ признанія, поддержки и контроля церкви государствомъ. «Статьи управленія» (Articles of governe-[illegible]), к[illegible]рыя слѣдуетъ признать внушенными имъ, опредѣляли, что христіанская религія, содержащаяся въ св. Писаніи, должна поддерживаться и рекомендоваться, какъ признанное вѣроисповѣданіе королевства. Такимъ образомъ христіанство признавалось частью законовъ государства, его обряды соединялись со всѣми общественными актами, такъ что Англія при протекторатѣ въ теоріи была религіозной республикой и государство было не только свѣтскимъ, но и духовнымъ.

Политика Кромвеля.

Повидимому, Кромвелемъ въ его церковной политикѣ руководили двѣ главныя идеи: во первыхъ, должна существовать установленная не-епископальная церковь на широкой основѣ истолкованія евангелія, содержимая и управляемая государствомъ и во вторыхъ, эта церковь должна отличаться полной терпимостью относительно диссиндентовъ, такъ что гарантировалось существованіе отдѣльныхъ конгрегацій. Въ 1654 году были изданы два указа: одинъ, назначавшій комиссаровъ (Triers) для утвержденія проповѣдниковъ, представляемыхъ для занятія бенефицій; другой относительно исключенія неудовлетворительныхъ и безнравственныхъ священниковъ и школьныхъ учителей. На основаніи перваго указа былъ учрежденъ судъ изъ тридцати восьми комиссаровъ, число которыхъ послѣ увеличилось до сорока трехъ; они должны были въ будущемъ экзаменовать всѣхъ киндидатовъ на мѣста приходскихъ священниковъ и всѣхъ, назначенныхъ съ 1 апрѣля 1653 года и выдать цертификаты тѣмъ, кого найдутъ пригодными. Подъ руководствомъ комиссіи исключеній (Comission of Ejection)—въ каждомъ графствѣ учреждался комитетъ, состоящій изъ пятнадцати до тридцати джентльменовъ, который долженъ былъ дѣйствовать въ соединеніи съ восемью или десятью духовными лицами этого графства и имѣлъ полномочіе исключать изъ числа священниковъ всѣхъ, кого онъ признавалъ непригоднымъ или вслѣдствіе недостойнаго поведенія, или вслѣдствіе неспособности, или наконецъ, вслѣдствіе постояннаго отсутствія изъ прихода.

Государственная церковь.

Установленная церковь Кромвеля не признавала какой либо единой формы церковной организаціи; не было ни церковныхъ судовъ, ни церковныхъ собраній, ни церковныхъ законовъ или распоряженій. Ничего не опредѣлялось ни относительно обрядовъ и церемоній, ни

даже относительно таинствъ. Способъ причащенія и крещенія былъ оставленъ открытымъ и опредѣлялся каждой отдѣльной конгрегаціей. Комиссіонеры были обязаны наблюдать только надъ личной набожностью и надъ умственной пригодностью кандидатовъ, представляемыхъ на мѣста священниковъ. Если кандидатъ оказывался достойнымъ, онъ немедленно утверждался. Церковныя зданія считались собственностью отдѣльныхъ приходовъ; въ одномъ приходѣ священникомъ могъ быть пресвитеріанинъ, въ другомъ индепендентъ, а въ третьемъ баптистъ. Если бы нашлись приходы, предпочитавшіе богослуженіе, стоявшее внѣ національной системы, они могли ввести его. «Статьи управленія» объявляли, что «такихъ людей не слѣдуетъ притѣснять, а надо защищать исповѣдываніе и отправленіе ихъ религіи, лишь бы они не злоупотребляли своей свободой ко вреду другихъ и къ нарушенію общественнаго спокойствія». Но такая свобода не распространяется «на папизмъ и прелатство, а также на тѣхъ, которые подъ видомъ исповѣдыванія христіанства поддерживаютъ и практикуютъ своеволіе» (licentiousness).

Квакеры. Георгъ Фоксъ.

Такова была національная церковная система въ Англіи отъ 1654 до 1660 года и при ней было возможно появленіе и развитіе такихъ религіозныхъ сектъ, какъ квакеры. О нихъ слышно было уже въ 1647 году; чрезъ три года они получили то названіе, подъ которымъ извѣстны теперь, хотя въ началѣ они называли себя «сынами свѣта». Защищаемыя и распространяемыя ими мнѣнія отнюдь не составляли ихъ исключительнаго достоянія. За двѣсти лѣтъ до появленія основателя секты, Георга Фокса, силезскій дворянинъ Каспаръ Швенкфельдъ проповѣдывалъ ученіе о внутреннемъ просвѣщеніи, тожественное съ ученіемъ квакеровъ; онъ говорилъ о непосредственномъ откровеніи или прямомъ общеніи души съ Богомъ, безъ посредства какихъ либо дѣяній или вещей; относительно таинствъ онъ утверждалъ, что необходимое слѣдствіе непосредственнаго откровенія состоитъ въ томъ, что простой физическій актъ, вродѣ причащенія или крещенія, не можетъ замѣнить внутренней и духовной реальности Тѣла и Крови Господа или духовнаго омовенія возрожденія. Въ 1547 году послѣдователей Швенкфельда изгнали изъ Силезіи. Ихъ разсѣяніе по западу распространило ихъ мнѣнія, такъ что они были приняты значительной частью амстердамскихъ меннонитовъ и отъ нихъ перешли въ Англію раньше появленія Георга Фокса. Очень вѣроятно, что первые квакеры заимствовали свою дисциплину у меннонитовъ: ихъ обычай молчаливой молитвы, молчаливой благодарственной молитвы предъ обѣдомъ, ихъ проповѣдь противъ войны и присяги и другія общія обѣимъ сектамъ обрядности и привычки. Эти мнѣнія носились, такъ сказать, въ воздухѣ, когда сильная личность Георга Фокса сдѣлала ихъ особенно распространенными въ Англіи. Родился онъ въ 1625 году, оставилъ родину

въ 1643 году и въ теченіи слѣдующихъ пяти лѣтъ изучилъ большую часть религіозныхъ мнѣній этой бурной эпохи религіозной борьбы. Переходя изъ секты въ секту, онъ не нашелъ ни одной, удовлетворявшей его духовнымъ запросамъ. Онъ читалъ библію, проводилъ много времени въ уединеніи, сидѣлъ подъ деревьями въ уединенныхъ мѣстахъ и наконецъ, въ то время, когда почти отчаялся найти когда нибудь душевное спокойствіе, онъ услыхалъ голосъ, говорившій ему: «только одинъ Іисусъ Христосъ можетъ сказать тебѣ, что тебѣ нужно» (can speak to thy condition) и когда онъ услышалъ это, сердце его забилось отъ радости. Отецъ Свѣта привлекъ его къ Сыну Духомъ Своимъ. Тогда Господь повелъ его и проявилъ ему Свою любовь, безконечную и вѣчную. Потомъ любовь сія показала ему его самого. Она показала ему, что всѣ ходятъ во грѣхѣ и погибаютъ въ невѣріи и что Іисусъ Христосъ просвѣщаетъ, даетъ милость, вѣру и силу, и что все совершено Христомъ». Таковъ разсказъ Георга Фокса о совершившейся съ нимъ духовной перемѣнѣ, послѣ которой «грусть и заботы оставили его, у него полились слезы радости и онъ увидалъ безконечность и любовь Бога во Христѣ».

Въ 1647 и 1648 годахъ онъ проповѣдывалъ на собраніяхъ христіанъ, сошедшихся для молитвы и для толкованія Писанія. Онъ ходилъ изъ города въ городъ, проповѣдуя самымъ «злымъ» и несчастнымъ людямъ въ странѣ. Онъ проповѣдывалъ судьямъ, уговаривая ихъ судить по правдѣ; проповѣдывалъ содержателямъ кабачковъ, уговаривая не давать людямъ пить больше того, сколько нужно для ихъ блага. Онъ подавалъ парламенту просьбы, чтобы не разрѣшали большаго количества общественныхъ заведеній, кромѣ тѣхъ, которые необходимы для путешественниковъ, и не умножали питейныхъ домовъ. Онъ проповѣдывалъ противъ праздниковъ, майскихъ игрищъ, увеселеній, представленій и зрѣлищъ. Онъ ходилъ по ярмаркамъ и рынкамъ, проповѣдуя противъ невѣрныхъ вѣсовъ и поддѣльныхъ товаровъ, уговаривая людей торговать честно, говорить правду, чтобы слово ихъ было только: да—да и нѣтъ—нѣтъ, чтобы они дѣлали другимъ то, что они хотѣли бы, чтобы другіе дѣлали имъ. Онъ входилъ въ церкви во время богослуженія и открыто проповѣдывалъ противъ того, что считалъ простой обрядностью и формой. Неудивительно, что протестуя противъ всего условнаго и общепринятаго, онъ очутился въ тюрьмѣ и въ теченіи слѣдующей четверти вѣка онъ провелъ шесть лѣтъ своей жизни въ отвратительныхъ тюрьмахъ того времени. Но ничто не могло сокрушить энергіи его безстрашной и непреклонной души. Другіе заразились его энтузіазмомъ; «нѣсколько лицъ, ищущихъ Господа, сдѣлались его братьями по вѣрѣ и вошли съ нимъ въ общеніе». Съ 1651 года у него являются сотрудники-проповѣдники: Вилльямъ Дьюсбюри, Фрэн-

сисъ Гоугилль, Джонъ Аудлэндъ и Эдвардъ Бюрофъ. Къ 1654 году Фоксъ организовалъ кампанію изъ шестидесяти странствующихъ проповѣдниковъ, придерживавшихся его ученій. Такое количество проповѣдниковъ предполагаетъ значительную массу вѣрующихъ. При жизни Фокса не было сдѣлано учета числа его послѣдователей, но вскорѣ послѣ реставраціи пересчитали квакеровъ, сидѣвшихъ по тюрьмамъ во всей Англіи; оказалось, что ихъ больше четырехъ тысячъ; Робертъ Барклей утверждаетъ, что въ 1675 году число квакеровъ въ Лондонѣ доходило до десяти тысячъ, а къ концу вѣка ихъ было по крайней мѣрѣ 60.000. Такъ что это движеніе съ самаго начала было довольно крупнымъ и дѣятельность Фокса можно считать успѣшной, даже блестящей. Но героическій вѣкъ исторіи квакеровъ заканчивается уже со смертью основателя секты, и съ этого времени начинается періодъ упадка.

Иностранная политика Кромвеля.

Гассаля.

Война съ Голландіей 1652—1654.

Иностранная политика протектората составляетъ блестящій контрастъ съ политикой Іакова и Карла. Она отличалась проницательностью и рѣшительностью и оказалась чрезвычайно выгодной для Англіи. Она имѣла цѣлью развитіе протестантизма въ Европѣ, развитіе англійскихъ колоній и торговли и ослабленіе дѣла Стюартовъ на континентѣ.

Въ 1653 году Англія находилась въ войнѣ съ Голландіей и Португаліей и въ открытой враждѣ съ Франціей и Даніей. Франція была занята войной съ Испаніей, а Данія и Португалія были не опасные враги. Болѣе серьезнымъ дѣломъ была вражда Голландіи. Вскорѣ послѣ битвы при Ворчестерѣ Англія должна была вести войну съ Голландіей. Мы уже говорили выше о причинахъ столкновенія. Между двумя націями существовало сильное соперничество относительно провозной торговли. Голландія, далеко опередившая Англію какъ торговая нація, съ негодованіемъ отклонила предложеніе республики о соединеніи обѣихъ странъ и упорствовала въ своихъ притязаніяхъ на право ловли сельдей въ англійскихъ моряхъ. Партія Штатгальтера оскорбила посланника англійской республики. Съ другой стороны, англичане настаивали на своемъ правѣ обыскивать голландскіе корабли подъ тѣмъ предлогомъ, что они ввозятъ оружіе роялистамъ; а голландцы утверждали, что «свободный флагъ прикрываетъ свободные товары». Раздоръ дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда парламентъ въ октябрѣ 1651 года принялъ знаменитый «навигаціонный

актъ». Онъ, очевидно, былъ направленъ противъ торговли голландцевъ и основанъ на протекціонизмѣ и потому былъ главной, хотя и не выраженной, причиной формальнаго объявленія войны 27 іюля 1652 года.

Отношенія Кромвеля съ Франціей и Испаніей.

Эта война продолжалась почти два года и не имѣла рѣшительныхъ результатовъ. На сторонѣ голландцевъ было превосходство въ численности кораблей и въ тактикѣ, а на сторонѣ Англіи было превосходство артиллеріи и величины ихъ кораблей. 5 апрѣля 1654 года Кромвель призналъ, что Англія нуждается въ мирѣ, что необходимо вполнѣ измѣнить ея иностранную политику и добился отъ Голландіи удовлетворительныхъ мирныхъ условій. Голландія признала навигаціонный актъ и заплатила вознагражденіе. Кромѣ того она обѣщала не давать пристанища ни одному врагу англійской республики и не допускать до званія Штатгалтера принца Оранскаго. Черезъ нѣсколько дней, 28 апрѣля, Уитлокъ, отправленный посломъ къ королевѣ Христинѣ въ ноябрѣ 1653 года, съ успѣхомъ закончилъ переговоры и заключилъ торговый договоръ съ Швеціей. Договоры съ Португаліей и Даніей того же года, обезпечивавшіе также, какъ и договоръ съ Швеціей, привиллегіи для англійской торговли, позволили Кромвелю обратить вниманіе на войну между Франціей и Испаніей. Англія не была больше изолированной; она пробила тотъ заколдованный кругъ, который до сихъ поръ замыкалъ ее. Многіе изъ европейскихъ государствъ теперь лишили Карла II своей поддержки; торговые интересы Англіи были гарантированы; торговыя привиллегіи ея расширены договорами съ Голландіей, Швеціей, Даніей и Португаліей; а установленіе мирныхъ отношеній съ тремя сѣверными государствами дѣлало возможнымъ образованіе лиги всѣхъ протестантскихъ государствъ Европы. Уже въ мартѣ 1654 года за Кромвелемъ ухаживали и Франція и Испанія; казалось, что будетъ неизбѣженъ союзъ между Англіей и Испаніей. Осенью того же года, до заключенія союза съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ государствъ, Кромвель отправилъ два флота, изъ которыхъ одинъ подъ начальствомъ Пэнна отплылъ къ южной Америкѣ, а другой подъ начальствомъ Блэка охранялъ англійскую торговлю въ Средиземномъ морѣ. Онъ бомбардировалъ Тунисъ и освободилъ англійскихъ плѣнниковъ.

Вальденцы.

Война вальденцевъ въ Пьемонтѣ, произведенная герцогомъ Савойскимъ, возбудила негодованіе Кромвеля и остановила его переговоры съ Франціей. Онъ возбудилъ протестантскіе кантоны къ нападенію на Савою и объявилъ Мазарини, что преслѣдованіе протестантовъ должно прекратиться. Французскій министръ, опасаясь коалиціи, составленной изъ Англіи, Испаніи, Голландіи, Швеціи и Швейцаріи, заставилъ герцога Савойскаго помириться съ его протестантскими подданными (августъ 1655). Уступчивость Мазарини

совпала съ началомъ враждебныхъ дѣйствій между Англіей и Испаніей. Въ октябрѣ 1655 года былъ подписанъ торговый договоръ между Англіей и Испаніей, 3 мая того же года Пеннъ и Венабльсъ захватили Ямайку.

Разрывъ съ Испаніей.

Кромвеля упрекала въ его разрывѣ съ Испаніей на томъ основаніи, что политика вражды съ Испаніей была возвратомъ къ политикѣ Елисаветы, устарѣлой, и поддерживавшей честолюбивые планы Людовика XIV. Но на самомъ то дѣлѣ неумѣлая политика Карла II и Іакова II облегчила Людовику его аггрессивную политику, а кромѣ того Кромвель былъ вынужденъ, воевать съ Испаніей. Исключительность испанской колоніальной политики и жестокость испанскаго католицизма сдѣлали союзъ Англіи съ Испаніей совершенно невозможнымъ, «исключительная торговля съ своими колоніями и владычество католицизма—таковы двѣ главныхъ основы испанской монархіи»— говоритъ Ранке. «Это два глаза испанскаго короля»—говорилъ испанскій посланникъ. Испанцы, не довольствуясь отказомъ разрѣшить Англіи торговлю съ ихъ колоніями и преслѣдованіями англійскихъ купцовъ инквизиціей, нападали на англійскія поселенія въ Вестинміи. Разрушивъ колоніи св. Каталины и св. Христофора, они сдѣлали репрессаліи со стороны Англіи неизбѣжными. Пеннъ и Венабльсъ потерпѣли неудачу у Санъ Доминго въ апрѣлѣ 1655 г., но они взяли Ямайку. Колоніальная война перешла и въ Европу, и Кромвель, предпочитая терпимую политику Мазарини неумолимому католицизму Испаніи и желая лишить изгнанныхъ Стюартовъ помощи Франціи, 24 октября 1655 года заключилъ съ Франціей торговый трактатъ, за которымъ 27 марта 1657 года послѣдовало заключеніе оборонительнаго и наступательнаго договора. На основаніи перваго, Вестминстерскаго договора, было условлено изгнаніе изъ Франціи Карла II и каждая изъ договаривающихся сторонъ обязалась не помогать врагамъ другой; на основаніи второго, Парижскаго, договора шесть тысячъ англійскихъ войскъ должны были принять участіе въ войнѣ во Фландріи и Дюнкирхенъ и Мардикъ должны были быть переданы Англіи.

Успѣхи политики Кромвеля.

Въ 1657 и 1658 годахъ могущество Кромвеля достигаетъ апогея и его иностранная политика полнаго своего развитія; 20 апрѣля 1657 года Блэкъ уничтожилъ испанскій флотъ въ гавани Санта Круцъ на Тенерифѣ, и его успѣхи заставили Іоанна IV португальскаго безъ дальнѣйшихъ отсрочекъ подписать договоръ съ Англіей и соединиться съ Кромвелемъ въ нападеніи на Австро-Испанскій домъ. Кромвель постоянно сносился съ Карломъ шведскимъ и оппозиція шведскаго короля Габсбургамъ составили еще лишнее звено цѣпи, связывающей интересы Англіи и Швеціи. Карлъ также, какъ и Кромвель, былъ одушевленъ протестантской ревностью въ попыткахъ отразить нападенія католицизма. Но дѣло католицизма не

Взятіе Дюнкирхена. Отношенія Кромвеля съ Карломъ X шведскимъ.

умерло. Въ отместку на рѣшительную враждебность Англіи испанцы соединили свои интересы съ интересами Карла II, избравшаго своей резиденціей Брюгге и заключившаго договоръ съ Испаніей. Для того, чтобы разрушить эту новую комбинацію и помѣшать Дюнкирхену превратиться въ центръ нападеній на Англію, Кромвель въ мартѣ 1658 года возобновилъ свой союзъ съ Франціей и его «желѣзнобокіе» помогали французамъ при осадѣ Дюнкирхена; 14 іюня испанцы были разбиты при Дюнахъ, 23 іюня палъ Дюнкирхенъ и былъ переданъ Англіи. Захватъ Дюнкирхена составляетъ высшій пунктъ развитія иностранной политики Кромвеля. Карлъ X былъ слишкомъ занятъ своими собственными планами, чтобы позволить Мазарини и Кромвелю пользоваться имъ какъ орудіемъ въ ихъ планахъ противъ избранія императоромъ Габсбурга. Рѣшивъ добиться суприматіи на сѣверѣ Европы, онъ разрушилъ любимый планъ Кромвеля соединить всю сѣверную протестантскую Европу своимъ нападеніемъ на Данію, что и заставило Данію и другія сѣверныя державы, которымъ угрожало нападеніе Швеціи, соединиться съ императоромъ. Кромвель не желалъ ссориться съ Швеціей, но былъ вынужденъ объявить, что онъ не позволитъ угрожать и завоевать Данію и Бранденбургъ. Въ февралѣ 1658 года при посредничествѣ Англіи и Франціи между Швеціей и Даніей былъ заключенъ Роскильдскій трактактъ. Обозрѣвая европейское положеніе и отношенія Англіи съ континентальными государствами въ 1658 году, приходится признать, что иностранная политика Кромвеля не была вполнѣ успѣшной. Протестантская лига въ виду національныхъ интересовъ различныхъ странъ была невозможной. Въ августѣ 1658 года между Швеціей и Даніей снова вспыхнула война и надежды Кромвеля найти въ Карлѣ X государя, готоваго рисковать всѣмъ за дѣло протестантизма, были разбиты. Онъ вмѣстѣ съ Мазарини второй разъ съ успѣхомъ вмѣшался въ пользу вальденцевъ, но не могъ помѣшать ни избранію Габсбурга императоромъ, ни началу мирныхъ переговоровъ между Франціей и Испаніей, закончившихся въ 1569 году Пиринейскимъ трактатомъ. Но онъ доставилъ Англіи высокое положеніе среди державъ, онъ уничтожилъ всѣ попытки: реставраціи Карла II и поддерживалъ колоніальные и торговые интересы Англіи. Въ исторіи расширенія Англіи протекторать Кромвеля занимаетъ важное мѣсто. Его осуждали за то, что онъ не соединился съ Испаніей, не уничтожилъ торговаго могущества Голландіи и не сопротивлялся ростущему политическому вліянію Франціи въ Европѣ. Но изъ обзора его иностранной политики очевидно для всякаго, изучающаго этотъ періодъ исторіи Англіи, что если бы Кромвель прожилъ еще пятнадцать лѣтъ, голландскій флотъ не плавалъ бы по Медуэю, что нападеніе Голландіи вь 1672 году было бы невозможнымъ. Что равновѣсіе силъ въ Европѣ было на двадцать восемь

лѣтъ уничтожено, въ этомъ виноватъ не союзъ Кромвеля съ Франціей, а эгоистическая и близорукая политика Стюартовъ.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Въ началѣ гражданской войны флотъ Англіи состоялъ изъ восьмидесяти двухъ парусныхъ судовъ. Въ 1653 году, во время первой голландской войны, онъ увеличился до 204 судовъ и при жизни Кромвеля онъ не уменьшался. Въ то время, когда многочисленные военные корабли—правда, по большей части небольшіе—стояли часто на штапеляхъ, начали пріобрѣтать значеніе частныя верфи, доставлявшія корабли для государственной службы. Въ Дептфордѣ, Вульвичѣ, Чатамѣ и Портсмутѣ продолжали строить много кораблей, но нѣкоторые изъ лучшихъ судовъ Блэка были спущены въ Шорегамѣ, Редрифѣ (Ротергитѣ), Вудбриджѣ и въ другихъ мѣстахъ, сдѣлавшихся извѣстными особенно въ восемнадцатомъ столѣтіи. Въ Бристолѣ, Гарвичѣ, Горслайдоунѣ, Лимгоузѣ, Блакуэллѣ, Ваппингѣ, Мальдонѣ и пр. тоже занимались кораблестроеніемъ; но перворазрядные и второзрядные корабли, т.-е. корабли въ 850 тонъ и выше, почти безъ исключенія строились только правительственными верфями до начала восемнадцатаго вѣка.

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ морскихъ событій при республикѣ была первая война съ Голландіей. Причины ея восходятъ къ царствованію Іакова. Всѣ онѣ, какъ прямо, такъ и косвенно, связаны или съ морскими притязаніямми или съ торговыми стремленіями Англіи. Послѣ бойни въ Амбоинѣ въ 1622 году голландцы въ видѣ репрессалій за предполагаемую измѣну англичанъ завладѣли англійскими факторіями въ Церамѣ и на сосѣднихъ островахъ и такимъ образомъ сдѣлали торговлю пряностями своей монополіей. Іаковъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы отомстить за оскорбленіе. Карлъ былъ занятъ сначала войной съ Франціей и Испаніей, а потомъ внутренними столкновеніями; тѣмъ не менѣе въ 1636 году онъ рѣшился потребовать отъ голландцевъ вознагражденія и несомнѣнно, что онъ сдѣлалъ бы это, если бы они не уступили ему въ другихъ пунктахъ, въ вопросѣ о рыболовствѣ въ британскихъ водахъ и если бы онъ не находился въ затруднительномъ положеніи. Голландія воспользовалась его положеніемъ и согласилась заплатить ему за разрѣшеніе рыбной ловли 30,000 фунтовъ, но уплатила только за одно лѣто и, «присвоивъ себѣ титулъ повелительницы южныхъ морей», захватила и конфисковала въ водахъ далекаго востока нѣ-

Голландская война.

сколько англійскихъ кораблей. Карлъ въ то время былъ въ такомъ положеніи, что не могъ воевать съ Голландіей; а парламентъ, получивъ власть и видя, что нѣкоторыя изъ европейскихъ государствъ, и въ особенности Россія, относится къ Англіи враждебно вслѣдствіе казни короля, рѣшилъ на время забыть свои обиды и попытаться добиться союза между двумя республиками. Но Оранская партія въ Голландіи противилась принятію какого либо договора въ этомъ смыслѣ. Оскорбленный отклоненіемъ предложеній и оскорбленіемъ своихъ представителей, парламентъ принялъ навигаціонный актъ, который впослѣдствіи съ незначительными измѣненіями былъ подтвержденъ и Карломъ II (12 Карла 11). Этотъ актъ закрывалъ голландской торговлѣ доступъ въ Англію и въ Америку. Въ то же время были приняты очень непріятныя для голландцевъ мѣры относительно рыболовства, права обысковъ, торговли съ Левантомъ, съ Испаніей и съ Португаліей. Голландія испугалась; она отправила трехъ пословъ, чтобы попытаться смягчить положеніе, но парламентъ не смягчился, а сразу началъ изливать потокъ своихъ жалобъ, и категорически потребовалъ удовлетворенія за Амбоипскую бойню 1622 года, пошлины за рыболовство, не уплаченной съ 1636 года и свободной торговли на Шельдѣ. Вскорѣ онъ началъ давать каперскія письма, въ силу которыхъ, а также за несоблюденіе опредѣленій навигаціоннаго акта, было захвачено много голландскихъ кораблей. Голландцы понимали, что неудобно объявлять войну, чтобы избѣжать уплаты своихъ долговъ; они не могли открыто оспаривать и того, что англійскій парламентъ имѣлъ право принять и приводить въ исполненіе навигаціонный актъ относительно регулированія торговли съ Англіей или прибѣгать къ репрессаліямъ, когда нарушаются его права и законныя рѣшенія. Но имъ не трудно было найти удобный поводъ для объявленія войны. Они отвергали старое притязаніе Англіи на почести ея флагу. Они рѣшили не опускать своего флага предъ англійскими военными кораблями въ англійскихъ моряхъ. Этотъ отказъ и былъ признанной причиной войны 1652—54 годовъ. Война велась островнымъ государствомъ, въ теченіи полувѣка не имѣвшимъ случая пользоваться своимъ флотомъ, имѣвшимъ, сравнительно говоря, незначительную торговлю и даже пренебрегавшимъ своими собственными рыбными ловлями, съ государствомъ, недавно одержавшимъ поразительныя побѣды надъ Испаніей, имѣвшимъ великолѣпный флотъ, захватившимъ въ свои руки морскую торговлю половины цивилизованнаго міра и занимавшимся во всѣхъ моряхъ рыболовствомъ—что представляло лучшую школу для моряковъ. Голландія обладала не только большимъ флотомъ, но вѣроятно, и большимъ богатствомъ, чѣмъ любое изъ государствъ, ея финансовыя рессурсы были таковы, что въ теченіи двухъ лѣтъ войны она прибавила къ своему, и безъ того значительному, флоту шесть-

десятъ новыхъ большихъ кораблей. Англія начала войну съ сравнительно небольшимъ флотомъ, который сначала она была вынуждена подкрѣпить вооруженными торговыми кораблями, мало пригодными сравнительно съ гордыми военными судами Голландіи. Здѣсь не мѣсто разсказывать о всѣхъ подробностяхъ этой борьбы, но нельзя не указать на одну важную ея особенность: война помогла консолидированію англійскаго флота, но странно то, что люди, выдвинувшіеся во время этой войны какъ морскіе герои, какъ создатели славы англійскаго флота, были людьми, до тѣхъ поръ совершенно незнакомыми съ моремъ.

«Сухопутные адмиралы».

Послѣ погибели дѣла короля, передъ казнью Карла, значительная часть флота, въ то время бывшаго въ рукахъ парламента, оставалась въ душѣ вѣрной королевскому роду; по всей вѣроятности, большинство роялистовъ офицеровъ и моряковъ спокойно удалились бы или примирились бы съ новымъ порядкомъ управленія и не произошло бы ничего особеннаго, еслибы не неблагоразуміе индепендентовъ. Въ то время флотомъ командовали два старые и опытные офицера, Робертъ Ричъ (графъ Варвикъ) и вицеадмиралъ Баттенъ; индепенденты, подозрѣвая ихъ въ политической неблагонадежности, хотѣли замѣнить ихъ непопулярными офицерами. Это и подало поводъ къ бунту. Назначенные индепендентами офицеры были схвачены и высажены на берегъ и большая часть флота отплыла въ Голландію. Другая эскадра подъ начальствомъ Баттена отплыла къ Кале. Потомъ соединенныя эскадры сецессіонистовъ съ принцемъ Уэльскимъ появились у южныхъ береговъ Англіи. Но ихъ остановилъ флотъ, собранный парламентомъ подъ начальствомъ Варвика, оставшагося вѣрнымъ, и по возвращеніи мятежниковъ въ Голландію. Варвикъ преслѣдовалъ ихъ. Въ голландскихъ водахъ корабли мятежниковъ начали дезертировать и ихъ флотъ уменьшился до четырнадцати кораблей; принцъ Уэльскій оставилъ его и онъ перешелъ подъ начальство принца Руперта, приведшаго его въ 1649 году въ Кинсэльскую гавань. Не смотря на услуги, оказанныя Варвикомъ, вліятельная партія не довѣряла ему; мнѣніе индепендентовъ, что флотомъ можетъ командовать всякій рѣшительный и энергическій человѣкъ, одержало верхъ и три военныхъ офицера, Робертъ Блэкъ, Ричардъ Динъ и полковникъ Попгамъ, были назначены «адмиралами и генералами на морѣ». Эти офицеры очень отличались отъ назначенныхъ раньше; но любопытно то, что такое смѣлое нововведеніе оказалось не только чрезвычайно удачнымъ, но дало возможность пятидесяти-лѣтнему человѣку сдѣлаться морскимъ героемъ, котораго можно считать величайшимъ изъ всѣхъ, когда либо родившихся въ Англіи.

Единственные изъ англійскихъ адмираловъ, которыхъ можно признать равными Блэку—это Нельсонъ и Гауке (Hawke). Блэкъ и

Попгамъ быстро пріобрѣли довѣріе флота и блокировали принца Руперта въ Кинселѣ. Онъ пробился, но при этомъ потерялъ три корабля. Съ остальными онъ отправился въ Средиземное море; Блэкъ послѣдовалъ за нимъ и при Картагенѣ уничтожилъ у него еще нѣсколько кораблей. Въ это время принцъ Рупертъ былъ уже немногимъ лучше простого пирата. Съ небольшимъ остаткомъ своего флота онъ убѣжалъ въ Вестиндію, гдѣ его эскадра постепенно исчезла. Противъ пиратовъ, роялистовъ и чужестранныхъ враговъ государства и приходилось при республикѣ бороться на морѣ сухопутнымъ адмираламъ. Самыми замѣтными изъ нихъ, кромѣ двухъ вышепоименнованныхъ, были Боурнъ и Монкъ. Имъ пришлось вынести и всю тяжесть первой голландской войны, которая послѣ двухълѣтней жестокой борьбы, при которой обѣ стороны часто не давали пощады сдавшимся врагамъ, закончилась въ 1654 году принятіемъ требованія Англіи, чтобы «голландскіе корабли также, какъ и другіе военные корабли, при встрѣчѣ съ военнымъ кораблемъ англійской республики въ британскихъ моряхъ спускали свои флаги, такъ какъ это практиковалось и доселѣ при всякой формѣ правительства». Первая голландская война замѣчательна не только по храбрости и рѣшительности, съ которыми она велась и по выдающимся личностямъ главныхъ ея дѣятелей—голландскими адмиралами были Тромпъ и Де Рюйтеръ—но и по разнымъ новшествамъ въ морской службѣ. Въ битвѣ съ Де Рюйтеромъ около Плимута 16 августа 1652 года адмиралъ Георгъ Айскью, одинъ изъ первыхъ моряковъ, принадлежавшій къ почетному роду моряковъ, былъ предшественникомъ великихъ адмираловъ позднѣйшаго времени, пробившись чрезъ вражескую линію и напавъ съ подвѣтрянной стороны на врага, несмотря на всѣ старанія послѣдняго помѣшать такому маневру. Англичане въ этой войнѣ въ первый разъ ввели въ дѣло корабль—Constant Warwik—бывшій прототипомъ фрегата послѣдующаго столѣтія. Въ той же войнѣ мы встрѣчаемъ первый и одинъ изъ лучшихъ примѣровъ экспедиціи для отбиванія своего, взятаго врагами корабля (Cutting-out)—формы героизма, въ которомъ впослѣдствіи англійскіе моряки проявили себя высшими всѣхъ ихъ соперниковъ, за исключеніемъ, быть можетъ, только однихъ американцевъ. Въ Средиземномъ морѣ корабль «Фениксъ» былъ взятъ голландцами и отведенъ Тромпомъ подъ его флагомъ въ Леггорнскій проливъ (Leghorn Roads). Коммодоръ Аппльтонъ приказалъ лейтенанту Коксу, бывшему офицеру «Феникса», отбить корабль. И Коксъ съ тридцатью матросами такъ быстро отрѣзалъ и увелъ его, что Тромпъ едва успѣлъ прыгнуть за бортъ, чтобы избѣжать плѣна. Далѣе, въ эту войну въ первый разъ на корабляхъ были солдаты, которые въ сущности являлись морскими солдатами, хотя и не составляли отдѣльнаго полка или корпуса. Блэкъ взялъ съ собой нѣсколькихъ изъ такихъ легко-

вооруженныхъ солдатъ во флотъ, съ которымъ онъ дрался въ 1653 году при Портландѣ и они оказались чрезвычайно полезными. Наконецъ, въ это же время въ первый разъ морскіе офицеры были награждены медалями. Послѣ компаніи 1653 года парламентъ вотировалъ золотыя цѣпи адмираламъ Монку и Блэку, вицеадмиралу Пенну и контръадмиралу Лаусону и медали всѣмъ капитанамъ. Прежде, насколько извѣстно, не было пожалованій парламентомъ медалей цѣлымъ группамъ офицеровъ, а только отдѣльнымъ личностямъ.

Послѣ первой голландской войны у британскихъ моряковъ было достаточно дѣла и, по крайней мѣрѣ, сухопутные адмиралы всегда превосходно справлялись съ нимъ. Въ Средиземномъ морѣ Блэкъ потребовалъ удовлетворенія отъ Тосканы, устрашилъ Алжиръ, наказалъ Тунисъ и добился выгоднаго договора съ Триполи. Изъ настоящихъ моряковъ Пеннъ потерпѣлъ неудачи, но Стейнеръ отличился, захвативъ часть испанскаго флота, съ силами меньшими, чѣмъ у врага, въ 1656 году. Послѣдній подвигъ Блэка, предпринятый имъ вмѣстѣ съ Стейнеромъ, былъ достойнымъ концомъ карьеры, продолжавшейся только восемь лѣтъ, но доказавшей Англіи, что она въ состояніи сдѣлать и чѣмъ она можетъ сдѣлаться, какъ морская держава. Этимъ послѣднимъ подвигомъ Блэка было взятіе гавани Санта Круцъ и уничтоженіе испанскихъ кораблей, считавшихъ себя тамъ въ безопасности. Хотя сухопутные адмиралы оказались такъ необыкновенно пригодными при республикѣ, опытъ назначенія сухопутныхъ офицеровъ на высшія должности во флотѣ впослѣдствіи рѣдко повторялся, и при повтореніи всегда оказывался неудачнымъ, такъ что послѣ великой революціи къ нему уже больше и не прибѣгали. Блэку и его современникамъ, поступившимъ во флотъ изъ военной службы, удалось превратиться въ настоящихъ моряковъ. Но ихъ подражатели въ послѣдующемъ поколѣніи были только солдатами во флотѣ.

Промышленность и торговля.

Саймса.

Гражданская война несомнѣнно повредила англійской промышленности и торговлѣ, но этотъ вредъ былъ меньшимъ, чѣмъ можно было ожидать; заработная плата даже повысилась какъ во время гражданской войны, такъ и при республикѣ. Это повышеніе при войнѣ можно объяснить требованіями самой войны и тѣмъ, что рабочій рынокъ уменьшился вслѣдствіе наборовъ въ армію. Во всякомъ случаѣ такой переходъ труда отъ производительныхъ занятій

земледѣліемъ, промышленностью и торговлей къ непроизводительному занятію производства военныхъ матеріаловъ и употребленія ихъ на дѣло разрушенія долженъ былъ самъ по себѣ вредно дѣйствовать на народное богатство. Къ счастію, были иныя силы, стремившіяся къ развитію различныхъ отраслей англійской промышленности и это болѣе, чѣмъ вознаграждало за вредъ, сдѣланный гражданской войной.

Повышеніе заработной платы.

Повышеніе денежной заработной платы во время этого періода видно изъ слѣдующей таблицы, гдѣ показаны среднія недѣльныя платы разнаго рода рабочимъ, высчитанныя Торольдомъ Рожерсомъ.

Средняя недѣльная плата.

	Паяльщику	Плотнику	Каменьщ.	Кирпичн.	Ремеслен	Чернораб.
1633—1642. .	12 ш. —	7 ш. —	7 ш. 1 д.	7 ш. —	5 ш. —	5 ш. 6 д.
1643—1652. .	13 » 9 д.	8 » 10 д.	8 » 5 »	8 » 1 д.	5 » 10 д.	5 » 9 »
1653—1664. .	15 » 8 »	9 » —	9 » 1 »	10 » —	6 » —	6 » –

Второй изъ этихъ десятилѣтнихъ періодовъ соотвѣтствуетъ времени гражданской войны, а третій республикѣ. Повышеніе цѣнъ въ эти періоды было значительно меньшимъ; собственно говоря, повышеніе цѣнъ, бывшее результатомъ быстраго привоза драгоцѣнныхъ металловъ изъ Америки, прекратилось. Отдѣльныя цѣны сильно колебались, но общія цѣны подымались медленно. Привозъ драгоцѣнныхъ металловъ продолжалъ увеличиваться, но одновременно увеличивался и спросъ на нихъ. Увеличеніе спроса объясняется отчасти увеличеніемъ населенія, но главнымъ образомъ развитіемъ промышленности и торговли. Такимъ образомъ, положеніе рабочихъ классовъ было лучше, чѣмъ при Стюартахъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что пуританство, уничтоживъ праздники и, вообще, неодобряя всякія увеселенія, этимъ самымъ стремилось увеличить количество и продолжительность рабочаго дня. Если принять во вниманіе это обстоятельство, а также и повышеніе цѣнъ, хотя и незначительное, то вопросъ еще, дѣйствительно ли увеличилась заработная плата, измѣряемая рабочимъ временемъ.

Торговая супрематія Голландіи.

Въ то время какъ силы Англіи были поглощены гражданской войной, Голландія распространяла и упрочивала свою торговую супрематію.

До средины семнадцатаго столѣтія голландцы захватили большую часть обширной торговли, которую раньше Венеція вела съ востокомъ и значительную часть торговли, бывшей раньше въ рукахъ Ганзы, въ Европѣ. Они постепенно побѣдили своихъ соперниковъ по торговлѣ съ Америкой и по главнымъ изъ рыбныхъ ловель, а провозная міровая торговля и кораблестроеніе были почти вполнѣ ихъ монополіей. Причинъ такого преобладанія Голландіи было мно-

то. Главнѣйшей изъ нихъ были бережливость и промышленныя и коммерческія способности голландской націи. А кромѣ того, ей было предоставлено свободное поприще въ торговой сферѣ, такъ какъ въ другихъ частяхъ Европы происходили постоянныя волненія. Итальянская торговля была почти уничтожена войнами и нашествіями въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Одна Венеція, хотя ей и сильно повредили лига въ Камбре (1508) и постоянныя войны съ Турціей, сохраняла до нѣкоторой степени свою старую коммерческую славу. Другія части Италіи были ограблены испанцами, нѣмцами и французами и уже не были важными торговыми центрами, какъ раньше. Тридцатилѣтняя война (1618—1648) опустошила большую часть Германіи. Франція, едва только оправившись отъ своихъ религіозныхъ войнъ, впуталась въ тридцатилѣтнюю войну; хотя она и пострадала меньше своихъ сосѣдей, но ея энергія была направлена болѣе въ сторону войны, чѣмъ въ сторону торговли. Испанія и Португалія черезъ чуръ израсходовали свои силы въ шестнадцатомъ вѣкѣ и ослабили населеніе религіознымъ деспотизмомъ и преслѣдованіями.

Соперничество Англіи и Голландіи.

Англія тоже была поглощена гражданской войной, но эта война была для нее меньшимъ бѣдствіемъ, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ страдали Италія, Германія, Испанія и даже Франція. Это былъ только временный перерывъ постояннаго роста англійской торговли и когда война кончилась торжествомъ пуританъ, Англія оказалась въ состояніи начать ту суровую борьбу съ Голландіей, которая кончилась тѣмъ, что Англія заняла первое мѣсто среди торговыхъ націй всего міра.

Сначала англійскіе купцы находились въ невыгодныхъ условіяхъ. Голландцы не только уже заняли наиболѣе выгодныя позиціи, но и скопили громадные капиталы, особенно въ формѣ займовъ, такъ что ихъ купцы могли добывать деньги за половину тѣхъ процентовъ, которое приходилось платить англичанамъ. Голландцы также далеко опередили англичанъ въ способахъ веденія торговли. Банки въ Амстердамѣ и Ротердамѣ, основанные въ 1609 и въ 1635 годахъ, устроили механизмъ кредита и обмѣна, какими не пользовалась Англія; въ серединѣ семнадцатаго вѣка наши купцы и государственные люди должны были настолько же учиться у голландцевъ умѣнью вести финансовыя операціи, насколько и прямо конкурировать съ ними въ торговлѣ во всѣхъ странахъ свѣта.

Навигаціонный актъ 1651 года.

Первымъ открытымъ ударомъ, нанесеннымъ англійскимъ правительствомъ суприматіи голландцевъ, былъ навигаціонный актъ 1651 года. Кромвель еще не былъ въ то время главой правительства, но слѣдуетъ замѣтить, что торговая политика Стюартовъ, пуританскаго парламента и военнаго диктатора была въ принципѣ почти тождественной. Навигаціонный актъ 1651 года былъ основанъ на

идеяхъ, выраженныхъ въ прежнихъ и позднѣйшихъ актахъ, носившихъ тоже названіе.

Почти всѣ англійскіе государственные люди въ семнадцатомъ вѣкѣ обращали особое вниманіе на транзитную торговлю, такъ какъ они сознавали, что эта торговля представляетъ не только источникъ богатства, но и источникъ могущества. Увеличеніе торговаго флота являлось и увеличеніемъ школъ для обученія морскому дѣлу и увеличеніемъ резерва государственнаго флота, какъ людьми, такъ и кораблями. Актъ 1651 года воспрещалъ вывозъ и ввозъ изъ и въ какую-либо часть Азіи, Африки и Америки иначе, какъ на корабляхъ, принадлежащихъ или англичанамъ или той націи, съ которой велась торговля; экипажъ англійскихъ кораблей долженъ былъ состоять изъ англичанъ. Подобнымъ же ограниченіямъ подвергались и многія отрасли торговли на Средиземномъ морѣ, а ввозъ съ голландскихъ рыбныхъ ловель былъ совершенно запрещенъ. Актъ несомнѣнно былъ вреденъ, по крайней мѣрѣ въ его непосредственныхъ слѣдствіяхъ. Онъ повелъ къ возвышенію цѣнъ иностранныхъ товаровъ въ Англіи и къ уменьшенію торговли Англіи съ нѣкоторыми изъ ея колоній. Кромѣ того, онъ сильно раздражилъ Голландію и былъ непосредственной причиной войны 1652 года. Но несомнѣнно и то, что актъ имѣлъ вліяніе на переходъ части транзитной торговли отъ Голландіи къ Англіи и, вѣроятно, упрочилъ связи между метрополіей и ея колоніями.

Колоніи и их промышленность

Численность и значеніе этихъ колоній постоянно росли. «Отцы пилигримы» поселились въ Плимутѣ въ 1620 году и организовали свою собственную республику, почти не имѣвшую никакихъ связей съ національнымъ правительствомъ. За ними послѣдовали и другія пуританскія колоніи, главными изъ коихъ были Массачузетсъ (1628) и Коннектикутъ (1633). Колонія Родъ-Исландъ была основана въ 1636 году Рожеромъ Вилльямсомъ, находившимъ, что пуританство не даетъ той религіозной свободы, добиваясь которой, онъ ушелъ изъ Англіи. Эти четыре колоніи. Въ 1643 году объединились въ федерацію подъ названіемъ «Соединенныхъ колоній Новой Англіи». Эти пуританскія колоніи поддерживали очень суровую и нетерпимую нравственную и религіозную дисциплину.

Колонисты относились къ туземцамъ болѣе грубо, чѣмъ ихъ предшественники. Повидимому, они дѣйствительно считали себя избраннымъ народомъ, имѣвшимъ право относиться къ язычникамъ также, какъ когда-то евреи относились къ Хананитянамъ; правительство проявляло не меньшее безчеловѣчіе, вывозя въ Вестиндію въ качествѣ рабовъ мужчинъ и женщинъ изъ Ирландіи. Но осуждая это варварство, мы должны все-таки признать, что суровые, работящіе и бережливые пуритане, сохранявшіе всѣ традиціи англійскихъ среднихъ классовъ, оказались очень пригодными колонистами.

Въ 1632 году одинъ католикъ основалъ Мэриландъ, какъ убѣжище для своихъ единовѣрцевъ, а «земля Рупперта», какъ это доказывается и ея названіемъ, была колоніей роялистовъ. Она была основана компаніей Гудзонова залива, образовавшейся въ 1670 году, главнымъ образомъ для вывоза мѣховъ и шкуръ, получаемыхъ мѣной отъ индѣйцевъ сѣверной Америки. Старыя американскія колоніи по большей части во время гражданской войны были на сторонѣ короля, такъ что въ 1650 году пуританамъ пришлось отправить войско для подчиненія ихъ.

Завоеваніе Ямайки въ 1655 году было главнымъ присоединеніемъ къ Англіи при республикѣ. До сихъ поръ островъ не считали особенно значительнымъ пріобрѣтеніемъ, но Кромвель оцѣнивалъ его рессурсы и съ большей энергіей и успѣхомъ развивалъ ихъ. Разведеніе сахарнаго тростника сдѣлалось процвѣтающей промышленностью и создало значительную торговлю между колоніями и Лондономъ и Бристолемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Англія съ самаго начала разсматривала колоніи не съ такой узкой точки зрѣнія, какъ Испанія и Португалія. Эти страны обращали исключительно свое вниманіе на изысканіе драгоцѣнныхъ металловъ; а англійскіе государственные люди, хотя они тоже раздѣляли преувеличенное мнѣніе о значеніи золота и серебра, были столь благоразумны, чтобы понять, что это не единственные продукты, которыми обогащаются какъ колоніи, такъ и метрополія. Потому они старались ввести разные промыслы и хотя развитію этихъ новыхъ промысловъ часто мѣшала зависть торговцевъ и промышленниковъ метрополіи, правительство и общественное мнѣніе поддерживали колонистовъ въ ихъ предпріятіяхъ и правительство иногда издавало законы для ихъ поддержанія. Такъ, напримѣръ, главный продуктъ Виргиніи былъ «покровительствуемъ» воспрещеніемъ разведенія табака въ Англіи и въ Ирландіи.

Возвращеніе евреевъ.

Развитію англійской торговли несомнѣнно помогло переселеніе въ Англію евреевъ. Позволеніе этому давно изгнанному народу [1]) возвратиться въ Англію, данное Кромвелемъ, вѣроятно, обусловливалось общимъ ветхозавѣтнымъ характеромъ пуританства. Самъ Оливеръ Кромвель говорилъ: «велика моя симпатія къ этому бѣдному, избранному Богомъ народу, коему Онъ далъ законъ»; вѣроятно, подобная же симпатія другихъ была причиной того, что ихъ допущеніе въ Англію не возбудило серьезныхъ протестовъ. Правда, нѣкоторые лондонскіе купцы протестовали, но мотивомъ была скорѣе

[1]) То обстоятельство, что немногіе евреи жили въ Англіи въ теченіи 365 лѣтъ отъ ихъ изгнанія при Эдуардѣ (1290 г.) до формальнаго разрѣшенія имъ права жительства Кромвелемъ (1655), не имѣетъ отношенія къ прилагаемому нами, такъ какъ они, повидимому, все время не играли видной роли въ торговлѣ.

торговая зависть, чѣмъ религіозная нетерпимость. Переселившіеся теперь въ Англію евреи были почти исключительно испанскіе и португальскіе, изгнанные изъ этихъ странъ преслѣдованіями инквизиціи. Имущества ихъ часто конфисковались, но вообще говоря, это были богатые люди. Большинство ихъ раньше поселилось было въ Голландіи или Италіи; въ этихъ странахъ они имѣли возможность изучить новые и совершенные методы веденія международной торговли и кредитнымъ операціямъ. Нѣкоторые изъ нихъ переселились въ Англію прямо изъ Амстердама, бывшаго во то время торговой столицей Голландіи.

Маннасія Бенъ-Израиль былъ однимъ изъ такихъ испанскихъ евреевъ, поселившихся въ Амстердамѣ. Онъ былъ извѣстенъ какъ ученый и учитель, но конфискація его имущества заставила его оставить профессію ученаго и заняться торговлей и часовымъ мастерствомъ. Онъ пріѣхалъ въ Англію, чтобы хлопотать о допущеніи своихъ единовѣрцевъ. При свиданіи съ Кромвелемъ и Частнымъ совѣтомъ онъ особенно настаивалъ на увеличеніи ввоза и вывоза, которое будетъ вѣроятнымъ результатомъ поселенія евреевъ въ Лондонѣ. Онъ объяснилъ значеніе мѣновыхъ и банковыхъ операцій, которыми они занимались въ Голландіи и указывалъ, что большіе капиталы, довѣренные имъ испанскими и португальскими евреями, надѣявшимися такимъ путемъ спасти ихъ отъ инквизиціи, даютъ имъ возможность давать деньги взаймы по 5%, что въ то время считалось очень выгоднымъ для должника. Эти аргументы должны были имѣть особое значеніе въ такой странѣ, гдѣ торговцы завидовали низкимъ процентамъ, какіе платили ихъ голландскіе конкуренты, и стремились распространить свою торговлю во всѣхъ частяхъ свѣта. Мнѣнія въ Частномъ совѣтѣ по этому вопросу раздѣлились; но судьи рѣшили, что закономъ не воспрещено евреямъ жить въ Англіи, и Кромвель собственной своей властью далъ просимое позволеніе. Имъ немедленно же воспользовались многіе богатые торговцы, а за ними вскорѣ послѣдовали и бѣдные евреи изъ Голландіи и Польши. Первые поселенцы изъ евреевъ, кажется, не особенно дружелюбно приняли своихъ бѣдныхъ братьевъ, какъ можно бы было судить по общему филантропическому настроенію этаго народа. Карла II при его реставраціи просили отмѣнить мѣру Кромвеля, но «веселый государь» былъ настолько уменъ, что понялъ, что присутствіе евреевъ въ Англіи полезно для ея торговли. А кромѣ того, во время изгнанія онъ самъ не мало занималъ у голландскихъ евреевъ и не только продолжалъ терпѣть ихъ присутствіе, но въ 1662 году позволилъ имъ построить въ Лондонѣ синагогу.

Финансы. Въ налогахъ, введенныхъ парламентомъ для покрытія военныхъ издержекъ, мы видимъ зародыши современной фискальной системы, хотя методы распредѣленія и собиранія налога были не похожи на

современные. Парламентъ опредѣлялъ требуемую каждомѣсячно сумму и сколько изъ нея должны платить каждое графство и каждый городъ, поименованные въ ординансѣ. Дальнѣйшее распредѣленіе въ предѣлахъ каждаго города и графства, а также и собираніе налога, предоставлялись мѣстнымъ властямъ.

Такая система несомнѣнно вела къ болѣе справедливому распредѣленію обложенія, чѣмъ старая система. Изъ непрямыхъ налоговъ въ 1656 году были увеличены пошлины съ вѣса и тонны (poundage и tonnage), въ особенности въ силу возвышенія пошлинъ на вина, привозимыя изъ ненавистной Испаніи. Но кромѣ этихъ таможенныхъ пошлинъ пуританскій парламентъ ввелъ новый налогъ, акцизъ. Онъ также, какъ и многіе торговые и финансовые планы, былъ заимствованъ у Голландіи. Пимъ ввелъ акцизъ въ 1643 году. Сначала онъ ограничивался крѣпкими напитками; цѣль его отчасти состояла въ уменьшеніи пьянства, которое, повидимому, увеличилось, когда пуритане начали воспрещать всѣ другія увеселенія. Но и помимо этого, парламенту были нужны деньги и въ 1644 году акцизомъ начали облагать мясо, необходимые жизненные припасы, соль, квасцы, шляпы, крахмалъ, шелкъ и многіе другіе товары. Акцизъ вводили какъ временную мѣру для покрытія военныхъ расходовъ, но онъ постоянно возобновлялся; въ 1647 году съ мяса и соли сняли акцизъ, несомнѣнно потому, что ихъ считали предметами необходимости, но сдѣлавъ эту уступку, парламентъ все-таки понималъ, что акцизъ очень удобный способъ полученія доходовъ и правительство реставраціи придерживалось той же финансовой политики.

Распредѣленіе народнаго богатства, 1636—1693 г.

Слѣдуетъ еще упомянуть о распредѣленім народнаго богатства по различнымъ графствамъ въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ промежутокъ времени отъ 1636 до 1693 годъ мы имѣемъ не меньше семи раскладокъ налоговъ по графствамъ. По этимъ раскладкамъ мы можемъ судить объ относительномъ богатствѣ графствъ и объ измѣненіяхъ, происшедшихъ за этотъ періодъ времени. Во главѣ всѣхъ списковъ стоитъ Миддльэссексъ, включая Лондонъ. Такъ при раскладкѣ корабельнаго налога въ 1636 году одинъ фунтъ взимался съ восьми акровъ, а въ Гертфордширѣ, въ второмъ по богатству графствѣ, фунтъ собирался съ девяноста семи акровъ. Гертфордширъ, занимавшій въ 1636 году второе мѣсто, въ 1641, 1649 и 1660 годахъ занимаетъ только пятое, въ 1672-мъ четвертое, а въ 1693-мъ третье. Бедфордширъ въ 1636 году занимаетъ третье мѣсто, въ 1641-мъ двѣнадцатое, въ 1660-мъ опять третье и въ 1693-мъ пятое. Относительно Букингамшира замѣчаются почти такія же колебанія Сюррей въ 1636 году занимаетъ восемнадцатое мѣсто, а въ 1693-мъ уже второе. Въ тотъ же періодъ Нортгамптонширъ переходитъ съ пятаго мѣста на одиннадцатое. Беркширъ и въ 1636 и

въ 1693 годахъ занимаетъ шестое мѣсто. Эти семь графствъ можно, стало быть, считать самыми богатыми въ семнадцатомъ столѣтіи. Если исключить Миддльэссексъ, то остальныя шесть графствъ вмѣстѣ съ Оксфордширомъ составляютъ почти сплошной земледѣльческій округъ къ сѣверу отъ Темзы. Оксфордширъ по нѣкоторымъ причинамъ падалъ. Въ 1503 году онъ занималъ второе мѣсто, въ 1693-мъ седьмое, но въ 1637-мъ только семнадцатое. На другомъ низшемъ концѣ списка мы видимъ, что самымъ бѣднымъ графствомъ при всѣхъ раскладкахъ былъ Кумберландъ. Выше его стоятъ Дургамъ, Вестморландъ, Нортумберландъ и Ланкаширъ, но ихъ относительныя положенія измѣняются. Еще выше ихъ въ спискахъ стоятъ Іоркширъ, Дербиширъ и Чеширъ. Такимъ образомъ изъ восьми наиболѣе бѣдныхъ графствъ шесть находились къ сѣверу отъ Гумбера и Мерси, и два были самыя сѣверныя графства. Вообще если раздѣлить Англію на большіе округа, то центральныя графства были наиболѣе богатыми, а сѣверныя наиболѣе бѣдными. Востокъ и югъ Англіи были нѣсколько богаче запада.

Монеты.

Гугса.

Монеты Карла.

Недостатокъ денегъ заставилъ Карла прибѣгать къ огромнымъ выпускамъ монеты въ разныхъ частяхъ Англіи. Невозможно перечислить всѣ эти выпуски; извѣстны выпуски монеты въ Аберайстуитѣ, въ Карлилѣ, Честерѣ, Кольчестерѣ, Коркѣ, Дублинѣ, Эдинбургѣ, Эксетерѣ, Ньюваркѣ, Оксфордѣ, Понтефрактѣ, Скарборо, Шревсбюри, Ворчестерѣ и Іоркѣ. А кромѣ того остается значительное количество монеты неизвѣстнаго происхожденія. Много монеты чеканилось въ замкахъ и городахъ, занятыхъ королевскими войсками для этихъ войскъ на основаніи приказа мѣстныхъ губернаторовъ; нѣкоторыя монеты чеканены ими даже послѣ казни короля. Большинство такихъ монетъ, обыкновенно называемыхъ «осадной монетой»; очень плохо, а нѣкоторыя до чрезвычайности грубы.

Монеты парламента и республики.

Въ тоже время и парламентъ временно чеканилъ монету на королевскомъ монетномъ дворѣ, но опредѣлить парламентскую монету невозможно, такъ какъ она чеканилась съ изображеніемъ короля. Это происходило до казни Карла, послѣ чего республика начала чеканить свою монету. Были заказаны формы художнику Томасу Симону и его рисунки были приняты. На одной сторонѣ этой монеты крестъ св. Георга, пальма и лавровая вѣтвь съ надписью: «Англійская республика»; на другой сторонѣ такой же крестъ на щитѣ,

опирающемся на другой щитъ съ ирландской арфой и съ надписью: «Съ нами Богъ». Кавалеры шутили, что Богъ и республика на разныхъ сторонахъ, а двойной щитъ они называли «штанами Хвоста» Золотыми монетами республики были: простая и двойная кроны и и британская крона; серебряныя: кроны, полукроны, шилинги, шестипенсовыя, полугроты, пени и полупенсы; эти послѣднія были безъ даты или безъ знака монетнаго двора. 28 февраля 1657 года въ парламентѣ было сдѣлано предложеніе дать Оливеру Кромвелю королевскій титулъ и заранѣе были приготовлены нѣсколько штукъ двадцатишиллинговыхъ монетъ или образцовъ ихъ. На одной сторонѣ этихъ монетъ голова Кромвеля, а на другой гербъ съ короной; надпись: Olivar. D. G. R. P. Ang. Sco. et Hib. Республика не ограничилась однимъ улучшеніемъ рисунка, она пыталась ввести и улучшенный процессъ чеканки, изобрѣтенный Блондо. Онъ былъ приглашенъ въ Англію, его хотѣли устроить на монетномъ дворѣ, но зависть туземныхъ мастеровъ сдѣлала это невозможнымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что монета протектора, очень хорошая и также, какъ монета республики, чеканенная по рисунку Симона, никогда не была общей монетой во своей странѣ. Это по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что она очень рѣдко встрѣчается и изъ того факта, что сохранившаяся монета слишкомъ хорошо сохранилась, какъ будто она и не была въ обращеніи. Кромѣ того, когда при Карлѣ 11 нападали на монету республики, о монетѣ Оливера не упоминали и такое умолчаніе наврядъ ли было бы возможно, если бы она была въ обращеніи. Любопытно, что при республикѣ пытались чеканить монету для колоній. Въ Новой Англіи чеканили серебряную монету; лордъ Балтиморъ, собственникъ Мэриланда, чеканилъ серебряную и мѣдную монету съ своими именемъ и титулами.

Политическія теоріи.

Уиттакера.

Борьба партій и гражданская война давали и поводъ и возможность для появленія различныхъ политическихъ теорій. Обсуждаемые политическіе вопросы требовали признанія извѣстныхъ принциповъ, какъ средства для ихъ разрѣшенія, и творцы политическихъ теорій имѣли возможность видѣть ихъ осуществленіе въ жизни.

Политическія трактаты Гоббса.

Политическая система Гоббса доказываетъ намъ это взаимодѣйствіе практики съ одной стороны и философскихъ идей съ другой. Она была философскимъ ученіемъ, разсматривающимъ человѣческую

природу съ извѣстной точки зрѣнія; но во время опубликованія этой системы и въ ея спеціальной формѣ, она обусловливалась происходившей въ то время политической борьбой. Въ 1628 году, когда Гоббсъ издалъ свой переводъ Фукидида, его общіе политическіе принципы были уже установлены; но самостоятельно онъ высказалъ свое ученіе только въ 1640 году, когда онъ распространилъ въ рукописи свой трактатъ: «Основы закона, естественнаго и политическаго». Этотъ трактатъ впослѣдствіи былъ раздѣленъ на двѣ части, изданныя отдѣльно въ 1650 году, подъ заглавіями: «Человѣческая природа» и De Corpore Politico. Самымъ раннимъ изъ изданныхъ политическихъ сочиненій Гоббса было De Cive (1642).

Политическое ученіе одинаково въ этихъ двухъ трактатахъ: De Corpore Politico и De Cive, но взгляды Гоббса относительно церковной власти въ позднѣйшемъ трактатѣ болѣе развиты. «Лавіафанъ», представляющій наиболѣе выработанное выраженіе политической философіи Гоббса, изданъ въ 1651 году.

Политическая система Гоббса основывается, какъ мы уже замѣтили, на его взглядахъ на человѣческую природу. Люди по природѣ, по мнѣнію Гоббса, находятся въ состояніи войны, т.-е. анархіи, ихъ эгоистическіе импульсы заставляютъ ихъ бороться другъ съ другомъ за разныя блага. Для естественнаго разума людей, конечно, очевидно, что для каждаго было бы выгодно, если бы соблюдались извѣстныя правила справедливости; но очевидно также и то, что эти правила могутъ соблюдаться только въ *состояніи* міра. Стало быть, естественный разумъ требуетъ прекращенія состоянія войны и принятія условій мира. А это можетъ быть достигнуто только учрежденіемъ «республики» или политическаго государства, обладающаго верховной властью, имѣющей принудительный авторитетъ надъ членами. Люди отдаютъ этой верховной власти свои естественныя права самозащиты въ обмѣнъ за ея защиту. Такимъ образомъ, они условливаются другъ съ другомъ о повиновеніи верховной власти. Смотря потому, кому вручена верховная власть: одному человѣку или немногимъ или всему народу, собирающемуся въ извѣстное время, форма правительства будетъ монархіей, аристократіей или демократіей. Верховная власть въ государствѣ, какъ бы оно ни было устроено, абсолютна. И естественный законъ и собственные интересы требуютъ того, чтобы верховная власть имѣла цѣлью безопасность и хорошее управленіе; подъ терминомъ «безопасность» Гоббсъ понимаетъ все то, что отличаетъ цивилизованную жизнь отъ дикости естественнаго состоянія. По мнѣнію Гоббса, изъ всѣхъ возможныхъ правительственныхъ формъ монархія предпочтительнѣе, какъ наиболѣе пригодная къ дѣятельности, наиболѣе постоянная и вообще наиболѣе справедливая. Тѣмъ не менѣе его

теорія, по его мнѣнію, примѣнима ко всѣмъ правительственнымъ формамъ.

Верховная власть въ государствѣ, какъ абсолютная, распространяется на религіозныя дѣла также, какъ и на гражданскія. Никакая духовная корпорація не можетъ сдѣлаться духовной властью, независимой отъ государства. Верховная государственная власть обязана опредѣлить, какова должна быть религія государства. Церковная власть не должна нарушать гражданское повиновеніе, необходимое для общественнаго блага.

Совѣсть отдѣльной личности свободна, такъ какъ мысли приказывать нельзя. Верховная власть можетъ требовать только внѣшняго подчиненія. Подчиненіе обязательно, если можно, положительное и, во всякомъ случаѣ, отрицательное, т. е. въ смыслѣ воздержанія отъ сопротивленія.

Робертъ Фильмеръ.

Съ политическимъ ученіемъ Гоббса можно сравнить ученіе Роберта Фильмера, издавшаго въ 1652 году: «Замѣчанія о Левіафанѣ Гоббса». «Патріархъ», систематическій трактатъ Фильмера, на который послѣ возражалъ Локкъ, былъ изданъ только въ 1680 году, послѣ смерти автора. Фильмеръ согласенъ съ Гоббсомъ въ томъ, что верховная власть абсолютна, но оспариваетъ его мнѣніе объ основаніи ея правъ. По мнѣнію Фильмера, права верховной власти никоимъ образомъ не обусловливаются согласіемъ народа. Всегда существуетъ лицо, по праву наслѣдственности являющееся правителемъ государства. Право монарха происходитъ отъ права, дарованнаго Богомъ первому патріарху Адаму и оно абсолютно и неотчуждаемо. Оно можетъ быть ограничено только самимъ монархомъ и всякое ограниченіе имѣетъ силу только до тѣхъ поръ, пока на него согласна его верховная воля. Очевидно отличіе политическаго ученія Гоббса отъ ученія Фильмера и, дѣйствительно, всего сильнѣе противъ Гоббса были раздражены приверженцы ученія о божественномъ правѣ короля.

Гаррингтонъ.

Изъ республиканскихъ ученій этаго времени слѣдуетъ отмѣтить ученіе, изложенное въ «Oceana» Гаррингтона (1656), это сочиненіе было конфисковано во время печатанія. Впослѣдствіи оно было возвращено автору и потомъ посвящено Кромвелю. По мнѣнію Гаррингтона, опредѣляющій элементъ политической власти есть собственность, особенно землевладѣніе. Онъ предлагаетъ аграрный законъ, ограничивающій величину поземельной собственности отдѣльной личности. Третья часть исполнительной власти избирается баллотировкой каждые три годы и не подлежитъ переизбранію въ теченіи трехъ лѣтъ; главной задачей плана Гаррингтнона было то, чтобы исполнительная власть долго не оставалась въ однихъ рукахъ. Гаррингтонъ выставляетъ нѣкоторыя возраженія противъ ученія, изложеннаго въ «Левіафанѣ», но выражаетъ свое благоговѣніе предъ Гоббсомъ и

объявляетъ себя послѣдователемъ «новаго просвѣщенія», представителемъ котораго былъ философскій трактатъ Гоббса.

Мильтонъ. Дальше мы будемъ говорить объ участіи Мильтона въ спорахъ того времени. Но и здѣсь намъ слѣдуетъ упомянуть о немъ. Мильтонъ при случаѣ ссылался на авторитетъ библіи и на библейскіе примѣры, но по существу его ученіе было политическимъ республиканствомъ классическаго типа. Оно было настолько же несогласимо съ теократическимъ идеаломъ пресвитеріанъ, какъ и съ ученіемъ англиканскихъ богослововъ о государствѣ и церкви.

Философія Герберта Шербюри. Старшимъ англійскимъ философомъ этаго періода былъ Эдвардъ Гербертъ (1582—1648), въ 1629 году получившій титулъ барона Герберта Шербюри. Его вообще считаютъ основателемъ англійской школы деизма. Въ философіи онъ былъ предшественникомъ «школы здраваго смысла». Эти двѣ стороны его мышленія имѣютъ нѣкоторую связь. По его объясненію знаніе есть соотвѣтствіе между мыслительной способностью и объектомъ мышленія. Возможность знанія зависитъ отъ того, что человѣческій духъ обладаетъ нѣкоторыми общими понятіями, врожденными, а не полученными отъ опыта. Въ своемъ изысканіи относительно этихъ общихъ понятій Гербертъ занимается почти исключительно вопросами о религіозныхъ истинахъ. Существенные принципы религіи обусловливаются общими понятіями; эти послѣднія, по мнѣнію Герберта, таковы: 1) существованіе Высшаго Существа, 2) долгъ поклоненія этому Божественному Существу, 3) этотъ долгъ, соединенный съ набожностью, составляетъ главную часть богопочитанія, 4) человѣкъ долженъ раскаиваться въ своихъ грѣхахъ и отвращаться отъ нихъ, и 5) награда и наказаніе зависятъ отъ благости и справедливости Бога, какъ въ сей жизни, такъ и послѣ нея. Такія положенія были основой первоначальной религіи, пока люди не стали слушать жаднаго и хитраго священства. Главное сочиненіе Герберта De Veritate (Парижъ, 1624) было переведено на французскій языкъ, но никогда не переводилось на англійскій. Въ немъ излагается его общая философія. De Religione Gentilium (Лондонъ, 1645)—это опытъ относительно теоріи сравнительной религіи. Гербертъ утверждаетъ, что всѣ религіи признаютъ выше приведенныя пять положеній. Политеизмъ есть извращеніе чистой первобытной религіи и былъ выдуманъ жрецами.

Философская система Гоббса. Томасъ Гоббсъ изъ Мальмсбюри (1588—1679) былъ другомъ и современникомъ Герберта. Онъ былъ также лично знакомъ съ Бэкономъ. Онъ не былъ, однако, послѣдователемъ ни одного изъ этихъ философовъ. Гербертъ былъ даже представителемъ противоположнаго типа философскаго мышленія, такъ какъ Гоббсъ производилъ знаніе отъ опыта, а не отъ апріорныхъ началъ. До послѣдняго времени историки находили связь между нимъ и Бэкономъ, такъ какъ оба они были представителями англійской эмпирической школы; но

по мнѣнію новѣйшихъ авторитетовъ невозможно открыть вліянія Бэкона на методъ Гоббса. Гоббсъ не былъ ученикомъ Бэкона также, какъ Локкъ не былъ ученикомъ Гоббса. Бэконъ и Гоббсъ независимо другъ отъ друга были новаторами въ философіи, а Локкъ получилъ импульсъ не отъ Гоббса, а отъ Декарта. Съ Гербертомъ у Гоббса общее составляетъ религіозный раціонализмъ, а не общіе философскіе принципы. Въ третьей книгѣ «Левіафана», озаглавленной «Христіанское государство», Гоббсъ подвергаетъ изслѣдованію библію, доказывая позднѣйшее происхожденіе нѣкоторыхъ изъ ея частей, Стараясь опредѣлить, чѣмъ должна быть государственная религія. Гоббсъ хочетъ возможнаго уменьшенія и упрощенія догматовъ. Мудрый государь долженъ требовать признанія только этихъ немногихъ упрощенныхъ догматовъ. По мнѣнію Гоббса, совершенно достаточно такой упрощенной христіанской религіи. Выводъ этотъ, очевидно, очень похожъ на выводъ Герберта, хотя Гоббсъ доходитъ до него отличнымъ отъ Герберта путемъ.

Политическое ученіе Гоббса признается имъ высшей частью общей философской системы. Послѣ множества абстрактныхъ логическихъ, геометрическихъ и механическихъ соображеній, онъ намѣренъ заняться сперва тѣломъ, которое по его философской системѣ есть истинная реальность, потомъ человѣкомъ, какъ индивидуальнымъ организмомъ, и его духовными способностями и, наконецъ, политическимъ обществомъ или государствомъ—«этимъ великимъ Левіафаномъ, или, говоря болѣе почтительно, этимъ смертнымъ богомъ, которому послѣ безсмертнаго Бога мы обязаны за миръ и защиту». Таковъ былъ планъ проектированнаго имъ ряда систематическихъ трактатовъ. Ихъ должно было быть три, и въ нихъ онъ былъ намѣренъ трактовать о «Тѣлѣ», «Человѣкѣ» и «Гражданинѣ». Сочиненіе De Cive, появившееся въ 1642 году, было уже указано нами выше; De Corpore появилось въ 1655, а De Homine въ 1658 году. Систематическій планъ Гоббса былъ нарушенъ трактатами, написанными имъ въ виду современнаго ему политическаго кризиса. Эти трактаты, и въ особенности «Левіафанъ», были величайшими и наиболѣе извѣстными изъ его произведеній. Созданіе имъ полной системы философіи имѣло историческое значеніе; оно было замѣчательнымъ подвигомъ англійскаго мышленія и если не повліяло на созданіе «научной философіи», то предшествовало ея созданію, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ.

Гоббсъ въ своей философіи вообще отправляется отъ научныхъ открытій Коперника, Галилея, Кеплера и Гарвея. Они дали ему его механическія представленія о природѣ. Съ этимъ натурализмомъ, обработаннымъ имъ философски, онъ пытается связать свои ученія о человѣкѣ и обществѣ. Онъ полагаетъ, однако, что его ученія о человѣкѣ и обществѣ могутъ быть непосредственно доказаны пря- Методъ Гоббса.

мыми психологическими наблюденіями и дедукціями; дѣйствительно, онъ пришелъ къ нимъ именно такимъ методомъ, а не прямой дедукціей отъ механическихъ принциповъ. Онъ поздно познакомился съ механической философіей. Онъ только между 1629 и 1631 годами началъ читать Эвклида. Результатомъ такого чтенія былъ у него энтузіазмъ къ геометрическому методу изслѣдованія. Благодаря знакомству съ научными кружками на континентѣ онъ все больше и больше укрѣплялся въ мысли объяснять все механическими причинами и посредствомъ математическихъ доказательствъ, и такимъ образомъ онъ возымѣлъ честолюбивое желаніе создать полную систему философіи, отъ основанія до вершины. Философія для Гоббса также, какъ и для древнихъ философовъ, включала и спеціальныя науки. Онъ стремился найти правильные принципы цѣлаго и изъ нихъ уже выработать подробности. Гоббсъ признавалъ опытъ источникомъ всякаго знанія, но не считалъ физическія науки способными къ развитію посредствомъ работы спеціалистовъ, игнорирующихъ философскія соображенія. Онъ полагалъ, что ученые, какъ напр. основатели Королевскаго Общества, поступятъ неосновательно, если они не начнутъ съ опредѣленныхъ философскихъ принциповъ. Опытъ, какъ извѣстно, доказалъ ошибочность такихъ взглядовъ. Наука и философія сдѣлались отдѣльными дисциплинами. Ни трактатъ Гоббса De Corpore, ни Principia Декарта не являлись для будущаго синтезомъ началъ физическихъ наукъ.

Помимо области политической теоріи главная заслуга Гоббса въ области психологіи, Его представленіе о человѣческой природѣ, конечно, неполное, но въ этихъ предѣловъ никто не сдѣлалъ большаго, чѣмъ онъ. Въ особенности слѣдуетъ упомянуть о двухъ разобранныхъ имъ вопросахъ: о номинализмѣ или объ отношеніи между рѣчью и мышленіемъ, и о вопросѣ о свободѣ или необходимости человѣческихъ хотѣній.

Гоббсъ и номинализмъ.

Гоббса можно считать отцомъ современнаго номинализма. Современный вопросъ о номинализмѣ отличается отъ того, о которомъ вели споры школы средневѣковой философіи. Средневѣковой номинализмъ былъ ученіемъ о сущности реальнаго. Всякое ли реальное бытіе индивидуально, или мы, обобщая, составляемъ предположенія о реальныхъ «универсалахъ», соотвѣтствующихъ родовымъ или классовымъ названіямъ также, какъ индивидуумы соотвѣтствуютъ собственнымъ именамъ? Напримѣръ, существуетъ ли реальное человѣчество или человѣчность помимо отдѣльныхъ людей или оно есть просто названіе, которымъ мы указываемъ, что люди въ извѣстныхъ отношеніяхъ похожи одинъ на другого? По мнѣнію средневѣковыхъ номиналистовъ обобщеніе есть умственный процессъ, въ которомъ при посредствѣ названій мы соединяемъ отдѣльныхъ членовъ рода или класса. Внѣ обобщающаго духа реальность есть только сумма

индивидуумовъ. Для современныхъ же номиналистовъ вопросъ не метафизическій или логическій, а психологическій—какова сущность умственнаго процесса? По мнѣнію Гоббса, такъ какъ мысль имѣетъ начало въ чувствахъ, то и средство выйти за предѣлы чувства доставляется самимъ чувствомъ. Слово и есть чувственный знакъ, замѣняющій другіе объекты чувства. Посредствомъ слова мы сохраняемъ постоянство нашего духа среди колебаній чувства и воображенія. Слово есть знакъ, вызывающій по нашей волѣ идеи, подобныя тѣмъ, коими мы обладали раньше. Оно есть также и орудіе общенія; извѣстный условленный звукъ вызываетъ подобныя идеи въ душахъ отдѣльныхъ людей. Создавъ языкъ, люди могутъ разсуждать о вещахъ, коимъ были даны названія и такимъ образомъ могутъ дойти до общихъ истинъ, коихъ чувство само по себѣ, безъ помощи языка, дать не въ состояніи.

Гоббсъ и детерминизмъ.

Гоббсъ былъ не только первымъ изъ современныхъ номиналистовъ, но и первымъ изъ современныхъ детерминистовъ. На психологическихъ основаніяхъ онъ отвергалъ ученіе о недетерминируемой, свободной волѣ. При одинаковыхъ духовныхъ причинахъ въ процессѣ разсужденія всегда получается одинаковый результатъ въ волевомъ актѣ. Настоящее значеніе термина: свобода есть просто способность дѣлать то, что мы хотимъ, если не имѣется внѣшнихъ препятствій. Свобода въ этомъ смыслѣ не обозначаетъ способности хотѣть иначе, какъ то опредѣляютъ психологическіе антецеденты. Отношеніе Гоббса къ этому вопросу вполнѣ высказано имъ въ «Вопросахъ относительно свободы, необходимости и случая» (1656), трактатѣ, представляющемъ отвѣтъ епископу Брамгаллю, съ которымъ онъ полемизировалъ.

Наука. Королевское общество.

Величайшимъ событіемъ въ исторіи науки въ этомъ періодѣ было образованіе общества, получившаго позже названіе Королевскаго. Въ началѣ при его образованіи, въ 1645 году, оно называлось «Невидимой коллегіей». До реставраціи оно собиралось то въ Лондонѣ, то въ Оксфордѣ и наконецъ устроилось въ Грешамской коллегіи. Въ 1661 году король поступилъ членомъ этаго общества. Грамота была дарована ему въ 1662 году. Отчеты общества начинаются съ 28 нобря 1660 года. Съ этаго времени его задачей становится развитіе физикоматематическихъ экспериментальныхъ наукъ.

Въ числѣ главныхъ основателей общества были: епископъ Уилькинсъ, Джонъ Валлисъ, Сетъ Уардъ (впослѣдствіи епископъ Салисбюри) и Робертъ Бойль. Уардъ и Валлисъ были извѣстными математиками. Валлисъ былъ также грамматикомъ и логикомъ, хотя онъ болѣе знаменитъ какъ математикъ. Въ его Arithmetica Infinitorum (1655) содержится уже идея объ интегральномъ исчисленіи. Эта идея была примѣненіемъ «Геометріи недѣлимыхъ» Кавальери (1635) и подготовила путь Ньютону. Епископъ Уилькинсъ родился

около 1614 года, и ко времени основанія Королевскаго общества издалъ сочиненія, пропагандировавшія астрономію Коперника.

Кромѣ вышепоименованныхъ дѣятельное участіе въ работахъ общества принималъ Кенельмъ Дигби (1603 1665), который, однако, въ теченіе большей части этого періода находился внѣ Англіи. Его карьера была полна приключеній. Съ сильнымъ интересомъ къ физикѣ онъ соединялъ любовь къ такимъ занятіямъ, какъ изобрѣтеніе новыхъ косметиковъ (для сохраненія красоты его жены), симпатическаго порошка для исцѣленія ранъ на разстояніи и т. п.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть объ одномъ изъ знаменитыхъ споровъ того времени. Гоббсъ въ своемъ энтузіазмѣ къ математикѣ пытался разрѣшить нѣкоторыя изъ неразрѣшимыхъ традиціонныхъ проблемъ, вродѣ квадратуры круга. Это дало поводъ такимъ математикамъ, какъ Уардъ и Валлисъ, напасть на его знанія и этимъ потрясти его авторитетъ въ философіи—чего они желали и въ силу особыхъ соображеній. Споръ начался въ 1654 году, когда Уардъ началъ возражать на нѣкоторыя изъ нападокъ Гоббса на университеты. Университеты, утверждалъ Уардъ, теперь не таковы, какими они были во времена юности Гоббса и собственная геометрія Гоббса теперь понимается не такъ, какъ бы это ему хотѣлось; когда въ 1655 году появился трактатъ Гоббса De Corpore, то глава, посвященная математическимъ проблемамъ, послужила поводомъ для нападенія. Валлисъ издалъ Elenchus Geometriae Hobbianae. Затѣмъ воспослѣдовала полемика. Новый споръ по вопросу объ удвоеніи куба начался въ 1661 году. Въ этой полемикѣ Валлисъ остался побѣдителемъ по математическимъ вопросамъ, но она кончилась для него не вполнѣ благопріятно. Гоббсъ съ успѣхомъ опровергалъ его обвиненія относительно политическаго своего поведенія и обратилъ эти обвиненія противъ него самаго, такъ что Валлисъ долженъ былъ на время умолкнуть. Впослѣдствіи, въ 1666 году, Гоббсъ возобновилъ полемику и она закончилась только съ его смертью.

Теологическая литература.

Гёттона.

Періодъ гражданской войны и республики особенно богатъ теологическими сочиненіями. Во время самой войны многіе думали о духовной борьбѣ болѣе, чѣмъ о физической. Кроткіе пустынники Литтль-Жиддинга жили общей жизнью почти до самаго окончанія борьбы. Буніанъ жилъ полный страстными мыслями, забывая о происходящей вокругъ его борьбѣ. Его жизнь представляетъ любопытный при-

мѣръ жизни религіозныхъ людей въ провинціи того времени. Самъ онъ былъ сильнымъ противникомъ ученій церкви, вся душа его была предана интересамъ религіи и, однако, въ его жизни и сочиненіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія относительно его политическихъ мнѣній. Онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, но мы не знаемъ, на чьей сторонѣ онъ былъ. Настолько мало дѣйствовали на него самые важные политическіе вопросы. Религія не заставляла такихъ людей, какъ онъ, протестовать противъ возстановленія монархіи.

„Eikon Basilike."

Наиболѣе важной по своему вліянію изъ всѣхъ книгъ, написанныхъ въ періодъ преслѣдованія церкви, была безспорно Eikon Basilike—«изображеніе его священнаго Величества во время его страданій». Это ловкое произведеніе Гаудена, одного изъ капеллановъ Карла, чрезвычайно вѣрно и въ тоже время съ огромнымъ искусствомъ идеализировано изображало чувства короля въ такое время, когда онъ руководился своей совѣстью. Любовь къ народу и любовь къ Богу, упорная рѣшимость не отказываться отъ своихъ прерогативъ и не позволять вредить церкви, личное униженіе и нравственное величіе—все это выражено съ рѣдкой деликатностью и проницательностью. Ни одна книга не была такъ популярной. Невозможно было ни устранить ее, ни опровергнуть. Сорокъ семь изданій книги разошлись очень быстро; если въ книгѣ было довольно аргументовъ въ пользу королевской власти, то въ ней было еще больше, хотя и непрямыхъ, аргументовъ въ пользу англиканства и системы Лоуда. Возбужденныя этой книгой негодованіе и сожалѣніе заставили признать Карла святымъ, а Лоуда мученикомъ и привлекли всѣхъ людей чувства на сторону монархіи и церкви.

„Eikonoklastes". Мильтонъ и Сальмазій.

Одинъ Мильтонъ могъ отвѣтить на такую книгу и его Eikonoklostes былъ все таки плохимъ отвѣтомъ. Было безполезно возражать пунктуально на печальныя размышленія заточеннаго короля; на пафосъ нельзя отвѣчать инвективами, а вульгарныя насмѣшки великаго поэта были забыты, какъ они и заслуживали того. Плохо было то дѣло, которое искало своей защиты въ обвиненіи казненнаго короля въ томъ, что онъ приспособилъ для собственнаго употребленія молитву изъ «Аркадіи» Сиднея; но Мильтонъ въ своемъ отвѣтѣ голландцу Сальмазію, сочиненіе котораго «Defensio regia pro Carolo I» было доказательствомъ положенія, занятаго по этому вопросу учеными всей Европы, не удержался отъ употребленія такого недостойнаго оружія. «Тотъ человѣкъ, умъ котораго позволяетъ ему искать христіанской молитвы въ языческой легендѣ и признать эту послѣднюю за свою собственную, можетъ брать и все остальное Богъ вѣсть откуда»—писалъ Мильтонъ. Споръ съ Сальмазіемъ, бывшій естественнымъ результатомъ чрезвычайной популярности сочиненія Гаудена, былъ поводомъ къ самой лучшей изъ появившихся въ

свѣтъ защитѣ республики. Defensio pro Populo Anglicano было сочиненіе, которому Мильтонъ посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ работы и за которымъ онъ лишился зрѣнія. Въ этой работѣ онъ прогоняетъ своего противника чрезъ всю библію, чрезъ классиковъ, литературу раввиновъ и средневѣковую теологію, въ одной главѣ за другой, пока онъ по его мнѣнію не разбиваетъ его на всѣхъ пунктахъ. Въ «Защитѣ» нѣтъ недостатка въ сильныхъ мѣстахъ—не даромъ она написана Мильтономъ; но это сочиненіе, слишкомъ очевидно написанное съ полемическими цѣлями. Оно совсѣмъ не представляетъ плана политической философіи или изслѣдованія о правительствѣ. Это энергичный, но не глубокій и не убѣдительный отвѣтъ на нападеніе. Политика переходитъ въ личности и большинство читателей должно было сознаться, что плохо дѣло, если его защитники вынуждены обвинять Карла въ отравленіи отца и упрекать Сальмазія въ томъ, что онъ подъ башмакомъ у его жены.

Чиллингворть.

Въ такое бурное время литература не могла процвѣтать. По большей части ограничивались переизданіемъ и чтеніемъ сочиненій предыдущихъ десятилѣтій. Мнѣнія Лоуда преслѣдовались, но проповѣди его издавались; уроки Чиллингворта западали въ души людей въ то время, какъ пуритане самымъ суровымъ образомъ осуждали его мнѣнія. «Религія протестантовъ» была издана въ 1637 году и въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ сочиненіе не переставало вызывать постоянные, часто раздраженные, комментаріи. Авторъ сочиненія, умершій въ 1644 году, былъ крестникомъ Лоуда и одно время постоянно переписывался съ нимъ изъ Оксфорда. Онъ былъ другомъ «достопамятнаго» Джона Гальса, Жильберта Шельдона и изящнаго Люція Кэрью, который былъ настолько же дома среди теологовъ, вродѣ людей собиравшихся у него въ Гретъ-Тью изъ сосѣдняго университета, какъ и среди остроумныхъ людей, вродѣ Бена Джонсона и Сюклинга. Въ литературныхъ кругахъ Оксфорда того времени неустановившіяся мнѣнія Чиллингворта довольно естественно привели его къ реакціи въ пользу Рима, а потомъ, послѣ годичнаго пребыванія въ Дуэ, снова къ англиканской церкви, какъ наиболѣе терпимой представительницѣ тѣхъ истинъ христіанства, которыя казались ему наиболѣе существенными. Но онъ никогда не переставалъ быть независимымъ мыслителемъ и такимъ онъ сдѣлался на родинѣ, въ лонѣ англиканской церкви, при Лоудѣ и его послѣдователяхъ. Его книга представляетъ сильную защиту дѣла свободы. Она протестуетъ противъ всеохватывающаго догматизма Рима и признаетъ религію протестантовъ, какъ она осуществлена въ англійской церкви, «вѣрнымъ путемъ къ спасенію», но при этомъ авторъ признаетъ руководителемъ свободное и раціональное изслѣдованіе, которое, хотя и можетъ повести къ нѣкоторымъ заблужденіямъ, сильно своей интеллектуальной честностью и отсутствіемъ исключительныхъ и узкихъ

опредѣленій. Это произведеніе мыслителя, кабинетнаго человѣка, не особеннаго близкаго къ жизненнымъ вопросамъ, но въ немъ замѣчается та сила иниціативы, которая часто свойственна схоластическимъ изысканіямъ. Свободное и раціональное изслѣдованіе Чиллингворта дало новое основаніе англиканству и направило философское изслѣдованіе по новому и плодотворному пути. Чиллингвортъ, другъ Лоуда и Фальпланда, былъ предшественникомъ философовъ восемнадцатаго вѣка, разработавшихъ его принципы въ примѣненіи ихъ къ болѣе широкимъ сферамъ мышленія. Его жизнь представляетъ характерный примѣръ положенія религіозныхъ партій того времени. Для романистовъ онъ, конечно, былъ просто отступникомъ и невѣрующимъ, потому что онъ не признавалъ притязаній ихъ догмы, какъ основной и существенной. Для англиканъ онъ былъ выносимъ, потому что вѣрилъ, что ученіе англійской церкви «чисто и ортодоксально и что въ немъ нѣтъ заблужденія, которое дѣлало бы необходимымъ или позволяло бы кому бы то ни было нарушать миръ церкви или отказываться отъ общенія съ ней». Для пуританъ онъ былъ невыносимымъ человѣкомъ.

Архіепископъ Усшеръ.

Въ такое боевое время было естественнымъ, что и теологія участвовала въ тогдашнихъ спорахъ. Писатели, по складу своего мышленія отнюдь не бывшіе полемистами, по временамъ занимались борьбой съ своими интеллектуальными врагами. Таковы были ученый Усшеръ; юмористъ и антикварій Фуллеръ, мастеръ характернаго и превосходнаго англійскаго стиля Іеремія Тайлоръ. Джемсъ Усшеръ, родившійся въ Дублинѣ въ 1580 году, былъ съ дней юности полемистомъ. Рекомендованный королю своими изслѣдованіями о церковной исторіи, своимъ кальвинизмомъ, своими «ирландскими статьями», которыя съ незначительными измѣненіями были приняты архіепископомъ Уитгифтомъ, какъ «Ламбетскія статьи»—никогда не признаваемыя, однако, англиканской церковью—1620 году онъ сдѣлался епископомъ Мита, а въ 1624 году архіепископомъ Армага. Позже, когда ирландское возстаніе прогнало его изъ Армага, Карлъ далъ ему епископство Карлиль. Онъ сильно противился терпимости по отношенію къ романистамъ, но очень интересовался исторіей ирландской церкви. Онъ помогалъ Лоуду въ его стараніяхъ обезпечить ирландское духовенство. Какъ ученый, онъ былъ знаменитъ своими изученіями восточныхъ языковъ. Онъ сильно противился арминіанизму Лоуда и его послѣдователей, но былъ убѣжденнымъ приверженцемъ короля. Его трактатъ о «Власти государя и повиновеніи подданнаго» былъ написанъ въ защиту ученія о пассивномъ повиновеніи въ разсудительныхъ предѣлахъ. Благодаря его честности и простодушію, ему довѣряли люди всѣхъ партій. Карлъ совѣтывался съ нимъ въ критическій моментъ своей жизни, по вопросу объ осужденіи Страффорда, хотя и не принялъ его честнаго протеста противъ приговора, и

позже вызвалъ его для помощи въ переговорахъ, закончившихся Ньюпортскимъ договоромъ. Долго обсуждался его планъ учрежденія ограниченнаго епископата, при которомъ епископы ограничивались бы своими духовными функціями и во всѣхъ другихъ вопросахъ ограничивались бы совѣтомъ синодовъ; этой идеѣ одно время сочувствовалъ самъ Кромвель. Протекторъ обѣщалъ Усшеру даровать свободу совѣсти церковникамъ, но вскорѣ отказался отъ этого обѣщанія. Добрый архіепископъ умеръ въ 1656 году, за четыре года до реставраціи, которую онъ предсказалъ. Мягкость его характера, способность видѣть недостатки всѣхъ партій—это отличительное свойство ученаго—помѣшали ему пользоваться вліяніемъ, на которое онъ имѣлъ право по своимъ способностямъ. Память его сохранилась, какъ ученаго и онъ причисляется къ руководителямъ Каролинской церкви. Люди обѣихъ партій послѣ военныхъ бурь разговаривали о рукописяхъ Усшера, о пятикнижіи самаритянъ, о сирійской версіи евангелія, объ исторіи епископата, о письмахъ Игнатія. Литература въ лицѣ Усшера также, какъ и многихъ приверженцевъ короля, помѣшала разрыву между приверженцами короля и парламентаріями быть очень глубокимъ и постояннымъ.

Томасъ Фуллеръ.

Томасъ Фуллеръ былъ человѣкомъ другого рода. Онъ былъ «пріятнымъ шутливымъ человѣкомъ» и bonus Socius, и тоже ученымъ и занимающимся человѣкомъ, уважаемымъ и любимымъ своими прихожанами, но главнымъ образомъ онъ былъ извѣстенъ, какъ юмористъ, какъ изящный разсказчикъ, умѣвшій смягчать серьезность обсуждаемыхъ вопросовъ живымъ остроуміемъ. Фуллеръ былъ однимъ изъ многихъ людей того времени, которые не могли вполнѣ согласиться ни съ одной изъ тогдашнихъ партій, которые презирали лицемѣріе пуританъ и вмѣстѣ съ тѣмъ огорчались разгульной жизнью приверженцевъ короля; подобно многимъ своимъ единомышленникамъ, онъ избралъ партію короля, когда ему пришлось выбирать какую нибудь партію. Онъ остается извѣстнымъ потомству не какъ человѣкъ партіи, а какъ писатель. Въ своемъ сочиненіи Pisgah Sight of Palestine (1650) ему удалось нарисовать топографію Святой земли съ живостью, которая облегчала обученіе для пуританъ, среди которыхъ была распространена его книга. «Святая война» (т. е. Крестовые походы), «Священное государство» и Знаменитые люди Великобританіи» — всѣ эти книги съ удовольствіемъ читались его современниками и теперь еще не утратили интереса. Онъ умеръ въ 1661 году, доживъ до реставраціи, которая должна была дать ему высокое положеніе, такъ какъ «до конца нуждалась въ его перѣ». Никто изъ его современниковъ не былъ столь остроумнымъ человѣкомъ, какъ онъ, или болѣе популярнымъ за свое остроуміе. Даже въ то время, когда было небезопасно писать о церковныхъ дѣлахъ, его книги выходили въ одномъ изданіи за другимъ. Никто не

умѣлъ такъ разсказывать, какъ онъ, и никто не былъ настолько свободенъ отъ раздраженія. Его рѣзкость и юморъ были поверхностными. Онъ искалъ репутаціи умѣреннаго человѣка и добился ея; хотя онъ и не избѣжалъ клеветы, но былъ увѣренъ въ симпатіяхъ своихъ читателей. Безспорно, онъ былъ самымъ популярнымъ писателемъ своего времени. Благодаря ему и подобномъ ему людямъ англичане поняли, что церковь болѣе удобное и обширное жилище, чѣмъ пуританство.

Рядомъ съ Фуллеромъ по популярности можно поставить Іеремію Тайлора, сдѣлавшагося по протекціи архіепископа Лоуда членомъ коллегіи. «Всѣхъ Святыхъ». Онъ посвятилъ свои силы защитѣ церковной системы, отвѣчалъ нападавшимъ на нее трактатами о епископствѣ, о молитвахъ, защитой свободы совѣсти и доказательствами въ пользу историческаго порядка и традиціонной литургіи. Во время междуцарствія онъ искалъ убѣжища въ Ирландіи у лорда Конвея. При реставраціи онъ былъ епископомъ Доуна и Коннора, а позже также и Дромора. Онъ былъ образцовымъ епископомъ и примѣрнымъ священникомъ. Въ качествѣ ученаго и остроумнаго человѣка, онъ былъ одинъ изъ первыхъ среди его современниковъ; его красота и кротость сдѣлали его не только уважаемымъ, но и любимымъ всѣми. Іеремія Тайлоръ.

Немногіе изъ теологовъ такъ сильно повліяли на англиканскую религію, какъ Іеремія Тайлоръ. Его проповѣди соединяютъ достоинства проповѣдей Андрьюса и Вилльяма Лоу. Онѣ изобилуютъ удачными примѣрами, онѣ привлекательны и благодаря блестящему и искрящемуся воображенію не утомительны и не скучны. Полемическія его сочиненія менѣе изящны, но стиль ихъ энергичный. Его Ductor Dubitantium почти единственный трактатъ о казуистикѣ, написанный англиканскимъ церковникомъ; онъ полонъ искусства и искренности. Всѣ эти книги составляли достояніе только теологовъ; но молитвы въ «Holy Living» («Святая жизнь») и увѣщанія въ «Holy Dying» («Святая смерть») прочтутся всякимъ, кому не чужды религія и литература. Ни въ одномъ изъ религіозныхъ сочиненій на англійскомъ языкѣ не встрѣтишь такого соединенія достоинствъ и ни одно не повліяло такъ сильно на англійскую жизнь. Проницательность и близкое знакомство съ человѣческой натурой, проявляемыя авторомъ на каждой страницѣ, можно поставить рядомъ съ удивительнымъ воображеніемъ, оживляющимъ какъ содержаніе книгъ, такъ и выраженіе. Изъ всѣхъ англійскихъ прозаиковъ Іеремія Тайлоръ самый богатый по языку и содержанію. Онъ беретъ примѣры изъ самыхъ неожиданныхъ источниковъ и пользуется ими въ такую минуту, когда этого всего меньше ожидаешь; эффектъ получается замѣчательно изящный и сильный. Можно ли, напр., ожидать, читая о печали по умершемъ любимомъ человѣкѣ, о горести оставшихся

въ живыхъ родственниковъ, встрѣтить исторію о женщинѣ изъ Эфеса, «о которой у Петронія разсказываетъ солдатъ»? Тайлоръ такъ же хорошо говоритъ о бракѣ, какъ и о смерти; немного такихъ прекрасныхъ вещей, какъ его «Брачное кольцо».

Іеремія Тайлоръ соединяетъ школу Лоуда съ торжествующей церковью реставраціи. Гаммондъ, писатель, прекрасная душа котораго проглядываетъ чрезъ торжественную серьезность его стиля, умеръ до реставраціи. Сандерсонъ, ученый и теологъ, дожилъ до реставраціи и мудро управлялъ при ней большой Линкольнской епархіей. Подобные люди вызывали уваженіе всей націи; а рядомъ съ ними состояли Буніанъ и Бакстеръ, люди иного происхожденія и иныхъ настроеній. Автору Pilgrim's Progress мы удивляемся, конечно, не какъ теологу; но никто изъ англійскихъ писателей не превзошелъ его по умѣнію разсказывать, по силѣ воображенія и по простодушной вѣрѣ. Буніанъ въ теченіе двухъ вѣковъ былъ народнымъ классическимъ писателемъ. Сила и правдивость обрисовки характеровъ, какъ онѣ ни значительны у него сами по себѣ, ничто по сравненію съ замѣчательнымъ реализмомъ и повѣствовательной способностью Буніана. Сынъ народа, онъ зналъ, что думаетъ народъ, онъ умѣлъ возбудить его воображеніе, заставить его кровь волноваться и тронуть его сердце.

Ричардъ Бакстеръ.

Бакстеръ былъ также, какъ и Буніанъ, нонконформистомъ; но это былъ человѣкъ другого закала. Онъ происходилъ изъ разорившагося дворянскаго рода; онъ рано познакомился съ безправственностью и съ небрежностью духовенства и это съ самого начала заставило его относиться къ церковному строю съ сильнымъ негодованіемъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на разныя практическія затрудненія, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ оставался конформистомъ и служилъ, какъ преданный слуга англиканской церкви. Онъ много читалъ и былъ умѣлымъ критикомъ; но въ особенности онъ имѣлъ успѣхъ какъ проповѣдникъ и приходскій священникъ. Въ Киддерминстерѣ во время гражданской войны и въ Ковентри онъ усердно и энергично исполнялъ свои обязанности священника и имѣлъ мужество отстаивать свои убѣжденія противъ обѣихъ партій. Онъ былъ на сторонѣ парламента, но не могъ примириться съ республикой. Онъ противился и Ковенанту и Обязательству и уничтоженію епископата и, однако, онъ былъ больше пресвитеріаниномъ, чѣмъ церковникомъ. Какъ упорный парламентарій, онъ при реставраціи отказался отъ епископства и въ силу своего нонконформизма подвергался опасности быть преслѣдуемымъ. Въ сущности, онъ былъ такъ честенъ, такъ твердъ и, слѣдуетъ сознаться, такъ узокъ въ своихъ мнѣніяхъ, что онъ не могъ найти ни одной политической или религіозной партіи, съ которой онъ бы могъ согласиться или даже къ которой могъ бы относиться терпимо. Въ литературѣ онъ былъ

мастеромъ, но онъ не годился для ежедневныхъ столкновеній практической жизни. Теологія Кромвеля, по мнѣнія Бакстера, никуда не годилась, но онъ также, какъ и великій протекторъ, желалъ допускать религіозныя ученія только въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ границахъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто либо, противился при реставраціи терпимости по отношенію къ католикамъ. Во время роялистской реакціи Оксфордскій университетъ сжегъ его политическія сочиненія, вмѣстѣ съ сочиненіями Буханана и Мильтона. Надъ нимъ разразилась буря преслѣдованія и со стороны свѣтской власти, со стороны сквайровъ и законниковъ, не могшихъ забыть республики. Онъ не хотѣлъ подчиниться законамъ и двое мировыхъ судей отправили его въ тюрьму. Въ 1685 году онъ явился предъ извѣстнымъ Джеффрисомъ. «Я съумѣю расправиться съ святыми также, какъ и съ грѣшниками — закричалъ суровый и грубый судья. На одной сторонѣ позорнаго столба стоитъ Отсъ, а если на другой станетъ Бакстеръ, то два величайшихъ плута въ королевствѣ будутъ стоять рядомъ»! Государство находило необходимымъ уничтожить такого человѣка, какъ Бакстеръ, какъ политически опаснаго, «Ричардъ, говорилъ ему Джеффрисъ, ты старый плутъ. Ты написалъ цѣлый возъ книгъ, и всякая изъ нихъ столь же полна мятежемъ, какъ яйцо бѣлкомъ. По милости Божіей теперь я присмотрю за тобой. По милости Божіей я раздавлю васъ всѣхъ». Въ слѣдующемъ году Декларація объ амнистіи (Declaration of Indulgence) освободила его изъ тюрьмы и онъ дожилъ до акта о вѣротерпимости. Умеръ онъ старикомъ въ 1691 году.

Онъ, дѣйствительно, написалъ «цѣлый возъ книгъ», но только одна осталась памятна потомству, да, кажется, она и не подвергается опасности быть забытой. «Вѣчный покой святыхъ»—сокровище для «евангелической» партіи, какъ въ церкви, такъ и внѣ ея. Глубокая набожность, ясный и изящный языкъ, горячность и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренность выраженія мыслей, сдѣлали эту книгу классической. Какъ ни узка кажется система Бакстера, чувствуется, что самъ онъ болѣе терпимъ, чѣмъ его вѣра, что за его сильный индивидуальностью скрывается честность, искренность и совѣстливость. Если нонкоформизмъ во времена Стюартовъ и накладывалъ на людей непосильную тяжесть, онъ самъ больше всѣхъ страдалъ отъ нея. Давая свои предписанія религіознымъ людямъ, онъ навлекалъ на себя самого суровость свѣтскаго законодательства. Но онъ оставилъ англійской литературѣ и англійской религіи два многоцѣнные дара: Pilgrim's Progress и Saints Rest. „Saints Rest“

Литература.

Сентсбюри.

Настоящая, чистая литература этого періода настолько связана и переплетается съ литературой предшествующаго и послѣдующаго періодовъ, теологическая, философская и научная литература, о которой уже говорено выше, во многихъ случаяхъ настолько была дѣломъ тѣхъ же личностей, о которыхъ приходится говорить въ исторіи чистой литературы, что невозможно избѣжать нѣкоторыхъ повтореній. Но даже для самаго холоднаго изъ критиковъ невозможно признать относительно смутнаго времени семнадцатаго вѣка въ Англіи нѣсколько поспѣшнаго и рискованнаго положенія многихъ историковъ литературы, будто inter arma Silent не только leges, но и изящное и мирное занятіе музами. Можно и вообще сомнѣваться въ пригодности такого положенія безъ оговорокъ и ограниченій, которыя значительно уменьшаютъ его вѣрность; можно сказать, что даже относительно пятнадцатаго вѣка наврядъ ли именно войны Розъ объясняютъ сравнительную бѣдность тогдашней англійской литературы, что даже во время французской революціи и при Наполеонѣ многое другое, помимо войны и политическихъ измѣненій, было причиной упадка или временной пріостановки литературной производительности французскаго народа.

Но какъ бы тамъ ни было относительно всѣхъ подобныхъ эпохъ, относительно занимающей насъ теперь эпохи невозможно признать какого либо положительнаго и рѣшительнаго упадка литературы, и еще болѣе невозможно приписать такой упадокъ вліянію политическихъ волненій. Было бы странно называть бѣднымъ въ литературномъ отношеніи такое время, когда Мильтонъ, Броунъ, Тайлоръ, Фуллеръ, Гоббсъ, Геррикъ и другіе были въ полномъ расцвѣтѣ ихъ жизни и литературной дѣятельности, когда на замѣну имъ выростали Драйденъ, Тампль. Тиллитсонъ, Соутъ и многіе другіе. Можно сказать только одно: старое поколѣніе или, вѣрнѣе сказать, рядъ поколѣній уходили и появилось новое поколѣніе или, опять таки, рядъ поколѣній; совершенно не понятно, почему какой-нибудь другой, а не этотъ, періодъ доказываетъ ту замѣчательную послѣдовательность, которая отличала нашу литературу въ теченіе четырехсотъ лѣтъ, свойство ея приносить одновременно зрѣлый плодъ, созрѣвающій и цвѣтъ, какъ въ садахъ Алкиноя; ни одна литература не можетъ похвастаться существованіемъ въ теченіе какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ такихъ писателей, какъ Мильтонъ и Драйденъ, Броунъ и Тампль; нигдѣ не происходило такой передачи свѣтильника изъ рукъ въ руки, безъ колебаній пламени и безъ погасанія.

Тѣмъ не менѣе въ этой главѣ будетъ удобнѣе говорить только о старшихъ писателяхъ и объ ихъ стилѣ, и только мелькомъ указать на начало новой поэзіи, проявившееся въ произведеніяхъ Уоллера, Денгама и другихъ. Объ измѣненіи англійской прозы въ самой важной части въ ея исторіи—мы будемъ говорить дальше и о писателяхъ новаго времени будетъ удобнѣе говорить въ слѣдующей главѣ,

Томасъ Броунъ.

Намъ незачѣмъ говорить о нѣкоторыхъ изъ величайшихъ писателей, настолько же принадлежавшихъ къ чистой литературѣ, какъ и къ ея побочнымъ отраслямъ. Мильтонъ въ теченіе этого времени былъ почти исключительно прозаикомъ, и въ прозѣ почти исключительно полемистомъ. О Гоббсѣ, Тайлорѣ и Фуллерѣ тоже сказано выше также, какъ и о Гаррингтонѣ, Гербертѣ и Генрихѣ Морѣ. Изъ всей этой плеяды намъ осталось говорить только о сэрѣ Томасѣ Броунѣ. Въ послѣдней главѣ мы уже упоминали о его »Religio Medici», сочиненіи написанномъ раньше, но напечатанномъ какъ разъ въ годъ, раздѣляющій оба излагаемые періода. Броунъ прожилъ до реставраціи, о которой будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Но послѣ реставраціи онъ не напечаталъ ничего значительнаго; самое большое изъ его произведеній, Pseudodoxia Epidemica или Vulgar Errors появилось въ 1646 году, а два наиболѣе характерныхъ Hydriotaphia или Urn Burial и Garden of Cyrus въ 1658-мъ; такимъ образомъ норвичскій медикъ въ теченіе этого бурнаго времени написалъ большую часть того, что онъ самъ лично приготовилъ для печати, и хотя для любителей литературы было бы печально лишиться его «Христіанской нравственности», безспорно однако, что въ этомъ произведеніи также, какъ и во всѣхъ другихъ посмертныхъ и не окончательно отдѣланныхъ его произведеніяхъ, мы иногда не видимъ настоящаго Броуна. Да и невозможно было бы, чтобы такой стиль, какъ у Броуна, никогда не бывшій чрезмѣрно искусственнымъ, но всегда бывшій искуснымъ и величавымъ, былъ удовлетворительнымъ, если авторъ не имѣлъ достаточно времени для окончательной его обработки. Въ послѣдней главѣ мы уже упомянули объ основной идеѣ этого великаго мастера англійской прозы, поскольку эта идея высказана въ Rerigio Medici, о скептицизмѣ, не переходящемъ, однако, въ ересь, о фантазіи, идущей бокъ о бокъ съ знаніемъ, доступнымъ въ то время, о неутомимой жаждѣ къ знанію, соединенной съ полнымъ и спокойнымъ признаніемъ непознаваемаго; здѣсь же, говоря о тѣхъ сочиненіяхъ Броуна, которыя написаны въ этотъ періодъ, мы остановимся на стилѣ и на вопросахъ, въ которыхъ и по поводу которыхъ выразилась эта основная идея автора. И по стилю и по обсуждаемымъ вопросамъ Броунъ представляетъ, можетъ быть, лучшій примѣръ мышленія и литературной манеры того времени. Ни политика и теологія, какъ у Мильтона, ни философія,

насколько возможно исключавшая теологію, какъ у Гоббса, ни наука, ни какое либо другое спеціальное изученіе не захватывали Броуна въ свою исключительную власть.

Очень любопытна паралель между Броуномъ и великимъ универсальнымъ писателемъ предыдущаго поколѣнія. Эта параллель между Броуномъ и Бэкономъ указываетъ контрастъ, существовавшій между шестнадцатымъ и семнадцатымъ столѣтіями; оба они одни изъ лучшихъ англійскихъ прозаиковъ, оба были пророками естествознанія и экспериментальной науки. Разницу между ними можно объяснять отчасти ихъ различными темпераментами, можетъ быть, даже тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ нихъ былъ кембриджецъ, а другой оксфордецъ, но главнымъ то образомъ эта разница объясняется разницей эпохъ. Почти нетерпимое новаторство Бэкона сопровождалось почти фанатической вѣрой въ то, что онъ въ состояніи замѣнить чѣмъ-нибудь разрушаемое имъ; полуреакціонный консерватизмъ Броуна отчасти вызывался, а отчасти умѣрялся, глубочайшимъ скептицизмомъ и увѣренностью. что новшества только кажущіяся и что прогрессъ есть ничто иное, какъ простое исчисленіе времени. Бэконъ не былъ совсѣмъ лишенъ юмора, но его юморъ ограниченный, случайный и почти дѣтскій; у Броуна юморъ есть кровь его литературнаго тѣла, мозгъ его литературныхъ костей; Бэконъ, мечтая о прекрасныхъ, но вполнѣ матеріальныхъ выгодахъ его фантазій, совершенно чуждъ поэтичности; у Броуна больше поэзіи, чѣмъ у любого изъ англійскихъ прозаиковъ, Бэконъ всегда благоразумный, рѣдко бываетъ патетичнымъ; Броунъ, никогда не впадая въ сантиментальность, обладаетъ страстнымъ сознаніемъ «жалостности» и суеты всего сущаго—сознаніемъ не меньшимъ, чѣмъ у самого проповѣдника суеты суетъ.

Эти свойства съ странной, но только кажущейся, непослѣдовательностью проявились въ трехъ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ Броуна, изъ которыхъ первое появилось послѣ паденія дѣла короля, а два послѣднія какъ разъ въ то время, когда была надежда на возрожденіе этого дѣла. Удивленіе, выражаемое нѣкоторыми, что Броунъ, человѣкъ научныхъ навыковъ и сильнаго интеллекта, относится съ такой пощадой и деликатностью къ «обычнымъ заблужденіямъ», точно онъ самъ раздѣляетъ ихъ, не особенно умно. Мы настолько привыкли къ аггресивному и исключающему все остальное положенію знанія, что намъ кажется страннымъ, даже чѣмъ то сомнительнымъ, положеніе ученаго, готоваго признать, что на небѣ и на землѣ есть многое, о чемъ и не снилось исключительно научной философіи. Но это не казалось страннымъ въ такое время, когда образованіе изучавшихъ физическія науки не отличалось отъ образованія людей, занимавшихся метафизикой или литературой, и когда люди довольствовались признаніемъ своего незнанія, вмѣсто отрица-

нія неизвѣстнаго. Потому то совсѣмъ не удивительно въ Vulgar Errors кромѣ упражненій много читавшаго и ловкаго писателя видѣть едва прикрытую защиту ортодоксальнаго и всеохватывающаго философскаго сомнѣнія. Кажется, что во все время разсужденія авторъ потихоньку нашептываетъ читателю: «всѣмъ этимъ нелѣпостямъ вѣрили люди, вѣроятно столь же разумные, какъ и мы съ вами, и не хуже насъ и нашихъ потомковъ знакомые съ положительнымъ знаніемъ своего времени. И можетъ быть, они не всегда были неправы и даже если они были неправы, то можетъ быть, неправы и мы, и одинаково неправо будетъ и наше потомство въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыхъ мы придерживаемся и которыхъ оно будетъ придерживаться». Есть и теперь люди, которымъ подобное отношеніе къ вопросамъ, не подлежащимъ логическимъ доказательствамъ, кажется недалекимъ отъ настоящей мудрости. Во всякомъ случаѣ такова была мудрость многихъ и, можетъ быть, всѣхъ мудрѣйшихъ людей семнадцатаго столѣтія.

Изъ двухъ трактатовъ, изданныхъ Броуномъ въ концѣ этого періода, въ первомъ звучитъ та же нота сомнѣнія или вопроса, а въ другомъ замѣчается нѣкоторая варіація этой ноты или отклоненіе отъ нея. Въ «Погребальной урнѣ» Броунъ изложилъ съ непревосходимымъ никѣмъ изъ англійскихъ и не англійскихъ писателей искусствомъ большинство размышленій, возможныхъ относительно извѣстнаго текста: «суета суетъ». Въ «Саду Кира» онъ, повидимому, склоненъ указать одно изъ средствъ избѣжать меланхоліи, убивающей самую жизнь при слишкомъ постоянномъ обдумываніи этого текста—юморъ, ученость и фантазія, или чаще соединеніе всѣхъ трехъ или двухъ изъ этихъ свойствъ, всегда признавались единственнымъ средствомъ, чтобы избѣжать этой меланхоліи. Не слѣдуетъ забывать, что никто не можетъ обвинять Броуна ни по поводу его размышленій въ Religio Medici, ни по поводу его практическихъ правилъ въ «Христіанской морали», въ скептицизмѣ, столь же обнаженномъ, сколь онъ былъ безспорно всепроникающимъ; почти величайшій изъ англійскихъ прозаиковъ, одинъ изъ лучшихъ людей Англіи съ нравственной и религіозной точки зрѣнія—такая похвала не будетъ чрезмѣрной для мудраго—и только мудраго—скептика Томаса, который въ мрачную эпоху великаго мятежа ждалъ въ своемъ Норвичѣ лучшихъ временъ и освѣщалъ мракъ настоящаго своими незабвенными идеями и словами.

Поэтическую дѣятельность того времени также трудно примирить съ вышеупомянутой спорной теоріей, какъ и дѣятельность литературы прозаической. Эта дѣятельность почти исключительно состояла (за исключеніемъ отдѣльныхъ вещей, вродѣ любопытной «Pharonnida» — Чамберлейна или философскихъ поэмъ Бомонта и Мора) изъ лирическихъ произведеній, о которыхъ мы уже говорили въ преды- Поэзія.

дущей главѣ. Эта поэтическая дѣятельность продолжалась и въ этомъ періодѣ и не закончилась съ нимъ, такъ какъ Геррикъ, Марвелль и Воганъ жили и послѣ реставраціи. Конечно, гражданская война до извѣстной степени неблагопріятствовала поэзіи, такъ какъ прямо или косвенно убивала поэтовъ: Карью былъ настолько счастливъ, что умеръ раньше; но Монтрозъ былъ прямой жертвой войны, а Сюклингъ, Ловеласъ, Крашау и Друммондъ были непрямыми жертвами войны и ея послѣдствій. Въ другихъ отношеніяхъ этотъ періодъ былъ временемъ вымиранія одного поколѣнія и нарожденія новаго, въ лицѣ Уоллера, величайшаго изъ поэтовъ (если только величайшимъ дѣлаетъ популярность) того времени, которое было временемъ уничтоженія каролинской поэзіи. Наиболѣе характерное изъ произведеній этой поэзіи, «Геспериды» Роберта Геррика, было написано какъ разъ во время разгара гражданской войны, въ годъ смерти короля, въ такую минуту, которая казалась роковой для поэзіи и вообще для литературы.

Несомнѣнно, что «Геспериды» есть самое типичное изъ произведеній этого рода, хотя въ другихъ могутъ встрѣчаться мѣста болѣе возвышенныя и оригинальныя. Въ величинѣ этого поэтическаго произведенія, въ общихъ его достоинствахъ, всего лучше проявляется соединенное вліяніе Донне и Джонсона, которое, какъ было уже указано, вызвало и до извѣстной степени объясняетъ расцвѣтъ лирики. Какъ долго ни пришлось Геррику ждать своей публики (а нужно сказать, что то время не помѣшало поэту писать, но мѣшало публикѣ читать его произведенія), въ настоящее время почти нѣтъ разногласій (за исключеніемъ только разногласій о подробностяхъ) относительно поэтическихъ достоинствъ, «Пѣсни безумной дѣвушки», «To Daffodils», «Серенады Юліи», «Къ дѣвамъ», «Литаніи» и «Бѣлаго острова». И однако, эта книга есть только популярная коллекція стихотвореній, выбранныхъ изъ огромной массы другихъ, отличающихся оригинальностью и привлекательностью. Во всѣхъ нихъ замѣтно «метафизическое» настроеніе, заимствованное у Донне и Лили. Въ произведеніяхъ Коулея, въ то время наиболѣе популярныхъ, а теперь наименѣе читаемыхъ, такое настроеніе получаетъ чрезмѣрное преобладаніе. Но когда оно ограничивалось, какъ это было въ лучшихъ произведеній столь различныхъ поэтовъ, какъ Карью и Крашау, Воганъ и Геррикъ, смѣлыми, но естественными метафорами, оно давало поэзіи привлекательность, особенно пригодную для достиженія главной цѣли поэзіи: для превращенія знакомаго и обыденнаго въ оригинальное и возвышенное. У всѣхъ поэтовъ этой группы замѣчается такое настроеніе, хотя оно и видоизмѣняется соотвѣтственно индивидуальности каждаго. Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что у всѣхъ нихъ, и въ осо-

бенности у Геррика и Карью, это настроенie несмотря на кажущуюся крайнюю его искусственность предоставляется, или по крайней мѣрѣ соединяется, съ особой свѣжестью и наивностью, которымъ наврядъ-ли можно найти равныхъ и во всякомъ случаѣ которыя нигдѣ не превзойдены. Монтрозъ и Ловеласъ, своимъ соединенiемъ политики и любви, Сюклингъ, съ его фразеологiей франта, соединяющейся у него съ галлантностью, представлявшей нѣкотораго рода переходъ отъ восторженнаго преклоненiя предъ предметомъ любви вѣка Елисаветы къ грубому матерiализму ухаживанья эпохи реставрацiи, Воганъ и Крашау въ ихъ набожности, чувственной и мистической у Крашау, и мистической и трансцендентальной у Вогана, Карью въ его чувственности, которая даже въ самой грубой ея формѣ была деликатна, хотя, конечно, не спиритуальна, Геррикъ въ безконечныхъ его напѣвахъ о любви и винѣ, о городскомъ обществѣ и деревенскихъ сценахъ — всѣ они, также какъ и многiе другiе, менѣе талантливые, проявляли оригинальную искусную безъ искуственность, игривую страстность и утонченную чувственность.

Имѣется въ этой поэзiя и другая черта, которую слѣдуетъ отмѣтить, хотя она можетъ быть объяснена только нѣсколько метафизически. Эта черта состоитъ въ томъ, что всѣ эти лирическiя произведенiя, въ такой полнотѣ и съ такимъ совершенствомъ обладавшiя истиннымъ лиризмомъ и производившiя музыкальный эффектъ, были послѣдними въ этомъ родѣ въ англiйской поэзiи въ теченiи цѣлаго вѣка съ четвертью. Ни одному изъ поэтовъ, которые были молоды въ то время, когда Карлъ 11 вступилъ снова въ свою столицу. не удалось уловить улетѣвшiй куда то духъ пѣсни, пока незадолго до смерти Джонсона не запѣлъ ее снова Виллььямъ Блэкъ. Нѣкоторые историки литературы пытались объяснить это тѣмъ обстоятельствомъ, что обычай пѣть при аккомпаниментѣ лютни и другихъ инструментовъ въ это время уже исчезъ. Но это обстоятельство не могло имѣть такого влiянiя, потому во первыхъ, что обычай исчезалъ очень медленно послѣ реставрацiи, а во вторыхъ онъ не возродился и въ то время, когда Блэкъ, а потомъ Кольриджъ снова ввели въ англiйскую литературу высокую лирику. Простая механическая причина недостаточна для объясненiя почти полнаго отсутствiя лиризма у Драйдена, обладавшаго, однако, удивительнымъ мастерствомъ владѣть метромъ и рифмой, у Попа, для котораго механическая сторона стихосложенiя, повидимому, не имѣла тайнъ; у такого мастера стиха, какъ Грей, у отличавшихся такими разнообразными поэтическими достоинствами людей, какъ Прiоръ, Парнель и Томсонъ. Всего дольше лиризмъ сохраняли люди, вродѣ Рочестера и Седлея, у которыхъ прекрасное образованiе соединялось съ довольно сомнительной нравственностью; это обстоятельство могло бы дать поводъ къ остроумнымъ или парадоксальнымъ догадкамъ, если

бы мы имѣли возможность здѣсь заниматься подобными догадками. Какъ бы то ни было, слѣдуетъ признать, что въ теченіе этого періода, или по крайней мѣрѣ первой его половины, атмосфера была еще переполнена мелодическимъ безуміемъ, но оно становилось все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ и наконецъ совершенно исчезло, замѣнившись въ храмахъ Эрато и Полимніи молчаніемъ и здравымъ смысломъ.

На полдорогѣ между блестящей прозой, главнымъ мастеромъ которой былъ Томасъ Броунъ, которая господствовала почти во всѣхъ литературныхъ родахъ, даже въ такихъ, которые, повидимому, были мало пригодны для ея господства, и тоже блестящей и колоритной поэзіей, болѣе легкой и фантастичной, о которой мы только что говорили, стоятъ произведенія смѣшаннаго рода, о значеніи которыхъ мы будемъ говорить дальше. Но и теперь будетъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія, потому что при обзорѣ исторіи литературы по отдѣльнымъ періодамъ самая главная опасность заключается именно въ томъ, чтобы не связывать отдѣльныхъ личностей и отдѣльныя произведенія съ опредѣленными періодами и такимъ образомъ не потерять связующей ихъ нити. Такъ напр., не слѣдуетъ забывать, что къ этому періоду относятся не только дѣтскія произведенія Драйдена, но и его характерные «Героическіе стансы на смерть Оливера Кромвеля». Общественныя бури не помѣшали Вальтону собрать матеріалъ для большей части его произведеній и написать многія изъ нихъ. «Compleat Angler» появился въ 1655 году, а «Біографіи», первая изъ которыхъ, біографія Донне, была написана за два года до начала излагаемаго періода, написаны въ теченіе всего этого періода. Дугдэль болѣе или менѣе покойно работалъ въ Оксфордѣ, заканчивая и обработывая Monasticon и другія свои произведенія. Гоуэль неутомимо писалъ въ тюрьмѣ и на свободѣ. Кларендонъ въ изгнаніи началъ собирать матеріалы и писать. Буніанъ тоже началъ проповѣдывать и писать въ это время Пеписъ до конца, вѣроятно, не пошелъ бы въ литературѣ дальше составленія мадригаловъ и проповѣдей (въ которыхъ онъ послѣ раскаивался) о погибели памяти злыхъ, но его современникъ и сотоварищъ-лѣтописецъ Эвелинъ уже не мало написалъ до реставраціи, когда ему было уже не меньше сорока лѣтъ. О прозѣ Коулея будетъ сказано въ слѣдующемъ подъ-отдѣлѣ; онъ былъ старше Эвелина только на два года, но уже пользовался извѣстной литературной репутаціей, не долго, впрочемъ, пережившей его недолгую жизнь. Гланвиль, не послѣдній изъ писателей того времени, характерный по его манерѣ и по его скептицизму, который сдѣлалъ бы удобнымъ названіе: Sceptisismus Triumphans, какъ подзаголовокъ для его сочиненія: «Sadducismus Triumphans»; о немъ было бы, можетъ быть, удобнѣе упомянуть здѣсь, чѣмъ при изложеніи слѣдующаго періода;

но полное перечисленіе всѣхъ писателей невозможно, а для характеристики тогдашней литературы сказано уже достаточно.

Развитіе англійской прозы.

Существуетъ постоянная и за незначительными исключеніями единодушная тенденція считать 1660 годъ, годъ реставраціи, которымъ кончается излагаемый въ этой главѣ періодъ, поворотнымъ пунктомъ, болѣе важнымъ и болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ какая либо иная дата, въ исторіи англійской прозы. Несогласія въ этомъ отношеніи существуютъ только относительно незначительныхъ деталей и касаются не самаго факта измѣненія прозы, а взглядовъ на это измѣненіе того или другого критика и историка. Измѣненія въ поэзіи, отмѣченныя выше, дѣйствительно значительны; но они не больше тѣхъ, которыя ассоціируются обыкновенно съ именами Чосера, Спенсера, Вордсворта или Кольриджа. Въ исторіи прозы, если принять во вниманіе и объемъ и внезапность измѣненія, не замѣчается ничего подобнаго. Теперь мы и займемся характеромъ самаго измѣненія и личностями, произведшими его.

Можетъ показаться ребячествомъ доказывать, будто сравнительное умираніе поэтической дѣятельности у какой либо націи объясняетъ энергію дѣятельности прозаической — но фактъ именно таковъ. Въ послѣдней главѣ мы замѣтили, что несмотря на изобиліе, богатство и великолѣпіе поэзіи во времена Іакова и Карла сама эпоха была скорѣе прозаической, чѣмъ поэтической, что великіе писатели вполнѣ или отчасти были склонны писать прозой, что даже величайшіе поэты были въ то же время и прозаиками. Но въ теченіе этого періода характерныя свойства поэтической формы и гармоніи до значительной степени перешли въ самую прозу. Мильтонъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, величайшій поэтъ и безспорно величайшій мастеръ поэтической формы, писалъ свои поэтическія произведенія въ томъ же тонѣ, въ которомъ онъ писалъ и прозаическія; Броунъ, чистый прозаикъ, въ своей прозѣ проявлялъ, если не поэтическую форму, то духъ поэзіи. Всѣ изучающіе человѣческую исторію и человѣческую натуру знаютъ, что при подобномъ положеніи дѣлъ младшее и ростущее вліяніе обыкновенно поглощаетъ старшее и падающее. И при изложеніи слѣдующаго періода мы увидимъ, что если въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка проза окрашивалась поэзіей, то во второй половинѣ, наоборотъ, поэзія оттѣнялась прозой.

Паденіе латинскаго языка.

Можно еще сказать многое для объясненія развитія и, такъ сказать, спеціализированія прозы. До религіозной борьбы шестнадцатаго вѣка общимъ литературнымъ прозаическимъ языкомъ въ Англіи былъ латинскій; власть такого установившагося языка, какъ латинскій, можетъ быть ниспровергнута только медленно и постепенно даже въ умахъ наиболѣе энергичныхъ и непокорныхъ новаторовъ. Должно было произойти раздѣленіе между людьми различныхъ странъ, порожденное политическими и религіозными разногласіями, прежде, чѣмъ

можно было отдѣлаться отъ этого универсальнаго языка ученыхъ, литераторовъ и дѣловыхъ людей. Извѣстно, что даже Бэконъ, умершій не больше, какъ за пятнадцать лѣтъ до начала описываемаго періода, почти чрезъ семьдесятъ пять лѣтъ послѣ Ашама и Шека, предвидя торжество англійскаго языка, тѣмъ не менѣе не вѣрилъ въ постоянство новыхъ языковъ и, имѣя въ виду потомство, предпочиталъ писать на латинскомъ языкѣ. У его ученика Гоббса было такое же почти настроеніе и оно сохранялось въ теченіе болѣе ста лѣтъ, выражаясь въ томъ, напр., что такіе люди, какъ Джонсонъ, не хотѣли писать эпитафіи—родъ литературы, предполагаемый наибольше сохраняющимся—на народномъ языкѣ.

Начатки національной прозы.

Но такія вліянія чувства и предразсудка были далеко не единственными, поощрявшими и вызывавшими развитіе того, что Данте давно по отношенію къ итальянскому языку называлъ «кардинальнымъ, придворнымъ и куріальнымъ» діалектомъ. Старая англійская проза (нѣкоторые полагали, что послѣреформаціонная проза была просто возвращеніемъ къ ней) не читалась никѣмъ, кромѣ очень немногихъ антикваріевъ, Среднеанглійскій языкъ — языкъ Чосера, Мандевилля и Маллори—былъ забытъ публикой, а ученые эпохи возрожденія презирали его. Новый англійскій языкъ, созданный въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, находился въ состояніи неразработаннаго, былъ, такъ сказать, только пробой. Образцовымъ языкомъ, если такой существовалъ, былъ какой то англолатинскій языкъ, вродѣ языка Ашама, даже Гукера и многихъ другихъ — это былъ стиль ясный, полезный, иногда даже красивый, но нѣсколько экзотическій, вслѣдствіе трудности сближенія двухъ языковъ, столь различныхъ по грамматикѣ и синтактису, и лишенный всякой колоритности и живости. Съ другой стороны непоколебимый консерватизмъ англичанъ, сознательно и безсознательно протестовалъ противъ всякихъ нововведеній и опытовъ въ направленіи украшеній, разнообразія и колоритности. Существовала эксцентричная, но не совсѣмъ безполезная жеманность Эвфуизма и Синдеизма. Существовалъ и простонародный разговорный языкъ памфлетовъ. Существовало и постоянное вліяніе, которымъ отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать, какъ это часто дѣлали, прозаическихъ діалоговъ разнаго рода, комическихъ и трагическихъ, аффектированныхъ и натуральныхъ, въ сотняхъ, даже тысячахъ піесъ. Наконецъ, существовала блестящая проза великихъ писателей этого періода, во главѣ которыхъ стояли Мильтонъ, Тайлоръ и Броунъ — проза, отдѣлавшаяся отъ суроваго и безцвѣтнаго вліянія латинскихъ классиковъ августовскаго вѣка, но полная новаго классицизма серебрянаго вѣка и обогащенная лексикономъ всѣхъ вѣковъ; проза, въ которой фразеологія поднималась и опускалась, какъ морская волна, выбрасывавшая въ душу читателя громадные запасы разноцвѣтныхъ остатковъ прошлаго. Ве-

ликолѣпіе этой прозы половины семнадцатаго вѣка заставляло многихъ не признавать происшедшую перемѣну прогрессивной, признавать ее даже зломъ. Но это только ошибка чувства. Вѣроятно, нѣтъ ни одного современнаго писателя, который бы наслаждался какимъ нибудь характернымъ мѣстомъ изъ Драйдена или Тампля или даже Соута такъ, какъ онъ наслаждается мѣстомъ изъ Тайлора или Броуна, даже Гланвилля или Фуллера. Но вѣдь дѣло совсѣмъ не въ наслажденіи. Проза Броуна и Тайлора имѣетъ всѣ недостатки поэзіи, какъ и нѣкоторыя ея достоинства. Она должна быть или очень хороша, или иначе она отвратительна; да и кромѣ того, сомнительно, чтобы она была пригоднымъ орудіемъ для обыденной литературной работы. У великихъ прозаиковъ въ этомъ родѣ она всегда, или почти всегда, хороша и она удивительно пригодна для того дѣла, которое дѣлали они. Но вѣдь никакая нація не можетъ породить сотни и тысячи Броуновъ и Тайлоровъ; ни одна нація, у которой количество вопросовъ и предметовъ, трактуемыхъ въ прозѣ, увеличивается каждогодно, даже каждодневно, не можетъ ограничиться страстнымъ краснорѣчіемъ проповѣдниковъ или фантастическими и скептическими разсужденіями о данныхъ науки сегодняшняго или прошлаго. Она нуждается въ ясномъ изложеніи постоянно растущихъ знанія и дѣловыхъ отношеній; она больше нуждается въ практическихъ доказательствахъ, чѣмъ въ фантазіяхъ этики и политики; она нуждается въ мемуарахъ, путешествіяхъ, исторіяхъ, легкихъ очеркахъ, газетахъ, повѣстяхъ. Возможно ли ожидать, даже вообще возможно-ли, чтобы такія вещи писались Стилемъ «Hydriotaphia» или «Погребальной проповѣди о графинѣ Карбери»?

Развитіе новой прозы.

Несомнѣнно, что это измѣненіе, какъ и всякое измѣненіе вообще, произведено было не столько обдуманными, планомѣрными попытками нѣсколькихъ лицъ, преслѣдовавшихъ опредѣленную цѣль, сколько случайнымъ приспособленіемъ предложенія къ спросу и почти случайнымъ увеличеніемъ этого спроса. Въ этомъ случаѣ часто преувеличивали значеніе французскаго вліянія; на самомъ дѣлѣ новая французская проза очень немного опередила англійскую; первый изъ новыхъ прозаиковъ Франціи, Декартъ, также, какъ и Бэконъ, охотнѣе писалъ на латинскомъ, чѣмъ на національномъ языкѣ. Паскаль, первый дѣйствительный мастеръ этой новой французской прозы, написалъ свое лучшее сочиненіе, «Provinciales», черезъ четыре года послѣ реставраціи. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, люди, наиболѣе повліявшіе на измѣненія въ прозѣ, родились почти одновременно. Коулей, въ «Essays» котораго уже замѣчается это измѣненіе, родился въ 1618 году; но онъ писалъ чаще старымъ стилемъ, чѣмъ новымъ. Пять человѣкъ, бывшихъ дѣйствительными представителями новой прозы, какъ въ смыслѣ ея развитія, такъ и въ смыслѣ вліянія: Тампль, Галифаксъ, Тиллотсонъ, Драйденъ и Соутъ,

всѣ родились въ теченіе пятилѣтія отъ 1628 до 1633. Галифаксъ, Драйденъ и Тиллотсонъ были почти ровестниками. Объ ихъ дѣятельности мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ; здѣсь намъ важно только указать на общую тенденцію ихъ сочиненій и на контрастъ съ предшествующими имъ писателями. Привычка, общая литературнымъ критикамъ и историкамъ, принимать буквально признаніе Драйдена Конгреву, будто онъ выучился своему прозаическому стилю у Тиллотсона, совершенно некритическая привычка. Во первыхъ, Конгревъ былъ вигъ придворный, а Тиллотсонъ святой виговъ, и мы не знаемъ, говорилъ ли это Драйденъ. Во вторыхъ, Драйденъ вслѣдствіе свойственнаго ему великодушія, а также и по привычкѣ дѣлать посвященія, былъ способенъ говорить съ чрезмѣрной похвалой о всякомъ, на кого онъ не нападалъ и былъ, если только на него не нападали, совершенно свободенъ отъ всякихъ претензій на оригинальность. Въ третьихъ—и это самое главное—вполнѣ доказано, что Драйденъ не могъ слышать, а тѣмъ болѣе читать многихъ изъ произведеній Тиллотсона до того времени, когда его собственный стиль, какъ намъ извѣстно, былъ уже вполнѣ сформированнымъ. Онъ могъ кое что заимствовать у человѣка, который подъ тѣми же вліяніями, какъ и онъ, пошелъ по новому пути; но намъ совсѣмъ незачѣмъ считать его ученикомъ Тиллотсона; незачѣмъ считать добраго архіепископа (который, кстати сказать, былъ худшимъ изъ пяти вышепоименованныхъ писателей) какимъ то жрецомъ мистерій новой прозы. Эти мистеріи, какъ и многія другія мистеріи того времени, состояли главнымъ образомъ въ устраненіи всего таинственнаго. Намъ незачѣмъ говорить, что многія изъ свойствъ новаго стиля встрѣчаются и въ старомъ, также какъ многія свойства стараго въ новомъ. Когда говорятъ, что въ прозѣ людей, достигшихъ при реставраціи возраста тридцати лѣтъ или около того, фразы обыкновенно короче, языкъ менѣе колоритенъ и поэтиченъ, это совсѣмъ не значитъ, чтобы и раньше 1660 года мы не встрѣчали короткихъ фразъ, простого разговорнаго языка. У Соута, почти неприлично нападавшаго на цвѣтистый языкъ Іереміи Тайлора, встрѣчаются фразы, которыя во время Аддисона показались бы столь же цвѣтистыми, какъ и фразы самого Тайлора. У Драйдена, нападавшаго на «Клевеландизмы» или на метафизическія изреченія, совсѣмъ не трудно найти такія изреченія. Но какъ и всегда въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ обращать вниманіе на общій характеръ и общую тенденцію, а не на исключительныя черты; а общимъ характеромъ новой прозы несомнѣнно были ясность, точность, чистота и простота стиля.

Она обладала одной особенностью, бывшей наиболѣе замѣтной и отличительной и болѣе всего другого помогавшей общей тенденціи. Это было стремленіе къ развитію опредѣленнаго, но довольно прос-

того каданса фразы, къ нѣкоторому математическому равновѣсію въ каждой фразѣ. Это стремленіе никогда не было вполнѣ чуждымъ англійской прозѣ; оно слишкомъ естественно для прозаика писателя или оратора. Оно особенно проявилось въ изящныхъ сравненіяхъ и параллеляхъ эвфуизма; его легко найти у наиболѣе колоритныхъ писателей, нашихъ современниковъ. Но эти писатели, частію вслѣдствіе ошибочнаго примѣненія латинскаго относительнаго мѣстоимѣнія, а частію потому, что полнота ихъ мышленія и богатство ихъ словаря не терпятъ ограниченій, чрезмѣрно прибѣгаютъ къ сложнымъ фразамъ, длиннота и сложность которыхъ часто даже затѣмняетъ ихъ смыслъ. Они также постоянно нарушаютъ простой и однородный ритмическій эффектъ, хотя большіе мастера стиля замѣняютъ его концентрированными фразами замѣчательной красоты, недостижимой простымъ уравновѣшеннымъ стилемъ; можетъ казаться нѣсколько страннымъ, что въ то время, когда поэзія приближалась къ прозѣ, проза болѣе, чѣмъ когда либо, удалялась отъ поэзіи и почти впервые получила отдѣльную отъ нея форму. Это было въ сущности печально и для поэзіи и для прозы, такъ какъ они кончили такимъ сближеніемъ, что для отдѣленія ихъ другъ отъ друга пришлось прибѣгнуть къ слишкомъ извѣстной «поэтической дикціи», что повело къ довольно печальнымъ результатамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и къ нежелательнымъ во всѣхъ. Но на время, при пониженіи поэтическаго настроенія, было очень хорошо, что не дѣлалось попытокъ поднять его, за исключеніемъ попытокъ въ героической поэзіи, которая возбуждала отвращеніе даже въ лучшихъ ея представителяхъ раньше, чѣмъ они долго занимались ей. Проза кое что потеряла, но она много и выиграла. Нація отъ эксцессовъ религіознаго и политическаго энтузіазма перешла къ нѣсколько матеріалистической обыденности, она начала приводить въ порядокъ свой домъ въ политическомъ, торговомъ и многихъ иныхъ отношеніяхъ. Она не чувствовала болѣе воодушевленія и не нуждалась въ выраженіи воодушевленія, но ей приходилось о многомъ подумать и о многомъ поговорить; и однимъ изъ ея дѣловыхъ занятій было созданіе формы для выраженія ея мыслей. И это было сдѣлано настолько послѣдовательно, что до настоящаго момента въ обычномъ прозаическомъ англійскомъ стилѣ не произошло крупныхъ измѣненій. Мода, конечно, дѣлала свое дѣло; время сдѣлало нѣкоторыя слова устарѣлыми, нѣкоторыя формы конструкціи сдѣлались архаическими. Въ колоритной прозѣ не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ экспериментовъ; многіе молодые писатели говорятъ и, можетъ быть, вѣрятъ, что произведены или имѣютъ быть скоро произведены радикальныя измѣненія. Но вообще говоря, хорошая обыденная прозаическая фразеологія въ послѣднюю четверть девятнадцатаго вѣка гораздо болѣе похожа на фразеологію послѣдней четверти семнадца-

таго, чѣмъ эта послѣдняя на среднюю прозу начала семнадцатаго вѣка.

Общественная жизнь.

Батесона.

ненормальное состояніе общества.

Очень трудно нарисовать вѣрную картину общественной жизни въ мирное время, и еще труднѣе во время войны. Если историкъ импрессіонистъ, онъ можетъ дать своему изображенію характеръ нереальнаго единства; если онъ любитъ точность, то его картинѣ будетъ недоставать широты и общности. Эти затрудненія представляются ему при изображеніи нормальныхъ жизненныхъ условій; въ тѣхъ же случаяхъ, когда гражданская война разрываетъ всѣ старыя установившіяся общественныя отношенія, когда раздѣлено не только общество, но и семьи, такъ что отецъ сражается съ сыномъ — тогда художникъ, не желая или не умѣя нарисовать вулканическій взрывъ, сдѣлаетъ изъ своей картины простое неясное пятно; но такое изображеніе тоже будетъ нереальнымъ. Общество не перестаетъ существовать и тогда, когда составляющія его группы измѣнились. Связи, заставляющія людей дѣйствовать, не какъ отдѣльныя, изолированныя единицы, а какъ члены единаго тѣла, усиливаются, а не ослабляются въ борьбѣ съ цѣлью подавленія мятежныхъ членовъ.

нравственная дисциплина въ арміи.

Правда, что «общественность» въ нѣкоторыхъ изъ легкихъ ея формъ въ такое время почти прекращается, а во времена Елисаветы и Іакова именно такая общественность, казалось, и составляла самую суть общества. Но пуританская революція доказала, что общество можетъ быть объединено, по крайней мѣрѣ на время, общей нравственной дисциплиной, которая требовала устраненія всѣхъ такъ называемыхъ общественныхъ увеселеній. Что такое время было непродолжительно, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что новая нравственность представлялась людямъ, нравственный уровень которыхъ оставался безъ измѣненія, дисциплиной чисто отрицательной. Этотъ періодъ времени былъ бы еще болѣе непродолжительнымъ, если бы даже многіе изъ роялистовъ не предпочитали дисциплину отрицательную полному отсутствію всякой дисциплины.

Энтузіазмъ, возбуждаемый во многихъ дисциплиной, доказывается исторіей парламентской арміи. Въ 1642 году всякій боролся за свою долю добычи, но два года спустя большинство англичанъ поняло важное значеніе дисциплинированнаго войска и дралось какъ бы охваченное какимъ то вдохновеніемъ. Королевская армія, сначала отличавшаяся лучшей воинской дисциплиной, въ концѣ концевъ терпѣла пораженія именно отъ недостатка въ нравственной дисциплинѣ,

несмотря на героизмъ отдѣльныхъ личностей, преданныхъ дѣлу короля до религіознаго воодушевленія. Роялисту сэру Варвику, когда онъ поздравлялъ парламентскаго генерала Ферфекса въ «регулярности и умѣренности его арміи», Ферфексъ откровенно отвѣтилъ (онъ, какъ говоритъ Варвикъ, «разумный человѣкъ и не фанатикъ»), что лучшіе его солдаты изъ арміи короля. «Вы сдѣлали ихъ хорошими солдатами, а я сдѣлалъ ихъ хорошими людьми» — добавилъ Ферфексъ. Въ спорѣ между однимъ роялистомъ и пуританиномъ роялистъ говоритъ: «въ нашей арміи много людского грѣха, пьянства и непотребства, а въ вашей много дьявольскихъ грѣховъ, духовной гордости и возмущенія». Храбрость у пьяницъ можетъ быть большая, но она не можетъ сравниться съ храбростью дьявола, опьяненнаго духовной гордостью.

Чиллингвортъ въ своей проповѣди предъ дворомъ въ Оксфордѣ имѣлъ смѣлость заявить, что «люди, защищающіе справедливое дѣло короля, рискуя своей жизнью и состояніемъ, своими божбами и ругательствами, своимъ пьянствомъ и распутствомъ, своей нерелигіозностью и кощунствомъ болѣе вредятъ своей партіи, чѣмъ могутъ принести ей пользы всѣми другими способами [1])».

Симмонсъ, священникъ «не новой, потрясенной, а старой, истинной церкви Англіи», писалъ: «да наступитъ день, когда всѣ увидѣли бы, что мы, приверженцы короля, настолько же ненавидимъ кощунство и гнусность нашихъ, какъ и измѣну и мятежность враговъ... Никогда доброе дѣло не имѣло такихъ недостойныхъ защитниковъ, такихъ ужасныхъ кощунственныхъ и злыхъ мерзавцевъ, какъ наше дѣло» [2]).

Извѣстные скандальные безпорядки конницы Горинга заставили вѣрное дворянство Сомерсетшира соединиться съ «Клубменами» для защиты своей собственности въ 1645 году. Принцъ Валлискій отправилъ нѣсколько «серьезныхъ писемъ» къ лорду Горингу, прося его «подавить и исправить вопіющіе безпорядки его арміи доброй дисциплиной и суровостью къ чудовищнымъ преступникамъ». Но серьезныя письма принца, пятнадцатилѣтняго мальчика, мало повліяли на Горинга, «постоянное веселое расположеніе духа котораго и игривость» не такъ-то легко уступали постороннимъ вліяніямъ [3]). Съ другой стороны самъ Кромвель и его офицеры «публично проповѣдывали своимъ войскамъ и молились съ ними, а солдаты и офицеры не только молились и проповѣдывали въ арміи, но всходили на кафедры во всѣхъ церквахъ и проповѣдывали предъ народомъ» [4]).

---

[1]) „Works“, III Цитир. у Гардинера: „Ciliv War“.

[2]) „Защита короля Карла“, 1647 г. у Санфорда; „Studies and Illustrations“.

[3]) Кларендона—History of Great Rebellion.

[4]) Ibid.

Офицеры поддерживали свои проповѣди дисциплиной. Въ приказахъ полковника Гутчинсона гарнизону Ноттингама штрафы за пьянство въ субботній день взимались не только съ пьяницъ, но и съ содержателей тавернъ; эти послѣдніе при повтореніи проступка утрачивали свои патенты. За пьянство послѣ девяти часовъ вечера, послѣ зари, налагается штрафъ въ 2 ш. 6 д., а за пьянство на квартирѣ послѣ зари въ 2 ш. Со всякаго пьянаго взимался штрафъ въ 5 ш., а также и съ продавшаго ему крѣпкіе напитки. За ругательства налагался штрафъ въ 3 д.

«Всякій, бездѣльно стоящій или бродящій по улицѣ во время проповѣди или играющій въ какую нибудь игру въ субботній день или въ постный день, платитъ полкроны или до уплаты штрафы подвергается заключенію въ тюрьмѣ»[1]).

Такъ какъ жалованье пѣхотнаго солдата было только 8 д. въ день, то подобные штрафы было не легко заплатить.

Нравственная дисциплина при республикѣ.

Граждане подвергались не менѣе суровой дисциплинѣ. Въ 1642 году были запрещены театральныя представленія и медвѣжьи бои, какъ неприличныя въ такія бурныя времена. Эвелинъ, 5 февраля 1647 года, пишетъ: «видѣлъ трагикомедію, послѣ того какъ въ теченіе многихъ лѣтъ во время войны не было подобныхъ представленій».

Въ томъ же году представленія были снова воспрещены; но въ 1656 году Давенантъ получилъ разрѣшеніе собирать деньги за увеселенія, состоявшія изъ декламаціи и музыки, развившіяся потомъ въ нѣчто вродѣ оперы. Полковникъ Прайдъ помогъ исполненію приказа о воспрещеніи медвѣжьихъ боевъ, собственноручно перебивъ нѣсколько медвѣдей. Пѣтушьи бои тоже были воспрещены. Правительство, воспрещая эти увеселенія, хотѣло уничтожить заговоры роялистовъ, составлявшіеся, какъ предполагали, въ этихъ многолюдныхъ сборищахъ. Джонъ Рересби, писавшій въ 1658 году, жалуется, что «теперь нѣтъ ни комедій, ни другихъ развлеченій, которые воспрещены не только потому, что они неблагочестивы, но и изъ страха, чтобы не собиралось много народа».

По мнѣнію роялистскихъ шутниковъ пуритане воспретили пѣтушьи бои потому, что «они считали для себя выгоднымъ не позволять ничего, что напоминало о битвѣ»[2]).

Въ 1644 году было предписано уничтожить всѣ майскіе столбы, воспрещены всѣ игры и увеселенія по воскресеньямъ и продажа всякихъ товаровъ. Воспрещая всякую работу, приказъ о соблюденіи воскреснаго дня объявлялъ, что эти воспрещенія «не распростра-

---

[1]) „Notes and Queries“ „Life“ полк. Гутчинсона.

[2]) Harl. Misc. III. См. статью „Firth'a въ Macmillan's Magazine, октябрь 1894 г., о взглядахъ Кромвеля на увеселенія.

няются на приготовленіе пищи въ семьяхъ» [1]). Въ томъ же году день Рождества Христова приходился въ пятницу, въ постный день пуританъ, и было рѣшено заставить соблюдать постъ. Въ другіе годы воспрещали украшать церкви или даже запирали ихъ, чтобы уничтожить всякое праздничанье и запретили лавочникамъ торговать [2]). Вмѣсто дней святыхъ въ 1647 году съ большой неохотой были установлены ежемѣсячные праздники «для учениковъ, слугъ и подмастерьевъ». Въ 1643 году когда лордъ мэръ угощалъ обѣ палаты парламента, не пили здравицъ [3]) и въ 1654 году обычай этотъ былъ воспрещенъ; за ругательства, игру и пьянство начали наказывать [4]). Когда въ 1655 году генералъ-маіоры вступили въ исполненіе своихъ полицейскихъ обязанностей, законы исполнялись очень строго. Уничтожены были скачки, актеровъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ плутовъ, изданъ былъ новый приказъ о печати, направленный спеціально противъ книгъ, содержавшихъ грубыя шутки и неприличія. Въ 1657 году всякаго игравшаго въ карты, кости, теннисъ, на билліардѣ или въ другія игры, штрафовали въ размѣрѣ двойнаго его выигрыша.

Въ 1647 году армія требовала, чтобы «на видныя и довѣренныя мѣста въ республикѣ назначались только люди, доказавшіе свою нравственную прямоту»; когда въ 1653 году Кромвель разогналъ Долгій парламентъ и армія захватила власть, люди, вродѣ распутнаго Генриха Мартена и пьяницы Чалопера, сошли со сцены [5]). Еще раньше одинъ изъ «благочестивыхъ» членовъ парламента предложилъ, чтобы «всѣ безнравственные и неблагочестивые люди были изгнаны изъ парламента»; Мартенъ всталъ и отвѣчалъ предложеніемъ «изгнать также и всѣхъ дураковъ, такъ что въ палатѣ немного останется». Много значило вліяніе жизни такихъ людей, какъ Кромвель, Ферфексъ, Флитвудъ, Иртонъ и Ламбертъ — мы называемъ только немногихъ изъ знаменитостей республики [6]). Многіе могутъ сомнѣваться, чтобы это вліяніе было значительнымъ и прочнымъ; но во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что до тѣхъ поръ, пока такіе люди были у власти, въ оффиціальныхъ сферахъ скрывали пороки, а не хвастались ими. Позже, когда одинъ другъ Карла 11 уговаривалъ его въ необходимости «покрайней мѣрѣ дѣлать видъ, что правительство религіозно и нравственно», онъ утверждалъ, что «именно это возвысило и поддерживало Оливера, хотя онъ былъ величайшій плутъ въ мірѣ [7]).

---

1) Ниля—„Puritans“.
2) 5-й Отчетъ Hist. MSS. Com. „Diary“ Эвелина, 25 дек. 1652.
3) Письма Брилліаны, лэди Гарлей изд. Камд. Общества.
4) Въ „Character of England“ здравицы описываются какъ обычай.
5) Статья о Мартенѣ въ Dict. Nat. Biog.
6) Обрея—Lives of Eminent Men.
7) Пеписъ изд. Брайбрука.

Роялисты слѣдовали примѣру Оливера и сдѣлались «столь регулярными въ жизни и примѣрными людьми во всемъ (хотя многіе изъ нихъ и пили ромъ не разбавляя его), что они обратили многихъ; если бы они слѣдовали тому же правилу послѣ возвращенія его величества, то, конечно, наше положеніе было бы лучше, чѣмъ въ настоящее время».

Это писалъ Варвикъ въ царствованіе Карла 11. Къ несчастію, многіе за границей обучались совсѣмъ другому и возвратились въ Англію, какъ типическій путешественникъ Эвелина, «съ лентами, перьями и романами, дерзкими, невѣжественными и распутными» [1]). Другіе жили въ провинціи, уединенной жизнью, чтобы избѣжать подозрѣній. Юный Джонъ Рересби нашелъ, что въ Лондонѣ невозможно получить джентльменское образованіе и рѣшился отправиться съ своимъ туторомъ путешествовать. Онъ писалъ: «живущіе въ городѣ или преданы мятежнымъ и еретическимъ суевѣріямъ нашего времени, или, наоборотъ, столь развратны, что молодому человѣку трудно не заразиться или ханжествомъ или развратомъ» [2]).

Нравы при республикѣ.

Онъ же писалъ, что граждане и народъ Лондона настолько впитали нравы и обычаи республики, что они не выносятъ вида джентльмена «и иначе не называютъ хорошо одѣтаго человѣка, какъ французской собакой» и тому подобное. По возвращеніи изъ путешествія Рересби его лакея избили на улицѣ за то, что онъ носилъ на шляпѣ перо (1658). М-съ Торнтонъ въ 1659 году писала, что «Ламбертъ хотѣлъ бы истребить священниковъ джентльменовъ или наиболѣе цивилизованныхъ людей общества» [3]). Такія утвержденія были выраженіемъ настроенія роялистовъ. Съ другой стороны искренніе республиканцы сожалѣли, что соціальная революція произвела такія незначительныя измѣненія въ этикѣ и общественныхъ отношеніяхъ. Самъ Кромвель въ 1644 году выражалъ надежду «дожить до того, чтобы въ Англіи не было ни одного дворянина»; но во время его протектората титулы были въ употребленіи и даже давались новыя баронетства.

Дворъ Кромвеля.

«Домъ его свѣтлости» и «дворъ его свѣтлости» содержались съ надлежащей пышностью. Кромвель отъ природы обладалъ царственнымъ, величіемъ, и какъ онъ ни былъ неопытенъ, его поведеніе никогда не возбуждало насмѣшекъ. Но далеко не всѣ выдающіеся люди обладали такимъ дарованіемъ, какъ Кромвель и его дѣти. М-съ Гутчинсонъ разсказываетъ, что жена новаго намѣстника Ирландіи «прошла мимо дочери Кромвеля, оставивъ такимъ образомъ лэди Иртонъ сзади себя (лэди Иртонъ, дочь Кромвеля, вдова бывшаго намѣстника) и послѣдняя, несмотря на ея скромность и благочестіе, была нѣсколько огорчена такимъ оскорбленіемъ».

1) Эвелинъ—Correspondences, 1647, 57 и 58 гг.
2) Рересби—Memoirs.
3) Ея „Автобіографія“.

Любопытно сопоставить разсказъ голландскихъ посланниковъ объ угощеніи ихъ протекторомъ въ 1654 году съ разсказами объ увеселеніяхъ и банкетахъ при дворѣ Стюартовъ. Они были приглашены на обѣдъ и въ половинѣ второго пріѣхали въ двухъ каретахъ. Въ Уайтголлѣ двѣнадцать трубачей привѣтствовали ихъ звуками трубъ. Посланники и Кромвель обѣдали за однимъ столомъ, а за другимъ сидѣли протекторша и посланницы. Во время обѣда играла музыка, а послѣ обѣда всѣ пѣли псаломъ. Передавая ноты псалма посланникамъ, «его свѣтлость замѣтилъ, что это лучшій документъ, которымъ они когда либо обмѣнивались. Насъ угостили прекрасно»—доносятъ посланники [1]).

Кромвель помѣстилъ въ Уайтголлѣ свою мать, гдѣ она и умерла въ 1654 году, девяноста лѣтъ отъ роду. Она не любила пышности и блеску и любовь ея къ сыну дѣлала ее несчастной. «Она была недовольна, если не видала его два раза въ день и не могла слышать пушечнаго выстрѣла, чтобы не воскликнуть; мой сынъ убитъ». Людлоу и республиканцы были недовольны церемоніями и большими издержками, съ которыми протекторъ похоронилъ свою мать на общественный счетъ [2]). Кавалеры и республиканцы шутили надъ скромнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ ей сыну и говорили, что послѣ ея смерти можно бы уменьшить налоги, такъ какъ протекторъ унаслѣдовалъ отъ нея 60 фунтовъ дохода. О женѣ Кромвеля извѣстно только то, что она была скромная женщина, хорошая хозяйка и добрая мать. За ея неизящныя манеры враги называли ее «Жоанной».

Страданія героизмъ женщинъ

Время было «безпокойнымъ и непріятнымъ» для всѣхъ. Арміи короля, парламента и шотландцевъ грабили всѣ графства. Тѣ, собственность которыхъ не была секвестрована, не могли собрать рентъ. Письма женщинъ, разставшихся съ мужьями и сыновьями и управлявшихъ за отсутствіемъ мущинъ хозяйствомъ, показываютъ намъ положеніе дѣлъ во время войны. Письма лэди Денбигъ, напр., разсказываютъ намъ о грустной жизни женщины, мужъ и сынъ которой дрались въ враждебныхъ арміяхъ. Тщетно пыталась она уговорить сына перейти на сторону того же дѣла, за которое стоялъ отецъ, и послѣ аргументовъ обращалась къ его нѣжности:

«О, мой дорогой сынъ, какъ бы я хотѣла, чтобы вы вернулись къ королю. Я не могу забыть, что у меня одинъ сынъ и надѣюсь когда нибудь снова увидать его. Я думаю, что вы поймете, что ваша мать любитъ и заботится о васъ больше всѣхъ другихъ и что она страдаетъ больше другихъ. Теперь я страдаю отъ горя больше, чѣмъ въ то время, когда я произвела васъ на свѣтъ».

Послѣ смерти мужа отъ руки враговъ она писала сыну:

---

1) Thurloe.
2) Нобль—Memoirs. Людлоу—Memoirs.

«О Господи Іисусе, вложи въ сердце моего сына мысль оставить дѣло этихъ безжалостныхъ людей, которые убили его отца. Теперь я думаю о нихъ съ ужасомъ, какъ раньше думала съ грустью. Дорогой сынъ, не забывайте моей мольбы и прощайте. Да благословитъ васъ Богъ. Ваша любящая мать»[1]).

Письма Брилліаны лэди Гарлей къ ея сыну Неду[2]) менѣе грустны, потому что, хотя ихъ продолжительная разлука огорчала ее, по сердцемъ они были соединены. Въ отсутствіе мужа и сына она управляла Брамптонскимъ помѣстьемъ; при приближеніи опасности сосѣди-пуритане искали безопасности въ ея замкѣ. Она постоянно писала мужу, прося его разрѣшенія покинуть замокъ, которому, какъ она знала, угрожала осада; но когда онъ въ отвѣтъ убѣждалъ ее остаться, она 15 іюля 1643 года писала ему:

«Такъ какъ вы считаете Брамптонъ безопаснымъ для меня мѣстомъ, то и я думаю тоже, и я ни за что на свѣтѣ не захотѣла бы поступить такъ, чтобы люди думали, будто наша надежда на Бога колеблется. Пожалуйста, пришлите мнѣ распоряженія, что мнѣ дѣлать, если будутъ какія нибудь безпокойства. Я не хотѣла бы, чтобы сюда пріѣхалъ Недъ Гарлей, потому что я считаю его въ большей безопасности тамъ, гдѣ онъ «находится»[3]).

«Безпокойства» скоро наступили; 25 іюля началась шестинедѣльная осада замка. Лэди скончалась въ октябрѣ. Она могла, если это было нужно, командовать гарнизономъ, но изъ ея писемъ къ сыну видно, что она предпочитала печь пироги и лепешки, чтобы посылать ихъ къ мужу и ея «дорогому Неду», которому она посылала также пудру для волосъ, платки и домашніе чулки. Съ такимъ же героизмомъ защищали свои замки лэди Дерби въ Латомъ Гоузѣ, лэди Банксъ въ Корфъ Кэстлѣ и лэди Арундель въ Вардоурѣ. Менѣе извѣстна защита м-съ Пюрфой ея жилища, на которое напалъ принцъ Рупертъ съ отрядомъ въ 500 человѣкъ. Единственными мужчинами въ домѣ были ея зять и трое слугъ. Имъ помогали м-съ Пюрфой, ея дочери и три дѣвушки, и этотъ маленькій гарнизонъ, вооруженный двѣнадцатью мушкетами, застрѣлилъ трехъ капитановъ и пятнадцать солдатъ. Принцъ Рупертъ былъ такъ пораженъ ихъ храбростью, что далъ имъ пощаду и не ограбилъ домъ[4]).

Анна Мюррей. Другого рода былъ героизмъ Анны Мюррей, впослѣдствіи лэди Галькетъ. Она ухаживала за больными. Она начала свою дѣятельность въ воскресенье утромъ, 8 сентября 1650 года, когда въ домъ, гдѣ она жила, черезъ пять дней послѣ битвы при Денбарѣ, принесли нѣсколькихъ раненыхъ. Ночью съ Воскресенья на понедѣльникъ она

---

1) Hist. MSS. Commis. App. to Fourth Report.
2) Изд. Камденскаго Общества.
3) Fourteenth Report Hist.MSS. Com.
4) Уэббъ—Memorials of the Civil War.

писала: «Я думаю, что не меньше тридцати человѣкъ перевязано мной, моими женщинами и Ар. Ро, (мужчиной), который перевязывалъ тѣхъ, которыхъ мнѣ было неприлично; кромѣ пластыря и бальзама, я дала всѣмъ перевязокъ на три или четыре раза, потому что я припасла все необходимое для этого, ожидая, что все это пригодится».

Ея слуга мужчина, увидавъ человѣка съ разбитымъ черепомъ, воскликнулъ: «ну, этотъ поконченъ». Раненый, до тѣхъ поръ державшійся храбро, потерялъ присутствіе духа, но Анна утѣшила его и онъ хорошо выдержалъ перевязку, потому что она «дала ему нѣчто для укрѣпленія» въ видѣ религіознаго поученія и совѣта и онъ поправился. Нѣкоторые изъ раненныхъ были такъ долго не перевязаны, разсказываетъ Анна, что «другіе считали ихъ непріятными; и въ особенности у одного рана была такая, что никто не могъ быть въ его комнатѣ. Случайно пришелъ одинъ джентльменъ и видя, что я (не безъ колебанія) разрѣзываю рукавъ его куртки, былъ такъ милостивъ, что взялъ ножъ, отрѣзалъ рукавъ и бросилъ его въ огонь».

Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «если необходимо, я разскажу вамъ потомъ» о томъ, какъ она лечила дѣвушку, которая «въ теченіи трехъ лѣтъ была сумашедшей» и женщину съ лупусомъ, мужчину съ зобомъ. Когда получилось извѣстіе, что ея женихъ внезапно женился на другой, она писала:

«Кинувшись на кровать, я сказала себѣ: неужели я страдала такъ много за подобнаго человѣка? Такъ какъ онъ оказался недостойнымъ моей любви, то онъ недостоинъ и моего гнѣва и сожалѣнія. И тотчасъ же встала и вышла въ залу къ обѣду такъ беззаботно, какъ будто я никогда не интересовалась имъ и не теряла его».

Героиня была, однако, доступна чувству женской трусости. Однажды, испуганная непріятнымъ брачнымъ предложеніемъ, на вопросъ: замужемъ ли она?—она отвѣтила громко: да! (прости мнѣ, Господи, мою ложь), а тайно про себя сказала: нѣтъ! [1]).

Герцогиня Ньюкэстль сурово отзывается о женщинахъ, посѣщавшихъ парламентъ и комитеты для возвращенія себѣ помѣстій, «бѣгавшихъ по своимъ дѣламъ, жаловавшихся на свои обиды и клянувшихъ своихъ враговъ». Насколько горестны были такія хлопоты для нѣкоторыхъ женщинъ, это доказывается письмами лэди Мэри Верней къ ея изгнаннику-мужу [2]).

Въ болѣе скромныхъ общественныхъ кругахъ духовный опытъ обращенныхъ поглощалъ всю душу женщинъ и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались проповѣдницами [3]). Буніанъ, услыхавъ трехъ или четы-

[1]) „Автобіографія", изд. Камденскаго Общества.
[2]) Изданіе лэди Фрэнсизъ Верней.
[3]) Кларендонъ.

рехъ бѣдныхъ женщинъ, «сидѣвшихъ на солнцѣ у дверей и говорившихъ о божественномъ такъ, что въ словахъ ихъ было видно ихъ глубокое знаніе изобильной милости Божіей», понялъ, что самъ онъ «только ничтожный лицемѣръ», хотя и «ловкій болтунъ» о дѣлахъ религіи.

«Я слушалъ ихъ, но не понималъ, потому что онѣ были много выше меня, выше моего пониманія. Онѣ говорили о новомъ рожденіи, о дѣлѣ Божіемъ въ ихъ сердцахъ. Онѣ разсуждали о нечестивости ихъ сердецъ, объ ихъ невѣріи; онѣ презирали, оскорбляли, ужасались ихъ собственной правоты, какъ грязной и недостаточной для ихъ спасенія. И мнѣ казалось, что такъ говорить училъ ихъ самъ Іисусъ; съ такой пріятностью говорили онѣ словами Писанія, что мнѣ казалось, что онѣ нашли новый міръ, что онѣ живутъ въ этомъ мірѣ».

Въ эту эпоху женщины могли добиться и добивались того уваженія, съ которымъ относились къ нимъ пуритане; но эта эпоха не была эпохой умственнаго прогресса. Республика и не заботилась о развитіи умственныхъ силъ, ни у мужчинъ, ни у женщинъ [1]). Письма многихъ женщинъ доказываютъ, какъ мало умственныхъ интересовъ было въ ихъ жизни; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ писали такъ, что было очевидно, что время имъ представляется «непріятнымъ» только потому, что онѣ получали меньше карманныхъ денегъ [2]). Нѣкоторыя изъ нихъ совсѣмъ не заботились о событіяхъ, заставившихъ многихъ изъ ихъ друзей уйти въ изгнаніе и только о томъ и заботились, чтобы заставить этихъ изгнанниковъ, жившихъ въ Парижѣ, закупать имъ наряды. У Вернеевъ, напр., просили: «не можете ли вы купить мнѣ красивой цвѣтной матеріи на кофту, 4 аршина сатина будетъ достаточно; я никогда не употребляю болѣе пяти ярдовъ... я слышала, что теперь во Франціи носятъ цвѣтные рукава и передники, потому надо и на это прибавить нѣсколько. Я хотѣла бы, чтобы это стоило не очень дорого, 4 или 5 фунт... и, дорогая, прошу васъ, истратьте шиллинговъ тридцать на что нибудь хорошенькое для головы, для моихъ выѣздовъ».

Женскій костюмъ. Сусанна Верней разсказываетъ брату о дешевомъ платьѣ изъ «очень грубой матеріи», стоющемъ только сорокъ шиллинговъ, «со счетомъ портного и отдѣлкой». Моды въ то время были упрощены. Дамы носили гладкія кофты впереди вышитыя, большія пелерины (tippets) или платки, простыя юбки, иногда съ панье, широкіе и короткіе рукава и темные батистовые, или кружевные рукавчики и воротнички. Въ 1654 году пелерины вышли изъ моды и начали вмѣсто нихъ носить мѣха. Одна изъ дамъ изъ семьи Гаттоновъ заплатила

---

[1]) Гардинеръ—Civil War.

[2]) См. письма Вернеевъ.

за муфту и манто 40 фунт. [1]). При выходѣ изъ дому женщины носили бобровыя шапки или черные капоры и головные платки, подвязываемые подъ подбородкомъ.

Мужской костюмъ.

Мужской костюмъ былъ еще довольно красивымъ, потому что въ первую половину этого періода продолжали носить болѣе простыя изъ одеждъ кавалеровъ. На изображеніи кавалера 1646 года [2]) на немъ шляпа формы опрокинутаго цвѣточнаго вазона, безъ широкихъ полей, бывшихъ до сихъ поръ въ модѣ. Въ текстѣ объяснены подробности костюма. Перо прикрѣплялось къ краю шляпы и висѣло, какъ лисій хвостъ. Кругомъ шляпы ремень изъ телячьей кожи и ленты. Въ длинныхъ волосахъ вплетались ленты. На лицѣ мушки и у кавалера усы. Подбородокъ выдавшійся и на ходу кавалеръ напѣваетъ. Лента или галстухъ развѣвается спереди и перевязанъ большимъ шнуркомъ, продѣтымъ въ кольцо. Камзолъ или сюртукъ на половину разстегнутъ также, какъ и рукава, чтобы были видны кружевные рукавчики и манжеты. Рубаха виднѣется между камзоломъ и штанами; на штанахъ у колѣнъ множество бантовъ или аксельбантовъ (points или tags). По сторонамъ штановъ и спереди пучки лентъ. На кавалерѣ широкіе чулки ((hose-tops), перевязанные по срединѣ икры, длинные какъ рукава и къ концамъ двойные, вродѣ брыжжей. Концы сапогъ широкіе и обращенные къ низу до уровня шпоръ; эти концы вышитые; «у него большіе шпоры, звенящіе точно у танцора». Подошва сапогъ выдается впередъ на два дюйма и на концахъ она квадратная. Громадная величина обуви дѣлаетъ его походку неровной, колеблющейся; въ рукѣ у него палка, на боку мечъ, а на плечѣ онъ несетъ плащъ. Пуритане носили широкополыя шляпы или бобровыя высокія остроконечныя шапки. Плащи они носили короткіе, а камзолы длиннѣе чѣмъ у кавалеровъ и закрывающіе рубахи. На штанахъ не носили ни лентъ, ни кружевъ, ни эксельбантовъ. Сапоги похожи на теперешніе сапоги для верховой ѣзды. При республикѣ на нѣкоторое время мода носить мечи была оставлена, но въ 1658 году джентльмены снова начали носить ихъ, такъ какъ безъ нихъ человѣкъ похожъ на «деревенщину» [3]). При провозглашеніи республики всѣ руководители общественнаго мнѣнія были согласны относительно того, какой костюмъ пригоденъ въ обыкновенное время и какой нуженъ для празднествъ. Генералъ маіоръ Гаррисонъ упрекалъ полковника Гётчинсона за то, что онъ носитъ темный сюртукъ, вышитый золотомъ и серебромъ и такими же пуговицами; жена полковника называетъ такой костюмъ «довольно богатымъ, но серьезнымъ—и другого онъ обыкновенно не носилъ».

---

[1]) Hatton Correspondence—изд. Камденскаго Общества.
[2]) Аштонъ—Satire in Seventeenth Century.
[3]) Hatton Correspondence.

Гаррисонъ замѣчаетъ, что «золото, серебро и свѣтская пышность неприличны святымъ». На другой день былъ пріемъ у испанскаго посла и на этотъ разъ Гётчинсонъ и другіе джентльмены явились въ простомъ черномъ костюмѣ, а Гаррисонъ, напротивъ, пріѣхалъ «въ пунсовыхъ сюртукѣ и плащѣ, расшитыхъ золотой и серебренной парчей, а сюртукъ былъ настолько покрытъ блестящими платинками (foil, clinquant), что было не видно матеріи».

Интересъ къ политикѣ. Республиканцы, лишенные всякихъ развлеченій, интересовались исключительно религіозными, политическими и соціальными вопросами; въ ренсковыхъ погребахъ, а къ концу періода въ кофейняхъ, происходили формальные политическіе дебаты. Главнымъ изъ политическихъ писателей республики былъ Джемсъ Гаррингтонъ, авторъ «Oceana». «Этотъ остроумный трактатъ и красивыя рѣчи автора и Невилля ежедневно доставляютъ имъ въ кофейняхъ прозелитовъ». Въ 1659 году «его ученики и virtuosi» (диллетанты) каждый вечеръ собирались въ кофейнѣ подъ вывѣской «Головы Турка» и засѣдали вокругъ овальнаго стола съ проходомъ по срединѣ для хозяина, подававшаго кофе. Разсужденія въ парламентѣ были скучными по сравненію съ его рѣчами [1]). По показанію Эвелина даже проповѣди были «спекулятивными и національными», такъ что онъ предпочиталъ по воскресеньямъ сидѣть съ семьей дома и поучать и проповѣдывать ей по своему вкусу [2]).

Газеты. Общественный интересъ къ политическимъ событіямъ повелъ къ увеличенію количества газетъ. Письма и памфлеты въ теченіе многихъ лѣтъ расходились сильно. Натаніэль Буттеръ Лондонскій продавецъ писчебумажныхъ принадлежностей, вмѣстѣ съ Томасомъ Арчеромъ начали издавать 23 мая 1622 года еженедѣльную газету: «Еженедѣльныя извѣстія изъ Италіи, Германіи и пр.» 25 сентября того же года Буттеръ и Шеффордъ выпустили первую ежедневную газету: «Извѣстія изъ большей части странъ Христіанства». Листы, издаваемые подъ различными заголовками, считались уже подъ номерами; листъ 12 мая 1623 года имѣетъ № (31). Къ несчастію, сохранились немногіе номера [3]).

Жажда новостей быстро распространялась и въ 1625 году была поставлена на сцену пьеса Джонсона: «Складъ новостей», осмѣивающая эту жажду, причемъ въ пьесѣ были личныя нападенія на Буттера. Донне въ 1626 году говоритъ: «можетъ быть, вы не такъ ужъ плохи, какъ ваша газета; а она съ увѣренностью разсказываетъ намъ, что герцогъ Брауншвейгскій умеръ».

Въ ноябрѣ 1641 года былъ изданъ въ формѣ газеты первый

---

1) Обрей.
2) Эвелинъ—Diary, 19 августа 1655 г.
3) Статья: Butter—Сиднея Ли въ Dict. Nat. Biog.

отчетъ о засѣданіяхъ парламента и на улицахъ выкрикивали о Великой Ремонстранціи [1]). Во время гражданской войны между журналистами была сильная конкуренція и каждая изъ партій имѣла свой органъ. Газета роялистовъ (Mercurius Aulicus) издаваемая Биркенгидомъ, начала выходить еженедѣльно въ Оксфордѣ въ 1643 году. Главной ея задачей было осмѣяніе пуританъ и парламента; съ литературной стороны она была хороша, но извѣстія ея недостовѣрны [2]). Въ Лондонѣ печатались пятнадцать или двадцать еженедѣльныхъ парламентскихъ газетъ. Въ числѣ ихъ были Mercurius Britannicus, издавался Марчмонтомъ Нидгамомъ, съ августа 1843 года; Mercurius Veridicus, Kindom's Weekly Intelligencer и Weekly Post. Въ нихъ было много преувеличенныхъ разсказовъ о злодѣяніяхъ кавалеровъ; но обыкновенно конкуренція заставляла газетчиковъ заботиться о вѣрныхъ свѣдѣніяхъ. Въ сентябрѣ 1647 года Нидгамъ измѣнилъ знамя и началъ издавать въ Лондонѣ роялистскую газету Mercurius Pragmaticus, существовавшую долго. Большинство же газетъ было недолговѣчно. Въ теченіе времени отъ 1642 до 1649 года издавалось не меньше 170 еженедѣльныхъ газетъ, главнымъ образомъ въ Лондонѣ [3]). Въ 1649 году лица, получившія разрѣшенія на основаніи акта Брадшоу, начали издавать новыя газеты, субсидируемыя правительствомъ и офиціальныя. Главной изъ нихъ былъ Mercurius Politicus, Марчмонта Нидгама, «въ защиту республики и для сообщенія свѣдѣній народу», съ значительной приправой литературнаго мошенничества.

Частныя лица, заботясь о своей репутаціи, платили журналистамъ. М—съ Гутчинсонъ сообщаетъ о расходахъ Желля; за то, чтобы о немъ еженедѣльно упоминали въ газетахъ «онъ платилъ пенсіи газетчикамъ» [4]). Объявленія.

Кромѣ политическихъ свѣдѣній, личныхъ нападокъ и непристойностей газеты начали печатать и объявленія. Такъ въ Public Advertiser, вторникъ, 16 іюня 1657 года, напечатано:

«Въ Бишопсгэтъ Стритѣ, въ Главной Аллеѣ Королевы, въ домѣ Френчмана продается превосходный напитокъ изъ Вестиндіи, называемый шоколатомъ; тамъ можно получать его во всякое время готовымъ, а также недѣланымъ по дешевымъ цѣнамъ».

Въ 1658 году въ Mercurius Politicus были объявленія о книгахъ, о вознагражденіи за потерянныя вещи, о времени отхода дилижансовъ и о чаѣ:

«Превосходный, всѣми медиками одобряемый китайскій напитокъ

[1]) Уэббъ—Memorials.

[2]) Гардинеръ—Civil War. Статья—Birkenhead—въ Dict. Nat. Biog.

[3]) Массонъ—„Milton“. Николь—Literary Anecdotes. Грантъ—The Newspaper Press.

[4]) Colonel Hutchinson's Life.

называемый китайцами Ча, другими націями Тау, иначе Тее, продается въ Головѣ Султанши, кофейнѣ въ Суитингсъ-Рентсъ, близъ Королевской биржи, въ Лондонѣ».

Первая кофейня была открыта въ 1652 году грекомъ, въ Аллеѣ св. Михаила, въ Корнгиллѣ.

Дилижансы и кэбы.

Другимъ фактомъ, сильно измѣнившимъ общественную жизнь, было введеніе въ апрѣлѣ 1658 года дилижансовъ. Въ газетахъ было объявлено, что дилижансъ будетъ отправляться изъ Георгъ-Инна, за Альдерсгэтъ, каждые понедѣльникъ, среду и пятницу и будетъ черезъ два дня приходить въ Салисбюри, цѣна 1 фунтъ. До Іорка или Эксетера дилижансъ ходилъ четыре дня, цѣна 2 фун. Въ Нью кэстль дилижансъ отходилъ по понедѣльникамъ, цѣна 3 фун. Объявлялось также объ отходѣ дилижансовъ въ Уэкфильдъ, Дургамъ, Донкастеръ и Стамфордъ [1]). Раньше годомъ была реорганизована и удешевлена почта [2]).

Въ тоже время сдѣлались популярными кэбы. По показанію автора Character of England [3]) (1659) дѣти бросали грязью въ частныя кареты. «Извощики, владычествующіе въ Лондонѣ на улицахъ, опрокидываютъ «чортовы повозки» (какъ они называютъ кареты) и ругаются и смѣются надъ дворянами. Таковы естественныя слѣдствія равенства, народнаго своеволія и нравовъ островитянъ».

Сады и Гайдъ-паркъ.

Въ этотъ вѣкъ равенства «поле близъ города, называемое Гайдъ-паркомъ» въ 621 акръ, популярное мѣсто скачекъ и прогулокъ модныхъ людей въ царствованіе Карла I, было продано въ 1652 году за «чистыя деньги» оно было раздѣлено на три участка и продано за 17,068 ф. 6 ш. 8 д. При реставраціи покупатели были вынуждены возвратить участки коронѣ и не получили вознагражденія. Покупатель участка, гдѣ были скачки (Ring), отдалъ ихъ въ аренду компаніи, собиравшей пошлину съ каретъ катающихся. Въ офиціальной газетѣ Several Proceedings за недѣлю отъ 27 апрѣля до 4 мая 1654 года сказано, что 1 мая былъ «большой съѣздъ въ Гайдъ-паркѣ, нѣсколько сотенъ богатыхъ каретъ и разодѣтые франты, но все позорные, напудренные мужчины и раскрашенныя женщины». Ни его Свѣтлость лордъ протекторъ, ни лорды совѣта тамъ не были.

Изъ другой газеты извѣстно, что Кромвель былъ тамъ и смотрѣлъ на игры въ мячъ [4]). Онъ тамъ катался на шестеркѣ и самъ правилъ и разъ, черезъ чуръ нахлестывая лошадей, упалъ изъ экипажа и чуть не убился [5]). Въ томъ же году, по разсказу Эвелина,

---

1) Грантъ—Hrisfory of Press.
2) См. ниже.
3) Сочиненіе, приписываемое Эвелину.
4) Ларфордъ—London Parks.
5) Thurloe—State Papers.

Кромвель и его приверженцы захватили и заперли Весенній садъ (Spring Garden), находившійся между садами дворца Ст. Джемса и Уитголлемъ, оставивъ знатнымъ людямъ только садъ Мюльберри (въ настоящее время садъ дворца Букингама), гдѣ ихъ сильно надували (особенно тортами) [1]).

Мѣры, принимаемыя правительствомъ Кромвеля, были не всегда героическими; но во всѣхъ его распоряженіяхъ, крупныхъ и мелкихъ, видно, что это было такое общество, когда для публики приводился въ исполненіе совѣтъ: «если твоя рука соблазняетъ тебя, отрѣжь ее». Это совѣтъ, даваемый героями трусамъ, но приводимый въ исполненіе только героями.

Шотландія.

Кольвиля.

Торжественная Лига и Ковенантъ и Вестминстерское собраніе были результатомъ соединенія сердецъ, скрѣпленнаго побѣдой при Дунсъ-Лау. На основаніи Лиги и Ковенанта Лесли и его ветераны перешли Твидъ (1643) и сыграли не маловажную роль при Марстонъ-Мурѣ, но потомъ должны были удалиться (1647), какъ гости, черезъ чуръ долго засидѣвшіеся у гостепріимнаго хозяина. Въ Вестминстерскомъ собраніи его организаторы видѣли средство обузданія звѣря прелатства и папизма и средство воздвигнуть на развалинахъ ихъ знамя пресвитеріанства. Результаты въ обоихъ случаяхъ были уничтожены еще болѣе рѣшительными и послѣдовательными индепендентами. На сѣверѣ и мало понимали и еще менѣе цѣнили послѣдовательный республиканизмъ. Нигдѣ осужденное дѣло королевской власти не находило столь преданныхъ жертвъ, какъ въ Шотландіи, но эти жертвы только ускорили паденіе шотландской независимости въ битвѣ при Флодденѣ. Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ Кромвель давилъ горло Шотландіи, что принесло пользу многому полезному и честному; но такое суровое управленіе, какимъ было управленіе Кромвеля, породило упадокъ національной жизни, сдѣлавшій возможнымъ деспотизмъ позднѣйшихъ Стюартовъ.

Пресвитеріанство.

Прелатство было безнадежно потрясено на сѣверѣ и дискредитировано на югѣ, гдѣ многіе были расположены къ пресвитеріанству. Мильтонъ въ то время еще не говорилъ, что «пресвитеръ тотъ же попъ, только иначе написанный» Пѣвецъ «Ликидасъ» былъ дру-

---

[1]) Эвелинъ—Diary, 10 мая 1654 г.

жески расположенъ къ церкви своего шотландскаго учителя Юнга. Одинъ изъ его Smectymnuans (въ Lycidas—Мильтона) былъ комиссаръ парламента, «мастеръ Стевинъ Мершель», англійскій проповѣдникъ, сдѣлавшійся гражданиномъ Стирлинга въ 1642 году, вмѣстѣ съ лордомъ Арчибальдомъ Лорнъ и сэромъ Генрихомъ Ваномъ. Руководители Вестминстерскаго собранія, Гендерсонъ и Джонстонъ, выражали настроеніе общества, когда, рѣшившись отстаивать дѣло парламента, составили религіозный ковенантъ. Гендерсонъ былъ настолько государственнымъ человѣкомъ, что не ожидалъ очень многаго. «Работая для реформы церкви Англіи, мы не думаемъ, чтобы она приняла нашу форму (церкви). Нужно создать новую для всѣхъ». Вестминстерское собраніе было необходимымъ дополненіемъ Торжественной Лиги; и та и другая были временными мѣрами. Лига, въ отличіе отъ внезапнаго и единодушнаго требованія всего народа, отъ Національнаго Ковенанта, была узкой, доктринерской и пропагандистской. Гопъ, ловкій защитникъ короля, выразилъ «сомнѣнія относительно Лиги, потому что онъ, какъ подданный Шотландіи, не можетъ быть обязанъ поддерживать парламентъ и свободы другого королевства». Иниціаторы Лиги, ставя все на карту, не предвидѣли Дёнбара и Ворчестера. Шотландія отправила на Вестминстерское собраніе лучшихъ своихъ сыновъ; Байлли, живой хроникеръ Шотландіи, писалъ въ началѣ Джонстону, чтобы «выслали сильный комитетъ, который могъ бы руководить всѣми дѣлами церкви и государства», наивно прибавляя: «сожгите это письмо, если не захотите сохранить его и сказать, что оно сожжено». Но позже и онъ увидалъ затрудненія. «Мы ожидаемъ такихъ затрудненій отъ индепендентства, что намѣрены не мѣшать ему, пока Богу не угодно будетъ привести ближе нашу армію, что, какъ мы ожидаемъ, много поможетъ нашимъ аргументамъ». Байлли пришлось разочароваться. Гражданская война не обращаетъ вниманія на богослововъ и на богословіе. Тѣмъ не менѣе было бы трудно преувеличить вліяніе Вестминстерскаго собранія на общественную жизнь Шотландіи. Его символъ вѣры согласовался съ общимъ направленіемъ христіанскаго ученія, принятый имъ ритуалъ согласовался съ національнымъ шотландскимъ характеромъ, его катехизисъ долго служилъ средствомъ обученія шотландцевъ логикѣ. Его псалмодія, бывшая созданіемъ англичанина, тѣмъ не менѣе по ея популярности въ послѣдующихъ поколѣніяхъ можетъ сравниться только съ народной поэзіей.

Монтрозъ. Еще до окончанія Вестминстерскаго собранія два крупныя роялистскія движенія глубоко взволновали Шотландію, Монтрозъ, самъ не бывшій горцемъ, обладалъ всѣми качествами для того, чтобы быть вождемъ полудикихъ сѣверныхъ грабителей. Появляясь то тамъ, то тутъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, прокармливая своихъ полуголыхъ солдатъ, дикихъ горцевъ и еще болѣе дикихъ ирланд-

цевъ, грабежемъ, точно стаю голодныхъ волковъ, довѣряя всегда кинжалу, щиту и пикамъ, пополняя свой небольшой запасъ оружія луками и стрѣлами, а свою незначительную конницу быстроногими сынами горной Шотландіи, онъ разбивалъ слабые отряды ковенантеровъ и вносилъ отчаяніе въ дома многихъ честныхъ «синихъ шапокъ». Наконецъ, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ привлечь къ своему дѣлу Гордоновъ и завладѣть хоть одной крѣпостью, отлученный киркой, ненавидимый крестьянствомъ, которое онъ разорялъ и горожанами, которыхъ грабилъ, онъ двинулся къ югу, чтобы соединиться съ англійскими роялистами. Дѣло при Филифогѣ (1645) доказываетъ недовѣріе къ нему и его военную неспособность, такъ какъ онъ зналъ, что его побѣдитель Давидъ Лесли приближается. Побѣда отправила его въ изгнаніе и на голову его послѣдователей пало мщеніе ковенантеровъ, слишкомъ хорошо помнившихъ объ Инверлохи, Ольдирнѣ и Кильсайтѣ. Любящіе военный шумъ историки придавали черезъ чуръ большое значеніе этой партизанской войнѣ.

Въ сочиненіяхъ такихъ авторовъ, какъ Вишартъ, Гутри, Нэпиръ и Айтоунъ мы видимъ только романическую сторону этаго возстанія. Но читая отчеты бурговъ и дневники, написанные въ виду суровой дѣйствительности, мы съ сердечной болью слѣдимъ за печальнымъ повѣствованіемъ о похищеніяхъ, грабежахъ, воровствѣ, пожарахъ и разныхъ неестественныхъ ужасахъ. Долго послѣ этаго многіе бурги просили у Штатовъ сожалѣнія къ ихъ «разоренію этимъ отлученнымъ мятежникомъ Джемсомъ Грагагомъ".

Выдача короля.

Дѣло короля было безнадежнымъ послѣ неудачи его преданныхъ полководцевъ Ормонда и Монтроза, и онъ отдался шотландцамъ при Ньюаркѣ и отъ нихъ перешелъ въ руки сектантовъ. Салмазіусъ, съ большей рѣзкостью, чѣмъ правдивостью, говорилъ: «пресвитеріане держали короля до тѣхъ поръ, пока индепенденты не перерѣзали ему горла».

Бокль открыто называетъ все дѣло продажей, доказывая это мнѣніе непровѣренными источниками. Вопросъ тутъ смѣшивается съ вопросомъ объ уплатѣ вознагражденія; но этотъ послѣдній вопросъ былъ рѣшенъ въ августѣ 1645 года, уплата была вотирована въ началѣ сентября, а переговоры относительно выдачи короля были закончены только къ слѣдующему январю. Только черезъ мѣсяцъ послѣ рѣшенія вопроса объ уплатѣ вознагражденія парламентъ потребовалъ выдачи короля. Да и самъ король постоянно выражалъ желаніе быть близко къ своему парламенту. При разсмотрѣніи всего этого дѣла Галламъ и даже роялистъ Георгъ Макензи совершенно оправдываютъ шотландцевъ, пожертвованія которыхъ въ пользу этого недостойнаго рода Стюартовъ были столь значительными. Байлли, проведшій съ Карломъ въ Ньюкэстлѣ восемь или девять

дней, не рѣшился влiять на него, видя «его несчастное своеволiе и тѣ злокозненныя его орудiя, которыя поддерживали его въ его безумiи».

Умѣренные. Гамильтонъ, постоянный соперникъ Монтроза, подражалъ ему и подвергся той же судьбѣ. Штаты, теперь вполнѣ находившiеся въ рукахъ умѣренныхъ, желавшихъ соглашенiя съ королемъ и полагавшихъ, вмѣстѣ съ Байлли, что «большинство англичанъ давно утомились парламентомъ и всегда ненавидѣли сектантовъ», собрали самую большую изъ когда либо выставленныхъ Шотландiей армiю. Этому сильно противилась крайняя партiя господствовавшая въ Общемъ собранiи. Умѣренные («поручители»,—engagers) не имѣли никакого состраданiя къ западнымъ графствамъ и графствамъ, принявшимъ Ковенантъ, и такiя мѣста, какъ Линакръ и Гласко, сильно пострадали отъ движенiя, ринувшагося къ югу, какъ мстительная лавина, мимо Думфри и Карлиля и позорно разбитая Кромвелемъ при Престонѣ.

Расколъ въ партiи ковенантеровъ. Это движенiе (Engagement) было первымъ расколомъ въ общемъ движенiи ковенантеровъ. Въ первое время Нацiональнаго ковенанта столица и западныя графства нижней Шотландiи управляли движенiемъ. Теперь управленiе имъ перешло къ западнымъ холмистымъ графствамъ, настоящимъ «протестующимъ» (protesters) противъ «злокозненныхъ (malignants) и вѣрнымъ приверженцамъ «голубого знамени». Изъ этихъ то элементовъ коварный Аржиль и Джонстонъ организовали набѣгъ (Whigamore Raid) на Эдинбургъ, смѣлый переворотъ, замѣнившiй слабые Штаты, устроившiе вышеупомянутое «поручительство» (Engagament) собранiемъ, управляемымъ вождями крайнихъ, въ согласiи съ индепендентами. Они просили совѣтовъ у Кромвеля, въ то время находившагося въ Бервикѣ (октябрь 1648) и въ три дня устроили республиканское управленiе. «Ордонансу о самоотреченiи» англiйскаго парламента соотвѣтствовалъ «Актъ Классовъ», очистившiй всю бюрократiю отъ всякихъ слѣдовъ «злокозненности» и умѣренности, отдѣливъ добрыхъ ковенантеровъ отъ дурныхъ. Вакантныя должности были замѣщены, не обращая никакого вниманiя на королевскую власть и такимъ образомъ были уничтожены всякiе остатки королевской прерогативы. Но смерть короля быстро вызвала реакцiю. Тѣмъ не менѣе несмотря на провозглашенiе королемъ Карла 11, на конференцiи въ Гагѣ, на высадку Карла въ Шотландiи и коронованiе его въ Сконѣ, западные виги отказывались имѣть дѣло съ королемъ, не принявшимъ ковенанта.

Казнь Монтроза. Съ Карломъ вернулся и Монтрозъ; онъ былъ готовъ на всякое смѣлое дѣло; но коммиссары въ Гагѣ потребовали, чтобы король покинулъ его какъ недостойнаго приближаться къ его особѣ и находиться въ обществѣ честныхъ людей. Ланерикъ (или Гамильтонъ) отказался быть съ нимъ въ одной комнатѣ, даже въ присутствiи

короля. Кларендонъ разсказываетъ о разговорѣ съ Лаудердалемъ, въ которомъ выражаетъ самое суровое осужденіе Монтроза. И все это время двуличный и лживый король писалъ ему: «не смущайтесь разсказами, будто я теперь иначе отношусь къ пресвитеріанству, чѣмъ въ то время, когда мы разстались съ вами. Я держусь тѣхъ же самыхъ принциповъ и настолько же, какъ и раньше, довѣряю вашей предпріимчивости и попыткамъ въ мою пользу». Для многихъ фальшивость короля была очевидна въ то время, когда послѣ плѣна Монтроза Лотіанъ говорилъ въ парламентѣ: «его величество нисколько не огорченъ пораженіемъ Джемса Грагама; онъ (Карлъ) сказалъ относительно его, что онъ произвелъ нашествіе безъ его согласія и вопреки его просьбѣ». Карлъ былъ настолько лживымъ человѣкомъ, что нашелъ возможнымъ проглотить даже ковенантъ. И только соединеніе фанатизма и партійныхъ интригъ могло ослѣпить вождей шотландскихъ партій относительно позорной игры короля. Судьба Монтроза, которому измѣнили и котораго продали мелкіе главы горцевъ, такіе же, какъ и тѣ, которые раньше были исполнителями его жестокостей—бросаетъ мрачный и романическій свѣтъ на печальное и смѣшное пребываніе Карла въ Шотландіи лѣтомъ 1650 года. Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что паденіе этого храбраго сѣвернаго Страффорда сколько нибудь тронуло сердце веселаго монарха. Его жизненная философія дѣлала ему чуждой чувствительность, которой отличался его отецъ. «Въ внѣшнемъ его поведеніи былъ видъ доброты, замѣчаетъ Бернетъ, но кажется, что въ его натурѣ не было нѣжности; а къ концу жизни онъ сдѣлался жестокимъ». Благородное самопожертвованіе Монтроза для повелителя, столь недостойнаго жертвъ, окружаетъ романтическимъ ореоломъ карьеру, и безъ того достаточно романтическую и трогательную. Не всякій герой-мученикъ могъ написать свою эпитафію въ такихъ сильныхъ и поэтическихъ стихахъ, какъ слѣдующіе:

„Тотъ черезъ чуръ боится своей судьбы,
Или мало заслуживаетъ ее,
Кто не смѣетъ поставить ее на карту,
Чтобы выиграть или проиграть все“.

Николь, эдинбургскій нотаріусъ, нарисовалъ для насъ двѣ заключительныя сцены карьеры Монтроза; въѣздъ его въ столицу и встрѣчу его гнусными отбросами общества и трагическій прыжокъ съ роковой лѣстницы въ его роскошномъ одѣяніи, блестѣвшемъ на веревкѣ, на которой его повѣсили. Монтрозъ былъ такимъ же фанатикомъ въ его слѣпой преданности королевской прерогативѣ, какими были тѣ ковенантеры, которыхъ онъ такъ презиралъ. Его призывъ къ оружію послѣ смерти Карла 1:

„Я буду пѣть тебѣ панихиду при трубномъ звукѣ,
И напишу твою эпитафію кровью, текущей изъ ранъ“

достоинъ грубой откровенности Марата. Лучшія качества его характера, чарующая прелесть его поэтической и рыцарственной юности, были извращены ложнымъ понятіемъ о вѣрноподданничествѣ. Плутархъ и холодная реторика языческаго Рима завладѣли его душой, какъ они завладѣли Шарлотой Корде и г-жей Роланъ.

Дёнбаръ. Шотландія въ 1650—51 году выдержала послѣднюю битву за своего короля противъ Кромвеля, разочаровавшагося въ своихъ бывшихъ союзникахъ и въ неблагодарной и упорной странѣ. «Я думалъ, что я найду добросовѣстный народъ и обнаженную и безплодную страну. Близь Эдинбурга земля также плодородна, какъ въ любой части Англіи; но люди настолько безстыдно лживы и такіе ругатели, что просто невѣроятно». Негодуя на прагматическое управленіе Кирки, онъ аппелировалъ къ Общему собранію: «Умоляю васъ именемъ Божіемъ подумать, что вы можете ошибаться». Событія шли быстро къ катастрофѣ при Денбарѣ. Судьба разбитой арміи была ужасна. Кромвель поручалъ губернатору Ньюкэстля «500 несчастныхъ бѣдняковъ плѣнниковъ, многіе изъ которыхъ умрутъ отъ ранъ или останутся навсегда калѣками». Многіе на походѣ къ Морнету питались сырой рѣпой и отправленные оттуда въ Дургамъ умерли отъ чумы; остальныхъ продали въ рабство въ Америкѣ. Шотландія была теперь въ распоряженіи Кромвеля. Церковь Жильса была отдана Ламберту и его фанатическимъ солдатамъ, проповѣдывавшимъ съ мечемъ и пистолетами въ рукахъ. Кромвель, точно самый набожный церковникъ, не хотѣлъ слушать пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ и въ своей главной квартирѣ разсуждалъ такъ, точно онъ былъ одержимымъ духомъ—по словамъ Николя. «Онъ сдѣлалъ конюшни изъ церквей», разсказываетъ Бальфуръ, и сжегъ всѣ мѣста и скамьи въ нихъ; онъ обстрѣливалъ дома священниковъ и уничтожалъ хлѣбные запасы». Его войска сожгли лучшую часть Голируда; мебель коллегіи, Высшая школа и три кирки были сломаны на топливо, а также и меблировка многихъ домовъ въ городѣ и по деревнямъ. Войска вели себя въ Эдинбургѣ безобразно; уличныя драки были обычнымъ явленіемъ. Байлли, Николь и отчеты бурговъ повѣствуютъ о такомъ господствѣ солдатчины, какого Шотландія не испытала со времени Лонгшанкса.

Алитъ. Умѣлое маневрированіе Давида Лесли лѣтомъ 1651 года сильно разстроило Кромвеля, который былъ такъ боленъ въ это время, что могъ передвигаться только въ каретѣ; но ловкимъ движеніемъ чрезъ Файфъ къ Перту онъ опередилъ врага. Онъ равнодушно отнесся къ битвѣ при Ворчестерѣ; да и дѣйствительно она не имѣла значенія, такъ какъ дѣло было рѣшено при Денбарѣ. За два дня до этой битвы произошли два важныя событія. Націоналисты перенесли свою главную квартиру и свою казну въ Дунди, такъ что между ними и сектантами находились двѣ большихъ рѣки. Но Кром-

вель оставилъ послѣ себя генерала, который еще меньше обращалъ вниманія на приговоръ историковъ, чѣмъ его кровавый повелитель. Монкъ сдѣлалъ изъ несчастнаго Дунди шотландскую Дрогеду. Подробности этого дѣла возмутительны. Къ сѣверу, въ скромной деревушкѣ Алитъ въ Стратморѣ, комитетъ Штатовъ пытался управлять страной, когда одинъ изъ полковниковъ Монка явился туда и отправилъ весь кабинетъ министровъ въ продолжительное заточеніе въ Тоуэръ. Среди нихъ былъ и Лаудердаль, въ то время еще бывшій «сыномъ милости Божіей», переписывавшимся съ своимъ «почтеннымъ и достойнымъ другомъ», Робертомъ Байлли. Разговаривалъ ли онъ послѣ, въ веселые дни реставраціи, съ Альбемарлемъ (Монкомъ) о разграбленіи Дунди и набѣгѣ на Алитъ?

Узурпація Кромвеля была временемъ политическаго уничтоженія Шотландіи. Остатки «злокозненныхъ» начали было возстаніе въ Верхней Шотландіи къ великому удовольствію конокрадовъ; но Монкъ быстро подавилъ возстаніе, посадивъ вездѣ сильные гарнизоны. Дѣло было сдѣлано такъ быстро, что послѣ 1654 года армія въ десять или двѣнадцать тысячъ человѣкъ была уменьшена на половину. Поземельный налогъ съ 10,000 фун. уменьшился до 6000 въ мѣсяцъ. Въ три года акцизъ почти удвоился. Англія прибавляла къ доходамъ страны, бывшимъ въ 1658 году равными 143,642 фунта, такую же сумму и весь этотъ доходъ расходовался въ странѣ, что было полезно торговлѣ и промышленности. Кромвель первый ввелъ соединеніе двухъ странъ и далъ странѣ представительство въ англійскомъ парламентѣ. Соединеніе было введено въ 1654 году на основахъ равныхъ торговыхъ привиллегій. Тридцать членовъ отъ Шотландіи засѣдали въ общемъ парламентѣ въ Лондонѣ, хотя большинство ихъ было англійскіе офицеры и чиновники. Восемь коммиссаровъ англичанъ, жившихъ послѣ 1655 года въ Далькейтѣ, составляли исполнительный кабинетъ. Управленіе 1652—1660.

Вмѣсто суда сессій была учреждена коммиссія изъ четырехъ англійскихъ судей; къ нимъ присоединили трехъ шотландцевъ. Говорятъ, что одинъ изъ ихъ наслѣдниковъ судей сказалъ объ нихъ: «чортъ бы ихъ побралъ, этихъ безродныхъ плаксивыхъ негодяевъ»! Эти слова были въ сущности похвалой, такъ какъ они доказываютъ, что новый судъ былъ врагомъ старыхъ обычаевъ, освящавшихъ взяточничество и лицепріятіе по родству. Судъ и общественный порядокъ.

Новый судъ, бывшій за цѣлые сто лѣтъ предвѣстникомъ уничтоженія наслѣдственной юрисдикціи, устроилъ, мѣстные баронскіе суды по образцу англійскихъ мировыхъ судовъ, Шерифы должны были держать четвертныя сессіи и ихъ рѣшенія пересматривались высшими окружными судьями. Преслѣдованія колдуній уменьшились и вообще за преступленія, за которыя при старомъ режимѣ полагалась смертная казнь, теперь назначалось тѣлесное наказаніе. Бернетъ признаетъ,

что юстиція была хорошей, что порокъ преслѣдовался и наказывался. «Мы считаемъ эти восемь лѣтъ временемъ мира и процвѣтанія». Ламонтъ разсказываетъ, что «при англійскихъ жюри, засѣдавшихъ въ Стирлингѣ, колдуньи при поручительствѣ могли отправляться домой, а за нарушеніе супружеской вѣрности штрафовали пятью фунтами».

Фригольдеры огорчали судъ отказомъ посѣщать суды присяжныхъ, «Англичане болѣе снисходительны и милостивы къ шотландцамъ, чѣмъ шотланды къ своимъ землякамъ и сосѣдямъ». «Злокозненнымъ», вродѣ Байлли положеніе дѣлъ казалось печальнымъ. «Знатные бароны умирали на полѣ битвы или на эшафотѣ. Ихъ имѣнія конфисковались или отдавались англійскимъ офицерамъ. Нѣкоторые бароны не живутъ въ помѣстьяхъ изъ страха предъ балльи. Аржиль по уши въ долгахъ и дружитъ съ англичанами, но его ненавидятъ въ странѣ. Лоудоунъ живетъ какъ бродяга около Атоля, Варристонъ живетъ скрытно въ довольно тяжеломъ положеніи, ненавидимый большинствомъ и презираемый всѣми, кромѣ немногихъ «протестующихъ». Вездѣ чувствуется недостатокъ денегъ, потому что въ нашихъ городахъ нѣтъ большой торговли, а гдѣ есть такая, такъ она въ рукахъ англичанъ. Провизія очень дешева, Баронскихъ судовъ нѣтъ, а шерифы неискусны, такъ какъ это обыкновенно англійскіе солдаты, Лорды сессій (т. е. судьи) англичане, незнакомые съ нашими законами и въ двѣнадцать мѣсяцевъ они сдѣлали мало или ничего. Велики наши страданія отъ отсутствія нашего ковенанта». Николь оплакиваетъ бѣдность народа и тяжелые налоги, но признается, что господствуетъ добрый порядокъ. Въ 1659 году говорили, что человѣкъ можетъ проѣхать всю Шотландію съ хлыстомъ въ рукѣ и съ 100 фунтами въ карманѣ, чего не бывало уже въ теченіе пятисотъ лѣтъ.

Церковная политика. Національный упадокъ послѣ Дёнбара и Ворчестера повелъ къ борьбѣ двухъ большихъ партій, «протестующихъ» или ремонстрантовъ и «резолюціонеровъ». Первые протестовали противъ нѣкоторыхъ рѣшеній (резолюцій) послѣднихъ собраній въ пользу короля. Обѣ партіи хотѣли «очищенія и устроенія церкви». Съ этой цѣлью протестующіе отправили въ Лондонъ Патрика Жиллеспи, начальника Гласковской коллегіи по милости Кромвеля. Для поддержки его отправился въ Лондонъ искусный дипломатъ, священникъ Крайль, человѣкъ, очень дорогой Байлли, который съ благодарностью писалъ о немъ; «великимъ орудіемъ Божіимъ для разрушенія злыхъ намѣреній ремонстрантовъ тиранствовать надъ нами былъ этотъ достойный, набожный, мудрый и прилежный молодой человѣкъ, Джемсъ Шарпъ». Вообще Кромвель предпочиталъ протестующихъ; ихъ оппоненты продолжали молиться за короля не смотря на эдиктъ, воспрещавшій это, Байлли былъ за подчиненіе. Поведеніе нонкоформистовъ скоро

вызвало наказаніе. Въ 1653 году одинъ полковникъ Кромвеля вошелъ въ популярное и благочестивое общее собраніе и угостилъ его приказомъ своего строгаго повелитель; «пусть они убираются»! «Онъ занялъ церковь нѣсколькими ротами мушкетеровъ и отрядовъ конницы», вывелъ членовъ собранія за милю отъ города къ камнеломнямъ на Брунтсфильдъ-Линксъ и тамъ у висѣлицы предоставилъ ихъ судьбѣ. Оба поддерживавшіе прелатовъ короля не смѣли поступать такъ.

Положеніе страны.

Николь разсказываетъ о неблагопріятномъ вліяніи всей этой борьбы на общественную нравственность: «всякій стремится къ своимъ личнымъ цѣлямъ подъ видомъ набожности, подъ которой скрывается много мошенничества. Священники на кафедрахъ спорятъ другъ съ другомъ. Они заботятся о увеличеніи жалованья, горды и жестоки къ другимъ и проявляютъ мало милосердія и жалости къ слабымъ». Высшіе суды открывали много фальши и обмана и ежедневно происходили повѣшенія, сѣченье и уродованія». 1650-й годъ былъ роковымъ для фальшивыхъ нотаріусовъ и ложныхъ свидѣтелей», Ламонтъ разсказываетъ о торжественномъ постѣ въ 1653 году, «ради того, что народъ становится все хуже и хуже». Виновные, старые и молодые, сжигались на Кэстль Гилль за неестественныя преступленія или за колдовство, сознавшись въ своемъ союзѣ съ Сатаной. «Колдовства вездѣ въ странѣ много, говоритъ Байлли, хотя англичане и осторожно судятъ ихъ, но нѣкоторыхъ и они казнятъ». Кирктонъ съ другой стороны даетъ блестящій отзывъ о духовномъ и общественномъ положеніи страны ко времени возвращенія короля, «никогда евангеліе Христово не процвѣтало такъ въ Шотландіи, какъ при узурпаторѣ».

Жизнь въ бургахъ.

Англійское военное управленіе улучшило общественное здравіе и общественный порядокъ. Въ Эдинбургѣ домовладѣльцевъ обязали вывѣшивать фонари у дверей и на окнахъ, такъ что зимней ночью было свѣтло, какъ днемъ. «Магистраты просили о сложеніи штрафовъ, доходившихъ до 50 фун., за несоблюденіе приказаній объ очищеніи улицъ и переулковъ и воспрещавшихъ выливаніе помоевъ. Но уже и до прибытія англичанъ многіе бурги старались освободить улицы отъ кучъ грязи и отъ вредныхъ промысловъ и сносить разрушенные дома. Cansey mail былъ старый налогъ, собираемый для содержанія путей сообщенія, а для очистки ихъ собирался laydell dewtie, callit the geat dychtingis—акцизъ на мясо, продаваемое на рынкѣ несвободными и употребляемый для очищенія улицъ. Все это обусловливалось не улучшеніемъ общественныхъ нравовъ, а страхомъ чумы, всегда бывавшей въ военное время. Особенно тяжелыми были эпидеміи 1645—6—7—8 годовъ.

Духовенство.

Пуританство имѣло въ Шотландіи болѣе сильное и прочное вліяніе, чѣмъ въ Англіи. Въ Англіи пуританство было борьбой за кон-

ституціонную свободу многихъ, въ Шотландіи оно было борьбой за привиллегіи немногихъ. Пуританинъ юга былъ вообще практикомъ и гуманистомъ, пуританинъ сѣвера метафизикомъ и суровымъ. Клерикальное вліяніе никогда не было такъ сильно, какъ это предполагаютъ. Міряне играли видную роль въ назначеніи духовныхъ лицъ и въ надзорѣ за ними посредствомъ ревизій (визитацій). Нѣтъ основанія предполагать, что духовенство сильно отличалось отъ того общественнаго класса, изъ котораго оно вышло Сыны просвѣщенія всегда склонны гордиться своей дѣятельностью. Блаженный Рутерфордъ считалъ терпимость всѣхъ религій кощунствомъ а гоненіе ложныхъ учителей считалъ торжественной обязанностью. Онъ осуждалъ веселье, потому что Христосъ никогда не смѣялся, а плакалъ, какъ извѣстно изъ Писанія. Дургамъ считалъ шутку несогласной съ святой и серьезной жизнью. Грей говорилъ о блаженствѣ отреченія отъ всего мірского. Все это рѣдкіе психологическіе феномены, вродѣ благочестивыхъ фантазій въ автобіографіи Буніапа. Суровость такихъ людей, къ несчастію, дѣлало тогдашнее общество жестокимъ къ ложнымъ учителямъ и къ колдунамъ, такъ какъ и тѣхъ и другихъ считали посланниками сатаны. Разсказъ Блакгеля показываетъ, какъ сурова была доля папистовъ. Даже кроткій Байлли питалъ ужасъ къ ярости, неразумнымъ страстямъ и конвульсіямъ квакеровъ и считалъ ихъ позднѣйшее распространеніе справедливымъ наказаніемъ за то, что въ началѣ допустили такую ересь. Суды надъ колдунами того времени очень часто доказывали, насколько довѣрчиво и жестоко было тогдашнее духовенство.

Богослуженіе. Простое богослуженіе временъ реформаціи значительно извратилось отъ соприкосновенія съ дикими представленіями англійскихъ сектантовъ, хотя Вестминстерское собраніе и много сдѣлало для упорядоченія церкви. Теперь появился обычай постоянныхъ моленій, длинныхъ рѣчей цѣлаго ряда проповѣдниковъ, считавшихъ себя вдохновенными, собраній подъ открытымъ небомъ для причащенія или «посты уничиженія», которые бывали иногда большими политическими демонстраціями какъ напр., у протестующихъ 1651 года, считавшихъ все зломъ въ церкви и государствѣ. Всѣ эти новшества неодобрялись Общимъ собраніемъ и болѣе разумными резолюціонерами. Духовные лица соперничали одно съ другимъ въ показной религіозности, не щадя ни себя, ни своихъ слушателей. Джонъ Менцисъ обыкновенно перемѣнялъ послѣ проповѣди рубашку и смачивалъ слезами два или три платка при каждой проповѣди. «Галстухъ Джона Карстареса по субботамъ, разсказываетъ Водроу, былъ бы мокръ отъ слезъ, еслибы онъ не бросалъ его раньше, чѣмъ покончить первую молитву». Тѣмъ не менѣе слушатели бывали глубоко тронуты.

Дѣйствія духовныхъ цензоровъ уясняютъ многое въ дѣлѣ общест-

венныхъ нравовъ. Не трудно вмѣстѣ съ ними преувеличить пороки того времени, такъ какъ они часто забывали о разумномъ правилѣ: de minimis non curat lex. Нѣтъ основаній предполагать, чтобы животныя страсти, существующія во всякое время, были тогда столь же сильны, какъ въ полнокровный вѣкъ возрожденія. Вниманіе, обращаемое церковными сессіями на седьмую заповѣдь, заставляетъ насъ тѣмъ не менѣе предполагать, что ее чаще другихъ нарушали. Вѣроятно, сознаніе своего значенія заставило клериковъ послѣ седьмой заповѣди особенно заботиться о четвертой. Каждый слуга ли хозяинъ, выругавшійся, подвергался штрафу въ пользу бѣдныхъ. Для дисциплины младшихъ членовъ семей каждая семья должна была имѣть линейку для битья по рукамъ. Акты Частнаго совѣта и Общаго собранія старались ограничить эксцессы пьянства и ѣды во время свадьбы, не вслѣдствіе пуританскаго отвращенія къ веселью, какъ полагаетъ Бокль, а для того, чтобы уничтожить безнравственность, скрывавшуюся подъ разными шутливыми формами. Слишкомъ часто безнравственные кутежи происходили и на похоронахъ. Деревня отлично оцѣнивала эти церемоніи и сама проводила разницу между ними. «Въ бракѣ мало настоящаго удовольствія, потому что до конца удержать его нельзя; такого риска нѣтъ при погребеніи»— говорилъ философъ-могильщикъ. Другимъ преслѣдуемымъ общественнымъ обычаемъ было провозглашеніе здравицъ. Собраніе въ 1646 году воспрещало духовенству, рядомъ съ ношеніемъ длинныхъ волосъ и «трясеніемъ колѣнъ», несвоевременное пьянство въ тавернахъ и выпиваніе здравицъ, какъ приманку сатаны, ведущую къ излишеству. Крайній формализмъ того времени дѣлалъ такой обычай дѣйствительной приманкой. Даже въ внѣшнемъ поведеніи соблюдались правила—такъ считалось дурнымъ стоять съ покрытой головой предъ старшими. Броди въ «Дневникѣ» раскаивается въ гордомъ выговорѣ, данномъ имъ Джону Гасбину за то, что тотъ непочтительно и неуважительно стоялъ въ шляпѣ предъ матерью Броди. «Какое же зло сдѣлалъ онъ ей?». Этотъ обычай образовался отчасти и оттого, что молодежь и рабочіе ходили обыкновенно съ обнаженной головой. Хозяева, напротивъ, рѣдко ходили съ открытой головой, даже въ домахъ. Байлли, говоря о причащеніи, замѣчаетъ, что «многіе считали шляпы признакомъ почетнаго стола взрослыхъ, а не дѣтей». Обычаи и нравы.

Время было еще болѣе неблагопріятнымъ для культурнаго развитія, чѣмъ въ Англіи. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ все, что дѣлалось для начальнаго образованія, дѣлалось пѣвческой школой, учрежденіемъ церковнымъ. Двѣ обязанности чтеца и пѣвчаго долго были соединенными; Вестминстерское собраніе уничтожило обязанность чтеца и онъ въ это время превратился въ прецентора или руководителя церковнаго пѣнія. Старое изданіе псалмовъ почти всегда пе- Школы.

чаталось съ нотами, что предполагало знаніе музыки. Когда ввели новое изданіе, было трудно приспособить его къ нотамъ; отъ этаго образовался обычай читать наизусть Шотландскіе депутаты въ Вестминстерскомъ собраніи считали, что это невозможно при состояніи образованія въ Шотландіи; но «Директорія» 1645 года рекомендовала этотъ обычай. Сельскія школы иногда стремились къ большему, чѣмъ простое пѣніе псалмовъ и повтореніе катехизиса, молитвы Господней и символа вѣры; это доказывается програмой испытанія кандидата на должность школьнаго учителя въ Стратбоги. Онъ долженъ былъ грамматически, логически и реторически изложить 3 оду 4-й книги Горація. Не было недостатка въ распоряженіяхъ относительно образованія, но въ дѣйствительности они оставались на бумагѣ. Въ большихъ городахъ были грамматическія школы; ихъ ревизовали; дѣлались попытки, хотя и неудачныя, поддерживать въ нихъ порядокъ. Въ большихъ городахъ были грамматическія школы; ихъ ревизовали; дѣлались попытки, хотя и неудачныя, поддерживать въ нихъ порядокъ. Въ высшей эдинбургской школѣ курсъ былъ пятилѣтнимъ; преподавали только одинъ латинскій языкъ и пользовались устарѣвшими учебниками, вродѣ Деспаутера, Кордери и Буханана. Греческому обучали рѣдко. Ради экономіи городскія корпораціи изъ за грамматическихъ школъ уничтожили приготовительныя шотландскія школы, гдѣ преподаваніе велось на народномъ языкѣ. Начальники школъ были магистры (maisters)—обычный титулъ кончавшихъ курсъ въ высшихъ школахъ, а учителя—*докторами*. Духовенство, какъ видно, сознавало неудобства невѣжества, господствовавшаго въ Верхней Шотландіи, Собраніе (1649) распорядилось дѣлать сборы для того, чтобы содержать сорокъ мальчиковъ изъ горцевъ въ школахъ, но въ теченіе почти ста лѣтъ почти ничего не было сдѣлано для дѣла образованія. Іаковъ 1, какъ это видно изъ регистровъ Частнаго совѣта, требовалъ, чтобы лэйрды Верхней Шотландіи «отправляли своихъ парней, достигшихъ десятилѣтняго возраста въ школы Нижней Шотландіи, чтобы тамъ ихъ учили читать, писать и говорить по англійски» (1617).

Искусство и литература.

Музы замолкли при громѣ гражданской войны, но когда Іаковъ 1 въ 1617 году пріѣхалъ на сѣверъ, коллегіи соперничали между собой, для его удовольствія поставляя ему лучшую латинь, тончайшую логику и ученнѣйшую философію. Разсказъ Николя о пріемѣ Монка въ 1654 году представляетъ замѣчательный контрастъ съ пріемомъ Іакова; Монка угостили большимъ празднествомъ, а вечеромъ фейеркомъ, продолжавшимся три часа. Гласко выписалъ себѣ печатника и декоратора изъ Эдинбурга, хотя въ то время уже была построена коллегія этаго города. Въ столицѣ въ это время были построены зданіе парламента и Госпиталь Герріота. Послѣдній существуетъ и теперь почти въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ въ

1659 году. Это великолѣпный памятникъ учредителю, онъ дѣлаетъ честь архитектору и составляетъ замѣтный фактъ въ жизни Шотландіи. Николь говоритъ основательно, что «это не обыкновенный госпиталь», вродѣ несчастныхъ смирительныхъ домовъ и госпиталей въ мелкихъ бургахъ. Георгъ Джемсонъ, первый художникъ Шотландіи, въ это время построили нѣсколько баронскихъ домовъ. Литература того времени, очень бѣдная, была отраженіемъ эпохи. Благочестивое стихоплетство виговъ и грубые пасквили «злокозненныхъ» указываютъ на тогдашніе нравы, но все это наврядъ ли достойно названія литературы. Умы лучшихъ людей были заняты церковными вопросами. Спотисвудъ (1565—1639) писалъ исторію своего времени съ прелатской точки зрѣнія, но вѣрно и въ умѣренномъ тонѣ. У Давида Кальдервуда (1575—1650), стоявшаго за народные взгляды, болѣе учености, силы и индивидуальности; его картина эпохи всегда останется цѣнной. Самуилъ Рутерфордъ (1600—61) былъ единственнымъ шотландцемъ сдѣлавшимъ вкладъ въ англійскую литературу того времени. Его «Lex Rex», при сильной нетерпимости и неприличіи полемики, опровергаетъ претензіи королевской власти. При реставраціи эта книга была сожжена палачемъ при Рыночномъ Крестѣ (Mercat Cross) въ Эдинбургѣ. Авторъ не избѣжалъ бы такой же судьбы, еслибы онъ не лежалъ на смертномъ одрѣ въ Ст. Андрьюсъ. Изъ всей полемической литературы того времени теперь возможно читать только «Письма» (1637—62) Байлли (1599—1662). Онъ всегда занимателенъ, остроуменъ, совѣстливъ, честенъ и правдивъ. Стиль его составляетъ лучшій образецъ туземнаго языка образованныхъ классовъ. Онъ одинаково хорошо писалъ по латинѣ, изучалъ еврейскій языкъ и былъ хорошо знакомъ съ современной ему полемической литературой. Но у него мы не встрѣчаемъ и упоминанія о томъ, что для насъ интересно въ литературѣ того времени. Онъ одинъ разъ упоминаетъ о «слѣпомъ Мильтонѣ», но не по поводу литературы.

Ирландія.

Жойса.

Послѣ отъѣзда изъ Ирландіи Страффорда въ 1640 году католики во всей странѣ находились въ состояніи опаснаго отчаянія, отчасти вслѣдствіе колонизаціи Ирландіи, отчасти вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ для уничтоженія ихъ религіи; нарушеніе правительствомъ его обѣщаній заставляло ихъ отчаиваться въ возможности получить удовлетвореніе конституціонными средствами. Въ теченіе болѣе трид-

цати лѣтъ происходили конфискаціи и колонизація, такъ что никто не могъ предвидѣть, когда все это кончится; всѣ боялись того, что вся страна будетъ очищена отъ населенія и отдана новымъ колонистамъ. Всѣ тѣ, которые были уже лишены своихъ земель, и ихъ выросшіе къ этому времени сыновья, съ молчаливымъ негодованіемъ только ждали случая, чтобы напасть на колонистовъ и снова забрать свои дома и земли.

Возстаніе 1641 года. Католическое дворянство подъ предводительствомъ Рори О'Моора, человѣка безупречной репутаціи, держало митинги и рѣшило добиться удовлетворенія посредствомъ возстанія; они имѣли основаніе ожидать помощи отъ Франціи, гдѣ многіе изъ ихъ родственниковъ заняли видное и вліятельное положеніе. Возстаніе должно было начаться одновременно, въ октябрѣ 1641 года, во всей странѣ. Предполагалось завладѣть главными укрѣпленными городами, взять въ плѣнъ вліятельныхъ англійскихъ дворянъ, были отданы строгія приказанія не производить кровопролитія, кромѣ какъ въ открытомъ бою. Дублинскія власти получили своевременно извѣстія о предполагаемомъ возстаніи и тотчасъ же приняли мѣры для безопасности города; но возстаніе успѣшно началось на сѣверѣ и чрезъ недѣлю весь Ульстеръ былъ въ рукахъ мятежниковъ, имѣвшихъ тридцатитысячную армію подъ начальствомъ Фелима О'Нейлля. Въ эту первую недѣлю первоначальныя инструкціи исполнялись и кровопролитія почти не было. Но въ концѣ жертвы колонизаціи сбросили наложенную на нихъ узду, напали на колонистовъ, многихъ перебили; страшныя преступленія совершались, особенно людьми, искавшими мести за свои личныя обиды. Людей толпами, полуодѣтыхъ, выгоняли изъ домовъ; многіе изъ нихъ—мужчины, женщины и дѣти— пытаясь дойти до ихъ друзей и знакомыхъ, погибли по дорогѣ отъ голода и непогодъ. Нѣкоторые изъ католиковъ защищали и спасали протестантовъ; особымъ милосердіемъ отличались священники, часто рискуя жизнью прятавшіе бѣглецовъ подъ покровы алтарей. Правительственныя войска были отправлены въ различныя части страны и совершали ужасныя жестокости, убивая многихъ мирныхъ и невинныхъ людей, совсѣмъ не принимавшихъ участія въ возстаніи.

Послѣ перваго дикаго взрыва возстаніе перешло въ нѣчто похожее на обыкновенную цивилизованную войну. Въ 1642 году въ странѣ были двѣ партіи, обѣ имѣвшія свою армію; первая, старые ирландскіе католики, подъ начальствомъ генерала Овена Ро О'Нейлля, стремилась къ полному отдѣленію отъ Англіи; вторая, старые англійскіе католики, подъ начальствомъ генерала Престона, хотѣла религіозной свободы, но была противъ отдѣленія. Пуритане въ Ульстерѣ, подъ начальствомъ генерала Мунро, были за парламентъ и противъ короля Карла и, наконецъ, роялисты, партія короля,

главнымъ образомъ изъ протестантовъ Дублина и англійской территоріи (Pale), во главѣ которыхъ позже стоялъ маркизъ Ормондъ.

Обѣ католическія партіи недовѣряли другъ другу; чтобы добиться объединенія, былъ собранъ парламентъ или Общее собраніе изъ наиболѣе выдающихся людей обѣихъ партій. Этотъ парламентъ извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ конфедераціи Килькенни. Въ теченіе нѣкотораго времени послѣ собранія обѣ партіи дѣйствовали согласно; отвергая названіе мятежниковъ, онѣ объявили себя за короля. Король тоже хотѣлъ придти къ соглашенію съ ними, чтобы воспользоваться ихъ помощью противъ парламента и сдѣлалъ кое что въ этомъ направленіи; но Ормондъ, въ душѣ симпатизировавшій парламенту, помѣшалъ соглашенію и продолжалъ относиться къ конфедератамъ, какъ къ мятежникамъ. Самъ король тоже велъ двойную игру, потому что когда парламентъ привлекъ его къ отвѣту за переговоры съ мятежниками, онъ рѣшительно отказался отъ нихъ. А въ это время Престонъ велъ въ Лейнстерѣ войну противъ роялистовъ; въ Ульстерѣ въ 1646 году Овенъ Ро О'Нейллъ разбилъ Монро въ большой битвѣ при Бенбурбѣ на Блакуотеръ. Эта блестящая побѣда, однако, не привела ни къ чему вслѣдствіе несогласій между двумя католическими партіями, такъ какъ разногласія между ними снова начались и въ концѣ концовъ погубили ихъ дѣло. Конфедерація Килькенни.

Въ 1647 году Ормондъ передалъ Дублинъ перламентскимъ войскамъ и удалился во Францію. Но онъ вскорѣ возвратился, снова сталъ во главѣ роялистовъ и заключилъ миръ съ конфедератами съ тѣмъ условіемъ, чтобы уголовные законы противъ католиковъ были отмѣнены. Но было уже поздно. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого король Карлъ былъ обезглавленъ. Это вызвало реакцію въ Ирландіи и многіе, стоявшіе за парламентъ, теперь перешли на сторону роялистовъ; соединенная роялистская партія провозгласила королемъ Карломъ II принца валійскаго. Она продолжала войну противъ парламентскихъ войскъ и добилась нѣкоторыхъ успѣховъ. Но Ормондъ, пытаясь захватить Дублинъ, былъ въ 1649 году разбитъ парламентскимъ губернаторомъ, полковникомъ Джонсомъ, въ большой битвѣ при Rathmines.

Такъ какъ большая часть Ирландіи оставалась въ рукахъ роялистовъ, то парламентъ назначилъ Оливера Кромвеля намѣстникомъ и главнокомандующимъ войскъ въ Ирландіи. Онъ высадился въ Дублинѣ въ августѣ 1649 года съ тринадцати тысячной арміей, въ сопровожденіи его зятя Иртона, въ качествѣ помощника. Изъ Дублина онъ двинулся къ Дрогедѣ, трехтысячный роялистскій гарнизонъ которой состоялъ главнымъ образомъ изъ англичанъ. Два раза гарнизонъ отбивалъ нападеніе, но третій штурмъ былъ успѣшенъ; весь гарнизонъ, его командиръ и множество гражданъ были перебиты. Потомъ Кромвель направился къ Вексфорду, сильно укрѣпленному Кромвель въ Ирландіи.

городу съ трехтысячнымъ гарнизономъ. Командиръ крѣпкаго замка за городскими стѣнами выдалъ его, отрядъ осаждающихъ проникъ въ городъ и отворилъ ворота. Гарнизонъ нѣкоторое время защищался, но наконецъ былъ весь перебитъ, вмѣстѣ съ толпой мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Судьба Дрогеды и Вексфорда такъ устрашила всѣхъ, что большинство главныхъ гарнизоновъ на югѣ сдалось.

Послѣ непродолжительнаго отдыха Кромвель въ январѣ 1650 года снова началъ кампанію. Большинство городовъ сдавалось по первому требованію, а гдѣ Кромвель встрѣчалъ серьезное сопротивленіе, онъ казнилъ гарнизоны. Вскорѣ ему удалось покорить почти всю южную часть острова; такъ какъ страна была почти вся покорна, онъ въ маѣ 1650 года отплылъ въ Англію, оставивъ для окончанія войны Иртона. Лимерикъ, послѣ храброй защиты, былъ преданъ однимъ изъ офицеровъ, Иртонъ взялъ его въ октябрѣ 1651 года, позволивъ гарнизону выдти. Сдача Гальвея въ маѣ 1652 года въ сущности окончила войну; такимъ образомъ кончилось возстаніе, начатое одиннадцать лѣтъ до этого года.

Колонизація при Кромвелѣ. Во время кампаніи Кромвеля народъ страдалъ отъ заразы, унесшей многихъ жителей повсемѣстно въ странѣ. Но народу грозило еще худшее бѣдствіе: самая жестокая изъ всѣхъ когда либо видѣнныхъ Ирландіей колонизацій. Англійское правительство, находившееся тогда вполнѣ въ рукахъ парламента, считала всю Ирландію завоеванной и конфискованной страной; въ 1652 году принятъ былъ актъ относительно всего населенія острова. Всѣмъ жителямъ трехъ провинцій: Ульстера, Лейнстера и Мюнстера, за исключеніемъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія: мелкихъ фермеровъ, торговцевъ, рабочихъ и т. д., было приказано удалиться за Шанонъ, въ Коннаутъ и Клэръ, гдѣ имъ и роздали небольшіе участки изъ пустующихъ земель. Освободившіяся такимъ образомъ земли были розданы солдатамъ Кромвеля и людямъ, давшимъ деньги на веденіе войны. При этомъ страшномъ выселеніи цѣлыхъ семей, по большей части привыкшихъ къ комфорту, отъ нужды погибло много мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Многіе молодые люди не хотѣли выселиться, составили шайки «тори», т. е. бродягъ, грабили и убивали всѣхъ попадавшихъ имъ въ руки колонистовъ; колонисты и солдаты охотились и убивали ихъ какъ дикихъ звѣрей. Послѣ войны вездѣ осталось много вдовъ и сиротъ; за ними гонялись и вытаскивали ихъ изъ ихъ убѣжищъ, ихъ ожидала худшая судьба: тысячи женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ были отправлены въ Вестъ-Индію и проданы въ рабство.

Выселенія за Шанонъ происходили отъ 1652 до 1654 года; но все таки оказалось невозможнымъ очистить три провинціи отъ ирландскаго дворянства. Многіе селились среди холмовъ и въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ; нѣкоторые дѣлались фермерами своихъ

прежнихъ земель, отданныхъ новымъ колонистамъ. Ирландскіе роялистскіе солдаты въ количествѣ 34000 человѣкъ оставили Ирландію и поступили на службу различныхъ европейскихъ государствъ. Законы противъ католиковъ исполнялись съ неумолимой суровостью; но священники оставались съ своей паствой, хотя это было крайне трудно и они постоянно рисковали жизнью.

Прежде, чѣмъ говорить о положеніи Ирландіи послѣ воцаренія Карла II, можно сдѣлать одно общее замѣчаніе. Ирландскіе католики долго дрались за Стюартовъ; подавленные и изгнанные, они горячо желали реставраціи, надѣясь добиться своего права. Но Карлъ былъ человѣкомъ эгоистическимъ и неблагороднымъ и почувствовавъ себя безопаснымъ на своемъ тронѣ, онъ мало заботился о людяхъ, проливавшихъ за него свою кровь, такъ что католики не добились почти ничего. Въ 1663 году, правда, былъ учрежденъ Судъ о притязаніяхъ (Court of Claims) для разсмотрѣнія отдѣльныхъ случаяхъ требованій ирландцевъ; всѣ католики, могшіе доказать свою невинность и неучастіе въ возстаніи 1641-го года и всѣ протестанты безъ исключенія должны были получить обратно свои земли, колонисты должны были получить вознагражденіе землями въ другихъ мѣстахъ. Но такъ какъ почти всѣ могли доказать свою «невинность» и суду пришлось возстановлять въ правахъ черезъ чуръ многихъ, то его дѣйствія были вскорѣ ограничены «Объяснительнымъ актомъ», на основаніи котораго колонисты соглашались отдать третью часть своихъ владѣній. Послѣ продолжительной борьбы дѣло и было этимъ кончено; конечный результатъ былъ таковъ: до колонизаціи при Кромвелѣ католики владѣли двумя третями всей воздѣланной земли въ странѣ, а послѣ этого соглашенія только третью. Большая часть католическаго дворянства не получила своихъ земель и большинство такихъ семей, не имѣя ни домовъ, ни инвентаря, ни капитала, впали въ безнадежную нищету. Реставрація.

Большинство изъ низшихъ и среднихъ классовъ новыхъ колонистовъ, также какъ было и съ прежними колонистами, постепенно вступали въ браки съ населеніемъ, почти исключительно католическимъ, среди котораго они поселились, такъ что менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ они до значительной степени были поглощены туземцами ирландской и англійской крови и приняли ихъ языкъ, религію и обычаи.

ИСТОЧНИКИ—1642—1660.

Общая исторія.

1642—1649. Кромѣ общеизвѣстныхъ сочиненій (Кларендона, Уитлока, Мая, Спригга, Бёрнета и Байлли) многое въ изданіяхъ ученыхъ обществъ (Камдена, Археологическаго, Оксфордскаго, Историческаго и др.), въ государственныхъ документахъ и въ статьяхъ въ Diction. of Nat. Biography и Eng. His. Reviev. Изъ новыхъ книгъ цѣнны Броди, Лингарда, Галлама и Ранке. Ихъ дополняютъ „Cromwell"—Карлиля, „Milton"—Массона, „Oliver Cromwell"—Гаррисcона; изданія документовъ Гётчинсона, Людлоу и Кларка—и History of Great Civil War—Гардинера. Это послѣднее сочиненіе самый полный, наиболѣе критическій и аутентичный отчетъ о періодѣ. Кромѣ вышепоименованныхъ см. Documents of Puritan. Revolution—Гардинера. Интересныя подробности въ отчетахъ Коммиссіи историческихъ манускриптовъ, Verney Papers, Original L'etters Эллиса и Illustrations of Great Rebellion—Санфорда. О конституціонной исторіи Долгаго парламента—парламентскіе отчеты и у Галлама, у Ранке, въ Great Civil War—Гардинера. Необходимы и Documents его-же. Описаніе распредѣленія нарѣчій, общественныхъ, религіозныхъ и по территоріямъ изъ множества мѣстныхъ изданій (напр. Оксфордскаго историческаго Общества) и мемуаровъ (напр. Verney Papers).

1649—1660. О внутренней политикѣ Кромвеля сочиненія Гардинера, Галлама, Гизо и Карлиля и Memoirs—Людлоу. Объ иностранной политикѣ, кромѣ Уитлока, см. у Ранке. Любопытная статья о Кромвелѣ въ Dict. of Nat. Biography. Полезныя сочиненія Шеруэля—Minority of Louis XIV и Mazarin and his Ministry. См. также History of France—Мартена.

Отдѣльные предметы.

Военное дѣло. History of England, 1603—1642—Гардинера и Great Civil War—его-же; и упоминаемыя въ текстѣ сочиненія.

Религія. Церковь. Сочиненія Гейлина и другихъ теологовъ того времени; исторіи Кларендона, Мая и другихъ современниковъ; масса мемуаровъ и памфлетовъ.

Пресвитеріане и Индепенденты. Congregational History — Ваддингтона Church of Commonwealth—Стоутона; Life of Milton—Массона; History—Гардинера.

Квакеры. Journal Георга Фокса; Inner Life of Religious Societies of Commonwealth—Барклея; Quakers—Фредерика Сторрса Тёрнера.

Флотъ. Darmouth Correspondence; Diary—Пеписа; Miscellanies и Memoirs relat to State of Royal Navy; Journal—Бинга; Naval Arch.—Чарнока; Hist. of Royal Marines—Эджа; Memoirs of Royal Navy—Деррика; Columna Bostrata—Коллибера; Diary of Henry Teonge (1825), Sailor's Companion—Коулея (1740); Marine Diction—Фалконера; Correspondence of James II, Naval History—Бёркетта; Naval History—Ледіарда.

Промышленность и торговля. Общая литература. См. глав. XIII.

Теологія. Сочиненія теологовъ, упоминаемыхъ въ текстѣ и масса памфлетовъ.

Наука. См. гл. XIII. О философіи. „Исторія Философіи“ — Убервега. О системѣ Гоббса и объ отношеніяхъ его къ предшественникамъ и послѣдователямъ „Hobbes“ — Крума Робертсона. О лордѣ Гербертѣ Шербюри см. статью Сорлея, въ Mind, № 12.

Общественная жизнь. Diary, Corresp. — Эвелина; Character of England (приписываемое Эвелину), Verney Memoirs; Autobiogr. Anne, Lady Halkett: Autobiogr. of Alice Thornton: Memorials, Corresp.— Ферфекса; Hatton Family Corresp., 1601—1704; Letters of Brilliana, Lady Harley; Harley Family Corresp.: Life of col. Hutchinson; Life of Duke of Newcastle: Memoirs—графа Шафтсбюри, Memoirs—Людлоу; House of Cromwell—Нобля. Milton — Массона. Memoirs—Рересби. Memorials of Civil War—Уэбба; Studies of Great Rebellion—Санфорда; Трактаты въ Harleian Miscellany; Satire in 17 Century—Аштона; Memoirs of a Cavalier—Дефо (историческій романъ); Puritans—Ниля

Лондонъ. London Parks—Ларвуда и вышеприведенные источники.

Газеты. Newspaper Press—Гранта; Literary Anecdotes—Никольса.

Почта. Her Majesty's Mails—Левинса; Post in Grant and Farm—Уильсона Гайда.

Шотландія. 1) **Современные источники**: Diary—Никколя, 1650—67; Diary—Ламонта, 1649—71; Scot. Rurgh Records Society: Aberdeen, Stirling, Peebles, Lanark, Glascow и Miscellany; изд. Scot, Hist. Soc. — General Assembly Records, 1646—52 и Miscel; изд. Spalding Club: Aberdeen Kirk Session Records 1562 — 1618: Presbytery Book of Strathbogie, 1631 — 54; Diary of Brodie of Brodie, 1650—85; Balcarres Papers, 1635—641; Hist. of His Own Times—Бёрнета; Письма Кромвеля изъ Шотландіи (Карлиль) 2) **Новые:** Hist. of Civiliz.—Бокля; Montroze and his Times — Нэпира; Memoirs of First Viscount Stair — Макая; His of Lord Advocates — Омонда; Life and Times of William Carstares—пр. Стори. Memoires of Somervilles; House of Douglas—Юма Годскрофта; Biggar and House of Fleming—Гунтера; Earldom of Sutherland—Гордона; Social Life in Moray—Дёнбара; Caldwell Papers; Coltness collection и исторіи графствъ Ренфрью (Крауфорда), Айра (Патерсона), Стирлинга (Ниммо), Файфа (Сиббальда), Ланарка (Гамильтона), Уитона (Агнью) и Морея (Шоу).

Ирландія. Contemp. Hist. of Affairs in Ireland, 1641 — 52 — Жильберта и Hist. of Irish Confederation; Review of Civil Wars in Ireland — Кёрри; Ulster Civil War of 1641—Макъ-Доннеля; Memoirs — Кастльгавена; Rebellion and Civil War of Ireland — Варнера; Hist. of Irish Rebellion — Борлэза; Life of Ormond — Кэрта; Historical Review — Плоудена; Confederation of Kilkenny—Мигана; Cromwellian Settlemant—Прендергаста; Memoirs—Людлоу; Hist. of Ireland—Леланда.

ГЛАВА XV.

Отъ реставраціи до революціи. 1660—1688.

Политическая исторія.

Гассаля.

Реставрація. Съ возстановленіемъ монархіи 26 мая 1660 года начинается послѣдняя стадія великой конституціонной борьбы между королевской прерогативой и народной свободой, борьбы, происходившей въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ то въ парламентѣ, то на поляхъ битвы. Первый періодъ царствованія Карла II есть время господства Кларендона, отъ реставраціи до осени 1667 года. Въ эти годы было произведено устройство государства и Карлъ, занятый голландской и французской войнами, не могъ исполнить своего намѣренія освободиться отъ зависимости отъ парламента и даровать католикамъ вѣротерпимость. Сначала установились близкія отношенія съ Франціей и бракъ Карла съ Катериной Браганцской, португальской принцессой, принесшей ему въ приданое Танжеръ и Бомбай, 500,000 фунтовъ и свободную торговлю въ Бразиліи и Восточной Индіи, былъ результатомъ вліянія Людовика XIV. Въ ноябрѣ 1662 года Дюнкирхенъ былъ проданъ Франціи и Карлъ, получивъ 200,000 фунтовъ, надѣялся вопреки оппозиціи парламента обойти законы противъ католиковъ и диссентеровъ.

Голландская война 1665—67. Въ 1665 году король и парламентъ были согласны относительно войны съ Голландіей, начавшейся въ этомъ году, 22 февраля. Сначала горизонтъ казался мрачнымъ. Людовикъ заключилъ съ Голландіей союзъ, Лондонъ страдалъ отъ чумы, за которой послѣдовалъ большой пожаръ. Въ 1666 году Людовикъ въ силу своихъ обязательствъ предъ Голландіей объявилъ Англіи войну, но не принималъ рѣшительнаго участія въ борьбѣ, пока, послѣ ряда битвъ, Монкъ

не завладѣлъ властью надъ моремъ противъ Де Рюйтера. Несмотря на военные успѣхи Англія, однако, ждала мира; Карлъ, желая осуществленія своихъ цѣлей дома, воспользовался стремленіемъ Людовика XIV завоевать испанскія Нидерланды и заключилъ съ нимъ тайный договоръ (мартъ 1667), по которому Людовикъ обязался не поддерживать голландцевъ противъ Англіи.

Паденіе Кларендона, 1667. Кабала, 1667—74. Папистскій заговоръ и билль объ исключеніи, 1674—81. Реакція 1681—85.

Планъ Людовика воспользоваться войной между Англіей и Голландіей для завоеванія испанскихъ Нидерландовъ былъ уничтоженъ смѣлостью голландцевъ. Понимая, какъ для нихъ важно не имѣть связанныхъ войной рукъ въ случаѣ нашествія Людовика, они вошли въ Темзу (іюнь 1667) и вынудили отъ Англіи миръ. Трактатомъ въ Бреда (іюль) война была кончена, причемъ Англія сохранила Нью-Іоркъ. Вниманіе Европы теперь было направлено на нападеніе Людовика на испанскія Нидерланды, гдѣ въ маѣ появились французскія войска, легко добившіяся побѣды. Въ Англіи была возбуждена зависть къ Франціи, результатомъ этого и было паденіе Кларендона въ августѣ 1667 года. Положеніе этого министра было потрясено различными причинами. Парламенту не нравились его мнѣнія о королевской прерогативѣ, королю и двору онъ надоѣлъ, а нація считала его виновникомъ продажи Дюнкирхена и нападенія голландцевъ на Лондонъ и была убѣждена, что онъ стоитъ на сторонѣ Франціи. Его обвиненіе и изгнаніе были началомъ второго періода царствованія, отъ 1667 до 1674 года, когда Англіей управляло министерство Кабалы. Это министерство, состоявшее изъ Клиффорда, Ашли, Букингама, Арлингтона и Лаудердаля, преслѣдовали смѣлую иностранную политику и составило въ началѣ 1668 года знаменитый Тройственный союзъ изъ Англіи, Швеціи и Голландіи, бывшій дѣломъ сэра Вилльяма Темпля и одной изъ главныхъ причинъ мира въ Aix-de-Chapelle (29 мая 1668), которымъ была кончена война въ Нидерландахъ. Но Карлъ не хотѣлъ союза съ Голландіей и хотѣлъ даровать вѣротерпимость англійскимъ католикамъ, а Людовикъ рѣшилъ уничтожить голландскую республику. Въ маѣ 1670 года былъ съ вѣдома Арлингтона и Клиффорда подписанъ тайный Дуврскій трактатъ и Карлъ за значительную сумму денегъ согласился помогать Людовику въ его нападеніи на Голландію. За началомъ второй голландской войны послѣдовало паденіе министерства Кабалы, которое, по мнѣнію парламента, было подкуплено Франціей. Съ 1674 до 1681 года Карлъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ парламентомъ и былъ вынужденъ играть пассивную роль въ европейской политикѣ. Антифранцузское настроеніе въ странѣ увеличилось и оно оправдывалось постоянными тайными переговорами Карла съ Людовикомъ, замѣчательными дипломатическими и военными успѣхами послѣдняго и безспорной гегемоніей Франціи въ Европѣ. Ярость народа, раздуваемая Шафтсбюри, направилась на католиковъ, Данби былъ низверженъ

и открытіе такъ называемаго папистскаго заговора вызвало агитацію въ пользу исключенія герцога Іоркскаго изъ престолонаслѣдія. Билль объ исключеніи былъ принятъ палатой общинъ, но былъ отвергнутъ лордами и парламентъ былъ распущенъ (январь 1681). Съ этого времени до конца царствованія начинается реакція, благопріятная для короля и враждебная Шафтсбюри. Популярность Карла возростала до самой его смерти, въ 1685 году. Корпораціи Лондона и другихъ городовъ были преобразованы, Шафтсбюри бѣжалъ изъ Англіи и Карлъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ, чтобы остановить аггресивную политику Людовика.

Царствованіе Іакова II, 1685—88.

Наслѣдникъ Карла, Іаковъ II, былъ болѣе рѣшительнымъ въ дѣлѣ открытаго признанія католицизма и не менѣе брата беззаботенъ относительно важныхъ политическихъ вопросовъ, рѣшавшихся въ то время на континентѣ. Подавивъ возстаніе Монмоута въ іюнѣ 1685 года, Іаковъ хотѣлъ пользоваться единоличной властью; онъ возстановилъ Судъ Верховной коммиссіи, издалъ «декларацію объ индульгенціи» и открыто напалъ на церковь. Послѣ суда надъ семью епископами и рожденія наслѣдника престола непосредственно послѣдовало приглашеніе семью вигскими лордами Вильгельма Оранскаго прибыть въ Англію и вмѣшаться въ пользу религіозной и политической свободы англичанъ.

Столь же неодобрительно было отношеніе Іакова къ положенію дѣлъ на континентѣ. Людовикъ рѣшился упрочить свою гегемонію въ Европѣ и хотѣлъ превратить Ратисбонское перемиріе, обезпечивающее ему съ 1684 года двадцатилѣтнее владѣніе присоединенными имъ округами, въ окончательный миръ. Европа, объединенная въ Аугсбургскую Лигу, готовилась оспаривать его требованія; помощь Англіи была крайне важна для Лиги. Людовикъ тоже желалъ добиться союза или нейтралитета Англіи и былъ склоненъ считать экспедицію Вильгельма Оранскаго выгодной для себя, какъ могшую возбудить въ Англіи гражданскую войну и, стало быть, сдѣлать для нея невозможнымъ всякое участіе въ европейскихъ дѣлахъ. Быстрые успѣхи Вильгельма и бѣгство Іакова II разрушили всѣ расчеты Людовика. Революція 1688 года, обезпечивъ парламентскія свободы Англіи, вмѣстѣ съ тѣмъ возстановила и обезпечила европейское равновѣсіе.

Конституціонная исторія. Реставрація.

Въ теченіе царствованія Карла II и Іакова II боролись между собой противуположные политическіе принципы. Нація, не раздѣляя идеала Стюартовъ относительно королевской прерогативы, не желая иностраннаго вмѣшательства какъ со стороны французскаго короля, такъ и со стороны папы, оставалась твердой въ своей преданности принципу наслѣдственной монархіи и системѣ англиканской церкви. Послѣ окончательнаго устроенія реставраціоннаго правительства всѣ мѣры Долгаго парламента, принятыя имъ до начала гражданской войны, были подтверждены, за исключеніемъ Билля объ епископахъ

и Трехгодичнаго билля, епископство было возстановлено; въ 1661 году былъ принятъ актъ противъ мятежныхъ петицій; актъ о корпораціяхъ 1661 года, актъ объ единовѣріи 1662, актъ о сборищахъ (Conventicle Act), 1664 и Пятимильный актъ 1665 годовъ доказывали взгляды парламента по вопросу о вѣротерпимости. Въ финансовыхъ вопросахъ тоже было принято нѣсколько важныхъ рѣшеній. Налогъ на собственность замѣнилъ субсидіи, десятины и пятнадцатую часть; вмѣсто феодальныхъ повинностей король получилъ наслѣдственный акцизъ и окончательно сформировалась идея о Civil List.

Долгій парламентъ реставраціи.

За Конвентомъ слѣдовалъ Долгій парламентъ реставраціи (1661—1679), сначала проявившій чрезмѣрное вѣрноподданничество, за которымъ послѣдовала реакція, повредшая къ паденію Кларендона. Въ 1665 году парламентъ требовалъ права опредѣлять извѣстныя субсидіи на извѣстныя, точно опредѣленныя цѣли; въ 1667 году были назначены комиссары для разсмотрѣнія счетовъ администраціи. Послѣ паденія Кларендона парламентъ имѣлъ основательныя причины, чтобы слѣдить за дѣятельностью короны и министровъ. Карлъ рѣшился освободиться отъ зависимости отъ парламента, облегчить положеніе католическихъ своихъ подданныхъ и примириться съ Римомъ. Тайный Дуврскій трактатъ, закрытіе Казначейства, «Декларація объ Индульгенціи» довели дѣло до кризиса и повели къ внесенію Акта о присягѣ (Test Act) въ 1673 году и къ паденію министерства Кабалы. Съ 1674 до 1679 года Данби руководилъ правительствомъ. Въ этотъ бурный періодъ появленіе провинціальной, сельской (country) партіи составляетъ эпоху въ исторіи партій въ Англіи. Въ 1678 году въ парламентѣ былъ проведенъ актъ о Присягѣ; всѣ католики, за исключеніемъ герцога Іоркскаго, исключены изъ парламента и Данби былъ обвиненъ палатой. Были выдвинуты многіе конституціонные вопросы чрезвычайной важности. Были сдѣланы попытки установить принципъ, что министры не могутъ прикрывать себя повелѣніями монарха и извинять свое поведеніе повиновеніемъ ему и что обвиненіе министра не уничтожается отсрочкой или распущеніемъ парламента; были выставлены аргументы за и противъ права епископовъ вотировать при судѣ перовъ въ сужденіи объ уголовныхъ преступленіяхъ и преступленіяхъ, наказуемыхъ смертной казнью.

Борьба короля съ парламентомъ Реакція.

Послѣ распущенія Долгаго парламента реставраціи Вилльямъ Темпль попытался возстановить и реформировать Частный совѣтъ. Эта попытка не удалась и третій парламентъ царствованія, собравшійся въ 1679 году, провелъ Habeas Corpus Act, внесъ Билль объ исключеніи и въ томъ же году былъ распущенъ. Мнѣнія въ странѣ раздѣлились по вопросу о Биллѣ объ исключеніи; изъ всѣхъ графствъ Англіи поступали петиціи; въ нѣкоторыхъ просили созыва новаго парламента, въ другихъ выражалось негодованіе противъ попытокъ

насиловать королевскую волю. Эти двѣ партіи: петиціонеровъ и негодующихъ (Abhorrers) впослѣдствіи получили названіе виговъ и тори. Слѣдующій парламентъ (1679—81) былъ столь же бурнымъ, какъ и предшествующій ему. Билль объ исключеніи прошелъ въ палатѣ Общинъ, но былъ отвергнутъ лордами и 18 января 1681 года парламентъ былъ распущенъ. Пятый парламентъ, извѣстный подъ названіемъ Оксфордскаго, собрался въ Оксфордѣ 21 марта 1681 года. Шафтсбюри и оппозиція въ сопровожденіи огромной свиты появилась въ большомъ количествѣ. Послѣ восьмидневнаго ожесточеннаго обсужденія Билля объ исключеніи Карлъ распустилъ этотъ послѣдній парламентъ своего царствованія. Съ 1681 до 1684 года въ странѣ господствовала реакція въ пользу королевской власти. Боясь гражданской войны и не симпатизируя насилію виговъ, большинство населенія поддерживало короля въ его рѣшеніи охранять принципъ наслѣдственности монархіи. Заговоръ въ Rye House позволилъ Карлу отдѣлаться отъ его враговъ; конфискація муниципальныхъ грамотъ Лондона и другихъ городовъ задушила оппозицію королевской прерогативѣ въ большихъ центрахъ и установила деспотизмъ короля на базисѣ, повидимому прочномъ.

Общіе результаты царствованія.

Царствованіе Карла II называли временемъ хорошихъ законовъ и дурного управленія. Хотя это царствованіе закончилось пораженіемъ виговъ и торжествомъ короля, годы отъ 1660 до 1685 были ознаменованы развитіемъ конституціи. Произвольное обложеніе было уничтожено, судебная власть Частнаго совѣта не возобновлялась болѣе, Habeas Corpus Act защищалъ свободу подданныхъ и окончательно была установлена отвѣтственность министровъ. Въ это же царствованіе увеличилось значеніе палаты общинъ. Было признано ея право предавать министровъ суду, было обезпечено ея право назначенія извѣстныхъ суммъ на опредѣленныя государственныя потребности и провѣрка ей всѣхъ счетовъ; безспорнымъ было ея право иниціативы въ финансовомъ законодательствѣ. Палата лордовъ не только отказалась отъ своего права исправлять финансовые билли, но послѣ столкновенія съ палатой общинъ по дѣлу Скинера, т. е. Кампаніи Восточной Индіи, она отказалась отъ всякаго притязанія на юрисдикцію въ гражданскихъ дѣлахъ. Можно сказать, что исторія новой Англіи начинается съ воцаренія Карла II и это замѣтно въ измѣненіи взглядовъ по вопросамъ о партійномъ управленіи, объ обложеніи, о положеніи министровъ, также какъ и въ постоянномъ ростѣ общественнаго мнѣнія.

Конституція въ опасности при Іаковѣ II.

Іаковъ II не понималъ значенія этаго роста общественнаго мнѣнія. Воспользовавшись реакціей въ пользу королевской власти, происшедшей въ концѣ царствованія Карла II, «онъ рѣшился возстановить католицизмъ и сдѣлаться абсолютнымъ монархомъ». Въ первые два года своего царствованія онъ пытался достигнуть своихъ цѣлей

дальнѣйшей реформой городскихъ корпорацій и вынужденіемъ согласія отъ рабскаго парламента, созваннаго имъ въ 1685 году. Но даже этотъ парламентъ отказалъ въ увеличеніи арміи и въ отмѣнѣ Test Act и потому засѣданія его были отсрочены (декабрь 1685). Іаковъ потомъ увеличилъ армію до 30,000 человѣкъ, назначилъ многихъ католиковъ офицерами; опираясь на дѣло Гальса (1686), онъ пользовался единоличной властью, не обращая вниманія на конституціонныя и легальныя ограниченія; онъ возстановилъ церковную комиссію. Но было очевидно, что для осуществленія своихъ плановъ онъ не могъ полагаться даже на помощь тори. Потому въ 1687 и 1688 годахъ онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону ирландцевъ и нонконформистовъ и надѣялся достичь своихъ цѣлей съ ихъ помощью. Въ апрѣлѣ 1687 года была публикована первая Декларація о свободѣ совѣсти, но нонконформисты не довѣряли Іакову и противились Деклараціи, какъ изданной въ обходъ и съ цѣлью уничтоженія всѣхъ законовъ. Черезъ годъ Декларація объ индульгенціи была опубликована второй разъ и приказано читать ее въ церквахъ. Семь епископовъ подали петиціи противъ нея и были преданы суду. За ихъ оправданіемъ послѣдовало приглашеніе Вильгельма Оранскаго. За прибытіемъ Вильгельма въ ноябрѣ 1688 года послѣдовало бѣгство Іакова (23 декабря) и революція 1688 года совершилась быстро и спокойно. Теорія ненарушимаго наслѣдственнаго права была окончательно оставлена, палата общинъ сдѣлалась важнѣйшимъ изъ конституціонныхъ элементовъ, развитіе системы кабинетскаго министерства устранило всякую серьезную опасность отъ обладанія короной значительными правами.

Самымъ выдающимся фактомъ политической жизни этаго періода была близкая связь религіи съ политикой. Не менѣе очевиднымъ фактомъ было существованіе личной религіи, какъ у церковниковъ, такъ и у нонконформистовъ. Церковь имѣла Санкрофта и Кена, а нонконформисты могли указать на Бакстера и Буніана. При реставраціи религіозный расколъ, бывшій результатомъ реформаціи, сдѣлался постояннымъ; соглашеніе между церковниками и кальвинистами сдѣлалось невозможнымъ. Невозможность такого соглашенія доказывалась конференціей въ Савойскомъ дворцѣ (1661); церковь, горячо поддерживаемая парламентомъ, добилась прочнаго политическаго преобладанія. Въ день св. Варфоломея 1662 года, около двухъ тысячъ священниковъ, баптистовъ и индепендентовъ, отказавшихся отъ посвященія, были вынуждены оставить свои приходы. Торжество церкви.

Но Карлъ II хотѣлъ свободы совѣсти, а не Акта объ единовѣріи. Онъ въ первой Деклараціи объ индульгенціи 26 декабря 1662 года думалъ воспользоваться своей единоличной властью въ пользу религіозныхъ диссентеровъ. Но Кларендонъ и парламентъ противились всякой мысли о терпимости и за попыткой короля добиться вѣро-

терпимости послѣдовало принятіе актовъ о сборищахъ (Conventicle Act) и Пятимильнаго,—иначе говоря воспрещеніе всякой иной религіи, кромѣ государственной. Въ 1667 году Кларендонъ былъ отставленъ, но въ слѣдующемъ году палата общинъ отказалась выслушать всякое справедливое предложеніе о соглашеніи. Карлъ, раздраженный своей зависимостью отъ парламента и признавая невозможность достичь своихъ религіозныхъ цѣлей средствами конституціонными, началъ переговоры съ Франціей, которые и кончились тайнымъ Дуврскимъ трактатомъ, имѣвшимъ цѣлью освобожденіе англійскихъ католиковъ и примиреніе Англіи съ Римомъ. Въ 1671 году во второй Деклараціи объ индульгенціи онъ объявилъ о своемъ намѣреніи пріостановить исполненіе всѣхъ уголовныхъ законовъ противъ нонконформистовъ и «отрекшихся» (Recusants). Ни Шафтсбюри, ни Букингамъ, ни Лаудердаль не знали ничего о его намѣреніи обратиться въ католицизмъ, хотя и поддерживали планъ короля воевать съ голландцами и даже Шафтсбюри энергично защищалъ политику Деклараціи. Парламентъ, однако, настаивалъ на политикѣ «Акта о Корпораціяхъ» 1661 года и принятіе имъ въ 1673 году Test Act'а сдѣлало причащеніе по ритуалу англиканской церкви обязательнымъ условіемъ для занятія всѣхъ гражданскихъ должностей. Народъ, руководимый Шафтсбюри, рѣшительно возсталъ противъ всякихъ уступокъ католикамъ и 9 ноября 1674 года Шафтсбюри былъ отставленъ отъ должности лорда канцлера.

Агитація противъ католицизма и реакція.

Съ 1674 до 1678 года во главѣ министерства былъ Данби. Также, какъ и Кларендонъ, онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ англиканства и желалъ сохраненія наслѣдственнаго права монархіи и прерогативы. Близкая связь между короной и епископами казалась ему необходимой для устойчивости правительства. Онъ хотѣлъ соединить верховвую власть короля и наслѣдственность ея съ парламентской конституціей и поддержать на континентѣ протестантизмъ. Подъ его вліяніемъ Карлъ подтвердилъ законы противъ нонконформистовъ и разрѣшилъ бракъ Вильгельма Оранскаго съ принцессой Маріей (ноябрь 1677). Когда народное возбужденіе противъ Франціи и Рима было удовлетворено открытіемъ папистскаго заговора, биллемъ объ исключеніи и паденіемъ Данби, Карлъ распустилъ Долгій парламентъ реставраціи (январь 1679) и отправилъ герцога Іоркскаго за границу, пока не улеглось общественное возбужденіе. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ велась сильная борьба между королемъ и Шафтсбюри и новой партіей виговъ. Полнымъ торжествомъ дѣла короля было распущеніе Оксфордскаго парламепа (28 марта 1681 года). Популярность Карла росла съ каждымъ днемъ, а съ ней рядомъ росла и реакція. Уголовные законы противъ нонконформистовъ были строго исполняемы; ходили слухи о намѣреніи Карла присоединиться къ римской церкви; король снова принялъ на себя защиту и главенство надъ

церковью; 4 февраля 1685 года Карлъ умеръ католикомъ. Исторія его царствованія доказываетъ, какое сильное вліяніе въ народѣ имѣла церковь. Самъ Карлъ мало заботился объ англиканской церкви, но онъ искренно ненавидѣлъ нонконформизмъ во всѣхъ его формахъ. И въ средѣ церковниковъ и въ средѣ нонконформистовъ было много выдающихся богослововъ, но религія сильно страдала и много потеряла отъ расколовъ, порожденныхъ реформаціей и сдѣлавшихся особенно напряженными, благодаря политикѣ Кромвеля и Карла.

Политика Іакова II.

Карлъ II все же всегда признавалъ свою власть ограниченной, тогда какъ его наслѣдникъ Іаковъ II былъ менѣе проницательнымъ человѣкомъ, болѣе упрямымъ и, можетъ быть, болѣе одностороннимъ и послѣдовательнымъ. Съ самаго начала его царствованія онъ не понималъ, что глубоко вкоренившаяся національная вражда къ Риму не ограничивается однимъ общественнымъ классомъ, но одинаково раздѣляется и церковниками и диссентерами. Вмѣсто того, чтобы стать въ мирныя отношенія къ духовенству, онъ сразу началъ требовать насиліемъ повиновенія его желаніямъ и посредствомъ верховной королевской власти пытался уничтожить независимость церкви. Вмѣсто того, чтобы уяснить себѣ сильную враждебность диссинтеровъ къ Риму, онъ пытался Декларацией объ индульгенціи купить ихъ согласіе на его планы возстановленія католицизма рядомъ мѣръ, возбудившихъ ихъ подозрѣнія и еще болѣе отдалившихъ отъ него англиканское духовенство. Потому въ борьбѣ съ нимъ церковь заняла руководящее положеніе и безъ ея помощи революція не могла бы совершиться. Планъ Іакова устранить исполненіе Test Act'а для назначенія католиковъ на высшія государственныя и на университетскія должности, возстановленіе суда Верховной комиссіи, изгнаніе членовъ коллегіи Магдалены въ Оксфордѣ за неподчиненіе ихъ его требованіямъ, пріостановка дѣйствія уголовныхъ законовъ противъ католиковъ и диссентеровъ (1687) вынудили обѣ партіи, тори и виговъ, къ рѣшительной оппозиціи. Санкрофтъ, архіепископъ Кентербюрійскій, и шестеро другихъ епископовъ подали Іакову петицію, отказали въ разрѣшеніи читать въ церквахъ и часовняхъ его Декларацію объ индульгенціи и духовенство всей страны поддержало ихъ.

Приглашеніе Вильгельма Оранскаго.

Преслѣдованіе и оправданіе епископовъ (іюнь 1688) заставило духовенство отказаться отъ ученія о пассивномъ повиновеніи и объединило всю страну въ оппозиціи королю. Нонкорформисты не колеблясь присоединились къ церковникамъ въ защитѣ церкви и свободы противъ католиковъ и потому революція была дѣломъ всей націи. 30 іюня было отправлено приглашеніе Вильгельму Оранскому Генрихомъ Сиднеемъ, графами Девонширскимъ и Шрефсбюри, Данби, епископомъ Комптономъ, Лумлеемъ и Эдуардомъ Русселемъ—семью людьми, представлявшими отдѣльныя важныя партіи. Вильгельма просили привести въ Англію армію для спасенія свободы народа. 20 октября

Вильгельмъ издалъ декларацію, въ которой перечислялись неконституціонные акты Іакова и говорилось, что Вильгельмъ идетъ въ Англію для того, чтобы обезпечить ей свободный и законный парламентъ. Уступки, сдѣланныя Іаковомъ въ виду появленія такого манифеста, не могли уничтожить общаго къ нему недовѣрія и Вильгельмъ высадился въ Торбеѣ (ноябрь 1688). За измѣной Черчиля, начальника королевскихъ войскъ, послѣдовало бѣгство Іакова (11 декабря), возвращеніе его въ Лондонъ и вторичное его бѣгство (18 декабря).

Вильгельмъ III, сдѣлавшись такимъ образомъ полнымъ властелиномъ положенія, созвалъ палату лордовъ и свободно избранный Конвентъ и имъ было представлено рѣшеніе вопроса объ устроеніи Англіи. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній палата общинъ приняла резолюцію въ томъ смыслѣ, что «король Іаковъ II попытками низвергнуть конституцію государства, нарушеніемъ первоначальнаго договора между королемъ и народомъ, по совѣту іезуитовъ и другихъ злонамѣренныхъ людей нарушивъ основные законы и удалившись изъ королевства, отрекся отъ управленія и потому престолъ признается вакантнымъ».

Палата лордовъ никоимъ образомъ не раздѣляла такихъ взглядовъ палаты общинъ и въ теченіе нѣкотораго времени положеніе дѣлъ обострилось. Наконецъ пришли къ компромиссу, на основаніи котораго было рѣшено, что государями признаются Вильгельмъ и Марія, и что управленіе государствомъ вручается первому.

Церковь.

Геттона.

Церковь и народъ.

Реставрація съ извѣстной точки зрѣнія была религіознымъ движеніемъ; она была реакціей противъ владычества сектантовъ. Въ 1660 году пресвитеріане, можетъ быть, еще болѣе церковниковъ ненавидѣвшіе идеи анабаптистовъ и индепендентовъ, желали возвращенія короля. Съ королемъ необходимо возвратились и епископы, а съ ними и система Лоуда, мало измѣненная. Главные богословы реставраціи Іеремія Тейлоръ, Пирсонъ, Кузенъ, Барроу, Кенъ, Патрикъ, въ сущности принадлежали къ школѣ Андрьюса и Гаммонда. Въ обрядахъ они придерживались обычаевъ, господствовавшихъ до великаго мятежа. Но сначала представлялось, что можно найти какой нибудь базисъ для соглашенія между двумя большими религіозными партіями, призвавшими короля. Самъ Карлъ былъ за соглашеніе; казалось, что планъ архіепископа Усшера будетъ принятъ, какъ основа новаго церковнаго строя. Но король желалъ также

широкой терпимости и предполагалъ, что она должна распространяться какъ на католиковъ, такъ и на индепендентовъ. «Законъ, говорилъ онъ, представляетъ достаточную гарантію противъ католиковъ»- «Да, возразилъ ему Ричардъ Бакстеръ, но вопросъ въ томъ: будетъ ли исполняться законъ или нѣтъ?» Такимъ образомъ отношеніе пуританъ и ихъ старое положеніе, что основное право ихъ религіи дѣлаетъ невозможнымъ дарованіе вѣротерпимости другимъ, помѣшало соглашенію. Неудача конференціи въ Савойскомъ дворцѣ, соединенная съ нетерпимостью пресвитеріанъ, сдѣлала торжество церкви еще болѣе рѣшительнымъ. Народъ привѣтствовалъ ея возстановленіе и ультра-роялистскій парламентъ принялъ ее подъ свое покровительство.

Церковь и государство.

Съ самаго начала вмѣшательство государства при его стремленіи къ преслѣдованію, далеко оставлявшемъ позади даже стремленія церковниковъ, болѣе вредило, чѣмъ помогало церкви. Роялистскій парламентъ немедленно принялъ акты О корпораціяхъ и Объ единовѣріи, которые были противны и желаніямъ короля и истиннымъ интересамъ церкви. Церковь при Шельдонѣ, и еще болѣе при Тиллотсонѣ, была въ почетномъ плѣну у государства, которое было прямо компретирующимъ по страстности своего англиканства. Реакція повела къ преслѣдованіямъ побѣжденныхъ побѣдителями. Англиканская палата общинъ въ минуту энтузіазма или ужаса приняла Актъ о корпораціяхъ, Пятимильный актъ, актъ о сборищахъ и наиболѣе вредную для церкви мѣру, принятую не столько для ея выгодъ, сколько для выгоды государства—Test Act. Эти законы, имѣвшіе главнымъ образомъ въ виду предупрежденіе политическихъ опасностей, безъ всякой надобности рѣзко обострили тѣ отличія, въ большинствѣ случаевъ незначительныя, которыя отдѣляли нонкоформистовъ отъ церкви. Во время царствованія Карла II преслѣдованіе диссентеровъ, за которымъ послѣдовало преслѣдованіе католиковъ, постепенно все болѣе и болѣе связывало церковь съ государствомъ. При Іаковѣ нападенія короны на свободу церкви и на свободу націи снова возстановили вліяніе церкви на народныя массы. Церковь помогала тому движенію, которое выгнало Іакова изъ Англіи. Революція, также какъ и реставрація, до значительной степени была церковнымъ движеніемъ.

Въ теченіе періода, о которомъ мы говоримъ, церковь занимала новое положеніе; но пользовалась вмѣстѣ съ тѣмъ многими изъ старыхъ ея привиллегій. Сектанство было признано, какъ фактъ. Это было легальнымъ положеніемъ, съ извѣстными правами и ограниченіями, съ извѣстными наказаніями и исключеніями. Церковь не имѣла болѣе притязаній на то, что въ ея лоно входятъ всѣ англичане. Но она во многихъ отношеніяхъ сохраняла свое прежнее положеніе; она не хотѣла отказаться отъ пользованья своей дисци-

плинарной властью надъ ея членами. Однимъ изъ первыхъ актовъ архіепископа Джуксона было дарованіе секретарю Николасу позволенія въ постъ есть мясное, что доказывало, что старое правило церкви и государства продолжаетъ быть обязательнымъ. Точно также налагались и исполнялись церковныя наказанія. Пеписъ отмѣчаетъ «объявленіе о покаяніи человѣка, подвергнувшагося церковному взысканію», о которомъ онъ слышалъ въ 1665 году; въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ много примѣровъ въ этомъ родѣ. Довольно обычнымъ явленіемъ были и отлученія отъ церкви и только постепенно пришли къ убѣжденію, что власть церкви, какъ вполнѣ духовная, недѣйствительна для тѣхъ, которые не хотятъ духовныхъ привиллегій.

Положеніе духовенства.

Тѣмъ не менѣе церковь постепенно все менѣе и менѣе считалась отдѣльнымъ сословіемъ. По соглашенію между Кларендономъ и архіепископомъ Шельдономъ духовенство перестало самооблагаться въ его конвокаціи. Общность страданій все болѣе и болѣе связывала его съ мелкимъ дворянствомъ; оно все болѣе и болѣе становилось въ зависимость отъ него. Независимость духовенства, которой добивался архіепископъ Лоудъ, была недолговѣчной, и въ тоже время не было такого періода, по крайней мѣрѣ со времени пятнадцатаго вѣка, когда духовенство имѣло бы такое вліяніе въ Англіи, какъ въ періодъ отъ реставраціи до смерти королевы Анны. Высшія должности въ церкви занимались людьми учеными и ловкими; даже галликанская церковь не можетъ похвалиться болѣе талантливыми писателями или болѣе знаменитыми учеными. Немногіе изъ церковниковъ имѣли большее вліяніе въ критическіе моменты исторіи Англіи, какъ тѣ англійскія духовныя лица, которыя такъ смѣло выступили противъ Іакова II. Въ большинствѣ изъ важныхъ событій того времени епископы играли выдающуюся роль, не жертвуя при этомъ достоинствомъ и святостью ихъ положенія. Шельдонъ былъ не только архіепископомъ, но и государственнымъ человѣкомъ; онъ открыто не одобрялъ Карла II за его дурную жизнь. Кена уважали во всей странѣ; онъ тоже смѣло стоялъ за право, и противъ Вильгельма Оранскаго за его дурныя отношенія къ преданной ему женѣ, и тогда, когда онъ отказался принять въ своемъ домѣ Нелли Гвиннъ; въ политикѣ также, какъ и въ морали, онъ твердо стоялъ за дѣло права. Невозможно упрекать въ недостаткѣ талантовъ ту церковь, которой управляли такіе люди, какъ Санкрофтъ, Уильсонъ, Кенъ, Комптонъ, Пирсонъ, Іеремія Тайлоръ и лордъ Натаніель Крью; ихъ талантливость признавалась даже тѣми, которые отвергали религіозныя и нравственныя ученія церкви. Клерикальное вліяніе менѣе выдающихся духовныхъ лицъ было другого рода, но оно было не меньшимъ. То было время частныхъ капеллановъ. Сатирики того и послѣдующаго временъ любили шутить надъ скромнымъ священни-

комъ, который былъ креатурой своего патрона, который долженъ былъ произносить за него предъобѣденную и послѣобѣденную молитвы, писать за пего письма, объѣзжать его лошадь, помогать ему въ тысячѣ домашнихъ мелочей и обыкновенно кончалъ небольшой пенсіей и женитьбой на бывшей любовницѣ патрона или на горничной его супруги. Надзоръ епископовъ надъ капелланами обыкновенно былъ слабымъ и хотя въ дѣйствительности ихъ положеніе было нѣсколько лучше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, но при слабости надзора и при большомъ количествѣ духовныхъ, не имѣвшихъ мѣстъ, было естественно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ положеніе было положеніемъ старшаго слуги. Знаменитое стихотвореніе Ольдгама въ нѣкоторыхъ случаяхъ недалеко отъ истины:

„Хорошій столъ, лошадь и тридцать фунтовъ въ годъ,
Кромѣ удовольствія быть наушникомъ его сіятельства,
Кромѣ почестей занятія и званія—
Все это кажется очень привлекательнымъ для молодого человѣка.
Неопытный бѣдняга не знаетъ,
Какому рабству онъ долженъ часто подвергаться,
Онъ хотя и въ рясѣ и въ шелковомъ шарфѣ,
Но въ лучшемъ случаѣ онъ носитъ только болѣе нарядную ливрею.
Когда подаютъ обѣдъ, всѣ должны ждать,
Пока онъ святыми словами не благословитъ явства;
Но ему рѣдко оказывается такая милость
И такая честь, чтобы его пригласили сѣсть“.

Картина несомнѣнно нѣсколько преувеличена. И Кенъ и Кеттльуэлль были тоже частными капелланами. Не малымъ дѣломъ было руководить религіозной жизнью большого хозяйства. Въ средѣ провинціальнаго дворянства капелланы сохраняли тонъ, который безъ нихъ былъ бы утраченъ въ это время общей реакціи и разнузданности. Если они и бывали креатурами своихъ патроновъ, то по крайней мѣрѣ ихъ доходы позволяли имъ служить бѣднымъ приходамъ, гдѣ безъ нихъ была бы невозможна дѣятельность духовенства. Почти одно духовенство устояло противъ того потока распущенности, который угрожалъ странѣ отъ примѣра двора. Большинство духовныхъ лицъ твердо оставалось на своемъ посту во время ужасовъ чумы. Въ нѣкоторыхъ лондонскихъ приходахъ молитвы шли, какъ въ обыкновенное время; и отъ Шельдона въ Ламбетѣ до самаго бѣднаго курата духовенство подавало примѣръ, что значительно усилило его вліяніе.

Каково бы, однако, ни было положеніе частныхъ капеллановъ, несомнѣнно, что духовенство, какъ цѣлое, стояло близко къ общественной жизни того времени и своими отношеніями къ людямъ, въ рукахъ которыхъ находилась вся политическая власть, пріобрѣло сильное вліяніе въ государствѣ. Во всякій моментъ царствованія

Іакова II, и, можетъ быть, царствованія его брата, рѣшительныя дѣйствія епископовъ могли практически направлять политику страны. Духовныя лица писали большую часть политическихъ памфлетовъ того времени; ихъ проповѣди переиздавались и читались съ такой жадностью, которая кажется намъ теперь изумительной.

Очевидно, что общественное положеніе духовенства совсѣмъ не было такимъ низкимъ, какъ можно заключить на основаніи разсказовъ и сатиръ, принадлежащихъ къ нѣсколько позднѣйшему времени. «Священничество — это профессія джентльмена» — говорилъ Іеремія Колье. Антоній Вудъ, разсказывая о епископѣ Комптонѣ, сынѣ графа Нортгамптона, раньше служившемъ въ арміи, замѣчаетъ, что «онъ рѣшился принять посвященіе, какъ лучшее средство добиться карьеры для младшихъ сыновей аристократіи». Семь епископовъ всѣ были люди изъ хорошаго общества и нѣкоторые изъ очень хорошаго рода. Приходскіе священники были часто людьми замѣтными, особенно въ большихъ городахъ, но развитіе системы соединенія въ однихъ рукахъ нѣсколькихъ приходовъ постепенно раздѣлило духовенство на два класса: на людей, имѣвшихъ по нѣскольку выгодныхъ приходовъ и на людей, имѣвшихъ много работы. Епископы въ слѣдующемъ столѣтіи рѣдко бывали изъ приходскихъ священниковъ и раздѣленіе, бывшее сначала чисто соціальнымъ, потомъ сдѣлалось и политическимъ.

Проповѣдники. Кромѣ приходскаго духовенства существовало большое количество проповѣдниковъ; Лоудъ тщетно пытался уничтожить этотъ разрядъ духовенства; при республикѣ онъ процвѣталъ и увеличивался. Происхожденіе этого класса обусловливалось склонностью частныхъ лицъ къ извѣстнымъ ученіямъ, за распространеніе которыхъ они соглашались платить, а популярность его объясняется любовью народа къ духовному краснорѣчію; правовѣрные жаловались, что проповѣдники очень популярны и что они еретики. «Народъ спѣшитъ на проповѣдь въ самыя отдаленныя части города, тогда какъ сколько вы не созывайте колокольнымъ звономъ на каноническіе часы молитвы, вы не созовете людей даже изъ сосѣдства». Описаніе Гардинеромъ проповѣдника относится именно къ проповѣдникамъ реставраціи. Ему уплачивала корпорація или частныя лица за то, чтобы онъ проповѣдывалъ и не дѣлалъ больше ничего. «Законъ обязывалъ его читать предъ проповѣдью службу, но вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ этотъ законъ неисполнялся;» только когда молитвы были кончены, проповѣдникъ выходилъ изъ трапезы и «сіялъ предъ конгрегаціей, какъ человѣкъ много высшій того, который только читалъ по молитвеннику установленныя молитвы». Бакстеръ предлагалъ, какъ особенное важное условіе желательнаго для него соглашенія, чтобы проповѣдниковъ не обязывали читать службу или чтобы разъ въ полгода они читали большую часть молитвъ,

назначенныхъ въ этотъ день. Но епископы упорно стремились къ уничтоженію класса проповѣдниковъ и хотя нѣкоторые изъ нихъ продолжали существовать въ городахъ, съ этого времени ихъ значеніе рѣшительно начинаетъ падать.

Церковь и общество.

Отъ положенія духовенства естественно перейти къ разсмотрѣнію его вліянія на народъ. Бѣдные вообще были церковниками, хотя тѣ, которые подобно Буніану искали энтузіазма въ религіи, находили его главнымъ образомъ у диссентеровъ. Высшіе классы всѣ безъ исключенія были церковниками; въ этой средѣ мы встрѣчаемъ много примѣровъ набожности и филантропіи. Медиковъ въ это время уже не упрекали въ невѣріи, какъ раньше часто упрекали такихъ. ученыхъ, какъ Томасъ Броунъ. Докторъ Виллисъ, профессоръ естественной философіи въ Оксфордѣ и лейбъ-медикъ короля, былъ извѣстенъ, какъ набожный церковникъ съ того времени, когда во время войны и послѣ воспрещенія молитвенника онъ открылъ свой домъ, Бимъ Голль въ Оксфордѣ, для совершенія литургіи англиканской церкви. Петръ и Джонъ Барвики были не менѣе извѣстны своей набожностью. Первый изъ нихъ жилъ почти сорокъ лѣтъ рядомъ съ Вестминстерскимъ аббатствомъ и «постоянно посѣщалъ молитвы въ шесть часовъ утра, посвящая начало дня Богу, а весь остальной день бѣднымъ; онъ не только даромъ прописывалъ имъ лекарства, но и покупалъ ихъ на свои деньги и милосердно облегчалъ ихъ другія нужды». Самъ сэръ Томасъ Броунъ въ концѣ жизни былъ здравомыслящимъ англиканцемъ. Исаакъ Вальтонъ прожилъ любимымъ и почитаемымъ до 1683 года и умеръ въ тѣни Винчестерскаго собора. Эліасъ Ашмоль, антикварій, Матью Гэль и сэръ Эдмундбюри Годфри, судья и магистратъ, лордъ Кларендонъ и его сыновья, Робертъ Бойль—всѣ они были людьми религіозными и добродѣтельными. Мало періодовъ въ исторіи Англіи, когда богатые міряне были такъ преданы церкви. Среди дамъ встрѣчалось тоже много примѣровъ набожности, Графиня Мэри Варвикъ, оставившая намъ громадный отчетъ о ея религіозной жизни въ формѣ дневника, «просто, правильно и набожно соблюдала предписанія англійской церкви относительно литургіи и публичной службы, которыя она съ примѣрнымъ усердіемъ посѣщала два раза въ день». Лэди Рашель Руссель, лэди Доротея Пакингтонъ и изящная м-съ Годольфинъ служатъ образцами женщинъ этаго періода и представляютъ поразительный контрастъ съ С. Джемскимъ дворомъ и съ ихъ современницами во Франціи, съ m-lle Монпасье и герцогиней Лонгевилль. Если лэди Пакингтонъ дѣйствительно написала «Долгъ человѣка» (The Whole Duty of Man), то руководительницей религіи въ цѣломъ поколѣніи была женщина; столь же безсмертна слава лэди Бетти Гастингсъ, для которой «лучшее воспитаніе есть любовь».

Развитіе законодательства.

Монтэгю.

Завершеніе системы общаго права.

Можно сказать, что съ реставраціи начинается новый періодъ въ исторіи англійскаго законодательства. Долгій парламентъ установилъ верховенство общаго права. Чрезвычайные суды, учрежденные Тюдорами и бывшіе опорами личнаго управленія, были уничтожены, Церковные суды были доведены до положенія полнаго безсилія. Судъ канцлерства пересталъ быть орудіемъ королевской власти. Съ этихъ поръ расширеніе его юрисдикціи обусловливалось нуждами подданныхъ, а не честолюбіемъ государя. Правда, что послѣ ниспроверженія монархіи начали разсуждать о недостаткахъ англійскаго законодательства. Во время республики часто требовали полной реформы законодательства, въ особенности измѣненія судебной процедуры, Но при реставраціи всѣ подобные проекты были устранены. Утомленные измѣненіями и волненіями англичане были рады вернуться къ учрежденіямъ ихъ предковъ. Довольствуясь тѣмъ, что они отдѣлались отъ суда Звѣздной палаты и отъ суда Верховной комиссіи, они не обращали уже вниманія на варварство уголовныхъ законовъ, на дороговизну и на медленность процедуры въ судѣ канцлерства. Общее право получило свою постоянную и окончательную форму; принципы его были опредѣлены во многихъ записанныхъ прецедентахъ. Та часть нашей громадной юридической литературы, которая пользуется авторитетомъ почти равнымъ авторитету судебныхъ рѣшеній, получила нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ и наиболѣе цѣнныхъ добавленій въ сочиненіяхъ знаменитаго сэра Матью Гэля, занимавшаго при Карлѣ 11 должность главнаго барона казначейства и главнаго судьи въ судѣ Королевской Скамьи. Завершеніе общаго права дало новое значеніе тѣмъ агентамъ, посредствомъ которыхъ его можно было дополнить или исправить. Съ этого времени приспособленіе закона къ общественнымъ нуждамъ достигается главнымъ образомъ въ судахъ справедливости (Courts of Equity) и посредствомъ законодательной власти.

Независимость присяжныхъ Дѣло Бушеля.

Одна важная реформа была произведена судебнымъ рѣшеніемъ, относящимся къ этому періоду. Независимость присяжныхъ была гарантирована знаменитымъ рѣшеніемъ по дѣлу Бушеля. Ученіе, что присяжные подвергаются отвѣтственности, если они даютъ приговоръ, противный силѣ доказательствъ и приказанію двора, было слишкомъ удобнымъ, чтобы Тюдоры не воспользовались имъ. Они не колебались проявлять свое неудовольствіе присяжнымъ, выносящимъ противный ихъ желаніямъ приговоръ. Виновные присяжные подвергались выговору судей или вызывались въ Звѣздную палату,

которая обыкновенно ограничивалась увѣщаніемъ, но иногда и наказывала ихъ штрафами или тюремнымъ заключеніемъ. Эти прецеденты не были забыты и при Стюартахъ. Даже послѣ уничтоженія Звѣздной палаты главный судья Королевской Скамьи иногда дѣлалъ выговоръ или штрафовалъ присяжныхъ. Съ паденіемъ личнаго управленія такой обычай все болѣе и болѣе неодобрялся. Въ 1667 году палата общинъ формально осудила его въ своей резолюціи. Нѣсколько позже всѣ судьи, кромѣ одного, объявили незаконность наложенія штрафа на присяжныхъ, давшихъ приговоръ, противный указаніямъ двора. Послѣднимъ присяжнымъ, оштрафованнымъ за подобный проступокъ, былъ Эдуардъ Бушель, одинъ изъ присяжныхъ оправдавшихъ въ 1670 году квакеровъ Пенна и Мида, обвиненныхъ предъ секретаремъ (Recorder) лондонскаго Сити въ держаніи незаконнаго сборища. Такъ какъ приговоръ былъ противенъ приказанію секретаря, то онъ оштрафовалъ каждаго изъ присяжныхъ сорока марками и при отказѣ Бушеля заплатить арестовалъ его. Бушель потребовалъ приказа на основаніи habeas Corpus Act. Воганъ, главный судья общаго суда (Court of Common Pleas) призналъ основанія для его обвиненія недостаточными и освободилъ его. Съ этого времени ни одного присяжнаго не обвиняли въ томъ, что онъ произнесъ приговоръ согласно съ его мнѣніемъ.

Суды справедливости. Юристы-канцлеры.

Исторія судовъ справедливости начинается въ царствованіи Карла II. Не только судъ канцлерства по своему происхожденію моложе судовъ общаго права, но онъ замѣчательно медленно получилъ свою опредѣленную юрисдикцію. Это отчасти обусловливалось тѣмъ, что его юрисдикція была вспомогательной, а отчасти тѣмъ, что канцлеръ былъ важнымъ государственнымъ сановникомъ, выбираемымъ за качества, отличныя отъ качествъ профессіональнаго юриста; ему приходилось дѣлать многое другое, кромѣ отправленія правосудія, и онъ гораздо болѣе занимался вопросами гражданской и церковной политики, чѣмъ систематизированіемъ поправокъ, вносимыхъ его судомъ въ устарѣвшее законодательство. Правила справедливости не могли быть приведены въ систему до тѣхъ поръ, пока канцлеръ не началъ считать главной своей обязанностью отправленія правосудія и пока не начали давать должность канцлера только людямъ, сдѣлавшимъ право своей профессіей. А такія измѣненія происходили медленно. Послѣднимъ клерикальнымъ канцлеромъ былъ Вилльямсъ, епископъ Линкольскій, хранитель большой печати отъ 1622 до 1625 года. Послѣднимъ канцлеромъ, котораго можно назвать главнымъ совѣтникомъ короны, былъ лордъ Кларендонъ. Послѣднимъ канцлеромъ, бывшимъ не профессіональнымъ юристомъ, былъ наслѣдникъ Кларендона, лордъ Шафтсбюри. Драйденъ нападалъ на Шафтсбюри, какъ на государственнаго человѣка, но хвалилъ его, какъ судью. Вѣроятно, однако, что

сатира была болѣе заслуженной, чѣмъ панегирикъ. Съ третьяго канцлера Карла 11, Генеажа Финча (впослѣдствіи лорда Ноттингама), начинается новая эра. Онъ былъ прежде всего юристомъ и только потомъ политикомъ, и своимъ высокимъ положеніемъ среди англійскихъ канцлеровъ онъ обязанъ своимъ выдающимся заслугамъ, какъ судья. Онъ первый изъ ряда судей, которые привели справедливость въ систему, почти столь же точную и столь же мало зависимую отъ личнаго мнѣнія, какъ и общее право; онъ первый уничтожилъ упрекъ, что «мѣрой справедливости служитъ нога канцлера». Но онъ менѣе счастливъ сравнительно съ его наслѣдниками, такъ какъ его рѣшенія плохо записаны.

Статуты о распредѣленіяхъ и о мошенничествѣ.

Болѣе понятно и болѣе интересно, чѣмъ опредѣленіе правилъ справедливости, законодательство періода между реставраціей и революціей. Сравнительно съ прежнимъ это законодательство замѣчательно обширно. Статуты Карла 11 по количеству превосходятъ статуты всѣхъ предшествующихъ царствованій, за исключеніемъ царствованія Генриха VIII. Нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно важны. Изъ нихъ можно отмѣтить статутъ о распредѣленіяхъ (Statute of Distributions), впервые установившій разумныя правила объ администраціи имѣній лицъ, умершихъ безъ завѣщанія. Еще болѣе замѣчателенъ статутъ о мошенничествѣ (Statute of Frauds), принятый, какъ говорится въ предисловіи къ нему, «для предупрежденія многихъ обманныхъ обычаевъ, которые обыкновенно поддерживаются клятвопреступленіемъ и вызываютъ таковое». Въ виду такой цѣли статутъ требуетъ письменной формы для извѣстныхъ родовъ договоровъ, для аренды и завѣщаній. Спорный вопросъ—достигалъ ли статутъ своей цѣли и достигалъ ли онъ ее наиболѣе вѣрнымъ способомъ. Несомнѣнно только, что ни одинъ парламентскій актъ не вызывалъ такого количества тяжбъ, какъ этотъ статутъ. Но даже статуты объ мошенничествѣ и о распредѣленіяхъ по важности уступаютъ памятному акту, уничтожившему рыцарское владѣніе, (tenures inchivalry) и акту, гарантировавшему свободу личности. Эти два акта требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія.

Военное владѣніе и его уничтоженіе.

Сущность и особенности военнаго владѣнія описаны въ прежнихъ томахъ этого сочиненія. Тамъ указывалось, что это владѣніе никогда не достигало своихъ цѣлей и никогда не доставляло коронѣ пригодныхъ и достаточныхъ военныхъ силъ. Личная повинность была переложена на денежную, называемую налогомъ на щиты (Scutage) и этотъ налогъ давалъ все меньше и меньше дохода коронѣ; онъ давно былъ замѣненъ другими формами поземельнаго налога, когда Карлъ I въ 1640 году вздумалъ возстановить его для удовлетворенія непосредственнымъ нуждамъ войны съ шотландскими ковенантерами. Но другія особенности военнаго владѣнія, кромѣ обязанности военной службы, сохранялись и теперь, когда онѣ не оправдывались

болѣе условіями и они оказались все болѣе и болѣе отяготительными. Изъ всѣхъ такихъ особенностей наиболѣе неразумными и наиболѣе тяжелыми были права опеки и брака. Раньше даже и эти права имѣли извѣстное оправданіе. До тѣхъ поръ, пока владѣлецъ, получавшій свою землю непосредственно отъ короны, былъ военнымъ главой, корона имѣла нѣкоторое основаніе присвоивать себѣ право опеки надъ его несовершеннолѣтнимъ наслѣдникомъ. Если же у него оставалась наслѣдница, корона имѣла основаніе требовать голоса при избраніи ей мужа, которому она передавала команду надъ ея вассалами. Тѣ права, которыя требовала для себя корона надъ главными своими владѣльцами, эти послѣдніе естественно имѣли относительно своихъ подчиненныхъ военныхъ владѣльцевъ. Но когда владѣлецъ по военному праву утратилъ свой военный характеръ, было для него невыносимымъ, что онъ не могъ самъ избирать опекуновъ надъ его дѣтьми и что корона могла управлять его имѣніемъ, если онъ умретъ раньше достиженія его дѣтьми совершеннолѣтія. Еще болѣе невыносимымъ было то, что корона вмѣшивалась, если у него оставалась наслѣдница, въ дѣло выбора ей мужа. Права опеки и брака были отяготительны и сами по себѣ, но они были еще отяготительнѣе вслѣдствіе злоупотребленій опекунскаго суда (Court of Wards), учрежденнаго въ царствованіе Генриха VIII. Потери для военныхъ владѣльцевъ были велики, а барыши короны ничтожны. Съ воцаренія Стюартовъ замѣна этихъ инцидентовъ военнаго владѣнія постояннымъ и неизмѣннымъ наслѣдственнымъ доходомъ короля было излюбленнымъ планомъ реформы. Соглашеніе по этому поводу, называемое «великимъ договоромъ», между Іаковомъ и парламентомъ почти состоялось, но Іаковъ полагалъ, что ежегодный доходъ въ 200,000 фунтовъ, предлагаемый ему палатой общинъ, представляетъ недостаточное вознагражденіе. Во время переговоровъ съ парламентомъ, начатыхъ въ 1648 году и получившихъ названіе Ньюпортскаго договора, Карлъ I соглашался получать 100,000 ежегоднаго дохода вмѣсто своихъ правъ надъ военными владѣльцами. Правда, что военное владѣніе уже было тогда уничтожено ордонансомъ парламента. При республикѣ этотъ ордонансъ имѣлъ силу закона и когда Карлъ I возвратился въ Англію, было найдено невозможнымъ возстановить рядъ злоупотребленій, не существовавшихъ уже въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Потому Конвентъ принялъ извѣстный 12 актъ Карла II, стат. 24, уничтожавшій опекунскіе суды и всѣ инциденты военнаго или рыцарскаго владѣнія. Вся земля находившаяся во владѣніи по такому праву, съ этихъ поръ замѣнялась свободнымъ владѣніемъ по общему праву (to be held in free and common Socage), такъ какъ прежнее владѣніе предполагало чисто номинальную военную службу. Въ вознагражденіе за утрачиваемые такимъ образомъ доходы король получилъ наслѣдственный акцизъ

на пиво и другіе крѣпкіе напитки; ошибочно предполагать, что нація потеряла что нибудь отъ уничтоженія военнаго владѣнія. Личная служба давно вышла изъ употребленія, а всѣ денежныя уплаты, какъ установленныя очень давно, были теперь незначительны вслѣдствіе паденія цѣны драгоцѣнныхъ металловъ.

Вліяніе акта на поземельную собственность.

Этотъ актъ косвеннымъ образомъ повліялъ на возможность раздѣленія недвижимыхъ имѣній по завѣщанію. Такая возможность исчезла при завершеніи феодальной системы, Статутъ тридцать второго года Генриха VIII (1540) давалъ право владѣльцу по общему праву распоряжаться по завѣщанію всей его землей, а владѣльцу рыцарскаго имѣнія только двумя его третями. Теперь, когда рыцарскія владѣнія превратились въ владѣнія по общему праву, владѣлецъ могъ распорядиться по завѣщанію всѣми землями. Этотъ актъ далъ также отцу право назначать опекуна его дѣтей и давалъ опекуну полное распоряженіе всемъ имуществомъ опекаемаго, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ. Раньше, когда владѣлецъ по общему праву умиралъ, оставивъ несовершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ, ближайшій изъ родственниковъ, не могшій наслѣдовать землю, становился опекуномъ помимо воли отца. Наконецъ, этотъ актъ отнималъ у короны ея права на поставки и преимущественную покупку (purveyance и pre-emption). Въ силу этихъ правъ королевскіе служащіе имѣли право брать припасы для его хозяйства по цѣнамъ, произвольно ими опредѣляемымъ. Постоянныя передвиженія и громадная свита средневѣковыхъ королей дѣлали эти права орудіемъ притѣсненія подданныхъ. Ограниченіе злоупотребленій этого рода было цѣлью цѣлаго ряда безполезныхъ законодательныхъ мѣръ, начиная съ Великой Хартіи. Вообще можно сказать, что актъ объ уничтоженіи военныхъ владѣній завершилъ уничтоженіе феодальныхъ поземельныхъ законовъ. Многочисленные остатки феодализма, сохранившіеся въ современномъ законодательствѣ о недвижимой собственности, по большей части не имѣютъ особаго значенія.

Habeas Corpus Act.

По сравненію съ актомъ, уничтожившимъ столь многое въ общемъ правѣ, актъ, улучшавшій процедуру, гарантировавшую только одно изъ общихъ правъ, можетъ представляться ничтожнымъ. Но право это наиболѣе драгоцѣнное изъ всѣхъ—право личной свободы, и потому статутъ, гарантировавшій такое право, имѣлъ громадную важность, хотя вообще его и плохо понимали. Право быть арестуемымъ не иначе, какъ на основаніяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и въ случаѣ ареста по обвиненію въ уголовномъ преступленіи быть въ извѣстное время представленнымъ къ суду гораздо старше Habeas Corpus Act'а и въ общихъ выраженіяхъ было признано тридцать девятой статьей Великой Хартіи, на основаніи которой король давалъ обязательство, что ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ арестованъ иначе, какъ на основаніи законнаго рѣшенія его пэровъ

или по законамъ страны. Содержащійся въ тюрьмѣ на основаніи общаго права могъ требовать отъ суда Королевской Скамьи приказа: habeas corpus ad subjiciendum (т.-е. о доставленіи его въ судъ), даваемаго тому, кто держитъ его подъ арестомъ. Тогда тюремщикъ обязанъ представить его въ судъ вмѣстѣ съ приказомъ (Warrant) объ арестѣ. Судъ имѣетъ право разсмотрѣть вопросъ о достаточности основаній для такого приказа объ арестѣ и или отпустить арестанта, или допустить поручительство, или отправить его снова въ тюрьму. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что судъ не имѣлъ права отказать въ приказѣ (Writ).

На практикѣ, однако, всѣ эти законныя гарантіи оказывались недостаточными. Искренняя вѣра въ государственную необходимость или трусливая покорность королевской волѣ часто заставляли судей отказывать въ распоряженіи о выдачѣ приказа. Пути сообщенія были такъ несовершенны, что арестантъ, увезенный въ какую-нибудь отдаленную тюрьму, могъ томиться въ ней цѣлые годы, пока кто нибудь изъ его друзей (если у него таковые были) узнавалъ о его мѣстопребываніи. Если арестантъ вывозился изъ королевства Англіи, онъ находился уже внѣ района юрисдикціи Королевской Скамьи и не имѣлъ никакихъ средствъ для того, чтобы добиться своего права. Наконецъ, въ самой процедурѣ были техническіе недостатки. Было сомнительно, могутъ ли давать приказъ о habeas corpus суды общихъ тяжбъ (Court of Common Pleas) или судъ казначейства, могъ ли выдавать его судья во время вакацій. При подобныхъ условіяхъ неудивительно, что до собранія Долгаго парламента часто бывали случаи произвольнаго ареста. Даже послѣ реставраціи Кларендонъ, охранявшій традиціи старой монархіи, не одинъ разъ погрѣшилъ противъ свободы личности. Потому палата общинъ искала средствъ устранить возможность злоупотребленій. Въ виду этого вносились билли въ 1668, 1670, 1673 и 1675 гг. но только въ 1679 году при помощи лорда Шафтсбюри былъ принятъ знаменитый Habeas Corpus Act, 31 Карла II, статья 2. Главныя опредѣленія этого акта таковы: наказанію praemunire (пожизненное тюремное заключеніе и конфискація движимаго и недвижимаго имущества) подвергается всякій, выславшій англичанина арестантомъ въ Шотландію или въ другое мѣсто за моремъ (т.-е. за предѣлы юрисдикціи Вестминстерскихъ судовъ). Всякій, обвиняемый въ проступкѣ (въ дурномъ поведеніи, misdemeanour), на основаніи общаго права долженъ быть освобожденъ, если представляетъ поручительство въ появленіи предъ судомъ. Во время вакацій онъ можетъ обращаться къ канцлеру или къ любому изъ судей и они обязаны подъ страхомъ тяжелаго наказанія дать ему приказъ о habeas corpus. Тяжелымъ наказаніямъ подвергается и тюремщикъ, не повинующійся приказу. Актъ опредѣлялъ также и тотъ случай,

когда арестантъ обвиняется въ измѣнѣ или въ фелоніи. Если такой арестантъ не представленъ суду въ ближайшемъ послѣ его ареста засѣданіи, онъ освобождается за поручительствомъ, если только не доказано подъ присягой, что коронные свидѣтели (т. е. свидѣтели обвиненія) не могли быть представлены. Если его не представляли къ суду во второе послѣ его ареста засѣданіе, онъ былъ совершенно освобождаемъ. Никто освобожденный на основаніи приказа habeas corpus не могъ быть арестованъ вторично на основаніи того же обвиненія, иначе какъ по приказу суда, имѣвшаго право юрисдикціи въ этомъ дѣлѣ. Тотъ фактъ, что въ смутное время, когда было необходимо арестовывать людей, судить которыхъ находили неудобнымъ, законодательное собраніе вынуждено пріостанавливать дѣйствіе этого статута, доказываетъ, что даваемыя имъ гарантіи достаточно реальны и существенны.

О сожженіи еретиковъ.

Менѣе важенъ въ практическомъ отношеніи, но не менѣе интересенъ для историка, актъ 1677 года, уничтожавшій смертную казнь за преступленіе ереси. Имѣется значительная недостовѣрность относительно происхожденія приказа о сожженіи еретиковъ (Writ of de heretico Comburendo), на основаніи котораго сожгли столько людей за ихъ религіозныя убѣжденія. Со времени обращенія Англіи въ христіанство еретики подвергались церковнымъ наказаніямъ. Сэръ Матью Гэль въ своемъ сочиненіи Pleas of the Crown утверждаетъ, что общее право признавало приказъ, на основаніи котораго можно было жечь еретиковъ. Но судья Стефенъ въ его «Исторіи уголовнаго законодательства» сомнѣвается въ существованіи такихъ приказовъ на основаніи общаго права, на томъ основаніи, что не было примѣровъ такихъ приказовъ до 1400 года. Какъ бы то ни было, актъ этого года, 2 Генриха IV, ст. 15, предписывалъ шерифамъ жечь упорныхъ еретиковъ, передаваемыхъ имъ церковными судами. Хотя въ послѣдующее время законы относительно ереси часто измѣнялись и послѣдній случай сожженія еретиковъ былъ въ 1612 г., приказъ о сожженіи еретиковъ (writ de heretico comburendo) не былъ уничтоженъ до 1677 года. Актъ этого года, 19 Карла II, ст. 9, устранилъ всякія наказанія смертью за церковныя преступленія, хотя и разрѣшалъ церковнымъ судамъ налагать такія церковныя наказанія, какъ отлученіе отъ церкви или смѣщеніе (deprivation или degradatio) лицъ виновныхъ въ атеизмѣ, кощунствѣ, ереси или расколѣ и въ другихъ предосудительныхъ ученіяхъ и мнѣніяхъ. Если бы даже такой актъ и не былъ принятъ, мало вѣроятія, чтобы кто нибудь подвергся смертной казни за религіозныя мнѣнія. Но формальное уничтоженіе смертной казни еретиковъ указываетъ на прогрессъ въ дѣлѣ вѣротерпимости.

Армія.

Греттона.

Увеличеніе постоянной арміи.

Появленіе въ Англіи постоянной арміи обусловливалось личнымъ честолюбіемъ Карла II. До гражданской войны постоянной профессіональной арміи не существовало. На основаніи конституціи вооруженной силой страны была милиція. Войска для отдѣльныхъ войнъ собирались и оплачивались парламентомъ, но по окончаніи компаній, для которыхъ они набирались, ихъ распускали. Конечно, для занятія важныхъ крѣпостей содержалось и постоянное войско; корона содержала также нѣчто въ родѣ гвардіи (gentlemen-at arms, yeomen of guard, gentlemen—pensioners), но она составляла скорѣе часть королевскаго двора, чѣмъ настоящія регулярныя войска. При республикѣ, напротивъ, войско господствовало; при реставраціи подъ ружьемъ въ Соединенныхъ королевствахъ находилась армія отъ тридцати до шестидесяти тысячъ человѣкъ; король былъ настолько пораженъ воинственнымъ видомъ этихъ республиканскихъ ветеранъ, что съ трудомъ воздержался отъ того, чтобы не завербовать ихъ въ свою службу. Имъ, однако, заплатили и распустили на основаніи торопливо проведеннаго парламентскаго акта, дававшаго, однако, королю право удержать отдѣльные гарнизоны и принять на службу войска Монка, помогавшія реставраціи. Эти корпуса въ спискахъ британской арміи значатся подъ названіемъ «второй лейбъгвардіи» и «Кольдстремской гвардіи. Первая лейбъ-гвардія и гренадеры ведутъ свое происхожденіе отъ отрядовъ дворянъ роялистовъ, собранныхъ Карломъ II во время его пребыванія въ Голландіи. Подъ разными претекстами съ каждымъ годомъ армія Карла увеличивалась новыми полками, конными и пѣхотными. Въ одно время было необходимо занять Танжеръ, африканское владѣніе, такъ легкомысленно оставленное Стюартами; въ другой разъ нужно было снарядить и содержать отрядъ въ шесть тысячъ человѣкъ для операцій противъ Голландіи, къ которымъ принудило Англію позорное вассальство Карла Людовику XIV. Тщетно парламентъ протестовалъ противъ такого быстраго и неконституціоннаго увеличенія численности постоянной арміи; неумѣстная расточительность, съ которой нація въ 1660 году дала Карлу пожизненныя субсидіи, позволяла ему уплачивать войскамъ, не обращаясь за помощью къ палатѣ общинъ.

Армія при Іаковѣ II.

Въ теченіе своего непродолжительнаго царствованія Іаковъ II такъ энергично слѣдовалъ такой же политикѣ, что въ 1688 году кромѣ гвардейскаго корпуса (Household troops) у него было шесть полковъ гвардейскихъ драгуновъ, четыре полка драгуновъ и семнадцать батальоновъ пѣхоты. Чтобы сдѣлать ихъ пригодными къ бою, онъ

устроилъ учебный лагерь въ Блэкгитѣ и другой въ Гоунслоу, гдѣ большое количество регулярныхъ войскъ и милиціи обучались бригаднымъ и дивизіоннымъ движеніямъ. Для надзора надъ начальниками полковъ король назначилъ генерала инспектора для упражненія войскъ и ревизіи гарнизоновъ. Онъ пересмотрѣлъ «Военныя статьи», кодексъ военныхъ проступковъ, которые, будучи сами по себѣ ничтожными или совершенно неизвѣстными общему законодательству, были для солдата серьезными преступленіями и также, какъ всѣ военные реформаторы, онъ издалъ новый уставъ воинскаго обученія. Для того, чтобы офицеры изучали настоящее военное дѣло, онъ часто давалъ имъ отпуски для поѣздокъ на континентъ и для участія въ постоянныхъ войнахъ, свирѣпствовавшихъ въ то время въ Европѣ. Но всѣ эти старанія создать пригодную армію не имѣли особаго успѣха, какъ это доказывается отзывами иностранцевъ, видѣвшихъ войска Іакова. Въ одной изъ депешъ къ Людовику XIV посланникъ Барильонъ доноситъ ему, что «самыя обычныя воинскія правила неизвѣстны здѣсь; за исключеніемъ немногихъ офицеровъ, служившихъ во Франціи и въ Голландіи, остальные не обладаютъ даже начатками знанія военнаго искусства».

Улучшенія въ вооруженіи. Обмундировка.

Несмотря на такой суровый и, вѣроятно, основательный отзывъ, не слѣдуетъ предполагать, чтобы улучшенія, произведенныя континентальными военными государствами въ концѣ семнадцатаго вѣка, не имѣли вліянія и на англійскую армію. Наоборотъ, британская армія въ это время подверглась реформамъ и ея пригодность, какъ военнаго механизма, значительно увеличилась. Ручныя гранаты, небольшія бомбы, бросаемыя въ ряды непріятеля спеціально избранными для этого людьми вошли въ употребленіе. Изобрѣтеніе патроновъ, содержащихъ надлежащій зарядъ пороха и пулю, позволило пѣхотѣ быстрѣе заряжать мушкеты и отказаться отъ неудобныхъ и опасныхъ бандолеръ (цилиндровъ изъ дерева или изъ другого матеріала, въ которыхъ хранился порохъ), раньше висѣвшихъ на поясахъ солдатъ. Архаическое ружье съ фитилемъ постепенно, хотя и медленно, замѣнялось кремневымъ; былъ изобрѣтенъ штыкъ, прикрѣплявшійся къ дулу. Такимъ образомъ увеличилось значеніе оружія, какъ соединявшаго и огнестрѣльное и пику. До этого изобрѣтенія мушкеты были только у двухъ третей изъ пѣхотныхъ солдатъ; остальные были вооружены пиками, отъ тринадцати до восемнадцати футовъ длины, съ желѣзнымъ наконечникомъ. Обязанностью этихъ пикейщиковъ было защищать мушкетеровъ противъ кавалеріи на ходу и въ полѣ, когда они истомлялись отъ тяжести фитильнаго ружья, не менѣе тяжелой подставки (сошки), двѣнадцати бандолеръ, пороховницы и тяжелаго патронташа, бившаго ихъ по тѣлу, съ пулей во рту, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ, и съ мечемъ на перевязи. Пикейщики кромѣ пикъ носили мечи и на спинѣ и груди имѣли защитительное

вооруженіе. Головной уборъ временъ республики, желѣзный «горшокъ» (pott), замѣнился шляпой, вродѣ современной войлочной шляпы съ широкими полями, украшенной перьями. Въ подражаніе королевской ливреѣ любимымъ цвѣтомъ мундира, обыкновенно длиннаго и съ квадратными полами, былъ красный; штаны или Knicker—bockers были, кажется, различныхъ цвѣтовъ. Лордъ Вольслей считаетъ многіе изъ тогдашнихъ мундировъ болѣе практичными и удобными, чѣмъ современные; но это наврядъ ли можно сказать о лейбъ-гвардіи Карла II, костюмъ которыхъ описывается слѣдующимъ образомъ:

«Солдаты носили круглыя шляпы съ широкими полями и съ множествомъ бѣлыхъ перьевъ, спускавшихся съ задней части полей; у нихъ красные сюртуки, богато украшенные золотой парчей; рукава широкіе съ прорѣзями напереди и съ вышивкой вдоль рукава отъ плеча до кисти; бѣлые, очень широкіе воротники, завернутые вокругъ шеи надъ камзоломъ и закрывающіе часть плеча. Вокругъ таліи широкіе шарфы, перевязанные сзади; у кисти большіе манжеты, и длинные развѣвающіеся по плечамъ волосы; на ногахъ кожанные ботфорты, доходящіе до средины бедра. Защитительное вооруженіе-кирасы и желѣзный головной уборъ, называемый «горшкомъ»; оружіе—короткіе карабины, пистолеты и мечи, перевязь карабина перекинута чрезъ лѣвое плечо. Лошади у нихъ съ длинными хвостами; при парадахъ хвосты имъ обыкновенно подвязываютъ; какъ хвосты, такъ и голова и грива, украшаются множествомъ лентъ».

Обученіе

Обученіе войскъ было очень сложно, командныхъ словъ было безконечное количество. Тридцать семь командныхъ словъ считались необходимыми для обученія солдата зарядить и выстрѣлить изъ его ружья; почти пятьдесятъ употреблялись для обученія штыковымъ упражненіямъ; не менѣе семидесяти двухъ было необходимо, чтобы составить пѣхотное карре для отраженія кавалеріи. Пѣхотная рота состояла изъ шести рядовъ, съ пикейщиками въ центрѣ и мушкетерами на флангахъ; главной ея эволюціей, кромѣ составленія карре, было doubling, т. е. подкрѣпленіе фронта, фланговъ или аррієгарда. Конное обученіе мало отличалось отъ пѣхотнаго; каждый эскадронъ состоялъ изъ трехъ рядовъ, и doubling тоже практиковалось съ тѣмъ видоизмѣненіемъ, какое соотвѣтствовало отличію кавалеріи отъ пѣхоты. Въ этотъ періодъ артилерія, какъ отдѣльный родъ оружія, можно сказать, не существовала. Въ гарнизонахъ пушкари часто были не солдаты; они, получая шесть пенсовъ въ день, занимались и другими промыслами; до 1682 года они не подлежали дѣйствію воинскихъ законовъ. Въ битвахъ пушками работали эти вольнонаемные люди или пѣхотные солдаты.

Злоупотребленія въ арміи.

Со времени Стюартовъ положеніе всѣхъ общественныхъ классовъ улучшилось, и нигдѣ это улучшеніе не было столь замѣтнымъ, какъ въ положеніи арміи. Казармъ въ то время не было и зимой войска

размѣщались въ жилищахъ обывателей, къ ихъ неудовольствію и во вредъ военной дисциплинѣ. Примѣръ безетыднаго взяточничества, исходившій отъ двора, заражалъ и армію; гражданскіе чиновники военнаго департамента обворовывали офицеровъ, а тѣ въ свою очередь безстыдно грабили своихъ солдатъ. Система управленія сама порождала мошенничества всякаго рода. Полковники заключали съ правительствомъ контракты на доставку своимъ полкамъ амуниціи и обмундировки; капитаны получали плату за всѣхъ солдатъ, внесенныхъ въ списки и должны были представлять этихъ солдатъ на смотры, періодически производимые для провѣрки счетовъ офицеровъ. Потому въ спискахъ капитановъ всегда были записаны лишніе люди и во время смотровъ они прибѣгали къ помощи маклеровъ, насильственно захватывающихъ людей (kidnappers). Въ 1676 году промыселъ этихъ поставщиковъ солдатъ былъ настолько ограниченъ парламентскимъ актомъ, что капитанамъ пришлось нанимать людей для смотровъ. Оружіе, одежды и лошади занимались, слугъ одѣвали въ мундиры и ставили въ ряды; зло настолько распространилось, что многіе сдѣлали промыселъ изъ этого; они бродили по всей странѣ и нанимались въ солдаты для смотровъ. Взяточничество царило въ высшихъ военныхъ сферахъ; офицеры должны были щедро платить за всякое повышеніе и потому должны были пополнять свои расходы на счетъ своихъ командъ. Плата простому пѣхотному солдату была только восемь пенсовъ въ день, и тѣмъ не менѣе умѣлой подтасовкой счетовъ своей роты капитанъ воровалъ у солдатъ и отечества не меньше 200 фунтовъ въ годъ; полковникъ, который кромѣ жалованья не умѣлъ получить отъ 200 до 800 фунтовъ, считался плохимъ дѣловымъ человѣкомъ. При подобной системѣ было неудивительно, что порядочные рекрута перестали поступать на пожизненную службу, которая была обычной въ англійской арміи. Возрастного предѣла для поступленія солдатъ въ армію не существовало; средній уровень физической пригодности для службы, должно быть, былъ очень низокъ, потому что въ царствованіе Іакова мы встрѣчаемъ такое объявленіе о дезертерѣ: «шесть пальцевъ на лѣвой ногѣ, на лѣвой рукѣ два пальца срослись, мизинецъ лѣвой ноги всегда вылѣзаетъ изъ башмака».

Дисциплина. Наказанія за военныя преступленія были варварскими и законность ихъ сомнительна, такъ какъ до 1689 года, когда былъ принятъ первый актъ о мятежѣ (Mutiny Act), процедура военныхъ судовъ не имѣла парламентской санкціи. Солдатъ за поджогъ подвергался повѣшенію или разстрѣлянію или даже сожженію на кострѣ. За кощунство онъ подвергался отрѣзанію языка. Онъ могъ быть приговоренъ къ клейменью, прогнанію сквозь строй (running the gauntlet), а также тюремному заточенію и сѣченью чрезъ барабанщиковъ. Офицеры и сержанты имѣли право бить солдатъ. Изъ числа

мелкихъ наказаній особенно употребительны были два такія наказанія. Первое—это «ѣзда на деревянной лошади»; виновнаго сажали на цѣлые часы верхомъ на острое бревно, а ноги оттягивались тяжестями въ 60 фунтовъ, привязанными къ каждой ногѣ. Второе—это «связываніе головы и пятокъ»; жертву «сажали на землю съ ружьемъ подъ поджилками, а другимъ на шеѣ, и оба эти ружья крѣпко стягивали двумя веревками. Въ такомъ положеніи, съ подбородкомъ между колѣнями, часто держали до тѣхъ поръ, пока изъ носа, рта и ушей не польетъ кровь; эти разрывы часто имѣли роковыя послѣдствія и человѣкъ былъ потерянъ для службы и былъ неспособенъ содержать себя, когда государство больше не нуждалось въ его службѣ» [1]). Несмотря на суровость такихъ наказаній дисциплина, въ особенности при Іаковѣ II, была очень плоха. Солдаты были наглы съ гражданами; офицеры считали себя стоявшими выше гражданскихъ властей, мятежи были частыми и дезертирство массовымъ. Интересно слѣдующее извлеченіе изъ современной переписки, какъ относящееся къ военному бунту:

«барабанщикъ герцога Альбемарля въ Блэкгитѣ напился пьянъ и его повели посадить на деревянную лошадь; но сбѣжались солдаты и объявили, что они не видятъ причины наказывать его за то, отъ чего несвободны и офицеры съ тѣхъ поръ, какъ они здѣсь, и потомъ отобрали барабанщика и грубо оскорбили офицеровъ. Полковнику Вану приставили ружье къ груди и могли произойти большіе безпорядки; но капитаны отвлекли своихъ солдатъ и бунтъ утихъ; виновные были наказаны на основаніи недавно изданнаго воинскаго устава» [2]).

Парламентъ, опасаясь постоянной арміи, старался ограничить власть короля надъ ней. Въ противность «Воинскимъ статьямъ», составленнымъ Іаковомъ, было опредѣлено, что въ мирное время не должно наказывать потерей жизни или членовъ, слѣдовательно дезертеры и мятежники должны быть судимы гражданскими властями; судьи, признавая неопредѣленность легальнаго положенія войскъ, собираемыхъ и содержимыхъ вопреки протестамъ парламента, не хотѣли произносить смертныхъ приговоровъ надъ солдатами, обвиненными въ мятежѣ и дезертерствѣ. Старанія Іакова превратить армію въ ирландское и папистское войско только увеличили ея деморализацію. Парламентъ и армія.

О сухопутныхъ войнахъ этаго періода сказать много нечего. Постоянныя стычки въ Танжерѣ служили школой для войскъ; кампаніи противъ голландцевъ дали англійскимъ солдатамъ возможность изучить военное искусство рядомъ съ французскими, считавшимися лучшими въ Европѣ, солдатами. Битва при Седжмурѣ, гдѣ былъ разбитъ Армія въ дѣлѣ.

---

[1]) Вальтонъ—History of. British Standing Army.

[2]) Изд. Камденскаго Общества, 1874 и Скотта—British Army.

Монмоутъ, замѣчательна только какъ примѣръ хорошихъ боевыхъ качествъ британскаго крестьянина. Іемены служили по большей части въ милиціи и пріобрѣтали тамъ нѣкоторые начатки воинскаго обученія, нѣкоторые изъ отрядовъ были вновь собраны, потому тогда было гораздо меньше разницы между гражданами и солдатами, чѣмъ теперь. Но нужно помнить, что войсками командовали профессіональные офицеры, а мятежниками религіозные фанатики. Западные крестьяне и горнорабочіе храбро держались больше часа противъ регулярной арміи Іакова и бѣжали только тогда, когда у нихъ вышли заряды и когда ихъ обошли съ фланга. Это былъ сырой матеріалъ той арміи, съ которой чрезъ нѣсколько лѣтъ Марльборо одержалъ побѣды при Бленгеймѣ и Уденардѣ и далъ Англіи руководящее положеніе среди великихъ европейскихъ державъ.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Морское войско.

Мы упоминали, что уже въ 1653 году у Блэка были на кораблѣ легко вооруженные солдаты, исполнявшіе обязанности морскихъ войскъ. Но это была только временная мѣра. Первое настоящее морское войско, извѣстное подъ названіемъ полка лорда верховнаго адмирала, появляется вскорѣ послѣ реставраціи, въ 1664 году. Этотъ полкъ можетъ считаться прародителемъ теперешняго королевскаго морского войска, потому что хотя онъ вскорѣ и былъ уничтоженъ, хотя прекратили свое существованіе и другія организаціи морскихъ силъ, слѣдовавшія за нимъ, но эти новыя организаціи всегда создавались до извѣстной степени изъ частей персонала прежнихъ, такъ что то, что можно назвать традиціей флота, хотя и слабая, но никогда вполнѣ не прерывавшаяся, въ дѣйствительности идетъ съ начала царствованія Карла II до настоящаго времени.

Дѣятельность флота.

Это царствованіе было временемъ непрерывной дѣятельности для флота. Многочисленныя экспедиціи отправлялись противъ пиратовъ африканскаго берега Средиземнаго моря, а кромѣ того велась вторая и третья голландскія войны: первая началась въ 1664 году, хотя формально объявлена была въ 1665-мъ и продолжалась до 1667-го, а вторая началась въ 1671 и кончилась въ 1674 году. Наши владѣнія, Танжеръ на Средиземномъ морѣ и Бомбей на востокѣ,—оба были приданымъ королевы—значительно расширили сферу англійскихъ интересовъ и заставляли Англію держать значительныя силы и выдерживать опасныя нападенія на моряхъ, гдѣ раньше у Англіи

не было территорій. Танжеръ оказался очень дорогимъ владѣніемъ; еслибы онъ былъ удержанъ, то имѣлъ бы большую цѣнность для Англіи, какъ станція для ея флота, но онъ былъ оставленъ въ 1683 году. Но Бомбей былъ удержанъ. Мы уже и раньше имѣли значительные комерческіе интересы въ Индіи, но только съ пріобрѣтеніемъ Бомбея начинается созданіе великой индійской имперіи Англіи. Захватъ эскадрой сэра Роберта Гольмса Нью-Іорка въ 1664 году создалъ новые интересы въ Америкѣ, а завоеванія того же храбраго офицера на западномъ берегу Африки создали для Англіи новое отвѣтственное положеніе. Экспедиція Джона Нарборо въ южныя моря не имѣла слѣдствіемъ расширенія владѣній, но она поддержала во флотѣ тотъ духъ, который въ торговомъ флотѣ еще лучше поддерживался такими людьми, какъ Дампьеръ, который въ то время началъ свою карьеру моряка и позже сдѣлался офицеромъ королевскаго флота.

Жизнь во флотѣ. Дневникъ Теонжа.

Общественная жизнь во флотѣ въ такое время, когда происходили столь важныя событія, чрезвычайно интересна; къ счастію сохранилась отличная картина этой жизни въ дневникѣ Генриха Теонжа, капеллана кораблей ея величества: Assistance, Bristol и Royal Oak, 1675—79. Теонжъ былъ ректоромъ въ Сперналѣ въ Варвикширѣ; ему было уже пятьдесятъ четыре года, когда онъ, оставивъ свою должность сыну, временно поступилъ во флотъ, главнымъ образомъ затѣмъ, какъ онъ признается, чтобы освободиться отъ преслѣдованій кредиторовъ. Будучи очень наблюдательнымъ человѣкомъ и большимъ любителемъ хорошей кампаніи и веселыхъ угощеній, а также пѣнія и поэзіи, онъ, повидимому, чувствовалъ себя прекрасно среди своихъ новыхъ сотоварищей и оставилъ прекрасный разсказъ о нихъ и объ ихъ нравахъ. Костюмъ флотскаго капеллана въ то время былъ не очень роскошенъ. У Теонжа былъ плащъ, который онъ заложилъ до поступленія во флотъ, старый сюртукъ и штаны, пара чулокъ и башмаки, кожаная фуфайка, которую онъ носилъ уже десять лѣтъ, старый палашъ, да хорошая черная ряска—и, кажется, ничего больше. Онъ былъ хорошо принятъ на кораблѣ, его привѣтствовали «тремя чашами пунша (напитка, для меня очень крѣпкаго) и, повидимому, недомогая отъ излишне выпитаго имъ, онъ отправился спать. Впрочемъ и все общество на кораблѣ было въ такомъ же состояніи; корабль, когда онъ плылъ внизъ по рѣкѣ, былъ переполненъ веселыми женщинами, распѣвавшими пѣсню «Loath to depart» и пившими пуншъ и водку. Въ устьѣ рѣки, замѣтивъ вблизи купеческій корабль, не обращавшій никакого вниманія на нашъ военный корабль, мы стрѣляли по немъ, и заставили его спустить главный флагъ, т.е. снять предъ нами шляпу, и нашъ пушкарь отправился на его бордъ и заставилъ его уплатить за его пренебреженіе 6 шил. 6 д., сбросивъ со счета 2 д., такъ какъ это былъ первый выстрѣлъ». А пока доб-

рый капелланъ постоянно увеличивалъ свое имущество». Рано утромъ, разсказываетъ онъ, я нашелъ на квартеръ-декѣ мохнатое полотенце и завладѣлъ имъ. Вскорѣ, прибавляетъ Теонжъ, провидѣніе послало мнѣ различныя домашнія вещи, которыя весьма полезны для человѣка, у котораго ничего нѣтъ». Во второе воскресенье его пребыванія на морѣ «я говорилъ мою первую проповѣдь на кораблѣ; я не могъ стоять, не держась за столбы у кормы, а кресла капитана и другихъ плясали предо мной взадъ и впередъ». Всѣ женщины, и въ числѣ ихъ и жена капитана, были высажены на берегъ въ Дуврѣ и отъѣздъ дамъ «былъ почтенъ троекратнымъ ура, семью пушечными выстрѣлами и трубнымъ звукомъ». Въ дневникѣ мы видимъ, насколько сильно во флотѣ было соревнованіе съ голландцами и ненависть къ нимъ. Assistance «повернулъ къ голландскому военному кораблю и онъ скоро замѣтилъ насъ и точно трусливая собака, которая ложится, когда увидитъ кого она боится, не только опустилъ главный флагъ, но и прикрѣпилъ паруса къ мачтѣ и такъ лежалъ»... Послѣ небольшого недомоганья, Теонжъ началъ чувствовать себя на кораблѣ, точно дома: «жизнь на берегу не можетъ сравниться съ жизнью на морѣ, гдѣ для насъ припасены хорошее мясо и доброе вино, гдѣ мы имѣемъ и хорошую кампанію и чудесныя развлеченія, безъ малѣйшей заботы, грусти и волненія; и все это такъ и будетъ продолжаться, если мы не забудемъ своего долга, т. е. преданности и благодарности». Офицеры обѣдали въ полдень. У острова Уайта «два матроса, укравшіе кусокъ или два мяса, подверглись такому сраму: имъ связали назади руки и привязали ихъ къ главной мачтѣ, а на шею каждаго изъ нихъ повѣсили на веревкѣ по куску сырого мяса и эти куски болтались на груди ихъ точно банты галстуха; въ такомъ положеніи они простояли двѣ смѣны». Корабль во время прохода по проливу забиралъ матросовъ изъ торговаго флота—«и къ вечеру мы всѣ лежали на палубѣ и пили пуншъ за здравіе короля и нашихъ женъ». Въ заливѣ «осмотрѣли всѣ сундуки матросовъ и приказали оставить только два на артель, а остальные велено изломать, чтобы они не мѣшали во время битвы». У Лиссабона «нашъ благородный капитанъ угощалъ офицеровъ своей небольшой эскадры четырьмя мясными блюдами: по 4 превосходныхъ курицы и по куску вареной свинины на одно блюдо, жиго изъ прекрасной баранины съ рѣпой, кусокъ говядины, хорошо приправленный и зажаренный и пара жирныхъ молодыхъ гусей, а потомъ большой Чеширскій сыръ—рѣдкое угощеніе и на берегу. Соотвѣтствовали этому и напитки: Канаррійское, Шерри, Рейнское, Кларетъ, бѣлое вино, сидръ, эль, пиво—и все это лучшихъ сортовъ, а также и пуншъ». Корабль въ надлежащее время достигъ Танжера и Теонжъ описываетъ его укрѣпленія, построенныя англичанами. У Гибралтара—всѣ, «которые еще не были въ проливѣ платятъ долларъ или ихъ купа-

ютъ». У Малаги капитанъ заставилъ людей упражняться съ мушкетами. Въ Аликанте офицеры отправились на берегъ смотрѣть бой быковъ. О Ліонскомъ заливѣ Теонгъ разсказываетъ: «въ этотъ день на нашей палубѣ была ярмарка; нашъ казначей открылъ свою лавочку и продавалъ на тридцать или болѣе фунтовъ рубашки, штаны, жилеты, галстухи, чулки и башмаки и не бралъ за это денегъ—это новенькое». Конечно, цѣны, какъ и теперь дѣлается, брались изъ жалованья матросовъ. Нѣсколько дальше въ дневникѣ записано; мы укрѣпили нашъ лисель (Chasing или water-sail) у кормы корабля, чтобы испытать, какъ онъ будетъ дѣйствовать, когда намъ придется пользоваться имъ». Утромъ въ понедѣльникъ «юнги, дурно ведшіе себя во время прошлой недѣли, были высѣчены девятихвостной кошкой подштурманомъ». У Мальты «подошелъ ботъ и спросилъ: имѣемъ ли мы удостовѣреніе о здоровьи для практики, т. е. для развлеченій, а нашъ капитанъ сказалъ имъ, что у него удостовѣреніе въ жерлѣ его пушекъ». Пока мы находились въ гавани, чтобы показать нашу силу, всѣ двери были открыты и всѣ пушки выставлены, какъ будто мы шли въ битву и нашъ корабль вышелъ изъ гавани съ новыми парусами». Къ Триполи Assistance пришелъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Джонъ Нарборо бомбардировалъ этотъ городъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этаго флотъ еще блокировалъ городъ и Теонжъ записываетъ: «въ это утро нашъ катеръ и еще три другихъ отправились крейсировать, и въ великой радости самъ сэръ Джонъ и тѣ, что были на катерахъ, всѣ сошли на турецкій берегъ и тамъ распустили англійскіе флаги и опять прибыли на корабли». Изъ Триполи корабль отправили искать четыре судна, принадлежавшихъ Триполи и ушедшихъ отъ блокады. Въ Занте один матросъ, по имени Скиннеръ, «за то, что сошелъ на берегъ безъ позволенія, долженъ былъ быть наказанъ: ему связали ноги, а руки привязали къ большому канату, и съ борта корабля его три раза хотѣли бросить въ воду, но онъ смотрѣлъ такъ жалостно, что его помиловали». У Кандіи капитанъ угощалъ офицеровъ обѣдомъ въ своей каютѣ. Качка была такая сильная, что главное блюдо, кусокъ солонины, поставили на полъ, «и всѣ мы сѣли вокругъ; нѣкоторые, чтобы не скользить по полу, уперлись ногами въ столъ, крѣпко привязанный. Лейтенантъ уперся ногой въ кровать. а капитанъ сѣлъ спиной къ стулу, поставленному у борта. Порядочно и насъ и наши тарелки толкало, а ножи часто ускользали у насъ. Пили замѣчательно хорошее бѣлое вино (rubola). Получили мы также пару жирныхъ курицъ и пока мы ѣли, наскочила волна и чрезъ щели пробилась въ каюту; оглянувшись, я увидалъ, что подъ меня идетъ вода, я поскорѣй всталъ и ни капельки не замочился, а другихъ всѣхъ порядкомъ помыло».

Очевидно, въ то время капитанская каюта была устроена иначе, чѣмъ въ настоящее время. Въ Скандерунѣ «на корабль пришелъ

привѣтствовать насъ консулъ Лоу и принесъ намъ птицъ и овощей. Мы привѣтствовали его пріѣздъ пятью пушечными выстрѣлами и трубачи играли: Mayds, where are your hartc (дѣвушки, гдѣ ваши сердца?)»:

Когда паша этого города посѣтилъ корабль, «нашъ капитанъ, узнавъ о его посѣщеніи, привелъ корабль въ такое положеніе, какъ будто мы готовились къ бою, т. е. звучали трубы, разноцвѣтные флаги развѣвались, пушки были выдвинуты, вездѣ лежали сѣтки, наполненныя ядрами, круглыми и заостренными, рядомъ стояли бочки съ картечью и пыжами, ушаты, полные водой и т. д. и рядъ мушкетеровъ стоялъ отъ помоста до главной каюты». Въ портѣ пользовались всякимъ случаемъ для очистки корабля, смолили палубы, мачты и канаты; вечеромъ въ субботу, были ли въ портѣ или въ морѣ, много пили. Любопытенъ разсказъ о погребеніи боцмана, умершаго въ Скандерунѣ. «Ему сдѣлали хорошій гробъ, прикрыли его королевскимъ флагомъ, а серебрянный свистокъ боцмана и цѣпь, знаки его службы, положили на крышку между двумя скрещенными пистолетами съ взведенными курками. Когда его снесли съ корабля, дали девять пушечныхъ выстрѣловъ чрезъ каждую минуту; восемь трубъ горестно звучали, четыре въ первыхъ рядахъ начинали, а потомъ имъ отвѣчали четыре другія, такъ что все время, пока переѣзжали съ корабля на берегъ и по дорогѣ къ могилѣ, играла печальная музыка. Половина экипажа съ мушкетами на плечахъ шла за гробомъ и всѣ офицеры со всѣхъ бывшихъ тутъ кораблей, я шелъ впереди, а передо мной трубачи; я похоронилъ его по молитвеннику. Когда его зарыли, дали четыре залпа изъ ружей. А какъ вышли изъ церковнаго кладбища, трубачи всю дорогу играли веселыя пѣсни». Почетные посѣтители корабля, по видимому, всегда «выпивали полный стаканъ въ честь св. Георга». Послѣ смерти боцмана «капитанъ собралъ наверхъ всѣхъ матросовъ, назвалъ Натаніэля Берри и вручилъ ему должность боцмана и объявилъ объ этомъ всѣмъ, а также далъ ему палку и рекомендовалъ съ толкомъ пользоваться ей». Во время слѣдующаго шторма «мы потерпѣли незначительныя поврежденія, кромѣ потери говядины и свинины, стоявшихъ такъ, что ихъ могло смыть; такъ и случилось: бочки съ ними были унесены волной». День Рождества на морѣ справляли такимъ образомъ: «въ четыре часа утра наши трубачи затрубили въ свои трубы, сначала у капитанской каюты, а потомъ у каютъ офицеровъ и всѣхъ джентльменовъ; при дверяхъ каждой каюты они играли веселыя пѣсни, поздравляли съ добрымъ утромъ и желали веселаго Рождества. Потомъ они отправились на свое мѣсто, къ кормѣ, и тамъ сыграли три пѣсни въ честь утра. Въ десять часовъ всѣ пошли на молитву и проповѣдь; текстъ Захарія, IX. 9. Капитанъ пригласилъ на обѣдъ всѣхъ офицеровъ и джентьменовъ; угощеніе

было превосходное: ребро быка, плумпуддинги, мятные пироги и пр. и много добрыхъ винъ разныхъ сортовъ, чтобы пить за здоровье короля, нашихъ женъ и друзей—и такъ весело закончился день». Въ Крещенье «у насъ была большая лепешка (кэкъ), въ которую были запечены бобъ для короля, горошина для королевы, головка чеснока для мужика, вилочка для повара, и тряпка для шлюхи. Въ большой каютѣ лепешку разрѣзали на куски и положили ихъ въ салфетку, и оттуда каждый бралъ кусокъ, какъ въ лоттереѣ; потомъ куски разломали, чтобы видѣть, что въ нихъ, и было тутъ много смѣха, когда лейтенантъ оказался поваромъ; и еще болѣе смѣялись потому, что мы наталкивались другъ на друга, такъ какъ качка была сильная». Наверху была, какъ видно, веселая компанія; на нижней же палубѣ соблюдали строгую дисциплину—у Пантеларіи капелланъ записываетъ: «въ этотъ день Давидъ Томасъ и поваръ Мартинъ и мальчикъ корабельнаго мастера были поставлены спинами къ периламъ, а мальчикъ къ главной мачтѣ, съ протянутыми руками и лицомъ другъ къ другу, и въ ротъ каждому вложили maudlen—spike, т. е. желѣзный кляпъ, привязанный сзади головы и такъ они стояли цѣлый часъ, пока изо ртовъ не пошла кровь; превосходное средство для ругателей». Въ годовщину смерти Карла 1 «мы проявляли всѣ знаки печали, какіе только возможно; всѣ флаги были подняты только до половины древка; въ 5 часовъ послѣ полудня съ нашего корабля было дано двадцать пушечныхъ выстрѣловъ. Трубы трубили очень горестно и пушки стрѣляли чрезъ каждыя полминуты. Потомъ Dartmouth стрѣлялъ изъ 18 пушекъ, тоже чрезъ полминуты каждый выстрѣлъ; и ихъ трубачи тоже трубили и наши два купеческихъ корабля сдѣлали по 16 выстрѣловъ. Потомъ всѣ наши трубачи заиграли Well-a-Day, тоже и съ Dartmouth'a, и такъ мы горестно закончили день». Теонжъ оставилъ Темзу въ іюлѣ 1675 года, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «сдѣлалъ себѣ простыни; это первая ночь, которую я сплю на простынѣ съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Англіи». Assistance три раза ходила въ Левантъ, но не встрѣтила кораблей изъ Триполи. На пути она встрѣтила четыре французскихъ военныхъ корабля и одно судно (съ косыми парусами—settee). «Французскій адмиралъ, разсказываетъ капелланъ, послалъ свой катеръ привѣтствовать насъ и спросить, не нужно ли намъ чего нибудь; нашъ капитанъ отвѣтилъ, что ему ничего не нужно, кромѣ того, чтобы увидать плутовъ, которыхъ они ищутъ. Прибывшій джентльменъ былъ англичанинъ и просилъ капитана не сердиться, такъ какъ они имѣютъ приказъ отъ французскаго короля доставлять англичанамъ все, что имъ нужно. Нашъ капитанъ поблагодарилъ и отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается». Черезъ нѣсколько дней послѣ такого нелюбезнаго проявленія британской не-

зависимости началась ужасная буря, о которой Теонжъ разсказываетъ такъ: «около 4 часовъ утра море стало еще страшнѣе и волны били о нашъ квартеръ-декъ и унесли за бортъ наши курятники и сорвали у нашихъ матросовъ передніе и задніе флоръ-тимберсы. Второй валъ сорвалъ всѣ наши цѣпи, разбилъ катеръ и длинный ботъ у палубы. Третій валъ оторвалъ отъ корабля якорь, сбросилъ съ мѣста колоколъ, изломалъ обшивку и разбилъ двѣ доски въ срединѣ корабля между палубами, какъ разъ противъ помпы, бакъ у насъ изломало и снесло еще раньше. Всѣ растерялись и ожидали погибели корабля и своей. Бакбордъ былъ весь разбитъ, между деками недоставало цѣлыхъ досокъ, люди плавали внутри разрушеннаго корабля». Но къ счастію, благодаря хорошему управленію кораблемъ, онъ спасся и прибылъ въ Англію безъ дальнѣйшихъ несчастій, выгрузилъ свои пушки, порохъ и пули близь Грэвзенда, у «дерева на полдорогѣ» (Half Way Tree) и прибылъ потомъ въ Дептфордъ «самымъ разрушеннымъ изъ кораблей, когда либо возвращавшихся въ Англію».

Интересенъ также разсказъ Теонжа о слѣдующемъ его плаваніи въ качествѣ капеллана сперва на Bristol, а потомъ на Royal Oak; но мы уже привели довольно цитатъ для общаго изображенія жизни на корабляхъ въ то время. Офицеры были грубыми, добродушными островитянами, ненавидѣвшими и презиравшими всѣхъ иностранцевъ, довольствовавшимися немногимъ, честными, съ грубымъ умомъ и съ грубыми нравами. Морскіе обычаи уже установились и мало отличались отъ теперешнихъ; они были только болѣе жестокими и менѣе цивилизованными.

Реформы во флотѣ.

Іаковъ II былъ не только храбрымъ и способнымъ командиромъ флота, но и страстнымъ и проницательнымъ его реформаторомъ; у него кромѣ того былъ замѣчательный помощникъ, Самуэль Пеписъ, бывшій съ 1673 года, въ то время, когда Іаковъ, герцогъ Іоркскій, былъ лордомъ верховнымъ адмираломъ, въ теченіи многихъ лѣтъ секретаремъ флота. Нѣкоторые изъ другихъ помощниковъ Іакова, къ сожалѣнію, были болѣе заинтересованы собственнымъ благосостояніемъ, чѣмъ службой. Уже до того времени, когда герцогъ пользовался услугами такого помощника, какъ Пеписъ, онъ реформировалъ адмиральтейство, которое, по королевскому приказу за большой печатью, должно было съ этихъ поръ состоять изъ контролера, надзирателя (surveyor), казначея, секретаря и трехъ комиссаровъ, съ отдѣльными и опредѣленными обязанностями каждый. Позднѣе, въ 1663 году, онъ опредѣлилъ численность экипажа военныхъ кораблей разнаго ранга и число слугъ, какое разрѣшалось держать капитану и другимъ офицерамъ. Въ слѣдующемъ году онъ установилъ выдачу столовыхъ, чтобы флагъ-офицеры, не входя въ расходы, могли принимать иностранцевъ и другихъ посѣ-

тителей ихъ эскадры и такимъ образомъ имѣть за границей приличное представительство, а также впервые назначилъ во флотъ старшаго врача. Въ 1666 году онъ ввелъ пенсіи капитанамъ, раненнымъ въ битвѣ. Въ 1668 году онъ поддержалъ актъ о загорожденіи и засадкѣ дубовыми деревьями для нуждъ флота 11,000 акровъ пустопорожней земли въ лѣсу Дина. Въ 1670 году онъ поддерживалъ дарованіе хартіи Кампаніи Гудзонова залива. Въ 1673 году онъ ввелъ обычай давать каюты офицерамъ, большинство которыхъ раньше не имѣло таковыхъ; установилъ систему половиннаго жалованья для капитановъ и сдѣлалъ первые опыты обшивки военныхъ кораблей. Когда къ нему присоединился Пеписъ, его реформы и нововведенія были еще многочисленнѣе. Въ 1674 году онъ приказалъ коммодорамъ имѣть большіе вымпелы. Въ 1675 году онъ выхлопоталъ приказъ Совѣта о половинномъ жалованьи нѣкоторымъ мастерамъ флота. Онъ составилъ правила, нѣкоторыя изъ которыхъ сохраняются во флотѣ и въ настоящее время и которыя въ теченіи многихъ лѣтъ послѣ его смерти оставались безъ измѣненія. Въ 1683 году онъ устроилъ интендантство флота. Провіантированіе флота раньше производилось по контрактамъ и было постояннымъ источникомъ серьезныхъ злоупотребленій. Онъ отдалъ это дѣло въ руки комиссаровъ, которые чрезъ посредство своихъ агентовъ законтрактовывали провіантъ и заграницей и въ Англіи. Они же имѣли надзоръ надъ пекарнями и пивоварнями флота, принимали счета изъ за границы, выданные экономами кораблей его величества и провѣряли всѣ счета этихъ экономовъ (pursers).

По воцареніи Іаковъ назначилъ еще четырехъ комиссаровъ флота для лучшаго надзора надъ доками и магазинами; онъ далъ первые патенты на дистилированіе прѣсной воды изъ морской; ввелъ правило, чтобы всѣ командиры представляли копіи ихъ журналовъ въ адмиралтейство, построилъ первые корабли, бросающіе бомбы; реорганизовалъ размѣры жалованья капитанамъ, которые, по его мнѣнію, сильно страдали отъ энергіи и неуклонности, съ какой онъ уничтожилъ ихъ давнишнюю привиллегію относительно разныхъ контрибуцій. Размѣры жалованья были установлены слѣдующіе: капитану перваго ранга, жалованья и столовыхъ, 523 фун. 15 ш., третьяго ранга 348 ф. 5 ш., пятаго ранга 209 ф. 10 ш. и шестого ранга 174 фунта въ годъ. Во все время своей общественной дѣятельности въ Англіи, сначала въ качествѣ лорда адмирала, потомъ какъ король, Іаковъ не переставалъ заботиться о благосостояніи флота; и хотя онъ царствовалъ только четыре года, онъ увеличилъ флотъ, въ которомъ при его воцареніи было 113 кораблей, на шестьдесятъ новыхъ, большихъ и малыхъ, судовъ. Еслибы всѣ его подчиненные также поддерживали его, какъ Пеписъ, флотъ былъ бы блестящимъ.

О корабляхъ, изъ которыхъ состоялъ флотъ Іакова, можно судить

Составъ флота.

на основаніи ихъ списка въ 1684 году. Тогда было девять кораблей перваго ранга, самымъ большимъ изъ нихъ была «Британія» 1715 тоннъ съ 100 пушками; 14 второго ранга, самымъ большимъ изъ нихъ былъ «Герцогъ», 1546 тоннъ и 90 пушекъ; 39 третьяго ранга, самый большой «Графтонъ» 1184 тоннъ и 70 пушекъ; 42 четвертаго ранга, самый большой «Золотой Конь», призъ, въ 722 тонны съ 46 пушками и «Вульвичъ» 716 тоннъ и 54 пушки; 11 пятаго ранга, самый большой «Сапфиръ»—346 тоннъ и 32 пушки; 8 шестого ранга, самый большой Greyhound—175 тоннъ и 16 пушекъ, 5 шлюпокъ, 12 брандеровъ, 18 яхтъ, 8 разныхъ мелкихъ судовъ и 8 понтоновъ, главнымъ образомъ изъ призовъ; во всемъ флотѣ 101273 тонны. Улучшенія были постоянными, хотя и медленными, какъ при Карлѣ, такъ и при Іаковѣ. Форма дна кораблей значительно измѣнилась къ лучшему; обычай обшивать ихъ свинцомъ увеличивалъ ихъ скорость, хотя эта система, вслѣдствіе гальваническихъ явленій, которыхъ тогда не знали, была принята только отчасти и вскорѣ снова вышла изъ употребленія. Широкія дуги корпуса корабля и квадратныя высокія кормы начали замѣняться острыми передними дугами и болѣе заостренными и менѣе высокими кормами; опытъ нѣкоторыхъ битвъ заставилъ англійскихъ корабельщиковъ оставить худшіе методы постройки и подражать всему лучшему у иностранцевъ.

Флотъ во время революціи.

Замѣчательно, что несмотря на то, что Іаковъ былъ самъ морякомъ, страстнымъ реформаторомъ флота и другомъ какъ офицеровъ, такъ и матросовъ, его паденію до значительной степени помогали моряки, среди которыхъ было немного людей, стоявшихъ за него. Правда, нѣкоторые не хотѣли подчиниться новому правительству и вышли въ отставку; но вообще флотъ перешелъ на сторону Вильгельма и Маріи безъ всякихъ колебаній. Іаковъ для защиты своего королевства не могъ бы положиться и не увелъ съ собой въ изгнаніе ни одного военнаго корабля. Въ арміи въ теченіе многихъ лѣтъ у него были приверженцы. Во флотѣ, гдѣ онъ могъ бы ожидать имѣть многихъ, не было ни одного, заслуживающаго упоминанія. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во первыхъ флотъ былъ протестантскимъ. А во вторыхъ, наиболѣе выдающіеся изъ флагъ-офицеровъ и всѣ люди, имѣвшіе наиболѣе вліяніе во флотѣ и пользовавшіеся его довѣріемъ, были принципіальными противниками политики Іакова. Дартмоутъ былъ исключеніемъ. Онъ былъ приверженцемъ короля и пострадалъ за свою преданность. Но протестанское настроеніе флота было сильнѣе его вѣрности королю. Сэръ Рожеръ Стрикландъ, контръ адмиралъ Англіи, бывшій католикомъ, не могъ набрать людей на свой адмиральскій корабль и не могъ оставаться на службѣ.

Хотя Іаковъ не выпускалъ, насколько было возможно, изъ виду

флотъ и хотя у него былъ такой замѣчательный помощникъ, какъ Пеписъ, среди второстепенныхъ чиновниковъ адмиралтейства, и особенно въ докахъ и департаментахъ, было много взяточничества и грабежа, какъ впрочемъ и вездѣ при Стюартахъ. Пеписъ писалъ лорду Дартмоуту почти въ минуту высадки Вильгельма: «я долженъ просить ваше сіятельство, какъ начальника артиллеріи, простить меня, что я не могу не исполнять то, за что я немогу не считать себя отвѣтственнымъ предъ королемъ и вами, какъ адмираломъ его флота, замѣтивъ вамъ, что какъ бы тамъ канцелярія ни представила вамъ дѣло, но нѣтъ ни одного изъ вашихъ кораблей, отъ командировъ которыхъ я не слыхалъ бы каждый день жалобъ на недостатокъ пушекъ, зарядовъ и чего нибудь въ этомъ родѣ». Джонъ Берри въ это же время жаловался: «на Елисаветѣ не получено круглыхъ ядеръ. У меня нѣтъ ни флаговъ для отвѣта на сигналы, ни знаменъ; послали мнѣ только два цвѣтныхъ флага. Зачѣмъ это— я не знаю». Злоупотребленія во флотѣ.

Пеписъ тоже жаловался: «какъ это происходитъ, я не знаю; но вышло такъ, что король узналъ отъ капитана Констэбля, что на Ст. Альбансѣ на квартеръ декѣ четыре отверстія, для которыхъ адмиралтейство не доставило пушекъ. Не легко мнѣ вѣрить, что въ адмиралтействѣ могла произойти такая ошибка». Стрикландъ раньше, чѣмъ онъ узналъ, что онъ не найдетъ людей, желающихъ служить съ нимъ, объявилъ, что его корабль «Марія» очень гнилъ (So very cranke); но когда ему въ замѣнъ «Маріи» дали «Кембриджъ», онъ нашелъ его «такимъ грязнымъ и несчастнымъ», что просилъ снова перевести его на «Марію». Многіе корабли терпѣли крушенія, другіе текли и это не удивительно. Взяточничество было моднымъ порокомъ и имѣется слишкомъ много указаній на то, что деньги, ассигнованныя на спеціальныя цѣли, рѣдко, а то и никогда, употреблялись на нихъ. Такая неготовность флота и была причиной отрицательнаго результата битвы въ заливѣ Бантри и печальнаго результата битвы при Beachy Head, въ началѣ слѣдующаго царствованія. Въ обоихъ случаяхъ адмиралы и капитаны были невиновны.

Архитектура и искусство.

Гугса.

Первая половина семнадцатаго вѣка можетъ быть названа, въ сферѣ искусства, эрой Иниго Іонеса. Вторую половину столѣтія съ еще большимъ основаніемъ можно назвать эрой Христофора Рена Христофоръ Ренъ (Wren).

Первыя его работы. Пемброкская коллегія. Шелдоновскій театръ.

Иниго Іонесъ умеръ въ іюнѣ 1652 года; Рену въ то время было только двадцать лѣтъ, но онъ уже былъ извѣстенъ, какъ отличный математикъ и вскорѣ долженъ былъ сдѣлаться членомъ коллегіи Всѣхъ Святыхъ въ Оксфордѣ. Его спеціальностью сначала была астрономія и онъ очень молодымъ получилъ кафедру въ Грэшамской коллегіи. Но и другіе его таланты должны быть были уже извѣстны въ широкихъ кругахъ, потому что въ 1654 году Джонъ Эвелинъ называетъ его «удивительнымъ юношей». Архитектура, и въ особенности церковная, разумѣется, не могла развиваться во время гражданской войны и при Кромвелѣ, но послѣ реставраціи Карлъ рѣшилъ докончить разныя работы, начатыя его отцомъ. Находя Денгама, занимавшаго тогда должность главнаго смотрителя работъ (Surveyor General) совершенно некомпетентнымъ, онъ обратился, какъ можно догадываться по совѣту Эвелина, къ Рену. Король поручилъ ему закончить исправленія въ старомъ соборѣ св. Павла и пока онъ изучалъ дѣло, онъ строилъ Пемброкскую капеллу въ Кембриджѣ. Дядя его, епископъ Матью Ренъ, сидѣлъ въ Тоуэрѣ и когда послѣ реставраціи онъ получилъ свободу, онъ рѣшилъ ознаменовать это событіе постройкой новой капеллы для его коллегіи. Племянникъ составилъ планъ постройки—причемъ, слѣдуя традиціи его славнаго предшественника, онъ хотѣлъ достигнуть красоты однимъ соблюденіемъ пропорцій. Теперь это зданіе реставрировано очень неумѣло, но планъ Рена, несомнѣнно, былъ хорошимъ и гармоничнымъ. За годъ до освященія Пемброкской капеллы Ренъ получилъ порученіе отъ другого прелата, архіепископа Шельдона, работать въ Оксфордѣ; легкость, съ которой онъ побѣдилъ трудную задачу покрыть пространство въ семьдесятъ футовъ на восемьдесятъ кровлей безъ всякихъ подпорокъ въ центрѣ доказываетъ, что къ этому времени онъ вполнѣ справился съ технической стороной своего искусства.

Постройки Рена въ Лондонѣ и внѣ его.

Работы въ соборѣ св. Павла, повидимому, шли очень медленно а чума 1665 года совершенно остановила ихъ. Ренъ воспользовался этимъ случаемъ для посѣщенія Парижа, интереснаго для архитектора вслѣдствіе дѣятельности Лемерсье, а притомъ тамъ Мансаръ въ то время составилъ планъ Инвалидовъ. Людовикъ XIV вызвалъ туда и Бернини для составленія плана Лувра, такъ что Ренъ очень удачно выбралъ время для своего посѣщенія. Странно совпаденіе, что и во Франціи въ это время наиболѣе удачными были планы любителя, физика Перро, а другой любитель, Ренъ, готовился поразить своими работами Англію. Какъ разъ въ тоже время случилось бѣдствіе, великій лондонскій пожаръ, давшій ему рѣдкій поводъ проявить его талантъ. «Онъ возстановилъ Лондонъ, говоритъ Горасъ Вальполь, благороднѣйшій храмъ, самый большой дворецъ и самый роскошный госпиталь въ Британіи—произведенія одного и

того же художника». Списокъ работъ Рена поразителенъ. Въ Лондонѣ и въ окрестностяхъ онъ построилъ соборъ св. Павла, больше пятидесяти приходскихъ церквей, Монументъ, Темпль Баръ, королевскую биржу, западную башню Вестминстерскаго аббатства, дворецъ Марльборо, кромѣ госпиталей въ Челзи—можетъ быть худшее изъ его произведеній—и въ Гринвичѣ—вѣроятно, лучшее изъ нихъ.

Въ Оксфордѣ онъ построилъ башню Томъ или Кампаниль при Церкви Христа, Шельдоновскій театръ и Ашмолеанъ, а въ Кембриджѣ Пемброкскую капеллу и библіотеку коллегіи Троицы. Кромѣ того онъ работалъ въ Винчестерѣ, въ Гамптонъ Кортѣ въ Виндзорѣ и въ другихъ мѣстахъ. Во всѣхъ этихъ работахъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе удачныхъ изъ нихъ, онъ былъ не смотря на его сильную индивидуальность не только настоящимъ послѣдователемъ Палладіо, но и величайшимъ во всей Европѣ представителемъ той идеи, что архитектура вся въ пропорціональности.

Соборъ св. Павла. Церкви въ Сити. Гринвичскій госпиталь.

Наиболѣе знаменитое изъ его произведеній, несомнѣнно, великій соборъ св. Павла. Закладка его происходила въ 1675 году и все зданіе было закончено въ теченіе тридцати пяти лѣтъ. Оно построено, однако, не по первоначальному плану Рена. Вообще говоря этотъ планъ былъ несомнѣнно болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ принятый окончательно планъ, потому что въ немъ былъ бы виденъ рядъ проспектовъ, постепенно все болѣе и болѣе величавыхъ, отъ входа до большого центральнаго купола. Дальше этаго не было бы ничего, потому что не стоитъ стоитъ считать небольшихъ хоровъ; этимъ избѣгались бы существующія теперь архитектурныя излишества. Внѣшняя сторона во всякомъ случаѣ великолѣпна. Кровля деревянная надъ каменнымъ сводомъ—эта обычная, почти общая черта всѣхъ готическихъ церквей. Эта кровля на соборѣ св. Павла дала поводъ нѣкоторымъ критикамъ замѣчать, что это совсѣмъ не куполъ, а башня; и дѣйствительно внутренній куполъ имѣетъ мало отношенія къ внѣшнему. Фонарь, дѣйствительно, стоитъ на большомъ кирпичномъ конусѣ, выведенномъ на верхушкѣ (барабанѣ, drum) внутренняго купола; внѣшняя сторона, хотя и замѣчательна, но не имѣетъ архитектурнаго оправданія. Тѣмъ не менѣе художественный пуризмъ долженъ умолкнуть при видѣ такихъ образцовыхъ внѣшнихъ линій. Разсужденія объ оригинальности артистическихъ произведеній рѣдко бываютъ плодотворными и трудно рѣшить, не помогъ ли Рену при постройкѣ св. Павла планъ Мансара купола Инвалидовъ, законченнаго только послѣ 1680 года? Тоже и относительно употребляемыхъ Реномъ парныхъ колоннъ, составлявшихъ до нѣкоторой степени отличительный признакъ его стиля, не заимствовалъ ли онъ ихъ у Перро (Perrault), который несомнѣнно, примѣнилъ ихъ къ фасаду Лувра. Эти разсужденія имѣютъ, конечно, нѣ-

которое значеніе для рѣшенія вопроса объ оригинальности, но различіе между соборомъ св. Павла и работами Мансара и Перро есть различіе между геніальностью и талантомъ. Несомнѣнно, что Ренъ при украшеніи св. Павла расчитывалъ до нѣкоторой степени на цвѣта; но неизвѣстно, въ какой степени онъ хотѣлъ воспользоваться ими. Онъ высказалъ свое намѣреніе «украсить внутреннюю часть купола мозаикой», то обстоятельство, что своды и куполы корабля, хора и корридора (transept) оставлены имъ незаконченными или только оштукатуренными, доказываетъ, что онъ хотѣлъ покрыть ихъ подобными же украшеніями. Оставленное такимъ образомъ пространство равняется около 26.000 квадратныхъ футовъ и оно, если позволятъ обстоятельства и если будетъ жить извѣстный архитекторъ Ричмондъ, будетъ къ началу двадцатаго вѣка покрыто украшеніями, какъ намѣревался сдѣлать архитекторъ семнадцатаго вѣка. То обстоятельство, что Ренъ задумывалъ планъ цвѣтныхъ украшеній, уже само по себѣ доказываетъ его оригинальность, потому что и вкусы, и въ особенности религія, тогдашней Англіи рѣшительно предпочитали простую штукатурку и монохромы Торнгилля находили тогда красивѣе, чѣмъ архитектурную мозаику. Ренъ проявилъ свою геніальность въ церковной архитектурѣ не одной постройкой собора. Немногія изъ церквей въ стилѣ ренессансъ такъ хороши, какъ внутренность церкви св. Стефана въ Вальбрукѣ. Другое архитектурное чудо—это колокольня Св. Маріи-ле-Боу, потому что она доказываетъ, что грація готической колокольни достижима средствами вполнѣ классическими. Талантливость и разнообразіе Рена были безпредѣльны и лучшимъ примѣромъ этаго можетъ служить Гринвичскій госпиталь, хотя онъ былъ конченъ только въ царствованіе Георга III. Тутъ Рену мѣшало то обстоятельство, что ему приходилось передѣлывать часть стараго дворца Тюдоровъ и весь новый дворецъ, построенный для Карла II Уэббомъ, ученикомъ Иниго Іонеса. Онъ исполнилъ эту работу съ замѣчательнымъ успѣхомъ и колоннада, составленная изъ его любимыхъ парныхъ колоннъ, куполы надъ залой и капеллой великолѣпны. Но раньше, чѣмъ работа была окончена, тяжелая рука Ванбруха испортила грацію и симметрію работы Рена. Рэнъ много работалъ для Вильгельма III, также какъ для его предшественниковъ и для королевы Анны, хотя для Гамптонъ Корта онъ сдѣлалъ немного, да и сдѣланное имъ не хорошо; Тѣмъ не менѣе его рисунки для этого дворца доказываютъ, что, если бы онъ могъ дѣлать по своему, онъ создалъ бы грандіознѣйшій дворецъ въ Европѣ; онъ проектировалъ два крыла съ колоннами въ триста футовъ длины по обѣимъ сторонамъ зала и большія крыльца (апроши) со стороны каштановъ Парка. Трудно теперь сказать, какія части существующаго зданія принадлежатъ Рену и какія его наслѣдникамъ. Онъ не-

сомнѣнно кончилъ восточный фасадъ съ четырьмя коринфскими колоннами и прекрасный дворъ съ фонтанами, на стѣнахъ котораго видны его инициалы.

Школа Рена.

Артистическую дѣятельность Рена не возможно раздѣлить на періоды. Онъ, какъ мы видѣли, работалъ надъ соборомъ по крайней мѣрѣ съ 1663 года, когда мы встрѣчаемъ его имя въ комиссіи о возстановленіи собора. Въ 1718 году онъ еще продолжалъ работу въ Гамптонъ-Кортѣ. Его выдающаяся личность и его дѣятельность въ теченіе столь продолжительнаго времени наложили свою печать не только на архитектуру, но и на архитекторовъ двухъ поколѣній. Его ученикъ Гавксмуръ былъ строителемъ церкви св. Георга въ Блумсбюри и башенъ въ коллегіи Всѣхъ Святыхъ въ Оксфордѣ, Жиббсъ, составитель плановъ церквей св. Маріи-ле Страндъ, «св. Мартина въ поляхъ» и Радклифа въ Оксфордѣ, также подражалъ ему, хотя, можетъ быть не настолько, какъ Кентъ, строитель Голькгама, поклоненіе котораго Иниго Іонесу должно было заставить его цѣнить и понимать талантъ наслѣдника Иниго. Кромѣ нихъ къ школѣ Рена принадлежали Джемсъ, строитель церкви св. Георга въ Гановерскомъ скверѣ, Кампбель, составитель плана Вастидъ-Гоуза, Арчеръ, строитель храма св. Іоанна въ Вестминстерѣ, и Куперъ, архитекторъ Бата. Никто изъ нихъ не обладалъ большимъ талантомъ; наиболѣе способными и наиболѣе индивидуальными архитекторами поколѣнія послѣ Рена были Ванбрухъ, драматургъ, и графъ Бурлингтонъ, диллетантъ, virtuoso. Кентъ жилъ въ домѣ послѣдняго много лѣтъ, игралъ роль «духа» его благороднаго патрона, какъ раньше туже роль игралъ Кампбель. Такое сообщество было во всякомъ случаѣ счастливымъ, потому что оно дало міру ихъ знаменитое сочиненіе объ «Иниго Іонесѣ». Они же перестроили Бурлингтонъ-Гоузъ, впослѣдствіи испорченный неумѣлыми измѣненіями.

Джонъ Ванбрухъ. Бленгеймъ. Говардъ.

Джонъ Ванбрухъ былъ архитекторомъ съ оригинальнымъ темпераментомъ, хотя съ страннымъ непониманіемъ красоты, какъ абрисовъ, такъ и деталей. Эпитафія: «лежи, земля, надъ нимъ тяжело, ибо онъ много тяжести наложилъ на тебя» довольно избитая вещь, но она представляетъ превосходную оцѣнку его стиля. Массивность главное достоинство произведеній Джона Ванбруха и если бы ему пришлось строить Бастилію или пирамиды или громадныя гробницы, онъ пріобрѣлъ бы громадную славу. Онъ построилъ замѣчательные сельскіе дома, вродѣ Бленгеймскаго дворца и замка Говардъ. Говорили, что выборъ его въ строители Бленгейма былъ вызванъ ссорой между знаменитой Сарой и Христофоромъ Реномъ по поводу дворца Марльборо; во всякомъ случаѣ онъ былъ соперникомъ старика-архитектора и его извѣстность доказываетъ, что Англія тогда, да и теперь тоже, не понимала никакихъ формъ искусства, въ которыхъ виденъ классическій духъ. Въ Бленгеймѣ Ванбрухъ имѣлъ дѣйстви-

тельно единственный случай для проявленія таланта. Въ отличіе отъ Рена, которому при его постройкахъ св. Павла, Гринвичскаго госпиталя и въ другихъ мѣстахъ мѣшало вмѣшательство короля или духовныхъ лицъ, а также необходимость какъ нибудь примирить религіозные раздоры, и скупость патроновъ, и ограниченность мѣста, находившагося въ его распоряженіи; у Ванбруха были несравненное положеніе его зданій, полная свобода въ составленіи плановъ и пропасть денегъ. По массивности его Бленгеймъ дѣйствительно несравненное произведеніе; толщина стѣнъ и мрачная солидность зданія никѣмъ не превзойдены; но нигдѣ не замѣчается пониманія пропорцій. Фергюсонъ, наиболѣе снисходительный изъ критиковъ Ванбруха, указываетъ, что фасадъ такой гигантскій, что рядомъ съ нимъ все кажется маленькимъ, что линіи спутаны и въ нихъ не замѣчается спокойствія. Замокъ Говардъ, несомнѣнно, лучше, хотя и тутъ Ванбрухъ въ центрѣ поставилъ колонны, по величинѣ пригодныя только для жилища гигантовъ, а въ крыльяхъ зданія колонны того же рода, но уже приспособленныя для жилища людей. Онъ имѣлъ меньше успѣха въ Ситонъ Делавалль и Гримсторпѣ, гдѣ грубость деталей особенно невыносима въ виду незначительнаго пространства, для украшенія котораго онѣ предназначаются. Самое лучшее, что можно сказать о планахъ Ванбруха, такъ это то, что они не были простыми результатами памяти артиста, что, напротивъ, они вполнѣ индивидуальны и характерны. Это несомнѣнно имѣетъ значеніе и даетъ право Ванбруху на мѣсто даже въ краткомъ эскизѣ англійской архитектуры. За то трудно представить себѣ что нибудь болѣе далекое отъ тонкаго и расчитаннаго совершенства древняго искусства. Англійская архитектура съ Ванбрухомъ доходитъ до края пропасти. Методъ, который находится въ зависимости отъ строгаго порядка, равновѣсія и пропорціи, не можетъ примѣняться на основаніи правилъ кулака, а въ его произведеніяхъ не имѣется и слѣдовъ какихъ либо другихъ правилъ. Этимъ, повидимому, доказывается невозможность существованія въ Англіи живого классическаго стиля; его выносили только въ томъ случаѣ, когда его примѣнялъ человѣкъ геніальный. Геніальные образчики такого стиля, правда, у насъ имѣются; но когда его примѣняли не геніальные, а просто способные люди, онъ дѣлался безжизненнымъ и непривлекательнымъ.

Живопись при республикѣ.

Послѣ того, какъ началась борьба между королемъ и парламентомъ, единственное, что привлекало вниманіе зажиточныхъ людей, были военныя событія. При республикѣ власть пуританъ тоже не была особенно благопріятна для искусства и художниковъ. Сектанты, какъ говорили тогда, до крайности раздражены противъ всего цивилизованнаго. Несомнѣнно, однако, что Кромвель, любившій музыку, любилъ также и живопись. Онъ тайно покупалъ картоны и другія произведенія искусства для королевской коллегіи. Онъ покровительство-

валъ также Петру Ванъ-деръ-Фасу, голландцу, родившемуся въ Сёстѣ—вѣроятно деревушкѣ близь Утрехта, а не въ Вестфальскомъ Сёстѣ. Кажется, что этотъ Ванъ-деръ-Фасъ прибылъ въ Англію въ 1643 году; онъ лучше извѣстенъ подъ именемъ Лели, прозвище, принятое его отцомъ. Петръ Лели рисовалъ портретъ протектора и Кромвель требовалъ, чтобы художникъ не польстилъ ему въ его изображеніи и просилъ его «отмѣтить всѣ рѣзкости, прыщи, бородавки и все, что вы видите у меня; иначе я вамъ не заплачу ни гроша». Кромвель покровительствовалъ не одному только Лели; его любимымъ художникомъ былъ Робертъ Уолькеръ. Онъ до нѣкоторой степени исполнялъ обязанности официальнаго портретиста при Кромвелѣ и когда правительство завладѣло дворцомъ Арунделя, Уолькеръ жилъ тамъ. Онъ рисовалъ портреты не только самого протектора, но и Иртона, Флитвуда, канцлера Кебля и Ламберта. То обстоятельство, что Ламбертъ, парламентскій генералъ и другъ Кромвеля, былъ любителемъ-художникомъ, можетъ быть, наиболѣе любопытно по отношенію къ искусству при управленіи Кромвеля. Если исключить Лели, главныя работы котораго сдѣланы позднѣе, Уолькеръ изъ всѣхъ художниковъ времени республики оставилъ потомству не одно только свое имя. Извѣстны нѣкоторыя изъ его произведеній и они доказываютъ, что у него былъ индивидуальный, хотя и суховатый, талантъ. Остальные: Маскаль, Ферфэксъ, Ловедей и Рэй (Wray)—только имена. Конечно, другіе художники Карла I, вродѣ Ричарда Жибсона «карлика» и превосходнаго миніатюриста Самуэля Купера, который по мнѣнію его поклонниковъ былъ болѣе великимъ художникомъ, чѣмъ самъ Вандикъ, продолжали работать и при республикѣ; но за исключеніемъ Купера, рисовавшаго портреты почти всѣхъ выдающихся людей республики, они, собственно говоря, относятся къ царствованію или Карла I или Карла II.

Реставрація Лели.

При реставраціи Петръ Лели занялъ мѣсто, оставшееся свободнымъ послѣ смерти Вандика и Добсона. Онъ пользовался милостями короля и получилъ должность старшаго живописца (Sergeant Painter) еще во время гражданской войны. Со времени прибытія его въ Англіи въ 1643 году, или нѣсколько раньше, онъ занялся портретной живописью и занимался ей съ большимъ успѣхомъ до самой смерти, до 1680 года. Большинство его портретовъ въ три четверти натуральной величины, по большей части дамы, одѣтыя въ «шелковыя ночныя платья, заколотыя одной булавкой». Онъ, однако, былъ мастеромъ драпировать свои портреты, хотя его драпировка чрезвычайно искусственна. У него было не мало заказчиковъ; онъ нарисовалъ большое количество мифологическихъ и духовныхъ картинъ, вродѣ «Юпитера и Европы» или «Сусанны и старцевъ», соотвѣтствовавшихъ вкусамъ того времени. Форма его искусства довольно низкая, но она замѣчательно соотвѣтствовала современнымъ ему нравамъ.

Когда мы смотримъ на длинный рядъ его женскихъ портретовъ въ Гамптонъ-Кортѣ, то этотъ талантливый манерный художникъ дѣлаетъ для насъ вполнѣ понятнымъ настроеніе благочестивыхъ пуританъ, одинъ изъ которыхъ за два года до смерти Лели издалъ: «Cooke's Just and Reasonable Reprehensions of Naked Breasts and Shoulders».

Англійскіе живописцы отъ Лели до Гогарта.

Лели былъ иностранецъ и послѣ Добсона въ числѣ живописцевъ не было ни одного замѣчательнаго англичанина до временъ Гогарта. Немногіе англичане, однако, избѣжали забвенія, напримѣръ Исаакъ Фуллеръ, у котораго было, конечно, не мало простой мазни, но на одну изъ алтарныхъ картинъ котораго, написанную имъ для Вагдамской коллегіи, Аддисонъ написалъ латинскую поэму. Онъ нарисовалъ цѣлый рядъ картинъ, изображавшихъ короля Карла послѣ Ворчестера; эти картины король подарилъ ирландскому парламенту. Онъ также былъ въ модѣ, какъ декораторъ потолковъ и стѣнъ въ тавернахъ. Современникомъ его былъ Робертъ Стритеръ, котораго Эвелинъ называетъ «превосходнымъ живописцемъ перспективы и ландшафта». Онъ много работалъ въ Оксфордѣ. Пеписъ дѣлаетъ относительно его такую запись: «былъ у Стритера, знаменитаго историческаго живописца, и засталъ у него Рена и другихъ virtuosos (любителей), осматривавшихъ картины, сдѣланныя имъ для новаго театра въ Оксфордѣ; и дѣйствительно они какъ будто считали ихъ очень хорошими, а многіе находили, что онѣ лучше, чѣмъ картины Рубенса въ Уитголлѣ, но я не думаю такъ. Все таки онѣ очень хороши и я очень радъ, что имѣлъ счастіе видѣть этого человѣка и его знаменитыя произведенія; онъ очень вѣжливый человѣчекъ и хромой, но живетъ очень хорошо».

Михаэль. Райтъ.

Изъ учениковъ Лели ни одинъ не добился извѣстности. Изъ менѣе неизвѣстныхъ были Джонъ Грингилль, о которомъ Афра-Бэнъ написалъ элегію, Анна Киллигрью, портретъ которой, написанный Лели, очень хорошъ, и Мэри Биль, въ честь которой писались поэмы. Изъ тѣхъ, которые не находились подъ вліяніемъ придворнаго живописца, сохранилось имя Михаэля Райта. Его извѣстность основана на рядѣ портретовъ судей, которые были сначала заказаны Лели. Любопытенъ разсказъ объ этомъ заказѣ, какъ указывающій на положеніе извѣстныхъ художниковъ въ семидесятыхъ годахъ семнадцатаго вѣка. Граждане Лондона, благодарные судьямъ за ихъ услуги при рѣшеніи разныхъ тяжбъ, возникшихъ послѣ большого пожара, рѣшили повѣсить ихъ портреты въ Гильдголѣ. Они обратились къ Лели и тотъ принялъ заказъ, но потомъ отказался, такъ какъ судьи не хотѣли ходить для сеансовъ въ его мастерскую. Тогда заказъ былъ переданъ менѣе требовательному Райту, который получилъ не меньше 60 фунтовъ за портретъ.

Карлъ II не унаслѣдовалъ отъ отца его артистическихъ вкусовъ, его чувство красоты было чисто животнымъ. Но во время его

изгнанія и онъ и его придворные видѣли блескъ двора Людовика XIV, гдѣ свѣтилами были Ле-Сюэръ и Лебрюнь. Кромѣ того многіе изъ англійскихъ дворянъ познакомились во Фландріи и Нидерландахъ съ процвѣтавшими тамъ школами живописи и по возвращеніи домой естественно ввели моду дѣлать заказы не англичанамъ, а голландцамъ и фламандцамъ. Потому то списокъ иностранныхъ художниковъ, жившихъ въ Англіи при Карлѣ 11 и его братѣ, длиннѣе списка ихъ англійскихъ сотоварищей. Абрагамъ Гондіусъ, писавшій животныхъ, Симонъ Варельстъ, писавшій цвѣты, Верріо, декораторъ, (неаполитанецъ) Петръ Рестратенъ, Жерардъ Сестъ, Эдема, Гаспаръ Нетчеръ, два Вандевельда, Ларжильеръ и Сибрехтъ—всѣ они болѣе или менѣе долго жили въ Англіи и оставили тамъ образцы своего искусства. Однако, нельзя сказать, чтобы они сдѣлали что нибудь для развитія англійскаго искусства.

Иностранные художники при дворѣ Карла II.

О скульптурѣ можно бы было и не говорить, если бы не извѣстное имя одного голштейнца, Габріеля Сиббера, и еще болѣе извѣстное имя Гринлинга Жиббонса, родившагося въ Амстердамѣ, но отъ англійскаго отца. Неизвѣстно, когда Сибберъ прибылъ въ Англію, но вѣроятно не задолго до реставраціи. Онъ извѣстенъ двумя прекрасными статуями: Безуміе и Меланхолія, въ Бедламѣ. Мы мало знаемъ объ его художественномъ образованіи, но кажется, что онъ работалъ у Стона. Вышеупомянутыя статуи показываютъ, что онъ гдѣ то и какимъ то путемъ изучилъ всѣ трудности его искусства, потому что онъ совершенно зрѣлый художникъ. Талантъ Гринлинга Жиббонса болѣе оригиналенъ и къ счастію больше его произведеній дошло до насъ. Сначала онъ занимался рѣзьбой карнизовъ и другихъ украшеній для строителей и вѣроятно, что онъ такъ и погрязъ бы въ этомъ скучномъ занятіи, еслибы Эвелинъ по счастливой случайности не нашелъ его въ Дептфордѣ. Эвелинъ записалъ въ своемъ дневникѣ 18 января 1671 слѣдующее:

Скульптура. Гринлингъ Жиббонсъ.

«Въ этотъ день я познакомилъ его величество съ несравненнымъ молодымъ человѣкомъ Жиббонсомъ, котораго я встрѣтилъ совершенно случайно, прогуливаясь вблизи бѣднаго одинокого домика въ полѣ нашего прихода (Дептфорда) близь Сей-Корта. Этотъ домикъ былъ запертъ, но взглянувъ въ окно, я увидѣлъ Жиббонса, вырѣзывающаго съ огромнаго картона Тинторе, копію котораго я самъ привезъ изъ Венеціи, гдѣ находится оригиналъ. Я спросилъ, можно ли войти; онъ вѣжливо отворилъ мнѣ и я увидалъ такую работу, подобной которой по мастерству рисунка и старательности и точности я никогда не видалъ раньше во время моихъ путешествій. Я спросилъ его, почему онъ работаетъ въ такомъ скромномъ и уединенномъ мѣстѣ и онъ сказалъ мнѣ, что здѣсь онъ можетъ безъ помѣхи заниматься своей профессіей и удивлялся, какъ это я нашелъ его. Я спросилъ его, не желаетъ ли онъ познакомиться съ

кѣмъ нибудь изъ знатныхъ людей, такъ какъ это будетъ ему выгодно; онъ отвѣчалъ, что онъ только начинающій, но не прочь бы продать эту вещь; на мой вопросъ о цѣнѣ, онъ сказалъ 100 фунтовъ. Серьезно говоря, одна рама стоила этихъ денегъ; такъ какъ въ природѣ нѣтъ ничего столь нѣжнаго и изящнаго, какъ цвѣты и фестоны на этой рамкѣ; въ картинѣ же больше 100 фигуръ. Я нашелъ, что онъ также очень музыкаленъ, очень вѣжливъ и скроменъ въ разговорѣ. Въ его домѣ только одна старуха. Обѣщавшись снова посѣтить его, я пошелъ своей дорогой.

«Я разсказалъ королю объ этомъ молодомъ художникѣ и о томъ, какъ я нашелъ его и просилъ его разрѣшенія привести его и его произведеніе въ Уитголль, такъ какъ я ручаюсь своей репутаціей у его величества, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго и что онъ будетъ очень доволенъ, если дастъ ему заказы. Король отвѣтилъ, что онъ самъ пойдетъ посмотрѣть на него. Такъ онъ впервые узналъ о Жиббонсѣ».

Король оцѣнилъ красоту рѣзьбы по дереву Жиббонса и его дѣйствительно изящныя, хотя и реалистическія, изображенія цвѣтовъ и листьевъ. Онъ далъ ему мѣсто въ «комитетѣ общественныхъ работъ» и большіе заказы на рѣзьбу въ Виндзорѣ и въ другихъ дворцахъ. Жиббонсъ работалъ въ Англіи въ теченіе полувѣка. Онъ пережилъ династію Стюартовъ и умеръ въ 1721 году. Изъ его статуй сохранились двѣ или три, да и то сомнительныхъ; но алтарное изображеніе въ коллегіи Троицы въ Оксфордѣ и гробница виконта Камдена въ Итонѣ доказываютъ его мастерство. Въ Чатсуортѣ, въ Бурлейгѣ, въ Гоугтонѣ и въ другихъ мѣстахъ сохранились или сохранялись великолѣпные образчики его рѣзьбы, но вѣроятно, что наиболѣе мастерская его вещь — это рѣзьба въ Большой Залѣ въ Петуортѣ, въ Суссексѣ. Здѣсь изобиліе орнаментовъ, плодовъ, цвѣтовъ, птицъ и разнаго рода изображеній животной жизни, расположенныхъ фестонами отъ потолка до панелей, положительно тропическое; богатство фантазіи не менѣе замѣчательно, чѣмъ вѣрность изображеній. У него было много учениковъ и помощниковъ, но не было ни соперниковъ, ни наслѣдниковъ, потому что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ исключительныхъ талантовъ, которые вызываютъ удивленіе, но не создаютъ ни школы, ни традицій.

Монеты Реставраціи. Первыя гинеи.

Желаніе ниспровергнуть и уничтожить все, сдѣланное во время междуцарствованія, можетъ объяснить то обстоятельство, что монеты выпущенныя Карломъ II въ два первые года его царствованія, были выбитыя, а не чеканенныя, по образцу монетъ Карла I. Въ 1662 году вопросъ о чеканкѣ монеты прессомъ обсуждался въ Совѣтѣ; результатъ былъ тотъ, что снова призвали Блондо, а Симону и Ротье приказали представить на конкурсъ ихъ рисунки. Послѣдній былъ фламандецъ; Карлъ, вѣроятно, зналъ его въ изгнаніи и его

рисунокъ получилъ предпочтеніе. Симонъ съ неудовольствіемъ оставилъ службу на монетномъ дворѣ, хотя нѣкоторые заказы ему все таки поручались и онъ въ слѣдующемъ (1663) году представилъ свой прекрасный образецъ, извѣстный подъ названіемъ «Петиціонной Кроны». Предполагаютъ, что эта образцовая монета была сдѣлана артистомъ въ надеждѣ получить снова должность короннаго медалиста, но его надежда не осуществилась, хотя еще въ 1664 году онъ рѣзалъ королевскую печать. Новыя золотыя монеты были въ сто, въ сорокъ, въ двадцат и въ десять шиллинговъ; двадцатишиллинговая монета называлась гинеей, по имени африканской кампаніи, доставлявшей золото; происхожденіе ея указывалось изображеніемъ слона и замка подъ бюстомъ короля. Серебряныя монеты были кроны и позже полукроны и шиллинги и шестипенсовыя, но болѣе мелкую монету перестали выпускать. На золотыхъ и серебряныхъ монетахъ обыкновенно изображался бюстъ короля въ лавровомъ вѣнкѣ, а на другой сторонѣ накрестъ четыре щита съ гербомъ Англіи вверху и Франціи внизу. Величайшимъ нумизматическимъ событіемъ въ царствованіе Карла II былъ выпускъ настоящей національной мѣдной монеты. Образцы были сдѣланы для монеты въ 1665 году, на одной сторонѣ голова короля и надпись Corolus a Corolo, а на другой Британія съ комически хвастливой надписью: quatuor maria vindico. Въ то время монета не пошла въ обращеніе, но черезъ семь лѣтъ начали производить регулярные выпуски. Но къ этому времени саркастическое замѣчаніе одного лорда заставило уничтожить надпись о четырехъ моряхъ. Выпустили также мѣдные фартинги и для ихъ раздачи было устроено бюро на Фенчерчъ-Стритъ. Было издано не мало королевскихъ прокламацій противъ употребленія частныхъ денежныхъ знаковъ, но какъ обыкновенно онѣ не имѣли результатовъ. Въ послѣднія годы царствованія выпускались фартинги изъ цинка и олова, съ кускомъ мѣди въ центрѣ, и съ надписью: nummorum famulus по краямъ для предупрежденія поддѣлки — мѣра, конечно, абсолютно недѣйствительная.

Монеты Іакова II ничѣмъ, кромѣ изображенія, не отличались отъ монетъ его брата, хотя его ирландская мѣдная монета и монеты, сдѣланныя изъ старыхъ пушекъ и называемыя «пушечными», а также его серебряныя кроны, гроты и пенни, дѣлаютъ его память дорогой для нумизматиковъ Ирландіи.

Англійская музыка.

Рокстро.

Во время волненій, послѣдовавшихъ за смертью короля Карла I, развитіе музыки въ Англіи совершенно прекратилось. Невозможно было не только развитіе музыки, но даже, въ виду открытой враждебности пуританъ, было невозможно поддержать ее на томъ высокомъ уровнѣ, какого она уже достигла. Библіотеки соборовъ и коллегій были разграблены круглоголовыми, большіе органы разбиты, пѣніе воспрещено въ покинутыхъ церквахъ и драматическая музыка воспрещена какъ приманка дьявола.

Музыка при реставраціи. При реставраціи въ исторіи англійскаго искусства начинается новая эра. Невозможно было связать порванную нить развитія; теперь во всѣхъ большихъ континентальныхъ городахъ появился новый стиль и этотъ новый стиль уже принесъ богатые плоды и игнорировать его было уже невозможно. Потому приходилось открыто принять новую точку отправленія для будущаго развитія искусства. Самъ король Карлъ II любилъ современный стиль вокальной и инструментальной музыки, съ которымъ онъ познакомился во время своего пребыванія во Франціи, гдѣ Лулли производилъ чудеса въ дѣлѣ развитія и духовной и драматической музыки; онъ открыто поощрялъ исполненіе музыки, признаваемой имъ наиболѣе развитой, королевской капеллой и его частнымъ оркестромъ. Такимъ образомъ та школа, которую теперь называютъ школой реставраціи, прочно установилась въ Англіи въ теченіе немногихъ лѣтъ послѣ его возвращенія изъ изгнанія.

Генрихъ Кукъ. Новый порядокъ вещей начался реорганизаціей хора королевской капеллы въ Уитголлѣ подъ управленіемъ перваго хориста, капитана Генриха Кука, который при началѣ гражданскихъ войнъ поступилъ въ армію роялистовъ, но не забылъ своего прежняго искусства и былъ пригоденъ для того дѣла, которое ему было теперь поручено. Прежде всего онъ озаботился о наборѣ «дѣтей» въ хоръ и въ ихъ числѣ были трое, которые не только обладали прекрасными голосами, но и были одарены настоящими и недюжиными музыкальными способностями. Эти трое были Пельгамъ Гумфри, Михаилъ Уизъ и Джонъ Блоу, впослѣдствіи сдѣлавшіеся руководителями новой школы музыки.

Пельгамъ Гумфри. Когда у Пельгама Гумфри началъ измѣняться голосъ, король отправилъ его въ Парижъ, чтобы онъ закончилъ свое образованіе у лучшихъ учителей того времени. Осенью 1667 года онъ вернулся въ Англію «настоящимъ мусье, по словамъ дневника Пеписа, полнымъ самоувѣренности и тщеславія». Во всякомъ случаѣ онъ былъ

безспорно талантливъ; хотя ему было тогда только двадцать лѣтъ, онъ занялъ положеніе признаннаго руководителя англійской музыки, Черезъ пять лѣтъ, послѣ смерти капитана Кука, король назначилъ его учителемъ дѣтей (Master of Children) и «композиторомъ для скрипокъ его величества» совокупно съ Томасомъ Пурселемъ. Съ этихъ поръ его карьера была блестящей; но онъ не долго наслаждался почестями. Онъ умеръ въ 1674 году, двадцати семи лѣтъ отъ роду, оставивъ большое количество духовныхъ и свѣтскихъ композицій. многія изъ которыхъ и теперь исполняются въ англійскихъ церквахъ; его произведенія не пострадали отъ времени, такъ какъ выдающіяся достоинства и оригинальность позволили имъ удержаться несмотря на всѣ позднѣйшія измѣненія во вкусахъ и въ модѣ.

Джонъ Блоу и Михаилъ Уизъ, не одаренные такими блестящими способностями, какъ Пельгамъ Гумфри, имѣли наврядъ ли меньшее вліяніе на развитіе искусства и пользовались репутаціей не менѣе прочной. Ихъ наслѣдники по хору: Томасъ Тудвей, Вилльямъ Турнеръ, Іеремія Клеркъ и Вилльямъ Крофтъ, съ достоинствомъ продолжали ихъ дѣло. Среди позднѣйшихъ хористовъ былъ одинъ, доведшій школу до такого высокаго уровня развитія, что ни одинъ изъ тогдашнихъ композиторовъ не могъ сравняться съ нимъ.

Генрихъ Пурселль.

Генрихъ Пурселль, величайшій музыкантъ Англіи, родился въ St. Anne Lane, Old Pye Street, въ Вестминстерѣ, въ 1658 году. Отецъ его, Генрихъ Пурселль, былъ членомъ королевской капеллы; дядя, Томасъ, былъ товарищемъ Пельгама Гумфри въ управленіи «скрипками его величества». Генрихъ Пурсель старшій умеръ въ 1674 году и Томасъ взялъ къ себѣ сироту и воспиталъ его какъ собственнаго сына. Капитанъ Кукъ принялъ его въ хористы, когда ему было только шесть лѣтъ; талантъ его такъ рано развился, что уже черезъ пять лѣтъ онъ написалъ «оду на празднованіе дня рожденія его величества». Съ этого времени быстро слѣдовали одна за другой его композиціи. Онъ написалъ антимоны въ этотъ періодъ своей дѣятельности и многія изъ нихъ и теперь еще въ употребленіи, ни въ одномъ изъ нихъ не замѣтно и слѣдовъ дѣтской слабости таланта. Въ семнадцать лѣтъ Генрихъ Пурселль создалъ произведеніе, считающееся одной изъ лучшихъ изъ его композицій, его первую оперу: «Эней и Дидона», настоящій Chef d'oeuvre, замѣчательный не только по красотѣ, но и потому, что эта опера составляла новую точку отправленія для развитія англійской драматической музыки. Либретто оперы написано Нагумъ Тэтомъ — не въ популярной въ то время формѣ драмы съ музыкой, а въ формѣ настоящей оперы: — Dramma per la Musica — съ настоящими мелодіями и речитативами. Раньше въ Англіи не было ни одной подобной попытки оперы. Это была первая большая опера, написанная на текстъ оригинальной англійской поэмы. Къ несчастію, англичане еще не были подготовлены для

слушанія произведеній въ этомъ родѣ и позже Пурселль нашелъ необходимымъ приспособляться къ духу времени и писать музыку для драмъ. Но и эта менѣе высокая музыка была сама по себѣ превосходна; даже въ настоящее время насъ очаровываютъ его несравненныя, написанныя имъ для сцены, мелодіи, также какъ и его возвышенная духовная музыка. Трудно было бы рѣшить, въ какомъ изъ этихъ двухъ родовъ искусства онъ достигъ большаго превосходства, хотя теперь его больше знаютъ и лучше цѣнятъ, какъ композитора духовной музыки.

Генрихъ Пурселль умеръ въ 1695 году и погребенъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Онъ, несомнѣнно, долженъ быть признанъ величайшимъ изъ всѣхъ англійскихъ композиторовъ, потому что его еще болѣе великій наслѣдникъ Гендель былъ только натурализировавшимся въ Англіи, а родомъ онъ изъ Саксоніи.

Наука.

Уиттакера.

Робертъ Бойль. Однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ въ новомъ направленіи научной дѣятельности къ систематическому и детальному изслѣдованію былъ Робертъ Бойль (1627—1691). Мы уже говорили о его участіи въ образованіи Королевскаго Общества, получившаго хартію въ началѣ этого періода. Бойль въ качествѣ писателя впервые выступилъ въ 1660 году, когда онъ издалъ въ Оксфордѣ томъ подъ заглавіемъ: New Experiments Phisico-Mechanical touching the Spring of Air and its Effects. Въ томъ же году появилось его теологическое сочинение: Seraphic love. Опыты Бойля установили законъ отношенія между объемомъ и давленіемъ газовъ, извѣстный въ Англіи подъ названіемъ «закона Бойля». Онъ имѣетъ первенство предъ Маріотомъ, именемъ котораго этотъ законъ называется на континентѣ. Научная заслуга Бойля состоитъ скорѣе въ его послѣдовательномъ примѣненіи экспериментальнаго метода — въ этомъ онъ былъ послѣдователемъ Бэкона — чѣмъ въ составляющихъ эпоху въ наукѣ открытіяхъ. Его изслѣдованія въ области химіи имѣли значеніе, какъ разрушавшія псевдонаучные взгляды и положившія основаніе достовѣрнымъ изслѣдованіямъ, но химія, какъ наука, была создана позднѣе.

Робертъ Гукъ. Робертъ Гукъ (1635 — 1703), помогавшій Бойлю при устройствѣ воздушнаго насоса, былъ человѣкомъ, обладавшимъ значительнымъ запасомъ научныхъ идей и большой изобрѣтательной способностью, но не обладавшій способность упорнаго и послѣдовательнаго мышленія.

Въ 1662 году онъ былъ назначенъ «экспериментаторомъ» Королевскаго Общества и занималъ эту должность до самой смерти. Особенно извѣстны его изслѣдованія о колебаніи струнъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько открытій въ области оптики и принималъ колебательную теорію свѣта. Онъ приближался, хотя и не окончательно достигъ ее, къ теоріи Ньютона о всеобщемъ тяготѣніи. Ему же принадлежитъ идея о пользованіи маятникомъ для измѣренія силы тяжести.

Эліашъ Ашмоль.

Къ этому періоду относится основаніе Ашмолеанскаго музея въ Оксфордѣ. Эліашъ Ашмоль въ 1677 году подарилъ коллекцію рѣдкостей, унаслѣдованную имъ отъ его друга Джона Трэдесканта, содержателя ботаническаго сада въ Чельзи и его сына, интересовавшагося естественными науками. Трэдескантъ старшій пріѣхалъ въ Англію около 1600 года и началъ составлять коллекцію, которую пополнилъ его сынъ; Ашмоль сдѣлалъ археологическія и другія дополненія къ этой коллекціи. Вся коллекція была перевезена, какъ утверждаютъ, на двѣнадцати повозкахъ въ Оксфордъ въ 1682 году, когда было закончено приготовляемое для нея зданіе. Ашмолеанскій музей, сначала имѣвшій значеніе какъ естественноисторическій, потомъ превратился исключительно въ археологическій.

Исаакъ Ньютонъ.

Описываемый періодъ имѣетъ особое научное значеніе вслѣдствіе изданія въ это время «Principia» Ньютона. Исаакъ Ньютонъ (1642—1727) родился въ Ульсторпѣ, въ Линкольнширѣ. Съ юнаго возраста онъ одинаково интересовался математикой и физическими опытами. Въ 1667 году онъ сдѣлался членомъ коллегіи Троицы въ Кембриджѣ, въ 1669 году онъ былъ уже профессоромъ (Lucasion Professor) математики. Въ 1672 году онъ былъ по предложенію Уорда избранъ членомъ Королевскаго Общества. Онъ неоднократно былъ представителемъ университета въ парламентѣ. Въ 1705 году онъ былъ кандидатомъ, «но не жившіе» въ университетѣ члены (nonresident) воспротивились его избранію, какъ вига, и онъ былъ исключенъ. Въ томъ же году Анна даровала ему рыцарское званіе, въ 1694 году онъ былъ назначенъ смотрителемъ, а въ 1697-мъ начальникомъ монетнаго двора. Въ 1703 году онъ былъ избранъ наслѣдникомъ лорда Сомерса на эту должность до конца жизни.

Открытія въ области оптики.

Первыя изъ публикованныхъ открытій Ньютона относились къ оптикѣ. Въ 1672 году, вскорѣ послѣ его избранія членомъ Королевскаго Общества, онъ читалъ докладъ о составѣ бѣлаго свѣта. Онъ открылъ, что солнечный свѣтъ, проходящій чрезъ преломляющую призму, разлагается на лучи различныхъ цвѣтовъ. Это объясняется различіемъ въ ихъ преломляемости. Степени преломляемости необходимо соотвѣтствуетъ извѣстный цвѣтъ. Продолжая свои изслѣдованія въ области оптики, Ньютонъ предложилъ теорію тонкихъ и толстыхъ пластинокъ и инфлексіи свѣта, открылъ двойную рефракцію, поляризацію и теорію зрѣнія двумя глазами (binocular vision).

Принятая имъ для общаго объясненія оптическихъ явленій эмиссіонная теорія теперь, какъ извѣстно, замѣнена теоріей колебаній эфира.

Всеобщее тяготѣніе.

Предполагаютъ, что теорія всеобщаго тяготѣнія была открыта Ньютономъ еще въ Ульсторпѣ въ 1666 году. Разсказываютъ, что при видѣ паденія яблока ему пришла мысль, что притяженіе земли, вслѣдствіе котораго яблоко падаетъ, можетъ простираться до луны. Потому причина того, что луна не движится по тангенсу къ ея орбитѣ, а постоянно уклоняется отъ него, состоитъ въ томъ, что луна, подобно яблоку, притягивается землей. Ея паденіе, соединенное съ движеніемъ по тангенсу къ ея орбитѣ, и даетъ ея дѣйствительный путь. Этотъ разсказъ исходитъ отъ Вольтера, слышавшаго его отъ племянницы Ньютона. Дѣйствительно ли такимъ путемъ пришла Ньютону эта идея или нѣтъ, во всякомъ случаѣ все существенное въ великой концепціи о всеобщемъ тяготѣніи передается въ этомъ разсказѣ. Законъ, на основаніи котораго тѣла притягиваются землей, можетъ пониматься, какъ всеобщій законъ всѣхъ матеріальныхъ частицъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, можно ли составить формулу, объясняющую и паденіе тѣлъ на землю, и движеніе луны по ея орбитѣ, и движеніе планетъ вокругъ солнца?

Законъ Ньютона. Principia.

Галилей создалъ научную динамику, а Кеплеръ своими законами движенія планетъ приготовилъ путь для полнаго механическаго объясненія, задуманнаго Ньютономъ. На основаніи законовъ Кеплера Ньютонъ составилъ общую формулу, извѣстную подъ названіемъ «закона обратныхъ квадратовъ»; этотъ законъ состоитъ въ томъ, что всякая частица матеріи притягиваетъ другую съ силой, прямо пропорціональной произведенію массъ и обратно пропорціональной квадрату разстоянія. Теперь вопросъ сводился къ примѣненію этого закона сначала къ землѣ и лунѣ, а потомъ къ планетнымъ движеніямъ, принимая за основаніе вычисленія извѣстную силу тяжести на поверхности земли. Таково ли уклоненіе луны отъ тангенса къ ея орбитѣ, какимъ оно должно быть, если земная тяжесть, и только она одна, есть причина этого уклоненія? Иначе говоря, при извѣстной скорости паденія тѣла на земной поверхности, такова ли скорость паденія луны, какъ это требуется вышеупомянутымъ закономъ? При первомъ вычисленіи Ньютонъ нашелъ, что луна должна отклоняться отъ тангенса на пятнадцать футовъ въ минуту, а въ дѣйствительности она уклоняется только на тридцать. Тогда онъ оставилъ свое вычисленіе, но не оставилъ своей идеи. Наконецъ новое опредѣленіе Пикаромъ діаметра земли, сообщенное Королевскому Обществу въ 1672 году, уничтожило разницу между формулой и дѣйствительностью, и Ньютонъ снова занялся своимъ вычисленіемъ. Въ 1684 году вопросъ о тяжести обсуждался сэромъ Реномъ, Гукомъ и Галлеемъ. Одинъ Ньютонъ могъ доказать, что планетная

орбита, согласно первому закону Кеплера, будетъ эллипсисъ, при принятіи закона обратной пропорціональности квадрату разстоянія. Что касается до этой части теоріи, то всѣ, принимавшіе участіе въ обсужденіи, ожидали, что вышеупомянутый законъ окажется вѣрнымъ. Гукъ даже утверждалъ, что онъ можетъ доказать это. Тогда Ньютонъ началъ работать надъ своими знаменитыми «Principia», большая часть которыхъ была написана въ 1685—86 году. Сочиненіе было напечатано на счетъ Королевскаго Общества, но въ концѣ концевъ рискъ изданія взялъ на себя Галлей и онъ корректировалъ его. Все сочиненіе озаглавленное «Philosophiae Naturalis Principia Mathematica» было издано лѣтомъ 1687 года. Въ немъ была изложена и математически обработана теорія всеобщаго тяготѣнія. Всѣ уже раньше извѣстные эмпирическіе законы относительно движенія луны и планетъ были доказаны, какъ частные случаи общаго закона.

Англійскіе астрономы начала семнадцатаго вѣка до нѣкоторой степени подготовили великое открытіе Ньютона. Іеремія Горроксъ, напр., первый наблюдавшій проходъ Венеры (1639), считалъ уже земную тяжесть космической силой, но съ этимъ представленіемъ онъ соединялъ ошибочныя понятія о причинности небесныхъ движеній, понятія, заимствованныя имъ у Кеплера. Нѣкоторыя изъ его статей были изданы въ 1662 году, послѣ его смерти, а остальное вмѣстѣ съ извлеченіями изъ его корреспонденціи было издано Валлисомъ въ 1672 году. Онъ также, какъ и Тихо Браге, содѣйствовалъ въ вычисленіи движеній луны и доставилъ матеріалъ для лунной теоріи Ньютона.

Ученіе о всеобщемъ тяготѣніи, несмотря на полноту объясненія космическихъ движеній, сначала встрѣтило возраженія со стороны ученыхъ, принимавшихъ «механическую философію». Лейбницъ, находившій, что механическое объясненіе должно быть послѣдовательно проведено относительно всѣхъ физическихъ явленій, утверждалъ, что теорія Ньютона представляетъ возрожденіе идеи «о скрытыхъ причинахъ». Она не объясняетъ всякаго движенія толчками и давленіемъ, а предполагаемымъ «дѣйствіемъ на разстояніи». Тѣмъ не менѣе ученіе Ньютона, какъ объясняющее всѣ факты, вскорѣ изгнало теоріи, вродѣ теоріи Декарта, которая, хотя и была болѣе согласована съ первоначальной формой современной механической философіи, но оказалась несостоятельной въ подробностяхъ. Попытки пойти дальше закона тяготѣнія и объяснить его какъ результатъ давленія среды или толчковъ частицъ дѣлались часто, даже въ наше время, но были всегда неудачными. Законъ Ньютона еще и теперь остается наиболѣе глубокимъ изъ достигнутыхъ наукой принциповъ для объясненія космическихъ явленій.

Великое открытіе Ньютона въ области чистой математики, диффе-

Математическія открытія. Лейбницъ.

ренціальное исчисленіе, или «исчисленіе флюксій», какъ его сначала называли, какъ извѣстно, было сдѣлано имъ еще въ 1665 году. Есть статьи, написанныя имъ и обозначенныя этимъ и слѣдующимъ годами, въ которыхъ описанъ этотъ методъ. Зародыши метода можно найти и въ древней геометріи; нѣкоторые изъ новыхъ математиковъ уже приближались къ нему. Какъ уже упомянуто выше, важный шагъ къ этому открытію былъ сдѣланъ Валлисомъ. Необходима была только нотація, чтобы сдѣлать общимъ методъ, заключавшійся въ отдѣльныхъ операціяхъ, примѣняемыхъ раньше къ отдѣльнымъ проблемамъ. Такая нотація и была найдена Ньютономъ и Лейбницемъ. Относительно того, сдѣлалъ ли Лейбницъ свое открытіе независимо отъ Ньютона, въ теченіе многихъ лѣтъ велись раздраженные споры. Методъ Лейбница былъ публикованъ въ 1684 году, а методъ Ньютона только въ 1687-мъ. Съ другой стороны право Ньютона на первенство въ открытіи всегда было безспорнымъ. Теперь всѣ признали, что Лейбницъ сдѣлалъ открытіе независимо, хотя и позднѣе. Всѣ признаютъ также его нотацію лучшей и она была принята всѣми. Одна эта нотація, по мнѣнію всѣхъ современныхъ математиковъ, можетъ дать ему право считаться независимымъ изслѣдователемъ.

Теологическія сочиненія Ньютона.

Можно упомянуть еще о «Хронологіи древнихъ царствъ» и о «Пророчествахъ Даніила и Апокалипсисѣ св. Іоанна», Ньютона, хотя эти сочиненія были изданы только послѣ его смерти. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что изъ прежнихъ математиковъ Гарріотъ занимался критикой Ветхаго Завѣта, причемъ предполагаютъ, что онъ держался еретическихъ взглядовъ, что и первое сочиненіе Нэпира было тоже объ Апокалипсисѣ.

Философія. Кембриджскіе платоники.

Система Гоббса имѣла не одно только положительное вліяніе, но и отрицательное, такъ какъ она возбудила сильную реакцію. Въ Англіи это послѣднее вліяніе было преобладающимъ въ теченіе двухъ поколѣній. Въ числѣ представителей реакціи противъ ученія Гоббса выдѣляются философы, извѣстные подъ названіемъ «Кембриджскихъ платониковъ». Наиболѣе выдающимися изъ представителей этой школы были Генрихъ Моръ (1614 — 1687) и Ральфъ Кудвортъ (1617—1688).

Генрихъ Моръ.

Ученіе обоихъ этихъ мыслителей представляетъ нѣчто въ родѣ христіанскаго платонизма, не безъ примѣси оригинальности, особенно въ области этики. Въ философіи Мора не мало мистическихъ элементовъ. Между Богомъ и матеріей онъ ставитъ рядъ духовныхъ формъ, коими проникнуты всѣ тѣла, даже такія, которыя считаются чисто физическими. Высшія изъ этихъ духовныхъ формъ, это души. Міровой духъ, все проникающій, не Богъ, а орудіе Бога. Между разумомъ и импульсомъ въ человѣкѣ имѣется посредствующая сила, именуемая «благодѣтельной способностью» (boniform faculty). Такимъ

образомъ платоновская система ставитъ между низшимъ и высшимъ посредствующія силы распространена не только на метафизику, но и на этику.

Главное сочиненіе Кудворта: «Истинная интеллектуальная система вселенной, въ коей опровергается основаніе и философія атеизма и доказывается его невозможность» (True Intellectual System of Universe, Wherein all Reason and Philosophy of Atheism is confuted and its impossibility demonstrated—1678 г.) должно было составлять только первую изъ трехъ частей цѣлаго сочиненія. Часть этого предполагаемаго сочиненія составляетъ и «Трактатъ о вѣчной и неизмѣнной нравственности» (Treatise concerning Eternal and Immutable Morality), изданный епископомъ Чандлеромъ въ 1731 году. Метафизика Кудворта также, какъ и Мора, по существу платоновская. Онъ признаетъ въ физикѣ конечныя причины и объясненіе организаціи не посредствомъ чистаго механизма, а посредствомъ «пластической природы». Нравственные принципы, по его мнѣнію, имѣютъ значеніе и очевидность, одинаковыя съ очевидностью и значеніемъ математическихъ аксіомъ. Они врожденные раціональные принципы и происхожденіе ихъ не чувственное, а божественное. Ральфъ Кудвортъ.

Ричардъ Кумберландъ (1632—1718), въ 1691 году сдѣлавшійся епископомъ Петерборо, опровергалъ объясненіе человѣческой природы Гоббса одними физіологическими причинами и доказывалъ, что у человѣка первоначальные соціальные и благожелательные импульсы выше эгоистическихъ, единственно признаваемыхъ Гоббсомъ. Въ сочиненіи Кумберланда: De legibus Naturae Disquisito Philosophica (1672) принципъ всеобщей благожелательности признается высшимъ принципомъ нравственности. Въ отличіе отъ Мора и Кудворта, Кумберландъ также, какъ и Гоббсъ, стоитъ на экспериментальной, а не на апріорной точкѣ зрѣнія. Потому онъ возражаетъ не относительно метода и общихъ положеній Гоббса, а только относительно извращенія, по его мнѣнію, фактовъ. Потому его этическое ученіе называли «Гоббизмомъ, превращеннымъ въ альтруизмъ». Ричардъ Кумберландъ.

Къ числу оппонентовъ Гоббса относится и Жозефъ Глэнвиль (1636—1680). Въ его сочиненіяхъ: Vanity of Dogmatising (1661) и Scepsis Scientifica (1665) онъ нападаетъ на философскій догматизмъ, въ особенности на аристотелевскую и картезіанскую его формы. Онъ въ особенности возставалъ противъ достовѣрности каузальнаго отношенія. Онъ указываетъ, что послѣдовательность явленій не доказываетъ еще необходимой связи между ними. Онъ также, какъ и другіе до и послѣ него, пользовался философскимъ скептицизмомъ въ интересахъ религіозныхъ вѣрованій. Съ скептицизмомъ онъ ухитрился соединять вѣру въ дѣйствительность колдовства. Это, впрочемъ, не мѣшало ему интересоваться развитіемъ естествознанія, что доказывается его защитой Королевскаго Общества противъ его враговъ. Жозефъ Глэнвиль.

Картезіанство въ Англіи.

Въ это время Декартъ начинаетъ вліять на англійское мышленіе, хотя въ Англіи и не было самостоятельной картезіанской школы. Прежде всего подъ вліяніе Декарта подпали Кембриджскіе платоники, которыхъ привлекала чисто метафизическая сторона мышленія Декарта. Въ Кембриджѣ картезіанскіе учебники физики употреблялись послѣ изданія Principia Ньютона. Локкъ, хотя онъ въ своемъ Опытѣ и опровергалъ ученіе Декарта о врожденныхъ идеяхъ, получилъ импульсъ своего критицизма отъ Декарта и сообщилъ его позднѣйшимъ англійскимъ мыслителямъ.

Университеты.

Геттона.

Реставрація.

Въ періодъ междуцарствія въ Оксфордѣ произошло не мало перемѣнъ. Въ теченіе долгаго времени университетомъ управляла парламентская комиссія и только тѣ изъ начальниковъ и членовъ коллегій сохранили свои мѣста, которые признали существующее правительство и присягнули Торжественной лигѣ и Ковенанту. Первый комитетъ ревизоровъ, назначенный 1 мая 1648 года, былъ пресвитеріанскій; наиболѣе виднымъ его членомъ былъ Рейнольдсъ, деканъ Христовой Церкви и вицеканцлеръ; комитетъ реформировалъ университетъ по пресвитеріанскому образцу. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ власть въ государствѣ получали индепенденты, они получали и управленіе университетомъ. Кромвель и парламентъ 15 іюня 1652 года назначили новый комитетъ ревизоровъ. Главой новаго комитета былъ Джонъ Оуэнъ, замѣнившій Рейнольдса въ Христовой Церкви, когда тотъ отказался принять Обязательство (Engagement). Членами комитета были Гудвинъ, президентъ Магдалены, и Конантъ, ректоръ Эксетера. Въ 1653 году канцлеромъ былъ избранъ Оливеръ Кромвель; онъ твердо держалъ въ рукахъ университетъ чрезъ посредство своего друга Оуэна. Третій комитетъ ревизоровъ былъ назначенъ въ январѣ 1653 года и онъ оставался до смерти протектора. Эти годы были бурными. Сначала изгнали университетскихъ служащихъ и это изгнаніе было грубымъ благодаря той роли, которую игралъ въ этомъ дѣлѣ раздражительный и рѣзкій законникъ Вилльямъ Прайннъ. М-съ Фелль вытащили силой изъ деканства Христовой Церкви и посадили ее въ большомъ залѣ обдумывать ея положеніе. Съ мущинами поступали поэнергичнѣе, и менѣе забавно. Всѣ, нехотѣвшіе подчиняться, были выгнаны. «Директорія» замѣнила въ соборѣ и въ капеллахъ коллегій молитвенникъ. Не многіе изъ вѣр-

ныхъ міряпъ, вродѣ Дольбена, Аллестри и Джона Федля, посѣщали богослуженіе; нѣкоторые изъ церковниковъ, вродѣ знаменитаго оріенталиста Эдмунда Покока, профессора арабскаго языка, сохранили по крайней мѣрѣ часть ихъ почетныхъ университетслихъ званій. Но это были исключенія. Послали солдатъ, чтобы удалить непокорныхъ за пять миль отъ города. Кромвель и Ферфексъ терроризировали университетъ. Первый объявлялъ, правда, что онъ намѣренъ поощрять ученость, второй сдѣлалъ кое что для сохраненія и увеличенія Бодлеянской библіотеки. Но большая часть этихъ лѣтъ прошла въ заботахъ о томъ, чтобы присматривать за начальниками и членами коллегій, чтобы обезпечить постоянное чтеніе лекцій и управлять университетомъ самымъ суровымъ доктринерскимъ способомъ. Послѣ девяти лѣтъ ревизій университетъ наконецъ рѣшился заявить, что прошло достаточно времени «для очищенія и исправленія всякой злокозненности» (all humors and malignities), указывалъ, что со времени окончанія войны изгнано почти пятьсотъ членовъ и просилъ возвращенія старой системы. Духъ университета, очевидно, незамѣтнымъ образомъ повліялъ на новыхъ пришельцевъ. Новый Оксфордъ скоро утомился мелкими измѣненіями, которыя хотѣли провести педанты; университетъ еще до возвращенія его вѣрныхъ сыновъ работалъ для реставраціи и настолько же сердечно привѣтствовалъ ее, какъ и любая корпорація въ Англіи. Самъ Кларендонъ признавалъ, что Оксфордъ даже въ эти мрачные для него дни «собиралъ жатву чрезвычайно добраго и здороваго знанія во всѣхъ частяхъ обученія; нѣкоторые изъ пришельцевъ предавались доброму изученію и добродѣтели и имѣли склонность къ долгу и повиновенію, которымъ обучали, такъ что когда Богу угодно было возвратить престолъ королю Карлу второму, оказалось, что университетъ преисполненъ превосходной учености и преданъ долгу и повиновенію не меньше, чѣмъ до его опустошенія».

Антоній Вудъ, какъ и прилично такому строгому роялисту, очень рѣзко отзывался о нравахъ и учености того времени. Болѣе безпристрастно его описаніе общественной жизни въ Оксфордѣ при пуританахъ.

«Они хотятъ избѣгать тавернъ и пивныхъ—разсказываетъ онъ— но посылаютъ за спиртными напитками изъ своихъ квартиръ и пьютъ и курятъ, пока у нихъ голова не закружится. И однако они больше всѣхъ другихъ готовы осуждать добрыхъ роялистовъ или другихъ людей, кого они увидятъ входящими или выходящими изъ таверны или пивной. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются входить въ такія заведенія, но если при возвращеніи домой ихъ замѣтятъ, они притворяются, что охромѣли или что съ ними случилось что нибудь внезапное. Они не прочь и угостить другъ друга въ ихъ комнатахъ и иногда, хотя и рѣдко, въ трактирѣ, гдѣ есть задній ходъ, и тогда

они очень веселятся и бражничаютъ. Тѣ, которые пріѣхали сюда изъ Кембриджа и получаютъ здѣсь степени, не освобождаются отъ угощенія и вмѣсто чаши коллегіальнаго пива и разбавленнаго испанскаго вина, какъ было обычно въ прежнее время, когда угощались въ коллегіи въ 3 или 4 часа послѣ полудни, они угощаютъ тортами, сырными кэками, драченой и другими лакомствами, по сезону глядя, и такая мода продолжалась до реставраціи».

Неудивительно, что въ средѣ такихъ людей было «чрезмѣрно много проповѣдей и моленій и, еслибы не необходимость, многіе предавались бы этимъ занятіямъ по цѣлымъ недѣлямъ».

Роялистская реакція.

При реставраціи была назначена новая комиссія, возстановившая изгнанныхъ членовъ и начальниковъ коллегій; въ томъ же году Эдуардъ Гайдъ, графъ Кларендонъ, былъ избранъ канцлеромъ университета. Въ качествѣ канцлера онъ оставилъ прочные слѣды своей дѣятельности. Онъ занялся возстановленіемъ старой дисциплины и всегда сильно интересовался курсами профессоровъ. Онъ полагалъ, что университетъ долженъ выпускать не однихъ ученыхъ, а и свѣтскихъ людей; онъ старался возродить представленія латинскихъ и французскихъ піесъ, благодаря которымъ во время его юности молодежь обучалась ловкости, изящному и свободному обращенію и знакомилась съ классиками. Онъ желалъ также, чтобы молодежь обучалась верховой ѣздѣ, фехтованью и танцамъ, какъ во Франціи. Онъ самъ былъ virtuoso, знатокъ въ живописи, «большой любитель книгъ» и ни съ одной изъ своихъ должностей онъ не разставался съ такой грустью, какъ съ канцлерствомъ, когда онъ сложилъ съ себя эту обязанность въ декабрѣ 1667 года, простившись съ университетомъ въ трогательномъ посланіи къ вицеканцлеру.

Оксфордъ при Карлѣ II и Іаковѣ II былъ строго роялистскимъ и ортодоксальнымъ. «Возстановленные, писалъ Вудъ, стараются быть настолько прелатскими, насколько это возможно... стараются возстановить всѣ признаки монархіи въ университетѣ: молитвенникъ, рясы и нѣкоторые костюмы... привести университетъ къ старымъ обычаямъ проповѣди и моленій, сдѣлать прожитое переходное время — очень продолжительное, очень скучное и очень практическое (хотя тогда было не мало вздоховъ, слезливости и гримасъ)—презираемымъ и смѣшнымъ и въ особенности они старались избѣгать тѣхъ молодыхъ проповѣдниковъ, которые получили образованіе при пресвитеріанской и индепендентской дисциплинѣ, а теперь ради земныхъ выгодъ и повышеній склонялись къ прелатству».

Въ капеллы коллегій снова поставили органы, церковные проповѣдники начали опровергать и изгонять пресвитеріанскія ученія. Перемѣны произошли даже въ костюмѣ, потому что многіе уничтожали пуританскій пуританскій покрой и «надѣвали сюртуки, доходящіе до пятокъ и опоясывались священическимъ поясомъ». Анти-

монархическія книги, вродѣ сочиненій Мильтона и Гудвина, были изъяты изъ библіотекъ и сожжены. Когда Джюксонъ умеръ, его съ большимъ торжествомъ погребли въ капеллѣ коллегіи св. Іоанна, предварительно выставивъ его тѣло въ Богословской школѣ; вскорѣ послѣ этого тѣло Лоуда было перенесено изъ Лондона въ его коллегію, по выраженному имъ при жизни желанію.

Вообще новыя назначенія были удачны. Кларендонъ удерживалъ Карла отъ явныхъ нарушеній приличія. Но королевское назначеніе Томаса Клэйтона противъ воли членовъ коллегіи Мертона и ея ревизора вызвало бурю въ этой коллегіи и постоянныя аппеляціи къ архіепископамъ, Джюксону въ званіи архіепископа наслѣдовалъ Шельдонъ, тоже оксфордецъ. Его вліяніе на университетъ было сильно. Онъ далъ въ 1664 году 1000 фунтовъ на постройку новаго университетскаго театра, который и теперь носитъ его имя; въ 1667 году онъ сдѣлался канцлеромъ вмѣсто Кларендона. Съ каждымъ годомъ подъ его управленіемъ Оксфордъ становился все болѣе роялистскимъ. День смерти короля Карла соблюдался какъ церковный праздникъ. Карлъ II нѣсколько разъ посѣтилъ Оксфордъ и въ 1681 году при сильномъ общественномъ возбужденіи здѣсь собрался парламентъ. Палата лордовъ засѣдала въ школѣ геометріи, а палата общинъ въ домѣ конвокаціи, но парламентъ засѣдалъ только семь дней; 28 марта Карлъ, около десяти часовъ утра, секретно послалъ за своей мантіей и короной и распустилъ парламентъ. Въ іюлѣ 1683 года университетъ проявилъ свою симпатію къ сильной роялистской реакціи, охватившей всю страну, осудивъ на публичное сожженіе книги Буханана, Гоббса и другихъ «мятежныхъ и преступныхъ авторовъ»; въ слѣдующемъ году Джона Локка выгнали изъ коллегіи Христовой Церкви.

Католическая реакція.

Воцареніе Іакова II было принято университетомъ съ радостью и онъ поставилъ отрядъ конницы и нѣсколько ротъ пѣхоты для подавленія возстанія Монмоута. Едва это возстаніе было подавлено, какъ началось исходившее отъ двора организованное движеніе съ цѣлью романизировать университетъ. Обадія Уолькеръ, магистръ университетской коллегіи, въ августѣ 1686 года публично служилъ въ коллегіи мессу; его такъ и прозвали въ Оксфордѣ Obadiah Ave Maria. Самуэль Паркеръ, въ покорности котораго желаніямъ короля убѣдились при дворѣ, былъ назначенъ епископомъ оксфордскимъ. Король потребовалъ отъ университета избранія профессоромъ нравственной философіи романиста и онъ публично читалъ противъ реформаціи. Массей, деканъ Христовой церкви, открылъ католическую капеллу въ стѣнахъ коллегіи. Наконецъ, король хотѣлъ навязать членамъ коллегіи Магдалены въ президенты романиста. Упорное сопротивленіе членовъ, ихъ изгнаніе, непродолжительное президентство Паркера и возстановленіе законныхъ президента и членовъ—все это

относится къ общей исторіи націи. По перепискѣ того времени и по остроумнымъ коментаріямъ Вуда мы можемъ прослѣдить всѣ перипетіи поднявшейся тогда въ университетѣ бури. Настроеніе въ Оксфордѣ было сильно роялистическимъ, но и сильно англиканскимъ. Постоянно происходили бунты противъ аггрессивныхъ деменстрацій романистовъ и епископъ Паркеръ нашелъ, что все духовенство, какъ одинъ человѣкъ, отказалось благодарить короля за его Декларацію объ индульгенціи. Оксфордъ былъ лояленъ, но онъ былъ первымъ въ сопротивленіи незаконнымъ дѣйствіямъ короля Іакова, и именно сопротивленіе Оксфорда наиболѣе ясно доказывало, насколько Англія нуждалась въ «Вильгельмѣ освободителѣ».

Жизнь въ Оксфордѣ.

Въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ жизнь въ университетѣ была такой же, какъ до гражданской войны. Тѣже жалобы на распущенность властей и студентовъ, тѣже случайныя попытки реформы. Среди старшихъ членовъ появилась школа антикваріевъ. Логганъ напечаталъ въ университетской типографіи рядъ видовъ Оксфорда того времени. Антоній Вудъ, король ворчливыхъ и грубыхъ, но ученыхъ діаристовъ, писалъ свою знаменитую исторію университета и собиралъ всякую археологическую мелочь или скандальныя сплетни относительно его современниковъ. Студенты жили, кажется, какъ имъ было угодно. Стефенъ Пентонъ, напр., бывшій студентомъ отъ 1659 до 1670 года выражается такимъ образомъ, какъ будто научное развитіе студента зависѣло скорѣе отъ него самого, чѣмъ отъ его тутора. «Лекція время отъ времени—уже большее снисхожденіе; но благодаря Богу, хорошій примѣръ моихъ родителей и естественная любовь къ добродѣтели позволили мнѣ, когда начались волненія, оставить Оксфордъ если и не болѣе ученымъ, то не много худшимъ, чѣмъ я пріѣхалъ туда». Онъ, впрочемъ, говоритъ, что потомъ положеніе вещей много улучшилось и хотя онъ выставляетъ на первый планъ развлеченія и спортъ, но признаетъ, что при послѣднемъ его посѣщеніи, вѣроятно въ 1681 году, онъ не видалъ безпорядковъ и что туторы были вѣжливы при пріемѣ посѣтителей. Любопытныя свѣдѣнія относительно нравовъ Оксфорда даетъ счетная книжка студента 1682—88 годовъ, Джемса Уильдинга, бывшаго сначала въ коллегіи св. Маріи, а потомъ въ коллегіи Мертона. Онъ уплатилъ за матрикулъ 7 ш. 6 д., а потомъ 11 ш. 6 д., за «новыя издержки и выпивку». Онъ угощалъ виномъ, а потомъ платилъ за изорванное платье. Но это было не единственнымъ утѣшеніемъ; онъ заплатилъ 2 д. за то, что видѣлъ носорога и столько же за то, что видѣлъ турка; онъ совершилъ экспедицію въ Абингдонъ, стоившую ему 4 ш. и въ Кембриджъ, стоившую 12 ш. 6 д.; онъ купилъ омара за 2 д. и заплатилъ 4 д. за лодку; онъ проигралъ въ карты 4 д. и на концертъ истратилъ 2 ш. 6 д. Онъ видимо интересовался и наукой, потому что за то, чтобы видѣть лабараторію, заплатилъ 1 ш. 3 д.;

но онъ наслаждался иногда и въ кофейнѣ и далъ 6 д. дѣвушкѣ въ тавернѣ «Kill Bull». Онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы быть въ дружбѣ съ властями и часто давалъ привратнику по 6 д., а также щедро вознаграждалъ услуги повара и поломоекъ. Въ концѣ каждаго термина съ неизмѣнной правильностью встрѣчаются двѣ уплаты: 2 ш. 6 д. цирюльнику и 10 ш. тутору. Въ этомъ любопытномъ описаніи общественной жизни того времени любопытно отмѣтить, что въ библіотекѣ Уильдинга было больше ста томовъ—количество, не малое и для теперешняго студента—и всѣ книги такія, что онѣ предполагаютъ добросовѣстныя и серьезныя занятія.

Многое изъ того, что сказано объ Оксфордѣ, примѣнимо и къ Кембриджу. Реставрація повліяла и на него также и общественная жизнь въ обоихъ университетахъ была одинакова. Но Кембриджъ сначала не столь горячо привѣтствовалъ возстановлянную церковь. Пуританская коллегія Эммануила отказывалась отъ рясъ и пользовалась «директоріей» поперемѣнно съ молитвенникомъ. Но Кембриджъ вскорѣ прославился такъ, что его пуританство было забыто. Время реставраціи было вѣкомъ кембриджскихъ платониковъ. Кембриджская философія поучала всю Англію и говорили, что Генрихъ Моръ «управлялъ всѣми книготорговцами въ Лондонѣ». Кембриджъ былъ не менѣе знаменитъ своими естественниками; нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся членовъ Королевскаго Общества, основаннаго въ Оксфордѣ, были кембриджцы. Кембриджъ.

Королевское вліяніе чувствовалось столь же сильно въ Кембриджѣ, какъ и въ Оксфордѣ; и университетъ палъ до того, что избралъ своимъ канцлеромъ герцога Монмоута. Іаковъ II простеръ свою руку и на Кембриджъ и этотъ университетъ столь же смѣло, какъ и Оксфордъ, противился ему. Одному бенедиктинцу было отказано въ ученой степени и университету пришлось отвѣчать за свою смѣлость предъ Джеффрейсомъ. Но это было къ концу церствованія Іакова и революція скоро избавила кембриджскія власти отъ всякихъ безпокойствъ.

Теологическая литература.

Геттона.

Періодъ отъ 1661 до 1688 года составляетъ наиболѣе важную часть того времени, когда въ Англіи дѣйствовали тѣ писатели и администраторы, которыхъ обыкновенно называютъ богословами каролинскаго вѣка. Несомнѣнно, что во многихъ отношеніяхъ вліяніе Андрьюса, Лоуда, Козена и Гаммонда было болѣе прочнымъ и зна-

чительнымъ, чѣмъ вліяніе ихъ наслѣдниковъ; но эпоха реставраціи дала поводъ для полнаго выраженія тѣхъ принциповъ и теорій, которые были выставлены прежними теологами и учителя англиканской церкви при Карлѣ II и Іаковѣ II въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли взгляды болѣе широкіе, чѣмъ ихъ предшественники, и въ тоже время они безспорно болѣе сильно и непосредственно вліяли на ихъ современниковъ.

Гаммондъ, оказавшій услугу своему и слѣдующему поколѣніямъ своимъ «Практическимъ катехизисомъ» и «Paraenesis» скончался до возстановленія церкви. Сандерсонъ, какъ казуистъ и проповѣдникъ при реставраціи управлялъ большой епархіей. Іеремія Тайлоръ, о которомъ мы уже говорили, училъ слѣдующія поколѣнія набожности и богопочитанію. А теперь явились другіе продолжатели дѣла, начатаго этими людьми и ихъ предшественниками. Главными изъ этихъ продолжателей были Эдуардъ Стиллингфлитъ, Исаакъ Барроу и Георгъ Булль. Помимо дѣятельности этихъ людей, дѣятельность церковниковъ проявилась въ философіи, въ сочиненіяхъ Кумберланда, Кудворта, Локка и кембриджскихъ платониковъ и въ появленіи школы «латитудинаріанъ», имѣвшей въ послѣдствіи большое вліяніе на религіозную исторію Англіи.

Латитудинаріане.

При Іаковѣ II теологи были менѣе дѣятельны. Энергія церкви расходовалась на практическое дѣло самозащиты. Притомъ духовенство далеко не было единодушнымъ. Самуэля Паркера, епископа оксфордскаго, можно считать наиболѣе способнымъ представителемъ тѣхъ лицъ, у которыхъ стремленіе къ вѣротерпимости приняло форму подчиненія мѣрамъ короля.

Латитудинаріане стремились къ соглашенію; Бакстеръ раздѣлялъ это стремленіе съ такими церковниками, какъ Уилькинсъ, епископъ Честерскій. Попытки къ соглашенію потерпѣли неудачу вслѣдствіе рѣшенія палаты общинъ не принимать никакого билля, имѣвшаго цѣлью соглашеніе, и латитудинаріанамъ пришлось обратиться къ литературѣ. Книги Симона Патрика («Мирное разсужденіе» — Friendly Debate), Эдуарда Стиллингфлита («Irenicum» и Unreasonableness of Separation» — «Неразумность раздѣленія») и Самуэля Паркера («Рѣчь о церковномъ строѣ») — относились къ вопросу, который постепенно выдвигался на первый планъ и требовалъ рѣшенія. Изъ этихъ сочиненій «Irenicum» наиболѣе латитудинаріанское, а «Церковный строй» наиболѣе рѣзкое нападеніе на диссентеровъ. Стиллингфлитъ считаетъ форму церковнаго управленія несущественной и неопредѣленной апостолами. Паркеръ гораздо болѣе занимался доказательствомъ обязанностей, проистекающихъ изъ признанія верховной государственной власти; но оба сочиненія практически уничтожали нонконформизмъ. Въ обоихъ сочиненіяхъ—да и въ большинствѣ теологическихъ сочиненій того времени—замѣтно сильное вліяніе Гоббса. Богословы

критикуютъ его положеніе, осмѣиваютъ или нападаютъ на его доказательства и, однако, нѣкоторые изъ его выводовъ, такъ сказать, проникли въ самую душу людей каролинскаго вѣка.

Робертъ Соутъ.

Робертъ Соутъ не былъ перворазряднымъ писателемъ; но его наврядъ ли кто превзошелъ, какъ проповѣдника, да его оригинальному стилю не часто и подражали. Онъ былъ усерднымъ защитникомъ ортодоксіи и очень рѣзко нападалъ на ея враговъ. Слушатели удивлялись ему, какъ они и теперь удивляются нѣкоторымъ изъ современныхъ проповѣдниковъ, за высказываемыя имъ рѣзкости; но еще болѣе удивлялись ему за его несокрушимый и неподражаемый юморъ. Проповѣдь Соута — это цѣлый рядъ веселыхъ шутокъ, и церкви, въ которыхъ онъ проповѣдывалъ, наполнялись неумолкавшимъ смѣхомъ конгрегаціи. Но его насмѣшки были всегда направлены противъ претензій, фальшивости, самоувѣренности или гордости и никогда противъ возвышеннаго и благороднаго. Соутъ былъ серьезнымъ, самоотверженнымъ священникомъ и нисколько не заботился о личныхъ выгодахъ; онъ довольствовался повышеніями, которыя были ничтожны для такого способнаго человѣка и умеръ бѣднякомъ, расходуя свои средства на добрыя дѣла.

Стиллингфлитъ

Не менѣе знаменитымъ проповѣдникомъ былъ и Эдуардъ Стиллингфлитъ. Сплетникъ Пеписъ съ уваженіемъ слушалъ его и говорилъ, что «епископы кентербюрійскій, лондонскій и другіе считаютъ его лучшимъ проповѣдникомъ евангелія послѣ апостоловъ». Бернетъ считалъ его самымъ ученымъ человѣкомъ своего времени. Два его важнѣйшія сочиненія «Irenicum» и «Origines Sacrae» были написаны имъ до или вскорѣ послѣ реставраціи, но онъ продолжалъ писать и проповѣдывать до самой смерти, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ революціи. Его ученость поражала его современниковъ. Онъ былъ противникомъ Локка, защитникомъ Лоуда, философомъ, теологомъ и проповѣдникомъ—и вездѣ имѣлъ огромный успѣхъ. Его «Origines Sacrae», защита божественнаго авторитета св. писанія, и его «Origines Britannicae» и теперь еще цитируются; нельзя не признать, что онъ обладалъ значительными знаніями древностей, какъ въ литературѣ, такъ и въ исторіи. Но его дѣятельность была не такого рода, чтобы она могла имѣть прочное вліяніе на потомство. Онъ служилъ своему времени—и служилъ ему хорошо.

Исаакъ Барроу.

Бевериджъ и Скоттъ были извѣстными въ свое время писателями. Аддисонъ восторженно восхвалялъ обоихъ. Но выше ихъ стоитъ Исаакъ Барроу. Чрезвычайная обширность его свѣдѣній и ширина его интересовъ такъ же, какъ и сила его произведеній, даютъ ему право считаться однимъ изъ величайшихъ англійскихъ писателей. Барроу, говоритъ критикъ, котораго наврядъ ли можно заподозрить въ преувеличеніи, «проявлялъ въ своихъ проповѣдяхъ силу ума,

широту взглядовъ и разнообразіе несравненныя» [1]. Великій Чатамъ заставлялъ своего сына съ глубочайшимъ вниманіемъ изучать произведенія Барроу и вѣроятно, что Питтъ у него выучился методичности и подробности обсужденія вопросовъ, которыми въ значительной степени обусловливался его успѣхъ какъ оратора. Исаакъ Барроу былъ болѣе космополитомъ, чѣмъ любой изъ богослововъ того времени. Онъ жилъ въ Италіи, въ Смирнѣ и въ Константинополѣ. Онъ былъ проницательнымъ наблюдателемъ современной ему жизни. «Онъ изучилъ папство, говоритъ Абрагамъ Гилль, и дома и заграницей; наблюдалъ его воинствующимъ въ Англіи, торжествующимъ въ Италіи и скрытымъ во Франціи». Онъ былъ перворазряднымъ знатокомъ греческаго и неменѣе извѣстнымъ математикомъ. Когда Карлъ II назначилъ его магистромъ Троицы, онъ говорилъ, что «далъ эту должность лучшему ученому Англіи». Но его извѣстность, какъ ученаго, уступала его извѣстности, какъ проповѣдника. Необыкновенная величина его разсужденій, противъ которой протестовало даже современное ему поколѣніе, даетъ имъ характеръ скорѣе трактатовъ, чѣмъ проповѣдей; но назвать ихъ скучными отнюдь не приходится. Стиль его силенъ, нервозенъ и ярокъ, въ аргументаціи имѣется сила и прямота, привлекающія, вниманіе и до конца поддерживающія интересъ. Нельзя, читая его произведенія, не чувствовать, что имѣешь дѣло съ выдающейся личностью. Если Кембриджъ въ этотъ періодъ и не выдержалъ такой сильной борьбы, какъ Оксфордъ, то онъ оказалъ не меньшія услуги націи, обучивъ великихъ людей, среди которыхъ нѣтъ ни одного, который бы стоялъ выше Исаака Барроу.

Георгъ Булль. Англиканская церковь справедливо гордится и Георгомъ Буллемъ. Онъ былъ давно признанъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ писателей своего времени, но только на семьдесятъ первомъ году его жизни его заслуги были вознаграждены назначеніемъ его на епископство св. Давида. Прекрасный ученый и набожный приходскій священникъ, онъ былъ самымъ скромнымъ изъ людей и почести, которыя другимъ казались запоздавшими, ему представлялись и неожиданными и незаслуженными имъ. Онъ имѣлъ рѣдкую честь получить благодарственное письмо отъ Боссюэ и французскихъ епископовъ за его защиту католической вѣры. Наиболѣе извѣстныя изъ его сочиненій: «Defensio Fidei Nicenae» и «Harmonia Apostolica» и проповѣди, въ особенности проповѣдь о грѣхопаденіи. Историческое и теологическое изслѣдованіе дѣла Никейскаго собора, какъ необходимаго и неизбѣжнаго послѣдствія ученій библіи и церкви, составляетъ главную заслугу Булля въ области богословія. Эта «Защита» была сразу признана великимъ произведеніемъ и мнѣніе иностранцевъ и потомства

---

[1] Галлямъ—Literature of Europe.

подтвердило мнѣніе Англіи. «Harmonia Apostolica», объясненіе ученія объ оправданіи и согласованіе заявленій св. Павла и св. Іакова о вѣрѣ и дѣлахъ, считалось имѣющимъ большую крактическую важность. Едва ли меньшее вниманіе привлекло его разсужденіе о грѣхопаденіи. Его проповѣди не особенно высоко цѣнились, потому что въ нихъ не было тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которые такъ нравились въ то время; но другъ его Робертъ Нельсонъ очень удачно защищалъ его, говоря, что «у него была манера привлекать сердца людей и будить ихъ совѣсть, напоминающая апостольскій вѣкъ... и еслибы эти блестящіе проповѣдники, которые готовы съ такимъ презрѣніемъ относиться къ его проповѣдямъ, могли указать на такое количество людей, которыхъ они обратили своими проповѣдями, какое обязано измѣненіемъ ихъ образа жизни милости Божіей и христіанскимъ поученіямъ этого набожнаго прелата, то я съ охотой признаю ихъ лучшими, чѣмъ онъ, ораторами—хотя, принимая во вниманіе тѣ ученыя произведенія, которыя онъ издалъ въ защиту религіи, и то, что онъ былъ образцомъ истинно первоначальной набожности, я не думаю, чтобы съ нимъ могъ сравниться кто нибудь другой».

Но какъ ни было сильно личное вліяніе Булля, никакія проповѣди не имѣли такого распространеннаго вліянія какъ книга: «Долгъ человѣка» («Whole Duty of Man, laid down in plain and familiar Way for use of all, but especially of the meanest reader») неизвѣстнаго автора. Немедленно послѣ изданія этого сочиненія, оно получило необыкновенную популярность. Его читали всѣ, оно было рекомендовано для чтенія во всѣхъ школахъ; въ теченіе цѣлаго столѣтія оно было самымъ популярнымъ религіознымъ сочиненіемъ въ Англіи. Повидимому, невозможно опредѣлить, кто авторъ этого произведенія. Это разумный, практическій, скромный трактатъ о практической религіи, составлявшій полный контрастъ по тону съ общимъ направленіемъ періода реставраціи. Онъ не имѣетъ никакихъ претензій на стильность; изложеніе спокойно и послѣдовательно. Популярность его и обусловливалась, несомнѣнно, его ясностью и простотой церковническаго тона. «Долгъ человѣка».

Съ царствованія Іакова II начинается переходный періодъ въ исторіи англійской церкви. Представителемъ этого періода можетъ считаться епископъ, поддерживающій короля.

Самуэль Паркеръ.

Самуэль Паркоръ былъ человѣкъ болѣе способный, чѣмъ благочестивый. Его современники, негодуя на его аргументацію и на его возвышеніе, обвиняли еге въ самомъ низкомъ прислужничествѣ и въ полномъ равнодушіи къ дѣйствительнымъ интересамъ религіи. Но невозможно отрицать ясности его ума и рѣжущей силы его стиля. Немногія изъ нападеній на нонконформистовъ, которыхъ было такъ много въ то время, были такой рѣзкой и, нужно признаться, такой

дѣйствительной сатирой, какъ его «Разсужденіе о церковномъ строѣ». Паркеръ былъ не только полемистъ, но и философъ; критика ученій Платона и Аристотеля въ его «Tentamina» и «Disputationes de Deo», а также въ его «Свободной и безпристрастной критикѣ платоновской философіи» не лишена извѣстныхъ достоинствъ. Онъ не безъ заслугъ и въ области исторіи церкви. Но для современныхъ мыслителей всего интереснѣе его небольшой трактатъ, содержащій аргументы въ пользу отмѣны Test Act'а. Съ рѣдкими у писателей того времени ясностью и отсутствіемъ лицемѣрія и страха онъ указываетъ на нелѣпость требовать у членовъ законодательнаго собранія присяги относительно спорныхъ богословскихъ вопросовъ. Умъ у Паркера былъ, можетъ быть, лучше, чѣмъ сердце, и мы не можемъ не удивляться здравомыслію и проницательности многихъ изъ его сочиненій. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ онъ проявилъ благоразуміе, котораго не было ни у церковниковъ, ни у латитудинаріанъ.

Со смертію Паркера и съ измѣненіями, произведенными революціей, вниманіе церковныхъ писателей было занято другими предметами и въ распущенности царствованія Вильгельма III и въ политическомъ энтузіазмѣ къ церковнымъ принципамъ, которымъ отличалось царствованіе Анны, уже не было того достоинства и той силы, которыя дѣлаютъ каролинскихъ теологовъ знаменитыми въ англійской литературѣ.

Литература.

Сентсбюри.

Ограниченіе, на которое мы указали въ предыдущей главѣ, т. е. необходимость исключить изъ нашего обзора чисто теологическія и философскія англійскія сочиненія этого періода, еще болѣе примѣнимо къ періоду, теперь описываемому. Англійское мышленіе въ это время особенно сильно направлялось въ сторону теологіи и философіи и трудно, если не вполнѣ невозможно, выдѣлить его дѣятельность въ этихъ двумъ направленіяхъ изъ общей литературной производительности. Величайшія имена англійской литературы отъ начала гражданской войны до революціи слишкомъ близко связаны съ этими нелитературными предметами. Марвель былъ пуританинъ, странный и исключительный пуританинъ, обратившійся къ политикѣ; Бутлеръ, противникъ пуританъ, время котораго прошло и который занимался только старыми, давно накопившимися у него наблюденіями. Мильтонъ, если бы онъ не писалъ въ это время, былъ бы просто предметомъ любопытства для ученыхъ, хотя ученые не ошиблись бы

относительно него. Вся его теперешняя дѣятельность представляется переживаньемъ. Тоже можно сказать и о произведеніяхъ Томаса Броуна и о тѣхъ изъ произведеній Вальтона, которыя относятся къ этому времени. Драйденъ, господствовавшій не только въ этомъ періодѣ, но по крайней мѣрѣ и въ половинѣ слѣдующаго, проявлялъ тоже сильныя философскія и богословскія склонности. Чисто свѣтскіе и не философскіе роды литературы: беллетристика, драма и т. п., получили новую форму сравнительно поздно и даже драма получила нѣкоторую характерность только тогда уже, когда Карлъ II умеръ и незадолго до изгнанія его брата.

Тѣмъ не менѣе остается сказать не мало, даже если оставить въ сторонѣ Гоббса, Соута и Тиллотсона, если даже ограничиться тѣмъ, что уже сказано въ предыдущей главѣ о Темплѣ, Эвелинѣ и Пеписѣ. О «старикахъ» намъ и незачѣмъ говорить больше. Дѣятельность Томаса Броуна была закончена, издавались только его посмертныя произведенія. Марвель обмѣнялъ свою изящную лирику на политическую сатиру, которую могутъ одобрять люди, находящіе, что все, написанное противъ тираніи, прекрасно, но которую не заботящіеся о политикѣ критики должны признать и грубой и скучной. Коулей, несмотря на то, что жилъ онъ недолго, пережилъ свое время и долженъ былъ вынести отъ характерной личности, принадлежавшей къ новому поколѣнію, отъ Рочестера, такой приговоръ: «Онъ былъ не отъ Бога, и потому выдержать не могъ»—приговоръ, можетъ быть, по словамъ Драйдена, и кощунственный, но недалекій отъ истины. Геррикъ и Воганъ сдѣлались отшельниками, о которыхъ не было ничего слышно и которыхъ мало знали. О Гоббсѣ намъ не приходится говорить, да онъ уже и написалъ свои лучшія произведенія. Оставался только одинъ Мильтонъ и, конечно, этого достаточно.

Еслибы было возможно—а это конечно невозможно—подвергнуть поэтическую дѣятельность строгому вычисленію, то дѣятельность Мильтона въ это время оказалась бы столь несоизмѣримой величиной, что чисто научное исчисленіе не могло бы справиться съ ней и прямо признало бы ее несуществовавшей. Тѣ догадки, которымъ нѣкоторые предаются относительно вопроса о Шекспирѣ или Бэконѣ, пожалуй, были бы умѣстнѣе относительно автора «Потеряннаго рая». Есть ли что болѣе невѣроятное, какъ тотъ фактъ, что человѣкъ, которому перевалило за пятьдесятъ лѣтъ, который въ теченіе двадцати лѣтъ занимался главнымъ образомъ, если не исключительно, теологической или политической полемикой, который былъ чиновникомъ и стоялъ на сторонѣ, противной культурѣ, романическому, музамъ, написалъ такую вещь какъ «Потеряный рай» или даже «Возвращеный рай» и что было еще страннѣе, чѣмъ созданіе «Возвращеннаго рая», создалъ «Samson Agonistes»? Не вѣроятнѣе ли, что

Мильтонъ.

кто нибудь другой, напримѣръ Ковентри, молодой Галифаксъ, Эдвардъ Сеймуръ, или (тутъ открывается самое широкое поле для догадокъ) Христофоръ Мильтонъ, судья и братъ поэта—написалъ эти произведенія? Да почему не приписать ихъ его дочерямъ, которыя, какъ это предполагаютъ, писали подъ его диктовку и которыя могли благородно отомстить своему отцу за его тиранію, подмѣнивъ этими удивительными, безсмертными поэмами какую нибудь сухую вещь, вродѣ его знаменитаго трактата, который послужилъ текстомъ, и ничѣмъ больше, для извѣстной статьи Маколея?

«Потерянный рай».

Но мы пишемъ, однако, исторію и занимаемся только фактами. Пока не составится особое Мильтоновское Общество и не докажетъ, что мы ошибались, необходимо признать, что Джонъ Мильтонъ въ промежутокъ времени отъ реставраціи до его смерти написалъ или, по крайней мѣрѣ, издалъ три вышеупомянутыя поэмы, первая изъ которыхъ, по мнѣнію большинства критиковъ—правильному или ошибочному—даетъ Мильтону право на второе мѣсто въ іерархіи англійской литературы. Здѣсь было бы излишне говорить подробно о «Потерянномъ раѣ», а также и о другихъ двухъ поэмахъ, отличающихся тѣми же существенными особенностями, какъ и первая. Что же касается до этой великой поэмы—а ни одинъ компетентный человѣкъ не будетъ спорить, что она великая—то есть кое что, что можно выдѣлить изъ разнообразныхъ и отчасти спорныхъ мнѣній, какъ мнѣніе «здраваго смысла» въ лучшемъ значеніи этого печально затасканнаго слова, т. е. какъ общее мнѣніе людей, мнѣнія которыхъ достойны вниманія. Во первыхъ безспорно, что планъ «Потеряннаго рая» самый широкій и самый честолюбивый, какой себѣ только можно представить. По тѣмъ или инымъ соображеніямъ мы можемъ считать эту поэму ниже «Иліады» и «Божественной комедіи»; но большинство критиковъ должны согласиться, что «Божественная Комедія», а тѣмъ болѣе «Иліада», занимаютъ низшее мѣсто въ смыслѣ концепціи. Осада Трои, по оцѣнкѣ самого поэта, просто война мышей и лягушекъ, послужившая поводомъ для созданія безсмертной поэмы. «Божественная комедія», которую нѣкоторые могутъ признавать самой великой поэмой изъ всѣхъ трехъ сравниваемыхъ, по плану до нѣкоторой степени личная и, такъ сказать, приходская. Но «Потерянный рай», какъ бы мы ни читали въ немъ между строчками, какія бы личности и мѣстныя особенности (безъ которыхъ, можетъ быть, и не можетъ существовать никакая поэзія) мы ни встрѣчали бы въ немъ—не можетъ подвергаться никакой критикѣ по отношенію къ его плану. Онъ имѣетъ отношеніе ко всему человѣчеству и занимался даже большимъ, чѣмъ все человѣчество. Если бы мы ничего не знали объ авторѣ поэмы, мы могли бы приписать ее извѣстной личности или извѣстному времени только при помощи старательнаго изученія, соединеннаго съ самыми смѣлыми гипотезами. Поэма витаетъ между небомъ и землей и касается обоихъ.

Осуществить подобный планъ съ совершенствомъ было, безъ сомнѣнія, невозможно и въ исполненіи находили много недостатковъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ предрасположеніе, которое будетъ, можетъ быть, еще большимъ, если прослѣдить и вполнѣ понять его развѣтвленія. Превосходство Гомера и Данте надъ Мильтономъ доказывается всего лучше общеизвѣстнымъ фактомъ, что для нашихъ современниковъ не представляется ни малѣйшаго затрудненія въ оцѣнкѣ Гомера, хотя міръ его мышленія для насъ на половину недоступенъ, и что немногіе изъ англійскихъ протестантовъ или англиканъ встрѣтятъ затрудненія въ пониманіи Данте, тогда какъ наврядъ ли хоть одинъ иностранецъ дѣйствительно понимаетъ Мильтона, исключая Шерера, который по происхожденію отчасти англичанинъ, и, если онъ имѣетъ какія нибудь религіозныя вѣрованія, то вполнѣ протестантъ. Превосходство Шекспира предъ Мильтономъ доказывается также и тѣмъ обстоятельствомъ, что такъ называемый островной характеръ нашего народа не помѣшалъ другимъ націямъ признать Шекспира, какъ онъ мѣшаетъ имъ признавать Мильтона.

Можетъ быть (и имѣются всѣ основанія полагать это), писатели, понятные вполнѣ только ихъ соотечественникамъ, должны считаться второстепенными, а не первостепенными. Но кто изъ такихъ писателей выше автора «Потеряннаго рая»? Если сопоставить его съ Расиномъ, типическимъ французомъ, при упоминаніи о которомъ французы покачиваютъ головами и говорятъ: о, надо быть французомъ, чтобы наслаждаться имъ—то какой же компетентный и безпристрастный судья рѣшится даже и думать о томъ, что Мильтонъ не выше Расина? Въ томъ, что составляетъ первое условіе, ставимое поэту, въ способности писать поэтично на своемъ родномъ языкѣ, во всей міровой литературѣ нѣтъ ни одного выше Мильтона, за исключеніемъ вышепоименованныхъ; а изъ тѣхъ, которыхъ тотъ или другой критикъ можетъ поставить на одинъ съ нимъ уровень: Эсхилъ, Лукрецій, Катуллъ, Виргилій, Спенсеръ, Вордсвортъ, Шелли, Гюго, Гете или Гейне—нѣтъ ни одного, при упоминаніи о которомъ тотъ или иной критикъ не возмутился бы при его сопоставленіи съ Мильтономъ. Въ одномъ отношеніи Мильтонъ былъ единственнымъ, въ отношеніи къ средствамъ поэтическаго выраженія. Шекспиръ, вслѣдствіе огромной свободы англійской сцены и вслѣдствіе того, что у него проза смѣшивается съ стихами, въ сравненіе нейдетъ, а о предшественникахъ Гомера намъ ничего неизвѣстно. Но никто: ни Софоклъ съ ямбическимъ триметромъ, ни Виргилій съ латинскимъ гекзаметромъ, даже наврядъ ли самъ Данте съ своимъ итальянскимъ одиннадцатисложнымъ стихомъ, не добились того чудеснаго разнообразія гармоніи, независимо отъ значенія, какъ Мильтонъ съ англійскими бѣлыми стихами. У всѣхъ нихъ можетъ быть больше и лучше словарь, и позволительно думать, что выборъ словъ Мильтономъ не

непогрѣшимъ, но никто съ такимъ словаремъ не совершалъ такихъ чудесъ, какъ онъ.

«Гудибрасъ» Бутлера.

Мало въ англійской литературѣ такихъ странныхъ и рѣзкихъ контрастовъ, какъ контрастъ между Бутлеромъ и Мильтономъ. Оба они были почти ровестниками; Бутлеръ моложе Мильтона только на четыре года и умеръ послѣ него черезъ шесть лѣтъ. Оба они принадлежали къ старшему, сходившему со сцены поколѣнію, когда послѣ возвращенія короля Бутлеръ написалъ свое единственное, а Мильтонъ свои главныя произведенія. У обоихъ ихъ было достаточно схоластичности. Оба они настоящіе англичане и по ихъ недостаткамъ и по ихъ достоинствамъ. Но Мильтонъ обладалъ всѣми достоинствами ума и сердца, кромѣ юмора и любезности, а Бутлеръ, человѣкъ, можетъ быть не менѣе нелюбезный, повидимому, былъ юмористомъ чистѣйшей воды. Онъ жилъ главнымъ образомъ, если не исключительно, среди пуританъ и, кажется, ему не за что было мстить имъ. Они, навѣрное, сдѣлали для него, не будучи ничѣмъ обязаны ему, не меньше, чѣмъ потомъ роялисты, которые были обязаны ему за самую жестокую и побѣдоносную аттаку на ихъ враговъ, какой когда либо наслаждалась политическая партія.

Но пуритане, больше всякой политической партіи въ Англіи, давали поводъ для осмѣянія; а у Бутлера та склонность людей эпохи возрожденія къ ироніи, на которую мы неоднократно указывали и которая у Бертона и Броуна переходила въ болѣе или менѣе добродушное меланхолическое настроеніе, приняла отрицательную и желчную форму. Какъ почти всѣ юмористы, онъ былъ тори, не по убѣжденію, кажется, и еще менѣе въ силу какой нибудь сантиментальной традиціи, а просто потому, что это ему нравилось, что это было для него новинкой и что все новенькое по необходимости занимательнѣе стараго. Позже Бутлеръ направилъ свои не совсѣмъ глупыя насмѣшки и выливалъ свою желчь на Королевское Общество, на «героическія трагедіи» и на разныя другія вещи, съ полнымъ безпристрастіемъ. А раньше—впрочемъ уже тогда, когда онъ былъ не молодымъ человѣкомъ, потому что первая часть «Гудибраса» была издана имъ, когда ему былъ 51 годъ—онъ вылилъ всю свою желчь на своихъ пуританскихъ учителей и товарищей, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держалъ своихъ жертвъ замаринованными въ концентрированномъ соку своей ядовитой насмѣшки. Въ позднѣйшее время его поэму сурово осуждали; но въ дѣйствительности такое суровое осужденіе, можетъ быть, дѣлаетъ менѣе чести людямъ, которымъ она не нравилась, чѣмъ ей самой. Потому во первыхъ, что иго пуританъ уже «околѣвшій сатана» и теперь нѣтъ никакой опасности въ похвалѣ этой сатирѣ на него, какъ въ то время, когда это иго еще тяготѣло надъ Англіей. Во вторыхъ извѣстно, что чистая, безпримѣсная и рѣзкая сатира и иронія, не смягчаемыя ни

искреннимъ негодованіемъ, ни шутливостью, болѣе другихъ литературныхъ родовъ утрачиваютъ свое значеніе для всѣхъ, кромѣ немногихъ избранныхъ. Въ третьихъ, можетъ быть, именно пониженія уровня знанія, уменьшавшагося по мѣрѣ повышенія уровня того, что мы называемъ обыкновенно образованіемъ, дѣлаетъ «Гудибраса» все менѣе и менѣе понятнымъ для нашихъ современниковъ. Поэма не только полна личныхъ намековъ, для объясненія которыхъ теперь требуются цѣлыя страницы, но самое содержаніе ея сшито нитями старой общественной культуры, для большинства теперь представляющейся просто старой, никуда негодной ветошью. И тѣмъ не менѣе эта книга—замѣчательная книга. Удивительное искусство ея шутовского стиха и акробатской рифмы, неисчерпаемое изобиліе образовъ, ученость, фантазія, живописность — все это уступаетъ той манерѣ, благодаря которой авторъ дѣлаетъ смѣшными осмѣиваемыхъ имъ личностей, вещи и идеи, тому безжалостному мастерству, съ какимъ авторъ заставляетъ своихъ маріонетокъ заслужить ихъ паденіе и общее къ нимъ презрѣніе. Въ англійской литературѣ много болѣе пріятныхъ книгъ, чѣмъ «Гудибрасъ», но немного такихъ, о которыхъ можно сказать, что онѣ замѣчательнѣе «Гудибраса» въ чисто интеллектуальномъ отношеніи.

Буніанъ.

Третій (или если считать Марвеля, четвертый) изъ извѣстныхъ писателей этого періода, на которомъ замѣтно положительное или отрицательное вліяніе пуританства, Джонъ Буніанъ, составляетъ такой же контрастъ съ Бутлеромъ, какъ этотъ послѣдній съ Мильтономъ. У него нѣтъ, какъ у Мильтона, отсутствія юмора, хотя проявленіе его юмора подавлено вѣрой и воспитаніемъ; у него нѣтъ, какъ у Бутлера, недостатка въ духовности и въ добротѣ. Но отличаясь отъ обоихъ во многихъ отношеніяхъ, онъ отличался отъ нихъ особенно въ одномъ: онъ былъ человѣкомъ, не получившимъ почти никакого образованія.

Мильтонъ въ школѣ и въ университетѣ, а Бутлеръ, благодаря досугу и возможности имѣть доступъ въ большія библіотеки, пріобрѣли почти всѣ научныя знанія, возможныя въ то время. Буніанъ, человѣкъ низшаго происхожденія и занимавшійся скромнымъ промысломъ, не могъ получить почти никакого мірского образованія. Но англійская библія, немногія теологическія сочиненія, привычка къ проповѣди и прежде всего природная геніальность дали ему языкъ, подобнаго которому мы не находимъ ни въ одной литературѣ. Даже въ Германіи не было ничего въ этомъ родѣ; а у народовъ романскихъ вообще трудно найти хоть одного простонароднаго писателя. Тамъ въ литературѣ можно быть или литераторомъ или никѣмъ. Буніанъ совсѣмъ не литераторъ и, однако, онъ несомнѣнно принадлежитъ къ литературѣ.

Онъ родился въ 1628 году, въ тотъ краткій періодъ времени,

когда, какъ мы уже говорили, родились всѣ великіе прозаики того времени. Его проза не старая и не новая; что то вродѣ ея и теперь можно услыхать среди бѣдняковъ (хотя безъ сомнѣнія она скоро исчезнетъ благодаря школамъ) и что то похожее на нее можно замѣтить въ прозѣ предшествовавшихъ Буніану поколѣній. Когда имѣешь дѣло съ очень простымъ стилемъ, часто подвергаешься опасности обмануться этой простотой, которая оказывается кажущейся. Намъ извѣстно напримѣръ, что Коббетъ раньше, чѣмъ онъ началъ писать, долго и старательно изучалъ манеру Свифта; намъ извѣстно также, что сама манера Свифта была результатомъ долголѣтняго чтенія на многихъ языкахъ. Но ошибка относительно Буніана невозможна. Онъ не могъ имѣть другихъ образцовъ, кромѣ вышеуказанныхъ, и если исключить прямое и косвенное вліяніе библіи, его стиль несомнѣнно его собственный.

Сила и картинность его стиля до нѣкоторой степени объясняются сравнительной ограниченностью его мышленія и близкой связью этого мышленія съ чувствомъ. Тѣ знаменитые «опыты», которые мы знаемъ изъ его произведенія, оставили въ его умѣ неизгладимое впечатлѣніе и онъ заботился только о томъ, чтобы воспроизвести тоже впечатлѣніе и на другихъ. Заглавіе его знаменитаго произведенія просто описываетъ все то, о чемъ онъ всегда думалъ послѣ своего обращенія, въ ранніе, мало извѣстные годы во время республики, въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Бедфордѣ, въ то наконецъ, время, когда онъ пользовался сравнительной свободой бродить по Англіи и проповѣдывать. «Походъ пиллигрима изъ этого міра въ будущую жизнь» поглощалъ его цѣликомъ; когда онъ не прямо описываетъ этотъ походъ въ своей безсмертной аллегоріи, онъ занятъ инцидентами и эпизодами его—сопостановленіемъ пилигрима съ тѣми, которые противятся его странствованію, устраненіемъ затрудненій, уясненіемъ сомнѣній, подачей простодушныхъ, но здравыхъ богословскихъ совѣтовъ колеблющимся и смущеннымъ. Несравненная повѣствовательная способность, давшая ему популярность, гораздо болѣе широкую, чѣмъ та, какой достигаютъ другіе писатели, устремляющіе все свое вниманіе на божественное, никоимъ образомъ не ограничивалась формами аллегорическими, хотя пуританское мышленіе дѣлало такія формы естественными и почти необходимыми. Небольшой очеркъ о Mr. Badman'ѣ—чисто Теккереевскій; фигуры Теккерея сильно напоминаютъ намъ о немъ; несомнѣнно, что Теккерей читалъ его. Реализмъ Буніана такъ силенъ, что мы никогда не питаемъ, какъ это часто замѣчали, ни малѣйшаго сомнѣнія въ жизненности его аллегорическихъ лицъ. Даже простыя прозвища, которыя такъ часто встрѣчаются у всѣхъ писателей этого вѣка и которыя такъ непріятны для современнаго читателя въ произведеніяхъ такихъ крупныхъ писателей, какъ Джонсонъ въ началѣ семнадцатаго

вѣка и Конгревъ въ концѣ его, нисколько не вредятъ реальности фигуръ Буніана. Мы знаемъ г. Хитреца—(«Человѣка себѣ на умѣ»—By-Ends) также хорошо, какъ будто его зовутъ г. Томпкинссмъ, г. Свѣтскій Мудрецъ (Wordly-Wiseman) настолько же реаленъ, какъ будто его двойное имя записано въ пуританскомъ служебникѣ. Въ «Святой войнѣ» Буніана, несомнѣнно, такое правдоподобіе чувствуется меньше, потому что среда, также какъ и личности и общая тенденція сочиненія, абстрактны и невещественны. Безсознательная художественная ошибка — потому что для Буніана было бы легко возбудить интересъ и достичь правдоподобія, рисуя также судьбу одинокаго человѣка, какъ рисовалъ онъ ее раньше—представляетъ интересное поученіе въ томъ смыслѣ, что природѣ надо помогать искусствомъ, если не хотимъ пойти ложнымъ путемъ. Но въ силѣ природы сомнѣній быть не можетъ. Тѣ, которые не исповѣдуютъ, повидимому, безпечной, но можетъ быть въ дѣйствительности — то мудрой, вѣры литературнаго фатализма, думаютъ, что еслибы Буніанъ писалъ нѣсколько иначе и для болѣе широкой публики, онъ могъ бы создать англійскій романъ за полвѣка или за три четверти вѣка до того, какъ онъ былъ созданъ. Другіе съ нѣкоторымъ основаніемъ полагаютъ, что Дефое, религіозныя склонности котораго и связи съ нонкоформистами должны были рано познакомить его съ произведеніями Буніана, кое чему выучился у этого замѣчательнаго мѣдника. Но все это только догадки. Для насъ и для нашей цѣли важно замѣтить, что Буніанъ вскорѣ послѣ реставраціи — даты такія: Grace Abounding—1666; Pilgrim's Progress——1674—84; M-r Badman—1680; Holy War —1682; но многія, если не большинство его произведеній, кажется, написаны имъ въ тюрьмѣ, между 1660 и 1672 годами—далъ англійской литературѣ: во первыхъ, мастерской простонародный языкъ, а во вторыхъ, манеру заставлять фиктивныя личности жить, двигаться и дѣйствовать — манеру, никогда раньше не проявлявшуюся нигдѣ, кромѣ поэзіи или драмы. Можетъ быть, будетъ не лишнимъ прибавить къ этому и третью заслугу Буніана предъ англійской литературой: — это то, что привлекательность его сочиненій имѣла не малое вліяніе въ дѣлѣ упроченія въ англійскомъ народѣ любви къ религіознымъ сочиненіямъ, до значительной степени сохранившейся и теперь, и отличающей англійскій народъ отъ всѣхъ другихъ. Извѣстно—и знать это стоитъ—что долгій промежутокъ времени между написаніемъ и напечатаніемъ книги Буніана объясняется сомнѣніями его благочестивыхъ друзей относительно приличія такого смѣшаннаго литературнаго жанра. Что касается до популярности такого жанра, когда книга появилась въ свѣтъ, то даже эти благочестивые люди не могли имѣть сомнѣній.

Тотъ контрастъ, на который мы только что указали, и который

Драйденъ. главнымъ образомъ обусловливался существованіемъ въ это время двухъ противоположныхъ направленій: падавшаго, но все еще сильнаго пуританства, и поднимавшагося прилива «здраваго смысла» и полураціоналистическаго мышленія, замѣчается особенно ярко при переходѣ отъ Буніана къ Драйдену. Этотъ послѣдній, настоящій представитель всего періода и, можетъ быть, стоявшій выше всѣхъ своихъ современниковъ, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ, уже неоднократно упоминался нами. Онъ родился почти за тридцать лѣтъ до реставраціи и получилъ правильное образованіе въ Вестминстерской школѣ и въ коллегіи Троицы въ Кембриджѣ. Онъ принадлежалъ къ благородной семьѣ сквайровъ (хотя нѣкоторые изъ этой семьи, какъ было уже обычнымъ въ то время, занимались мелочной торговлей) и самъ унаслѣдовалъ отъ отца небольшое помѣстье въ Нортгамптонширѣ, мѣстопребываніи семьи Драйденовъ, хотя, какъ говорятъ, она происходила изъ пограничныхъ съ Шотландіей графствъ. Бывши мальчикомъ, онъ уже написалъ похоронную поэму на смерть молодого лорда Гастингса; эта поэма была написана въ самомъ нелѣпомъ стилѣ Коулея или Крашау, хотя въ ней уже были проблески таланта. Одинъ изъ родственниковъ Драйдена со стороны матери былъ въ милости у партіи парламента и Драйдену пришлось написать, какъ мы уже видѣли, болѣе выработанную, сравнительно съ первымъ его произведеніемъ, оду на смерть протектора. Но онъ не получилъ ни награды, ни покровительства отъ господствующей тогда партіи и ничто не доказываетъ, чтобы его настроеніе когда либо было антироялистскимъ. Во всякомъ случаѣ при реставраціи ему не было трудно заявить себя стоящимъ на сторонѣ побѣдителей и только впослѣдствіи, въ смутное время папистскаго заговора, борьбы за билль объ исключеніи и той борьбы, которая повела къ революціи, его начали упрекать въ ренегатствѣ. За исключеніемъ двухъ вышеупомянутыхъ произведеній, намъ ничего неизвѣстно о какихъ либо другихъ его произведеніяхъ до возвращенія Карла. Но Пеписъ, знавшій его еще въ Кембриджѣ, говоритъ о немъ въ такомъ тонѣ, который заставляетъ думать, что его считали человѣкомъ, имѣвшимъ поэтическое дарованіе; и существуетъ преданіе, что онъ работалъ для книготорговца и издателя Геррингмана. Во всякомъ случаѣ со времени реставраціи его звѣзда начинаетъ быстро восходить и въ теченіе сорока лѣтъ, несмотря на перемѣны счастія, она не закрывалась тучами. Его привѣтствіе Карлу; Astraea Redux, хотя нѣкоторые и сурово осуждали его, была очень хорошей поэмой, а «Коронація» въ слѣдующемъ (1661) году еще лучше. Въ 1663 году онъ женился на лэди Елисаветѣ Говардъ, старшей дочери графа Беркшира, относительно которой намъ ничего положительнаго неизвѣстно, кромѣ того, что она умерла помѣшанной; такъ что догадки о несчастномъ бракѣ Драйдена въ сущности ни на чемъ не основаны. Въ 1666 году

появилась его замѣчательная поэма Annus Mirabilis по поводу побѣдъ этого года надъ голландцами и большого лондонскаго пожара; а вскорѣ послѣ этого Драйденъ посвятилъ себя драмѣ, единственному роду литературной дѣятельности, дававшему тогда постоянный доходъ. Въ 1670 году онъ получилъ двѣ должности: поэта лауреата и королевскаго исторіографа, освободившіяся за смертью Давенанта и Гоуэлля; такимъ образомъ онъ становится, такъ сказать, оффиціальнымъ главой англійскихъ прозаиковъ и поэтовъ. На этотъ разъ оффиціальное званіе соотвѣтствовало реальному превосходству, что, какъ извѣстно, не часто случается. Но для доказательства этого намъ придется вернуться нѣсколько назадъ.

Первыя стихотворенія Драйдена.

Чтобы оцѣнить раннія стихотворныя произведенія Драйдена (о его прозѣ было говорено много; образцами ея въ это время были только нѣкоторыя предисловія), нужно сказать, какіе поэты существовали въ то время и какова была ихъ манера. Пламенная лирика предшествующаго періода, имѣвшая такую ярко окрашенную и такую фантастическую форму, совершенно исчезла или блистала замирающимъ свѣтомъ только въ пѣсняхъ Рочестера, Седлея и Дорсета, Геррикъ и Воганъ молчаливо доживали свою старость въ своихъ убѣжищахъ въ Девонширѣ и Валисѣ. Мильтонъ былъ одинокъ и не принадлежалъ уже къ этой эпохѣ, хотя Драйдену и дѣлаетъ честь, что онъ былъ горячимъ поклонникомъ «Потеряннаго рая». Популярными поэтами того времени—(оставляя въ сторонѣ Марвеля, который отдался политикѣ и Коулея, который былъ не много меньше вышеупомянутыхъ поэтовъ не отъ міра сего) были Уоллеръ, Денгамъ и Давенантъ, люди уже пожилые и бывшіе до нѣкоторой степени предтечами «школы здраваго смысла» въ поэзіи. Два первые въ особенности дѣлали попытки, по указаніямъ еще болѣе раннихъ поэтовъ, вродѣ Сандиса, изолировать героическій куплетъ, дать ему привлекательность эпиграмы и антитезы и нѣкоторое уравновѣшенное движеніе, до извѣстной степени соотвѣтствовавшее той уравновѣшенной прозѣ, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ.

Давенантъ, изъ трехъ вышеупомянутыхъ поэтовъ менѣе талантливый, обладалъ, однако, большей оригинальностью и иниціативой. Предполагаютъ, что онъ былъ крестникомъ Шекспира и, несомнѣнно, онъ былъ слугой (т. е. состоялъ при дворѣ, въ свитѣ) лорда Брука; онъ въ ранней молодости писалъ стихи, полные настоящаго огня Елизаветинской лирики, и трагедіи, замѣчательно безформенныя, какъ и всѣ драмы царствованія Карла I, за исключеніемъ немногихъ, написанныхъ ветеранами драматургіи. Онъ также началъ писать «Гондиберта», большую эпическую поэму въ четверостишіяхъ, возбудившую большое удивленіе. Одаренный отъ природы большимъ разнообразіемъ талантовъ, часто встрѣчающимся у многихъ литераторовъ, онъ даже при протекторатѣ добился разрѣшенія ста-

вить нѣчто въ родѣ оперъ, что было изъятіемъ изъ общаго воспрещенія театральныхъ представленій.

Драйденъ долженъ былъ быть знакомымъ съ этими тремя поэтами, а съ Давенантомъ онъ былъ даже друженъ. Въ первыхъ его поэмахъ видно вліяніе всѣхъ ихъ. «Героическіе стансы» и «Annus Mirabilis», окончательно установившій его положеніе, какъ поэта, написаны четверостишіемъ, какъ «Гондибертъ», а въ другихъ произведеніяхъ куплеты похожи на стихъ Уоллера. Но только немногіе компетентные критики найдутъ въ этихъ произведеніяхъ указанія на то, что Драйденъ пойдетъ потомъ дальше своихъ учителей и что онъ будетъ выше сентенціозной, хотя и ученой монотонности Денгама. Правда, самая неуклюжесть, самая грубость его стиха въ началѣ его поэтической дѣятельности были добрымъ предзнаменованіемъ для поэта. Стихи также, какъ и вино, если они черезъ чуръ изящны въ юности, указываютъ на то, что въ нихъ мало бродильныхъ элементовъ. Кромѣ такого отрицательнаго признака (хотя грубые стихи также, какъ и грубое вино, далеко не всегда превращаются въ сладкіе) имѣлись и нѣкоторыя положительныя достоинства. Даже въ «Astraea redux» и въ «Коронаціи» замѣтны попытки создать такія усовершенствованія въ куплетѣ, которыя Мильтонъ еще не сдѣлалъ въ то время, хотя сдѣлалъ вскорѣ послѣ этого, въ бѣлыхъ стихахъ. Поэтъ ловко пользуется игрой однозначущихъ словъ, стихъ его безъ непріятныхъ повтореній легко и пріятно ведетъ глазъ и ухо читателя до конца стихотворенія. Въ отдѣльныхъ строкахъ видны попытки, иногда удачныя, добиться того великолѣпнаго треска и грома, которые составляютъ отличительный признакъ Драйденовскаго десятистопнаго стиха. При такихъ особенностяхъ Драйденъ во всякое время пробилъ бы себѣ дорогу, а тѣмъ болѣе въ такое время, когда тѣ послужившіе ему образцами поэты, о которыхъ мы говорили, были скоро унесены смертью (за исключеніемъ, впрочемъ, Уоллера, который прожилъ дольше, но ничего болѣе не писалъ), когда Мильтонъ не имѣлъ аудіенціи, а другихъ никого не было.

Драматическія произведенія Драйдена. Комедіи.

Обыкновенно высказываютъ сожалѣніе, что безденежье, стремленіе къ популярности, приказанія знатныхъ лицъ и многія иныя обстоятельства заставили Драйдена въ теченіи четырнадцаты лѣтъ, послѣ появленія поэмы «Annus Mirabilis» заниматься писаніемъ драмъ—рода, къ которому онъ, конечно, не имѣлъ особенной способности, если только это вообще можно сказать о человѣкѣ, бывшемъ мастеромъ почти во всѣхъ родахъ литературы. Несомнѣнно, что большинство драмъ Драйдена—хотя въ числѣ ихъ есть и блестящія вещи и хотя вообще «Донъ Себастіанъ», «Все за любовь», «Ауренгзебъ» и даже «Завоеваніе Гранады» вещи превосходныя — не читается никѣмъ, кромѣ спеціалистовъ, да и для нихъ по большей части не представляетъ чрезмѣрно пріятнаго чтенія. Несомнѣнно, желательно было бы,

чтобы онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не написалъ. Драмы Драйдена раздѣляются на три разряда. Комедіи наименѣе другихъ характерны, такъ какъ онѣ представляютъ подражаніе Флетчеру и Джонсону, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями въ угоду капризамъ моды и съ примѣсью французскихъ и испанскихъ фарсовъ и интриги. Впрочемъ, Драйденъ по образцу Флетчера, но не Джонсона (вообще его безъ большой ошибки можно назвать послѣдователемъ только одного Флетчера) ввелъ въ нихъ очень забавныя и до сихъ поръ мало оцѣненныя любовныя приключенія нѣсколькихъ паръ героевъ и героинь. При этомъ онъ по большей части, хотя и не всегда, устраняетъ грубость, слишкомъ часто дѣлающую такія комедіи отвратительными и потому его комедіи дѣйствительно хороши. Но сила его не въ этомъ жанрѣ.

Трагедіи Драйдена.

Трагедіи Драйдена болѣе любопытны. Онъ сразу началъ писать извѣстныя «героическія трагедіи» и писалъ ихъ въ теченіи многихъ лѣтъ и только въ 1678 году онъ возвратился къ бѣлымъ стихамъ въ блестящей, хотя и смѣлой, варріаціи «Антоніи и Клеопатры», подъ названіемъ «Все за любовь»; позже онъ написалъ бѣлыми стихами трагедію «Донъ Себастіанъ», которую всѣ признаютъ лучшимъ изъ его драматическихъ произведеній. Но въ качествѣ драматурга, пишущаго бѣлыми стихами, Драйденъ являлся конкурентомъ съ болѣе великими драматургами—и конечно не къ его выгодѣ. Мы можемъ удивляться его произведеніямъ, но при этомъ невольно вспоминаемъ о другой музыкѣ, о болѣе возвышенномъ настроеніи. Никто послѣ его не написалъ на англійскомъ языкѣ трагедіи, которая могла бы выдержать сравненіе съ его трагедіями: «Все за любовь» или «Донъ Себастіанъ». Но когда мы сопоставляемъ эти трагедіи съ Отелло или Гамлетомъ, результатъ получается обратный.

Героическая трагедія.

Но съ другой стороны, Драйденъ король въ героической драмѣ, хотя его скипетръ и картонный, а корона, если не цѣликомъ, то въ значительной части изъ фольги. Во всѣ вѣка бываютъ литературныя безумія и вѣроятно, что нѣкоторыя изъ нашихъ литературныхъ родовъ будутъ считаться столь же безумными критиками двадцать перваго столѣтія, какими намъ кажутся героическія трагедіи. Во всякомъ случаѣ это странный литературный родъ. Во-первыхъ, такія вещи всѣ на винтикахъ и крючечкахъ. Никто не въ состояніи съ надлежащей достовѣрностью, убѣдительной для компетентной критики, прослѣдить происхожденіе героидической трагедіи отъ какого нибудь одного литературнаго рода. Въ ней есть кое что изъ французской классической трагедіи, и еще больше изъ французскаго героическаго романа, кое что изъ оперы, кое что изъ старой англійской трагедіи ужасовъ и даже кое что изъ итальянской псевдо-героической драмы. Удивительно, какъ умный вообще вѣкъ могъ терпѣть эти странныя вещи; но слѣдуетъ помнить тотъ нео-

сновательно забываемый фактъ, что этотъ вѣкъ устами Бутлера и Букингама достаточно ясно и столь же проницательно и умно, какъ и современные критики, высказался относительно значенія этого литературнаго рода. Темой героической трагедіи служилъ обычный романическій матеріалъ: любовь, честолюбіе, несчастіе и такъ далѣе, разработанный драматически въ рифмованныхъ куплетахъ. Самые странные языкъ и положенія не только допускались, но даже требовались отъ поэта. Алманзоръ, гнавшій предъ собой цѣлыя арміи сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, Максиминъ, сидящій на своемъ павшемъ врагѣ и то проклинающій боговъ, то поражающій кинжаломъ подушку, на которой онъ сидитъ, кажется, представлялись публикѣ торжествомъ ума, страсти и поэзіи. И дѣйствительно, въ этомъ мусорѣ не было недостатка въ поэзіи, и въ поэзіи высокаго рода, особенно въ трагедіяхъ Драйдена и его друга и сотрудника, Ли. Но даже если бы отсутствіе правдивости и не поражало ухо англичанина, не оглушеннаго модой, то самый стихъ, приспособленный для декламаціи, былъ столь пошлымъ, положенія были столь нелѣпы, невозможность внести во всю эту нелѣпую путаницу изящныя драматическія эмоціи была столь роковой, что этотъ жанръ продержаться долго не могъ. Драйденъ, давшій наиболѣе солидные и живучіе образцы жанра въ вышеназванныхъ трагедіяхъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ написавшій наиболѣе отдѣланную и наиболѣе драматическую вещь въ этомъ родѣ, «Ауренгзеба», потомъ бросилъ этотъ жанръ. И разумѣется, люди, не одаренные такимъ дьявольскимъ искусствомъ, какъ онъ, не могли удержать отъ паденія то, что онъ бросилъ.

И тѣмъ не менѣе имѣлись нѣкотораго рода вознагражденія за эту кажущуюся потерю времени, за потерю силъ, за уступки популярности и т. д. Драйденъ былъ не изъ тѣхъ, которые скоро утомляются, и не изъ тѣхъ, которые, найдя свое истинное призваніе, плачутся на даромъ израсходованную энергію. Напротивъ, начавъ скорѣе поздно, чѣмъ рано, онъ по мѣрѣ развитія своихъ силъ работалъ все лучше и лучше и самое лучшее изъ сдѣланнаго имъ закончилъ почти на семидесятомъ году, незадолго до смерти. Онъ, не утрачивая свѣжести, пріобрѣталъ практику. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ онъ занимался писаніемъ драматическихъ произведеній, всякаго рода примѣненіями героическаго куплета, писаніемъ бѣлыхъ стиховъ, лирическихъ стихотвореній (пѣсень, разбросанныхъ въ его пьесахъ, много, иногда онѣ удачны, и иногда и изящны) и писаніемъ прозы (онъ все болѣе и болѣе подражалъ французскимъ «examens»—т. е. прозаическимъ разсужденіямъ и критикамъ его собственныхъ пьесъ). Въ концѣ концовъ онъ сдѣлался полнымъ мастеромъ всякаго литературнаго оружія, извѣстнаго въ его время. И тогда то настало его время, открылось его истинное призваніе.

Сатиры Драйдена.

Указанія на причины появленія цѣлаго ряда тенденціозныхъ поэмъ отъ «Авесалома и Ахитопеля» до «Лани и Пантеры», включая сюда и образцовое размышленіе о «Медали», и неподражаемое личное нападеніе (собственно пасквиль, но пасквиль высоко поэтическій), Macfleeknoe, и религіозную или вѣрнѣе раціоналистическую поэму, «Religio Laici», читатель долженъ искать въ политическихъ отдѣлахъ этого тома. Утверждаютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ написаны по внушенію короля. Карлъ былъ настолько уменъ, что могъ внушить ихъ, а Драйденъ былъ несомнѣнно человѣкомъ, доступнымъ внушенію, всего лучше работавшимъ по какому нибудь образцу или руководясь извѣстной точкой зрѣнія. Но какъ бы то ни было, поэтическія достоинства этихъ аргументивныхъ поэмъ замѣчательны. Сатира, полемика и диссертація очень сомнительные предметы для поэзіи, но въ данномъ случаѣ онѣ поэтичны. Употребляемый въ этихъ поэмахъ родъ куплета почти совершенно новый. Драйденъ трактуетъ предметъ отлично отъ Бутлера съ одной стороны, и отъ Марвеля съ другой. Падаютъ ли удары на личности и принципы враговъ короля, точно удары молота, какъ въ обѣихъ частяхъ «Авесалома и Ахитопеля» и въ «Медали», поражаютъ ли они жертву съ блескомъ и быстротой рапиры, какъ въ «Macflecknoe», текутъ ли самые сложные аргументы съ устъ поэта въ легкихъ стихахъ, какъ въ двухъ богословскихъ поэмахъ — вы всегда видите, что поэтъ вполнѣ владѣетъ какъ предметомъ, такъ и стихомъ. Нѣтъ ни слѣда усилія, а тѣмъ больше усилія неудачнаго. Поэтъ дѣлаетъ что хочетъ съ языкомъ и съ фактами.

Драматурги реставраціи.

Если бы мы писали исторію литературы, а не общественную исторію съ незначительными отступленіями въ область литературы, было бы неосновательно и несправедливо ограничиться простымъ упоминаніемъ о драматургахъ реставраціи (хотя, за единственнымъ исключеніемъ, тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ драматургами реставраціи, въ дѣйствительности писали гораздо позже). Теперь же мы должны ограничиться только такимъ упоминаніемъ. Современники перваго драматическаго періода Драйдена многочислены, но немногіе изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія. Наиболѣе старательный, наименѣе даровитый и, можетъ быть, больше другихъ имѣвшій успѣхъ—это Кроунъ, «накрахмаленный Джони Кроунъ», котораго благодаря коварству Рочестера и дурному вкусу того времени противопоставляли самому Драйдену. Наиболѣе даровитыми были Ли и Отвей, люди съ цыганскими склонностями, ведшіе бродячую жизнь. Оба начали удачно, оба были университетскими людьми (Отвей изъ коллегіи Церкви Христовой, а Ли изъ коллегіи Троицы), оба были талантливы; но Отвей умеръ, голодая, а Ли сумашедшимъ, и оба молодыми. Ли написалъ вмѣстѣ съ Драйденомъ «Эдипа» и нѣсколько самостоятельныхъ пьесъ; главными изъ нихъ были «Александръ» и «Софо-

низба», представлявшія собой всѣ крайности героическихъ нелѣпостей, но мѣстами скрашенныя истинной поэзіей. Отвей, также какъ и Драйденъ возвратившись къ бѣлымъ стихамъ, далъ въ «Сиротѣ» хорошій, а въ «Спасенной Венеціи» знаменитый образецъ того, что можно назвать средней трагедіей. Эльканахъ Сеттль, четвертый изъ писавшихъ трагедіи, прославленъ Драйденомъ, котораго онъ оскорбилъ и который далъ окончательную отдѣлку своей безотвѣтственно олимпійской сатирѣ, признавъ, что у бѣдняка была «спутанная мелодичность». (Blundering kind of melody).

Всѣ они писали комедіи, также какъ тѣ авторы, о которыхъ мы еще упомянемъ, писали трагедіи; но сила комизма, которой было не мало въ то время, принадлежала не имъ. Вильсонъ, старый драматургъ, переживщій великій мятежъ, вскорѣ послѣ реставраціи написалъ одну или двѣ пьесы, въ которыхъ Джонсоновскій стиль оживлялся талантомъ и нѣкоторымъ новымъ настроеніемъ. Другой послѣдователь Джонсона, Шадуэль, который также, какъ и Сеттль, имѣлъ несчастіе попасть подъ удары бича безсмертной сатиры Драйдена, проявилъ въ комедіи характеровъ несомнѣнную способность къ наблюденію и немалый талантъ. Epsom Wells, Bury Fair, Virtuoso и Sullen Lovers никакъ нельзя назвать простымъ мусоромъ. Афра Бенъ, одна изъ легендарныхъ фигуръ англійской литературы, о которыхъ всѣ слыхали и о которыхъ никто, кромѣ спеціалистовъ, ничего не знаетъ, написалъ, кромѣ разсказовъ, не совсѣмъ безъ достоинствъ и написанныхъ стилемъ, нѣсколько напоминающимъ повѣствовательные эпизоды въ статьяхъ великихъ Эссеистовъ эпохи королевы Анны, нѣсколько пьесъ, шумныхъ, живыхъ и не болѣе неприличныхъ, чѣмъ другія имъ подобныя, хотя Попъ и призналъ ихъ таковыми. Но всѣ они въ области настоящей комедіи уступаютъ Этереджу и Вичерли. Эти послѣдніе были люди изъ хорошихъ семей съ нѣкоторыми средствами. Этереджъ не нуждался въ погонѣ за деньгами и избѣжалъ той судьбы, которая, повидимому, преслѣдовала драматурговъ болѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ литературныхъ работниковъ, хотя драма никогда не была наименѣе оплачиваемымъ изъ литературныхъ родовъ. Вичерли въ Country Wife и въ Plain Dealer, а Этереджъ въ Sir Fopling Flutter и въ Love in tube, ввели тотъ блестящій діалогъ и тотъ безстыжій гедонизмъ, которые такъ прославили комедію реставраціи. Даты произведеній Этереджа даютъ ему, вѣроятно основательно, права первенства во времени, а преданіе, основанное на недостовѣрномъ утвержденіи самого Вичерли, приписываетъ это первенство ему. Характерныя черты любопытныхъ и не вполнѣ почтенныхъ произведеній обоихъ авторовъ будутъ съ большей полнотой указаны въ слѣдующей главѣ.

Земледѣліе.

Протеро.

Въ первыя сорокъ лѣтъ семнадцатаго вѣка въ земледѣліи, повидимому, замѣчается прогрессъ. Появилось множество сочиненій о земледѣліи. Появились и новые матеріалы для увеличенія богатства земледѣльцевъ; рѣпу уже разводили въ огородахъ и рекомендовали ее для воздѣлыванія въ поляхъ; была признана уже и польза клевера и его рекомендовали фермерамъ. Постоянное увеличеніе загороженныхъ полей давало возможность вводить новыя жатвы и новые методы. Составлялись планы для осушенія болотъ, давались практическіе совѣты для очистки лѣсовъ и обработки пустошей. Значеніе дренажа понимали уже въ то время также, какъ понимаютъ его въ настоящее время. Начали обращать большее вниманіе и на удобреніе; достоинства Перуанскаго гуано были объяснены въ 1602 году Дела-Вега изъ Лисабона; снова начали прибѣгать къ удобренію известью и мергелемъ, заброшенному съ четырнадцатаго вѣка. Прошелъ парламентскій актъ, воспрещавшій «пахать деревяной сохой», былъ воспрещенъ «варварскій обычай ранней весной стричь живыхъ овецъ». Обращали вниманіе на улучшеніе земледѣльческихъ орудій. Были взяты патенты на дренажныя машины (Буррель, 1628) на новое удобреніе (1633, 1636, 1640), на улучшенное хозяйство (Чиверъ, 1637), на плуги (Гамильтонъ, 1623; Броункеръ, 1627; Пергамъ, 1634), на механическія сѣялки (Рамзей, 1634 и Платтъ, 1639). Англійское земледѣліе, казалось, отовсюду черпало новую энергію.

Прогрессъ въ земледѣліи отъ 1600 до 1640 г.

Но надежды на улучшенія въ земледѣліи были уничтожены гражданской войной. За исключеніемъ тѣхъ, которые непосредственно участвовали въ борьбѣ, люди, повидимому, занимались своими обычными дѣлами и своими привычными промыслами. Разсказъ, что провинціальные дворяне охотились съ собаками близь Морстонъ Мура, гдѣ начиналась уже битва, можетъ быть и не вѣренъ, но онъ хорошо рисуетъ положеніе дѣлъ. Отсутствіе мотивовъ къ усовершенствованіямъ и господствующая неувѣренность въ будущемъ гораздо болѣе, чѣмъ дѣйствительное привлеченіе населенія къ военнымъ дѣйствіямъ, губили всѣ усовершенствованія въ зародышѣ. Это время было крайне тяжелымъ. Гартлибъ утверждаетъ, что еслибы не привозъ хлѣба изъ за границы народъ голодалъ бы. «Бѣдные фермеры, разсказываетъ Блайтъ въ 1651 году, жили хуже, чѣмъ въ Бридуэлѣ». Площадь обрабатываемой земли уменьшилась; хотя тогдашняя статистика вообще недостовѣрна, но стоитъ замѣтить, что Гартлибъ утверждаетъ, будто въ 1648 году въ Англіи и Валисѣ обработывалось не болѣе четырехъ милліоновъ акровъ.

Вліяніе гражданской войны на земледѣліе.

Несчастіе увеличивалось неурожаями. Въ 1648 и 1649 годахъ лѣто было чрезвычайно дождливое и по утвержденію Обрея «была дороговизна хлѣба». Цѣна пшеницы быстро увеличивалась; въ 1648 году она стоила 85 ш. четверть, средняя цѣна отъ 1647 до 1700 года равнялась только 49 ш. 10 д. а средняя отъ 1647 до 1651 года была 77 ш. 7 д. Говядина и баранина тоже дошли до $3^3/_4$ д. за фунтъ. И въ тоже время заработная плата, безъ пищи, повысилась очень незначительно сравнительно съ поденной платой въ 3 д. 1444 года.

Земледѣліе при Кромвелѣ.

При уясненіи положенія дѣлъ улучшилось и положеніе фермеровъ. Кромвель былъ просвѣщеннымъ покровителемъ земледѣлія. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ преданіе приписывало ему введеніе полевой культуры рѣпы въ Гунтингдонширѣ. Блайтъ посвятилъ ему свое сочиненіе о дренажѣ (English Improver improved). Самуэль Гартлибъ, «Legacie» котораго одна изъ самыхъ любопытныхъ старыхъ книгъ о земледѣліи, обязанъ его покровительству за собранныя имъ свѣденія. Это сочиненіе, приписываемое обыкновенно Гартлибу, въ дѣйствительности только издано имъ. Это былъ отвѣтъ нѣсколькихъ лицъ на вопросъ: «Каковы дѣйствительные недостатки и упущенія и каковы возможныя улучшенія въ англійскомъ земледѣліи?» Нѣкоторые изъ совѣтовъ довольно смѣшны. Напримѣръ, таковъ совѣтъ противъ поноса у овецъ: «возьми змѣю, или (еще лучше) виперу, отрѣжь ей голову и хвостъ, а остальное высуши въ порошокъ, смѣшай этотъ порошокъ съ солью и давай нѣсколько грановъ этой смѣси овцѣ». Но Гартлибъ заслуживаетъ благодарность фермеровъ за его рекомендаціи удобренія, рѣпы и клевера. Въ спискѣ удобреній онъ перечисляетъ двадцать два вещества; нечего и говорить, конечно, что химическая наука тутъ была ни при чемъ, и что не дѣлали и попытокъ возвращать землѣ тѣ вещества, которыя были отняты у нея тѣми или иными жатвами. Гартлибъ настаиваетъ на культурѣ корнеплодовъ и на пастьбѣ овецъ «по манерѣ Фламандцевъ», какъ средствѣ укрѣпленія и обогащенія песчанныхъ общихъ полей. Но несмотря на то, что «ноги овецъ превращали песокъ въ золото», кажется, что совѣтамъ Гартлиба мало слѣдовали. Онъ рекомендовалъ также культуру клевера и «святого сѣна» или Saint--foine и сообщаетъ читателю, гдѣ его достать: «кто желаетъ купить одну изъ сихъ трилистныхъ травъ, или люцерну, клеверъ, торицу (Spurry, Spergula), можетъ получить ихъ въ какомъ угодно количествѣ въ лавкѣ Томаса Броуна подъ вывѣской Краснаго Льва въ Соперъ Лэнѣ.

Земледѣліе при Карлѣ II.

Но развитіе земледѣлія снова было пріостановлено политическими замѣшательствами и общественными измѣненіями второй половины семнадцатаго столѣтія. Земледѣліе, если и не падало, то и не развивалось. Любопытно, что отъ 1640 до 1670 года было взято не больше шести патентовъ на земледѣльческія улучшенія. «Наше сель-

ское дворянство, замѣчаетъ Пеписъ, стало невѣжественнымъ относительно хозяйства». А безъ инниціативы дворянства прогрессъ былъ невозможенъ. Фермеры того времени не были увѣрены въ прочности своего владѣнія, у нихъ не было ни предпріимчивости, ни капитала, ни образованія, ни умѣнья дѣлать опыты или заимствовать улучшенія. Въ Беркширѣ была поговорка: «кто опустошаетъ, тотъ можетъ оставаться, а кто улучшаетъ, тотъ долженъ бѣжать». Тоже самое говорили и въ низменностяхъ Шотландіи. Дональдсонъ, въ своемъ сочиненіи Husbandry Anatomised (1697), первомъ шотландскомъ трактатѣ о земледѣліи, говоритъ: «если фермеръ улучшаетъ землю, ландлордъ заставляетъ его или платить большую ренту или уходить, такъ что стало поговоркой (и я думаю, нѣтъ поговорки болѣе вѣрной): разоряй и сиди, улучшай и бѣги». Только въ восемнадцатомъ вѣкѣ, когда крупные ландлорды начали играть руководящую роль въ дѣлѣ земледѣльческихъ улучшеній, замѣчается общій и существенный прогрессъ.

Кое гдѣ были произведены измѣненія къ лучшему. Но эти измѣненія были мѣстныя и они рѣдко переживали того, кто ихъ производилъ. Традиціонные обычаи соблюдались, какъ наслѣдіе земледѣльца. Даже наглядныя доказательства превосходства новыхъ методовъ не могли свести фермеровъ съ избитой дороги, по которой шли ихъ предки. Многія условія дѣлали силу обычая тиранической. На неогороженныхъ фермахъ, гдѣ круговоротъ жатвъ и пара опредѣлялся общими правами цѣлой деревни, личность не могла и пальцемъ пошевелить, чтобы произвести усовершенствованіе. Если большинство невѣжественныхъ, полныхъ предразсудковъ и подозрительныхъ собственниковъ не соглашалось ввести въ полевую культуру рѣпу или клевера, то ввести ихъ было невозможно. Предпріимчивость двадцати хозяевъ могла быть устранена апатіей или осторожностью одного. Даже въ томъ случаѣ, если новые матеріалы земледѣльческаго богатства съ успѣхомъ примѣнялись какимъ нибудь предпріимчивымъ фермеромъ или ландлордомъ на загороженной фермѣ, было мало вѣроятія, чтобы этотъ опытъ сдѣлался извѣстнымъ дальше непосредственнаго сосѣдства. Каждая деревня жила самостоятельной жизнью. Жители собирали для себя достаточно хлѣба и не интересовались дѣлами даже ближайшихъ деревень. Сообщенія были затруднительны, даже проѣзжія дороги были часто въ такомъ состояніи, что по нимъ можно было проѣхать только верхомъ или въ повозкѣ, запряженной двѣнадцатью лошадьми. Такая крайняя изолированность и была одной изъ главныхъ причинъ медленнаго распространенія усовершенствованій въ земледѣліи. Другой причиной было отсутствіе всякого мотива получить отъ земли больше того, что было необходимо для личнаго потребленія производителя. Рынковъ было мало. Въ то время еще не было такого громаднаго спроса хлѣба и мяса со стороны

большихъ и населенныхъ центровъ промышленности, какъ теперь. Разъ фермеръ удовлетворялъ потребностямъ своимъ и своей семьи, онъ не заботился ни о чемъ болѣе. Пока не создался спросъ быстрымъ ростомъ населенія, бывшимъ слѣдствіемъ развитія крупной промышленности, предложеніе опредѣлялось потребностями самого производителя.

Писатели о земледѣліи.

Другой причиной пренебреженія къ усовершенствованіямъ, рекомендуемымъ фермерамъ писателями по агрикультурѣ, былъ самый характеръ этихъ послѣднихъ. На практикѣ большинство изъ нихъ потерпѣли неудачи. Какъ старые алхимики, они голодали среди своихъ золотыхъ сновъ. Туссеръ училъ, какъ разбогатѣть, а самъ былъ бѣднякомъ. Онъ, по выраженію Фуллера, намазывалъ свой хлѣбъ масломъ разныхъ сортовъ, только масло то къ его хлѣбу не приставало. Габріэль Платтсъ умеръ на улицѣ отъ голода. Дональдсонъ сдѣлался писателемъ—агрономомъ только тогда, когда обанкротился на практикѣ. Артуръ Юнгъ два раза банкротился въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ раньше, чѣмъ началъ свои извѣстныя путешествія. Многіе изъ прежнихъ писателей пользовались репутаціей, похожей на репутацію продавцевъ шарлатанскихъ лекарствъ. Такое презрѣніе къ писателямъ о земледѣліи, презрѣніе, не совсѣмъ неосновательное, было отчасти причиной медленнаго усвоенія земледѣльческихъ усовершенствованій. Клеверъ не скоро «перешелъ съ полей дворянъ въ общее пользованіе». Въ 1686 году Плотъ упоминаетъ о клеверѣ и питульникѣ (Saintfoin) въ числѣ необычныхъ травъ, культивируемыхъ въ Оксфордширѣ. «Фермеры, которымъ посовѣтуешь сѣять клеберъ, разсказываетъ Тулль, писавшій въ царствованіе Георга II, навѣрное отвѣтятъ: пусть сѣютъ его дворяне, если имъ угодно, а намъ приходится думать объ уплатѣ ренты». Столь же упорно было сопротивленіе и культурѣ рѣпы. Блайтъ (1652) смѣется надъ этой культурой и говоритъ, что «рѣпу могутъ ѣсть только свиньи, да и то вареную». Фермеры раздѣляли его мнѣніе. Было безполезнымъ, что Уорлиджъ (Systema Agriculturae—1669) уговаривалъ фермеровъ культивировать рѣпу и что Габріэль Ривъ (въ Direction—1670) указывалъ своимъ сыновьямъ лучшія средства для улучшенія безплодной земли и что Гоугтонъ («Улучшеніе земледѣлія и промышленности», 1681) описывалъ, какіе выгоды отъ рѣпы онъ самъ видалъ въ Эссексѣ, когда ею кормятъ зимой овецъ. Также безплодными и были и старанія Тулля. «Я сѣялъ въ полѣ рѣпу въ царствованіе короля Вильгельма, разсказываетъ онъ, но нововведеніе это не пошло дальше изгороди моего помѣстья до Утрехтскаго мира».

Въ это же время рекомендовалась полевая культура картофеля, но безуспѣшно. Джонъ Форстеръ въ сочиненіи: England's Happiness Increased (1664) настаивалъ на введеніи этаго корнеплода и Гоугтонъ

(1681) поддерживалъ его своимъ авторитетомъ. Но смѣло можно утверждать, что клеверъ и рѣпа вошли въ Англіи въ общее употребленіе только во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка и что введеніе картофеля обусловливалось, главнымъ образомъ, стараніями Комитета (министерства) земледѣлія во время Наполеоновслихъ войнъ.

Одна изъ интереснѣйшихъ фигуръ среди писателей о земледѣліи того времени—это Томасъ Трайонъ. Для такого рода людей, какъ онъ, вообще характерно то, что онъ былъ мастеръ на всѣ руки. Онъ плодовитый писатель о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: противъ пьянства и куренья табаку, о варкѣ пива и эля, о медицинѣ, о снахъ и видѣніяхъ, о пользѣ чистыхъ постелей, о размноженіи клоповъ, о зубной боли. Онъ писалъ также «краткій разговоръ» пифагорейца и мистика. Его книга по земледѣлію: Countreyman's Companion (1681) любопытна главнымъ образомъ по описанію «ужасной, смертоносной болѣзни парши у овецъ» и по указанію средствъ, рекомендуемыхъ имъ отъ этой болѣзни. Томасъ Трайонъ настоящій представитель тѣхъ писателей о земледѣліи, которые такъ компрометировали «книжныхъ фермеровъ». Но на помощь фермерамъ начинала уже приходить и настоящая наука. «Terra» и «Sylva» Джона Эвелина были извѣстны каждому читавшему земледѣльцу, а Catalogus Plantarum Джона Рэя составилъ эпоху въ исторіи ботаники.

Въ годы отъ 1642 до 1688 не замѣчается общаго прогресса въ земледѣліи, тѣмъ не менѣе этотъ періодъ былъ подготовительнымъ для его развитія. Фермеры ознакомились не только съ такими важными средствами усовершенствованія ихъ промысла какъ рѣпа и картофель, но въ двухъ отношеніяхъ совершился и дѣйствительный прогрессъ. Въ царствованіе Карла II съ земледѣльцевъ была снята тяжесть феодальныхъ повинностей и исчезновеніе волковъ и медвѣдей доказывало, что несмотря на возстановленіе правъ короны на лѣса площадь необрабатываемыхъ пустошей уменьшилась. Но все же земледѣліе не процвѣтало и это доказывается тѣмъ, что законодательное собраніе обратило не него свое вниманіе. Подавались петиціи противъ обезлюденія сельскихъ округовъ вслѣдствіе переселенія крестьянъ въ центры торговли и промышленности, и эти петиціи не были оставлены безъ послѣдствій. Въ началѣ царствованія пытались получить доходъ, облагая ввозъ и вывозъ зерна высокими пошлинами. Но эта попытка была скоро оставлена и замѣнилась формой такъ называемыхъ хлѣбныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью поощреніе земледѣлія искусственнымъ поднятіемъ цѣнъ. Въ 1688 году за вывозъ зерна выдавались преміи и отъ 1697 до 1767 выдали такихъ премій на шесть милліоновъ фунтовъ. Почти на цѣлое столѣтіе Англія благодаря хлѣбнымъ законамъ была страной, вывозившей зерно.

Земледѣльческая статистика.

Сэръ Вилльямъ Давенантъ въ своемъ сочиненіи о промышленности, изданномъ въ 1688 году, даетъ любопытныя статистическія данныя о положеніи англійскаго земледѣлія въ концѣ царствованія Іакова II. Прежніе статистики писали только по догадкамъ. Давенантъ былъ почетнымъ исключеніемъ, и даже не признавая его данныя абсолютно точными, мы все таки можемъ считать ихъ результатомъ старательныхъ изслѣдованій компетентнаго человѣка. Онъ вычисляетъ все пространство Англіи и Валиса въ тридцать девять милліоновъ акровъ, а всей обрабатываемой площади пахотной земли, пастбищъ и луговъ въ двѣнадцать милліоновъ акровъ. Рента пахотной земли въ среднемъ равнялась 5 ш. 6 д. акръ, а луговъ въ 8 ш. 6 д. за акръ. Въ такой сравнительной оцѣнкѣ пахатной земли и луговъ мы видимъ результатъ цѣлаго вѣка переворотовъ, происходившихъ въ земледѣліи. Даже въ настоящее время, послѣ продолжительной реакціи въ пользу постоянныхъ пастбищъ, пахатной земли и пастбищъ въ Англіи почти поровну. Нужно кромѣ того помнить, что во времена Давенанта на пахатной землѣ сѣяли только зерно, бобы и вику, такъ какъ фермеры въ общемъ еще не знали другихъ зеленыхъ жатвъ. Далѣе, Давенантъ высчитываетъ живой инвентарь страны. По его вычисленіямъ въ Англіи было четыре съ половиной милліоновъ головъ рогатаго скота, двѣнадцать милліоновъ овецъ и два милліона свиней. Онъ считаетъ число зайцевъ и кроликовъ въ 24,000—такая цифра, если она вѣрна, должна удивить людей, жалующихся на уменьшеніе числа этихъ животныхъ. Наконецъ, Давенантъ даетъ раздѣленіе населенія по классамъ. Изъ его таблицъ видно, что было около 40,000 «фригольдеровъ лучшаго сорта» съ ежегоднымъ доходомъ въ 91 ф., 120,000 «фригольдеровъ худшаго сорта» съ доходомъ въ 55 ф., 150,000 фермеровъ съ доходомъ въ 42 ф. 10 ш., 364,000 рабочихъ и недомашнихъ слугъ съ доходомъ въ 15 ф. и 400.000 коттеджеровъ (половниковъ) и пауперовъ съ доходомъ въ 6 ф. 10 ш. Результатъ этого расчета таковъ: причисляя къ вышеупомянутымъ классамъ классъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, выходитъ, что почти пять шестыхъ всего населенія страны въ 1688 году прямо или косвенно зависѣли отъ земли.

Обрабатывающая промышленность и горнопромышленность.

Тоунзенда Варнера.

Желѣзоплавильная промышленность.

Въ теченіе гражданской войны былъ сдѣланъ рядъ опытовъ, имѣвшихъ такое вліяніе на будущее Англіи, какого и не предвидѣли

современники. Желѣзодѣлательная промышленность начала нуждаться въ топливѣ; на грузъ (load — $4^1/_2$ центнера) угля шло два груза дерева, а для выдѣлки тонны железа было нужно два груза угля. Можно было опасаться, что желѣзоплавильное дѣло обезлѣситъ всю Англію. Парламентъ вмѣшался въ это дѣло и воспретилъ уничтоженіе лѣсовъ; потому желѣзодѣлательная промышленность не процвѣтала. Въ царствованіе Іакова I Дудъ Дудлей началъ дѣлать опыты плавки желѣза на каменномъ углѣ. Онъ устроилъ домну въ Пенснетѣ и послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ выплавилъ три тонны желѣза. Но его карьера была неудачной. Онъ взялъ патентъ на свое изобрѣтеніе и, между прочимъ, производилъ желѣзо, изъ котораго дѣлались охотничьи ружья. Но его заводъ былъ «разоренъ», какъ онъ выражается, наводненіемъ, а послѣ уничтоженія монополій нѣкоторые начали нарушать его права, которыми онъ пользовался на основаніи патента. Онъ поставилъ тогда большую домну, въ двадцать семь квадратныхъ футовъ, въ Гаскотбриджѣ и въ недѣлю работалъ по семи тоннъ желѣза. Оттуда его опять выгнали; его новые мѣхи были «разрѣзаны буянами на куски»; противъ него были предъявлены иски и онъ былъ посаженъ за долги въ тюрьму. По освобожденіи онъ принялъ нѣсколькихъ компаньоновъ и они надули его. Республика принесла ему новыя заботы, такъ какъ Дудлей былъ роялистомъ; и Кромвель далъ патентъ Букку, и другимъ приверженцамъ парламента. Они устроили домны въ Динѣ, ихъ строилъ Дудлей, но имъ не удалось узнать отъ него его секрета. Буккъ бросилъ дѣло въ 1656 году, и его повелъ Коплей. Онъ тоже обанкротился и въ 1660 году Дудлей началъ просить возобновленія его патента. Попытки Дудлея были не особенно удачны, но все же кое чего онъ добился. Онъ дѣлалъ три сорта желѣза: сѣрое, продаваемое за 4 фунта тонна, пестрое (motley) и бѣлое. Полосовое желѣзо онъ продавалъ по 12 фунтовъ тонну, тогда какъ производимое на деревянномъ углѣ оно стоило отъ 15 до 18 фунтовъ. Онъ указываетъ на удобства для промышленности Стаффордшира, гдѣ уголь и желѣзо лежатъ рядомъ и перечисляетъ желѣзныя руды въ этомъ округѣ, извѣстныя въ то время: желѣзнякъ перваго сорта, черную зернистую, темную зернистую, бѣлую зернистую, матку (rider stone), волнистую и Cannock Stone. Онъ умѣлъ или утверждалъ, что умѣетъ устранять хрупкость желѣза и очищать его отъ сѣры, мышьяка, горной смолы и антимонія. Но кажется, что искусство Дудлея погибло съ его смертью, потому что до восемнадцатаго столѣтія желѣзоплавильное дѣло не сдѣлало никакихъ успѣховъ.

Въ это время процвѣтала желѣзоплавильная промышленность въ Ирландіи, хотя гражданская война и была для нея роковой. Желѣзные рудники были въ Ульстерѣ, въ Таллоу, въ Дезартландѣ, въ Фермагѣ, въ Тиронѣ, въ графствѣ Королевы и въ Роскоммонѣ. На

Желѣзоплавильное дѣ[л]о въ Ирландіи

заводѣ Кута въ Моунтратѣ для приготовленія одной тонны желѣза употреблялись три тонны руды: одна тонна скалистой (rockmine) и двѣ бѣлой. Полосовое желѣзо внизъ по Нору шло къ Россу и Ватерфорду, и оттуда въ Лондонъ, гдѣ продавалось по 16—17 фун. тонна. Предполагали, что Кутъ имѣетъ барыша 6 фунтовъ съ тонны. На его трехъ заводахъ работало 2,500 человѣкъ, такъ какъ много людей было нужно для рубки лѣса и приготовленія угля. Машины употреблялись самыя простыя; всего труднѣе было съ мѣхами. Обыкновенно употребляли двойные мѣхи. Водяные мѣхи употребляли рѣдко, такъ какъ они были неудобны тѣмъ, что производили сырость. Въ 1681 году Яррантонъ ввелъ изъ Богеміи производство листового желѣза; въ 1686 году Четуайндъ изъ Ружелей сдѣлалъ садовые катки въ 8 центнеровъ величиной. Они были пустые, съ деревомъ посрединѣ, и очень хрупки. Робертсъ утверждаетъ, что въ царствованіе Карла II работали восемьсотъ доменныхъ печей; но такое утвержденіе сильно преувеличено; всѣ онѣ были распредѣлены по всей странѣ, но большинство ихъ было въ Суссексѣ.

Каменный уголь.

Уголь въ Лондонѣ получался почти исключительно изъ Ньюкэстля, такъ какъ сухопутный провозъ былъ очень дорогъ. Жаловались, что цѣны поднимаетъ Ньюкэстльская корпорація, воспрещавшая собственникамъ угля имѣть дѣло прямо съ корабельщиками и заставлявшая всѣхъ углекоповъ грузить уголь въ Ньюкэстлѣ. Ральфъ Гардинеръ, нападавшій на корпорацію за эти стѣсненія, говоритъ, что собственники угля должны продавать свой уголь ньюкэстльскимъ властямъ, онѣ продаютъ его корабельщикамъ, тѣ содержателямъ дровяныхъ дворовъ или смотрителямъ пристани, и уже эти послѣдніе потребителямъ— «круговоротъ, столь же негодный, какъ валійская родословная». Рѣка Тайнъ была неудобна и опасна для плаванія и многіе корабли погибали на пути къ Ньюкэстлю, тогда какъ могли грузиться удобно въ Шильдсѣ; а кромѣ того не было мѣста для выгрузки балласта. Нѣкоторые собственники, не могшіе продать угля, жгли свои копи. Далѣе онъ обвиняетъ корпорацію въ ненужной жестокости при охраненіи ея привиллегій; такъ она схватила нѣкоего Клайффа, корабельнаго плотника въ Шильдсѣ, который не будучи гражданиномъ Ньюкэстля, хотѣлъ провести корабль въ рѣку мимо скалъ, «убила его жену, сломала его дочери руку и напала на него въ казначействѣ». «Корпорація обыкновенно сажала нарушителей ея привиллегій въ общую, зараженную тюрьму» и «не повиновались двумъ или тремъ habeas corpus». На эти обвиненія корпорація отвѣчала, что ея привиллегіи законны и что самъ Гардинеръ недавно вырвался изъ тюрьмы и что онъ лжетъ.

Были препятствія провозу дешеваго угля въ Ньюкэстлѣ, были они и въ Лондонѣ. Нѣкто Повей, торговецъ углемъ, говоритъ, что

онъ покупалъ и разгружалъ по восьмидесяти восьми шальдроновъ [1]) угля въ день. Ни одинъ купецъ раньше не могъ разгрузить столько. Повей могъ сдѣлать это при помощи машины своего собственнаго изобрѣтенія, платформы или помоста съ ящиками на колесахъ, для перевозки угля, что позволило ему разгружать уголь близь берега при всякомъ состояніи прилива, вмѣсто того, чтобы держать въ ожиданіи въ теченіе двухъ или трехъ дней корабли у Биллингсгэта. Онъ сберегалъ такимъ путемъ на разгрузкѣ и переноскѣ почти по два шиллинга на шальдронъ и продавалъ уголь дешевле другихъ купцовъ. Онъ говоритъ, что они стакнулись и обвинили его въ обвѣсѣ. Его судили и «вмѣсто того, чтобы оправдать меня, присяжные признали меня виновнымъ и меня оштрафовали на 13 шиллинговъ 4 пенса. Судъ королевской скамьи объявилъ, что мнѣ оказана великая несправедливость».

Дудлей въ своемъ отчетѣ о каменноугольныхъ копяхъ въ Стаффордширѣ говоритъ, что въ десяти миляхъ отъ Дудлей-Кэстля было двѣнадцать или четырнадцать копей и вдвое больше неразрабатываемыхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ углекопы рыли только въ верхнихъ слояхъ земли. Копи такого рода назывались footrids, но въ его время такихъ было уже немного. Большинство же копей было отъ восьми до двадцати ярдовъ глубины, а нѣкоторыя до сорока. Три верхнихъ породы назывались бѣлымъ углемъ, а дальше шли shoulder coal, toe coal, foot coal, yard coal, sawyer coal и fristy coal (т. е. добытый на высотѣ плеча, у щиколки, у ногъ, на глубинѣ ярда, пиленный и шлакъ или мелкій). Онъ считаетъ, что по крайней мѣрѣ 5000 тоннъ шлаку ежегодно пропадало даромъ, углекопы сметали его въ копяхъ въ кучи или выбрасывали изъ копей, какъ безполезный. Онъ часто горѣлъ и вообще сильно мѣшалъ. А между тѣмъ, какъ указываетъ Дудлей, онъ былъ годенъ для плавки желѣза. Считали, что въ Англіи въ 1660 году добывали больше двухъ милліоновъ тоннъ угля. Въ Корнавалисѣ добывали немного мѣди и цинка, въ Девонѣ мѣдь и свинецъ. Робертсъ говоритъ что въ Валисѣ было много серебряныхъ рудъ, свинца, угля и цинка, а въ Кумберландѣ мѣдная руда и жилы серебра и chернаго свинца, но ихъ мало разрабатывали.

Шерсть. Ленъ. Миткали. Красильное дѣло.

Шерстяная промышленность не особенно развивалась. Современные писатели всѣ признаютъ, что эта промышленность развивается. Они много говорятъ о беззаконномъ вывозѣ шерсти; противъ этого издавалось много законовъ, но безуспѣшно. Голландія много требовала англійской шерсти. Послѣ 1648 года голландцы получали шерсть и изъ Испаніи и англійскіе ткачи находили, что они не могутъ успѣшно конкурировать съ ними, особенно въ производствѣ тонкихъ

1) Chaldron—мѣра угля въ 2000 фунтовъ вѣсомъ.

суконъ. Въ виду развитія этой промышленности былъ принятъ актъ, постановлявшій, чтобы покойниковъ хоронили въ шерстяныхъ тканяхъ (18—19 Карла II). Но этотъ актъ мало помогъ, «люди продолжали одѣвать трупы своихъ покойниковъ въ тонкое полотно, кружева и пр., хотя это и противно нашимъ истиннымъ національнымъ интересамъ». Въ 1668 году Бреверъ ввезъ въ Англію пятьдесятъ валлонцевъ, которые учили англичанъ усовершенствованнымъ способамъ окраски шерсти, причемъ сберегалось 40%. Это, кажется, единственный важный фактъ въ исторіи промышленности во время реставраціи. Ткачи въ льняной промышленности, какъ и раньше, страдали отъ притѣсненій суконщиковъ; но промышленность эта развивалась. Въ 1669 году изъ Шотландіи было ввезена 23,680 фунтовъ льняной пряжи. Въ 1686 году въ Шотландіи былъ проведенъ актъ о погребеніи труповъ въ шотландскихъ льняныхъ тканяхъ. Производствомъ миткаля еще мало занимались. Большая часть миткаля, муслиновъ и ситцевъ ввозилась изъ Индіи. Въ то время считали не хорошимъ дѣломъ, чтобы такіе ввозимые матеріалы работались на британскихъ станкахъ. Но уже въ 1676 году фламандскіе эммигранты ввели въ Англію набивку ситцевъ. Въ 1684 году Карлъ II далъ патентъ на окрашиванье полотна, шелку и бумажныхъ тканей въ разные цвѣта, но этимъ дѣломъ занимались мало. Большинство ввозимаго хлопка расходывалось на свѣтильни для свѣчъ. Машинное производство чулокъ было значительнымъ промысломъ, въ Лондонѣ работало около 1000 машинъ. Въ 1640 году въ Ноттингамѣ было всего двѣ чулочныхъ мастерскія, въ Лейчестерѣ первое заведеніе открылось только въ 1670 году. Чулки дѣлались изъ шерстяной пряжи и изъ шелку. Шерстяные чулки дѣлались изъ пряжи въ три, четыре или пять нитей; а шелковые были разныхъ цвѣтовъ. Рабочіе получали по три шиллинга въ недѣлю, а работавшіе чулки-фантази по 4 шиллинга и обыкновенно работали только четыре дня въ недѣлю.

Шелкъ. Эммигранты.

Шелковая промышленность была единственной, сильно развившейся за это время и это главнымъ образомъ объясняется эммиграціей въ Англію людей, преслѣдуемыхъ за ихъ религіозныя убѣжденія. Въ 1681 году Карлъ II далъ грамоту о натурализаціи и позволеніе привозить съ собой мебель, товары и орудія производства. Въ одинъ этотъ годъ въ Англію прибыло 1154 эммигрантовъ. Такой же указъ издалъ и Іаковъ II въ 1685 году. Изгнанники пріѣзжали изъ Нормандіи, Пикардіи, Туреня, Ангулема и Ліона. Въ промежутокъ времени отъ 1670 до 1690 года въ Англію прибыло не менѣе восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Нѣкоторые въ Англіи ворчали на это, но, вообще говоря, изгнанниковъ приняли хорошо. Антикатолическое настроеніе народа привлекало его на сторону преслѣдуемыхъ. Въ трактатѣ объ эммигрантахъ, изданномъ въ 1677 году и имѣвшемъ

форму діалога между «Довольствомъ» и «Жалобой», «Жалоба» го-горитъ: такъ то всѣхъ созовутъ сюда, а «Довольство» отвѣчаетъ ему: а я скажу на это: аминь. Почти третья часть изгнанниковъ поселилась въ Лондонѣ или вблизи него, въ приходахъ Спиталь-фильдсъ, Сого, Семи Часовъ (Seven Dials) и Лонгъ-Акръ. Другіе поселились въ Кентербюри, Сандуичѣ, Гластонбюри, Норвичѣ, Соутгамптонѣ, Винчельзи, Дуврѣ, Бристолѣ, Плимутѣ, Эксетерѣ и Эдинбургѣ, а нѣкоторые переселились даже въ Ирландію, гдѣ имъ были обѣщаны всяческія поощренія въ льняной промышленности. Изгнанники повсюду занимались своими старыми промыслами и такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ были неизвѣстны въ Англіи, то результатомъ ихъ прибытія было значительное развитіе промышленности.

Объ исторіи нѣкоторыхъ изъ этихъ новыхъ промысловъ будетъ удобнѣе говорить въ слѣдующей главѣ. Но распространеніе шелковой промышленности было быстрымъ и повсемѣстнымъ. Въ началѣ семнадцатаго вѣка шелковая промышленность въ Англіи была незначительна. Настоящимъ центромъ ея была Франція; французскіе товары и французскіе ткачи были первыми во всей западной Европѣ. Теперь многіе изъ этихъ искусныхъ ткачей переселились въ Англію и начали производить разная шолковыя ткани; alumodes, люстрины, глазетъ, сатины, черные и цвѣтные mantuas, paduasoy, ducapes, обоярь и черный бархатъ.

Производители люстриновъ составили отдѣльную корпорацію, Royal Lustring Company. Рисунки глазета и цвѣтныхъ шолковыхъ тканей были усовершенствованы французскими гугенотами—Лозономъ, Мариско и Монсо. Французскіе рабочіе принесли съ собой также секретъ придавать лоскъ шолковымъ обоямъ. Высокую заработную плату получали въ особенности искусные рабочіе изъ Ліона. Промышленность развилась сильно. Въ 1689 году Чайльдъ говорилъ, что 40,000 семей живутъ шолковымъ промысломъ. Въ 1694 году въ Кентербюри у Блакфріаровъ было 1000 станковъ. Въ трактатѣ «дѣло шолковыхъ ткачей», безъ даты, но навѣрное относящемся къ началу восемнадцатѣго вѣка, говорится, что эта промышленность съ 1664 года увеличилась въ двадцать разъ. Производились всякаго рода черныя и цвѣтныя ткани, золотая и серебренная парча и ленты, такого же достоинства, какъ и французскія. Черныхъ шолковыхъ тканей, идущихъ на шарфы и капоры производилось на 300,000 фунтовъ въ годъ. Расчитывали, что 100 фунтовъ шолку даетъ работу на недѣлю 930 лицамъ, производящимъ широкія и узкія ткани, шолковыя чулки и серебряное тканье. Но промышленники жаловались, что моды идутъ изъ Франціи, такъ что они не могутъ сдѣлать запасы товаровъ для торговли весной изъ страха, что ихъ выбросятъ съ рынка французскія новости. «Франція первая на рынкѣ, а Англія тащится въ хвостѣ». Большинство шолка сырца привозилось изъ

Италіи, считали лучшимъ получать его оттуда, а не съ востока, такъ какъ Италіи за шолкъ можно было отчасти уплатить шерстяными тканями, а востокъ не бралъ ихъ и требовалъ наличныхъ денегъ. Старыя злоупотребленія продолжались, особенно въ красильномъ дѣлѣ; потому продолжали назначать комиссаровъ для осмотра красиленъ. Они могли конфисковать тяжелый шолкъ, т.-е. крашенный на клею. Жаловались также и на то, что ткачи часто слишкомъ бѣдны, чтобы покупать запасы сырца. Ткачи въ Спитальфильдсѣ часто жаловались на дурное отношеніе къ нимъ и «были до чрезвычайности мятежны и буйны» противъ индѣйскихъ шолковыхъ тканей.

Соль. Шильдскія солеварни.

Исторія соляного промысла въ этомъ періодѣ представляетъ интересный примѣръ способа полученія государственнаго дохода съ промысла и взаимныхъ отношеній конкурирующихъ промысловъ. При Карлѣ I въ Англіи не хватало своей соли, потому что въ 1627 году война съ Франціей подняла цѣну соли съ 50 ш. до 12 фунтовъ и больше. Много соли ввозилось изъ Испаніи. Въ 1630 году вывозъ соли былъ воспрещенъ, но былъ снова разрѣшенъ въ 1632 году, когда соли оказалось много. Въ это время главнымъ центромъ соляной промышленности былъ Шильдсъ, гдѣ соль вываривали изъ морской воды. Промыселъ находился въ рукахъ монополистовъ, повышавшихъ цѣны и «Шильдская» или «Ньюкэстльская» соль продавалась въ Лондонѣ съ 1635 до 1638 года по 4 ф. 15 ш. за 5 четвертей (weigh), пошлины платили съ этой мѣры по 48 ш. 6 д., такъ что соль продавали по 5 ф. 10 ш., хотя промышленники Бристоля и Соугамптона были освобождены отъ налога. Патентъ имъ данъ былъ до 1638 года. Тогда солеварни перешли въ руки прежнихъ собственниковъ и они нашли, что высокія цѣны сильно вредятъ промыслу. Добыча убавилась отъ 16,000 мѣръ до 8000 въ годъ. Съ началомъ войны наступили новыя заботы. Промышленниковъ безпокоили деканъ и капитулъ Дергама, на земляхъ которыхъ были солеварни; потомъ, когда они удовлетворили духовныхъ лицъ, республика продала всѣ земли, принадлежавшія епископамъ, деканамъ и капитуламъ, частнымъ лицамъ. Въ 1648 году Артуру Гальригу было разрѣшено взимать съ промышленниковъ акцизъ въ 4 ш. Промышленники жаловались на конкуренцію шотландцевъ, которымъ акцизъ былъ выгоденъ, и просили, чтобы шотландскую соль считали иностранной. Оливеръ Кромвель соединеніемъ Англіи съ Шотландіей разорилъ промыселъ и многіе промышленники остались безъ дѣла. Съ реставраціей появилась надежда на лучшіе дни, но тогда возвратились деканъ и капитулъ и требовали штрафовъ и недоимки рентъ. Промышленность была подавлена этими требованіями, а кромѣ того она страдала отъ увеличенія соляного промысла въ Чеширѣ и Ворчестерширѣ. Это не помѣшало промышленникамъ нападать на конкурентовъ и утверждать,

что французская садочная соль, т.-е. происходящая отъ естественнаго выпариванія изъ морской воды, «на седьмую долю состоитъ изъ грязи и ила, сгнившихъ человѣческихъ труповъ, мертвой рыбы и отбросовъ», а каменная соль Чешира имѣетъ столько дурныхъ свойствъ, что природа, навѣрное, не создала ее для потребленія.

Соляной промыселъ въ Чеширѣ и Ворчестерширѣ.

Въ то время, какъ соляной промыселъ на Шильдсѣ, подвергался такимъ бѣдствіямъ, быстро развивалась выварка соли изъ соляныхъ источниковъ. Центромъ ея въ Чеширѣ въ 1682 году были Нортвичъ, Миддльвичъ и Нантвичъ. Въ Нортвичѣ было шесть колодцевъ дававшихъ въ недѣлю по 12,214 бушелей и употреблявшихъ шесть load угля; расходы выварки расчитывались въ 97 ф. 15 ш. Въ Миддльвичѣ было семь колодцевъ, дававшихъ въ недѣлю 4300 бушелей. Въ Нантвичѣ разсолъ былъ слабѣе и тамъ было только три колодца. Въ недѣлю они давали 4200 бушелей, но нужно было болѣе угля Въ Ворчестерширѣ соляной промыселъ былъ около Дроитвича. Тамъ былъ большой колодецъ въ Упвичѣ, въ тридцать футовъ глубины, дававшій каждодневно по 450 бушелей. Разсолъ былъ настолько крѣпокъ, что вмѣсто обыкновенныхъ желѣзныхъ сковородъ для выварки употребляли свинцовыя. Процессъ выварки былъ вездѣ одинаковъ; долгое кипяченье на сковородахъ различной величины и потомъ очистка разными матеріалами; кровью, яичнымъ бѣлкомъ, виномъ, элемъ и саломъ. Главнымъ дѣломъ было обезпечить зернистость соли и предупредить ея раствореніе. Соль изъ Ворчестершира была въ этомъ отношеніи лучшей, а Шильдская худшей. Соль изъ разсола была свободна отъ непріятной горечи, остававшейся въ осадочной; но многіе считали горькую соль болѣе пригодной для соленья рыбы и мяса.

Каменная соль

Всѣ существовавшіе соляные промыслы соединились противъ новаго конкурента, каменной соли. Въ 1670 году «нѣкто искалъ угля» на землѣ Вилльяма Марбюри, недалеко отъ Нортвича, и напалъ на скалу соли, которая оказалась «такой твердой, какъ квасцы, и изъ нее текъ разсолъ такъ сильно, точно брызгало изъ лондонской пожарной трубы». Когда заложили тутъ шахту, то оказалось, что слой соли былъ толщиной въ двадцать пять ярдовъ. Когда началась разработка этой соли, всѣ солевары начали препятствовать ей, какъ только могли; они объявили, что это открытіе неестественно, что соль никуда не годится, что разсолъ скоро истощится и казна будетъ ограблена, а ихъ разорятъ. Они просили парламентъ обложить каменную соль большой пошлиной, такъ какъ ихъ конкуренты пользуются большими, чѣмъ они, естественными выгодами. Въ Ворчестерширѣ уголь дорогъ, а въ Чеширѣ дешевъ; легче вырывать соль, чѣмъ накачивать разсолъ; а кромѣ того каменную соль можно увезти и обдѣлывать гдѣ угодно и, стало быть, можно уклониться отъ налога. Добывающіе каменную соль возражали, что не разсолъ про-

исходитъ отъ каменной соли, а она осаждается изъ разсола, что выкапываніе дороже выкачиванія, что ихъ соль хороша и что казна отъ ихъ промысла получитъ не меньше, чѣмъ отъ другихъ. Обѣ стороны прибѣгали къ неосновательнымъ аргументомъ и утверждали, что имѣютъ въ виду благо государства, тогда какъ въ дѣйствительности заботились только о своихъ карманахъ; и вся эта исторія доказываетъ, что въ то время промышленники требовали вмѣшательства государства въ ихъ пользу.

Торговля и финансы.

Саймса.

Въ началѣ періода реставраціи англійская торговля значительно увеличилась и только въ одинъ годъ произошло значительное уменьшеніе ея. Такъ какъ общая сумма каждой изъ таможенныхъ пошлинъ въ началѣ царствованія Карла II опредѣлялась парламентомъ, то вся сумма вывозныхъ и ввозныхъ пошлинъ довольно точно указываетъ на состояніе торговли. Въ годъ, закончившійся сентябремъ 1661 года, сумма таможенныхъ пошлинъ была равна 361,356 ф. Въ слѣдующіе четыре года она въ среднемъ равнялась 509,775 ф.; въ слѣдующемъ году вслѣдствіе чумы, пожара и голландской войны она уменьшилась до 303,766 ф.; въ слѣдующіе года она поднялась до 408,324 и 626,998 ф. Потомъ опять начинаются колебанія и средняя за четыре года 1685—1688 равнялась 577,000 ф.

Финансы. Въ это время транзитная торговля все болѣе и болѣе переходитъ въ руки англійскихъ купцовъ. Новый навигаціонный актъ былъ основанъ на принципахъ акта 1651 года; онъ требовалъ, чтобы англійскіе корабли строились англичанами, принадлежали имъ и чтобы экипажъ былъ англійскій. Онъ воспретилъ также чужестранцамъ торговать или быть факторами въ англійскихъ колоніяхъ, но облегчилъ воспрещенія относительно ввоза продуктовъ голландскихъ рыбныхъ ловель. Послѣдствія этого акта были тѣ же, что и въ 1651 году. Кораблестроеніе усилилось и въ теченіе тридцати лѣтъ торговый флотъ удвоился. Этотъ результатъ, вѣроятно, стоилъ тѣхъ временныхъ неудобствъ, которыя были порождены актомъ.

Финансовая система реставраціи до нѣкоторой степени была заимствована у пуританскаго законодательсва. Парламентъ прежде всего постановилъ, что королевскіе доходы должны равняться 1,200,000 ф. и потомъ приступилъ къ обсужденію, какъ добыть такую сумму. Старыя таможенныя пошлины, включая и tunnage на ввозимыя вина

и poundage на другіе товары, ввозимые или вывозимые, были отданы королю пожизненно. Акцизъ дѣлился на двѣ части: 1) вмѣсто различныхъ феодальныхъ повинностей, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли изъ употребленія, а другія были уничтожены при республикѣ, корона получила наслѣдственный акцизъ. Парламентъ, состоявшій изъ поземельныхъ собственниковъ, естественно противился возстановленію этихъ повинностей и перенесъ на все общество тяжесть, которую должны бы были нести только владѣльческіе классы. Этотъ акцизъ долженъ былъ быть постояннымъ источникомъ королевскихъ доходовъ. 2) Карлъ II получилъ пожизненно временный акцизъ, также какъ же какъ и старыя таможенныя пошлины. Этотъ акцизъ взимался съ кофе, шоколада, щербета, чая, а также съ пива и другихъ крѣпкихъ напитковъ.

Таможенныя пошлины и акцизъ вмѣстѣ съ доходами отъ королевскихъ доменовъ, равнявшимися теперь только 100,00 ф. въ годъ, далеко не давали назначенныхъ 1,200,000 ф. Дефицитъ покрыли частію налогомъ на дома, пропорціональнымъ числу трубъ, почему его и назвали «подымнымъ». Время отъ времени вотировали и другіе налоги. Такъ въ 1668 году обложили новыми пошлинами французскія вина. Въ 1670 году увеличили таможенныя пошлины и акцизъ на крѣпкіе напитки; процедура въ судахъ тоже была обложена пошлиной. Въ началѣ царствованія Карла II вводили также поголовную подать, субсидіи и раскладки (assessments), но къ концу царствованія опредѣленный доходъ значительно превышалъ назначенную первоначально парламентомъ сумму въ 1,200,000 ф., а кромѣ того король получалъ секретную субсидію отъ Людовика XIV. Это объясняетъ то обстоятельство, что онъ былъ въ состояніи обходиться безъ парламента отъ 1682 до 1685 года.

Начало банковъ.

Увеличеніе и осложненіе англійской торговли и постоянное увеличеніе свободныхъ капиталовъ повели къ введенію въ Англіи банковой системы. Въ Италіи депозитные банки существовали съ пятнадцатаго вѣка, но такъ какъ они не давали займовъ изъ вкладовъ, то понятно, что они брали за храненіе, а не платили процентовъ Въ теченіе семнадцатаго вѣка банки основались въ Амстердамѣ, въ Гамбургѣ, въ Роттердамѣ и въ Швеціи; но въ Англіи общественныхъ банковъ не было до революціи, До Карла I англійскіе купцы хранили деньги или слитки въ *монетномъ дворѣ* въ Тоуэрѣ, но въ 1640 году, король, находившійся въ большихъ денежныхъ затрудненіяхъ, захватилъ 120.000 такихъ вкладовъ. Эти деньги потомъ были уплачены, но купцы начали бояться и считали болѣе благоразумнымъ держать деньги у себя. Но это вело къ большимъ затрудненіямъ и къ риску, такъ что образовался обычай довѣрять деньги золотыхъ дѣлъ мастерамъ, занятія которыхъ заставляли ихъ принимать особенныя мѣры предосторожности противъ воровъ и разныхъ случайностей.

Слѣдующимъ шагомъ была отдача такихъ вкладовъ въ займы за проценты. Протекторъ обращался къ главнымъ изъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которыхъ теперь начали называть банкирами, за займами до полученія налоговъ. Карлъ II слѣдовалъ его примѣру. Какъ только парламентъ вотировалъ Субсидіи, король посылалъ за банкирами и просилъ у нихъ авансовъ. За эти займы онъ обыкновенно платилъ восемь процентовъ, и это былъ невысокій прокентъ, такъ какъ банкиры платили своимъ кліентамъ по шести. Въ 1672 году суммы, занятыя королемъ, доходили до 1,328,526 ф. Эта сумма состояла изъ вкладовъ десяти тысячъ человѣкъ; то обстоятельство, что банкиры могли дать такую большую сумму, доказываетъ, что свободныхъ капиталовъ было много. Внезапно казначейство было закрыто и банкирамъ объявили, что они могутъ довольствоваться процентами. Но и процентовъ не платили до 1677 года. Съ этого же времени до 1683 года кредиторы получали по шести процентовъ. За этимъ послѣдовало финансовое замѣшательство и въ концѣ концовъ всю сумму зачислили въ національный долгъ, который такимъ образомъ возникъ вслѣдствіе грабительскихъ дѣйствій правительства въ 1672 году.

Экономическія теоріи.

Обращаясь отъ экономической исторіи къ исторіи экономической науки мы видимъ, что въ теченіе семнадцатаго вѣка количество памфлетовъ объ экономическихъ вопросахъ постоянно увеличивается. Большинство ихъ писалось для какихъ либо спеціальныхъ цѣлей, для защиты или нападенія на монополію или привиллегію, или для защиты какой нибудь спеціальной законодательной мѣры. Писателями были по большей части дѣловые люди, занятые торговлей и отстаивавшіе свои личные интересы или политики, цѣлью которыхъ было увеличеніе королевскихъ доходовъ. Они не заботились объ опредѣленіи употребляемыхъ ими терминовъ и въ большинствѣ случаевъ они, очевидно, ни потрудились подумать о принципахъ, лежащихъ въ основѣ роста національнаго или индивидуальнаго богатства. Также, какъ и ихъ предшественники, они придавали чрезмѣрное значеніе наличнымъ деньгамъ, часто забывая, что деньги только средство, а не цѣль, тѣмъ не менѣе теперь они считали поощреніе судоходства почти, если не вполнѣ, равнозначительнымъ накопленію золота и серебра. Тутъ они инстинктивно понимали ту роль, которую флотъ, колоніи и судоходство играли въ созданіи могущества Англіи. Именно съ этой точки зрѣнія памфлетчики такъ много толковали о значеніи рыбныхъ ловель и ихъ предложенія по этому предмету очень разнообразны. Нѣкоторые требовали выдачи рыбакамъ премій; другіе рекомендовали строить такіе же корабли, какъ у голландцевъ; третьи требовали возвращенія къ обычаю соблюденія постовъ; нѣкоторые, наконецъ, требовали прямого воспрещенія ввоза съ голландскихъ рыбныхъ ловель, и эта послѣдняя мѣра и была принята въ навигаціонномъ актѣ 1651 года. Этой и другими мѣрами

голландцы были почти вполнѣ вытѣснены изъ селедочнаго промысла и рыбныхъ ловель у Ньюфаундлена.

Другая группа памфлетчиковъ семнадцатаго вѣка нападала или защищала восточно-индѣйскую кампанію. Наиболѣе значительнымъ изъ этой группы былъ Томасъ Мунъ, сынъ лондонскаго оптоваго торговца. Онъ занимался торговлей съ Италіей и Левантомъ, а послѣ сдѣлался директоромъ кампаніи Восточной Индіи. Значительная торговая опытность автора дѣлаетъ его сочиненія интересными и значительными, и этому не вредитъ очевидная тенденціозность его сочиненій и его ложные теоретическіе взгляды. Онъ былъ рѣзкимъ защитникомъ меркантильной теоріи, т. е. мнѣнія, будто выгодность иностранной торговли измѣряется благопріятнымъ торговымъ балансомъ и притокомъ въ страну золота и серебра. Въ его «Разсужденіи о торговлѣ» (1621) онъ, однако, доказываетъ, что восточно-индѣйская кампанія вывозитъ многіе изъ ввозимыхъ ей продуктовъ съ выгодой и что хотя первая операція вывозитъ изъ Англіи деньги, но за то вторая приноситъ ихъ ей съ излишкомъ. Кромѣ того большая дешевизна перевозки по морю уменьшаетъ количество золота, которое пришлось бы заплатить за индѣйскіе товары, ввозимые сухимъ путемъ. Въ его сочиненіи England's Treasure (изданномъ въ 1664 году, но написанномъ, вѣроятно, въ 1632) онъ доказываетъ необходимость разрѣшить вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ. Томасъ Мунъ 1571—1641.

Вскорѣ послѣ смерти Муна кампанія Восточной Индіи нашла еще болѣе сильнаго защитника въ лицѣ Джосіа Чайльда, управлявшаго дѣлами кампаніи почти все время при Карлѣ II и Іаковѣ II. Чайльдъ замѣчаетъ, что серебро и золото просто товары, хотя они и составляютъ мѣрило цѣнности другихъ товаровъ. Онъ ясно сознавалъ выгоды свободной торговли, но защищалъ монополію кампаніи на томъ основаніи, что она полезна для національнаго могущества, если не для національнаго богатства. Это только одинъ изъ примѣровъ проницательности Чайльда. Въ отличіе отъ большинства капиталистовъ онъ смѣло утверждалъ, что высокая заработная плата есть доказательство національнаго процвѣтанія. Его «Новое разсужденіе о торговлѣ», изданное первоначально въ 1665 году, постоянно переработывалось, такъ что въ числѣ прочихъ вопросовъ оно трактовало о слѣдующихъ предметахъ: торговыя компаніи, навигаціонные акты, шерстяная промышленность, торговый балансъ, колоніи, способы дать занятіе бѣднымъ и система торговаго посредничества и суда. Замѣчанія Чайльда объ этихъ вопросахъ остроумны и поучительны; но подобно большинству своихъ современниковъ (за исключеніемъ отчасти Николаса Барбона) онъ пытается трактовать объ экономическомъ искусствѣ раньше, чѣмъ создалась наука политической экономіи. Потому его положенія эмпирическія, хотя этотъ эмпиризмъ есть эмпиризмъ умнаго и опытнаго дѣлового человѣка. Чайльдъ. 1630—1699.

Петти 1623—1687. Еще болѣе разностороннимъ экономистомъ былъ Виллькмъ Петти. Онъ былъ профессоромъ анатоміи въ Оксфордѣ, музыки въ коллегіи Грешама, военнымъ врачемъ въ Ирландіи и генералъ-инспекторомъ тамъ же. Онъ основывалъ желѣзодѣлательные заводы, разработывалъ свинцовые рудники, заводилъ морское рыболовство. Онъ изобрѣлъ копировальную машину и морской ботъ съ двойнымъ дномъ. Наконецъ, онъ писалъ почти обо всѣхъ главныхъ экономическихъ вопросахъ того времени, но въ особенности о налогахъ и деньгахъ. Петти былъ защитникомъ собиранія точныхъ статистическихъ данныхъ, какъ основы экономической науки. «Пока этого не будетъ сдѣлано, писалъ онъ, торговля будетъ черезъ чуръ проблематическимъ дѣломъ, чтобы о ней стоило думать». Тѣмъ не менѣе, Петти довольно удачно думалъ о торговлѣ. Онъ первый изъ экономистовъ, выставившихъ извѣстное положеніе: трудъ есть отецъ и активный принципъ богатства, а земля его мать («Трактатъ о налогахъ и сборахъ»—1662). Онъ пришелъ къ очень здравымъ взглядамъ на функціи денегъ и на силы, опредѣляющія величину процента, и болѣе всѣхъ другихъ его предшественниковъ способствовалъ опроверженію ошибокъ меркантильной теоріи.

Барбонъ 1640—1689. Изъ всѣхъ экономистовъ семнадцатаго вѣка Николасъ Барбонъ заслуживаетъ, можетъ быть, болѣе всѣхъ названіе предшественника Адама Смита, потому что онъ, въ отличіе отъ его современниковъ, дѣйствительно пытался опредѣлить тѣ основные термины, значеніе которыхъ большинство писателей того времени признавали извѣстнымъ, что, разумѣется, приводило къ неясностямъ. «Настоящее опредѣленіе богатаго человѣка таково: хорошо питаться, хорошо одѣваться, имѣть хорошее помѣщеніе безъ физическаго или умственнаго труда» (Apology for the Builder—1685). Тутъ мы видимъ уже основное положеніе современной политической экономіи. Идея о деньгахъ почти вполнѣ изгнана изъ опредѣленія богатства. «Экономическій человѣкъ» является предъ нами во всей его непривлекательной простотѣ. Трудъ съ экономической точки зрѣнія есть зло. Въ «Разсужденіи о торговлѣ» (1690) Барбонъ раздѣляетъ товары на естественные и искусственные, что составляетъ приближеніе къ современному раздѣленію на «землю» и продукты труда. Взгляды Барбона на цѣнность тоже очень поучительны. Цѣна для производителя (for artificer) по его мнѣнію опредѣляется стоимостью матеріаловъ, временемъ ихъ обработки и цѣнностью искусства и умѣнья производителя. Это лучшій анализъ издержекъ производства, данный кѣмъ либо до Барбона, Барбонъ также настаиваетъ на томъ, что рыночныя цѣны зависятъ непосредственно отъ спроса и предложенія. Далѣе онъ настаиваетъ на томъ, что «воспрещеніе какого либо иностраннаго товара препятствуетъ производству такого же количества туземныхъ продуктовъ», что составляетъ поразительное пред-

видѣніе современнаго ученія о свободной торговлѣ, что препятствія ввозу есть препятствіе вывозу. Къ несчастію, Барбонъ держался вполнѣ ошибочныхъ взглядовъ относительно мѣновой цѣнности денегъ. Онъ считалъ ее просто создаваемой законодательствомъ и защищалъ неполноцѣнную монету. Онъ былъ учредителемъ первой компаніи страхованія отъ огня и одного изъ первыхъ земельныхъ банковъ. Утверждаютъ, что онъ былъ сыномъ Баребона «хвали Бога», именемъ котораго былъ названъ парламентъ. Онъ былъ докторомъ медицины Утрехтскаго университета и членомъ королевской коллегіи врачей, и въ 1690 году засѣдалъ въ палатѣ общинъ.

Мы не будемъ по недостатку мѣста говорить о другихъ экономистахъ семнадцатаго вѣка; но слѣдуетъ замѣтить, что наврядъ ли кто нибудь изъ нихъ касался вопроса о распредѣленіи богатства, который теперь считается самымъ важнымъ и интереснымъ изъ всѣхъ экономическихъ вопросовъ. Для нихъ важнѣйшимъ вопросомъ былъ вопросъ о производствѣ, т. е. объ увеличеніи національнаго богатства. Многіе изъ нихъ ограничивались даже только вопросомъ о государственномъ богатствѣ, какъ обособленномъ отъ богатства націи. Они разсуждали объ увеличеніи королевскихъ доходовъ, а не о томъ, какъ сдѣлать богаче націю, какъ цѣлое.

Медицина и общественное здравіе.

Крейгтона.

Для того, чтобы точно представить себѣ развитіе спеціально англійской медицины, было бы необходимо писать полную ея исторію. Можно только сдѣлать то общее замѣчаніе, что бѣдность медицинской литературы и оригинальныхъ наблюденій въ Англіи сравнительно съ Италіей, Франціей, Германіей и Нидерландами, начиная съ эпохи возрожденія до средины семнадцатаго вѣка, еще не доказываетъ отсталости англійскихъ медиковъ. Лондонская коллегія врачей со времени ея основанія въ царствованіе Генриха VIII сдѣлала много для медицины и для той формы ея развитія посредствомъ опыта и эмпиризма, которая называется Гиппократовской медициной, въ отличіе отъ формальныхъ системъ медицины, основывающихся на философскихъ или научныхъ принципахъ. Но и въ сферѣ чистой науки лондонская коллегія далеко не была непроизводительной. Одинъ изъ ея президентовъ Жильбертъ бывшій медикомъ королевы Елисаветы, написалъ знаменитую книгу: De Magnete, въ которой онъ излагаетъ новую теорію объ открытомъ имъ земномъ магнетизмѣ. Въ

слѣдующее царствованіе эта коллегія въ Найтридеръ-Стритѣ была каждогодно мѣстомъ тѣхъ знаменитыхъ демонстрацій Гарвея о сердцѣ и кровеносныхъ сосудахъ, которыя составляли эру въ физіологіи. Тѣ свѣдѣнія о медицинѣ въ царствованіе Іакова I, которые мы получаемъ изъ учебника и клиническихъ замѣтокъ Теодора Майерна (изданныхъ гораздо позже), отнюдь не даютъ намъ основанія считать тогдашнюю медицинскую практику чѣмъ то безсмысленнымъ или архаическимъ. Учебникъ практической медицины, озаглавленный «Спутникъ врача», написанный Вудалемъ для корабельныхъ врачей восточно индѣйской компаніи, не имѣетъ претензій на ученость и не похожъ на произведенія знаменитыхъ итальянскихъ анатомовъ и врачей, вродѣ Фаллопія, Инграссіаса или Фабриція; но какъ карманная книга для употребленія въ случаѣ заболѣваній, она рекомендуетъ рессурсы и компетентность лондонской медицины. На корабляхъ трудно имѣть сложные аптекарскіе медикаменты и нѣкоторые изъ рецептовъ Вудаля замѣчательно просты и практичны. Въ самой Англіи и особенно при практикѣ среди богатыхъ людей въ настои, порошки и т. п. входило такое количество ингредіентовъ, искусство соединенія ихъ было окружено такой тайной, что довѣріе, которымъ пользовался врачъ, до значительной степени зависѣло отъ предполагаемой цѣнности его рецептовъ, а барыши аптекаря зависѣли отъ сложности этихъ рецептовъ. Во время чумы 1636 года коллегія врачей рекомендовала нѣкоторую противочумную воду въ двухъ формахъ, дорогой и дешевой, для богатыхъ и для бѣдныхъ. Теперь считается не вполнѣ добросовѣстнымъ писать такіе рецепты, которые понятны только одному аптекарю, съ которымъ имѣетъ дѣла медикъ; но даже въ восемнадцатомъ вѣкѣ были перворазрядные врачи, державшіеся именно такой системы. Въ 1618 году коллегія врачей подъ предсѣдательствомъ Аткинса рѣшилась на важный шагъ, на изданіе фармакопеи, въ которой извѣстныя средства были признаны «оффиціальными». Въ Парижѣ не задолго до этого времени происходили горячіе споры о признаніи медицинскими средствами нѣкоторыхъ металловъ, особенно антимонія; химическая школа или послѣдователи Парацельса отстаивали его употребленія, а традиціонная школа Галлена противилась этому. Лондонская коллегія была терпимѣе, такъ что Майернъ (или Тюрке), склонность котораго къ химіи была непріятна строгимъ правовѣрнымъ парижскимъ врачамъ, нашелъ болѣе удобнымъ переселиться въ столицу Англіи, гдѣ онъ скоро и занялъ выдающееся положеніе.

Медицинская наука въ Англіи.

Только при реставраціи практическая медицина начинаетъ значительно развиваться въ Англіи и къ ея голосу начинаютъ прислушиваться во всей Европѣ. За нѣсколько десятковъ лѣтъ до этого англичане уже становятся извѣстными, какъ анатомы и физіологи. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ эти науки процвѣтали въ заграничныхъ

школахъ, въ Падуѣ и въ Парижѣ. Въ Падуѣ съ 1539 года появился цѣлый рядъ замѣчательныхъ анатомовъ: Везалій (бельгіецъ), Колумбъ Фаллопій и Фабрицій (Faricius ab Aquapendente); у послѣдняго учился въ теченіе пяти или шести лѣтъ (1598—1604) Гарвей. Методъ Гарвея былъ до значительной степени методомъ падуанской школы, примѣняемымъ практическимъ и ясномыслящимъ англичаниномъ. Но уже до его смерти, въ 1657 году, и, несомнѣнно, отчасти вслѣдствіе его обученія и примѣра, появляется множество точныхъ анатомическихъ изслѣдованій и въ Англіи, изложенныхъ въ работахъ Глиссона, Уартона и Гайгмора; по имени каждаго изъ нихъ названы какая нибудь часть тѣла или ткань въ принятой терминологіи медицины во всѣхъ странахъ. Эти научныя свѣтила не всѣ жили въ Лондонѣ; Глиссонъ нѣсколько лѣтъ практиковалъ въ Кольчестерѣ и былъ профессоромъ въ Кембриджѣ раньше, чѣмъ пріѣхалъ въ Лондонъ; а Гайгморъ всю жизнь прожилъ въ Шерборнѣ. Изъ немногихъ медицинскихъ авторовъ этого вѣка были врачи, практиковавшіе въ Норвичѣ, Бристолѣ, Честерѣ и Бунтингфордѣ въ Гертфордширѣ. Примрозъ, писавшій противъ Гарвея и по многимъ другимъ вопросамъ, практиковалъ въ Туллѣ.

Медицина послѣ реставраціи.

Небольшая группа людей, собранія которыхъ съ цѣлями обсужденія научныхъ вопросовъ повели къ основанію королевскаго общества, состояла главнымъ образомъ изъ медиковъ и Philosophicale Transactions общества въ теченіе многихъ лѣтъ были собраніемъ разныхъ рѣдкихъ и интересныхъ случаевъ изъ медицинской практики. Еще важнѣе для репутаціи англійской медицины послѣ реставраціи были сочиненія врачей практиковъ, докторовъ Уиллиса, Сиденгама и Мортона. Впервые со времени «Rosa Anglisa» Джона Гаддесдена, но съ большимъ почетомъ для англійской медицины, сочиненія англійскихъ врачей воспроизводились время отъ времени за границей, какъ учебники, въ Ліонѣ, Женевѣ, Венеціи и Амстердамѣ. Сиденгамъ, котораго «Opera Omnia» перепечатывались чаще всего, сначала въ оригиналѣ по латинѣ, потомъ въ англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ, считался учителемъ двухъ или трехъ поколѣній врачей послѣ его смерти. Онъ пользовался извѣстностью не потому, чтобы былъ энциклопедистомъ и не потому, что его методъ былъ философскимъ; многихъ медицинскихъ вопросовъ онъ касался только случайно и онъ далъ только эскизъ общей паталогіи въ введеніи или предисловіи. Но онъ былъ одинъ изъ первыхъ, примѣнившихъ идею Бэкона, что болѣзни можно разсматривать какъ естественные виды, и описывалъ ихъ подробно или какъ мы теперь выражаемся, клинически, по методу естествознанія, а не какъ иллюстраціи того или другого ученія, причемъ ради послѣдовательности или гармоніи жертвовали иногда объективной реальностью. Сиденгамъ, конечно, былъ и теоретикомъ, какъ и всѣ врачи;

въ частности онъ былъ послѣдовательнымъ приверженцемъ способа охлажденія, пониженія температуры и доводилъ методъ кровопусканій до такой степени, что одинъ изъ его апологистовъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ считалъ необходимымъ отвѣчать на обвиненіе его въ «кровожадности». Но онъ обладалъ искусствомъ давать вѣрную картину болѣзни, какъ напр. въ его знаменитомъ описаніи подагры, которая ему была хорошо знакома по личному опыту, и въ его отчетахъ о многихъ другихъ болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ въ то время. Уиллисъ и Мортонъ оба были привлечены къ медицинѣ и отвлечены отъ ихъ первоначальнаго призванія къ церкви безпокойствами того времени; первый потому, что, будучи приверженцемъ системы Лоуда, жилъ и дѣйствовалъ какъ разъ при республикѣ; второй потому, что, будучи пуританиномъ, жилъ и дѣйствовалъ какъ разъ во время дѣйствія акта объ единовѣріи. Сочиненія Мортона, хорошо извѣстныя и въ Европѣ, не представляли полнаго изложенія медицины; они ограничиваются описаніемъ лихорадокъ (и оспы) и разныхъ родовъ воспаленій. Уиллисъ писалъ спеціально о лихорадкахъ и болѣзняхъ нервной системы; но его сочиненіе Pharmaceutice Rationalis уже представляетъ полный учебникъ искусства врачеванія, такъ что модный лондонскій врачъ Радклифъ, принадлежавшій къ послѣдующему поколѣнію, говорилъ, что онъ выучился всему, что онъ зналъ, изъ сочиненій Уиллиса.

Хирургія. Хирургія временъ реставраціи, лучшимъ изложеніемъ которой были Severall Chirurgical Treatises Ричарда Айземана (1676), представляется наукой уже почти современной. Хирургу нашего времени, можетъ быть, и нечему учиться у Айземана, но его не отдѣляетъ отъ Айземана непроходимая пропасть. Это отчасти объясняется просто языкомъ, на которомъ писалъ Айземанъ—англійскимъ языкомъ временъ Драйдена—а отчасти и тѣмъ, что содержаніе хирургіи всегда ближе къ реальностямъ, чѣмъ терапія; а реальности однѣ и тѣже во всякое время и понимаются людьми всѣхъ вѣковъ почти одинаково. Въ одномъ только имя Айземана соединяется въ нашемъ представленіи съ старыми суевѣріями. Какъ хирургъ Карла I, онъ осматривалъ больныхъ, которые должны были излечиться отъ золотухи королевскимъ прикосновеніемъ и присутствовалъ при этой церемоніи. Подборъ больныхъ основывался на примѣрѣ императора Веспасіана, котораго одинъ бѣднякъ въ Александріи просилъ помазать слюной его больные глаза и который сначала спросилъ своихъ медиковъ, излѣчима ли эта болѣзнь. Первый король въ лѣтописяхъ Англіи, къ которому многіе обращались за исцѣленіемъ, Эдуардъ Исповѣдникъ, былъ настолько извѣстенъ своей святостью, что онъ исцѣлялъ не только золотуху и слѣпоту, но и проказу. Когда Іаковъ I явился изъ Голируда въ Вестминстеръ и отъ него потребовали исполненія этой королевской обязанности, онъ заявилъ желаніе унич-

тожить этотъ суевѣрный обычай; но англійскіе министры замѣтили ему, что это будетъ умаленіемъ прерогативъ короны и обычай сохранялся еще въ теченіе сотни лѣтъ, до воцаренія Гановерской династіи. Вильгельмъ III не только раздѣлялъ отвращеніе Іакова I къ суевѣрію, но и рѣшился высказать его. При реставраціи требованіе на королевскія исцѣленія было такъ значительно, что Карлъ II наврядъ ли даже могъ отказаться отъ прикосновенія къ больнымъ, если-бы даже онъ и не былъ такимъ добродушнымъ государемъ. 28 марта 1684 года, расказываетъ Эвелинъ, шесть или семь человѣкъ были задавлены на смерть при дверяхъ придворнаго врача толпой людей, принесшихъ своихъ дѣтей, чтобы получить для нихъ королевское прикосновеніе. На эту церемонію собиралось смотрѣть все высшее лондонское общество. Карлъ II сидѣлъ въ королевскомъ одѣяніи въ Banqueting House, окруженный врачами, капеланами и лордомъ камергеромъ. Читались молитвы и евангеліе; дѣти по порядку подносились къ ступенямъ трона, гдѣ король прикасался рукой къ ихъ обѣимъ щекамъ, а капеланъ при каждомъ прикосновеніи произносилъ слова евангелія: «и наложилъ руки свои на нихъ и исцѣлилъ ихъ». Когда церемонія эта кончалась, дѣти подходили въ томъ же порядкѣ и король надѣвалъ каждому на шею бѣлую ленту съ медалью съ изображеніемъ ангела. Затѣмъ читали Посланіе апостола, особыя молитвы (изъ стараго молитвенника) и Благословеніе («Отпускъ»). Пеписъ замѣчаетъ, что король исполнялъ свою роль съ большой серьезностью. Прикосновеніе для изгнанія злого духа было однимъ изъ послѣднихъ политическихъ актовъ Іакова II (при іезуитѣ вмѣстѣ капелана) въ то самое время, когда Вильгельмъ Оранскій высадился въ Торбей. До самаго уничтоженія обычая, кажется, были медики, вѣрившіе въ него; когда ребенка Самуэля Джонсона его мать принесла въ 1712 году для прикосновенія королевы Анны, то она сдѣлала это по совѣту Лихфильдскаго врача Джона Флоейра—такъ, по крайней мѣрѣ, Босвель слышалъ отъ него самаго.

Общественное здравіе во время гражданскихъ войнъ. Чумная эпидемія и тифъ.

Самымъ важнымъ фактомъ по отношенію къ общественному здравію послѣ реставраціи была великая Лондонская чума въ 1665 году. Это была уже послѣдняя изъ многихъ эпидемій чумы въ исторіи столицы, и она интересна не только по ея смертности, но и потому, что является вопросъ, отчего она была послѣдней. Въ исторіи со времени черной смерти 1348 года не было, быть можетъ, другого такого періода въ восемь или десять лѣтъ, когда было бы одновременно такъ много эпидемій въ городахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ начинались во время осады городовъ или вскорѣ послѣ нихъ, какъ было въ Бристолѣ, Ньюваркѣ, Лихфильдѣ, Лидсѣ. Другія были обусловлены, или во всякомъ случаѣ усилены, передвиженіями войскъ, какъ было въ Честерѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ и городахъ южныхъ

и юго-западныхъ графствъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ число смертныхъ случаевъ, иногда старательно регистрируемыхъ по приказу военныхъ властей и печатавшихся въ формѣ табличекъ за недѣлю, доходило до четвертой или пятой части населенія. Эпидемія въ Честерѣ унесла 2053 человѣка въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ года; въ Лидсѣ эпидемія унесла 1325 человѣкъ, въ числѣ ихъ не было богатыхъ и высокопоставленныхъ людей; въ Лихфильдѣ 821 изъ обитателей двѣнадцати улицъ, въ Манчестерѣ около тысячи, въ Бристолѣ около трехъ тысячъ. Сильно пострадали Дублинъ, Килькенни, Гальвей и другіе города Ирландіи; Гальвей былъ положительно опустошенъ, онъ лишился не только бѣдняковъ, но и купцовъ. Въ Шотландіи эпидемія наиболѣе сильно свирѣпствовала въ Эдинбургѣ, Гласко и Абердинѣ; въ Абердинѣ и двухъ сосѣднихъ рыбачьихъ деревушкахъ въ теченіе года отъ чумы умерло около 1800 человѣкъ. Главной эпидеміей во время гражданской войны, кромѣ чумы, былъ тифъ. Насколько извѣстно, онъ свирѣпствовалъ только въ началѣ войны въ Оксфордширѣ и Беркширѣ, а въ Тивертонѣ и въ другихъ мѣстахъ спустя годъ послѣ начала войны. Благодаря ли лучшей дисциплинѣ войскъ при Ферфексѣ и Кромвелѣ, состоящихъ подъ главнымъ начальствомъ главнокомандующаго Эссекса или по какой либо иной причинѣ, этотъ обычный спутникъ войны, какъ среди солдатъ, такъ и среди народа, не замѣчался въ Англіи послѣ перваго или второго года войны, Англійская эпидеміологія можетъ указать на этотъ тифъ, какъ на единственный извѣстный въ Англіи въ теченіе многихъ вѣковъ, тогда какъ во время многочисленныхъ войнъ на континентѣ отъ начала шестнадцатаго вѣка до мира 1815 года эта эпидемія была обычной какъ въ лагеряхъ, такъ и въ мѣстахъ прохода армій.

Чума въ Лондонѣ.

Великая Лондонская чума, начавшаяся весной 1665 года, была замѣчательна, какъ перерывъ долгого періода, когда чумы не было, такъ что горожане могли надѣяться на полное ея прекращеніе навсегда. Въ теченіе шестнадцати лѣтъ было немного смертныхъ случаевъ отъ чумы, не больше шести или десяти въ годъ на всемъ громадномъ пространствѣ столицы, такъ что эти случаи не производили впечатлѣнія. Шестнадцать лѣтъ—это самый продолжительный изъ періодовъ свободы отъ эпидеміи. Въ царствованіе Елисаветы бывали періоды въ девять или десять лѣтъ, когда чумы въ Лондонѣ или совсѣмъ не было, или случаи заболѣванія ей были рѣдкими; точно также не было чумы и большую часть царствованія Іакова I, отъ 1611 до 1625 года. Люди за это время совсѣмъ позабыли о ней, потому чуму 1665 года, также какъ эпидеміи 1603 и 1625 годовъ, приписывали заносу изъ за границы—изъ Голландіи или Леванта, или какой нибудь другой страны, гдѣ эпидемія свирѣпствовала какъ разъ передъ появленіемъ ея въ Англіи. Съ истори-

ческой точки зрѣнія эта пріятная мысль, что чумная эпидемія чужда Англіи, оказывается невѣрной; эпидемія была внутренней, она таилась въ нашей почвѣ и существовала въ ней въ теченіе вѣковъ.

Нѣсколько соединенныхъ причинъ сдѣлали эпидемію 1665 года особенно сильной, но одна изъ нихъ въ особенности повліяла на время ея появленія. Этой причиной была крайняя сухость во время предыдущей зимы и весны. Продолжительные морозы, начавшіеся предъ Рождествомъ и продолжавшіеся до марта, малое количество дождей до іюня сдѣлали подпочву необычайно сухой до значительной глубины. Старики не запомнили такой засухи, а метеорологическихъ записей, которыми можно бы было опровергнуть такое мнѣніе, въ то время еще не было. Теперь извѣстно, что крайнее пониженіе подпочвенной воды или наполненіе воздухомъ поръ почвы до большой глубины, имѣетъ извѣстное отношеніе къ дѣятельности почвенныхъ ядовъ, однимъ изъ которыхъ мы можемъ считать чумный ядъ. При большой засухѣ возможно, что многія другія причины эпидеміи начинаютъ дѣйствовать съ особенной силой. Еслибы чума слѣдовала прецедентамъ, то она началась бы въ началѣ новаго царствованія, какъ было въ 1603 и въ 1625 годахъ, когда, несомнѣнно, ея появленію способствовало скопленіе народа въ столицѣ. Во время гражданскихъ войнъ Лондонъ былъ самымъ безопаснымъ отъ эпидемическихъ заболѣваній городомъ; онъ росъ въ то время, какъ другіе города пустѣли. Въ 1662 году Граунтъ считалъ его населеніе въ 460,000 человѣкъ, изъ которыхъ пятая часть жила въ болѣе правильно построенномъ, хотя и переполненномъ Сити; большая же часть бѣдныхъ классовъ населенія ютилась въ улицахъ и переулкахъ Криппльгета, Спитальфильдса, Уайтчапеля, Ваппинга, св. Олава и другихъ Соутваркскихъ приходовъ, въ Бермонцсеѣ, Невингтонѣ, Буттѣ, въ Ламбетѣ, С. Жильсѣ, въ западныхъ предмѣстьяхъ и въ Клеркенуэлѣ. Если старый городъ былъ въ плохомъ санитарномъ состояніи, то въ еще худшемъ состояніи были предмѣстья и отдаленные приходы; въ нихъ было мало главныхъ улицъ, кромѣ старыхъ сельскихъ дорогъ и на картѣ они производили впечатлѣніе не правильно расположенныхъ улицъ, а какого то безконечнаго лабиринта. Прежнія мѣста городскихъ свалокъ теперь были застроены, причемъ становилось все труднѣе и труднѣе находить мѣста для городскихъ отбросовъ и мѣста, удобныя для погребенія мертвыхъ. Почва подъ домами была, конечно, переполнена разлагавшимися органическими веществами, что должно было порождать чумные міазмы. Эпидемія начиналась и развивалась медленно, хотя было много случаевъ тифа и можно подозрѣвать, что во многихъ случаяхъ бывали ошибки въ діагнозѣ, т. е. что это былъ не тифъ, а чума. До первой недѣли іюня 1665 года записано только три смертныхъ случая отъ чумы; смертность начинаетъ медленно увеличи-

ваться въ теченіе іюня и въ началѣ іюля смертныхъ случаевъ было уже такъ много, что они доказывали приближеніе сильнѣйшей эпидеміи. Первый познакомился съ эпидеміей самый западный изъ приходовъ, «С. Жильса въ поляхъ», наиболѣе высокая въ тогдашнемъ Лондонѣ мѣстность. Эпидемія двигалась медленно внизъ по Гольборну, чрезъ Клеркенуэль къ Криппльгэту и къ Сити и съ той же медленностью достигла Соутваркскихъ приходовъ. Ея ходъ можно прослѣдить по недѣльнымъ таблицамъ смертности, составленнымъ по записямъ клерковъ и пономарей (секстоновъ, завѣдующихъ кладбищами) ста сорока приходовъ. Благодаря изученію этихъ недѣльныхъ статистическихъ таблицъ Дефо былъ въ состояніи написать свой извѣстный разсказъ на почвѣ установленныхъ фактовъ. Такъ эти таблицы указываютъ на фактъ медленнаго движенія отъ запада къ востоку, что позволило Дефо въ его «Журналѣ чумнаго года» дать событіямъ чисто драматическое развитіе. Въ то время, какъ эпидемія возбуждала панику въ С. Жильсѣ, дѣла въ Сити, въ восточныхъ приходахъ и въ Боругѣ шли какъ обыкновенно; когда дошла очередь до Криппльгэта, Уайтачапеля и Степнея (къ осени), въ С. Жильсѣ и С. Мартинѣ эпидемія уже кончилась. Въ концѣ августа Пеписъ, остававшійся въ своей казенной квартирѣ въ адмиралтействѣ, въ Ситенгъ-Лэнъ, отъ одного конца Ломбардъ Стритъ до другого встрѣтилъ не больше двадцати человѣкъ и не больше пятидесяти у биржи; а черезъ недѣлю Эвелинъ, идя изъ его дома близь Дептфорда, нашелъ, что улица отъ старой Кентской дороги чрезъ Сити до С. Джемса почти пусты, лавки закрыты и у дверей домовъ множество гробовъ. Худшимъ временемъ была первая половина сентября; тогда среднее число смертныхъ случаевъ отъ чумы доходило до тысячи въ день, кромѣ почти двухсотъ смертныхъ случаевъ въ день отъ другихъ извѣстныхъ причинъ. Естественно, что остановка въ работахъ и въ торговлѣ породила много нищеты; тѣмъ не менѣе рынки были полны, цѣна хлѣба поднялась не много или даже не поднялась, лордъ мэръ, къ счастію бывшій дѣятельнымъ человѣкомъ, ежедневно засѣдалъ въ Мансіонъ-Гоузѣ и выдавалъ пособія изъ сборовъ, дѣлаемыхъ по всей Англіи. Къ концу октября эпидемія ослабѣла; улицы снова приняли свой обычный дѣловой видъ, но многіе просили милостыни; нѣкоторые изъ нищихъ только еще поправлялись отъ чумы, многіе хромали отъ загноеній въ пахахъ—частаго симптома при выздоровленіи во время ослабленія эпидеміи. Сравнительно съ эпидеміями 1603 и 1625 годовъ, о которыхъ мы имѣемъ яркія описанія достовѣрныхъ свидѣтелей, въ 1665 году, вѣроятно, было меньше разграбленія домовъ, оставленныхъ ихъ обитателями и, несмотря на страшныя картины, нарисованныя Дефо, было все-таки болѣе приличія при похоронахъ. Почти всѣ духовныя лица, городскія власти и доктора убѣжали, а также

и всѣ богатые люди. Нѣкоторые изъ священниковъ, три года тому назадъ лишенные мѣстъ, заняли теперь кафедры церквей въ Сити, такъ что «замолчавшее» духовенство или нонкоформисты въ это опасное время добились нѣкоторой свободы общественнаго богослуженія и потомъ не утратили ее. Въ числѣ оставшихся въ Лондонѣ врачей были двое извѣстные своими научными трудами, Глиссонъ и Уартонъ, и другъ Мильтона Пажетъ. Нѣкоторые изъ высшихъ придворныхъ оставались въ городѣ для занятія общественными дѣлами и послѣ король подарилъ имъ за это серебрянные кубки. Общая смертность этого года равняется 97,386, изъ которыхъ, только 68,596 человѣкъ показано умершими отъ чумы; хотя вѣроятно, что и изъ остальныхъ двѣ трети тоже умерли отъ чумы. Исполнялся старый обычай «запирать» зараженные дома (пока дѣло не дошло до того, что нужно было запереть почти всѣ дома въ улицѣ) и такъ какъ такое запираніе домовъ, разъ въ нихъ замѣчались признаки чумы, увеличивало опасность для всѣхъ обитателей дома, то понятно, что люди подкупали осматривающихъ, чтобы они назвали болѣзнь какъ нибудь иначе. Въ нѣкоторыхъ изъ деревень и городовъ вблизи Лондона въ 1665 году были тоже смертные случаи отъ чумы, потому что многіе изъ лондонцевъ бродили по сосѣднимъ графствамъ, какъ три человѣка изъ Ваппинга, о которыхъ разсказываетъ Дефо. Но хотя бѣжавшіе изъ Лондона, въ особенности зажиточные люди, разошлись по всей Англіи, эпидемія далеко не была повсемѣстной. Эпидемія въ Эйямѣ въ Дербиширѣ, о которой часто разсказывали, и которая продолжалась и на другое лѣто и оставила изъ всего населенія почти въ триста человѣкъ въ живыхъ только тридцать человѣкъ (кромѣ, конечно, тѣхъ, которые убѣжали), была почти единственнымъ случаемъ въ сердцѣ Англіи. Эпидеміи совсѣмъ не было (кромѣ немногихъ случаевъ на Уирѣ и Тайнѣ) на всемъ сѣверѣ, западѣ и юго-западѣ; на югѣ же эпидемія была главымъ образомъ въ докахъ и въ корабельныхъ станціяхъ, приготовлявшихся тогда къ войнѣ съ Голландіей; эпидемія въ 1665 и 66 годахъ свирѣпствовала главнымъ образомъ въ восточныхъ графствахъ, мало пострадавшихъ отъ чумы во время гражданскихъ войнъ. Въ Ярмутѣ эпидемія началась даже раньше, чѣмъ въ Лондонѣ; въ Кольчестерѣ она была причиной смертности высшей, чѣмъ въ какой либо изъ періодовъ времени (4817 случаевъ); въ Кембриджѣ и въ Петерборо эпидемія была тоже очень сильной, въ послѣднемъ она продолжалась и весной 1667 года и тамъ она была послѣдней чумной эпидеміей въ Англіи. По нѣскольку случаевъ было каждогодно въ Лондонѣ до 1679 года и потомъ смертность отъ чумы совершенно исчезаетъ изъ таблицъ смертности. Злокачественный тифъ въ 1685 году былъ такъ похожъ на обычнаго предшественника прежнихъ большихъ чумныхъ эпидемій, что въ Лондонѣ боялись новаго поя-

вленія чумы и кажется, что даже Сиденгамъ раздѣлялъ это опасеніе. Но въ силу какихъ то неизвѣстныхъ причинъ эпидеміи чумы болѣе не появлялись.

Общественное здоровье послѣ чумы. Дѣтская смертность.

Лондонъ скоро поправился отъ утраты пятой части своего населенія. Черезъ два года число рожденій достигло прежней цифры и даже превысило ее. Но состояніе общественнаго здравія въ Лондонѣ и не только въ его части «за стѣнами», гдѣ жило большинство населенія, но и въ Сити послѣ того, какъ оно было «очищено огнемъ»—не улучшилось послѣ окончанія эпидеміи. Въ три послѣдовательные тринадцатилѣтніе періоды, въ первый изъ которыхъ входитъ и чумный годъ, средняя годовая смертность равнялась:

1653—1665	19946.
1666—1673	17990.
1679—1691	22237.

Увеличеніе смертности въ послѣдній періодъ объясняется увеличеніемъ населенія, разселившагося теперь далеко къ западу, до сквера Краснаго Льва, сквера Сого, „Семи Часовъ“ (Seven Dials) и по Пиккадилли до Гайдъ-Парка; Моорфильдсъ тоже быстро застроился тотчасъ же послѣ пожара 1666, раньше перестройки Сити. Но принимая даже во вниманіе это увеличеніе населенія, все-таки средняя годовая смертность немного меньше смертности въ старое чумное время. Ни въ одномъ году послѣ прекращенія чумы до послѣдняго десятилѣтія восемнадцатаго вѣка по записямъ приходскихъ клерковъ мы не замѣчаемъ превышенія крещеній надъ погребеніями и въ большинствѣ лѣтъ разница между этими двумя цифрами такъ велика, что ее никакъ невозможно объяснить небрежной записью крещеній. Съ другой стороны, въ первомъ періодѣ бывали годы между эпидеміями, когда число крещеній было больше числа погребеній иногда на 25%. Но если въ чумные годы смертность была большей среди взрослыхъ, то есть основаніе полагать, что въ другіе годы большая смертность объясняется смертностью дѣтей. Число смертныхъ случаевъ среди дѣтей отъ реставраціи до конца восемнадцатаго вѣка было громадное; въ нѣкоторые годы смертность дѣтей ниже двухлѣтняго возраста доходила до двухъ третей общей смертности и до половины числа всѣхъ рожденій. Главной причиной такой громадной дѣтской смертности была таже діаррея лѣтомъ, которая уноситъ и теперь столько слабыхъ дѣтей въ мануфактурныхъ и приморскихъ городахъ. Въ каждое изъ послѣдовательныхъ жаркихъ лѣтъ 1669—71 года въ Лондонѣ въ теченіи восьми или десяти недѣль умерло не меньше двухъ тысячъ дѣтей. Эпидемія кори 1674 года, первая сильная эпидемія, о которой мы имѣемъ отчетъ, имѣла слѣдствіемъ въ первые мѣсяцы года смертность большую, чѣмъ отъ сильной эпидеміи оспы въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ того же года.

Среди взрослыхъ величина смертности увеличивалась не только вслѣдствіе этой послѣдней эпидеміи, но и вслѣдствіе тифа—и это не только въ переполненныхъ бѣдныхъ кварталахъ, но и въ богатыхъ и даже знатныхъ домахъ. Вообще, вѣроятно, что общественное здравіе въ столицѣ было въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ другихъ городахъ и въ провинціи вообще. Но въ нѣкоторыя нездоровыя времена года, какъ напр. въ 1669—71, въ 1678—80, 1685—86 и 1688—89 годахъ, въ нѣкоторыхъ рыночныхъ городахъ и въ сельскихъ приходахъ число погребеній превышало число крещеній, причемъ спеціальными причинами большой смертности были лихорадки, эпидеміи, инфлюэнцы и оспа. Голодовокъ и даже дорогихъ годовъ не было съ 1661 года. Даже самое представленіе о голодѣ не было знакомо англичанамъ, потому что Пеписъ записалъ въ свой дневникъ 9 апрѣля 1662 года слѣдующее: «сэръ Георгъ (Картеретъ) показалъ мнѣ отчетъ о голодѣ во Франціи, составляющемъ теперь крайнее бѣдствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи; это очень странно и удивительно».

Раздѣленіе общества на классы.

Смита.

При реставраціи мы встрѣчаемъ типы и идеи временъ Тюдоровъ. Съ слѣдующимъ поколѣніемъ, при революціи, мы уже имѣемъ дѣло съ новой Англіей. Маколей указываетъ на рѣзкій контрастъ между Англіей того времени и Англіей въ царствованіе королевы Викторіи. И тѣмъ не менѣе существенныя характерныя черты теперешней Англіи уже замѣчаются и въ то время. Уже существовали конституціонная монархія и опредѣленіе престолонаслѣдія парламентомъ; постоянная армія и кабинетская система управленія уже находились въ стадіи развитія; пресса фактически была свободна; религіозная терпимость была уже логической необходимостью; на политическомъ горизонтѣ уже появлялись крупные факты: французскихъ войнъ, національнаго долга, колоніальной и индѣйской имперіи. Потому то теперь особенно интересно опредѣлить различные общественные классы, получившіе позже отдѣльное бытіе. По существу, это тѣже общественные классы, которые существуютъ и теперь, а не религіозныя секты и тѣмъ менѣе феодальныя сословія или касты.

После окончательнаго паденія феодальнаго общественнаго строя, реформація стремилась замѣнить его строемъ, соотвѣтствующимъ религіознымъ и политическимъ различіямъ и вѣрованіямъ. Эта тенденція еще болѣе усиливается во время пуританскаго движенія. Но

Населеніе и производство.

теперь, послѣ того, какъ пуританство израсходовало свои лучшія силы и перестало служить раздѣльной линіей для общественныхъ группъ, могли появиться, такъ сказать, естественныя наслоенія, т. е. классы, имѣющіе чисто соціальныя различія, вродѣ богатства или профессіи. Потому въ царствованіе Карла II, вопреки «кодексу Кларендона», пропасть между пуританами и прелатистами становится все менѣе и менѣе глубокой. Въ теченіе цѣлаго 1860 года были слухи, что крайняя часть пуританской партіи что то собирается дѣлать, но анабаптистское движеніе разрѣшилось неудачнымъ возстаніемъ Веннера и когда весной 1661 года въ Сити были избраны индепенденты, вся страна своими выборами въ парламентъ довольно не двумсмысленно показала, что она рѣшительно не желаетъ религіозной борьбы. Правда, заключеніе Пеписа, будто религія есть «ничто иное, какъ мода», было нѣсколько поспѣшнымъ. Реставрація была гораздо болѣе соціальной, чѣмъ политической, реакціей. Она была возсозданіемъ старой соціальной системы, возвращеніемъ лордамъ и дворянству, законникамъ и духовенству ихъ прежняго положенія. Нѣкоторые писатели предлагали даже планъ созданія постоянныхъ и рѣзкихъ разграниченій между классами, какъ было во Франціи. Дворянство должно было быть поставлено надъ массами, общинники должны ограничиваться занятіями торговлей и промышленностью, судебныя функціи должны быть поручены духовенству, и такъ далѣе. Наиболѣе полное понятіе о положеніи и отношеніяхъ различныхъ общественныхъ классовъ можно составить по современнымъ показаніямъ Грегори Кинга. Онъ считаетъ все населеніе Англіи въ пять съ половиной милліоновъ. Съ 1583 года оно почти удвоилось. Его показаніе составлено главнымъ образомъ на основаніи дохода отъ подымнаго налога. При провѣркѣ его изслѣдованіемъ, сдѣланнымъ при Вильгельмѣ III и расчетами Финлейсона, извлеченными изъ приходскихъ регистровъ, окажется, что его исчисленіе нѣсколько преувеличено и новѣйшее исчисленіе даетъ цифру, не большую пяти милліоновъ. Это означаетъ, что страна достигла высшей степени населенности при существовавшей въ то время системѣ земледѣльческаго производства; это доказывается и высокой средней цѣной пшеницы отъ 1650 до 1690 года. Считали, что половина земли королевства состояла изъ болотъ и лѣсовъ. Счетные книги семнадцатаго вѣка указываютъ, какое громадное количество дичи потреблялось богатыми. Землемѣръ Норденъ разсказываетъ, что лѣса въ Суссексѣ давали топливо 140 желѣзодѣлательнымъ заводамъ, а также многочисленнымъ стекляннымъ заводамъ въ Сюррѣ. Нѣкоторыя части королевства сильно отстали отъ другихъ въ сферѣ матеріальной цивилизаціи. Общая сумма поземельнаго налога 1693 года, падавшая на шесть сѣверныхъ графствъ, была почти равна суммѣ налога, падавшаго на одинъ Гантсъ или Уильтсъ или

Глочестеръ и гораздо меньше налога одного изъ другихъ графствъ: Кента, Сюррея, Суссекса, Девона, Сомерсета, Эссекса, Суффолька и Норфолька). Тоже самое выходитъ, если мы сравнимъ распредѣленіе корабельной подати или ежемѣсячнаго подоходнаго налога при республикѣ или налога, взимаемаго вмѣсто феодальныхъ повинностей въ 1660 году, или налога для бѣдныхъ 1689 года. Положеніе Іоркшира или Валлиса было не лучшимъ. Такимъ образомъ въ большомъ округѣ къ сѣверу отъ Гумбера, занимавшемъ пятую часть Англіи, было менѣе седьмой части всего населенія страны. И въ этомъ округѣ въ Дербиширѣ, Линкольнширѣ и Валлисѣ отношеніе трубъ къ обитаемымъ домамъ измѣнялось отъ $1^1/_4$ до $1^1/_2$; въ Дорсетѣ или Девонѣ оно было почти $2^1/_2$. Одинъ писатель въ 1670 году говоритъ, что на западѣ цѣна земли равняется ея доходу въ теченіе 28 лѣтъ, а на сѣверѣ только доходу въ теченіе шестнадцати лѣтъ—на этомъ сѣверѣ сторожевыя башни были еще необходимы, какъ убѣжище, окружные судьи при объѣздахъ нуждались въ сильномъ вооруженномъ конвоѣ, власти должны были собирать вооруженную милицію для защиты собственности, а приходы держали гончихъ собакъ для погони за разбойниками.

Средній доходъ лицъ отдѣльныхъ классовъ. Дворянство.

Въ любопытномъ вычисленіи Грегори Кинга раздѣленія общества на классы въ 1688 году, онъ считаетъ численность знати и дворянства въ 16,000, купцовъ, духовенства, законниковъ и гражданскихъ чиновниковъ по 10,000 въ каждой профессіи, людей свободныхъ профессій 15,000, офицеровъ арміи и флота 9000, средній доходъ рыцаря онъ считаетъ въ 650 фунтовъ, эсквайра въ 450, а джентльмена въ 280. Чтобы перевести эти суммы на настоящія деньги, ихъ слѣдуетъ увеличить въ пять или шесть разъ; было бы заблужденіемъ настаивать особенно сильно на грубой жизни деревенскаго дворянства, на его необразованности и предразсудкахъ. Если дворяне и были наполовину мужиками, то вмѣстѣ съ тѣмъ по происхожденію они были на половину знатью, а по выучкѣ чиновниками. По обычаю и по фактической монополіи, даваемой ихъ положеніемъ, они держали въ своихъ рукахъ высшія должности въ арміи, во флотѣ и въ милиціи, мѣста мировыхъ судей, лучшія изъ церковныхъ бенефицій и имѣли большую долю въ многочисленныхъ и через-чуръ хорошо оплачиваемыхъ общественныхъ должностяхъ. Изъ рядовъ дворянства рекрутировалась палата лордовъ, такъ какъ при Стюартахъ прекратилось 99 родовъ перовъ и было назначено 193 новыхъ перовъ и 800 баронетовъ. Фактически лорды и дворянство (джентри) составляли одинъ сильный правящій классъ и церковь все болѣе и болѣе отождествляла свои интересы съ ихними. Test Ast и назначенія духовныхъ въ число членовъ съѣзда мировыхъ судей до значительной степени содѣйствовали этому. Политическая жизнь, въ центрѣ испорченная и подкупная, въ провинціи была

энергичной и въ цѣломъ добросовѣстной. Революція и Habeas Corpus Act составляютъ доказательство силы и здоровья «сельской партіи». Мы можемъ считать Мастерса изъ Кента, счетныя книги котораго дошли до насъ, типичнымъ англійскимъ сквайромъ того времени. Доходъ его былъ равенъ 300—400 фунтовъ, онъ воспитывался въ Кембриджѣ, держалъ лошадей и кареты и множество слугъ, онъ могъ покупать дорогіе парики и бобровыя шапки. То обстоятельство, что онъ отсталъ отъ своего прежняго пуританскаго воспитанія, доказывается замѣной въ его библіотекѣ книги Бакстера «Saints Rest» «Гудибрасомъ» Бутлера.

Духовенство. Общій доходъ духовенства оцѣнивался всего въ 500,000 фунтовъ. Это не была уже великая церковь среднихъ вѣковъ, захватывавшая всѣ профессіи, господствовавшая надъ государствомъ и близко связанная съ баронствомъ. Въ 1685 году только два епископа были дѣтьми перовъ. Сельскіе пасторы обыкновенно были и бѣдными и невѣжественными. Между ними и учеными и вліятельными городскими проповѣдниками была цѣлая пропасть. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что все еще существовала сильная іерархія, что конвокація дѣйствовала до 1717 года, что въ націи и въ самой церкви было сильное церковническое настроеніе и что духовенство было на порогѣ къ быстрому своему возвышенію на общественной лѣстницѣ.

Іемены. Названіе Іеменовъ употребляютъ часто какъ общее обозначеніе всѣхъ людей средняго класса, стоявшаго ниже дворянства. Но въ строгомъ смыслѣ этого слова, оно означало только фригольдеровъ, которыхъ, какъ полагаютъ, было 180,000 семей, около шестой части всего населенія. Достаточнымъ и яснымъ свидѣтельствомъ объ ихъ политическомъ и религіозномъ настроеніи, объ ихъ средствахъ и ихъ боевыхъ качествахъ служатъ гражданская война и республика. По показанію Чамберлейна «обычный и не рѣдкій доходъ фригольдера въ нѣкоторыхъ графствахъ равнялся 100 или 200 фунтовъ, к въ Кентѣ и Суссексѣ иногда 500 или 600 фунтовъ въ годъ и 3000 или 4000 капитала». Въ Кентѣ сто лѣтъ позже еще было около 9000 фригольдеровъ. Но къ концу семнадцатаго вѣка крупные поземельные собственники начинаютъ уже скупать земли фригольдеровъ. Купцы тоже стремятся къ тому, чтобы сдѣлаться поземельными собственниками. Такимъ образомъ уничтоженіе класса іеменовъ уже началось. Этому содѣйствовали и политическія и соціальныя и экономическія причины, и имъ, вѣроятно, помогъ и Statute of Frauds (о подлогахъ 1666 года, на основаніи котораго требовали письменныхъ доказательствъ владѣнія.

Фермеры. Классъ фермеровъ былъ, вѣроятно, нѣсколько меньше, Грегори Кингъ считаетъ средній доходъ фермера равнымъ 42 фунтамъ 10 шиллингамъ, а среднее владѣніе въ сорокъ или пятьдесятъ акровъ;

есть доказательства, что въ цѣломъ положеніе этого класса не было удовлетворительно. Фермеры были невѣжественны, состояніе земледѣлія было неразвитымъ; по указанію Нордена между ними господствовала «безумная конкуренція», которая повела къ практикѣ «штрафовъ» (fines) т. е. собственно говоря, къ конфискаціи сдѣланныхъ фермеромъ улучшеній. Рента была высокой; тотъ же Норденъ говоритъ, что она равнялась 5 ш. 6 д. за акръ пахатной земли и 9 ш. 8 д. за акръ пастбища, и хотя причины неясны, но несомнѣнно, что рента чрезвычайно повысилась въ этомъ столѣтіи. Въ помѣстьяхъ С. Джона въ Кембриджѣ рента въ 1666 году была 537 фунтовъ, а «старая рента» только 140 ф. Такое повышеніе ренты доказывается и ренталами Голкгама и Бельвуара. На основаніи этихъ данныхъ разсчитываютъ, что арендаторъ 200 акровъ долженъ былъ платить 60 фунтовъ ренты, заработной платы 78 фунтовъ, десятины 20 фунтовъ, на его пропитаніе оставалось 30 фунтовъ и 37 ф. процентовъ на капиталъ (400 ф.). Цѣна зерна отъ 1660 до 1685 года была умѣренной; но фермерское дѣло было довольно разнообразнымъ и спекулятивнымъ.

Загораживаній, въ смыслѣ обращенія пахатной земли въ пастбища и разработки общинныхъ земель и пустошей, повидимому, было меньше въ этомъ столѣтіи сравнительно съ предыдущимъ. Вѣкъ загораживаній въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ превращенія владѣній въ открытыхъ поляхъ въ «особняки» (Severalties), почти еще не начинался. Писатели о земледѣліи въ этомъ столѣтіи, нападая на выгодность системы открытыхъ полей, говорятъ о ней, какъ объ общераспространенной; «при загораживаніи поля принесутъ втрое больше». Профессоръ Ашли считаетъ, что въ восьми графствахъ земли были почти всѣ огорожены, но по крайней мѣрѣ въ четырнадцати смѣшанныя и общинныя владѣнія были еще обычными.

Земледѣльческіе рабочіе.

Англія была еще страной главнымъ образомъ земледѣльческой и многочисленный классъ, который мы теперь называемъ земледѣльческими рабочими, вѣроятно, въ 1685 году равнялся двумъ съ половиной милліонамъ людей. Заработная плата кровельщика (соломой) въ 1641 году лѣтомъ равнялась 6 д. съ пищей три раза въ день; но гражданская война повысила платы. Кромѣ того законъ, что заработная плата должна періодически опредѣляться мировыму судьями, давно не исполнялся. Напримѣръ, въ Варвикширѣ въ 1684 году мировой съѣздъ пытался установить заработную плату въ 8 д. въ день; и обычная плата земледѣльческому рабочему въ это время въ дѣйствительности была 1 шиллингъ въ день.

Рабочіе занимались тогда и подсобными домашними промыслами; они пряли и ткали дома шерсть и ленъ и продавали въ рыночномъ городѣ. Мясо было очень дешево, цѣна пшеницы отъ 1660—1685

года была ниже средней цѣны за сто лѣтъ; но хлѣбъ пекли больше изъ ячменя, чѣмъ изъ пшеницы, какъ это видно изъ одного современнаго статута. Тѣмъ не менѣе рабочіе уже начинали чувствовать нужду, скоро понизившую ихъ плату. Хлѣбные законы въ новой ихъ формѣ были изданы въ 1661 и 1664 годахъ. Цѣна необходимыхъ для жизни продуктовъ увеличилась; уголовные законы того времени всей своей тяжестью падали на бѣдные классы и революція 1689 года такъ же, какъ и реставрація въ 1660 году, была побѣдой знати, дворянства и богатой буржуазіи.

Населеніе городовъ. Законы о бѣдныхъ.

Въ городахъ жило около 1.400.000 человѣкъ. Но изъ этого числа на одинъ Лондонъ приходилось полъмилліона. Въ Бристолѣ и Норвичѣ было по 30.000 жителей, въ Іоркѣ и Эксетерѣ только по 10.000, въ Манчестерѣ 6.000, въ Шеффильдѣ и Бирмингамѣ по 4.000. Средній заработокъ ремесленника равнялся 14 ш. 7 д. въ недѣлю. Сукно производилось въ Западномъ Ридингѣ въ Іоркширѣ, и въ округахъ между Уитнеемъ, Сиренчестеромъ, Бристолемъ и Шерборномъ, а бязь, саржа и крепы въ восточныхъ графствахъ. Во многихъ округахъ была развита желѣзодѣлательная промышленность. Но вѣкъ крупной промышленности еще не наступалъ.

Объ общемъ отношеніи къ рабочему классу можно судить по отзывамъ двухъ современниковъ. Кингъ утверждалъ, что почти половина націи уменьшаетъ національное богатство, потому что расходъ ея больше дохода и это онъ доказываетъ ссылкой на сборы для бѣдныхъ. Давенантъ замѣчаетъ, что несмотря на существованіе законовъ о бѣдныхъ, многіе бѣдные ежегодно умираютъ отъ голода. Вся сумма налога для бѣдныхъ равнялась 665.362 фунтовъ въ 1685 году, т. е. суммѣ, равной акцизу или трети всѣхъ доходовъ государства, тогда какъ теперь эта сумма меньше одной восьмой. Тяжелѣй всего этотъ налогъ падалъ на восточныя графства, благодаря притоку туда населенія, вызываемому появленіемъ новыхъ промышленностей. Это обстоятельство и раздраженіе промышленниковъ противъ новыхъ конкуррентовъ, объясняетъ «Законы устроенія» (Settlement Laws), которые намъ кажутся теперь и нелѣпыми и жестокими. Законы о бѣдныхъ были величайшими врагами рабочаго класса и уже въ то время были люди, доказывавшіе, что это «важнѣйшій изъ англійскихъ вопросовъ». Съ этого времени появляется громадная литература по этому вопросу. Чайльдъ предлагалъ устройство комитета «отцовъ бѣдныхъ», съ деспотической властью и съ большими средствами. Станлей предлагалъ учрежденіе исправительнаго дома въ каждомъ графствѣ и опекуна для надзора за бродягами (Vagrant ward). Яррантонъ предлагалъ подробный планъ, чтобы «заставить всѣхъ бѣдныхъ работать, погубить голландцевъ безъ войны, заплатить долги безъ денегъ, уничтожить кляузничество и гражданскіе процессы и сдѣлать рѣки судоходными» — и все это должно

быть сдѣлано государствомъ, поддерживающимъ производство льна и желѣза. Скромнѣе былъ планъ доставленія бѣднымъ работы сэра Матью Гэля. Вообще было много предложеній; нѣкоторыя изъ нихъ, по замѣчанію Эдена были «столь же осуществимы, какъ совѣтъ, даваемый дѣтямъ, ловить птицъ, насыпая имъ на хвостъ соли». Дѣло въ томъ, что въ исторіи законовъ о бѣдныхъ начинается теперь періодъ, о которомъ трудно высказать свое мнѣніе въ приличныхъ выраженіяхъ — эти законы о бѣдныхъ достигаютъ своего полнаго развитія во время наполеоновскихъ войнъ, и періодъ этотъ закончился только съ реформой 1834 года, новыми законами о бѣдныхъ.

Общественная жизнь.

Батесона.

Тѣ, которые на вѣру утверждаютъ, будто «возвышенныя намѣренія должны приводить и къ возвышеннымъ послѣдствіямъ», должны будутъ признать, что реставрація опровергаетъ такое положеніе. Такимъ людямъ послѣднее должно представляться горше перваго; люди стремились къ лучшему какъ будто затѣмъ только, чтобы другимъ было труднѣе добиться хорошаго. Неудача была всего замѣтнѣе именно въ томъ, на что были направлены величайшія усилія дѣятелей. Люди уничтожили дворъ съ его порочностью, а въ результатѣ получилось возстановленіе двора съ пороками еще худшими. Вѣра и надежды людей оправдались только въ тѣхъ отношеніяхъ, которыхъ они не предвидѣли и которыхъ даже не имѣли въ виду. Они неразумно вызвали къ существованію силы, дѣятельность которыхъ вела къ ослабленію интеллигентности въ городахъ и деревняхъ—а ихъ потомки начали пользоваться своими творческими способностями и своимъ разумомъ; событія, выходящія изъ сферы личныхъ и семейныхъ дѣлъ, начинаютъ возбуждать общій и небывалый раньше интересъ. Вожди республики совсѣмъ не стремились къ этому; но это было естественнымъ послѣдствіемъ того, что они настаивали на религіозной, духовной сторонѣ человѣческой природы въ такое время, когда религіозные и политическіе вопросы не раздѣлялись; они сдѣлали религію такой, какой она раньше не была: интеллектуальной, и этимъ они проложили дорогу для дѣятельности разума вообще. Теперь становится модой быть свѣдущимъ въ вопросахъ научныхъ, художественныхъ, литературныхъ и политическихъ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ новаго общественнаго класса диллетантовъ (virtuosi) только проявляли интеллектуальныя стремле-

нія, совсѣмъ не обладая ими, потому что такія стремленія открывали имъ доступъ въ лучшее общество; можетъ быть, нѣкоторые дѣлались политиками потому, что была мода болтать о политикѣ, но во всякомъ случаѣ существованіе подобныхъ стремленій всегда имѣетъ цивилизующее вліяніе на всю страну.

Вліяніе двора. Кто захочетъ отстаивать тотъ парадоксъ, что идеалы республики породили бѣдствія и злоупотребленія реставраціи, тотъ съ одинаковымъ правомъ можетъ утверждать, что упадокъ нравственности въ Англіи обусловливался добродѣтелями или, вѣрнѣе сказать, дарованіями Карла II и его придворныхъ, а отнюдь не ихъ пороками. Эти дарованія заставляли людей считать безнравственность частью хорошаго воспитанія и положительно необходимой для прелести свѣтской жизни. Бёрнетъ, говоря о манерахъ Карла II, утверждаетъ, что «нѣтъ достаточныхъ выраженій для похвалы имъ; онъ былъ вполнѣ благовоспитаннымъ человѣкомъ, очень доступнымъ, свободнымъ въ разговорѣ и кроткимъ и пріятнымъ во всемъ его поведеніи».

Быстрота пониманія и наблюдательность дали Карлу репутацію умника, но по мнѣнію маркиза Галифакса [1]) онъ былъ способнѣе къ черезъ чуръ широкимъ выводамъ о чемъ угодно и по всякому поводу, чѣмъ это согласимо съ тѣмъ хорошимъ воспитаніемъ, которое онъ проявлялъ во всемъ. Лицемѣріе прежняго времени заставляло людей полагать, что они не могутъ погрѣшить, если будутъ показывать свое отвращеніе къ этому лицемѣрію, и это вело къ разнузданности въ разговорахъ, причемъ совершенно забывали о приличіяхъ, раньше соблюдаемыхъ».

Эгоистичность и двуличность Карла II дѣлали его циникомъ въ его мнѣніяхъ о всѣхъ людяхъ, и благодаря его вліянію цинизмъ сдѣлался признакомъ «изящнаго джентльмена». Съ другой стороны, онъ не виновенъ въ возрожденіи привычки къ яростнымъ ругательствамъ, отличавшей времена первыхъ Стюартовъ; его обычнымъ восклицаніемъ было: ódds fish; нужно прибавить, что ни онъ, ни его братъ не были ни ярыми пьяницами, ни ярыми игроками, хотя эти пороки царили при ихъ дворѣ. Намъ здѣсь незачѣмъ распространяться объ его многочисленныхъ любовницахъ; достаточно будетъ сказать, что ихъ существованіе публично признавалось и что двѣ изъ нихъ были назначены статсъ дамами королевы (ladies of bedchamber) [2]).

Въ то время люди высоко цѣнили жизненныя наслажденія и, однако, у насъ нѣтъ доказательствъ, чтобы особенно стремились къ

---

[1]) Character of Charles II—Галифакса, издано въ 1750 г.

[2]) Поразительный контрастъ съ придворными нравами представляетъ біографія Маргариты Бляггс (изданная послѣ ея смерти Эвелиномъ), фрейлины герцогини Іоркской, святой среди грѣшниковъ.

разнообразію и новизнѣ этихъ наслажденій. Карлъ II, его придворные и ихъ прихвостни каждый день съ неутомимымъ упорствомъ посѣщали театръ. Король регулярно упражнялся для здоровья въ гимнастикѣ, регулярны были и дѣловыя занятія и развлеченія, позволительныя и непозволительныя. Онъ каждое утро гулялъ въ Ньюмаркетѣ, каждый полдень послѣ обѣда отправлялся на скачки, оттуда на пѣтушьи бои, потомъ въ театръ, а послѣ ужина къ любовницѣ, герцогинѣ Портсмутъ [1]).

Развлеченія при дворѣ. Театръ. Карты и другія развлеченія.

Пьесы въ Ньюмаркетѣ «игрались въ балаганѣ обыкновенными ярмарочными комедіантами», но онѣ посѣщались дворомъ также регулярно, какъ и два лондонскіе театра: театръ герцога и театръ короля. Два небольшіе театра въ то время удовлетворяли потребностямъ лондонцевъ, потому что регулярными зрителями были только члены придворныхъ круговъ и ихъ прихвостни.

Пеписъ называетъ сцену «въ тысячу разъ лучшей и болѣе блестящей чѣмъ когда либо раньше»; сцена освѣщалась восковыми свѣчами и нѣкоторыя изъ свѣчъ были въ канделябрахъ, тогда какъ раньше употребляли не больше трехъ фунтовъ сальныхъ свѣчей, «а теперь все цивилизовано, нигдѣ нѣтъ грубости» [2]). Центръ театра былъ еще открытымъ, но несмотря на такое неудобство партеръ наполнялся джентльменами и лэди, сидѣвшими на скамьяхъ безъ спинокъ, и когда начиналась буря или дождь, театръ пустѣлъ. Высшая цѣна была 4 ш. за ложу, а низшая 1 ш. за верхнюю галлерею. То было время прекрасныхъ актеровъ и актрисъ, но не меньше хорошей игры интересовались и сценической обстановкой и французскимъ балетомъ, который обучалъ С. Андре.

Каждый вечеръ, не исключая и воскресенья, королева и любовницы короля играли въ испанскую игру ломберъ (ombro), вытѣснившую primero или фаро (basset), очень простую карточную игру, похожую на баккара. Эвелинъ говоритъ, что супруга Іакова II 13 іюля 1686 года очень огорчалась проигрышемъ 80 фунтовъ въ фаро [3]).

Въ теченіе нѣкотораго времени любимыми танцами при дворѣ были старомодный котильонъ (brawl или brantle), коранто и сельскіе танцы; но уже въ 1666 году Пеписъ отмѣчаетъ введеніе новыхъ французскихъ танцевъ.

Самыми модными внѣкомнатными развлеченіями были теннисъ и пельмель, игра шарами, въ которой задачей было попасть шаромъ въ двѣ ямки въ началѣ и концѣ длинной аллеи. Горожане и крестьяне остались вѣрны лаптѣ (foot—ball) [4]); великій герцогъ Косьма

---

[1]) Memoirs—Рересби.
[2]) 12 февраля, 1666—67 г.
[3]) См. также въ его „Дневникѣ“ 6 января 1661 г.
[4]) State of England—Чамберлейна (1676).

замѣчаетъ, что женщины изъ простонародья позволяли себѣ играть въ мячъ на улицахъ.

Любимымъ развлеченіемъ дворянства были пѣтушьи бои, входъ на нихъ стоилъ 2 ш. 6 д. [1]); медвѣжьи бои и бои быковъ сдѣлались забавой черни и не посѣщались болѣе хорошимъ обществомъ. 17 августа 1667 года Эвелинъ отказался быть зрителемъ травли собаками, гдѣ была убита лошадь, но 16 іюля 1670 года онъ все же былъ на травлѣ и вернулся «отъ души раздраженнымъ противъ такого грубаго развлеченія, котораго я не видалъ, думается мнѣ, уже двадцать лѣтъ».

Иностранцы считали травлю собаками спеціально англійскимъ спортомъ [2]). Одной изъ формъ такой травли, если судить по разсказу великаго герцога Косьмы, была и охота за оленями въ Гамптонъ-паркѣ. Иногда арена «медвѣжьяго сада» употреблялась для фехтованья, кулачныхъ боевъ, для борьбы на призъ, о чемъ въ городѣ объявляли особые герольды съ барабанами и трубами. Жоревинъ разсказываетъ объ ужасныхъ ранахъ, видѣнныхъ имъ нанесенными при фехтованьи на сабляхъ и заключаетъ свой разсказъ такими словами: «я считаю это безчеловѣчнымъ, чтобы позволять людямъ убивать другъ друга для развлеченія. Мнѣ было гораздо пріятнѣе видѣть бой медвѣдей и собакъ, происходившій на слѣдующій день въ томъ же театрѣ» [3]).

Собрьеръ, напротивъ, жалуется, что бойцы только забавляются и не наносятъ другъ другу крѣпкихъ ударовъ [4]).

Въ провинціи по праздникамъ продолжали давать старомодныя представленія [5]).

Увеселительныя мѣста въ Лондонѣ.

Ни одно изъ лондонскихъ увеселительныхъ мѣстъ не сохраняло въ теченіе продолжительнаго времени репутаціи респектабельности. Закрытыя Кромвелемъ увеселительныя мѣста не дѣлали попытокъ возстановить свое прежнее положеніе при реставраціи; въ Вокзалѣ или «Фоксголлѣ» былъ открытъ новый «Весенній садъ» [6]) съ прекраснымъ увеселительнымъ домомъ и съ многочисленными бесѣдками, гдѣ обѣдали посѣтители. Эвелинъ въ 1661 году называетъ этотъ садъ «прекрасно устроеннымъ»; свѣтскіе люди ходили туда слушать соловьевъ. Но уже въ 1668 году онъ не былъ респектабельнымъ [7]).

---

1) Life of Sir Dudley North.

2) Memoirs — Рересби (1682) и путешествія Косьмы, Собрьера и Жоревина.

3) Antiquarian Repertory — Гроза (1682) и Iorevin's Travels (1672).

4) Voyage to England.

5) Life of Roger North.

6) О старомъ Весеннемъ садѣ упоминаетъ въ 1653 г. Дорогея Озборнъ.

7) Пепнсъ—30 мая и 1 іюня 1668.

Кататься по «Рингу» или «Tour» въ Гайдъ-Паркѣ послѣ представленія вечеромъ было въ модѣ, какъ и раньше. Тамъ всегда бывала королевская компанія. Паркъ былъ огороженъ и при входѣ продавались сырные пирожки, торты и силлабубъ (вино съ подслащенными сливками). Было такъ много пыли, что для поливанія парка начали взимать въ 1664 году по 6 д. съ кареты [1]). Лакеевъ не впускали, они ждали возвращенія господъ у входа [2]). Парки.

Въ С.-Джемскомъ паркѣ, открытомъ для публики Карломъ 11, главнымъ развлеченіемъ публики было смотрѣть, какъ король или герцогъ кормили водяную птицу. Раньше заказа новаго платья м-съ Пеписъ ходила въ садъ Грей-Инна посмотрѣть моды.

Любимыми вечерними прогулками горожанъ были Ламбъ-Кондуитъ-Фильдсъ, къ сѣверу отъ Гай Гольборна; по праздникамъ Гокстонъ-Фильдсъ, а по воскресеньямъ Спа-Фильдсъ въ Клеркенуэллѣ.

«Провѣтриться ѣдутъ въ каретахъ со стеклами (Glass-coach) въ Гайдъ Паркъ; дураки изъ предмѣстьевъ ковыляютъ въ Ламбсъ-Кондуитъ или въ Тоттенгамъ, молодые ловкіе горожане галлопируютъ въ Ипсомъ; грубые рабочіе, проявляющіе нѣжныя семейныя чувства, плетутся съ ребятами на рукахъ предъ женами въ Ислингтонъ или Гогсденъ» [3]).

Послѣ ранняго обѣда люди, принадлежавшіе къ литературнымъ и политическимъ кружкамъ, отправлялись въ кофейни или въ клубъ. Rota (Круглый столъ) сэра Гаррингтона въ «Головѣ Турка» все еще сохранялъ свою репутацію и Пеписъ, заплативъ за входъ 1 ш. 6 д., слушалъ происходившіе тамъ дебаты. Хозяинъ кофейни собиралъ всѣ городскія сплетни. Каждый при входѣ задавалъ ему обычный вопросъ; что новенькаго, хозяинъ? и хозяинъ расказывалъ ему, что «онъ слышалъ отъ цирюльника, брившаго портного знатнаго придворнаго» [4]). Съ особенной свободой политическія мнѣнія высказывались въ отдѣльныхъ кабинетахъ «съ ихъ столами для безбожія и круглыми столиками (rota) для политики» и это заставило Кларендона въ 1666 году устроить систему шпіонства [5]). Въ 1675 году Карлъ, выслушавъ мнѣнія судей, приказалъ закрыть всѣ кофейни. Приказъ этотъ скоро былъ отмѣненъ и содержатели кофеенъ получили снова разрѣшенія, давъ обѣщаніе сдѣлать, что возможно, для прекращенія мятежной болтовни и распространенія скандальныхъ писемъ, книгъ и памфлетовъ. Кофейни.

Въ началѣ царствованія Карла продолжали появляться двѣ оффиціальныя газеты республики, одна въ понедѣльникъ, другая чет- Газеты.

---

1) London Parks—Ларвуда.
2) Косьма (1669).
3) Virtuoso—Шадуэля (1676), цитуруется у Куннингама—Nell Gwynne.
4) Character of a Coffee House—Harl. Misc. VI.
5) Lives of Norths.

вергъ. Въ 1663 году инспекторомъ печати былъ назначенъ Рожеръ Эстранжъ, съ привиллегіей писать, печатать и публиковать расказы, объявленія, вѣстники, журналы и т. п. Онъ получилъ и обѣ оффиціальныя газеты—Public Intelligencer и Mercurius Politicus и издавалъ ихъ съ измѣненнымъ названіемъ: Intelligencer и News. Первая газета была въ одну четвертушку, и стоила $^1/_2$ д. [1]) Въ программѣ Эстранжъ высказалъ мнѣніе, что «всѣ газеты суть зло, такъ какъ онѣ знакомятъ публику съ дѣйствіями и мнѣніями начальниковъ и высшихъ», но такъ какъ публика не въ своемъ умѣ, то онъ рѣшается оставить пока свое мнѣніе и постараться образумить ее при посредствѣ разумнаго руководительства. Его газеты обанкрутились, потому что онъ истратилъ 500 фунтовъ «на содержаніе шпіоновъ для собиранія свѣдѣній», а отъ продажи газеты получилъ только 400 ф. Эта, неудача объясняется поступкомъ Вилльямсона, убѣдившаго въ 1665 году Карла II разрѣшить новую газету подъ его управленіемъ, какъ единственную оффиціальную. Это была «Оксфордская газета», впослѣдствіи получившая названіе «Лондонской газеты». Эстранжъ жаловался на нарушеніе привиллегіи, но былъ, конечно, безсиленъ противъ короля, Инспекторство прессы осталось за нимъ и онъ разрѣшилъ громадное количество газетъ. Въ 1681 году онъ началъ издавать Observator, въ формѣ діалога, и эта газета послужила образцомъ послѣдующихъ газетъ [2]).

Почта. Планъ республики относительно устройства почты былъ принятъ при реставраціи съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Республика, не желая терять источника дохода, а также и орудія политическаго надзора, сильно ограничила частную предпріимчивость и не приняла плана Джона Гилля объ устройствѣ почтовой пересылки за пенни между Лондономъ и Іоркомъ. Въ 1659 году Гилль издалъ: копѣечную почту или защиту свободы и права каждаго англичанина провозить письма купцовъ и другихъ людей противъ ограниченій откупщиковъ (государственной монополіи) и т. д. (Penny Post or a Vindication of the Liberty and Birthright of every Englishman in earrying Merchants und other Men's Letters, against any restraint of Farmers).

Но актъ Карла II 1660 года (12, Карла II) былъ составленъ по образцу акта 1657 года. На основаніи акта 1657 года плата за «одиночное» письмо равнялась 6 д. въ Ирландію, 4 д. въ Шотландію, 2 д. за разстояніе въ 80 миль отъ Лондона и 3 д. дальше такого разстоянія. На основаніи же акта 1660 года плата за разстояніе ниже 80 миль отъ мѣста назначенія была въ д., дальше этаго разстоянія 3 д., письма въ Ирландію, Шотландію и заграницу оплачивались по спеціальной таксѣ. За «двойное» письмо, (т. е. въ два

[1]) Anecdotes—Никольса, IV.
[2]) Dict. Nat. Biog., History of Newspaper Press—Гранта.

пакета, одинъ въ другомъ) взималась двойная плата; а за «пакетъ» писемъ взимали по 1 ш. 6 д. за унцъ. Генералъ-почмейстеръ пользовался монополіей доставки почтовыхъ лошадей за плату 3 д. за каждую лошадь съ мили и за станцію 4 д. Въ 1663 году вышелъ указъ, воспрещавшій почтовымъ чиновникамъ вскрывать письма иначе, какъ по порученію государственнаго секретаря. Въ 1677 году почта была отдана герцогомъ Іоркскимъ въ аренду лорду Арлингтону за 43,000 фунтовъ. Въ центральной конторѣ тогда работали семьдесятъ пять человѣкъ и 182 мѣстныхъ почмейстеровъ. Почта ходила обыкновенно 120 миль въ сутки. Въ 1683 году были учреждены конторы во всѣхъ значительныхъ рыночныхъ городахъ въ связи съ ближайшими почтовыми станціями.

Копѣечная почта въ Лондонѣ.

Въ 1680 году Доквра (Dockwra) и Муррей пытались устроить частную «копѣечную почту» (penny post) въ Лондонѣ, организовали частыя пріемы и выдачи корреспонденціи, устроили нѣсколько конторъ по округамъ и сотни ящиковъ для писемъ. Тогда объявили, что это представляетъ нарушеніе привиллегіи генерала-почмейстера и Доквру пришлось утѣшиться тѣмъ, что его планъ былъ усвоенъ правительствомъ, а самъ онъ получилъ мѣсто въ почтовомъ вѣдомствѣ [1]).

Мужской костюмъ.

Въ царствованіе Карла 11 и благодаря его вліянію мужской костюмъ совершенно измѣнился; фуфайка и длинные сюртуки совсѣмъ вышли изъ моды и были замѣнены костюмомъ, изъ котораго впослѣдствіи образовали сюртуки и жилеты; ихъ въ то время называли «тюникой» и «вестой» или «сюртукъ» и «жилетъ» [2]). Жилетъ доходилъ до бедра, а сюртуки были широкіе, такъ что висѣли свободно и были короче жилета на шесть дюймовъ [3]). Жилетъ или веста прикрѣплялся къ тѣлу поясомъ, а сюртукъ или тюника украшался рядомъ золотыхъ пуговицъ, никогда не застегивавшихся, и золотой обшивкой по кантамъ, которую Пеписъ спялъ съ лучшей юбки своей жены, которая «была на ней, когда я женился». Подъ жилетомъ носили узкіе штаны до колѣнъ. Сапоги вышли изъ моды и надѣвались только для верховой ѣзды, а носились низкіе башмаки съ высокими каблуками и бантами; шляпы носились широкія и низкія и безъ перьевъ. Кружевная повязка на шеѣ исчезла, ворота не было видно, но въ 1664 году и къ концу періода стали носить небольшой галстухъ. Мужчины часто носили муфты, висѣвшіе на лентѣ вокругъ шеи. Пеписъ отобралъ у жены ея старую муфту, а ее заставилъ купить новую.

---

[1]) Gentleman's Magazine, 1815. Her Majesty's Mail—Левинса; Academy, 1879; Wheatley; Post in Grant and Farm—Гайда.

[2]) Пеписъ—15 октября 1666.

[3]) Diurnal—Pyrre 1666 г. цитир. Минорсъ Брайтомъ.

Головной убор.

Мы уже говорили, что въ началѣ царствованія люди, желавшіе скрыть свои республиканскіе принципы (круглоголовыхъ) [1]), носили что то въ родѣ париковъ, потому что громадный французскій парикъ еще не вошелъ въ употребленіе. 29 августа 1663 года Пеписъ записалъ: подумываю, хотя безъ особаго желанія или рѣшимости, носить парикъ, а 1 октября онъ купилъ два парика по 3 и по 2 фунта. «Я еще ихъ не надѣвалъ, но, по волѣ Божіей, начну носить съ будущей недѣли». Король и герцогъ Іоркскій еще не начинали носить ихъ и нервы Пеписа сильно разстроились, когда онъ въ первый разъ надѣлъ свой парикъ, хотя, какъ оказалось, безъ нужды [2]). Любимый формой парика былъ такой, который носилъ Людовикъ XIV—очень большой, темный и кудрявый. Пудра не была особенно въ модѣ, хотя Драйденъ и говоритъ о бѣлыхъ парикахъ [3]). Лицо всегда брили. Франта можно было узнать по его искусному управленію кудрями при поклонахъ:

„Онъ кланяется низкимъ раболѣпнымъ поклономъ,
И всѣ его волосы падаютъ впередъ,
И онъ съ полнымъ приличіемъ откидываетъ ихъ назадъ
Движеніемъ, подобнымъ встряхиванью собаченки“ [4]).

Во время представленія франты обыкновенно занимались расчесываньемъ гребешкомъ своихъ париковъ.

Дѣтское платье.

Въ объявленіи объ убѣжавшемъ мальчикѣ его костюмъ описывается такъ; суконный блѣднаго цвѣта сюртукъ съ подкладкой изъ цвѣтного шолка съ грушевыми и зелеными цвѣтами, жилетъ изъ такого же шолку, шолковые чулки блѣднаго цвѣта, темная суконная шапка, подбитая соболемъ и обшитая по краямъ золотой парчей (1681) [5]). Въ костюмѣ дѣвушекъ характерной особенностью были «висящіе рукава» (hanging Sleeves), а въ костюмѣ мальчика «длинный сюртукъ»; это были признаки дѣтскаго возраста.

Костюмъ горожанина.

Щеголь, желавшій одѣться горожаниномъ, долженъ былъ снять свой мечъ, парикъ и шляпу и надѣть черную свиту изъ гроrрама (грубая шерстяная ткань), доходящую ниже колѣнъ, широкую фуфайку, поясъ вокругъ таліи и короткій черный сюртукъ, подшитый внизу спереди черной тафтой, шляпу съ широкими полями, большую ленту на шляпѣ съ розеткой на концѣ и голова его должна быть безъ парика и коротко острижена: «таковъ настоящій покрой» (1685) [6]). Горожане носили простой воротъ и развѣвающуюся ленту на шеѣ.

---

1) Queens of England—Стрикланда.
2) Diary—8 ноября 1663.
3) Прологъ въ Marriage a la Mode.
4) Эпилогъ Драйдена къ Man of Mode Этереджа (1676).
5) Manners—Малькольма.
6) Фэргольтъ—цитата изъ Factious Citizen.

Тканные чулки носились теперь и простолюдинами. Пеписъ говоритъ о шерстяныхъ тканныхъ двуцвѣтныхъ чулкахъ пастуха.

Женскій костюмъ.

Королева Екатерина пріѣхала въ Англію въ португальскихъ фижмахъ—но вскорѣ она оставила ихъ и замѣнила англійскимъ костюмомъ. Она по возможности вводила короткія платья, такъ какъ «сильно» любила, чтобы были видны ноги; когда король рѣшилъ носить весту и тюнику, говорили о сюртукѣ до щиколки и для женщинъ; но въ 1663 году въ моду вошли шлейфы. Шляпа м-съ Стюартъ (Stewart) была съ загнутыми полями и съ краснымъ перомъ, и такія шляпы были обычными, 14 мая 1665 года м-съ Пеписъ вышла въ модномъ желтомъ капорѣ. Соломенныя шляпы носили только въ деревняхъ. Драгоцѣнныхъ камней много не носили, въ модѣ былъ только жемчугъ [1]). Любимой формой экстравагантности у модницъ была покупка дюжинъ паръ перчатокъ, надушенныхъ жасминомъ и розой, въ лавкахъ у биржи. Лэди часто шили сами себѣ платья. М-съ Пеписъ, дама въ то время зажиточная, провела день Рождества 1668 года неодѣтой до десяти часовъ вечера, «выворачивая и обшивая кружевомъ черную юбку»; лэди Гэттонъ сама кроила свое «манто», Дудлей Нортъ любилъ вмѣстѣ съ женой распарывать старыя платья.

Горожанки носили гроградовыя платья, небольшія обручи на лбу маленькій капоръ и маленькій кружевной чепчикъ (изъ colverteen—особое кружево), чтобы казаться похожими на монашенку. Пеписъ видѣлъ лэди Кэстльменъ катающейся въ паркѣ въ желтомъ сатиновомъ платьѣ и въ чепчикѣ. но не смотря на чепчикъ, она, вѣроятно, на монашенку похожа не была. Жена черепичника, выбранная въ няньки принца Уэльскаго (1688), при прибытіи во дворецъ носила суконную юбку и корсетку, старыя башмаки безъ чулокъ [2]). Великій герцогъ Косьма замѣчаетъ, что англійскія простолюдинки одѣвались хорошо.

Головной уборъ.

Быстро измѣнились и головные уборы у женщинъ; парики были очень разнообразны, но особенно въ модѣ были свѣтловолосые. Въ 1664 году носили taure или бахрому на лбу; но въ большинствѣ портретовъ Лели бахрама состоитъ просто изъ немногихъ локоновъ, расположенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого на лбу. «Пуффы», которымъ удивлялся Пеписъ, состояли изъ фальшивыхъ волосъ, скрѣпленныхъ проволокой, такъ что голова казалась чрезвычайно большой. Большинство королевскихъ любовницъ красили свои волосы или парики, кудрявые какъ у дѣтей, и кудри прилегали плотно къ головѣ и къ шеѣ [3]).

---

1) Cosmo.

2) Ellis—Second Series IV,

3) Портреты въ книгѣ mrs Jameson: „Beauties of Court of Charles 11“.

30 августа 1660 года Пеписъ въ первый разъ со времени своего брака увидалъ у жены черныя мушки. Утромъ обыкновенно снимали эти «пятна». На улицахъ и въ театрѣ носили маски, закрывающія все лицо, но только женщины съ плохой репутаціей. Когда Пеписъ увидалъ въ маскахъ приличныхъ (civils) дамъ, онъ отмѣчаетъ этотъ фактъ, какъ замѣчательный.

Пища и напитки.

Даже свѣтскіе и ведшіе разсѣянную жизнь люди въ то время вставали очень рано и начинали «кутить» (debauch) съ часу, когда обѣдали. То былъ вѣкъ гостепріимства; гости играли въ карты, пили чай, кофе и вино, курили, смотрѣли фокусы (conjuring tricks) [1]) и т. д. до семи или восьми часовъ вечера; лѣтомъ же ложились спать съ заката солнца. Обычными были «круговые обѣды» или «обѣденныя партіи» по очереди (circulary dining или factious dining cabals) [2]); послѣ полудня дѣлами обыкновенно не занимались. Купцы начинали работу въ шесть или семь часовъ утра [3]). Пеписъ иногда садился за столъ въ четыре или пять часовъ утра и онъ не составлялъ исключенія [4]).

Несмотря на такое раннее вставанье, мы не встрѣчаемъ упоминанія о завтракахъ, за исключеніемъ утренней кружки элю съ хлѣбомъ и масломъ [5]) и редиски. Обѣдали обыкновенно въ часъ. Обѣды Пеписа, разнообразившіеся по мѣрѣ того, какъ онъ дѣлалъ свою свѣтскую карьеру, достаточно любопытны, чтобы привести ихъ здѣсь: 20 января 1660 года онъ давалъ небольшой обѣдъ и на немъ подали «ножки (marrow-bones), баранью ногу, ростбифъ, блюдо птицы: 3 курицы и дюжину жаворонковъ, большой пирогъ, бычачій языкъ, блюдо анчоусовъ, креветки и сыръ».

26 мая 1662 года онъ давалъ обѣдъ по новой модѣ, состоявшій изъ «пары вареныхъ карповъ, 6 жареныхъ цыплятъ, головы лососины—первая перемѣна и пуддинга изъ яицъ и сливокъ съ миндалемъ (tanzy) и двухъ бычачьихъ языковъ и сыру—вторая перемѣна».

4 апрѣля 1665 года онъ далъ большой обѣдъ, состоявшій изъ «фрикассе изъ кроликовъ и цыплятъ, вареной бараньей ножки, 3 карповъ, большого блюда изъ бараньяго бока, жареныхъ голубей, блюда изъ четырехъ омаровъ, 3 тортовъ, пирога изъ миноги (очень рѣдкій пирогъ) анчоусовъ, хорошихъ винъ разныхъ сортовъ—и все это очень по благородному и къ превеликому моему удовольствію».

Онъ упоминаетъ также, что за ногу быка заплатилъ 6 д. («стоитъ этихъ денегъ»), упоминаетъ и о телячьей ногѣ и объ окорокѣ вет-

---

1) Разсказъ Эвелина о собраніяхъ у лорда Сундерланда. Sidney Papers—Бленкоу I. IX.

2) Lives of Norths.

3) Обрей.

4) Ср. о раннемъ вставаньи Мильтона и Торесби.

5) Обрей, о завтракахъ Гоббса.

чины. Иностранцы указываютъ, что у англичанъ нѣтъ суповъ или bisques [1]), но мясной бульонъ часто подавался у небогатыхъ людей и въ университетахъ. Городскіе франты обыкновенно обѣдали во французскомъ ресторанѣ (le pottage, boeuf a la mode) и пили бургундское.

Напитки были чрезвычайно разнообразны; изъ испанскихъ винъ наиболѣе употребительными были канарское, хересъ, красное (tent), малага, мускадель и sack (родъ хереса); часто упоминается также о флорентійскомъ, бургундскомъ, наваррскомъ и рейнскомъ и кларетѣ; общеупотребительнымъ спиртнымъ напиткомъ была водка, но она была очень дорога, чтобы быть особенно распространенной; изъ легкихъ напитковъ упоминаются медъ (metheglin) «гипокрасъ» (глинтвейнъ) изъ краснаго вина съ сахаромъ и специями и «ароматикъ», сладкій напитокъ: изъ разныхъ сортовъ пива любимымъ были «mum», вареное не изъ солода, а изъ пшеницы, «маслянное пиво» вареное безъ хмѣля, теплое съ сахаромъ корицей и масломъ; lamb's wool— эль съ яблочнымъ сокомъ. Утверждаютъ, что въ 1688 году для удовлетворенія потребностей населенія, которое считаютъ до пяти милліоновъ, было сварено болѣе двѣнадцати милліоновъ боченковъ пива [2]). Воду почти никогда не пили, даже дѣти, съ самыхъ малыхъ лѣтъ пившіе слабое пиво [3]). Въ городахъ обычными напитками были кофе и шоколатъ; чай же пили рѣдко. 29 іюня 1667 года Пеписъ записываетъ: «я дома, засталъ жену дѣлавшей чай, напитокъ, рекомендованный ей аптекаремъ, какъ полезный при ея простудѣ и насморкѣ». Въ домѣ Норта въ гостинной послѣ обѣда «торжественно подавали чай) [4]). Въ 1678 году племянникъ секретаря Ковентри хвалитъ своего дядю за то, что у него послѣ обѣда не подаютъ вмѣсто трубокъ и бутылокъ чаю, что онъ отрицаетъ эту «гадкую привычку, этотъ низкій и недостойный индѣйскій обычай», недопустимый ни въ одномъ христіанскомъ семействѣ. Карлъ II въ началѣ своего царствованія издалъ прокламацію противъ питья за здравіе, но самъ же первый и нарушилъ свое воспрещеніе въ Мюльберри-Гарденъ [5]). Въ его царствованіе, говорятъ, впервые употребили терминъ: тостъ. Тосты начинались послѣ того, какъ уберутъ со стола [6]).

Многіе писатели указываютъ на то, что во время бурнаго времени гражданскихъ войнъ ужинъ вышелъ изъ употребленія и болѣе бѣдные люди изъ среднихъ классовъ послѣ реставраціи ужинали

---

[1]) Собрьеръ.
[2]) Hist. of Engl. in 18 century—Лекки.
[3]) Thougts conerning Education—Локка.
[4]) Lives of North.
[5]) Memoirs—Людлоу.
[6]) Character of England—Эвелина.

только маслянымъ пивомъ или легкой закуской [1]). Болѣе зажиточные довольствовались рыбой или ростбифомъ [2]), студенты за ужиномъ ѣли ростбифъ, за исключеніемъ постныхъ дней: пятницы, среды и субботы, когда они ѣли пуддингъ.

Манеры за столомъ.

Хотя обыкновенно и замѣчаютъ, что Карлъ II ввелъ болѣе «цивилизованный образъ жизни», иностраннные путешественники отмѣчаютъ недостатокъ благородства («жантильности») за англійскими обѣдами. Собрьеръ говоритъ: «они почти не употребляютъ вилокъ и рукомойниковъ, а моютъ руки, погружая ихъ въ тазы съ водой», которые служатъ для всѣхъ.

Косьма, описывающій лучшее общество, говоритъ: «у англичанъ за столомъ не подаютъ вилокъ. Передъ каждымъ ставятъ кубокъ и послѣ обѣда они окунаютъ въ него кончикъ салфетки и ею чистятъ зубы и моютъ руки» [3]).

Даже за королевскимъ обѣдомъ каждому подавали только одинъ ножъ и вилку, аккуратно укладывая ихъ предъ нимъ. Пеписъ нанялъ спеціалиста для раскладыванія салфетокъ въ формѣ различныхъ фигуръ наканунѣ званнаго обѣда. За столомъ всѣ гости сидѣли на креслахъ безъ спинокъ [4]) и въ шляпахъ. Цивилизованный образъ жизни не уничтожилъ привычки постоянно плевать [5]).

Воды и купанья.

Ѣли тогда далеко не такъ разнообразно, какъ теперь, но и тогда свѣтскіе люди находили, что воды и діэта въ Батѣ и Тунбриджъ-Уэлльсѣ полезны для здоровья. Приспособленія для купанья въ Батѣ были не лучше, чѣмъ теперь на морскихъ купаньяхъ. Гюидотъ, писавшій въ 1673 году, говоритъ: желательно бы было покрыть Queen's Bath et Cross Bath, какъ небольшія [6]), для того, чтобы вода не была такъ холодна и было возможно купаться зимой. Въ то время только что ввели помпы вмѣсто ведеръ (bucketing). «Въ Lepers Bath бѣдные и прокаженные купались вмѣстѣ» Пеписъ нашелъ «купальни Короля и Королевы» полными всякаго народа, хорошаго и худого, а Кроссъ предназначеннымъ только для дворянства (1667). Но и Кроссъ не былъ чистымъ купаньемъ, такъ какъ много народа купалось въ одной водѣ. Проведя въ водѣ два часа «онъ былъ унесенъ въ креслѣ домой, обернутымъ въ простыню». Тунбриджъ-Уэлльсъ въ то время еще былъ сельскимъ мѣстомъ. Генріетта Марія и ея свита, когда онѣ пріѣхали пить воды, жили на лугу въ палаткахъ. Позже по-

---

[1]) Жоревинъ у Гроза. State of England — Чамберлейна (1673). Travels over England—Миссона (1688—97).

[2]) Lives of Norths—Герцогъ Ньюкастль за ужиномъ съѣдалъ одно яйцо, а за завтракомъ кубокъ хереса съ кускомъ хлѣба.

[3]) „Travels“—Cosmo.

[4]) Ibid.

[5]) Compleat Gentleman—Гальярда (1678) и Пеписъ, 28 января 1661 г.

[6]) Dissertation on Bath Waters—Оливера (1707).

строили нѣсколько жилыхъ домовъ, устроили лугъ для игры и шары и кофейню, а послѣ посѣщеній королевы Екатерины и герцога Іоркскаго съ дочерьми на Гринъ-Банкъ построили рядъ лавокъ и домовъ. Въ 1687 году дома сгорѣли и перестроены были параднѣе, съ портиками.

Ипсомскія воды посѣщались болѣе скромными горожанами, жившими къ востоку отъ Темпль-Баръ. Пеписъ нашелъ тамъ простой народъ. Сѣверяне ѣздили на воды въ Аррогэтъ, Скарборо и Букстонъ [1]).

Путешествія сдѣлались болѣе частыми и были сдѣланы кое какія улучшенія, но дороги остались такими же, какъ и раньше. На основаніи акта 1663 года была впервые принята система заставъ и дорожныхъ сборовъ для улучшенія части большой сѣверной дороги. Мировые судьи должны были назначать надзирателей и сборщиковъ пошлины. Въ Вадесмилль въ Герстѣ, въ Какстонѣ, въ Кембриджскомъ графствѣ, въ Стильтонѣ въ Гунтингдонширѣ, пошлину взимали съ лошадей, повозокъ, каретъ, вагоновъ и гуртовъ скота. **Дороги, путешествія, дилижансы и извощичьи кареты.**

Дилижансы, вошедшіе въ употребленіе въ концѣ республики, теперь сдѣлались уже обыкновеннымъ способомъ передвиженія, несмотря на упорное сопротивленіе нѣкоторыхъ, утверждавшихъ, что они изнѣживаютъ людей, портятъ породу лошадей и лишаютъ тысячи людей средствъ къ существованію [2]). Обычной уплатой было шиллингъ за пять миль [3]). Скорый дилижансъ (Flying Coaches) въ 1677 году дѣлалъ сорокъ и пятьдесятъ миль въ день и въ двѣнадцать часовъ совершалъ путешествіе отъ Лондона до Кембриджа или Оксфорда [4]).

Только немногіе изъ знати слѣдовали старой модѣ путешествовать въ отдѣльныхъ каретахъ съ множествомъ верховыхъ слугъ для защиты и для вытаскиванія каретъ изъ ухабовъ и рытвинъ.

Въ 1677 году Рересби въ качествѣ мироваго судьи поймалъ и строго наказалъ нѣсколькихъ разбойниковъ, результатомъ было то, что въ слѣдующее путешествіе въ Лондонъ ему пришлось ѣхать съ сильной стражей [5]). Его жена и семейство благодаря почтовой каретѣ могли слѣдовать за нимъ при его поѣздкахъ въ городъ. Частныя кареты обыкновенно запрягались шестеркой, въ вагонахъ тоже запрягали шестерку гусемъ. При путешествіи обыкновенно брали проводника (гида). Пеписъ заплатилъ 1 фунтъ 2 ш. 6 д. проводнику отъ Ньюпортъ-Пажнелля до Оксфорда. Приходилось также давать на водку исправлявшимъ дорогу. Иностранные путешествен-

---

1) Diary—Торесби. Популярны были и Бернетъ—Уэлльсъ (Пеписъ).
2) Торесби. Harl. Misc. „Grand Concern of England“.
3) State of England—Чамберлейна.
4) Gentlemans Magazine (1815).
5) Memoirs.

ники вообще хвалятъ англійскія гостинницы [1]). Въ гостинницѣ Георга въ Салисбюри Пеписъ спалъ на шелкѣ и «получилъ хорошій обѣдъ, но очень дорого». Съ тремя дамами, ѣхавшими на дамскихъ сѣдлахъ, онъ ѣздилъ въ Стонгенжъ и ночевалъ въ деревенской гостинницѣ, они нашли «постели покрытыми вшами, чему очень смѣялись».

Къ числу нововведеній этого изобрѣтательнаго времени принадлежали плетенные и рессорные экипажи и glass coaches, т. е. кареты съ стеклянными окнами, а также коляски (calash), двухколесная крытая каретка. Собрьеръ жалуется, что извощичьи кареты были ужасны, что это просто повозка или обыкновенный дорожный вагонъ. Кучеръ сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей. Но Косьма отзывается объ извощичьихъ экипажахъ болѣе благопріятно и говоритъ, что въ Лондонѣ на каждомъ углу стоятъ приличныя кареты и что тамъ всего около восемьсотъ извощиковъ.

Лондонскія улицы.

Жалобы на состояніе лондонскихъ улицъ были столь же многочисленны тогда, какъ и теперь. Карлъ II боялся, что если ничего не будетъ сдѣлано, то королевѣ Екатеринѣ нельзя будетъ доѣхать до Уиитголля. Эвелинъ 31 іюля 1662 года «засѣдалъ съ комиссарами относительно исправленія зданій и улицъ Лондона и мы приказали мостить дорогу отъ С. Джемсъ-Норта, гдѣ настоящее болото, и также и Гаймаркетъ около Пиккадили [2]) и рѣшили напечатать и публиковать инструкціи о содержаніи въ чистотѣ улицъ».

Пѣшіе рѣдко переходили лондонскій мостъ, такъ какъ тутъ было сильное торговое движеніе и чаще переѣзжали рѣку въ лодкахъ. Пеписъ всегда отмѣчаетъ, когда онъ ѣздилъ «сухимъ путемъ». Онъ, кажется, былъ вообще нервозенъ и часто трусилъ и на водѣ и на сухомъ пути. Онъ только одинъ разъ имѣлъ смѣлость проѣхать rapids (быстрины) у лондонскаго моста въ лодкѣ; обыкновенно же предпочиталъ тутъ высаживаться и переходить на другую сторону пѣшкомъ. Послѣ пожара онъ боялся выѣзжать вечеромъ и сидѣлъ въ каретѣ съ обнаженнымъ мечемъ. Можетъ быть, такая трусливость и была извинительна, потому что вечеромъ «было трудно найти карету, извощикъ которой соглашался бы ѣхать мимо развалинъ». Послѣ перестройки Сити улицы сдѣлались шире и лучше вымощены. Опасность на улицахъ была не только отъ грабителей, а и отъ «фанфароновъ, плутовъ и буяновъ» (hectors, nickers и scowrers) изъ джентльменовъ, нападавшихъ и оскорблявшихъ прохожихъ ради забавы, а также отъ наемныхъ драчуновъ (bullies и nose splitters), нанимавшихся отмстить за короля и другихъ лицъ.

---

[1]) Собрьеръ.

[2]) Пиккадили въ то время находилась еще на окраинѣ. Лордъ Бурлингтонъ выбралъ намъ мѣсто для своего дома, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы были зданія вблизи.

Воскресный день.

Въ Сити воскресный день продолжали соблюдать, какъ и при господствѣ пуританъ; тамъ примѣръ двора не находилъ подражателей. Существованіе «фанатиковъ», какъ называли теперь пуританъ, доказывается не столько ихъ значеніемъ въ общественной жизни, сколько тираническимъ законодательствомъ и правительственными актами. Пуритане держали себя покойно и хотѣли только одного— «быть наиболѣе солидными и трезвыми людьми». Изъ всѣхъ солдатъ старой арміи ни одинъ не просилъ милостыни на улицахъ.

Воспитаніе и образованіе.

Давенантъ, трактуя о воспитаніи дѣтей въ Англіи, говоритъ, что родители отличались особымъ безсердечіемъ, отдавали дѣтей на воспитаніе совершенно чужимъ людямъ и заботились только о томъ, чтобы внушить имъ покорность и смиреніе. Локкъ тоже въ своемъ трактатѣ о воспитаніи указываетъ, что родители считали манеры важнѣе всего. Онъ увѣщеваетъ родителей не бить дѣтей за «немодное» поведеніе и за тѣ дѣтскія шалости, которыя они сами оставятъ, когда выростутъ. По его мнѣнію побои бываютъ нужны очень рѣдко, развѣ въ случаѣ упорства. Изъ его разсказа видно, что дѣтямъ внушали цѣлый кодексъ правилъ, которыя ребенокъ долженъ былъ заучить. Возможно что такіе отзывы по этому предмету обусловливались личнымъ опытомъ авторовъ, да и вообще современники рѣдко бываютъ въ этихъ вопросахъ безпристрастными. Тѣмъ не менѣе, не даромъ же всѣ указывали на большую опасность оставлять дѣтей съ слугами и низшими, кромѣ первыхъ лѣтъ дѣтства, когда дѣтей обыкновенно пянчила какая нибудь деревенская женщина [1]).

Въ письмахъ дѣтей къ родителямъ мы находимъ слѣды формальныхъ и суровыхъ отношеній, характерныхъ для прежняго времени. Въ письмахъ домой обыкновенно обращались къ отцу со словами: «досточтимый отецъ, сэръ» и кончали словами: «вашъ покорный и повинующійся сынъ». Мать также называли «достопочтенной матерью»—и это въ такомъ возрастѣ, когда дѣти обыкновенно естественно употребляютъ ласкательныя и нѣжныя выраженія.

Дѣтей начинали серьезно обучать съ очень нѣжнаго возраста въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ вообще цѣнили образованіе. Мальчикъ Эвелина, умершій пятилѣтнимъ, началъ читать въ два съ половиной года и до пяти «изучилъ уже дѣтскую книгу (Puerilis), и «много успѣлъ въ Janua Коменіуса». Въ перепискѣ Локка упоминается о ребенкѣ его друга, который въ пять лѣтъ могъ рѣшать простыя задачи по глобусу, въ шесть началъ учиться по латинѣ съ матерью (которая сама училась, чтобы имѣть возможность учить своего ребенка), въ девять онъ «понималъ географію, хронологію и систему міра Копер-

1) World's Olio—герцогини Ньюкэстльской; Lives of Norths, Harley Papers, Hist. Mrs. Com.

ника»—и все это онъ изучилъ, не подвергшись за свое ученье ни разу ударамъ. Онъ видѣлъ вскрытіе собакъ и «могъ дать кое какія общія объясненія по анатоміи». При домашнемъ воспитаніи особенно налегали на географію, хронологію и на знаніе глобуса [1]). Но въ особенности придавали значеніе такъ называемымъ общественнымъ талантамъ; танцовальный учитель, учившій маленькаго ребенка раскланиваться («дѣлать ножкой»), получалъ большую сравнительно съ другими учителями плату [2]); благодаря такому стремленію къ «приличному воспитанію» мало заботились объ умственномъ развитіи дѣтей высшихъ классовъ. Обыкновенно младшіе сыновья аристократовъ получали начальное образованіе дома у капеллановъ, потомъ ихъ отправляли въ грамматическую школу или въ общественное училище, а оттуда въ университетъ. Старшихъ сыновей рѣдко посылали въ школу и въ университетъ, а въ шестнадцать лѣтъ ихъ отправляли путешествовать съ туторомъ, когда ихъ братья были въ коллегіи. Много велось споровъ о преимуществахъ домашняго и школьнаго образованія. Лордъ Коркъ отправилъ одного изъ своихъ сыновей въ Итонъ въ возрастѣ восьми лѣтъ, но уже послѣ того, какъ онъ учился по французски и латини у своего гувернера француза и капеллана, и этотъ сынъ позже высказалъ такое мнѣніе, что «воспитаніе дѣтей знатныхъ людей пріучаетъ ихъ къ мелочности, гордости и бездѣлью и даетъ имъ о себѣ такое доброе мнѣніе, котораго они сами по себѣ не заслуживаютъ» [3]).

Локкъ съ другой стороны, имѣвшій несчастье учиться въ Вестминстерѣ у Бусби, замѣчаетъ: «я не понимаю, какимъ образомъ ребенокъ, помѣщенный въ среду другихъ дѣтей и выучившійся тамъ ругаться при игрѣ въ шары, да мошенничать при игрѣ въ орлянку, можетъ потомъ быть пригоднымъ для общества или для дѣловой жизни».

По его мнѣнію, у дѣтей, получившихъ домашнее воспитаніе, манеры всегда лучше. Тѣмъ не менѣе Итонскій ректоръ (Provost) «считался не только самымъ изящнымъ джентльменомъ, но и человѣкомъ умѣвшимъ дѣлать и другихъ такими же джентльменами». Въ Вестминстерѣ строго запрещалось говорить по англійски въ классахъ и въ залѣ; но Бойль пишетъ, что въ Итонѣ онъ за изученіемъ грамматики забылъ латинскіе разговоры и прозу. Обычай обучать латинскому языку практически посредствомъ разговоровъ постепенно исчезалъ. Локкъ въ своемъ трактатѣ Thoughts concerning Education требуетъ возстановленія этого обычая. Курсъ занятій Бойля въ Итонѣ былъ главнымъ образомъ классическій и онъ дополнилъ его уже въ

---

1) Own Times—Бернета. Предисловіе Куика къ „Thoughts“—Локка.
2) Hatton Correspondence, Camden Society.
3) Philaretus—Бойля.

Женевѣ изученіемъ реторики, логики, математики и сферической тригонометріи. Въ Вестминстерѣ приготовлявшіеся въ университетъ ученики работали надъ темами не только латинскими и греческими, но и еврейскими и арабскими [1]). Эвелинъ удивляется, что такія работы исполняются двѣнадцати и тринадцатилѣтними мальчиками и жалуется, что только немногіе изъ нихъ въ зрѣлости сохраняютъ свои знанія. Въ Вестминстерѣ и въ Итонѣ было около 300 учениковъ, остававшихся тамъ иногда до двадцати лѣтъ [2]).

Многіе юноши изъ хорошихъ семей учились у Берча въ Шильтонѣ, близь Бурфорда. Графъ Клэръ хотѣлъ отправить туда своихъ сыновей, но получилъ отвѣтъ, что школа переполнена, въ каждой комнатѣ было по три кровати [3]). Тамъ учились, напр., лордъ канцлеръ Гаркуртъ и главный судья Треворъ. Послѣ школы тѣ, которые не отправлялись путешествовать, поступали въ «академію», вродѣ моднаго заведенія Фуберта, учиться фехтованью, верховой ѣздѣ и танцамъ. Тѣ, которымъ приходилось работать для куска хлѣба, поступали въ школы чистописанія, чтобы пріобрѣсти красивый почеркъ и выучиться счетоводству или прямо поступали на выучку въ торговыя заведенія и конторы [4]).

Главнымъ требованіемъ отъ тутора старшихъ сыновей было знаніе свѣтской жизни. Онъ былъ обязанъ «учить искусству знанія людей и нравовъ; онъ долженъ былъ срывать предъ воспитанникомъ маски, которыми прикрываются люди различныхъ профессій и съ разными претензіями и показать ему, что таится подъ этими видимостями [5]).

При путешествіи въ сопровожееніи тутора обыкновенно сначала поселялись въ французскомъ провинціальномъ городѣ для изученія языка, для выучки какъ входить въ комнату, какъ держать голову руки, какъ оборачиваться, а также учились танцовать, ѣздить верхомъ, фехтовать и играть на какомъ нибудь струнномъ инструментѣ, на лютнѣ, на гитарѣ или скрипкѣ, и въ особенности воспитанникъ непремѣнно долженъ былъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія о рѣдкостяхъ, старыхъ и новыхъ, о картинахъ, статуяхъ, медаляхъ и тому подобныхъ интересныхъ предметахъ. Послѣ Франціи посѣщали Италію, Германію и, если хватало времени и денегъ, Нидерланды; путешествіе заканчивалось пребываніемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ [6]).

Въ воспитаніи дѣвушекъ стремленіе къ пріобрѣтенію общественныхъ талантовъ было еще сильнѣе, чѣмъ при воспитаніи мальчи-

---

[1]) Эвелинъ, 13 мая 1661 г.

[2]) Локкъ. Memoirs—Рересби, іюня 10 1686 г.

[3]) Harley Papers.

[4]) Life of Hon. Sir. North—Іессопа.

[5]) Thoughts on Education—Локка.

[6]) Compleat Gentleman—Гайлярда (1678).

ковъ. Теперь совершенно пренебрегали хозяйственными обязанностями, къ которымъ ихъ пріучали раньше. Дѣвушекъ теперь отправляли въ пансіоны въ Гакней [1]) или Чельзи учиться танцовать, рисовать, музыкѣ и французскому языку, «теперь столь же модному среди знатныхъ женщинъ, какъ и среди мужчинъ». Дома имъ съ самаго дѣтства давали читать модные романы, піесы и поэмы; онѣ очень рано начинали вмѣстѣ съ матерями дѣлать визиты. Дѣвушка въ пятнадцать лѣтъ свѣтски была развита не меньше мальчика двадцати одного года [2]). Въ такихъ домахъ, какъ у Эвелина, очень заботились о воспитаніи дочерей. Эвелинъ разсказываетъ о любимой дочери, умершей въ девятнадцать лѣтъ, что «она собрала и переписала множество полезныхъ и хорошихъ страницъ изъ прочитанныхъ ей для удовольствія книгъ. Она читала и усвоила много свѣдѣній историческихъ и географическихъ. Французскій языкъ былъ ей столь же знакомымъ, какъ и англійскій; она понимала и по итальянски. У ней былъ превосходный голосъ и она въ совершенствѣ играла на арфѣ.

Выговоръ у ней былъ правильный и правописаніе (періоды) также, какъ у ея матери, безукоризненно. Она читала Гомера и нѣкоторыхъ латинскихъ поэтовъ (въ переводѣ). Обыкновенно дѣвочки не изучали классиковъ; тѣмъ не менѣе Локку удалось достать гувернантку для сына лорда Шафтсбюри, говорившую по латыни и даже по гречески.

Шотландія.

Кольвиля.

Николь, шотландскій Пеписъ, описываетъ празднества, въ которыхъ проявилась радость эдинбургскихъ гражданъ по поводу возвращенія короля изъ его странствованій. Началомъ церемоніи была проповѣдь въ с. Жильсѣ, которую почтила своимъ присутствіемъ вѣрноподданническая корпорація во всемъ блескѣ своей власти. Потомъ при ревѣ и трескѣ трехсотъ разбитыхъ стакановъ веселая кампанія пила за здоровье царственныхъ братьевъ у стола, разставленнаго на Гай-Стритъ и покрытаго сладостями и винами. Фонтаны у Креста, тамъ гдѣ вскорѣ послѣ этого герольды провозглашали

---

[1]) „Matchless Orinda“, Филипсъ, была въ 1639 г. у м-съ Сальмонъ въ Гакнеѣ (Learned Women—Бальярда). Пеписъ ходилъ въ церковь смотрѣть пансіонерокъ въ Гакнеѣ. Ср. Manners of London—Малькольма.

[2]) Defence of Female Sex—Мэри Астель (1696).

кровавые законы этого времени правительственныхъ убійствъ, были наполнены виномъ; а веселый Вакхъ, сидѣвшій на винной бочкѣ, окруженный своими спутниками, при звукахъ шести скрипокъ, озарялъ всю сцену своей добродушной улыбкой. Въ это же время на Кэстль-Гиллѣ веселые парни изъ простолюдиновъ забавлялись сожженіемъ изображеній Стараго Нолля и Стараго Ника (Кромвеля и Нокса). Такъ началось царствованіе веселаго монарха, самое низкое. самое преступное и самое печальное въ лѣтописяхъ Шотландіи царствованіе.

Шотландское правительство.

Хотя Англія съ этихъ поръ начинаетъ смотрѣть на Шотландію съ высоты своего имперскаго величія, шотландскія дѣла въ это время имѣли громадное вліяніе на общій ходъ политической жизни, приведшій къ революціи. Упорная преданность народа своей церкви казалась людямъ, которымъ эта церковь такъ долго надоѣдала, чѣмъ то мятежнымъ. Правительство, за которое Шотландія была обязана реставраціи, такъ характеризуется Галламомъ: Ни одинъ періодъ одинаковой продолжительности въ современной исторіи не можетъ быть сравниваемъ съ этимъ періодомъ по развращенности и негодности правительства. Парламентъ оставилъ далеко за собой роялистскую палату общинъ въ Лондонѣ. Тогда произошло полное осуществленіе ученія о божественномъ правѣ и о произвольной власти— корона была всемогущей, правящіе классы были грубы и невѣжественны; крестьянъ замучили и загнали до нищеты или возмущенія; судьи были безнадежно подкупны и несправедливы; духовенство обладало свойственной прелатамъ склонностью давать благословенія вооруженной рукой. Въ теченіе девяти лѣтъ (1672—81) Лаудердаль обходился даже безъ холопскаго парламента реставраціи, который подъ управленіемъ пьянаго солдата, получившаго дворянство авантюриста, Миддльтона, вычеркнулъ изъ книги статутовъ всѣ акты времени узурпаціи, возстановилъ по королевскому приказу епископатъ и запятналъ актъ объ амнистіи кровью Аржиля, Джонстона и Гутри. Умѣренные, вродѣ Байлли, надѣялись теперь на возсоединеніе церквей; но Шарпъ, Іуда, которому они довѣряли, подъ вліяніемъ лондонскаго епископа и Морлея, вернулся на сѣверъ съ званіемъ примаса и съ апостолическимъ помазаніемъ, полученнымъ имъ въ Вестминстерѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ со своими сотоварищами въ одинъ день получилъ посвященія въ діаконы, въ пресвитеры и въ епископы. «Епископское посвященіе есть цвѣтокъ, который не растетъ въ садахъ Шотландіи»—говорилъ Кирктонъ. «Пьяный» парламентъ—или вѣрнѣе Частный Совѣтъ въ Гласко—въ 1662 году изгналъ 350 священниковъ, отказавшихся обѣдать у епископа, что было условіемъ подчиненія. Люди, имѣвшіе власть и заботившіеся только о тэмъ, чтобы набить себѣ карманы, штрафовали тѣхъ изъ непосѣщавшихъ приходскія церкви, о которыхъ доносили епископамъ кураты. Въ

1664 году возстановили судъ Верховной комиссіи, давъ ему въ распоряженіе драгуновъ, подъ начальствомъ грубаго Дальцеля, Турнера и Баннатина и такихъ отвратительныхъ ихъ клевретовъ, какъ Грирсонъ офъ Лагъ и Брюсъ изъ Ирльшаля. Драгуны доставляли жертвы, при посредствѣ пытокъ (колодкой и выкручиванія пальцевъ—«boot» и «thumbkins») добивались подчиненія, а если не удавалось, то отправляли несчастныхъ «славить Бога на Grassmarket». Обвиняемымъ не предъявляли обвиненій и судили ихъ безъ защитниковъ, безъ свидѣтелей и безъ апеляціи. Паденіе Кларендона лишило прелатовъ ихъ защитника и опоры и имѣло слѣдствіемъ первую «индульгенцію» 1669 года. Лаудердаль въ этомъ году получилъ отъ парламента полномочіе собрать милицію и двинуть ее въ случаѣ надобности въ Англію—это было слѣдствіемъ Дуврскаго трактата. Но паденіе Кабалы, первое торжество виговъ, отдало Шотландію всецѣло во власть Лаудердаля и его жадной и всѣми призираемой жены. Парламентъ 1672 года, рѣшившійся противиться ему, былъ распущенъ. Оппозиція пыталась получить поддержку палаты общинъ, но король отвѣчалъ ей: «Лаудердаль во многомъ виноватъ предъ народомъ Шотландіи, но я не могу сказать, что онъ дѣлалъ что нибудь противное моимъ интересамъ». Его система послѣдовательности (Thorough), приводимая въ исполненіе горцами (1678) и суровое военное управленіе Дальцеля и Клевергоуза наконецъ привели къ неизбѣжному результату, къ мятежу. Любопытно то, что въ томъ же году (1679), когда Англія добилась Habeas Corpus Act, на сѣверѣ происходили такія ужасныя событія, какъ убійство Шарпа, стычка при Друмелогѣ и бойня въ Ботвель Бригѣ. За этимъ начались повѣшенія жертвъ, заточеніе остальныхъ въ уголкѣ кладбища Грейфріаровъ и отправка ихъ потомъ за море въ рабство. Жители горной Шотландіи (Hillmen) смѣло отреклись отъ повиновенія королю въ Санкгарской деклараціи (1680), но отчаянная стычка при Айрдсмоссъ и смерть руководителей возстанія, Камерона, Каржиля и Гакстона, закончили открытое сопротивленіе.

Терроръ. Политическій кризисъ, когда былъ внесенъ биль объ исключеніи и когда Драйденъ писалъ «Авесалома и Ахитопеля», далъ Шотландіи герцога Іоркскаго вмѣсто устарѣвшаго Лаудердаля. Частный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ, довелъ ученіе о божественномъ правѣ и о пассивномъ повиновеніи до крайнихъ предѣловъ и управлялъ деспотически при посредствѣ такихъ орудій какъ Клавергоузъ, который въ качествѣ шерифа опустошилъ Галловей и запятналъ свою репутацію мучиничествомъ Уигтона, въ которомъ прямо отвѣтствененъ его братъ и помощникъ, и разстрѣляніемъ Броуна изъ Пристгилля, въ которомъ онъ самъ игралъ главную роль. Даже дворянство чувствовало угнетеніе и провело строгій законъ о наслѣдованіи, ограничивавшій конфискаціи пожизненной рен-

той владѣльца. Потомъ появились акты о престолонаслѣдіи и Test Act, появился призракъ папства и нѣкоторые изъ лучшихъ людей Шотландіи, вродѣ Аржиля и Стэра, должны были уйти въ изгнаніе. Кризисъ достигъ своего апогея въ 1684 году, когда дерзкая декларація горцевъ (Hillmen) вызвала кровавые акты правительства. Кавалеристы (Troopers) убивали въ открытомъ полѣ безоружныхъ людей, отказывавшихся отвѣчать на щекотливые и могшіе послужить поводомъ къ обвиненію вопросы. Штрафы и помѣстья раздавались членамъ Совѣта, который благодарилъ Джефрейса за его предложеніе арестовать мятежниковъ и не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, чтобы они не убѣжали въ Англію. Въ Рай—Гоузскій заговоръ запутали многихъ шотландскихъ виговъ и пытки, бывшія незаконными въ Тоуэрѣ въ Лондонѣ, перенесли въ залу Совѣта въ Эдинбургѣ. Тамъ узколобый герцогъ Іоркскій, не довольствуясь тѣмъ, что онъ любовался, точно интереснымъ опытомъ, послѣднимъ ударомъ деревяннаго молота (мушкеля—mullet) и послѣднимъ оборотомъ винта, выносимымъ жертвой, наносилъ удары естественнымъ народнымъ вождямъ, что и заставило ихъ окружить принца Оранскаго въ Гагѣ преданнымъ шотландскимъ Частнымъ Совѣтомъ. Отмѣна Нантскаго эдикта (1685) наполнила столицу жертвами деспотизма Людовика XIV, которыя принесли съ собой еще большій страхъ предъ папствомъ и произвольной королевской властью. При извѣстіи о высадкѣ Вильгельма въ Торбеѣ пала, наконецъ, та ненавистная система, которая сдѣлала больше для задержки общественнаго развитія и для пониженія уровня національной жизни, чѣмъ весь предшествовавшій періодъ гражданской борьбы. На кораблѣ, привезшемъ въ Англію избавителя, пріѣхали и шотландскіе изгнанники, бывшіе его вѣрными друзьями и совѣтниками. Ни одна часть королевства не принесла такихъ жертвъ и не могла получить столько пользы отъ переворота, какъ Шотландія. Преслѣдуемые пресвитеріане были первыми піонерами въ дѣлѣ освобожденія измученной Стюартами земли. Ихъ называли непрактическими фанатиками. Они были скорѣе представителями погибшихъ надеждъ революціи и всякій, кто цѣнитъ британскую конституцію, долженъ чтить ихъ память.

Положеніе страны.

Печальные годы реставраціи оставили слѣды и на экономическомъ положеніи деревни и на промышленномъ развитіи Шотландіи. Андрью Симсонъ, бывшій въ теченіе двадцати лѣтъ куратомъ на берегахъ Сольвея, «по Божьему провидѣнію и вслѣдствіе защиты законовъ его священнаго величества», даетъ намъ интересное «Описаніе» (Descriptio) округа, когда то процвѣтавшаго, но въ это время совершенно раззореннаго за усердную поддержку ненавистныхъ правительству виговъ. Мы видимъ въ этомъ описаніи крестьянъ, гнѣздящихся въ ихъ закопченныхъ, крытыхъ верескомъ деревушкахъ (clachans), быковъ, плетущихся по каменистымъ бороздамъ, лужки

для выпаса скота (berefay) у деревушки, старательно сохраняемые, чтобы уменьшить расходы содержанія скота въ стойлахъ, ячменную муку (bere), поля, заросшія сорными травами, печальные куски земли, засѣянные овсомъ влѣво по берегу (machir), худыхъ коровъ, привязанныхъ на зеленыхъ бороздахъ между хлѣбными нивами, пони, тащущихъ сани или повозки въ упряжи изъ дерева и ивовыхъ прутьевъ, а на «черныхъ» земляхъ, покрытыхъ верескомъ и мшистыми кочками, на этомъ ужасномъ пристанищѣ гонимыхъ гилльменовъ, бродятъ овцы, доставлявшія знаменитую Галловейскую шерсть на рынки Эдинбурга, Гласко и Айара. Внизъ по Сольвею при устьѣ Кри, въ богатой наносной странѣ Бальдуна, гдѣ сэръ Давидъ Дёнбаръ сдѣлалъ первыя въ Шотландіи изгороди, стада безрогаго галловейскаго скота выкармливались для англійскихъ потребителей. Прибавьте къ этому народныя сказанія о святыхъ колодцахъ, разсказы деревенскихъ простаковъ о ярмаркахъ въ Уигтонѣ и описаніе скалистой долины нижняго Ди, красота которой внушили Монгомери его «Cherry and the Slae». Томасъ Кирке, англичанинъ, склонный къ сатирѣ и преувеличенію, говоритъ о дворянскихъ домахъ, выглядывающихъ изъ за деревьевъ, точно сова изъ ивовыхъ кустовъ и о кучахъ торфу, наложенныхъ у фермъ. Полнѣе и основательнѣе разсказъ Морера, капеллана войскъ, посланныхъ па сѣверъ во время революціи. Онъ разсказываетъ, что въ этихъ деревняхъ всегда можно купить сѣно, скошенное на сырыхъ заливныхъ прирѣчныхъ лугахъ. Онъ удивляется, какъ высоко пашутъ по холмамъ и полагаетъ, что дренированіе низменностей, гдѣ растетъ только плохая трава, лучше бы вознаградило трудъ земледѣльца. Только въ садахъ нѣкоторыхъ дворянъ можно увидать фруктовыя деревья: яблони, плохія сливы, сносныя вишни, одинъ сортъ груши и нѣсколько сортовъ ягодныхъ кустовъ. Одинъ лэйрдъ въ Морайширѣ въ 1684 году купилъ для своего сада яблонь и французскихъ грушевыхъ деревьевъ—но это уже не въ раззоренномъ округѣ. Въ Нитсдэлѣ Кинсберри, любимый клевретъ Карла II, началъ (1679) строить Друмланригъ-Кэстль и украсилъ его парками и садами; а въ Файфѣ свирѣпый Ротсъ украшалъ Лесли-Гоузъ садами, расположенными террасами, и прекрасными деревьями. Въ большихъ городахъ многое могло привлекать путешественниковъ, но все это было дѣломъ прошлыхъ вѣковъ. «Очень чистая рыночная площадь въ Гласко, подобная которой наврядъ ли есть въ Англіи»—говоритъ Рай; изящная новая коллегія (конченная въ 1656 г.) среди садовъ, новая городская ратуша (Тоунголль—1626 г.) и квадратная башня. Въ Эдинбургѣ «Корона» С. Жильса (1648), Голирудъ, возстановленный послѣ пожара и Геріотъ—модное гулянье съ лугами для игры въ шары и съ садами. Де Бруски, фламандецъ, провелъ въ городъ воду (1681); въ Эдинбургѣ и въ другихъ городахъ

въ это же время выходятъ изъ употребленія крыши изъ вереска, очищаются улицы, изгоняются толпы нищихъ и въ тавернахъ устроиваются лучшія удобства для посѣтителей. Въ Абердинѣ воспретили (1668) скорую ѣзду и прогонъ гуртовъ лошадей по улицамъ, и одинъ горожанинъ просилъ разрѣшенія построить у Креста лавочку для продажи рыбы, вмѣсто того, чтобы какъ раньше, она валялась въ уличной грязи. Во время голландской войны лѣтописи Абердина полны разсказами о паникѣ и о героическихъ усиліяхъ привести гавань въ положеніе защиты. Много занимались каперствомъ; многіе порты очень удачно снаряжали каперовъ (франц. gabare). Бурги юга и запада пользовались особеннымъ отеческимъ вниманіемъ правительства—и страданія Ланарка, Думфри, Пибльса и Гласко были ужасны. Преступленій совершалось немного; ихъ было много только по границамъ горной Шотландіи, гдѣ не разъѣзжали драгуны. Графъ Пертъ, преданный слуга Іакова II, писалъ (1682): Здѣсь такое воровство, что просто жаль видѣть положеніе бѣдныхъ людей.

Домашняя жизнь.

Домашняя книга (Household Book) архіепископа Шарпа (1663—66), въ то время бывшаго на вершинѣ могущества, даетъ намъ понятіе о жизни знати, потому что у покровительствуемаго правительствомъ прелата были два прекрасныя помѣстья вблизи С. Андрью и онъ разъѣзжалъ царственно въ-и-отъ столицы въ роковой каретѣ, «привезенной имъ по королевской милости изъ Лондона—«по обѣимъ сторонамъ ея бѣжали два лакея»—разсказываетъ Байли. Въ С. Андрью получались боченки масла, откормленные гуси, изюмъ и коринка, испанскіе полотенца (bisomes и mapis) и столовое бѣлье. Дунди доставлялъ для зимы бычачьи туши. Отовсюду присылали подарки дичью, плодами и форелью. Мы узнаемъ изъ этой книги, сколько платили пастуху, лакею, повару и доктору Питилльо за три дня лѣченья дѣтей. Въ числѣ подарковъ встрѣчаемъ серебряную иглу для Агнесы, библію для брата Вилльяма, вмѣстѣ съ двумя палками для игры и четырьмя шарами. Вилльямъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ Лаудердаля и тоже получилъ хорошія помѣстья. Жизнь въ Эдинбургѣ тоже описана въ книгѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о столѣ слугъ, объ угощеніи элемъ, табакомъ и трубками, земляникой съ сливками и сахаромъ, жаворонками, кроликами (пара стоила столько же, сколько половина барана), откормленными гусями, бараньимъ бокомъ и каперсами; получаемъ свѣдѣнія и о томъ, что за столомъ подавалось два стакана и о томъ, сколько платили женщинѣ за ношенье воды въ домъ, о каретѣ для разъѣздовъ по полямъ. Упоминается и о поѣздкахъ въ Лондонъ. Есть подробности о путешествіи, объ обѣдахъ изъ мяса и яицъ, хлѣба и пива, о расходахъ за переѣздъ на лодкѣ въ Ламбетъ, о новыхъ ножнахъ для меча архіепископа, о водѣ изъ апельсинныхъ цвѣтовъ, меню

большихъ воскресныхъ обѣдовъ и ужиновъ, даваемыхъ вельможамъ, объ ужинахъ «съ трубками» для Лаудердаля (архіепископъ самъ не курилъ), объ элѣ съ хлѣбомъ, иногда съ сыромъ, вечеромъ и утромъ, часто о свѣжей рыбѣ и разъ о Ламбетскомъ пивѣ. Покупали здѣсь деревянные и роговые гребни и коробку для ея лордства, немного книгъ и бумаги. О мылѣ не упоминается и только одинъ разъ послѣ путешествія изъ Лондона упоминается о счетѣ за мытье бѣлья. Домашняя книга Кунингама изъ Крэгендса, между Пэйслеемъ и Ренфрью, даетъ тоже картину современныхъ обычаевъ. Лэйрдъ сильно симпатизировалъ вигамъ, но за исключеніемъ уменьшенія ренты вслѣдствіе расквартированія солдатъ, покупки эдиктовъ о преслѣдованіяхъ и взносовъ для пророка Педена, тогда сидѣвшаго въ тюрьмѣ въ Бассѣ, онъ держался далеко отъ политики. Нѣкоторыя продажи натурой и намеки на заклады и мѣну указываютъ, что денегъ у него было немного. Мы встрѣчаемъ указанія на раздоры съ арендаторами, на пѣтушьи боя съ сосѣдями, на бѣга въ Гоустонѣ, на теннисъ въ Пейслеѣ въ отелѣ, гдѣ былъ садъ съ кустами красной смородины (razour—berries). Мы встрѣчаемъ далѣе указанія о платѣ за двухъ щенковъ, за три крючка для рыбы, за живую куропатку, принесенную мальчикомъ. О рыбѣ не упоминается, кромѣ одного упоминанія о копченой селедкѣ, какъ о лакомствѣ. Упоминается и о подаркахъ бѣднымъ и друзьямъ. Кунингамъ часто возилъ жену и сестеръ въ Эдинбургъ и тутъ записи становятся интересными: Игра въ шары, молоко и сыворотка въ паркѣ, за посмотрѣніе слона, двухъ медвѣдей и обезьяны, за смотрѣнье канатнаго плясуна, за театръ, «за мой портретъ», «за четыре унца мыла для моего бритья», за эль и ягоды. О плодахъ, растительной пищѣ, рыбѣ, мясѣ и винѣ почти не упоминается. О виски, которую называютъ національнымъ напиткомъ, совсѣмъ не упоминается. Посѣщали и кофейни въ Эдинбургѣ и Лейтѣ, но Частный Совѣтъ бдительно слѣдилъ за ними, какъ за мѣстами распространенія ложныхъ слуховъ.

ИСТОЧНИКИ—1660—1688.

Общая исторія.

Относительно иностранной политики исторіи Ранке и Мартена, а также Iohn de Witt—Понталиса. Внутренняя исторія—у Галлама, Гнейста, Ранке и Маколея. Общественная и церковная исторія—сочиненія Бёрнета, Пеписа и Эвелина и статьи въ Dict. of Nat. Biogr. См. также Law and Custom of Constitution—Ансона и History of Taxes and Taxation—Доуэля.

Спеціальные предметы.

Церковь. Hist. of His Own Times—Бёрнета; Lives—Ультона; проповѣди и памфлеты того времени; His. of Engl.—Ранке; Hist. of Church of Engl.—Перри и Life in English Church, 1660—1714—Овертона.

Законодательство. Статуты и State Trials въ царствованія Карла II и Іакова II. Commentaries—Блэкстона; Hist. of Criminal Law of England—Стефена; Hist. of Eng.—Галлама; Lives of the Chancellors—Камобелля. Хорошей исторіи англійскаго законодательства XVII и XVIII вѣковъ не имѣется.

Армія. Hist. of British Standing Army—Ультона; Marlborough's Life and Letters—Мюррея; біографіи Марльборо—Кокса, лорда Вольслея и Алисона. System of Camp Discipline—Кэна; Campaign in Spanish Hetherlands—Д'Оверня; Articles of war—Іакова II.

Флотъ. См. гл. XIV.

Искусство и архитектура. См. гл. XIII, а также Encyclop. of Archit.—Gwilt'a; о Ренѣ Parentalia (1750) Рена; Towers and Steeples of Wren—Тайлора; О Лели статьи въ Dict. of Hat. Biog.; о Неллерѣ, Der Portrait-Maler Godfrey Kneller—Аккермана.

Университеты. Hist. of Commonwealth and Restoration—Гардинера; Diaries Антонія Вуда; Register of Visitors of Univer.—Бюррэвса; изданія Оксфордскаго историческаго общества.

Музыка. Исторіи музыки Бёрнея (1776—1784); Джона Гавкинса (1776), Бусби (1819) и Рокстро (1886) и на нѣмец. языкѣ Амброса (1868). См. также статьи въ Dict. of Music and Musicians—Грове и въ Encyclop. Britannica.

Теологическая литература. Сочиненія главныхъ теологовъ этого времени изданы въ Library of Anglo—Catholic Theology (легко достать и оригинальныя изданія). О фактахъ ихъ жизни Life in English Church—Овертона.

Литература. Eighteenth Century Liter. (съ 1660 г.)—Госсе. Essay on Comic Dramatists of Restoration—Маколея и Essays—Ламба, Газлитта, и Лейга Гёнта. Life of Dryden—Скотта; Lives of Poets—Джонсона.

Земледѣліе. 1642—1714. Farming and Acounts Books of Henry Best of Elmswell in East Riding of Iork in 1641; Samuel Hartlib, His Legacie, (1651); Vindication of a Regulated inclosure (1656)—Жозефа Ли; Adam out of Eden (1659)—Спида; England's Happiness increased (1664.—первый трактатъ о разведеніи картофеля)—Джона Форстера; Systema Agriculturae (1669)—Джона Уорлиджа; England's Improvement by Sea and Land (1677—81)—Ярралтона; Collection of Letters for Improvement of Husbandry and Trade (1681—83)—Джона Гоуттона; Hist. of Great Level of Fennes (1685)—Іонаса Мура; Husbandry Anatomised (1697)—Джемса Дональдсона. Изъ новыхъ книгъ, кромѣ указанныхъ въ гл. XIII. Agric. Biog., 1480—1854—проф. Дональдсона; Short Enquiry into Hist. of Agricul—Чандоса Рена Госкинса и Tulpa—его же; Commons and Common Fields—Скроттона; статьи графа Карткарта въ Jour. of Royal Agric. Society, мартъ, 1891 г. См. также карты въ English Village Community—Сибома.

Промышленность. 1642—1714. См. гл. XIII. Hist. of French Protestant Refuges—Вейсса; Hist. of French, Walloon and Dutch Refugees—Бёрна. Исторія желѣзной промышленности: Hist. of Iron Trade—Скривенора; Metallum Martis—Дудлея. Текстильная промышленность: Hist. of Cotton Manufacture—Бэна; Hist. of Machine—Wrought Hosiery—Фелкина; Hist. of Wollen and

Worsted Manuf.—Бишофа; Great Britain's Glory—Гайнса (о числѣ рабочихъ). О Ломбе см. Dict. of Nat. Biog. Соляной промыселъ: Salt and Fishery—Джона Коллинса; Answer to the Paper published hy late patentees of Salt—Джона Деви. Угольная промышленность: статья въ Old Iorkchire, изд. Уитера (1885). О Ньюкэстльскомъ углѣ: Chorographia—Грея; Metallum Martis—Дудлея; Ceramic Art—Iewitt'a; Art of Glass (пер. съ французск. 1699)—Годикке де Бланкуръ. Большая коллекція трактатовъ въ Британскомъ Музеѣ (Tracts relating to Trade). Книга Статутовъ. Статистическія работы и общіе обзоры: Tour: Britannia Languens (1680)—Дефое. Mercator. с'очиненія Давенанта; Survey of Trade—Вуда; Merchant's Map of Commerce —Льюса Робертса; New Discourse of Trade—Чайльда; сочиненія Петти и томы Philosoph Transactions.

Медицина и Общественное здравіе. Roll of Royal College of Physicians—Мунка, William Harvey и Harvey's Works and Life—Роберта Уиллиса; Sydenham's Works and Life—Латама; Лонгморъ, Ричардъ Айземанъ.

Общественные классы. 1660—1688. Observations—Грегори Кинга (1696). State of England (1669)—Чамберлейна; Diaries—Пеписа и Эвелина и документы въ State of Poor.—Эдена. Томы Кямденскаго и другихъ обществъ и отчеты Hist. Manuscripts Commission; многіе мемуары и біографіи (Нейлля, Шафтсбюри и пр.). Извѣстная глава Маколея (т. I). Const. Hist.—Гнейста; Economic Hist.—Ашлея (объ изгородяхъ). Масса свѣдѣній, которыми, однако, надо пользоваться съ осторожностью у Торольда Рожерса: Hist. of Agric. and Prices. См. также Engl. Industry and Commerce—Куннингама.

Общественная жизнь. Memoirs—графа Грамона; Court of Charles II—Жюссерана; Court of Engl.—Жессе; Queens of Engl.—Стрикланда; Character of Charles II—Галифакса; Пеписа: Diary, Life, Iournals and Correspondence; Samuel Pepys—Wheatley; Diary, Correspondence, Life of M—ss Godolphin—Эвелина; Lives of the Norths; —Рересби; Diaries—Теонжа и Торесби; Nell Gwynne—Кунингама; Travels—Cosmo III, Собріера, Жоревеня (въ Antiquarian Repertory—Гроза); Works—Драйдена; State of Engl.—Чамберлейна; Puritans—Ниля; Compleat Gentleman—Гайляра; Lives of Eminen Men—Обрея; Sidney Papers; Tracts въ Harleian Miscellany.

Шотландія. Сочиненія Джона Лаудера Фоунтенголля; Memorials—1663—84—Лоу; Autobiography (Analecta Scotica)—Роберта Сибальда; Домашняя книга архіепископа Шарна, 1663—66. Замѣтки о Дунди и Шарпѣ въ Misc. Scot.; Memoirs — епископа Сажа; Correspondence — Лаудердаля; Household Book of Cunningham of Craingends, 1673—80; Life of Peden—Уолькера; Analecta—Уодроу; Description of Galloway—Симсона; Shore Account of Scotland — Морера; Hist. of Church of Scotland (1670 — 78)—Кактона; Memoirs and Letters of Dundee—Марка Нэпира; Social Life in Moray—Дёнбара; Laird of Lag—Фергюсона; First Viscount Stair—Макая; Lives of Lord Advocates—Омонда и Life of William Carstares—Стори—необходимы для изученія политическихъ и церковныхъ событій этого періода.

ГЛАВА XVI.

Прекращеніе династіи. 1689—1714.

Политическая исторія.

Гассаля.

Революція 1688 года завершила дѣло Долгаго парламента и Билль о правахъ упрочилъ пріобрѣтенія націи во время великаго мятежа. Хотя этотъ билль былъ по существу простой декларацiей, по безспорно, что онъ вводилъ нѣкоторые новые принципы. Съ этихъ поръ ученіе о божественномъ правѣ и о пассивномъ повиновеніи отходятъ въ область прошлаго. Безъ согласія парламента не могутъ собираться налоги и въ мирное время нельзя содержать арміи. Признаются права петиціи, свободнаго обсужденія въ парламентѣ и свободнаго избранія представителей. Но въ царствованія Вильгельма и его наслѣдницы Анны эта система только формируется; она прочно устанавливается только въ царствованіе первыхъ двухъ Георговъ. Общія слѣдствія революціи.

Начиная съ 1688 года постепенно опредѣляется отношеніе короны къ судебной и исполнительной властямъ и къ парламенту. Теорія божественнаго права замѣняется новой теоріей, что король царствуетъ по волѣ народа, что его министры суть слуги націи, отвѣтственные предъ ней, какъ ея представители, а не предъ королемъ. Тѣмъ не менѣе полномочія короны остаются еще значительными и только постэпенно изобрѣтены были средства для уменьшенія вліянія короля. Билли о пенсіи и о должностяхъ могли до извѣстной степени устранить чрезмѣрное вліяніе короля на министровъ; но дѣйствительное значеніе революціи 1688 года было понято только тогда, когда кабинетъ министровъ сдѣлался признанной частью англійской конституціи. Кабинетская система постепенно развивалась Королевская власть.

при Вильгельмѣ III и Аннѣ, восторжествовала при Вальполѣ, развитіе ея было задержано въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ царствованія Георга III, и наконецъ она была окончательно упрочена при второмъ министерствѣ Рокингама (1782) и при Питтѣ младшемъ. Съ установленіемъ этой системы парламентъ, какъ представитель націи, окончательно беретъ на себя не только обязанности законодательной власти, но и контроль надъ властью исполнительной.

Палата лордовъ.

Торжество парламента надъ короной было вмѣстѣ съ тѣмъ и торжествомъ палаты общинъ. Характеръ палаты лордовъ послѣ 1688 года рѣзко измѣнился. Благодаря политикѣ Іакова II, она изъ торійской превращается въ вигскую и такой остается до тѣхъ поръ, пока ее снова не измѣнилъ Вильямъ Питтъ. Ея вліяніе не исчезло; значеніе перовъ въ мѣстномъ управленіи оставалось столь же сильнымъ, какъ и прежде, но ея значеніе, какъ части законодательнаго собранія, было ослаблено вслѣдствіе увеличенія могущества палаты общинъ и послѣ билля о перахъ верхняя палата, владѣющая еще важными функціями надзора и ревизіи, становится менѣе вліятельной, чѣмъ состоящая изъ народныхъ представителей и потому болѣе популярная палата общинъ.

Палата общинъ.

Революція, собственно говоря, была торжествомъ палаты общинъ, сдѣлавшейся теперь важнѣйшимъ элементомъ англійской конституціи. Палата общинъ, теперь не подвергаясь никакимъ прямымъ опасностямъ со стороны королевской власти, постепенно, но вѣрно добивается полномочій, по конституціи еще принадлежавшихъ королю. Его министры въ дѣйствительности становятся министрами палаты и контроль надъ исполнительной властью ускользаетъ изъ рукъ короля. Но до 1832 года палата общинъ имѣла одно неудобное для нея свойство, она не была представительницей избирателей, а сами избиратели не были представителями народа. Непрямое вліяніе короны оставалось значительнымъ. Было много покупныхъ и «карманныхъ» избирательныхъ мѣстечекъ, общественное мнѣніе только въ рѣдкихъ случаяхъ могло проявляться въ парламентѣ. Періодъ, слѣдовавшій за революціей 1688 года, былъ періодомъ развитія конституціонной свободы, развитія кабинетскаго управленія и преобладанія вліянія аристократіи.

Обзоръ политическихъ событій.

Вильгельмъ при его воцареніи нашелъ Англію въ опасномъ положеніи, Европѣ угрожала гегемонія Франціи и Англія связала свою судьбу съ врагами Людовика XIV. Революція сдѣлала Англію самой значительной изъ торговыхъ странъ въ Европѣ и упрочила ея морскую гегемонію, но только черезъ нѣсколько лѣтъ прошла всякая опасность для ея независимости отъ нападеній Людовика XIV и Іакова II, и она могла свободно развивать свою торговлю и свои колоніи. До Рисвикскаго мира 1697 Англіи приходилось защищаться

въ Ирландіи и на морѣ, и въ тоже время бороться съ Людовикомъ XIV въ Нидерландахъ.

Первое министерство Вильгельма состояло изъ Данби, получившаго титулъ лорда Кармартена, Ноттингама, Годольфина, Галифакса и Шревсбюри. Конвентъ засѣдалъ до января 1690 года, когда онъ былъ распущенъ. Онъ превратилъ декларацію правъ въ билль о правахъ, провелъ актъ о мятежѣ и актъ о терпимости; онъ потребовалъ новой присяги на подданство отъ всѣхъ служащихъ, слѣдствіемъ чего было лишеніе 300 духовныхъ лицъ ихъ бенефицій; эти духовныя лица подъ главенствомъ Санкрофта и Кена составили партію неприсягнувшихъ (nonjurors). Но появленіе враждебныхъ партій въ Англіи и увеличивающаяся непопулярность Вильгельма были сначала не особенно важнымъ дѣломъ въ виду серьезныхъ вопросовъ, рѣшавшихся въ то время въ Ирландіи и Шотландіи. О борьбѣ въ Ирландіи будетъ сказано дальше. Въ Шотландіи дѣло революціи совершилось не безъ смятеній. Тамъ хотя и собрался конвентъ, предложилъ корону Вильгельму и Маріи и объявилъ епископатъ уничтоженнымъ, но фанатики-ковенантеры въ нижней Шотландіи противились Вильгельму, а на сѣверѣ и западѣ горцы стояли за Іакова II. 27 іюля 1689 года войско Вильгельма было разбито въ битвѣ при Килликранки войскомъ Дунди, за смертію котораго послѣдовало и разсѣяніе горцевъ. Умиротвореніе Шотландіи завершилось только бойней въ Гленкое (13 февраля 1682 года), когда Макдональды, вслѣдствіе вражды къ нимъ виговъ Кампбеллей, были почти всѣ перебиты королевскими войсками. Въ это время велась война съ Франціей, вообще довольно успѣшно для Англіи. Англія объявила войну Франціи 13 мая 1689 года; въ 1690 году союзники были разбиты при Флерусѣ и флоты Англіи и Голландіи потерпѣли пораженіе при Бичи Гидъ (Beachy Head). Но 19 мая 1692 года Англія отстояла свою морскую гегемонію въ битвѣ при Ла Гугъ (La Hougue), и всякая опасность нашествія была устранена.

Вильгельмъ былъ разбитъ при Штейнкиркѣ въ 1692 году и при Ланденѣ въ 1693-мъ, но въ 1695-мъ онъ взялъ Намюръ и въ 1697 году война закончилась Рисвикскимъ миромъ, причемъ Людовикъ XIV призналъ Вильгельма королемъ Англіи.

Внутреннія событія

Въ теченіе всего этого времени внутреннія затрудненія Вильгельма все увеличивались. Составлялись заговоры, чтобы убить его; въ парламентѣ образовалась оппозиціонная партія, а въ декабрѣ 1694 года скончалась его жена, королева Марія. Несмотря на партійную борьбу вигамъ удалось провести трехгодичный билль и Монтэгю, канцлеръ казначейства въ 1694 году, успѣлъ провести очень удачныя финансовыя мѣры. Шли переговоры о новомъ займѣ, былъ учрежденъ англійскій банкъ. Въ 1695 году была произведена денежная реформа и кредитъ Англіи былъ прочно установленъ. Въ

1696 году Вильгельмъ по совѣту Судерланда неосторожно отдалъ себя въ руки виговъ и было образовано первое единое министерство подъ главенствомъ Сомерса, Галифакса, Русселя и Уартона. За казнью сэра Джона Фенвика за государственную измѣну (28 января 1697 года) послѣдовало закрытіе сессіи и полное торжество виговъ, привѣтствовавшихъ заключеніе Рисвикскаго трактата.

Послѣдніе годы царствованія Вильгельма были ознаменованы учрежденіемъ въ 1698 году кампаніи восточной Индіи, что было доказательствомъ искусства Монтэгю, какъ финансиста, спорами съ парламентомъ и безуспѣшными стараніями сохранить миръ въ Европѣ. Въ 1698 году начинается торійская реакція; палата общинъ не только настаивала на отправленіи голландской гвардіи, но и спорила съ палатой лордовъ, бывшей въ то время рѣшительно вигской. Въ новомъ парламентѣ, собравшемся 14 ноября 1699 года, оппозиція королю въ палатѣ общинъ была сильнѣе, чѣмъ прежде. 10 апрѣля 1700 года прошелъ Resumption Bill, передававшій всѣ конфискованныя въ Ирландіи земли опекунамъ-довѣреннымъ; полный разрывъ съ верхней палатой былъ предотвращенъ только ловкостью Вильгельма. Въ декабрѣ 1700 года Вильгельмъ назначилъ новое министерство, включавшее Годольфина и Рочестера, и въ февралѣ 1701 года снова собрался парламентъ. Былъ принятъ актъ о престолонаслѣдіи и были обвинены лорды Рутландъ, Сомерсъ, Орфордъ и Галифаксъ; отношенія между двумя палатами снова обострились и открытый разрывъ былъ предупрежденъ только отсрочкой засѣданій въ іюлѣ. Но поведеніе палаты общинъ вызвало реакцію, проявившуюся въ Кентской петиціи, а аггресивныя дѣйствія Людовика XIV, а въ особенности признаніе имъ въ сентябрѣ претендента, возбудили въ Англіи патріотическія чувства и привлекли всю націю на сторону Вильгельма. Парламентъ былъ распущенъ; 31 декабря собрался новый, напавшій на претендента и поддержавшій актъ о престолонаслѣдіи, 8 марта 1701 года Вильгельмъ скончался.

Царствованіе Анны.

Анна въ первые годы своего царствованія находилась подъ вліяніемъ герцога Марльборо, который подобно Вильгельму съ большими затрудненіями проводилъ національную политику и составилъ министерство, состоявшее изъ лучшихъ людей обѣихъ партій.

Главными событіями во внутренней исторіи Англіи въ это время были: соединеніе ея съ Шотландіей и парламентская борьба. О событіяхъ, приведшихъ къ соединенію двухъ королевствъ, будетъ разсказано потомъ. Парламентская же исторія и исторія министерствъ распадается на три различныхъ періода: 1) отъ 1701-го 1708 года 2) отъ 1708 до 1710-го и 3) отъ 1710 до 1714 года.

Первый періодъ. 1701—1708.

Въ періодъ отъ 1701 до 1708 года оружіе Англіи торжествовало, образовалась унія съ Шотландіей и произошелъ постепенный переходъ власти отъ тори къ вигамъ. Сначала Марльборо, получив-

шій титулъ герцога и генералъ капитана, и Годольфинъ соединились съ крайними тори, Ноттингамомъ и Рочестеромъ, рѣшительно не одобрявшими войну съ Франціей, объявленную 4 мая 1702 года. Въ 1703 году Рочестеръ былъ отпущенъ, а въ слѣдующемъ году были отставлены и Ноттингамъ, Джерсей и Сеймуръ. Марльборо и Годольфинъ нашли необходимымъ ради дѣятельнаго веденія войны опираться все болѣе и болѣе на виговъ. Мѣста отставленныхъ министровъ были заняты умѣренными тори, Гарлеемъ, Манселемъ, графомъ Кентомъ и С. Джономъ, а Сундерландъ, зять Марльборо, вигъ, въ 1706 году получилъ должность государственнаго секретаря. Не смотря на постепенную замѣну въ правительствѣ тори вигами, настроеніе палаты общинъ въ 1704 году было сильно противное Марльборо и политикѣ виговъ. Билль о признаніи случайнаго единовѣрія незаконнымъ уже два раза проходилъ въ палатѣ общинъ, но оба раза отвергался въ палатѣ лордовъ; споры между двумя палатами по поводу петиціи о выборахъ въ Айльсбюри представляютъ другой примѣръ упорства и ложныхъ взглядовъ палаты общинъ; ея отношеніе къ побѣдѣ при Бленгэймѣ и новая попытка провести билль противъ случайнаго единовѣрія въ третій разъ въ 1704 году свидѣтельствуютъ о страстности политической борьбы. Нація постепенно начала понимать невозможность торійской политики и Марльборо, воспользовавшись измѣненіемъ общественнаго мнѣнія, произвелъ дальнѣйшія измѣненія въ министерствѣ, сдѣлавшемся въ 1707 году вполнѣ смѣшаннымъ.

Министерство виговъ 1708—1710.

Интриги Гарлея и недовольство виговъ привели, однако, Марльборо скоро къ убѣжденію, что такое смѣшанное министерство невозможно. Гарлей и его товарищи подали 11 февраля 1708 года въ отставку и былъ составленъ знаменитый кабинетъ изъ виговъ, въ которомъ кромѣ Марльборо были Годольфинъ, Сундерландъ, Орфордъ, Вальполь, Бойль и Смитъ. Это министерство было во власти отъ 1708 до 1710 года. Но хотя оно имѣло успѣхъ въ иностранной политикѣ, его положеніе съ самаго начала было непрочно. Королева не любила его, нація утомилась войной и недовѣряла Марльборо, всѣ полагали, что только партійная необходимость мѣшаетъ заключенію мира. Гарлей при помощи м—съ Мэшэмъ непрерывно интриговалъ, чтобы уничтожить вліяніе герцога и герцогини Марльборо на королеву. Преслѣдованіе Сахевереля въ концѣ концовъ повело къ паденію давно колебавшагося министерства. И въ 1710 году пало министерство, бывшее однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ исторіи Англіи.

Торійское министерство 1710—1714.

Съ 1710 до 1714 власть находилась въ рукахъ Тори; во главѣ министерства былъ Гарлей. Также, какъ и Марльборо, Гарлей предпочелъ бы смѣшанное министерство, но время такого министерства прошло. Цѣлью Гарлея и С. Джона было заключить миръ и подго-

товиться на случай смерти королевы. Утрехтскій миръ былъ подписанъ въ 1713 году и до смерти королевы С. Джонъ посвятилъ всѣ свои силы трудному дѣлу поставить торійскую партію въ такое сильное положеніе, чтобы она могла продиктовать свои условія или Іакову Эдуарду или курфюрсту Ганноверскому. Но торійская партія состояла въ большинствѣ изъ людей, рѣшившихъ не признавать Іакова Эдуарда, если онъ не отречется отъ своей религіи; а подозрительныя сношенія Болинброка съ крайними якобитами внушали къ нему крайнее недовѣріе большинства его собственной партіи.

Планы Болинброка. Смерть Анны.

Тори были такимъ образомъ нерѣшительны и дезорганизованы, когда умерла Анна, тогда какъ виги, твердо рѣшившіеся поддерживать пріобрѣтенія революціи, не имѣли никакихъ сомнѣній и находились подъ хорошимъ руководительствомъ. До смерти Анны Болинброкъ дѣйствовалъ энергично и сдѣлалъ многое. Въ 1711 году прошелъ актъ относительно случайнаго единовѣрія, въ томъ же году для уменьшенія вигскаго большинства въ верхней палатѣ были назначены двѣнадцать перовъ, въ 1714 году былъ проведенъ актъ о схизмѣ. Посредствомъ этихъ актовъ Болинброкъ надѣялся привлечь на свою сторону духовенство и торійскую партію. Но колебанія Гарлея разрушили всѣ его планы, а Анна умерла раньше, чѣмъ были закончены всѣ его приготовленія, 27 іюля 1714 года раздоръ Болинброка съ Гарлеемъ закончился отставкой послѣдняго отъ должности лорда казначея. 30 іюля у Анны былъ апоплексическій ударъ, а 1 августа она умерла. Шревсбюри соединился съ двумя членами Частнаго Совѣта, вигами Аржилемъ и Сомерсетомъ, и получилъ отъ умирающей королевы бѣлый жезлъ казначея. Три герцога, поддерживаемые партіей виговъ, приняли необходимыя мѣры для обезпеченія протестантскаго наслѣдства, а торійская партія, раздѣленная и нерѣшительная, ничего не дѣлала. Былъ проведенъ «актъ устроенія» (Act of Settlement) и королемъ провозглашенъ курфюрстъ Ганноверскій Георгъ.

Англія и Европа.

Революція 1688 года вернула Англіи то положеніе въ Европѣ, которое она занимала при Кромвелѣ. Главной цѣлью Вильгельма III было возстановленіе равновѣсія, которое въ царствованія Карла II и Іакова II было нарушено вслѣдствіе возвышенія и гегемоніи французской монархіи. Съ 1688 года все вліяніе Англіи было направлено противъ Людовика XIV. Французы, разбитые на морѣ и въ Ирландіи, однако удержали все пріобрѣтенное ими въ Италіи, на Рейнѣ и въ испанскихъ Нидерландахъ. Войны съ турками связывали руки императору, а измѣна герцога Савойскаго была ударомъ для Великаго Союза. Но Франція была истощена и смерть Карла II Испанскаго могла случиться каждую минуту. Къ удивленію Европы Людовикъ въ 1697 году согласился на Рисвикскій трактатъ, возвратилъ Англіи и Голландіи всѣ свои завоеванія съ 1678 года,

призналъ Вильгельма англійскимъ королемъ и согласился возвратить Лотарингію ея герцогу. Едва былъ заключенъ миръ, какъ выдвинулся испанскій вопросъ. Со времени Пиринейскаго трактата 1659 года паденіе Испаніи не мало способствовало возвышенію Франціи и раздѣлъ испанской имперіи послѣ смерти Карла II считался неизбѣжнымъ. Такъ какъ у Карла дѣтей не было, то дофинъ Франціи выставилъ свои притязанія на испанское наслѣдство и это притязаніе оспаривалось и императоромъ и курфюрстомъ баварскимъ.

Трактаты о раздѣлѣ испанскихъ владѣній.

Возможность соединенія Франціи и Испаніи подъ властью одного короля пугала Вильгельма III, и дофинъ, чтобы избѣжать угрозы европейскому равновѣсію, уступилъ свои права своему младшему сыну, Филиппу Анжуйскому; Вильгельмъ III убѣдилъ Голландію и Францію согласиться на первый трактатъ о раздѣлѣ, тайно подписанный въ октябрѣ 1798 года. Австрія должна была на основаніи этого договора получить Миланъ, Франція обѣ Сициліи, Тосканскіе порты, Финале и Гвипускоа, а Баварія—Испанію, Индіи и испанскія Нидерланды. Смерть баварскаго курфюрста вскорѣ послѣ этого сдѣлала необходимымъ второй трактатъ о раздѣлѣ, подписанный въ 1700 году. На основаніи этого трактата эрцгерцогъ Карлъ, второй сынъ императора, долженъ былъ получить Испанію, Индіи и испанскія Нидерланды, а Франція, кромѣ прежде назначенныхъ ей владѣній, Миланъ. Извѣстія объ этихъ двухъ трактатахъ достигли и испанцевъ и англичанъ. Первые приходили въ ярость при одной мысли о раздѣлѣ ихъ владѣній, вторые были сильно противъ упроченія вліянія Франціи въ Италіи, что было бы вредно для англійской торговли на Средиземномъ морѣ и въ Левантѣ. Осенью 1700 года Карлъ II умеръ, завѣщавъ всѣ свои владѣнія герцогу Анжуйскому. Послѣ нѣкотораго колебанія Людовикъ XIV принялъ наслѣдство и всѣ столь старательно выработанные планы Вильгельма III были уничтожены.

Тѣмъ не менѣе англичане не проявляли никакого страха при восшествіи Филиппа Анжуйскаго на испанскій престолъ и Вилльямъ III и Голландія признали его королемъ испанскимъ. Еслибы Людовикъ воздержался отъ своей аггресивной политики, война могла бы и не прозойти, потому что безъ Англіи и Голландіи императоръ былъ бы безсиленъ. Но Людовикъ не понималъ настроенія англійской націи и былъ убѣжденъ въ неизбѣжности войны. Онъ отказался потребовать отъ Филиппа отреченія отъ его правъ на французскую корону, онъ не далъ гарантій, что англійская торговля не будетъ страдать отъ соединенныхъ французскаго и испанскаго флотовъ, онъ захватилъ Голландскій барьеръ, угрожая такимъ образомъ независимости Голландіи, и въ сентябрѣ 1701 года по смерти Іакова II онъ призналъ Іакова Эдуарда королемъ Англіи. Именно это послѣднее и возбудило противъ Людовика негодованіе всего англійскаго

народа; всѣ признавали, что слѣдуетъ принять мѣры для возстановленія голландскаго баррьера, для обезпеченія англійской торговли, для того, чтобы добиться отъ Филиппа Испанскаго отреченія отъ его правъ на французскій престолъ и чтобы вообще помѣшать аггресивной политикѣ французскаго короля. Вильгельмъ III уже заложилъ фундаментъ для созданія Великаго Союза трактатомъ съ императоромъ и Голландіей (сентябрь 1701). Но вскорѣ по заключеніи этого Союза, Вильгельмъ III умеръ (въ мартѣ 1702 г.), оставивъ продолженіе своего дѣла Марльборо.

Марльборо напалъ на Францію съ сѣверо-востока, на испанскемъ полуостровѣ и на морѣ. Компанія 1702 года была нерѣшительной. Англичане и голландцы удержали Рейнъ и Мезу и англійская экспедиція уничтожила испанскій флотъ, нагруженный драгоцѣнными металлами въ заливѣ Виго. Къ Великому Союзу пристали Савоя и Португалія, Франція, истощенная мятежемъ въ Севеннахъ, казалось, была не въ состояніи бороться съ ея многочисленными врагами. Но въ 1703 году французы удержали свои позиціи. Вилларсу, правда, вслѣдствіе поведенія курфюрста баварскаго не удался походъ на Вѣну; но и Марльборо вслѣдствіе медлительности голландцевъ могъ взять только Боннъ, Гюи и Лимбургъ. Въ 1704 году Людовикъ рѣшилъ выслать восемь армій для завоеванія Португаліи и Савои и для похода къ Вѣнѣ. Побѣда англичанъ при Бленгеймѣ (13 августа 1704 г.) спасла Вѣну и уничтожила Баварію. Въ 1705 году Петерборо имѣлъ неожиданный успѣхъ въ Испаніи, но самъ Марльборо не выигралъ ни одной рѣшительной битвы. Въ 1706 году союзники одержали рѣшительнын побѣды съ битвахъ при Рамильи и при Туринѣ и французовъ совершенно выгнали изъ испанскихъ Нидерландъ, а Мадридъ на непродолжительное время былъ занятъ войсками союзниковъ. До сихъ поръ война велась сообразно съ условіями Великаго Союза; но осенью 1707 года виги приняли рѣшеніе, что «никакой миръ не будетъ почетнымъ и безопаснымъ для ея величества и ея союзниковъ, если Испанія и Вестъ-Индія останутся подъ властью Бурбонскаго дома».

Тори, и безъ того негодующіе на рѣшимость Марльборо продолжать политику Вильгельма III и вести войну главнымъ образомъ во Фландріи, признали такое рѣшеніе несогласнымъ съ цѣлями Англіи, провозглашенными ею при началѣ войны. Съ этого времени они противились военнымъ дѣйствіямъ и по всякому возможному поводу мѣшали Марльборо и его товарищамъ. Въ 1707 году союзники потерпѣли пораженіе при Альманзѣ (25 апрѣля), при Стольгофенѣ (22 мая) и неудачу у Тулона (20 августа). Въ 1708 году Шотландіи грозило нашествіе въ пользу претендента; французы были разбиты при Уденардѣ (11 іюля) и Лилль былъ взятъ (9 декабря). Франція была истощена и Людовикъ предложилъ въ Гагѣ мирныя

условія. Но требованія союзниковъ были такъ чрезмѣрны, что война продолжалась и 11 сентября. Марльборо одержалъ побѣду при Мальплаке и взялъ Монсъ. Новыя попытки заключить миръ въ Гертюйденбергѣ неудались вслѣдствіе сопротивленія императора и Савои и война продолжалась. Союзники были разбиты при Бригуэга и при Вилла-Виціоза и завоеваніе Испаніи казалось дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Утрехтскій миръ.

Въ это время у власти были уже тори; министерство Гарлея и С. Джона жаждало мира. Тайныя переговоры съ Франціей начались въ 1711 году, въ 1712 году Марльборо замѣнили Ормондомъ, и 31 марта 1713 года былъ подписанъ Утрехтскій миръ. Вслѣдствіе стремленія поскорѣе кончить войну, Болинброкъ не позаботился достаточно о томъ, чтобы гарантировать интересы союзниковъ. Утрехтскимъ миромъ Англія, впрочемъ, достигла того, къ чему она стремилась въ началѣ войны. Ея торговля расширилась и была обезпечена, она получила Ньюфаундленъ, Новую Шотландію и территорію Гудзонова залива въ Америкѣ и Гибралтаръ и Минорку въ Европѣ. Она получила также исключительное право доставлять рабовъ негровъ въ испанскія и американскія колоніи. Голландскій барьеръ былъ возстановленъ, испанскія Нидерланды были переданы Австріи и Филиппъ согласился отречься отъ своихъ правъ на французскій тронъ.

Такимъ образомъ иностранная политика Вильгельма III и Анны оказалась успѣшной. Торговля Англіи значительно увеличилась и ея морская гегемонія была упрочена. Гегемонія Франціи въ Европѣ была уничтожена и была проложена дорога для дальнѣйшихъ успѣховъ въ Америкѣ и Индіи.

Финансы.

Смита.

Civil List. Контроль парламента надъ финансами.

Іакову II были вотированы крупные пожизненные доходы. При революціи немедленно же возникъ вопросъ: должны ли они быть предоставлены и Вильгельму? Сознавали, что теперь имѣется возможность избѣжать важной политической ошибки, совершенной въ 1660 и въ 1685 годахъ и получить для парламента контролированіе государственныхъ финансовъ въ формѣ наиболѣе дѣйствительной. Послѣ многихъ разсужденій, въ которыхъ было израсходовано не мало юридической діалектики, остановились на компромиссѣ. Наслѣдственный доходъ, кромѣ дохода съ коронныхъ земель и другихъ

старыхъ правъ, долженъ былъ состоять изъ наслѣдственнаго акциза, вотированнаго въ 1660 году вмѣсто феодальныхъ повинностей. По показанію Давенанта этотъ акцизъ въ 1689 году равнялся 600,000 фунтовъ. Парламентъ прибавилъ къ этому и остальной акцизъ въ 300,000 фунтовъ въ годъ Вильгельму и Маріи пожизненно. Все это и составляло Civil List. Изъ него покрывались не только личные расходы короля, королевы и ихъ двора, но и плата жалованья многимъ государственнымъ чиновникамъ. Таможенныя же пошлины, равнявшіяся теперь 600,000 фунтовъ въ годъ, были вотированы только на четыре года. Несмотря на утѣшеніе, что королю на такое вотированіе легче занять деньги, чѣмъ на пожизненное, Вильгельмъ естественно оскорбился. Онъ объявилъ, что король безъ приличнаго наслѣдственнаго дохода простая марьонетка; онъ жаловался, что къ нему относятся съ меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ Іакову II. Но ему пришлось примириться съ этимъ. Настало время для развитія власти палаты общинъ. Гарантируя себѣ такимъ образомъ контроль надъ расходами, она гарантировала и полный контроль надъ всей администраціей. Каждогодно ей представлялись подробныя смѣты арміи, флота и артилеріи. Важный принципъ о расходованіи каждой вотированной суммы на извѣстныя государственныя нужды, принципъ, которымъ пожертвовали въ 1685 году, былъ теперь возстановленъ и окончательно установленъ. Палата общинъ стала школой великихъ финансистовъ, вродѣ Монтэгю, а позже Вальполя и Питта. Только благодаря этому и были возможны такія войны, какъ войны восемнадцатаго вѣка. Теперь, когда парламентъ имѣлъ свою долю участія въ иностранной политикѣ, эта политика достигаетъ величія и смѣлости, о которыхъ раньше не смѣли и мечтать.

Депеши Бонне къ прусскому двору свидѣтельствуютъ, какъ рѣзки были дебаты о всѣхъ фискальныхъ вопросахъ, а также и о томъ, что въ нихъ члены парламента проявили не мало проницательности и практичности—хотя было не мало и легкомысленныхъ проектовъ. Обсужденіе вопроса о поземельномъ налогѣ заняло двѣ недѣли. Запросы относительно издержекъ на армію и флотъ были постоянными. Велась ожесточенная борьба между различными интересами, между лордами и купцами, между сѣверными и западнымя графствами, вигами и тори, изъ за различныхъ способовъ обложенія, посредствомъ ли новыхъ акцизовъ или возстановленія подымной подати или, наконецъ, посредствомъ сохраненія поземельнаго налога. Нѣкоторые предлагали конфисковать и расплавить всю серебряную посуду у частныхъ лицъ, другіе предлагали продажу большей части ирландскихъ земель, какъ завоеванной страны. Одинъ вельможа объявилъ, что онъ заплатилъ въ одинъ годъ 4.000 фунтовъ поземельнаго налога, и что лучше было бы жить въ Турціи, чѣмъ въ Англіи.

Лондонскіе купцы говорили, что если Англія не можетъ одновременно вести войну и поддерживать торговлю, то лучше немедленно же просить мира у французскаго короля. При всѣхъ подобныхъ обсужденіяхъ контроль палаты надъ короной вырисовывался все болѣе и болѣе опредѣленно. Борьба между Германіей и Франціей зависѣла отъ поддержки, оказываемой первой Англіей людьми, кораблями и въ особенности деньгами. А поддержку Англіи можно было получить только на условіяхъ, поставленныхъ палатой; эти условія состояли въ правѣ свободной критики иностранной политики и ея методовъ, въ строгомъ опредѣленіи субсидій на извѣстныя государственныя нужды, и въ строгой провѣркѣ отчетовъ. Это то и даетъ исторіи налоговаго обложенія въ годы, непосредственно слѣдующіе за революціей, особое значеніе и особый интересъ. Налоговое обложеніе завершило дѣло революціи и сдѣлало ее не простой перемѣной династіи, не простой религіозной побѣдой, но и новой эпохой въ конституціонной исторіи, эпохой созданія дѣйствительно народнаго правительства.

Доходы и расходы.

Въ 1688 году старыя таможенныя пошлины, вѣсовая и съ бочки винъ (poundage и tonnage), дали 600.000 фунтовъ; новыя пошлины, недавно вотированныя, 415.000 ф. и акцизъ 620.000 ф. Отчетъ, представленный палатѣ въ мартѣ 1689 года, констатируетъ, что всѣхъ доходовъ, за вычетомъ издержекъ взиманія, было 1.200.000 ф. Но Вильгельмъ обѣщалъ отмѣнить подымный налогъ, этотъ «признакъ рабства», собираемый ненавистными Chimney—men. Это равнялось потерѣ въ 170.000 ф. Кромѣ того смѣта на армію и флотъ была больше милліона. Было опредѣлено, чтобы ежегодные обыкновенные доходы были не меньше 1.200.000 ф. Такимъ образомъ каждогодно появлялась задача, какимъ образомъ добыть сумму въ полтора милліона на чрезвычайные расходы или, какъ оказалось на дѣлѣ, какимъ образомъ покрыть расходы въ четыре милліона фунтовъ.

Налоги на потребленіе

Во времена Елизаветы венеціанскій посланникъ называетъ англичанъ особенно счастливыми, такъ какъ они не знаютъ налоговъ на необходимые для жизни продукты. Теперь дѣло обстояло иначе. Налогъ на соль, уже и раньше равнявшійся 3 д. на галонъ, послѣ 1694 и 1698 годовъ увеличился до 10 д. и ея цѣна увеличилась въ нѣсколько разъ сравнительно съ ея дѣйствительной стоимостью. Но это, какъ утверждали тогда, было ударомъ для французской торговли. Болѣе ста тысячъ фунтовъ взималось съ сахара. На это могли замѣтить, что этотъ налогъ уничтожалъ конкурренцію испанцевъ и голландцевъ. Значительны были и пошлины съ винъ; на французскія вина пошлина была на 33 фунта съ бочки больше, чѣмъ на португальскія и испанскія (послѣ Метуенскаго трактата 1703 года); патріотамъ приходилось утѣшаться тѣмъ обстоятельст-

вомъ, что единственныя французскія вина, потребляемыя въ Англіи, или ввозятся контрабандой, или приготовляются въ Лондонѣ. Таже политика устранала съ англійскаго рынка французскую водку и колоніальный ромъ, такъ что пьяницы должны были довольствоваться домашнимъ джиномъ. Чай пока былъ напиткомъ для немногихъ. Въ 1689 году вмѣсто акциза наложили таможенную пошлину въ 5 шиллинговъ съ фунта ввозимаго чая. Тогда торговля стала контрабандной и въ 1692 году пошлину уменьшили до 1 ш. Но военныя нужды были настоятельными, и пошлина въ 1711 году снова была увеличена до 5 ш. Благодаря контрабандистамъ потребленіе чаю непрерывно увеличивалось и очень небольшое количество оплачивалось пошлиной. Тоже можно сказать и о табакѣ. Кофе начали ввозить раньше чая; въ это время въ гостинницахъ уже были отдѣльныя «кофейныя комнаты», но большая пошлина на кофе помѣшала ему конкуррировать по распространенности съ чаемъ. Громадныя пошлины на перецъ и пряности вели къ опаснымъ поддѣлкамъ. Пошлины на изюмъ и коринку утроивали ихъ цѣны и замедляли увеличеніе спроса. Большія суммы получались съ пошлинъ на пиво; но попытки увеличить ихъ вели къ развитію домашняго пивоваренія; налогъ на солодъ 1697 заставилъ вмѣсто солода и хмѣля употреблять разные суррогаты. Въ этотъ періодъ цѣны на эль и пиво почти удвоились. Давенантъ свидѣтельствуетъ, что употребленіе угля быстро увеличивалось; пошлина на морской (Ньюкэстльскій) уголь взималась съ 1695 года и въ царствованіе Анны доходила до 3 ш. 4 д. съ тонны. Такимъ образомъ война повысила пошлины на все, что только могло вынести повышеніе, и на многое, что не могло вынести его; она же повела къ воспретительному тарифу на французскіе товары и къ опаснымъ экспериментамъ съ новыми налогами. Облагать пошлиной продукты внутренняго производства значило возвратиться къ временамъ республики, и согласіе купцовъ приходилось покупать цѣной покровительственныхъ пошлинъ на иностранные товары. Налогъ на стекло 1695 года былъ отмѣненъ въ 1699 году, онъ почти убилъ промышленность. На пошлины на мыло и свѣчи сильно жаловались, но выносили ихъ до 1709 года. Эти пошлины и налогъ на кожи были, по утвержденію Адама Смита, налогами на жизненныя потребности, а подобные налоги увеличиваютъ цѣну труда. Во время войны за испанское наслѣдство къ этимъ прибавились пошлины на бумагу, чернила, ситцы и шелкъ. Война создала также долгъ въ 37 милліоновъ и ежегодную уплату процентовъ и издержекъ управленія около трехъ милліоновъ. Потому неудивительно, что въ періодъ отъ 1583 до 1642 года средняя заработная плата была 4 ш. 2³/₄ д. въ недѣлю, а въ періодъ 1693—1702 гг. она была уже 9 ш. 2¹/₄ д. въ недѣлю, такъ что стоимость простой работы, вродѣ копки земли, увеличилась по крайней мѣрѣ

на пятьдесятъ процентовъ въ теченіе семнадцатаго столѣтія. Въ 1697 году взамѣнъ поголовнаго налога (Poll-tax), бывшаго столь непопулярнымъ, что его не собирали послѣ 1698 года, заимствовали изъ Голландіи гербовую пошлину. Она давала около 600,000, въ половину меньше, чѣмъ должна бы была давать, по мнѣнію Давеланта. Она должна была быть пропорціональна званію и доходу плательщиковъ, но зажиточные люди обходили законъ, какъ указывается въ «Дневникѣ» Пеписа; сборщики (ассессоры) взяли съ него только 12 ш., тогда какъ онъ расчитывалъ уплатить имъ 10 фунтовъ, хотя объявлять имъ объ этомъ онъ не счелъ себя обязаннымъ.

Поземельный налогъ и налогъ на личную собственность.

Налоги на земли и на личную собственность должны были падать на доходы съ земли и на личные. Это было наслѣдство республики, введенное по примѣру Голландіи. Они платились каждомѣсячно и давали полтора милліона; но также, какъ и прежній поземельный налогъ, вотированный какъ субсидія Тюдорамъ, онъ постоянно уменьшался на 260,000 фунтовъ. Причины были тѣже, что и раньше: личность уклонялась отъ налога, ассессоры продолжали принимать во вниманіе старыя окладныя книги, цѣлые округа, въ особенности западъ и сѣверъ, пользовались особыми изъятіями и подлоги, какъ утверждали въ парламентѣ, были открытыми и безстыдными. Эти злоупотребленія отчасти были устранены мѣрами, принятыми въ 1697 году, опредѣлявшими общую сумму, которую долженъ дать этотъ налогъ, въ два милліона фунтовъ, такъ что каждый округъ долженъ былъ самъ сбирать свою долю. При этомъ объявили, что первая часть налога должна падать на личность, и только остатокъ на землю. Эта статья статута оказалась недѣйствительной; личность, какъ и всегда (во всякомъ случаѣ до налога 1894 года, Death Duties), оказывалась неуловимой. Налогъ снова превратился въ поземельный и съ каждымъ годомъ составлялъ меньшую часть дѣйствительнаго богатства страны. Бонне замѣчаетъ, что «точное распредѣленіе и притомъ безъ обмана—такія условія, которыя никогда не осуществляются въ Англіи». Были и нѣкоторыя другія попытки обложить личную собственность соотвѣтствующей долей тяжести, таковы были налоги на извощичьи кареты, налогъ съ оконъ (усовершенствованная форма стараго подымнаго), введенный съ спеціальной цѣлью покрытія издержекъ перечеканки. Послѣ Утрехтскаго трактата поземельный налогъ былъ на время уменьшонъ до 2 ш.

Фискальная система.

Вообще нужно признать, что фискальная система того времени имѣла серьезные недостатки, Существовала извѣстная традиція оффиціальныхъ требованій, доходившая до полной деморализаціи. Это было просто полуразрѣшаемымъ взяточничествомъ. Даже высшіе чиновники дѣлали то, что теперь не посмѣетъ сдѣлать ни одинъ

чиновникъ; они дѣлали открыто то, что теперь считается позорнымъ. Казначеи подводили ложные балансы. Министры брали подарки отъ торговыхъ кампаній. Комиссары торговались съ государственными поставщиками изъ за полученія извѣстнаго процента съ подрядовъ. Подкупъ и взяточничество были обычными преступленіями всѣхъ имѣвшихъ власть. Но и помимо такихъ злоупотребленій, сама система была дурной. Въ казначействѣ всегда были недостатки; оно всегда затрачивало авансомъ налоги и платило большіе проценты за займы; оно платило дорого за учетъ своихъ обязательствъ, за прошлыя нарушенія общественнаго довѣрія. Нація «много шумѣла относительно налоговъ» (Бёрнетъ) и всегда боялась недоимокъ и при этомъ пренебрегала случаями сокращенія и погашенія своихъ долговъ; даже въ мирные годы, отъ 1698 до 1701, долгъ увеличивался на милліонъ ежегодно. Но, конечно, не намъ обвинять въ этомъ англійскихъ финансистовъ царствованія королевы Анны.

Было очевидно, что война въ концѣ концовъ приводится къ вопросу о томъ, у котораго изъ государствъ, по выраженію короля Людовика, останется послѣдній пистоль. Англія не дошла еще до такого истощенія въ средствахъ, какъ Франція. Но даже и для нея ежегодный расходъ въ четыре милліона былъ крайнимъ предѣломъ того, что могла вынести страна, или по крайней мѣрѣ такъ полагали тогда сами англичане. Излишекъ приходилось покрывать займами. Но капиталисты помнили о Карлѣ II и боялись давать деньги государству. Правительственныя промессы ходили только по половинной цѣнѣ ихъ нарицательной стоимости. Было необходимо представить какое нибудь другое обезпеченіе между кредиторами и должникомъ, т. е. государствомъ.

Національный долгъ.

Было два метода получить такое обезпеченіе — это національный долгъ и національный банкъ. Къ концу 1692 года оказалось, что ежегодный доходъ меньше ежегоднаго расхода на сумму около милліона. Такую сумму считали невозможнымъ собрать посредствомъ налоговъ, и безъ того увеличившихся вчетверо сравнительно съ налогами до войны. Рѣшили собрать этотъ милліонъ займомъ въ формѣ ежегодной ренты. Процентовъ до 1700 года назначили десять, а потомъ семь; они должны были покрываться увеличеніемъ пошлины на пиво; доходъ отъ этой пошлины; долженъ былъ составлять особый фондъ, спеціально назначенный для этой цѣли. Такимъ образомъ появился «фундированный» долгъ. Онъ несомнѣнно не представлялъ устрашающаго отягощенія промышленности или политической опасности, какъ полагали современники. Но слѣдствія его были достаточно плачевны; «чрезмѣрныя премiи, высокій процентъ и высокій учетъ были, говоритъ Давенантъ въ 1698 году, проклятіемъ для нашихъ торговыхъ дѣлъ въ теченіе этихъ пяти лѣтъ». Иногда вводился вредный элементъ лоттереи или деньги зани-

мались подъ краткосрочную ренту на самыхъ невыгодныхъ для государства условіяхъ Но кредиту правительства въ особенности вредилъ текущій, нефундированный долгъ и онъ былъ въ концѣ концовъ особенно раззорительнымъ, такъ какъ онъ состоялъ изъ массы непогашенныхъ обязательствъ, изъ дефицитовъ по арміи и флоту, изъ билетовъ казначейства, на рынкѣ учитываемыхъ изъ сорока процентовъ. Девять милліоновъ такого текущаго долга было скуплено въ 1711 году кампаніей южныхъ морей—это было первое изъ рискованныхъ предпріятій, приведшихъ кампанію къ ужасному банкротству въ 1720 году.

Образованіе фундированнаго долга въ это время принято было съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія. Въ теченіе пяти недѣль послѣ перваго засѣданія комитета Сомерса и Монтэгю планъ былъ принятъ и сдѣланъ закономъ. Парламентъ опасался только того, что Сити не будетъ подписываться на заемъ. Первый планъ платить по семи процентовъ казался недостаточнымъ, процентъ увеличили до восьми; предлагали даже платить по четырнадцати. Къ 6 марта, дѣйствительно, было подписано только на 70,000 ф. и притомъ половина этой суммы иностранцами. Къ декабрю, однако, заемъ былъ почти вполнѣ разобранъ.

Англійскій банкъ.

Планъ учрежденія государственнаго банка былъ заимствованъ у Голландіи, какъ вообще въ то время заимствовали многое въ торговлѣ, въ кораблестроеніи, въ управленіи оттуда. Подобное же учрежденіе предлагалось въ 1658 году и неоднократно въ царствованіе Карла. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ скорѣе походилъ на старый банкъ св. Георгія въ Генуѣ, чѣмъ на Амстердамскій. Патерсонъ предлагалъ свой планъ уже въ 1691 году. Въ 1694 году палата общинъ, «временно крайне нуждаясь въ деньгахъ» и уже собравшая, что можно большимъ лотарейнымъ займомъ, разрѣшила новый заемъ въ 1,200,000 ф. подъ обезпеченіе увеличенія таможенныхъ пошлинъ. Подписавшіеся на заемъ составляли кампанію. Если заемъ будетъ уплаченъ, кампанія уничтожалась. А пока этой кампаніи англійскаго банка разрѣшалось вести частныя предпріятія. Весь этотъ планъ встрѣтилъ сильную оппозицію. Въ палатѣ лордовъ доказывали' что нельзя будетъ достать денегъ ни для комерческихъ предпріятій, ни для заклада земли, что банкъ будетъ орудіемъ деспотизма, что онъ составляетъ государство въ государствѣ и т. д.

Тѣмъ не менѣе всѣ сознавали выгоды этого плана. Король и парламентъ сразу получали 1,200,000 ф. и уплачивали за это только по сту тысячъ ежегодно. Плательщикамъ налоговъ не приходилось каждый разъ при введеніи новыхъ налоговъ выдумывать новые обходы, чтобы уклониться отъ уплаты. Капиталисты вмѣсто того, чтобы давать деньги купцамъ по шести процентовъ, помѣщали ихъ

подъ вѣрное обезпеченіе по восьми процентовъ. Но помимо всѣхъ этихъ выгодъ учрежденіе банка имѣло и дальнѣйшія слѣдствія: торговые классы привязывались къ новой династіи и кромѣ того поощрялось накопленіе капиталовъ. Съ другой стороны правительство нашло, что этотъ банкъ былъ опаснымъ искушеніемъ и часто богатства, извлекаемыя имъ изъ народа, тратились даромъ.

Одинъ проницательный наблюдатель въ той готовности, съ которой подписывались для составленія капитала (подписка была закончена въ одинадцать дней) также, какъ въ стремленіи помѣщать капиталъ въ торговлю съ восточной Индіей, видѣлъ доказательство «изобилія, царствующаго въ этой счастливой странѣ». Онъ замѣчаетъ также, что паи распредѣлены такимъ образомъ, что они будутъ сильно разбираться членами палаты общинъ (пай равнялся 10,000 ф., причемъ никто не могъ брать больше трехъ паевъ); сорокъ членовъ палаты предлагали дать деньги, если процентъ увеличатъ до десяти. Онъ даетъ также отчетъ объ оппозиціи въ палатѣ лордовъ, «побѣжденной не столько разсужденіями, сколько большинствомъ голосовъ». Въ самомъ дѣлѣ, дѣло не терпѣло отлагательствъ, потому что былъ уже май мѣсяцъ и король ожидалъ чтобы отправиться на войну.

Банкиры. Поземельный банкъ Чамберлейна.

Банкъ встрѣтилъ также оппозицію со стороны золотыхъ дѣлъ мастеровъ (банкировъ), которые принимали вклады, но не платили процентовъ, если вкладъ не былъ по крайней мѣрѣ на годъ. Они подавали палатѣ жалобы, что они разорены. Но всѣ помнили, что золотыхъ дѣлъ мастера получали чрезмѣрные барыши, а если несли потери, то объявляли себя банкротами; кромѣ того всѣ считали ихъ виновными въ обрѣзываніи монеты. Тѣмъ не менѣе, банкъ былъ подвергнутъ нѣкоторымъ ограниченіямъ: онъ не долженъ былъ выдавать авансовъ правительству безъ разрѣшенія парламента. Онъ могъ имѣть дѣла только по переводамъ, банковымъ билетамъ, золоту и обязательствамъ по конфискованнымъ имѣніямъ. Несмотря на такія ограниченія банкъ обвиняли въ намѣреніи захватить всю торговлю, пріобрѣсти всѣ земли, повысить процентъ и дать министрамъ возможность нарушать конституцію. Настоящей же его виной былъ его непосредственный и большой успѣхъ (паи сразу поднялись выше нарицательной стоимости) и то обстоятельство, что его директора были виги, нонконформисты и купцы изъ Сити. Землевладѣльцы-тори и многіе изъ конституціоналистовъ виговъ отстаивали другихъ прожекторовъ и частные банки. Это обстоятельство и вызвало на свѣтъ появленіе плана поземельнаго банка. Уже это одно дѣлало 1696 годъ критическимъ для англійскаго банка. Но кризисъ еще болѣе обострился безуміемъ правительства, принявшаго этотъ планъ и одновременной важной мѣрой выпуска новой монеты. Поземельный банкъ на основаніи его программы долженъ

былъ «увеличить цѣнность земли, принести пользу торговлѣ, снабдить короля деньгами, освободить знать и дворянство отъ налоговъ, обогатить всѣхъ и превратить эту страну въ земной рай». Развѣ квадратная миля земли не составляетъ такого же богатства, какъ мѣшокъ золота? Развѣ подъ обезпеченіе такого богатства нельзя выпускать банковые билеты въ полную стоимость земель? Развѣ изъ сего логически не слѣдуетъ, что человѣкъ, помѣстье котораго приноситъ 100 ф. въ годъ, можетъ получить, уплачивая въ годъ по 10 ф., кредитныхъ билетовъ на 2000 ф. и получать чистыхъ 90 ф. въ годъ? Потомъ, если помѣстье съ доходомъ въ 100 ф. при расцѣнкѣ на двадцать лѣтъ стоитъ 2000—то при расцѣнкѣ на сто лѣтъ не будетъ ли оно стоить 10,000 ф. и не можетъ ли поземельный банкъ подъ такое обезпеченіе выпустить билетовъ на десять тысячъ? Только слѣпые враги поземельныхъ собственниковъ могутъ находить ошибки въ этой цѣпи доказательствъ. Были критики, которые напоминали Чамберлейну, что продажная цѣна земли равняется только двадцатилѣтнему доходу, такъ что утверждать, будто обезпеченіе на сто лѣтъ имѣетъ стоимость въ пять разъ большую, чѣмъ обезпеченіе на двадцать, значитъ сказать, что «сто равняется пятерной безконечности», во вторыхъ что кредитъ есть кредитъ только до тѣхъ поръ, пока его можно обратить въ наличность—условіе, которому не удовлетворяетъ кредитъ поземельный. «Тѣмъ, которые дѣлали такія замѣчанія возражали, что они ростовщики и кажется, что большинство провинціальнаго дворянства считало такое опроверженіе полнымъ». Эти господа дѣйствительно искренно полагали, что земля все равно что деньги; они полагали по пословицѣ, что они могутъ и ѣсть лепешку и имѣть ее; ихъ соблазняло обѣщаніе получать деньги за три съ половиной процента и они были согласны на всякій планъ, который подрѣзалъ бы капиталистовъ. Любопытно, что комитетъ палаты общинъ (декабрь 1693) отозвался благопріятно объ этомъ удивительномъ планѣ и что когда его внесли въ февралѣ 1696 года, было постановлено, чтобы «никто изъ участниковъ англійскаго банка не участвовалъ въ поземельномъ банкѣ». Правительство должно было окончательно обезумѣть, когда оно надѣялось получить отъ поземельнаго банка заемъ въ 2,564,000 ф. по семи процентовъ. Три мѣсяца были даны прожектерамъ для собиранія подписки, самъ король подписалъ 5000 ф.; но когда настalъ срокъ, то оказалось, что гора родила мышь и что подписались только на мизерную сумму 2100 ф. Если бы планъ этотъ не оказался сразу смѣшной неудачей, онъ могъ бы имѣть трагическія послѣдствія. Но даже и при неудачѣ онъ имѣлъ зловредныя послѣдствія. Отъ всей этой фантасмогоріи дѣйствительно пострадалъ англійскій банкъ, паи котораго сразу пали отъ 107 до 83, и у котораго правительство взяло

340,000 ф., чтобы наполнить прорѣхи, произведенныя паденіемъ поземельнаго банка.

Борьба, вынесенная англійскимъ банкомъ.

Въ эти же мѣсяцы (май и іюнь) денежный кризисъ достигъ своего апогея, и тогда то золотыхъ дѣлъ мастера (банкиры) рѣшились на измѣническое нападеніе на англійскій банкъ. Они скупили его бумаги и въ тотъ день (4 мая), когда изъ обращенія была изъята обрѣзанная монета, и раньше выпуска новой, они внезапно предъявили банку требованія наличности. Банкъ смѣло призналъ это коварнымъ заговоромъ и отказался платить, но обязался уплачивать наличными сразу пятнадцать процентовъ всѣхъ добросовѣстныхъ требованій, а остальное немедленно же по выпускѣ монеты съ монетнаго двора. Собраніе собственниковъ банка, созванное директорами, согласилось не брать пока своихъ дивидентовъ на шесть мѣсяцевъ. Казначейство, наконецъ, испугалось за банкъ и обѣщало доставлять ему новую монету по 60,000 въ недѣлю и предупредить протестъ банковыхъ билетовъ. Банкъ получилъ помощь и отъ амстердамскаго и отъ лондонскихъ кампаній. Къ срединѣ іюля его бумаги учитывались только по восьми процентовъ, тогда какъ раньше дисконтъ былъ по шестнадцати.

Денежный кризисъ. Билеты казначейства. Денежная реформа.

15 августа на другомъ собраніи собственниковъ у банка просили новый заемъ для короля въ 200,000 ф. на срокъ уплаты его долговъ и дивидентовъ. Безъ денегъ, писалъ король, его армія погибнетъ. Портландъ, крупный пайщикъ банка, и Монтэгю, глава виговъ и финансовыхъ сферъ, употребили все свое вліяніе для поддержанія просьбы короля.

Шревсбюри писалъ королю: «если это не удастся, Богъ знаетъ, что и дѣлать». Собраніе единогласно рѣшило дать деньги; оно поняло, что тутъ дѣло идетъ о всемъ государствѣ. Но худшія времена уже прошли; Около милліона новой монеты было отчеканено до 15 іюня, а 18 іюля Монтэгю началъ выпускать свои билеты казначейства. Въ актъ о поземельномъ банкѣ онъ, какъ условіе его поддержки, вставилъ статью, уполномочивающую его на это. Это были билеты на разныя суммы, начиная съ 5 ф., по которымъ казначейство уплачивало при ихъ предъявленіи, съ тремя процентами въ годъ. Они принимались и въ уплату налоговъ; въ провинціи ихъ быстро расхватывали и они много сдѣлали для возстановленія денежнаго обращенія и для возстановленія общественнаго довѣрія. Къ сентябрю недостатокъ въ деньгахъ былъ устраненъ; благодаря энергіи и искусству Монтэгю и Исаака Ньютона съ іюня монетный дворъ чеканилъ по 80,000 ф. въ недѣлю. Перечеканка монеты продолжалась всего четыре года и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (отъ мая по августъ включительно) была большая нужда въ деньгахъ; «ихъ не хватало даже на покупку ежедневной провизіи на рынкѣ» (Эвелинъ). Но эта перечеканка была положительно необходима. Въ

числѣ англійской монеты къ концу семнадцатаго вѣка были монеты Плантагенетовъ, неполноцѣнная монета Генриха VIII и Эдуарда VI, монеты всѣхъ странъ. Это было что то въ родѣ нумизматической выставки и иллюстраціи закона Грешама, что плохая монета выгоняетъ хорошую. Новая монета, выпускаемая съ 1663 года, понятно, скрывалась или вывозилась; чѣмъ болѣе ее выпускали, тѣмъ выше была премія за обрѣзываніе старой монеты, «выбитыхъ молоткомъ монетъ» (hammered) или за расплавленіе и контрабандный вывозъ новой полноцѣнной монеты. Профессія обрѣзывателя монеты и поддѣлыватели ея была столь выгодной, на это преступленіе смотрѣли такъ легко, что даже жестокіе законы, признававшіе преступленіе государственной измѣной, наказуемой повѣшеніемъ и четвертованіемъ мужчинъ и сожиганіемъ на кострѣ женщинъ, не могли прекратить зла.

Актъ 1695 года своей экстравагантностью и неосуществимостью доказывалъ безполезность этого драконовскаго законодательства. И однако довольно основательно сомнѣвались въ томъ, «равняются ли всѣ несчастія, приносимыя въ теченіе четверти вѣка дурными королями, дурными министрами, дурными парламентами и дурными судьями тѣмъ несчастіямъ, которыя причиняются въ теченіе одного года дурными кронами и шиллингами». Извѣстно также и то, что отъ дурной монеты всего сильнѣе страдаютъ беднѣйшіе классы населенія. Но, можетъ быть, и это не повліяло бы на рѣшенія государственныхъ людей, если бы во время войны, когда каждогодно милліоны фунтовъ стерлинговъ переходили въ амстердамскій банкъ для уплаты англійскимъ, не приходилось благодаря дурной монетѣ за каждые сто фунтовъ, переводимыхъ чрезъ Амстердамъ, уплачивать по 120 или по 130. Это уже было невыносимо; Монтэгю рѣшился, какъ онъ говорилъ, убить или вылѣчить. Изъ различныхъ предложенныхъ плановъ онъ избралъ лучшій—чтобы государство приняло на свой счетъ всѣ потери — хотя Локкъ и считалъ это опаснымъ. Ожидали, что такой потери будетъ больше милліона; въ дѣйствительности она равнялась 2.703.164 ф. с.

Другое опасное предложеніе было отвергнуто только одиннадцатью голосами. Это предложеніе состояло въ томъ, чтобы шиллингъ былъ только въ девять пенсовъ, но продолжалъ называться шиллингомъ. Вѣдь законъ опредѣлялъ цѣны хлѣба, труда, бумагъ банка, цѣну гинеи, почему же онъ не можетъ опредѣлить и цѣну шиллинга? Даже въ то время, когда монетный дворъ уже выпускалъ по 120,000 ф. новой монеты въ недѣлю, опасенія, что будетъ принятъ этотъ «девятипенсовый законъ», заставляли скрывать новую монету, пока парламентъ положительно не далъ обязательства (въ октябрѣ 1696 г.), что шиллингъ будетъ шиллингомъ, какъ и раньше. Послѣднія затрудненія были устранены, когда палата община назначила

на покрытіе расходовъ по перечеканкѣ новый налогъ на окна. Побѣда была одержана съ трудомъ, но она стоила того, чтобы за нее заплатить дорого.

Правительство и банкъ.

Если не имѣть въ виду раздраженной партійной борьбы, господствовавшей въ царствованіе Вильгельма III, и близкой связи между финансами и политикой въ то время, то было бы трудно объяснить давленіе правительства на банкъ послѣ всего того, что банкъ сдѣлалъ для правительства. Онъ помогъ ему произвести перечеканку, его деньги помогали исправить плохіе расчеты министровъ, его кредитъ спасалъ арміи отъ погибели. Онъ находился въ опасности отъ конкуренціи земельнаго банка, которому помогало правительство, и отвѣтилъ на это великодушной помощью правительству и помогъ ему выпутаться изъ затрудненій, бывшихъ послѣдствіемъ его безумія. Теперь отъ банка потребовали, чтобы онъ увеличилъ свой оборотный капиталъ, принявъ на себя обезцѣненные выпуски билетовъ казначейства на сумму въ два съ половиной милліона фунтовъ. Банкъ настоялъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ и, наконецъ, согласился собрать съ его собственниковъ капиталъ въ 1,200,000 ф. и дать его правительству на томъ условіи, чтобы его хартія была подтверждена до 1711 года и чтобы поддѣлка банковыхъ билетовъ была признана фелоніей. Съ Рисвикскаго мира (20 сентября 1697 г.) начинается періодъ покойнаго процвѣтанія для банка; до начала слѣдующей войны 1702 года банковые билеты съ 51 поднялись до $148^1/_2$. Тѣмъ не менѣе банку еще долго не удавалось упрочить своего кредита и онъ находился въ опасности отъ паники въ 1708, 1711, и 1714 годахъ. Главной его заслугой было то, что онъ заставилъ понять значеніе общественной честности, что онъ увеличилъ потенціальность денежнаго обращенія и развитіе кредита и далъ сильный толчекъ развитію иностранной торговли.

Новая компанія восточной Индіи.

Послѣднимъ изъ многихъ важныхъ торговыхъ учрежденій того времени, связанныхъ съ именемъ Монтэгю, было учрежденіе новой англійской компаніи восточной Индіи. Часто утверждали, что компанія лучше бы сдѣлала, еслибы заботилась о торговлѣ, а не о территоріи. На это директора въ 1689 году отвѣчали: «мы настолько же заботимся о доходѣ, какъ и о торговлѣ; онъ долженъ поддерживать насъ, когда тысячи случайностей могутъ вредить нашей торговлѣ, онъ долженъ дать намъ національное бытіе въ Индіи, безъ него мы были бы просто кучкой контрабандистовъ». Безъ сильной компаніи въ Англіи купцы ничего бы не добились. Въ опасеніяхъ компаніи относительно контрабандистовъ было много справедливаго. Многіе изъ нихъ были настоящими пиратами и все зависѣло отъ того покровительства, которое оказывала на востокѣ компанія всякому англичанину.

Но въ самой Англіи недовольство привиллегированнымъ положе-

ніемъ кампаніи все увеличивалось. Утверждали, что она произвольно возвышаетъ цѣны кисеи, шелку, селитры и пряностей; что она вредила старой англійской суконной промышленности своими ситцами и шелкомъ, что она получала дивидентъ въ двадцать процентовъ, что ея бумаги давали триста процентовъ преміи, что весь капиталъ находился въ рукахъ немногихъ капиталистовъ и притомъ автократъ кампаніи, сэръ Джосіа Чайльдъ, около 1684 году сдѣлался тори. Потому во время революціи начинаются яростныя нападенія виговъ на кампанію. Была составлена новая кампанія и она просила себѣ граммоты. Тутъ дѣло шло о важномъ конституціонномъ вопросѣ. Актъ о монополіи 1623 года и принципы революціи не даютъ коронѣ права давать кому либо торговыя привиллегіи, а если это такъ, то грамота кампаніи восточной Индіи не имѣетъ силы, если она не будетъ подтверждена парламентомъ. Но съ другой стороны, въ самой этой грамотѣ была статья, обѣщавшая, что эта грамота не будетъ отмѣнена безъ предупрежденія за три года. Въ 1693 году палата объявила, что всѣ англичане имѣютъ одинаковое право торговли въ восточной Индіи, если это не воспрещено парламентскимъ актомъ; но одно дѣло провести резолюцію въ палатѣ общинъ, а другое осуществить ее въ Индіи. Примѣръ этому мы видѣли даже въ 1894 году. Грамота кампаніи была только что возобновлена на двадцать одинъ годъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы кампанія ежегодно вывозила англійскихъ товаровъ на 150,000 ф. Палата нашла въ 1695 году, что кампанія добилась этаго, истративъ на подкупы 90,000 ф. Спикеръ палаты Треворъ былъ скромпрометированъ, герцогъ Лидсъ былъ обвиненъ и былъ спасенъ только бѣгствомъ главнаго свидѣтеля. Тѣмъ не менѣе тори продолжали упорно бороться за свою кампанію. Въ 1698 году прошелъ актъ объ образованіи новой англійской кампаніи восточной Индіи съ капиталомъ въ два милліона фунтовъ, отданнымъ въ долгъ правительству по восьми процентовъ, хотя старая кампанія и предлагала дать 700,000 ф. по четыре процента. Весь капиталъ былъ подписанъ въ нѣсколько часовъ. Бумаги старой кампаніи пали до $33^1/_4$, тогда какъ въ 1693 году онѣ стояли 158. Старая кампанія взяла паи въ новой, чтобы быть въ состояніи по окончаніи въ 1701 году срока ея грамоты продолжать борьбу. Наконецъ, дѣло кончилось соглашеніемъ: обѣ кампаніи слились въ 1708 году въ «Соединенную кампанію». Во время этой продолжительной борьбы дѣло шло о нѣкоторыхъ общихъ принципахъ. Новая кампанія осталась побѣдительницей въ своемъ требованіи парламентскаго вмѣшательства, но въ другихъ двухъ пунктахъ окончательно восторжествовали принципы старой кампаніи. Она должна быть акціонерной, а не просто регулированной закономъ кампаніей конкурирующихъ частныхъ лицъ и кампа-

нія должна имѣть право исключить контробандистовъ и понижателей (interlopers).

Церковь

Гёттона.

Революція, какъ мы уже говорили, была до извѣстной степени церковнымъ движеніемъ. Нападеніе на церковныя привиллегіи, соединенное съ рѣшительнымъ сопротивленіемъ произвольной власти, давало энтузіазмъ и прочность сопротивленію и являлось сильнѣйшей поддержкой предпріятію Вильгельма Оранскаго. Самые высшіе сановники церкви присоединились къ приглашенію протестантскому герою спасти ихъ отъ католическаго короля.

Слѣдствія революціи.

Но едва революція совершилась и король былъ низложенъ, едва Вильгельмъ и Марія были призваны на престолъ на основаніи новаго парламентскаго права, какъ церкви грозилъ уже расколъ. Тѣ изъ духовныхъ лицъ, которые придерживались, хотя и въ видоизмѣненной формѣ, ученія о божественномъ правѣ королей, которые учили о христіанской обязанности пассивнаго повиновенія даже самымъ возмутительнымъ повелѣніямъ государя, съ особой силой упирали на то, что они связаны своей присягой Іакову II. Могло ли государство освободить ихъ отъ такого обязательства? Развѣ это не было бы притязаніемъ на диспенсирующую власть въ новой и болѣе вредной формѣ? Люди съ чуткой совѣстью и съ щекотливой честью чувствовали это затрудненіе тѣмъ сильнѣе, что они сами противились изгнанному государю. Результатомъ и былъ расколъ, за которымъ послѣдовало раздѣленіе людей, остававшихся въ служеніи церкви.

Неприсягнувшіе. Санкрофтъ.

Неприсягнувшіе (nonjurors) безспорно принадлежали къ наиболѣе выдающимся изъ сыновъ церкви. Самъ архіепископъ рѣшилъ отказаться отъ присяги новому правительству. Его отказъ представлялся сильнымъ аргументомъ противъ законности акта о присягѣ даже такимъ людямъ, которые, какъ епископъ Никольсонъ, не были съ нимъ согласны. Архіепископъ былъ человѣкомъ безспорно искреннимъ и честнымъ, руководившимъ церковью и страдавшимъ вмѣстѣ съ епископами въ сопротивленіи Іакову II. «То, что я дѣлалъ, я дѣлалъ по совѣсти»—таковъ былъ его лозунгъ, которому онъ оставался вѣрнымъ всю его жизнь. Онъ при республикѣ былъ лишенъ своего мѣста въ университетѣ за отказъ принять обязательство (engagement), теперь въ концѣ своей долгой жизни онъ былъ лишенъ высшаго званія въ королевствѣ. «Молодой человѣкъ, ушедшій

изъ Кембриджа потому, что онъ не могъ нарушить своей присяги на подданство отцу, и старикъ, ушедшій изъ Ламбета потому, что онъ не хотѣлъ нарушить своей присяги на подданство сыну—былъ одинаковъ отъ начала до конца» [1]). Въ санѣ архіепископа онъ былъ дѣятельнымъ, терпимымъ, набожнымъ и смѣлымъ человѣкомъ. Онъ шелъ по стопамъ Лоуда, не имѣя его личныхъ недостатковъ. И дѣйствительно, его теологическія мнѣнія были мнѣніями примаса Карла I и онъ всегда выражалъ глубокую преданность его памяти.

Кенъ и другіе неприсягнувшіе епископы.

Санкрофта всѣ уважали, а Кена всѣ любили. Карлъ II умѣлъ различать и цѣнить хорошихъ людей. Ему церковь обязана повышеніемъ и Санкрофта и Кена, и оба они, нисколько не колеблясь высказывать свое неодобреніе его брату, твердо стояли за его королевскія права въ годину испытанія. Кенъ удалился съ своей кафедры въ домъ набожнаго мірянина его эпархіи, лорда Веймоута, и прожилъ остатокъ своихъ дней въ Лонглитѣ. Тамъ онъ спокойно наблюдалъ за ходомъ политическихъ событій и тамъ люди, почитавшіе и любившіе его за его святость, искали его руководительства. Несомнѣнно, что Драйденъ взялъ его за образецъ добраго пастыря и почти всѣ писавшіе объ исторіи Англіи указываютъ ему высокое мѣсто среди замѣчательныхъ людей націи.

Кенъ не особенно хотѣлъ присоединиться къ неприсягнувшимъ и правительство съ своей стороны тоже очень не желало лишать его кафедры; но когда онъ увидалъ, что почетный компромиссъ невозможенъ, онъ удалился, и трудность найти ему наслѣдника доказывала, насколько всѣ его уважали. Кромѣ него семеро епископовъ отказались отъ присяги. Тернеръ, епископъ Эли, Фрамптонъ глочестерскій, Лойдъ норвичскій, Уайтъ епископъ Петерборо, Томасъ ворчестерскій, Картрайтъ честерскій и Лэкъ чичестерскій. Изъ девяти неприсягнувшихъ епископовъ шестеро было въ числѣ знаменитыхъ семи епископовъ, преданныхъ суду при Іаковѣ; только одинъ Тралавней, противившійся Іакову, присягнулъ его наслѣднику. Петеръ Мьюсъ, винчестерскій, объявившій, что только болѣзнь помѣшала ему присоединиться къ протестовавшимъ епископамъ, призналъ перемѣну правительства, хотя противился новой администраціи церкви до самой смерти. Кенъ передъ смертью отказался отъ своихъ правъ и такого же мнѣнія былъ и его другъ Фрамптонъ [2]). Но расколъ было не легко устранить и залѣчить. Среди отдѣлившихся были люди знаменитые своей ученостью и набожностью. Святой Кенъ считалъ Джона Кетльуэля святымъ человѣкомъ; его искренность и преданность дала присоединившемуся къ нему духовенству ту силу,

---

[1]) English Church 1660—1714—Овертона.

[2]) О немъ Пеписъ писалъ, что „его проповѣди болѣе всѣхъ, когда либо слышанныхъ имъ, походили на апостольскую“.

въ которой оно такъ нуждалось. Для церкви утрата такихъ людей была тяжелой утратой.

Не меньше выдающимся, но менѣе мирнымъ человѣкомъ былъ Георгъ Гайксъ, деканъ ворчестерскій. Онъ, протестуя, покинулъ свой постъ и во всю свою жизнь не переставалъ протестовать. Онъ вскорѣ послѣ реставраціи началъ полемику по вопросу о божественномъ правѣ королей и вмѣстѣ съ Ширлокомъ защищалъ ученіе о пассивномъ повиновеніи.

Ширлокъ вскорѣ принялъ присягу, но Гайксъ оставался твердымъ въ своей преданности королю Іакову. Подобно многимъ изъ неприсягнувшихъ Гайксъ былъ ученымъ антикваріемъ и все время, свободное отъ полемики, онъ посвящалъ изученію тевтонскихъ и скандинавскихъ древностей. Рядомъ съ нимъ стояли такіе люди, какъ Карлъ Лесли, знаменитый полемистъ, о которомъ Джонсонъ говорилъ, что изъ всѣхъ неприсягнувшихъ онъ одинъ, можетъ быть, былъ правъ, Іеремія Колльеръ, котораго Маколей признавалъ отчасти первымъ изъ нихъ, ученый Додуэлль и добрый Фицвилльямъ. Среди міранъ къ нимъ принадлежали, кромѣ Додуэлля, Робертъ Нельсонъ, самый преданный изъ сыновъ церкви и Фрэнсизъ Шерри изъ Шоттисбрука, образованный провинціальный дворянинъ.

Неприсягнувшіе и ихъ дальнѣйшая исторія.

Очень интересна позднѣйшая исторія раскола. Съ самаго начала существовали двѣ партіи: умѣренная, которая, подобно Ширлоку черезъ годъ и Роберту Нельсону къ концу его жизни, подчинилась новому политическому режиму и упорные якобиты, сохранявшіе преемство въ церкви. Епископы Ллойдъ и Тёрнеръ были такими продолжателями епископскаго преемства, 24 ноября 1694 года Гайксъ и Уогштэффъ (бывшій раньше канцлеромъ Лихфильда) были посвящены въ титулярные епископы Тетфорда и Ипсвича. Въ 1713 году Гайксъ и два шотландскіе епископа посвятили Іеремію Колльера, Натаніэля Спайнкса и Самуэля Гэвса; въ 1716 году были посвящены еще два епископа. Такъ какъ эта церковь все менѣе и менѣе имѣла отношеній съ религіозной жизнью всей націи, то она сдѣлалась чисто литературной, антикварской и теологической. Она давно уже вступила въ переговоры съ восточной церковью и хотя это не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ, но значительно расширило умственный горизонтъ англійскихъ церковниковъ и помогло распространенію изученія первоначальной исторіи церкви и древнихъ литургическихъ и доктринальныхъ формъ. Одно время неприсягнувшіе раздѣлились на двѣ партіи. Обрядовые (Usagers)—хотѣли возстановленія перваго молитвенника Эдуарда VI и обычаевъ того времени. Это были ученые и разумные люди, понимавшіе англійскую реформацію болѣе ясно, чѣмъ большинство англиканскихъ церковниковъ до новѣйшаго времени. Необрядовые (Nonusagers) держались за молитвенникъ 1662 года и ничѣмъ, кромѣ политическихъ

мнѣній, не отличались отъ массы подчинившагося духовенства. Они возсоединились съ первыми въ 1733 году, но позднѣйшая исторія неприсягнувшихъ—это исторія постоянныхъ расколовъ и разъединенія. Оксфордъ долго оставался пристанищемъ якобитовъ и неприсягнувшихъ. Люди, вродѣ Антонія Вуда, Томаса Гирна и Ричарда Раулинсона (послѣдній, какъ увѣряютъ, тоже былъ посвященъ во епископы) оказали большія услуги въ дѣлѣ изученія древностей. Борьба въ университетѣ была очень оживленной. На каждой страницѣ знаменитой Черной книги, этаго почтеннаго тайнаго отчета о университетскихъ проступкахъ, мы встрѣчаемъ указанія на чрезвычайное раздраженіе общественнаго настроенія въ это время; одинаково выразительно свидѣтельствуютъ объ этомъ и многотомныя работы трехъ извѣстныхъ антикваріевъ. Только постепенно улеглось это раздраженіе. Якобитизмъ процвѣталъ въ Оксфордѣ, пока жилъ потомокъ Іакова II и не присягнувшіе исчезли не раньше конца восемнадцатаго столѣтія.

Сецессія неприсягнувшихъ обострила раздѣленіе въ церкви, которое, вѣроятно, произошло бы и безъ того.

Вильгельмъ III не заботился объ англиканской церкви, но несмотря на свою личную безнравственность, онъ былъ преданъ протестанству. Актъ о терпимости былъ слабымъ выраженіемъ его симпатій; онъ желалъ полнаго объединенія церкви. Назначаемые имъ примасы были люди, симпатизировавшіе этой цѣли. Тиллотсонъ, извѣстность котораго въ его время непонятна для теперешнихъ читателей его произведеній, и Тенисонъ, слабая копія его предшественника, были въ этомъ отношеніи вполнѣ латитудинаріанами. Почти столь же выдающейся личностью, но гораздо болѣе передовымъ человѣкомъ, былъ Жильбертъ Бернетъ, самый горячій изъ панегиристовъ Вильгельма и, конечно, самый дѣятельный изъ новыхъ вигскихъ епископовъ. Бернетъ былъ съ головы до ногъ человѣкомъ партіи. Онъ въ своей «Исторіи своего времени» разсматриваетъ положеніе дѣлъ исключительно съ партійной точки зрѣнія. Онъ не симпатизируетъ неразумному вѣрноподданичеству, рыцарственной защитѣ старыхъ вѣрованій, оппозиціи принципамъ революціи. Вильгельмъ и церковь.

Его можно считать типомъ прелатовъ, которымъ теперь приходилось руководить судьбами англиканской церкви. Многіе изъ нихъ были достойными людьми, но они были не меньше вигами, чѣмъ церковниками. Новое правительство взяло церковь подъ свою опеку и, казалось, рѣшилось относиться къ ней, какъ къ отрасли государственнаго управленія. Король издавалъ инструкціи (Injuctions—требованія) для руководства епископамъ, онъ давалъ инструкціи даже о догмѣ. Конвокаціи не разрѣшали собираться, такъ какъ боялись выраженія настроенія духовенства. Объ этомъ велись продол-

жительные споры, сначала въ печати, а потомъ и въ конвокаціи, когда наконецъ въ 1701 году ей позволили собраться.

Школы и благотворительность.

Дворъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ большинства церковниковъ, но духъ возрожденія церкви поддерживался дѣятельностью многихъ религіозныхъ мірянъ. То было время основанія большихъ религіозныхъ обществъ. О нихъ мы будемъ говорить въ другомъ отдѣлѣ этой главы, также какъ объ обществахъ для подавленія порока и реформы въ нравахъ. Кромѣ того, то было время основанія благотворительныхъ школъ, число которыхъ было тогда громаднымъ. Много было сдѣлано также для основанія общественныхъ и приходскихъ библіотекъ. Такія учрежденія, создававшіяся въ вѣкъ нравственной распущенности, доказывали, что церковь, хотя и лишенная ея привиллегій, не забыла о своихъ обязанностяхъ предъ націей.

Церковь при Аннѣ.

Въ царствованіе Анны положеніе церкви несомнѣнно много улучшилось. Королева также, какъ и ея сестра, была набожной женщиной; у ней не было Вильгельма III, который бы ограничивалъ ее, и она имѣла такое же, какъ и Марія, понятіе объ ортодоксіи. Тѣмъ не менѣе, хотя она съ одной стороны въ своей политикѣ проявляла пониманіе конститутуціонныхъ правъ церкви, она не могла освободиться отъ вреднаго стремленія свойственнаго тому времени, отъ стремленія управлять религіозными дѣлами націи посредствомъ постояннаго и цѣлесообразнаго государственнаго вмѣшательства. Вильгельмъ отдалъ патронатство надъ церковью въ руки юнты вигскихъ епископовъ, а Анна сразу распустила церковную комиссію. Но когда она начала думать о томъ, какимъ образомъ она можетъ дѣятельно вмѣшаться въ пользу церкви, она могла прибѣгнуть только къ эрастіанскимъ мѣрамъ. Билль о случайномъ подчиненіи и Актъ о расколѣ (Occasional Conformity Bill и Schism Act) были примѣрами ошибочной политики, посредствомъ которой государство хотѣло принести пользу церкви цѣной ея лучшихъ интересовъ. Парламенту можно извинить это, если припомнить, что въ періодъ отъ 1702 до 1710 года въ самой церкви велась постоянная борьба, и что для мірянъ дѣло могло представляться такимъ образомъ, что рѣшительно невозможно ждать никакого практическаго дѣла отъ этихъ рьяныхъ полемистовъ, отъ этихъ антикваріевъ, отъ вигскихъ епископовъ и отъ духовенства верхней церкви (High—Church). Поступокъ королевы, отказавшейся отъ десятинъ и жалованья духовныхъ лицъ за первый годъ ихъ назначенія (first fruits), которыми пользовались всѣ государи со времени Маріи I, былъ самъ по себѣ и великодушенъ и справедливъ; за свою благотворительность и щедроты она заслужила благодарность бѣднаго духовенства. Такъ прошли первые годы ея царствованія и церковь, подъ покровительствомъ королевы и подъ вліяніемъ тогдашняго торизма, была такой силь-

ной, какъ она не была со временъ Ганриха VIII. Апогея своей силы она достигла во время преслѣдованія Сахеверелля.

Дѣло Сахеверелля.

Министерство, раздраженное рѣзкостями и своеволіемъ торійскихъ проповѣдниковъ и еще болѣе ихъ популярностью, было настолько безумно, что побудило палату общинъ обвинить популярнаго проповѣдника [1]). Сахеверелль, членъ коллегіи Магдалены въ Оксфордѣ, былъ обвиненъ въ томъ, что онъ утверждалъ, будто средства, коими была произведена революція, неоправдываемы и отвратительны, что онъ осуждалъ легальную терпимость диссентеровъ, что онъ утверждалъ, будто церковь находится въ опасности, и что онъ съ коварствомъ признавалъ министровъ королевы фальшивыми людьми и измѣнниками конституціи церкви и государства. Нелѣпости этаго преслѣдованія не замѣчали до тѣхъ поръ, пока не былъ произнесенъ приговоръ, лишавшій Сахеверелля на три года права проповѣдывать. Результатомъ было только то, что появился цѣлый рядъ конституціонныхъ аргументовъ (на которые съ такимъ успѣхомъ впослѣдствіи ссылался Берке въ его «Аппеляціи отъ новыхъ виговъ къ старымъ») и то, что въ слѣдующій парламентъ 1710 года было избрано громадное торійское большинство.

Парламентъ и церковь.

Съ этаго времени казалось, что церковь повелѣваетъ парламенту. Но такъ только казалось. Парламентъ продолжалъ управлять церковью, а для духовенства нѣтъ ига болѣе тяжелаго, какъ власть міранъ, еще болѣе церковническихъ, чѣмъ сами церковники. Парламентаріи были церковниками, но они были прежде всего тори; положеніе церкви было рабскимъ, хотя-бы ея цѣпи и были золотыми. Конвокація получила увеличенныя полномочія, но она ограничивалась теологіей и осужденіемъ ложныхъ мнѣній, а парламентъ въ 1713 году взвалилъ на плечи церкви Актъ о расколѣ. Онъ началъ строить пятьдесятъ новыхъ церквей въ Лондонѣ, но при этомъ обострилъ раздоры между установленной церковью и дисентерами.

Положеніе духовенства.

Царствованіе Анны необходимо должно было пробудить въ духовенствѣ интересъ къ политикѣ и привязанность къ торійской партіи и такимъ образомъ подготовило почву для ударовъ, вынесенныхъ церковью совсѣхъ сторонъ при первыхъ двухъ государяхъ Ганноверскаго дома.

Таково было политическое положеніе церкви. Общественное же положеніе духовенства со временъ Карла II, вѣроятно, скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось. Но можно по крайней мѣрѣ утверждать, что оно было объединено и что народъ, по крайней мѣрѣ въ политикѣ, слѣдовалъ за нимъ. Сахеверелля духовенство поддерживало съ энтузіазмомъ и на время онъ безспорно былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Англіи. Но вскорѣ произошло измѣненіе. Можно

---

[1]) См. Student's History of Church of England—Перри.

съ нѣкоторымъ основаніемъ утверждать, что при Аннѣ церковь была популярной и политической, а при Георгѣ I она была непопулярной и нерелигіозной.

Армія

Греттона.

Способы набора въ армію.

Настоящая исторія англійской арміи, собственно говоря, начинается только съ воцаренія Вильгельма и Маріи. До этаго времени коронныя вооруженныя силы были скорѣе терпимыми, чѣмъ санкціонированными парламентомъ; на нихъ смотрѣли и ими управляли скорѣе, какъ свитой короля, чѣмъ какъ слугами государства. Актъ о мятежѣ 1689 года призналъ и опредѣлилъ постоянную армію; войны Вильгельма и Анны дали ей постоянное занятіе, настолько постоянное, что часто не хватало волонтеровъ и для пополненія рядовъ арміи приходилось прибѣгать къ страннымъ средствамъ. По теоріи постоянная армія въ Англіи всегда набиралась добровольнымъ рекрутированіемъ; на практикѣ при Вильгельмѣ и Аннѣ военная служба была обязательной для извѣстныхъ классовъ населенія; на насильственный захватъ рекрутъ (pressing and kidnapping) смотрѣли сквозь пальцы, хотя онъ и былъ несомнѣнно незаконнымъ. Въ 1694 году былъ произведенъ наборъ 3000 человѣкъ въ Шотландіи, а черезъ два года шотландскій парламентъ принялъ актъ о ежегодномъ наборѣ въ тысячу человѣкъ. Доставлять ихъ были обязаны шерифы; имъ было предписано хватать для этаго во первыхъ «всѣхъ бездѣльныхъ и бродячихъ личностей, не имѣвшихъ женъ и дѣтей», а во вторыхъ «молодыхъ пригодныхъ къ военной службѣ людей, не имѣющихъ женъ и дѣтей и зарабатывающихъ пропитаніе поденной работой или временнымъ наймомъ». Въ Англіи тоже дѣлали наборъ среди классовъ населенія, которыхъ теперь признали бы самыми нежелательными рекрутами.

Несостоятельные должники освобождались изъ тюремъ, если записывались въ солдаты; на этомъ условіи получали помилованіе и преступники. Въ арміи принуждали служить также и «всѣхъ здоровыхъ людей, не имѣвшихъ законной профессіи и призванія, или очевидныхъ средствъ къ существованію» [1]). Понятно, что несостоятельные должники, преступники и бродяги дезертировали при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя служить они были обязаны только три года. Въ одну изъ первыхъ кампаній Марльборо не менѣе 1500 такихъ дезертеровъ бродяжили по городамъ Нидерландовъ.

---

[1]) 7 и 8 Вильгельма III, Mutiny Act 1702 г.

Злоупотребленія.

Не удивительно, что порядочные волонтеры не поступали въ армію, потому что злоупотребленія въ прежней военной системѣ сдѣлали армію крайне непопулярной среди тѣхъ классовъ общества, изъ которыхъ обыкновенно рекрутируется армія. Офицеры грабили солдатъ, а гражданскіе чиновники грабили офицеровъ. Жалованье, равнявшееся только восьми пенсамъ въ день пѣхотному солдату, часто не платилось по мѣсяцамъ и по годамъ. Во время дѣйствительной службы злоупотребленія комиссаріата порождали ужасныя затрудненія для арміи; люди не могли двинуться въ походъ за неимѣніемъ обуви, они умирали отъ недостатка медикаментовъ и голодали. По окончаніи войны солдаты распускались десятками тысячъ и бродили по странѣ, считая себя очень счастливыми, если у нихъ не воровали несчастную плату за нѣсколько дней, отпускаемую правительствомъ съ тѣмъ, чтобы они были въ состояніи добраться домой. Пенсій не платили; единственнымъ пристанищемъ для старыхъ и изувѣченныхъ солдатъ былъ госпиталь въ Чельзи, гдѣ принимали ветерановъ, прослужившихъ не менѣе двадцати лѣтъ или потерявшихъ въ дѣлѣ ногу или руку.

Кампанія въ Ирландіи.

Лучшимъ примѣромъ непригодности военнаго министерства того времени можетъ служить ирландская компанія Шомберга въ 1689 году. Нашествіе французовъ застало англичанъ, по обыкновенію, неподготовленными; Іаковъ высадился въ Кинсэлѣ въ мартѣ, и только въ августѣ могли собрать десять тысячъ человѣкъ для подкрѣпленія храбрецовъ, столь героически удерживавшихъ Ульстеръ для протестантскаго короля. Лучшіе батальоны были въ Голландіи съ Марльборо, такъ что второпяхъ собрали и второпяхъ обучили новые полки. Нѣкоторые корпуса были настолько неподготовлены, что у солдатъ не было мундировъ; въ другихъ только двадцати человѣкамъ въ ротѣ можно было довѣрить стрѣльбу изъ мушкетовъ, а въ нѣкоторхъ ротахъ и мушкетовъ то не было. У артилеріи не было ни лошадей, ни сбруи, оружіе и аммуницію второпяхъ надо было доставить изъ Голландіи—однимъ словомъ, дезорганизація была полная. Когда эта армія, если только ее можно было назвать арміей, высадилась близь Бельфаста, оказалось, что не было сдѣлано никакихъ приготовленій для доставки пищи войскамъ, двинувшимся внутрь острова. Провіантъ то былъ, комиссаріатъ устроилъ складъ въ Бельфастѣ; но не было ни лошадей, ни повозокъ для перевозки его къ арміи. Потому на походѣ въ нѣсколько дней къ Дундэльку почти всѣ, и солдаты и офицеры, голодали; въ Дундэлькѣ же, гдѣ Шомбергъ устроилъ укрѣпленный лагерь, положеніе дѣлъ было отчаяннымъ. Пища, обувь одежда—все было дурно; погода была отвратительная, осенніе дожди начались раньше и сильнѣе обыкновеннаго. Англійскіе рекруты не хотѣли слѣдовать примѣру иностранцевъ, находившихся въ арміи, старыхъ ветерановъ, умѣвшихъ при-

способляться ко всякимъ условіямъ. Лѣнивые и невѣжественные, преводительствуемые такими же невѣжественными офицерами, эти бѣдняки не хотѣли нарѣзать чистаго дерна для постелей, высушить мѣсто для лагеря или построить шалаши вмѣсто протекавшихъ палатокъ. Шомбергъ дѣлалъ все, что могъ, для англійскихъ солдатъ, но было невозможно заставить ихъ помочь себѣ самимъ. Понятно, что среди людей, настолько пренебрегавшихъ всякими санитарными мѣрами, начались лихорадки; люди умирали, какъ мухи, а въ иностранныхъ отрядахъ не умеръ почти ни одинъ солдатъ. Въ ноябрѣ Шомбергъ оставилъ свой лагерь и ушелъ на зимнія квартиры; но въ этой безкровной компаніи онъ потерялъ пропасть людей. Изъ 14.000 человѣкъ, бывшихъ въ лагерѣ въ Дундэлькѣ, 1700 было погребено тамъ, 800 больныхъ умерло по дорогѣ къ Бельфасту, да въ госпиталѣ въ Бельфастѣ умерло 3800 человѣкъ [1])—всего 6300 человѣкъ, потеря которыхъ прямо обусловливалась той ошибкой, что послали въ дѣло армію, совершенно не подготовленную къ тому, что ей приходится дѣлать во время войны.

Задержки жалованья.

Послѣ этой компаніи положеніе арміи нѣсколько улучшилось; но очевидно, что солдаты и офицеры все таки часто и по долгу не получали жалованья. Одинъ анонимный авторъ разсказываетъ, что въ 1691 году «шесть батальоновъ въ Гентѣ», находившіеся подъ начальствомъ Тальмэша, получили приказъ выступить и присоединиться къ главному корпусу; но «когда мы хотѣли выступить изъ города, городскіе ворота были заперты горожанами, такъ какъ у насъ не было денегъ для уплаты за квартиры. Нашъ генералъ квартермейстеръ отправился въ Голландію добывать денегъ въ долгъ, пока намъ не пришлютъ изъ Англіи» [2]).

Въ 1694 году Иннискиллингскіе драгуны, придя въ отчаяніе отъ недостатка денегъ, взбунтовались противъ вицекороля Ирландіи и такимъ образомъ имъ удалось довести до свѣденія королевы Маріи то обстоятельство, что они годами не получали платы. Королева изъ своихъ личныхъ средствъ послала полку тысячу фунтовъ; черезъ восемь лѣтъ удалось получить отъ чиновниковъ еще двѣ тысячи; эти три тысячи и были все, что корпусъ получилъ за пять лѣтъ неуплаченнаго жалованья, хотя плата этому полку была не меньше 16 или 18.000 ф. въ годъ. [3]). Марльборо, очевидно, не имѣлъ возможности устранить эти злоупотребленія, потому что въ депешѣ отъ 27 мая 1703 года къ герцогу Кинсберри относительно полка, которому несомнѣнно были должны 5500 ф., онъ указываетъ, «что чрезвычайно тяжело не получить такой суммы жалованья

---

[1]) History of British Standing Army—Ультона.
[2]) Short narrative of life of Marlborough—by old officer (1711).
[3]) British Army—Ультона.

и что было бы полезно для службы, еслибы заплатили хоть часть ея, чтобы офицеры могли поддержать себя на службѣ».

Злоупотребленія въ арміи въ Испаніи.

Повидимому, въ особенности пренебрегали войсками, отправленными въ Испанію во время войны за испанское наслѣдство, потому что хотя палата общинъ щедро вотировала деньги на военные расходы, немного этихъ денегъ доходило до испанской арміи. Дѣйствительно, грабежъ общественныхъ денегъ долженъ былъ быть просто невѣроятнымъ, потому что графъ Петерборо предъ слѣдственнымъ комитетомъ палаты лордовъ объ испанской компаніи торжественно заявилъ, что войска, приведеннаго имъ туда, было не больше 5000 человѣкъ, тогда какъ въ «Англійской газетѣ» публиковали, что оно состоитъ изъ 25.000 человѣкъ. Что касается до положенія войска и до экипировки его, то ни въ одномъ полку не было никакихъ экипажей, ни муловъ, ни лошадей, ни повозокъ, ни лошадей для артилеріи, ни магазиновъ провіанта на походѣ. Повидимому ему было предоставлено самому содержать британскій контингентъ, потому что онъ съ горечью прибавлялъ, что «онъ былъ вынужденъ обходиться тѣми деньгами, какія были у него и какія онъ могъ собрать отовсюду, и за всѣ свои труды и службу онъ былъ вознагражденъ тѣмъ, что его векселя на деньги, полученныя имъ изъ Генуи, были протестованы» [1]).

Къ счастію для Англіи, неспособность и злоупотребленія ея чиновниковъ не повредили боевой способности ея войскъ за границей. Въ цѣломъ рядѣ компаній противъ французовъ отъ 1689 до 1712 года наши солдаты дрались всегда съ честью и обыкновенно съ успѣхомъ, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Въ Европѣ они боролись съ арміями Людовика XIV въ Нидерландахъ и въ Ирландіи, въ Баваріи, въ Испаніи и во Франціи; въ Америкѣ они прогнали французовъ изъ Новой Шотландіи и присоединили ее къ Великобританіи.

Война за испанское наслѣдство.

При Вильгельмѣ Оранскомъ англійскія войска не одерживали большихъ побѣдъ въ Нидерландахъ, за исключеніемъ смѣлаго дѣла Марльборо на аванпостахъ при Валькурѣ и взятія Намюра въ 1695 году. Въ битвахъ, гдѣ союзники потерпѣли пораженіе, при Штейнкеркѣ и Неервинденѣ, вся тяжесть борьбы пала на англичанъ; вся Европа съ удивленіемъ взирала на ихъ блестящую, хотя и безполезную, борьбу противъ гораздо сильнѣйшихъ массъ французскихъ пикейщиковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Марльборо командовалъ и британскимъ контингентомъ и всей арміей союзниковъ, первый много помогъ въ рядѣ подавляющихъ побѣдъ, одержанныхъ Марльборо надъ маршалами Франціи. При Бленгеймѣ, при Мальплаке, при Рамильи и при Уденардѣ—вездѣ, гдѣ грозила опасность, Марльбо-

---

[1]) Pariamentary Hist. VI. Reign of Queen Annie—Бёртона.

ро велъ англичанъ къ побѣдѣ. Въ Испаніи судьба нашихъ войскъ была довольно разнообразна; англичане взяли и удержали Гибралтаръ и на материкѣ вездѣ, гдѣ командовалъ Петерборо, онъ одерживалъ побѣды; но когда союзной арміей командовалъ чужестранный генералъ, французы обыкновенно оставались побѣдителями. Одно изъ худшихъ пораженій, когда либо понесенныхъ Англичанами было подъ Альманзой, гдѣ герцогъ Бервикъ, одинъ изъ незаконныхъ сыновей Іакова 11, командовавшій арміей французскаго короля, разбилъ командира союзниковъ гугенота Гальвея.

Тактика. Описать тактику Петерборо совершенно невозможно; его кампаніи въ Испаніи столь странны, что еслибы онъ не имѣлъ успѣха, его непремѣнно признали бы сумасшедшимъ. Но маневры Марльборо были вполнѣ согласны съ тогдашнимъ состояніемъ военной науки и еслибы мы располагали мѣстомъ, было бы интересно подробно прослѣдить методы управленія войсками на полѣ битвы, принятые англійскимъ великимъ полководцемъ и французскими маршалами, съ которыми ему приходилось драться. Но здѣсь мы можемъ указать только на нѣкоторыя главныя особенности тогдашней тактики. Инфантерія нападала тяжелыми колоннами. Защищавшіеся обыкновенно избирали сильно укрѣпленную позицію или стояли въ укрѣпленныхъ деревняхъ и берегли выстрѣлы, пока непріятель не подходилъ на разстояніе тридцати или сорока ярдовъ и тогда они стрѣляли залпами, изъ линій пѣхоты въ три или четыре ряда. Нападающимъ тоже приказывали не стрѣлять, пока они не дойдутъ до траншей и не будутъ различать глазъ защищавшихся. Когда имъ удавалось дойти до позиціи, они бросались на нее въ штыки. Марльборо съ большимъ успѣхомъ пользовался кавалеріей, игравшей самую важную роль въ этихъ кампаніхъ; не одна сомнительная битва была рѣшена въ пользу союзниковъ блестящей аттакой, во время и превосходно руководимой лично самимъ Джономъ Черчилемъ. Напримѣръ, при Мальплаке Марльборо повелъ отчаянную аттаку противъ линіи французскихъ окоповъ, въ которыхъ его орлиные глаза замѣтили отверстіе. Кавалерія прошла въ него и хотя на нее яростно напали и конница и пѣхота врага, она удержала позицію, пока пѣхота союзниковъ не поспѣшила подойти и завершить побѣду.

Французская кавалерія, по крайней мѣрѣ при Бленгеймѣ, кажется была медленной въ аттакахъ; дважды въ этотъ день, когда на нее нападала кавалерія союзниковъ, она оставалась въ оборонительной позиціи и встрѣчала врага залпами изъ пистолетовъ и мушкетовъ вмѣсто того, чтобы съ саблями въ рукахъ пойти въ контръаттаку. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что пылкость англійской конницы пронесла ее чрезъ французскіе эскадроны и разсѣяла ихъ. У французовъ была также любопытная система чередовать (interlacing) пѣхоту съ кавалеріей, т. е. въ промежуткахъ линіи

кавалеріи ставить пѣхотные отряды. Теорія состояла въ томъ, что присутствіе пѣхоты даетъ устойчивость кавалеріи; но на практикѣ выходило то, что выгода быстроты кавалеріи уничтожалась, такъ какъ ей приходилось сообразоваться съ медленными движеніями пѣхоты.

Что касается до артилеріи, то правильной организаціи ея не было до Рисвикскаго мира, до 1697 года. Для каждой кампаніи снаряжали артилерійскій отрядъ; пушкарями были обыкновенно пѣхотинцы, находившіеся подъ управленіемъ немногихъ обученныхъ пушкарей, въ мирное время служившихъ въ гарнизонахъ Тоуэра и другихъ крѣпостей. Правильно устроенныя роты артилеристовъ впервые появляются въ 1702 году, когда двѣ роты пушкарей, одна піонеровъ и одна понтонныхъ солдатъ, сопровождали въ Нидерланды артилерійскій обозъ изъ 36 пушекъ.

Любопытно то, что въ современныхъ источникахъ мы не встрѣчаемъ указаній относительно способа употребленія артилеріи на полѣ битвы. Очевидно, однако, что у французовъ при Бленгеймѣ были тяжелыя батареи и что артелійская дуель продолжалась четыре часа до того времени, когда Марльборо началъ аттаку. Во время битвы герцогъ, кажется, выдвинулъ пушки для поддержанія пѣхоты совершенно также, какъ это дѣлается и теперь, въ особенности во время окончательной аттаки, разбившей центръ французской арміи.

Часто утверждали, будто войска королевы Анны были не настолько обучены, чтобы ими было легко управлять; но при Рамильи Марльборо доказалъ противное, совершивъ тонкій и смѣлый маневръ. Чтобы заставить французовъ ослабить ихъ центръ, онъ образовалъ огромную аттакующую колонну на своемъ правомъ крылѣ, угрожавшую лѣвому крылу врага. Понятно, что непріятель торопливо передвинулъ войско къ угрожаемому мѣсту; тогда Марльборо, воспользовавшись оврагами, находившимися вблизи французской позиціи и скрывавшими его движенія, быстро перевелъ большее число войскъ съ праваго крыла въ центръ и получившій такое подкрѣпленіе центръ пробился чрезъ ослабленную линію врага.

Оружіемъ пѣхоты въ царствованіе королевы Анны были кремневыя ружья, штыки и сабли; пики и фитильныя ружья въ началѣ восемнадцатаго вѣка исчезаютъ въ англійской арміи. Обмундировка состояла изъ легкаго краснаго мундира съ длинными фалдами, защищавшими бедра отъ холода и сырости, изъ штановъ, черныхъ рейтузъ до колѣней и башмаковъ. Головнымъ уборомъ служили шляпы съ приподнятыми полями вродѣ тѣхъ, которыя теперь носятъ пенсіонеры въ Чельзи; солдаты носили длинныя косы, украшенныя бантами и напудренныя.

Дисциплина.

Депеши, частныя письма и распоряженія по лагерю Марльборо доказываютъ, что онъ дѣлалъ что возможно для удобства и благо-

получія своей фландрской арміи. Распоряженія по лагерю даютъ любопытную картину жизни войскъ. Дисциплина была строгой; солдаты, выходившіе изъ лагеря безъ разрѣшенія офицеровъ, или пойманные «въ собираніи гороха или бобовъ», подвергались смертной казни. Съ виновными несомнѣнно обращались, какъ съ мародерами и безъ всякой пощады вѣшали или разстрѣливали. Заботились много о санитарномъ положеніи лагеря; приказы по этой важной сторонѣ лагерной жизни часты и строги. Въ каждой бригадѣ каждодневно капеланы читали молитвы; утромъ въ день битвы въ каждомъ полку предъ отправленіемъ его въ огонь служили короткую службу. Любопытно, что и двѣсти лѣтъ тому назадъ англійскіе офицеры также не любили носить мундира, какъ и теперь; въ одномъ приказѣ Марльборо настаивалъ, чтобы офицеры въ лагерѣ носили форму. Для обезпеченія доставки мяса солдатамъ командировъ обязывали поощрять мясниковъ покупать, бить скотъ и продавать полкамъ мясо — что доказываетъ, что войскамъ не выдавалось регулярно мяса.

Марльборо не сдѣлалъ какихъ либо нововведеній въ военномъ искусствѣ, какъ Фридрихъ Великій, пятьдесятъ лѣтъ спустя совершенно измѣнившій тактику быстротой артилерійскаго и ружейнаго огня и аттаками строемъ. Не если Марльборо и не дѣлалъ открытій, если онъ довольствовался современными ему методами, то никто не умѣлъ настолько, какъ онъ, пользоваться имѣвшимися у него подъ рукой орудіями. Ни одинъ изъ англійскихъ полководцевъ не внушалъ своимъ войскамъ такого полнаго довѣрія къ себѣ, не проявлялъ такого спокойствія подъ огнемъ, не доводилъ до такого совершенства искусства выигрывать побѣды. Онъ былъ первымъ изъ англійскихъ генераловъ новаго типа, учавствовавшимъ въ большихъ континентальныхъ кампаніяхъ; опытъ, пріобрѣтенный имъ въ Баваріи и въ Нидерландахъ, далъ ему возможность положить начало дисциплинѣ и системѣ полковъ, и теперь еще существующихъ въ британской арміи.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Воцареніе Вильгельма и Маріи на время устранило соперничество флотовъ Англіи и Голландіи и замѣнило его дѣятельнымъ союзомъ. Правда, что Голландія уже получила ударъ, бывшій роковымъ для ея торговой суприматіи; но ея флотъ былъ все еще силенъ и ея помощь имѣла неоцѣненную важность въ такое время, когда Франція дѣлала самыя энергическія условія, чтобы сдѣлаться самой могуще-

ственной изъ морскихъ державъ. Очевидно, что въ это время Британія нуждалась въ помощи. Первая большая битва послѣ революціи между Англіей и Франціей была неудачной, вторая кончилась пораженіемъ англичанъ и только третья была побѣдой. Но даже и эта побѣда упорно оспаривалась. Это составляло рядъ битвъ, наиболѣе замѣчательными изъ которыхъ были битвы при мысѣ Барфлеръ и при мысѣ La Hougue. Въ первой битвѣ французы подъ начальствомъ Турвиля имѣли нѣкоторый тактическій успѣхъ, но англійскихъ судовъ было гораздо больше и въ концѣ концевъ французы потерпѣли страшное пораженіе. Замѣчательно, что какъ Торрингтону при Бичи Гидъ (Béachy Head) было приказано драться во что бы то ни стало, такъ и Турвиль получилъ отъ своего государя категорическій приказъ: «драться съ непріятелемъ, сильнымъ или слабымъ, и чтобы ни случилось». Въ послѣдствіи адмиралы подвергались упрекамъ, которыхъ, собственно говоря, заслуживали отдавшіе имъ приказы, и отчасти люди, завѣдывавшіе доками. Обыкновенно адмираловъ признавали виновными въ пораженіяхъ ихъ флота. Англія, по крайней мѣрѣ, изъ опытовъ вынесла то поученіе, что слѣдуетъ предоставлять большую свободу начальникамъ флота.

Реформы во флотѣ, начатыя Іаковомъ, были хорошо задуманы, но до значительной степени онѣ были плохо исполнены или не имѣли результатовъ вслѣдствіе господствовавшаго при немъ взяточничества. Вильгельму, который самъ былъ человѣкомъ безусловно честнымъ въ этомъ отношеніи, служили лучше, и въ его царствованіе произошли не только кажущіяся, но и дѣйствительныя улучшенія. Но прогрессъ былъ по необходимости медленнымъ и до Риксвикскаго мира (1697) было сдѣлано немного. Правда, что еще до этаго времени ввели новое и болѣе удовлетворительное жалованье офицерамъ въ военное время; были реорганизованы полки морскихъ солдатъ, въ Портсмутѣ построили новые доки и магазины и основали Гринвичскій госпиталь. Въ 1696 году былъ проведенъ актъ объ установленіи регистра въ 30,000 матросовъ, которые должны быть всегда въ готовности для службы на королевскомъ флотѣ и которые должны были получать жалованья по 40 ш. въ годъ. Было опредѣлено, чтобы никто, кромѣ этихъ регистрированныхъ моряковъ, не могъ получать должность шкиперовъ флота (warrant officers), чтобы они получили право на двойную долю всѣхъ призовыхъ денегъ и чтобы они по выслугѣ лѣтъ или въ случаѣ увѣчья получали пріютъ въ Гринвичѣ. Но только послѣ мира началось настоящее очищеніе Авгіевыхъ конюшенъ подкупа и злоупотребленій; въ числѣ наиболѣе важныхъ изъ произведенныхъ тогда реформъ были новыя правила относительно ординарія—т.-е. резервныхъ кораблей, не несущихъ дѣйствительной службы. Очевидно, что отъ состоянія такихъ кораблей главнымъ образомъ и зависитъ готовность страны къ морской войнѣ.

Состояніе флота.

Правила о резервѣ 1697 года содержали опредѣленія относительно надзора за кузовомъ, такелажемъ и корабельными запасами, относительно посылки въ Лондонъ смѣтъ на исправленіе и снаряженія въ плаваніе кораблей, о сохраненіи построекъ. Эти правила очень разработаны, но они по большей части имѣютъ только техническій интересъ. Офицерамъ резервныхъ кораблей—т.-е. офицерамъ, которымъ былъ порученъ надзоръ за ними и которые имѣли чинъ штурмана (warrant officer) или ниже, было раньше разрѣшено «жить, ѣсть и пить въ большихъ каютахъ или круглыхъ домахъ», Съ этихъ поръ имъ было приказано «пользоваться каютами, назначенными имъ, когда корабль въ морѣ, за исключеніемъ экономовъ (pursers), каюты которыхъ во время плаванія обыкновенно въ трюмѣ (in Hold) и потому они могутъ пользоваться другими каютами на палубахъ». Далѣе: «каждый корабль въ гавани долженъ имѣть флагъ и значки, которые и поднимать по воскресеньямъ и праздникамъ»... «куренье табаку на ярдахъ и корабляхъ въ докахъ абсолютно воспрещается иначе, какъ надъ бочкой съ водой»... «Такъ какъ присутствіе женщинъ и дѣтей на резервныхъ корабляхъ можетъ подвергать ихъ случайностямъ и разнымъ другимъ неудобствамъ, то строго воспрещается помѣщать или держать женщинъ и дѣтей на корабляхъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ». Что это послѣднее правило было необходимо, это доказывается анонимнымъ сообщеніемъ, полученнымъ въ это время адмиралтействомъ, что «на большомъ кораблѣ въ Чатамѣ не было ни одного мужчины, а только одна или двѣ женщины, что очень опасно». Въ каждомъ портѣ была теперь учреждена стража. Это тоже было необходимо, такъ какъ въ концѣ войны обитатели доковъ ночью разламывали резервные корабли для топлива. По поводу присутствія на корабляхъ женщинъ стоитъ упомянуть о положительно доказанномъ, хотя и мало извѣстномъ фактѣ, что миссъ Анна Чамберлейнъ дралась рядомъ съ своимъ братомъ, капитаномъ Клиффордомъ Чамберлейномъ, на кораблѣ «Гриффинъ» въ битвѣ при Beachy Head въ 1690 году. Потомъ она вышла замужъ и сдѣлалась матерью извѣстнаго моряка.

Раціоны. Питаніе британскихъ моряковъ уже въ то время было такимъ же какъ позже при Нельсонѣ. Недѣльный раціонъ на одного былъ такой: 7 фунтовъ хлѣба или сухарей, 7 галлоновъ пива, 4 фунта мяса, 2 фунта свинины, 2 пинты гороху, 3 пинты овсяной муки, 6 унцій масла и 12 унцій сыру. Въ 1805 году единственное различіе было то, что вмѣсто 3 пинты овсяной муки матросъ получалъ полторы и 6 унцій сахару и что онъ могъ получать полпинты уксуса въ недѣлю и лимонный сокъ, когда экипажъ былъ на порціяхъ солонины. При извѣстныхъ обстоятельствахъ вмѣсто пива выдавали вино, по пинтѣ вина на галлонъ пива, или спиртъ, по полупинтѣ на галлонъ. Точно также мѣнялись мясо и свинина, причемъ 3 фунта мяса рав-

нялось 2 фунтамъ свинины; въ оба періода разъ въ недѣлю мясо замѣнялось мукой и саломъ. Порція пива по галлону въ день можетъ казаться черезъ чуръ большой, но пиво было слабое. Среднія контрактовыя цѣны на «морское пиво» были: за бочку въ 252 галлона 33 шил. въ 1684 г., 36 шил. въ 1686—90 г., 39 шил. въ 1691 г., 43 шил. въ 1692 и 50 шил. въ 1693 г. Въ февралѣ 1695 года цѣны пали и было возможно заключить контрактъ на пиво для флота по 38 шиллинговъ. Покупалось 53,083 бочки, 1 боченокъ, 20 галлоновъ—количество, достаточное, считая утечку и экономію, для 35,000 человѣкъ. Матросы могли получать наличными за пиво и другіе продукты, если не брали ихъ—такъ какъ пища и напитки во флотѣ всегда считались частью жалованья — но оцѣнка была очень низкая: галлонъ пива по $1^1/_2$ д. фунтъ хлѣба $1^3/_4$ д., фунтъ мяса 2 д., фунтъ свинины $2^1/_2$ д., пинта гороху $^1/_2$ д., пинта овсяной муки $^3/_4$ д., фунтъ масла 3 д., а фунтъ сыра 2 д.

Жалованье.

Въ 1700 ввели новые оклады жалованья офицерамъ; но это жалованье, увеличенное, какъ мы сказали, въ военное время, теперь снова уменьшили. Такъ какъ оно существенно не измѣнилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то мы и приведемъ оклады, назначенные въ 1700 году. Въ день адмиралъ флота получалъ 5 ф., адмиралъ бѣлаго или голубого флага 3 ф. 10 ш., вицеадмиралъ 2 ф. 10 ш., контръадмиралъ 1 ф. 15 ш., капитанъ адмирала 1 ф. 15 ш., капитанъ перваго ранга 1 ф., второго 16 ш., третьяго 13 ш. 6 д., четвертаго 10 ш., пятаго 8 ш., шестого 6 ш., лейтенантъ перваго и второго ранговъ 5 ш., другихъ ранговъ 4 ш. Мастерамъ платили за лунный мѣсяцъ отъ 9 ф. 2 ш. до 4 ф. 13 ш. 4 д., смотря по рангу; врачамъ по 5 ф. Главный командиръ получалъ 50 слугъ, адмиралъ 30, вицеадмиралъ 20, а контръ-адмиралъ 15. Капитаны могли держать по четыре слуги на каждую сотню ихъ экипажа. Адмиралъ получалъ столовыхъ 365 ф. въ годъ, другіе флагъ офицеры столовыхъ не получали. Половинное жалованіе было въ день одному адмиралу флота 2 ф. 10 ш., двумъ адмираламъ по 1 ф. 15 ш., тремъ контръ-адмиралъ и одному капитану по 17 ш. д., двадцати старшимъ капитанамъ (бывшимъ въ дѣлѣ) по 10 ш., тридцати капитанамъ ниже старшихъ по 8 ш. сорока старшимъ лейтенантамъ (бывшимъ въ дѣлѣ) по 2 ш. 6 д., шестидесяти лейтенантамъ ниже старшихъ по 2 ш., пятнадцати старшимъ (бывшимъ въ дѣлѣ) мастерамъ по 2 ш. 6 д., пятнадцати мастерамъ ниже старшаго по 2 ш. Жалованье лейтенантовъ было слишкомъ мало, чтобы на него можно было жить на берегу и потому въ мирное время многіе лейтенанты и нѣкоторые изъ капитановъ поступали на время въ торговый флотъ. Около того же времени начали публиковать списки офицеровъ королевскаго флота.

Многія изъ главныхъ морскихъ экспедицій въ царствованіе Виль-

Морскія экспедиціи.

гельма были неудачны, потому что были ведены очень дурно. Если бы веденіе дѣлъ въ 1693 году было предоставлено самимъ морякамъ, Георгъ Рукъ получилъ бы подкрѣпленіе флотомъ изъ Торбея и не подвергся бы въ іюнѣ мѣсяцѣ несчастію: французы не захватили бы у него три военные корабли и 90 торговыхъ, которые онъ конвоировалъ. Но въ то время побѣдило мнѣніе людей, не имѣвшихъ понятія о морскомъ дѣлѣ. Было извѣстно, что въ морѣ находится сильный французскій флотъ и что Рукъ и конвоируемый имъ цѣнный торговый флотъ находятся въ опасности, но полагали, что если флотъ въ Торбеѣ отправится въ море на помощь Руку или на встрѣчу французамъ, то послѣдніе могутъ бомбардировать города южнаго берега. Френсизъ Уэлеръ не имѣлъ успѣха въ Вестъ-Индіи и въ сѣверной Америкѣ. Бенбоу, имѣвшій успѣхъ у С. Мало, не имѣлъ удачи при Дюнкирхенѣ. Уэлеръ, сдѣланный главнымъ командиромъ флота въ Средиземномъ морѣ, погибъ при Гибралтарѣ съ большей частью его эскадры. Экспедиція къ заливу Камаре кончилась полнымъ и кровавымъ пораженіемъ. Попытки Берклея противъ Дюнкирхена и Кале не удались. Быстрое удаленіе лорда Кармартена при видѣ торговаго флота, который онъ принялъ за французскій военный флотъ, было почти позорно. Поведеніе же Уильмота въ Вестъ-Индіи было прямо гнуснымъ. Вѣроятно, что политическія соображенія вліяли на многихъ изъ этихъ людей также, какъ они вліяли на Марльборо, заставляя ихъ остерегаться черезъ чуръ хорошо служить Вильгельму, чтобы не оскорбить Іакова, который могъ возвратиться. Но не все же были одни неудачи; если послѣ 1692 года и не было особенно блестящихъ морскихъ побѣдъ, то все же флотъ оказалъ серьезныя услуги. Въ числѣ добрыхъ услугъ, оказанныхъ англійскимъ флотомъ въ это время, не послѣдней была его энергическая дѣятельность для уничтоженія пиратства въ далекихъ моряхъ. Знаменитый капитанъ Киддъ былъ не единственнымъ изъ этого рода людей, заплатившимъ за свои преступленія.

Гринвичскій госпиталь.

Въ третьемъ томѣ мы уже говорили объ учрежденіи во время нашествія испанской армады Говардомъ и Гавкинсомъ благотворительнаго фонда для моряковъ, извѣстнаго подъ названіемъ «Чатамскаго ящика». Въ царствованіе Вильгельма и Маріи было основано другое большое благотворительное заведеніе для моряковъ, дравшихся и пострадавшихъ на службѣ своей родины; какъ война съ Испаніей въ 1588 году была поводомъ основанія учрежденія въ Чатамѣ, такъ и война съ Франціей въ 1689 и слѣдующихъ годахъ повела къ превращенію королевскаго дворца въ Гринвичѣ въ морской госпиталь. Генрихъ Майдманъ [1]) въ 1691 году первый высказалъ мысль объ употребленіи Гринвичскаго дворца для нуждъ флота. Но онъ желалъ

[1]) Naval Speculations and Maritime Politics, 1691 г.

превратить «новый большой домъ, стоявшій пустымъ», въ морскую школу, а не въ пріютъ для моряковъ, хотя въ изложеніи своего плана онъ употреблялъ терминъ «госпиталь» и предлагалъ для управленія заведеніемъ назначать «выслуженнаго капитана для команды надъ домомъ, эконома для завѣдыванія хозяйствомъ отъ провіантской части, боцмана, пушкаря и плотника—всѣхъ заслуженныхъ офицеровъ, и каждый долженъ получить подъ начальство эскадру». Но непосредственной причиной основанія Гринвичскаго госпиталя было, кажется, впечатлѣніе, произведенное на нѣжное сердце королевы раненными матросами послѣ битвы при Ла-Гугѣ. По всей вѣроятности, она сама или кто-нибудь изъ ея приближенныхъ читали книгу Майдмапа, о которой тогда много говорили въ кругахъ, интересовавшихся дѣлами флота; могло случиться, что главную мысль Майдмана не приняли, но часть его плана была осуществлена. Какъ бы то ни было, въ 1694 году король и королева пожертвовали для основанія національнаго морскаго госпиталя «всѣ капитальныя постройки нашего царственнаго дядя короля Карла Второго, еще не законченныя, и обыкновенно именуемыя нашимъ дворцомъ въ Гринвичѣ», вмѣстѣ съ прилежащими землями. Король самъ подарилъ новому учрежденію двѣ тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода; этому примѣру послѣдовали дворяне и богатые люди; всѣ они подписались на листѣ пожертвованій; сэръ Христофоръ Ренъ даромъ составилъ планъ для окончанія зданія. Актъ о регистрированныхъ матросахъ 1694 года обязалъ всѣхъ моряковъ, какъ изъ королевскаго, такъ и торговаго флота вносить изъ ихъ жалованья по 6 д. въ мѣсяцъ на содержаніе госпиталя.

Управленіе новымъ госпиталемъ было поручено назначеннымъ короной комиссарамъ и губернатору, бывшему обыкновенно изъ заслуженныхъ морскихъ офицеровъ. Подъ его начальствомъ состоялъ лейтенантъ-губернаторъ, обыкновенно капитанъ флота, четыре капитана изъ командировъ и восемь лейтенантовъ. Былъ также казначей и три писца. Первымъ казначеемъ былъ извѣстный Джонъ Эвелинъ. Госпиталь былъ открытъ осенью 1704 года, а въ началѣ слѣдующаго года тамъ было уже сто пенсіонеровъ. Въ 1814 году ихъ было 2,700—самое большое число когда либо содержавшихся пенсіонеровъ. Въ 1865 году оставалось только 1400 человѣкъ, а въ 1869 году было рѣшено, что система устарѣла и неудовлетворительна и въ госпиталь уже не принимали пенсіонеровъ, а вмѣсто этого огромный доходъ учрежденія расходывался на пособія старымъ морякамъ и офицерамъ, жившимъ въ другихъ мѣстамъ, и вдовамъ и дѣтямъ убитыхъ на службѣ, а также на содержаніе и воспитаніе 1200 мальчиковъ и 200 дѣвочекъ въ Гринвичѣ. Доходы учрежденія значительно увеличились. Госпиталь на основаніи парламентскаго акта получилъ въ 1707 году право на призы никѣмъ не востребованные или конфи-

скованные, а также процентъ со всѣхъ призовъ; въ 1735 году онъ получилъ огромныя выморочныя помѣстья графства Деруэнтуотеръ. Съ другой стороны въ 1829 году онъ потерялъ взносы по 6 д., въ мѣсяцъ съ жалованья моряковъ королевскаго флота, а въ 1834 году и взносы моряковъ торговаго флота. Во второй четверти девятнадцатаго вѣка онъ лишился также и призовыхъ денегъ. Но большая часть его потерь была возмѣщена консолидированнымъ фондомъ; въ 1893 году неприкосновенный капиталъ учрежденія, управленіе которымъ было окончательно реформированно въ 1885 году, доходилъ до четырехъ милліоновъ фунтовъ, а доходъ отъ поземельной собственности до 21,000 ф. Госпиталь, основанный въ 1694 году, былъ, по словамъ Маковея, «зданіемъ значительно превосходящемъ убѣжище, воздвигнутое великолѣпнымъ Людовикомъ для его солдатъ» и безспорно онъ сослужилъ большую службу королевскому флоту въ теченіе слѣдующаго за его основаніемъ бурнаго вѣка съ четвертью.

Усовершенствованія.

Вскорѣ послѣ революціи Клоудислей Шовель и другіе знатные и свѣдущія люди сдѣлали множество практическихъ предложеній относительно усовершенствованія англійскихъ военныхъ кораблей. Нѣкоторыя изъ этихъ усовершенствованій были осуществлены. Шовель сильно возражалъ противъ всякихъ работъ по контракту, такъ какъ онѣ обыкновенно очень плохо исполняются. Онъ стоялъ за нововведеніе, за овальные марсы, за то, чтобы на каждомъ кораблѣ были двѣ запасныя марсовыя мачты, за устройство блиндовъ такимъ образомъ, чтобы они въ случаѣ надобности могли служить стеньгами, за то, чтобы реи блиндъ, марселей, крюсъ-стенги и брамстенги дѣлались одинаковыми, за употребленіе перемѣнныхъ бакштаговъ, за уменьшеніе вѣса пушекъ нижней палубы, которыя въ то время были на большихъ корабляхъ 48 и даже 60 фунтовыми; такъ какъ и другіе офицеры флота дѣлали подобныя же указанія, то не удивительно, что въ царствованія Вильгельма и Анны было сдѣлано много усовершенствованій. Другимъ мотивомъ усовершенствованій была борьба съ Франціей, страной уже далеко ушедшей впередъ въ дѣлѣ кораблестроенія и морской войны. Въ періодъ отъ революціи до конца столѣтія отдѣлались отъ значительнаго количества устарѣвшихъ кораблей всякаго рода, а съ другой стороны построили болѣе двадцати линейныхъ кораблей и около пятидесяти фрегатовъ. Слѣдствіемъ этого было то, что численность судовъ не уменьшилась, а фактическая пригодность флота почти удвоилась. Въ теченіе этого же періода увеличились жалованья и награды офицеровъ и служащихъ въ правительственныхъ докахъ и, какъ мы видѣли, были уничтожены наиболѣе грубыя изъ злоупотребленій.

При Вильгельмѣ обращали много вниманія на освѣщеніе гаваней, а также и на освѣщеніе вообще береговъ. Постройка Эддистонскаго маяка была предложена Вальтеромъ Уитфильдомъ въ 1691 году и

онъ построилъ маякъ на свой счетъ въ 1694 году за нѣкоторыя пошлины, дарованныя ему королевскимъ патентомъ. Строилъ этотъ маякъ Генрихъ Уинстанлей изъ Литтльбюри, въ Эссексѣ, и на немъ зажгли огонь въ октябрѣ 1698 года; въ 1699 году тотъ же Уинстанлей увеличилъ размѣры башни и высоту ея отъ 80 до 120 футовъ. Маякъ стоялъ до большой бури въ ноябрѣ 1703, когда былъ разрушенъ, причемъ погибъ и его строитель.

Главнымъ изъ морскихъ открытій этого періода было открытіе Вильяма Дампьера, который послѣ бурно, въ полупиратскихъ приключеніяхъ, проведенной молодости въ 1698 году, когда ему было уже сорокъ шесть лѣтъ, получилъ постъ во флотѣ, должность капитана корабля Roebuck. и совершилъ интересное и важное плаваніе къ восточному архипелагу и къ южнымъ морямъ. Въ этомъ плаваніи онъ осмотрѣлъ часть Австраліи, въ первомъ посѣщеніи которой англичанами въ 1687 году онъ принималъ участіе, какъ членъ экипажа пиратскаго корабля Cygnet, Вильяма Свана.

Царствованіе королевы Анны было вообще счастливымъ по отношенію службы арміи и флота. Было нѣсколько крупныхъ неудачъ, но онѣ болѣе, чѣмъ уравновѣшивались славными подвигами Рука, Шовеля, Дилькса Бинга, Дурслея, Норриса, Уожера и другихъ. Побѣда при Виго нанесла такой страшный ударъ морскому могуществу Франціи, что во время послѣдующихъ лѣтъ войны французы могли вести только каперскую борьбу. Такіе моряки, какъ Форбенъ и Дю-Гюай-Троуенъ были превосходными каперами и они, дѣйствительно, захватили множество призовъ. Но каперская борьба никогда не рѣшаетъ судьбу кампаній и потому миръ 1713 года былъ чрезвычайно выгоденъ для Великобританіи, такъ какъ она получила Гибралтаръ, Минорку, Новую Шотландію, Ньюфаундленъ, Киттсъ и заливъ Гудзона.

Наказанія за нарушенія дисциплины.

Но успѣхи на морѣ начались не раньше, чѣмъ былъ показанъ спасительный примѣръ строгости наказаніемъ офицеровъ, которые не исполняли своего долга вслѣдствіе дурной дисциплины, недовольства, личнаго раздраженія и, въ немногихъ случаяхъ, трусости. Ни въ одно царствованіе, ни раньше, ни послѣ, не было наказано столько офицеровъ. Въ числѣ наказанныхъ были не только такіе презрѣнные люди, какъ капитаны Ричардъ Киркби, Куперъ Уэдъ и Джонъ Констэбль, измѣнившіе въ 1702 году Бенбоу; объ этихъ людяхъ противникъ Бенбоу, храбрый Дю Кассъ, писалъ ему: «я надѣялся въ прошлый понедѣльникъ ужинать въ вашей каютѣ, но Богу было угодно, чтобы было не такъ. Я благодаренъ за это. Что касается до трусовъ капитановъ, измѣнившихъ вамъ, то повѣсьте ихъ, потому что, клянусь Богомъ, они того заслуживаютъ». Въ числѣ наказанныхъ были вицеадмиралъ Джонъ Грейдонъ, контръадмиралъ Джонъ Мунденъ (съ которымъ поступили несправедливо), капитаны

Георгъ Рамсей, Самуэль Мидъ, Карлъ Гарди, Робертъ Жаксонъ, Эдуардъ Виндзоръ, Байнгамъ Раймондъ, Джонъ Ловенъ, Генрихъ Лауренсъ, Томасъ Кампіонъ, Сампсонъ Боурнъ, Георгъ Каммокъ, Беннетъ Алленъ, Ричардъ Лонгъ, Карлъ Адамсонъ, Томасъ Экинсъ, Тимоти Бриджъ, Джонъ Мичель, Филиппъ Дэвьюсъ, Вильямъ Кроссъ, Андрью Дугласъ, Вильямъ Керръ, Вильямъ Райтъ, Баронъ Уайльдъ и многіе другіе.

Нѣкоторые изъ наказнныхъ были хорошими служащими раньше совершенія ими проступковъ, другіе оказали не мало услугъ и послѣ ихъ наказанія. Но количество и рангъ наказанныхъ указываютъ, какъ много и насколько серьезны были уклоненія отъ строгой и корректной службы, указываютъ, что персоналъ флота въ началѣ восемнадцатаго вѣка былъ далеко неудовлетворителенъ.

Адмиралтейство.

Королева при ея воцареніи назначила своего супруга, принца Георга датскаго, лордомъ верховнымъ адмираломъ и въ помощь ему назначила совѣтъ. Принцъ умеръ въ 1708 году и вскорѣ ему наслѣдовалъ Томасъ, графъ Пемброкъ, но онъ черезъ годъ отказался отъ должности. Тогда королева предложила ее Эдуарду Русселю, графу Бедфордъ, и такъ какъ онъ рекомендовалъ передать обязанности лорда адмирала коммиссіи, то таковая и была назначена, причемъ графъ получилъ должность перваго лорда адмиралтейства. Съ этихъ поръ въ теченіе болѣе ста лѣтъ должность лорда верховнаго адмирала оставалась не замѣщенной.

Морскіе солдаты.

Морскіе солдаты, послѣ различныхъ измѣненій снова организованные въ отдѣльный корпусъ, въ 1704 году начали свою продолжительную и блестящую воинскую карьеру участіемъ въ славномъ дѣлѣ взятія Гибралтара. Съ этого времени они участвовали почти во всѣхъ подвигахъ флота.

Буря 1703 года.

Большая буря 1703 года уничтожила тринадцать военныхъ кораблей, причемъ погибло около полуторы тысячи офицеровъ и матросовъ, произвела большія опустошенія на берегу и разрушила первый Эддистонскій маякъ. Вскорѣ стали строить другой маякъ; строителями были Рудіердъ, торговецъ шолкомъ въ Лондонѣ, и Смитъ и Норкоттъ, корабельщики Вульвичскихъ доковъ. Онъ былъ деревянный, построенный на прочной скалѣ и вышины въ 92 фута. Освѣщался онъ двадцати четырьмя восковыми свѣчами, по двѣ съ половиной свѣчей на фунтъ, и зажгли на немъ огонь въ первый разъ 28 іюля 1708 года. Онъ стоялъ до 1755 года, когда сгорѣлъ.

Морское законодательство.

Важно было морское законодательство этого царствованія. Въ 1706 году прошелъ актъ объ наборѣ во флотъ. Гражданскія власти получили полномочіе искать скрывавшихся матросовъ. Лица, скрывающія ихъ, подвергались наказаніямъ, а выдавшіе ихъ имѣли право требовать вознагражденія. Выдавались деньги за ихъ доставку. Матросамъ, переводимымъ съ одного корабля на другой, должны были

уплатить недоимку въ жалованьи; въ морскую службу могли быть взяты здоровые земледѣльцы. Въ 1710 году былъ отмѣненъ актъ предшествующаго царствованія о регистрированныхъ матросахъ, и съ этихъ поръ насильственный наборъ (press-gang), сдѣлавшійся необходимымъ въ военное время, становится бичомъ всякаго военнаго порта. Въ томъ же году на всѣ корабли, торгующіе въ Ливерпулѣ, была наложена пошлина на двадцать лѣтъ для улучшенія гавани, постановки бакановъ въ заливѣ, постановки вѣхъ и постройки дока. Другимъ актомъ того же года повелѣвалось дальнѣйшее расширеніе и укрѣпленіе доковъ въ Портсмутѣ, Чатамѣ и Гарвичѣ. Въ 1714 году прошелъ актъ, подтверждавшій статутъ Эдуарда I о кораблекрушеніяхъ и опредѣлявшій въ дополненіе къ этому статуту, что въ томъ случаѣ, если королевскій или торговый корабль, стоящій на якорѣ вблизи погибающаго корабля, не окажетъ ему просимой помощи, то его командиръ долженъ уплатить 100 фунтовъ штрафа въ пользу собственниковъ разбившагося корабля. Далѣе опредѣлялось, что лицамъ, оказавшимъ помощь, выдается награда и что до уплаты этой награды можно удержать корабль и его грузъ. На основаніи другого акта 1714 года предлагалась большая награда за открытіе способа опредѣленія долготы на морѣ, былъ назначенъ комитетъ для разсмотрѣнія предложенныхъ рѣшеній задачи и для надзора за всякими опытами, которые будутъ признаны желательными. Этотъ актъ былъ исправленъ въ 1753 году. Онъ имѣлъ слѣдствіемъ значительное развитіе искусства мореплаванія и въ частности усовершенствованіе хронометра.

Каперы.

Война, продолжавшаяся въ теченіе всего царствованія королевы Анны, давала много шансовъ частнымъ каперамъ и они совершали въ то время не мало подвиговъ. Въ числѣ какъ французскихъ, такъ и англійскихъ моряковъ того времени было не мало замѣчательныхъ каперовъ. Изъ англійскихъ каперовъ всего больше удачъ выпало на долю капитана Вудса Рожерса и его товарища Стефена Коуртнея, командировъ кораблей «Герцога» и «Герцогини». Въ наиболѣе знаменитомъ изъ ихъ путешествій ихъ сопровождали Дампьеръ, въ качествѣ кормчаго, (хотя раньше онъ и былъ офицеромъ во флотѣ) и врачъ Доверъ, изобрѣтатель извѣстныхъ порошковъ. Собственники кораблей были бристольскіе купцы. Путешествіе началось въ 1708 и кончилось только въ 1711 году. Рожерсъ захватилъ множество кораблей и разграбилъ множество городовъ на тихоокеаническомъ берегу Америки, взялъ богатый корабль изъ Акапулько, въ теченіе двухъ дней дрался съ другимъ кораблемъ и возвратился домой мимо Восточной Индіи. Рожерсъ на островѣ Жуанъ Фернандецъ нашелъ Александра Селькирка, матроса, прожившаго три года, и эта находка подарила міру самый увлекательный изъ англійскихъ романовъ, «Жизнь Робинзона Крузо» Дефое. Рожерсъ и Коуртней были

не единственными блестящими каперами въ царствованіе Анны. Кольби въ 1708 году, командуя только одной шлюпкой, напалъ на испанскій конвой и взялъ конвоирующую военную шлюпку и шесть купеческихъ кораблей съ громадными сокровищами. Были и другіе такіе же смѣльчаки. Интересно то, что когда черезъ нѣсколько лѣтъ Вудсъ Рожерсъ сдѣлался губернаторомъ Багамскихъ острововъ, онъ вооруженной рукой энергично преслѣдовалъ букапёровъ.

Искусство.

Гугса.

Неллеръ. Ни Іаковъ II, ни Вильгельмъ, ни Анна не были знатоками и покровителями искусства. Неллеръ (Kneller), главный художникъ этого періода, былъ наслѣдникомъ и замѣстителемъ Лели. По происхожденію онъ былъ нѣмецъ, изъ стараго ганзеатическаго города Любека. Его талантъ былъ не болѣе оригиналенъ, чѣмъ у Лели и онъ еще меньше его заботился о своей извѣстности въ потомствѣ. Его выучка была исключительно голландской, хотя онъ и путешествовалъ по Италіи и жилъ въ Венеціи. Онъ началъ пользоваться успѣхомъ, кажется, вскорѣ послѣ прибытія въ Англію, въ 1674 году, когда рисовалъ портретъ герцога Монмоута, Карлъ отправилъ его въ Парижъ рисовать потретъ Людовика XIV, но уже не дождался его возвращенія. Іаковъ еще больше покровительствовалъ ему и Неллеръ рисовалъ его портретъ, когда въ Лондонѣ получились извѣстія о высадкѣ Вильгельма въ Торбеѣ. Въ числѣ его кліентовъ были Вильгельмъ и Марія, Анна, Петръ Великій и императоръ Карлъ VI. Дѣятельность его замѣчательна и цѣлая масса фламандцевъ и англичанъ помогала ему рисовать его полотна. Вѣроятно, что онъ рѣдко рисовалъ что нибудь, кромѣ головы и рукъ; но слѣдуетъ признать. что нѣкоторые изъ его портретовъ очень характерны. Для Вильгельма и Маріи онъ рисовалъ красавицъ Гамптонъ-Корта. Ему же принадлежатъ и семь адмираловъ въ этомъ дворцѣ. а остальные написаны его современникомъ Михаиломъ Далемъ; онъ работалъ и для королевы Анны, въ ея царствованіэ имъ нарисованы портреты членовъ вигскаго клуба (Kitcat Club. Kitcat—это дѣтская игра, вродѣ кошки и мышки). Онъ поселился въ Уиттонѣ и велъ жизнь знатнаго человѣка, собирая при помощи своихъ ассистентовъ значительныя богатства, часть которыхъ онъ потомъ потерялъ при крахѣ кампаніи Южныхъ морей (South-Sea Bubble). За портретъ во весь ростъ онъ обыкновенно получалъ шестьдесятъ гиней. Онъ занимался

своей профессіей около сорока лѣтъ, и при Стюартахъ и при Гвельфахъ, и въ 1715 году получилъ титулъ баронета. Одновременно съ Неллеромъ въ Англіи жили многіе иностранные художники — нѣкоторые изъ нихъ, напр. Питерсъ, Ванъ деръ Роеръ, Баккеръ, Вергазонъ, были его помощниками, какимъ бывалъ иногда и Джонъ Баптистъ Манойе, прекрасный рисовальщикъ цвѣтовъ изъ французской Фландріи. Туземныхъ художниковъ было и немного и они были незамѣчательны. Въ числѣ ихъ былъ Джонъ Рилей, писавшій портреты лорда канцлера Норта и поэта Уоллера, не хуже Ноллеровскихъ.

При послѣднихъ Стюартахъ скульптура была въ полномъ упадкѣ. Скульптура. Моднымъ скульпторомъ въ царствованіе Анны былъ Френсизъ Бёрдъ. Онъ сдѣлалъ неуклюжую статую королевы у св. Павла и барельефы этого собора, кромѣ монументовъ Бусби и адмирала Клоудислея Шовеля въ Вестминстерѣ.

Золотыя монеты Вильгельма III и Маріи были такія же, какъ и монеты Карла II—конечно, съ изображеніемъ бюстовъ короля и королевы. Онѣ съ четырьмя щитами, на четвертомъ щитѣ гербъ Франціи, а на средномъ гербъ Нассау. Сначала выпускали изъ серебряныхъ монетъ только полукроны, но послѣ 1691 года выпускали кроны, шиллинги, шестипенсовики, гроаты и полугроаты и пенсы. Послѣ смерти королевы ея изображеніе на монетѣ исчезаетъ и щиты распредѣлены по старому, накрестъ. Полупенсы и фартинги продолжали быть предметомъ затрудненій для монетнаго двора. Въ 1690 году чеканили ихъ изъ цинка, похожіе на монету послѣдняго года Карла II, затѣмъ чеканили ихъ изъ мѣди и олова. Король Вильгельмъ возобновилъ вредный обычай отдавать чеканку этой мелкой монеты частнымъ лицамъ. Въ 1694 году лондонскіе купцы подали петицію, въ которой жаловались на негодность такой монеты, на поддѣлки полупенсовъ и фартинговъ и просили, чтобы ихъ чеканили полноцѣнными и на королевскомъ монетномъ дворѣ. Монеты Вильгельма и Маріи.

Поддѣлывали не одну только мелкую монету. Выгодный промыселъ обрѣзыванія и поддѣлки серебра, облегчаемый плохой чеканкой монеты, въ это царствованіе процвѣталъ больше, чѣмъ когда либо. Иногда результатомъ этого бывала паника въ торговлѣ и для исправленія зла былъ назначенъ парламентскій комитетъ. Рекомендованная имъ общая перечеканка была закончена только въ 1699 году. Отчеканили почти семь милліоновъ; изъ нихъ пять были отчеканены монетнымъ дворомъ въ Тоуэрѣ, а остальные въ провинціи. Мѣсто чеканки этихъ провинціальныхъ монетъ указывается буквами В. С. Е. N и Y на задней сторонѣ монеты (Бристоль, Честеръ, Экзетеръ, Норвичъ и и Іоркъ). Всѣ монеты были полноцѣнными.

Въ царствованіе Анны произошло замѣтное улучшеніе въ чеканкѣ. Монеты Анны. Ея золотыя и серебряныя монеты хорошаго рисунка и хорошей

работы. На золотой гинеѣ еще сохраняется изображеніе слона. На золотыхъ монетахъ изъ металла, захваченнаго у испанцевъ, слово «Виго» подъ бюстомъ королевы. Полагаютъ, что перья на нѣкоторыхъ изъ серебряныхъ монетъ указываютъ на ихъ Уэльское происхожденіе. Послѣ Уніи щиты начали распредѣлять иначе: Англія и Шотландія занимаютъ первое и четвертое мѣсто, Франція второе, а Ирландія третье. Съ чеканкой монеты при Аннѣ связано любопытное предложеніе декана Свифта лорду казначею утилизировать мѣдную монету для популярныхъ наглядныхъ уроковъ исторіи. Это предложеніе состояло въ слѣдующемъ:

«Чтобы англійскіе фартинги и полупенсы были перечеканены послѣ Уніи обѣихъ націй и чтобы на нихъ были изображенія и надписи о самыхъ замѣчательныхъ событіяхъ царствованія ея вел.; чтобы было учреждено общество для придумыванія надлежащихъ предметовъ, надписей и девизовъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ Свифтъ, медали, которыя теперь представляютъ мертвое богатство или простую рѣдкость, будутъ полезны для обыкновенныхъ житейскихъ сношеній и въ то же время увѣковѣчатъ славу царствованія ея вел., вознаградятъ труды знаменитѣйшихъ подданныхъ, поддержатъ въ народѣ блгодарность къ общественнымъ слугамъ и возбудятъ соревнованіе потомства. Ничто не можетъ настолько способствовать этимъ благороднымъ цѣлямъ, какъ такія медали, представляющія несомнѣнный авторитетъ, необходимо сохраняемыя и употребляемыя, не погибающія, не ограниченныя одной мѣстностью—обладающія такими свойствами, какихъ не имѣютъ книги, статуи, картины, зданія и другіе памятники славныхъ дѣлъ». Изъ предложенія декана и его краснорѣчивой защиты ничего не вышло, кромѣ приготовленія нѣсколькихъ фартинговъ съ изображеніемъ Британіи съ оливовой вѣтвью или съ такой вѣтвью и копьемъ и съ надписями: Pax missa per orbem и Bello et pace и образцовыхъ рисунковъ съ изображеніемъ розы и терна на одномъ стеблѣ. Эти образцы очень рѣдки и вѣроятно, что именно это обстоятельство и послужило поводомъ къ мнѣнію, господствовавшему при Георгахъ и до сихъ поръ не исчезнувшему, будто обыкновенные фартинги королевы Анны рѣдки и очень цѣнны. До настоящаго времени служащимъ въ британскомъ музеѣ приходится отклонять предложенія о продажѣ обыкновенныхъ фартинговъ Анны за 500 ф. за штуку этой часто попадающейся монеты.

Наука.

Уиттакера.

Біологія. Увеличеніе стремленія къ научной спеціализаціи въ особенности доказывается работами по зоологической классификаціи. Научныя

классификаціи предлагались съ самаго начала новаго періода. Въ числѣ первыхъ изъ новыхъ зоологовъ упоминается и одинъ англичанинъ, Уоттонъ (1492—1555), который старался возстановить классификацію Аристотеля, обезображенную средневѣковой фантазіей, и приступить къ пересмотру и видоизмѣненію ея. Нѣсколько раньше періода, о которомъ мы теперь говоримъ, Робертъ Морисонъ изъ Абердина издалъ систематическую классификацію растеній; заглавія его сочиненій: Praeludia Botanica (1672) и Plantarum Historia Universalis (1672). Важнѣйшими писателями по ботаникѣ и зоологіи въ этомъ періодѣ были Неемія Грью (1628—1711) и Джонъ Рэй (1628—1705). Оба эти натуралиста уже были извѣстны и въ предшествующій періодъ, но главныя ихъ работы относятся къ этому періоду.

Грью былъ первымъ ученымъ Англіи, занимавшимся растительной анатоміей и физіологіей. Избранный по рекомендаціи епископа Уилькинса членомъ королевскаго Общества, онъ въ 1677 году наслѣдовалъ Ольденбургу въ качествѣ секретаря. Въ его сочиненіи «Анатомія растеній» (1682) спеціальное вниманіе обращено на половыя различія растеній; въ немъ имѣются и рисунки, изображающія процессъ оплодотворенія у различныхъ растеній. Замѣчанія автора указываютъ на ясное представленіе объ отношеніяхъ и аналогіяхъ различныхъ частей сѣмяни. Неемія Грью.

Выборки изъ записокъ путешествій Рэя по Великобританіи изданы Георгомъ Скотомъ въ 1660 году, подъ заглавіемъ M-r Ray's Itineraries. Самъ Рэй издалъ отчетъ о своихъ путешествіяхъ заграницей въ 1673 году подъ заглавіемъ: «Топографическія, моральныя и физіологическія наблюденія во время путешествія по Нидерландамъ, Италіи и Франціи». Это путешествіе по континенту онъ совершилъ съ своимъ другомъ и ученикомъ Виллугби, составившимъ отчетъ о зоологической части ихъ коллекціи. Виллугби умеръ въ 1672 году, оставивъ Рэю издать орнитологію и ихтіологію. Рэй воспользовался ботаническими коллекціями для его сочиненій: Methodus Plantarum Nova (1682) и Historia Generalis Plantarum (1685). Растенія собранныя имъ при его поѣздкахъ по Англіи, описаны въ Catalogus Plantarum Anglice (1670), составляющимъ основаніе для всѣхъ позднѣйшихъ описаній англійской флоры. Въ вышеупомянутомъ сочиненіи Methodus Plantarum Nova онъ раздѣлилъ растенія на цвѣтущія и нецвѣтущія, и первыя раздѣлилъ по числу сѣмяподолей. Отличіе между односѣмянодольнымъ и двусѣмянодольнымъ зародышемъ было уже указано Грью. Кромѣ изданія книги Виллугби Рэй писалъ и самостоятельныя работы по зоологіи. Въ виду того, что онъ обратилъ вниманіе анатомическіе признаки при раздѣленіи на группы, его считаютъ отцомъ современной зоологіи. Въ зоологіи онъ болѣе чѣмъ на сто лѣтъ опредѣлилъ понятіе о видѣ. Въ ботаникѣ его система классификаціи была непосредственной предшественницей «естественной» системы. Двѣ Джонъ Рэй.

его книги: «Мудрость Божія, проявляемая въ его созданіи» (1691) и «Разсужденія относительно уничтоженія и измѣненій міра» (1692) самыя популярныя изъ его сочиненій. Изъ этихъ сочиненій позднѣйшіе авторы заимствовали большинство своихъ аргументовъ въ пользу цѣлесообразности въ природѣ.

Астрономія. Къ этому же періоду относятся и многія работы Эдмунда Галлея (1656—1742), въ 1720 году наслѣдовавшаго Фламстиду въ должности королевскаго астронома. Въ числѣ другихъ его открытій было открытіе движенія неподвижныхъ звѣздъ и вычисленіе орбиты кометы 1682 года. Это была первая попытка вычисленія кометной орбиты. Предсказаніе о возвращеніи кометы исполнилось въ 1759 и 1835 годахъ. Каталогъ звѣздъ сѣвернаго полушарія Галлея появился въ 1679 году, а Synopsis Astronomica Cometicae въ 1705. Въ 1706 году появился его переводъ съ арабскаго (которому онъ выучился для этого перевода) трактата Аполлонія съ возстановленіемъ двухъ потерянныхъ книгъ.

Признакомъ времени было то, что въ Англіи распространіе ученія Ньютона происходило посредствомъ популярныхъ лекцій съ опытами настолько же, насколько и при посредствѣ книгъ. Интересъ къ наукѣ внѣ узкаго круга ученыхъ былъ еще сильнѣе въ восемнадцатомъ вѣкѣ; слѣды его замѣчаются, однако, еще до Ньютона. Въ 1661 году Томасъ Салюсбюри издалъ переводъ нѣкоторыхъ сочиненій Галилея. Такъ какъ эта книга, по его заявленію, «предназначается главнымъ образомъ для джентльменовъ, то онъ и незаботился объ обычномъ языкѣ педантовъ, а заботился только о пріятномъ и красивомъ впечатлѣніи». Сначала ученіе Ньютона внѣ Англіи было принято немногими; но во Франціи, благодаря Вольтеру послѣ его возвращенія изъ Англіи въ 1728 году, оно быстро распространилось. До этого же времени картезіанская теорія вихрей, несмотря на представляемыя ей затрудненія, сохраняла свою власть и составляла въ нѣкоторомъ родѣ академическое правовѣріе, являясь наслѣдницей ученія Аристотеля. Но такое привилегированное положеніе доктрина Декарта сохраняла недолго, побѣда физики Ньютона была окончательной и рѣшительной.

Философія Джонъ Локкъ. Непрерывное развитіе англійской философіи начинается съ Локка (1632—1704), поставившаго себѣ спеціальной задачей доказательство того, что изслѣдованіе происхожденія явленій духа должно предшествовать изслѣдованіямъ о достовѣрности знанія. Локкъ принималъ живое участіе въ дѣятельной жизни того времени и занялся философіей отчасти ради практическихъ цѣлей. Онъ родился въ графствѣ Сомерсетъ, воспитывался въ Вестминстерѣ и Оксфордѣ, въ 1660 году сдѣлался туторомъ въ Христовой коллегіи, гдѣ и прожилъ почти безвыѣздно тридцать лѣтъ. Въ философіи онъ находился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Декарта, но въ то же время

на него вліяла и атмосфера экспериментальнаго изслѣдованія, господствовавшаго въ Оксфордѣ и Лондонѣ; да и самъ онъ, помимо другихъ занятій, занимался практической медициной.

Первой книгой Локка, изданной подъ его именемъ, былъ «Опытъ о человѣческомъ разумѣ» (1690). До этого времени онъ издалъ анонимно первое изъ «Писемъ о терпимости» и два «Трактата о гражданскомъ правительствѣ». «Мысли о воспитаніи» появились въ 1693 году, а сочиненіе о «Раціональности христіанства» въ 1695. Послѣдующая литературная дѣятельность Локка состояла по большей части или изъ новыхъ изданій, или въ продолженіи прежнихъ работъ, или въ полемикѣ. Наиболѣе извѣстна его полемика съ Стиллингфлитомъ, епископомъ Ворчестерскимъ, и велась она объ ученіи о «субстанціи», изложенномъ въ «Опытѣ». Въ 1700 году «Опытъ» вышелъ четвертымъ изданіемъ. Почти одновременно съ этимъ изданіемъ появился и французскій переводъ Пьерра Коста.

Всѣ эти произведенія Локка имѣли вліяніе, но вліяніе Локка въ философіи сдѣлалось постоянной силой только благодаря его «Опыту». Его политическіе трактаты (1689) написаны въ отвѣтъ Фильмеру и представляютъ просто защиту принциповъ и постановленій революціи. «Письма о терпимости» также имѣли прямое отношеніе къ практическимъ вопросамъ современности. Они были защитой свободныхъ религіозныхъ обществъ, независимыхъ отъ установленной церкви, а совсѣмъ не послѣдовательной аргументаціей въ пользу свободы мышленія. Локкъ строитъ свою аргументацію на томъ основаніи, что для цѣлей гражданскаго управленія строгое религіозное единовѣріе совсѣмъ не необходимо для государства. Послѣ «Опыта» наибольшимъ постояннымъ интересомъ отличаются «Мысли о воспитаніи». Что же касается до исторіи философіи, то имя Локка связано съ «Опытомъ о человѣческомъ разумѣ».

«Опытъ», несмотря на оказанное имъ громадное вліяніе на философію, содержитъ въ себѣ немногое относительно опредѣленнаго рѣшенія философскихъ проблемъ. Слѣдствія, къ которымъ пришли какъ Гоббсъ, такъ и Берклей, настолько же опредѣленнѣе, насколько литературный стиль ихъ выше стиля Локка. Мѣсто, занимаемое Локкомъ въ англійской философіи, подобно тому, которое Кантъ занимаетъ въ нѣмецкой. Онъ занимается вопросомъ о «критикѣ познанія» и опредѣляетъ тѣ вопросы, которые должны поставить себѣ его послѣдователи и наслѣдники. Берклей настолько же заимствовалъ у него свою точку отправленія, насколько Юмъ заимствовалъ у Берклея и Локка.

Методъ Локка состоитъ въ томъ, чтобы раньше обсужденія вопроса о томъ, что мы можемъ знать, разсмотрѣть исторически способъ, которымъ духъ пріобрѣтаетъ свое содержимое. Прежде всего онъ пытается доказать, что не существуетъ «врожденныхъ идей»

или раціональныхъ принциповъ, предшествующихъ опыту. Теперь вообще признается, что духъ не обладаетъ начатками (принципами) знанія, предшествующими опыту. Локку не удалось надлежащимъ образомъ разъяснить вопросъ о томъ, не существуютъ ли изначала въ духѣ въ скрытой формѣ принципы знанія. Отвергая «интеллектуализмъ» Декарта, Локкъ, однако, не можетъ, строго говоря, считаться и сенсуалистомъ. Сенсуализмъ былъ упрощеніемъ его ученія нѣкоторыми изъ его французскихъ учениковъ. По мнѣнію Локка, духъ пріобрѣтаетъ опытнымъ путемъ идеи изъ двухъ источниковъ, которые онъ называетъ «сенсаціей» и «рефлекціей». Терминъ: идея у Локка, также какъ и Берклея, включаетъ въ себя то, что Юмъ впослѣдствіи называлъ «впечатлѣніями», также какъ и то, что онъ называлъ идеями, т. е. копіи впечатлѣній. Мы сознаемъ «идеи рефлекціи» внутреннимъ наблюденіемъ, которое такимъ образомъ противопоставляется внѣшнему чувственному впечатлѣнію, какъ другой непосредственный источникъ содержимаго духа. Такимъ образомъ Локка слѣдуетъ назвать не сенсуалистомъ, а «эксперіенталистомъ».

Въ своихъ выводахъ о сущности реальнаго онъ различаетъ первичныя и вторичныя свойства тѣлъ. Первыя, каковы суть протяженность и сопротивленіе (упругость, resistance), реально присущи объектамъ. Наши воспріятія ихъ суть точная копія реальнаго. Послѣднія, т. е. вторичныя свойства, каковы суть холодъ и тепло, цвѣтъ, вкусъ и запахъ, не присущи объектамъ, а суть эффекты, производимые въ воспринимающемъ видоизмѣненіями первичныхъ свойствъ. Дѣйствительныя причины ихъ въ объектахъ не похожи на наши идеи.

Изъ простыхъ идей мы составляемъ сложныя. Существуютъ идеи о субстанціяхъ (сущностяхъ) и модусахъ или отношеніяхъ. Одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ частей «Опыта», эта та, гдѣ Локкъ уясняетъ идею субстанціи. Она и послужила Юму точкой отправленія для болѣе радикальной критики. Локкъ опредѣляетъ знаніе, какъ воспріятіе (перцепцію) согласованія или несогласованія идей. Такимъ образомъ, терминъ знаніе примѣняется имъ только къ той истинѣ, которая можетъ быть предметомъ опытнаго доказательства. Но для руководства въ жизни онъ настаиваетъ на значеніи вѣрованій и вѣроятности, не доходящей до степени достовѣрности.

Этическое ученіе Локка было чѣмъ то въ родѣ утилитаризма; добро и зло опредѣляется слѣдствіями дѣйствій, ведущихъ къ счастію или къ несчастію. Въ числѣ послѣдствій своихъ дѣйствій, которыя люди должны имѣть въ виду, имѣются награды и наказанія, налагаемыя божественнымъ и человѣческимъ закономъ или общественнымъ мнѣніемъ. Локкъ считаетъ этическія положенія могущими быть доказанными математически, посредствомъ развитія опредѣленія терминовъ.

Этическое ученіе Шафтсбюри было реакціей противъ Локка и противъ Гоббса. Антони Ашлей Куперъ, третій графъ Шафтсбюри (1671—1713) былъ ученикомъ Локка, но его общія философскіе взгляды также, какъ и его этическое ученіе, были прямо противоположны направленію его учителя. Шафтсбюри.

На его теорію этики повліяли древніе моралисты, горячимъ поклонникомъ и знатокомъ которыхъ онъ былъ. Цѣлью его было дать морали основу, независимую отъ всякаго авторитета. Какъ метафизикъ, онъ былъ оптимистъ и деистъ, можетъ быть даже пантеистъ, и нравственность, по его мнѣнію, существуетъ сама по себѣ; нравственнымъ надо быть не изъ за надежды на вознагражденіе и не изъ страха предъ наказаніемъ. Основу нравственности онъ ищетъ въ психологическомъ изслѣдованіи человѣческой природы. Онъ признаетъ, что неэгоистическія стремленія и страсти столь же свойственны человѣческой природѣ, какъ и эгоистическія. Выше какъ тѣхъ, такъ и другихъ рефлективныя чувства одобренія или неодобренія нравственно прекраснаго или безобразнаго. Какъ эстетическое чувство вызывается порядкомъ или безпорядкомъ въ частяхъ объекта, такъ и нравственное чувство возбуждается гармоничными или не гармоничными отношеніями между эффектами, опредѣляющими поведеніе. Это нравственное чувство «врожденное». Составляющее его рефлективное чувство не чисто эстетическое, но обладаетъ способностью опредѣлять дѣйствіе. Подобно эстетическому чувству, и нравственное, хотя и врожденное, нуждается въ упражненіи, чтобы произвести надлежащее слѣдствіе. Составляющая цѣль нравственнаго чувства гармонія состоитъ въ извѣстномъ расположеніи эгоистическихъ и неэгоистическихъ стремленій, какъ частей единой системы. Добродѣтель направлена на общее благо; однако, эгоизмъ не долженъ быть устраняемъ, ибо онъ имѣетъ свою долю въ гармоніи. Счастіе соединенно съ добродѣтелью.

Въ этикѣ Самуэль Кларкъ (1675—1729) является продолжателемъ интеллектуальнаго направленія Кудворта. Добродѣтель по его мнѣнію состоитъ въ дѣйствіи, соотвѣтствующемъ пригодности (fitness) или не пригодности вещей. Не обращать вниманія въ нашей дѣятельности на эти отношенія настолько же неразумно, какъ отрицать математическія аксіомы. Сочиненіе, въ которомъ онъ спеціально изложилъ свое этическое ученіе, это «Разсужденіе о бытіи и аттрибутахъ Бога» (1704), составляющее переработку его лекцій по кафедрѣ Бойля, которую онъ получилъ. Въ теченіе всей его жизни Кларкъ былъ замѣтной фигурой въ философской и богословской полемикѣ того времени. Онъ способствовалъ распространенію ученія Ньютона своимъ переводомъ «Физики» Рого съ примѣчаніями (1697). Самуэль Кларкъ.

Съ этаго же времени начинается движеніе такъ называемаго англійскаго деизма. Изъ писателей той группы, которую вообще называ- Англійскіе деисты.

ли деистами, наиболѣе замѣчательными были Джонъ Толандъ (1670—1722), Матью Тиндаль (1656—1733) и Антони Коллинсъ (1676—1729). Обще всѣмъ деистамъ не какое либо философское ученіе, а стремленіе къ раціоналистической критикѣ библейскихъ документовъ и попытка найти первобытную чистую религію, которая по ихъ мнѣнію предшествовала всякой откровенной религіи и содержала въ себѣ все доброе, безъ суевѣрныхъ догмъ и обрядности этихъ послѣднихъ. Произведеніе Толанда: «Не таинственное христіанство» появилось въ 1696 году, «Разсужденіе о свободномъ мышленіи» Коллинса въ 1713, «Основанія и причины христіанской религіи» — его же въ 1727 г. «Христіанство стольже древне, какъ и созданіе міра» — Тиндаля въ 1730 году. Съ появленія этаго послѣдняго сочиненія, переведеннаго на нѣмецкій языкъ въ 1741 году, начинается вліяніе англійскаго деизма на нѣмецкую теологію.

Въ философіи Толандъ былъ скорѣе пантеистомъ, чѣмъ деистомъ. И дѣйствительно, онъ первый употребилъ терминъ пантеизмъ. Всѣ деисты находились болѣе или менѣе подъ вліяніемъ Локка, какъ философа. Коллинсъ былъ его другомъ и ученикомъ. Но деисты имѣли вліяніе не столько въ сферѣ философіи, сколько къ области религіознаго мышленія; и французскіе энциклопедисты и германская критическая школа теологіи многимъ обязаны англійскимъ деистамъ. Историки указали, что въ Англіи кккъ деисты, такъ и ихъ ортодоксальные противники, исходили изъ извѣстныхъ общихъ предпосылокъ. По вопросу о предѣлахъ свободы религіознаго изслѣдованія и тѣ и другіе одинаково апелировали къ основнымъ принципамъ протестантизма. Апологисты, несомнѣнно, обладали большими научными свѣденіями, но ни они, ни деисты, не могли похвастаться рѣшительной побѣдой. Полемика ихъ скоро прекратилась, такъ какъ появились новые вопросы.

Епископъ Берклей.

Первымъ великимъ англійскимъ философомъ изъ числа послѣдователей Локка былъ Георгъ Берклей (1685—1753), съ 1734 года бывшій епископомъ Клойна. Берклей родился въ англійской семьѣ въ Ирландіи и получилъ воспитаніе въ коллегіи Троицы въ Дублинѣ. Его учителями въ философіи были Декартъ и Локкъ. Раннія его сочиненія, которыми онъ и пріобрѣлъ извѣстность и вліяніе, какъ философъ, относятся къ этому періоду. Позднѣйшія же, составляющія особую группу, отдѣляются отъ прежнихъ періодомъ практической дѣятельности и о нихъ будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Главныя философскія сочиненія Берклея въ первый періодъ: «Новыя теорія видѣнія (1709)». «Принципы человѣческаго знанія (1710)» и Діалоги между Гиласомъ и Филоноусомъ (1713). Первое сочиненіе психологическое и подготовляетъ путь метафизическому ученію, изложенному въ «Принципахъ» и Діалогахъ». Общепринятая

теорія состояла въ томъ, что мы познаемъ протяженіе и объекты посредствомъ осязанія, а также и прямо посредствомъ зрѣнія, причемъ протяженіе воспринимается нами въ обоихъ случаяхъ одинаково. Берклей же доказываетъ, что наши идеи въ обоихъ случаяхъ не одинаковы. Посредствомъ зрѣнія мы воспринимаемъ только идею о цвѣтѣ. Эти зрительныя идеи суть только знаки извѣстныхъ осязательныхъ идей (идея, какъ уже замѣчено, у Локка и у Берклея обозначаетъ какъ чувственное впечатлѣніе, такъ и его копію). Цвѣта, видимые глазомъ, сопровождаются при извѣстныхъ условіяхъ извѣстными впечатлѣніями отъ осязанія. Такимъ образомъ, когда мы видимъ первые, мы предполагаемъ и послѣднія. То, что мы называемъ нашей идеей о видимомъ протяженіи, такимъ образомъ въ дѣйствительности есть сложная комбинація. До тѣхъ поръ, пока мы не анализируемъ эту идею, мы принимаемъ ее за простую и полагаемъ, напримѣръ, что мы прямо видимъ разстояніе; тогда какъ въ дѣйствительности мы изъ извѣстныхъ зрительныхъ идей выводимъ идеи осязательныя, которыя были соединены въ прошломъ съ первыми.

Таково краткое изложеніе знаменитой теоріи видѣнія Берклея, съ того времени принятой большинствомъ англійскихъ психологовъ и которую вообще можно считать установленной. Анализъ менѣе полонъ прп изложеніи самаго осязательнаго протяженія. Въ осязаніи Берклей не различаетъ, какъ онъ различаетъ въ зрѣніи, активныхъ элементовъ отъ пассивныхъ. Физіологи для объясненія механизма зрѣнія съ тѣхъ поръ прибавили многое, но, несмотря на развитіе психологіи видѣнія со временъ Берклея, онъ все таки остается въ этой сферѣ новаторомъ.

Слѣдующимъ шагомъ къ его метафизическому ученію была его теорія абстрактныхъ идей. Это было психологическое предисловіе, которое онъ считалъ чрезвычайно важнымъ, хотя новѣйшіе критики склонны считать его не столь важнымъ, какъ вообще, такъ и по отношенію къ его философскимъ теоріями. Противъ мнѣнія Декарта, что существуетъ абстрактная идея треугольника, ни равносторонняго, ни равнобедреннаго, ни неравносторонняго, а треугольника вообще, Берклей возражаетъ, что мы не имѣемъ подобныхъ идей объ объектѣ вообще, только идеи объ отдѣльныхъ объектахъ. Мы можемъ подставить одну идею вмѣсто другухъ, ей подобныхъ, и потому можемъ разсуждать о классахъ объектовъ—но и только. Такое мнѣніе есть развитіе номинализма, защищаемаго Гоббсомъ, а также и развитіе положенія Локка объ абстрактныхъ идеяхъ. Берклей, однако, не дѣлаетъ такихъ указаній, какъ Локкъ, на значеніе рѣчи для мышленія. Онъ настаиваетъ только на индивидулизированномъ свойствѣ всякой идеи служить знакомъ при абстрактномъ мышленіи. Юмъ, настаивавшій на томъ, что знакъ есть обыкновенно слово,

отождествилъ ученіе Берклея съ своимъ, вслѣдствіе чего ученіе Берклея часто и не понимали.

Метафизическое ученіе Берклея, развитое имъ въ «Принципахъ» и «Діалогахъ» извѣстно подъ названіемъ нематеріализма или идеализма. По мнѣнію Берклея, то, что общепринятая философія называетъ матеріальной субстанціей, не существуетъ. Единственныя реальныя субстанціи суть духи—Божество и всѣ личныя души. Матеріальные же объекты не имѣютъ иного бытія помимо того, которое состоитъ въ ихъ воспринимаемости духомъ. Анализируя наши представленія о матеріи, мы находимъ только различныя чувственныя идеи, различнымъ образомъ сгруппированныя и постоянно появляющіяся въ извѣстномъ порядкѣ. При изслѣдованіи существованіе невоспринимаемаго субстрата объектовъ, отличнаго отъ всѣхъ чувственныхъ идей, немыслимо. Истинное существованіе внѣшняго міра есть просто существованіе системы, въ которой идеи постоянно сопровождаютъ одна другую или опредѣленнымъ образомъ слѣдуютъ одна за другой. Причина такой системы есть Богъ, Безконечный Духъ, который такимъ образомъ устроилъ созданныхъ конечныхъ духовъ, что для нихъ извѣстныя идеи служатъ знаками другихъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Берклея, онъ опровергъ всю матеріалистическую философію своего времени.

Норрисъ и Колльеръ.

Два менѣе значительные философы, ученіе которыхъ родственно ученію Берклея, Джонъ Норрисъ (1657—1711) и Артуръ Колльеръ (1680—1730). Норрисъ былъ ученикомъ Мальбранша, на него непосредственно вліяли также Декартъ и кембриджскіе платоники. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ «Бѣглыхъ замѣтокъ» (1690) онъ является первымъ критикомъ «Опыта» Локка. Первый томъ его «Опыта теоріи идеальнаго или мыслимаго міра» появился въ 1701 году, второй томъ въ 1704. Колльеръ, сосѣдъ и другъ Норриса, тоже былъ ученикомъ Декарта и Мальбранша. Clavis Universalis—сочиненіе, которое сдѣлало его извѣстнымъ, появилось въ 1713 году, т. е. черезъ три года послѣ «Принциповъ» Берклея. Въ этомъ сочиненіи Колльеръ приходитъ къ ученію объ нематеріализмѣ, Норрисъ приближался къ этому ученію, но никогда не доходилъ до него. Ученіе Колльера обосновывается имъ иначе, чѣмъ обосновывалъ свое ученіе Берклей; оно было нѣчто вродѣ платоновскаго развитія картезіанства, излагаемаго схоластически, а не по эмперическому и психологическому методу Локка. Оно любопытно только потому, что появилось почти одновременно съ ученіемъ Берклея, и было выработано, повидимому, вполнѣ самостоятельно.

Литература.

Сентсбюри.

Мы закончили въ предыдущей главѣ посвященный литературѣ отдѣлъ указаніемъ на появленіе славной или безславной «драмы реставраціи». Но какъ уже сказано, главнѣйшіе признанные образцы этой драмы, за исключеніемъ произведеній Вичерли (потому что Этереджъ въ то время не пробилъ еще себѣ дороги и не сталъ рядомъ съ четырьмя случайными и признанными по привычкѣ представителями этого литературнаго рода, съ Вичерли, Конгревомъ, Ванбругомъ и Фэркваромъ) принадлежатъ къ излагаемому въ этой главѣ періоду. Обычный терминъ, дѣйствительно, настолько ошибоченъ, что многіе хотѣли замѣнить слово «реставрація» словомъ «Оранская». Но такая замѣна не особенно удачна, потому что Оранская монархія была только эпизодомъ въ англійской исторіи; такой терминъ не даетъ ровно никакого представленія читателю и притомъ пьесы не столько «оранжевыя», сколько «голубыя». А помимо того, Этереджъ и Вичерли, бывшіе родоначальниками стиля этихъ драмъ, были, безспорно, людьми реставраціи и тонъ пьесы тоже есть тонъ реставраціи. Драма реставраціи.

Этотъ тонъ, больше всего другого, былъ выразителемъ дерзкой и беззаконной реакціи противъ еще болѣе дерзкаго и экстравагантнаго, предписывающаго всѣмъ законы, пуританскаго аскетизма. Какія бы оговорки мы ни могли сдѣлать, блестящая антитеза Маколея нигдѣ не была столь умѣстной, какъ въ его статьѣ о драмѣ реставраціи. Самыя блестящія произведенія этого жанра, можетъ быть, и написаны при Вильгельмѣ, но духъ его слѣдуетъ искать на страницахъ Пеписа и Граммона, въ ихъ описаніяхъ того, что происходило за двадцать или за тридцать лѣтъ до воцаренія Вильгельма.

Несмотря на замѣчательный блескъ лучшихъ изъ этихъ драматическихъ произведеній ихъ слѣдуетъ признать вообще весьма непривлекательными. И дѣло не только въ томъ, что ихъ нравственность совершенно безнравственна. Комическая муза никогда не затягивается въ корсетъ, и отъ Аристофана до Плавта, отъ первыхъ пьесъ Шекспира до послѣднихъ пьесъ Флетчера она часто, если не всегда, прибѣгаетъ къ «игривому хохоту шаловливыхъ духовъ», о которомъ говоритъ Карлъ Ламбъ для оправданія драмы реставраціи. Но въ этой драмѣ слышится дуновеніе такого духа, который къ счастію не всегда, и даже рѣдко, соединяется съ простымъ неприличіемъ или съ простой чувственностью. Это не страстность, а почти всегда грубая животненность. Какъ реальные франты того времени таскали въ карманахъ фальшивыя кости и безъ всякихъ колебаній нанимали

разбойниковъ для узувѣченія или убійства своихъ соперниковъ или враговъ, такъ и герои Этереджа и Вичерли начинали, герои Ванбруга и Фэрквера кончали (у Фэрквера, впрочемъ, меньше, чѣмъ у другихъ), а герои Конгрева, этого властелина среди всѣхъ ихъ, не ограничивались одной игрой (the game). Обыкновенно всѣ эти герои не джентльмены и не честные люди. Къ нимъ нисколько не примѣнимо извѣстное изреченіе великаго романиста нашего времени: «есть нѣкоторыя вещи, которыхъ человѣкъ не можетъ сдѣлать». Такое изреченіе имъ даже непонятно. Они ввели въ высшія сферы идеи Джонотана Уильда (Джонотана Дикаго). Да и Джонотанъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ просто «мальчишка и щенокъ» по сравненію съ такимъ господиномъ, какъ Венловъ, герой первой пьесы Конгрева: «Старый холостякъ». Любопытно и пріятно отмѣтить, что такой крупный и здоровый талантъ, какъ Драйденъ, никогда ни спускался до такого типа каторжниковъ. Его Уильдблудъ или Уодэль, его молодые плуты вообще, не могутъ похвастаться особенной нравственностью, и еще меньше утонченностью. Но они по крайней мѣрѣ обыкновенно добродушны и они играютъ свои штуки только съ рогоносцами, да со скрягами, и облегчаютъ ихъ только отъ женъ, да отъ багажа. Настоящій нравственный человѣкъ, вродѣ пастора Адамса въ разсказѣ Вильсона, можетъ вздыхать и стонать надъ ними, но снисходительный свѣтскій человѣкъ рѣдко чувствуетъ желаніе дать имъ пощечину. Наоборотъ, для героевъ драмы реставраціи единственнымъ орудіемъ исправленія могло бы послужить то, что въ ихъ времена называлось «стоеросовой дубиной».

За немногими исключеніями, главныя изъ которыхъ безсмертная Милламанта въ мастерскомъ произведеніи Конгрева: Way of the World, и болѣе романтической Анжелики въ «Любовь за любовь», любовницы этихъ неприличныхъ господъ ужъ черезъ чуръ хороши для нихъ. Но разъ обойдешь, съ извѣстнымъ отвращеніемъ и даже страданіями, этотъ камень преткновенія, интеллектуальныя и литературныя достоинства драмы вознаградятъ того смѣльчака, который рѣшится теперь прочитать ихъ. На англійскомъ языкѣ можно найти болѣе тонкій юморъ, но ни на англійскомъ, ни на какомъ другомъ языкѣ вы не встрѣтите такого блеска и количества остроумія. Мольеръ по таланту безспорно выше Конгрева и Ванбруга, но онъ не выше ихъ въ этомъ отношеніи, хотя онъ и могъ быть ихъ учителемъ; знаменитые фейерверки Шеридана сто лѣтъ спустя безспорно очень блестящи, но они были только отраженіемъ драмы реставраціи. Старый упрекъ, что всѣ въ ней чрезмѣрно остроумны и что грумы и лакеи по своему остроумію превосходятъ изящныхъ джентльменовъ, педантиченъ. Мы съ своей стороны можемъ быть только благодарны за такую расточительность остроумія; было бы неразсудительно жа-

ловаться, что въ золотоносной странѣ даже скамейки и блоки сдѣланы изъ золота.

Какъ мы уже говорили, и какъ указывали часто и другіе критики, большинство выдающихся людей этого рода родились въ непродолжительный періодъ времени, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Этереджа и Седли, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ Шадуэлля и Вичерли, и черезъ десять лѣтъ послѣ Соутерна, плохого комика и неплохого трагика, который оставался вѣренъ Драйдену, пользовался его помощью и пережилъ всѣхъ остальныхъ драматурговъ этого періода, такъ какъ умеръ въ годъ высадки принца Карла при Лохъ-на-Нуагѣ. Конгревъ родился въ 1670 году, написалъ всѣ свои пьесы, включая и чрезмѣрно расхваленную трагедію «Плачущая невѣста», въ теченіи семи лѣтъ, отъ 1693 до 1700 года, и прожилъ потомъ еще тридцать лѣтъ знаменитымъ, бездѣльнымъ подагрикомъ, чиновникомъ и остроумцемъ. Его пьеса Double Dealer, о которой мы еще не упомянули, появилась въ 1693 году, Ванбругъ, родившійся двумя годами позже, а умершій тремя годами раньше Конгрева, бывшій дворяниномъ и архитекторомъ, почти превосходилъ остроуміемъ, но не легкостью, Конгрева; его Relapse, Provoked Wife и Conspiracy—комедіи замѣчательно блестящія и сценичныя еще болѣе, чѣмъ комедіи Конгрева, хотя и не обладающія той воздушной граціей, въ которой Конгревъ достигаетъ почти поэтической возвышенности. Онъ въ отличіе отъ Конгрева написалъ нѣсколько плохихъ, плохо приспособленныхъ къ сценѣ пьесъ. Фаркверъ родился въ 1678 году и умеръ, не достигнувъ тридцатилѣтняго возраста; онъ написалъ свою первую пьесу, «Любовь и бутылка», въ 1698 года; за ней послѣдовали и другія изъ которыхъ лучшія: Recruiting Officer и знаменитая Beaux Strategem. Нужно замѣтить, что Ванбругъ и Фэркверъ оба были военными. Въ ихъ общество иногда допускался Коллей Сайбберъ, который былъ моложе Конгрева и старше Ванбруга, который дожилъ до должности поэта лауреата и былъ предметомъ сатиры Попа, но былъ очень неглупымъ человѣкомъ и не плохимъ драматургомъ. Изъ всей этой кампаніи Фэркверъ болѣе другихъ свободенъ отъ вышеуказанныхъ недостатковъ, по крайней мѣрѣ отъ наиболѣе отвратительной ихъ формы. Немезида въ этомъ случаѣ скоро наказала всѣхъ ихъ. Еще до окончанія столѣтія, незадолго до смерти Драйдена, въ самое время появленія наиболѣе блестящихъ произведеній Конгрева и Ванбруга нѣкто Іеремія Колльеръ, неприсягнувшій священникъ и человѣкъ во многихъ отношеніяхъ непопулярный, издалъ свой извѣстный памфлетъ: Short View of Morality and Profaneness of English Stage, въ которомъ онъ, и безумно и разумно, и съ подходящими и съ неподходящими аргументами, напалъ на распущенность, которую позволяли себѣ въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ драматурги. За исключеніемъ Драйдена, смиреніе котораго слѣдуетъ приписать не только

Памфлетъ Колльера.

его старости, но и сознанію его собственной неправды, всѣ остальные попытались опровергать «попа», какъ самъ Драйденъ назвалъ Колльера; но ихъ дѣло было плохо само по себѣ, и еще разъ серьезная критика побѣдила чрезвычайно популярную и преобладавшую партію очень ловкихъ писателей. Правда, что и въ пьесахъ начала восемнадцатаго вѣка мы не встрѣтимъ преувеличенной стыдливости. Но теченіе, очевидно, начало измѣняться и это измѣненіе было ускорено и сдѣлано окончательнымъ благодаря эссеистовъ царствованія Анны. Стиль могъ бы, пожалуй, и не имѣть успѣха при томъ его свойствѣ, которое пасторъ Адамсъ съ безсознательной, а создавшій этотъ типъ авторъ съ сознательной, ироніей хвалили, какъ «почти равное съ проповѣдью», но онъ несомнѣнно помогъ Коллльеру, замѣнивъ до нѣкоторой степени чувственность сантиментальностью и изгнавъ откровенное скотство.

Послѣднія поэмы Драйдена.

Самъ Драйденъ тѣмъ менѣе имѣлъ охоты проявлять упорство въ этомъ отношеніи, что ему со времени революціи снова пришлось заботиться о заработкахъ, что его драматическія попытки вообще были неудачны и что онъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ и съ замѣчательной разносторонностью таланта, столь ему свойственной, уже началъ открывать для себя новые пути къ славѣ. Онъ всегда любилъ переводить или лучше сказать перефразировать древнихъ, и когда престолъ былъ упроченъ за королемъ Вильгельмомъ, онъ по соглашенію съ книгопродавцемъ Тонсономъ и по подпискѣ издалъ полный переводъ Виргилія, имѣвшій большой успѣхъ и принесшій ему, какъ говорятъ, 1200 фунтовъ (сумму несчастную по сравненію съ той, которую вскорѣ послѣ этого Попъ получилъ за Гомера, но для того времени вообще значительную). Онъ сдѣлалъ много и другихъ работъ изъ за денегъ, прозаическихъ и стихотворныхъ; нѣкоторыя изъ этихъ работъ недостойны его, какъ сдѣланныя только ради денегъ, но онѣ всѣ доказывали его несравненную и неутомимую энергію. И наконецъ, за смѣшную сумму въ 250 фунтовъ и подъ страннымъ заглавіемъ «Басни», онъ напечаталъ незадолго до смерти безспорно величайшую изъ книгъ англійской поэзіи періода отъ «Потеряннаго рая» Мильтона до возрожденія поэзіи въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Этотъ томъ парафразъ изъ Овидія, Чосера и другихъ классиковъ, съ прибавленіемъ различныхъ оригинальныхъ поэмъ, былъ замѣчателенъ по удивительному мастерству языка, метра и фантазіи, полонъ огневой силы и энергіи (хотя поэту было уже семьдесятъ лѣтъ, хотя онъ стоялъ одной ногой въ гробу, не столько отъ какой нибудь болѣзни, сколько отъ переутомленія организма), а также и совершенства формы; полонъ такихъ яркихъ красокъ, которымъ мы удивлялись бы даже у человѣка, находящагося въ цвѣтѣ лѣтъ. Драйденъ умеръ въ послѣдній годъ семнадцатаго вѣка и съ нимъ закончился періодъ образованія «школы прозы и разума». Въ тече-

нiи слѣдующихъ восьмидесяти лѣтъ этой школѣ предстояло показать, что она можетъ сдѣлать предоставленная себѣ самой, при полномъ обладанiи ей всемъ полемъ литературы.

Послѣ смерти Драйдена положенiе дѣлъ неблагопрiятствовало созданiю генiальныхъ произведенiй и дѣйствительно, въ теченiи перваго десятилѣтiя восемнадцатаго вѣка не появилось ничего оригинальнаго, за исключенiемъ анонимнаго и страннаго «Разсказа о бочкѣ». Но мѣсто Драйдена съ быстротой, рѣдкой нри наслѣдованiи литературтурныхъ монарховъ, было занято его ученикомъ, который, подобно большинству учениковъ, наслѣдующихъ своему учителю, имѣлъ благоразумiе избрать особую часть наслѣдiя учителя и разработывать эту часть, не пытаясь идти дальше въ направленiи увеличенiя. Нѣсколько излишняя рѣзкость и крайнiя противорѣчiя въ часто возобновлявшихся спорахъ относительно значенiя Попа, какъ поэта, именно обусловливаются этой его особенностью, хотя по большей части спорящiе забываютъ о ней. При первомъ возмущенiи противъ «Попизма» восемнадцатаго вѣка былъ даже поставленъ вопросъ: «былъ ли Попъ поэтомъ?» Но обсужденiе такого вопроса, по меньшей мѣрѣ, безполезно. Попъ.

Если мы будемъ отказывать въ имени поэта мастеру вирсификацiи, столь совершенной и до значительной степени столь новой, автору такихъ истинно великолѣпныхъ созданiй, какъ характеръ Atticus'а и заключенiя «Дунсiады», человѣку, который въ теченiе почти ста лѣтъ доставлялъ большинству своихъ соотечественниковъ больше поэтическихъ наслажденiй, чѣмъ любой писатель, тогда всякiй разговоръ о поэзiи дѣлается простой логомахiей. Мы разбиваемъ поэтическое наслажденiе на роды и разряды, рѣшаемъ, что поэтично по существу и что непоэтично, и дѣлаемся тѣмъ, что мы сами называемъ схоластиками. Другой вопросъ, какого рода и какой степени былъ поэтическiй талантъ Попа—и объ этомъ мы будемъ говорить, когда дойдемъ до конца его жизненнаго поприща. Теперь же мы занимаемся только его началомъ. хотя началомъ довольно замѣчательнымъ. Попу было только двѣнадцать лѣтъ, когда умеръ Драйденъ; онъ родился въ самый годъ революцiи (любопытное совпаденiе!) и, повидимому, началъ писать стихи очень рано; но онъ былъ такимъ лгуномъ, что довѣрять его собственнымъ показанiямъ слѣдуетъ съ осторожностью. Его «Пасторали» напечатаны въ Сборникѣ (Miscelany) Тонсона (въ шестой части этого изданiя; первыя пять частей были изданы Драйденомъ и содержали многiя изъ лучшихъ его произведенiй) въ 1709 году. Несомнѣнно, что эти «Пасторали» написаны нѣсколько раньше; но такъ какъ это былъ годъ совершеннолѣтiя автора, то намъ и незачѣмъ изыскивать болѣе раннихъ его произведенiй. Это произведенiе до чрезвычайности скучно и искусственно, но оно представляетъ довольно искусный выборъ и

усовершенствованіе драйденовскаго куплета; правда, это усовершенствованіе лишало драйденовскій куплетъ его величія и его разнообразія, но за то давало ему чрезвычайный блескъ и манерную грацію. «Опытъ о критикѣ» (1711) менѣе скученъ и еще болѣе обработанъ. Въ слѣдующемъ году появилось «Похищеніе локона», гдѣ впервые замѣтна легкость, съ какой поэтъ усвоивалъ и передавалъ тонъ лучшаго общества своего времени. Въ этой пьесѣ есть фантазія, хотя нѣсколько и механическая, и вмѣстѣ съ прежними стихотвореніями Попа и непосредственно слѣдующими за «Похищеніемъ» «Виндзорскимъ лѣсомъ» и парафразомъ «Храма славы», оно доказываетъ, насколько Попъ умѣлъ примѣнять куплетъ (а другой формы стиха онъ почти и не употреблялъ или очень рѣдко употреблялъ сколько нибудь успѣшно) къ самымъ разнообразнымъ по видимому сюжетамъ. Таковы были главныя его произведенія до смерти королевы Анны, хотя онъ до этого событія уже занимался своимъ знаменитымъ переводомъ Гомера, который съ одной стороны далъ ему матеріальное обезпеченіе, а съ другой далъ ему такую популярность, какой ни одинъ поэтъ въ Англіи не имѣлъ. Но объ этомъ мы будемъ говорить потомъ. Теперь же достаточно сказать, что Попъ, католикъ по рожденію, лондонецъ, сынъ богатаго фабриканта льняныхъ тканей, былъ рано введенъ въ лучшее литературное и свѣтское общество, былъ членомъ кружка Аддисона (пока не поссорился съ Аддисономъ) и сотрудничалъ въ эссеяхъ, о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить. Онъ былъ въ еще болѣе близкихъ отношеніяхъ съ величайшимъ геніемъ этого времени, съ Іонатаномъ Свифтомъ, величайшее произведеніе котораго «Разсказъ о бочкѣ» появился, какъ уже сказано, въ 1704 году, хотя написано оно шесть лѣтъ раньше.

Другіе поэты. Другіе поэты, кромѣ Попы, за единственнымъ исключеніемъ, были или посредственности — да и посредственностями то ихъ можно называть только при нѣкоторой снисходительности—или люди, о произведеніяхъ которыхъ будетъ удобнѣе говорить въ слѣдующей главѣ. Заслуживаютъ упоминанія только Гартъ, послѣдователь Драйдена, написавшій поэму на непривлекательный сюжетъ, «Dispensary» (Амбулаторія), поэму, лучшую, чѣмъ можно было ожидать, и жеманный (Namby-Pamby) Филипсъ, соперникъ Попа въ пасторали; но эти поэты, какъ и большинство писателей съ этого времени, занимаютъ извѣстное мѣсто въ исторіи литературы не столько по ихъ заслугамъ, сколько по ихъ отношеніямъ съ болѣе видными писателями и по тому мѣсту, которое они заняли въ сочиненіи Джонсона о «поэтахъ». Такая оговорка, впрочемъ, не примѣнима къ Матью Пріору. Онъ старше всѣхъ изъ упоминаемыхъ въ этой главѣ литераторовъ и родился черезъ годъ послѣ реставраціи. Но за исключеніемъ чрезвычайно плоской пародіи на «Лань и Пантеру» Драйдена, какъ ли-

тераторъ онъ дѣлается извѣстнымъ только въ царствованіе Анны; а до революціи онъ былъ только членомъ коллегіи въ Кембриджѣ; послѣ же революціи получалъ различныя дипломатическія порученія. Во время якобинскихъ интригъ въ послѣдній годъ царствованія Анны онъ былъ отправленъ въ Парижъ съ порученіемъ, которое могло стоить ему жизни и стоило свободы на нѣкоторое время, хотя онъ и былъ освобожденъ задолго до его смерти, послѣдовавшей въ 1721 году. Пріоръ былъ человѣкомъ не особенно большого, но изящнаго и оригинальнаго таланта. Его большія поэмы, худшая изъ которыхъ «Соломонъ», а лучшая «Альма», давно уже не читаются; но болѣе мелкія произведенія, имѣющія очень опредѣленное эпикурейское настроеніе, отличаются чрезвычайными легкостью и изяществомъ и притомъ отмѣчены меланхоличностью и юморомъ, подобными если не шекспировскимъ, то во всякомъ случаѣ Теккереевскимъ. Нѣкоторыя изъ его поэмъ къ «Хлоѣ» и такія стихотворенія, какъ «Китти, прекрасная и юная» и стихотвореніе къ лэди Маргаритѣ Гарлей перворазрядныя произведенія; а «Lines, written in a copy of Mezeray», прямо таки не имѣютъ себѣ равныхъ.

Эссеисты. Аддисонъ и Стиль.

О Дефое, бывшемъ почти современникомъ Пріора, мы также, какъ и о Свифтѣ и по тѣмъ же причинамъ, будемъ говорить только въ слѣдующей главѣ, хотя въ то время, когда умерла королева Анна, онъ уже писалъ болѣе тридцати лѣтъ; но здѣсь необходимо замѣтить, что его замѣчательный Revieu, бывшій трехнедѣльнымъ изданіемъ и заполняемый цѣликомъ имъ самимъ, издаваемый имъ съ большими затрудненіями въ теченіе восьми или девяти лѣтъ, былъ до нѣкоторой степени образцомъ тѣхъ знаменитыхъ эссеевъ, которые составляли характерную особенность царствованія Анны и нѣкоторыми замѣчаніями о которыхъ мы и закончимъ этотъ отдѣлъ. Написаны цѣлые томы и можно написать еще цѣлые томы о генезисѣ и судьбѣ періодическихъ изданій, главными изъ которыхъ были Tatler и Spectator, появившіеся въ послѣдніе пять лѣтъ царствованія Анны. Главными дѣятелями были Аддисонъ и Стиль, хотя въ этихъ журналахъ сотрудничали почти всѣ тогдашніе литераторы. Эти журналы были отчасти политическими, но больше общественными, литературными и смѣшанными, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Любимымъ сюжетомъ разсужденій критиковъ былъ вопросъ о томъ, кому изъ двухъ, Адисону или Стилю, слѣдуетъ отдать пальму первенства въ блескѣ и оригинальности. Оба они были оксфордцы, но Аддисонъ никогда не отставалъ отъ своихъ привычекъ ученаго коллегіи Магдалены; даже бывши достопочтеннымъ и государственнымъ секретаремъ, онъ все таки оставался «дономъ» (don — прозвище университетскаго ученаго). Стиль наоборотъ не отдѣлался отъ юношескихъ увлеченій послѣ выхода изъ коллегіи Мертона, прослужилъ не мало времени въ гвардіи, занимался разными дѣлами помимо по-

литики и жуиальной работы, былъ въ разное время и одновременно и актеромъ и содержателемъ театра и прожекторомъ разныхъ торговыхъ предпріятій. Аддисонъ пользовался большой популярностью; его заслуги изложены въ знаменитомъ эссеѣ Маколея; но позже онъ уступилъ дорогу Стилю, который несомнѣнно имѣлъ предъ нимъ первенство въ смыслѣ идейномъ и который, обладая меньшимъ литературнымъ талантомъ и меньшимъ вкусомъ, превосходилъ своего друга нѣжностью чувствъ и благородствомъ тона. Тѣмъ не менѣе чисто литературное превосходство Аддисона наврядъ ли можетъ быть оспариваемо; мы можемъ присоединиться къ извѣстной похвалѣ, создаваемой ему утвержденіемъ, что всякій, желающій выучиться владѣть въ совершенствѣ стилемъ, долженъ «читать его и днемъ и ночью», въ томъ смыслѣ, что въ извѣстномъ родѣ стиля онъ дѣйствительно не имѣетъ соперниковъ. Что касается до самихъ эссеевъ, то въ нихъ авторы, частію, можетъ быть, по политическимъ причинамъ, восхваляли Мильтона; но защищаемые имъ принципы литературной критики въ настоящее время естественно представляются неудовлетворительными. Но авторы принесли много пользы, поддерживая Іеремію Колльера въ его нападкахъ на жестокую грубость драмы реставраціи, а частыми указаніями на интересныя книги, англійскія и иностранныя, они много сдѣлали для распространенія изученія литературы. Тоже самое очищающее и реформирующее вліяніе, которое они имѣли на театръ, они оказали на многое другое, хотя и не съ такимъ непосредственнымъ успѣхомъ. Но главнымъ образомъ эти эссеи представляли цѣлую галлерею изображеній, съ одной стороны нѣсколько фантастическихъ, съ другой нѣсколько каррикатурныхъ, манеръ, общества, даже модъ, и эти избраженія по изяществу и живости рисунка, по чрезвычайной прелести литературнаго изложенія равняются, если не превосходятъ, что бы то ни было въ этомъ родѣ. Въ теченіе цѣлаго столѣтія Tatler, Spectator и Guardian, и въ особенности Spectator, не только имѣли подражателей, но и были чѣмъ то въ родѣ кодекса вкуса относительно поведенія, чтенія и слога во всей Англіи. Безъ особаго преувеличенія можно назвать восемнадцатый вѣкъ въ Англіи вѣкомъ Spectator'a; можно сомнѣваться, чтобы когда либо одинъ человѣкъ или группа людей чрезъ посредство литературы имѣли такое продолжительное и прочное вліяніе на жизнь, какъ Аддисонъ и Стиль посредствомъ этихъ ежедневно выпускаемыхъ листковъ, подаваемыхъ читателю къ утреннему чаю или шоколату. Ихъ вліяніе, вѣроятно, обусловливалось рѣдкой и несравненной комбинаціей здраваго смысла, вѣрности настроенія и даже мудрости съ интимнымъ пониманіемъ и даже любовью къ безуміямъ и фантазіямъ того времени. Не излишне будетъ замѣтить и то, что эти маленькіе эскизы личностей и цѣлыхъ группъ случаевъ и приключеній несомнѣнно сдѣлали многое, можетъ быть даже больше,

чѣмъ что либо, для того, чтобы обратить національный умъ къ такой дѣятельности, въ которой онъ нашелъ наиболѣе оригинальное и можетъ быть, наиболѣе удачное (кромѣ поэзіи) свое выраженіе — къ дѣятельности въ сферѣ прозаической фикціи.

Начало упадка и реакціи.

Можетъ представляться до чрезвычайности неудобнымъ останавливаться на половинѣ такъ называемаго августовскаго періода нашей литературы; но это же имѣетъ и нѣкоторыя положительныя удобства. Такое раздѣленіе этого августовскаго періода нашей литературы позволяетъ намъ отмѣтить полное исчезновеніе въ литературѣ духа и настроенія семнадцатаго вѣка. Критики, съ любовью останавливающіеся на литературныхъ мелочахъ, укажутъ намъ на отдѣльные примѣры — у лэди Уинчильзи, у Крокзаля и Христофера Смарта и другихъ — того менѣе искусственнаго и болѣе благочестиваго настроенія, которое исчезло въ поэзіи въ періодъ отъ смерти Вогана до появленія Блэка. Но рѣдкость такихъ исключеній только доказываетъ правило. После смерти королевы Анны (какъ уже замѣчено выше, величайшіе изъ писателей того времени по странному совпаденію умерли вскорѣ послѣ ея смерти) начинается настоящее восемнадцатое столѣтіе, не только хронологически, но и въ смыслѣ настроенія. Наиболѣе характерный изъ писателей этого столѣтія, Джонсонъ, только появился на свѣтъ въ это время, главный поэтъ столѣтія, Попъ, уже вполнѣ выяснился. За профанаціей драмы начинается ея упадокъ. Проповѣдь — одинъ изъ наиболѣе удобныхъ и, можетъ быть, самый популярный изъ литературныхъ родовъ — превращается изъ неотдѣланнаго, но ученаго и пламеннаго краснорѣчія, отличающагося рѣзкой логичностью, прошлаго вѣка въ довольно изящныя, нѣсколько скучноватыя, скорѣе моральныя, чѣмъ богословскія и существенно приличныя литературныя упражненія, примѣръ которымъ далъ Тиллотсонъ и наиболѣе характерными представительницами которыхъ въ теченіи первыхъ трехъ четвертей столѣтія были проповѣди двухъ Ширлоковъ, отца и сына. Въ поэзіи, какъ мы видѣли, произошла полная передѣлка ея арсенала Драйденомъ; потомъ изъ этого арсенала было Попомъ избрано и доведено до возможнаго механическаго совершенства одно орудіе. Въ теченіи этихъ немногихъ лѣтъ появился и развился до совершенства тотъ литературный родъ, который англичане называютъ «эссеемъ». Философскія произведенія были еще многочисленными и Берклей, по отношенію къ литературной формѣ, въ нихъ достигъ такого совершенства, какого этотъ родъ литературы не достигалъ ни раньше, ни позже. Мало разработаны были только два рода прозаической литературы, и любопытно, что это именно такіе роды, которые до извѣстной степени подобны одинъ другому. Въ Англіи, за единственнымъ исключеніемъ Кларендона, еще не было замѣчательныхъ историковъ, и совсѣмъ не было замѣчатель-

ныхъ беллетристовъ. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что и тотъ и другой родъ литературы достигли совершенной литературной формы только въ слѣдующемъ поколѣніи. Даже въ слѣдующемъ отдѣлѣ исторіи англійской литературы, обнимающемъ тридцатилѣтній періодъ, мы не будемъ въ состояніи указать ни на одно сколько нибудь замѣчательное историческое произведеніе, а замѣчательныя беллетристическія произведенія, за исключеніемъ отдѣльныхъ и исключительныхъ произведеній Дефое, едва только выходятъ изъ ряда простыхъ эскизовъ.

И тѣмъ не менѣе уже и то, что намъ придется отмѣтить въ слѣдующей главѣ, достаточно интересно; полная выработка тенденціи августовскаго вѣка литературы—установленіе того понятія, что единственныя вещи, къ которымъ не только главнымъ образомъ, но исключительно стоитъ стремиться въ литературѣ — это порядокъ, правильность и точность, что англійскій языкъ до Драйдена былъ просто кирпичемъ по сравненію съ мраморомъ, и что наврядъ ли можно найти что особо заслуживающее вниманія въ англійской литературѣ до реставраціи. Но въ то же время мы увидимъ, что тогда же уже замѣчаются и признаки наступавшей реакціи — такъ какъ моментъ торжества литературнаго направленія всегда бываетъ кануномъ его упадка. А что направленіе въ это время торжествовало свою побѣду, это несомнѣнно.

Мануфактурная промышленность.

Тоунзенда Варнера.

Чужестранцы. Мы уже говорили о вліяніи переселенія гугенотовъ на шолковую промышленность въ Англіи; это вліяніе было постояннымъ, а не просто временнымъ. Въ теченіе царствованія Вильгельма и Маріи шолковая промышленность быстро развивалась. Англійскіе рабочіе выучились подражать французскимъ методамъ работы, промышленныя тайны быстро распространились среди нихъ; но французскіе товары продолжали быть въ модѣ, такъ что почти всѣ товары, производимые въ Англіи продавались какъ «французскіе»; этотъ терминъ былъ конечно двусмысленнымъ, онъ могъ означать и товары, производимые во Франціи, и товары, производимые французскими изгнанниками. Англійскіе промышленники считали это несправедливымъ, но правительство въ большинствѣ случаевъ отказывало въ поддержкѣ преслѣдованіямъ чужестранцевъ. На основаніи акта 1709 года для натурализаціи иностранцевъ требовались только присяга на подданство и принятіе причащенія. Правда, торійская партія отмѣнила

этотъ актъ въ 1712 году, но это была мѣра чисто политическая, такъ какъ почти всѣ переселенцы стояли на сторонѣ виговъ. Во всякомъ случаѣ переселеніе ихъ въ Англію не встрѣчало никакихъ серьезныхъ препятствій. Спорили только о томъ, могутъ ли они пользоваться всѣми политическими правами англійскихъ гражданъ. Парламентъ относился къ нимъ внимательно. Въ 1709 году въ Англію переселились 7000 бѣдняковъ изъ Палатината и Швабіи. Они были безъ всякихъ средствъ и въ теченіе нѣкотораго времени жили въ палаткахъ на Блэкгитѣ. Парламентъ вотировалъ имъ пособіе въ 24,000 фунтовъ; нѣкоторые изъ нихъ поселились въ Англіи, а 3000 переселились на рѣку Гудзонъ. Тамъ они поссорились съ колонистами и въ концѣ концевъ переселились въ Пенсильванію, гдѣ пользовались большимъ благосостояніемъ.

Меркантильная теорія.

Экономисты считали помощь, оказанную переселенцамъ, выгоднымъ помѣщеніемъ капитала. На основаніи положеній теоріи меркантилизма было желательно поощрять всѣ новыя промышленности. Съ гордостью указывали, что съ прибытіемъ изгнанниковъ англійская промышленность развилась, а французская падала. Въ непродолжительное время число станковъ въ Ліонѣ уменьшилось отъ 18,000 до 4000; въ Турѣ вмѣсто семисотъ фабрикъ работало только семьдесятъ. До отмѣны Нантскаго эдикта Англія ввозила люстриновъ на 200,000 фунтовъ, а къ 1698 году англійская шолковая промышленность настолько развилась, что ввозъ былъ совершенно воспрещенъ.

Льнянья и шелковыя ткани. Шляпы. Бумага. Стекло. Горшечное производство.

Кромѣ шолковаго ткачества изгнанники ввели многія промышленности. Въ Ипсвичѣ была устроена новая льняная фабрика, но въ особенности льняное ткачество развилось въ Шотландіи. Въ 1686 году по примѣру Англіи тамъ былъ принятъ актъ о погребеніи покойниковъ въ одеждѣ изъ мѣстныхъ льняныхъ тканей; были приняты мѣры для поощренія разведенія льна во всей странѣ; поощряли пряденье и ткачество. Деньги, вотированныя на основаніи акта объ Уніи для промышленныхъ цѣлей, были въ Шотландіи истрачены на поддержаніе льняной промышленности. Послѣ 1707 года изъ Шотландіи въ Англію привозилось много полотна, къ неудовольствію англійскихъ промышленниковъ, боявшихся конкуренціи. Они желали, чтобы шотландцы ограничивались приготовленіемъ пряжи и вывозили ее въ Англію для производства изъ нея или полотенъ или того, что называли тогда бумажными матеріями, имѣвшими основу льняную. Въ Ипсвичѣ одинъ изъ изгнанниковъ, Бономъ, выучилъ англичанъ производству парусины. Эту промышленность особенно поощряли не только какъ новую, такъ какъ до сихъ поръ Англія получала парусину изъ Франціи, но и какъ такую, которая укрѣпляла правую руку Англіи, ея флотъ. Фабрика эта была, однако, закрыта благодаря стараніямъ французскихъ агентовъ, подкупомъ убѣдившихъ рабочихъ вернуться въ Францію; но въ царствованіе

Вильгельма была открыта новая фабрика въ Лондонѣ. Не скоро, однако, новая промышленность была въ состоянiи вполнѣ удовлетворить спросу въ Англiи; еще въ царствованiе Георга I предложенiе воспретить ввозъ заграничной парусины было отвергнуто, такъ какъ полагали, что подобная мѣра повредитъ флоту, ограничивъ предложенiе этого важнаго для него товара. Этотъ фактъ любопытенъ, какъ доказывающiй склонность ставить интересы флота выше общихъ соображенiй о нацiональномъ богатствѣ. Производство обоевъ было устроено въ Фульгамѣ однимъ бывшимъ монахомъ-капуциномъ, открывшимъ секретъ производства. Фабрика эта впослѣдствiи была переведена въ Эксетеръ. Другимъ нововведенiемъ было производство шляпъ. Изгнанники привезли съ собой секретъ приготовленiя кастора и шитья изъ него шляпъ. Францiя на нѣкоторое время настолько лишилась этой промышленности, что англiйская фабрика въ Вандсуортѣ поставляла даже шляпы кардиналамъ. Случайно одинъ изъ изгнанниковъ возвратился во Францiю и вернулъ этой странѣ утраченное ею искусство и часть уничтоженной промышленности. Другимъ искусствомъ, которымъ мы обязаны иностранцамъ, было производство бумаги. До переселенiя въ Англiи производилась только грубая темная бумага, дѣлаемая въ Дартфордѣ. Всѣ болѣе тонкiе сорта бумаги, какъ писчей, такъ и для печати, ввозились изъ Францiи. Считали, что Англiя за бумагу уплачивала каждогодно по сто тысячъ фунтовъ. Изгнанники изъ Бордо и Оверни ввели эту промышленность въ Англiю. Это производство возбуждало зависть французовъ, которымъ удалось уничтожить его также, какъ и производство парусины, подкупивъ рабочихъ возвратиться на родину; но прiостановка была только временной. Была устроена новая фабрика и въ непродолжительное время Англiя могла удовлетворить свой спросъ на писчую бумагу. Въ то же время изъ Францiи было ввезено производство бархата и дама. Изгнанники способствовали также развитiю часового мастерства, въ особенности искусства приготовлять часы съ маятниками. Иностранцы также обучили англичанъ и другимъ искусствамъ, въ родѣ производства вертеловъ для жаренья, замковъ и механическихъ игрушекъ. Они обучили также англичанъ приготовленiю лучшихъ сортовъ ножеваго товара и хирургическихъ инструментовъ. Одинъ гугенотъ представилъ хирургическую пилку и ланцеты, какъ пробную работу для принятiя въ Эдинбургскую корпорацiю кузнецовъ. Другая промышленность, усовершенствованная искусствомъ изгнанниковъ, была стеклянная. До сихъ поръ въ Англiи производилось только бутылочное стекло. Изгнанники начали дѣлать граненное стекло и оконное, такъ что въ Лондонѣ и въ его окрестностяхъ количество домовъ съ стеклянными окнами увеличилось увеличилось. Производилось также и цвѣтное стекло; нѣкто Джосуа Прайсъ просилъ «дать ему случай убѣдить невѣрующихъ

людей, показавъ его талантъ нарисовать изображеніе св. Павла въ верхнемъ окнѣ къ востоку въ соборѣ св. Павла»; а другой ремесленникъ, Вилльямъ Прайсъ, утверждалъ, что онъ можетъ приготовлять стекло стараго краснаго цвѣта. Другое доказательство того, что англійская стеклянная промышленность многимъ обязана изгнанникамъ, состоитъ въ томъ что почти всѣ техническіе термины въ этомъ производствѣ заимствованы у французовъ. Въ Англіи нѣкоторые сорта горшечнаго товара производились издавна. Въ 1635 году былъ выданъ патентъ «на искусство окрашиванья горшковъ, каменныхъ банокъ, бутылокъ всякой величины и глинянныхъ бутылокъ». Глазированье свинцомъ употреблялось до 1680 года, когда случайно, какъ утверждаютъ, было открыто глазированье солью. Въ это время въ Бурслемѣ было двадцать двѣ обжигательныя печи; тамъ дѣлалась домашняя посуда. 1671 году Джонъ Дайгтъ взялъ патентъ «на секретъ производства прозрачныхъ глинянныхъ товаровъ», т. е. фарфора. Таково происхожденіе фульгамскихъ произведеній, извѣстныхъ подъ названіемъ бѣлыхъ горлышекъ, мраморнаго фарфора, статуй и фигуръ, прозрачнаго фарфора, матоваго, краснаго и темнаго фарфора. Дайгтъ, кажется, имѣлъ многихъ иностранныхъ рабочихъ и многимъ обязанъ имъ. Въ 1688 году изъ Голландіи пріѣхали два брата Элерсы и поселились въ Бурслемѣ. Они дѣлали красный и черный горшечный товаръ, въ родѣ того, которымъ позже прославился Веджвудъ. Въ Бурслемѣ ихъ сильно безпокоили сосѣди, подсматривавшіе за ихъ производствомъ, потому въ 1710 году они переселились въ Ламбетъ, гдѣ продолжали заниматься своимъ промысломъ, а также завели стеклянную фабрику.

Сукна и ситцы.

Всѣ эти промышленности, какъ новыя, такъ и бывшія усовершенствованіями уже раньше извѣстныхъ въ Англіи, были приняты англичанами съ радостью; хотя и бывало кое гдѣ, что появлялся какой нибудь недовольный, выдававшій заботу о своемъ карманѣ за патріотизмъ и заявлявшій, что иностранцы лишаютъ работы англичанъ. Но были двѣ промышленности, ввезенныя изгнанниками, о которыхъ, по тогдашнимъ понятіямъ, нельзя было сказать ничего добраго.

Одной изъ такихъ промышленностей было производство суконъ, а другой производство ситцевъ. Англійскіе суконщики полагали, что имъ нечему учиться и что чѣмъ больше суконщиковъ будетъ въ странѣ, тѣмъ меньше будетъ для каждаго работы. Дѣйствительно, суконщикамъ было трудно добывать нужное количество пряжи. Потому, казалось, не было основаній, чтобы радоваться прибытію изгнанниковъ, искусныхъ только въ томъ, что умѣли дѣлать и сами англичане. Относительно производства ситцевъ дѣло обстояло нѣсколько иначе. Промышленность эта была новой; фабрики сначала были устроены въ Ричмондѣ, а потомъ переведены въ Бромлей-

Голль. Батистъ производился въ Эдинбургѣ. Оба производства были удачны. Ситецъ и бумажныя матеріи были въ модѣ. Они привозились съ востока и всѣ восхищались легкостью и изяществомъ новыхъ тканей. Особенно онѣ нравились женщинамъ, Дефое говоритъ: «ситцы раньше лежали у нихъ на полу, а теперь онѣ носятъ ихъ на спинѣ; раньше они употреблялись на половики, а теперь на юбки». Тщетно производители ситцевъ доказывали, что при ихъ производствѣ сырой матеріалъ увеличивается въ цѣнѣ больше, чѣмъ, напр., шолкъ при его обработкѣ, что они платятъ пошлины по 14 д. за ярдъ, и что лучше набивать ситцы дома, чѣмъ привозить ихъ съ востока. Ихъ просили указать: какая польза отъ ситцевъ; ихъ спрашивали: развѣ раньше вмѣсто ситцевъ не употреблялись шерстянныя ткани? Невозможно было, конечно, отрицать, что теперь ситцы употреблялись для тѣхъ цѣлей, на которыя раньше употребляли шерстянныя ткани. Стало быть, ситцы вредили старой шерстянной промышленности. Защитники этой послѣдней часто прибѣгали къ насиліямъ; въ одномъ случаѣ дѣло дошло до того, что всѣхъ носившихъ ситцы обливали крѣпкой водкой. Такое «мятежное и безчеловѣчное поведеніе», кажется, на время уничтожило промышленность и производители ситцевъ жаловались, что ихъ промышленность стала. Остановить спросъ на ситцы могли только насиліе, да законодательныя мѣры, такъ какъ, по показанію Дефое, ситцы стоили только восьмую часть тѣхъ шерстянныхъ матерій, которыя они замѣнили. Въ царствованіе Анны ситцы были обложены пошлиной, а въ 1720 году они были совершенно воспрещены. Несомнѣнно, что эта мѣра была въ то время очень популярной.

Рудники въ Корнваллисѣ. Статистическія данныя. Спекуляціи.

Такимъ образомъ царствованіе Вильгельма и Анны отмѣчено значительнымъ промышленнымъ прогрессомъ. Но этотъ прогрессъ обусловливался больше появленіемъ новыхъ отраслей промышленности, чѣмъ развитіемъ старыхъ. Углепромышленность по мѣрѣ увеличенія потребленія угля медленно развивалась, а шерстянная промышленность держалась только на прежнемъ уровнѣ развитія. Страхъ конкуренціи новыхъ тканей доказываетъ, что она не развивалась быстро. Железная промышленность тоже была стаціонарной, что объясняется недостаткомъ топлива. Но новыя промышленности быстро укоренились и быстро развивались. Развитіе ихъ, однако, обусловливалось не механическими усовершенствованіями, а человѣческимъ искусствомъ и вкусомъ изгнанниковъ. Процвѣтала въ особенности мелкая промышленность. Былъ большой спросъ на мѣдь и, такъ какъ для ея плавки употребляли каменный уголь, то эта промышленность не страдала, какъ желѣзная, отъ недостатка топлива. Теперь дѣятельно разработывали корнавалисскіе рудники и были проекты снова разработывать заброшенные кумберландскіе рудники въ Ньюландѣ и Конистонѣ. Сохранился любопытный отчетъ о корна-

валисскихъ рудникахъ олова. Прежде всего искали самородка, т. е. отдѣльнаго куска руды (shoad); это указывало на близость жилы. Самую жилу искали пробными крючьями или бурами; когда находили жилу, закладывали шахту, прорѣзывая въ холмѣ проходъ въ три фута ширины и семь футовъ глубины. Два сгребальщика и три кайлильщика работали въ этомъ проходѣ и руду поднимали на верхъ просто перебрасывая ее лопатами съ одной терраски на другую. Иногда ее впрочемъ поднимали ведрами (keebles), а если мѣшала вода, то проводили канавку для ея спуска. Руду сначала раздробляли водянной толчеей, потомъ промывали ее въ корытѣ съ отверстіемъ въ днѣ, черезъ которое руда падала внизъ. Собранную послѣ этого процесса руду сортировали на голову, среднюю и охвостье. Потомъ клали ее въ промывательное снарядъ (trambling buddle) и отмывали окончательно отъ земли. Калильная печь для олова была четыре квадратныхъ футовъ и на верху покрыта камнемъ дикаремъ съ дырой по срединѣ. Въ срединѣ печи тоже клался кусокъ дикаря, не доходившій до задней стѣнки печи, чтобы оставалось мѣсто для огня снизу. Чрезъ верхнее отверстіе на эту перегородку въ печь сыпали руду въ три дюйма толщины. Внизу зажигали сильный огонь, топили преимущественно дрокомъ; пламя сзади охватывало руду и сжигало пириты (mundick). Послѣ этого руду кочергой сгребали въ огонь и насыпали новую. Послѣ этого руду снова толкли въ толчеѣ, снова промывали въ снарядѣ и наконецъ снова переплавляли; тогда только получался чистый металлъ.

Японская лакировка въ Англіи дѣлалась такъ хорошо, что по мнѣнію, по крайней мѣрѣ, самихъ мастеровъ лакировка эта была лучше индѣйской и не хуже японской—хотя такое мнѣніе наврядъ ли было основательнымъ. Много было работы и у кожевниковъ, у солеваровъ, у печатниковъ. О развитіи промышленности можно судить по статистическимъ даннымъ, въ то время уже собиравшимся. Школа статистиковъ была создана Чайльдомъ и Петти, продолжателями которыхъ были Давенантъ и Вудъ. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ ихъ данныхъ не вполнѣ достовѣрны, но нѣкоторыя все таки очень цѣнны. По показанію Давенанта вывозъ значительно увеличился въ царствованіе Вильгельма III. Въ 1688 году онъ равнялся только 2,006,374 фунт., а въ 1699 году уже 6,788,166. Вслѣдствіе войны въ 1703 г. онъ палъ до 6,644,103 ф., а въ 1705 г. до 5,308,966 ф. Въ 1710 году онъ снова поднялся до 6,690,825 ф., а въ 1715 г. до 7,379,409 ф. Въ 1711 году въ одну Голландію вывозили на 1,937,934 ф., а ввозили изъ этой страны на 579,832 ф. Столь же быстро увеличивалось и населеніе городовъ. Промышленность теперь, при всемъ большемъ и большемъ устраненіи старыхъ городскихъ ограниченій, снова начала концентрироваться въ городахъ. Очевидно, что продолжительныя войны того времени не особенно вредили раз-

витію англійской промышленности. Онѣ даже до нѣкоторой степени помогали этому развитію, открывая новые рынки и развивая транзитную торговлю. Развитію торговли и промышленности способствовали также денежная реформа и банки. Промышленная дѣятельность вела иногда къ спекуляціямъ и уже въ царствованіе Вильгельма мы видимъ слѣды того движенія, которое позже выразилось въ крахѣ кампаніи Южныхъ морей. Наиболѣе извѣстнымъ по безчестной спекуляціи дѣломъ этого періода было предпріятіе разработки рудниковъ (Mine Adventurers). Акціонеры взяли на себя разработку рудниковъ и мѣдныхъ заводовъ, принадлежавшихъ Кэрберри Прайсу и Гумфри Макуорту и были обмануты самымъ ужаснымъ образомъ. Кампанія лопнула и дѣло акціонеровъ доходило до парламента. Учредители разныхъ кампаній уже въ то время находили множество жертвъ. Промышленность и торговля становились все болѣе и болѣе почетными занятіями; теперь для джентльмена было уже не зазорно участвовать въ торговомъ предпріятіи. Старые роды смѣшивались посредствомъ браковъ съ семьями изъ Сити, и Попъ такимъ образомъ описываетъ семью того времени:

„Вашъ старшій сынъ грубый и хвастливый сквайръ,
А второй мягонькій и очень лживый купецъ“.

Слѣдствіемъ такого положенія и было то, что многіе ничего не понимавшіе въ дѣлахъ люди начали помѣщать свои деньги въ торговыя и промышленныя предпріятія и естественно, что они часто разорялись.

Общественное здравіе.

Крейгтона.

Оспа. Смерть королевы Маріи на Рождествѣ 1694 года отъ «геморрагіи» или злокачественной оспы уясняетъ намъ одну странную особенность этой болѣзни, — а именно то, что она часто встрѣчалась и была роковой въ дворцѣ, въ домахъ знатныхъ людей и въ семьяхъ зажиточныхъ людей; Сиденгамъ даже утверждаетъ, что отъ нея умирало немного изъ простого народа, сравнительно съ числомъ погибавшихъ отъ нее богатыхъ людей, и хотя онъ не даетъ сравнительныхъ данныхъ, да и не могъ дать ихъ, такъ какъ, практикуя въ Поль Моль, онъ наврядъ ли имѣлъ много соприкосновеній съ простымъ народомъ, тѣмъ не менѣе изъ дневниковъ, писемъ и другихъ современныхъ источниковъ очевидно, что оспа была серьезной опасностью для высшихъ классовъ общества. Братъ и сестра короля умерли отъ нея въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ

годъ реставраціи, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого послѣдній братъ короля, герцогъ Іоркскій, заболѣлъ оспой въ легкой формѣ; утверждаютъ, что и сынъ его въ дѣтскомъ возрастѣ умеръ отъ той же болѣзни. Такое частое заболѣваніе оспой въ домахъ высшихъ классовъ общества замѣчается съ того времени, когда болѣзнь становится частой и роковой въ Лондонѣ, въ царствованіе первыхъ Стюартовъ, до начала царствованія Георговъ. Сначала оспа сильно свирѣпствовала только въ Лондонѣ; но вскорѣ мы слышимъ о заболѣваніяхъ ею въ семьяхъ провинціальныхъ сквайровъ и зажиточныхъ горожанъ въ провинціи. Ральфъ Торесби, антикварій, бывшій богатымъ торговцомъ суккнами въ Лидсѣ, въ 1689 году потерялъ отъ оспы двухъ дѣтей, а чрезъ десять лѣтъ снова потерялъ двоихъ изъ четырехъ дѣтей. Въ Галифаксѣ одинъ изъ его корреспондентовъ потерялъ въ 1681 году сразу троихъ дѣтей. Въ ткаческихъ городахъ юго-запада, вродѣ Таунтона, эпидеміи случались регулярно чрезъ нѣсколько лѣтъ и уносили очень много дѣтей. Въ деревняхъ эпидеміи происходили рѣже и тамъ заболѣвали не одни дѣти, а и взрослые. Наиболѣе благопріятнымъ возрастомъ для заболѣванія оспой былъ, кажетсь, возрастъ отъ пяти до пятнадцати или двадцати лѣтъ, такъ что обыкновенно не изолировали дѣтей въ домѣ, гдѣ появилось заболѣваніе, и допускали, чтобы они переболѣли всѣ, какъ было, напримѣръ, въ богатой семьѣ вблизи Багшота, о которой расказываетъ Эвелинъ. Въ глухихъ мѣстахъ эпидеміи оспы были рѣдкими, но ужасными. Не слѣдуетъ думать, чтобы были частыми и другія заразительныя болѣзни того же рода; эпидеміи кори были рѣдкостью, скарлатина тоже была рѣдкой, и притомъ въ слабой ея формѣ. Лихорадки, вродѣ тифозныхъ, были частыми, особенно въ семидесятыхъ годахъ семнадцатаго вѣка; но онѣ свирѣпствовали главнымъ образомъ на сѣверѣ и не были особенно частыми въ Лондонѣ. Первые годы восемнадцатаго вѣка, до лихорадки и оспы 1710 года, были въ Лондонѣ необыкновенно здоровыми. Въ Шеффильдѣ это десятилѣтіе было первымъ со времени реставраціи, въ которое приходскіе регистры показываютъ превышеніе числа крещенія надъ числомъ погребенія, браковъ притомъ было на треть больше, чѣмъ въ послѣдніе десять лѣтъ семнадцатаго вѣка. Состояніе общественнаго здравія въ этотъ періодъ войнъ съ Людовикомъ XIV похоже на состояніе во время Наполеоновскихъ войнъ черезъ сто лѣтъ; но въ первый изъ этихъ періодовъ цѣны на пищевые продукты были низки, а во второй напротивъ высоки.

Бѣдные больные. Dispensary.

Общественная помощь бѣднымъ при ихъ болѣзни, составляющая столь замѣтный фактъ въ современной жизни, почти отсутствовала; она въ сколько нибудь замѣтной степени появляется только во второй половинѣ восемнадпатаго вѣка. Существовало, правда, много нищенскихъ домовъ, основаніе которыхъ было обычной формой бла-

тотворительности въ завѣщаніяхъ богатыхъ людей; было также нѣсколько госпиталей, т. е. убѣжищь для старыхъ и больныхъ, сохранившихся послѣ общей конфискаціи или уничтоженія средневѣковыхъ благотворительныхъ заведеній.

Въ Лондонѣ въ больницы: хирургическую и терапевтическую, были обращены два большія монастырскія учрежденія, св. Варфоломея въ Смитфильдѣ, и св. Томаса въ Боругѣ. Старый королевскій дворецъ въ Бридуэлѣ, рядомъ съ Флитъ Стритъ, временами превращался въ госпиталь для чумныхъ, кромѣ двухъ небольшихъ чумныхъ домовъ въ Финсбюри и Вестминстерѣ. Но устройство большихъ госпиталей, бывшее однимъ изъ мечтаній Мора въ его «Утопіи», не было осуществлено въ Лондонѣ съ его болѣе чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ. Въ Бристолѣ, Ньюкэстлѣ и въ другихъ городахъ въ этомъ отношеніи не было сдѣланое ничего, кромѣ только учрежденій, устраиваемыхъ на основаніи закона о бѣдныхъ. Одной изъ причинъ медленнаго развитія медицинскихъ благотворительныхъ учрежденій было то, что они почти необходимо предполагаютъ даровую службу медиковъ. Медики индивидуально проявили, можетъ быть болѣе, чѣмъ среднюю благотворительность; во всякомъ случаѣ людей этой профессіи никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ жадности. Но даровая помощь медицинскаго персонала, возведенная въ систему и требуемая закономъ, была бы аномаліей. Во время чумы 1603 года одинъ изъ лондонскихъ священниковъ выражалъ сомнѣніе относительно того, «обязаны ли по совѣсти доктора, по большей части искавшіе въ бѣгствѣ личной безопасности, оставаться ради своей профессіи и своей способности дѣлать добро на мѣстѣ или они могутъ пользоваться своей свободой и спасать, какъ они полагаютъ, свою жизнь, такъ какъ они не общественные служащіе и живутъ не жалованьемъ, а тѣмъ, что заработаютъ». Въ послѣдній годъ царствованія Іакова II былъ поднятъ вопросъ о медицинской помощи бѣднымъ въ современной его формѣ, т. е. чтобы врачъ, получавшій гинею съ богатаго, давалъ бѣдному совѣтъ и лекарство даромъ, что конечно, вредило аптекарямъ и фельдшерамъ практиковавшимъ среди бѣдныхъ. 17 іюля 1687 года коллегія врачей рѣшила, чтобы всѣ принадлежавшіе къ этой корпораціи давали даровые совѣты больнымъ въ той мѣстности, гдѣ они живутъ, въ Лондонѣ и на семь миль въ окрестностяхъ. Въ слѣдующемъ году въ вновь построенной коллегіи въ Варвикъ Лэнъ была отведена одна комната для приготовленія лекарствъ, раздаваемыхъ бѣднымъ даромъ, по предписанію врачей. Бѣдными признавались всѣ, представившіе удостовѣреніе отъ приходскаго священника. Этому проекту воспротивились аптекаря, имѣвшіе такое же корпоративное устройство, какъ и врачи, (ихъ помѣщеніе находилось у Блэкфріаровъ) и часть самой коллегіи врачей поддержала ихъ протестъ. Этотъ знаменитый

споръ осмѣянъ въ сатирѣ Гарта: Dispensary, гдѣ дѣло противъ аптекарей и поддерживавшихъ ихъ врачей разсматривалось исключительно съ личной точки зрѣнія, совершенно не касаясь экономической стороны вопроса. Такъ какъ рѣшеніе коллегіи открыто нарушалось многими изъ ея членовъ, то оно снова было принято въ 1694 году. Но въ 1696 году нашли удобнымъ отказаться отъ корпоративныхъ дѣйствій и тридцать три члена коллегіи врачей, въ томъ числѣ президентъ, высшіе чины коллегіи и многіе старшіе члены, начали изъ своихъ средствъ содержать даровую аптеку и въ виду возраженій аптекарей ввели особую таксу для бѣдныхъ. Но это учрежденіе прозябало и въ 1724 году комната въ Варвикъ-Лэнъ была предназначена для другихъ цѣлей. Бѣдные страдали въ особенности сильно во время эпидемій; какъ раньше во время чумы, они не могли платить врачамъ и за дорогія лекарства. Въ особенности жаловались на цинизмъ и жадность врачей во время сильной эпидеміи оспы въ 1710 и 1714 годахъ; но таковъ ужъ былъ общій духъ того времени въ Лондонѣ. Когда оспенная эпидемія началась въ средѣ слугъ богатыхъ и знатныхъ домовъ, то больныхъ отправляли въ частныя заведенія, содержимыя «сидѣлками», и въ срединѣ восемнадцатаго вѣка былъ открытъ первый оспенный госпиталь, главнымъ образомъ для лакеевъ и другихъ домашнихъ служащихъ богатыхъ; туда принимали по письму обязавшихся содержать этотъ госпиталь.

Военные больные и раненные.

Раньше уже было сказано объ учрежденіи Гринвичскаго госпиталя для искалѣченныхъ и раненыхъ солдатъ. Въ 1664 году была назначена коммисія для призрѣнія больныхъ и раненыхъ въ первой голландской войнѣ; она имѣла право назначать портовыхъ врачей и «располагать половиной госпиталей въ Англіи». Но не легко было въ то время найти госпитали внѣ Лондона; впрочемъ, въ этомъ году дѣйствительно для больныхъ и раненныхъ моряковъ и солдатъ отдѣлили половину госпиталя св. Томаса. Раньше уже было сказано о полномъ пренебреженіи санитарными предосторожностями въ 1689 году, въ войскахъ герцога Шомберга, въ лагерѣ подъ Дункдэлькомъ и въ зимнихъ квартирахъ въ Бельфастѣ—тогда погибла почти половина двѣнадцатитысячной арміи раньше, чѣмъ дѣло дошло до выстрѣловъ. О санитарномъ состояніи арміи въ кампаніяхъ Марльборо извѣстно мало; но Фрейндъ даетъ отчетъ о чрезмѣрно сильномъ развитіи дизинтеріи и лихорадокъ въ арміи Петерборо въ Испаніи. Только въ слѣдующемъ поколѣніи сочиненія Прингля и Монро создали науку и практику военной гигіены.

Общественная жизнь.

Батесона.

Признаки реформы.

Появленіе множества обществъ, преслѣдовавшихъ моральныя, религіозныя и филантропическія цѣли, въ царствованіе Вильгельма и Маріи доказывало широко распространенное желаніе общественныхъ реформъ. Правда, что въ 1689 также. какъ и въ 1642 году, общественныя реформы не были знаменемъ какой-нибудь партіи; но сердечный пріемъ принца Оранскаго, особенно въ Лондонскомъ Сити, отчасти объяснялся предположеніемъ, что будетъ уничтожена соціальная неурядица, свирѣпствовавшая въ два предыдущія царствованія. Городскія власти съ своимъ виггизмомъ соединяли пуританское отвращеніе къ нарушенію дня субботня, къ ругани и пьянству, и онѣ знали, что Вильгельмъ сочувствуетъ имъ въ этомъ вопросѣ. Первымъ признакомъ измѣненія политики правительства было письмо Вильгельма къ епископамъ въ 1689 году, въ которомъ онъ приказывалъ имъ публично проповѣдывать противъ содержанія куртизанокъ, противъ ругательствъ и пр. и безъ всякаго снисхожденія исполнять церковные законы [1]). Слѣдующимъ признакомъ было письмо Маріи, написанное ей въ отсутствіи короля, мировымъ судьямъ Миддльэссекса отъ 9 іюля 1691 года, гдѣ королева рекомендуетъ имъ «исполнять законы противъ нарушенія дня Господня, противъ пьянства, кощунственной божбы и ругательствъ и всѣхъ другихъ легкомысленныхъ, чудовищныхъ и преступныхъ поступковъ», распространившихся вслѣдствіе небрежности и попустительства властей. Всякій мировый судья, виновный въ таковыхъ проступкахъ, или не наказывающій ихъ, будетъ самъ наказанъ для примѣра другимъ.

Общества исправленія нравовъ.

Но вообще говоря, нравы реформировались не вслѣдствіе вліянія двора. Движеніе въ пользу соціальныхъ реформъ исходило отъ народа, а не отъ правительства. Дѣло, порученное Кромвелемъ его генералъ-маіорамъ, теперь взяли на себя свободныя общества. Названіе «общества для исправленія нравовъ» впервые встрѣчается въ 1692 году [2]), когда пять или шесть джентльменовъ, принадлежащихъ къ установленной церкви, при поддержкѣ королевы составили общество для обвиненія всѣхъ нарушавшихъ уголовные законы. Для того, чтобы не подвергаться упреку въ жадности, эти общества передавали присужденные штрафы благотворительнымъ заведеніямъ и брали подписку съ своихъ членовъ, что они будутъ уплачивать расходы обвиненія, Въ 1698 году эти общества получили новое поощреніе

---

[1]) Diary—Эвелина. 1690.

[2]) Detection—Кока; Defoe—Вильсона.

въ прокламаціи Вильгельма III противъ порока и безбожія. Распространеніе порочности во всѣхъ классахъ общества приписывалось пренебреженію властей при исполненіи законовъ; ассизнымъ и мировымъ судьямъ предписывалось читать эту прокламацію до предъявленія обвиненія, а всѣмъ священникамъ читать ее четыре раза въ годъ послѣ богослуженія.

«Poor Man's Plea»—Дефое (1698) написано было въ виду увѣренности автора, что эти новые порядки будутъ дѣйствовать только по отношенію къ бѣднякамъ. Но прокламація короля дѣйствительно имѣла нѣкоторый успѣхъ, такъ какъ въ 1699 году «нѣкоторыя знатныя лица» составили Общество для исправленія нравовъ; въ этомъ обществѣ было двадцать два человѣка изъ знати, семь судей и шесть епископовъ. Помимо преслѣдованія преступниковъ, общество устроило лекціи по вопросамъ нравственности и въ церкви въ Боу произносились время отъ времени проповѣди для разъясненія цѣлей реформаторовъ. Утверждали, что въ 1699 году это оригинальное общество добилось нѣсколькихъ тысячъ обвинительныхъ приговоровъ за ругательство, пьянство и нарушенія дня Господня.

Особое общество изъ пятидесяти членовъ, преимущественно купцовъ, занялось неприличными домами и при помощи лорда мэра и суда альдерменовъ въ Лондонѣ до 1699 года было закрыто пятьсотъ такихъ домовъ. Констэбли составили третье общество, въ Лондонѣ, Вестминстерѣ и Соутваркѣ было восемь обществъ съ подобными же задачами [1]). Въ 1699 году были такія же общества въ Лейчестерѣ, Ковентри, Шревсбюри, Гуллѣ, Тамуортѣ, Ньюкэстлѣ, Ливерпулѣ и Честерѣ; циркуляръ архіепископа Тенисона къ духовенству убѣждалъ его соединяться съ благочестивыми мірянами для того, чтобы найти способъ исправленія нравовъ.

Предполагаемое содѣйствіе церковниковъ и диссентеровъ въ этихъ обществахъ заставило архіепископа Шарпа и другихъ подозрительно и съ недовольствомъ относиться къ нимъ и Шарпъ дѣлалъ что могъ чтобы повредить имъ въ Ноттингамѣ, Іоркѣ и Карлилѣ [2]). Другіе же возражали на весь этотъ планъ реформы, какъ на неосуществимый и не практическій. Оппозиція.

Дефое въ своей поэмѣ «Исправленіе нравовъ» (1702) нападаетъ на мировыхъ судей, приставшихъ къ этимъ обществамъ, но ведущихъ дурную жизнь; но общества удержались и прокламація королевы Анны противъ порока 1703 поддержала ихъ [3]). Самъ Дефое призналъ (1706), что быстрота реформы была удивительной «въ такое время и при

---

[1]) Отчетъ объ обществахъ исправленія нравовъ 1699 г., приписываемый или Дефое или Джосіи Вудуорду.

[2]) Life of Sharp.—Ньюкома.

[3]) Manners of London—Малькольма, Observator № 92.

такихъ условіяхъ»[1]). Въ 1711 году Сахеверель проповѣдывалъ противъ доносчиковъ, называлъ ихъ дѣятельность «ханжеской претензіей» и взывалъ къ христіанскимъ добродѣтелямъ снисходительности и прощенія. На эти нападенія отвѣчалъ историкъ обществъ, Джосіа Вудуордъ. Общества, кякъ и предвидѣлъ Дефое, главнымъ образомъ преслѣдовали преступниковъ изъ низшихъ классовъ общества, для которыхъ штрафъ былъ дѣломъ весьма серьезнымъ. Въ 1759 году они преслѣдовали главнымъ образомъ торговлю по воскреснымъ днямъ[2]).

Церковныя общества.

Уже въ 1687 году Антони Горнекъ составилъ уставъ общества молодыхъ людей, принадлежащихъ къ англиканской церкви; этотъ проектъ возбудилъ недовольство; но въ качествѣ капелана Вильгельмана Горнеку все таки удалось организовать общество для религіозныхъ чтеній и для поддержки чтеній и ежедневныхъ молитвъ въ церквахъ. Въ 1699 году такихъ обществъ въ Ломдонѣ, Вестминстерѣ, Ноттингамѣ, Глочестерѣ и т. д. считалось тридцать девять, и десять въ Дублинѣ. Въ 1699 году Общество для распространенія христіанскаго знанія взяло на себя обязанность содержать благотворительныя школы и раздавать книги, предоставляя миссіонерскую дѣятельность Обществу для распространенія евангелія, учрежденному еще въ 1649 году. При Аннѣ оба эти общества процвѣтали; въ 1713 году 2250 бѣдныхъ дѣтей были устроены, какъ ученики и слуги; въ 1711 г. былъ съ разрѣшенія королевы устроенъ сборъ по домамъ для поддержанія миссій. Благодаря вліянію Томаса Брэя, дѣятельнаго работника въ обоихъ обществахъ, были устроены многія приходскія библіотеки; онѣ были одобрены и парламентомъ въ его актѣ 1709 года.

Дворъ королевы Анны.

Помимо своего вліянія какъ покровительницы различныхъ благотворительныхъ учрежденій. Анна не терпѣла при своемъ дворѣ никакихъ скандаловъ. Она обыкновенно обѣдала въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ; по свидѣтельству Бёрнета «только по воскресеньямъ и на нѣсколько часовъ вечерами она появлялась два или три раза въ недѣлю, такъ что дворъ чувствовалъ себя какъ бы покинутымъ». Въ отсуствіи королевы ея министры три раза въ недѣлю принимали посѣтителей въ часъ дня въ ея гостинной. Туда обыкновенно приходилъ повидать своихъ знакомыхъ и получить обѣдъ, чтобы не ходить въ кофейную, Свифтъ[3]).

Театры.

Королева Анна никогда не посѣщала театровъ; изрѣдка давались представленія при дворѣ[4]). Она неоднократно издавала прокламаціи противъ безнравственныхъ пьесъ, противъ допущенія за кулисы и

[1]) Revieu, III.
[2]) Малькольмъ, IV.
[3]) „Journal to Stella“—Сочиненія Свифта, III. изд. 1814.
[4]) Стрикландъ.

противъ маскированія женщинъ. Въ предшествующее царствованіе, появленіе сочиненія Іереміи Коллъера въ 1698 году повело къ преслѣдованію актера Беттертона за произнесеніе неприличныхъ выраженій, и въ 1702 году актеровъ театра Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ преслѣдовали за «произнесеніе безбожныхъ, легкомысленныхъ и безнравственныхъ выраженій»[1]). Несмотря на превосходную игру Беттертона, м-съ Барри, Брэсгирдль и позднѣе извѣстной Нанси Ольдфильдъ, театръ не особенно процвѣталъ въ царствованія Вильгельма и Анны. Когда въ 1682 году труппы Герцогская и Королевская соединились, театръ Герцога въ Дорсетъ-Гарденѣ употребляли только для обстановочныхъ пьесъ; но въ 1695 году вслѣдствіе раздоровъ между актерами труппа Беттертона открыла новый театръ въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ. Ни этотъ театръ, ни королевскій въ Дрюри Лэнъ никогда не были полны, такъ что галлерею послѣдняго открывали даромъ для слугъ [2]). Въ царствованіе Анны театры въ Дорсетъ-Гарденъ и въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ были закрыты и оставались только Дрюрилэнскій, да новый Гэймаркетскій, открытый въ 1705 году для оперныхъ представленій.

Опера.

Первая опера въ Гэймаркетскомъ театрѣ была поставлена по подпискѣ; абониментъ стоилъ полгинеи за ложу, 5 ш. за первую галлерею, 2 ш. за верхнюю, т. е. почти вдвое дороже обычныхъ цѣнъ. Въ 1707 году пѣли и итальянскіе и англійскіе пѣвцы, и первая чисто итальянская опера была поставлена только въ 1710 году. Въ этомъ году въ Англію пріѣхалъ Гендель и поставилъ своего «Ринальдо», оперу, въ которой была знаменитая арія: Lascia ch'io pianga. Знаменитыми пѣвцами того времени были м-съ Тофтсъ, пѣвшая и по итальянски, м-мъ л'Епинъ и Николини Гримальди. Въ это же время вошли въ моду концерты въ «большой залѣ» въ Іоркскомъ домѣ; въ кондитерскихъ и кофейняхъ продавались на нихъ билеты за пять шиллинговъ.

Ярмарки въ Лондонѣ.

До того времени, пока опера Генделя до извѣстной степени не произвела реформу въ драматическихъ представленіяхъ, «послѣ театра» главными разсадниками пороковъ [3]) считались Варфоломеевская и Майская армарки; въ 1703 году миддльэссекскіе Grand jury обратили вниманіе («presented») на майскую ярмарку по поводу того, что въ 1702 году тамъ произошла настоящая битва между полицейскими и пьяными солдатами; но только въ 1709 году были воспрещены балаганы на майской ярмаркѣ. Въ 1700 году хотѣли закрыть и Варфоломеевскую; лордъ мэръ и судъ алдермэновъ воспре-

---

[1]) Малькольмъ и Dict. Nat. Biog. стат. Betterton.
[2]) Малькольмъ.
[3]) Court and Society from Elizabeth to Anne—герцога Манчестера.

тили балаганы для интерлюдій, разныхъ пьесъ, комедій, картежной игры, лоттерей и музыкальныхъ собраній [1]).

Вокзалъ. Вестминстерскіе судьи въ 1698 году закрыли «ридотто» или «редутъ» въ Вокзалѣ [2]). Это былъ праздникъ на венеціанскій манеръ съ игрой въ фаро и съ другими увеселеніями, на которыя публика являлась замаскированной. Позже устроили «ridoto al fresco»; эти балы подъ открытымъ небомъ пользовались большимъ успѣхомъ. Рожеръ Коверлей, посѣтившій эти «редуты», въ качествѣ цензора нравовъ нашелъ необходимымъ высказаться противъ нравственности этихъ мѣстъ.

Пѣтушьи бои. Въ 1703 году жестокій спортъ бросанья пѣтуховъ съ связанными ногами вверхъ, чтобы поймать ихъ на копье, — спортъ, которымъ занимались въ Сити во вторникъ карнавала—былъ воспрещенъ; пѣтушьи бои были какъ и раньше любимой забавой, такъ что, напр., между обществами «лондонскихъ джентльменовъ» и «варвикширскихъ джентльменовъ» велась регулярная борьба въ этомъ спортѣ [3]).

Карты и кости. Кромѣ обложенія пошлиной въ шесть пенсовъ колоды картъ и пяти шиллинговъ на кости 10-мъ актомъ Анны, не было предпринято никакихъ серьезныхъ мѣръ противъ картежной игры. До этого акта пикетныя карты стоили только 2 ш. 6 д. дюжина, карты для фаро были нѣсколько дороже [4]). Послѣ акта Свифтъ записалъ въ свой «Журналъ къ Стеллѣ»: карты очень дороги, это разоряетъ мелкихъ игроковъ» [5]). Открытіе игорныхъ домовъ королевскимъ патентомъ было передано королевскому груму (Groom Porter) [6]); въ его домѣ часто происходили драки за игрой.

Лоттереи. Система лоттерей получила развитіе при Карлѣ II; при Вильгельмѣ на основаніи парламентскаго акта (5 Вильгельма и Маріи) въ 1694 году былъ выпущенъ государственный лотерейный заемъ въ милліонъ фунтовъ, по 10 фунтовъ билетъ. Послѣ 1699 года государственныя лоттереи были воспрещены парламентскимъ актомъ; но въ 1710—11 годахъ снова возстановлены; были выпущены два займа въ полтора милліона. Выпустили 150,000 билетовъ по 10 фунтовъ; «капиталъ погашался постепенно, парламентъ назначилъ девять процентовъ на 32 года; этотъ процентъ дѣлился слѣдующимъ образомъ: каждогодно въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ 3750 билетовъ выигрывали отъ 5 фунтовъ до 1.000, остальные билеты пустые, и каждый владѣлецъ пустого билета получалъ 14 ш. въ теченіе 32 лѣтъ» [7]).

---

1) Малькольмъ.
2) Ibid.
3) Idid.
4) Аштонъ,
5) „Сочиненія“, I.
6) Малькольмъ.
7) History of Lotteries—Аштона.

Продажа имущества частныхъ лицъ обыкновенно производилась посредствомъ лоттереи, а не аукціона; было много недозволенныхъ лоттерей подъ видомъ страхованія, и только актомъ 1712 года обѣ эти формы спекуляціи были воспрещены. Въ 1708 году было основано «Дружеское общество» (Taylors' Friendly Society) для страхованія жизни дѣтей и взрослыхъ [1]). Газетныя объявленія того времени доказываютъ, что уже начался періодъ спекуляцій.

Въ царствованіе королевы Анны, въ 1695 году появляется первая ежедневная газета Post Boy; но она просуществовала не долго. Daily Courant 1702 года печатался только на одной сторонѣ страницы въ четырнадцать дюймовъ длины на восемь ширины. На нѣкоторыхъ изъ маленькихъ листковъ оставляли бѣлую страницу, чтобы лондонцы могли писать своимъ знакомымъ въ провинцію и посылать за туже почтовую таксу и газетныя извѣстія [2]) «Лондонская газета», цѣна 1 д., была «самая достовѣрная и осторожная» [3]) и въ ней изъ всѣхъ еженедѣльныхъ газетъ было кое что, кромѣ краткихъ сообщеній о засѣданіяхъ парламента. Иностранныя извѣстія заимствовались изъ заграничныхъ газетъ; въ большинствѣ газетъ, кромѣ этихъ двухъ отдѣловъ, помѣщались только сообщенія о плаваніи кораблей и о взятіи призовъ [4]). Газеты.

Въ 1689 году появились Weekly Memorials, или отчеты о вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ, съ литературными обозрѣніями. Observator, Review—Дефое и Rehearsal 1704 г. подготовили путь для Tatler, 1709 г., Spectator, 1711 г. и Guardian 1713 года. Вліяніе эссеистовъ не только на литературу, но и на общество было большимъ. Tatler имѣлъ задачей «не только оживлять нравственность умомъ, но и вывести читателя изъ отчаяннаго состоянія порочности и безумія, овладѣвшихъ вѣкомъ». По словамъ Гэя, Стиль былъ первымъ, доказавшимъ, что «въ пользу брака можно сказать кое что умное, и что набожность и добродѣтель тоже необходимы на что нибудь изящному джентлмену». Онъ сдѣлалъ «ученость любезной и пріятной; онъ сдѣлалъ ее пріятной гостьей за чайнымъ столомъ и въ собраніяхъ» [5]). Эссеи.

Никому не бываетъ тяжело разстаться съ привычнымъ безуміемъ, когда всѣ надъ этимъ безуміемъ смѣются.

Въ 1712 году выходъ безчисленныхъ газетъ и альманаховъ былъ нѣсколько ограниченъ гербовой пошлиной въ полпенни за поллиста и налогомъ въ шиллингъ съ каждаго объявленія. Въ кофейняхъ за плату 1 д. можно было читать пятьдесятъ пять еженедѣльныхъ га-

---

1) Малькольмъ. Social life—Аштона.
2) Flying Post и News Letter—Даука, 1695—96 г. Lit. Anecd.—Никольса.
3) Travels in England—Миссона.
4) Аштонъ.
5) Character of Steele (1729)—Гэя, цит. въ Essays—Дрэка.

зетъ, ежедневную газету Votes of Parliament и модныя газеты эссеистовъ [1]).

Кофейни и клубы.

Нѣкоторыя изъ кофеенъ давно уже были мѣстами собранія для той или другой политической партіи и ихъ трудно отличить отъ клубовъ [2]). Полититическіе клубы, вродѣ торійскаго «Октября» или вигскаго Kitcat, собирались въ тавернахъ, первый въ Вестминстерѣ, второй въ Страндѣ. Лѣтомъ вигскій клубъ обѣдалъ въ Гампстидѣ и катался по Уэль Уалькъ (Well Walk).

Въ «Журналѣ къ Стеллѣ» Свифтъ отмѣчаетъ появленіе грубыхъ Дойлейскихъ салфетокъ (Дойлей былъ главный изъ торговцевъ льняными тканями) съ бахрамой, эти салфетки клались на столъ при послѣобѣденной выпивкѣ. Въ «Правилахъ вѣжливости» 1703 года, переведенныхъ съ французскаго для модныхъ людей, читателя убѣждаютъ не вытирать ножей и вилокъ о хлѣбъ или скатерть, а о салфетку. У стола ставили тазъ для вымыванія ножей и вилокъ; «нѣкоторые бываютъ столь причудливы, что не ѣдятъ одной ложкой двухъ блюдъ». Читателя убѣждаютъ также не ковырять за столомъ зубы ножичкомъ или вилкой [3]).

Обѣдать постепенно стали позже; обыкновенно обѣдали въ три часа. Свѣтскій человѣкъ утромъ пилъ шоколатъ, а часа черезъ два зеленый чай. Въ сатирѣ на купцовъ говорится, что они встаютъ до шести часовъ, посѣщаютъ утреню, до восьми выпиваютъ полпинты сладкаго вина (Sack) и немножко настойки; послѣ девяти пьютъ чай и курятъ [4]). Ужинъ былъ довольно скудный, ужинали послѣ восьми часовъ [5]).

Честефильдъ, описывая обычаи времени королевы Анны, разсказываетъ, что «всякая свѣтская дама держитъ то, что называется «день», т. е. пріемъ ея знакомыхъ обоего пола, безъ картъ, чаепитія и другихъ развлеченій. Такимъ образомъ на часъ встрѣчаются изящные джентльмены и лэди» [6]).

Обычными были и воскресные визиты; вмѣсто оставленія карточекъ посылали слугъ спрашивать о здоровьи (How do ye?). Во время болѣзни Свифта онъ принялъ множество этихъ How dees [7]).

Парки.

Соперникомъ Ринга, моднаго мѣста встрѣчи на прогулкѣ, былъ «Молль» въ С.-Джемскомъ паркѣ, гдѣ сходились пѣшкомъ всѣ видные общественные люди. Вслѣдствіе дурного поведенія маскирован-

---

[1]) Миссонъ. Въ 1796 г. было девять еженедѣльныхъ газетъ (Никольсъ), въ 1709 уже 55 (Малькольмъ).

[2]) Аштонъ.

[3]) Цит. въ изданіи Бюльбринга „Compleat Gentleman“—Дефое.

[4]) Малькольмъ.

[5]) Anecdotes—Спенса.

[6]) Queen Anne—Стангона.

[7]) „Works“—(изд. 1814). Малькольмъ.

ныхъ дамъ, катавшихся по Рингу въ наемныхъ каретахъ, маскированіе было запрещено и паркъ въ 1695 году былъ закрытъ для извощичьихъ каретъ, а въ 1712 и для одноконныхъ «шэзовъ». Продажа спирта и эля тамъ тоже была воспрещена. Въ хорошую погоду тамъ бывало по двѣсти или триста каретъ, ѣдущихъ очень тихо, чтобы лэди и джентльмены могли раскланиваться и разговаривать. Въ 1699 году построили сторожку, чтобы не пускать на дорогу пѣшеходовъ; ростъ Кенсигтона заставилъ обратить вниманіе на опасности пути между Гайдъ-Паркомъ и Найтсбриджемъ. Вильгельмъ III купилъ Ноттингамъ Гоузъ и сдѣлалъ его своимъ дворцомъ и тогда была исправлена и освѣщена 300 фонарями дорога чрезъ Гринъ и Гайдъ Парки, соединявшая С.-Джемсъ и Кенсингтонъ [1]).

Пути сообщенія. Почта.

Извощичьихъ каретъ въ Лондонѣ считали въ 1694 году 700, а въ 1710—800; по воскресеньямъ разрѣшалось выѣзжать только немногимъ. Такса была опредѣлена въ шиллингъ за полторы мили. Въ 1711 году было разрѣшено 200 седанскихъ «шезовъ» по таксѣ въ шиллингъ за милю. И въ тѣхъ и въ другихъ каретахъ обыкновенно стеколъ не было; движеніе по улицамъ было не особенно удобно, такъ какъ улицы были вымощены острыми камнями. Лодки перевозчиковъ были съ подушками и въ дурную погоду надъ кормой ставили навѣсы изъ парусины [2]); но переѣздъ по рѣкѣ былъ непріятенъ благодаря грубости лодочниковъ. Знатные люди имѣли свои лодки и одѣвали своихъ лодочниковъ въ ливреи.

Въ 1700 году почтовая такса въ Лондонѣ была удвоена и въ радіусѣ десяти миль отъ главной почтовой конторы пенни платилъ отправитель письма, а другое пенни получающій. Пакеты ниже фунта вѣсомъ оплачивались по той же таксѣ. Въ Лондонѣ была главная контора этой почты въ Бишопсгэтъ Стритѣ и пять отдѣленій; письма принимались въ 500 лавкахъ и кофейняхъ, гдѣ ихъ собирали каждый часъ. Повей, неудачный прожектеръ, составилъ проектъ полукопеечной почты, но ему не разрѣшили устроить ее. Въ 1710 году почтовое дѣло въ цѣломъ королевствѣ было преобразовано парламентскимъ статутомъ; за одиночное (single) письмо взимали 3 д. за разстояніе меньше восьмидесяти миль, и 4 д. за это разстояніе въ любое мѣсто Англіи; въ Эдинбургъ и въ Дублинъ 6 д., а оттуда по разстоянію. Эта реформа почты была вызвана Уніей съ Шотландіей. Еженедѣльно изъ доходовъ почты брали по 700 фунтовъ на военные расходы. Провинціальная почта отходила изъ Лондона только три раза въ недѣлю, такъ что почта получалась черезъ день. Въ Валисъ и въ Ирландію почта приходила и отходила только два раза въ недѣлю; приходъ ирландской почты былъ неправильнымъ, это зависѣло

---

1) London Parks—Ларвуда. State of England—Чамберлейна.

2) Travels in England—Миссона,

отъ вѣтровъ. Станціи придворная и флитская получали почту ежедневно, за исключеніемъ воскресенья, когда вообще почта не работала. Почта должна была ходить 120 миль въ сутки [1]).

Пакетъ-боты. Пакетъ-боты для перевозки заграничной почты служили также и для перевозки пассажировъ. Проѣздъ мелду Кале и Дувромъ въ 1686 году стоилъ 5 ш. [2]); за пользованіе каютой мастера приплачивали 5 ш., да столько же выходило на уплату клеркамъ, таможеннымъ, осмотрщикамъ, водянымъ смотрителямъ (Water-bailiffs) и лодочникамъ въ Дуврѣ и Кале [3]). Продолжительность переѣзда зависѣла, конечно, отъ вѣтровъ. Во время войны служба пакетъ-ботовъ была, конечно, неправильной, такъ какъ эти боты занимались преслѣдованіемъ призовъ [4]) и при томъ возили товары, что подвергало ихъ риску. Капитанамъ былъ отданъ приказъ во время битвы съ приватерами, въ томъ случаѣ, когда борьба оказывалась безполезной, выбрасывать почтовые тюки [5]). Были построены нѣкоторые новые быстроходные пакетъ-боты; надѣялись, что они будутъ въ состояніи уходить отъ нападенія; но оказалось, что они сидятъ такъ низко въ водѣ, что подвергаются опасности затонуть. Въ мирное время изъ Дувра въ Кале три пакетъ-бота ходили по вторникамъ и пятницамъ, если позволялъ вѣтеръ; два ходило изъ Фальмута въ Корунну черезъ двѣ недѣли, два изъ Дувра въ Ньюпортъ во Фландріи по вторникамъ и субботамъ, три изъ Гарвича въ Гельвётслюи по средамъ и субботамъ, три изъ Голигида въ Дублинъ по понедѣльникамъ и четвергамъ и одинъ еженедѣльно изъ Донаггэди въ Портъ Патрикъ (въ Уигтоуниширѣ). Во время войны почта во Францію, Испанію и Фландрію не отправлялась, и пять ботовъ переводили на Гарвичскую линію, открывалась также линія отъ Фальмута до Лисабона съ пятью ботами, въ 160 тоннъ каждый, съ тридцатью пяти человѣками экипажа и четырнадцатью пушками; почта по этой линіи въ 1712 году ходило еженедѣльно. Почтовое сообщеніе съ Вестъ Индіей было открыто въ 1710 году, почта отходила въ концѣ каждаго мѣсяца по четвергамъ. На основаніи акта 1710 года было установлено почтовое сообщеніе съ Нью-Іоркомъ, гдѣ была учреждена главная почтовая контора [6]). Всѣ, кто только могъ, переѣзжали проливъ на королевскихъ яхтахъ, правильно крейсировавшихъ въ царствованіе Вильгельма и Анны, а при Гановерской династіи переплывавшихъ проливъ часто. Иногда частныя лица нанимали для переѣзда корабль,

---

1) State of England (1711)—Чамберлейна.
2) Gemelli. Collection of Voyages—Чёрчиля. См, Camden Miscellany.
3) Въ 1663 г. Скиппонъ.
4) Treasury Papers, 1697. т. XLVIII о призахъ, взятыхъ по пути отъ Фальмута до Корунны.
5) Her Majesty's Mails—Левинса.
6) Treasury Papers, LXX. State of England, (1711)—Чамберлейна.

какъ сдѣлала напр., лэди Мэри Вортлей Монтэгю, заплатившая пять гиней, чтобы избѣжать ночного переѣзда. Пропустившіе пакетъ-ботъ и не могшіе нанять отдѣльнаго корабля подвергались всѣмъ неудобствамъ ожиданія.

Карлъ II, обладавшій большими свѣдѣніями въ плаваніи на парусныхъ судахъ, ввелъ въ Англію голландскую яхту и по его примѣру въ свѣтскомъ обществѣ развился интересъ къ скороходнымъ судамъ. Въ 1665 году Карлъ и герцогъ Іоркскій устроили на своихъ яхтахъ, построенныхъ братьями Петтъ, гонку. Сначала на яхтахъ было мало удобствъ и за королевской яхтой шли баржа и кухонный ботъ [1]); когда Пепису пришлось разъ ночевать на яхтѣ, онъ спалъ въ каютѣ на подушкахъ. Яхты.

Когда яхтъ выстроили много, богатые люди и ихъ друзья переѣзжали въ нихъ чрезъ проливъ. Свифтъ ѣхалъ на корабль, чтобы совершить переѣздъ на континентъ, на яхтѣ вице короля, ходившей между Голигидомъ и Дублиномъ [2]).

Путешественники обыкновенно пользовались путеводителемъ Миссона (Instructions to travellers—1696) и Аддисонъ при своемъ путешествіи по Италіи хвалитъ точность этого путеводителя. Но война дѣлала путешествія въ теченіе почти всего этого періода почти невозможными. Чаще всего путешествовали по Италіи. Миссонъ рекомендуетъ путешествовать въ одиночку или небольшими компаніями, такъ какъ на дорогѣ удобствъ для большого количества людей найти было нельзя; онъ рекомендуетъ возить съ собой если не постели, то по крайней мѣрѣ постельное бѣлье, а также небольшую желѣзную машинку для запиранія дверей. Багажъ путешественника долженъ заключаться въ одномъ портманто. Поспортъ, говоритъ онъ, хотя и полезенъ, но не необходимъ [3]). Путешествія.

Миссонъ рекомендуетъ путешественникамъ по долгу жить въ одномъ мѣстѣ, панимать лакеевъ, курьеровъ, и переводчиковъ и одѣвать ихъ въ ливреи. Онъ даетъ свѣдѣнія, позволяющія путешественнику составлять свой собственный путеводитель, исправлять дорожники и карты, такъ какъ въ то время путешественникъ былъ скорѣе изслѣдователемъ, чѣмъ простымъ туристомъ. Къ концу этого періода многихъ молодыхъ людей изъ хорошихъ семей отправляли въ Ганноверъ къ двору.

Иностранные путешественники въ Англіи хвалятъ удобные пути сообщенія. Въ 1713 году дилижансы (Flying Coaches) въ шесть лошадей дѣлали отъ 90 до 100 миль въ день; такса была отъ 2 до 3 д. за милю. Изъ Лондона въ Кольчестеръ можно было доѣхать въ Путешествія по Англіи.

---

1) Эвелинъ—1 октября 1665 г. Дневникъ Пеписа, 17 сентября 1665 г.
2) Journal to Stella, 2 сент. 1710 г.
3) Letters—Болинброка. За паспортъ было заплачено 6 ф., но это было исключеніемъ.

одинъ день, въ Герефордъ въ полтора. Поѣздка въ Батъ стоила 1 ш. Дилижансы по большей части ѣздили только до вечера, а ночевали въ гостинницахъ. Чамберлейнъ въ своемъ сочиненіи: «Положеніе Англіи» (1711 года), говоритъ, что число разбойниковъ уменьшилось со времени прокламаціи Маріи, обѣщавшей 40 ф. за взятіе каждаго разбойника.

Въ царствованіе Вильгельма и Анны было проведено нѣсколько статутовъ для распространенія системы заставъ въ графствахъ, сосѣднихъ съ Лондономъ. Въ царствованіе Вильгельма была опредѣлена ширина дорогъ. 8-мъ и 9-мъ актами Вильгельма III мировымъ судьямъ повелѣвалось устраивать станціи проводниковъ на перекресткахъ дорогъ подъ опасеніемъ штрафа; судьи уполномочивались собираться на спеціальныя засѣданія для улучшенія путей сообщенія. Четвертныя сессіи могли дѣлать раскладки сборовъ для ихъ исправленія.

Старались воспретить перевозчикамъ тяжестей ѣздить въ шесть или болѣе лошадей въ упряжкѣ. Актъ Карла II по этому предмету не исполнялся; но издали новые законы, ограничивающіе упряжку восемью лошадями по два у дышла. Въ царствованіе Анны разрѣшалось ѣздить только шестеркой, за исключеніемъ горъ. Несмотря на всѣ эти законодательныя мѣры зимой ѣздить можно было только по главнымъ дорогамъ. Несмотря, однако, на трудности путешествія многіе изъ богатыхъ провинціальныхъ дворянъ съ семьями посѣщали Лондонъ во время сезона, отъ октября по май, а лѣтомъ зажиточные люди ради здоровья или развлеченія ѣздили на воды.

Воды. Немногіе изъ путешественниковъ отправлялись въ Aix-la-Chapelle [1]), дворъ довольствовался Ипсомомъ и Батомъ [2]), Іоркширцы, вродѣ Торесби, посѣщали воды (Spaw Courses) при Квэрри-Гилль въ Лидсѣ; купальня въ Букстонѣ была исправлена въ 1705 году герцогомъ Девонширскимъ. Лондонцы посѣщали заведеніе Садлера, Нью Тунбриджъ Уэльсъ, близь Ислингтона, или пили воды въ самомъ городѣ. Тунбриджъ былъ менѣе въ модѣ, чѣмъ прежде и посѣщался только «жирными лэди изъ Сити въ яркомъ атласѣ» [3]). Модной была турецкая баня въ Лондонѣ, стоившая пять шиллинговъ; немногіе защищали пользу холодныхъ ваннъ.

Послѣ посѣщенія Бата королей Анной въ 1703 году городъ этотъ процвѣлъ; подъ управленіемъ Наша (Beau Nash) репутація его купаній быстро увеличивалась; безпорядки и грязь, господствовавшіе тамъ въ прежнія царствованія, были устранены. Чтобы устранить грубые танцы въ балаганахъ, Нашъ устроилъ балы по подпискѣ въ

---

[1]) Defoe—Вильсона.

[2]) Swift—Крэйка.

[3]) 1703 г. Атласъ былъ дешевая шелковая матерія. См. Tunbridgialia—Каустона.

городской ратушѣ (Тоунъ-Голь) и завелъ ассамблеи съ цѣлымъ кодексомъ правилъ и строгимъ этикетомъ. Самъ Нашъ открывалъ балъ въ шесть часовъ минуэтомъ и чрезъ два часа начинались танцы. Въ одиннадцать часовъ онъ останавливалъ оркестръ и не позволялъ болѣе ни одного танца, хотябы объ этомъ просила принцесса. Онъ представлялъ гостей, предупреждалъ молодыхъ особъ противъ «beaus» и авантюристовъ вродѣ его самого; не позволялъ курить и носить шпаги. Мужчины не допускались танцовать въ сапогахъ, а дамы въ передникахъ, джентльменъ не долженъ былъ являться предъ дамали въ халатѣ и въ ночномъ колпакѣ. Нашъ собралъ по подпискѣ 18.000 ф. для исправленія дорогъ вблизи Бата. До него помѣщенія были дороги, но страшно грязны и плохо меблированы [1]).

Введеніе въ дома раскрывающихся стеклянныхъ рамъ, пропускавшихъ много свѣта, повело къ желанію имѣть украшенія и красивую мебель. Ковры замѣнились бѣленьемъ стѣнъ или обоями [2]). Употребленіе чая ввело китайскія чашки и чайники; любовь королевы Маріи къ коллекціямъ китайскихъ украшеній сдѣлала ихъ модными. Мѣна китайскаго фарфора на поношенныя дамскія платья была спеціальной отраслью торговли [3]); въ 1724 году Дефое писалъ, что фарфоръ громоздили на полкахъ шкаповъ, конторокъ, на каминахъ, и по стѣнамъ до самаго потолка на нарочно сдѣланныхъ для этого полкахъ [4]). Популярностью пользовалась также и англійская посуда, производимая въ Вокзалѣ, Ламбетѣ или Фульгамѣ [5]). Меблировка.

Королева Марія ввела въ моду ситцы и индѣйскія бумажныя ткани; въ царствованіе Анны вошло въ употребленіе множество сортовъ этихъ тканей съ восточными названіями [6]). *Женскій костюмъ.*

Корсажъ вообще дѣлался съ кружевами, широкими на груди и съуживающимися у таліи. Гладкія юбки вышли изъ моды; по бокамъ юбокъ дѣлались мелкія складочки. Назади кусокъ сукна образовалъ panier, спереди носили передники, обыкновенно зеленаго цвѣта. Платья въ бедрахъ были такъ широки, что требовался для поддержанія ихъ обручъ, какъ у фижмъ. Въ 1709 году въ Spectator было напечатано:

«Юбки начали тяжелѣть и надуваться, а съ тѣхъ поръ, какъ вы покинули насъ, онѣ превратились въ громаднѣйшіе шары и съ каждымъ днемъ становятся все больше и больше».

Въ 1710 году начали носить обручи. Для выхода изъ дому надѣ-

---

1) Gentlemans's, Magazine, 1762 г.

2) Аштонъ, Чемберлейнъ.

3) Малькольмъ. Ср. Свифтъ.

4) Tour—Дефое.

5) Аштонъ. О кухонной посудѣ см. Letters — лэди Монтэгю; о горшечныхъ товарахъ ст. Lover—Аддисона.

6) Списокъ ихъ у Аштона.

вали мѣховую «мантуа» и капоръ. Величина головного убора, бывшаго громаднымъ, когда женщины носили fontange или «коммодъ», состоявшій изъ нахрамленныхъ и гофрированныхъ брыжжей, одни надъ другими, что было преувеличеніемъ головного убора французской бонны, нѣсколько уменьшилась. Сзади такого сооруженія были кружева и банты изъ нихъ, что называлось «Head». При вечернемъ костюмѣ носили длинные локоны; одинъ изъ нихъ падалъ черезъ плечо спереди, какъ это видно на портретахъ королевы Анны. Дамы носили деревянныя галоши.

Мужской костюмъ.

Длинные сюртуки временъ Карла II сдѣлались нѣсколько короче и уже; фалды сзади висѣли прямо и поддерживались китовымъ усомъ или другими какими способами [1]). Жилетъ былъ еще настолько длиненъ, что доходилъ до колѣнъ, до чулокъ. Сюртуки и жилеты были вышиты [2]), особенно изящно вышивались петли. Вообще носили жилетъ «Calamanco», изъ шолковаго сатина и изъ полушерстяной матеріи, затканный какъ парча съ одной стороны. Обшлага сюртука были широкіе и квадратные. Послѣ битвы при Стейнкиркѣ вмѣсто бѣлой атласной косынки начали носить «Стейнкиркъ», т. е. черный галстухъ; шляпы были разнообразны, но всѣ съ загнутыми полями; перья носили только военные. Носили шпаги и палки; въ 1701 году было воспрещено носить шпаги только однимъ слугамъ [3]).

Парикъ въ той или другой изъ его формъ былъ теперь общей принадлежностью костюма не только свѣтскихъ людей, но и купцовъ [4]). Кромѣ полнаго или параднаго парика было множество его формъ для ежедневнаго ношенія, вродѣ напр. bob-wig и рамильи или tiewig. Королева пришла въ негодованіе, когда Болинброкъ однажды явился къ ней парикѣ «рамильи»; «я полагаю, сказала она, что на слѣдующій разъ его свѣтлость явится ко двору въ ночномъ колпакѣ». Парадный парикъ стоилъ не менѣе 60 ф. [5]); Свифтъ заплатилъ за свой парикъ три гинеи [6]). Парадные парики пудрились и душились; франты иногда рисковали показываться въ бѣлокурыхъ какъ ленъ парикахъ. Утромъ мужчины носили на своихъ бритыхъ головахъ ночные колпаки; они носили также халаты, иногда очень изящные. Въ одномъ объявленіи говорится о пропажѣ халата изъ желтаго съ цвѣтами сатина на сатиновой же подкладкѣ вишневаго цвѣта. Бородъ и усовъ не носили, но брились не особенно часто. Свифтъ часто отмѣчаетъ день бритья какъ нѣкоторое событіе. Куренье вы-

---

[1]) Spectator № 145.
[2]) Свифтъ—„Works“, III.
[3]) Малькольмъ.
[4]) Аштонъ. На гравюрѣ изображены печатники за работой въ кудрявыхъ парикахъ.
[5]) Hatton Corresp. Camden Society, 1699.
[6]) „Works“, III.

шло изъ моды; его замѣнило нюханье. Изящная табатерка была необходимой принадлежностью для франтовъ.

Бѣдные люди тоже начинали носить сюртуки и жилеты; но лодочники на Темзѣ, да и всѣ люди низшихъ классовъ, продолжали носить короткіе камзолы изъ грубаго сукна или drugget.

Разрывъ съ Франціей породилъ въ Англіи грубость манеръ. Остроуміе и грація не цѣнились такъ, какъ въ царствованіе Карла II; Марія и Анна не унаслѣдовали отъ Стюартовъ ихъ граціи. Обѣ онѣ въ ихъ отношеніяхъ къ низшимъ были благовоспитанными дамами, но не обладали личными прелестями. Ихъ добрыя качества проявлялись въ семейномъ кругу, а не въ гостинной; Анна въ гостинной не умѣла разговаривать и часто отъ нервозности грызла кончикъ своего вѣера. Въ свѣтскомъ обществѣ успѣхъ обезпечивался политическими партійными убѣжденіями, а не благовоспитаннымъ цинизмомъ, считающимъ себя выше всякой политики. Свѣтское общество впервые было раздѣлено на два отдѣльныхъ политическихъ міра; люди, не принадлежавшіе ни къ одной партіи, не имѣли мѣста въ обществѣ. Манеры.

Эвелинъ въ письмѣ къ Пепису въ 1689 году находитъ, что англичанамъ надо еще многому учиться у французовъ, какъ то вѣжливости уступать мѣсто, умѣнью входить и выходить, прощаться, салоннымъ разговорамъ и другимъ кавалерственнымъ отношеніямъ съ женщинами. Итальянцы и испанцы безконечно много превосходятъ насъ въ этомъ приличномъ воспитаніи. Я часто замѣчалъ, что знатныя дамы заставляютъ насъ прибѣгать къ возгласу: о, Боже, madame! когда намъ нечего сказать и отвѣтить имъ».

По мѣрѣ увеличенія интереса къ политикѣ полы все болѣе и болѣе раздѣлялись въ общественной жизни. Это, вѣроятно, обусловливалось степенью образованія женщинъ. Свифтъ въ письмѣ къ молодой дамѣ [1]), недавно вышедшей замужъ, принимаетъ за несомнѣнное, что она не умѣетъ правильно произносить слова и громко читать. Онъ совѣтуетъ ей заняться этимъ и полагаетъ, что она можетъ исправить свою орфографію, списывая мѣста изъ книгъ. Ей нечего бояться, что ее сочтутъ ученой, потому что ей не удастся дойти въ учености даже до школьника.

Образованіе женщинъ и домашнее воспитаніе.

Но въ это время уже начали обращать вниманіе на образованіе дѣвушекъ. Однако, когда Мэри Астель въ 1694 году издала свое «Серьезное предложеніе» объ учрежденіи коллегіи или монастыря для дѣвушекъ въ которомъ было бы обращено вниманіе на ихъ образованіе и ихъ приготовляли бы къ житейскимъ обязанностямъ, Бёрнетъ возражалъ на томъ основаніи, будто предлагавшіе этотъ

---

[1]) „Works". Ср. также Essay on the Education of Ladies.

планъ имѣютъ склонность къ католицизму, хотя Мэри Астель была усердной церковницей.

Что касается до домашняго воспитанія, то можно отмѣтить, что капеланы, поведеніе которыхъ возбуждало жалобы, въ это время начинаютъ уже рѣдко встрѣчаться въ домахъ знати. Они всегда считались въ числѣ слугъ и до десерта должны были выходить изъ за стола [1]). Сношенія съ Франціей во время войны были прерваны, такъ что обыкновенно держали французскихъ гувернеровъ изъ изгнанниковъ, а также туторовъ для обученія латинскому и греческому, а иногда и географіи и исторіи. Бёрнетъ сильно отстаивалъ занятія географіей и исторіей и полагалъ, что мальчиковъ, проявляющихъ непобѣдимое отвращеніе къ латинскому языку, слѣдуетъ учить естественнымъ наукамъ. Въ качествѣ тутора маленькаго герцога Глочестера онъ имѣлъ возможность осуществить свои теоріи на практикѣ, и очень усердно занимался съ своимъ воспитанникомъ религіозными вопросами и географіей, такъ что тотъ прекрасно изучилъ всѣ карты; туторъ объяснялъ ему подробно о формѣ правительства въ разныхъ странахъ, разсказывалъ о всѣхъ великихъ переворотахъ, о «готической конституціи», о бенефиціарныхъ и феодальныхъ законахъ, когда герцогу было всего одиннадцать лѣтъ.

Говоря о провинціальномъ дворянствѣ, Бёрнетъ замѣчаетъ: «они хуже образованы и наименѣе свѣдущи изъ всѣхъ людей ихъ класса, какихъ я знавалъ. Послѣ того какъ они забудутъ свой катехизисъ, они пріобрѣтаютъ знанія развѣ только изъ комедій, да романовъ». Онъ говоритъ, что многихъ изъ нихъ сбиваютъ съ толку въ университетахъ, гдѣ ихъ учатъ только презрѣнію ко всѣмъ отказавшимся отъ церкви. Онъ жалуется на варварскій обычай, требующій для чести дома, чтобы ни одинъ изъ гостей не выходилъ изъ него трезвымъ.

Коммонёровъ въ провинціи Бёрнеръ считаетъ глубоко невѣжественными въ религіозныхъ вопросахъ, за исключеніемъ диссентеровъ, получающихъ лучшее образованіе. Невѣжество не уменьшается оттого, что благотворительныя общества раздаютъ множество дешевыхъ книжечекъ. Торговые классы «лучшіе во всей націи, великодушные, трезвые и милосердные; люди въ провинціи настолько заняты своими дѣлами, что они совсѣмъ нерелигіозны; но въ нашихъ городахъ настроеніе много лучше, тамъ больше знанія, болѣе ревности къ религіи, болѣе милосердія и гораздо болѣе набожности».

При этомъ Бернетъ прибавляетъ, что многіе изъ горожанъ, страдая отъ недостатка физическихъ упражненій, преисполнены мрака и меланхоліи и ихъ религія представляетъ для нихъ не источникъ радости, а источникъ грусти.

---

[1]) Tatler, 255. Guardian, 173. Баллада „Learned Ladies“.

Шотландія.

Кольвиля.

Къ этому періоду относится самое важное событіе въ исторіи шотландскаго народа, то органическое измѣненіе въ его судьбахъ, которое объединило парламенты двухъ родственныхъ странъ. Къ этому привелъ цѣлый рядъ событій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ. Во время революціи мрачныя банды вооруженныхъ жителей нижней Шотландіи, въ ихъ плэдахъ, подкарауливали какъ офиціальныхъ виговъ конвента, такъ и запятнанныхъ кровью въ дни преслѣдованій Торіевъ. Епископы еще открывали митинги молитвой, чтобы изгнанникъ, любимецъ небесъ, овладѣлъ сердцами своихъ друзей и растопталъ своихъ недруговъ. Но парламентъ уже уничтожилъ прелатство и разгнѣванная чернь при закрытіи парламента освистала епископовъ. Для защиты дурного дѣла глава реакціонеровъ, Дунди, привлекъ всѣ худшіе и безпорядочные элементы общества. Его геройская смерть отъ шальной пули при Килликранки спасла его репутацію, запятнанную службой деспотизму. Чрезъ два года вѣчный вопросъ о горной Шотландіи снова проявился трагическимъ событіемъ въ орошенныхъ кровью снѣгахъ Гленкое, гдѣ вигскій администраторъ Дальримпль попробовалъ сыграть старую роялистскую игру. Теперь цѣль была болѣе извинительной и средства не болѣе грубыя, но въ Англіи власть принадлежала не Тайному королевскому Совѣту, а свободному парламенту. Парламентская оппозиція заставила королевскую коммисію заняться дѣломъ Гленкое. Уже одно то, что теперь это было возможно, было признакомъ наступавшихъ лучшихъ временъ. Побѣда парламента, выразившаяся уничтоженіемъ Лордовъ Статей (Lords of Articles—постоянный комитетъ въ Шотландіи) и отставкой вицекороля Дальримпля, сдѣлала необходимой парламентскую Унію. Вопросъ усложнялся религіозными и экономическими затрудненіями. Епископалы, недовольные и дерзкіе, и пресвитеріане, нетерпимые и подозрительные, ненавидѣли другъ друга. Къ сѣверу отъ Тея первые были еще всемогущи. Въ шотландскомъ Ульстерѣ, въ нижней Шотландіи, боролись между собой крайніе и умѣренные. Еще болѣе укоренились раздоры экономическіе. Англійская промышленность еще страдала отъ ревнивой исключительности. Планъ эксплоатаціи Даріенскаго перешейка былъ указаніемъ на пробудившуюся въ Шотландіи промышленную энергію, но онъ оказался промышленнымъ Флодденомъ; общественныя слѣдствія котораго были болѣе важны, чѣмъ слѣдствія битвы при Флодденѣ. Тлѣющее пламя народнаго недовольства усердно раздувалось патріотизмомъ якобитовъ, такъ что Унія и долго откладывалась и под- Унія 1707 года.

вергалась серьезной опасности. Но изгнанные Стюарты никогда не пользовались никакимъ вліяніемъ въ шотландскомъ народѣ, кромѣ того вліянія на національную жизнь, какое всегда даетъ погибшему дѣлу романтическій ореолъ, окружающій невозвратное прошлое.

Комиссія, обсуждавшая вопросъ объ Уніи, была распущена въ 1703 году въ виду отказа Англіи дать Шотландіи равныя торговыя привиллегіи. Бывшая слѣдствіемъ этого борьба вызвала съ одной стороны «актъ о гарантіи» (Act of Security), исключавшій изъ шотландскаго престолонаслѣдія наслѣдника англійскаго престола, а съ другой Alien Act, отказавшій шотландцамъ въ правахъ англійскихъ гражданъ. Но англійскіе виги скоро поняли, что Унія необходима для обезпеченія устроенія, созданнаго революціей. Отмѣна непріятнаго Alien Act'а подготовила путь къ возобновленію переговоровъ. Молодая партія патріотовъ, предводительствуемая Флетчеромъ изъ Сальтоуна, желала свободнаго парламента и стояла за федеральную Унію, но голоса умѣренныхъ виговъ обезпечили назначеніе комиссаровъ; результатомъ ихъ засѣданій, происходившихъ въ 1706 году, и была «Унія инкорпораціи», на основаніи свободной торговли и однообразнаго обложенія. Королевскій комиссаръ 1 мая 1707 года коснулся королевскимъ скипетромъ этого акта объ уніи и такимъ образомъ старыя шотландскія штаты (сословный парламентъ) прекратилъ свое существованіе. Унія объединила парламенты и фискальную систему обѣихъ странъ, дополнила шотландскую судебную систему высшимъ англійскимъ аппеляціоннымъ судомъ и гарантировала независимость національной церкви статьей въ коронаціонной присягѣ.

Общественныя измѣненія во время уніи.

Послѣ 1707 года политическая исторія Шотландіи становится менѣе интересной, но за то увеличивается интересъ ея соціальной исторіи. Положеніе шотландскихъ членовъ палаты общинъ, ихъ изолированность, ихъ духъ землячества, ихъ непріятное упорство въ качествѣ оппозиціи—все это гораздо менѣе важно, чѣмъ устроеніе церкви и то объединеніе націй въ обычаяхъ, культурѣ и промышленной дѣятельности, которое было послѣдствіемъ Уніи. Революція отнюдь не удовлетворила пресвитеріанъ. Крайніе продолжали упорно держаться ковенанта, сдѣлавшагося анахронизмомъ. Епископалы, въ глубинѣ души измѣнники и якобиты, ненавидѣли и Унію и революцію. Король не любилъ свободнаго общаго собранія кирки, къ которому народъ былъ привязанъ, какъ къ послѣднему изъ своихъ учрежденій. Но всѣ эти разнородные элементы были примирены и кирка мирно устроилась, пока притокъ южанъ, занявшихъ новыя административныя и фискальныя должности, не заставилъ ввести сложный ритуалъ, одинаково чужный какъ пресвитеріанамъ, такъ и епископаламъ сѣвера. Произошло много инцидентовъ, возбуждавшихъ въ то время вниманіе и породившихъ разныя непріятности. Клятва

отреченія (Abjuration Oath) сдѣлала многихъ изъ неприсягнувшихъ тайными измѣнниками. Пресвитеріане съ другой стороны, оставаясь вѣрными Уніи, видѣли въ введеніи новаго ритуала вторженіе папизма, а въ коронаціонной присягѣ и правахъ духовныхъ перовъ опасность и оскорбленіе для пресвитеріанской церкви. Торійская реакція, связанная съ Болинброкомъ и съ дѣломъ Сахевереля, отразилась и въ Шотландіи; она имѣла слѣдствіемъ знаменитыя мѣры 1712 года, терпимость по отношенію къ епископату и возстановленіе патронатства; обѣ эти мѣры имѣли большое вліяніе на послѣдующую жизнь націи. Нѣкоторыя изъ слѣдствій Уніи были временно вредны для общественной жизни Шотландіи. Новая фискальская система, чуждая и незнакомая народу, была чрезвычайно непопулярна и породила промышленную измѣну, еще болѣе вредную, чѣмъ политическая. Поддержка недозволенной торговли считалась дѣломъ патріотическимъ; не одобрять ее значило быть холопомъ и шпіономъ Англіи. Даже благонамѣренные шотландцы полагали, что обманъ англійскихъ таможенъ представляетъ нѣкоторое вознагражденіе за неудачу Даріенскаго предпріятія.

Промышленность.

Пробужденіе промышленной энергіи повело къ учрежденію Шотландскаго банка (1695) и Африканской компаніи (1698—70). Ничего подобнаго не было въ Шотландіи со дней юности Іакова VI. Даже волненія во времена Кромвеля не были неблагопріятными для дѣлъ, такъ какъ въ то время страна пользовалась свободой торговли. Но реставрація убила всякую энергію, кромѣ энергіи преслѣдованія. Революція дала толчекъ предпріимчивости, а Унія помогла ея развитію. Но приходилось бороться съ значительными затрудненіями. Въ теченіе трехъ вѣковъ притязанія Англіи на сюзеренную власть задерживали развитіе Шотландіи; за этимъ послѣдовалъ вѣкъ протеста противъ англійскаго вмѣшательства въ дѣла національной церкви. Исторія восемнадцатаго вѣка для Шотландіи была исторіей послѣдней борьбы изъ за участія въ имперскомъ расширеніи и въ имперской торговлѣ. Торговыя компаніи, разрѣшенныя шотландскимъ парламентомъ (1695), начали эту борьбу. Шотландецъ изъ Лондона Вилльямъ Патерсонъ былъ піонеромъ, онъ основалъ африканскую компанію, лопнувшую послѣ своего несчастнаго Даріенскаго предпріятія. Этотъ планъ охватилъ всю націю, точно манія. Энтузіазмъ къ нему напоминалъ энтузіазмъ, съ которымъ когда то подписывали національный ковенантъ. Въ этомъ же году при помощи Голланда, англійскаго купца, былъ основанъ Шотландскій банкъ. Его операціи ограничивались только Эдинбургомъ, потому что у провинціальныхъ торговцевъ капиталы были такъ ничтожны, что банковыя операціи съ ними были невозможны. Дефое свидѣтельствуетъ, что золотой монеты въ обращеніи совсѣмъ не было, за исключеніемъ немногимъ монетъ, хранимыхъ какъ рѣдкость. Общеупотребительной монетой

была серебряная, такъ что даже деньги называли «силлеръ» (серебро). Мѣдь была плохая; когда въ 1738 году ее изъяли изъ обращенія, ее почти уже и не было. Часто жаловались на недостатокъ мелкой монеты. Но теперь многое дѣлалось для развитія естественныхъ рессурсовъ страны. Въ особенности господствовало преувеличенное представленіе о минеральныхъ богатствахъ. Голландцы продолжали еще владѣть всѣми выгодами морскихъ рыбныхъ ловель, къ негодованію Дефое и всѣхъ патріотовъ. Но еще болѣе вреда приносило шотландцамъ позорное отношеніе къ соляному промыслу. Хищническое уничтоженіе семги уничтожило старый источникъ богатства. Торговля Галловея скотомъ увеличивалась, такъ что подавали петиціи о новыхъ дорогахъ для регулированія этой торговли. Важнымъ фактомъ было также появленіе рынковъ на границѣ горной Шотландіи. Маккай расказываетъ о большой ярмаркѣ для торговли скотомъ, которую онъ видѣлъ въ Криффѣ, вскорѣ послѣ Уніи. Вмѣшательство правительства въ дѣла промышленности и торговли было вреднымъ и мѣшающимъ. Торговля съ Франціей прекратилась, вслѣдствіе чего ввозъ винъ былъ ограниченъ и это произвело измѣненіе національныхъ привычекъ. У югозападнаго берега былъ постановленъ кордонъ, чтобы препятствовать ввозу изъ Ирландіи. Въ 1701 году, черезъ три года послѣ голодныхъ лѣтъ, было приказано топить въ морѣ весь хлѣбъ, привозимый изъ Ирландіи. Тоже безуміе повело къ воспрещенію ввоза предметовъ роскоши, чтобы удержать деньги въ странѣ. Туземная промышленность развивалась очень медленно. Вывозъ шерсти и кожъ былъ воспрещенъ, но послѣ 1707 года шерстянное ткачество было задавлено ввозомъ англійскихъ товаровъ. Промышленность прозябала до развитія производства, сравнительно недавняго, шотланки, тартановъ и ковровъ. Единственной крупной отраслью шерстянной промышленности было производство чулочное, созданное и поддерживаемое предпріимчивостью абердинскихъ капиталистовъ. Въ другой стороны процвѣтающей и развивающейся промышленностью было производство ляньныхъ тканей. Въ этомъ періодѣ изъ числа новыхъ отраслей промышленности установились стеклянная въ Лейтѣ, бумажная въ Уотеръ на Лейтѣ и въ Каткартѣ, и рафинадная—сахарная въ Гласко. Здѣсь послѣ 1707 году развилось также разведеніе табаку. До сихъ поръ въ Шотландіи мало курили, предпочитали нюханье, Мореръ расказываетъ, что многіе предпочитали лучше поститься, чѣмъ отказаться отъ понюшки (Sneeshin) табаку, по большой части очень грубаго, высушеннаго на солнцѣ и перемалываемаго маленькой карманной машинкой. Во всякомъ случаѣ несмотря на то, что Даріенская компанія пользовалась голландскими кораблями, оживленная контрабандная торговля и успѣхъ добровольныхъ сборовъ на углубленіе гаваней доказываютъ, что торговля начала развиваться.

Положеніе страны.

Король Вильгельмъ не былъ популяренъ въ Шотландіи не вслѣдствіе только дѣла Гленкое и Даріенскаго предпріятія, а и по другимъ причинамъ. О послѣднихъ годахъ его царствованія долго послѣ вспоминали, какъ о голодныхъ годахъ. Никогда раньше страна не страдала такъ отъ голода и чумы. Цѣлая армія несчастныхъ, численностью, какъ увѣряютъ, въ двѣсти тысячъ человѣкъ, продуктъ хроническаго разоренія и нѣсколькихъ подрядъ случившихся неурожаевъ, жила трудами своихъ обѣднѣвшихъ сосѣдей. Флетчеръ изъ Сальтоуна, знакомый съ положеніемъ угольщиковъ въ восточномъ Лотіанѣ, рекомендовалъ возвращеніе къ крѣпостному праву—и его предложеніе никого не возмутило. Частный Совѣтъ издавна уже привыкъ поощрять промышленность и уничтожать бродяжество посредствомъ конфискацій труда пауперовъ за пищу и одежду. Бурги въ теченіи голодныхъ лѣтъ заботились о своей защитѣ отъ этихъ подонковъ общества. Были назначены констэбли для веденія записей бѣдныхъ въ городѣ и для «заботы о томъ, чтобы освободить городъ отъ нихъ и изгнать изъ него всѣхъ бродягъ». Капитаны кораблей, уходящихъ въ Америку, съ охотой забирали бѣдныхъ для отвоза ихъ въ колоніи; купцы вели оживленную торговлю людьми, освобожденными изъ тюремъ, для отвоза ихъ туда же. Флетчеръ совѣтывалъ подарить Венеціи для службы на галерахъ противъ мавровъ худшихъ изъ бездѣльниковъ, называемыхъ jockies. Для поощренія медицинской науки сумашедшихъ начали поручать заботѣ и укрощенію медиковъ. Многочисленнымъ шарлатанамъ позволяли устраивать на улицахъ лавочки для медицинской практики и пробовать ихъ новыя средства на бѣднякахъ. Но вліяніе Гарвея и Сиденгама проникаетъ и въ Шотландію, Андрью Бальфуръ (1630—94) вводитъ анатомированіе, Андрью Броунъ посѣтилъ Сиденгама и обучался у него (1687). Въ 1691 году онъ получилъ разрѣшеніе напечатать отчетъ о новомъ леченіи лихорадокъ. Начали прибѣгать къ леченію козьимъ молокомъ и деревенскимъ воздухомъ. Въ 1699 году Георгъ Тернбулъ, священникъ въ Аллоа, отправился для такого леченья въ Аберфойль и онъ даетъ намъ интересную картину общественной жизни въ странѣ Макгрегоровъ предъ появленіемъ Робъ-Роя. Извѣстія распространялись медленно посредствомъ кофеенъ и газетъ. Ихъ распространенію много мѣшали и правительственное вмѣшательство и отсутствіе дорогъ и мостовъ. Дѣлались попытки установить почтовое сообщеніе. Предъ Уніей почта начала уже окупать издержки, но кромѣ лошадиной почты между Бервикомъ и Эдинбургомъ, письма перевозились спеціальными курьерами и пѣшими. До революціи въ Эдинбургѣ появились извощичьи экипажи, но до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе увеличенія города разстоянія не сдѣлались очень большими, предпочитали носилки. Уличные носильщики (caddies) составляли оригинальную особенность шотландскихъ городовъ. Правила

1714 года предписывали имъ, продавцамъ газетъ, цвѣтовъ, факельщикамъ и разсыльнымъ носить голубые полотняные передники. Начинали сказываться и измѣненія модъ; послѣ революціи исчезъ цехъ производителей шапокъ и ихъ замѣнили производители шляпъ, къ концу періода была учреждена новая корпорація цирюльниковъ-парикмахеровъ, такъ какъ «стало болѣе слышно объ искусствѣ бритья и дѣланья париковъ».

Нравы и обычаи.

Въ общественной жизни существовали два совершенно отдѣльныя теченія: виговъ-пресвитеріанъ и якобитовъ-епископаловъ. Первые являлись наслѣдниками серьезнаго пуританства временъ ковенанта а вторые слѣдовали традиціямъ реставраціи. Якобиты проявляли свой патріотизмъ и свои принципы въ общественныхъ кутежахъ, въ подражаніе сборищамъ въ Ранелагѣ и Вокзалѣ. Таверны замѣняли кофейни. Тамъ днемъ доктора и адвокаты сходились съ своими кліентами; умники и бездѣльники послѣ скромнаго ужина и небольшой выпивки при звукахъ десятичасового барабана медленно шли по узкимъ переулкамъ и плохо освѣщеннымъ улицамъ къ себѣ домой въ какую нибудь грязную меблировку, молча вспоминая о даромъ пропавшемъ днѣ. Только въ немногихъ домахъ были приличныя гостинныя, не служившія спальнями. Обѣдъ не представлялъ повода для общественныхъ сношеній, а чайныхъ столовъ или «четырехъ часовъ» шотландцы еще не знали.

Берегъ Лейта былъ мѣстомъ занятій спортомъ; такъ и по дорогѣ туда происходили конскія ристалища и пѣтушьи бои. Ближе къ дому занимались старыми развлеченіями, вродѣ тенниса, игры въ мячь, стрѣльбы изъ лука, и такими новшествами, какъ ассамблеи, концерты и театральныя представленія. Народная масса болѣе чѣмъ когда либо отличалась серьезностью нравовъ того суроваго типа, который изображенъ въ «Davie Deans». Глава семейства сидѣлъ за столомъ отдѣльно и въ шапкѣ и рѣдко присоединялся къ общему разговору молодежи. Никогда исторія Шотландіи не была такъ богата яркими красками, такимъ разнообразіемъ интересовъ, и никогда она такъ живо не обрисовывалась, какъ въ стихахъ Аллэна Рамсэя и въ остроумныхъ и мѣткихъ замѣчаніяхъ Морера, Макая и Дефое.

Культура.

Увеличеніе послѣ 1707 года вліянія Англіи быстро измѣнило не только нравы, но и образованіе. Въ концѣ періода начинается то литературное возрожденіе, въ которомъ «Evergreen» Рамсэя играло такую же выдающуюся роль, какъ «Reliques» Перси въ началѣ романтическаго направленія. Якобитское настроеніе и сатира открыли новое поприще для народной пѣсни. Серьезная проза имѣетъ двухъ солидныхъ представителей, Лейгтона и Бёрнета. Современники преклонялись предъ Питкэрномъ, легкимъ остроумцемъ въ духѣ Горація. Два Грегори были популяризаторами Ньютоновской философіи. Давидъ Грегори (1661—1708) былъ первымъ шотландцемъ, взявшимъ

приступомъ заколдованную крѣпость оксфордскаго университета, гдѣ онъ былъ профессоромъ въ 1692 году. Рёддиманъ возродилъ эрудицію Буханана, сочиненія котораго онъ издалъ. Но наиболѣе важнымъ событіемъ этого періода были похвальныя старанія пресвитеріанской церкви въ 1696 году устроить начальныя школы, какъ долгъ всякаго прихода. Но въ большихъ и рѣдко населенныхъ приходахъ этотъ актъ не исполнялся.

Ирландія.

Жойса.

Считають, что во времена Карла II въ Ирландіи католиковъ, какъ старыхъ ирландцевъ, такъ и старыхъ англичанъ, было 800,000; нонкорфомистовъ, въ томъ числѣ и пресвитеріанъ—200,000, и принадлежащихъ къ установленной церкви 100,000. Одной изъ первыхъ мѣръ Карла было возстановленіе установленной церкви въ Ирландіи; пресвитеріанъ на основаніи акта объ единовѣріи подвергали сильнымъ преслѣдованіямъ, чтобы принудить ихъ подчиниться установленной церкви. Они сопротивлялись рѣшительно, но большинство, не желая подвергаться ужаснымъ религіознымъ преслѣдованіямъ, распродало имущества и эмигрировало въ Новую Англію. Въ это время къ католикамъ благодаря вмѣшательству короля относились благосклонно. Но это было не надолго; заговоръ Тита Отса въ Англіи (1678) возбудилъ подозрительность и враждебность правительства. Противъ католиковъ издавали одну прокламацію за другой и для нихъ началось время страданій. Въ это то время, когда королевство находилось подъ впечатлѣніемъ заговора Тита Отса, Оливеръ Плункетъ, католическій архіепископъ Армага, былъ судимъ въ Лондонѣ и казненъ на основаніи ложнаго показанія.

Война въ Ирландіи.

Страхъ, возбужденный въ протестантахъ воцареніемъ Іакова II, еще болѣе увеличился, когда начали принимать мѣры для возстановленія католицизма. Графъ Тирконнель, католикъ, былъ назначенъ командиромъ войскъ въ Ирландіи и тотчасъ же приступилъ къ обезоруженію протестантской милиціи, къ назначенію офицерами католиковъ и къ передачѣ католикамъ многихъ важныхъ должностей. Его назначеніе намѣстникомъ (лордомъ лейтенантомъ) произвело настоящую панику; среди разныхъ слуховъ и паники Вильгельмъ Оранскій въ ноябрѣ 1688 года появился въ Англіи, гдѣ его немедленно же признали королемъ; но за Ирландію ему пришлось бороться.

Тирконнель продолжалъ захватывать главныя укрѣпленныя мѣста страны, но протестанты въ Ульстерѣ, ободренные событіями въ Англіи, готовились къ сопротивленію; жители Эннискиллена и Дерри закрыли ворота и отказались впустить якобитовъ. Іаковъ тотчасъ же по прибытіи Вильгельма въ Англію убѣжалъ во Францію, но вскорѣ появился въ Ирландіи съ нѣсколькими французскими и ирландскими офицерами. Среди послѣднихъ былъ и Патрикъ Сарсфильдъ, впослѣдствіи графъ Луканъ. Войска якобитовъ осадили Дерри, но встрѣтили упорное сопротивленіе. Нѣсколько попытокъ взять городъ приступомъ были отбиты, наконецъ осаждающіе рѣшились обложить городъ. Они окружили его совершенно на сушѣ, а доступъ въ городъ по водѣ былъ прегражденъ цѣпью, протянутой чрезъ рѣку ниже города. Несмотря на всѣ лишенія, храбрый гарнизонъ рѣшительно оставался на своемъ посту и наконецъ три корабля съ провіантомъ, плывя по рѣкѣ на всѣхъ парусахъ, прорвались чрезъ цѣпь и 31 іюля 1689 года освободили городъ, послѣ осады, продолжавшейся 105 дней.

Таково было первое дѣйствіе борьбы; второе произошло при Боинѣ. Король Вильгельмъ съ герцогомъ Шомбергомъ заняли позицію на сѣверномъ берегу рѣки, съ арміей въ сорокъ тысячъ человѣкъ; на южномъ берегу Іаковъ расположилъ свою двадцатишеститысячную армію, состоявшую главнымъ образомъ изъ рекрутъ, плохо дисциплинированныхъ и плохо вооруженныхъ. Во главѣ этой арміи былъ трусливый и нерѣшительный король, тогда какъ враждебная армія находилась подъ предводительствомъ Вильгельма, одного изъ лучшихъ генераловъ своего времени. Несмотря на это, ирландцы въ теченіе цѣлаго дня, 1 іюля 1690 года, храбро держались и когда, наконецъ, были вынуждены отступить, они въ порядкѣ отступили къ югу. Храбрый старый Шомбергъ былъ убитъ, когда онъ во главѣ своего отряда переправлялся чрезъ рѣку. Король Іаковъ убѣжалъ съ поля битвы до конца сраженія и прямо отправился во Францію.

Ирландцы сосредоточили свои силы въ Лимерикѣ. Король Вильгельмъ сталъ лагеремъ предъ стѣнами этого города съ двадцатишеститысячной арміей, защитниковъ города было почти столько же, но они были плохо вооружены. Началась новая знаменитая осада. Изъ Дублина шелъ большой обозъ артиллеріи и аммуниціи, но Сарсфильдъ смѣлой вылазкой перехватилъ и разбилъ конвой и взорвалъ весь обозъ. Король, получивъ вновь артиллерію, сдѣлалъ брешь въ стѣнѣ и чрезъ нее въ городъ ворвался отрядъ, поддерживаемый десятитысячнымъ арріергардомъ. Но осажденные рѣшительно сопротивлялись, въ битвѣ приняли участіе всѣ горожане, даже женщины, вооруженные всѣмъ, что попалось подъ руки. Среди этой рѣзни взорвалась батарея и уничтожила цѣлый полкъ Вильгельма. Эта ожесточенная рукопашная продолжалась четыре часа и,

наконецъ, осаждавшіе въ безпорядкѣ удалились чрезъ брешь. Они потеряли болѣе 2,000 человѣкъ; Вильгельмъ въ виду неудачи 31 августа снялъ осаду и возратился въ Англію, поручивъ команду генералу Гинкелю.

Въ слѣдующемъ, 1691, году Гинкель осадилъ Атлонъ; сначала онъ былъ отбитъ, но вскорѣ взялъ этотъ городъ. Послѣ этого ирландская армія подъ начальствомъ французскаго генерала С. Рута отступила къ деревнѣ Аугримъ въ Гальвеѣ, гдѣ на нее и напалъ Гинкель. Сначала въ битвѣ имѣли успѣхъ ирландцы, но къ вечеру С. Рутъ былъ убитъ и ирландцы потерпѣли пораженіе. Послѣдняя борьба произошла въ Лимерикѣ, гдѣ Сарсфильдъ съ большимъ упорствомъ защищался противъ Гинкеля. Но обѣ стороны желали прекращенія войны; согласились на условіяхъ сдачи и подписали ихъ. Договоръ этотъ былъ въ послѣдствіи подтвержденъ Вильгельмомъ.

Лимерикскій договоръ

Главныя условія этого Лимерикскаго договора были слѣдующія: католики должны пользоваться той же религіозной свободой, какой они пользовались при Карлѣ II; отъ нихъ не должны требовать присяги о признаніи главенства короля надъ церковью (Oath of Supremacy). Гарнизонъ получалъ почетныя условія и всѣ, желавшіе уѣхать изъ Ирландіи, перевозились даромъ на англійскихъ корабляхъ. Въ силу этого послѣдняго условія Сарсфильдъ и больше двадцати тысячъ изъ его арміи удалилися въ Брестъ и поступили на службу Франціи. Они составили ядро ирландской бригады, впослѣдствіи неоднократно отличавшейся въ континентальныхъ войнахъ.

Тогда то началась новая конфискація, послѣдняя изъ длиннаго ряда конфискацій, начавшихся съ воцаренія Маріи. Они охватили почти весь островъ; нѣкоторые округа конфисковались два или даже три раза. Въ концѣ концовъ только седьмая часть земли въ Ирландіи осталась въ рукахъ католиковъ.

Протестанты и католики

Небольшое протестантское населеніе Ирландіи имѣло теперь въ своихъ рукахъ все управленіе страной; оно владѣло большой частью земли и занимало почти всѣ вліятельныя положенія. Чтобы обезпечить за собой и своими потомками такое привиллегированное положеніе, оно создало безпримѣрное законодательство, имѣвшее главной цѣлью подавленіе католиковъ и искорененіе католической религіи; нѣкоторыя изъ этихъ законодательныхъ мѣръ впослѣдствіи были направлены противъ диссентеровъ, въ особенности пресвитеріанъ. До конца семнадцатаго вѣка было принято много уголовныхъ законовъ противъ ирландцевъ, но они не были послѣдовательными и по различнымъ причинамъ не всегда приводились въ исполненіе. Но въ теченіе почти ста лѣтъ, начиная съ 1695 года, появился цѣлый рядъ ужасныхъ законовъ, направленныхъ спеціально противъ католиковъ, и эти законы исполнялись, поскольку для правительства было возможно исполнять ихъ. Главныя опредѣленія этого

уголовнего кодекса, включая и раньше существованія, а также «актъ о папизмѣ» (Popery Act) королевы Анны и немногіе акты Георга II, слѣдующія:

Уголовные законы.

Въ 1695 году англійскій парламентъ, совершенно игнорируя существованіе ирландскаго, провелъ актъ, уничтожавшій для Ирландіи присягу о суприматіи, но замѣнившій ее гораздо худшей, а именно требованіемъ отъ всѣхъ членовъ парламента, отъ епископовъ, отъ правительственныхъ чиновниковъ, отъ всѣхъ профессіональныхъ людей, клятвы отреченія (Oath of Abjuration) — т. е. отреченія и отрицанія существенныхъ догмъ католической религіи.

Такая мѣра, если бы можно было привести ее въ исполненіе, лишила бы католиковъ возможности занять какое либо положеніе въ гражданской и военной службѣ. Въ томъ же году собрался ирландскій парламентъ и въ двѣ сессіи 1695 и 96 годовъ провелъ рядъ актовъ, завершавшихъ начатое англійскимъ парламентомъ дѣло и бывшихъ явныхъ нарушеніемъ лимерикскаго договора. Почти всѣ послѣдующіе уголовные законы были дѣломъ ирландскаго парламента.

Учителямъ католикамъ было воспрещено учить, какъ въ школахъ, такъ и въ частныхъ домахъ; родителямъ было воспрещено посылать своихъ дѣтей учиться заграницу, такъ что на основаніи закона католики были лишены всякаго образованія. Существовавшее католическое приходское духовенство было переписано и должно было представить ручательство въ хорошемъ поведеніи. Всѣ другіе духовные всѣхъ ранговъ—епископы, іезуиты, фріары, монахи и все «регулярное» духовенство, должны были оставить королевство; предложены были награды за открытіе оставшихся, причемъ деньги на это собирались съ католиковъ; возвратившіеся духовные считались виновными въ государственной измѣнѣ и подвергались смертной казни. Всѣ были обязаны по воскресеньямъ посѣщать протестантское богослуженіе подъ страхомъ уплаты штрафа въ одинъ шиллингъ (болѣе десяти шиллинговъ на наши деньги). Священникъ, принявшій протестантство, получалъ 30 фунтовъ пенсіи; въ католическихъ церквахъ воспрещались колокольни и колокола. Всѣ католики за очень немногими исключеніями должны быть обезоружены; власти имѣли право врываться въ дома католиковъ, чтобы искать оружіе. Если у католика была дорогая лошадь, всякій протестантъ могъ взять ее, заплативъ владѣльцу 5 фунтовъ. Если старшій сынъ католика принималъ протестантство, онъ получалъ землю отца; если принималъ протестантство не старшій сынъ, ему назначался опекуномъ протестантъ и отецъ долженъ былъ платить всѣ издержки по опекѣ. Никто не могъ сдѣлаться адвокатомъ, если онъ не былъ протестантомъ съ четырнадцатилѣтняго возраста. Ни одинъ католикъ не могъ ни купить, ни наслѣдовать по завѣщанію землю, не могъ

также и арендовать ее болѣе, чѣмъ на тридцать одинъ годъ. Католики были лишены права голоса при всѣхъ выборахъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій, особенно Test Act (требующій принятія причащенія по ритуалу англиканской церкви, какъ условія избираемости на всѣ должности) были примѣнимы и къ пресвитеріанамъ въ Ульстерѣ, выдержавшимъ сильныя, хотя и непродолжительныя, преслѣдованія. Но ихъ страданія были ничто по сравненію съ страданіями католиковъ.

Эти законы были дѣломъ только правящихъ классовъ; большинство протестантовъ, какъ ирландцевъ, такъ и англичанъ, въ нихъ не были повинны. Наоборотъ, совѣсть протестантской массы въ Ирландіи возмущалась противъ нихъ и это обстоятельство до значительной степени смягчало суровость законовъ; извѣстно множество случаевъ, когда протестанты фиктивно покупали собственность ихъ сосѣдей католиковъ и сохраняли ее добросовѣстно въ теченіи многихъ поколѣній, тайно передавая имъ доходы, пока смягченіе законовъ не позволило имъ передать владѣльцамъ и землю и документы на нее. Извѣстно также и множество примѣровъ тайной защиты католиковъ ихъ протестантскими сосѣдями отъ прямыхъ религіозныхъ преслѣдованій.

Ограничительныя мѣры относительно торговли и промышленности.

Всѣ эти уголовные законы относились главнымъ образомъ къ католикамъ и въ значительно меньшей степени къ пресвитеріанамъ. Но былъ и другой уголовный кодексъ, относившійся ко всему населенію Ирландіи—это рядъ актовъ, принятыхъ съ цѣлью уничтоженія ирландской промышленности и торговли. Эти акты непосредственно тяготѣли надъ протестантами и вредили имъ еще болѣе, чѣмъ католикамъ, такъ какъ послѣдніе были настолько подавлены, что едва могли существовать. Эти ограниченія были вызваны завистью и эгоистичностью англійскихъ купцовъ, промышленниковъ и скотоводовъ, которые для своего обогащенія погубили ирландскую промышленность и разорили ирландскій народъ. Большинство такихъ мѣръ было дѣломъ англійскаго парламента, но нѣкоторыя изъ худшихъ были приняты ирландскимъ парламентовъ по приказанію изъ Англіи.

Вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ мѣръ этого зловреднаго законодательства: въ 1663 и 1666 годахъ были приняты нѣкоторыя поправки къ навигаціонному акту 1660 года, на основаніи которыхъ былъ воспрещенъ всякій вывозъ изъ Ирландіи въ колоніи, а также вывозъ скота въ Англію. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такой мѣры была страшная нищета въ Ирландіи, такъ какъ народъ не находилъ рынковъ для своихъ продуктовъ. Шерстяная промышленность нѣсколько поправилась послѣ мѣръ Уэнтворта и начала было развиваться. Тогда англійскіе промышленники просили у короля Вильгельма принять мѣры для ея подавленія и онъ отвѣтилъ обѣщаніемъ

не поощрять ирландскую шерстяную промышленность, которая вредила англійскимъ фабрикантамъ, и поддерживать промышленность Англіи. На этотъ разъ орудіемъ былъ ирландскій парламентъ; по приказанію англійскихъ властей онъ обложилъ запретительной пошлиной вывозъ ирландской шерсти и ирландскихъ шерстяныхъ тканей и этимъ были осуществлены всѣ желанія англійскихъ фабрикантовъ: шерстянная промышленностх Ирландіи была разорена и ирландцы обнищали. Около сорока тысячь прилежныхъ и процвѣтавшихъ рабочихъ протестантовъ и, конечно, много и не протестантовъ были выброшены на улицы, оставшись безъ работы и двадцать тысячь изъ нихъ эммигрировали въ Новую Англію. Другимъ слѣдствіемъ было громадное развитіе контрабанды, главнымъ образомъ съ Франціей, какъ вывозимыхъ (главнымъ образомъ шерсти), такъ и ввозимыхъ товаровъ; въ этомъ промыслѣ участвовали люди всѣхъ общественнічхъ классовъ и принадлежавшіе ко всѣмъ религіямъ; промыселъ процвѣталъ въ теченіе многихъ поколѣній, несмотря на всѣ старанія правительства. Впослѣдствіи парламентскіе акты погубили почти всѣ отрасли ирландской промышленности—железную и цинковую, производство пороха, шляпъ, шолку, бумажныхъ тканей, пива, солода и т. д.

Всегда бываетъ трудно и часто невозможно возродить уничтоженную промышленность; когда чрезъ долгое время всѣ ограниченія были отмѣнены, было уже слишкомъ поздно.

ИСТОЧНИКИ—1689—1714.

Общая исторія.

О конституціонной исторіи см. Галлама и Law and Custom of Constitution—Ансона. Внутренняя исторія царствованія Вильгельма соч. Маколея, Бёрнета и Лекки. Лучшая книга о европейскомъ значеніи революціи и объ иностранной политикѣ послѣ 1688 г. „Исторія Англіи“—Ранке. О царствованіи Анны сочиненія Wyon, Стангона и Бёртона. См. также Life of Peterborough—Парнеля, Life of Godolphin—Элліота. Лучшіе образцы партійной литературы того времени Hist. of Last Four Years of Queen Annés Reign—Свифта и Conduct of Allies. Для пониманія эпохи необходимы Letters—Болинброка. О значеній англійской иностранной политики во время войны за Испанское наслѣдство „Исторія Франціи“—Мэртена, La Coalition of de 1701—Курси и Influence, of Sea Power on Hist.—Мэгэна.

Спеціальные предметы.

Финансы. Журналы парламента и замѣтки о дебатахъ, депеши L'Hermitage къ Гнеральнымъ Штатамъ Голландіи и депеши Бонне (у Ранке въ „Исторіи Англіи“), Brief Historic. Relation—Нарциса Люттреля, Hist.

of His Own times—Бёрнета, Ways und Means—Давенанта, Diary—Эвелина, Tables—Гоугтона (у Торольда Рожерса—Hist. of First Nine Years of Bank of Engl.). Масса современныхъ памфлетовъ и газетъ о торговой и финансовой исторіи этого времени. Многіе изъ нихъ въ Collection of State Tracts. Кромѣ „Исторій“ Маколея и Ран е см. Engl. Industry and Commerce—Куннингама, Hist. of Taxes and Taxation—Доуэля, East India Company—Брюса, Annals of Coinage—Рёдинга, Hist. of Prices, v—Торольда Рожерса и First Nine Years—его-же.

Религія. Сочиненія Бакстера и Буніана Hist. of his own Times—Бёрнета, Lives—Уальтона и мемуары церковниковъ того времени. См. „Исторіи“ Маколея и Ранке.

Военное дѣло Hist. of. British Standing Army—Уальтона, Life and Letters Marlborough—Мюррея, Біографіи Марльборо—Кокса, Алисона и Уолслея; Systems of Camp Discipline — Кэка, Campaign in Spanish Netherlands—Д'Оверня.

Флотъ. См. гл. XIV.

Законодательство, архитектура и искусство, наука, промышленность, общественное здравіе—см. гл. XV.

Литература, см. гл. XV. Essay ou Addison—Маколея, English Humourists—Теккерея, Life of Swift—Крэйка, Life of Steele—Айткена, Монографіи въ Engl. Men of Letters и въ Great Writers.

Общественная жизнь. Diary, Correspondence—Эвелина, Corresp.—Пеписа, History of his Own Times—Бёрнета, State of Engl.—Чамберлейна, Anecdotes—Спенса, Anecdotes—Сьюарда, Sociat Life, History of Lotteries—Аштона, Learned Womene—Бэлларда. Court and Society from Ebizabeth to Anne—герцога Манчестера, Eighteenth Century—Андрьюса, Travels—Миссона, Travels—ле Блянкя, сочиненія Аддисона, Дефое, Попа, Свифта, Letters—леди Мери. Уортлей Монтэгю, Life of Swift—Крэйка, Memoirs of Life and Times of Defoe—Уильсона, Life of Defoe—Райта, Defoe's Life and Recently Discovered Writings—Ли, Works—Томаса Броуна, Esmond—Таккерея, Guardian, Observator, Review, Spectator, Tatler. Manners of London—Малькольма, Trivia—Гая, London Spy, Court Life. Iesse, Court after Revolution—Уарда, Queen Ann—Стангопа, Queens of England—Стрикланда, St. Iames Palace—Шепперда, Detection of Court und State of England—Кока.

Шотландія. Lockhart Papers, Caldwell Papers; Discourses on Public Affairs—Флетчера изъ Сальтоуна, Analecta—Удроу, Life of Peden—Патрика Уолькера, Caledonia—a Poem и Hist. of Union—Дефое. Western Isles и St. Kilda—Мартена, Life und Times — посѣщеніе въ Эдинбургъ 1709 г.—Эдмунда Калами, Journey Through Scotland, 1723—Маккая (онъ былъ ганноверскимъ тайнымъ агентомъ). Tour through Great Britain, 1724—27.—Дефое (очень рѣдкое, о Шотландіи 3 письма въ III томѣ. 5-е изданіе (1753), которое обыкновенно цитируютъ, компиляція).

Ирландія 1661—1714. Ireland from Restoration to Revolution—Прендергаста, „Исторіи“—Магеогана, Макъ-Ги, Митчеля и Райта. Two Centuries of Irish Hist.—изд. Брайса, Two Chapters of Irish History—Дёнбара Ингрэма, Commercial Restraints of Ireland—Гётчинсона, English Interference with Irish Industries—Свифта Макъ Нейлля, Hist. of Irish Brigade—О'Калагана.
